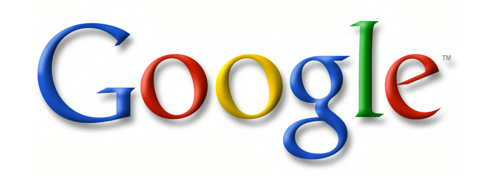

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

КРАМСКОЙ

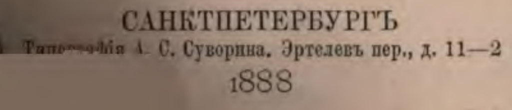
ЕГО ЖИЗНЬ, ПЕРЕПИСКА И ХУДОЖЕСТВЕННО-КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

1837—1887

ИЗДАЛЪ

Алексѣй Суворинъ

Съ факсимиле и 2 портретами.

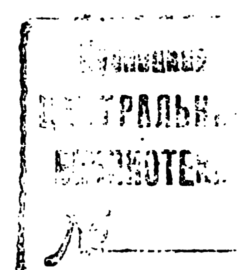

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2

1888

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1870.

1871.

1872.

1873.

1874.

1875.

1876.

*) Цифры №№ CLIV—CLXI по ошибкѣ напечатаны въ текстѣ два раза (См. Предисловіе), а потому вторая ихъ серія отмѣчена здѣсь маленькою буквою *а*. *Ред.*

1877.

1878.

*) Въ текстѣ ошибочно напечатано: „Къ нему же“ (т. е. къ П. О. Ковалевскому). *Ред.*

1885.

1886.

1887.

III. Статьи.

---

*) Вслѣдствіе указанной выше ошибки въ нумераціи, общее количество напечатанныхъ въ настоящемъ томѣ писемъ И. Н. Крамского не 366, а 374. *Ред.*

IV. Документы.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я глубоко счастливъ, получивъ возможность издать въ свѣтъ письма и статьи Крамского: по моему убѣжденію, Крамской великій писатель объ искусствѣ, а такимъ до сихъ поръ никто не зналъ его. Сдѣлать извѣстными для всѣхъ мысли Крамского—эту возможность далъ мнѣ А. С. Суворинъ, и моя благодарность ему за это — безпредѣльна. Не согласись онъ издать эту книгу на свой счетъ, вѣроятно, я на своемъ вѣку не нашелъ бы уже никакого другого человѣка, который взялъ бы на себя эту тяжкую и „неблагодарную“ задачу. Восемь лѣтъ тому назадъ, въ 1880 году, я радовался на то, что наконецъ напечаталась, отчасти вслѣдствіе моихъ усердныхъ настояній, „Переписка Иванова“ и что я даже участвовалъ въ этомъ изданіи очень дѣятельнымъ образомъ. Но тамъ были особенныя причины, условившія появленіе книги Иванова: издатель, М. П. Боткинъ, былъ самъ художникъ, долго жилъ въ Римѣ, вмѣстѣ съ Ивановымъ, и былъ съ нимъ въ отношеніяхъ самой интимной дружбы. Онъ глубоко зналъ, любилъ и даже, можно сказать, обожалъ Иванова, а послѣ его смерти получилъ отъ его брата, Сергѣя Иванова, всю его переписку, въ видѣ черновыхъ набросковъ самого художника. Подобныхъ условій не было на лицо нынче, въ отношеніи къ Крамскому. Но А. С. Суворинъ зналъ Крамского въ продол-

женіе многихъ лѣтъ и цѣнилъ его очень высоко, какъ человѣка и какъ художника—такъ высоко, какъ быть можетъ рѣдкіе люди. Поэтому я и рѣшился предложить ему изданіе. Онъ принялъ мое предложеніе съ такою горячею готовностью, какой я даже и не ожидалъ. Я вѣдь былъ совершенно чужой и далекій для него человѣкъ, а онъ долженъ былъ вдругъ вѣрить тому, что̀ я ему говорилъ о великомъ художественно-критическомъ значеніи Крамского! Къ величайшему моему изумленію, однакоже, осуществленіе моей мысли сдѣлалось возможно мгновенно, безъ всякихъ затрудненій. Я не могу разсказать всей мой радости и благодарности.

Я давно зналъ Крамского и глубоко уважалъ его, но никогда онъ не представалъ мнѣ такою крупною историческою личностью, какою я увидалъ его съ тѣхъ поръ, какъ у меня собралась вся громадная масса его писемъ и всѣ критическія статьи его (изъ которыхъ большая часть никогда раньше того не появлялась въ печати). Только тогда мнѣ стало ясно, что Крамской былъ не только высокая интеллигенція, но что это — величайшій художественный критикъ нашего вѣка. Прежде меня глубоко поражалъ нашъ Ивановъ, который—не только творецъ великой картины „Явленіе Христа народу", но вмѣстѣ и великій и глубокій мыслитель въ дѣлѣ искусства. Онъ никогда не написалъ никакой книги, и даже ни одной статьи, да, вѣроятно, никогда не посмѣлъ бы даже и подумать о подобной задачѣ, конечно, считая себя совершенно далекимъ отъ всякаго писанья, а пожалуй и малограмотнымъ. Не взирая на это, я находилъ всегда въ письмахъ Иванова безчисленное множество такихъ глубокихъ взглядовъ на художество, такія глубокія оцѣнки художниковъ, такую независимость и смѣлость мысли, какихъ я нигдѣ болѣе, раньше его, не встрѣчалъ, во всей художественно-критической литературѣ Запада, не взирая на всю общепризнанную авторитетность, умъ и талантливость лучшихъ авторовъ. Но, узнавъ Крамского вполнѣ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что въ дѣлѣ художественной

критики Крамской еще значительнѣе Иванова: онъ разностороннѣе и гибче его, онъ не ограничивается, какъ тотъ, однимъ религіознымъ, историческимъ, по преимуществу идеальнымъ искусствомъ, но глубоко понимаетъ и то бытовое, жизненное, національное и реальное искусство, которое выдвинулось во всей своей силѣ и цвѣтѣ лишь послѣ смерти Иванова, и не было еще ему знакомо, но составляетъ главную задачу нашего вѣка. У Крамского соединялись и великая сила взгляда на общія условія существованія искусства, и глубокое пониманіе всѣхъ частностей его, эстетическихъ и техническихъ. Въ статьяхъ и письмахъ своихъ онъ идетъ до глубины вопроса объ отношеніи современнаго художника къ современной публикѣ, указываетъ на несчастную его зависимость на Западѣ и на то, какъ мы еще свободны, покуда, въ Россіи, отъ чумы художественнаго пролетаріата и подчиненія капризу потребителя; онъ указываетъ, при всей симпатіи къ истинно значительнымъ европейскимъ талантамъ, также и на зловредный, исключительно „виртуозный" поворотъ большинства дѣятелей современнаго западнаго искусства, и полнѣйшее тамъ часто презрѣніе къ „содержанію". Но вмѣстѣ онъ становится безпощаднымъ анатомомъ молодого русскаго наростающаго искусства и, указывая его великія, неоцѣненныя, свѣжія качества, не боится разбирать и осуждать всѣ его худыя, незрѣлыя или далеко еще несовершенныя стороны, — и все это съ такою безпощадною строгостью, правдивостью, но вмѣстѣ и любовью, какихъ до сихъ поръ не выказывалъ, въ отношеніи къ искусству своей страны, ни одинъ европейскій критикъ. Старое европейское искусство временъ Возрожденія и послѣдующихъ за нимъ эпохъ, Крамской также подвергаетъ такой глубокой и вѣрной критикѣ, какой напрасно было бы искать у другихъ писателей.

Конечно, у Крамского есть и недостатки, заблужденія, у него встрѣчаются тоже иногда и невѣрныя сужденія о художникахъ и художественныхъ произведеніяхъ, но ихъ

мало, и всѣ такого рода недочеты—ничто въ сравненіи съ остальной массой правды и свѣта.

Поэтому я считаю, что письма и статьи Крамского—необыкновенно крупный фактъ въ исторіи нашего художественнаго развитія, и что они будутъ имѣть громадное вліяніе на ростъ и формированіе нашего искусства.

Я принялся за собираніе писемъ и статей Крамского скоро послѣ его смерти, въ прошломъ году. Небольшую долю писемъ я получилъ тотчасъ-же отъ семейства покойнаго художника, въ видѣ черновыхъ его набросковъ; но несравненно бо̀льшую часть писемъ я получилъ изъ разныхъ концовъ Россіи, отъ прежнихъ корреспондентовъ Крамского. Со всѣхъ сторонъ я встрѣтилъ крайнюю обязательность и готовность послужить общему дѣлу сообщеніемъ имѣющихся на лицо многочисленныхъ писемъ. Никто не отказалъ мнѣ въ томъ, чего я просилъ. Такимъ образомъ составился огромный матеріалъ настоящаго изданія. Къ сожалѣнію, нѣкоторая часть переписки Крамского исчезла безслѣдно: такъ, наприм., не существуютъ болѣе письма, писанныя имъ въ разное время къ М. М. Антокольскому и Н. А. Ярошенко; письма же Крамского къ Перову сожжены этимъ послѣднимъ, за нѣсколько времени до смерти, вмѣстѣ со всею остальною имѣвшеюся у него въ рукахъ разнообразнѣйшею перепиской. Лишь одно письмо Крамского къ Перову случайно уцѣлѣло въ бумагахъ П. М. Третьякова.

Оригиналы статей Крамского, кромѣ уже напечатанныхъ, я получилъ отъ семейства Крамского и отъ Н. А. Александрова, редактора „Художественнаго Журнала“.

Всѣ статьи и письма Крамского печатаются въ настоящемъ изданіи цѣликомъ, за исключеніемъ того, что̀ не могло появляться въ свѣтъ по усло̀віямъ цензурнымъ или по соображеніямъ личнымъ, въ отношеніи къ нѣкоторымъ еще живымъ людямъ. Впрочемъ, послѣдняя категорія пропусковъ въ настоящемъ изданіи очень невелика, потому что большинство тѣхъ даже личностей, къ которымъ Крамской иногда

относился въ своихъ отзывахъ недружелюбно, дали согласіе на напечатаніе цѣликомъ, безъ малѣйшихъ пропусковъ, всего, что̀ о нихъ говорится у Крамского. Я съ радостью вездѣ воспользовался этимъ великодушнымъ разрѣшеніемъ, но долженъ указать читателю на то, что, не смотря на всегдашнюю высокую свою честность и безпристрастіе къ людямъ и событіямъ, Крамской иногда (хотя и очень рѣдко) увлекался и бывалъ несправедливъ къ инымъ людямъ, съ которыми сталкивала его жизнь. Наибольшую несправедливость его я встрѣтилъ въ отношеніяхъ его къ Д. В. Григоровичу: онъ одно время отзывался о немъ даже съ величайшею несимпатичностью и враждебностью, и это именно тогда, когда дѣло шло о посылкѣ заграницу, на счетъ Общества поощренія художниковъ, тяжко больного молодого пейзажиста Васильева. Крамской точно будто влюбленъ былъ въ его талантъ и натуру, видѣлъ быстрое приближеніе неминуемой его смерти, и только одною былъ наполненъ мыслью: ка̀къ бы облегчить его страданія, устроить для него что-нибудь полезное. Его раздражало малѣйшее сопротивленіе его планамъ, его выводилъ изъ себя малѣйшій отказъ или отсрочка. И вотъ, при такихъ-то обстоятельствахъ, Д. В. Григоровичъ сталъ ему казаться какимъ-то врагомъ или недоброжелателемъ Васильева, и такимъ онъ его и старается выставить во многихъ письмахъ своихъ къ этому послѣднему. Но сто́итъ прочитать въ этихъ же письмахъ разсказы самого Крамского о Д. В. Григоровичѣ, приведенные тутъ отзывы этого послѣдняго, его разговоры, наконецъ, сто̀итъ сообразить все сдѣланное этимъ послѣднимъ для Васильева, чтобъ увидѣть, что никто не былъ такъ доброжелателенъ къ Васильеву, какъ именно Д. В. Григоровичъ, и никто столько для него не сдѣлалъ, какъ онъ, иногда даже какъ бы вопреки интересамъ Общества, которого онъ былъ тогда секретаремъ. Такіе печальные примѣры несправедливости Крамского встрѣчаются въ перепискѣ его; по счастью, ихъ было очень мало. Но я не счелъ себя въ правѣ ихъ скрыть или измѣнить, особливо

когда тѣ, кого дѣло касалось, давали мнѣ полное разрѣшеніе печатать то, что̀ о нихъ говорилъ Крамской.

Я старался сдѣлать изданіе какъ можно болѣе точнымъ, вѣрнымъ и аккуратнымъ, къ сожалѣнію мнѣ не удалось избѣжать вполнѣ неточностей, невѣрностей и неаккуратностей. Изъ нихъ главныхъ двѣ: первая та, что письмо Крамского № CCLXXV, отъ начала марта 1883, озаглавлено: „Къ нему же", т. е. къ П. О. Ковалевскому (къ которому адресовано предыдущее письмо № CCLXXIV), но это невѣрно, письмо № CCLXXV адресовано Крамскимъ въ дѣйствительности къ А. С. Суворину. Другая крупная невѣрность та, что нумера писемъ отъ CLIV до CLXI включительно, напечатаны два раза, послѣдовательно, такъ что отъ этого общее число издаваемыхъ писемъ Крамского вышло 366, вмѣсто 374. Эта ошибка была замѣчена уже слишкомъ поздно, и ее можно было до нѣкоторой степени исправить только тѣмъ, что въ „Оглавленіи" у второй серіи этихъ нумеровъ поставлена маленькая буква *a*. Извиненіемъ этой погрѣшности можетъ служить то, что даже во время печатанія текста много разъ получались новыя и новыя письма Крамского, и потому много разъ приходилось переверстывать одну и ту же работу, и все это съ большимъ спѣхомъ.

Въ заключеніе всего, я скажу, что, по моему мнѣнію, издатель, рѣшившійся издать на свой страхъ, а можетъ быть, при равнодушіи публики, и убытокъ, такую капитальную книгу, какъ „Письма и статьи Крамского", сдѣлалъ для своего отечества и для памяти великаго усопшаго, своего пріятеля—большое и навсегда важное дѣло.

В. Стасовъ.

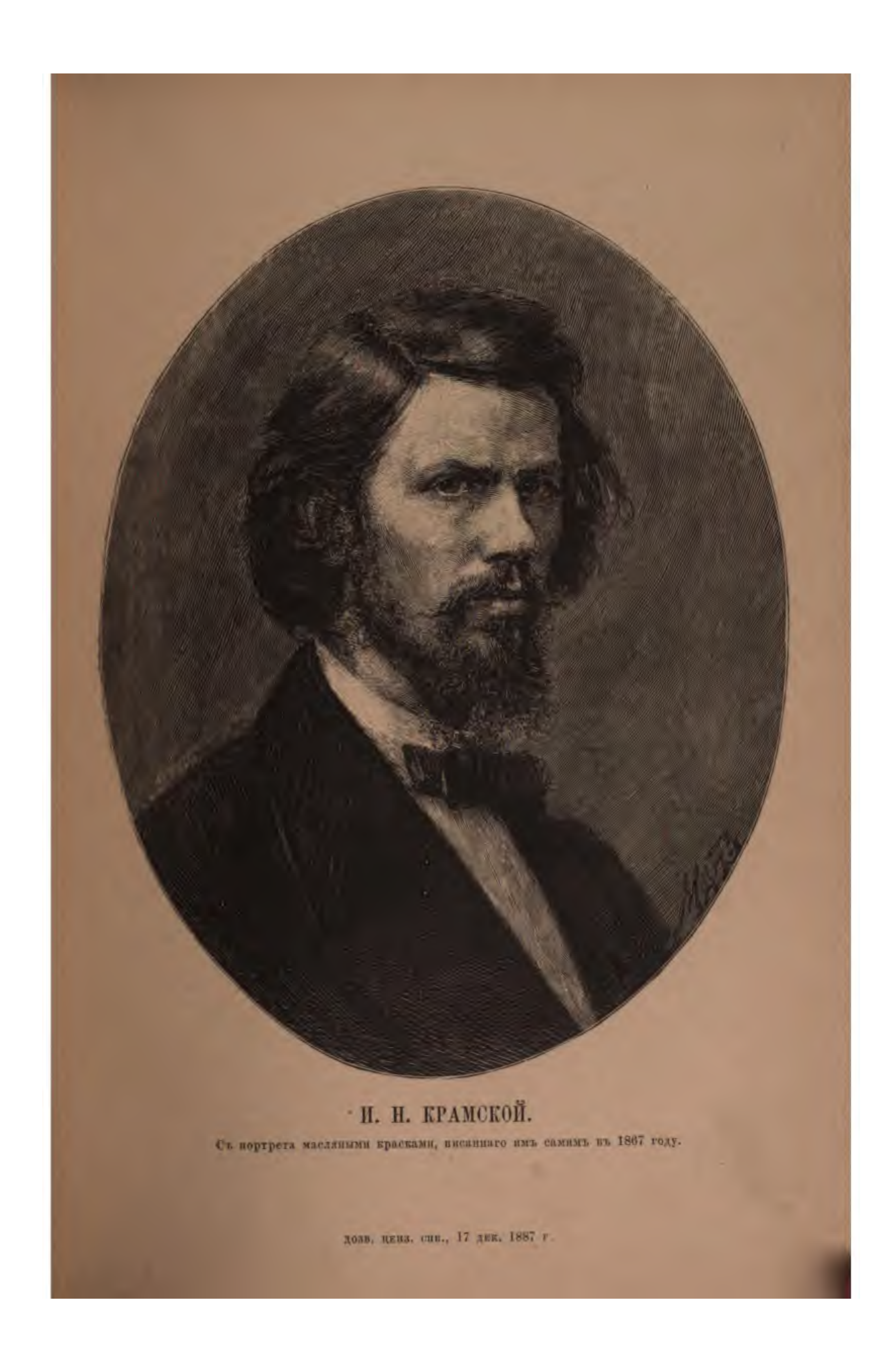
Отрывокъ изъ письма И. Н. Крамского къ А. С. Суворину, отъ 4-го марта 1884 года.

. . . . Русскій художникъ видитъ не такъ какъ художники другихъ племенъ. И если онъ художникъ, то ему нѣтъ другаго выхода какъ создать свой собственный языкъ, и чѣмъ оригинальнѣе и независимѣе, чѣмъ честнѣе, и талантливѣе, тѣмъ ему труднѣе. А труднѣе вотъ почему: потому что Русскаго художника никто не учитъ. У него нѣтъ учителей и не было. Вотъ почему Русское искусство такъ медленно подымается въ ростѣ. . . . .

. . . . Русскій художникъ есть нѣчто неизвѣстное и невѣдомое — т. е. будущее. Люди, о которыхъ я упоминаю, только удобреніе и прибавлю: добровольное. Какъ это не странно,

[illegible]

ники пишутъ: сухо, слишкомъ детально, рука ихъ чѣмъ-то скована, они рѣшительно неспособны къ колориту, концепціи ихъ невыразительны, темные смыслы ихъ направляются все въ сторону мрака, печали, и всяческихъ отрицаній? Ну, такъ я и Вамъ говорю, что если это вѣрно, (а дай Богъ чтобы это было вѣрно) такъ это голосъ Божій, указывающій что ~~юн~~школа ищетъ только правды, желаетъ только добра и улучшенія. Вы скажите — да художника то нѣтъ? Вѣрно, художника нѣтъ, но есть то изъ чего только и можетъ быть художникъ. Легко видѣть готовое, открытое, добытое уже человѣчествомъ, тѣмъ болѣе что такіе люди какъ Тиціанъ, Рибейра, Веласкезъ, Мурильо, Рубенсъ, Вандикъ, Рембрантъ, и еще можно найти много, показали <u>какъ надо писать.</u> Да, они показали, и я не менѣе Васъ понимаю что они <u>писать</u> умѣли, да только.... ни одно слово, ни одинъ оборотъ рѣчи ихъ, ни одинъ пріемъ имъ <u>не пригоденъ</u>. . . .

И. Н. КРАМСКОЙ.

Съ портрета масляными красками, писаннаго имъ самимъ въ 1867 году.

Дозв. ценз. спб., 17 дек. 1887 г.

I

АВТОБІОГРАФІИ И ДНЕВНИКЪ

ПРИЛОЖЕНІЯ

I. Автобіографія И. Н. Крамского.

(Письмо къ А. К. Шеллеру, редактору «Живописнаго Обозрѣнія»).

1880.

Милостивый государь Александръ Константиновичъ, извините меня великодушно, что я такъ долго задержалъ данныя для моей біографіи.

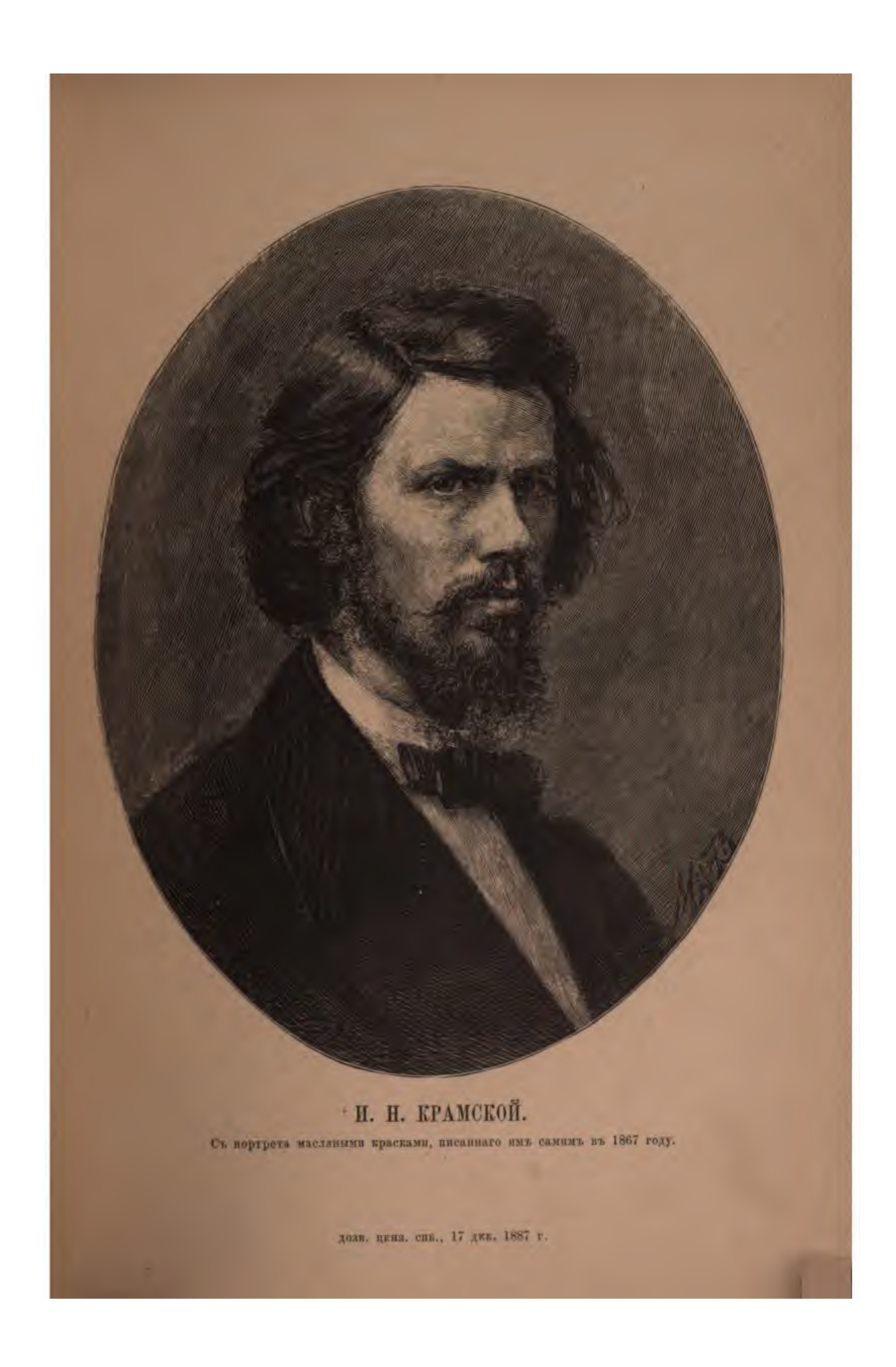
Я родился въ 1837 году, 27 мая, въ уѣздномъ городкѣ Острогожскѣ, Воронежской губ., въ пригородной слободѣ Новой-Сотнѣ, отъ родителей, приписанныхъ къ мѣстному мѣщанству. 12-ти лѣтъ отъ роду, я лишился своего отца, человѣка очень суроваго, сколько помню. Отецъ мой служилъ въ городской думѣ, если не ошибаюсь, журналистомъ; дѣдъ же мой, по разсказамъ, былъ такъ называемый войсковой житель, и, кажется, былъ тоже какимъ-то писаремъ въ Украйнѣ. Дальше генеалогія моя не подымается. Какъ видите, она столь же древняя, какъ и любая дворянская. Учился я вначалѣ у одного грамотнаго сосѣда, а потомъ въ острогожскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ и кончилъ курсъ съ разными отличіями, похвальными листами, съ отмѣтками „5" по всѣмъ предметамъ, первымъ ученикомъ, какъ свидѣтельствуетъ и аттестатъ мой. Мнѣ было тогда всего 12 лѣтъ, и мать моя оставила меня еще на одинъ годъ въ старшемъ классѣ, такъ какъ я былъ слишкомъ малъ. На слѣдующій годъ мнѣ выдали тотъ же аттестатъ, съ тѣми же отмѣтками, только съ перемѣною года. Какъ видите, уче-

Отрывокъ изъ письма И. Н. Крамского къ А. С. Суворину, отъ 4-го марта 1884 года.

. . . . Русскій художникъ видитъ не такъ какъ художники другихъ племенъ. И если онъ художникъ, то ему нѣтъ другого выхода какъ создать свой собственный языкъ, и чѣмъ оригинальнѣе и независимѣе, чѣмъ честнѣе, и талантливѣе, тѣмъ ему труднѣе. А труднѣе вотъ почему: потому что Русского художника никто не учитъ. У него нѣтъ учителей и не было. Вотъ почему Русское искусство такъ медленно подымается въ ростъ. . . . .

. . . . Русскій художникъ есть нѣчто неизвѣстное и невѣдомое — т. е. будущее. Люди, о которыхъ я упоминаю, только удобреніе и прибавлю добровольное. Какъ это ни странно,

... Вашъ-нашему. Вотъ говорятъ: ~~сухо~~, русскіе худож-
ники пишутъ: сухо, слишкомъ детально, рука ихъ чѣмъ-то скова-
на, они рѣшительно неспособны къ колориту, концепціи ихъ неса-
разитны, темные мысли ихъ направляются все въ сторону мра-
ка, печали, и всяческихъ отрицаній? Ну, такъ я же Вамъ говорю,
что если это вѣрно, (а дай Богъ чтобы это было вѣрно) такъ это го-
лосъ Божій, указывающій что ~~юн~~ юноша ищетъ только правды,
желаетъ только добра и улучшенія. Вы скажите — да худож-
ника то нѣтъ? вѣрно, художника нѣтъ, но есть то изъ
чего только и можетъ быть художникъ. Легко вѣдь гото-
вое, открытое, добытое уже человѣчествомъ, тѣмъ болѣе что такіе
люди какъ Тиціанъ, Рибейра, Веласкесъ, Мурильо, Рубенсъ, Ван-
дикъ, Рембрандтъ, и еще можно найти много, показали какъ
надо писать. Да, они показали, и я не менѣе Васъ понимаю
что они писать умѣли, да только..... ни одно слово; ни одинъ
оборотъ рѣчи ихъ, ни одинъ пріемъ мнѣ не пригоденъ. . . .

И. Н. КРАМСКОЙ.

Съ портрета масляными красками, писаннаго имъ самимъ въ 1867 году.

Дозв. ценз. спб., 17 дек. 1887 г.

I

АВТОБІОГРАФІИ И ДНЕВНИКЪ

ПРИЛОЖЕНІЯ

I. Автобіографія И. Н. Крамского.

(Письмо къ А. К. Шеллеру, редактору «Живописнаго Обозрѣнія»).

1880.

Милостивый государь Александръ Константиновичъ, извините меня великодушно, что я такъ долго задержалъ данныя для моей біографіи.

Я родился въ 1837 году, 27 мая, въ уѣздномъ городкѣ Острогожскѣ, Воронежской губ., въ пригородной слободѣ Новой-Сотнѣ, отъ родителей, приписанныхъ къ мѣстному мѣщанству. 12-ти лѣтъ отъ роду, я лишился своего отца, человѣка очень суроваго, сколько помню. Отецъ мой служилъ въ городской думѣ, если не ошибаюсь, журналистомъ; дѣдъ же мой, по разсказамъ, былъ такъ называемый войсковой житель, и, кажется, былъ тоже какимъ-то писаремъ въ Украйнѣ. Дальше генеалогія моя не подымается. Какъ видите, она столь же древняя, какъ и любая дворянская. Учился я вначалѣ у одного грамотнаго сосѣда, а потомъ въ острогожскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ и кончилъ курсъ съ разными отличіями, похвальными листами, съ отмѣтками „5“ по всѣмъ предметамъ, первымъ ученикомъ, какъ свидѣтельствуетъ и аттестатъ мой. Мнѣ было тогда всего 12 лѣтъ, и мать моя оставила меня еще на одинъ годъ въ старшемъ классѣ, такъ какъ я былъ слишкомъ малъ. На слѣдующій годъ мнѣ выдали тотъ же аттестатъ, съ тѣми же отмѣтками, только съ перемѣною года. Какъ видите, уче-

ность моя очень обширна. Не имѣя средствъ перевести меня въ воронежскую гимназію, куда мнѣ очень хотѣлось, я остался въ родномъ городѣ и сталъ упражняться въ каллиграфіи въ той же городской думѣ, гдѣ мѣсто моего отца занималъ тогда старшій братъ (старше меня лѣтъ на 15). Потомъ служилъ нѣсколько времени у посредника по полюбовному межеванію. Какъ рано появилось у меня влеченіе къ живописи—не знаю. Помню только, что 7-ми лѣтъ я лѣпилъ изъ глины казаковъ, а потомъ — по выходѣ изъ училища, рисовалъ все что̀ мнѣ попадалось, но въ училищѣ не отличался по этой части — скучно было*). Когда мнѣ было уже 16 лѣтъ, мнѣ представился случай вырваться изъ уѣзднаго города съ однимъ харьковскимъ фотографомъ, пріѣхавшимъ въ нашъ городъ, по случаю собравшихся войскъ и бывшихъ парадовъ, разводовъ, ученій. Съ этимъ фотографомъ я объѣхалъ большую половину Россіи, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, въ качествѣ ретушера и акварелиста. Это была суровая школа — фотографъ былъ еврей. Въ это время (а

*) Въ біографіи Крамского, напечатанной въ „Живописномъ Обозрѣніи“, въ 1880 году, на основаніи „Автобіографіи“ Крамского, авторъ статьи, „Дилетантъ“, сообщаетъ нѣсколько подробностей изъ молодыхъ лѣтъ жизни Крамского, разсказанныхъ ему изустно самимъ Крамскимъ. Мы приведемъ ихъ здѣсь вполнѣ: „Мальчикъ очень рано полюбилъ природу, именно съ ея, такъ сказать, художественной стороны; рѣчки, левады, рощи, переливы свѣта, — все это охватывало ребенка какимъ-то непонятнымъ ему восторгомъ. Пробуждался, если можно такъ выразиться, поэтическій лиризмъ. Къ тому же присоединились случайно и другія впечатлѣнія дѣтства, дѣйствующія въ томъ же направленіи; такъ, напр., онъ очень любилъ слушать по ночамъ игру на флейтѣ въ саду сосѣда Крупченко. Немало также интересовала его живопись кладбищенской церкви въ Острогожскѣ, еще екатерининскаго времени. Картины эти принадлежали какому-то, нынѣ совершенно забытому, художнику Величковскому. Эти художественныя произведенія прошлаго вѣка—не Богъ вѣсть что, но и не суздальщина. По выходѣ изъ училища, молодой Крамской приставалъ къ роднымъ, главнымъ образомъ къ брату, чтобы его отдали къ живописцу учиться, только не къ одному изъ тѣхъ, которые были въ городѣ. Родные не соглашались, говоря, что живописцы ходятъ безъ сапогъ, и неужели же онъ хочетъ быть похожъ на Петра Агѣевича? (Петръ Агѣевичъ былъ живописецъ въ Острогожскѣ, ходившій на базаръ въ опоркахъ и халатѣ). На этотъ аргументъ мальчикъ возражалъ, что есть такіе живописцы, о благополучіи которыхъ въ Острогожскѣ и не подозрѣваютъ! Онъ уже въ это время слы-

началъ и раньше) я очень много читалъ, поглощалъ все, о чемъ только могъ услышать. 20-ти лѣтъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Академію въ 1857 году, а въ 1863 г. вышелъ изъ нея вмѣстѣ съ товарищами, въ числѣ 14-ти человѣкъ, отказавшись отъ конкурса на большую золотую медаль. Затѣмъ, женившись, я началъ вѣчную исторію борьбы изъ-за куска хлѣба, преслѣдуя въ то же время цѣли, ничего общаго съ рублемъ не имѣющія. Такъ дѣло тянется и теперь. Когда кончится мое (въ сущности каторжное) теперешнее положеніе и кто одолѣетъ въ борьбѣ — я не знаю и не предугадываю. Еще 5 лѣтъ тому назадъ я, пожалуй, отвѣтилъ бы съ несомнѣнною увѣренностью, что я буду побѣдителемъ, но теперь... не рѣшаюсь. Чѣмъ больше захватываешь поле, тѣмъ больше встрѣчается препятствій, не имѣвшихъ прежде мѣста, силы же не увеличиваются въ той же прогрессіи. Словомъ, на этомъ мѣстѣ начинается сказка про бѣлаго бычка, и потому останавливаюсь, должно быть, изъ благоразумія.

шалъ кое-что о Брюлловѣ. Тѣмъ не менѣе, намекъ на Брюллова не производилъ надлежащаго дѣйствія: родные, попрежнему, продолжали съ пренебреженіемъ относиться къ художественной карьерѣ... Старшій братъ его былъ въ то время учителемъ въ приготовительныхъ классахъ училища: онъ тогда только что приготовился и выдержалъ экзаменъ въ Воронежѣ; онъ и носилъ изъ училищной библіотеки много книгъ и журналовъ, къ чтенію которыхъ молодой Крамской очень пристрастился, но, тѣмъ не менѣе, не охладѣлъ въ своей любви къ искусству. Долго между нимъ и родными шли споры на этотъ счетъ; наконецъ, когда ему было около 15-ти лѣтъ, мать отвела его пѣшкомъ въ Воронежъ и отдала къ лучшему тамъ иконописцу, на 6 лѣтъ въ ученье. Иконописецъ согласился, съ тѣмъ условіемъ, что когда обнаружатся въ мальчикѣ способности къ живописи, то заключитъ контрактъ. У него мальчикъ пробылъ, однако же, не болѣе 3 мѣсяцевъ, растирая краски, нося ему обѣды на другой конецъ города, въ кладбищенскую церковь, которую онъ тогда расписывалъ. Осенью, будущій художникъ, вмѣстѣ съ подмастерьями, долженъ былъ таскать изъ рѣки бочки для разныхъ соленій и поднимать ихъ на высокую гору. Само собою разумѣется, что молодому Крамскому такое художественное образованіе не особенно нравилось. Онъ, наконецъ, возмутился, и въ письмѣ къ матери просилъ взять его отъ иконописца, такъ какъ его не учатъ. Когда мать явилась, то живописецъ требовалъ, чтобы былъ заключенъ контрактъ; но дѣло кое-какъ уладилось, живописецъ съ ругательствами отпустилъ мальчика. Онъ опять возвратился въ родной городъ".

Никогда и ни отъ кого: ни отъ отца, ни отъ брата, ни отъ матери и ни отъ кого изъ благодѣтелей, я не получалъ ни копѣйки. Служилъ я за 2 рубля 50 коп. въ мѣсяцъ. Уѣхалъ изъ Острогожска къ фотографу въ Харьковъ — на заработанный рубль. Учился, и всегда жилъ, только на то, что̀ могъ заработать. Вотъ моя исторія. Признаюсь, мнѣ было тяжело разсказывать біографическія данныя, и я охотно бы предпочелъ не дѣлать этого, но такъ какъ изъ меня очевидно вышло нѣчто въ родѣ „особы" и такъ какъ люди очень любопытны и не могутъ отстать, пока не узнаютъ чего нибудь (это не къ вамъ относится, а къ читателямъ — честное слово!), то и пусть узнаютъ голую правду.

Мои работы: еще будучи ученикомъ Академіи, въ 1863 г., я сдѣлалъ до 50-ти рисунковъ для купола въ храмѣ Спаса въ Москвѣ, своему профессору Маркову, и 8 картоновъ, въ натуральную величину. Потомъ, уже по выходѣ изъ Академіи, чрезъ 1½ года, писалъ и самый куполъ. Потомъ портреты, портреты и нортреты, и карандашемъ, и красками, и чѣмъ попало. Сколько ихъ и гдѣ они — не помню и не знаю, потому что я, въ качествѣ русскаго человѣка, въ этомъ отношеніи, никуда негодный человѣкъ: всегда хотѣлъ вести счетъ, записать, что̀, кому и когда сдѣлаю, даже нѣсколько разъ давалъ искреннее слово снимать фотографіи и... должно быть обстоятельства выше намѣреній. Знаю, что это не оправданіе!

Повѣсть моя будетъ не окончена, если я не прибавлю, что никогда и никому я такъ не завидовалъ (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова), какъ человѣку дѣйствительно образованному. Прежде у меня даже была лакейская паника передъ каждымъ студентомъ университета. Извините, негдѣ прибавить комплиментовъ, а потому просто подписываюсь

И. Крамской.

II. Отрывокъ изъ автобіографіи И. Н. Крамского.

(Письмо къ А. С. Суворину).

С.-Петербургъ, 6-го марта 1886 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Вы хотите имѣть мою біографію, какъ сотрудника „Новаго Времени". Что-жъ, я разсказать согласенъ, и такъ какъ читателей у меня не будетъ, или, лучше, вы—единственный читатель, то я могу не стѣсняться: буду пространнымъ и даже болтливымъ, когда что нибудь въ моихъ воспоминаніяхъ меня увлечетъ; вы можете скучать, заснуть, почитавъ, бросить, даже вовсе не заглядывать въ рукопись—мое автобіографическое самолюбіе отъ того не пострадаетъ ни капли. Никто критики не напишетъ и никому, кромѣ васъ, я въ тягость не буду,—ну, а обременить только одного человѣка—это сноснѣе, чѣмъ многихъ. Но все же, хотя это и для васъ и только для васъ, а я желаю быть и искреннимъ, и безпристрастнымъ къ себѣ. Конечно, желать не значитъ быть, и потому впередъ оговариваюсь, что пристрастіе я допускаю, невольное, конечно, но искренность отстаиваю неприкосновенно. А впрочемъ, къ чему-жъ я это говорю?! Вы отличите и настоящую искренность, и настоящее безпристрастіе. Какъ вы полагаете, не пора ли начать?

Я—человѣкъ оригинальный: таковымъ родился. Мнѣ бы очень хотѣлось начать не такъ, какъ всѣ, да какъ начнешь не сначала? Итакъ, начнемъ сначала.

Я родился на свѣтъ Божій 27 мая 1837 г., крещенъ же 29 мая во имя Іоанна Блаженнаго, стало быть черезъ день. Такой не громкій святой и конецъ мая, когда обыкновенно именинниковъ не встрѣчается, были причиною, что никто никогда не помнилъ моихъ именинъ, даже люди самые близкіе. Сначала меня это огорчало, а потомъ стало доставлять удовольствіе, именно тѣмъ, что всякій, кто у меня спрашивалъ, когда я именинникъ, очень удивлялся, узнавъ, что—мая 29. Какъ? восклицалъ обыкновенно спрашивавшій, неужели 29?—

Да.—Удивительно!?—Да что-жъ тутъ удивительнаго?—Да такъ, знаете, всетаки Иванъ,—ну я и думалъ, что какой нибудь Богословъ или Креститель, а то—29 мая—очень странно!—А черезъ годъ столь основательно забывалъ опять, что, когда день проходилъ уже, то опять удивлялся. Словомъ, я, такъ сказать, никогда не былъ именинникомъ, и такъ привыкъ къ этому, что никогда не готовился принимать гостей и никогда не ошибался. Однакожъ, несмотря на столь значительное сбереженіе и экономію, которую сама судьба мнѣ уготовала, я тѣмъ своихъ обстоятельствъ не поправилъ.

Итакъ, я родился, и, конечно, зажилъ. Первое впечатлѣніе, которое моя память удержала, было слѣдующее: я сижу у кого-то на рукахъ и смотрю въ черную дымовую плетеную трубу четыреугольной формы, черезъ которую видно небо. Сколько было мнѣ лѣтъ и кто меня держалъ—не помню; держала, должно быть, мать, а лѣта... я еще не ходилъ. Помню, что я спрашивалъ, было ли что нибудь подобное, или могло ли быть? Мать моя долго не могла сообразить—однакожъ потомъ вспомнила, что они жили на квартирѣ (во время постройки собственной хаты), гдѣ такая труба была дѣйствительно. Это, значитъ, первое мое впечатлѣніе, которое я помню. Второе, тоже довольно раннее, было слѣдующее: я вмѣстѣ съ матерью и нѣкоторыми родственниками ѣду откуда-то на саняхъ очень низкихъ (дровняхъ) и вижу съ поразительной ясностью стволы тонкихъ березъ, обледенѣлый снѣгъ, замерзшія лужицы, въ которыхъ ледъ отливаетъ перламутромъ, а отъ вечерняго солнца длинныя тѣни; путь лежалъ черезъ такъ называемую леваду. Это впечатлѣніе сопровождалось (помню очень хорошо) грустнымъ и тоскливымъ чувствомъ, хотя и пріятнымъ. Затѣмъ рядомъ возникаетъ въ памяти лѣтнее утро, теплое, свѣтлое, солнечное, росистое и пахучее, я иду съ блинами (помню хорошо, что куда-то кому-то нужно было снести завтракъ), иду по саду нашему, по дорожкѣ, и съ обѣихъ сторонъ трава очень свѣжая и пахучая, выше меня ростомъ. Очень

весело, и я горжусь важностью даннаго мнѣ порученія. Но куда я пришелъ, и выполнилъ ли данное порученіе, не знаю—не помню, а какъ иду—помню, и какъ бьетъ мокрая трава въ лицо и осыпаетъ всего брызгами—помню тоже.—Еще утро, и тоже лѣтнее. Какъ общій фонъ дѣтскихъ воспоминаній, это утро было такое же, какъ всѣ: просыпаюсь, мать съ рогачемъ или кочергой около печки стряпаетъ. Это всегда и очень подолгу продолжается; сейчасъ вонъ на дворъ. Такъ и на этотъ разъ; но вотъ странность—начинаетъ какъ-то темнѣть, все какъ будто заволакивается какимъ-то красноватымъ и зловѣщимъ сумракомъ. Я на крыльцѣ; тутъ же мать и еще кто-то: такъ человѣка три, четыре. Всѣ смотрятъ на небо, и я смотрю, но перила крыльца мѣшаютъ; однако-жъ я кое-какъ увидалъ: солнца нѣтъ, а есть кольцо тонкое-тонкое, а внутренность кольца какая-то темно-красная или темно-черно-красная. Никогда я потомъ ничего не видѣлъ правильнѣе и удивительнѣе. Стало такъ темно, какъ ночью, только, какъ будто, всюду кровавый дымъ. Коровы жалобно мычатъ и собаки воютъ: было очень страшно; особенно было страшно, что перепугались звѣри. Еще помню: лежу я на большой кровати, а рядомъ со мною сестра, у нея лицо красное, все въ пузырькахъ, и у меня, должно быть, такое же, потому что руки мои въ такихъ же пузырькахъ и очень чешутся, а когда трону—вмѣсто пузырьковъ, которые лопаются, образуются ямочки красныя. Говорили потомъ, что это у меня была оспа. Сестра умерла, а я перенесъ. Еще помню: день теплый, сухой, улица полна народа, всѣ нарядные, въ легкихъ лѣтнихъ костюмахъ. Всѣ куда-то идутъ, и я иду. Впереди поютъ и несутъ на рукахъ гробъ; говорятъ, тамъ лежитъ сестра моя старшая, 14 лѣтъ. Помню ѣдущихъ по улицѣ нашей казаковъ въ высокихъ черныхъ шапкахъ на-бокъ; тонкіе черные ремешки по щекѣ возлѣ уха застегнуты подъ подбородкомъ; длинныя копья, лошади коричневыя; казаки пригибаются къ самой шеѣ лошади и страшно скоро скачутъ. Мнѣ ужасно понравилось такъ ѣздить, и именно пригнуться и пустить лошадь во весь

опоръ, а копье впередъ на перевѣсъ, и я старался такъ ѣздить на... плетнѣ; а потомъ лѣпилъ себѣ очень похожаго казака изъ глины, которой у насъ было много надъ погребомъ.

Эти впечатлѣнія стоятъ въ моей памяти безъ всякой связи, отдѣльными картинами, и между ними ничего нѣтъ, даже меня нѣтъ, именно меня-то и нѣтъ: сознанія жизни и памяти объ ней не осталось, а точно изъ мрака очень отчетливо по нѣскольку часовъ я видалъ картины, и именно видѣлъ я, а не кто другой. Вотъ тутъ гдѣ-то недалеко отъ вылѣпленныхъ казаковъ начинается какое-то смутное сознаніе и память о чемъ-то уже непрерывномъ, гдѣ я себя отличаю отъ окружающихъ, и помню многое. Напримѣръ, мѣсто нашего дома, сосѣдніе дома, сады, противуположный домъ, колодезь, улицу; помню очень хорошо, что мнѣ все на этой улицѣ доставляло удовольствіе. Домъ нашъ въ три окна на улицу стоялъ окнами на восточную сторону и, если стоять лицомъ къ улицѣ въ калиткѣ, то направо были сосѣди, гдѣ было много взрослыхъ мужчинъ, и тамъ часто слышно было хоровое пѣніе и музыку, скрипку, флейту, особенно флейту. Бывало, лѣтнимъ вечеромъ и долго ночью въ саду, одинъ изъ братьевъ наигрывалъ на флейтѣ; какъ это было хорошо! Никогда лучшаго артиста я потомъ не слыхалъ и никогда такого восторга, спирающаго дыханіе, въ моей жизни въ такой мѣрѣ не повторялось. На утро я, бывало, забираюсь въ свой садъ, гдѣ была одна большая, густая и старая вишня, съ раздвоившимся стволомъ, взбираюсь поближе къ верхушкѣ, усаживаюсь, и на гребенкѣ, переложенной по зубцамъ бумагою, начинаю играть: звуки выходили очень похожіе на флейту, по-моему. Случалось, что я довольно долго доставлялъ себѣ это удовольствіе, но оно всегда кончалось тѣмъ, что мать моя сыщетъ меня, стащитъ оттуда и иногда чувствительнымъ образомъ накажетъ за порчу дерева, а музыкальный инструментъ спрячетъ такъ, что долго не найдешь. Одинъ изъ братьевъ сосѣдей, скрипачъ, былъ регентомъ кладбищенскаго хора; но

говорили, что всѣ эти музыканты-братья—ничто передъ самымъ старшимъ братомъ, котораго, однако-жъ, я такъ и не зналъ; онъ былъ гдѣ-то верстъ за сорокъ тоже регентомъ. По лѣвую сторону сосѣдомъ былъ одинъ мужичокъ съ маленькой бородкой; я его очень долго считалъ молодымъ, и очень удивился, когда услыхалъ одинъ разъ, что ему больше 50 лѣтъ. Какое это было удивительное для меня открытіе! Старикъ, а борода небольшая! Я рѣшительно не могъ этого понять, и долго это обстоятельство было для меня камнемъ преткновенія; и странно, у него была дочь, довольно невзрачная особа и не очень молодая, какъ мнѣ казалось, а все-таки для меня это не было тогда убѣдительно. Домикъ у нихъ былъ меньше нашего, дворъ пустой, а вмѣсто сада огородъ — некрасиво, да и огородъ какой-то непроизводительный: тамъ никогда ничего не росло. Напротивъ насъ жили какіе-то богатые люди, домъ у нихъ былъ въ 5 оконъ, дворъ большой, съ сараями для какихъ-то экипажей, садъ тоже большой, красивый, а въ концѣ сада—рѣка. Ахъ, какая это была рѣка! Помню, однажды въ половодье, я стоялъ на берегу — было вѣтрено, много насъ тутъ стояло, и дочь хозяйская, Машенька; вода была темная, свинцово-бурая и волны огромныя! Гораздо выше меня. Никогда бóльшихъ волнъ я не видалъ. По лѣвую сторону у этихъ сосѣдей былъ колодезь и большой дворъ, а внутри двора маленькая хатка, гдѣ жили какіе-то наши родичи. Помню, тамъ была одна старшая сестра въ падучей, и я однажды видѣлъ весь припадокъ сначала до конца. Какъ это было страшно! Вправо отъ насъ, по улицѣ, было еще домовъ до 10 съ обѣихъ сторонъ, да столько же налѣво. На правомъ концѣ былъ переулочекъ, спускавшійся къ рѣчкѣ, а въ концѣ большая гора, гдѣ мы всѣ зимой катались на салазкахъ и на льдинахъ.

Эти льдины я умѣлъ очень хорошо обдѣлывать. Сверху вырубалось сидѣнье, спереди и сзади оставлялись вершка въ 2 стѣночки; въ нихъ посрединѣ продѣлывались дырочки посредствомъ соли: щепотки соли было доста-

точно, чтобы продуть дырочку; соль насыпалась, и черезъ соломенку надо было на нее дуть: соль уходила въ ледъ и такимъ образомъ чистая дырочка была готова; тоже и съ другой стороны. Потомъ бралась веревка и на одномъ концѣ привязывалась коротенькая палочка поперекъ, свободный конецъ вводился черезъ обѣ дырочки, палочка удерживала веревку и подъ веревку на сидѣнье клалась солома. Такимъ образомъ можно было экипажъ этотъ возить. Какъ онъ былъ быстръ и легокъ на ходу и какъ удобенъ, особенно при ѣздѣ верхомъ! Но при спускѣ съ горы на немъ нужно было имѣть большую долю хладнокровія и умѣть управлять имъ. Если кто не умѣлъ, льдина начинала кружиться, ѣздокъ падалъ въ снѣгъ, а экипажъ укатывалъ изъ подъ него саженей на 200! Это было очень веселое время, особенно когда спускавшихся было много; впрочемъ и въ одиночку тоже ничего.

Итакъ, на правомъ концѣ улицы жизнь сосредоточивалась больше зимой, а на лѣвомъ — лѣтомъ; на лѣвомъ концѣ была громадная площадь; надъ рѣкой жилъ богатый купецъ. Домъ и дворъ всегда на запорѣ, внутри двора злыя собаки, — кругомъ двора большіе амбары съ хлѣбомъ, съ солью; къ рѣкѣ садъ, а передъ садомъ большой мыловаренный заводъ, до половины ушедшій въ землю. Кругомъ главнаго двухъ-этажнаго дома шла галлерея и нѣсколько подъѣздовъ; всѣ подъѣзды во дворъ, а на улицѣ, возлѣ палисадника, окружавшаго домъ, было свалено множество толстыхъ бревенъ. Эти бревна казались неизбѣжною принадлежностью дома и разстилавшейся предъ этимъ домомъ площади выгона. Вотъ тутъ-то мы играли, на этой площади, въ мячъ, въ дючки, свайку, пускали змѣй. Вы не знаете, навѣрное, игру въ дючки? Какая интересная это игра! Не хотите ли я вамъ разскажу, въ чемъ она? Вотъ видите ли, нужно прежде всего выкопать ямочку въ землѣ, круглую, въ діаметрѣ 5—6 вершковъ, глубиною около, положимъ тоже, 4 — 5 верш. Отъ нея по радіусу аршина на 2 кругомъ еще нѣсколько ямочекъ, по числу играющихъ, и де-

ревянный шарикъ. Каждый изъ играющихъ имѣетъ дючокъ. Это палка аршина въ $1^1/_2$, которая оканчивается непремѣнно крючкомъ. Дѣлается она обыкновенно изъ какого нибудь тонкаго дерева, у котораго въ корнѣ непремѣнно есть крючокъ. По жребію, одному достается обязанность загнать шарикъ въ центральную ямочку, а всѣ стоящіе кругомъ отгоняютъ; но при этомъ необходимо постоянно свой дючокъ или палку держать плотно въ своей ямочкѣ; если же провожающій и ограждающій его отъ удара своимъ крючкомъ въ то время, когда вы хотите ударить шаръ и отогнать, успѣетъ занять вашу опустѣвшую ямочку раньше васъ, то вы должны помѣняться ролями: извольте сами проводить шаръ въ центральную ямочку. Если игроки искусные, то провожающій шаръ можетъ промучиться весь вечеръ и цѣли не достигнуть, и никого не поставить вмѣсто себя на смѣну. Поздно, въ сумерки, когда ни ямки, ни шара уже отличить нельзя, игра прекращается и мы расходимся по домамъ при свѣтѣ мѣсяца, который, совершенно чистый, круглый и большой, подымается за рѣчкою. Какіе теплые бывали тогда вечера, какое продолжительное и жаркое лѣто; рѣшительно съ тѣхъ поръ я никогда не могъ дождаться такихъ хорошихъ вечеровъ и ночей!

Около этого времени я узналъ топографію, приблизительно конечно, города. Собственно говоря, я родился не въ городѣ, а въ пригородной слободѣ города Острогожска Воронежской губерніи. Эта моя родная улица была крайняя къ рѣкѣ, тихой Соснѣ. Вся пригородная слобода отдѣлялась отъ города огромной площадью, или выгономъ, шириною саж. полтораста, а въ длину, думаю, версты $1^1/_2$ — 2. Вдоль этого выгона былъ, конечно, яръ, или оврагъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень глубокій. Слобода находилась на западной сторонѣ города и перемычкой между городомъ и слободой служили кузницы, расположенныя по сторонамъ большой столбовой дороги изъ города на Харьковъ. Отъ центральной городской площади, гдѣ были лавки, соборъ, присутственныя мѣста и еще нѣ-

сколько церквей, шла на западъ Харьковская улица. Улица кончалась; черезъ пустынный выгонъ тянулись кузницы, а на югъ отъ кузницъ—наша площадь и часть слободы вплоть до рѣки.

Какъ-то лѣтомъ я началъ учиться грамотѣ у одного изъ братьевъ сосѣдей-музыкантовъ. Учащихся было, должно быть, человѣкъ 7 — 8 съ дѣвочками. На урокахъ противъ меня сидѣла сосѣдка Машенька; помню ее больше другихъ своихъ сверстниковъ, почему — не знаю, хотя она мало съ нами играла. Она была ужасно смѣшливая и имѣла широкое лицо. Началъ я съ азъ, буки, вѣди и т. д., прошелъ слога и научился понимать. Сталъ читать псалтырь и часословъ: ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій; понялъ чудесно титлы и словотитлы, и первый годъ, написанный мною на печкѣ, по глинѣ, былъ: 1844. Когда я узналъ, что наступилъ 1844 г., то я съ великимъ удовольствіемъ всюду его изображалъ. Особенное удовольствіе доставляли мнѣ двѣ цифры 4, стоящія рядомъ, и я старался ихъ написать какъ можно красивѣе.

Около этого времени я начинаю вспоминать, какъ постоянныхъ членовъ семьи, моего отца и старшаго брата. Отецъ былъ и раньше, но я его какъ-то мало видалъ и не помню, а теперь ежедневно я сталъ его слышать по утрамъ, какъ онъ журилъ мою мать, за что, про-что—не знаю, но помню, что всякое утро съ этого начиналось. Мать около печки, а отецъ все кричитъ, наконецъ уйдетъ въ должность, въ городскую думу; онъ тамъ былъ писцомъ, велъ, какъ говорили, журналъ, и старшій братъ писалъ тамъ же. Отецъ мой получалъ большое жалованье—10 р. серебромъ въ мѣсяцъ и большіе доходы отъ записей въ гильдію; говорили, что онъ могъ получать иногда 60—70 р. Сколько получалъ братъ мой—не знаю. Мы были мѣщане. Былъ у меня еще братъ, и тоже старше меня. Онъ въ ту минуту, когда я изображалъ 1844 г., оканчивалъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ. Семья наша состояла, стало быть, изъ 5 чел.: отецъ, мать и 3 сына; я былъ самый младшій. Не помню хорошо, когда я поступилъ

въ уѣздное училище: въ ту же осень, или годъ спустя. Поступилъ въ приготовительный классъ и пробылъ въ немъ 2 года. Изъ этого времени осталось въ памяти частое стояніе въ углу на колѣняхъ, и въ обществѣ, иногда большомъ, и такъ, въ одиночку.

Въ первомъ классѣ уѣзднаго училища мнѣ особенно понравилось, что въ немъ начинали рисованіе. Первый оригиналъ, который мнѣ далъ старичокъ учитель, былъ какой-то профиль одного лица безъ затылка и на лбу начало чуба, и все это какъ-то было напечатано штрихами, въ клѣтку, очень мудрено. Я рисовалъ это очень долго, такъ долго, что, кажется, только одинъ этотъ рисунокъ и сдѣлалъ въ цѣлый годъ. Во второмъ классѣ намъ наложили много оригиналовъ на выборъ, и я, помню, выбралъ литографію Св. Семейства: фигуры были съ ногами. Тушевка мелкая и очень тонкая. Я началъ, да такъ и не кончилъ, и помню, что учитель обозвалъ меня за это лѣнтяемъ, зарывающимъ талантъ свой въ землю. Что это значило — для меня тогда было загадкой неразрѣшимой, но я былъ радъ, что учитель не настаивалъ на рисованіи..........

(Продолженія не было).

III. Современныя записки *).

Начинаю жить.

Для друга.

30 іюля 1853 г. Сегодня—30 іюля. А ты уѣхалъ, или, лучше сказать, исчезъ, потому, что я не могу до сихъ поръ опомниться, и даже почти не вѣрю, что тебя нѣтъ, въ пятый день Св. недѣли, 24 апрѣля... Ого-го! Какое пространство времени!.. Я почти тогда же сказалъ себѣ: нужно ему что нибудь написать; а, между тѣмъ, время проходило или, лучше сказать, кануло въ вѣчность (какъ вы-

---

*) Дневникъ, изъ котораго мы представляемъ здѣсь все, что есть въ немъ сколько нибудь значительнаго и интереснаго, писанъ И. Н. Крамскимъ въ 1853 и 1854 г., т. е. когда ему было 16 и 17 лѣтъ.

ражаются наши писатели въ „Современникѣ“), и передо мной проходили дни: сегодня — какъ вчера, и завтра — какъ сегодня, а я ничего не сдѣлалъ. Не знаю, что̀ прiискать въ оправданіе. Впрочемъ, ты самъ поймешь и извинишь меня, другъ мой! Какъ ты уѣхалъ? Ты объ этомъ не сказалъ ни слова! Сколько прошло времени, а ты ничего не написалъ, хоть ты и говорилъ, что ты первый опишешь все, что̀ только съ тобою ни случится. Но дружба невзыскательна: я прощаю. И такъ, сегодня день рѣшительный: принимаюсь за перо, плачу̀ долгъ дружбѣ и дѣлаю доброе дѣло. Я тебѣ хочу писать, но только не письмо, а цѣлый рядъ событій — дневникъ. Выслушай твоего докучливаго друга. Впрочемъ начнемъ завтра.

31 іюля.

Съ чего бы начать?.. Ну хоть съ этого: служба моя идетъ все такъ же, какъ и прежде. Я только сейчасъ кончилъ вѣдомость о занятіяхъ моего Уполи. Она идетъ такъ себѣ: ни бугровато, ни ухабисто. Изрѣдка для его почтенныхъ и милыхъ для него дочерей — дѣлаю формы, или рисунки модныхъ воротничковъ, за что онъ мнѣ признателенъ, а о нихъ уже и говорить нечего — онѣ очень мило дѣлаютъ мнѣ реверансъ. Акимъ Петровичъ однажды за подобный подвигъ наградилъ, и чѣмъ бы ты думалъ? — не угадаешь никакъ, и не скажу! Въ одно прекрасное утро — часовъ въ 11 — прихожу, ну, тутъ извѣстно — входящій, исходящій, и пошло, и пошло... Кончилъ, собираюсь идти... вдругъ онъ и говоритъ: „извольте-ка взять“, и съ этими словами далъ два яблочка, превосходныя, можно сказать. Прощай.

Черезъ часъ.

Спѣшу писать. Окончивъ слово „прощай“, я занялся чтеніемъ „Современника“ — февраль; о повѣстяхъ ничего не скажу, потому что ни одной не прочелъ. Но вотъ замѣчательныя строки, заключающія въ себѣ эпизодъ изъ жизни харьковскаго актера — оригинальную женитьбу... Окончивъ чтеніе, я пошелъ къ извѣстному тебѣ Турбину *).

*) О Турбинѣ смотри ниже въ „Воспоминаніяхъ“ М. Б. Тулинова.

Онъ уменъ, начитанъ, какая у него прекрасная душа! Я его недавно разгадалъ. Дай Богъ побольше такихъ друзей какъ онъ. Онъ мнѣ замѣнитъ тебя...

13 августа.

Сегодня я читалъ книгу: „Новоселье", и тамъ есть одна довольно хорошая статья или повѣсть Гоголя: „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ". О, какой удивительный человѣкъ былъ этотъ Гоголь! Тамъ же есть еще сочиненіе доктора Ястребцова, подъ названіемъ „Любовь къ ближнему". Ахъ, другъ мой. какъ тамъ ясно, логически изображается эта святая, высокая обязанность, на которой виситъ, по слову Спасителя, другая половина законовъ мірозданія; какъ умно, какъ понятно!..

21 сентября.

Нельзя не взяться за перо, чтобы хоть сотую частицу удовольствія не передать тебѣ. Сейчасъ только проѣхали солдаты, для соединенія съ цѣлымъ полкомъ, который постоянно квартируетъ въ нашемъ городѣ, для выѣзда совершенно отсюда... Куда?.. этого твой другъ не знаетъ, да и нѣтъ надобности! Только дѣло въ томъ, что они, ѣхавши, пѣли пѣсню... Ахъ, какую они превосходную пѣсню пѣли!.. Они пѣли такую пѣсню, какую только можетъ вообразить человѣкъ русскій, вполнѣ счастливый и любящій свою родину... Да! только они своею пѣснею навѣяли на меня какую-то меланхолію, а нельзя не восхищаться ею. Я не знаю, какъ бы тебѣ передать то ощущеніе, которое теперь въ моемъ сердцѣ. Да, однако-жъ, объ чемъ я хлопочу? Я знаю, что твое молодое сердце пойметъ меня, и знаю также, что оно еще не испорчено, и что оно доступно всему прекрасному. Хоть ты имѣешь больше и матеріальныя наклонности, однако-жъ ты еще такъ молодъ, что не можешь такъ сильно вдаться въ интересы жизни, чтобы не понять твоего задумчиваго друга, который, отъ своей къ тебѣ привязанности, всегда приставалъ и пристаетъ къ тебѣ о твоемъ сочувствіи...

12 октября.

Наконецъ настал для меня послѣдній вечеръ. Я долженъ завтра выѣхать изъ города въ Харьковъ*). Послѣдній вечеръ я провожу въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ. Въ послѣдній разъ я вижу знакомые предметы: комнаты, мебель, гитару. Картины обвожу грустнымъ взоромъ; вотъ одна изъ нихъ, моей работы: „Смерть Ивана Сусанина“. Какъ глубоко выражена на его лицѣ послѣдняя за царя молитва, тогда какъ полузамерзшіе поляки занесли на него обнаженныя сабли. Вотъ и табачница, коробочки и прочія бездѣлицы, вотъ наконецъ и любимыя мои книги: „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“... все, все я вижу въ послѣдній разъ, и при этой мысли сердце болѣзненно сжимается... Положимъ такъ, что мнѣ будущее очень и очень льститъ, потому что я въ немъ предвижу конецъ всѣхъ моихъ стремленій; но Боже мой! Какъ сказать въ послѣдній разъ „прости“? Однако-жъ, я сказалъ уже... Сказалъ!!!

Представь себѣ! Я, кажется, не въ состояніи дѣйствовать своими умственными способностями, или нѣтъ, не не въ состояніи, — а боюсь, чтобы не возбудить въ воспоминаніи тѣхъ происшествій, которыя послѣдовали послѣ этого рокового слова. Ты уже, я думаю, другъ мой, догадываешься, о какомъ я „прости“ говорю. Да, это было сказано, и что же?.. Чтобы лучше тебѣ объяснить, я приведу слова Лермонтова изъ поэмы „Бояринъ Орша“, гдѣ его героиня, когда ея отецъ засталъ у ней любовника, вскрикнула такъ, что (говоритъ Лермонтовъ) подобный звукъ изъ одной и той же груди не вылетаетъ дважды. Такъ точно случилось и съ нею, при произнесеніи рокового слова „прости“...

25 октября, въ Харьковѣ.

При выѣздѣ изъ милаго родного для меня города, я былъ совершенно закиданъ словами: „счастливецъ! ѣдетъ въ Харьковъ!“ А выходитъ напротивъ: я совсѣмъ не такъ

*) На службу къ фотографу Данилевскому, ретушеромъ.

счастливъ, какъ предполагалъ быть. Правда, мнѣ и здѣсь такъ же почти хорошо, какъ дома, но разница здѣсь состоитъ въ томъ, что я, въ хорошо знакомомъ мнѣ городѣ, могъ болтать съ пріятелями, друзьями и знакомыми все, что только ни приходило въ голову, и говорилъ все это потому только, что я былъ веселъ. А здѣсь? О! Здѣсь совершенно противное! Здѣсь я долженъ подчиняться законамъ приличія, отчасти неумѣстнымъ. Всматриваясь, однако-жъ, глубже въ обстоятельства моей здѣсь жизни, я замѣчаю человѣка, съ которымъ, какъ говорятъ мнѣ чувства, я, можетъ быть, буду въ очень короткихъ отношеніяхъ, или, выражаясь иначе, въ дружбѣ. Этотъ человѣкъ, другъ мой, однихъ съ тобою лѣтъ, имѣетъ наружность нѣсколько похожую на твою, довольно свободный умъ, словомъ, человѣкъ, который смотритъ на вещи прямыми глазами, можетъ быть пріятнымъ собесѣдникомъ и, вдобавокъ — шалунъ въ высшей степени, но шалунъ, который не хочетъ стѣснять другихъ своими шалостями. Этотъ человѣкъ — сынъ моего хозяина Данилевскаго, имя его Александръ; онъ проходитъ уже науки въ 5-мъ классѣ гимназіи.

Послѣ этихъ умственныхъ разборовъ, мысль моя вдругъ остановилась на томъ времени, когда я проѣзжалъ. При этомъ воспоминаніи невольно рождается въ сердцѣ какое-то чувство, которое явно говоритъ въ пользу Малороссіи. Вотъ гдѣ, другъ мой, характеры, въ которыхъ отражается та же доброта, умъ и веселость, которые такъ поражали меня въ повѣстяхъ и романахъ знаменитаго писателя украинскихъ нравовъ, Основьяненко. Здѣсь я встрѣтилъ древнія и самобытныя черты этой отрасли русскаго характера; но при всей моей наблюдательности и желаніи замѣтить что-нибудь, я только успѣлъ въ половину: — подмѣтилъ одну комическую ихъ сторону. Вотъ, напримѣръ, меня сильно разсмѣшило восклицаніе одного малороссіянина довольно пожилыхъ лѣтъ, которое относилось къ другому, который въ то же время вышелъ изъ двора: „Куме, а, куме! ходимъ, каты его батька, выпьемъ горылэки!“

— Да, выпыть-то, выпыть! сказалъ въ раздумьѣ кумъ.
— А що?..
— Я-къ бы для штуки!!!...

И я ни прежде, ни послѣ не могъ узнать, что̀ это за восклицаніе и какой въ немъ смыслъ. Извини, дружище, я ужасно усталъ; въ другое время я тебѣ еще о чемъ нибудь напачкаю.

12 ноября.

Много уже прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ я въ Харьковѣ, а мнѣ никогда еще не было совершенно весело. Не знаю, отъ чего это происходитъ; мнѣ кажется только, впрочемъ, отъ того, что я своему пантеру, или, иначе выражаясь, хозяину, совершенно угодить не могу, относительно раздѣлки портретовъ. Но если судить совершенно по строгой справедливости, то ему никакъ невозможно угодить. Странный человѣкъ мой хозяинъ! И чтобы тебѣ больше о немъ имѣть понятіе, я опишу его какъ можно подробнѣе.

Онъ имѣетъ около 50 лѣтъ, судя по наружности, низенькій ростъ, крѣпкое тѣлосложеніе, нѣсколько сгорбленный станъ, черные и курчавые, съ просѣдью, волосы, загнутый и острый носъ, обыкновенныя губы, и ко всему этому прибавь два глаза коричне-желтоватые, которые принимаютъ выраженіе отъ причинъ или обстоятельствъ, сильно на него дѣйствующихъ; въ довершеніе же описанія скажу, что онъ былъ когда-то сыномъ Израиля, а теперь принялъ христіанскую религію. Біографія его темна и запутанна, повѣствуетъ между прочимъ такъ, что онъ назадъ тому лѣтъ 10 пріѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ былъ прежде подмастерьемъ по часовому мастерству; наконецъ, въ послѣднее уже время, открылъ свой часовой магазинъ и вдобавокъ началъ заниматься сниманіемъ свѣтописныхъ портретовъ на бумагѣ. Ты, я думаю, уже о нихъ слыхалъ: ими онъ занимается около 3-хъ лѣтъ. Въ это лѣто онъ былъ въ Острогожскѣ, во время кампамента (лагеря), и здѣсь-то онъ предложилъ мнѣ пріѣзжать къ нему, въ качествѣ живописца

для раздѣлки портретовъ, по тому случаю, что прежній его живописецъ, по его словамъ, былъ страшный пьяница.

Такъ вотъ по какимъ причинамъ, другъ мой, я въ Харьковѣ. Характеръ его самъ по себѣ жидовскій; своихъ понятій въ искусствѣ онъ вовсе почти не имѣетъ, а слѣдуетъ, по большей части, сужденію постороннихъ, въ которыхъ, такъ какъ и въ моемъ героѣ, случается не слишкомъ много знанія; да къ тому-жъ онъ живетъ въ самомъ посредственномъ кругу жителей города. Въ домашней жизни онъ человѣкъ очень хорошій, внѣ же семейства онъ... или нѣтъ! нѣтъ! лучше я ничего не скажу. Я здѣсь живу на слѣдующемъ основаніи: отъ каждаго портрета, раздѣланнаго въ краскахъ—3 р. сер., въ туши—$1^1/_2$ р. сер. и, сверхъ того, онъ долженъ заплатить профессору за уроки, которые я нахожу нужнымъ взять въ рисованіи.

18 ноября.

Какъ часто дѣлаюсь задумчивымъ, взглянувъ нѣсколько разъ на какой нибудь ландшафтъ. Я преимущественно люблю ландшафты, а въ особенности, если они представляютъ ночь, вечеръ, или что нибудь въ этомъ родѣ... О! какъ я люблю живопись! Милая живопись! Я умру, если не постигну тебя хоть столько, сколько доступно моимъ способностямъ. Какъ часто случалось мнѣ, сходясь съ какимъ нибудь человѣкомъ, испытывать чувство, говорящее не въ пользу его! Но при одномъ словѣ: „онъ рисуетъ", или: „онъ любитъ искусство"—я совершенно терялъ это враждебное чувство, и въ душѣ, уважая его, я привязываюсь къ нему, и привязываюсь сильно, сильно!!.. Я привязываюсь къ нему потому только одному, что онъ любитъ живопись, я уважаю его въ душѣ за то, что онъ уважаетъ это высокое и изящное искусство, я его люблю и привязываюсь къ нему за то, что онъ не отвергаетъ его, за то, что онъ понимаетъ эту стихію живописи, безъ которой внутренняя моя жизнь не можетъ существовать. Живопись! Я готовъ это слово повторять до изнеможенія, оно на меня имѣетъ сильное вліяніе; это слово — моя электрическая искра, при произнесеніи его я

весь превращаюсь въ какое-то внутреннее трясеніе. Въ разговорѣ о ней я воспламеняюсь до послѣдней степени. Она исключительно занимаетъ въ это время все мое внутреннее существо — всѣ мои умственныя способности, однимъ словомъ, всего меня...

19 ноября.

Живопись я люблю почти до безумія, а пѣніе? — А пѣніе — какъ потребность человѣка, какъ средство для облегченія себя отъ тоски... Меня совершенно очаровалъ этотъ романсъ, какою онъ исполненъ грустью, а между прочимъ всѣ пѣсни русскія, по большей части, исполнены какой-то тоски. Какъ плѣнительны всѣ русскія пѣсни! Что же въ нихъ, въ этихъ пѣсняхъ?.. Грусть, тоска... О чемъ и какая? Не спрашивай! Я и самъ не знаю; я могу только тебѣ сказать, что въ нихъ есть что-то такое, которое каждаго русскаго человѣка сильно и безотчетно влечетъ... Мнѣ кажется, впрочемъ, что эта тоска есть выраженіе сердца общаго характера Россіи, тоскующаго о какомъ-то потерянномъ блаженствѣ, о чемъ-то высокомъ и святомъ. Не знаю, съ чего это пришло мнѣ сегодня въ голову, только сердце мое встревожено какимъ-то воспоминаніемъ прошедшаго... О!.. какъ я люблю мою Россію!.. ея пѣсня... ея характеръ народности... Источникъ настоящей моей восторженности есть, безъ сомнѣнія, мой меланхолическій характеръ...

4-го февраля 1854 г.

Мнѣ непремѣнно хочется отыскать причину моей внутренней тоски и апатіи, которая съ каждымъ днемъ усиливается и разстроиваетъ мое здоровье. Или еще — голова горитъ страшно, и мысли въ ужасномъ хаосѣ. Характеръ мой постепенно все болѣе и болѣе измѣняется, въ особенности я болѣе всего дѣлаюсь раздражительнымъ. Каждая маленькая непріятность или даже и бездѣлица выводитъ меня уже изъ терпѣнія. Надобно признаться, въ то время, какъ я былъ дома, у меня его было очень достаточно для того, чтобы переносить непріятности, которыя не могутъ имѣть еще совершенно никакихъ замѣчательныхъ послѣдствій. А всему

этому виновникъ—Я. Данилевскій, который своимъ жидовскимъ характеромъ и поступками, незамѣтно даже для меня, дѣлаетъ во мнѣ ужасные перевороты. Всего больше мучатъ меня портреты, которыми онъ восхищается и которыхъ не признаетъ хорошими ни одинъ человѣкъ, хоть сколько нибудь понимающій живопись. Портреты его выходятъ препошлыми; какъ выразился одинъ острякъ на ихъ счетъ: „это мѣсяцъ въ полнолуньи". То есть, лицо не имѣетъ никакихъ тѣней, а только очень рѣзко выходятъ части его: глаза, носъ и ротъ, и больше ничего. Ему же все это очень нравится. Портреты эти ни въ какомъ случаѣ нельзя хорошо раздѣлать, въ особенности красками, а это главное условіе портретовъ... Ахъ, другъ мой, еслибы ты зналъ, какъ у меня на душѣ въ настоящее время тяжело!.. Подобнаго внутренняго состоянія я еще никогда не испытывалъ. Какая-то тоска, совершенно незнакомая еще мнѣ, физическое разстройство, видимо превращающееся въ формальную болѣзнь... Что-жъ это значитъ?.. „Испытаніе", говоритъ мнѣ какой-то внутренній голосъ. Испытаніе?.. Да! да! подтверждаетъ онъ, это такое испытаніе, безъ котораго ни одинъ человѣкъ не смотритъ на міръ съ правильной точки зрѣнія, это испытаніе неизбѣжное, посылаемое провидѣніемъ Божіимъ на человѣка, для того, чтобы онъ очистился, для того, чтобы онъ научился терпѣнію, этой высокой добродѣтели, безъ которой ни одинъ человѣкъ не достигалъ конца своего назначенья... Это-то испытаніе послано теперь и на меня... Да, теперь я его понялъ! Теперь я увидѣлъ, къ чему оно ведетъ. И такъ, должно покориться этому испытанію, для того, чтобы и мнѣ запастись на будущее время терпѣніемъ, котораго я прежде не имѣлъ. Гдѣ-жъ теперь искать помощи для поддержанія себя въ этомъ испытаніи, да! гдѣ же?.. О, разумѣется, ее должно искать въ религіи, ее должно искать тамъ, гдѣ начало этого испытанія, которое показалось для меня слишкомъ тяжелымъ. „Да будетъ воля Твоя, Боже!" „Сердце чисто черезъ испытаніе созижди во мнѣ, и духъ правъ обнови во утробѣ моей!..."

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ І-му ОТДѢЛУ.

---

1. Воспоминанія объ И. Н. Крамскомъ М. Б. Тулинова.

(Письмо къ В. В. Стасову).

Отецъ Крамского, Николай Ѳедоровичъ Крамской, былъ родомъ изъ города Бочугара, Воронежской губерніи. Онъ поступилъ въ молодыхъ годахъ на службу въ острогожскую городскую думу, письмоводителемъ, и служилъ тамъ до своой смерти. Приписавшись въ острогожскіе мѣщане, онъ женился на дѣвицѣ Настасьѣ Ивановнѣ Бреусовой, изъ стариннаго казацкаго рода. Послѣ Николая Ѳедоровича Крамского, должность письмоводителя, тоже до своей смерти, занималъ его старшій сынъ Михаилъ Николаевичъ. Второй сынъ, Ѳедоръ Николаевичъ, былъ учителемъ уѣзднаго училища въ Острогожскѣ. Третій сынъ, Иванъ Николаевичъ, по милости старшаго брата, тоже готовился вступить на службу въ думу или магистратъ, но случай или судьба распорядились иначе, какъ я разскажу дальше.

Знакомство мое съ Крамскимъ началось тогда, когда ему было 12—13 лѣтъ, и онъ только что кончилъ ученіе въ острогожскомъ уѣздномъ училищѣ. Я страстно любилъ живопись и рисовалъ самоучкой, акварелью, занимался, также самоучкой, и фотографіей. Въ концѣ 40-хъ годовъ, я познакомился съ учителемъ чистописанія и рисованія острогожскаго училища, Ив. Ак. Вьюнниковымъ, и учителемъ русскаго языка тамъ же, Ѳедоромъ Николаевичемъ Крамскимъ. Этотъ послѣдній часто бывалъ у меня, видѣлъ нѣкоторыя мои работы и пригласилъ къ себѣ посмотрѣть, какъ братъ его Ваня рисуетъ. Въ первый мой приходъ, я Крамского такъ и не

видалъ во весь вечеръ—онъ не посмѣлъ показаться самъ и показать свои рисунки такому отборному обществу какъ я, нѣкоторые учителя ихъ училища и одни знакомые, Пановы. Въ другой мой приходъ, мать Крамского сказала мнѣ, на мой вопросъ, что Ваня дома и сидитъ тамъ съ товарищами. Она проводила меня въ его комнатку. Вхожу. Вижу маленькаго, худенькаго, серьезнаго мальчика, и съ нимъ два другихъ мальчика. Это были: Ваня Крамской и его товарищи, Гриша Турбинъ (впослѣдствіи ретушёръ у одного фотографа въ Харьковѣ *) и Петя Бравый (впослѣдствіи живописецъ въ Острогожскѣ).

Ваня до того былъ застѣнчивъ, что еслибъ не товарищи его, то онъ и въ этотъ разъ врядъ ли показалъ бы мнѣ свои рисунки. Но вотъ, мало-по-малу, мы разговорились, пересмотрѣли его рисунки, потомъ Гриша Турбинъ проситъ къ себѣ на квартиру, чтобы посмотрѣть работы его отца акварелью (отецъ его былъ прежде учитель рисованія). Пошли, пересмотрѣли. На возвратномъ пути, Ваня Крамской изъявилъ мнѣ свое горе, что у отца Гриши есть хоть маленькіе кусочки нѣкоторыхъ акварельныхъ красокъ, а у меня, говоритъ, кромѣ туши и французскаго карандаша, ничего, даже кисточекъ хорошихъ нѣтъ! «Этому горю можно пособить, говорю, заходи ко мнѣ, у меня есть хорошія краски Аккермана, а также и кисти—могу съ тобой подѣлиться». Нужно было видѣть его радость! На другой день утромъ, явился ко мнѣ Ваня Крамской. «Вы не будете на меня сердиться, что я такъ рано къ вамъ, мнѣ ваши краски всю ночь не дали заснуть!» Меня засталъ онъ за работой: я оканчивалъ акварелью, на большомъ листѣ бристоля, «Молящагося царя Давида», съ Величковскаго **). И до того пришелъ въ восторгъ, что вскричалъ: «Боже мой! Еслибы мнѣ въ половину научиться такъ работать, я бы болѣе ничего въ мірѣ не желалъ». Тутъ онъ сталъ разсказывать, что, бывая въ соборѣ и кладбищенской церкви, онъ по цѣлымъ часамъ засматривался на живопись Величковскаго. Краски и

---

*) Про Турбина говорено въ «Дневникѣ» Крамского, см. выше: 31 іюля 1853 г.

**) Соборъ въ г. Острогожскѣ выстроенъ, въ XVIII столѣтіи, по плану знаменитаго Растрелли, на иждевеніе города, при содѣйствіи нѣкоей г-жи Синельниковой. Она же выписала изъ Харькова стараго до-академическаго художника Величковскаго, учившагося, на счетъ одного богатаго пана, въ Римѣ; этотъ живописецъ написалъ въ соборѣ нѣсколько образовъ, частью на его стѣнахъ, частью на холстѣ. Живопись эта и по рисунку, и по колориту, и по экспрессіи, очень замѣчательна. Величковскаго же работы находятся въ острогожской кладбищенской церкви: это мѣстныя иконы и иконы на боковыхъ дверяхъ алтаря. Стѣнная же живопись церкви исполнена первыми молодыми художниками изъ академіи, подъ наблюденіемъ Величковскаго. — Замѣчу, что уроженцемъ Острогожска былъ также знаменитый Боровиковскій, который написалъ, уже въ годы полнаго своего художественнаго развитія, цѣлый иконостасъ въ селѣ Тишанкѣ, Воронежской губерніи, находящемся недалеко отъ Острогожска.

кисти, разумѣется, получилъ и ушелъ съ полнымъ восхищенiемъ какъ отъ меня, такъ и моей картины и моихъ красокъ.

Съ этихъ поръ рѣдкая недѣля проходила, чтобы мы не видались. У меня была маленькая своя библiотечка, изъ которой Ваня часто черпалъ — для брата Өедора, а чаще для себя; не смотря на его юныя лѣта, онъ во всемъ проявлялъ такую энергiю, такую любознательность и находчивость, что вы, право, не удивитесь, кàкъ я, взрослый мужчина 28 лѣтъ, могъ сойтись чуть не съ ребенкомъ.

Музыку и пѣнiе Ваня также до страсти любилъ, хотя самъ, кажется, ни на чемъ не пытался играть, но въ хорѣ пѣвческомъ нѣкоторое время участвовалъ.

Гриша Турбинъ и Петя Бравый были почти неразлучными товарищами Вани Крамского. Вмѣстѣ они рисовали, вмѣстѣ читали, вмѣстѣ пѣли. Когда, бывало, мы, взрослые, соберемся въ домѣ Крамскихъ, и начнутся у насъ дебаты, то изъ-за двери попемѣнно появляются два глаза то Вани, то Пети, то Гриши, а у всѣхъ троихъ ушки на макушкѣ.

Но вотъ началась севастопольская война. Около Острогожска собираются драгунскiе полки. Въ это время прiѣзжаетъ изъ Харькова въ Острогожскъ фотографъ Яковъ Петровичъ Данилевскiй, устраиваетъ ательè противъ городского сада, гдѣ постоянно разгуливаетъ военный людъ; всѣ заходятъ въ фотографiю снять портретъ. Работа у г. Данилевскаго закипѣла, заказовъ бездна, но на бѣду у него не хватаетъ ляписъ-инферналисъ, безъ котораго работа остановилась; въ аптекахъ, чтò было, все забрано въ одно утро. Является ко мнѣ Николай Михайловичъ Пановъ съ г. Данилевскимъ, какъ къ любителю фотографiи, и просятъ меня, не могу ли я удѣлить ляпису, такъ какъ у меня всѣ почти химикалiи дѣлались дома. Я отвѣтилъ, что хотя имѣю немного, но могу сдѣлать больше; и вотъ, въ вечеръ—фунтъ ляписа готовъ. Данилевскiй отъ радости чуть не цѣлуетъ меня.

Проходитъ недѣля. Данилевскiй является ко мнѣ опять, съ просьбой, но съ просьбой уже великой: портретовъ снято множество, а ретушировать некому, ибо ретушеръ, привезенный имъ изъ Харькова, запилъ мертвою чашею и скрылся неизвѣстно куда, то не возьмусь ли я ретушировать за какую бы то цѣну ни было. Разумѣется, я не взялся, но обѣщался найти ему ретушера. Беру нѣсколько пробныхъ портретовъ, отправляюсь къ Ванѣ Крамскому, и вотъ общими силами мы добились, что портреты вышли не хуже, а лучше харьковскаго ретушера. Пошло дѣло и съ акварелью по фотографiи успѣшно, Данилевскiй очень доволенъ и успѣлъ уже съ братьями Крамского переговорить, чтобы оставить у себя Ивана Николаевича на 3 года и сдѣлать контрактъ. Но мать ихъ, узнавъ, что Данилев-

скій—еврей, не соглашается ни за какія деньги отпустить съ нимъ своего сына Ваню. Является ко мнѣ Ваня и, чуть не въ слезахъ, разсказываетъ, что ему страсть какъ хочется поступить къ Данилевскому, но мамаша не отпускаетъ. Что тутъ дѣлать? Собираю цѣлый ареопагъ, беру съ собой 2-хъ братьевъ Пановыхъ, отца ихъ старика, Михаила Дмитріевича, и отправляемся къ Крамскимъ. Сколько ни уговаривали Настасью Ивановну—она стала на одномъ: «Не отпущу съ жидомъ!» Тутъ старикъ Пановъ сталъ урезонивать, что г. Данилевскій хотя изъ евреевъ, но онъ крещеный, и въ церковь ходитъ, и посты соблюдаетъ, и мои дѣти живутъ же въ Харьковѣ, безъ родныхъ, чего же тутъ опасаться.—«Да я не боюсь, що винъ буде жить на чужбинѣ, а боюсь що жидъ хоть и крещеный, а вше таки жидъ». Намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ послать за г. Данилевскимъ. Явился г. Данилевскій и поладили.

Съ этихъ поръ, изъ Вани дѣлается уже Иванъ Николаевичъ Крамской. Ему чуть не завидуетъ вся острогожская молодежь.

Когда выступили въ походъ, подъ Севастополь, послѣдніе драгуны изъ Острогожска, въ скорости мы должны были распроститься и съ нашимъ любезнымъ Иваномъ Николаевичемъ, такъ какъ Данилевскому было болѣе дѣлать нечего въ Острогожскѣ.

Въ продолженіе тѣхъ 3-хъ лѣтъ, которыя прожилъ Иванъ Николаевичъ Крамской у Данилевскаго, объѣздивъ лучшія губерніи и уѣздные города, онъ велъ со мной и Гришей Турбинымъ постоянную переписку, (къ несчастью, письма того времени у меня сгорѣли, во время пожара въ Москвѣ, въ моей фотографіи).

Въ 1857 году, я приглашенъ былъ на службу въ Петербургъ, помощникомъ г. Писаревскаго, начальника фотографическаго отдѣленія при Главномъ Штабѣ. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Воронежа, гдѣ я тогда состоялъ фотографомъ при Н. И. Второвѣ, составившемъ этнографическій и статистическій альбомъ Воронежской губерніи (имѣвшій тогда большой успѣхъ), я получилъ письмо изъ Петербурга отъ Крамского, который увѣдомлялъ меня, что въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ разошелся съ Данилевскимъ и поступилъ ретушеромъ къ фотографу Александровскому, въ Петербургѣ.

Ѣду въ Петербургъ. Прямо съ желѣзной дороги я отправился въ Главный Штабъ. Познакомившись съ Писаревскимъ и устроившись у него въ квартирѣ, я побѣжалъ на Васильевскій Островъ, къ Крамскому. Квартировалъ онъ тогда въ 1-й линіи, въ домѣ Соколовой, рядомъ съ Академіей художествъ, имѣя двѣ маленькія уютныя комнаты.

Первое наше свиданіе было какимъ-то восторженнымъ сномъ. При входѣ моемъ, онъ смотритъ па меня, какъ бы глазамъ не вѣря, почти съ

какимъ-то испугомъ, но вдругъ бросается ко мнѣ, обнимаемся, цѣлуемся, и расплакались оба какъ дѣти.... Мы обѣдали вмѣстѣ, проговорили потомъ до 4-хъ часовъ утра. Онъ мнѣ разсказывалъ о своихъ странствованiяхъ съ Данилевскимъ по Россiи, и гдѣ, и что, и кто на него производилъ впечатлѣнiе. Въ Курскѣ, одно музыкальное семейство гг. Пригожевыхъ, мать, сыновья и дочери, просто, говоритъ, очаровали меня. Потомъ передавалъ, какъ сильно поразилъ его Эрмитажъ своими картинами, Петербургъ своими грандiозными постройками, и люди — величественною своею сухостью. Я съ своей стороны передавалъ ему о его родныхъ, товарищахъ дѣтства. Мы стали видаться чуть не каждый день: или онъ ко мнѣ приходилъ вечеромъ, или я къ нему, и всегда просиживали почти за полночь.

Въ одно изъ подобныхъ свиданiй рѣчь зашла о живописи и Академiи художествъ. Я началъ настаивать, чтобы Иванъ Николаевичъ бросилъ ретушерство и поступилъ въ Академiю. Онъ посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то недовѣрiемъ. «Знаете что, Михаилъ Борисовичъ», — сказалъ онъ: «поступить въ Академiю — надо умѣть, съ натуры, или съ гипса хорошо рисовать, а я не только никогда не пробовалъ, но даже страшно и приняться, я уже думалъ объ этомъ. И долго думалъ! Но первое, чтобы поступить — нужно имѣть средства чѣмъ жить, во-вторыхъ нужно имѣть много свободнаго времени, чтобы выучиться хорошо рисовать съ натуры». Сколько я его ни уговаривалъ, говоря, что можно на квартирѣ подготовиться постепенно, средства можно отъ заработка откладывать, по фотографiи можно работать въ тѣ часы, когда въ Академiи не занимаются — все это онъ выслушалъ серьезно, и чуть не съ сердцемъ обратился ко мнѣ: «Вы любите живопись, Михаилъ Борисовичъ?» — «Ну что-жъ изъ этого, люблю!» — «Такъ начните-жъ вы! Вы постарше меня, поопытнѣе и въ семь разъ смѣлѣе. Удастся вамъ, я сейчасъ же по вашему слѣду». — «Иванъ Николаевичъ! да вѣдь мнѣ перевалило порядочно за тридцать лѣтъ, а вамъ семнадцать! Поэтому-то мнѣ и поздно начинать». — «А поэтому-то и мнѣ рано начинать, что прежде нужно скопить средства!» — Но въ небольшое время средства не замедлили накопиться.

Иванъ Николаевичъ такъ прославился работами по фотографiи, какъ ретушью, такъ и акварелью, что уже началъ работать по-штучно и заработывалъ отъ 100 до 300 рублей въ мѣсяцъ.

И молодые ученики Академiи художествъ начали ухаживать за Иваномъ Николаевичемъ, чтобы кой-чему по ретуши выучиться и не отъ патентованнаго художника. Одинъ разъ я отправился къ Ивану Николаевичу, къ обѣду; застаю тамъ незнакомаго молодого человѣка. Иванъ Николаевичъ знакомитъ: ученикъ натурнаго класса императорской Академiи худо-

жествъ, Ал. Дм. Литовченко *). (Г. Литовченко показался мнѣ лѣтъ на пять старше Ивана Николаевича). Онъ былъ бойкій, живой, разговорчивый. Ну, думаю, кажется, этотъ тоже на счетъ ретуши! Я завелъ рѣчь, какъ будто случайно, объ Академіи художествъ, и сталъ какъ бы совѣтоваться съ г. Литовченко о томъ, трудно ли поступить въ Академію. Литовченко началъ увѣрять, что это пустяки: трудно только представить съ гипсовой головы порядочный рисунокъ, а остальное пойдетъ какъ по маслу. И дѣйствительно, все пошло какъ по маслу. Иванъ Николаевичъ въ это время бралъ фотографическіе портреты на домъ работать, и уже не отъ одного Александровскаго, но и отъ другихъ: Деньера и пр. Его даже не по силамъ стали заваливать работами. Г. Литовченко сначала сталъ какъ будто пособлять Ивану Николаевичу въ ретуши. Потомъ, не такъ важные портреты сталъ брать поштучно уже отъ Ивана Николаевича, пока впослѣдствіи не перебрался къ тому же Александровскому. Но первая честь принадлежитъ именно Литовченко, какъ учителю. Иванъ Николаевичъ наконецъ согласился работать съ гипса. Литовченко досталъ гипсовую голову какой-то Венеры, но, или она показалась трудною Ивану Николаевичу, или онъ просто забралъ себѣ въ голову, что не справится съ гипсомъ—голова осталась неконченною. Спустя нѣсколько дней, прихожу къ Ивану Николаевичу, и о чудо! На окнѣ стоитъ одна изъ самыхъ трудныхъ для рисованія гипсовъ, голова Лаокоона, а на папкѣ подъ карандашемъ Ивана Николаевича, другой Лаокоонъ лѣпится, дѣйствительно лѣпится, рельефно и бойко. Рисунокъ съ «Лаокоона» былъ представленъ въ Академію, и Ивана Николаевича приняли въ число учениковъ. Теперь дѣло быстро пошло; въ первую же треть года Крамской переходитъ въ гипсовыя фигуры, еще треть—и Иванъ Николаевичъ переведенъ въ натурный классъ, и такъ далѣе, что навѣрно вамъ извѣстно уже.

Но съ этого же времени наступила пора полной, кипучей, неусыпной почти дѣятельности Ивана Николаевича, какъ въ успѣхахъ по Академіи и саморазвитію, такъ и для добыванія средствъ къ жизни. Нужно сказать, что, поступивши въ Академію, онъ быстро перегналъ многихъ изъ своихъ товарищей.

Когда же Крамской получилъ малую серебряную медаль, за рисунокъ, то, вмѣсто того, чтобы, какъ въ старое брюлловское время, «обмыть новую медаль» въ «Золотомъ Якорѣ» (трактиръ позади Академіи), Иванъ

---

*) А. Д. Литовченко былъ знакомъ съ Крамскимъ еще съ 1855 года, когда они встрѣтились и нѣсколько времени провели вмѣстѣ, въ Орлѣ.

Николаевичъ пригласилъ нѣкоторыхъ товарищей къ себѣ на вечеринку въ новую квартиру *).

Съ этой вечеринки начинается новая жизнь, какъ для Ивана Николаевича, такъ и для многихъ изъ его товарищей. Собирались почти каждый день, послѣ вечернихъ классовъ въ Академіи, къ Ивану Николаевичу. Онъ установилъ какъ бы программу. Одинъ изъ товарищей обязанъ былъ, по очереди, читать что либо изъ лучшихъ произведеній тогдашней литературы; другіе занимались оканчиваніемъ заданныхъ въ Академіи работъ (тогда еще дозволялось брать рисунки на домъ); третьи — работали для добыванія средствъ, иные готовили эскизы, и проч. Но всѣ слушали читающаго.

Около этого же времени, пріѣхалъ изъ Острогожска и М. М. Пановъ, занялъ мѣсто ретушера у Александровскаго, и съ помощью Ивана Николаевича поступилъ въ Академію, въ гипсовые классы. Онъ также сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ, слушателемъ и работникомъ на вечерахъ Крамского.

На этихъ-то вечерахъ Иванъ Николаевичъ выработалъ своеобразный методъ работать портреты въ натуральную величину, поясные, и въ 3 часа оканчивалъ ихъ совершенно. Тутъ работалъ карандашъ, карандашный соусъ, растушка и гуашныя бѣлила. По его выраженію, чѣмъ бы ни работать, да вышло бы скоро и хорошо. Для портретовъ Иванъ Николаевичъ удѣлялъ одинъ часъ въ вечеръ, и на третій, или много на четвертый, вечеръ одинъ изъ его товарищей получалъ свой прекрасный, законченный портретъ (разумѣется, безвозмездно). Скоро явились и послѣдователи этого метода: кажется, первымъ былъ его же учитель по гипсу. Да и въ Академіи появились рисунки, вмѣсто прежняго Жульеновскаго штрихованія, тоже исполненные по болѣе скорому и упрощенному методу. Все это надѣлалъ флигелекъ въ садикѣ, въ 8-й линіи Васильевскаго Острова. Много въ этомъ флигелькѣ потрудился Иванъ Николаевичъ. Многіе изъ его старыхъ товарищей, какъ-то: Шустовъ, Лемохъ, Корзухинъ, Дмитріевъ — Оренбургскій, Журавлевъ и другіе, конечно, не разъ вспомнятъ и не разъ призадумаются о томъ счастливомъ времени и о тогдашней жизни труженической, полной огня, энергіи, силы, молодости и воли. Она тратилась не на вакханаліи въ «Золотомъ якорѣ» и другихъ ресторанахъ, а на сознательную, глубоко обдуманную, только что начинающуюся, можетъ быть, въ то время работу. Въ этомъ флигелькѣ не зажигался, а уже горѣлъ тотъ огонь, которымъ

*) Незадолго передъ тѣмъ, Иванъ Николаевичъ переѣхалъ въ 8-ю линію Васильевскаго Острова, не помню чей домъ, но сзади двора, въ саду, во флигелекъ о 3-хъ комнаткахъ, прелестный, уютный.

многіе воспламенились любовью къ русской живописи. Иванъ Николаевичъ Крамской показалъ товарищамъ, что нужно отбросить миѳологическихъ боговъ, Одиновъ*), съ ихъ волками и воронами.

.... Да, въ этомъ маленькомъ гнѣздышкѣ, гдѣ жилъ Иванъ Николаевичъ, выработывалась какъ бы новая русская академія, тоже маленькая, которая впослѣдствіи разрослась въ большую художественную артель.

По пріѣздѣ М. М. Панова, вскорѣ пріѣхалъ и Николай Ивановичъ Второвъ въ Петербургъ, и у Ивана Николаевича явились почти въ одно время новыя два знакомства: г. Второвъ и г. Александръ Васильевичъ Никитенко, тоже нашъ острогожскій, академикъ академіи наукъ. Какъ у Второва, такъ и у Никитенко молодому человѣку многому чему можно было научиться, а Иванъ Николаевичъ не упускалъ ничего полезнаго для себя изъ виду. У Никитенко часто собирались литераторы, и Иванъ Николаевичъ, какъ почти свой человѣкъ у Никитенко, могъ многое подмѣтить; а къ Второву часто пріѣзжалъ изъ Москвы другъ его Александровъ-Дольниковъ; тогда къ Второву являлись бывшіе коллеги его по казанскому университету, наприм. Мельниковъ и другіе. На этихъ вечерахъ Иванъ Николаевичъ всегда былъ желаннымъ гостемъ. Разъ, еще въ Острогожскѣ, я засталъ Крамского надъ сочиненіемъ Гегеля и спросилъ: «Что ты тутъ понялъ?» Онъ разсмѣялся и говоритъ: «Ровно ничего не понялъ».— Теперь же, въ Петербургѣ, послѣ одного изъ вышеписанныхъ вечеровъ, я застаю его надъ философіей Спинозы, и сказалъ: «Ты опять за отвлеченности?» Онъ отвѣчалъ:—«Я больше теперь понимаю, и примусь опять за Гегеля».

Дѣятельность Ивана Николаевича и мою хохлацкую натуру расшевелила. Оставивъ Главный Штабъ и получивъ въ Академіи художествъ, за акварельную живопись — званіе некласснаго художника, я сначала работалъ въ недолго существовавшемъ журналѣ: «Свѣтопись», а потомъ перешелъ въ фотографію художника Деньера, гдѣ, въ должности главнаго помощника, прожилъ болѣе трехъ лѣтъ.

Иванъ Николаевичъ занимался ретушевкой только для одного Деньера, да и то лишь для царской фамиліи и для знати, потому что сталъ уже свои силы пробовать на картинахъ и на портретахъ съ натуры, для денегъ. Получивъ уже всѣ серебряныя медали за рисунки и за этюды, онъ первый портретъ сдѣлалъ акварелью, на большомъ листѣ бристоля, съ княгини Дадіанъ, а первую картину на полотнѣ—«Моисей благодаритъ Бога, послѣ перехода черезъ Черное море». У Деньера онъ уже рѣдко занимался, хотя и прозвали Ивана Николаевича его товарищи «богомъ ретуши».

---

*) Программа, заданная въ 1863 году программистамъ въ Академіи художествъ на большую золотую медаль и не принятая ими.

Здѣсь умѣстно будетъ выяснить, почему Ивана Николаевича такъ прозвали. Когда Крамской показался въ Петербургѣ, въ качествѣ ретушера, фотографія была еще въ младенчествѣ. Чего не давала фотографія, приходилось кистью дополнить, а дополнить кистью — лучше Ивана Николаевича никто не могъ, даже такія въ то время знаменитости по фотографической ретуши, какъ акварелистъ Алек. Соколовъ, Берестовъ, Гринеръ и проч. Пріѣхавшій изъ Парижа С. Л. Левицкій открылъ ательè дагерротипа въ Петербургѣ и пригласилъ къ себѣ въ компанію извѣстнаго нашего изобрѣтателя и любителя по части фотографіи, А. И. Шпаковскаго. Съ нимъ онъ открылъ фотографію, подъ вывѣскою: «Свѣтопись Левицкаго». Онъ скоро пріобрѣлъ большую славу. Вся высшая знать стала сниматься у Левицкаго. Левицкій дѣлается первымъ фотографомъ. Александровскій, имѣя уже у себя такого ретушера, какъ Иванъ Николаевичъ Крамской, получаетъ дозволеніе снять фотографическій портретъ съ покойнаго Государя Императора Александра II, въ Зимнемъ дворцѣ. И. Н. Крамской отдѣлываетъ тщательно этотъ портретъ и производитъ имъ фуроръ. Александровскій дѣлается «фотографомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора», получаетъ орла и вся знать снимается у Александровскаго. Его фотографія дѣлается первою. Тогда Деньеръ, какъ художникъ и фотографъ, остается позади, но, какъ человѣкъ практическій, приглашаетъ И. Н. Крамского къ себѣ, на лучшихъ условіяхъ противъ Александровскаго. Въ это время Крамской знакомитъ меня съ Деньеромъ, и вотъ у Деньера главнымъ ретушеромъ становится Крамской, а главнымъ лаборантомъ — Тулиновъ. Когда сдѣлалось открытіе дагерротипа, а потомъ и фотографіи, профессора Академіи художествъ чуть не плевали на это открытіе. Но Деньеръ залучилъ какъ-то въ свою фотографію одного изъ старшихъ профессоровъ, гравера Уткина, и снялъ его портретъ—портретъ понравился. Вслѣдъ за нимъ, переснимались у Деньера, кажется, всѣ профессора Академіи художествъ, какъ-то: Бруни, Пименовъ, Марковъ, Шамшинъ и пр. Разумѣется, всѣ эти портреты прошли черезъ цензуру Ивана Николаевича, и его кисточка дозволила снявшимся профессорамъ—фотографію Деньера одобрить. Но вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ сниматься статсъ-секретарь Валуевъ, затѣмъ и министръ двора, графъ Адлербергъ, а потомъ и покойный Государь Цесаревичъ. Наконецъ (чего прежде никогда не бывало), самъ покойный Государь Императоръ изъявилъ желаніе быть въ мастерской фотографа Деньера и дозволилъ снять съ себя фотографическій портретъ, въ нѣсколькихъ видахъ, и карточки. Въ скорости переснималась у Деньера почти вся царская фамилія. Ивана Николаевича завалили работою. Ставится новая вывѣска: «Фотографія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя и Госу-

дарыни, художника Деньера». — Полное торжество! Фотографія Деньера дѣлается первою.

Но бѣдныя мы мухи — фотографы, съ своими камерами и объективами. Карабкаясь въ гору, мы думали: «мы тащимъ», а и не замѣтили, что слонъ одинъ тянулъ насъ всѣхъ. Впрочемъ, въ это время почти всѣ лучшіе товарищи Ивана Николаевича работали для Деньера, даже учитель по гипсу Ивана Николаевича.

---

*) Когда привезена была въ 1857 году, изъ Рима, картина Моллера «Іоаннъ на островѣ Патмосѣ» и Тулиновъ спрашивалъ о ней мнѣнія своего пріятеля, Крамской (тогда только что поступившій въ Академію) отвѣчалъ ему: «Академія, кажется, приняла ее хорошо, а ученикамъ... мало ли что можетъ казаться!» — «Да вѣдь я спрашиваю твоего мнѣнія». — «Нѣтъ, Михаилъ Борисовичъ, мнѣ еще надо долго и долго учиться, а я еще и не начинаю, чтобы судить о подобныхъ картинахъ». Но не такъ онъ заговорилъ черезъ годъ, въ 1858 году, когда появилась въ Академіи картина Иванова «Явленіе Мессіи народу». Въ числѣ первыхъ обозрѣвателей явился, вмѣстѣ съ публикою, и И. Н. Крамской и потащилъ меня съ собою. Мы смотрѣли долго, подходили вплоть къ самой картинѣ, отходили дальше, такъ что и отходить было некуда; въ этомъ прошелъ почти цѣлый день. Изъ Академіи мы вернулись почти вечеромъ домой на квартиру И. Н. Молча пришли, молча пообѣдали: мнѣ страсть какъ хотѣлось поговорить, да думаю себѣ: пущай онъ первый начнетъ. Наконецъ онъ не выдержалъ и говоритъ мнѣ: «Ну что, Михаилъ Борисовичъ?» — «Что, ничего, Иванъ Николаевичъ». — «Нѣтъ, не ничего. Картина-то Иванова, кажется, въ самый разъ показалась!» — «Почему такъ думаете?» — «Вѣдь мы вслушивались въ мнѣніе публики! Многимъ не нравится, почему Ивановъ посадилъ чуть не на первомъ планѣ раба съ зеленымъ лицомъ и цѣпью». — «Да, говорю, это дѣйствительно многимъ бросается въ глаза». — «Многимъ, да не всѣмъ. Хотите теперь выслушать мое личное мнѣніе?» — «Съ удовольствіемъ, говорю». — «Вѣдь недурно говорили прошлый годъ нѣкоторые изъ молодыхъ художниковъ о картинѣ Моллера, что гора мышь родила. Да, Михаилъ Борисовичъ, вотъ Ивановъ—это художникъ! Вѣдь недурно: онъ писалъ, какъ говорятъ, эту картину 20 лѣтъ, былъ другомъ Гоголя. Это не картина — а слово! Главная фигура, Іоаннъ Креститель, указываетъ туда, въ даль,

*) Періодъ, обнимающій годы 1857—64 жизни И. Н. Крамского, описанъ въ «Воспоминаніяхъ» М. Б. Тулинова съ такимъ обиліемъ подробностей, часто даже черезчуръ мелочныхъ, что здѣсь возможно было представить оттуда лишь сжатое, по возможности, извлеченіе. *Ред.*

на Грядущаго, глаголя: «Грядетъ креплій мене во слѣдъ мене, Ему же нѣсмь достоинъ преклонся разрѣшити ремень сапогъ его», и картина какъ будто договариваетъ сама вмѣсто словъ. И грядетъ, да разрушитъ врата адовы и рабъ на картинѣ какъ бы дожидается, что съ приходомъ Грядущаго и его цѣпи спадутъ. Попробуйте, отнимите раба, и картина на половину потеряетъ»...

Зимою съ 1861 на 1862-й годъ Крамской писалъ Тулинову, что весной онъ собирается къ нему въ Москву, а можетъ быть проѣдетъ и въ Кіевъ, потому что получилъ право писать картину на 2-ю золотую медаль: «Олегъ переправляется черезъ днѣпровскіе пороги», и желаетъ писать свои историческія картины какъ можно ближе къ истинѣ. Поэтому, какъ мѣстность, такъ и аттрибуты, а по возможности и типы, надо писать тамъ, гдѣ происходило дѣйствіе заданнаго сюжета. «Я знаю, прибавлялъ Крамской, что нѣкоторые изъ другихъ конкуррентовъ, не выходя изъ мастерской, напишутъ какую хотите историческую картину, но вѣдь это будетъ не картина исторіи, а фантазія!» Когда потомъ, въ маѣ 1862 года, Крамской пріѣхалъ въ Москву, М. Б. Тулиновъ сталъ оспаривать его намѣреніе, доказывая, что издержекъ и потери времени будетъ много, а своей цѣли Крамской въ Кіевѣ все-таки не достигнетъ («Вѣдь Олега въ Кіевѣ не найдешь, да и пороги днѣпровскіе далеко», говорилъ Тулиновъ). Наконецъ ему удалось убѣдить Крамского, что ѣздить въ Кіевъ незачѣмъ. Тогда онъ предложилъ своему пріятелю писать свою программу въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ, высоко надъ Москвой-рѣкой. Наняли мѣсто у одного крестьянина, Ильи Куликова, и выстроили тамъ въ вишневомъ садикѣ баракъ-мастерскую (стоившій болѣе 300 рублей). «И такъ Крамской принялся работать въ новой, небывалой мастерской, разсказываетъ М. Б. Тулиновъ. Когда вишни поспѣли, то въ отворенное большое окно вѣтви нагибались чуть не къ самому рту. Войдя разъ и увидавъ такую картину, я запѣлъ пѣсню «подъ вишнею, подъ черешнею сидивъ»... Крамской расхохотался. Поставку древнихъ кольчугъ, щитовъ, мечей и всякаго оружія, а также пріисканіе южныхъ типовъ и одѣяній я взялъ на себя. Мы отправились въ школу живописи и ваянія, я познакомилъ Крамского съ профессорами Рамазановымъ и Зарянко. Отъ нихъ получили нѣкоторые нужные предметы, а также дозволеніе выбрать подходящихъ натурщиковъ, которые стали ходить къ Крамскому на Воробьевы горы, съ платою по 1 рублю. Крамской былъ очень доволенъ, но радость его еще болѣе увеличилась, когда я черезъ нѣсколько дней досталъ отъ антиквара Родіонова кольчугу, шишакъ, щитъ, копье, чуть ли не современные самому Олегу. За ладьями и плотами остановки не было. Весною Москва этимъ флотомъ преизобилуетъ, такъ какъ изъ дальнихъ губерній, Костромской и Вологодской, изъ самой

глуши лѣсной, появляются такіе расшивы, баркасы и ладьи, перепутанные вервіями изъ лыка и оснащенные лубочными парусами и трехъ-саженными правилами, что ежели бы всталъ съ того свѣта Олегъ, и онъ воскликнулъ бы, глядя на нихъ: «Эка старина матушка глубокая!»—Такъ продолжалось до осени, пока холода не выгнали Крамского съ Воробьевыхъ горъ, а вмѣстѣ и изъ Москвы, съ недоконченною картиною, которая потомъ такъ и осталась навсегда недоконченною...»

Переходя потомъ къ веснѣ 1865 года, М. Б. Тулиновъ разсказываетъ, какъ профессоръ А. Т. Марковъ, его близкій знакомый, расписывавшій въ то время куполъ въ храмѣ Спаса въ Москвѣ, сталъ однажды упрашивать его, Тулинова, чтобы онъ уговорилъ Крамского (въ то время уже покинувшаго Академію, вмѣстѣ съ 13 товарищами) взять на себя выполненіе работы въ куполѣ. «Да, прекрасный молодой человѣкъ — Крамской, говорилъ Марковъ, достойный всякихъ похвалъ! Онъ у меня былъ изъ самыхъ лучшихъ учениковъ. Изъ него выйдетъ, по моему мнѣнію, колоссальный художникъ. Одно мнѣ не нравится, какъ нынче всѣ молодые люди относятся къ намъ, старикамъ — какъ бы это сказать? (Марковъ замялся)... Объ Иванѣ Николаевичѣ не могу этого сказать: онъ всегда ко мнѣ относился съ большимъ уваженіемъ. Но не знаю, какая тому причина, двѣ недѣли прошло, какъ я послалъ ему письмо, а отвѣта не получаю. Я васъ прошу, такъ какъ вы считаетесь его другомъ, будьте такъ добры, сдѣлайте одолженіе старику, напишите отъ себя Ивану Николаевичу, какая тому причина, что онъ не отвѣчаетъ на мое письмо, попросите его отъ себя въ Москву пріѣхать, мнѣ очень нужно съ нимъ повидаться и переговорить, всѣ расходы и за время я заплачу...» Но Крамской отвѣчалъ Тулинову*):— «Вы не знаете, Михаилъ Борисовичъ, нашихъ отношеній съ профессоромъ Марковымъ, и мнѣ прискорбно, что вы дѣлаетесь какъ бы посредникомъ между нами, не зная, въ чемъ дѣло. Объяснюсь разъ навсегда. Я работалъ, по порученію А. Т., болѣе года картоны для плафона въ храмъ Спаса. Вы представить себѣ не можете эту египетскую, неблагодарную работу. Представьте же себѣ, что площадь плафона—въ 2,400 аршинъ — должна быть застлана картонами, по частямъ; на этихъ картонахъ отъ центра должны быть разбиты градусы, и по этимъ градусамъ нужно было вычертить и нарисовать, по эскизу Маркова, въ ту величину, какая должна быть на мѣстѣ, въ храмѣ. А величина вотъ какая: наприм., одна голова Бога Отца—7 аршинъ, ноготь на большомъ пальцѣ руки 1/2 аршина, а все кругомъ—херувимы и серафимы, и облака, состоящія изъ херувимскихъ головокъ. И вотъ, въ продолженіе

*) Письмо болѣе не существуетъ и текстъ его приводится Тулиновымъ приблизительно, на память. *Ред.*

года, то ползая по полу не разгибая спины, для градусовъ и вычерчиваній, то вырисовывая картоны, свѣряя и примѣряя, и все это безъ отдыха — нужно къ сроку—я о своемъ существованіи даже позабывалъ. И за весь этотъ непосильный трудъ, что̀ я получилъ отъ профессора Маркова? Триста рублей. Въ видѣ ли награды, въ видѣ ли платы — онъ мнѣ не объяснилъ. Прошло уже два года. Я и объясняться не желаю, я доволенъ и тѣмъ, что получилъ. И зачѣмъ онъ меня приглашаетъ въ Москву — я тоже знаю. Для этого тамъ есть у него сотрудникъ, Макаровъ, онъ уже набилъ руку на дѣтскихъ и дамскихъ головкахъ, и херувимчики ему нипочемъ. Вы видѣли, въ бытность вашу у Деньера, акварельный эскизъ, по которому надо работать и съ котораго снимали тогда фотографію: можете сами судить. Прошу объ одномъ, возвратите это письмо мнѣ обратно. Я не хотѣлъ, Михаилъ Борисовичъ, чтобы кто зналъ объ этомъ *), даже самому хочется забыть, и если высказался, то не по своей, а по вашей милости». Услыхавъ отъ М. Б. Тулинова, что Крамской не хочетъ ѣхать въ Москву по какимъ-то необъясненнымъ имъ обстоятельствамъ, Марковъ даже въ лицѣ измѣнился, и сказалъ только: «Ну, что-жъ дѣлать! Если не хочетъ старика уважить, насильно не затащишь». Но потомъ, за завтракомъ въ трактирѣ, положивъ голову на ладони, ни съ того ни съ сего онъ расплакался какъ ребенокъ. «Да, Михаилъ Борисовичъ, заговорилъ онъ, — вотъ что значитъ не имѣть искренняго друга, кому бы можно было всю душу вылить. Завидую вамъ, а вотъ у меня накопилось столько на душѣ, что впору задохнуться, а высказаться некому. Вѣдь я хорошо понимаю, по какимъ обстоятельствамъ И. Н. не хочетъ со мной повидаться: онъ сердится на меня, что я пригласилъ работать Макарова, а не его. Теперь самъ это чувствую. Но въ то время И. Н. былъ еще ученикомъ Академіи, и отрывать его отъ Академіи мнѣ совсѣмъ не хотѣлось, такъ какъ онъ мой ученикъ. А отчасти, признаюсь, и сомнѣвался: молодъ былъ еще, совсѣмъ не имѣлъ практики при большихъ работахъ. А мнѣ близится къ 70-мъ годамъ, думалось: нуженъ человѣкъ опытный. Вотъ и наскочилъ на опытнаго! — Извините за нескромный вопросъ, Алексѣй Тарасьевичъ, развѣ у васъ случилось что непріятное? — Эхъ, Михаилъ Борисовичъ, непріятности я всю жизнь переношу, привыкъ къ нимъ. Не непріятности, а позоръ готовится, на старости. Долго я крѣпился, долго на сердцѣ таскалъ гнетъ, но вѣдь всякому же терпѣнію есть конецъ. Надо же съ кѣмъ нибудь подѣлиться, посовѣтоваться!..» Суть дѣла состояла въ томъ, что такъ какъ самъ Марковъ, по старости, не могъ «отъ утра до вечера оставаться на лѣсахъ, вверху, съ запрокинутою

*) Дѣйствительно, ни въ «Автобіографіи», ни въ письмахъ, ни въ разговорахъ Крамской никогда во всю жизнь никому не разсказывалъ этого дѣла. *Ред.*

головою» и работать, то нанялъ Макарова за 20,000 рублей; тотъ перебралъ въ 2 года болѣе 20,000, а когда разобрали середину лѣсовъ, то Марковъ «ахнулъ и думалъ, что съ ума сойдетъ: это, говорилъ онъ, не живопись, а свинцовый карандашъ! Сѣро, безцвѣтно, все сливается!» Макаровъ же какъ въ воду канулъ и болѣе не показывался. «Теперь, продолжалъ Марковъ, — о Петербургѣ нечего и думать, тамъ, кто могъ бы, такъ самъ готовится работать тутъ же, въ храмѣ Спаса, или уже заручился работами, а изъ молодежи, кромѣ И. Н., никого не вижу. Пытался здѣсь въ Москвѣ — но кромѣ Сорокина просто не за кого взяться, а онъ прямо наотрѣзъ отказался, считается же по церковной живописи лучшимъ. Вотъ уже третій мѣсяцъ работа остановилась. Самъ не могу! Совсѣмъ растерялся...» Скоро послѣ этого разговора, Крамской поѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ онъ съ товарищами устроилъ, во время ярмарки, выставку картинъ членовъ Артели и другихъ художниковъ: самая замѣчательная картина была—«Тайная Вечеря» Гè *). Заѣхавъ, по дорогѣ, къ Тулинову, онъ засталъ тамъ проф. Маркова, который, не взирая на все сопротивленіе Крамского, задержалъ его просьбами, даже со слезами, остаться въ Москвѣ до вечера, и, наконецъ, уговорилъ его взяться хоть за пробу: исправить часть работы въ куполѣ храма Спаса.

Спустя двѣ недѣли, М. Б. Тулиновъ получилъ изъ Нижняго-Новгорода письмо отъ Крамского, который разсказывалъ ему, «какъ сочувственно отнесся къ ихъ выставкѣ нижегородскій губернаторъ **) и что онъ дозволилъ имъ помѣстить картины въ одномъ общественномъ зданіи (кажется—безплатно); что ярмарка началась, посѣтителей бываетъ масса, и всѣ относятся къ этому небывалому предпріятію очень и очень сочувственно». Когда, послѣ нижегородской выставки, Крамской проѣзжалъ обратно черезъ Москву и остановился на нѣсколько дней у Тулинова, проф. Марковъ снова старался окончательно устроить свое дѣло съ Крамскимъ; но Крамской согласился лишь на пробу (съ платою по 500 р. за мѣсяцъ), и при этомъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ въ продолженіе всей работы никто ему не мѣшалъ, и даже самъ Марковъ обязался честнымъ словомъ (послѣ долгаго, впрочемъ, сопротивленія) не ходить вверхъ на лѣса до окончанія работы. Опытъ удался, и только тогда Крамской согласился взять на себя исполненіе живописи всего купола. Для помощи въ работѣ, Крамской рѣшилъ пригласить двухъ товарищей, хорошихъ художниковъ. «Вы

---

*) Эта выставка Художественной Артели должна, по всей справедливости, считаться первымъ зародышемъ выставокъ Товарищества передвижныхъ выставокъ.
Ред.

**) Генералъ-лейтенантъ А. А. Одинцовъ.

или я, говорилъ Крамской профессору Маркову, приглашаемъ двухъ по моему указанію художниковъ, и всѣ мы отправляемся въ храмъ Спаса. Осмотрѣвши плафонъ, мы дѣлаемъ смѣту между товарищами и объявляемъ сумму, какую вы должны заплатить за нашъ трудъ. Работать иначе я не стану, какъ на равныхъ паяхъ съ товарищами». Марковъ задумался, и, помолчавъ, какъ бы вскрикнулъ: «Иванъ Николаевичъ, да вѣдь главная работа должна лечь на васъ одного, за что же вы будете дѣлиться своимъ трудомъ съ остальными товарищами?»—«Я и не отказываюсь отъ главной работы, отвѣчалъ Крамской, но остальную товарищи подѣлятъ каждый по своимъ способностямъ. Я увѣренъ, что каждый, зная свою треть изъ общей договорной суммы, будетъ на столько стараться, чтобы не стыдно было противъ другихъ». И Крамской настоялъ на своемъ. По его приглашенію, пріѣхали изъ Петербурга его товарищи, Б. Б. Венигъ и Н. А. Кошелевъ, всѣ вмѣстѣ осмотрѣли размѣры и мѣстность будущей работы, потомъ на общемъ совѣщаніи дебаттировались условія, и, наконецъ, былъ заключенъ (15 октября 1865 года) формальный контрактъ, по которому Крамской взялъ на себя всю работу купола за 10,000 р., съ обязательствомъ кончить ее къ апрѣлю 1866 года*). Трое товарищей поселились всѣ вмѣстѣ на одной квартирѣ, работали съ утра и до темноты, даже и по праздникамъ, а вечера проводили у себя дома, при чемъ Крамской почти все время читалъ, упершись въ столъ обѣими руками (между прочимъ и для того, чтобъ дать отдыхъ головѣ, почти въ продолженіе всего дня запрокинутой назадъ, во время работы въ куполѣ), а Венигъ съ такою ревностью занимался игрой на фортепіано (купленномъ у Сухаревой башни за 7 съ полтиной), что иногда выводилъ даже изъ терпѣнія товарищей. Иногда вечеръ проходилъ у нихъ также въ художественныхъ разговорахъ и спорахъ. Они почти вовсе не ходили ни въ гости, ни въ театръ. Когда работа была въ полномъ уже ходу, Крамской замѣтилъ, что рисунокъ ногъ у Бога-Отца страшно невѣренъ. Онъ долго бился, какъ это исправить—и наконецъ добился: «я удивляюсь, сказалъ онъ М. Б. Тулинову, какъ до сихъ поръ товарищи не замѣтили». Онъ взялъ карандашъ, листъ бристольской бумаги, и давай чертить. Перемаралъ нѣсколько листовъ, вдругъ крикнулъ: «а знаешь что̀, вѣдь я нашелъ способъ, хоть не совсѣмъ, а поправить можно!—Чѣмъ? говорю.—А раккурсами. Одну ногу подожму, другую вытяну впередъ, серафимовъ нагну». Марковъ какъ услыхалъ, такъ и ахнулъ, и опять всю вину свалилъ на Макарова, но Крамской успокоилъ его и разъяснилъ, какъ дѣло поправить.

«Товарищи проработали, говоритъ въ заключеніе М. Б. Тулиновъ, годъ

*) См. въ концѣ настоящаго тома отдѣлъ: «Документы».

съ чѣмъ-то, а Крамской, послѣ нихъ, еще мѣсяца два. Всю сумму они раздѣлили между собою, и за расходами пришлось на каждаго что-то въ родѣ 1,500 руб. Маркову отъ 100,000 осталось немного. Болѣе всѣхъ получилъ Макаровъ» *).

Про картину «Христосъ въ пустынѣ» М. Б. Тулиновъ разсказываетъ: «Эту картину (а также и мой портретъ) И. Н. Крамской писалъ въ моемъ имѣніи, въ слободкѣ Выползовой, Владимірской губ., переяславль-залѣсскаго уѣзда. Голову Христа онъ вылѣпилъ изъ глины еще тотчасъ по выходѣ изъ Академіи, а потомъ лѣпилъ ее также изъ воску. Задумана была цѣлая серія картинъ изъ жизни Христа. Начаться она должна была «Проповѣдью», а кончиться—«Судомъ передъ Пилатомъ».

«На сюжеты изъ Гоголя Крамской также много хотѣлъ писать. Начать онъ думалъ «Вечерами на хуторѣ», а кончить «Тарасомъ Бульбой». «Русалка» (или Майская ночь) вышла только первой картиной».

---

2. Воспоминанія объ И. Н. Крамскомъ Е. П. Михальцевой.

Когда я вторично поступила въ рисовальную школу, послѣ перерыва нѣсколькихъ лѣтъ, по старой памяти меня почему-то приняли прямо въ старшій классъ безъ экзамена. Я застала въ этомъ классѣ нѣсколько кружковъ ученицъ, работавшихъ уже масляными красками съ натуры, подъ руководствомъ Келлера. Къ одному изъ этихъ кружковъ я и присоединилась. Старшее отдѣленіе этого класса, къ которому принадлежалъ и нашъ кружокъ, занималось также композиціями на заданныя темы, какъ жанровыя, такъ и историческія, подъ руководствомъ Бейдемана, хорошаго учителя. По перспективѣ мы слушали прекрасныя лекціи Маркова. Нѣкоторыя изъ насъ, считая себя уже достаточно подготовленными, выставляли свои опыты даже на выставку. Но со вступленіемъ И. Н. Крамского, намъ пришлось горько разочароваться.

Иванъ Николаевичъ поступилъ въ Рисовальную школу въ 1862 году и принялъ подъ свое руководство натурный классъ въ школѣ, гдѣ мы рисовали сперва головы съ натуры карандашемъ, акварелью и масляными красками, а потомъ и цѣлыя фигуры въ костюмахъ. Первое, на что онъ обратилъ вниманіе, это было полное незнаніе нами рисунка.

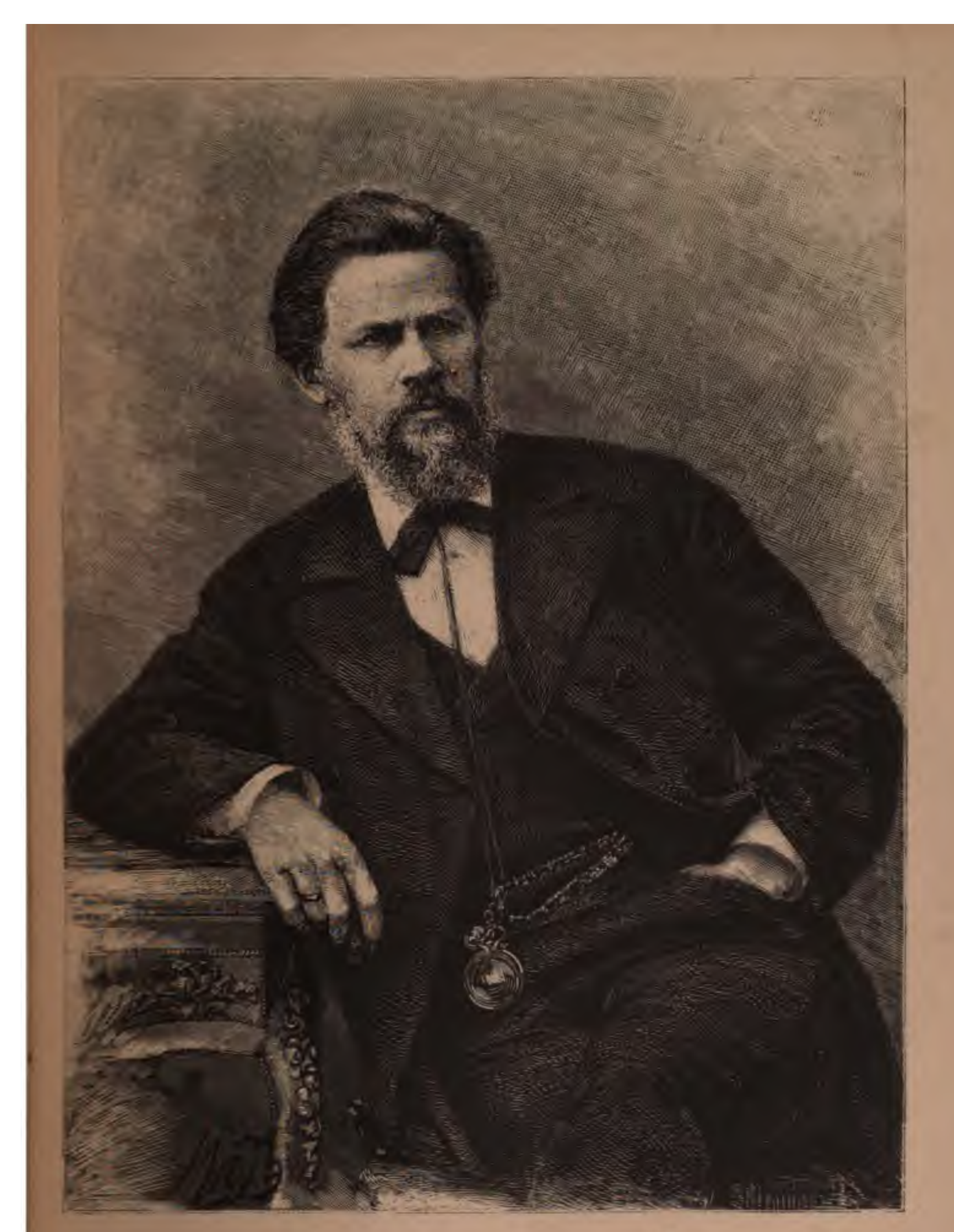
*) По сообщенію А. И. Корзухина, къ условленнымъ вначалѣ 10,000 рублямъ, А. Т. Марковъ прибавилъ впослѣдствіи еще 7,000 р., по причинѣ увеличившейся работы. Крамской, изъ этихъ 17,000 р., внесъ въ Артель 3,000 р. Артель не хотѣла вначалѣ принимать этого «процента», но Крамской объявилъ, что если этихъ денегъ отъ него не примутъ, то онъ выйдетъ изъ Артели. *Ред.*

Онъ нашелъ учениць, горячо желавшихъ учиться, но не имѣвшихъ должной подготовки; мы дѣлали большія композиціи, не зная анатоміи, даже не умѣя правильно и вѣрно нарисовать носъ или глазъ.

Подъ его строгимъ, дѣловымъ и систематическимъ руководствомъ стали мы изучать рисунокъ. Въ пособіе намъ, онъ прочелъ краткій курсъ анатоміи, съ чертежами. Это было нововведеніемъ со стороны Ивана Николаевича, и мы во-очію убѣдились въ незнаніи нами рисунка, и даже нѣкоторыя изъ насъ, откладывая въ сторону всякое самолюбіе, по собственному желанію, подъ вліяніемъ его строгаго и честнаго отношенія къ нашимъ работамъ, возвращались обратно въ гипсовый классъ, получившій въ нашихъ глазахъ важное значеніе и въ то время переданный тоже Ивану Николаевичу.

Онъ по преимуществу слѣдилъ за правильностью рисунка. Но мы несли ему съ большою охотою всѣ наши работы, производившіяся какъ въ классахъ, такъ и дома,— и онъ оставался разсматривать ихъ съ нами долго послѣ окончанія классовъ. Онъ трудился съ нами, не жалѣя силъ и иногда утомляясь, и все-таки не отказывалъ въ своихъ совѣтахъ. При исправленіи рисунка которой нибудь изъ учениць, Иванъ Николаевичъ всегда бывалъ окруженъ всѣми нами, такъ какъ онъ свои исправленія сопровождалъ поясненіями, имѣвшими интересъ для всѣхъ.

Особенно онъ интересовался нашими домашними и лѣтними работами. При классныхъ занятіяхъ онъ заставлялъ насъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ каждой проведенной нами чертѣ и наглядно объяснялъ формы, чертя съ боку рисунка отдѣльныя части и измѣненія ихъ при раккурсахъ, а также косточки и отдѣльные мускулы. Отъ времени до времени онъ заставлялъ насъ рисовать головы въ контурахъ наизусть, чтобы провѣрить, насколько мы усвоили себѣ его указанія. А училъ онъ насъ такъ, что при этихъ повѣркахъ оказывалось въ большинствѣ случаевъ, что всѣ его замѣчанія и поясненія запечатлѣвались въ нашей памяти надолго, такъ что я ихъ и впослѣдствіи припоминала при даваніи уроковъ. Мы у него рисовали головы съ натуры карандашемъ и растушкою, а потомъ одѣтыя фигуры съ обнаженными руками и ногами: напр., рыбака, плотника съ топоромъ, а также и фигуры въ костюмахъ. Такимъ образомъ, близко познакомясь, подъ руководствомъ Ивана Николаевича, съ рисункомъ головы, рукъ и ногъ, мы желали также близко усвоить себѣ и рисунокъ корпуса человѣческой фигуры; для чего просили дозволенія имѣть въ школѣ отдѣльные часы для рисованія обнаженной (женской) фигуры съ натуры. Къ этому сочувственно относился и Иванъ Николаевичъ, но это не было намъ разрѣшено. Тогда Иванъ Николаевичъ предлагалъ намъ даже устроить это въ ихъ Артели; но мы на это не рискнули. Въ это же время составлялись въ нашемъ кружкѣ домашніе рисовальные вечера, у каждой изъ насъ по-

И. Н. КРАМСКОЙ.

Съ фотографическаго портрета, снятаго въ началѣ 80-хъ годовъ.

Дозв. ценз. спб., 17 дек. 1887 г.

II

ПИСЬМА

I. Къ М. В. Тулинову.

С.-Петербургъ, 27 іюля 1863.

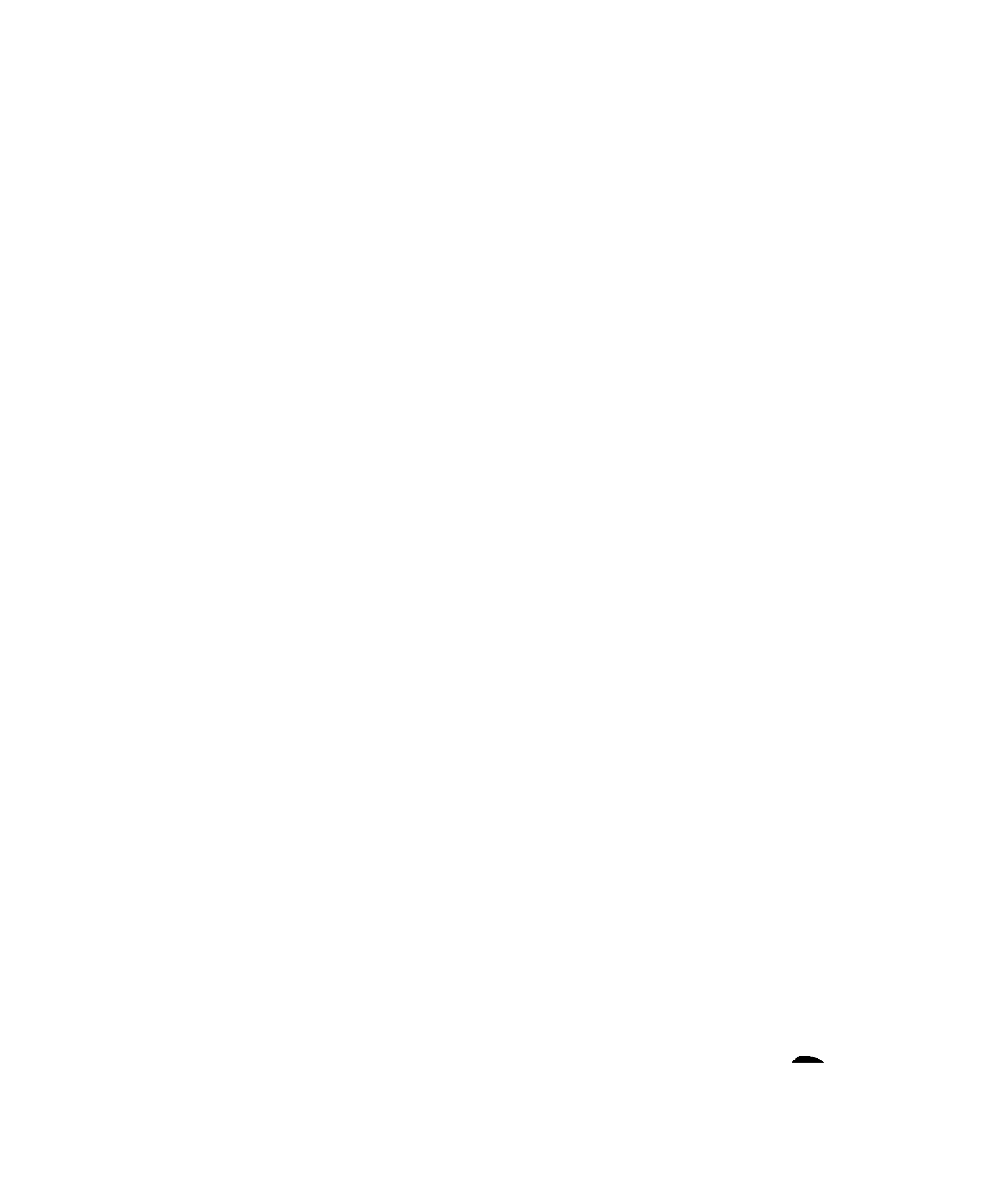
Михаилъ Борисовичъ. Къ вамъ, въ Москву, пріѣхалъ, можетъ быть слышали, а можетъ быть нѣтъ, его превосходительство Алексѣй Тарасовичъ Марковъ и увезъ туда все, что работалось мною, то есть рисунки и картоны *), а посему, если вы еще не вычеркнули изъ своего сердца меня, то вы сдѣлаете мнѣ хорошую услугу, снявши со всѣхъ вещей фотографіи: онѣ мнѣ нужны, какъ воспоминаніе; да къ тому-жъ и награжденіе я получилъ слишкомъ мизерное, чтобы объ этомъ забыть. Марковъ хотѣлъ и самъ снять фотографіи и дать мнѣ одинъ экземпляръ коллекціи, что̀ хотѣлъ сдѣлать въ «Русской фотографіи», хоть я и совѣтовалъ ему зайти къ вамъ. Но я ему не вѣрю, онъ надуетъ меня также и въ этомъ. Но Боже васъ сохрани говорить ему что нибудь за меня; сдѣлайте это для меня, какъ вещь очень нужную. Кромѣ этого есть еще просьба къ вамъ отъ одного художника, Померанцова. У него есть въ Москвѣ на постоянной выставкѣ— картина: «Подъ праздникъ въ острогѣ», изъ «Мертваго дома», съ которой ему необходимо имѣть фотографію, для помѣщенія съ нея гравюры въ одномъ изданіи. Если можете и хотите — сдѣлайте, и сколько будетъ стоить, получите, но ему нужно 4 экземпляра. И если вы сдѣлаете это, то это нужно немедленно, или во всякомъ случаѣ дайте отвѣтъ сейчасъ же, особенно если не сдѣлаете... О своихъ же работахъ я вамъ ничего не напишу, потому что еще все въ туманѣ, а когда станетъ ясно, вы и сами увидите...

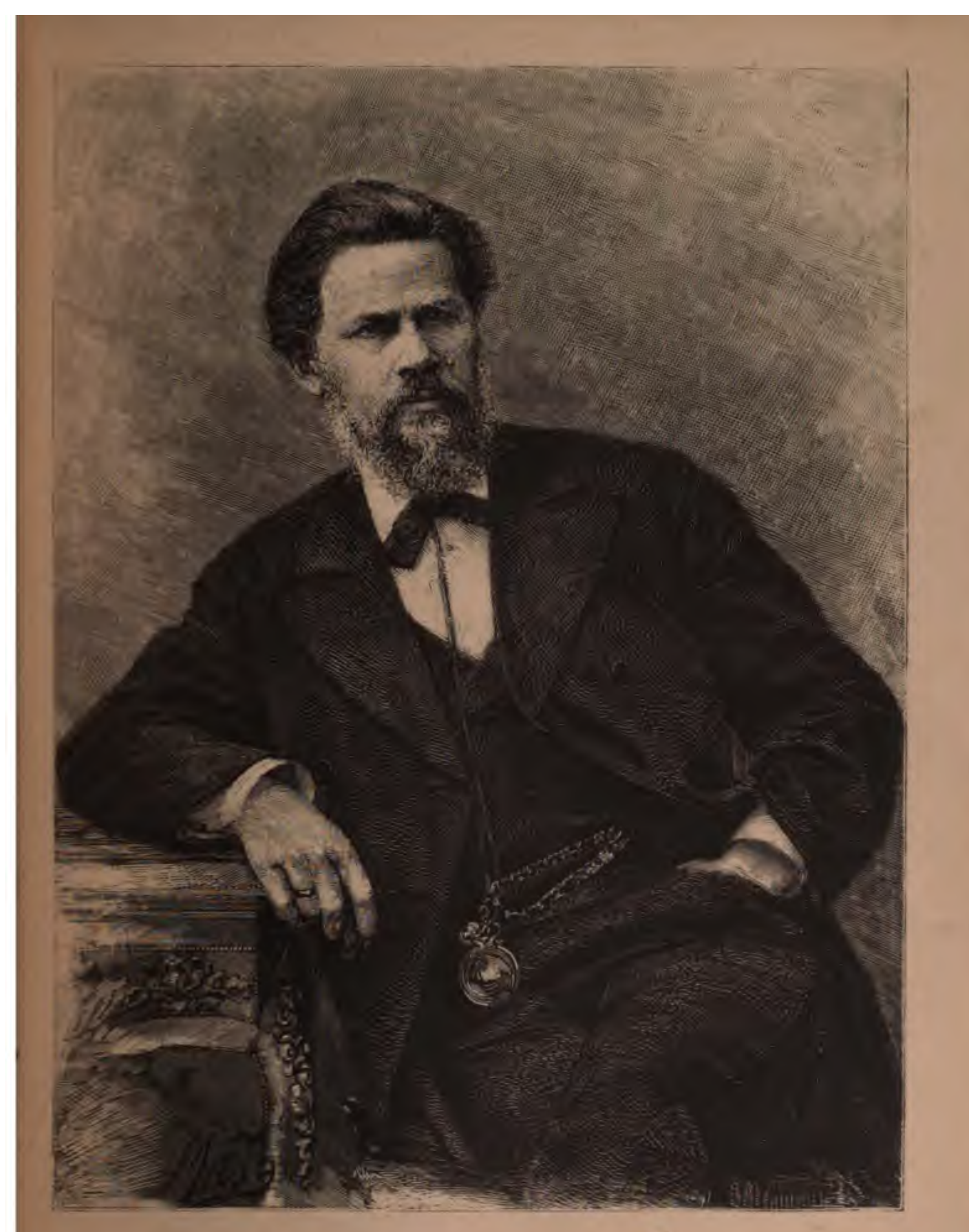
За симъ, слѣдуетъ, по обычаю правовѣрныхъ, пожелать всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ, но я такъ заинтересованъ, сдѣлаете ли вы что-нибудь, или нѣтъ, что даже, кромѣ поклона Матренѣ Павловнѣ и привѣтствія Софьѣ Сергѣевнѣ, больше сдѣлать ничего не могу. Вашъ

И. Крамской.

---

*) Для плафона въ храмъ Спаса, въ Москвѣ.

И. Н. КРАМСКОЙ.

Съ фотографическаго портрета, снятаго въ началѣ 80-хъ годовъ.

дозв. ценз. спб., 17 дкв, 1887 г.

II

ПИСЬМА

I. Къ М. В. Тулинову.

С.-Петербургъ, 27 іюля 1863.

Михаилъ Борисовичъ. Къ вамъ, въ Москву, пріѣхалъ, можетъ быть слышали, а можетъ быть нѣтъ, его превосходительство Алексѣй Тарасовичъ Марковъ и увезъ туда все, что работалось мною, то есть рисунки и картоны *), а посему, если вы еще не вычеркнули изъ своего сердца меня, то вы сдѣлаете мнѣ хорошую услугу, снявши со всѣхъ вещей фотографіи: онѣ мнѣ нужны, какъ воспоминаніе; да къ тому-жъ и награжденіе я получилъ слишкомъ мизерное, чтобы объ этомъ забыть. Марковъ хотѣлъ и самъ снять фотографіи и дать мнѣ одинъ экземпляръ коллекціи, что̀ хотѣлъ сдѣлать въ «Русской фотографіи», хоть я и совѣтовалъ ему зайти къ вамъ. Но я ему не вѣрю, онъ надуетъ меня также и въ этомъ. Но Боже васъ сохрани говорить ему что нибудь за меня; сдѣлайте это для меня, какъ вещь очень нужную. Кромѣ этого есть еще просьба къ вамъ отъ одного художника, Померанцова. У него есть въ Москвѣ на постоянной выставкѣ— картина: «Подъ праздникъ въ острогѣ», изъ «Мертваго дома», съ которой ему необходимо имѣть фотографію, для помѣщенія съ нея гравюры въ одномъ изданіи. Если можете и хотите — сдѣлайте, и сколько будетъ стоить, получите, но ему нужно 4 экземпляра. И если вы сдѣлаете это, то это нужно немедленно, или во всякомъ случаѣ дайте отвѣтъ сейчасъ же, особенно если не сдѣлаете... О своихъ же работахъ я вамъ ничего не напишу, потому что еще все въ туманѣ, а когда станетъ ясно, вы и сами увидите...

За симъ, слѣдуетъ, по обычаю правовѣрныхъ, пожелать всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ, но я такъ заинтересованъ, сдѣлаете ли вы что-нибудь, или нѣтъ, что даже, кромѣ поклона Матренѣ Павловнѣ и привѣтствія Софьѣ Сергѣевнѣ, больше сдѣлать ничего не могу. Вашъ

И. Крамской.

---

*) Для плафона въ храмъ Спаса, въ Москвѣ.

II. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 3 августа 1863 г.

Добрый другъ мой Михаилъ Борисовичъ. Спасибо за все, что̀ пишется въ письмѣ вами; что̀ же касается 8-ми мѣсяцевъ молчанія, то со мной еще и не то̀ можетъ случиться... отъ радости за «Моисея» *), которому я отъ души желаю добра, гдѣ бы онъ ни былъ, въ Саратовѣ ли, или въ другомъ мѣстѣ, и такъ какъ онъ Моисей не настоящій, а самозванецъ, и ему можетъ быть худо, отъ новорожденнаго «Моисея» **), то пусть онъ и выкупится скорѣе на волю, не только за 150 р., а пусть уноситъ ноги какъ ни попало, только съ глазъ долой. Но пожалуйста серьезно отнеситесь къ просьбѣ Померанцева о снятіи съ картины; ему нужно что нибудь одно знать, снимите ли вы, или нѣтъ?—и если снимите, то не откладывая. Съ деньгами же за Моисея, если продается, поступите по закону, то есть: сто рублей получите въ уплату моего долга вамъ—300 рублей, а остальные, сколько останется, пришлите мнѣ. Это будетъ недурно, и со стороны тѣхъ, которымъ пришла блажь купить его,—даже великодушно. И такъ, стало быть, если вы мнѣ еще сообщите что нибудь подробное о Пановѣ: что онъ? какъ онъ? и что изъ него будетъ? то вы сдѣлаете все, что отъ васъ требуется, кромѣ, разумѣется, лежащей на васъ обязанности свидѣтельствовать отъ меня, кому слѣдуетъ, изъявленія признательности и уваженія...

И. Крамской.

III. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 21-го августа 1863 г.

Добрый мой Михаилъ Борисовичъ. Нельзя ли, съ полученіемъ этого письма, отправиться къ Маркову и между прочимъ узнать отъ него, будетъ ли онъ къ 27-му числу на экзаменѣ, или нѣтъ? У меня есть догадка, что я имѣю въ ректорѣ Бруни большого недоброжелателя, и вотъ по какой причинѣ. Онъ не прочь былъ самъ дѣлать куполъ и ждалъ, что Марковъ оборвется, и не только не будетъ работать, но что даже и изъ Петербурга не выѣдетъ, не сможетъ. Но это не осуществилось, и мое имя и личность стала ему извѣстна, чѣмъ объясняется, что Бруни миновалъ меня 2 раза, обходя мастерскія, а въ послѣдній разъ говорилъ со мной такъ, что я въ большомъ раздумьѣ. И ни одного замѣчанія! Кромѣ того, Тонъ противъ

*) «Молитва Моисея по переходѣ израильтянъ черезъ Черное море» — картина Крамского, бывшая на выставкѣ 1861 года.

**) «Моисей источаетъ воду изъ скалы» —картина, за которую Крамской получилъ 2-ю золотую медаль въ 1862 году.

Бруни и N, а между тѣмъ хорошъ ко мнѣ. N ненавидитъ Тона и льнетъ къ Бруни (то есть, вѣрнѣе, Бруни къ нему), а между тѣмъ предложилъ мнѣ учить на Биржѣ *). Стало быть хорошъ! Марковъ ничего съ N, хорошъ съ Тономъ и холоденъ къ Бруни. Судите сами, въ какую я попалъ, не думая, не гадая, интригу. Потомъ у Бруни два протеже изъ программистовъ, у которыхъ онъ часто бываетъ, да у Пименова одинъ.

Такъ вотъ видите въ чемъ дѣло. Мнѣ хорошо знать, будетъ ли Марковъ на экзаменѣ, или нѣтъ? Къ тому же и Тонъ съ нетерпѣніемъ его желаетъ видѣть, по дѣлу.

Изъ всего, что я вамъ пишу объ интригахъ, ради Бога никому ни звука, а то я пропалъ, а Маркову только передайте желаніе Тона видѣть его. Мнѣ объ этомъ сказалъ помощникъ инспектора, да спросите, будетъ ли онъ на экзаменѣ, и только. Ради Бога, больше ни слова.

Затѣмъ жду отъ васъ извѣстій по всѣмъ предложеннымъ вопросамъ.

И. Крамской.

IV. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 13-го ноября 1863 г.

Дорогой мой Михаилъ Борисовичъ! Внимай! 9-го ноября, то есть въ прошлую субботу, въ Академіи случилось слѣдующее обстоятельство: 14 человѣкъ изъ учениковъ подали просьбу о выдачѣ имъ дипломовъ на званіе классныхъ художниковъ. Съ перваго взгляда тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Люди свободные, вольно-приходящіе ученики, могутъ когда хотятъ оставить занятія. Но въ томъ-то и дѣло, что эти 14 не простые ученики, а люди, имѣющіе писать на 1-ю золотую медаль. Дѣло вотъ такъ было: за мѣсяцъ до сего времени, мы подавали просьбы о дозволеніи намъ свободнаго выбора сюжетовъ, но въ просьбѣ нашей намъ отказали. Передъ тѣмъ, какъ мы рѣшились подать вторую просьбу, мы ходили къ каждому профессору отдѣльно, урезонивали, просили, и слышали въ отвѣтъ, что просьба наша имѣетъ основаніе и вѣроятно будетъ уважена, и что онъ (профессоръ) съ своей стороны употребитъ свои старанія въ нашу пользу. Однимъ словомъ, каждый, отдѣльно взятый, оказывался хорошимъ человѣкомъ, а, сойдясь вмѣстѣ, опять отказали и рѣшили дать одинъ сюжетъ историкамъ и сюжетъ жанристамъ, которые искони выбирали свои сюжеты. Въ день конкурса, 9-го ноября, мы являемся въ контору и рѣшились взойти всѣ вмѣстѣ въ Совѣтъ и узнать, чѣмъ рѣшилъ Совѣтъ. А потому, на вопросъ инспектора: кто изъ насъ историки и кто жанристы? мы, чтобы

*) На Биржѣ помѣщалась Рисовальная школа Общества поощренія художниковъ.

войти всѣмъ вмѣстѣ въ конференцъ-залъ, отвѣчали, что мы всѣ историки. Наконецъ, зовутъ насъ передъ лицо Совѣта, для выслушанія задачи. Входимъ. Θ. Θ. Львовъ прочелъ намъ сюжетъ: «Пиръ въ Валгаллѣ» — изъ скандинавской миѳологіи, гдѣ герои рыцари вѣчно сражаются, гдѣ предсѣдательствуетъ богъ Одинъ, у него на плечахъ сидятъ два ворона, а у ногъ два волка, и, наконецъ, тамъ, гдѣ-то въ небесахъ, между колоннами мѣсяцъ, гонимый чудовищемъ въ видѣ волка, и много другой галиматьи.

Послѣ этого Бруни всталъ, подходитъ къ намъ для объясненія сюжета, какъ это всегда водится. Но одинъ изъ насъ, именно Крамской, отдѣляется и произноситъ слѣдующее: «Просимъ позволенія передъ лицомъ Совѣта сказать нѣсколько словъ!» (молчаніе, и взоры всѣхъ впились въ говорящаго). «Мы два раза подавали прошеніе, но Совѣтъ не нашелъ возможнымъ исполнить нашу просьбу; мы, не считая себя въ правѣ больше настаивать и не смѣя думать объ измѣненіи академическихъ постановленій, просимъ покорнѣйше освободить насъ отъ участія въ конкурсѣ и выдать намъ дипломы на званіе художниковъ». Нѣсколько мгновеній — молчаніе. Наконецъ Гагаринъ и Тонъ издаютъ звуки: «всѣ?» Мы отвѣчаемъ: «всѣ», и выходимъ, а въ слѣдующей комнатѣ отдаемъ прошенія производителю дѣлъ. Вотъ дѣло какого рода! Теперь мы боимся, чтобы они не задержали дипломовъ. И въ тотъ же день Гагаринъ просилъ письмомъ Долгорукова *), чтобы въ литературѣ ничего не появилось, безъ предварительнаго просмотра его (Гагарина). Однимъ словомъ, мы поставили въ затруднительное положеніе. И такъ, мы отрѣзали собственное отступленіе и не хотимъ воротиться, и пусть будетъ здорова Академія къ своему столѣтію. Вездѣ мы встрѣчаемъ сочувствіе къ нашему поступку, такъ что одинъ посланный отъ литераторовъ просилъ меня сообщить ему слова, сказанныя мною въ Совѣтѣ, для напечатанія. Но мы пока молчимъ. И такъ какъ мы крѣпко держались за руки до сихъ поръ, то, чтобы намъ не пропасть, рѣшились держаться и дальше, чтобы образовать изъ себя художественную ассоціацію, то есть работать вмѣстѣ и вмѣстѣ жить. Соединяемся мы, положимъ, на 5 лѣтъ, въ которыя мы думаемъ составить капиталъ. Для сего, мы думаемъ, не лишнее пріобрѣсти покупкою или устройствомъ фотографическое заведеніе, и если ты не прочь продать намъ свое заведеніе, съ разсрочкою платежа, то это намъ было бы полезно. А также прошу тебя сообщить мнѣ свои совѣты и соображенія относительно практическаго устройства и общихъ правилъ, пригодныхъ для нашего общества. Однимъ словомъ, помоги чѣмъ нибудь, какимъ нибудь совѣтомъ или указаніемъ источника, имѣющаго дать какой либо доходъ. Предположенія наши, какъ ты можешь догадываться, не мо-

---

*) Начальникъ III-го Отдѣленія. *Ред.*

гутъ отличаться практичностью, хоть въ нихъ много честности и умѣнья техническаго въ искусствѣ и желанія трудиться для будущаго своего обезпеченія. И намъ кажется теперь это дѣломъ возможнымъ. Кругъ дѣйствій нашихъ имѣетъ обнимать: портреты, иконостасы, копіи, картины оригинальныя, рисунки для изданій и литографій, рисунки на деревѣ, однимъ словомъ все, относящееся къ спеціальности нашей. Изъ общей суммы должно быть откладываемо 30 процентовъ для составленія оборотнаго капитала; остальное идетъ на покрытіе издержекъ нашей жизни и общій дѣлежъ. Вотъ программа, далеко еще не ясная, какъ видишь, но спѣшу тебя извѣстить о случившемся, и жду, что ты откликнешься и подашь свой голосъ.

Твой И. Крамской.

P. S. Ученики Академіи волнуются и хотятъ подать просьбу о допущеніи ихъ присутствовать на экзаменѣ.

V. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 21-го ноября 1863 г.

Другъ мой Михаилъ Борисовичъ. Дѣло дѣйствительно важное, о которомъ я писалъ, и такъ какъ мнѣ неизвѣстно, что ты объ этомъ думаешь, судя по твоему молчанію, то я считаю нужнымъ разъяснить это еще нѣкоторыми подробностями. Дѣло въ томъ, что съ 1 декабря будетъ объявлено въ публикѣ Петербурга и Москвы, а затѣмъ и всей Россіи, слѣдующее: «Художественное комиссіонерство. Такой-то, имѣя обширный кругъ знакомыхъ между художниками, объявляетъ, что онъ принимаетъ всевозможные заказы, относящіеся къ искусству, какъ-то: портреты, копіи съ картинъ, образа, иконостасы, живопись аль-фреско, плафоны, рисунки для иллюстрированныхъ изданій и журналовъ, рисунки для золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, а также и скульптурныя произведенія, барельефы, круглыя фигуры, рисунки и модели для памятниковъ, а также комиссіонерство беретъ на себя рекомендацію учителей рисованія» и т. д. Самое устройство этого общества, его спеціальныя условія, распредѣленіе работъ и процентовъ для основанія капитала, въ настоящее время занимаетъ всѣ наши силы, и мы почти ежедневно сходимся для толковъ и уразумѣнія этого дѣла. Вотъ почему теперь именно твоя помощь совѣтомъ намъ и можетъ быть дорога. И притомъ еще, ты, будучи въ Петербургѣ, развивалъ одинъ гуманный планъ устройства фотографіи: вотъ оно тутъ-то и было бы на мѣстѣ. И, наконецъ, отчего же прямо и не сказать тебѣ свою мысль по этому поводу? Я объ ней ни слова своимъ, пока ты не скажешь чего нибудь. Всякое начало требуетъ, сообразно размѣрамъ своимъ, основнаго капитала; для основанія нашего общества онъ не будетъ превышать $1^1/_2$ или 2 ты-

сячъ. А тамъ впереди, что Богъ дастъ. Только мы соединяемся на 5 лѣтъ, и въ теченіе этого времени предполагается собрать капиталъ, имѣющій выйти изъ взноса каждымъ 30 процентовъ съ рубля, который на первыхъ порахъ и пустить въ оборотъ. Мы думаемъ, что, живя всѣ вмѣстѣ, за исключеніемъ немногихъ, и имѣя 3 общихъ большихъ мастерскихъ, намъ каждому жизнь, по самому точному и нескупому разсчету, будетъ стоить ежемѣсячно 25 рублей серебромъ. Слѣдовательно: соединяясь, мы не только не теряемъ, а положительно выигрываемъ, потому что и теперь каждый изъ насъ заработываетъ что нибудь, а тогда тѣмъ больше. Однимъ словомъ, хуже, напримѣръ, прошлой нашей жизни не будетъ. Къ тому же, намъ сочувствуютъ очень многія изъ лицъ, имѣющихъ вліяніе. И. Крамской.

P. S. И если ты почему нибудь не можешь принять участія въ нашемъ предпріятіи, то потрудись отвѣчать немедленно. У насъ теперь идутъ хлопоты о добычѣ денегъ, для обезпеченія себя на годъ и для покупки фотографіи. Ради Бога, отвѣчай. На письма твои ничего не пишу, потому что они исполнены.

VI. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 20-го декабря 1863 г.

Добрый мой Михаилъ Борисовичъ. Ты сегодня долженъ получить группу. Какъ она удалась, ты увидишь; отчего я такъ долго работалъ — я тебѣ и сказать ничего не могу въ свое оправданіе. Да и къ чему оно? Дѣла не поправишь. Портретъ великаго князя ты получилъ отъ одного нашего члена въ обществѣ, москвича Лемоха, который лично явится передъ тобою. Отъ него ты узнаешь много подробностей, если захочешь. Объявленіе о работахъ, которыя мы принимаемъ, здѣсь въ нѣскольких газетахъ будетъ напечатано, и будутъ помѣщены адресы, куда обращаться съ заказами. Въ томъ числѣ мы желали бы, чтобы въ Москвѣ былъ тоже адресъ, и его мы просимъ напечатать на твое имя и заведеніе. И если ты это позволишь, то мы составимъ приблизительно цѣны работамъ и пришлемъ къ тебѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, ты бы могъ сказать тѣмъ, кто будетъ спрашивать, а впослѣдствіи, если укажетъ надобность, то нѣкоторые изъ насъ не прочь переселиться въ Москву.

О многомъ бы намъ нужно поговорить въ нашихъ предпріятіяхъ, и если ты что имѣешь, прошу тебя — поговори съ Карломъ Лемохомъ. Онъ мальчикъ умный, и человѣкъ хорошій готовится. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ разскажетъ намъ все, а быть можетъ ты найдешь возможнымъ и самому содѣйствовать авторитетомъ твоимъ въ нашемъ обществѣ; какъ ты на это посмотришь — сообщи.

Относительно твоего вопроса, съ какими мы средствами начинаемъ, я долженъ тебѣ сказать: ни съ какими. Мы просто теперь начали составлять капиталъ изъ процентовъ съ заработываемыхъ денегъ, и черезъ годъ, Богъ дастъ, у насъ будутъ деньги, которыя мы и употребимъ на какое нибудь выгодное предпріятіе.

Вотъ и все. Мы готовы работать и работаемъ, что̀ у каждаго есть. Впереди, что Богъ дастъ. И. Крамской.

P. S. При случаѣ, скажи Рамазанову *), что называть поступокъ нашъ демонстраціею печатно — съ его стороны не хорошо. Онъ можетъ объ этомъ думать что̀ ему угодно; но говорить печатно такъ, значитъ указывать правительству на насъ пальцемъ. И безъ того за нами смотрятъ, недоброжелательствуютъ, ненавидятъ, а мы на подобныя рѣчи не можемъ отвѣчать публично. Стыдно ему поступать такъ съ людьми безоружными! Объ немъ мы этого не думали. Писать съ невѣрныхъ слуховъ — вещь не похвальная.

VII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, В. О., 21-го апрѣля 1864 г.

Христосъ Воскресе! Михаилъ Борисовичъ. Долгое молчаніе мое произошло вслѣдствіе очень естественныхъ причинъ. Въ прежнихъ письмахъ я писалъ тебѣ объ обществѣ нашемъ и, признаюсь, вызывалъ тебя на какое нибудь участіе въ дѣлахъ нашихъ, вещественное или даже и невещественное; у тебя былъ на рождественскихъ праздникахъ одинъ изъ тринадцати, но случилось такъ, что ему было еще меньше извѣстно по пріѣздѣ обратно, чѣмъ до отъѣзда. Отвѣтъ, имъ привезенный, былъ такого рода, что я увидѣлъ изъ него, насколько я тебя обидѣлъ, не сдѣлавши группы скоро. И въ настоящее время, и тогда, я сознавалъ, какъ сознаю и теперь, всю важность своей ошибки. Но что-жъ дѣлать! Видя дѣло яснѣе своихъ товарищей, я постарался замять его, хоть самъ сознавалъ очень хорошо наше положеніе не хуже другихъ, и всѣми силами настаивалъ на томъ, чтобы все сдѣлать собственными силами. Если тебя интересуетъ, то я сообщу тебѣ, можетъ быть, еще что нибудь, чего не сказалъ тебѣ Песковъ**), потому, можетъ быть, что въ послѣднее время — во время болѣзни — онъ не могъ наблюдать.

Общество наше, какъ и всякое другое общество, можетъ, по природѣ вещей, держаться тогда только, когда въ этомъ есть какая нибудь прямая польза для каждаго изъ членовъ въ отдѣльности. Посмотримъ теперь,

---

*) Скульпторъ и писатель объ искусствѣ, въ московскихъ газетахъ. *Ред.*
**) Живописецъ, одинъ изъ 13-ти. *Ред.*

что обѣщаетъ наше общество каждому изъ насъ? По первоначальной программѣ, предположено было такъ: составить капиталъ своими средствами, въ теченіе пяти лѣтъ, взнося по 10 процентовъ со своихъ, такъ сказать, ежедневныхъ доходовъ, или частныхъ работъ, и 25 процентовъ съ работъ общественныхъ, или тѣхъ, которыя будутъ добыты нами вслѣдствіе публикаціи. Теперь посмотри, что вышло. Для найма квартиры многимъ изъ насъ и для объявленія въ газетахъ мы положили взнести каждому по 20 рублей. Нѣкоторые внесли даже больше, а X. расчеркнулся на 100 р., которыхъ и по сю пору не взнесъ. Это все ничего, никого не удивило, мы его знаемъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, большая половина, какъ и слѣдовало ожидать, приняла выжидательное положеніе: то-есть, никто изъ нихъ, за исключеніемъ 4 или 5 человѣкъ, не взносилъ 10 процентовъ, назначенныхъ съ доходовъ каждаго, и выжидалъ хода дѣлъ въ обществѣ, не будетъ ли такой работы, которая бы дала сейчасъ всѣмъ много денегъ. Между тѣмъ такая работа не появлялась, и чѣмъ больше проходило времени въ такомъ положеніи, тѣмъ меньше приходило человѣкъ на наши четверги. И въ послѣднее время четверги состояли только изъ живущихъ на квартирѣ. Между тѣмъ, тѣ, которые ничего не взносили изъ своихъ работъ, вѣдь жили же чѣмъ нибудь, вѣдь имѣли же они хоть какую нибудь работу: и стало быть должны же были взнести хотя грошъ въ общую кассу. Теперь невольно рождается вопросъ: оставить ли это дѣло такъ, или что нибудь предпринять? Винить тутъ некого, все это въ порядкѣ вещей. Но, на бѣду, возникаетъ еще подобное общество художниковъ, вооруженное всѣми средствами, то есть нанимаетъ квартиру въ хорошей части города и ассигновало для публикацій большую сумму денегъ. Спрашивается: отчего же къ намъ нѣтъ заказовъ, когда мы тоже публиковали? Заказы были и есть, но очень незначительные, и надобно еще удивляться, какъ есть что нибудь еще и такое. Вѣдь мы въ первый разъ публикнули 3 раза въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», а потомъ увидѣли, что еще надо, собрали по рублю — еще чавкнули. Наконецъ видимъ, что надо было бы дѣлать еще то же самое, да вотъ все собираемся собрать денегъ для этого. И всѣ эти публикаціи, вмѣстѣ взятыя, меньше, чѣмъ капля въ океанѣ, и пройдетъ не больше года, какъ и въ насъ, составителяхъ общества, останется только воспоминаніе, а можетъ быть нѣкоторые изъ насъ будутъ съ отчаяньемъ спрашивать кого нибудь: отчего это у насъ въ Россіи никакое общество существовать не можетъ?! Все это, разумѣется, будетъ жалко и смѣшно, но неужели же въ самомъ дѣлѣ этому помочь нельзя?

Вчера вечеромъ я собралъ у себя лучшихъ, и говорили, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Говорилось, какъ водится, много хорошаго, составили планъ и публикаціи даже, и многаго другого; одна бѣда: осуществить

этого нельзя. Вотъ, если хочешь, послушай. Надобно публиковать не на Петербургъ и Москву, гдѣ и безъ того много художниковъ, а на всю Россію; публиковать до тѣхъ поръ, пока каждому милліону людей въѣстся въ память существованіе общества, пока онъ будетъ даже и во снѣ видѣть, что мы исполняемъ всякія художественныя работы, не стѣсняясь цѣною,—этого бояться нечего, потому что работы нѣкоторыя мы можемъ и передавать, какъ напримѣръ случалось намъ уже. Съ Кавказа пришелъ къ намъ заказъ—написать образъ всѣхъ праздниковъ: на него нужно серебряную ризу, образъ величиною въ 6 вершковъ, можешь себѣ представить? Однакожъ мы ему написали цѣну, что это будетъ стоить 150 рублей, совсѣмъ, съ ризой, и что же? Онъ выслалъ деньги, а мы образъ передали написать за 60 рублей, и онъ исполненъ очень хорошо, останутся навѣрно довольны, и скоро посылаемъ. Слѣдовательно ничего, если мы будемъ брать и цѣны, какія кто можетъ дать, и работа, какая бы ни была. Работа будетъ: надобно только, чтобы люди узнали, что есть общество художниковъ. И можно еще сдѣлать вотъ что: разослать по всѣмъ эпархіямъ къ архіереямъ и настоятелямъ монастырей, по всей Россіи, письма съ предложеніемъ своихъ услугъ, а также къ полицеймейстерамъ и городничимъ въ города и губерніи, чтобы они прибили вездѣ на перекресткахъ наши объявленія, въ думы городскія также, и тогда будетъ видно: возможно или невозможно существованіе нашего общества? Для Петербурга же надобно перемѣнить квартиру, устроить мастерскую, и выставку также, на подобіе постоянной, только входъ безплатный. Однимъ словомъ, заявить о своемъ существованіи, да тогда уже и произносить приговоръ.

Теперь скажу нѣсколько о себѣ. Лично я — слава Богу. Вотъ и все. Спасибо тебѣ за присылку объявленія о конкурсѣ. Я уже объ этомъ зналъ давно, и до полученія отъ тебя ко мнѣ принесли это объявленіе на квартиру. Кто-то старается объ насъ. Къ конкурсу я писать очень намѣренъ, а пріѣхать не могу, потому что на Биржѣ четыре урока въ недѣлю, до конца мая, а на лѣто я имѣлъ большое поползновеніе пріѣхать на Воробьевы горы работать. Жду съ нетерпѣніемъ услышать отъ тебя мнѣніе обо всемъ писанномъ. Любящій тебя И. Крамской.

P.S. Прошу тебя: поручи кому нибудь выслать ящикъ мой съ книгами и рисунками, и этюды сюда: мнѣ ихъ нужно очень.

VIII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 12-го мая 1867 г.

Михаилъ Борисовичъ. Придется, вѣроятно, тебѣ сообщить правду относительно денегъ, которыя ты у меня просилъ. Дѣло въ томъ, что 1,500 р.

серебромъ для меня такія же немыслимыя деньги въ настоящее время, какъ и два года тому назадъ. Послѣ раздѣла*) у меня осталось дѣйствительно 1,500 рублей, но за уплатою всѣхъ долговъ, у меня осталось 1,000 руб. Это было прошлой осенью, а потомъ и изъ этихъ 1,000 рублей, вслѣдствіе обстоятельствъ, кое-что тронулось. Однимъ словомъ, у меня теперь только нѣсколько билетовъ внутренняго займа, дѣтскихъ—вотъ все. Стыдно и неловко мнѣ писать тебѣ это, особенно теперь, когда тебѣ нужда, но надо же сказать такъ, какъ оно есть. Что дѣлать?.. Относительно картины Маркова «Колизей» на камнѣ, не знаю, что и сказать: я не могу взяться за это дѣло, развѣ Дмитріевъ нарисуетъ; но вѣдь онъ, пожалуй, и не заплатитъ столько, сколько слѣдуетъ... И. Крамской.

IX. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 15-го января 1868 г.

Михаилъ Борисовичъ. Извини меня, что я такъ неаккуратно исполняю твою просьбу. Но письмо твое я получилъ наканунѣ праздниковъ, и потому только что собралъ нужныя тебѣ свѣдѣнія. У насъ въ Артели, по книгамъ, капиталъ простирается до 10,000 р., но наличныхъ денегъ 1/3 неприкосновеннаго капитала, который въ билетахъ внутренняго займа, и не находится на сохраненіи въ Государственномъ Банкѣ. Относительно Поземельнаго банка, меня послали сперва изъ банка въ Мѣщанскую, оттуда въ Думу, а оттуда къ Полицейскому мосту, въ домъ Елисѣева, гдѣ я и получилъ посылаемыя брошюры, не увѣренный, однакоже, то ли тебѣ нужно. Есть еще Частный Коммерческій банкъ на Англійской набережной, но тамъ я не былъ, предполагая, что тебѣ надо мѣсто, гарантированное правительствомъ.

Портретъ твой стоитъ у меня въ рамѣ, и если ты будешь въ Петербургѣ, то я кончу фигуру съ тебя, а если нѣтъ, то весною привезу его оканчивать въ Москву. Билетъ мой у тебя еще, это хорошо, только я бы желалъ вотъ чего. Отъ Хомутовой я никакого извѣстія не имѣю до сихъ поръ. Адреса ея не знаю. Хотя и былъ у нея, но, если ты помнишь, она была заграницей; пріѣхала ли она, не знаю. Если можно узнать въ адресномъ столѣ и сообщить мнѣ адресъ, или же узнать, по крайней мѣрѣ, годится ли портретъ, и потомъ пусть мнѣ хоть напишутъ свои замѣчанія, или вышлютъ мнѣ деньги, или бы ты получилъ и вычелъ бы что слѣдуетъ тебѣ.

---

*) Раздѣлъ между Крамскимъ, Н. А. Кошелевымъ и Б. Б. Венигомъ денегъ, полученныхъ ими отъ проф. Маркова, за писаніе купола въ храмѣ Спаса, въ Москвѣ, по его эскизамъ.

Хотя бы что нибудь узнать. Жаль Рамазанова. Я буду участникомъ въ подпискѣ на памятникъ. Твой И. Крамской.

X. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 1-го ноября 1868 г.

Добрый мой Михаилъ Борисовичъ. Артель ничинаетъ смекать, что для своего домашняго обихода ей недурно бы завестись фотографическимъ аппаратомъ, со всѣми принадлежностями. Къ этому заключенію она пришла особенно послѣ вотъ теперешней выставки, на которой работы Артели занимаютъ цѣлую стѣну, и были всѣми замѣчены; а также и газетные отзывы были вообще лестные. Кромѣ того, намъ нужно бываетъ очень часто снимать копіи, манкены, рисунки и такъ далѣе. И такъ, въ этомъ письмѣ и будетъ заключаться слѣдующая просьба: пришли намъ объективъ, съ камерой, со всѣми принадлежностями, и вообще все, что нужно, или сообщи немедленно, что̀ это можетъ стоить, чтобы мы къ тебѣ могли выслать деньги, если это почему нибудь иначе нельзя. Ты знаешь, конечно, что намъ нужно:—самое большое, на первый разъ, это полъ-пластинки, снимать въ комнатѣ, по преимуществу копіи, и, разумѣется, въ случаѣ нужды, то и позитивный негативъ. Однимъ словомъ, если возможно, то чтобы расходъ не превышалъ 150 рублей серебромъ на всѣ принадлежности и матеріалы. Кромѣ того, если ты найдешь возможнымъ прислать къ намъ и готоваго коллодіума, серебра для ванны и проявленія, а также указаній: какой бумаги, какъ ее приготовить, или готовый составъ для этого, а если этого будетъ невозможно сдѣлать, или просьба эта слишкомъ наивна покажется тебѣ, то укажи, какъ надо все это сдѣлать? Хорошо, конечно, еслибы ты самъ намъ показалъ кое-что, если ты здѣсь будешь, разумѣется. Но хотя, по крайней мѣрѣ, отвѣчай немедленно, потому что тогда мы знать будемъ, по средствамъ ли намъ завести это удобство? Нами опредѣлено слѣдующее: употребить на первый разъ 150 рублей для этого; затѣмъ, когда это окупится (каждый изъ насъ, за всякій снимокъ для себя, будетъ платить), тогда и увеличить расходъ на это. Изъ этого ты можешь видѣть, на сколько намъ всего этого нужно, и сообразно этому, стало быть, помоги намъ своею опытностью. Твой И. Крамской.

XI. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 23-го декабря 1868 г.

Добрый мой Михаилъ Борисовичъ. Приносимъ тебѣ всѣ, отъ мала до велика, нашъ сердечный привѣтъ и спасибо. Посылки мы еще не получа-

ли—не пріѣхала. Что касается до заказа, о которомъ ты пишешь, то я, къ сожалѣнію, не могу его принять, такъ какъ я рѣшился уже ихъ не принимать никакихъ, года на три: портретовъ для музеума московскаго слишкомъ достаточно, чтобы желать новыхъ. И я расположенъ устроиться такъ вечеромъ работать ихъ, а дни посвятить моимъ бѣднымъ сиротамъ—картинамъ. Хорошо? Но будто только я одинъ могу ихъ сдѣлать? Первый Морозовъ выполнитъ не хуже, а чтобы тому господину показать работу, то передай ему, пусть онъ посмотритъ въ домѣ Буколовой (кажется), въ приходѣ Пимена, около Малой Дмитровки—портреты наказнаго атамана Хомутова и сына его, который находится у Лидіи Васильевны Хомутовой. Цѣна 400 рублей, за два поясныхъ портрета—порядочная. Однимъ словомъ, мы не прочь, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, скоро двое изъ насъ и совсѣмъ переселятся въ Москву, для открытія и тамъ отдѣленія Спб. Артели художниковъ и основанія мастерской. Сообщаю тебѣ, какъ человѣку намъ сочувствующему, что Корзухинъ, на конкурсѣ въ Обществѣ поощренія художниковъ, получилъ, за свою картину: «Канунъ Рождества»—вторую премію. Все, значитъ, идемъ въ гору. Спокойной ночи, до свиданія.

Преданный тебѣ И. Крамской.

XII. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 26-го сентября 1869 г.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Порученіе ваше, переданное мнѣ Алекс. Ант. Риццони, написать портретъ Ивана Александровича Гончарова, къ моему крайнему сожалѣнію, не можетъ быть исполнено скоро, такъ какъ я уѣзжаю въ первыхъ числахъ октября заграницу на два мѣсяца. Однако-жъ, имѣя еще въ своемъ распоряженіи цѣлую недѣлю, а можетъ быть и десять дней, я сегодня же былъ у Гончарова, полагая начать портретъ немедленно, но Иванъ Александровичъ предпочелъ отложить до моего возвращенія, потому, какъ онъ сказалъ, что надѣется къ тому времени сдѣлаться еще лучше. Во всякомъ случаѣ, портретъ ближе января или наканунѣ новаго года быть у васъ не можетъ.

Цѣна моя за колѣнный портретъ въ величину портрета Писемскаго—500 руб. серебр.

Если до моего отъѣзда вы почтите меня отвѣтомъ, то сообщаю къ свѣдѣнію мой адресъ: В. О., Биржевой переулокъ, домъ братьевъ Елисѣевыхъ (бывшій Меняева), кварт. № 58.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть всегда готовый къ услугамъ И. Крамской.

XIII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 30-го сентября 1869 г.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ, разумѣется, исполнилъ бы ваше желаніе—начать портретъ немедленно, еслибы не слѣдующія обстоятельства:

Великая княгиня Екатерина Михайловна, дочери которой я даю уроки, уѣзжая заграницу, поручила мнѣ приготовить для нея портретъ ея старшаго сына, и такъ какъ ей было извѣстно о моемъ намѣреніи быть заграницей, то рѣшено было еще въ первыхъ числахъ августа, что я привезу ей портретъ лично. Между тѣмъ отъѣздъ мой замедлился, и я не такъ давно получилъ телеграмму съ запросомъ, почему я не ѣду? Все это сложилось раньше, чѣмъ я имѣлъ удовольствіе получить отъ васъ заказъ; иначе, разумѣется, я распорядился бы къ обоюдному удобству; но въ настоящее время я нахожусь въ положеніи человѣка, давшаго слово сдѣлать то-то и быть тамъ-то. Раскрывъ передъ вами причину, почему именно я не могу сдѣлать, какъ бы вы того желали, я покорнѣйше прошу потерпѣть до моего возвращенія, и обѣщаю, съ своей стороны, употребить все свое стараніе, чтобы портретъ дѣйствительно глубоко уважаемаго мною, какъ и многими, Ивана Александровича Гончарова, былъ достоинъ вашей галлереи, и ставлю условіемъ, что иначе онъ не будетъ принадлежать вамъ, какъ только заслуживъ вполнѣ ваше одобреніе. Быть можетъ, я много на себя беру, высказываясь такъ, но прошу въ этихъ словахъ разумѣть только то, что отдать вамъ портретъ на другихъ условіяхъ я не соглашусь.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть всегда готовый къ услугамъ И. Крамской.

XIV. Къ С. Н. Крамской.

Берлинъ, 17-го ноября 1869 г.

Моя милая, моя добрая Соничка. Вотъ я и заграницей. Разскажу по порядку свои похожденія. Во 1-хъ, на границѣ, въ Эйдкуненѣ—первое приключеніе. Пріѣхали ночью, у меня спрашиваютъ, куда и какъ, а я только хлопаю глазами, да твержу: «Аусъ Петербургъ нахъ Штетинъ, эйне билетъ дрите классъ! Мейне багажъ». Однако-жъ нашелся одинъ добрый человѣкъ, который кое-какъ говорилъ по-русски, онъ меня и вывелъ изъ затрудненія. Затѣмъ исторія съ багажемъ: подходитъ ко мнѣ какой-то прусскій чиновникъ таможенный и, указывая на мой чемоданъ, что-то такое проговорилъ. Я отвѣчаю храбро: «ихъ вейсъ», онъ еще

пуще, а я ему въ отвѣтъ: «ихъ нихтъ вейсъ!» Наконецъ онъ, совсѣмъ сердитый, тыкаетъ пальцемъ въ чемоданъ и что-то все бормочетъ. Наконецъ я догадался, и говорю по-русски: «платье».—«А! пляте, пляте!» Приняли. Поѣхалъ. Ѣхалъ день, а опять въ ночь пріѣхали въ Штетинъ. Тутъ новыя хлопоты, но уже легче, и получилъ билетъ до Ней-Бранденбурга, куда въ ту же ночь пріѣхали въ 12 часовъ. Тутъ-то настоящій казусъ и есть. Только что вышелъ изъ вагона и взялъ изъ багажа свои вещи, поѣздъ помчался дальше, а мнѣ отсюда нужно было ѣхать въ почтовой каретѣ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ въ Ней-Стрелицъ; огни между тѣмъ на станціи потушили (станція маленькая), что мнѣ дѣлать? Толкнулъ въ одну дверь, огонь погасъ въ вокзалѣ, дверь не отворилась; толкнулъ другую — та же исторія; ночь — хоть глазъ выколи. Наконецъ иду дальше, смотрю: что-то въ родѣ кондуктора съ фонаремъ, возится въ кладовой какой-то. Я ему кричу: «Вохинъ?» (куда?). Онъ смотритъ на меня и что-то спрашиваетъ, а я ему опять: «Вохинъ?» Наконецъ онъ запираетъ дверь, тушитъ фонарь и остановился, а я ему жалобнымъ голосомъ: «Клейне циммеръ». Онъ беретъ у меня чемоданъ и папку, и пошелъ. Я за нимъ, вышли за станцію и пошли; онъ впереди, я за нимъ; думаю: что будетъ? Пройдя шаговъ сто, я началъ различать какія-то строенія; наконецъ, кажется, вошли въ улицу,—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, потому что неба чуть-чуть осталось надъ головой, а по сторонамъ, очень близко, справа и слѣва, высокія черныя стѣны и какіе-то шпицы. Наконецъ, мой вожатый остановился, перемѣнилъ багажъ изъ одной руки въ другую, я и хотѣлъ бы ему помочь, да не зналъ, разумѣется, какъ сказать. Наконецъ остановились у одного какого-то дома, онъ постучалъ сначала въ ворота, потомъ въ окно, потомъ опять въ ворота, и наконецъ, кажется, вынулъ платокъ и началъ бросать во второй этажъ и все что-то бормоталъ. Долго это продолжалось, наконецъ окно отворилось и выглянула какая-то фигура, обмѣнялись нѣмцы словами, и окно затворилось, а спустя минуты 3 отперлись ворота и я взошелъ подъ ворота, а тотъ тамъ остался; нѣмецъ сталъ запирать, я успѣлъ сунуть провожатому мелкую монету, ворота хлопнули и мы остались въ такой невообразимой тьмѣ, что ужасъ. Слышу: нѣмецъ начинаетъ шарить около меня, я струсилъ не на шутку, однако-жъ думаю: ну, вѣдь, если онъ меня и убьетъ, то вѣдь завтра же великая княгиня его упрячетъ туда, куда онъ и не думаетъ. Между тѣмъ нѣмецъ поймалъ мою руку и потащилъ меня. Я пошелъ за нимъ, отворились какія-то двери, и мы начали подыматься по узенькой и крутой улицѣ. Онъ молчитъ, и я молчу. Наконецъ повернули направо и прошли мимо какого-то окна, повернули налѣво, и опять стали подыматься, все держась за руки. Скрыпнули двери — и мы

вошли въ комнату. Та же тьма, только впереди маленькое окно, въ которое на небѣ видны трубы и крыши. Оставилъ нѣмецъ меня тутъ, а самъ юркнулъ куда-то. Слышу, рядомъ за стѣною шаркаетъ спичкой и все что-то бормочетъ. Наконецъ направо показался огонь, и нѣмецъ вноситъ свѣчу, ставитъ ее на столъ, посмотрѣлъ на меня, а я на него. Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ, въ колпакѣ, лѣтъ 35, сказалъ: «гутъ нахтъ», показалъ на кровать и исчезъ. Ну! что дѣлать? Направо дверь, тамъ кто-то еще шевелится, за спиною дверь, въ которую мы вошли, передо мной окно съ разбитымъ стекломъ, комната аршина въ 3, и въ ней, кромѣ стола, стоятъ три кровати. Потрогалъ первую кровать — мягко; оказалось, что это подушка или перина, какими нѣмцы покрываются во время зимы. Думаю, багажъ мой тамъ гдѣ-то внизу, я на какомъ-то чердакѣ, и ни звука произнести не могу, то есть не умѣю, да и куда я пойду? Долго я простоялъ такъ, направо зажурчала вода. Дѣлать нечего, начинаю раздѣваться, золото и деньги положилъ подъ подушку и полѣзъ подъ перину. Холодъ страшный, покрылся, смотрю — и глазамъ не вѣрю: подъ периной меня и не видать, точно и нѣтъ человѣка на кровати. А что, думаю, если и на другихъ кроватяхъ есть кто нибудь, вѣдь незамѣтно. Однако-жъ не сталъ свидѣтельствовать. Долго я лежалъ такъ, но наконецъ потушилъ свѣчу. Какъ ни вертись, а ночуй. Былъ страшно уставши, но сонъ конечно прошелъ; поднялся на локоть и слушаю: кругомъ тихо. Гдѣ-то закричалъ пѣтухъ, точно также, какъ и въ Россіи. Сталъ смотрѣть въ окно, и, точно на картинахъ, черепичныя кровли. Стало будто свѣтлѣе, слышу пошевелилось что-то, я тихонько отодвинулся головою къ стѣнѣ, основательно заключая, что если нѣмецъ придетъ меня убить, то съ размаху ударъ не попадетъ мнѣ въ голову, а я между тѣмъ закричу. Однако-жъ опять тихо. Рука у меня стала уставать, я легъ такъ, чтобы оба уха были свободны. Чувствую, что я согрѣлся. Ну, думаю, закрою глаза и буду лежать, какъ будто сплю. Чрезъ нѣсколько времени открываю глаза, а окна не видно, что это такое? Однако-жъ ничего... Вдругъ дверь сильно стукнула, я приподымаюсь, и въ изумленіи замѣчаю, что я спалъ, и что уже утро. — Входитъ нѣмка, я притворился спящимъ. Она взяла сапоги, потомъ приноситъ ихъ и приноситъ воду въ кувшинѣ. Смотрю, стоитъ умывальникъ, котораго я вчера не замѣтилъ. Я всталъ, одѣлся, обрадовался, что остался цѣлъ. Входитъ нѣмецъ вчерашній, въ пиджакѣ и въ туфляхъ, веселый такой, лицо славное. Я ему: «гутъ-моргенъ», онъ тоже, и стоитъ. Я опять говорю: «Ихъ виль эссенъ, тринкенъ», — «Ага! гутъ, комъ гиръ», и еще что-то такое. И пошелъ я за нимъ, спустились по той же лѣстницѣ. Подъ воротами стоятъ въ цѣлости мои вещи. Вошли въ комнату, которая оказалась и булочной, и кабачкомъ, и гостинницей, и лавкой. Выпилъ я кофе, далъ онъ мнѣ и бу-

локъ. Потомъ снарядилъ въ путь, взялъ билетъ въ омнибусъ до Ней-Стрелица, куда я пріѣхалъ въ тотъ же день, въ 4 часа передъ вечеромъ. Тутъ сначала тоже было замѣшательство, но потомъ оказалось, что меня уже тамъ ждали, комнаты мнѣ уже 3 дня какъ были готовы въ лучшемъ отелѣ. Въ тотъ же вечеръ я былъ у великой княгини. Портретомъ очень довольна. На другой день я прошелъ его еще съ натуры, и былъ представленъ — великой герцогинѣ, матери мужа Екатерины Михаиловны. Оказалось, что я нахожусь въ столицѣ герцогства Мекленбургъ-Стрелицкаго, былъ приглашенъ на вечерній придворный театръ, а на утро выѣхалъ въ Берлинъ, куда пріѣхалъ вчера. Сегодня осматривалъ музеумъ королевскій, но осмотрѣлъ еще не все. Все, что я видѣлъ, производитъ впечатлѣніе подавляющее. Завтра и послѣ-завтра буду осматривать частныя галлереи, которыхъ 3, и акваріумъ знаменитый. До завтра.

18-го ноября.

Осматривалъ галлереи Рачинскаго и Вагенера. Вагенера довольно порядочная, а Рачинскаго дрянь. И странно, все—что писали нѣмцы, вообще все скверно; какъ только Дюссельдорфской школы, такъ и хорошо. Вечеромъ осматривалъ акваріумъ. Это что-то дѣйствительно сказочное, для одного акваріума стоитъ съѣздить въ Берлинъ. Завтрашній день окончу осмотръ новаго королевскаго музеума, еще разъ пойду въ акваріумъ, и если останется время, посмотрю еврейскую синагогу, и затѣмъ вечеромъ въ 7 часовъ въ Дрезденъ.

Въ эти три-четыре дня, послѣдніе, я подвинулся въ нѣмецкомъ языкѣ на столько, что уже меня понимаютъ, что я хочу сказать. Сакъ-вояжъ А. И. я починилъ, придѣлалъ къ нему ручки и новый замокъ. А то иначе неудобно. Вотъ уже недѣля, какъ я выѣхалъ, и только то, что я уже выѣхалъ, толкаетъ дальше; въ противномъ случаѣ, я не знаю, что бы со мной было. Не знаю, какъ дальше, но до сихъ поръ мнѣ какъ будто чего-то совѣстно: я вотъ разъѣзжаю, а тамъ, дома, мои милые мальчики ничего не знаютъ, можетъ быть и говорятъ обо мнѣ, да только не подозрѣваютъ, что это такое заграница. А у меня тутъ, моя милая, сердце стучитъ, ужъ и не знаю, что будетъ со мной въ Парижѣ, если въ Берлинѣ женщины на меня такое произвели впечатлѣніе. Нѣтъ, какъ хочешь, а человѣчество идетъ къ упадку нравственности. Выигрывая въ одномъ, оно теряетъ другое — свое счастье, и страшно мнѣ за дѣтей моихъ: когда они выростутъ, тогда будетъ еще хуже. Впрочемъ, оставимъ это. Я думаю (или быть можетъ мнѣ это только такъ кажется), что когда я начинаю объ этомъ съ тобою говорить, то ты какъ будто надо мной не то, что смѣешься внутренно, а какъ-то иронически относишься, и какъ будто думаешь: «и что это за мужчина такой — тряпка, не можетъ переносить». Однимъ словомъ,

моя подозрительность увлекаетъ меня за предѣлы благоразумія, и я говорю въ это время такія вещи, которыхъ мнѣ, конечно, говорить бы не слѣдовало. Но, моя милая, слишкомъ грустно и страшно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обидно, что рядомъ существуютъ на свѣтѣ благороднѣйшія и величайшія произведенія человѣческія, и самыя отвратительныя, и послѣднія отравляютъ впечатлѣнія хорошія, чистыя, и пачкаютъ ихъ.

Извини, моя добрая Соня. Да хранитъ тебя Богъ, помолись съ дѣтьми, а я вотъ прочту «Отче нашъ», какъ будто подлѣ меня мальчики. Кланяйся Дмитріевымъ, и передай Николаю Дмитріевичу этотъ пакетъ. Напиши мнѣ, голубчикъ мой: Парижъ, оставить на почтѣ до востребованія. На конвертѣ попроси Николая Дмитріевича написать по-французски. Цѣлую дѣтей моихъ и обнимаю крѣпко, крѣпко тебя. И. Крамской.

P. S. Въ Берлинѣ я остановился въ Отель-де-Ромъ (Римъ). Общій столъ безподобный за 75 коп. сер. Прощай, цѣлую тебя. И. Крамской.

XV. Къ ней же.

Дрезденъ, 19-го ноября 1869 г.

Голубушка моя Соничка. Послѣ Берлина, Дрезденъ производитъ такое мирное впечатлѣніе, здѣсь такъ тихо, самый городъ сравнительно небольшой, имѣетъ симпатичную наружность. Хорошая рѣка, чудесный соборъ и, наконецъ, эта, по справедливости знаменитая, картинная галлерея. Сегодня я ее осматривалъ, но чтобы составить себѣ по возможности полное объ ней понятіе, надо быть не день, не два, и даже не недѣлю, а больше, и гораздо больше, и при томъ быть въ ней не разъ.

Видѣлъ я и Мадонну Рафаэля, эту всесвѣтную знаменитость, и вотъ тебѣ мое впечатлѣніе. Я ее, разумѣется, зналъ по копіямъ, фотографіямъ, гравюрамъ, какъ и весь свѣтъ ее знаетъ, и, несмотря на это, я ее видѣлъ въ первый разъ, то-есть въ первый разъ въ томъ смыслѣ, что ни въ одной изъ копій нѣтъ ничего того, что есть въ подлинникѣ. Это дѣйствительно что-то почти невозможное. Но я постараюсь быть болѣе опредѣленнымъ въ выраженіяхъ. Дѣло въ томъ, что въ этой картинѣ рѣзко бросаются въ глаза двѣ разнородныя половины. Одна половина — того времени, когда жилъ Рафаэль (300 лѣтъ почти назадъ), это фигуры вокругъ Мадонны: папы Сикста, святой Екатерины и двухъ ангеловъ, внизу. Другая же половина (ее можно назвать вѣчною) — фигура самой Мадонны и Христа. Сикстъ, Екатерина и ангелы только мѣшаютъ, развлекая вниманіе, и портятъ впечатлѣніе, именно потому, что имъ тутъ не мѣсто, имъ здѣсь собственно нѣтъ непремѣнной необходимости находиться, они на картинѣ существуютъ въ качествѣ зрителей, какъ и я, напримѣръ, и какъ всякій,

кто смотритъ на Мадонну. Понятно, стало быть, что какъ бы это прилично случаю ни было изображено, все-таки это не будетъ имѣть внутренней необходимости, и они сдѣлали бы очень хорошо, еслибы ушли съ картины. Ну, а Мадонна—другое дѣло. Была ли въ дѣйствительности Мадонна такая, какою она здѣсь изображена, этого никто никогда не зналъ и, разумѣется, не знаетъ, за исключеніемъ современниковъ ея, которые, впрочемъ, ничего намъ хорошенько объ ней не говорятъ; но такою по крайней мѣрѣ создало ее религіозное чувство и вѣрованіе человѣчества, и въ этомъ смыслѣ она такъ похожа на свой оригиналъ, что, мнѣ кажется, всякій, кто только объ этомъ думалъ, узнаетъ ее и согласится, что это единственно похожій портретъ. Христосъ хорошъ, но не дитя, а это хотя и хорошо, но странно. Впрочемъ, это тоже дѣло религіознаго представленія. А такъ какъ въ то время, да и теперь еще, такъ думали, то это опять-таки именно то, что нужно. Изъ всего того, что̀ я сказалъ, слѣдуетъ, стало быть, что Мадонна Рафаэля дѣйствительно — произведеніе великое, и дѣйствительно вѣчное, даже и тогда, когда человѣчество перестанетъ вѣрить, когда научныя изысканія (насколько это наука сдѣлать въ силахъ) откроютъ дѣйствительныя историческія черты обоихъ этихъ лицъ. И тогда картина эта не потеряетъ цѣны, а только измѣнится ея роль. И она останется такимъ незамѣнимымъ памятникомъ народнаго вѣрованія, какимъ ничто не можетъ быть, кромѣ картины. Никакая книга, ни описаніе, ни что другое не можетъ разсказать такъ цѣльно человѣческой физіономіи, какъ ея изображеніе. Тотъ же Рафаэль часто изображалъ Христа, и изображалъ его, пожалуй, недурно, но онъ Его изображалъ со стороны миѳической, а потому всѣ его изображенія Христа никуда не годятся теперь, когда физіономія Христа становится человѣчеству понятна. Но вѣдь онъ и Мадонну изобразилъ со стороны вымысла — отчего же она и теперь хороша, да и будетъ (какъ я говорю) такою? Именно потому, что сама Мадонна есть созданіе воображенія народа. Нигдѣ, ни въ евангеліи, ни въ разсказахъ апостоловъ, нѣтъ опредѣленной характеристики этого лица. А такъ какъ она играла огромную роль въ религіозномъ вѣрованіи, то людямъ оставалось одно — дополнить воображеніемъ (даже и не дополнить, а создать вновь) черты Божіей Матери: они это и сдѣлали; Рафаэль же написалъ похожій портретъ. Совсѣмъ другое дѣло Христосъ: это уже не миѳъ, это лицо, о которомъ существуетъ чрезвычайно обстоятельный разсказъ, и въ этомъ разсказѣ, чрезвычайно простомъ, наивномъ и возвышенномъ, Онъ выступаетъ такъ рельефно, говоритъ и дѣйствуетъ такъ естественно, что нѣтъ никакой физической возможности не повѣрить въ его существованіе и не признать его за личность реальную. И я удивляюсь чрезвычайно, какъ это до сихъ поръ никто изъ художниковъ, даже самыхъ великихъ, не взглянулъ

на это прямо. Правда, впрочемъ, что въ настоящее время существуютъ уже попытки въ этомъ направленіи. Это хорошій признакъ.

Вандикъ и Рембрандтъ у насъ въ Эрмитажѣ, пожалуй, лучше. Но за то другихъ великихъ художниковъ здѣсь несмѣтныя сокровища. Голова кружится, вотъ какъ! Да! Забылъ сказать о Мадоннѣ послѣднее: какъ она написана. Между произведеніями Рафаэля она по живописи лучше всего, что я видалъ изъ его картинъ; но для нашего времени въ ней есть недостатокъ колорита, и даже правильности свѣтотѣни, не въ головахъ впрочемъ, а только въ фигурѣ Христа. Это, конечно, мѣшаетъ большинству судить объ ней. Нѣкоторые ждутъ увидѣть въ ней то, что составляетъ въ живописи послѣднее—эффекты, да еще, пожалуй, эффекты Риделя.

Цѣлую тебя крѣпко, а ты поцѣлуй дѣточекъ. Твой И. Крамской.

XVI. Къ ней же.

Парижъ, 4-го декабря 1869 г.

Голубушка ты моя Соничка. Видишь, новая бумага, съ адресомъ, гдѣ я остановился. Это Веретенниковъ принесъ мнѣ, и просилъ писать письма на его бумагѣ, говоря, что это пропаганда въ своемъ родѣ, для распространенія своего имени. Я обѣщался, и вотъ пишу тебѣ на ней. Знаешь что? Твой Ваня пьянъ! Это ужасъ! Вотъ какъ это случилось. Сегодня я отправился къ брату княжны Львовой: ты помнишь, я получилъ изъ Михайловскаго дворца письмо; она хотѣла, чтобы я познакомился здѣсь съ ея братомъ, княземъ Львовымъ. Вотъ я сегодня и отправился къ нему, такъ какъ хотѣлъ отдыхать и не смотрѣть, потому что слишкомъ много видѣлъ вчера и третьяго дня, да и прежде; ну былъ, познакомился. Такіе хорошіе люди. Просидѣлъ тамъ часа два. Выйдя оттуда (а они живутъ въ Елисейскихъ поляхъ), тутъ же сейчасъ арка знаменитая Наполеона I-го, тріумфальная. Я пошелъ ее посмотрѣть, потомъ полѣзъ наверхъ, оттуда смотрятъ на Парижъ: видъ удивительный и страшный. Вообрази себѣ: ты стоишь на площадкѣ очень большой, такъ что не страшно собственно, а очень высоко, сама арка на возвышенномъ мѣстѣ, и оттуда на всѣ стороны Парижъ. Это страшилище городъ, до самаго горизонта во всѣ стороны, особенно въ одну, гдѣ главный центръ, все городъ, все зданія. Уже и туманъ, уже и даль страшная, а все городъ. Тамъ гдѣ-то, далеко, очень далеко, бѣжалъ локомотивъ, въ самомъ городѣ, уже вдали, и ничего не видно, а все городъ. Однимъ словомъ, это уже черезчуръ, это уже чортъ знаетъ что такое. Внизу, по улицамъ и бульварамъ, кареты и народъ сплошной массой движутся, и производятъ головокруженіе. Не то, чтобы ужъ это было что либо чрезвычайное, но громадно, и этой-то величиной производитъ ужасное впечатлѣніе. Эта тьма народу, эти страшилишныя въ 7 и

даже въ 8 этажей зданія, эти громаднѣйшія, по нѣскольку верстъ, протяженія, разстояніемъ своимъ, бульвары, широкіе, какъ площади, и людные, какъ гулянья, все это навело меня на мысли не очень веселыя. Вотъ, думалъ я, городъ, въ которомъ, по меньшей мѣрѣ, $1^1/_2$ милліона народу, городъ славный на столько же великими дѣлами, на сколько и развратомъ, и въ настоящее время не производящій ничего, по крайней мѣрѣ въ живописи, великаго. Правда, много вещей замѣчательныхъ по живописи, по колориту, но мало, почти совсѣмъ нѣтъ вещей, трогающихъ сердце. Однимъ словомъ, городъ шумный, веселый, трескучій, городъ вина и женщинъ, вотъ онъ лежитъ у ногъ моихъ. Быть можетъ (да конечно и навѣрное) есть и здѣсь благородныя сердца, серьезные умы, и вообще хорошіе и честные люди, но Богъ знаетъ, гдѣ они, что они дѣлаютъ, чѣмъ занимаются—я не знаю, но вижу тьму колясокъ, каретъ, верховыхъ кавалькадъ, и все это разряжено до послѣднихъ предѣловъ, все это красиво (по крайней мѣрѣ кажется) тоже до послѣднихъ предѣловъ, и все это нахально, тоже до послѣднихъ предѣловъ. Однимъ словомъ, я просто забылся совсѣмъ, и мнѣ такъ стало грустно, такая тоска на меня напала, такъ стало жаль мнѣ моихъ милыхъ дѣточекъ, этихъ маленькихъ крошекъ, что придется и имъ переживать тяжелыя минуты жизни, а можетъ быть и не пережить (почемъ мы знаемъ?) въ этомъ странномъ, въ этомъ загадочномъ мірѣ. И Богъ знаетъ, чего ужъ я не передумалъ! Дастъ ли Богъ мальчикамъ моимъ такую же счастливую судьбу, какъ мнѣ—ихъ отцу, пошлетъ ли онъ имъ такихъ же хорошихъ женщинъ, какъ ихъ мать; да Соничкѣ, нашей милой Соничкѣ, встрѣтитъ ли она въ жизни такого мужчину, который бы былъ хоть только не подлецъ, а если и встрѣтитъ, то узнаютъ ли они другъ друга? Однимъ словомъ, не весело мнѣ было. Но вѣдь нужно же было и сойти внизъ и отправляться домой, а дорога была не близкая. Спустился я и пошелъ. Въ сумеркахъ только пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ я обыкновенно съ Гуномъ, Леманомъ и Харламовымъ обѣдалъ, но мнѣ не хотѣлось тамъ обѣдать—ужъ очень не хорошо. И я отправился въ ресторанъ Riche, гдѣ обѣдаютъ, говорятъ, русскіе, но очень дорого. Но все равно, попробую. Здѣсь ужъ такъ заведено, что къ обѣду подается вино, хотите ли вы или нѣтъ, а вино вамъ поставятъ, и заплатить вы должны. И вотъ, я выпилъ, въ теченіе обѣда, двѣ довольно большихъ рюмки, и вотъ отчего пьянъ. Такъ голова закружилась, такъ стало странно, такъ ноги стали не слушаться, что просто ни на что не похоже. И такъ какъ я усталъ очень, то не пошелъ уже искать ни Гуна, ни Лемана, а пришелъ домой и захотѣлось мнѣ подѣлиться съ тобой своими впечатлѣніями. Ты ужъ мнѣ не пиши письма: меня оно не застанетъ.

Цѣлую тебя крѣпко. Твой И. Крамской.

XVII. Къ П. М. Третьякову.

1869. Декабрь.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Когда я воротился изъ своей поѣздки,—на третій день моего пріѣзда, если не ошибаюсь, вы изволили быть у меня. Я тотчасъ же хотѣлъ васъ видѣть, но Дм. Вас. Григоровичъ сообщилъ мнѣ, что васъ уже нѣтъ, что вы уже уѣхали. На другой же день я отправился къ Ив. Алекс. Гончарову, съ намѣреніемъ немедленно приступить къ портрету; но онъ мнѣ сначала ссылался на нездоровье, потомъ на погоду, и когда я согласился съ тѣмъ, что дѣйствительно въ тотъ день была погода неблагопріятная, но что завтра можетъ быть будетъ лучше, онъ сталъ просить отложить до весны, или по крайней мѣрѣ до болѣе свѣтлаго времени. Тогда я просилъ его снять съ меня отвѣтственность и написать къ вамъ объ этомъ, такъ какъ дѣло это откладывается не по моей винѣ, и онъ хотѣлъ написать.

Получивши отъ васъ напоминаніе, я тотчасъ поѣхалъ опять къ нему и просилъ позволенія прочитать ваше письмо. На это я узнаю, что онъ вамъ еще не писалъ, что портретъ отложенъ. Слѣдовательно, я, при всей моей готовности, къ сожалѣнію, не могъ еще начать, да и не знаю, когда начну. Полагаю, однако же, что спустя недѣлю я сдѣлаю новый и уже рѣшительный приступъ, и смѣю покорнѣйше просить васъ, съ своей стороны, написать нѣсколько строкъ къ Ив. Алекс. о томъ же предметѣ, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ успѣхѣ.

Ив. Ив. Шишкину я передалъ ваше порученіе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть всегда готовымъ къ услугамъ вашимъ И. Крамской.

XVIII. Къ нему же.

12-го марта 1870.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Я сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы исполнить вашъ заказъ, но не въ моей власти было заставить сидѣть Ивана Александровича.

Когда я передалъ ему ваше письмо, то онъ уже согласился, и былъ назначенъ день и часъ сеанса, но наканунѣ онъ извѣщаетъ меня, что сидѣть онъ не можетъ; что, кромѣ того, что не совсѣмъ здоровъ теперь, онъ и въ будущемъ не обѣщаетъ; однимъ словомъ, отступается окончательно отъ написанія портрета. При этомъ присовокупляетъ, что онъ беретъ на себя всю отвѣтственность передъ вами. Вѣроятно, вамъ теперь уже извѣстно то,

что я здѣсь сообщаю. Мнѣ очень жаль, что упущенъ случай для меня сдѣлать что нибудь для вашей галлереи.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою И. Крамской.

XIX. Къ М. В. Тулинову.

6-го октября 1870 года.

Добрѣйшій Михаилъ Борисовичъ. Будь такъ исправенъ, пришли мнѣ, пожалуйста, отчетъ о томъ, сколько ты роздалъ билетовъ (квитанцій) «Автографа»: мнѣ нужно отдавать отчетъ въ четвергъ и сдавать деньги. Мы приступаемъ къ изданію. Если ты не роздалъ ничего, то потрудись выслать квитанціи, какъ онѣ есть, все равно. Тутъ почти всѣ розданы, только остановка за отчетомъ, а безъ тѣхъ, которые у тебя, этого сдѣлать нельзя. Надо привести все въ извѣстность.

Рекомендую тебѣ Марка Матвѣевича Антокольскаго, скульптора. Онъ къ тебѣ заѣдетъ по пріѣздѣ въ Москву. Онъ вылѣпилъ статую Ивана Грознаго, въ натуральную величину. Замѣчательная вещь! И прежде, чѣмъ ее кончить, онъ отправляется въ первопрестольную столицу, дабы напитаться древнимъ духомъ. Поручая себя твоему благосклонному ко мнѣ расположенію, надѣюсь, что ты не забудешь выслать то, что я тебя прошу.

И. Крамской.

XX. Къ нему же.

Октября 11-го, 1870. Спб.

Любезнѣйшій Михаилъ Борисовичъ. Видѣлъ твоего посланнаго Косенкова, будущаго художника. Онъ—ничего. Хорошо, что у него есть рѣшимость, но и дока же онъ! Характеръ его мнѣ не нравится: пройдоха, пролѣзетъ навѣрное. Ну, а впрочемъ, я вѣдь смотрю слишкомъ мрачно, онъ ничѣмъ не виноватъ. А что до меня, то, разумѣется, я чѣмъ могу—радъ служить. Это все равно кому, лишь бы пошло впрокъ. Объ талантѣ пока ничего не могу сказать, пока не увижу рисунковъ съ натуры, а копируетъ—ничего, хорошо. Затѣмъ, будь такъ любезенъ, пришли пожалуйста извѣстіе, что̀ билеты на «Автографъ» *), какъ идутъ? И если ничего нѣтъ, то и нечего канитель тянуть, пришли ихъ назадъ. Надо отчетъ сдавать.

Твой И. Крамской.

---

*) Автографическое изданіе академической выставки. *Ред.*

XXI. Къ П. М. Третьякову.

21-го февраля 1871 г.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ! Я не отвѣчалъ такъ долго потому, что ждалъ, чѣмъ разрѣшится вопросъ о статуѣ «Іоанна Грознаго» въ Академіи, и теперь почти за вѣрное я могу сообщить, что статуя изъ мрамора ему *) будетъ заказана отъ Высочайшаго имени. Конференцъ-секретарь Академіи, П. Ѳ. Исѣевъ, призывалъ Антокольскаго съ тѣмъ, чтобы объявить ему, какъ онъ выразился, «почти оффиціально», что онъ долженъ сдѣлать изъ мрамора статую для Государя Императора, и, кажется, за 10,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы онъ уже никому не повторялъ ни изъ чего. Словомъ, хотя ему и заказываютъ, но лишаютъ права художественной собственности. Впрочемъ послѣднее распоряженіе идетъ, сколько мнѣ извѣстно, со стороны одного Исѣева. Во всякомъ случаѣ, точныя и ясныя свѣдѣнія по этому дѣлу вы, вѣроятно, скоро получите (если уже не получили) отъ самого Антокольскаго. Портретъ Шевченки я рѣшился сдѣлать четырехъугольнымъ, какъ для того, чтобы получить болѣе солидную величину, такъ равно и серьезнѣе характеръ самаго портрета.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть глубоко уважающій васъ И. Крамской.

XXII. Къ нему же.

21-го марта 1871.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Рама доставлена и портретъ Шевченки оконченъ. Я желалъ бы, чтобы вы поручили кому нибудь его осмотрѣть, и затѣмъ просить уже у васъ инструкцій, что съ нимъ дѣлать? Отослать его немедленно въ Москву, или же вы найдете возможнымъ оставить его на нѣсколько времени на выставкѣ у Полицейскаго моста? По доставленному мнѣ отъ Беггрова счету, за раму слѣдуетъ заплатить 35 руб. серебр. Я ожидалъ, впрочемъ, что она будетъ стоить дешевле, не смотря на то, что сработана она превосходно.

Въ ожиданіи вашихъ указаній, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугой

И. Крамской.

XXIII. Къ нему же.

30-го марта 1871.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Деньги 300 рублей за портретъ и 35 рублей за раму я имѣлъ удовольствіе получить, за что и

*) Антокольскому.

приношу мою благодарность. Кромѣ того, благодарю васъ также и за новое предложенiе написать три портрета: Фонъ-Визина, Грибоѣдова и Кольцова. Къ сожалѣнiю, въ настоящее время, т. е. немедленно, я приняться не могу и просилъ бы васъ отложить эту работу до осени, если вамъ возможно, потому что лѣтомъ я думаю поѣхать по Россiи, а по возвращенiи я буду готовъ къ вашимъ услугамъ исполнять то, что вы назначите.

Антокольскiй уѣхалъ, наконецъ, благодаря вашему вмѣшательству и помощи. Онъ былъ въ такихъ хлопотахъ передъ отъѣздомъ, что, кажется, не успѣлъ даже написать къ вамъ, и я за него беру на себя смѣлость извиниться передъ вами. Впрочемъ, вы, вѣроятно, получите извѣстiе обо всемъ уже съ дороги.

Портретъ Шевченки я поставилъ на постоянную выставку, пользуясь вашимъ согласiемъ, на двѣ недѣли.

Съ истиннымъ почтенiемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою И. Крамской.

XXIV. Къ нему же.

4-го мая 1871.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Смѣю обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой, если возможно, выслать мнѣ въ счетъ уплаты за портретъ Кольцова (который я уже пишу) 200 рублей серебромъ. Мнѣ очень совѣстно, что я дѣлаю это, но такъ сложились обстоятельства для меня.

Съ истиннымъ почтенiемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою И. Крамской.

XXV. Къ нему же.

9-го мая 1871.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Я полагалъ, что буду имѣть удовольствiе лично принести вамъ мою глубокую благодарность за ваше любезное одолженiе, но у меня, къ сожалѣнiю, вотъ уже три дня, какъ настоящiй лазаретъ: жена и сынъ больны. Извините меня, что я позволяю себѣ сообщать свои домашнiя причины, но я дѣлаю это въ тѣхъ видахъ, что, можетъ быть, при случаѣ, заявите мое сожалѣнiе, что я не могу исполнить желанiя Лидiи Васильевны Шиповой (бывшей Хомутовой). Хотя я извѣщаю ее о невозможности прiѣхать въ Москву, и одного этого уже достаточно, но я далъ слово прiѣхать, а между тѣмъ не сдержалъ. Я

совершенно понимаю всю неумѣстность того, что я написалъ, давая чуть ли не порученіе, но разъ написалъ—я оставляю, не имѣя привычки сначала редактировать свои письма. Прошу васъ великодушно извинить меня въ этомъ.

За все вами сообщенное о Кольцовѣ мнѣ приходится еще разъ благодарить васъ. Я собирался прочитать объ этомъ въ сочиненіи Тургенева, но не имѣю еще книги.

Раму Беггрову я уже заказалъ, какъ вы желали.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть всегда готовымъ къ услугамъ И. Крамской.

XXVI. Къ Ѳ. А. Васильеву.

11-го іюня 1871.

Добрый мой Ѳедоръ Александровичъ. Вотъ уже и 11 іюня, а я все въ Петербургѣ. Разскажу по порядку—и вамъ станетъ ясно. Вы уѣхали 23 или 22 мая. Софья Николаевна, какъ вамъ извѣстно, приподымалась и послѣ васъ было все лучше и лучше; но потомъ, ужъ Богъ знаетъ изъ чего, воротилось все старое, да такъ сильно, что я сталъ опять ко всему готовиться. Словомъ, исторія была продѣлана сначала. Теперь опять, слава Богу, поправилась и я могу вздохнуть свободно. Но такъ какъ 4 недѣли были вычеркнуты, и я не работалъ, какъ вамъ извѣстно, то работаю теперь воломъ, и завтра, самое позднее послѣ-завтра, я кончу проклятыхъ великихъ людей*). Одурѣлъ: по 3 портрета въ день. Потомъ перевезу семью на дачу, потомъ укладываюсь, и къ вамъ. Впрочемъ, въ Москвѣ придется пробыть дня два. Вотъ каковы дѣла. Пожалѣйте меня сугубо. Того мало, что вы написали, ибо я безъ васъ скучаю. Знаете ли вы, что у насъ лѣтомъ, т. е. на нашемъ полушаріи, будетъ потопъ? Это *Я* предсказываю: къ берегамъ Африки приплыла льдина изъ южнаго полюса, въ два раза больше Франціи. Извѣстіе это помѣщено въ одномъ ученомъ изданіи. Вотъ что! Впрочемъ это до насъ не касается, т. е. я буду у васъ. Софья Николаевна вамъ шлетъ свой привѣтъ. До отсроченнаго свиданія вашъ поклонникъ И. Крамской.

XXVII. Къ П. М. Третьякову.

19-го іюня 1871.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Не удивляйтесь, что обо мнѣ нѣтъ никакого извѣстія: я все еще въ Петербургѣ, и неизвѣстенъ

*) Портреты знаменитыхъ русскихъ людей, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, были рисованы, для Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музея, Крамскимъ, чернымъ карандашемъ и масляной краской, въ одинъ тонъ, по 25 р. за штуку. *Ред.*

день, когда я выѣду: въ домѣ у меня еще не все благополучно. Имнѣ очень жаль, что обстоятельства такъ сложились, что я не могу кончить для васъ портрета до сихъ поръ. Хотя стараюсь.

Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ имѣю честь быть всегда готовымъ къ услугамъ И. Крамской.

XXVIII. Къ Ѳ. А. Васильеву.

Хотень (Харьковской губ.). 1-го августа 1871 г.

Дорогой мой Ѳедоръ Александровичъ. Вотъ вамъ моя Одиссея (виноватъ впрочемъ, я дуракъ, что не писалъ о всѣхъ приключеніяхъ, но, кто-жъ знаетъ будущее? мы вѣдь хотѣли ѣхать въ Крымъ въ концѣ августа). Къ 29-му іюня только поправилась Софья Николаевна настолько, что можно было рискнуть перевезти ее на дачу. Портреты, которые я работалъ, чтобы получить деньги, всѣ кончены были; оставалось немногое: получить деньги. Пишу Дашкову*) разъ, два, три, портреты уложены, ждутъ, телеграфирую — ничего. Узнаю уже отъ Исѣева, что Дашковъ уѣхалъ заграницу именно тогда, когда у меня все готово, короче надулъ: тихонько чрезъ Петербургъ проѣхалъ! Разъ! Что мнѣ дѣлать? Какъ быть? Три мѣсяца ничего другого не дѣлалъ, да какъ вы знаете, въ семьѣ было не совсѣмъ благополучно! Но вѣдь нужно же было какъ нибудь. Я передъ Исѣевымъ расходился, что вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Онъ мнѣ предлагаетъ на первый разъ, чтобы уѣхать, 400 р. Я конечно взялъ, но что такое 400 р.? Это только временное обезпеченіе семьи, а мнѣ нужно именно столько, сколько нужно. 11-го іюля я выѣхалъ, наконецъ, въ Москву: думаю, вѣдь онъ можетъ быть распорядился тамъ, да еще и въ Храмѣ Спаса можетъ что нибудь состоялось. Дашковъ, разумѣется, никакихъ распоряженій не сдѣлалъ, а въ Храмѣ Спаса эскизъ мой лежитъ неутвержденнымъ и другіе тоже, потому что преосвященный Леонидъ сдѣлалъ замѣчанія и не утвердилъ. А денегъ нѣтъ, замѣтьте. Я начинаю вести двѣ линіи: достать презрѣнный металлъ и поймать Леонида, который то на дачѣ верстъ за 15, то въ Москвѣ; наконецъ, поймалъ его въ городѣ, когда ему дѣйствительно было некогда, а завтра ему нужно ѣхать въ эпархію. Я говорю: остаюсь недѣлю и жду. Онъ обѣщается выбрать время для объясненій со мною, и дать мнѣ знать непремѣнно. А Государь долженъ утверждать эскизы въ августѣ — слѣдовательно, въ противномъ случаѣ, отлагается дѣло на годъ. Проходитъ недѣля: нѣтъ Леонида; 8—9 дней нѣтъ, наконецъ, жду: ну, завтра будетъ. Завтра извѣстіе, что онъ остался въ монастырѣ еще на нѣ-

*) Директоръ публичнаго Румянцевскаго музея, въ Москвѣ. *Ред.*

сколько дней, около 60 верстъ отъ Москвы. Я, не медля ни минуты, туда. Нагрянулъ, объяснился, потомъ поправилъ эскизъ, еще разъ виделся съ нимъ, добылъ нѣсколько денегъ (5-го августа возвращается Дашковъ изъ заграницы, и мнѣ деньги высылаютъ сюда въ Хотень) и 30-го изъ Москвы телеграфировалъ сюда. Ѣду. Наконецъ, милы Новоселки. Смотрю, и думаю: «А вѣдь, пожалуй, и Өедоръ Александровичъ здѣсь встрѣтитъ и задастъ головомойку». Ну, да что было, то прошло, слава Богу. Пріѣхалъ, остановка: выхожу. Нѣтъ его. Вечерѣетъ, багажъ мой вынули. Какія-то лошади стоятъ, тройка—нѣтъ Васильева. Почуялъ я что-то недоброе. Поѣздъ тронулся дальше. Ну что-жъ! Самъ виноватъ, слишкомъ долго вѣроятно тебя ждали. Спрашиваю на станціи: нѣтъ ли лошадей изъ Хотени? Есть, говорятъ. Обрадовался: ну, слава Богу! Конечно жаль, что онъ не встрѣтилъ, но что за нѣжности, пожалуй пропалъ гдѣ нибудь на охотѣ, и не знаетъ, что я пріѣхалъ. А можетъ быть, бѣдный, нездоровъ. Все бываетъ. Подходитъ парнюга и говоритъ: «Мы васъ второй день ждемъ здѣсь съ лошадьми». Конечно, и это вниманіе. «Вотъ, говоритъ, вамъ записка».—«Записка?»—«Да». Читаю: «Өедоръ Александровичъ Васильевъ выѣхалъ въ Ялту, имѣніе Императрицы, 18-го іюля», и краснымъ карандашемъ приписка: Ивану Николаевичу Крамскому. Рука старческая. Вотъ-те разъ! Записка какъ бы приглашаетъ не останавливаться здѣсь, да я бы такъ и сдѣлалъ, еслибы поѣздъ стоялъ съ 1/2 часа. Ну, надо ѣхать. Повезли меня... Ночью пріѣхалъ. Когда садомъ подъѣзжали къ дому, все провѣрялъ ваши разсказы: дѣйствительно, ночью дѣлаетъ впечатлѣніе сказочное. Чай готовъ. Опять вниманіе. Ночью ждалъ привидѣній — не пришли. Утромъ милый Дементій говоритъ, что Өедоръ Александровичъ пили молоко, а потомъ и чай. «Ну, коли онъ такъ дѣлалъ, то и я сдѣлаю». 10 часовъ утра. Солнце, садъ передо мною—и ни души, только шумятъ деревья. Чортъ знаетъ, что такое! Такое чувство охватило меня: и хорошо-то здѣсь очень, и тяжело мнѣ очень. Вотъ она, природа! Остаться здѣсь и кончать «Ночь» *) не въ силахъ буду, настроившись извѣстнымъ образомъ, работать не одному. Ѣхать сейчасъ, сію минуту, въ Ялту, значитъ не кончить картины, но отвѣта вашего я все-таки подожду здѣсь. А между прочимъ сейчасъ начинаю писать одну штуку, которая мнѣ вчера пришла въ голову за чаемъ, подъ впечатлѣніемъ пріѣзда. Мнѣ кажется, сюжетъ ого-го! Если его сдѣлать понятнымъ, можетъ страшно сдѣлаться. И такъ, жду, пока вы не напишете. Чортъ знаетъ, поразительное впечатлѣніе: окно растворенное, которое вы, вѣроятно, знаете, зеркало на столѣ, и ваша эта комната съ мольбертомъ и подрамками, которую вы оставили меньше двухъ недѣль. Правда

*) Картина Крамского «Майская ночь».

вы думаете, что я и совсѣмъ не пріѣду (хотя, еслибы это мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, то немедленно и вамъ), а такъ какъ планы не разстроивались а только отлагались, то я и ждалъ не сегодня-завтра, не сегодня-завтра, и вотъ дождался... а деревья, подлецы, дружно, дружно шумятъ! Воображаю, что вы вынесли, ожидая меня, такъ какъ и ваши планы не осуществлялись, особенно подъ конецъ, когда вы потеряли терпѣніе. Я даже не, извиняюсь, потому что извиненіе ни поправить, ни воротить ничего не можетъ, а о чувствѣ моемъ вы, вѣроятно, и сами не сомнѣваетесь. Я не могу сдѣлать этого завѣдомо, зная что нибудь впередъ. И такъ, ожидаю отвѣта.

И. Крамской.

XXIX. Къ нему же.

Петербургъ, 21-е октября 1871.

Дорогой мой Ѳедоръ Александровичъ. Вотъ наконецъ и устроилось все. Не знаю, какъ вы находите, а по моему хорошо; вотъ развѣ не окончательно устроено съ домомъ, какъ мнѣ говоритъ Нецвѣтаевъ, отложено на время, а у него такъ ноги и чешутся приняться за это дѣло; говорю: ноги, потому что вѣдь онъ это въ самомъ дѣлѣ сдѣлаетъ ногами. Онъ радъ сдѣлать хоть что нибудь для васъ, какъ онъ говоритъ. Извините, что не могъ исполнить до сихъ поръ ваше порученіе относительно красокъ и книгъ, но и то и другое я высылаю, и надо полагать, что вы все это получите еще во-время, то есть успѣете еще и начитаться, и наработаться; но не думайте, однако-жъ, что я потому и не выслалъ съ вашей мамашей, что полагалъ: успѣется. Нѣтъ, не потому, а потому, что на книги нужно было — ну да все равно, что нужно было; дѣло въ томъ, что виноватъ, и только.

Здѣсь все обстоитъ благополучно, то есть такъ же какъ всегда: погода мерзость, винограда нѣтъ, и волнъ не наблюдаю, и все стараюсь въ настоящее время поймать луну. Говорятъ, впрочемъ, что частица лунной ночи попала-таки въ мою картину, но — не вся. Трудная штука — луна. А «Охотникъ» произвелъ впечатлѣніе нѣкоторое — нравится, а Софьѣ Николаевнѣ особенно: и какъ лицо, и какъ охотникъ. Гè написалъ прекрасную вещь, «Петра», котораго вы видѣли начало, да я и былъ увѣренъ въ этомъ, онъ тутъ на мѣстѣ, какъ никто, пожалуй. Григоровичъ завертѣлся кубаремъ, когда узналъ, что вы обращались къ Третьякову, да что-жъ дѣлать, дѣло сдѣлано, не воротишь, и можетъ быть возвращать не стоитъ. Оно хорошо такъ. Ему пуще всего Третьяковъ, вездѣ онъ суется; но когда я ему сказалъ, какъ это было, то онъ повидимому сталъ спокойнѣе. Впрочемъ онъ вамъ самъ хотѣлъ писать, да вѣроятно уже и написалъ, не такъ

какъ я. А чѣмъ же, впрочемъ, я поступилъ худо, что долго не писалъ? Но можетъ случиться, что я и еще дольше писать не буду—это со мной случается, да и съ вами случается. Каково теперь въ Крыму? Все еще тепло? Это любопытно. Здѣсь такая мерзость, что и не разскажешь, да вы и сами знаете. А вы небось продолжали похаживать къ Клеопину добрѣйшему, за виноградомъ и прочими сластями, а теперь небось пріучаете и Романа *)? Знаете, по правдѣ сказать, я тутъ-таки частенько вспоминаю, точно сонъ, пребываніе мое въ Крыму: Клеопина, виноградъ. Но волны, вотъ какъ живыя стоятъ передо мной, валы такъ и заворачиваются, такъ и шумятъ, шельмецы, а Ѳедоръ Александровичъ все ихъ чертитъ, да по законамъ физики старается уразумѣть... Я надѣюсь, дорогой мой Ѳедоръ Александровичъ, что вы сообщите мнѣ что нибудь хоть въ нѣсколькихъ строкахъ, какъ тамъ вы устроились, и гдѣ зимовать будете: у Рыльскаго ли, или въ другомъ мѣстѣ, и какъ идетъ ваше горло? Краски ей-Богу я высылаю; уже онѣ запакованы. Я знаю, какъ это вамъ непріятно, но вы утѣшайте себя слѣдующей мыслью: если мнѣ человѣкъ сдѣлалъ непріятность, я догадываюсь, что, значитъ, онъ меня любитъ. Русскіе всѣ такъ, а мы—русскіе.

Савицкій, Рѣпинъ и прочіе вамъ кланяются. У нихъ хорошія программы, и конечно получатъ. Макаровъ по моему далеко слабѣе ихъ; у убогаго Урлауба недурно, украдено, а недурно. Господь его прости, у него въ головѣ вѣдь ничего нѣту, такъ вѣдь надо же. Полѣновъ — колористъ рѣшительный, но плохъ относительно всего остальнаго. До свиданья. Не забывайте любящаго васъ И. Крамского.

XXX. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 8-го ноября 1871.

Дорогой мой Ѳедоръ Александровичъ. Письмо ваше доставило намъ истинное и чистое удовольствіе. Мы съ С. Н. сидѣли въ кабинетѣ, и такъ кое о чемъ разсуждали, вечеромъ, сейчасъ послѣ обѣда, и тутъ-то вы къ намъ прилетѣли: другого выраженія нельзя дать этому, такъ это было весело. Не дѣлайте мнѣ выговоровъ, что я, заваленный грудами портретовъ, забылъ черную точку на горизонтѣ. Этого, вы сами знаете, не можетъ быть. Вѣдь и въ то время, когда вы выводили эти строки, вы не были увѣрены, что пишете правду, зачѣмъ же это дѣлать: или ужъ чувство безъ фразъ не обходится? Ну, да это пусть такъ останется. У меня есть вещи

*) Младшій братъ Васильева.

болѣе интересныя, чтобы сообщить вамъ. Здѣсь былъ Перовъ, нѣсколько дней какъ проводили его только. Пробылъ онъ почти недѣлю, и его пріѣздъ поднялъ между нами, то есть выставляющими на Передвижной выставкѣ, такую кутерьму, что мы едва еще дышемъ, и я собрался вамъ даже сообщить объ этомъ, какъ только приду въ себя. Дѣло въ томъ, что работаю я себѣ мирно однажды, ломаю голову, какъ бы это справиться съ луной, какъ вдругъ И. И. Шишкинъ и Перовъ! Я струсилъ. Ну, думаю, попался. Но онъ — ничего, расхвалилъ такъ, что я ужъ и нить потерялъ, чтò нужно сдѣлать и кàкъ нужно сдѣлать. Словомъ, пріѣхалъ «Пàпа» московскій! Кисти въ сторону, позавтракали, да къ Гè. Ну, тамъ ужъ Перовъ присмирѣлъ, и отъ впечатлѣнія не говорилъ. И. И. тоже видѣлъ въ первый разъ его картину, и, надо сказать, что кажется оба они не ожидали, чтò нашли, а я только потираю отъ удовольствія руки. Чтò, думаю себѣ, каково молъ! То-то! Словомъ, картина огорашивающая — выраженьемъ, да и прочимъ. Тамъ-то мы прихватили еще Безсонова, гдѣ Перовъ остановился, да въ Мало-Ярославецъ, да какъ начали обѣдать, какъ начали, да до 2-хъ часовъ ночи и прообѣдали. И я рѣдко когда проводилъ такъ хорошо время. А на другой день, обѣдали всѣ у Гè, на третій у меня, а потомъ у Безсонова, а потомъ еще у Клодта, М. К., словомъ дальше уже было некуда. Но любопытнѣе всего весь тотъ перепугъ, который Академія выказала передъ нами по поводу предстоящей выставки. И кончила тѣмъ, что сама предложила залы для нашей выставки, а раньше того Общество поощренія художниковъ, такъ что мы просто выбирай любое. Боголюбовъ же такъ совсѣмъ снизошелъ со своего величія и униженно при Перовѣ упрашивалъ Гè слиться съ тѣмъ обществомъ, которое, вы знаете, онъ устроивалъ въ Академіи. Но въ безсиліи, наконецъ, говоритъ: «Ну хорошо, такъ и быть, я пойду къ вамъ. Примете?» Гè и Перовъ говорятъ: «Очень рады, представьте картины, мы будемъ баллотировать!» Каково! О, ужасъ, о униженіе! И грома и молніи за симъ не послѣдовало, и боги Олимпа не наказали дерзкихъ титановъ?

Выставка наша состоится черезъ недѣли $1^1/_2$, или 2. Изъ Москвы 23 картины, да здѣсь около 20, вотъ и все, но Перовъ и Гè, а особенно Гè, одни суть выставка. И такъ, впередъ!

Рѣпинъ, Зеленскій, Полѣновъ, Макаровъ и Урлаубъ получили 1-ыя золотыя медали. У всѣхъ вышло настолько хорошо, что Совѣтъ не могъ никому изъ нихъ отказать. Только Макарову и Урлаубу, какъ слабѣйшимъ, съ условіемъ посылки заграницу на 3 года, а не на 6, и не сейчасъ, а когда будутъ деньги. Савицкій и Кудрявцевъ получили тоже свое, Ковалевскій тоже. И такъ, всѣ довольны, и Академія, и воспитанники ликуютъ — ну и Богъ съ ними!

Что касается Нецвѣтаева *), то я его видѣлъ третьяго дня, онъ отъ васъ тоже получилъ письмо, и мы тутъ говорили о разныхъ предстоящихъ ему пассажахъ, но все то, что̀ онъ намѣренъ сдѣлать, мнѣ кажется хорошо, и я ему только сказалъ, что если онъ дѣйствительно любитъ васъ, какъ онъ говоритъ, то ему предстоитъ теперь случай доказать это. И онъ это самъ понимаетъ такъ, сколько я замѣтилъ. Вы знаете, что я не особенно расположенъ къ нему, и скорѣе готовъ видѣть дурное, чѣмъ хорошее. Но въ данномъ случаѣ онъ—золотой человѣкъ. Затѣмъ, прибавлю отъ себя, что еслибъ ваши интересы потребовали, то я немедленно вамъ сообщу, ка̀къ мнѣ кажется. Я еще ничего не знаю, что я вамъ сообщу, да и не знаю, объ чемъ именно я сочту нужнымъ написать вамъ. Но говорю на всякій случай, для вашего спокойствія. На все махните рукой, да и Господь съ вами, работайте, а главное выздоравливайте. Я, впрочемъ, не могъ себѣ и представить, чтобы природа распорядилась въ ущербъ намъ, то есть вашему здоровью. И такъ — въ Египетъ, пожалуй и это недурно. Съ Григоровичемъ я увижусь завтра и попробую его. Вы говорите, что онъ чудесный, и я вѣрю вамъ, даже знаю, что это такъ—съ вами. И успокойтесь поэтому, вамъ никто повредить не можетъ. Это вѣрно. Я это здѣсь отлично вижу. Въ будущемъ вамъ повредить и не прочь, можетъ быть; но по одиночкѣ ни у кого силенки не хватитъ, а всѣмъ собраться для такого дѣла, вы понимаете, унизительно: это каждый понимаетъ. Успокойтесь, это ничего, это признакъ, что васъ забыть никто не можетъ, хотя и по разнымъ причинамъ.

Что касается «Охотника» **), то пока онъ отложенъ, во-1-хъ потому, что кончаю «Ночь» ***), во-2-хъ потому, что начинаю «Христа». На обратномъ пути я былъ въ Бахчисараѣ и видѣлъ все, что̀ мнѣ нужно, и, признаюсь, видѣлъ вещи именно такія, какія мнѣ нужно. Прекрасно... Четверги начались: хотя и въ Артели, но Артель еще принизилась, ее не видно и не слышно. Дѣти у меня спрашиваютъ, что̀ Романъ, ѣстъ виноградъ? Кстати, когда будете писать, если будете, то черкните нѣсколько отвѣтовъ на первое мое письмо, которое теперь уже должны получить давно. Написать развѣ: любящій? Ахъ, ты Господи, вѣдь Софья Николаевна просила оставить мѣсто! Вотъ тебѣ и оставилъ!

И. Крамской.

---

*) Отставной военный, принимавшій дѣятельное участіе въ устройствѣ выставки Общества выставокъ.

**) Картина Крамского: «Охотникъ на тягѣ».

***) «Майская ночь», другая картина Крамского.

XXXI. Къ П. М. Третьякову.

19-го ноября 1871 г. Спб.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Я очень сожалѣю, что положеніе мое заставляетъ начать письмо просьбою о деньгахъ за картину: «Майская ночь». Поступая по справедливости, мнѣ бы слѣдовало ограничиться полученіемъ, пока, 1,200 рублей, оставляя 300 рублей до окончанія мною портрета Кольцова, и потому предоставляю это вашему благоусмотрѣнію. Что касается нашего разговора о передвиженіи картинъ внутрь Россіи, то, послѣ разговора съ Николаемъ Николаевичемъ Гѐ, я убѣдился въ томъ, что мы едва ли на первый разъ и предпримемъ дѣло въ такихъ широкихъ размѣрахъ, а всего вѣроятнѣе ограничимся Москвою и Петербургомъ. Если же, сверхъ ожиданія, дѣло приметъ оборотъ въ пользу передвиженія дальнѣйшаго, то я впередъ соглашаюсь на ваше рѣшеніе, и дальнѣйшая судьба картины будетъ уже зависѣть отъ вашей воли — дать ее или нѣтъ.

Примите мое искреннее и глубокое уваженіе. И. Крамской.

XXXII. Къ Ѳ. А. Васильеву.

С.-Петербургъ, 6-го декабря 1871 г.

Дорогой мой Ѳедоръ Александровичъ. 6-го декабря! Вотъ уже сколько времени миновало. Боюсь я, что мы съ вами долго не увидимся, и боюсь потому, что, какъ я замѣтилъ, всѣ близкіе по мыслямъ люди, вслѣдствіе разнообразныхъ условій своей жизни и живя врозь, сохраняютъ только идеальное согласіе, а на практикѣ, при ближайшемъ сравненіи прошлаго съ настоящимъ, оказываются такими же далекими, какъ и совершенно посторонніе между собой... Но что ужъ тутъ горевать, дай то Богъ, чтобы вы поправились, а тамъ пусть будетъ что будетъ, лишь бы искусство было не въ покоѣ. Передавалъ я Григоровичу все, что вы писали; онъ, по обыкновенію, замахалъ и руками и ногами, но только ему нужно напоминать, и я ему напоминаю. Что касается вашихъ домашнихъ обстоятельствъ, то слухи есть, что молодой человѣкъ, которому оставлена по ошибкѣ довѣренность что-то тамъ натворилъ и будто бы многихъ вещей не оказывается, и, къ сожалѣнію, Нецвѣтаевъ, не имѣя довѣренности, ничего предпринять не въ силахъ, а такъ и горитъ, и надо полагать, что онъ бы управился. Ну, да это пока вещь поправимая, если только Нецвѣтаевъ скоро вступитъ въ права управляющаго. А потому я спокоенъ: мнѣ онъ говорилъ, что вы уже выслали или высылаете довѣренность.

Теперь подѣлюсь съ вами новостью. Мы открыли выставку 28-го ноября, и она имѣетъ успѣхъ, по крайней мѣрѣ Петербургъ говоритъ весь объ этомъ. Это самая крупная городская новость, если вѣрить газетамъ. Гѐ царитъ рѣшительно. На всѣхъ его картина произвела ошеломляющее впечатлѣніе. Затѣмъ Перовъ, и даже называютъ вашего покорнѣйшаго слугу, и я радъ, что съ такимъ сюжетомъ окончательно не сломилъ себѣ шею, и если не поймалъ луны, то все же нѣчто фантастическое вышло *). Словомъ, кажется недурна выставка. «Охотника» Ник. Кор., нашего милаго, сравниваютъ, какъ бы вы думали, съ кѣмъ? Ни больше, ни меньше, какъ съ портретомъ Кнауса «Рабенека». Лестно! Но, дорогой мой, какъ грустно, какъ грустно, еслибы вы знали, что нѣтъ пейзажиста у насъ. Пейзажъ Саврасова «Грачи прилетѣли» есть лучшій, и онъ дѣйствительно прекрасный, хотя тутъ же и Боголюбовъ (приставшій), и баронъ Клодтъ и И. И. Но все это деревья, вода, и даже воздухъ, а душа есть только въ «Грачахъ». Грустно! Это именно замѣтно особенно на такой выставкѣ, гдѣ рѣзко выражается индивидуальность, гдѣ каждая картина должна выражать нѣчто живое и искреннее. Всѣхъ вещей 42, и всѣ хорошія, но выдѣляющихся 5, 6, а это, согласитесь, много, особенно принимая въ соображеніе выставки академическія.

Случился перерывъ, выпилъ чаю, а тамъ Софья Николаевна поетъ дѣтямъ, укладывая: «По синимъ волнамъ океана», «Пустынный и мрачный гранитъ», «И молча въ открытые люки чугунныя пушки глядятъ». Словомъ, уноситъ куда-то, мысли всѣ спутались, и продолжать письмо нѣтъ никакой возможности. Голубчикъ мой, подождите... И какъ на зло, затянула еще греческую, ту самую, которую вы принесли къ намъ. Чортъ знаетъ, какъ жизнь распоряжается нами. Ну, зачѣмъ такъ случилось, что вы заболѣли? Ну что хорошаго въ томъ, что вы сидите въ Крыму, и нигдѣ нельзя въ другомъ мѣстѣ, то есть я разумѣю подъ другимъ мѣстомъ—тамъ, гдѣ я живу, напримѣръ. И потомъ, къ чему служитъ то, что въ кои-то вѣки напишешь вамъ, а отъ васъ получить и не думай. Да хоть и получишь, то это будетъ когда? А тутъ именно теперь нужно видѣть лицо, слышать голосъ, и хоть помолчать, и то хорошо. Непріятно. Грустно, что васъ далеко зашвырнуло. Теперь только я чувствую, что я, кажется, привязанъ чѣмъ-то къ вамъ!

Кончу я письмо, ей-Богу кончу, допишешься пожалуй до объясненія въ любви: глупо будетъ, неприлично въ мои лѣта. И такъ, до свиданья, дорогой мой.

И. Крамской.

---

*) Картина «Майская ночь».

XXXIII. Къ П. М. Третьякову.

6-го декабря 1871 г. Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Прошу васъ очень извинить меня, виноватаго передъ вами, что такъ долго не увѣдомлялъ васъ о полученіи мною тысячи рублей, и кромѣ того на ваше безпокойство о картинахъ, присланныхъ изъ Москвы. Все, слава Богу, обстоитъ благополучно; выставка открыта, и публика приняла ее очень любезно.

Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ

И. Крамской.

XXXIV. Къ Ѳ. А. Васильеву.

Спб., 1-го января 1872 г.

Дорогой мой Ѳедоръ Александровичъ. И что это отъ васъ нѣтъ вѣсточки? Или вы больны, или вы ужъ очень здоровы? Съ послѣднимъ я готовъ бы былъ помириться, еслибы и совсѣмъ вы забыли, что я существую, но только въ этомъ единственномъ случаѣ. Въ этотъ день поздравляютъ съ Новымъ годомъ, и я бы готовъ былъ васъ поздравить, еслибы возможно было немедленно, сію минуту это сдѣлать. Но вѣдь это письмо придетъ, когда вы уже къ Новому году привыкнете. И такъ это можно обойти, а лучше сообщить вамъ новости изъ далекаго сѣвера и, какъ хотите, изъ умственнаго центра. А жаль, что васъ нѣтъ. Вы не послѣдній человѣкъ, объ которомъ вспоминаютъ, при всѣхъ вопросахъ интересныхъ и живыхъ. Дѣло въ слѣдующемъ. Стасовъ написалъ статью, говоря о передвижной выставкѣ, задѣлъ Артель тѣмъ, что сказалъ: «Артель къ стыду своему устранилась отъ этого движенія, оно совершилось помимо нея». Артель прислала опроверженіе въ редакцію, въ которомъ говоритъ, что Стасовъ нанесъ ущербъ Артели своимъ отзывомъ въ «Петерб. Вѣдомостяхъ». Опроверженіе это было напечатано, но не все. Она обратилась въ «Голосъ», съ требованіемъ—напечатали все сполна. Въ этомъ опроверженіи говорится, кромѣ того, что она, занятая своими дѣлами, не могла принять участія; при томъ, наученная 8-ми лѣтнимъ опытомъ, считаетъ нужнымъ строго держаться того круга дѣйствій, который она себѣ избрала. Потомъ тутъ же сболтнула, что Артель не есть замкнутое общество, а что она имѣетъ вечера, гдѣ бываютъ профессора Академіи, и что все новое и живое обсуждается на нихъ; дается нахлобучка Стасову, что онъ послушался наущеній какой-то темной закулисной и озлобленной на Артель личности и что онъ былъ введенъ въ заблужденіе этою личностью, а что къ проекту о передвижной выставкѣ она отнеслась сочувственно». Члены четверговыхъ ве-

черовъ сейчасъ же послѣ этой статьи Артели, видя, что она безцеремонно эксплоатируетъ четверги, возьми да на слѣдующій четвергъ и перейди всѣмъ своимъ составомъ, какъ одинъ человѣкъ, въ Общество поощренія художниковъ. Боже, какая буря! Какая злоба на всѣхъ и на вся! Кажется, еслибы могли, то зарядили бы пушку вашимъ покорнѣйшимъ слугою, да и выстрѣлили бы. Хотя я тутъ меньше всѣхъ принималъ участія, лучше сказать, устранился отъ всякаго участія, но не скрою, что мнѣ пріятно, что такъ блистательно я былъ правъ. Этого я даже и не ожидалъ. И вотъ, теперь «четверги» на постоянной выставкѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ тамъ хорошо. Григоровичъ членомъ, конечно. Недавно я видѣлся съ Строгановымъ *), насилу собрался поблагодарить его за гостепріимство, говорили объ васъ, и, сколько можно судить, вамъ будетъ предложена поѣздка заграницу, куда вы желаете. Словомъ, все какъ будто обстоитъ хорошо. Дай Богъ, чтобы вы, дорогой мой, только окончательно поправились. А что говоритъ докторъ, и слушаетесь ли вы его? Вѣдь хотя опасность и миновала, а слушаться все-таки нужно. Но вы, пожалуй, сейчасъ козла задавать? Нѣтъ, не хочу думать, чтобы вы были настолько уже юноша,

Вашъ И. Крамской.

XXXV. Къ нему же.

Спб., 22-го февраля 1872 г.

Дорогой мой Ѳедоръ Александровичъ. Пишу отвѣтъ на записочку, присланную при картинѣ, а на два передъ этимъ бывшихъ письма чувствую, что ушло время. Да и кромѣ того есть объ чемъ сообщить. Не думайте, однако-жъ, чтобы я остался въ долгу передъ вами! Но... теперь, по крайней мѣрѣ, пишу главнымъ образомъ о картинѣ. Я ее получилъ въ цѣлости, успокойтесь, и еще во-время. Краски и холстъ Григоровичъ говоритъ, что онъ выслалъ. Разскажу по порядку. Само собой разумѣется, что меня не надо было бы и просить говорить правду. Вамъ я чувствую себя обязаннымъ говорить ее: во 1-хъ потому, что считаю васъ человѣкомъ совершенно зрѣлымъ уже въ искусствѣ, по крайней мѣрѣ понятіями, если не технически, и во 2-хъ, потому, что я принялъ, не протестуя, ваше довѣріе ко мнѣ, какъ относительно цѣнности картины, такъ и ея судьбы. Словомъ, такъ или иначе, а разъ я силою вещей вмѣшанъ въ вашу судьбу, и отъ моихъ поступковъ и словъ будетъ зависѣть многое, я долженъ говорить и дѣлать только правду, по своему крайнему разумѣнію.

Недѣли двѣ тому назадъ И. И. Шишкинъ работаетъ, т. е. оканчиваетъ

*) Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ.

у меня свою картину на конкурсъ, такъ какъ у него ему нѣтъ возможности ничего написать, вслѣдствіе тѣсноты, кромѣ черныхъ сапоговъ. Къ тому же онъ началъ большую вещь, очень большую. Вы его знаете хорошо, и можете представить себѣ, что онъ сдѣлалъ, если я скажу, что онъ написалъ вещь хорошую до такой степени, что Шишкинъ, оставаясь все-таки самимъ собою, до сихъ поръ еще не сдѣлалъ ничего равнаго настоящему. Это есть чрезвычайно характеристическое произведеніе нашей пейзажной живописи,—конечно, принимая во вниманіе, что школа наша не Богъ вѣсть что такое. Сегодня вторникъ, а въ прошлую субботу утромъ, какъ тать, является Третьяковъ. Чортъ его знаетъ, какое чутье собачье! Ну, въ разговорѣ коснулось васъ. Я говорю, что жду вашей вещи; онъ при этомъ читалъ ваше письмо, которое вы ему писали. Я сказалъ, что вы и мнѣ то же пишете, и что, пожалуй, картина не придетъ такъ скоро, и что ему не дождаться, такъ какъ я жду ее не раньше 24 числа. Однако-жъ вечеромъ въ тотъ же день я получилъ повѣстку; стало быть, картину я могъ только получить въ понедѣльникъ. На другой день, въ воскресенье, Третьяковъ былъ опять, и я ему сообщилъ, что повѣстка получена, и, вѣроятно, это и есть картина. Въ ночь на воскресенье Шишкинъ заболѣлъ, не успѣвши кончить вещь, въ которой работы было дня на два. Она и теперь еще здѣсь. Конкурсъ отложенъ до 1-го марта. И вотъ, вчера я поѣхалъ за посылкой. Привезъ, и одинъ раскупорилъ и открылъ, такъ какъ Софьи Николаевны и дѣтей не было: отправились на балаганы—1-й день масляницы. Ужъ я ее открывалъ, открывалъ, долго открывалъ, но, наконецъ, открылъ, и одинъ около часу ее разсматривалъ, въ офортной мастерской, запершись, чтобы кто чужой не накрылъ меня. Первый взглядъ не въ пользу силы. Она показалась мнѣ чуть-чуть легка, и не то, чтобы акварельна, а какъ будто перекончена. Но это былъ одинъ моментъ. Я объ немъ упоминаю къ свѣдѣнію, но во всемъ остальномъ она сразу до такой степени говоритъ ясно, что вы думали и чувствовали, что я думаю и самый моментъ въ природѣ не сказалъ бы ничего больше. Эта, отъ перваго плана, убѣгающая тѣнь, этотъ вѣтерокъ, побѣжавшій по водѣ, эти деревца, еще поливаемыя послѣдними каплями дождя, это русло, начинающее заростать, наконецъ, небо, т. е. тучи, туда уходящія, со всею массою воды, обмытая зелень, весенняя зелень, яркая, одноцвѣтная, невозможная, варварская для задачи художника, и какъ символъ, не смотря на то, что кажется буря прошла, монограмма взята все-таки безнадежная,—все это вы. Мнѣ, конечно, можетъ быть болѣе понятно, чѣмъ другому, въ этой картинѣ многое, но тамъ остается такая масса для всѣхъ другихъ смертныхъ, что присланнаго достаточно для публики, а конкуррентамъ будетъ большая пожива: не преминутъ, при семъ удобномъ случаѣ, ругнуть въ душѣ васъ, а другимъ, болѣе тупоумнымъ—пожалуй и громко. Но это

предположеніе, о которомъ я напишу вамъ, если оно осуществится. Наконецъ, я ее вынесъ и поставилъ рядомъ съ Шишкинымъ; думалъ, неся, что она рядомъ будетъ жидка. Но нѣтъ, этого не было. Эта картина разсказала мнѣ больше вашего дневника. Но не думайте, что дневникъ—лишній, вѣдь вы же не станете присылать картину за картиной вмѣсто писемъ? Послѣ того, я ее вставилъ въ раму, и сегодня утромъ ее видѣли Третьяковъ и Григоровичъ. Третьяковъ желаетъ ее оставить за собой, а что касается денегъ и вашего долга, то пусть онъ, т. е. вы, не размышляетъ и успокоится, я буду высылать сколько и когда нужно. Я еще ему не назначилъ цѣны, онъ вамъ объ этомъ напишетъ самъ, да я хотя и уполномоченъ отъ васъ назначить ей цѣну, но боюсь все-таки. Это трудно, голубчикъ мой, ей-Богу трудно: я было думалъ назначить 1,000 руб., въ крайнемъ случаѣ, никакъ не менѣе 800 руб. Это, по моему, самая настоящая цѣна. Ради Бога напишите, какъ вы? Третьяковъ во всякомъ случаѣ желаетъ ее имѣть. Затѣмъ Григоровичъ ничего больше и не говорилъ: «Ахъ, какой Шишкинъ», «Ахъ, какой Васильевъ», «Ахъ, какой Васильевъ», «Ахъ, какой Шишкинъ!» «Двѣ первыхъ преміи, двѣ первыхъ преміи, двѣ первыхъ преміи». Конечно, ничего неизвѣстно, что̀ будетъ и какъ рѣшатъ, но мое мнѣніе, по совѣсти, если класть шары: и та, и другая. Эти вещи до такой степени разнородны и равносильны, что нѣтъ возможности рѣшить, которая. Еслибы преміи были такія: 1-я—1,000, а вторая—900, и я былъ бы въ числѣ обязанныхъ ужъ непремѣнно произносить приговоръ, то я бы положилъ: Шишкинъ—1-й, Васильевъ—2-й; но такъ какъ разстояніе между 1-й и 2-й преміями громадное, то не можетъ быть сомнѣнія, что 1-хъ премій должно быть двѣ. Вещи взаимно исключаютъ одна другую, или взаимно замѣняютъ. Бо̀льшую противоположность трудно себѣ вообразить. Одна—Шишкина, объективная по преимуществу; другая — ваша, субъективная. До сихъ поръ картину видѣли: Савицкій, Гѐ, Постниковъ и Боткинъ, которые пріѣхали и сдѣлали мнѣ честь—посѣтили меня и увидали тутъ ваши вещи. Всѣ они отзываются объ картинѣ хорошо рѣшительно.

Покончивши съ впечатлѣніями, обратимся къ разсужденіямъ. Прошу не забывать, что мы понимаемъ задачи искусства нѣсколько больше того, чѣмъ довольствуются обыкновенно, и требуемъ, чтобы уровень подымался, а не то, чтобы была вещь только лучшая изъ того, что̀ всѣми дѣлается. И такъ ваша картина, въ тонахъ на землѣ — безукоризненна, только вода чуть-чуть свѣтла, и небо тоже хорошо, исключая самаго верхняго облака, большого пятна свѣта: въ немъ я не вижу той страшной округлости, которая быть здѣсь должна. По вашей же затѣѣ, у горизонта налѣво особенно небо хорошо. Пригорокъ лѣвый тоже, деревья мокрыя, дѣйствительно и несомнѣнно мокрыя. Но что̀ даже изъ ряду вонъ—это свѣтъ на первомъ планѣ.

Просто страшно. И потомъ эта деликатность и удивительная оконченность, мнѣ кажется, тутъ именно идетъ, хотя она вездѣ идетъ. Но не смотря на это, желательно бы, чтобы градація между свѣтомъ и полутонами, особенно направо и налѣво отъ воды, была бы для глаза чувствительнѣе. Это прямое слѣдствіе условій, при которыхъ вы писали. Отодвинуть далеко, вѣроятно, было нельзя. Въ общемъ, вещь, не смотря на все мною сказанное, пожалуй лучше «Зимы»*), даже рѣшительно лучше. Это и говорили уже. Я только слушаю и не вмѣшиваюсь. Но что̀ нужно непремѣнно удержать въ будущихъ вашихъ работахъ—это окончательность, которая въ этой вещи есть, то есть та окончательность, которая безъ сухости даетъ возможность не только узнавать предметъ безошибочно, но и наслаждаться красотой предмета. Эта трава на первомъ планѣ и эта тѣнь — такого рода, что я не знаю ни одного произведенія русской школы, гдѣ бы такъ обворожительно это было сработано. И потомъ счастливый, какой-то фантастическій свѣтъ, совершенно особенный, и въ то же время такой натуральный, что я не могу оторвать глазъ. Замѣчаете ли вы, какъ я стараюсь добросовѣстно исполнить вашу просьбу, опредѣлить недостатки вашей картины, и свожу всякій разъ на хвалебный гимнъ. Если ужъ вамъ непремѣнно хочется отыскать въ своей картинѣ недостатки крупные, то вообразите, что вамъ объ нихъ говоритъ человѣкъ къ вамъ пристрастный и любящій. Но прошу не забывать, что настоящее сочувствіе не бываетъ слѣпо. И такъ далѣе, поясненіе можете найти въ прописяхъ.

Теперь опишу вамъ картину Шишкина. Вотъ она какъ расположена **): величиною она вмѣститъ четыре вашихъ на своей плоскости—почти. Лѣсъ глухой и ручей съ желѣзистой, темно-желтой водой, въ которомъ видно все дно, усѣянное камнями. На лѣвой сторонѣ—большая, упирающаяся въ раму сосна, березка—и за ними глушь. Внизу подъ ними—коряга, мхи и папоротники. Направо, по пригорку, сосновый лѣсъ, уходящій влѣво. Подъ соснами, на пригоркѣ, два медвѣдя, одинъ очень умильно поглядываетъ на улей, привязанный къ дереву, на благородную дистанцію, другой охаживаетъ около—это выражено. Направо на пригоркѣ—сломанное дерево, съ вывороченнымъ корнемъ. Все освѣщено солнцемъ. Правый берегъ — осыпающійся песокъ съ камнями, опутанными корнями. Голубое небо съ бѣлыми легкими облачками. Картина имѣетъ чрезвычайно внушительный видъ: здоровая, крѣпкая и даже колоритная. Всего лучше вода и вся правая сторона, и что̀ удивительно — небо дѣйствительно свѣтлое и легкое небо. Словомъ, картина хорошая и производитъ впечатлѣніе здоровое. Но, какъ

---

*) Картина Васильева.

**) Рисунокъ въ текстѣ.

всегда, скорѣе болѣе рисунокъ, чѣмъ живопись. Лучшей вещи онъ не писалъ. Но вотъ горе: заболѣлъ и, кажется, тифомъ. Въ субботу еще работалъ, сидѣлъ долго вечеромъ и ушелъ съ Иконниковымъ, а на утро въ воскресенье приходятъ ко мнѣ отъ него и говорятъ: «Пожалуйте, И. И. бредитъ, что-то съ нимъ нехорошее». Онъ не зналъ о томъ, что вы прислали картину, и не знаетъ еще и до сихъ поръ, все такъ лежитъ. Сегодня я его видѣлъ; впрочемъ, ему лучше было, но къ ночи слышалъ, что опять хуже. И такъ, вотъ вамъ отчетъ мой, отвѣчайте о цѣнѣ. Вотъ какимъ образомъ слагаются обстоятельства. Двѣ картины, къ которымъ нельзя подходить съ критикой — вещь невозможная, и мнѣ чрезвычайно интересно, какъ жюри выпутается изъ этого.

Изъ представленныхъ другихъ картинъ недурна Волкова. Жанровъ хорошихъ нѣтъ, лучшая—Маковскаго Константина: «Обѣдъ во время жатвы».

Теперь вы спросите, что-жъ я сдѣлаю съ картиной вашей, которую вы приказали не ставить, если я увижу, что премію вы не возьмете, и говорите, чтобы я распорядился по своему усмотрѣнію. И я, чувствуя всю серьезность вопроса, всю отвѣтственность, которая на мнѣ лежитъ, не смотря на вещь Шишкина, все-таки вашу поставлю. Завтра она будетъ тамъ. И какъ себѣ Общество хочетъ, а оно должно будетъ убѣдиться, что нѣтъ другого выхода, какъ сдѣлать двѣ первыхъ преміи—иначе невозможно. Что-жъ дѣлать, если Шишкинъ, наконецъ, озлившись, выдвинулъ дѣйствительно цѣлый лѣсъ, внушающихъ размѣровъ? Что-жъ дѣлать, если Васильевъ пропѣлъ дѣйствительно превосходно про непогоду, случившуюся раннею весною? Голубчикъ мой, это не слова — я такъ думаю. Не поручали бы мнѣ. Будьте здоровы, дорогой мой, до свиданья. И. Крамской.

Если хотите, я самъ буду вести съ Третьяковымъ о цѣнѣ переговоры, а лучше, еслибы вы меньше назначенной мною суммы ни за что не уступали. Она за это продастся здѣсь.

XXXVI. Къ П. М. Третьякову.

1-го марта 1872 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. На третій день вашего отъѣзда я узналъ отъ Иконникова, что Васильевъ не думаетъ отдать свою картину дешево, и такъ какъ онъ меня самъ уполномочилъ назначить цѣну, я же могъ ошибиться жестоко, то и рѣшился ему телеграфировать, и, узнавъ цѣну, сообщить вамъ немедленно, чтобы не пропустить времени для продажи, въ случаѣ, еслибы вамъ неудобно было оставить ее во всякомъ случаѣ за собою. Одновременно съ вашимъ письмомъ о Шишкинѣ я получилъ отвѣтъ на телеграмму, въ которомъ онъ объявляетъ цѣну 1,000 р.

Картина Шишкина, когда будетъ кончена, будетъ стоить 1,500 рублей. Здоровье его въ настоящее время немножко лучше, и, какъ говоритъ докторъ, пошло къ выздоровленію. У него сдѣлался тифъ, осложнившійся, на пятый день болѣзни, воспаленіемъ легкихъ, самой острой и злой формы; но, какъ онъ говоритъ, оно оставляетъ не такія пагубныя послѣдствія, какъ воспаленіе легкихъ болѣе медленное. Леченіе и болѣзнь, сколько мнѣ кажется, идутъ правильно.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть глубоко уважающимъ васъ И. Крамской.

XXXVII. Къ нему же.

8-го марта 1872 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Спѣшу увѣдомить васъ, что на выставкѣ, пока, особеннаго нѣтъ ничего. Выставка открывается только 10-го или 11-го числа, такъ что, можетъ быть, что-либо еще появится. Изъ того же, что̀ есть теперь, замѣтный этюдъ этнографическій, русской женщины въ костюмѣ, Сѣдова, въ 1/2 натуры, во весь ростъ, и потомъ три талантливыхъ статуэтки изъ воску, Токарева, кажется, если не переврал фамилію (онъ московскій музыкантъ), изображающія евреевъ. Одинъ замѣчательный, хотя и не особенно, пейзажъ шведскаго художника, до котораго вамъ, можетъ быть, нѣтъ и дѣла. Вотъ и все пока. Здоровье Ивана Ивановича поправляется: онъ уже встаетъ. Что же касается пріобрѣтенія вами его пейзажа, то я ему читалъ присланныя вами оба письма, и онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что все это такъ и быть должно, и что вы увидите его конченнымъ. Можно было бы, пожалуй, упомянуть о двухъ картинахъ, даже трехъ, Маковскаго, К. Е.: «Похороны крестьянскія», Корзухина—«Кадетъ передъ отправленіемъ въ корпусъ», и Журавлева—«Вѣтреная жена». Но я ими не особенно тропутъ, и потому за нихъ не стою, хотя отдаю полную справедливость достоинствамъ. Извините за непозволительно дурное письмо.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью остаюсь глубоко уважающій васъ И. Крамской.

XXXVIII. Къ нему же.

10-го апрѣля 1872 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Г. Анненковъ видѣлъ портретъ Кольцова въ самомъ безобразномъ видѣ. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы

ослабить силу его замѣчаній, которыя всѣ я принялъ съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что это совпадало съ моими намѣреніями. Особенныхъ «только» я не замѣтилъ, и исправленіе ихъ не можетъ меня особенно затруднить, а только довожу до вашего свѣдѣнія, чтобы вамъ не показалось удивительнымъ такое количество замѣчаній. Прошу васъ извинить меня, что я не тотчасъ отвѣчаю вамъ — занятъ былъ упаковкою и отправкою картинъ. И. И. Шишкинъ, какъ вы увидите, сдѣлалъ въ своей картинѣ много даже перемѣнъ, — и всѣ къ лучшему, по моему мнѣнію. Впрочемъ, вы увидите сами. Сколько я могу судить, картина его— одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской школы. Въ своей картинѣ «Майская ночь» я тоже кое-что прошелъ, и, кажется, не испортилъ. Напримѣръ, воду на первомъ планѣ всю сдѣлалъ темнѣе, первый планъ съ правой стороны прошелъ, бугорокъ подъ лодкой, надъ плотомъ, перемѣнилъ, гору съ тополями кончилъ, деревья около дому измѣнилъ нѣсколько, и въ тонахъ и въ формѣ, и наконецъ другой берегъ облегчилъ въ тонахъ, и даже пришлось пройти и небо. Словомъ, прошелъ всю картину. Въ настоящее время она пожухла страшно, но Гр. Гр. Мясоѣдовъ обѣщался ее покрыть бѣлкомъ основательно. Кромѣ этихъ новостей, есть еще картина интересная,—«Пашня» барона Клодта. Портретъ Кольцова я не посылаю теперь, а только на Фоминой, потому, что на праздникахъ здѣсь будетъ Тургеневъ, котораго хотѣлъ привести Анненковъ. Затѣмъ, поручая вашему вниманію наши труды, желаю вамъ встрѣтить праздникъ радостно и счастливо.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть всегда готовымъ къ услугамъ, уважающій васъ И. Крамской.

XXXIX. Къ Ѳ. А. Васильеву.

С.-Петерб., 15-го марта 1872 г.

Добрый мой Ѳедоръ Александровичъ. Не знаю, какое у меня письмо выйдетъ, т. е. не то, что какое выйдетъ, а какъ мнѣ сдѣлать, чтобы вы правильно поняли. Вѣдь у меня иногда чортъ знаетъ какъ языкъ заплетаетъ и логика чудная: но вѣдь, кромѣ письма, нѣтъ другого средства, стало быть будемъ усиливаться: я—правильно выражаться, вы—правильно понять. И такъ, вы получили 2-ю премію, Шишкинъ—1-ю. Впрочемъ, это извѣстіе долетитъ къ вамъ скорѣе моего письма, такъ какъ премія поѣхала уже съ докторомъ Боткинымъ, который отправился въ Крымъ съ больной Императрицей. Но не это суть, и я знаю, что и вамъ не это главное, а будущее — судьба вашихъ картинъ, и послѣдней, присланной вами. Какое она произвела впечатлѣніе вообще? Я вамъ обѣщался написать, что объ ней говорятъ, и напишу. Восторженныхъ, порывистыхъ восклицаній я во-

обще не слыхалъ (вотъ вамъ!). Скорѣе на лицахъ, на которыхъ черти горохъ молотятъ, было какое-то недоумѣніе, какъ имъ отнестись къ явленію? Они съ комическимъ безпокойствомъ приставали ко всякому, и просили разъяснить, что̀ дескать сіе? Ни одной стороны традиціонной въ картинѣ нѣтъ, ни одного патентованнаго эффекта, т. е. такого, о которомъ всѣ мнѣнія согласны, и что мозги утруждать нечего. Вещь хороша, конечно, если въ ней есть то-то и то-то, а тутъ—картина сѣренькая, почти туманная, что-то какъ будто скучное. Чортъ его знаетъ, поди разбирай. Нѣкоторые находили, что все-таки это не то, что «Зима», однако-жъ при этомъ такъ выходило, что Васильевъ не сдѣлалъ шага и назадъ. Словомъ, конецъ съ началомъ не сходился, а вѣдь согласитесь, что такое положеніе прочности мнѣнія не способствуетъ. Для всѣхъ было несомнѣнно, что когда поставили вещи ваши, т. е. вашу и Шишкина, то премія опредѣлилась, и опредѣлилась до такой степени, что между этими двумя вещами и другими присланными на конкурсъ не было даже никакого перехода—точно пропасть, и точно только двѣ вещи и прислано. Только немногіе, простые и не заинтересованные въ этой полемикѣ люди, люди съ чувствомъ, умомъ и художественнымъ развитіемъ, выражали непритворное удовольствіе; а нѣкоторые художники только руками разводили и говорили приблизительно слѣдующее: прошлогодняя «Зима» породила уже новыхъ зимнихъ пейзажистовъ, на ту же тему, а эта вещь окончательно собьетъ ихъ съ толку. Этому ужъ и подражать нельзя, нельзя и подозрѣвать о существованіи т а к о г о пейзажа, не имѣя дара Божьяго.

Словомъ, на новой дорогѣ всегда мало проѣзжихъ, хотя бы она была и кратчайшая, и пройдетъ не мало времени, пока всѣ убѣдятся, что именно эта дорога уже давно была необходима. Это то, что̀ говорятъ. Я вообще мало и неохотно объ вашей вещи говорилъ, потому что я не видѣлъ необходимости ее защищать: она сама за себя говоритъ, и потому былъ спокоенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я ее получилъ, прошло три недѣли, я ее уже знаю, и мнѣніе мое первоначальное ни на волосъ не измѣнилось, а въ томъ возрастѣ, въ которомъ я нахожусь, какъ-то мнѣнія не очень уступаютъ внѣшнимъ давленіямъ. Объ своей вещи еще я могу сегодня подумать одно, а завтра другое, но чужія для меня то же, что̀ книга: прочелъ и понялъ или не понялъ, а ужъ заключеніе выливается въ опредѣленныя формы. Не могу только не выразить своего сожалѣнія о той глупости, съ которою составляются преміи: 1-я—1000 руб., а 2-я осталась 200 р. Это такое невозможное разстояніе, что въ данномъ случаѣ это было настолько очевидно, что нѣкоторые, чтобы избѣжать комизма, предлагали преміи раздѣлить пополамъ. Я не былъ въ числѣ жюри и не знаю подлинно, какъ это происходило, но что это происходило—это вѣрно. Я сожалѣю теперь, что на-

писалъ вамъ въ прошломъ письмѣ о словахъ Григоровича, что первыхъ премій двѣ. Я ему и повѣрилъ. Еще урокъ мнѣ въ томъ, что не слѣдуетъ говорить обо всемъ, что̀ болтаютъ, если это можетъ производить какое-либо неожиданное и непріятное впечатлѣніе. Мнѣ бы слѣдовало воздержаться. Напрасно вы думаете, что я въ письмѣ или на словахъ способенъ вамъ золотить пилюлю. Вы требуете моего откровеннаго мнѣнія, и я его сказалъ бы ясно и просто, что ваша вещь сравнительно съ Шишкинымъ—слабая, еслибъ она была слабая. Повторяю, приготовлять васъ я не сталъ бы. Вамъ не то нужно. Вамъ нужно знать правду, какъ доктору, чтобы знать, что̀ вамъ дѣлать. Я даже такъ поступилъ бы и въ томъ случаѣ, еслибы вы ко мнѣ и не обратились. Мнѣ слишкомъ дорого ваше будущее, чтобы дѣлать вамъ (даже съ добрымъ намѣреніемъ) затрудненія его достигнуть. Но что касается картины Шишкина, то это дѣйствительно замѣчательная вещь, вещь рѣдкая во всей русской школѣ. Судите же, что̀ это такое и кто съ вами конкуррировалъ. Но чортъ знаетъ, выходитъ и въ самомъ дѣлѣ, что я какъ будто устилаю. Бросимъ это, дорогой мой, а поговоримъ лучше о другомъ. Третьякову я назначилъ 1000 руб. за вашу картину, и онъ согласенъ. Краски вышлю немедля, только не знаю, тѣ ли пошлю, какихъ нужно вамъ. Постараюсь взять побольше.

Въ Академіи выставка, какъ всегда, заурядная. Есть и хорошія вещи, но мало, много посредственнаго, а ужъ плохого и не приведи Богъ какой урожай. Савицкій все вздыхаетъ о своемъ непотребствѣ, что не пишетъ вамъ. Но рѣшительно собирается. Рѣпинъ гдѣ-то и что-то, но я его не вижу. Говорятъ, женился. Макаровъ написалъ два портрета дѣтскихъ очень хорошихъ, краски прекрасныя, и, что удивительно—хорошо нарисованы. Просто—благодарю, не ожидалъ! Н. Н. Гѐ пишетъ повтореніе своей картины для Государя, а я... я... не знаю, что̀ я дѣлаю, стыдъ и срамъ. Зима почти миновала, а я бью баклуши, скучно и тяжело, тяжело и скучно. Впрочемъ, началъ «Христа». Чудное дѣло, а страшно за такой сюжетъ приниматься. Не знаю, что̀ будетъ.

Если можно, вышлите мнѣ фотографіи Чуфутъ-кале, что есть у Рыльскаго, если есть Рыльскій въ Ялтѣ вообще, помните, изъ той коллекціи, которую мы съ вами разсматривали. Въ ножки поклонюсь. Что касается начатыхъ вами картинъ, то съ Богомъ, впередъ! рѣшительно впередъ! Намъ нельзя и некогда оглядываться. Работы на сто человѣкъ, а рабочихъ силъ пять-шесть всего-на-всего. Вѣдь и до станціи не Богъ вѣсть какъ далеко, а тамъ насъ смѣнятъ свѣжія силы. Но пока смѣнятъ, а дѣло у насъ на плечахъ. Впрочемъ, что-жъ это я, кому говорю, точно равному... Не забудьте, у васъ будущаго больше моего на цѣлую станцію, а можетъ быть и больше, а ужъ мнѣ больше одной упряжки не сдѣлать, это вѣрно—

а все-таки впередъ! Чертежъ вашей «Волны» живо напомнилъ мнѣ шумъ настоящаго моря. А хорошо бы, еслибы оно зашумѣло и въ самомъ дѣлѣ, такъ хорошо и страшно, какъ то, вотъ, катится, катится, катится... безконечно. Вы помните, на меня Крымъ не произвелъ того впечатлѣнія, какое бы вы хотѣли, но волны... это хорошо, музыкально какъ-то. Нѣтъ, впрочемъ, это не совсѣмъ музыка, а какое-то чудовище, живое, мрачное, да, и правда, свѣтъ оттуда изъ картины, только чудовище большое-большое, даже больше, чѣмъ всякая картина. И такъ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Часто, очень часто, я вижу на яву вечеръ, берегъ моря, и волны, волны, и волны...

Однако-жъ, такъ нюнить непростительно, — не къ лицу; будемъ говорить степенно. Мнѣ нравится, что вы взяли этотъ мотивъ, онъ имѣетъ въ себѣ внушительную степенность, и линія хорошая; такъ просто и хорошо, давай Богъ. Праздникъ будетъ у̀ меня, когда свидимся. Знаете что̀, кончу я письмо, лучше кончу, не могу писать, чортъ знаетъ что такое: пусть лучше останется чистая бумага, добавляйте, что̀ вы хотите, все будетъ хорошо, новаго не будетъ. Будьте здоровы! Ничего не нужно лучше этого. Прощайте. И. Крамской.

XL. Къ нему же.

Спб. 20-го апрѣля 1872 г.

Добрый мой Θедоръ Александровичъ. Вотъ какъ бываетъ, и я запаздываю съ письмами! Но случилось такъ, что, получивши ваше письмо, я долго былъ въ недоумѣніи и довольно тяжеломъ раздумьи, что̀ дѣлать, ка̀къ писать, и съ которой стороны подойти къ Григоровичу, чтобы накрыть его и узнать то, что̀ есть пахучаго въ его дѣйствіяхъ. Былъ у него — не засталъ, собирался опять къ нему, и вдругъ онъ является ко мнѣ самъ. Ладно, думаю. Ну, говоримъ, — думаю, зачѣмъ онъ? И уже собрался повести атаку, какъ онъ заговорилъ о своемъ удивленіи по поводу вашего письма къ нему; но въ чемъ дѣло — ходитъ вокругъ, да около, а что̀ именно ему нужно, не говоритъ. Я знаю Григоровича съ одной стороны, съ которой вы, быть можетъ, его не знаете. Знаете ли вы, что его глубоко можно обидѣть, обидѣть до того, что онъ станетъ врагомъ, врагомъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что все въ немъ остается то же, онъ такъ же говоритъ со слезами на глазахъ, какъ и прежде, такъ же, какъ заведенная машина, вертитъ колеса и трещитъ фразами, но время отъ времени есть фразы, окрашенныя зловѣщимъ цвѣтомъ, и вы чувствуете только, что есть нѣчто, что̀ крѣпко и упруго сидитъ въ немъ и начинаетъ вплетаться во всѣ его дѣйствія, къ вамъ относящіяся. Это нѣчто состоитъ въ томъ, что относительно васъ

онъ какъ будто долженъ еще съ кѣмъ-то совѣтоваться, на кого-то взглянуть, съ кѣмъ-то переговорить. Судьбами вашими не онъ одинъ распоряжается. Картину вашу вы прислали черезъ меня—ему обида; Третьяковъ ее купилъ не черезъ него—ему обида; считаете вы нужнымъ картины приберечь и не высылать ихъ, до окончанія, въ Общество—ему обида, тѣмъ горшая, что эта послѣдняя мысль, онъ подозрѣваетъ, вамъ кѣмъ-то внушена: что не будь кого-то, вы бы сами не выдумали такой революціонной мысли, и т. д. Это вѣрно. Хорошо ли, худо я сдѣлалъ, но сдѣлалъ такъ, какъ могъ и считалъ приличнымъ. Я ему сказалъ, что получилъ отъ васъ тоже письмо и что хотѣлъ видѣться съ нимъ, чтобы посовѣтоваться, взялъ да и прочелъ изъ вашего письма страничку о вашемъ недоумѣніи: зачѣмъ это вы ему совѣтуете поговорить о своей поѣздкѣ заграницу съ великимъ княземъ. Нужно было видѣть и слышать, какъ онъ божился и клялся, что ничего подобнаго онъ къ вамъ не писалъ и не совѣтовалъ, что, напротивъ, именно не нужно ничего брать отъ Академіи; ну, словомъ, я ничего не понялъ во всей этой кутерьмѣ. Такъ и оставилъ это дѣло. Послѣ того, онъ повѣдалъ свое горестное положеніе, что вы не обѣщаете выслать картинъ въ Общество до окончанія нѣсколькихъ разомъ, и потомъ, что вы ему при этомъ прибавили: «Это секретъ». «Такъ—говоритъ—и подчеркнулъ. Что же это такое? Неужто мы не увидимъ отъ него ни синя пороха, такъ какъ онъ говоритъ, что всѣ вещи надѣется распродать тамъ, въ Крыму, и частію въ Москвѣ: а между тѣмъ вѣдь нужно же свести счеты, все бы-таки хоть двѣ картины слѣдовало бы дать намъ, чтобы я могъ передъ Обществомъ упираться на факты. Конечно, вы себя, господа, независимо и почетно поставили. Что-жъ, ему пожалуй и хорошо помѣстить свои вещи на передвижную выставку»... Я подумалъ, чортъ знаетъ, кто ему это бухнулъ? И, наконецъ, не написали ли вы ему сами, что хотите дѣлать отдѣльную выставку и не пробуетъ ли онъ меня, чтобы я проговорился. Но такъ какъ вы мнѣ это писали подъ особымъ секретомъ и со мною совѣтовались, и при томъ Яковъ Михайловичъ *), когда пріѣхалъ, говорилъ то же самое, и тоже по секрету, то я и удержался, не выводилъ его изъ заблужденія, если онъ не знаетъ вашего намѣренія; и, пропуская мимо ушей это, говорю ему: «Дмитрій Васильевичъ, мнѣ кажется, что дѣло это такого рода, что слѣдуетъ Ѳ. А. Васильеву поставить на видъ, прямо, что такъ какъ онъ долженъ Обществу, и такъ какъ Общество не можетъ больше ждать долговъ, то Васильевъ и обязанъ уплатить: вѣдь Ѳедоръ Александровичъ, я думаю, удивленъ не будетъ, что кредиторы требуютъ съ него долгъ и, сколько я его знаю, онъ, разумѣется, долженъ будетъ представить для уплаты вамъ картины. Я не допускаю

*) Иконниковъ.

мысли, чтобы онъ обидѣлся, если вы ему прямо это напишете: вѣдь это дѣло денежное...»—«Нельзя, мой другъ, нельзя, вѣдь не могу же я такъ писать, я вѣдь его знаю, я и то теперь ужъ не знаю, какъ ему писать, и когда пишу, то десять разъ каждую фразу обдумаю прежде, какъ бы смягчить, и не задѣть. Вѣдь онъ кипучій. Самолюбіе, батюшка, самолюбіе, я понимаю. Нѣтъ, нельзя...» — «Напрасно, говорю: по моему, надо сказать прямо, онъ не мальчикъ,—боюсь, чтобы какъ нибудь не вышло недоразумѣній...» Словомъ, я такъ ничего и не понялъ. Изложилъ вамъ для того все это, что такъ какъ вы писали и ему и мнѣ, и знаете, что писали намъ обоимъ, то, можетъ быть, вамъ это будетъ яснѣе. Сколько мнѣ кажется, въ Обществѣ и въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые думаютъ: зачѣмъ ему еще давать, когда онъ такъ блистательно продаетъ свои вещи? Это объясненіе для меня имѣетъ правдоподобіе, а впрочемъ, чортъ ихъ тамъ знаетъ. Ей-Богу, я, голубчикъ, тутъ ничего не могу и понять и сдѣлать. Что же касается г. Третьякова, то рекомендую вамъ послать ему нѣкую цыдулочку, въ которой вы такъ и скажите, какъ и въ письмѣ ко мнѣ. Онъ долженъ знать, что цѣна картины не можетъ быть одна, когда вы въ Крыму, а другая, когда вы въ Петербургѣ, и что все равно, здоровы вы или больны. Съ нимъ это будетъ хорошо. Можетъ быть, ему это нужно сказать нѣсколько мягче, но что слѣдуетъ выразить несомнѣнное удивленіе къ его словамъ—это вѣрно. Видите, онъ тоже какъ будто обиженъ, что не то онъ вамъ помогаетъ, не то Общество. Чортъ ихъ знаетъ, что̀ у нихъ такое. Еще Третьяковъ, какъ частный человѣкъ, можетъ сказать: «Ндраву моему не препятствуй», но Обществу—неприлично. Эдакая гадость, съ какими вамъ казусами приходится возиться въ то время, когда надо тишину и спокойствіе. Теперь о другомъ—относительно Академіи,—т. е. званія вашего и диплома, все будетъ сдѣлано, какъ вы говорили. 27 или 29 апрѣля будетъ совѣтъ, и тогда извѣщу. Но впередъ успокойтесь: мнѣ обѣщали сдѣлать, какъ я просилъ. Дорогой мой, письмо это такое глупое, что я не хочу здѣсь больше ничего писать, а дня черезъ три напишу какое слѣдуетъ.

Вашъ весь И. Крамской.

XLI. Къ Ѳ. А. Васильеву.

Спб., 25-го апрѣля 1872 г.

Дорогой мой Ѳедоръ Александровичъ. Хвостикъ про Григоровича. Онъ васъ не понимаетъ. Вразумите его. Часто въ вашихъ письмахъ онъ видитъ совсѣмъ не то, что нужно. Ему нужно коротко, но ясно, каждую вещь своимъ именемъ—иначе онъ расползается. Онъ, напримѣръ, понялъ, что вы сейчасъ, теперь, хотите ѣхать на Востокъ, и оттого въ ужасѣ. Я, какъ

могъ, его успокоилъ, сказалъ ему, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, поѣздка эта состоится не раньше будущей зимы, слѣдовательно подробности ея выработаются еще, и наконецъ вы будете сами здѣсь, и тогда онъ будетъ имѣть удовольствіе выслушать отъ васъ приказанія. «А до того времени высылайте ему по 100 руб., если можно, ежемѣсячно, и кончено дѣло». Встрѣтилъ Исѣева и, между прочимъ, сказалъ ему, что вы какъ будто стѣсняетесь дѣлать перемѣны въ картинѣ для великаго князя, такъ какъ онъ начало уже видѣлъ. На это онъ говоритъ, что смѣло можете творить судъ и расправу надъ небомъ и землею, и, какъ Господь Богъ, мѣсить все какъ нужно. Нужно отодвинуть гору — отодвиньте, мѣшаетъ море — сдѣлайте сушу, словомъ можете насадить смоковницы, или терніе—все равно, лишь бы хорошо было. Краски посланы, и думаю, что человѣку, обладающему вашимъ аппетитомъ, ничего не значитъ скушать 40 пузырьковъ бѣлилъ, и чрезъ недѣлю потребовать еще столько же, и хотя я могу, положимъ, придти въ ужасъ отъ вашей прожорливости, но, ограбивши магазинъ Сухоровскаго, можно для вашего удовольствія опустошить Беггрова, и послѣ того уже въ крайнемъ случаѣ лишить торговли Аванцо. И такъ, во славу Божію, валяйте! Конечно, моихъ капиталовъ можетъ не хватить при такомъ опустошеніи, ну, тогда я буду рекомендовать вамъ обратиться къ другому болѣе меня вѣтреному человѣку. Вы пишете, что тамъ у васъ какой-то удивительный воздухъ; я на это могъ бы сказать многое, но на первый разъ ограничусь пока тѣмъ, что доложу вамъ, что Петербургъ удираетъ какія-то невозможныя штуки. Напримѣръ, передъ праздникомъ и на праздникахъ здѣсь было 15, 17 и 19° въ тѣни. Каково! Вотъ вамъ. Ну, когда это видано? Это въ половинѣ-то апрѣля! И теперь просто прелесть; но такъ какъ въ Крыму, вѣроятно, по вашимъ извѣстіямъ будетъ еще прогрессивнѣе, то я и умолкаю. Желаю вамъ изжариться. На второй день праздника, въ ночь, здѣсь былъ пожаръ, — горѣли балаганы: сгорѣлъ безстыдникъ Бергъ, звѣринецъ, ипподроммъ, карусели и прочія безобразія — не всѣ впрочемъ, чему я сокрушаюсь очень. Мы съ Савицкимъ ходили смотрѣть. Жарко было, и хорошо, что было тихо — могло бы кончиться плохо. Оно и теперь нехорошо: въ присутственныхъ мѣстахъ, на углу Гороховой и по другую сторону той же улицы, полопались стекла, сгорѣли рамы, и во всѣхъ этажахъ поврежденія очень существенныя. Несмотря на это, чрезъ день площадь была уже опять застроена и публика, какъ ни въ чемъ не бывало, вкушала удовольствія—даже подло смотрѣть. Былъ у меня какъ-то недавно братъ Карла Васильевича Имсена — Василій Васильевичъ, принесъ поклоны, и при сей вѣрной оказіи помыли вамъ косточки, о чемъ и довожу до вашего свѣдѣнія. Замѣчаете ли вы, что мое письмо становится похоже на тѣ письма, въ которыхъ обыкновенно говорится: живъ и здоровъ, чего

и вамъ желаю, у насъ отелилась корова, яблони въ саду распускаются, Марія Ивановна опять принесла двойни, а дѣдушка приказалъ долго жить, и все въ этомъ родѣ. А отчего это, какъ вы думаете? Трудно угадать, но возможно, только не вамъ, конечно. Разумѣется, меня можетъ терзать угрызеніе совѣсти, что я отвѣчаю на дневники чортъ знаетъ чѣмъ, но вѣдь я вамъ въ этомъ не сознаюсь, конечно, слѣдовательно вы безъ моей помощи пропали. Потомъ, я могу привести въ свое оправданіе, что дѣлъ ужасно много, никакъ не могу собраться: третьяго дня былъ нездоровъ, а завтра, вѣроятно, кто нибудь помѣшаетъ, и такъ дальше до безконечности... И разгонисто подлецъ пишетъ! Какъ прежде, бывало, лѣпилъ строчка на строчку, а теперь, смотри, будетъ радъ, когда домахаетъ до конца; раньше не остановлюсь — это вѣрно, потому что вы можете подумать, что ишь какой, лѣнится, забываетъ уже меня, еслибы я вздумалъ вотъ на этомъ мѣстѣ подписать свою фамилію. Конечно, пустое мѣсто смотритъ нѣсколько укоризненно; но вѣдь, что будете дѣлать — весна! Петербургъ, какъ вамъ извѣстно, становится въ это время свѣтелъ, и ночью лампъ не зажигаютъ почти совсѣмъ. Ну, а какой порядочный человѣкъ станетъ тратить долгое время на письма, я васъ спрашиваю? А мѣсто все еще остается, но остается его такъ мало, что дѣла не вмѣстишь, а бездѣлья и такъ много; взять другой листъ—значитъ наклеить 2 марки, а зачѣмъ, скажите ради Бога? Оставаться въ естественныхъ границахъ, бумажнымъ фабрикантомъ отведенныхъ, тоже не хотѣлось бы — нарушеніе принципа свободы; и такъ до конца балансируешь между Сциллой и Харибдой. Каково вывожу періоды, хоть въ печать. Не уступаю и вамъ въ болтовнѣ. Вотъ единственная разница: у васъ въ письмѣ есть что-то о будущемъ искусствѣ, хорошо что-то сказано, да нѣсколько строкъ траурныхъ относительно Евгеніи Ивановны*) (бѣдная, что съ ней?). Траурныхъ извѣстій съ моей стороны, слава Богу, нѣтъ, а объ искусствѣ мы толковали такъ много, что можно отложить до другого раза, хотя на выставкѣ показались нѣкоторыя новыя вещи, но... какъ бы вамъ сказать—не трогаютъ, а потому лучшее, что я могу теперь сдѣлать, — это поклониться вашей мамашѣ, Роману**) желаю потолстѣть, а вамъ сказать спасибо за косоглазыхъ братьевъ вашихъ. Дописалъ, наконецъ. И. Крамской.

XLII. Къ П. М. Третьякову.

25-го апрѣля 1872 г. Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Картина Васильева, вѣроятно, уже отправлена къ вамъ; Дмитрій Васильевичъ еще здѣсь, а Тургеневъ,

*) Мать Ѳ. А. Васильева.
**) Младшій Васильевъ.

вѣроятно, не пріѣхалъ еще, по крайней мѣрѣ, я не слышалъ. Портретъ Кольцова все еще работаю. Николай Николаевичъ Гè не поѣдетъ теперь, его удерживаетъ копія, которую нужно сдать Его Величеству чрезъ Академію. Изъ Петербурга онъ поѣдетъ уже совсѣмъ въ первыхъ числахъ іюня, вотъ почему онъ не былъ и у васъ. Что же касается моего пріѣзда въ Москву, то, какъ видите, онъ все откладывается, хотя я этой идеи еще не покинулъ. Надо полагать, что это состоится въ первыхъ числахъ мая: очень ужъ хочется повидать сочленовъ москвичей, до той же поры низко кланяюсь Василію Григорьевичу (Перову) и прочимъ. Очень радъ, что пейзажъ Шишкина оправдываетъ мои отзывы и «Пашня» барона Клодта вамъ нравится.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть всегда готовымъ къ услугамъ И. Крамской.

XLIII. Къ Ѳ. А. Васильеву.

Усадьба Снарской (станція Серебрянка). 1872 5-го іюля.

Дорогой мой Ѳедоръ Александровичъ. Пишу къ вамъ, окончательно выпудренный вами за мою неисправность, но, въ сущности, развѣ есть съ моей стороны неисправность, когда я часто — всегда — только и думаю: нужно ему, моему милому мальчику, вотъ это написать, вотъ это, и то, и вотъ это, а между тѣмъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не писалъ, дожидался двухъ писемъ отъ васъ, и не писалъ, развѣ это неисправность? — Это подлость! и не сантименты со мной слѣдуетъ разводить вамъ, а просто потянуть къ мировому... Но шутки въ сторону: ей-Богу это гнусно, просто ни на что не похоже. Одно есть облегченіе для меня: все, что вы пишете, такое великое угрызеніе совѣсти во мнѣ возбуждаетъ, что вы можете быть довольны. Что я не писалъ просто — это я выше назвалъ, что это такое, но что не извѣстилъ васъ объ академическомъ присужденіи—это такая скверность, что ужь я и не знаю, какъ это обозвать. Я разскажу вамъ, какъ это случилось. Когда вамъ дали класснаго художника 1-й степени — я думаю, нужно ему написать. Нецвѣтаевъ говоритъ: я ему пишу и поздравляю, Шишкинъ говоритъ: надо его извѣстить, Волковскій говоритъ: я ему напишу. Словомъ, со всѣхъ сторонъ только и пишутъ... Но никто вамъ конечно не могъ написать относильно отчества, потому что это, кромѣ меня и Исѣева, никто не зналъ. Еще раньше гораздо я вамъ писалъ, какъ я это сдѣлалъ, и Исѣевъ сказалъ, что мы его назовемъ такъ, такъ онъ самъ себя называетъ, если онъ не представитъ метрическаго свидѣтельства *). Ну, я къ Волков-

*) Ѳ. А. Васильевъ былъ незаконнорожденный.

скому, говорю: такъ и такъ, скорѣй подавайте прошеніе и разсказалъ, что и какъ нужно. Я думаю, что вы сдѣлали ошибку, давши ему довѣренность, чрезъ что не могло быть ничьего вмѣшательства, и онъ чуть-чуть не пропустилъ, я вамъ объ этомъ писалъ. Но все равно, сдѣлано такъ, что ничего не тронуто, чего трогать не слѣдуетъ, и вы названы какъ сами называете себя, а потому можете успокоиться. Когда же я изъ вашего письма увидалъ, что вы ничего не знаете, то я, признаюсь, пришелъ въ ужасъ: какъ могло случиться, что вы ничего не знаете, когда со всѣхъ сторонъ было намѣреніе чуть не лобызать васъ. Я, признаюсь вамъ, былъ немножко усыпленъ и полагалъ: ну, пусть они ему напишутъ. Я подожду, тѣмъ болѣе, что я въ то время былъ немного разстроенъ;— разныя превращенія съ близкими знакомыми совершались, съ Гè и прочими;—ну да когда нибудь разскажу. Дѣло не важное... потомъ отправлялъ на дачу семью, потомъ поскорѣе оканчивалъ одинъ портретъ, чтобы ѣхать въ Москву. Въ это-то время я получилъ отъ васъ письмецо — экспромптъ: о черешняхъ и Черномъ морѣ, о глубокомъ горизонтѣ, и вдругъ въ заключеніе была выдвинута другая картина и затянулась пѣсня о Волгѣ... ну, прелесть! Я перечитывалъ его и, признаюсь, не утерпѣлъ, чтобы не прочесть это письмо Савицкому, собирался писать немедленно, а между тѣмъ уѣхалъ въ Москву. Возвратясь, сдѣлалъ закупки, и скорѣе на дачу—ужъ было 27 іюня. И вотъ, здѣсь двѣ недѣли уже живемъ. Я, кажется, уже писалъ вамъ о томъ, что мы будемъ жить втроемъ: Шишкинъ, Савицкій и я. Они раньше меня сюда пріѣхали. Собирался писать вамъ обо всемъ длинное и спокойное письмо, и вотъ вчера вечеромъ получаю еще письмо отъ васъ, изъ котораго узнаю, что вы мнѣ писали чрезвычайно важное письмо о свиданіи съ Боткинымъ, а между тѣмъ я его не получалъ. Это жаль: письмо для меня интересное, да и не для одного меня. Словомъ, я теперь въ великомъ смущеніи, отъ долгаго промежутка, и въ безпокойствѣ за участь письма. Странно, оно не могло затеряться потому только, что меня не было въ Петербургѣ, потому что въ квартирѣ живетъ Щербатовъ (ученикъ Академіи) со времени отъѣзда С. Н. на дачу; слѣдовательно, все адресованное ко мнѣ, безостановочно доходило. Это на почтѣ гдѣ нибудь случилось. Словомъ, какъ бы то ни было, а вамъ придется написать мнѣ еще разъ, какъ вы видались съ Боткинымъ, и что изъ этого вышло, что такое съ вами вообще; вѣдь серьезно говоря, я ни изъ одного письма обстоятельно не знаю, какъ ваше здоровье. Чего можно ждать? Я, по крайней мѣрѣ, такъ полагалъ, что вы будто бы поправились совсѣмъ, т. е. не на столько, чтобы воротиться жить въ Петербургѣ, а на столько, что можно быть спокойнымъ, оставаясь тамъ; но разныя нотки—въ письмахъ, то въ одномъ, то въ другомъ, даютъ какое-то тревожно-смутное впечатлѣніе, точно колотье, то въ одномъ, то въ

другомъ мѣстѣ: повидимому организмъ здоровъ, а ни съ того ни съ сего охнешь. Такъ и вы въ письмахъ: нѣтъ, нѣтъ, да и проговоритесь. И потому важно, что̀ вамъ сказалъ Боткинъ? Я въ него, какъ въ Господа Бога, вѣрю.

И такъ, мы тутъ живемъ и работаемъ, Шишкинъ насъ просто изумляетъ своими познаніями, по два и по три этюда въ день катаетъ, да какихъ сложныхъ: и совершенно оканчиваетъ. И когда онъ передъ натурой (я съ нимъ нѣсколько разъ пытался садиться писать), то точно въ своей стихіи, тутъ онъ и смѣлъ, и ловокъ, не задумывается; тутъ онъ все знаетъ, какъ, что̀ и почему. Но когда нужно нѣчто другое, то... вы знаете. Я думаю, что это единственный у насъ человѣкъ, который знаетъ пейзажъ ученымъ образомъ, въ лучшемъ смыслѣ, и только знаетъ. Но у него нѣтъ тѣхъ душевныхъ нервовъ, которые такъ чутки къ шуму и музыкѣ въ природѣ, и которые особенно дѣятельны, не тогда, когда заняты формой, и когда глаза ее видитъ, а напротивъ, когда живой природы нѣтъ уже передъ глазами, а остался въ душѣ общій смыслъ предметовъ, ихъ разговоръ между собой, и ихъ дѣйствительное значеніе въ духовной жизни человѣка, и когда настоящій художникъ, подъ впечатлѣніями природы, обобщаетъ свои инстинкты, думаетъ пятнами и тонами, и доводитъ ихъ до того ясновидѣнія, что сто̀итъ ихъ только формулировать, чтобы его поняли. Конечно, и Шишкина понимаютъ: онъ очень ясно выражается и производитъ впечатлѣніе неотразимое, но что̀ бы это было, еслибы у него была еще струнка, которая могла бы обращаться въ пѣсню. Ну, чего нѣтъ, того нѣтъ: Шишкинъ и такъ хорошъ. Удовольствуемся... онъ все-таки неизмѣримо выше всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ до сихъ поръ; не болѣе, но и не менѣе. Всѣ эти Клодты, Боголюбовы и прочіе—мальчишки и щенки передъ нимъ, но дальше нужно другое. Что? Вы, надѣюсь, понимаете. Шишкинъ—верстовой столбъ въ развитіи русскаго пейзажа, это человѣкъ—школа. Но живая школа. Но вѣдь послѣ школы наступаетъ жизнь, и хотя тоже школа, но другими пріемами, чѣмъ прежде, передаваемая,— это онъ, какъ и слѣдовало ожидать, отрицаетъ: вѣчная исторія. Впрочемъ, что-жъ это я произношу приговоры? Вѣдь Шишкинъ до сихъ поръ еще не пересталъ рости, и чортъ его знаетъ, до которыхъ поръ онъ выростетъ, а что онъ ростетъ — это несомнѣнно.

Что̀ пишутъ о лондонской выставкѣ—я не знаю; слышалъ, что хвалятъ вообще, но болѣе подробно не знаю и узнать, къ сожалѣнію, не могу, ибо—въ деревнѣ. Я работаю «Христа», говорятъ—ничего, и уже успокоился, что придется окончить пейзажъ безъ фотографій, какъ (вдругъ) ваше письмо и извѣстіе, что фотографіи лежатъ запакованныя и ожидаютъ адреса, перевернуло вверхъ дномъ мою рѣшимость оканчивать пейзажъ безъ нихъ, и я не буду спокоенъ, пока ихъ не получу. Если можно выслать ихъ по адресу въ Петербургъ, въ д. Елисѣева, то онѣ дойдутъ очень скоро, скорѣе, чѣмъ

сюда. Адресовать письма можно и сюда, но посылка—возня великая, такъ какъ ближайшее мѣсто полученія писемъ—9 верстъ отъ насъ. Письма носятъ со станціи ежедневно, но посылку нужно самому, да свидѣтельствовать повѣстку, а черезъ Петербургъ я получу на другой день. И такъ, адресуйте въ Петербургъ по старому адресу, на имя Мих. Лазар. Щербатова, въ мою квартиру; онъ ихъ привезетъ немедленно, я ему объ этомъ напишу. Софья Николаевна говоритъ, что пусть онъ и не ждетъ письма, потому—лѣто, а впрочемъ она напишетъ. Дѣти Роману не отвѣчаютъ, но вѣдь что вы будете дѣлать, они даже и мнѣ не отвѣчаютъ, когда я ихъ спрашиваю. Словомъ — лѣто. Анархія полная. Вамъ до тошноты надоѣло работать и видѣть свои картины—понимаю совершенно, и удивляюсь, что васъ раньше не толкнуло на мысль поѣхать и освѣжиться. Что же касается до окончанія вашихъ картинъ, то это будетъ дѣйствительно жаль, если ужъ вы совсѣмъ ничего не вышлете осенью: все-таки одну или двѣ, я думаю, можно, хоть маленькихъ. Всѣ же картины кончить, начатыя вами, и пріѣхать самому, какъ вы полагали сначала, я полагалъ и прежде, что вы не успѣете—не хватитъ физическихъ силъ. Я это зналъ, и на это не разсчитывалъ никогда, а вотъ, что свиданіе наше все отодвигается и отодвигается на неопредѣленное время, вотъ это по истинѣ непріятно. Спросите у Боткина, нельзя ли вамъ, въ концѣ будущаго мая, пріѣхать на лѣто къ намъ, или куда либо въ среднія губерніи: мы бы устроили и помѣщеніе и зажили чудесно. Ахъ, хорошо бы было, еслибы состоялось. Пишите — а я обѣщаю быть исправнѣе. Неизмѣнный вашъ товарищъ И. Крамской.

XLIV. Къ нему же.

Серебрянка, 20-го августа 1872 г.

Дорогой мой Ѳедоръ Александровичъ. Какъ это у васъ переплетается, золотой мой юноша: упреки въ томъ, что не отъ кого получать длинныхъ писемъ—съ благодарностями за самыя безполезныя услуги съ моей стороны! Тѣмъ болѣе, что послѣдняго и самаго важнаго для васъ я не могу сдѣлать до своего возвращенія въ Петербургъ. Я говорю о званіи, и какъ оно тамъ прописано въ самомъ протоколѣ. Поручить же кому нибудь справиться въ петербургскихъ академическихъ книгахъ, вы понимаете—нельзя; я думаю, и сами вы не поблагодарите, а я буду тамъ только въ концѣ сентября. Я такъ заработался, а времени такъ мало, что дай Богъ только кончить къ тому времени. Пишу «Христа», фотографіи получилъ, дождался; но вы правы—онѣ почти ничего не прибавили, и ожидалъ ихъ напрасно, могъ бы писать. А все-таки великое спасибо. Онѣ меня переносятъ туда

легко, какъ будто ходишь тамъ, и это помогаетъ. Наши фонды подымаются, прочитайте въ «Петерб. Вѣдомостяхъ», что въ Лондонѣ пишутъ. Оно, знаете, надобно немножко публику отесывать; а то она все норовитъ насъ держать въ черномъ тѣлѣ. Дудки, будетъ. Хорошо бы также немножко поприжать и Третьякова съ Солдатенковымъ, я былъ бы этимъ доволенъ. Григоровичъ заграницей, и, пишу къ свѣдѣнію, въ первыхъ числахъ сентября онъ воротится. Я знаю, что онъ высылаетъ вамъ по 100 руб. ежемѣсячно, но что пріостановилась высылка—этого не зналъ. Передъ отъѣздомъ заграницу онъ говорилъ мнѣ объ этомъ. Вы ему пошлите, разумѣется, картину, другую, да не забудьте и Передвижную выставку: она открывается 1-го октября. Хорошо бы это усилило насъ: Гè въ этомъ году ничего не пишетъ; что она продастся—это навѣрное. Однако-жъ какъ долго оттягивается вашъ пріѣздъ! Я боюсь, что многое измѣнится. Вѣдь мой возрастъ и вашъ—не одно и то же. Я немножко осѣлъ, а вы—чортъ знаетъ, что вы такое. Для меня вы хотя и не загадка, но тотъ ужасный огонь, который надо потушить во что бы то ни стало и который есть не то болѣзнь, не то очень хорошее нравственное здоровье, какъ вы краснорѣчиво и вѣрно выражаетесь—штука рискованная. Если вы помните, я его иногда касался. Но у каждаго своя планида. Вы разсуждаете о важныхъ матеріяхъ самымъ невозможнымъ образомъ. Хорошо. Теперь попробуйте разсуждать наоборотъ—ручаюсь, хуже не будетъ; мнѣ даже кажется, что вы уже и безъ моего совѣта понемножку ступаете по этой дорогѣ. И такъ, очень жаль, что отъѣздъ оттягивается, но... лучше живите, чѣмъ испортить такую дорогую машину, съ такимъ трудомъ и издержками поправленную. Слава Богу, что она въ порядокъ приходитъ. Я, разумѣется, вѣрю Боткину, и спасибо вамъ, что вы написали объ этомъ подробно. Я спокоенъ, совсѣмъ спокоенъ,—это сказалъ Боткинъ, а если я кому вѣрю—такъ это ему. Вѣдь увидимся же мы. Да мы и видаемся, а если вы пришлете еще картину, то это ужъ будетъ совсѣмъ хорошо.

Знаете ли, мнѣ сдается, что это хорошо, что такъ случилось, что вы принуждены волей или неволей сидѣть въ Ялтѣ. Вы пишете, что мысль, чтобы созрѣть и оформиться, должна пройти цѣлый рядъ превращеній, механическихъ, химическихъ и всякихъ. Разумѣется, это такъ, но не подлежитъ сомнѣнію также, что и человѣкъ, въ извѣстную пору, зрѣетъ и совершенствуется—въ одиночествѣ, конечно, не очень продолжительномъ, но въ одиночествѣ. Вѣдь странное дѣло (я вамъ кажется это говорилъ) въ галлереяхъ есть работы мастеровъ, которые никогда не выѣзжали изъ своего гнѣзда, выставокъ не было, а стало быть и сравненія (внѣшняго), потому что только внѣшность и можно сравнивать; а между тѣмъ производили вещи, въ трепетъ приводящія. Вся штука въ томъ, что у нихъ

было то ясновидѣніе, то страшное неумолимое требованіе отъ себя, сдѣлать такъ, какъ я думаю; а такъ какъ они думали и чувствовали особеннымъ, исключительнымъ образомъ, и не успокоивались до послѣдней степени, то и вещи выходили не заурядныя. Тутъ все дѣло не въ краскахъ и холстѣ, не въ скобленіи и мазкѣ,—а въ достоинствѣ идеи и концепціи... Стало быть... можно остановиться и не разсуждать... потому что всякое глубокомысліе по существу своему необходимо наивно, а всякая наивность, доведенная до очевидности, приводитъ слушателя къ снисходительной улыбкѣ, сначала, потомъ и къ настоящему смѣху, такъ что и удержу не будетъ. А такъ какъ я имѣю претензію на репутацію серьезнаго человѣка, до того серьезнаго, что И. И. даже не ругается скверными словами, и вообще не сквернословитъ въ моемъ присутствіи (совѣстно, какъ онъ говоритъ), то вы понимаете все неприличіе, конечно, если я, благодаря вашимъ подстрекательствамъ, стану въ такое положеніе.

Лучше я вамъ взамѣнъ разсужденій разскажу, что мы тутъ дѣлаемъ. Во-первыхъ, Шишкинъ все молодѣетъ, т. е. ростетъ. Серьезно. И знаете, хорошій признакъ, онъ уже начинаетъ картину прямо съ пятенъ и тона. Это Шишкинъ-то! Каково—это недаромъ, ей-Богу. А ужъ этюды, я вамъ доложу—просто хоть куда, и какъ я писалъ вамъ, совершенствуется въ колоритѣ. Савицкій же... какъ бы вамъ это сказать повѣрнѣе—не то, что хуже сталъ, а какъ-то не идетъ впередъ, остановился точно. Развитіе какъ будто кончилось и это производитъ впечатлѣніе тяжелое, за будущее. Впрочемъ ручаться нельзя—увидимъ. А я... Впрочемъ нѣтъ, не подъ силу трудъ, лучше разсуждать, вотъ кстати и тема для него.

Ночь, даже почти утро, я сижу и пишу къ вѣтреному и неблагодарному. А почему я такъ поздно сижу? Потому, что въ окрестностяхъ цыганскій таборъ, и сегодня нѣсколько человѣкъ забрались въ усадьбу, и я ихъ насилу выпроводилъ изъ кухни; и такъ какъ ихъ присутствіе всегда и вездѣ вызываетъ опасенія и усиливаетъ осторожность, и, не смотря на то, все-таки сопровождается исчезновеніемъ собственности, то я, въ качествѣ храбраго сторожа, коротаю время въ бесѣдѣ съ вами. А вы думали, я такое длинное письмо написалъ бы вамъ, еслибы не цыгане? Нѣтъ, это вѣрно. Мнѣ это прискорбно, но это такъ, таить нечего.

Изъ Петербурга напишу длинныя письма, а отсюда—нѣтъ. Кажется—противорѣчіе, а это въ самомъ дѣлѣ такъ, и вотъ почему. Я ложусь спать рано, и рано же встаю, работаю много, да днемъ письма и не пишутся, то есть такія—длинныя; слѣдовательно остаются вечера, но ихъ еще нѣтъ, если вы помните петербургское лѣто. И остаются одни цыгане. Одинъ цыганенокъ поразительный, и еслибы не нужно было торопиться, я не утерпѣлъ бы. Изъ всего выше сказаннаго вы съ успѣхомъ можете видѣть, какъ

подлецъ виляетъ, но какъ ни виляй, а никого не надуешь; сколько объ цыганахъ ни распространяйся, а письма можно писать и безъ нихъ, тѣмъ болѣе, что въ самомъ дѣлѣ, добрый мой, мнѣ какъ будто и совѣстно получать большія письма отъ васъ, ей-Богу... Вы видите, какъ опять затянулъ, только на этотъ разъ уже Лазаря, подлецъ. А какъ вы полагаете, можете вы всю эту канитель распутать?—Чуть не забылъ: Антокольскій вылѣпилъ Петра I и выставилъ на Политехнической выставкѣ въ Москвѣ. Я еще не видалъ, даже и фотографіи. Пока даже и слуховъ не знаю. Здоровье его поправилось, женился въ Вильно на богатой... Не довольно ли? До свиданія. И. Крамской.

XLV. Къ нему же.

Усадьба Снарской (станція Серебрянка), 29-го августа, 1872 года.

Хорошій мой Θедоръ Александровичъ. Что мнѣ дѣлать, ума не приложу, я не могу сообщить вамъ о судьбѣ вашего отчества въ Академіи. А вы такъ безпокоитесь, что считаете дни прихода отъ меня писемъ. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ это горько... впрочемъ, можете представить, если вы въ такомъ состояніи. Но что-жъ дѣлать, ужъ теперь немного осталось до переѣзда въ городъ. Первое дѣло будетъ это. Я вотъ прожилъ лѣто, хорошо прожилъ, нечего говорить, и лѣто было образцовое: этакія лѣта бываютъ не часто у насъ въ Петербургѣ. Вообразите себѣ, что съ половины апрѣля и вплоть по сей день погода превосходная, ровная, солнечная, урожай здѣсь хорошъ, сѣно немножко плохо, но во всемъ остальномъ—слава Богу, дожди шли, но хорошо шли; ну просто, лучше ненадо. А все-таки попытаемтесь на будущій годъ еще лучше сдѣлать. Съѣдемся на лѣто гдѣ-либо на нейтральной почвѣ. Вы подыметесь посѣвернѣе, а я спущусь съ семьей на югъ. На этотъ годъ (т. е. будущій) мнѣ ничего, полагать надо, не помѣшаетъ, и помѣщеніе мы озаботимся сыскать пораньше. Ивана Ивановича тоже соблазнить можно, онъ даже облизывается, слушая меня. Не облизнетесь ли и вы? Вотъ бы хорошо. А то, чего добраго, (т. е. самое скверное и недоброе), и около Петербурга можно будетъ устроиться, на подобіе теперяшняго. Мнѣ такая перспектива чрезвычайно улыбается. Не улыбается ли она и вамъ? А ужъ поработали бы мы. Право, подумайте. Въ прошломъ письмѣ я вамъ говорилъ о статьѣ въ «Петерб. Вѣдомостяхъ», теперь я навелъ справки и совѣтую отыскать вамъ 201 №, вторникъ, 25-го іюля (6-го августа нов. стиля). Тамъ есть фельетонъ: «Русская живопись и скульптура въ Лондонѣ»—прочтите: говорится коечто объ васъ. Я думаю, что даже ваше ненасытное честолюбіе можетъ

успокоиться хотя немножко, и сердце патріота, которое я въ васъ предполагаю, забьется гордостью за другихъ. Вона какъ кудряво сказано. (Это должно быть оттого, что я по ночамъ пишу письма)... Глубоко сочувствую вашему положенію—писать 4 ширмы. Очень пріятно. Эти люди всегда такъ, вѣдь они покровительствуютъ! Чортъ знаетъ что такое! И отказаться нельзя; къ сожалѣнію, пожалуй дѣйствительно нельзя. Я тѣмъ болѣе вамъ сочувствую, что самъ немножко вкусилъ творчества. Это такая штука, что потомъ всякая другая работа — каторжная работа. Все было еще сносно, пока не начиналъ; все, думалось, въ будущемъ, настоящее было некрасиво, работалъ черезъ пень въ колоду, лишь бы сдать, но теперь не знаю какъ быть... просто, кажется, невозможно ужъ будетъ и приняться за заказныя работы.

А картина... не знаю впрочемъ, что выходитъ. Шишкинъ говоритъ, что очень что-то хорошее, Савицкій чуть не удивляется; единственный человѣкъ, которому я вѣрю, жена, говоритъ: «Ты у меня не спрашивай, я присмотрѣлась,—кажется хорошо». Больше нѣтъ никого. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы вы видѣли. Думаю, впрочемъ, что завѣшу опять коленкоромъ. Это чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше я начинаю думать такъ. Вѣдь это Христосъ, да еще въ пустынѣ, да еще утромъ, да еще — ужъ и не знаю что. Просто больно, ей-Богу. Вѣдь эти вещи нужно дѣлать такъ, чтобы ужъ никакого сомнѣнія не было, что̀ это такое, а иначе — поступай въ разрядъ безнадежныхъ. Тутъ выбора нѣтъ. Вотъ я и думаю: гдѣ это человѣкъ такой правдивый, настолько уважающій и искусство, и меня, чтобы сказать прямо? Охъ, какъ это важно! Добрый мой Ѳедоръ Александровичъ! Я очень жалѣю, что не могу сдѣлать такъ, какъ вы сдѣлали— прислали мнѣ свою картину и спрашивали моего мнѣнія. Къ сожалѣнію, это невозможно. Но какъ бы я хотѣлъ, чтобы вы ее такъ сами съ собой, своимъ чувствомъ, и не относительно съ другими вещами, а сравнили бы съ задачей, съ требованіями ума и идеала, и сказали бы мнѣ: что я сдѣлалъ. И вѣрьте, вашъ приговоръ былъ бы для меня дѣйствительнымъ приговоромъ. И, я увѣренъ, вы бы не стали утаивать чего нибудь изъ желанія смягчить ударъ, если его нужно нанести. Ей-Богу, я думаю закрыть его, кончить и закрыть. Не знаю, что скажутъ въ Петербургѣ, но меня самого не обманешь, страшно что-то. Оно лучше, когда никто не увидитъ. Извините, сорвалось. Объ себѣ заговорилъ. А вы знаете, это предметъ самый интересный для самого себя. Прощайте, до свиданія. Крѣпко васъ, хотѣлъ сказать, обнимаю, но воздержусь. И. Крамской.

XLVI. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 10-го октября 1872 года.

Мой дорогой другъ. До послѣднихъ чиселъ сентября я просидѣлъ на Серебрянкѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ. Но пріѣхалъ такимъ образомъ, что собственно не пріѣхалъ: мнѣ нельзя было показываться нигдѣ, и велѣлъ всѣмъ говорить, что я еще не пріѣхалъ: «Христа» не кончилъ, и потому мнѣ чрезвычайно важно было, чтобы не помѣшали. Ваше письмо собственно вывело меня на свѣтъ Божій. Добрый мой, вы не можете себѣ представить, какое непріятное и прискорбное для меня обстоятельство, что вамъ, Богъ знаетъ по какому поводу, Григоровичъ бухнулъ. Воображаю, что̀ вы передумали и перестрадали. Но успокойтесь—все обстоитъ благополучно—самъ собственными глазами видѣлъ; а почему, сіе объясню. По полученіи вашего письма поздно вечеромъ третьяго дня, я былъ въ глубокомъ безпокойствѣ, и какъ только дождался утра, отправился въ контору Академіи. Къ Исѣеву не хотѣлъ раньше идти. Вы знаете, въ свое время я подробно сообщалъ мой разговоръ съ Исѣевымъ. И вы помните, что онъ мнѣ сказалъ: «Будьте покойны, какъ онъ себя называетъ, такъ и мы его назовемъ; только пусть не представляетъ документовъ». Кажется, ясно. Но мимо Исѣева не пройдешь, и потому я счелъ себя въ правѣ разъяснить дѣло. Отъ него къ Волковскому, и долго внушалъ ему, что̀ надо сдѣлать. Ну, и такъ прихожу въ контору, требую, чтобы мнѣ показали подлинное дѣло о вашемъ поступленіи въ Академію и о признаніи васъ класснымъ художникомъ 1-й степени. Подали, и я его все внимательно пересмотрѣлъ. Будьте увѣрены, что внимательно; нигдѣ нѣтъ другой подписи и имени, кромѣ: Ѳедоръ Васильевъ. Въ постановленіи Совѣта на званіе художника стоитъ такое опредѣленіе: «признать ученика Ѳедора Васильева класснымъ художникомъ 1-й ст. по выдержаніи экзамена». Вотъ и все, что̀ есть. Прошеніе Волковскій подписалъ тоже за Ѳедора Васильева; по довѣренности, такой-то. Я и спрашиваю у Юндолова: «Скажите, пожалуйста, почему я нигдѣ не вижу отчества, а только имя и фамилія?» Онъ отвѣчаетъ, что только академики и профессора именуются по отчеству, а художниковъ мы никогда иначе и не пишемъ, даже и въ дипломахъ. Убѣдившись собственными очами, что видѣлъ—нѣтъ ничего подозрительнаго—я поѣхалъ дать вамъ телеграмму объ этомъ, и потомъ къ Григоровичу, распутывать эту гнусную болтовню. Я нашелъ его во дворцѣ Маріи Николаевны и прямо приступилъ къ дѣлу: прочелъ ему начало вашего письма, и почему онъ позволилъ въ своемъ письмѣ назвать васъ иначе, чѣмъ онъ знаетъ васъ? Онъ завертѣлся, засуетился, на глазахъ показались слезы, и онъ сталъ какъ будто что-то припоминать и говорить, что онъ «дѣйствительно написалъ Виктору Але-

ксандровичу, но не на конвертѣ, сколько помнитъ, а внутри, отъ разсѣянности, ей Богу отъ разсѣянности! Ахъ, Иванъ Николаевичъ, вѣдь вы знаете, какъ я его люблю; я самымъ осторожнымъ образомъ всегда съ нимъ говорю; я ужъ и не знаю, какъ къ нему приступить; я не знаю что дѣлать; голубчикъ, научите, онъ вѣдь меня повергаетъ въ ужасъ. Что я скажу Обществу? Вѣдь онъ теперь пишетъ, что не хочетъ имѣть дѣло съ Обществомъ, обѣщается не высылать картинъ къ намъ. Что-жъ это будетъ, что мнѣ дѣлать?» Я и говорю: «Вотъ видите, я знаю одинъ путь къ нему. Это путь прямоты и откровенности. Пишите ему прямо, и только, и онъ васъ всегда правильно пойметъ».—«Не могу, голубчикъ, не могу, я всегда самымъ деликатнымъ образомъ...» и проч. Потомъ коснулись дальнѣйшихъ обстоятельствъ. Я говорю: «Вотъ въ чемъ дѣло: какъ же ему не удивляться и не безпокоиться, когда вы два раза выслали деньги по 100 руб., а потомъ прекратили. Онъ, говорю, писалъ мнѣ съ безпокойствомъ, что не знаю ли я, почему это?»—«Послано, Ив. Ник., все послано, у меня росписки почтамта».—«Но лѣтомъ не посылали»?—«Все послано, и за сентябрь послано».—«Ну, вотъ пишите же ему».—«Я ужъ писалъ».—«Ну, хорошо, стало быть дѣло кончено». Однако-жъ дѣло для меня все-таки не разъяснилось: думалъ я, думалъ и пришелъ къ такому выводу, кажется вѣрному. Волковскій—другъ и пріятель Борткову. Думаю, что онъ наболталъ ему что нибудь, а тотъ Григоровичу. Григоровичъ, не зная въ чемъ дѣло, перепуталъ въ головѣ и, полагая вѣроятно, что вы не Ѳедоръ, а ужъ Викторъ, хотѣлъ деликатнымъ образомъ показать, что онъ знаетъ, какъ васъ слѣдуетъ именовать и, перепутавши, промахнулся. Это бываетъ, а съ нимъ и подавно. Богъ вамъ судья, что вы поцеремонились дѣло это поручить мнѣ, т. е. подать прошеніе. Конечно и теперь ничего не произошло, но не было бы толковъ и непріятныхъ минутъ для васъ.

Теперь о дипломѣ: чтобы вамъ его выдали, вамъ нужно держать экзаменъ, а такъ какъ вы, разумѣется, этого не сдѣлаете, то вамъ надо будетъ написать объ этомъ прошеніе на имя президента, и я думаю, что Григоровичъ вамъ это обработаетъ. Ну, словомъ, чтобы выслать вамъ дипломъ, вамъ нужно немедленно поднять этотъ вопросъ посредствомъ прошенія, чтобы васъ уволили, и, какъ Юндоловъ говоритъ, вамъ это сдѣлаютъ. Я справлюсь еще разъ, куда собственно нужно объ этомъ подать просьбу; и такъ дѣло это кончено — успокойтесь ради Бога. Жаль, что объ этомъ знаетъ большее число лицъ, чѣмъ бы слѣдовало, какъ оказывается. Плохо дѣло, если здоровье ваше опять захромало. Я сильно сомнѣваюсь въ вашемъ благоразуміи—т. е. что вы какъ нибудь козла задавали, когда слѣдовало бы воздержаться; при томъ же товарищъ вашъ Лебеда подстрекнулъ на какое либо рискованное предпріятіе, въ родѣ охоты на медвѣдя. Дѣлать

нечего, а ужъ я сдѣлаюсь адвокатомъ Григоровича (я адвокатъ Григоровича!). Въ самомъ дѣлѣ, что вы съ нимъ дѣлаете? Вѣдь вы знаете, что онъ за васъ распинается, и потому не лишайте его удовольствія получить отъ васъ картину для Общества, до этого доводить не слѣдуетъ, я думаю. Еслибы вы видѣли его убитую фигуру, жалости достойно. Я за него готовъ вступиться. Мнѣ лично очень жаль, что у насъ ничего не будетъ на выставкѣ, но ему какъ нибудь устройте. Онъ получитъ крылья и работу. Вы не думайте, чтобы мнѣ ужъ не было совсѣмъ ваше состояніе понятно, относительно хандры, той, которую я знаю, и той, которую я еще не знаю: дѣло въ томъ, что тоска потому и тоска, что она бываетъ безконечная, она-то и есть безконечная; чѣмъ больше вы человѣкъ, тѣмъ безконечнѣе ваша тоска—это общее правило. Общими правилами вѣдь и наполняются письма. Одиночество—страшная штука. Однако же это странно: я начинаю писать слогомъ новѣйшихъ французскихъ писателей, отрывочными періодами. Изобразилъ мысль — точка. Изобразилъ общее мѣсто — опять точка. Сказалъ чепуху—опять точка. Это чортъ знаетъ, что такое. Вы замѣтили, какой я скряга: лѣплю строчки такъ, какъ будто прямой потомокъ Плюшкина.

Да, дорогой мой, кончилъ или почти кончилъ «Христа», и потащатъ его на всенародный судъ, и всѣ слюнявыя мартышки будутъ тыкать пальцами въ него, и критику свою разводить. Вы въ самое сердце попали, говоря, что его надобно дѣлать безъ малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что думаешь и изображаешь. Это я зналъ: и вотъ уже 5 лѣтъ неотступно онъ стоялъ передо мной, я долженъ былъ написать его, чтобы отдѣлаться, и я ни разу не колебался въ томъ, что онъ дѣйствительно не имѣлъ въ себѣ ничего земнаго, и это слово взято вами вѣрно, т. е. у него только и было земного, что форма. Но развѣ-жъ форма не есть доказательство присутствія августѣйшей мысли? (Вона какъ! Иногда и я вамъ не уступаю въ высокопарности). Во время работы за нимъ, много я думалъ, молился и страдалъ (будемте ужъ говорить высокимъ слогомъ). Бывало, вечеркомъ уйдешь гулять, и долго по полямъ бродишь, до ужаса дойдешь, и вотъ видишь фигуру, статую. На утрѣ, усталый, измученный, изстрадавшійся, сидитъ одинъ между камнями, печальными, холодными камнями; руки судорожно и крѣпко, крѣпко сжаты, пальцы впились, ноги поранены, и голова опущена. Крѣпко задумался, давно молчитъ, такъ давно, что губы даже какъ-будто запеклись, глаза не замѣчаютъ предметовъ, и только время отъ времени брови шевелятся, повинуясь законамъ мускульнаго движенія. Ничего онъ не чувствуетъ, не чувствуетъ, что холодно немножко, не чувствуетъ, что у него всѣ члены уже какъ будто окоченѣли отъ продолжительнаго и неподвижнаго сидѣнья. Нигдѣ и ничего не шевельнется, только у горизонта черныя

облака плывутъ отъ востока, да нѣсколько волосковъ по воздуху стоятъ горизонтально отъ вѣтерка. И онъ все думаетъ, все думаетъ. Страшно станетъ. Сколько разъ плакалъ я передъ этой фигурой. Ну что-жъ послѣ этого? Развѣ-жъ можно это написать? И вы спрашиваете себя, и справедливо спрашиваете: могу ли я написать Христа? Нѣтъ, дорогой мой, не могу, и не могъ написать, а все-таки писалъ, и все писалъ до той поры, пока не вставилъ въ раму, до тѣхъ поръ писалъ, пока его и другіе не увидѣли. Словомъ, совершилъ, быть можетъ, профанацію, но не могъ не писать. Долженъ былъ написать. Ужъ какъ хотите, а не могъ я обойтись безъ этого. Я могу сказать, что писалъ его слезами и кровью. Но вѣроятно, какъ слезы мои, такъ и кровь, должно быть, были не совсѣмъ доброкачественны, потому что мнѣ иногда то кажется, что это какъ будто и похоже на ту фигуру, которую я по ночамъ видѣлъ, то вдругъ никакого сходства. Словомъ, грустное сознаніе, что мнѣ нѣтъ другого удѣла, какъ изображать самые тривіальные портреты съ самыхъ обыденныхъ личностей,—это не ложное смиреніе, а вы понимаете и, надѣюсь, поймете, какъ я это говорю. Что говорить, Рафаэль нашелъ истину и выразилъ, но съ тѣхъ поръ тѣ же истины иначе для насъ освѣтились...... Большой нужно имѣть рискъ, чтобы браться за такія задачи, я знаю это. Міровой человѣкъ требуетъ и міровой картины. Но развѣ онъ можетъ отъ меня требовать, чтобы я реализировалъ современное представленіе объ этомъ? Впрочемъ что-жъ, требовать можно, но нельзя меня казнить. Я по силѣ возможности мазалъ красками такое лицо, которое, быть можетъ, никто не согласится признать за схожее съ тѣмъ, какія каждый себѣ составилъ. Да это и невозможно; вѣдь и тѣ люди, которые его видѣли живого, отрицали сходство; чтожъ остается намъ, теперешнимъ? Дѣло сдѣлано. Не могу ничего прибавить, не могу ничего и убавить. Я написалъ своего собственнаго Христа, только мнѣ принадлежащаго, и на сколько я, единица, представляю изъ себя типъ человѣка, настолько, стало быть, тамъ и есть—ни больше, ни меньше. Много нужно докторовъ и времени, чтобы унять сплошные стоны, необъятныя страданія. Да, много нужно. Думаю, что и стоны и страданія всегда останутся, нѣтъ имъ исхода. Не взыщите, добрый мой, что я такъ долго объ себѣ распространился, вѣдь это такъ естестенно человѣку. Къ вамъ вѣдь все я могу написать.

Не могу удержаться, чтобы не сказать вамъ очень серьезно: что̀ это вы дѣлаете, къ чему такіе драгоцѣнные подарки? Право, голубчикъ, я не могу до сихъ поръ мѣста найти отъ изумленія. Вѣдь это, какъ хотите, а выходитъ изъ предѣловъ благоразумія, ей Богу такъ. Что-жъ послѣ этого? Жена моя тоже была ошеломлена. Не годится такъ потрясать нервы. Мы люди простые, любимъ васъ просто и искренно, а теперь какъ будто что-то случилось, жена отъ восторга чуть не помѣшалась, боялась, чтобы

его кто не увидалъ. Но, къ сожалѣнію, нельзя было скрыть, потому что всѣ знали, ужъ почему и откуда, просто удивительно. Мы рѣшили никому не показывать, никому не говорить—нѣтъ, невозможно было. Нюхъ какой-то оказался у людей.

А что-же относительно будущаго лѣта? Напишите, что вы думаете о моемъ проектѣ. Скучно вамъ, дорогой мой, охъ какъ скучно, видно по всему. Но вѣдь и творить — великое наслажденіе. Дай Богъ вамъ поправиться только.

Вашъ И. Крамской.

XLVII. Къ П. М. Третьякову.

28 октября 1872 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Въ бытность вашу здѣсь, въ Петербургѣ, я забылъ просить васъ объ одномъ: когда Мясоѣдовъ будетъ возвращаться въ Петербургъ, то дозвольте картину «Майская ночь» переслать сюда ко мнѣ. Я ее хотѣлъ немного переработать, лѣтомъ я кое-что наблюдалъ еще, и мнѣ хотѣлось бы ее поправить. Если вы не найдете къ этому препятствій съ своей стороны, то вы этимъ сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе и одолженіе. Обѣщаюсь не задержать ее.

Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

XLVIII. Къ нему же.

25 ноября 1872 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Въ бытность мою въ Петербургѣ было положено, что я объявлю первому вамъ, что стòитъ моя картина *), по открытіи выставки. Съ тѣхъ поръ случилось обстоятельство, которое заставляетъ меня прервать молчаніе относительно этого щекотливаго вопроса. Двѣ недѣли тому назадъ я получилъ запросъ отъ Академіи, что стоитъ моя картина, такъ какъ Академія желаетъ ее пріобрѣсти. На это я отвѣчалъ, что еще не знаю, что вопросъ этотъ отложенъ на неопредѣленное время, даже для меня самого. Я и успокоился. Но сегодня, 25-го ноября, у меня Академія спрашиваетъ опять (ее видѣли почти всѣ профессора) о томъ же самомъ. Въ виду такого настойчиваго заявленія, я не считаю болѣе себя въ правѣ молчать передъ вами, и волей-неволей рѣшаюсь покончить этотъ вопросъ немедленно, и повергаю его на ваше обсужденіе. Картина моя стоитъ 6,000 рублей. Напишите мнѣ, продавать ли ее Академіи?

Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ остаюсь извѣстный вамъ

И. Крамской.

---

*) «Христосъ въ пустынѣ».

XLIX. Къ Ѳ. А. Васильеву.

С.-Петербургъ, 30-го ноября 1872 г.

Мой дорогой другъ. Я думаю, что вы заждались отъ меня письма; я же до такой степени завертѣлся, что, какъ видите, становлюсь недостойнымъ того, чтобы мнѣ писать, да еще такія письма, какъ ваши. Не думайте, чтобы я сталъ оправдываться, да между нами и не можетъ быть этого. Я сообщу вамъ только то, что есть. Дѣло въ томъ, что съ 9-го октября открылись засѣданія комиссіи по повелѣнію великаго князя Владиміра Александровича для пересмотра устава Академіи художествъ — я членомъ назначенъ, вмѣстѣ съ другими, а именно: Боголюбовъ, Гунъ, Гè, Резановъ (архитекторъ), Чистяковъ и Іорданъ. Не скажу, чтобы другіе ничего не дѣлали, но между художниками достаточно быть только грамотнымъ, какъ вы знаете, чтобы на него взвалили кучу бумагъ. Кромѣ того, я хотя и не жду особеннаго добра отъ всего этого дѣла, но все-таки какъ будто считаю обязанностію сдѣлать все, что мнѣ кажется нужнымъ. Нужно написать чуть не цѣлое сочиненіе по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ, относительно которыхъ особенно много предразсудковъ. И вотъ Гè и я работаемъ, и много, и долго. Кромѣ того, отчетность по Передвижной выставкѣ за прошлый годъ, разборъ книгъ, провѣрка разныхъ дурацкихъ расходовъ и многое множество такихъ невозможныхъ и утомительныхъ переливаній изъ пустаго въ порожнее, что, ей-Богу, голова кругомъ пошла. Кстати, выставка дала чистаго барыша, который выдается теперь, 23% на рубль. Я получилъ 490 руб., Шишкинъ 390, Гè больше 700, Перовъ — тоже. Словомъ, какъ видите, дѣло такого рода, что продолжать его стòитъ и нѣкоторые закорузлые враги теперь только облизываются. Достаточно сказать вамъ, что 1½ мѣсяца я не бралъ въ руки кистей — каково? Семьи моей почти не вижу. И все-таки не резонъ, я скажу, не отвѣчать такъ долго бѣдному изгнаннику, единственному человѣку, проживающему въ Крыму.

Въ самомъ дѣлѣ, на что это похоже? Что вы съ собою дѣлаете? Неужели нельзя найти другого выхода? Все сидѣть въ Ялтѣ? Да вѣдь можно и того — тронуться! Подумайте, развѣ нельзя теперь же поднять вопросъ о вашемъ переселеніи заграницу, въ Италію, напримѣръ? Климатъ тотъ же, а люди другіе, т. е. есть и люди, и художники. Да климатъ-то можетъ быть и получше? Вы какъ объ этомъ думаете? Или ужъ лучше Ялты нѣтъ ничего на свѣтѣ? Не шутя, мой дорогой, мнѣ кажется, что вамъ пора бросить этотъ прелестнѣйшій уголокъ земного шара; такъ мнѣ кажется по письмамъ, т. е. по нѣкоторымъ мѣстамъ изъ писемъ вашихъ, что оставаться безъ людей — воля ваша, опасно. Я понимаю, что иногда это и полезно,

какъ я когда-то писалъ, кажется, объ этомъ. Но... вотъ видите, нужно, чтобы это было поступкомъ добровольнымъ, и притомъ съ твердо-опредѣленною цѣлью. Положимъ, цѣль у васъ есть, но свободы выбора не было, а это нѣсколько мѣняетъ весь смыслъ. Впрочемъ, что-жъ это я, убѣждаю васъ, что ли? Хотя мнѣ можетъ многое казаться, но съ тѣхъ поръ, какъ я кромѣ писемъ не буду видѣть того, что вы дѣлаете,—я умолкаю. Мнѣ, признаюсь, очень и очень хочется увидѣть картину вашу, которую вы писали великому князю Владиміру Александровичу. Гдѣ она: осталась ли въ Ливадіи, или она въ Петербургѣ, даже Григоровичъ не знаетъ.

Кстати о Григоровичѣ: уморительно, до какой степени онъ разцвѣлъ, когда получилъ отъ васъ письмо — не ругательное. До такой степени обрадовался, что не утерпѣлъ; какъ только меня встрѣтилъ на четвергѣ (четверги начались), сейчасъ же сообщаетъ, и точно ему орденъ дали, котораго онъ давно добивался. «Я, говоритъ, очень радъ, очень радъ, кажется Ѳедоръ Александровичъ нашъ совсѣмъ поправился — слава Богу здоровъ, такія милыя письма началъ писать; пишетъ, что картину высылаетъ, велѣлъ раму приготовить. Я, разумѣется, сейчасъ же распорядился. Только какую онъ высылаетъ — не знаете? На конкурсъ? Нѣтъ?» Словомъ, человѣкъ обрадовался. Это недурно, что вы послушались меня. Не обижайтесь, я написалъ: послушались, не въ томъ смыслѣ, чтобы я обольщалъ себя надеждою, что вы меня слушаетесь, а просто такъ. О, еслибы вы въ самомъ дѣлѣ иногда меня послушались! Я, разумѣется, не думаю, что я могъ бы васъ руководить — не въ этомъ дѣло, а дѣло въ томъ, чтобы я могъ хотя подвинуть на размышленія — не бросить ли Ялту для Флоренціи? А тамъ бы ужъ остальное само собою вышло. Теперь, по поводу диплома: если вы хотите его получить, напишите письмо, т. е. виноватъ, не письмо — прошеніе въ Совѣтъ, гдѣ изложите, что такъ, молъ, и такъ, будьте добры и прочее: что будутъ добры, я ручаюсь. Въ первомъ же Совѣтѣ вамъ рѣшатъ выдать, и попросите его выслать. Не забудьте — писать нужно не великому князю, а въ Совѣтъ. Закона Божія и катихизиса не потребуютъ. Письмо, которое вы написали Д. В. Григорьевичу по поводу Общества и васъ — и въ которомъ вы рѣшительно и ясно ставите вопросъ о своихъ къ нему и его къ вамъ отношеніяхъ, вамъ слѣдовало бы давно написать, очень давно, но хорошо и то, что вы наконецъ его написали. Я догадываюсь, что Григоровичъ уже давно получилъ его, но что будетъ изъ этого — не знаю. Спросить, разумѣется, не могу, да онъ и не скажетъ. Какъ онъ ни болтливъ, а не такой дуракъ, чтобы про себя говорить такія вещи. Вотъ только, что мнѣ кажется: онъ письмо ваше въ Комитетѣ не доложитъ; частью потому, что это загвоздка, частью и потому, можетъ быть, что вѣроятно онъ уже говорилъ что-либо несогласное съ вашимъ письмомъ чле-

намъ Комитета. Словомъ, я боюсь — дѣло останется еще на неопредѣленное время въ томъ же положеніи, а это нехорошо во всѣхъ отношеніяхъ. Воля ваша, вамъ придется, вѣроятно, вернуться еще разъ къ этому дѣлу и уже не вокругъ да около обходить — а въ формѣ простой оффиціальной бумаги, съ приличными дѣлу объясненіями, поставить вопросъ уже прямо къ Обществу — тогда вы добьетесь по крайней мѣрѣ извѣстнаго: вы будете знать не то, что̀ думаетъ Дмитрій Васильевичъ, а то, что думаетъ дѣлать Общество. Это и проще, и спокойнѣе для васъ. Что же касается до оригинальнаго устройства вашей головы, то успокойтесь: ваша голова не единственная — есть и другія въ томъ же родѣ. Столбнякъ, какъ вы его называете, бываетъ у всякого, у кого только на чердакѣ не сѣно. Правда, всякій хозяинъ-пріобрѣтатель старается прежде всего, чтобы тамъ помѣстить сѣно, но вѣдь пріобрѣтатели людямъ немножко помѣшаннымъ и не указъ. Если вы не желаете (и совершенно похвально) заботиться о подметкахъ, то можете быть увѣрены, что найдется еще подобный вамъ чудакъ на свѣтѣ, такого же беззаботнаго характера — и стало быть вы всегда питайте себя надеждою встрѣтить таковаго и быть въ его обществѣ.

Съ удовольствіемъ читалъ то мѣсто въ вашемъ письмѣ, гдѣ вы разсказываете о вашемъ подвигѣ притворнаго человѣка, это во 1-хъ очень вѣрно, во 2-хъ хорошо, въ 3-хъ именно такъ, какъ нужно, и потому-то результатъ благополучный — насколько можетъ быть вообще результатъ благополучнымъ въ дѣлѣ, отъ котораго желаешь отдѣлаться.

Возвращусь еще разъ къ Обществу. Будто непремѣнно нужно сидѣть въ Ялтѣ до сентября 73 года? Будто непремѣнно нужно 15 картинъ, и всѣ ихъ поставить? Не ошибаетесь ли вы? Ну, а еслибы, напримѣръ, можно поѣздку совершить безъ сихъ геркулесовскихъ подвиговъ? что тогда? И потомъ, почему на Востокъ? Конечно, Востокъ для того и существуетъ, чтобы туда ѣздили, для поклоненія, а оттуда восходили — аки свѣтила. Положимъ. Но вѣдь ей-Богу, пока все это совершится, пока вы будете оканчивать картины, пока соберетесь путешествовать, 666 разъ солнце взойдетъ съ востока и столько же разъ оно опустится на западѣ, я успѣю посѣдѣть, Клеопинъ потерять остроуміе и головныя боли, а вы пустите глубокіе корни въ Ялтинскую почву — и Богъ знаетъ еще, что будетъ. Почему не попытаться приступить къ этому немедленно? Оканчивайте картины великому князю, а между тѣмъ подымайте письменно вопросъ въ Обществѣ о вашей поѣздкѣ заграницу, но заграницу, гдѣ есть жизнь и люди — гдѣ цѣлая армія художниковъ работаетъ и удивляетъ сонный міръ результатами своихъ усилій. Мнѣ, сидящему въ болотѣ, толкущемуся въ этой скверной ямѣ, называемой россійской интеллигенціею, право иногда

кажется: вѣдь, право, можно бы сдѣлать это. Можно тѣмъ болѣе, что достаточно 3-хъ—4-хъ картинъ вашихъ, чтобы рѣшить дѣло въ пользу свободы и свѣта. Или ужъ такъ необходимо, по вашему, огорошить общество своимъ безпримѣрнымъ въ исторіи прилежаніемъ? Но вѣдь это гордость — гордость похвальная, положимъ, но все-таки гордость лишняя. И мнѣ сдается, что именно прилежаніемъ можно огорошить только нѣмца, а не васъ. А потомъ, во-2-хъ, если ужъ и огорашивать — то неожиданностью другого рода — это дерзостью суммы — такъ-таки прямо давайте, да и конецъ. Это по крайней мѣрѣ понятно для нашего брата. Скажутъ: за что? А за то, что «вы же сами обѣщались»; я еще, скажите, снисходителенъ—долго ждалъ. Вы давно обѣщались, но я не пользовался, а теперь нужно...... Дадутъ. Это вѣрно, и наконецъ я думаю, что если не дадутъ теперь, то гдѣ ручательство, что дадутъ тогда? 15 картинъ? Можетъ быть вы и правы, но все-таки сколько крови и здоровья, сколько наконецъ времени чрезвычайно дорогого уйдетъ чортъ знаетъ куда, для чего? И добро бы это было кому нибудь нужно — т. е. ваше заточеніе и ссылка; думаю, что ни въ интересахъ вашихъ, ни въ интересахъ Общества—этого не нужно. Да и что въ самомъ дѣлѣ, только и свѣту, что въ окнѣ, только и воздуху хорошаго, что въ Ялтѣ! Подумайте—можетъ тутъ есть толкъ. Разумѣется, я, можетъ быть, преувеличиваю ваше положеніе, но мнѣ сдается, что остаться одному на необитаемомъ островѣ, работать картины и посылать ихъ на людный рынокъ, гдѣ этого товару привозятъ еще изъ заграницы тьму, да къ этому еще поправляться здоровьемъ! Это что-то мудрено—не пойму. Мнѣ иногда кажется, что вы не въ Ялтѣ, не въ благодатномъ климатѣ, а въ Якутскѣ, гдѣ нибудь въ юртѣ, и катаетесь на оленяхъ, право такъ. Послѣдую вашему совѣту (т. е. примѣру), не буду писать письма залпомъ, а съ отдыхами и промежутками: во-1-хъ больше напишу, не станете упрекать, а во-2-хъ все-таки больше чепухи нагородишь.

1-го декабря.

Дождался! Ей-Богу, добрый мой, краска бросилась въ лицо, когда сегодня получилъ 2 письма отъ васъ: одно отъ 15-го, другое отъ 24-го ноября. Итого 3 письма. Ради самого неба, не сердитесь на меня. Вы не повѣрите, разумѣется, что меня бросило въ краску, а между тѣмъ это такъ. Вотъ видите ли, я просто простить себѣ не могу, что не написалъ вамъ двухъ строкъ, по полученіи большого письма, потому что двѣ строки написать всегда возможно, это правда, но думалось: что-жъ я ему теперь напишу, подожду недѣльку пока отдѣлаюсь. Анъ вотъ и дождался. Теперь — знайте, всякій разъ самымъ рѣшительнымъ образомъ буду писать хоть слово — все-таки вы будете знать, а то, Богъ вѣсть, что̀ вы мо-

жете тамъ подумать. Да уже и думаете, потому что звучитъ нѣкая нота, не то горечи, не то обиды, что вотъ дескать пишешь, пишешь ему, а онъ-то молчитъ какъ рыба, и ужъ обѣщаетесь писать поменьше. Какъ хотите, такъ и дѣлайте, а я скажу, что письма ваши доставляютъ мнѣ больше, чѣмъ вы думаете. Я съ самымъ глубокимъ интересомъ слѣжу за всѣмъ, что̀ происходитъ въ вашей душѣ. Вѣдь вы все-таки продолжаете быть для меня открытымъ инструментомъ; не закрывайте его, ради Бога, не закрывайте. Вы не въ дурныя руки пишете письма. Вѣдь если вамъ тяжело, и черныя мысли лѣзутъ вамъ въ голову, если для васъ открывается изнанка вещей, изнанка человѣческихъ мыслей и поступковъ, и скверныя предчувствія неотступно тревожатъ васъ, то я, мой дорогой, уже давно во всѣ глаза смотрю на міръ Божій. Сначала какъ будто жутко, точно могила передъ тобою, но тамъ...... потомъ привыкнешь, и уже ничего не ждешь. Страшно созрѣть до той высоты, на которой остаешься одинокъ. Лучше, кажется, какъ бы былъ свинья и животное только, чавкалъ бы себѣ спокойно, валялся бы въ болотѣ — тепло, да и общество бы было. Сосалъ бы себѣ спокойно свой кусъ, и заранѣе намѣчалъ бы себѣ, у котораго сосѣда слѣдуетъ оттягать еще кусъ, а тамъ еще и еще и, наконецъ, свершивши все земное, улегся бы на-вѣки; понесли бы впереди шляпу и шпагу, прочія свиньи провожали бы какъ путнаго человѣка, — трудно, но впередъ, безъ оглядки! Были люди, которымъ еще было труднѣе, впередъ! Хоть пять лѣтъ еще, если хватитъ силы, больше едва ли, да больше, можетъ быть, и не нужно. Надо написать еще «Христа», непремѣнно надо, т. е. не собственно его, а ту толпу, которая хохочетъ во все горло, всѣми силами своихъ громадныхъ животныхъ легкихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите: нашелся чудакъ — я, говоритъ, знаю одинъ, гдѣ спасеніе. Меня послалъ Онъ, и Я его Сынъ. Я знаю, что̀ Онъ хочетъ, идите за Мною, раздайте свои сокровища и ступайте за Мною. Его схватили: «Попался! Ага! Вотъ онъ! Постойте — геніальная мысль! Знаете, что̀, говорятъ солдаты, онъ царь, говоритъ? Ну хорошо, нарядимъ его шутомъ — царемъ, неправда-ли хорошо?» Сказано, сдѣлано. Нарядили, и оповѣстили о своей выдумкѣ Синедріонъ, — весь бомондъ высыпалъ на дворъ, на площадку и, увидавши такой спектакль, всѣ, сколько было народу — покатились со смѣху. И пошла гулять по свѣту слава о бѣдныхъ съумасшедшихъ, захотѣвшихъ указать дорогу въ рай. И такъ это понравилось, что вотъ до сихъ поръ все еще покатываются со смѣху, и никакъ успокоиться не могутъ. Этотъ хохотъ вотъ ужъ сколько лѣтъ меня преслѣдуетъ. Не то тяжело, что тяжело, а то тяжело, что смѣются.

Какъ быть, трудно вамъ, знаю; и помочь не могу — ужъ кого отмѣтитъ Господь Богъ, кому Онъ дастъ хоть частичку самого Себя, — знайте, свер-

шитъ онъ свой путь, какъ слѣдуетъ свершить. Роковыя послѣдствія потому и роковыя, что человѣкъ долженъ нести отвѣтственность только за то, что онъ умнѣе, лучше, талантливѣе. Успокойтесь, это не намеки, я ничего не знаю о намѣреніяхъ Общества, всего меньше NN, этотъ унтеръ — прости Господи. Знаете—это такое колоссальное, непроходимое чудовище, деревянное животное въ военномъ мундирѣ, что просто поразительно. Не любилъ я его никогда, но до какой степени онъ имѣетъ мало человѣческаго, признаюсь—не ожидалъ. Все, что онъ написалъ вамъ — его чистый вымыселъ. Я уже выше вамъ писалъ, что Общество тутъ не при чемъ, и теперь повторяю. Пора поднять просто въ комитетѣ вопросъ о вашей поѣздкѣ. Напишите Григоровичу письмо, и ужъ какъ знаете, такъ и сдѣлайте, но поставьте вопросъ передъ Обществомъ.

Право, мнѣ кажется, 15 картинъ не нужно для этого. Повторяю самымъ настоятельнымъ образомъ — успокойтесь. Я ничего не знаю, ничего не слышу, чтобы гроза какая либо собиралась. Можетъ быть и есть такіе храбрецы, которые кукишъ въ карманѣ показываютъ, т. е. пишутъ, что дескать такъ и такъ. Отчего-жъ и не пострашать, благо за это никто въ загривокъ не положитъ, да еще когда-то отвѣчать придется — а все-таки не худо напакостить. Все это вздоръ, бросьте, стыдно, или ужъ напишите что̀ и кто̀ пишетъ. Тогда, можетъ быть, я буду въ состояніи указать вамъ источникъ. Господи, когда подумаю, что около 2-хъ недѣль это письмо еще къ вамъ пройдетъ — просто страхъ беретъ.

О Шишкинѣ сообщу вамъ, что онъ право молодецъ, т. е. пишетъ хорошія картины. Конечно, чего у него нѣтъ, того и нѣтъ. Но онъ наконецъ смекнулъ, что̀ значитъ писать — судите, мажетъ одно мѣсто до поту лица,— тонъ, тонъ и тонъ почуялъ. Когда это было съ нимъ? Вѣдь прежде, бывало, дописалъ все, выписалъ, доработалъ, значитъ и хорошо. А теперь— нѣтъ: разъ двадцать помажетъ то однимъ, то другимъ, потомъ опять тѣмъ же и т. д. Проснулся. Пейзажъ схрохалъ въ 3 арш. 1 вершокъ, внутренность (болотистая) лѣса, да еще и въ сумерки, какое-то сѣрое чудовище, а ничего — хорошо. Другую, облачную, свѣтлую поляну, подъ отвѣсными лучами солнца. Пріѣхалъ Третьяковъ, покупаетъ у меня картину, торгуется — да и есть съ чего. Я его огорошилъ, можете себѣ представить: за одну фигуру вдругъ съ него требуютъ не болѣе, не менѣе какъ шесть тысячъ рублей. Какъ это вамъ кажется? А? Есть отъ чего рехнуться. Вотъ онъ и завопилъ! А все-таки не отходитъ. Друзья вопятъ наоборотъ: дешево. Каково —это дешево! Признаюсь. Что̀ состоится, напишу вамъ. Требуемыя вами пелѐ, краски и прочее не замедлю выслать, ей-Богу не замедлю. Усните спокойно. Господь съ вами.

Вашъ И. Крамской.

L. Къ В. Г. Перову.

23-го декабря 1872 года.

Глубокоуважаемый Василій Григорьевичъ. Картины пріѣхали въ цѣлости. Искреннее спасибо за портреты *), которые вы-таки выслали. Впрочемъ, долгъ благодарности вѣроятно надо отнести къ убѣжденію Павла Михайловича. Выставка, какъ она опредѣлилась теперь, вышла чуть ли не многочисленнѣе прошлогодней и, сколько могу судить, ровнѣе, т. е. нѣтъ вовсе плохихъ вещей. По крайней мѣрѣ, мнѣ кажется такъ. Пейзажный отдѣлъ и отдѣлъ портретовъ — блистательный, жанръ — средній и даже положительно хорошъ, а картина Мясоѣдова—прекрасная **). Ну, а тамъ, чтò Богъ дастъ. Что же касается вашей картины «Выгрузка извести на Днѣпрѣ», то выражаю вамъ мое мнѣніе, какъ вы того желаете. Картина, не смотря на неудовлетворительный рисунокъ и мѣстами даже дурной,— дѣлаетъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе, сочиненіемъ, содержаніемъ и общимъ тономъ картины. Мнѣ остается только сожалѣть, что такая страшная мысль, такое драматическое содержаніе, быть можетъ, самое серьезное изъ всѣхъ, вами взятыхъ, стоитъ по исполненію фигуръ не на томъ уровнѣ, какой я уже привыкъ у васъ видѣть. Вы требовали отъ меня отчета—я вамъ сказалъ. Пейзажъ и содержаніе дѣлаютъ, повторяю, чрезвычайно сильное впечатлѣніе.

Выставка для публики будетъ открыта 26-го числа, на второй день праздника. О впечатлѣніи, которое она будетъ дѣлать, я не замедлю сообщить. Теперь же ограничусь пока этимъ. Кстати, мы получили 7 ящиковъ, и въ нихъ не оказывается Каменева «Лѣса», о которомъ вы писали; я не знаю, чтò подумать. Что же касается высылки къ вамъ денегъ, то, я полагаю, Николай Николаевичъ Гè, который уже проѣхалъ чрезъ Москву, вѣроятно вамъ уже сообщилъ, что рѣшено — всякій занимающій взноситъ % за все время по разсчету времени, такъ что это все равно, лежатъ ли деньги въ банкѣ, или на рукахъ членовъ: они должны приносить %. Впрочемъ, если нужно, потребуйте—мы вышлемъ. Свидѣтельствую мое глубокое уваженіе супругѣ вашей. Дай Богъ вамъ здоровья.

Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

LI. Къ П. М. Третьякову.

23-го декабря 1872 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Всѣ картины, присланныя изъ Москвы, получены сегодня въ цѣлости. Я вамъ очень благодаренъ за пор-

*) На передвижной выставкѣ 1872—3 г. находились портреты: И. С. Камынина, Погодина, Достоевскаго, Ап. Майкова, Даля, Тургенева.

**) «Земское уѣздное собраніе въ обѣденное время».

треты Перова. Надо полагать, что онъ самъ не прислалъ бы ихъ всѣ. Только одно недоразумѣніе: В. Г. Перовъ писалъ мнѣ, что есть картина Каменева «Лѣсъ», а между тѣмъ въ присланныхъ ящикахъ таковой не оказывается.

Руки у «Христа» я кончилъ. Картину «Майская ночь», полагаю, что кончу къ вашему пріѣзду. Благодарю васъ, глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ, за желаніе встрѣтить мнѣ хорошо праздники; сожалѣю, что не могу въ свою очередь сказать вамъ во-время того же, но примите мое искреннее поздравленіе уже съ наступившими. Уважающій васъ

И. Крамской.

Позволяю прибавить къ свѣдѣнію вашему, что у Боголюбова, на нашей выставкѣ, есть очень хорошая вещь — «Устье Невы» — онъ давно такъ не писалъ.

LII. Къ Ѳ. А. Васильеву.

С.-Петербургъ, 1-го января 1873 г.

Вотъ онъ, Новый годъ! Тяжелый годъ прошелъ, тяжелый годъ наступаетъ. Мой дорогой Ѳедоръ Александровичъ, еслибы вы знали, чего мнѣ будетъ стоить написать это письмо! Но такъ ужъ и быть. Вы и сами не захотите ничего знать другого, кромѣ правды. Я отвѣчаю вамъ на письмо ваше отъ 16-го декабря, которое я получилъ вчера, наканунѣ Новаго года. Собственно говоря, я бы долженъ былъ написать вамъ 22-го числа, когда я видѣлъ присланную вами картину къ Григоровичу, написанную въ подарокъ императрицѣ, но я долго раздумывалъ—рука не подымалась. Отчего? Вы, разумѣется, догадываетесь—рѣчь идетъ о картинѣ, которую вы и сами ругаете. Ругать я не стану—пусть это дѣлаютъ другіе, кому это доставитъ удовольствіе—мнѣ же было очень грустно. Опишу по порядку. Григоровичъ извѣстилъ меня записочкой, чтобы я пришелъ посмотрѣть поскорѣе, такъ какѣ онъ долженъ доставить ее во дворецъ. Картина—прежде всего, разумѣется, казенная, заказная. Это снимаетъ съ меня обязанность относиться къ ней со стороны содержанія. Остается разсматривать ее со стороны исполненія. Но, принимая во вниманіе одинъ мѣсяцъ работы, это избавляетъ васъ, собственно, отъ многихъ упрековъ. Вы скажете, что̀ же собственно остается, что̀ еще тамъ есть такое, объ чемъ слѣдуетъ вести разговоръ? Кое-что остается. Во 1-хъ, та сила удара по свѣту и тѣни, которая у каждаго художника всегда остается, что̀ бы онъ ни дѣлалъ, и во 2-хъ—выборъ тоновъ, или, лучше, освѣщенія и пятенъ, при которыхъ всякій предметъ, сохраняя сходство, получаетъ физіономію нѣсколько иную, чѣмъ бываетъ обыкновенно. Послѣднія два положенія всегда во власти ху-

дожника. Этими правами вы не воспользовались, или не могли воспользоваться—не знаю; но вещь черезъ это много потеряла. Сила ударовъ такъ слаба, что равняется плоскости, слѣдствіе одиночества—самаго страшнаго врага для художника, а пятна въ картинѣ такъ не замысловаты, что не представляютъ никакого интереса. Я не говорю уже объ томъ, что картина имѣетъ видъ чрезвычайно усталый: это понятно. Вы видите, дорогой мой, что я, можетъ быть, беру выраженія несовсѣмъ обдуманныя, но къ чему бы это послужило? Ничего изъ того, что я вамъ здѣсь пишу, я не сказалъ Григоровичу. Онъ, какъ бы боясь, все нахваливалъ и восторгался. Но какъ бы то ни было, а правда и для него должно быть сказалась. Въ одномъ мы сошлись—это, что такъ какъ картина—портретъ, то стало быть и относиться къ ней не слѣдуетъ иначе. Теперь я поведу рѣчь отъ себя. Вы хлопотали, чтобы картина не была закрыта сверху. Почему это, скажите? Мнѣ кажется, что чѣмъ меньше неба, тѣмъ лучше. Когда вы находитесь на высотѣ и смотрите внизъ, вы не видите неба—законъ перспективы таковъ. Если же вы, находясь на высотѣ, смотрите вдаль на горизонтъ или горы, то не можете видѣть земли подъ ногами, то-есть ближайшихъ предметовъ, составляющихъ первый планъ. У васъ въ картинѣ есть мѣсто передъ балкономъ, за которымъ—громадная пропасть, и тамъ, на десятиверстномъ разстояніи, внизу пролегаетъ не то дорога, не то берегъ съ едва видными предметами, а за ними заливъ и горы. Попробуйте увидѣть при этомъ столько неба, сколько у васъ, и вамъ надо будетъ поднять голову, что рѣшительно нельзя позволить въ одной картинѣ, не нарушая законовъ зрѣнія и перспективы. Это относительно постройки картины. Что же относится до исполненія, то, за исключеніемъ середины, т. е. пропасти и части горъ, то это, не смотря на остальное, такъ хорошо, что я все-таки узнаю, васъ. Картина, собственно, должна бы быть панорамой съ птичьяго полета, а при этомъ чѣмъ больше будетъ земли и меньше неба, тѣмъ лучше и вѣрнѣе. Помните, я писалъ вамъ о картинѣ «Болото», въ которой я замѣтилъ нѣкоторую слабость отношеній между свѣтомъ и тѣнями. Въ этой же послѣдней, слабость такъ замѣтна, что дальше остается только отсутствіе рельефа, и я такъ этого испугался, что рѣшился написать вамъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, недопускающимъ никакихъ сомнѣній. И по моему, вамъ слѣдуетъ употребить всѣ усилія вашего краснорѣчія, чтобы поѣхать за границу во что бы то ни стало, при первой возможности, т. е. не при первой возможности, а именно лѣтомъ — въ Италію, Францію, Испанію, или куда еще въ другое мѣсто, и я увѣренъ, что мой дорогой и единственный другъ, не нарушая здоровья, т. е. не разстроивая его по крайней мѣрѣ, спасетъ себя для Россіи. Я говорю это, нисколько не увеличивая и не уменьшая значенія Васильева для русскаго искусства. Нѣтъ у насъ пей-

зажиста-поэта, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и если кто можетъ и долженъ имъ быть, то это только Васильевъ.

Отчего, скажите, когда я думаю объ васъ, мнѣ приходятъ въ голову слова Бёрне, друга и прiятеля Гейне, который говоритъ, что: «горе тому общественному дѣятелю, у котораго оказались фарфоровыя чашки». Чортъ знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, фарфоровыя чашки — это все то постороннее, чтò собственно должно только сопровождать и слѣдовать за картинами, а не предшествовать имъ. Не ждите отъ меня наставленiй и морали: ими васъ съ избыткомъ надѣляютъ другiе, пишущiе къ вамъ. Моя роль другая. Чего мнѣ отъ васъ нужно? И что я вамъ такое? Жизнь моя не была бы такая богатая, гордость моя не была бы такъ основательна, еслибы я не встрѣтился съ вами въ жизни. Чтò изъ этого выйдетъ, кто кому будетъ обязанъ — разсуждать не наше дѣло, но ужъ одна возможность говорить чтò думаешь, честно и безъ прибылей заняться разсмотрѣнiемъ какого-нибудь дѣйствительнаго человѣческаго вопроса — такая въ сущности находка для человѣка въ жизни, что, право, одного этого достаточно, чтобы сказать иногда: слава Богу — я живу.

Но возвратимся къ практикѣ. Не страдайте отъ невозможности сказать все до очевидности, не мучьте себя, что многое въ вашихъ письмахъ не все понятно. Вы, стало быть, не знаете послѣ этого, что всякiй неглупый человѣкъ всегда понимаетъ многое между строками, что всякiй неглупый человѣкъ, живя на свѣтѣ, пытаясь употреблять человѣческiй языкъ, очень хорошо знаетъ, что есть вещи, которыя слово выразить рѣшительно не можетъ. Онъ знаетъ, что выраженiе лица именно приходитъ на выручку въ такое время — иначе живопись не имѣла бы мѣста. Еслибы все можно сказать словомъ, то зачѣмъ тогда искусство, зачѣмъ музыка? Теперь, когда нѣтъ возможности ни показать свое лицо другому, ни пропѣть, ни написать картину, то остается писать письма, но написать не все возможно — словъ нѣтъ. Ну, тогда остается та логика, которая видна между строками, чтò человѣкъ говоритъ послѣ чего, и кàкъ онъ это говоритъ, гдѣ онъ остановился, въ какую сторону уползаетъ мысль: все это, увѣряю васъ, въ письмѣ можетъ быть отыскано, такъ же или почти такъ же, какъ бы и видѣть живого человѣка. Словомъ, не сокрушайтесь. Я понимаю все, что вы пишете, или по крайней мѣрѣ — главное. И чтò васъ безпокоитъ? Долги? Недостатокъ средствъ устроить свою жизнь, чтобы можно было предаваться искусству? Хорошо, положимъ, это скверно: это даже больше чѣмъ скверно. Но почему же, скажите ради Бога, нужно ихъ заплатить немедленно? Вы очень ошибаетесь, чтобы иначе нельзя было бы. Конечно, часть ихъ должна быть погашена въ ближайшемъ будущемъ, то есть та, которая должна идти бѣднѣйшимъ; другая же съ такимъ же удобствомъ

можетъ быть отодвинута на такое же время, которое уже прошло. Это разъ. Вѣдь вы же ихъ заплатите? Изъ чего же убиваться? Роману 10 лѣтъ? Ну что-жъ изъ того? Пусть онъ идетъ по дорогѣ всѣхъ дѣтей,—пусть воротится съ вашей матушкой въ Петербургъ и ходитъ въ гимназію. Если же вы думаете, что тутъ нужно сдѣлать что-то другое, то вы опять ошибаетесь. Вы не имѣете права иначе поступать относительно себя. Когда человѣкъ обязанъ что либо въ жизни дѣлать, то ему остается только сказать: «нѣтъ у меня братьевъ, нѣтъ у меня матери», когда на то пошло. Слова эти были сказаны Христомъ, когда, во время Его ученія, ему доложили, что мать и братья пришли и Его спрашиваютъ. Перешагните черезъ нихъ и ступайте съ Богомъ дальше. Это не жестокость — а непреклонная необходимость и разумность, лишь бы причины были основательны. Есть у васъ онѣ, эти причины—плюньте на все; нѣтъ ихъ у васъ, сидите въ Ялтѣ, въ Петербургѣ, въ Камчаткѣ, и дѣлайте глупости. Я такъ смотрю на это дѣло. Заказы—ширмы—это самое скверное. Но отчего же ихъ не отвалять нѣкоторымъ образомъ декоративно, — этакъ на шарлатанизмъ, поскорѣе, лишь бы красиво? Я даже скажу, что если вы сдѣлаете что-нибудь другое, то полагаю, что сдѣлаете не то, что хотятъ и не то, что нужно. Ужъ таково положеніе всякаго, кто беретъ заказы: взять заказъ, значитъ постараться понравиться одному кому-нибудь. Ну и понравились. Это подло, вы скажете, а зачѣмъ брались? Я согласенъ, что отказаться нельзя было, ну и обработайте. Вы, я вижу, еще не имѣете ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ нужно исполнять заказъ. Тутъ задумываться некогда. Разумѣется, тяжело будетъ просидѣть за ними, но вы скажите мнѣ, что̀ не тяжело? Тяжело все, что дѣлается по необходимости. Тяжело и котлеты ѣсть два мѣсяца къ ряду, а ѣдите же? $^9/_{10}$ въ жизни человѣкъ обязанъ дѣлать тяжелыя вещи — не живите, коли такъ. Конечно, есть и такіе трусы, которые, запутавшись, пускаютъ себѣ пулю въ лобъ, но вѣдь это не штука, на это хватаетъ и дурака, а вы попробуйте остаться, да сдѣлать, ну тогда я скажу — мастеръ. А то, скажите пожалуйста, колесо его немножко царапнуло (ну, можетъ тамъ что-нибудь и оторвало даже), а онъ и охаетъ. Вѣдь у васъ, собственно, весь вопросъ о томъ, нельзя ли перенести свою особу, вмѣстѣ съ долгами, изъ Ялты куда-нибудь въ другое мѣсто. Это не такъ хитро. Попробуйте прислать три картины въ Общество и поднять вопросъ о перемѣщеніи, и вы увидите, что это больше, чѣмъ возможно. Да даже и вопроса никакого быть не можетъ, вѣдь сто рублей ежемѣсячно будутъ вамъ высылать всегда, останетесь въ Ялтѣ, или переѣдете въ Ташкентъ: ну и воспользуйтесь этимъ. 100 руб. въ Крыму—мало, а заграницей и одному — это деньги. Я думаю, безпокоиться нечего. Остаются психологическія тонкости, очень пожалуй уважительныя до тѣхъ поръ, пока

вы имѣете собесѣдникомъ Клеопина (человѣка, достойнаго всякаго уваженія), но чуть только увидите настоящихъ художниковъ, какъ тотчасъ же почувствуете, что и Крамской не Богъ знаетъ что, и безъ него обойтись можно чудесно. Право такъ. Просто, не говоря худаго слова, дождитесь лѣта, да ни съ того, ни съ сего увѣдомьте Григоровича, что-молъ, добрѣйшій Д. В., потрудитесь высылать мнѣ деньги впредь по слѣдующему адресу: «Roma, постъ-рестантъ», или что-нибудь подобное. Ей Богу, чудесная штука. Мнѣ весело даже стало, есть выходъ. Впрочемъ, какъ знаете. Я вѣдь это болтаю, а вамъ, разумѣется, не до того. Еще болѣе практическое: конкурсъ въ мартѣ. Если можете, являйтесь за львиною частью...

2-го января.

Конкурсъ отложенъ до марта, какъ я сказалъ выше. Я думаю, что вы успѣете. Шишкинъ хотя и намѣренъ, кажется, писать, но едва ли что сдѣлаетъ. Съ своими двумя большими пейзажами, о которыхъ я вамъ писалъ уже, онъ такъ усталъ и измучился, что, какъ онъ говоритъ, — голова пуста. Одинъ изъ нихъ вышелъ очень хорошъ—лучше прошлогодняго конкурснаго: Академія его покупаетъ. Другой же—«Полдень» вышелъ ординарнымъ. Но все-таки лучше его прежнихъ неизмѣримо—въ тонахъ. Но что положительно чудо—Боголюбовъ написалъ удивительную вещь: «Устье Невы» отъ Петергофа. Онъ давно не писалъ такихъ вещей, то-есть съ самаго пріѣзда. По моему, превосходная вещь. Всѣ эти вещи находятся на Передвижной выставкѣ, которая открылась уже, впрочемъ поздно, какъ видите. Но все-таки выставка — ничего. Не смотря на то, что въ этомъ году капитальныхъ вещей на выставкѣ меньше, чѣмъ прошлый годъ, но посѣтители есть. Нужно вамъ сказать, что здѣсь въ Петербургѣ что-то странное въ атмосферѣ: мы ѣздимъ на дрожкахъ, до сихъ поръ нѣтъ ни снѣгу, ни морозовъ; все дожди пополамъ со снѣгомъ и 5 градусовъ тепла. Чортъ знаетъ, что такое. Одни говорятъ, что мы находимся въ хвостѣ какой-то кометы. Свѣту ни зги—около часу какъ будто посвѣтлѣетъ, а въ остальное время сумерки—ничего не видно: въ залахъ Академіи (въ античной) картинъ не видно. Другіе увѣряютъ, что перемѣну климата надо отнести къ перемѣнѣ теченія гольфъ-стрема въ Атлантическомъ океанѣ. Не знаю, что̀ правда и что̀ враки, но тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ творится что-то необычайное. И не въ одномъ Петербургѣ: въ Москвѣ и другихъ городахъ то же. Четверги по-прежнему продолжаются и члены почти все тѣ же. И такъ, все идетъ, не смотря ни на что, по-старому. Пишемъ мы письма другъ другу. Терзаемъ себя разными, иной разъ неприличными, сомнѣніями, тоскуемъ и радуемся, а что будетъ впереди — единому Богу извѣстно.

Дорогой мой, я послѣ своей картины какой-то странный сдѣлался, постарѣлъ. Сѣдина показалась — рано кажись бы еще — 35 лѣтъ, а тамъ скоро и къ 40 подойдетъ, послѣ—шабашъ. Вы говорите, чтобы я не откладывалъ въ долгій ящикъ задуманной картины. Какъ бы то́ Богъ далъ, я и самъ бы былъ радъ. Но... слишкомъ ужъ много нужно для этого. Нужно видѣть и народъ тотъ, и мѣста, и многое другое, да нужно поѣхать и заграницу еще разъ. Если не вычеркнетъ меня судьба изъ списка, напишу, будьте покойны. Ужъ очень хорошая форма, ужъ очень хочется самому, и долженъ наконецъ, чтобы не даромъ жить. Право. Я никогда не думалъ, чтобы картины могли поглощать человѣка до такой степени. Мнѣ просто не вѣрится, чтобы я, исполнявшій всевозможные заказы, и я теперешній— одно и то же лицо. Я съ ужасомъ думаю, какъ это я буду въ состояніи исполнять ихъ какъ прежде, а вѣдь нельзя безъ этого. Успокойтесь, дорогой мой, я понимаю васъ отлично, что́ значитъ: заказы. Я и всегда понималъ. Еслибы вы томились такъ долго, какъ я, на работахъ, которыя вы знаете, то поняли бы и мою радость и мой ужасъ—нѣтъ другого слова.

Радость моя вамъ незнакома—а ужасъ понятенъ. А вѣдь картина моя и не особенно понравилась. Какъ будто бы это—сущая бездѣлица. Впрочемъ вы отзывы узнаете объ ней: напишутъ. Но я, не смотря на это, какъ-то празднично покоенъ, и только бы работать, работать и работать, а тутъ—заказы, текущія работы. Охъ! Т. е. видите ли, я отказываюсь отъ всѣхъ заказовъ, но для храма Христа Спасителя въ Москвѣ, какъ вы знаете, давно взято, и наступаютъ наконецъ сроки, вотъ что скверно. Ну, да ужъ мнѣ не привыкать.

Напишите мнѣ между прочимъ, что̀ вамъ будутъ писать о моей картинѣ, посплетничайте, я готовъ въ ножки поклониться тому, кто мнѣ скажетъ прямо, ей-Богу такъ. Странно: одни, поближе, какъ-то сторонятся и неохотно даже встрѣчаются, слышу только стороной, что картину ругаютъ. Другіе же какъ-то странно восторженно говорятъ, но что-то глупое, и люди, кажись, глупые, но я и имъ готовъ вѣрить. Право, такъ хочется, такъ хочется узнать, что́ они думаютъ и говорятъ безъ меня. Впрочемъ, зачѣмъ же это я прошу васъ писать мнѣ объ этомъ, вѣдь я покоенъ, я долженъ быть покоенъ, и наконецъ не мальчикъ же я. Я знаю, что я сдѣлалъ—впередъ! Все равно, что̀ сдѣлано, должно оставаться назади.

Добрый мой, не взыщите, я пишу что-то несвязное. Не остановиться ли?.. Изъ всей комиссіи по пересмотру устава, я вмѣстѣ съ вами полагаю, что толку будетъ немного. Но на алтарь отечества лепту положимъ, пусть ее уляжется въ архивѣ. Такъ и есть, забылъ самое главное: прошеніе отъ вашего имени въ Академію. Но обѣщаю вамъ написать его немедленно и прислать для подписи. Теперь поздно. Сейчасъ ушелъ Пановъ, говорили

про васъ, вспоминали и помыли немножко бока. Ну все же таки увидимся! Жена моя благословляетъ васъ, хвораетъ она все. Кланяйтесь Ольгѣ Емельяновнѣ, а я какимъ былъ, такимъ и остаюсь, исключая наружности.

И. Крамской.

LIII. Къ П. М. Третьякову.

11-го января 1873 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Различныя платы, предстоящія мнѣ 17-го января, заставляютъ меня безпокоить васъ, добрѣйшій Павелъ Михайловичъ, просьбой прислать мнѣ, если возможно, 1000 рублей. Мнѣ очень жаль, что такъ случилось, но это послѣдній разъ; надѣюсь, по крайней мѣрѣ, такъ, что слѣдуемыя мнѣ деньги могутъ быть уплачены уже, когда вамъ заблагоразсудится.

Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ имѣю честь быть къ услугамъ

И. Крамской.

Я очень радуюсь, что «Устье Невы» — ваша собственность. Чѣмъ больше я смотрю на нее, тѣмъ она мнѣ больше нравится.

LIV. Къ Ѳ. А. Васильеву.

15-го января 1873 г.

Голубчикъ мой Ѳедоръ Александровичъ, видите, какой я исправный— обѣщался немедленно, а вотъ сколько времени прошло. Форма прошенія въ Совѣтъ слѣдующая: Въ Совѣтъ Имп. Акад. Художника Ѳедора Александрова Васильева Прошеніе. Удостоенный на годичномъ экзаменѣ, въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1872 года, званія класснаго художника 1-й степени, за представленные мною пейзажи, съ обязательствомъ выдержанія словеснаго экзамена изъ наукъ, я поставленъ въ необходимость покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи уволить меня отъ него, въ уваженіе моего разстроеннаго здоровья, требующаго продолжительнаго пребыванія моего въ Ялтѣ, и выдать мнѣ дипломъ, не подвергая словесному испытанію. Ученикъ такой-то; внизу, слѣва, годъ и число, и только, ни больше ни меньше. Не надъ чѣмъ было и голову ломать. Все это такъ просто. Удивляйтесь моему безсердечію и невниманію къ вамъ—ничего больше не прибавлю. Нѣкогда. Скоро напишу побольше.

Искренно и глубоко васъ любящій, но негодный И. Крамской.

LV. Къ П. М. Третьякову.

16-го января 1873 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Деньги 1,500 рублей серебромъ я получилъ и приношу вамъ мою глубокую благодарность. Къ вашему пріѣзду вы найдете, какъ въ Кольцовѣ, такъ и въ картинѣ «Майская ночь», перемѣну. Послѣднюю я, разумѣется даже кончу. Картина Шишкина пріобрѣтена Академіей, другая же — «Полдень» куплена К. Т. Солдатенковымъ. Картина Якоби куплена имъ же. Это лучшій исходъ, какой только можно было пожелать для этой картины. Вѣнская выставка, т. е. лучше — Академическая, собирается плохо, еще ничего нѣтъ, за исключеніемъ плачевныхъ произведеній польскихъ художниковъ.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

LVI. Къ Ѳ. А. Васильеву.

С.-Петербургъ, 27-го января 1873 года.

Дорогой мой Ѳедоръ Александровичъ. Вы опять начинаете хворать, какъ видно. Что это значитъ? Или вы не особенно благоразумно себя ведете вообще, или внутренняя жизнь слишкомъ жарко и разрушительно горитъ. Подведите итоги всему, что у васъ происходитъ внутри, переберите всѣ свои страсти, всѣ влеченія своей натуры, которыя мѣшаютъ вамъ, и безжалостно (легко сказать) вытолкайте ихъ въ шею. Что это такое съ вами дѣлается? Нѣтъ, я пожалуй буду правъ, говоря, что слишкомъ ранній возрастъ, въ которомъ вы обрѣтаетесь, мѣшаетъ вамъ управлять всѣмъ своимъ нравственнымъ капиталомъ, даннымъ отъ природы. Вы уже знаете, что̀ я объ этихъ вещахъ думаю; я, кажется, вамъ говорилъ уже, что, чтобы быть художникомъ — мало таланта, мало ума, мало обстоятельствъ благопріятныхъ, мало наконецъ всего, чѣмъ обыкновенно надѣляется человѣкъ и пріобрѣтаетъ,— надо имѣть счастье обладать темпераментомъ такого рода, для котораго, кромѣ занятія искусствомъ, не существовало бы высшаго наслажденія; темпераментомъ, который легко отказывается отъ всякаго другого человѣческаго наслажденія и не сожалѣетъ, напримѣръ, что онъ не такъ вкусно питается, какъ люди, рвущіе куски жизненнаго пирога. Наконецъ, художникъ, кромѣ отвѣтственности вообще, лежащей на каждомъ человѣкѣ, отвѣтственъ главнымъ образомъ въ зарытіи талантовъ. Что это я пишу, Боже! Но будемъ продолжать, пока продолжается. Талантъ — штука страшная, и чортъ его знаетъ, до чего требованія его не-

умолимы. У него только одна дилемма: или *будь*, ступай впередъ, совершенствуйся, за нимъ только и ухаживай, для него только и работай, или умри и отвѣчай передъ совѣстью. Извѣстная штука. Что нибудь одно: или онъ, талантъ вашъ, или вы, человѣкъ. Убейте въ себѣ человѣка — получится Васильевъ художникъ; погонитесь за человѣкомъ, полагая, что талантъ не уйдетъ, и онъ уйдетъ навѣрное. Отмѣченный печатью никогда ее не смоетъ. Знаете ли, впрочемъ, что я только сей моментъ догадался, что писать вамъ такія вещи—значитъ оскорблять васъ; ей-Богу, только сію минуту. И къ чему это — зачѣмъ это сорвалось, и какой, наконецъ, поводъ вы дали, чтобы обращаться къ вамъ съ проповѣдями такого рода? Хорошо еще, что это не есть проповѣдь, а просто разсужденіе, которое во мнѣ совершается вслухъ. Но нельзя же замазать все до такой степени, чтобы не было трещины, и трещина есть, пожалуй. Таковою оказывается все, что я узналъ о вашей денежной сторонѣ. Знаете ли, что я просто пришелъ въ ужасъ отъ вашихъ дѣлъ внѣшнихъ вообще. У васъ огромные долги въ Ялтѣ? Положимъ, въ Ялтѣ дорого страшно, я имѣю нѣкоторое понятіе объ этомъ, но все-таки! Голубчикъ мой, дорогой, вы запретили мнѣ говорить о подаркѣ, сдѣланномъ моей женѣ, положимъ такъ, но, ради Бога, вѣдь это, вѣроятно, крупица и довольно микроскопическая, которая извѣстна мнѣ, сравнительно съ тѣмъ, что мнѣ еще неизвѣстно. Неужели же нельзя всего этого вытолкать въ шею? Должно быть нельзя, когда вы дѣлаете, а жаль. Это, все вмѣстѣ взятое, вѣроятно доставляетъ вамъ такую жгучую муку, какой и здоровый гуляка не выдержалъ бы, еслибы гуляки вообще были способны къ ощущеніямъ подобнаго рода. Однакожъ я, должно быть, нѣсколько простоватъ кажусь вамъ съ криками: «Ради Бога не сдѣлайте пожара!» въ то время, когда весь домъ въ огнѣ, а я не замѣчаю. Да я просто ума не приложу, что̀ дѣлать, что̀ вамъ писать и куда ступить, чтобы не оскорблять васъ нотаціями. Довольно вѣроятно, вы ихъ получаете и безъ меня. Скажите просто, не могу ли я что сдѣлать тутъ? Пошлите меня куда хотите, но не оставляйте этого дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ оно уже находится. Мнѣ извѣстенъ фактъ — глыба снѣга не увеличивается, коль скоро перестали ее катить; напротивъ, уменьшается и даже таетъ, въ оттепели правда, но вѣдь въ Ялтѣ нѣтъ такихъ морозовъ. Какой глупый каламбуръ, однакожъ. Я всегда осуждалъ, когда человѣкъ не придерживаетъ языка во-время, а вотъ и самъ сказалъ пошлость. Итакъ, оставьте глыбу, не увеличивайте, посмотрите, лучше будетъ. Нѣтъ, не могу, дорогой мой, чувствую, что начинаю говорить такія плоскія вещи, на которыя хватаетъ всякаго благоразумнаго человѣка. Хорошо говорить благоразумныя слова, когда сердце остается холодно ко всякимъ страданіямъ, увольте меня. Выругайте, если хотите, но я не скажу больше ни слова объ этомъ

до тѣхъ тѣхъ поръ, пока вы не разъясните этого, если найдете нужнымъ это сдѣлать.

Что касается моей поѣздки ради картины, то она еще только въ проектѣ. Она, конечно, осуществится, если буду живъ: картина будетъ навѣрное, но не ближе двухъ лѣтъ. Въ предстоящее лѣто я поѣду въ Воронежскую губернію, буду тамъ кое-что писать: «Божьяго человѣка», «Осмотръ стараго дома» и «Хохотъ»—потомъ. Я теперь читаю кое-что нужное, готовлюсь, обдумываю, но не приступлю къ поѣздкѣ раньше, пока не начну, такъ сказать, самой картины, то есть пока она не будетъ готова совсѣмъ въ головѣ. Хотя она уже и готова, но не на столько, чтобы сѣсть и ѣхать за нею. И потому поѣздка совершится не ближе будущаго 74-го года. У васъ произошло такое горѣніе по этому обстоятельству, что уже скомпановалось ка̀къ и что̀, куда надо ѣхать, гдѣ остановиться. Рано еще. Если же поѣздка состоится, то она состоится прежде всего въ Италію, чтобы видѣть развалины Помпеи; словомъ, прежде римлянъ надо посмотрѣть, а тамъ потомъ и въ Сирію и Палестину. Это вѣрно, т. е. я такъ думаю.

Кстати, Рѣпинъ все еще пишетъ своихъ «Бурлаковъ»: немножко долго—сегодня напишетъ одно, завтра другое, а когда нибудь еще—третье. Савицкій конкуррируетъ на большую золотую медаль. Шишкинъ... Шишкинъ ногти кусаетъ, хотя намѣренъ писать на конкурсъ, но еще не начиналъ. Увижу—напишу. Затѣмъ все по-старому, и все такъ же какъ вы оставили, ничего не передвинулось, все на своихъ мѣстахъ.

Холстъ вамъ высланъ, но такъ какъ вы не написали, какого рода, то я взялъ уже на свою отвѣтственность рѣшить, какой послать. Григоровича нигдѣ не вижу давно, не знаю, какъ онъ распорядился съ деньгами вашими, о которыхъ вы писали ему получить у великаго князя... Вы говорите: я деликатничаю по поводу вашей картины. Нѣтъ, не деликатничаю, а я въ самомъ дѣлѣ узналъ васъ въ ней положительно, въ срединѣ—гдѣ горы и море. Это хотя и не лучшее, что̀ вообще вы можете, но все-таки это хорошо—а остальное: деревья, земля и небо вверху—слабо, даже плохо, одолжайтесь. Но вѣдь я все-таки знаю, что это мучительный заказъ. Подожду, пока не увижу чего-нибудь другого, которое надѣюсь увидать на конкурсѣ. Я не хочу думать, чтобы вы не написали ничего. Что же касается вашей поѣздки заграницу, то я и теперь остаюсь при томъ же мнѣніи, которое уже высказалъ вамъ, и нахожу возможнымъ, не смотря на все, что я узналъ о вашихъ долгахъ и о прочемъ. Это не измѣняетъ дѣла, одной хорошей картины довольно, чтобы рѣшить въ вашу пользу.

И. Крамской.

LVII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 13-го февраля 1873 г.

Дорогой мой Өедоръ Александровичъ. Вчера получилъ отъ васъ одно письмо, а сегодня другое. Вѣстей куча, особенно второе изобилуетъ ими— и хотя новаго, или неожиданнаго, относительно петербургскихъ пріятелей, въ немъ не заключается, но извѣстные мнѣ факты освѣщаются съ новой точки для меня, и потому имѣютъ интересъ. Будемте бесѣдовать по порядку. Сначала я разскажу все, что до меня касается, на правахъ дружбы: вы обязаны также благосклонно (а хотя бы и неблагосклонно) принять отъ меня то, что лично касается меня, т. е. собственно картины моей. Охъ, боюсь я, что когда вы увидите ее, то вы будете, пожалуй, удивлены, какимъ образомъ она могла поднять всю ту бурю въ стаканѣ воды, которую она подняла. И особенно эти комическіе 6,000 р. Да-съ, веселое время. Разумѣется, не преподнеси я всего этого моимъ пріятелямъ, ничего бы не было. Но я имѣлъ дерзость написать не хуже ихъ, и вотъ тебѣ за то. Но будемъ разсказывать. Не помню, писалъ ли я вамъ, какъ у насъ съ Третьяковымъ происходило дѣло? Кажется, нѣтъ; но чтобы все было для васъ ясно, я повторю. При проѣздѣ Третьякова изъ-за границы въ октябрѣ мѣсяцѣ, кажется 12-го числа, онъ у меня спрашивалъ, что̀ стоитъ моя картина. (Раньше того, Солдатенковъ былъ у меня и тоже хотѣлъ купить, но ему я отвѣтилъ, что П. М. Третьяковъ заявилъ раньше желаніе, и онъ откланялся). Приэтомъ я сказалъ, что объявлю цѣну, когда она будетъ выставлена, что я теперь еще и самъ не знаю, что̀ я сдѣлалъ такое, такъ какъ это моя первая вещь, которую я рабо̀талъ серьезно. И дѣйствительно, я былъ въ такомъ состояніи, что хотя я объ ней и думалъ серьезно, но сказать опредѣленно не могъ. Потомъ, когда стали ко мнѣ являться люди мнѣ незнакомые и пошелъ говоръ, я увидалъ, что я не совсѣмъ ошибался. Но вотъ является Боголюбовъ, и объявляетъ: Академія желаетъ купить вашу вещь, сколько стоитъ? Я говорю, что я теперь не продаю, что цѣну назначить не могу и, кромѣ того, я обѣщалъ Третьякову первому объявить цѣну, а затѣмъ уже, если онъ не возьметъ, Академія можетъ купить. Проходитъ еще три недѣли, Боголюбовъ опять объявляетъ мнѣ что Исѣевъ отъ имени Академіи явится къ вамъ, чтобъ узнать, продаете ли вы картину, что въ Совѣтѣ была рѣчь объ этомъ, и что онъ, Боголюбовъ, высказалъ предположеніе свое личное, что картину мою, какъ онъ думаетъ, меньше 5 тысячъ нечего и думать получить, и чтобы я отвѣтилъ Академіи. «Ну, словомъ, къ вамъ придетъ Исѣевъ, съ тѣмъ, чтобы окончить дѣло, или узнать навѣрное». Въ виду такого настойчиваго требова-

нія, я написалъ Третьякову, разсказалъ, что Академія уже во второй разъ обращается ко мнѣ, и что такъ какъ я ему далъ слово первому сообщить цѣну, то и объявляю ее. На это онъ телеграфировалъ, чтобы я подождалъ его пріѣзда нѣсколько дней. Я отвѣтилъ, что жду сколько будетъ ему угодно. А Академіи сказалъ, что я ее уже продалъ. На другой день меня поздравляютъ съ продажею, которой еще и не состоялось. Чрезъ недѣлю является Третьяковъ и говоритъ: «Не будетъ ли уступочки?» Я ему отвѣчалъ: «Не будетъ, Павелъ Михайловичъ», разсказалъ, что меня ужъ поздравляютъ съ продажею, и что если вы находите цѣну мою невозможной, то ради Бога не безпокойтесь, и не думайте обо мнѣ. Я способенъ повернуть ее къ стѣнѣ и оставить своей семьѣ послѣ смерти, но что меньше 6-ти тысячъ я не отдаю; что я цѣну, объявленную ему теперь, мысленно уже давно назначилъ, но если не сказалъ ему ее раньше, то потому, что въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ убѣдиться, не ошибаюсь ли я, и что только настойчивое заявленіе со стороны Академіи вынудило меня раньше времени назначить цѣну, и что хотя я понимаю весь рискъ моего поступка, но ужъ такъ и быть, принимаю все на свою отвѣтственность. Затѣмъ, онъ просилъ никому не сообщать, чтó между нами было, и картину оставить за нимъ. Я въ наивности своей полагалъ, что въ моемъ поступкѣ нѣтъ ничего особеннаго, но, какъ оказывается, ошибался: потому, что иллюстрація и комментаріи до такой степени интересны, что я не знаю, какъ ужъ мнѣ и нужно поступать. Что-жъ они сказали бы, еслибы они все знали, что еще было? Напримѣръ, во время выставки, Совѣтъ въ полномъ своемъ составѣ явился покупать картину Шишкина, и тутъ же поднялась рѣчь о признаніи Шишкина и меня профессорами. Когда я узналъ объ этомъ, я написалъ письмо къ Исѣеву, въ которомъ просилъ его передать гг. членамъ Совѣта, внесшимъ это предложеніе, чтобы они взяли его обратно; въ противномъ случаѣ я принужденъ буду отказаться. Говорятъ, что была буря въ Совѣтѣ, такъ какъ предложеніе внесъ Іорданъ, письмо же мое Исѣевъ показалъ... Верещагинъ, Венигъ, Шамшинъ и прочая братія очень укушены этимъ обстоятельствомъ. Словомъ: Крамской, 6,000, профессоръ, сдѣлались притчей во языцѣхъ. Пища для сплетенъ обильная... Но это еще не все. N, будучи на выставкѣ нашей, былъ въ залахъ Академіи и X его началъ допрашивать, кáкъ ему понравилась моя картина (весь этотъ разговоръ слышалъ Z, такъ какъ онъ ходилъ съ N). N говоритъ, что въ его головѣ не вмѣщается идея о такомъ убитомъ Христѣ, какъ онъ у меня представленъ. Тогда X началъ пѣть, что вѣдь эта картина поѣдетъ по Россіи и вѣдь она будетъ разсѣевать сѣмена ереси и т. д. въ этомъ родѣ. N ничего не сказалъ, говорятъ. Кромѣ этихъ фактовъ, есть множество другихъ, не менѣе поучительныхъ, но Богъ съ ними.

Теперь я поведу рѣчь собственно о себѣ, то есть о картинѣ (а прежде о чемъ я говорилъ?) Въ настоящее время, я уже совершенно успокоился, я увидалъ ясно всѣ обстоятельства дѣла, и могу говорить почти какъ о постороннемъ предметѣ. Картина моя расколола зрителей на огромное число разнорѣчивыхъ мнѣній. По правдѣ сказать, нѣтъ трехъ человѣкъ, согласныхъ между собой. И странно, только теперь какъ будто даже сами зрители начинаютъ отдавать отчетъ себѣ, что̀ это такое. Съ начала выставки, зрители какъ будто не замѣчали ее, она такая сѣренькая; но чѣмъ дальше, тѣмъ больше, и только къ концу выставки у картины толпа горячится, разговариваетъ, жестикулируетъ; есть пріятели, которые озлились рѣшительно, и знаете—даже до помѣшательства. Ей-Богу не преувеличиваю. Что̀ ихъ такъ тревожитъ—не знаю, но думаю, что лично я для нихъ предметъ особенно ненавистный. Но за то, съ другой стороны, я былъ свидѣтелемъ такого впечатлѣнія, которое можетъ удовлетворить самаго гордаго и самолюбиваго человѣка. Однимъ словомъ—результатъ сверхъ моего ожиданія. Впередъ!..

Простите, голубчикъ мой, что такъ много занялъ мѣста такимъ предметомъ. Видите ли, какое пестрое письмо: одна бумажка—одного цвѣта, другая—другого, и что ни листъ, то новый цвѣтъ, точно Хамелеонъ—эмблема моей личности для другихъ. Но произошло это очень просто. У меня вся бумага почтовая вышла, а у Софьи Николаевны въ ящикѣ была эта, подарокъ Е. И. Иконниковой моей женѣ на память: цѣлый ящикъ съ письменными принадлежностями, гдѣ есть и бумага, но все разноцвѣтная. И вотъ я, волею или неволею, а долженъ показаться и вамъ Хамелеономъ. Ну что-жъ, пусть такъ и будетъ.

Теперь еще новость: Савицкому отказываютъ отъ конкурса, но на какомъ основаніи, какъ бы вы думали? На томъ — что онъ женатъ. Вотъ какъ! Узнавши объ этомъ, онъ пошелъ объясниться къ Исѣеву, и тотъ ему сказалъ, что это правда; кромѣ того, еще и за то, что онъ не исполнялъ будто бы всѣхъ постановленій Академіи,—не подавалъ эскизовъ въ третные экзамены, что онъ не сдавалъ словесныхъ экзаменовъ, и что онъ не рисовалъ въ рисовальномъ классѣ и не писалъ этюдовъ. Какъ вамъ это понравится? Когда Савицкій опровергъ всѣ взводимыя на него обвиненія, сказавъ, что женатъ онъ раньше, чѣмъ Академіи пришла идея сдѣлать это постановленіе, что рисовать и писать онъ не обязанъ какъ конкуррентъ, и что никогда этого не было, и что экзамены онъ и не сдалъ хотя, но какъ онъ въ 4-мъ курсѣ, то допустить его до конкурса должны все-таки, если допустили Рѣпина, который въ 1-мъ курсѣ по наукамъ,—то Исѣевъ въ заключеніе сказалъ: «Кромѣ того, вы принадлежите къ такому кружку, который критикуетъ всѣ дѣйствія Академіи». Вотъ оно куда пошло, не

смѣй быть знакомъ съ нами. Боже, какіе мы отверженные люди! Однако же, не смотря на это, Шишкина признали профессоромъ, и я очень радъ, что моя выходка не помѣшала ему, а онъ, кажется, очень недоволенъ былъ, полагая, что если устранили разсужденіе обо мнѣ, то пожалуй устранятъ и объ немъ. Я очень радъ за него.

Въ настоящее время собирается въ Академіи вѣнская выставка, пріѣхала ваша картина «Болото», которая у Третьякова, прошлогодняя конкурсная, и я долженъ сказать, что она опять на меня произвела впечатлѣніе охватывающее—такъ много въ ней какой-то тоскующей поэзіи... не думаете ли вы, что я вамъ замазываю? Это будетъ дурно. Кромѣ того много старыхъ вещей, хорошихъ и знакомыхъ уже, а новыхъ нѣтъ. Какую гадость прислали поляки. За то финляндцы просто молодцы! Одинъ изъ нихъ, кажется Томасъ—«Игру въ карты матросовъ» *)—обворожительно; другой, Линдгольмъ, пейзажистъ — въ родѣ Шишкина, хуже рисующій, но превосходящій за то поэзіею. Однакожъ, зачѣмъ я завелъ эту пѣсню? Вѣдь вы не увидите этихъ картинъ, а слова... ну ихъ къ чорту.

Вотъ что, дорогой мой, у васъ въ письмахъ стали опять попадаться вещи совсѣмъ ни съ чѣмъ несообразныя, напримѣръ: «Я съ необыкновенною быстротою лечу въ какую-то холодную бездну, и не знаю, что найду на днѣ ея»... Постойте, не думайте, чтобы я желалъ отъ васъ слышать только веселые и здоровые звуки, въ то время, когда вы растерзаны и почти разбиты (послѣдними обстоятельствами по поводу заказа), но, Боже, зачѣмъ это вообще—вотъ въ чемъ штука? Ей-Богу я вмѣстѣ съ вами говорю каждый разъ то же самое, и вы вѣроятно увидали изъ моихъ послѣднихъ писемъ, что я заметался, и все ходилъ вокругъ да около, и все-таки я думалъ, что здоровье ваше только лучше и лучше, и вотъ... т. е. не то, чтобы я полагалъ, что когда вамъ нехорошо, то здоровье поправляется, а вообще, что здоровье ваше наконецъ за чертой тревоги, и что хоть съ этой стороны можно успокоиться. Нѣтъ, воля ваша, а вы должны сдѣлать три вещи немедленно: во 1-хъ, отказаться отъ заказа—что́ бы тамъ ни было (холстъ вамъ посланъ), во 2-хъ, сдѣлать усиліе и (какъ говорятъ въ одномъ романѣ Диккенса его герои, не помню только въ которомъ), чтобы не раздражаться, хотя этотъ совѣтъ самый глупый, какой только я вамъ давалъ, и въ 3-хъ, немедленно заняться устройствомъ своей поѣздки въ Италію, но не такъ, какъ вы думаете, а просто, не говоря Григоровичу ни слова, извѣстить его о перемѣнѣ квартиры и чтобы деньги вамъ были высылаемы по новому адресу. По моему, это необходимо. Какъ въ самомъ дѣлѣ удобно давать совѣты: взялъ да и посовѣтывалъ. Сидишь да выдумываешь!! Хочется мнѣ заразиться вашимъ

---

*) Это картина Янсона: «Тузъ трефъ». *Ред.*

примѣромъ относительно восклицательныхъ знаковъ, но я понимаю, что и весь тонъ письма при этомъ долженъ быть восклицательный; а такъ какъ у меня слогъ нѣсколько крючковатый, то запятыя—самыя приличныя остановки.

И такъ, мы другъ другу не уступаемъ: вы не выѣзжаете изъ Ялты единственно для моего удовольствія—чтобы не лишить меня чтенія, я же не ѣду въ Ялту, опять-таки, по той же самой причинѣ. Знаете ли, что я въ Петербургѣ почти какъ въ деревнѣ, ни у кого не бываю, и у меня никто не бываетъ. Слѣдовательно, можете успокоиться относительно писемъ, я ихъ читаю охотно, мнѣ въ этомъ занятіи такъ же мало мѣшаютъ, какъ и вамъ. Кромѣ того, «невыносимый» тонъ вашихъ писемъ, съ теченіемъ времени и вслѣдствіе практики, получаетъ все лучшую и лучшую литературную форму. Право такъ. Идея прислать на мое имя картину, на конкурсъ, мнѣ нравится, тѣмъ болѣе, что я никакихъ покупателей въ виду не имѣю, а наслажденіе видѣть ваши картины не пріѣлось еще, такъ какъ ихъ не много (не все же вы будете писать скверныя и заказныя), и потому—смѣлѣй, не робѣя присылайте ко мнѣ. Я, обнюхавши ее всю сверху до низу, по крайней мѣрѣ получу отъ того самое полное понятіе, что̀ вы такое теперь, потому что я чувствую, ка̀къ вы ростете и развиваетесь, ка̀къ крѣпнетъ ваша мысль, ка̀къ, наконецъ, окончательно формируется характеръ и ка̀къ зрѣетъ въ васъ человѣкъ. Вѣдь все-таки два года ужъ скоро, какъ мы только пишемъ письма, — время для васъ большое и перемѣнъ много должно произойти, а я такой же, потому что въ моемъ возрастѣ перемѣна, подобная вашей, можетъ произойти только въ десятилѣтіе. Вы не знаете, съ какимъ я интересомъ и сердечнымъ трепетомъ ожидаю вашихъ картинъ (вотъ проболтался-таки). Но не думайте, ради Бога, чтобы я васъ наблюдалъ какъ зоологъ какое либо интересное явленіе, съ научными цѣлями; нѣтъ, у меня другое въ головѣ. Вы—точно часть меня самого, и часть очень дорогая, ваше развитіе—мое развитіе, ваша жизнь — отзывается въ моей; вы болѣете, и я не знаю, что̀ мнѣ дѣлать, и хотя я старше васъ, но это не мѣшаетъ мнѣ уповать, что я, не смотря на то, могу быть вашимъ товарищемъ. И такъ, дайте мнѣ вашу картину. Не знаю, но мнѣ кажется, что никто такъ не ждетъ вашихъ картинъ какъ я... Вотъ пошла зелененькая бумажка. Теченіе и цвѣтъ мыслей тоже должны перемѣниться. Въ глазахъ такъ спокойно, но неспокойно тамъ...

Вчера сидѣлъ у меня Иконниковъ, эта добродушная простота, вспоминали и разсказывали, и такъ все далеко какъ-то стало. Вотъ Васильевъ на портретѣ, смотритъ какъ загадочно, и хотя онъ «открытый инструментъ *)», но все-таки много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ я его ви-

*) Названіе, которое всегда давалъ Васильеву Крамской. *Ред.*

дѣлъ въ послѣднее время. Тысячи верстъ раздѣляютъ насъ, мы по прежнему говоримъ все, что придетъ въ голову, а между тѣмъ я чувствую ростъ этого мальчика, что-то онъ теперь? Дайте мнѣ посмотрѣть вашу картину. Что нибудь,—только пришлите. Я какъ будто увѣренъ, что я долженъ что-то увидѣть новое, мнѣ еще незнакомое, что выросло въ мое отсутствіе, признаки чего я ощущаю въ письмахъ, но не вижу глазами. Я какъ будто долженъ васъ найти взрослымъ человѣкомъ... Не обижайтесь, что я васъ считалъ молодымъ—молодость не есть порокъ. Я точно заглядываю въ свою собственную молодость... Это эгоизмъ, я знаю, но и эгоизмъ—человѣческое чувство—и когда онъ правильно въ человѣкѣ развитъ, онъ никому не вреденъ, а напротивъ въ этомъ эгоизмѣ лежатъ сѣмена гуманности... Куда только можетъ завести человѣка откровенность? Вѣдь въ сущности, что я написалъ? Потребуйте отчета, я и самъ не въ состояніи объяснить. А все оттого, что слово, хотя оно и всесильно, какъ говорятъ, но оно не образъ, только живопись даетъ реальность мысли. Еслибы этого не было—живопись не имѣла бы смысла.

Послѣзавтра, въ четвергъ 15-го, наша выставка закрывается и ѣдетъ въ Ригу!—Да-съ, къ нѣмцамъ, вы какъ объ насъ понимаете?—насъ просили. Позвольте, писалъ ли я вамъ, что Антокольскій вылѣпилъ Петра I-го, и писалъ ли еще, что статуя, не смотря на огромный талантъ, не совсѣмъ удалась, и про Петра его можно сказать словами какого-то поэта: «Какое хочешь имя дай своей поэмѣ полудикой, Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ Великій ее не называй». Если не писалъ, то пусть оно этимъ и ограничится. Но если что невозможно оставить такъ, не сказавши, такъ это появленіе картины... Микѣшина?!!!!.. Ась? вонъ оно куда пошло! Да еще какой, въ натуральную величину! То есть вотъ что... Ужъ если Микѣшинъ выступаетъ со своими произведеніями, тогда остается признать, что наше время—время передъ концомъ міра. Вообразите, малороссійская дѣвушка съ ребенкомъ на рукахъ и съ лопатой бѣжитъ въ сумерки куда-то. Сюжетъ изъ Шевченки, словомъ «Подъ вечеръ осени ненастной». И все это изображено въ натуральную величину. Ну, не правъ ли я, поставляя такимъ образомъ вопросъ?

Теперь, когда съ новостями покончено, я желалъ бы знать, всѣ ли получаете письма? Я вамъ писалъ письмо вслѣдъ за формою прошенія, а между тѣмъ не видно, чтобы вы его получили, потому что вы спрашиваете о вашемъ планѣ поѣздки вмѣстѣ на Востокъ и въ Египетъ. Я вамъ писалъ уже объ этомъ. Поѣздка моя такъ скоро быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно перечитать массу свѣдѣній, прежде чѣмъ ѣхать, искать и работать. Одно ясно, что поѣхать сперва нужно въ Италію, къ развалинамъ Помпеи, такъ какъ самый сюжетъ, т. е. сцена, происходитъ во

дворцѣ римскаго правителя Іудеи. Предстоящее же лѣто я проведу въ Воронежской губерніи, въ маѣ уѣду, и пробуду до половины сентября, а можетъ быть и дольше. Въ настоящее время я принялся за Спасовскія работы; кромѣ того пишу портретъ Валуева и началъ портретъ Наслѣдника Цесаревича, съ натуры, во весь ростъ. Это потому, что я написалъ портретъ графа Бобринскаго, говорятъ—хорошій. Все это, или по крайней мѣрѣ бо́льшую часть работъ, нужно кончить до мая. Не кончить ли? Искренно и глубоко васъ любящій И. Крамской.

Постойте, надо маленькую приписочку сдѣлать: не помните ли, гдѣ тотъ альбомъ вашъ, въ которомъ есть вашъ рисунокъ перомъ, помните тотъ, который вы мнѣ подарили? Лѣсъ, въ гору идущій, и еще тутъ бабы, все освѣщено солнцемъ и тѣни наносныя? У Ѵ. его нѣтъ. Я помню, однажды пересматривалъ, но не видалъ. Кстати объ немъ: знаетъ кошка, чье мясо съѣла, то-то онъ со мной утонченно (Ѵ. утонченно!) вѣжливъ съ нѣкотораго поръ, и какой-то заискивающій минорный тонъ. Я все думалъ: что́ бы это значило? Теперь понимаю: напакостилъ, и какъ будто не онъ. Вы полагали, что у него должна быть логика—да вѣдь она у него и осталась—право. А впрочемъ, какое же право онъ имѣетъ меня щадить, когда я его всегда съ первыхъ шаговъ знакомства игнорировалъ? Знакомство было недобровольное. Что мудренаго, что онъ наконецъ начинаетъ сердиться, такъ какъ видитъ, что отъ меня онъ не поживится портретикомъ. Ну, будетъ—гнусно. И. Крамской.

LVIII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 25-го февраля 1873 г.

А что, пожалуй завтрашній день, или послѣ завтра, я получу отъ васъ картину? Почти пора. Письмо сіе, какъ видите, «при сей вѣрной оказіи» посылается. Юноша ѣдетъ въ Крымъ, пейзажистъ, лечиться, ну самый подходящій человѣкъ, чтобы поскорѣе доставить «Самоучителя» французскаго языка, а то, пожалуй, не успѣю къ сроку. Понимаете ли вы всю соль сего послѣдняго моего самобичеванія? Не понимаете? Ну, тогда послѣ объясню, когда нибудь, при еще болѣе вѣрной оказіи. Вчера получили ваше письмо, и долго надъ нимъ хохотали; рядомъ съ этимъ я удостоился письма и отъ Антокольскаго, и такъ какъ письма эти были получены рядомъ, то какъ-то возможно было сравненіе... впрочемъ это послѣ... Вотъ приближается весна (что я напоролъ!); у васъ тамъ вѣроятно уже лѣто?—(вотъ это вѣрно пожалуй), — и слѣдовательно пора думать, что́, какъ и когда. Думаю, что въ началѣ мая я съ семьей уѣду изъ Петербурга въ Воронежскую губернію, даже въ Воронежъ самый, въ 7 верстахъ отъ го-

рода; мы устроимся опять колоніею. Вотъ бы хорошо было, еслибы кто нибудь пріѣхалъ изъ Крыма, въ томъ случаѣ, конечно, если это не помѣшаетъ здоровью. Я, собственно, не знаю, зачѣмъ вы поѣдете лѣтомъ въ Петербургъ: тамъ въ это время никого не будетъ, ни Григоровича, ни изъ вашихъ знакомыхъ въ Академіи: Рѣпинъ уѣзжаетъ заграницу, Савицкій... не знаю куда, только онъ уже не конкуррентъ, объ этомъ я писалъ, да и мы не будемъ. Полагаю, что лѣто проживемъ опять съ Шишкинымъ. Впрочемъ, навѣрное съ ними ничего нельзя сказать впередъ.

Замѣчаете ли, какое письмо невозможное? Что я ни начну писать, все ставлю точку, начинаю другое. Хотѣлось бы при вѣрной оказіи сообщить побольше, хотя я и не думалъ писать письма собственно какъ слѣдуетъ, а только поскорѣе написать хотя что либо, такъ какъ юноша ѣдетъ; вчера я объ этомъ узналъ и только сегодня утромъ рано пишу письмо. Писали ли вы письма въ 7 часовъ утра? И не то, что не спавши всю ночь, а утромъ вставши, но не выспавшись основательно? Вотъ я и пишу теперь такъ. Холодно утромъ въ комнатахъ — (это къ лѣту-то), еще не топили, рука скачетъ, икры озябли, въ головѣ разный хламъ, мальчишки просыпаются и болтаютъ, прислуга мететъ полы, и я оставляю письмо — ибо нельзя. Напишу послѣ—какъ хотѣлъ. Жалко бумаги, отдеру, ей-Богу отдеру, не для того, чтобы сдѣлать изъ нея употребленіе, а чтобы не было чистой бумаги: какъ-то думается, что̀ бы еще можно было сообщить хорошее? Больше, ей-Богу, ничего не могу писать—озябъ. И. Крамской.

LIX. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 27-го марта 1873 года.

Мой дорогой другъ. Вотъ я какой хваленый, до сихъ поръ не написалъ, а извѣстій куча, т. е. не то, чтобы ужъ очень большая, а все-таки есть кое-что. О преміи я писать не буду, ибо уже это вамъ извѣстно, но коечто сообщу. Первую вамъ дали, но я узналъ, что было много голосовъ за то, чтобы дать первую Орловскому. Ну, да чортъ ихъ побери — хорошо, что не выгорѣло. Уморительнѣе всего то, что въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ одномъ изъ фельетоновъ, было помѣщено анонимное письмо очень дурного тона о преміяхъ въ Обществѣ Поощренія Художниковъ и ихъ присужденіи, и хотя была крупица истины, но такъ подло и пошло написано, что всѣ узнали его автора тотчасъ же; въ-добавокъ онъ самъ себя выдалъ: приходитъ на постоянную выставку и говоритъ Борткову:—«Скажите, кто у васъ получилъ премію? Небось, дали обѣ преміи Васильеву?»— «Да развѣ это можно?»—«У васъ вѣдь все можно».—«Нѣтъ, получилъ вторую NN.». Случился тутъ же Шишкинъ. Х. ему и говоритъ:—«Вы, Иванъ

Ивановичъ, не подумайте, что это я написалъ статью въ газетахъ. Это не я, потому что написана очень глупо. Еслибы я захотѣлъ, я написалъ бы лучше, а это писалъ человѣкъ, который никакихъ дѣловъ не знаетъ». — «Ну, да я, признаться, говоритъ Иванъ Ивановичъ, подумалъ на васъ, потому вы любите писать анонимныя письма». Словомъ, съ появленіемъ этого человѣка, начинаются разныя штуки.

Затѣмъ другое дѣло, это уже посерьезнѣе. Вы его уже знаете, потому что Григоровичъ вамъ уже писалъ, вѣроятно. Вы помните, что я вамъ писалъ о вашей поѣздкѣ заграницу. Говорилъ съ Григоровичемъ, и писалъ вамъ, что я его устраню, если окажется надобность, и кромѣ того писалъ, что имѣю нѣкій планъ, относительно этого. Тогда собственно было вамъ писать объ немъ глупостью съ моей стороны, потому что вы встревожились и начали ломать голову, что̀ бы это было такое, и до такой степени занялись этимъ вопросомъ, что я даже удивился. Теперь, такъ какъ дѣло кончено уже (Григоровичъ поторопился), то я обязанъ вамъ сказать, чтобы не мучить васъ, хотя это дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ, это просто одно изъ тѣхъ добрыхъ намѣреній, которыми, говорятъ, вымощенъ адъ. Я вамъ писалъ въ утвердительномъ тонѣ, что вы поѣдете заграницу, потому что вся задача состояла въ уплатѣ долга, и я хотѣлъ въ рѣшительную минуту взнести его просто, такъ какъ вѣдь все равно. Тутъ время дорого, а они бы начали разводить бобы. Къ счастью, все сдѣлалось, какъ я думалъ, хотя такъ скоро, что я даже приготовиться не могъ. Напримѣръ, сегодня я говорилъ съ Григоровичемъ, а черезъ два дня былъ комитетъ, и Григоровичъ поставилъ этотъ вопросъ, и онъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что выдавать вамъ отъ сего мѣсяца по 150 р., впредь на неопредѣленное время, сколько нужно и сколько вы потребуете, только не безвозвратно, какъ я думалъ, а въ видѣ безсрочной ссуды, съ одной стороны потому, чтобы не отступать отъ принципа, а съ другой, какъ сказалъ Григоровичъ, чтобы не оскорбить и васъ; и, наконецъ, эта ссуда васъ ни къ чему не обязываетъ, — не то что на годъ, а на два, на три, на четыре, сколько вы найдете нужнымъ воспользоваться, и затѣмъ уплатите, когда вы захотите. Это тѣмъ болѣе имъ казалось нужно было сдѣлать такъ, чтобы и художники не опрокинулись бы на Общество, и чтобы ихъ можно было заставить замолчать, сказавъ, что вѣдь Васильеву отпускается въ долгъ. Все это мнѣ Григоровичъ говоритъ въ первый же четвергъ, послѣ моего съ нимъ разговора о вашей поѣздкѣ. Не знаю, какъ вамъ это покажется, но моего вмѣшательства здѣсь не было, и я нахожу, что они мало назначили, сравнительно съ тѣмъ, что̀ вы просили. Дорогой мой, я не знаю, какъ теперь съ этимъ быть, дѣло кончено и подписано, — я постараюсь узнать и прочесть подлинный протоколъ, и что̀ узнаю, вамъ сообщу. Когда

я говорилъ съ Григоровичемъ, я не зналъ, что вы хотите придать этому дѣлу видъ ссуды: я говорилъ о безвозвратной выдачѣ пенсіона; потомъ, когда я получилъ ваше письмо, я уже объ этомъ не настаивалъ, и теперь играю роль собственно только вѣстника. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы это не такъ было, но можетъ быть вы найдете возможнымъ, хотя это и трудно, я понимаю, ограничиться 150 рублями: 100 вамъ, и 50—мамашѣ. Извините, дорогой мой, что я считаю ваши деньги, но я не знаю, я какъ-то сконфуженъ, и потому, если вы напишете мнѣ какія либо инструкціи, то я буду знать, что мнѣ дѣлать. Сегодня я видѣлъ Григоровича, онъ мнѣ говорилъ, что Штейнбокъ былъ въ Ялтѣ, видѣлся съ вами, и была рѣчь о ширмахъ. Дорогой мой, бросьте это все, ради Бога. Чорта ли возиться съ этимъ, когда на очереди есть болѣе важное дѣло. Откажитесь, и шабашъ. Григоровичъ говоритъ, что можетъ быть еще ихъ и не нужно къ этому сроку; да еслибы и нужно было, то пускай онѣ проваляются, лучше работайте то, что нужно, и что вамъ прилично. Что же касается задатка, то вѣдь это вы всегда успѣете загладить, выславши картину. Право такъ. Я просто полагалъ бы такъ: взять все въ охапку, просто сѣсть на пароходъ, да во Флоренцію, въ Римъ, Неаполь, Палермо, Ниццу, Парижъ, Бразилію, или еще куда нибудь, ѣхать, ѣхать, ѣхать, бросить работу, такъ на полгода, посмотрѣть, развлечься. Ничто такъ не укрѣпляетъ нервы, какъ прогулки. Вы такъ засидѣлись, что я боюсь, не много ли ужъ вы комбинируете, какъ и что нужно сдѣлать.

Относительно Воронежа я вамъ опишу, какъ стоитъ дѣло. Одна дача въ 7-ми верстахъ отъ Воронежа уже совсѣмъ-было была нанята, но пришла телеграмма, чтобы задатокъ не высылать. Въ настоящее время, другая тамъ же, рядомъ съ прежнею, въ селеніи Рѣпномъ отдается, и я послалъ задатокъ 50 рублей. Не знаю еще, какая судьба постигнетъ мой задатокъ, но кажется это вѣрно. Чрезъ недѣлю буду знать. Домъ, въ которомъ 10 комнатъ, мы будемъ жить втроемъ: я, Шишкинъ и Савицкій; недалеко отъ насъ въ 2-хъ верстахъ или $1^1/_2$ верстѣ — Сталь. Теперь можно ли, и будетъ ли домъ гдѣ нибудь по близости, не знаю, это надо будетъ тамъ лично, на мѣстѣ, узнать.

Что же касается вашей раздражительности и какихъ-то особенныхъ условій, то меня это нисколько не пугаетъ, такъ какъ мы такъ долго угощаемъ комплиментами другъ друга, что разокъ—другой хорошей потасовки, я думаю, было бы недурно: это, говорятъ, укрѣпляетъ узы дружбы. Словомъ, какъ вы захотите, какъ вздумаете, куда направитесь, и, наконецъ, что для васъ полезнѣе, такъ пусть и будетъ. Я разсчитываю въ первыхъ числахъ мая перевезти семью въ Воронежъ, и если до того времени вы надумаетесь, я буду готовъ. Наконецъ, время есть. Что же касается загра-

ницы, то это опять-таки: когда хотите. Я потому такъ все пишу, что вѣдь въ сущности вы сами должны рѣшить это дѣло сообразно личному вкусу и необходимости. Григоровичъ мнѣ сообщилъ, что если мнѣ угодно, то онъ рекомендуетъ мнѣ обратиться къ казначею Чупину, и сказать, куда онъ долженъ высылать деньги, такъ какъ онъ, Григоровичъ, скоро уѣзжаетъ за границу. И такъ, пишите, что и какъ, и куда, и когда, и съ кѣмъ, и къ кому и т. д., все въ этомъ родѣ. Дурно ли, хорошо ли, браните или погладите по головкѣ, но дѣло, какъ видите, поставлено просто и ясно, хотя и неблистательно. Повторяю, я самолично убѣждусь, что и какъ оно тамъ написано въ протоколѣ.

Теперь объ Академіи. Съ недѣлю тому назадъ, узнаю — въ Совѣтѣ разсматривалось ваше прошеніе. Иду справиться, говорятъ, дали почетнаго вольнаго общника. «Хорошо. Зачѣмъ же это, говорю, а художника? Вѣдь онъ держать экзаменъ не можетъ, Академіи извѣстно, что онъ лѣчится, ему нуженъ паспортъ, а не профессорскій мундиръ». Иду къ Исѣеву: такъ и такъ говорю.—Да, говоритъ, правда... Я спрашиваю: А паспортъ ему будетъ? — Будетъ, говоритъ.—Я подумалъ, подумалъ, что съ нимъ подѣлаешь? и говорю: «Помните, Петръ Ѳедоровичъ, что вѣдь это очень важно, я вамъ говорилъ, почему и какъ».— «Какъ же, говоритъ, отлично помню. Можете написать Васильеву, что все, что̀ нужно, будетъ выслано: онъ можетъ быть спокоенъ». Однакожъ тутъ что-то неладно мнѣ показалось. Навожу справки, говорятъ: законъ. Чортъ знаетъ, что такое! Но оказывается, что протоколъ еще не подписанъ и что это не кончено, что разсужденія еще будутъ объ этомъ. Хорошо. Я сказалъ дѣло кое-кому изъ членовъ Совѣта и что будетъ рѣшено дѣло по сущей справедливости, а главное, сообразно съ здравымъ смысломъ; я, по крайней мѣрѣ, не теряю надежды; не знаю, какую силу убѣдительности это имѣетъ для васъ, но я пока спокоенъ. Что будетъ дальше, не замедлю (да, повѣрятъ мнѣ!) извѣстить.

Что касается вашихъ картинъ... (постойте объ ширмахъ, можно такъ: выслать только то, что́ готово—одну, двѣ, или три, а остальное Монигетти ухитрится заказать кому нибудь — ей-Богу! Идея! Подумайте, можетъ найдете пригоднымъ), то все, что̀ вы пишете, я совершенно увѣренъ былъ, что это такъ. Что жанръ — (быть можетъ) исключаетъ колоритъ — это я видѣлъ у многихъ художниковъ, т. е. у художниковъ настоящихъ: по мѣрѣ того, какъ они подымаются все выше и выше, они какъ будто бы утрачиваютъ колоритность, но это неизбѣжно—чѣмъ ближе къ правдѣ, къ природѣ, тѣмъ незамѣтнѣе краски. Да вѣдь это такъ и въ натурѣ, и если я сказалъ о краскахъ вашихъ въ послѣдней картинѣ, то вы, вѣроятно, пропустили смыслъ моихъ замѣчаній. Я именно говорилъ объ этомъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ солидныхъ вашихъ качествъ.

Рѣпинъ картину свою кончилъ, и я вамъ долженъ сказать, что картина хорошая вполнѣ. Право, не взирая на то нѣчто, объ которомъ мы съ вами говорили. Этого почти незамѣтно. Семирадскій привезъ картину «Грѣшница» (изъ поэмы Толстого). Таланту тьма. Картина въ 9 арш., производитъ впечатлѣніе ошеломляющее, долго не можешь владѣть разсудкомъ, хотя Христосъ съ Апостолами нѣсколько мизеренъ. Изъ этого вы можете заключить, что̀ это такое.—Крупныя новости художественныя всѣ исчерпаны.

Какъ я хохоталъ, еслибы вы только знали, получивъ ваше письмо — предисловіе: «этотъ птенецъ, недовольный одѣяломъ, имѣющій 2 р. 40 к. на комфортъ въ Ялтѣ, на цѣлые полгода; этотъ Максимовъ, находящій и такой капиталъ роскошью; этотъ путешественникъ іерусалимскій, совершающій свои поѣздки съ березовымъ полѣномъ» — это, я вамъ доложу, чудесно. Т. е. вотъ какъ: читалъ его Софьѣ Николаевнѣ и покатывались — ка̀къ, я не знаю какъ, давно уже не смѣялись такъ. Даже теперь вспоминаю—такъ меня и разбираетъ. Г-жѣ X ни за что не дамъ письма, успокойтесь. Она ѣдетъ съ Келлеромъ, который тоже пробирается въ Ялту, вотъ вамъ. Еслибы и не это, то и въ такомъ случаѣ не сдѣлалъ бы оплошности. Что̀ же касается птенца, то вѣдь это потому, что онъ оказался ѣдущимъ, и я самъ его просилъ передать посылку, это просто была оказія. Программу гимназіи, которую вы у меня просили, мнѣ все обѣщается принести учитель моихъ дѣтей (вотъ какъ! Ужъ и подростающее поколѣніе, съ будущаго года, пожалуй, пойдетъ въ гимназію, время летитъ). Недавно, т. е. мѣсяца два, какъ у меня занимается уже учитель. Самъ не могу больше — нѐкогда, т. е. какой чортъ нѐкогда, а лѣнь, да и не знаю, ка́къ для того требуется, дѣло простое. Оканчиваю Валуева, работаю Наслѣдника, приготовляю картины. Валуевъ выходитъ ничего себѣ, начинаю смекать живопись. Въ одномъ изъ писемъ вы какъ-то ходили вокругъ да около о моей живописи. Дѣло просто: мнѣ было бы чрезвычайно важно поработать вмѣстѣ съ вами, это можно сказать безъ обиняковъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше я вижу, что собственно о колоритѣ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Изо всѣхъ здѣсь живописцевъ, собственно Рѣпинъ дѣло смекаетъ настоящимъ образомъ, право такъ: я говорю о краскахъ. Вы не морщитесь, это вѣрно. Рѣпина, пожалуй, вы и не знаете. Не знаю, что̀ онъ сдѣлаетъ послѣ «Бурлаковъ», назадъ идти нельзя, а впередъ — сомнительно. Опять-таки относительно живописи. Нѣтъ, рѣшительно русская школа становится серьезною, ни больше, ни меньше. Ну, Господь васъ храни. Будьте здоровы. Пишите, что̀ и какъ, о заграницѣ. На ширмы плюньте.

Вашъ И. Крамской.

LX. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 28-го марта 1873 г.

Мой дорогой Өедоръ Александровичъ. Пускай это письмо будетъ на бланкѣ Товарищества: бумага такая тонкая, вложить въ конвертъ удобно, купилъ бумаги, но лубокъ. Наконецъ картина пріѣхала, сегодня получилъ повѣстку, и сегодня же успѣлъ сдѣлать все что нужно, а что̀ сдѣлалъ, увидите ниже. Но прежде всего надо поворчать: скажите, что у васъ за страсть такъ запаковывать картины, что пока откупоришь, то просто десять разъ выругаешься! Этихъ гвоздиковъ столько, что теряешься, зачѣмъ они попадаются даже на такія мѣста, гдѣ они никакой пользы не могутъ принести. Такъ и кажется, что вы сидите и заколачиваете ихъ съ какимъ-то наслажденіемъ сдѣлать скромному человѣку пріятность ожиданія не столь пріятною, чтобы всякій помнилъ бы и не забывалъ, что во всякомъ хорошемъ чувствѣ есть доля яду. Вотъ вамъ вмѣсто вступленія.

Прежде всего о картинѣ. Писать нужно много, долго, тронуть вопросы серьезные, быть можетъ болѣе серьезные, чѣмъ картина, но объ ней, все-таки, прежде всего. Вы уже знаете, какъ я ждалъ вашей картины, знаете, и почему я писалъ объ этомъ: что я встрѣчу новое, какъ-будто мнѣ незнакомое, но что-то важное, что́ бы мнѣ все объяснило. Я это предсказывалъ—и не ошибся. Я очень радъ, что не ошибся, т.е. собственно за себя радъ. Я, стало быть, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ понимаю явленія, угадываю ихъ гораздо раньше, чѣмъ они обнаружатся. Я правъ, и это наконецъ сообщаетъ моимъ предположеніямъ силу положительнаго убѣжденія, которое въ свою очередь даетъ основаніе для дѣла и поступковъ.

Картина ваша теперешняя и картина «Оттепель», написанная вами здѣсь еще, раздѣлена такой страшной пропастью одна отъ другой, что я изумляюсь ихъ разстоянію. Какъ въ той, такъ и въ другой, есть и достоинства и недостатки, но эти достоинства и эти недостатки такъ различны, что мнѣ большого труда будетъ стоить разсказать ихъ такъ, чтобы вы ясно поняли все, что я хочу сказать. Однакожъ попытаюсь. Отъ прежняго Васильева ничего не осталось, а между тѣмъ это все тотъ же. Я его узнаю, всматриваюсь и убѣждаюсь, что передо мною все тотъ же человѣкъ, только до такой степени новый, измѣнившійся, что мнѣ какъ будто страшно, что нужно вновь знакомиться, а знакомиться и сближаться въ моемъ возрастѣ дѣлается все труднѣе и труднѣе. Картина «Оттепель» такая горячая, сильная, дерзкая, съ большимъ поэтическимъ содержаніемъ и въ то же время юная (не въ смыслѣ дѣтства) и молодая, пробудившаяся къ жизни, требующая себѣ права гражданства между другими, и хотя рѣшительно новая, но имѣющая корни гдѣ-то далеко, на что-то похожая и, я готовъ

былъ бы сказать—заимствованная, еслибы это была правда, но все-таки картина, которая въ русскомъ искусствѣ имѣетъ видъ задатка. Настоящая картина — ни на что уже не похожа, ни кому не подражаетъ, не имѣетъ ни малѣйшаго, даже отдаленнаго, сходства ни съ однимъ художникомъ, ни съ какой школой. Это что-то до такой степени самобытное и изолированное отъ всякихъ вліяній, стоящее внѣ всего теперешняго движенія искусства, что я могу сказать только одно: это еще не хорошо, т. е. не вполнѣ хорошо, даже мѣстами плохо, но это — геніально. Постойте, дайте мнѣ все сказать, выслушайте спокойно, не смѣйтесь надъ этимъ словомъ. Я знаю, что я говорю. Подумайте только, что я говорю подъ страшной отвѣтственностью и своей и вашей совѣсти. Я могу увлекаться (мнѣ скажутъ)? Нѣтъ, я ужъ выросъ, я ужъ могу себѣ отдавать отчетъ во всемъ, что я говорю, и если я что либо рѣшаюсь говорить серьезно, то я имѣю причины къ тому. Богъ знаетъ, кто изъ насъ ошибается—это покажетъ время. И такъ, продолжаю. Картина теперешняя есть дальнѣйшее развитіе тѣхъ инстинктовъ, которые зашевелились въ прошломъ году въ картинѣ, тоже присланной на мое имя и тоже на конкурсъ, но и недостатки остались тѣ же. Если вы помните, что́ я вамъ тогда писалъ, то стало быть мнѣ объ этихъ недостаткахъ придется сказать не много, кромѣ того, что они немножко усилились. Теперь слушайте, что я скажу: я былъ заграницей, видѣлъ не много, правда, но все-таки кое-что уже видѣлъ, и могу судить. Потомъ. Я помню одинъ разговоръ, не помню лицъ, кто тутъ былъ, но ваши слова мнѣ памятны. Говорили, разбирали и спорили о пейзажистахъ. Вы, съ свойственною вамъ дерзостью, всѣхъ русскихъ пейзажистовъ услали въ каторгу, а объ Ахенбахѣ сказали, что только онъ одинъ еще какъ будто чего-то стоитъ, да и то, впрочемъ, ни онъ, ни кто другой изъ пейзажистовъ передъ натурою ни къ чорту не годятся. Умри вы на другой же день послѣ того, что́ вы сказали, и никому бы не пришло въ голову, что вы правы. Сказали бы только: какой онъ былъ хвастунъ. О себѣ я не говорю, и вотъ почему: я слишкомъ давно васъ наблюдаю. Когда нибудь я разскажу, что́ я думалъ, когда съ вами познакомился и даже кое-кому ронялъ слова изъ своихъ мыслей, которыя и были принимаемы съ худо скрываемой ироніей. Вы должны знать всю правду, чтобы отдать себѣ отчетъ, гдѣ вы стоите, куда зашли и въ силу этого, что́ сдѣлать обязаны. Картина ваша производитъ первое впечатлѣніе неудовлетворительное на меня, да вѣроятно будетъ его производить и на другихъ (почему—о томъ слѣдуетъ ниже), но чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше зритель невольно не знаетъ, что́ ему съ собой дѣлать. Ему слишкомъ непривычно то, что́ ему показываютъ, онъ не хочетъ идти за вами, онъ упирается, но какая-то сила его тянетъ все дальше и дальше, и наконецъ онъ, точно очарованный, теряетъ волю со-

противляться и совершенно покорно стоитъ подъ соснами, слушаетъ какой-то шумъ въ вышинѣ надъ головою, потомъ спускается, какъ лунатикъ, за пригорокъ, ему кажется недалеко уже лѣсъ, который вотъ-вотъ передъ нимъ; приходитъ и туда, но какъ хорошо тамъ, на этой горѣ, плоской, суровой, молчаливой, такъ просторно; эти тѣни, едва обозначенныя солнцемъ сквозь облака, такъ мистически дѣйствуютъ на душу, ужъ онъ усталъ, ноги едва двигаются, а онъ все дальше и дальше уходитъ, и наконецъ вступаетъ въ область облаковъ, сырыхъ, можетъ быть холодныхъ; тутъ онъ теряется, не видитъ дороги, и ему остается взбираться на небо, но это ужъ когда нибудь послѣ, и отъ всего верха картины ему остается только ахнуть. Вѣроятно не я одинъ это и сдѣлаю. И все-таки картина не удовлетворяетъ, т. е. не то что не удовлетворяетъ, а... я не знаю что. Видите, она точно чѣмъ-то завѣшена. Первый планъ, самый первый, ближе дороги, опять пожалуй хорошъ (нѣтъ, только недуренъ), но въ немъ немного требуется: больше грубости, силы, и не такъ гладко. Дорога въ свѣту не удалась, въ тѣни она не кончена, а быки съ телѣгой — зачѣмъ они? Право ихъ не нужно, эти быки меня преслѣдуютъ. И зачѣмъ они свѣтлые? Рѣшительно необходимо, чтобы тутъ были или рыжіе быки, или даже черные, или же выдвинуть ихъ на свѣтъ впередъ по дорогѣ, чтобы отъ нихъ были тѣни. Все же остальное, это я уже сказалъ. Я понимаю, что вся картина должна быть подернута чѣмъ-то, чрезъ что проходятъ еще неясные лучи солнца (задача, передъ которой придетъ въ трепетъ самый серьезный художникъ). Я понимаю, что разстояніе отъ ближайшаго придорожнаго обрыва до зрителя — огромное, и, стало быть, предметы не могутъ и не должны быть написаны ярко и сильно, и совсѣмъ грубо, но... все-таки немножко грубости необходимо. Весь первый пригорокъ, за дорогой налѣво, въ картинѣ опять хорошъ; немного некончено кажетъ на немъ кустарникъ налѣво къ рамѣ; но сосны, и затѣмъ все остальное, это что-то изъ ряду вонъ. Проживите вы еще 100 лѣтъ, работайте неослабно, не падая, а все идя впередъ, и тогда такое мѣсто въ картинѣ, какъ верхняя половина, будетъ достойна самаго большаго мастера. Внизу есть какая-то миніатюра, что-то опасное. Я указываю на это, подчеркивая, потому что тутъ скрывается вашъ новый врагъ. Старыхъ враговъ у васъ нѣтъ, помните наши бесѣды? Но новые — очень опасны. Мнѣ очень не понравилось, когда вамъ нужно было послать папье-пелэ. Я почему-то смолчалъ тогда, но теперь больше не могу. Я понимаю еще и то, что главная причина вашихъ теперешнихъ недостатковъ заключается въ страшномъ для васъ одиночествѣ, но... кромѣ того есть что-то, что связано органически съ вашимъ теперешнимъ процессомъ работы. Я все сказалъ о картинѣ, кажется, прибавлю только, что послѣ вашей картины, всѣ картины — мазня и ничего больше.

Вотъ вы куда хватили. Понимаете ли вы теперь, какъ важно для васъ самихъ, какая страшная отвѣтственность вамъ предстоитъ только отъ того, что вы поднялись почти до невозможной, гадательной высоты? Кромѣ того, ваша теперешняя картина, меня лично, раздавила окончательно. Я увидалъ, какъ надо писать. Какъ писать не надо—я давно зналъ, но еще собственно серьезно не работалъ до сихъ поръ, но ка́къ писать надо — вы мнѣ открыли. Это такая страшная и изумительная техника, на горахъ, въ небѣ, на соснахъ и кое-гдѣ ближе, что я стыжусь, что́ мнѣ иногда нравилось. Да-съ, я теперь иначе примусь. И полагаю, что я васъ понялъ. Замѣчаете ли вы, что я ни слова не говорю о вашихъ краскахъ? Это потому, что ихъ нѣтъ въ картинѣ совсѣмъ, понимаете ли, совсѣмъ. Передо мной величественный видъ природы, я вижу лѣса, деревья, вижу облака, вижу камни, даеще не просто, а по нимъ ходитъ поэзія свѣта, какая-то торжественная тишина, что-то глубокозадумчивое, таинственное— ну, кто же изъ смертныхъ можетъ видѣть какую либо краску, какой либо тонъ? При этихъ условіяхъ?

Картину беретъ Третьяковъ. Онъ признаетъ, что она лучше прошлогодней. Еще бы! Я долженъ сознаться, что это человѣкъ съ какимъ-то должно быть, дьявольскимъ чутьемъ. Ваша картина будетъ для меня теперь мѣркой людей. Вы, разумѣется, понимаете, что это не фраза. Есть вещи такого сорта, что если человѣкъ замѣчаетъ ихъ, значитъ имѣетъ право на названіе человѣка, въ противномъ случаѣ — животное и ничего больше.

1 апрѣля.

Былъ перерывъ. Сегодня «четвергъ», воротился съ него. Еслибы вы были теперь на четвергѣ, то вы были бы поражены тѣми перемѣнами, которыя и туда проникли и... не къ лучшему. Судьба всѣхъ (болѣе или менѣе) кружковъ и группъ, остающихся долго безъ обновленія. Ну, да это въ сторону, а дѣло въ томъ, что вашу картину уже видѣли и перетолковали во всѣ стороны. Я молчу, или почти молчу. Какъ будто до меня не касается. Одинъ говоритъ — «замучена», другой иронизируетъ: «Видѣли? Васильевъ-то! гмъ... Да-съ, это—регрессъ»...—Третій: А «знаете-ли, тамъ есть что-то хорошее, право, право, на горахъ»...— Четвертый: «Облака хороши, очень хороши»...— Пятый: — «Верхъ мнѣ нравится, а низъ антипатиченъ»!..—Шестой:—«Это олеографія»...—Седьмой:—«Мнѣ не нравится тонъ, точно шоколадъ»...— Восьмой:—«Картина рутинно сочинена»...—Девятый:—«Да, Васильевъ боленъ, это и въ картинѣ видно»... и т. д. и т. д. Словомъ, отзывы самые разнообразные. Но все-таки, если ихъ свести къ одному знаменателю, то получится почти то, что я сказалъ

выше, безъ тѣхъ, лично мнѣ принадлежащихъ взглядовъ, которые вы тоже уже знаете.

Не знаю, что вамъ напишетъ Григоровичъ, но—онъ ненадеженъ, ахъ какъ ненадеженъ! И все-таки придется еще имѣть съ нимъ дѣло. Ужъ сколько я говорилъ объ немъ, помните? А нѣтъ, оказывается, что онъ хуже, чѣмъ я думалъ. Былъ онъ у меня третьяго дня. Картины вашей еще не было, повѣстки не получалъ. Читалъ мнѣ ваше письмо, въ которомъ вы подняли просто и прямо вопросъ о вашей поѣздкѣ. Разумѣется, въ ужасѣ... т. е. такъ по наружности, все толковалъ о вашемъ долгѣ. Мнѣ, наконецъ, надоѣло, я и говорю: «Да что жъ тутъ, Дмитрій Васильевичъ, не понимать? Васильевъ спрашиваетъ только, пошлетъ ли Общество его заграницу, какъ оно обѣщало? Прежде ему не нужно было, а теперь онъ только напоминаетъ: «вы хотѣли меня послать заграницу — теперь мнѣ это необходимо, и я хочу воспользоваться великодушнымъ предложеніемъ Общества» — что-жъ въ этомъ особеннаго?» Онъ говоритъ: «Да вѣдь, Иванъ Николаевичъ, сколько долгу-то, вѣдь куда-жъ еще больше?» — «Позвольте, говорю, тутъ я вижу недоразумѣніе: я помню, что я былъ въ числѣ того жюри Общества, которое рѣшило, что это нужно, т. е., лучше сказать, Комитетъ Общества въ лицѣ вашемъ сказалъ намъ всѣмъ, что Общество намѣрено послать Васильева заграницу. Что же касается долга, то вотъ будетъ картина, которая можетъ быть получитъ премію, удержите ее въ уплату. Потомъ онъ еще кончитъ ширмы и пришлетъ или привезетъ самъ что нибудь, и все уплатитъ. Весь вопросъ въ томъ, намѣрено ли Общество сдержать свое слово, и притомъ не въ видѣ ссуды, а послать такъ, какъ оно посылало когда-то Брюллова, а въ новѣйшее время—Келлера».— «У насъ, говоритъ, нѣтъ этого положенія, было прежде, а теперь нельзя».— «Ну и чудесно — вотъ это-то, говорю, и нужно знать Васильеву; вотъ и напишите ему, что Общество не пошлетъ его заграницу. Что ему ѣхать заграницу необходимо — это очевидно, и я думаю, что если Общество не сдержитъ слова въ виду того, что быть или не быть Васильеву, то это дурно. О долгѣ безпокоиться нечего. Онъ его заплатитъ».— «Ну, разумѣется, тогда другое дѣло, говоритъ, тогда можно будетъ...» Фу, какая гадость — вотъ пишу-то! На другой день получилъ картину, приходитъ Третьяковъ, и мы рѣшили, что картина за нимъ за 1,000 рублей. Когда я привезъ картину Григоровичу и объявилъ объ этомъ, какъ онъ встревожился! «Ахъ, Иванъ Николаевичъ, что же это такое? Третьяковъ пусть въ такомъ случаѣ уплатитъ деньги за нее въ Общество». Я говорю: — «Потребуйте у него, разумѣется ужъ это ваше дѣло. Вы знаете, что у Васильева съ Третьяковымъ обязательство, что всякую картину прежде долженъ видѣть Третьяковъ. Онъ объ этомъ писалъ вамъ — вы это знаете, писалъ

онъ и мнѣ: какъ же я могъ иначе сдѣлать?» Какъ странно, что о дѣлѣ я пишу самымъ безобразнымъ образомъ, замѣчаете ли? Поняли ли что нибудь изъ всего, что я настрочилъ. Да все равно, будемъ продолжать. Теперь, когда я знаю, что̀ надо дѣлать съ спокойнымъ духомъ и безъ колебаній, я вамъ доложу слѣдующее по пунктамъ: 1-е. Если можете, успокойтесь, сядьте и работайте, сначала ширмы тамъ, или что̀ другое, потомъ высылайте сюда — къ Григоровичу. Это важно. 2-е. Заграницу вы поѣдете на чегъ Общества. Если къ началу мая вы пришлете что нибудь, кромѣ ширмъ, то ужъ одного этого будетъ довольно. 3-е. Въ Петербургъ вамъ ѣхать лѣтомъ въ такое время какъ вы назначаете, незачѣмъ — безполезно. 4-е. Если возможно — хорошо бы провести хотя часть лѣта вмѣстѣ. Гдѣ, я вамъ напишу обстоятельно въ свое время объ этомъ, это уже лично мнѣ было бы пріятно. У меня есть одинъ планъ — если вамъ будетъ знать необходимо — я сообщу пожалуй его; теперь же, пока, будемъ такъ говорить. Не смущайтесь, что я сказалъ, что вы заграницу поѣдете на счетъ Общества. Это можетъ быть такъ же вѣрно, какъ и то, что всякая ночь смѣняется утромъ. Если черезъ мѣсяцъ нужно будетъ устранить Григоровича отъ этого дѣла — я устраню. Посмотрю, что онъ будетъ пѣть завтра, послѣзавтра, чрезъ недѣлю, чрезъ двѣ, а потомъ устраню. Не безпокойтесь, мой дорогой, я не сдѣлаю ничего безъ вашего вѣдома, въ ущербъ вашимъ отношеніямъ къ кому бы то ни было. Вы все будете знать. Извините за загадки, этого не слѣдовало бы, да дѣло въ томъ, что тутъ и загадокъ-то почти нѣтъ. Я просто, пока, сообщаю вамъ мое глубокое убѣжденіе, основанное на различныхъ фактахъ и наблюденіяхъ, что вы заграницу поѣдете, когда сочтете это нужнымъ, — раньше ли августа, или въ августѣ — все равно; я даже скажу — если вамъ можно будетъ устроиться ѣхать въ маѣ или іюнѣ, то напишите, и я вамъ отвѣчаю, что поѣдете. Ради самаго Бога, вы только не мучьтесь сомнѣніями по поводу этого предмета. Вы пишете, что поѣздка заграницу можетъ блистательно лопнуть. На чемъ основано ваше мнѣніе — я не знаю, то есть я знаю, но для меня это неубѣдительно. Конечно, мои основанія для васъ еще менѣе убѣдительны, но я сижу здѣсь и вижу все, осязаю такъ сказать, а вы—тамъ за 2,500 верстъ, и притомъ находитесь въ положеніи, которое исключаетъ необходимое спокойствіе при обсужденіи переплетающихся обстоятельствъ. Я, по тому же самому, какъ посторонній человѣкъ, могу хладнокровнѣе обсуждать и дѣлать выводы. И наконецъ, разъ допустивши меня къ участію въ вашихъ интересахъ, теперь уже невозможно меня выбросить или устранить отъ вмѣшательства, не запутавши дѣла еще больше, а потому надо дѣло вести такимъ образомъ, какъ оно началось. Вы его начали хорошо, такъ и продолжайте, т. е. переписку съ Григоровичемъ. Григоровича что̀ колетъ — вы знаете —

это Третьяковъ. Но такъ какъ съ Третьяковымъ можно считать дѣло конченнымъ, т. е. почти конченнымъ: я говорю это по поводу долга, вы ему должны около 1,200 рублей, остается бездѣлица—слѣдовательно, одного уже нѣтъ, хотя этого человѣка я никогда не принималъ серьезно за помѣху передъ Обществомъ. Это все Григоровичъ раздулъ. Остается, стало быть, долгъ Обществу, но... право же это мнѣ кажется даже забавнымъ. Вѣдь въ сущности долгъ этотъ не такъ великъ... Однакожъ, знаете, что я, точно Нецвѣтаевъ, считаю деньги въ чужомъ карманѣ. Становится неприличнымъ. Но, чтобы кончить съ этимъ, говорю въ послѣдній разъ:— вы поѣдете заграницу на счетъ Общества. Одно, въ чемъ я не увѣренъ, это въ томъ, чтобы дали все то, что вы просите; по всей вѣроятности предложатъ меньше; ну ужъ съ этимъ я не знаю какъ быть. Тутъ я ничего не могу сдѣлать. Что же касается остальнаго, то повторяю въ сотый разъ: это будетъ. Я убѣжденъ — и кончено. Мнѣ бы хотѣлось сообщить и вамъ ту же силу убѣжденія, слѣдствіемъ чего была бы та доля необходимаго спокойствія, въ которомъ вы такъ нуждаетесь, и которое вамъ такъ настойчиво рекомендуется и докторами, и мною, и всѣми благопріятелями, и даже врагами. Неужели же въ виду такого единодушія вы останетесь непреклонны и не успокоитесь? Это съ вашей стороны будетъ равно неблагодарности и жестокости сердечной, такъ вамъ несвойственной, и проч. и проч. Вы имѣете слѣдующихъ конкуррентовъ: Шишкинъ, — штука больше чѣмъ неважная, такая, какихъ у него было много во время оно; Орловскій — итальянскій пейзажъ, Средиземное море — не дурно, даже хорошо, но грубо, дерзко и малевано. Софья Николаевна говоритъ, что сюжетъ картины Орловскаго — на морѣ овинъ горитъ. Клеверъ — сжатое поле, вечеръ, подаетъ надежды, краски хорошія, Григоровичъ одобряетъ. Волковъ — утро въ окрестностяхъ Петербурга, понемногу выправляется, и теперешній пейзажъ — лучшій изъ его работъ. Куинджи — не знаю что, Экгорстъ — вы знаете; Маковскій, Николай — и знать ненужно; Саврасовъ — будто-бы зима, но не дурно. Резановъ... Ну ужъ это, батюшка, увольте... Вотъ кажется и все. Нѣтъ, еще какой-то москвичъ безнадежный. Если взять все въ совокупности, то конкурсъ даже людный, кому дадутъ премію и какую, сказать нельзя — т. е. я не берусь, хотя знаю, которая лучше всѣхъ. Въ числѣ присуждающихъ я не буду: кто имъ больше понравится, предсказать трудно. Обо всемъ подробно, разумѣется, дамъ обстоятельный отчетъ. Изъ жанристовъ никто особенно не выдѣляется, хотя есть и Перовъ. Онъ становится очень грубымъ и слишкомъ развязнымъ.

Савицкому совсѣмъ отказали отъ конкурса, по причинамъ, уже изложеннымъ мною въ прежнемъ письмѣ; причины такого сорта, которыя можно

поставить въ вину скорѣе Академіи. Тутъ не нужно никакихъ объясненій. Послалъ я вамъ съ юношей однимъ книжку «Самоучитель». Конечно, вы ее уже получили, такъ какъ сей птенецъ мнѣ неизвѣстенъ, а вы его узнаете, и можетъ быть будете видаться. Сообщите, что̀ онъ такое, если найдете что либо въ немъ другое, кромѣ толстыхъ губъ и очковъ. Въ началѣ лѣта (крымскаго лѣта) пріѣдетъ въ Ялту г-жа NN, художникъ, знаете-ли ее? Птица глупая нѣсколько, много о себѣ думающая, больше по инстинктамъ земная, чѣмъ небесная; вѣроятно, она къ вамъ явится, и даже можетъ быть привезетъ отъ меня письмо, хотя я отъ этого постараюсь уклониться. А впрочемъ, зачѣмъ же? Да это еще увидимъ.

По поводу Третьякова: прошлый годъ за вашу картину я назначилъ ему 1,000 рублей, ссылаясь, какъ вы знаете, на то, что цѣна эта будто бы назначена вами. Онъ не зналъ, что я самъ долженъ былъ назначить цѣну. Затѣмъ, онъ, кажется, писалъ вамъ еще, что ему кажется цѣна эта выше нормальной. Въ этотъ разъ, въ разговорѣ, онъ это припомнилъ, и говоритъ мнѣ, что такъ какъ въ прошломъ году та картина была вамъ заплачена дороже, то сколько эта будетъ стоить? Я ему говорю: «Если въ прошломъ году, сто, можетъ быть даже двѣсти рублей, и можно было бы уступить, но въ виду исключительнаго положенія Васильева это было бы несправедливо. Что же касается этой, то мое мнѣніе—нормальная цѣна ей около 900 р., и то только потому, что въ ней есть такіе недостатки. Не будь этого, цѣна ей дороже (т. е. я этого не сказалъ, а сказалъ просто, что гораздо дороже). Но я, какъ довѣренное лицо Васильева, нахожу естественнымъ продать ее дороже, и назначаю 1,000 рублей, что̀ по моему будетъ и справедливо». Хорошо. Онъ согласился. Объ этомъ онъ и просилъ меня написать вамъ, т. е. что онъ все-таки считаетъ, что какую-то сотню, другую, онъ вамъ переплатилъ. Я обѣщался, что̀ и исполняю. Вотъ какой у васъ адвокатъ. Что касается денегъ — плохъ, какъ видите. Но въ свою очередь и я припомнилъ, что «Зиму» онъ купилъ ниже нормальной цѣны. На томъ и разошлись. Охъ, ей-Богу, дѣло какъ будто не совсѣмъ чистое. Чортъ его знаетъ, не вздумаетъ ли онъ на это опираться впослѣдствіи. Что-жъ, пусть опирается, а я назначилъ, какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, по 1,000 р. за картину. Онъ ее купилъ, стало быть о чемъ тутъ еще толковать? Вы— какъ знаете, а мое мнѣніе: ему и виду подавать не слѣдуетъ, что дѣло продажи можетъ быть перерѣшаемо. По крайней мѣрѣ я, съ моей стороны, та̀къ буду дѣйствовать, еслибы обстоятельства того потребовали. Не смотря на то, что Третьяковъ въ существѣ своемъ купецъ, онъ все-таки человѣкъ ничего—дѣло съ нимъ имѣть можно.

Прибавить вамъ развѣ нѣсколько сплетенъ? Впрочемъ, ну ихъ къ чорту! Вѣдь вотъ, когда письмо нужно кончить, оказывается, что я какъ

будто что-то не написалъ? какой-то существенный вопросъ остался нетронутымъ. Который? Ей-Богу не знаю, а чувствую, что уползло что-то. Что-то объ картинѣ, что-то о будущности, о моихъ и вашихъ чувствахъ, и... какая-то тоска, чортъ знаетъ, что такое? И что еще нужно? Вѣдь картину я видѣлъ, вѣдь мнѣ теперь все ясно? А между тѣмъ недостаетъ чего-то. Должно быть, какъ тамъ ни толкуй, а письмо все-таки не слово. Рѣшительно не могу объяснить себѣ, что̀ еще нужно. Точно жаль отправлять письмо, точно я увидался съ вами на желѣзной дорогѣ, нечаянно, и нужно опять сѣсть въ вагонъ и—въ разныя стороны! И въ какое же время? Когда я, я ѣхалъ къ вамъ въ Крымъ, или нѣтъ—не въ Крымъ, а въ Хотень, а вы выѣхали оттуда по какимъ-то своимъ дѣламъ въ Петербургъ. Вѣдь это странно? Не правда ли? Вотъ теперь, точь-въ-точь такое-же чувство, какъ на станціи Новоселкахъ. А я хотѣлъ много писать, очень много. Картина ваша теперь опять для меня какъ-будто сфинксъ — смотрю долго, долго, и какъ будто понимаю, и какъ будто нѣтъ. Сначала опять, какъ и въ первый разъ, что-то туманное, почти мистическое, чарующее, точно не картина, а во снѣ какая-то симфонія доходитъ до слуха оттуда, сверху, а внизу на землѣ, гдѣ предметы должны быть реальны, какой-то страдающій и больной человѣкъ. Рѣшительно никогда не могъ представить себѣ, чтобы пейзажъ могъ вызывать такія сильныя ощущенія. Да, дай Богъ намъ и увидаться и работать вмѣстѣ, т. е. рядомъ, въ смыслѣ и простомъ, и переносномъ. А теперь, Господь съ вами. Успокойтесь и спите спокойно. Все-таки спасибо за картину. И. Крамской.

LXI. Къ П. М. Третьякову.

3-го апрѣля 1873 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что пишу на бланкѣ, бумаги другой подъ руками нѣтъ. Портретъ Кольцова на Святой недѣлѣ кончу. Портретъ Грибоѣдова началъ только что. Каратыгинъ мнѣ сообщилъ кое-что; думаю, что онъ мнѣ будетъ полезенъ совѣтами; у него оказалось матеріаловъ немного, но кое-что есть: — его, Каратыгина собственноручный рисунокъ акварельный на кости, которымъ онъ меня любезно снабдилъ. Картины Гѐ и Перова доѣхали какъ сюда, такъ и въ Ригу, благополучно совершенно, и нѣмцы въ большомъ удовольствіи. Послѣднее извѣстіе больше недѣли тому назадъ очень утѣшительное — по 500 человѣкъ бываетъ въ день. Изъ Риги выставка проѣдетъ въ Вильно непремѣнно. Мы уже имѣемъ тамъ помѣщеніе и городъ знаетъ, что выставка пріѣдетъ. «Майская ночь» тамъ же.

Теперь о Васильевѣ: третьяго дня я получилъ отъ него письмо, въ ко-

торомъ онъ выражаетъ намѣреніе просить у васъ денегъ, такъ что я это знаю и письмо для меня не было новостью. Но около недѣли или болѣе того, я узналъ новость собственно очень грустную. Недавно пріѣхалъ изъ Крыма Штейнбокъ-Ферморъ, который заходилъ къ Васильеву и видѣлъ его, видѣлъ въ такомъ положеніи, что Васильевъ едва ли проживетъ это лѣто. Уже поздно. Я думаю, что и заграницу ему ѣхать уже поздно. Не смотря на то, онъ, едва держа кисть, все-таки работалъ ширмы. Штейнбокъ, видя такое положеніе, посовѣтовалъ оставить, на томъ будто бы основаніи, что великій князь заграницей, и едва ли будетъ въ Петербургѣ въ то время, къ которому заказъ долженъ быть конченъ. Васильевъ послѣ отъѣзда Штейнбока телеграфировалъ Григоровичу: можно ли отложить ширмы? А между тѣмъ Штейнбокъ былъ уже здѣсь. Ему отвѣчали, разумѣется, что можно, что великаго князя нѣтъ и неизвѣстно, когда будетъ. Кромѣ того, Общество, частью по моей просьбѣ, рѣшило послать его немедленно заграницу, не дожидаясь уплаты долга вполнѣ. Но я ужъ и не знаю, чтó изъ этого будетъ. Васильевъ умираетъ, долго ли онъ протянетъ, Богъ знаетъ, но я думаю, что не очень. Слѣдовательно, если вы ему пошлете деньги, то ужъ это будетъ безвозвратно, на уплату и работу съ его стороны разсчитывать теперь уже нельзя. Два послѣднихъ письма, которыя я отъ него имѣю, такого безпорядочнаго тона и содержанія, что не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно разстройства его умственныхъ способностей, чтó всегда бываетъ съ чахоточными. Такая горячка, такая лихорадочная разбросанность, такое страшное порываніе куда-то уйти, что-то сдѣлать и отъ чего-то освободиться, что теперь съ нимъ нужно только осторожно обходить всякіе вопросы и дожидаться, когда онъ закроетъ глаза.

Вы видите, Павелъ Михайловичъ, что я даже и посовѣтовать ничего не могу. Говоря по совѣсти, деньги посылать не слѣдуетъ. Долги его въ Ялтѣ, вѣроятно, могутъ быть покрыты оставшимися работами, и, не смотря на то, все-таки еще останутся. Ей-Богу не знаю, какъ тутъ быть. Что же касается его переѣзда въ Воронежъ, то это было давно въ предположеніи, теперь, разумѣется, нѣтъ объ этомъ и рѣчи. Онъ хотя и говоритъ, но докторъ его не пуститъ, и ему остается только бросить работу, чтó онъ кажется и сдѣлаетъ, судя по его письму.

Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ остаюсь И. Крамской.

LXII. Къ Ѳ. А. Васильеву.

С.-Петербургъ, 10-го апрѣля 1873 г.

Въ этомъ письмѣ не будетъ ни одного раза употребленъ эпитетъ: дорогой мой Ѳедоръ Александровичъ, кромѣ уже написаннаго. Чтó съ вами?

Чтò такое вамъ лѣзетъ въ голову? Какъ это «дорогой по цѣнѣ?» Чтò это значитъ, я въ толкъ не возьму, и что такое «уже начинается?» Если говорить, такъ все говорить, или ужъ и начинать не надо. Признаюсь, мнѣ такого рода туманныя пятна не понятны. Не разъясните ли? Письма дѣйствительно не писалъ къ вамъ около трехъ недѣль, но давно уже какъ послано — вы должны были его получить, и если не получили, то... признаюсь! Въ немъ я писалъ вамъ и о Григоровичѣ, и о вашей поѣздкѣ заграницу, о Воронежѣ, словомъ, дѣла всѣ текущія были на-лицо, и какъ могъ—обстоятельно. Вотъ будетъ штука, если и въ самомъ дѣлѣ письмо не дошло, между тѣмъ какъ ваше, посланное 3-го апрѣля, я получилъ, какъ видите, 10-го, это чрезвычайно исправно, даже удивительно. А между тѣмъ тамъ, у васъ въ Ялтѣ, кажется, никто такой не живетъ, для котораго ускоряется почта. Прежде бывало не такъ: хорошо, если на 11-й или 12-й день получишь. Ну, да это въ сторону: хорошая или дурная, а все же почта, спасибо и за эту. Впрочемъ, не особенно спасибо, если вы письма не получили, такъ какъ писать въ другой разъ — не знаю какъ. Вы напишите, Христа ради; если не получите, я повторю. Григоровичъ уѣхалъ уже заграницу — чортъ этакой, исчезъ. Надо розыскать Чупина, чтò за штука такая, не знаю. Воронежская губернія не ушла-таки. Мы ѣдемъ, когда, объ этомъ напишу. Только чортъ его знаетъ, какъ все слагается. Полагалъ, что поѣдемъ всѣ вмѣстѣ, а между тѣмъ, Шишкинъ неизвѣстно когда выберется; говоритъ, дай Богъ въ іюнѣ, Савицкій тоже не рано, одинъ я, полагаю, выѣду раньше другихъ. Дача нанята заглаза, разумѣется, и кажется не хватаетъ мебели и посуды; нужно будетъ все это изъ Воронежа перетащить. Правда, недалеко, въ 7-ми верстахъ, а все-таки. Дача Глаголевой, въ Рѣпномъ (селеніе), около Воронежа, домъ помѣщичій. Пишите, какъ и чтó докторъ, пускаетъ ли васъ; тогда я, по пріѣздѣ туда, уже лично найду, что нужно для васъ. Заживемъ. А птенецъ, о которомъ вы пишете, мнѣ не казался плохимъ, онъ даже и не кашлялъ, когда я его видѣлъ у Рѣпина, какъ же это онъ такъ? Что-то ужъ очень скоро. Не удивляйтесь, мой хорошій, если къ вамъ пріѣдетъ все-таки NN; въ послѣдній разъ, на четвергѣ, она объявляетъ, что ѣдетъ на Ѳоминой, то чтобы я приготовилъ письмо къ вамъ, за которымъ обѣщалась явиться.

Теперь надо вамъ сообщить о самой свѣжей новости Петербурга—картинѣ Семирадскаго: «Грѣшница», изъ поэмы А. Толстого. Помнится, что я уже упоминалъ объ ней, и если не особенно распространялся, то виноватъ, значитъ не предугадалъ ея значенія для нашей публики. Дѣло въ томъ, что со времени Брюллова, говорятъ, не было такой картины. Между тѣмъ, Христосъ такая ничтожная личность, что для него ни одна грѣшница не раскается, да и сама грѣшница не изъ тѣхъ, которыя бросаютъ разве-

селую жизнь. А между тѣмъ, отъ картины сходятъ съ ума. Надо объяснить вамъ хотя сколько-нибудь это явленіе. Картина написана такъ дерзко и колоритно, въ смыслѣ подбора красокъ (а не органическаго колорита), такъ сильно по свѣтотѣни, и такъ много въ ней внѣшняго движенія, эффекта, что публика просто поражена. Изъ этого видно, что картина недюжинная, и вашъ покорнѣйшій слуга былъ около 20 минутъ подъ впечатлѣніемъ картины. Она производитъ въ первый разъ импонирующее впечатлѣніе, и хотя вся фальшь видна съ перваго раза, но критика молчитъ, такъ велика сила таланта. Талантъ этотъ не изъ тѣхъ, которые незамѣтно входятъ въ интимную жизнь человѣка, сопровождаютъ ее всегда, и чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлаются все необходимѣе; нѣтъ, этотъ налетитъ, схватитъ, заставитъ разсудокъ молчать, и потомъ вы только удивляетесь, кàкъ это все могло случиться. Нѣтъ, мы все еще варвары. Намъ нравится блестящая и шумная игрушка больше, чѣмъ настоящее человѣческое наслажденіе.

11-е апрѣля.

Видѣлся съ Бортковымъ, и узналъ о Чупинѣ слѣдующее: что онъ кассиръ, и что Общество положило выдавать съ 15-го августа, или когда вы потребуете, по 150 рублей, и за первые три мѣсяца можете получить впередъ, а также впрочемъ и всегда будетъ происходить, за каждые 3 мѣсяца вы будете получать по 450 рублей. Лучше это, или хуже, не знаю, но иначе пожалуй нельзя, такъ какъ переводъ заграницу каждый мѣсяцъ дѣлать неудобно, пожалуй. Срокомъ поѣздки располагаетъ не Общество, а вы всецѣло, и если бы не только въ теченіе перваго года не прислали ничего на выставку, но и другой годъ, то тоже ничего. Словомъ, съ этой стороны это хорошо совсѣмъ, по-моему. Общество, говорятъ, не хотѣло отступить отъ принципа и выдавать безвозвратно. Но вѣдь чортъ его знаетъ, этотъ принципъ, хорошо это или худо? Со стороны респектабельности джентльменовъ, засѣдающихъ въ Обществѣ, хорошо безспорно, но... мнѣ-то оно почему-то не нравится, и я—было такъ и дѣло тронулъ, когда заговорилъ съ Григоровичемъ, а тутъ получаю отъ васъ письмо, въ которомъ вы просите Общество (т. е. думаете просить) ссудить вамъ на поѣздку заграницу. Я и не зналъ собственно, какъ быть, и не настаивалъ уже о безвозвратной посылкѣ, а предоставилъ дѣло разсмотрѣнію просто. Но, какъ писалъ вамъ уже, никакъ не ожидалъ, чтобы все это сдѣлалось въ какихъ-нибудь два, три дня. Оказалось, что въ Обществѣ было общее собраніе. Больше писать объ этой матеріи не знаю чтò, такъ какъ не знаю вашихъ мыслей.

Относительно вашего званія почетнаго вольнаго общника, я совѣтую сдѣлать опять запросъ въ Академію и просить выдать вамъ званіе, ка-

кое бы то ни было, а въ почетномъ званіи вамъ нѣтъ никакой надобности (да оно и не даетъ ничего, какъ я узналъ), и потомъ, какъ это ни непріятно для васъ, можетъ быть, я все-таки совѣтовалъ бы вамъ написать великому князю Владиміру Александровичу, въ формѣ письма, съ просьбой войти въ ваше положеніе и дать вамъ паспортъ...

Кромѣ того, я говорилъ Н. Н. Гè, чтобы онъ поднялъ опять вопросъ о вашемъ званіи, такъ какъ, оказывается, журналъ еще не подписанъ, а слѣдовательно и можно еще перерѣшить. Несмотря на то, я думаю, что все-таки не лишнее будетъ написать великому князю. Какъ глубоко должно быть для васъ непріятна вся эта исторія! Вы не повѣрите, какъ возмущаетъ Академія своими законными стремленіями, послѣ 15-ти лѣтняго беззаконнаго поведенія, да что я говорю 15-ти лѣтними: всю жизнь свою она была великой грѣшницей и вдругъ желаетъ исправиться. Послушайтесь меня, голубчикъ мой, напишите письмо великому князю, я убѣжденъ, что будетъ сдѣлано все, какъ вы желаете. Вы не покачивайте головой, тутъ есть доля правды. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, нельзя же такъ поступать наперекоръ всякому здравому смыслу.

У насъ все пока слава Богу: мальчишки учатся и не слушаются, Софья Николаевна хвораетъ какъ всегда, я ничего путнаго не дѣлаю и бью баклуши, да и чортъ его знаетъ, что̀ со мной сдѣлалось—какъ-то, не сегодня-завтра, не завтра такъ послѣзавтра, что нибудь сдѣлаю, и такъ дальше, все думаю, думаю, и ни за что не принимаюсь. И откуда я получилъ репутацію человѣка работящаго? Я думаю, только оттого, что у насъ нѣтъ людей дѣйствительно работящихъ.

А какъ вы полагаете, будемъ ли мы что нибудь значить въ Вѣнѣ? Я думаю — не много, а если будемъ, то, значитъ, уровень искусства заграницей хуже нашего, потому что они уже работаютъ цѣлыя столѣтія, тогда какъ мы едва въ колыбели. Увидимъ. Путешествіе на Востокъ право состоится, и знаете когда? Вѣроятно, около будущей осени 74 года, право. Ѣдутъ еще Гунъ и Громме. Этого господина вы не знаете, разумѣется, а это художникъ, и хорошій, и считается русскимъ. Ну, да хранитъ васъ Господь Богъ, поправляйтесь, и пишите, что̀ и какъ относительно Воронежа. Приблизительно мы выѣдемъ около 15-го мая. Вотъ я такъ подло пишу, едва ли разбираете. Вашъ И. Крамской.

LXIII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 19-го апрѣля 1873 г.

Мой родной Ѳедоръ Александровичъ. Простите мое недостоинство вообще, и относительно совѣтовъ въ частности. Вѣдь, ей-Богу, когда полу-

*

чишь этакую цыдулочку, въ которой повѣствуется, что и бокъ болитъ, и грудь болитъ, и силенки-то нѣтъ, то волей-неволей начинаешь совѣтовать; такъ ужъ человѣкъ устроенъ — посовѣтовалъ — ну какъ будто и долгъ свой исполнилъ, да и какъ удержаться? Дѣло доброе, а ничего не стоитъ, соблазнительно! Я, впрочемъ, не такъ ужъ недостоинъ со своими совѣтами — вы пишете, что нездоровы, а между тѣмъ ширмы у васъ на совѣсти, вотъ я и думаю: къ чорту ихъ, за это время можно что-нибудь другое сдѣлать, болѣе симпатичное, и получить то же самое, можетъ быть. Вы говорите: нельзя вамъ безъ ширмъ. Что вамъ онѣ нужнѣе, чѣмъ..... вижу, ясно вижу, да вѣдь обидно-жъ! Въ самомъ дѣлѣ, какъ не выругаться, и потомъ вотъ что, мой дорогой: принимайте все-таки мои совѣты и замѣчанія заурядъ съ прочими, потому что и мои столько же въ сущности стоятъ, какъ замѣчанія и совѣты другихъ. Потому, разговоры одни, дѣломъ никто вамъ не поможетъ. Ну скажите, развѣ есть какой-нибудь прокъ изъ того, что кто-то васъ любитъ, жалѣетъ, думаетъ объ васъ и мучится? Чѣмъ такой человѣкъ вамъ будетъ полезенъ, если онъ не можетъ дать всего, что нужно вамъ?

Перейдемъ ко мнѣ. Ну что въ сущности я въ состояніи для васъ сдѣлать? Я не могъ сдѣлать никакого улучшенія въ ассигновкѣ на заграничную поѣздку, я не могу въ Академіи заставить 20 словъ принять въ соображеніе, здравый разсудокъ; я, наконецъ, не докторъ, чтобы вылечить васъ. Я могу только микроскопически помочь вамъ, и на это я согласенъ, съ радостью, стремительно готовъ, я могу подѣлиться съ вами деньгами, и, если нужно, обратитесь ко мнѣ, и въ размѣрѣ не болѣе, впрочемъ, 1,000 рублей. Я готовъ, какъ уже готовъ былъ, употребить деньги на погашеніе долга въ Обществѣ, если бы они отказали поэтому — вотъ что я могу, на это разсчитывайте, если нужно—располагайте. Не думайте, ради Бога, чтобы вы очень плохо и непонятно описывали ваше положеніе, и что я не отдаю отчета во всемъ, что съ вами происходитъ, и каковы ваши обстоятельства. Нѣтъ, писали вы уже нѣсколько разъ и довольно обстоятельно, а если же чего и не досказывали, то вѣрьте, я все-таки нѣсколько васъ знаю и кое-что могу догадаться. Наконецъ я могу читать, и дѣйствительно читаю, между строкъ, такъ что я отлично понимаю, какъ и что, и если начинаю болтать вздоръ, то это бываетъ, когда на меня находитъ паника: человѣку нужно лечиться, и, сколько помню, еще когда я васъ оставлялъ, лично, то докторъ вамъ говорилъ, чтобы вы не работали, т. е. еслибы и работали, то ужъ никакъ не больше 3-хъ часовъ въ сутки, а тутъ ширмы къ сроку, да еще и заболѣлъ опять, ну и понесъ человѣкъ вздоръ. Не взыскивайте строго. Помните, что все-таки я не хотѣлъ бы умышленно или легкомысленно наносить вамъ хотя тѣнь непріят-

ности, или бы я не принималъ всего, что вы мнѣ пишете, за серьезное дѣло. Успокойтесь, если можете, я всѣ ваши письма получилъ (кажется всѣ), и обо всемъ вы мнѣ писали. Съ паспортомъ изъ Академіи я не знаю, какъ быть. Должно, по моему мнѣнію, вамъ написать опять въ Академію прошеніе еще разъ о томъ же, и великому князю изложите въ формѣ письма, да ужъ пожалуй за одно и Исѣеву. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что Н. Н. Гè, какъ членъ Совѣта, не имѣетъ такого успѣха, по весьма понятной причинѣ — и потому все, что онъ предложитъ, или защищаетъ, тому считаютъ обязанностью они сопротивляться. Я былъ у Исѣева и говорилъ послѣднее, что вы пишете, то есть не то, что *вы* пишете именно, а просто говорилъ въ письмѣ отъ 8 и 9 апрѣля, и онъ, я думаю, сдѣлаетъ, если вы ему еще напишете. Къ сожалѣнію, и вашъ покорнѣйшій слуга не пользуется симпатіями Академіи. Вамъ это извѣстно. Искалъ письмо ваше, въ которомъ вы писали мнѣ, что вы хотите просить Общество ссудить вамъ деньги на поѣздку заграницу; тамъ такъ и стоитъ въ письмѣ, писанномъ въ февралѣ 24, 25 и 26: «ѣхать заграницу сразу не могу, потому что нѣтъ денегъ, нѣтъ ровно никакого вида, нѣтъ вѣры въ *ссуду* Общества и величину ея въ годъ», а въ другомъ мѣстѣ, пониже, въ томъ же письмѣ, рѣчь идетъ все о той же поѣздкѣ: «я долженъ, изъ боязни потерять будущую (прибавлено для ясности) ссуду Общества, уплатить старую» и т. д. И потомъ, въ томъ письмѣ, въ которомъ вы назначаете сумму въ 2,200 рублей серебромъ, рѣчь идетъ тоже о ссудѣ. Я же, все время, въ разговорѣ съ Григоровичемъ, напиралъ на то, что нужно сдѣлать это, какъ было сдѣлано Брюллову и Келлеру; а Григоровичъ свое: принципъ, нельзя до уплаты, и тому подобное. И какъ я уже писалъ вамъ, дня черезъ 3 послѣ разговора, былъ Комитетъ, о которомъ я не зналъ, а въ слѣдующій за симъ четвергъ, онъ, Григоровичъ, мнѣ сообщаетъ, что поѣздка ваша Комитетомъ рѣшена, и выдано, т. е. ассигновано уже (чему я крайне удивился, т. е. этой скорости) по 150 рублей серебромъ. И даже онъ сообщилъ уже объ этомъ вамъ. Григоровичъ, очевидно, хотѣлъ меня обрадовать, а между тѣмъ я такъ былъ собственно сконфуженъ, что даже не вдругъ вамъ написалъ объ этомъ, и вы узнали объ этомъ не отъ меня. Это объясненіе я дѣлаю чуть ли не въ 3-й разъ, на этотъ разъ уже по поводу послѣдняго письма, въ которомъ вы пишете: «я никогда не желалъ придавать этому дѣлу видъ ссуды, какъ вы пишете, вѣроятно по словамъ Григоровича; а совсѣмъ наоборотъ, просилъ именно о безвозвратной посылкѣ». Дорогой мой, ей-Богу же вы писали такъ, какъ я вамъ докладываю. Но такъ или иначе, а дѣло сдѣлалось такъ, какъ оно сдѣлалось, не потому, что вы писали, или я говорилъ, а потому, что Григоровичъ, не смотря на мои настоянія (замѣтьте, я тогда еще не зналъ изъ вашихъ писемъ

того, что привелъ выше) въ Комитетѣ, не пожелалъ, а можетъ быть и не могъ поставить вопросъ иначе. Вѣдь я думалъ, да и вы также, что поѣздка не будетъ рѣшена раньше уплаты стараго долга. Теперь объясню послѣднее недоразумѣніе. Вы спрашиваете у меня смыслъ фразы въ моемъ письмѣ: «Я разсчитываю въ первыхъ числахъ мая перевезти семью въ Воронежъ, и если вы до того времени надумаетесь, я буду готовъ». Фраза дѣйствительно дурацкая, но я ее понимаю совершенно (еще бы!). Дѣло, видите, въ чемъ. Она связана въ письмѣ (вѣроятно связана) съ рѣшеніемъ о вашей поѣздкѣ заграницу и о мѣстѣ, наиболѣе благопріятномъ для вашего здоровья. А такъ какъ поѣздка заграницу рѣшена, такъ что если вы пожелаете ѣхать немедленно, не дожидаясь августа (такъ сказалъ передъ отъѣздомъ Григоровичъ и такъ сказалъ Бортковъ: требуйте, когда хотите, этой поѣздки), то вы можете, а потому можетъ быть предпочтете, или нужнѣе, наконецъ, заграницу на лѣто, то и надумайтесь; но знайте, что я буду въ Воронежѣ въ маѣ, и если вы пріѣдете ко мнѣ, то извѣстите, я буду готовъ искать помѣщеніе и найду его, или извѣщу подробно, чтò и какъ. Вотъ что я хотѣлъ сказать. Оказывается, что скверно-то пишу я, а не вы, хорошенько надо меня, а не васъ, а еще вы нѣсколько разъ безпокоились, понимаю ли я ваши письма! Теперь я собственно такъ напуганъ, что мнѣ все кажется: все еще недостаточно ясно, надо бы еще добавить.

Едва ли Боткинъ будетъ въ началѣ августа въ Петербургѣ. Онъ никогда не бываетъ здѣсь въ это время, всегда въ послѣднихъ числахъ сентября или въ октябрѣ; скорѣе его можно отыскать заграницей въ это время. (Опять глупость написалъ). Ну да ужъ такъ и быть. Простите за NN, не могъ отказать, но искренно желалъ; впрочемъ выстрѣлите въ нее, я ей говорилъ объ этомъ. Спите съ Богомъ, и я пойду спать. Вашъ

И. Крамской.

LXIV. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 15-го мая 1873 г.

Мой родной Ѳедоръ Александровичъ. Что это значитъ, что я не имѣю отъ васъ вѣсточки? Ужъ не обидѣлъ ли я васъ чѣмъ-нибудь? Ради самого Бога, простите меня великодушно и откликнитесь. Вы не знаете, чтó я передумалъ за это время, мнѣ такое лѣзетъ въ голову, что я не знаю, кáкъ вамъ и разсказать. Но больше всего я виню, разумѣется, самого себя; быть можетъ ваша гордость была чѣмъ-нибудь съ моей стороны уязвлена. Если такъ, то не молчите больше—вѣдь это ужасъ, скажите мнѣ все, и скажите прямо все, чего я заслуживаю по вашему мнѣнію; вѣрьте, что чтó бы вы ни сказали, я въ состояніи хотя понять, если уже нельзя исправить. Мнѣ

ужъ нѣтъ силъ молчать, этакъ нельзя больше. Хоть одно слово, но такое, чтобы я понялъ, въ чемъ дѣло. Ради Бога пишите, неужели уже вамъ нечего мнѣ сообщать, не объ чемъ писать, и такъ-таки просто надо оставить меня въ такомъ положеніи? Я чувствую что-то недоброе, но чтó бы это ни было—пишите. Я потерялъ голову—что съ вами? И нигдѣ, ни отъ кого ничего не слышно, точно вы въ Америкѣ. Но и оттуда письма доходятъ. Мой дорогой Θедоръ Александровичъ, будьте же такъ добры, напишите мнѣ, чтó случилось между нами, если случилось? Вы не можете обо мнѣ худо думать, я этого не заслуживаю; вы не знаете, кàкъ ваша дружба для меня дорога, и вы не знаете, чтó я готовъ для васъ сдѣлать. Но, ради Создателя, напишите мнѣ, нельзя молчать, и еще молчать на такое письмо мое, которое, я знаю, могло пожалуй васъ огорчить, но что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Неужели мнѣ нельзя ничего отвѣтить ни на мое предложеніе, ни на мое безсиліе что-нибудь для васъ сдѣлать? Нѣтъ, добрый мой Θедоръ Александровичъ, я не хочу думать, чтобы вы на меня серьезно разсердились, хотя я знаю, что съ вами ничего нельзя дѣлать шутя и въ половину. Но вѣдь я и не шутилъ, вѣдь я въ самомъ дѣлѣ былъ поставленъ въ такое положеніе, что долженъ былъ вамъ предложить то, что я предлагалъ. Я бы себѣ, ей-Богу, не позволилъ сдѣлать наобумъ. Дѣло въ томъ, что я имѣлъ отъ Павла Михайловича Третьякова письмо, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что вы просите у него 1,000 рублей, и что онъ, къ сожалѣнію, исполнить вашу просьбу не можетъ. Судите, что я долженъ былъ почувствовать? Я знаю, какъ вамъ необходимы деньги, знаю также, что деньги вы ни откуда не получите, если вамъ не вышлетъ Третьяковъ. Словомъ, я можетъ быть и не такъ виноватъ, какъ показалось. Пишите, ради Бога, пишите.

Послѣзавтра я выѣзжаю изъ Петербурга въ Воронежъ. На дачѣ я буду около 25-го мая. Нужно остановиться на 2 дня въ Москвѣ. Пишите мнѣ уже въ Воронежъ, въ село Рѣпное, дача Глаголевой. Шишкинъ здѣсь еще остается неопредѣленное время, такъ какъ Е. А. со дня на день должна родить и потомъ поправиться—стало быть время протянется. Говорю вамъ серьезно — я въ тревогѣ, не знаю, что думать, и жду, жду безъ конца. Или письма пропадаютъ? Вѣдь ужъ больше мѣсяца, какъ я вамъ послалъ свое послѣднее письмо, и, должно быть, несчастное письмо. Кромѣ того, повезла еще NN глупое письмо, но вѣдь съ нею и нельзя было послать умнаго, вы это, я думаю, поняли отлично, да и вообще, положимъ, умныя письма рѣдко попадаются, по крайней мѣрѣ мои письма—часть меня самого, какъ и ваши, ну а NN я не могъ бы довѣрить, хотя и часть. Просвѣтите меня, не оставляйте въ потемкахъ. Это очень тяжелое состояніе. Я бы не безпокоился такъ, если бы не нужно было мнѣ знать вашего взгляда

на мое послѣднее письмо. Вѣдь мнѣ нужно же было знать, согласитесь, что вы мнѣ напишите? Я вамъ писалъ отъ всего моего сокрушеннаго сердца. Положимъ, вы подкладки знать не могли, но теперь я вамъ пишу объ ней. Но все-таки странно. Что бы ни было, какъ бы вы ни взглянули на мое письмо, что бы вы ни подумали, а не написать, разсердиться вы не могли и не должны были, вѣдь вы знаете же меня. Что нибудь другое тутъ есть, что вы не пишете. Я вамъ говорю, что мнѣ очень тяжело. Что это значитъ? Что мнѣ думать? Боюсь дѣлать отвѣты на эти вопросы. И, до полученія отъ васъ отвѣта, буду думать, что вы, мой дорогой, не измѣнились, наши отношенія не пошатнулись, довѣріе не пострадало ни съ которой стороны. Да и неприлично это. Говорю въ смыслѣ приличій нравственныхъ. И такъ, голубчикъ мой, ничего не прибавляю, ничего, кромѣ просьбы писать, и если возможно, обстоятельно. Вашъ И. Крамской.

LXV. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 21-го мая 1873 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Въ пятницу я буду въ Москвѣ, я полагаю, и привезу вамъ портреты и Кольцова и Грибоѣдова. Кольцова я рѣшился кончить и не брать въ Воронежъ, предоставляя себѣ право поправить и, можетъ даже быть, передѣлать его, если найду что нужно въ Воронежѣ, гдѣ я сдѣлаю и рисунки и этюды. Я подумалъ, что брать самый портретъ нѣтъ надобности, и что довольно будетъ сдѣлать на мѣстѣ рисунки. Въ портретѣ Кольцова вы встрѣтите радикальную перемѣну: я сдѣлалъ бѣлый фонъ. Всѣ замѣчанія клонились къ тому, чтобы сдѣлать цвѣтъ лица кирпичный: Никитенко, бывшій у меня, знавшій Кольцова хорошо, всегда это говорилъ, и я рѣшился прибѣгнуть къ этому средству, чтобы лицо было темнѣе фона. Теперь онъ сидитъ на половинѣ стула у стѣны. Но чѣмъ я несказанно доволенъ, такъ это Грибоѣдовымъ—не то, чтобы онъ ужъ хорошо былъ написанъ, а тѣмъ, что мнѣ удалось, съ помощью Каратыгина, сдѣлать его похожимъ. Каратыгинъ находитъ его совершенно похожимъ; кромѣ того нашлась провѣрка самого Каратыгина. Генералъ Ѳедоровъ, больной старикъ, знавшій Грибоѣдова, видѣлъ его портретъ, я ему показывалъ, и онъ во-первыхъ узналъ и даже больше: сказалъ, что будто этотъ портретъ похожѣе многихъ портретовъ, которые пишутся съ живыхъ лицъ. Принимая все, что говорится, только въ половину, мы получаемъ въ результатѣ все-таки несомнѣнное сходство. Я полагаю что въ Москвѣ тоже найдутся люди, знавшіе Грибоѣдова, да и Кольцова тоже.

Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ остаюсь И. Крамской.

LXVI. Къ Θ. А. Васильеву.

Козловка-Засѣка, 2-го іюля 1873 г.

Мой дорогой, мой благородный другъ. Что это у насъ случилось, какой огромный, страшный перерывъ. Я ничего о васъ не знаю, не знаю даже, гдѣ вы, все ли еще въ Ялтѣ, или уже заграницей. Со мной же въ это время случилось столько пертурбацій, что когда вы все узнаете, вамъ будетъ ясно. Начну съ начала. Въ первыхъ числахъ мая и послѣднихъ апрѣля я писалъ вамъ два письма, на которыя я не получилъ отвѣта вплоть до 25-го мая, день моего выѣзда изъ Петербурга на дачу въ Воронежъ. Вотъ эта-то Воронежская губернія все и надѣлала. Я васъ извѣщалъ, наконецъ, объ адресѣ, гдѣ мы будемъ жить лѣтомъ. Теперь слушайте, что случилось: 25-го мая выѣхали, т. е. я съ семьей. За дачу данъ былъ задатокъ еще на Святой, или Θомкной—не помню; пріѣзжаемъ въ Воронежъ,—дорогой заболѣлъ Толя (онъ былъ уже не хорошъ въ Петербургѣ), весь разгорѣлся, захрипѣло горло и выступила сыпь. Прежде всего, разумѣется, за докторомъ, какъ только кое-какъ дотащились до Воронежа и гостинницы. Докторъ, осмотрѣвши, говоритъ — оспа! (замѣтьте, оспа была привита). Велѣлъ отдѣлить немедленно другихъ дѣтей, и вотъ я, устроившись въ другомъ № гостинницы съ остальными, поѣхалъ осматривать дачу. Пріѣзжаю, о ужасъ, я ужъ и не знаю, какъ бы вамъ разсказать, что это такое. Вмѣсто 10 комнатъ—только 7, да и тѣ—клѣточки, полы прогнили, съ дырьями, ни одно окно и ни одна дверь не запираются, и даже притворить нельзя; щели въ 2 пальца, стѣны покосились, балконы гнилые, потолки текутъ, домъ на низкомъ и топкомъ мѣстѣ, въ одинъ этажъ, тѣни нѣтъ,—садикъ только фруктовый, запущенъ до смерти, и кругомъ ни кола, ни двора, нѣтъ ни воротъ, ни ограды, и кругомъ голое, лысое мѣсто, песчаное. Очевидно, жить нельзя. Я начинаю искать въ окрестностяхъ, нѣтъ ли чего, исколесилъ тьму, и на извозчикѣ, и по желѣзной дорогѣ, пропала недѣля, а ничего не находилось—и не нашлось. Больной мальчикъ едва-едва очнулся, и, слава Богу, сталъ поправляться. Убѣдившись, что нѣтъ нигдѣ и ничего, мы черезъ недѣлю выѣхали обратно въ Москву, съ тѣмъ, чтобы тамъ поискать. Изъѣздивши въ 3 дня около Москвы, я поникъ духомъ: другой мальчикъ заболѣлъ—Коля, потомъ Соня, потомъ Маркъ, а я все ничего не найду. Наконецъ, оставивши семью въ Москвѣ, я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ до Харькова, не найду ли чего, пересмотрѣлъ множество, но подходящаго нѣтъ. Не забывайте, что я уѣхалъ впереди всѣхъ, съ тѣмъ, что числа 5-го іюня выѣдетъ изъ Петербурга студентъ горнаго института Ник. Павл. Константиновъ (туда въ Воронежъ)—учитель моихъ дѣтей. При выѣздѣ изъ Воронежа 1-го іюня, я телеграфировалъ въ Петер-

бугръ Шишкину, чтобы онъ остановилъ Константинова, но онъ уже уѣхалъ. Пріѣзжаетъ въ Воронежъ—меня, разумѣется, нѣтъ, и онъ 10 дней сидѣлъ безъ денегъ и безъ всякой вѣсти обо мнѣ. Наконецъ, 17-го іюня мнѣ удалось найти настоящее помѣщеніе, по Московско-Курской желѣзной дорогѣ, на станціи Козловка-Засѣка (между Тулой и Ясенками), полустанція, въ 10 верстахъ отъ Тулы, усадьба Ваныкина. Теперь Савицкіе вслѣдъ за мною выѣхали изъ Петербурга, сначала въ Динабургъ, къ роднымъ, а багажъ отправляютъ въ Воронежъ, но отъ Шишкина узнаютъ чрезъ телеграмму о случившемся. Я, порѣшивъ, наконецъ, съ дачей, возвращаюсь въ Москву — гдѣ, слава Богу, всѣ были живы, но больны. И, наконецъ, 20-го мы уже были на дачѣ. Чрезъ нѣсколько дней пріѣзжаютъ Савицкіе, но безъ багажа, разумѣется, котораго и по сей день нѣтъ. И, наконецъ, вчера пріѣхали Шишкины. И вотъ только когда мы собрались всѣ, испытавъ столько передрягъ и истративъ чортову тьму денегъ. Хорошо! Вотъ какъ мы ѣздимъ на дачу. Я думаю, что еслибы мы вздумали поѣхать въ Хиву, то и тогда было бы и лучше, и дешевле. Впрочемъ, за всѣ мытарства мы награждены, по крайней мѣрѣ, и хорошимъ помѣщеніемъ, и прекрасною мѣстностью, прекрасною относительно, разумѣется. Домъ каменный, 14 комнатъ, въ 3 этажа. Кругомъ лѣсъ казенный, столѣтніе дубы и прочее; воды немного, но есть, имѣніе отъ станціи желѣзной дороги въ $1^1/_2$ верстѣ, возлѣ самаго полотна; по другую сторону усадьбы въ $^1/_2$ верстѣ—шоссе, сообщеніе съ городомъ возможное. Мельница водяная, прудикъ и все такое; одно скверно — деревня ближайшая въ $1^1/_2$ версты, ближе нѣтъ жилья, хотя усадьба большая, и кромѣ насъ здѣсь еще живутъ дачники. Комнатъ свободныхъ еще много. Весь низъ свободенъ, тамъ у насъ столовая (для жилья не совсѣмъ удобно, такъ какъ немножко пахнетъ сыростью), но наверху есть еще 2 комнаты превосходныя, такъ что всякому, пожелавшему къ намъ забраться, будетъ мѣсто. Работать мы еще ничего не начали. Вотъ вамъ отчетъ, почему я пропалъ; думаю я, что имѣю смягчающія обстоятельства, въ качествѣ подсудимаго передъ вами. Но что-жъ это такое, мой дорогой, что объ васъ никто ничего не знаетъ, даже Шишкины не привезли мнѣ никакого извѣстія? Что съ вами, голубчикъ мой, откликнитесь, напишите мнѣ строчку; вѣдь у насъ съ вами есть текущія дѣла; я у васъ кое-что спрашивалъ, кое-что предлагалъ, и не знаю, что̀ мнѣ думать. Больнѣе всего, что я ничего не знаю, ничего не слышу, и даже не увѣренъ, дойдетъ ли это письмо, такъ какъ я пишу на дачу Цабеля, гдѣ вы помѣщались временно до лѣта. Наконецъ, не въ Петербургѣ ли вы уже чего добраго, все передумаешь. Ради Создателя, разрѣшите мои недоумѣнія, написавши мнѣ, гдѣ вы, и что̀ съ вами было, если было, а затѣмъ, какъ и что̀, не будете ли вы какъ-нибудь сюда — вотъ бы было хо-

хошо; вѣдь готовы же вы были въ Воронежскую губернію пріѣхать. Право. Мой дорогой, пишите, ради Бога, пишите. Вѣдь что-жъ это такое: скоро 3 мѣсяца, какъ я не имѣю отъ васъ ни строчки.

Вашъ И. Крамской.

LXVII. Къ нему же.

Козловка-Засѣка, 1-го августа 1873 г.

Мой дорогой Ѳедоръ Александровичъ, получилъ я одновременно два вашихъ письма, одно изъ Петербурга, адресованное въ Воронежъ, а другое уже сюда, стало быть вы получили тоже и мое — гдѣ я описывалъ свои приключенія съ отысканіемъ лѣтняго помѣщенія. Вы говорите, что я понесъ жестокое пораженіе своей проницательности и строилъ разныя невозможныя предположенія относительно васъ, что̀ вы и въ Петербургѣ-то, и заграницей. Что дѣлать, каюсь, я желалъ это предполагать; мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы были уже и въ Петербургѣ, и заграницей, но, признаюсь, я самъ плохо вѣрилъ въ то, что писалъ. Больше всего я боялся, что вы опять заболѣли; эту мысль я отгонялъ отъ себя какъ только могъ, но отогнать ее не могъ никакимъ образомъ. И вотъ она подтвердилась собственнымъ вашимъ сознаніемъ. Вы больны, и хотя пишете, что здоровье лучше, однакожъ ждете Боткина, и многія другія неутѣшительныя вещи. Это такъ не хорошо, такъ не хорошо, что я и разсказать вамъ не въ силахъ. Хуже всего, что вы не работаете: вотъ это дѣйствительно потеря. Это было бы отлично, еслибы не работали, потому что желали отдыха, но по всему видно, что вы не работаете отъ болѣзни. Голубчикъ вы мой, дорогой мой, что я вамъ могу тутъ сдѣлать? Къ сожалѣнію, я не больше, какъ только любящій васъ и глубоко уважающій человѣкъ, а вѣдь вамъ нужно и кромѣ этого кое-что еще другое. Тысячу рублей вы получите, т. е. получитъ Клеопинъ, какъ вы написали. Деньги будутъ высланы на его имя отъ Третьякова, которому я уже и написалъ объ этомъ. Онъ мнѣ долженъ 2,000 р., и я просилъ, чтобы онъ выслалъ къ вамъ половину. Вы не повѣрите, какъ бы я желалъ теперь выиграть 200,000 р., я бы зналъ, какъ съ ними распорядиться; но вы видите, что и я могу заговариваться. Развѣ это не значитъ заговариваться, тосковать о выигрышѣ въ то время, когда ничего не имѣешь? Впрочемъ, я лично для себя теперь ничего не желаю, я почти счастливъ, только... вотъ опять бы выиграть.

Чортъ знаетъ, что такое, что̀ лѣзетъ въ голову. Не знаю, что дѣлать. Вы пишете, что несвязно излагаете свои мысли. Не знаю, кто изъ насъ въ этомъ больше повиненъ; для васъ есть оправданіе, а ужъ мнѣ никакого. Пишешь, пишешь, какъ будто что-то выходитъ нужное, а прочтешь—изорвалъ, ну, что вы поймете изъ этого всего? Нѣтъ, плохо пишется и плохо

говорится, когда нарушена гармонія. Кѣмъ она нарушена, для чего нарушена, кому отъ этого польза, ничего не знаю, знаю только, что нехорошо такъ—вотъ и все. Да, дорогой мой, и люди, и свѣтъ, «какъ посмотришь съ холоднымъ вниманіемъ вокругъ—такая плохая и скверная шутка *)», что надо оглядываться подозрительно, какъ только получишь 5 минутъ спокойствія, потому что спокойствіе и счастіе человѣка не въ порядкѣ вещей. Но больше всего достается, какъ оказывается, вамъ отъ судьбы-мачихи, и для васъ она—злая мачиха. Всего обиднѣе за Совѣтъ Академіи, вѣдь это подло. Я ужъ и не знаю, что тутъ дѣлать. Я говорилъ съ Исѣевымъ, говорилъ съ Іорданомъ и Резановымъ, съ ректорами, но ужъ лучше и не разсказывать, желчь разливается, и больше ничего. Законность, вишь, прежде всего; за нимъ, говорятъ, потянутся всѣ. Да кто потянется? И неужели же глазъ нѣтъ, что шваль всякая захочетъ ровняться. Нѣтъ, мой дорогой, тутъ не то, тутъ гораздо хуже: законность,— только глупо, а тутъ есть другое, какъ мнѣ кажется. Разумѣется, я уловить этого не могу, и доказать также, но здѣсь ненависть Z къ Григоровичу и Обществу, насолить третьему, ни въ чемъ неповинному, это по-человѣчески. Гадко, подло, но такъ дѣлаютъ, а законность—не понимаю, это слишкомъ глупо, чтобы я сталъ этому вѣрить. Но отъ этого не легче, а вида у васъ все-таки нѣтъ. Конечно, я еще разъ попробую попросить, еще разъ подниму всѣ доказательства, наконецъ, очевидныя заслуги человѣка поставлю на видъ. Но вѣдь я голосъ посторонній, ни для кого необязательно даже меня выслушивать, и потому, если сдѣлаютъ—благодари, не сдѣлаютъ—показывай видъ, что тебѣ не обидно. И чортъ его знаетъ, гдѣ этотъ Григоровичъ, таранта и... съ вашего позволенія? Ей-Богу вѣдь это рѣшето: что ему ни говори, ничего не помнитъ, все перепутаетъ, хотя всего наобѣщаетъ. Нѣтъ, воля ваша, а такіе люди,—плохіе люди. Отъ нихъ иногда хуже, чѣмъ отъ злыхъ: злого ужъ такъ и знаешь, его бережешься, а такіе—и не увидишь, какъ напакостятъ.

Попробовалъ бы вамъ описать всѣ прелести нашей Козловки-Засѣки, но какъ-то не до того; и потомъ, вѣдь это все будетъ ни на что не похоже, такъ какъ описанія только помогаютъ воскресать въ памяти видѣнному. А вы хотя и проѣзжали это мѣсто (мы живемъ на самой желѣзной дорогѣ), но во-первыхъ давно, а во-вторыхъ вѣроятно и не замѣтили, и потому это надо по боку. Иванъ Ивановичъ пишетъ этюды, Савицкій начинаетъ писать землекоповъ, и страдать сильнѣйшей одышкой, а я... сѣдѣю и становлюсь пейзажистомъ, право такъ; ничего не дѣлаю, кромѣ этюдовъ пейзажей, и если я когда жалѣю, что не пейзажистъ, такъ это

*) Стихи Лермонтова.

теперь. Я бы написалъ кое-что, тутъ есть одинъ лѣсъ, онъ въ сумеркахъ производитъ неотразимо-страшное впечатлѣніе. Лѣсъ липовый и дубовый, лежитъ по обѣимъ сторонамъ дороги, подбиваю Ивана Ивановича, да онъ какъ-то все уклоняется, а жаль. Не написать ли? Право, для себя, конечно. Письмо кончаю, поздно, да и нужно написать еще 5-ть; два написано. А вы, мой дорогой, пишите только по 2 строчки; я позволяю, и читать буду какъ самую длинную и понятную мнѣ повѣсть. Боялся я, что вы опять захвораете, такъ и случилось—Господь да хранитъ васъ, берегитесь, вы еще нужны Россіи. Жена больна, но она очень, очень вамъ кланяется.

Вашъ И. Крамской.

LXVIII. Къ П. М. Третьякову.

Козловка-Засѣка, 1-го августа 1873 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я, вмѣсто Воронежа,— между Тулой и Ясенками, по Московско-Курской желѣзной дорогѣ на полустанціи Козловка-Засѣка, въ усадьбѣ Ваныкина. Это потому, что въ Воронежѣ оказалось невозможно помѣститься: и тѣсно, и слишкомъ дурно, такъ дурно, что какъ видите — я не тамъ. Проживъ двѣ недѣли въ Воронежѣ и не найдя ничего сколько нибудь подходящаго, я выѣхалъ оттуда, и теперь, потерявши мѣсяцъ непроизводительно, остановился здѣсь. Шишкинъ и Савицкій тоже здѣсь, и работаютъ. Изъ всего, что я вамъ сообщилъ, понять что нибудь трудно, но это потому, что исторія слишкомъ длинная, да и не интересная. Главное все-таки есть, я не въ Воронежѣ. Получилъ я отъ Васильева письмо, адресованное въ Воронежъ, откуда оно ѣздило въ Петербургъ, и уже оттуда я получилъ его здѣсь; вотъ, главнымъ образомъ, причина, по которой я предпринялъ написать вамъ длинное и, сознаюсь, не особенно пріятное для васъ письмо, по содержанію. Онъ, какъ вамъ извѣстно, нуждается, и нуждается больше всего по собственной неосторожности, разумѣется. Шесть мѣсяцевъ онъ уже не работаетъ, въ рукахъ судороги, когда пишетъ, и я съ трудомъ узналъ его руку, или, лучше сказать, только благодаря подписи я вижу, что это письмо отъ него. И такъ, ему нужны деньги, около 1,000 руб. серебр. Въ бытность вашу въ Петербургѣ, мы, разсуждая о томъ, давать ли ему еще или нѣтъ, пришли къ одному заключенію — не давать. Но теперь я нѣсколько измѣняю свое рѣшеніе и прошу васъ, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, принять и наше личное поручительство, т. е. мое и Шишкина, въ обезпеченіе той суммы, которую вы пошлете. Вещи мои и Шишкина будутъ въ вашемъ распоряженіи, если деньги эти не покроются произведеніями самого Васильева, или же вы не пожелаете взять ихъ за долгъ. У него остается много этю-

довъ, 5 альбомовъ и нѣсколько въ половину сдѣланныхъ картинъ. Какъ видите, я говорю — будто схоронилъ уже человѣка. Оно такъ и есть, я его уже дѣйствительно схоронилъ. На выздоровленіе нѣтъ надежды, а когда мы услышимъ о его смерти — это вопросъ времени, и я думаю, не долго. Грустно мнѣ очень, и русская школа теряетъ въ немъ геніальнаго мальчика, я такъ думаю: не знаю, много ли будетъ у меня единомышленниковъ, но я въ этомъ убѣжденъ.

Если вы, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, не измѣните своего мнѣнія, относительно поручительства, какъ вы однажды упомянули, то я буду значительно облегченъ относительно заботъ моихъ о Васильевѣ. Не знаю, чтó я приготовлю вамъ въ уплату этого долга, но употреблю всѣ старанія, чтобы написать портретъ графа Толстого, который оказывается моимъ сосѣдомъ — въ 5 верстахъ отъ насъ его имѣніе, въ селѣ Ясная Поляна. Я уже былъ тамъ, но графъ въ настоящее время въ Самарѣ, и воротится въ имѣніе въ концѣ августа, гдѣ и останется на зиму. Повторяю, я употреблю все отъ меня зависящее, чтобы написать съ него портретъ.

Въ бытность мою въ Воронежѣ, я наводилъ справки о Кольцовѣ, и узналъ, что его родная сестра жива, но ея не было въ Воронежѣ. Мнѣ удалось видѣть фотографію съ портрета, который находится, говорятъ, у ней — рисованный карандашомъ съ натуры. Съ трудомъ можно отыскать сходство съ вашимъ акварельнымъ. Онъ изображенъ щеголемъ, завитой, сюртукъ, кажется, съ бархатнымъ воротникомъ, и смотритъ Байрономъ: словомъ, никакого сходства съ описаніемъ Тургенева. Очевидно, портретъ нарисованъ съ знаменитости, но, какъ говорятъ, сестра находитъ въ немъ большое сходство! Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

Вполнѣ раздѣляю мнѣніе Ивана Николаевича, что помочь Васильеву необходимо. Я прошу васъ принять и мое поручительство въ уплатѣ долга Θедора Александровича Васильева. Имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою Иванъ Шишкинъ.

LXIX. Къ нему же.

11-го августа 1873 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Письма, сплошь и рядомъ, попадáютъ во-время. Не знаю, отчего могло случиться, что письмо 1-го [...] густа шло до Москвы 5 дней, но я очень часто получаю неисправ[...] Здѣсь, на станціи, объясняютъ это ночнымъ временемъ, когда поѣздъ [...] ходитъ, и останавливается на 2 минуты. Оно вѣроятно. Деньги Васил[...] если можно, надо послать 700 рублей, и единовременно, по адресу, [...]

рый я вамъ и сообщилъ: Плат. Алекс. Клеопину. Когда онъ мнѣ объ этомъ написалъ, чтобы деньги и изъ Общества, и изъ другихъ мѣстъ, какъ онъ выразился, были посланы по этому адресу, я нѣсколько удивился, но потомъ, думая объ этомъ обстоятельствѣ, пришелъ къ такому заключенію, что Васильевъ вѣроятно кредитовался у этого г. Клеопина. Я его немножко знаю, онъ управляющимъ у Мордвинова, бывшій гусаръ, любитель живописи, и пишетъ самъ, но, сколько можно судить, человѣкъ порядочный. Онъ очень полюбилъ Васильева, и вѣроятно помогалъ. Слѣдовательно, 700 рублей, съ прежними 300 р., и будутъ составлять 1,000 рублей, которые цѣликомъ и пойдутъ на погашеніе долговъ. 100 рублей, какъ посланные вами раньше полученія моего письма, я не считаю. Изъ письма его видно, что онъ долженъ болѣе 1,000 рублей, сколько именно — не обозначено, но вѣроятно немного, такъ какъ онъ мнѣ писалъ передъ тѣмъ, что долгъ его въ Ялтѣ простирается до 900 рублей. Клеопину я написалъ, какъ немножко знакомому человѣку, чтобы онъ мнѣ сообщилъ: во-1-хъ, кàкъ будутъ употреблены эти деньги, и во-2-хъ, чтó остается у Васильева, какіе рисунки, этюды, картины, и чтобы онъ, въ виду объявленной докторомъ близкой катастрофы, не допустилъ бы до расхищенія и помогъ бы матери его, если можно, собрать все заранѣе и выслать въ Петербургъ.

Я работаю, т. е. начинаю работать, картину «Осмотръ стараго дома», о которой я уже упоминалъ, пишу кое-какіе этюдики и ничего путнаго до сихъ поръ еще не сдѣлалъ. И. И. Шишкинъ, какъ всегда, работаетъ много съ натуры лѣтомъ, картины же никакой не затѣваетъ. Савицкій работаетъ картину «Землекопы на желѣзной дорогѣ». Эскизъ хорошъ, чтó выйдетъ—сказать нельзя.

Меня теперь озабочиваетъ розысканіе старой барской усадьбы. Все, что до сихъ поръ есть у меня, не удовлетворяетъ. Такъ какъ я рѣшился дѣлать этотъ сюжетъ въ комнатѣ, т. е. внутри, а не снаружи, то и нужны такія детали, которыя только и могутъ быть въ домѣ, гдѣ не жили около 20 лѣтъ, а гдѣ этакую штуку сыщешь? Ну, что будетъ.

Благодарю васъ очень, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, что вы не оставили мою просьбу, а вдвойнѣ и за память о семействѣ. У меня пока до сихъ поръ слава Богу, хотя переболѣли всѣ дѣти въ Воронежѣ.

Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

О портретѣ Л. Толстого, разумѣется, употреблю все стараніе.

LXX. Къ Ѳ. А. Васильеву.

Козловка-Засѣка, 18-го августа 1873 г.

Мой дорогой другъ Ѳедоръ Александровичъ, пишу къ вамъ коротенькую записочку и дѣловую. Сейчасъ получилъ отъ Третьякова письмо о томъ, что онъ деньги послалъ къ вамъ. По полученіи вашего послѣдняго

письма, гдѣ вы съ разными предосторожностями согласны, чтобы я выслалъ вамъ 1,000 рублей, я написалъ Третьякову, чтобы онъ послалъ ихъ изъ слѣдующихъ мнѣ денегъ. Чрезъ недѣлю получаю извѣстіе, что онъ послалъ только 300 руб., и спрашиваетъ, какъ нужно послать: всѣ ли немедленно, или по частямъ? Я тотчасъ же послалъ еще письмо съ разъясненіемъ, и подтвердилъ, чтобы все было исполнено, какъ вы желали, т. е. деньги высланы на имя Плат. Алекс. Клеопина, и вотъ теперь получаю увѣдомленіе, что остальные 700 рублей уже посланы. Я глубоко печаленъ, что не могу вамъ доставить все, что нужно, а нужно вамъ и много и мало, смотря потому, отъ кого и для кого.

Мой дорогой, вотъ ужъ нѣтъ отъ васъ давно извѣстія, хотя я собственно и не жду, такъ какъ вы писать можете только съ трудомъ, да по правдѣ сказать, и не желаю, чтобы вы, ради моего удовольствія, подвергались какимъ-нибудь непріятнымъ ощущеніямъ. Но что̀ дѣлать — такъ хорошо, когда получаешь отъ васъ письма, что думаешь: вотъ онъ уже получилъ мое письмо, и вѣроятно скоро будетъ отвѣтъ. Но печальная дѣйствительность заставляетъ перестать напрасно волноваться. Третьяковъ у меня спрашиваетъ, почему деньги нужно послать не на ваше имя, а на имя Клеопина? Но такъ какъ я и самъ собственно не зналъ хорошенько, то и наплелъ что-то въ томъ родѣ, что адресъ вашъ около этого времени, вѣроятно, будетъ измѣненъ, а гдѣ—неизвѣстно, то, чтобы не прошло много времени напрасно съ отыскиваніемъ по почтамту, вы и назначили человѣка, который всегда будетъ знать, гдѣ вы. Такъ ли это? Да это и неважно, впрочемъ. Важно то, получили ли вы ихъ? Поручите написать объ этомъ хотя Роману, который, я надѣюсь, на это время можетъ получить должность вашего секретаря.

Началъ я новую картину, о которой, кажется, вамъ писалъ уже. Сюжетъ заключается въ томъ, что старый породистый баринъ, холостякъ, пріѣзжаетъ въ свое родовое имѣніе, послѣ долгаго, очень долгаго времени, и находитъ усадьбу въ развалинахъ: потолокъ обрушился въ одномъ мѣстѣ, вездѣ паутина и плѣсень, по стѣнамъ рядъ портретовъ предковъ. Ведутъ его подъ руки двѣ личности женскаго пола,—иностранки сомнительнаго вида. За нимъ покупатель — толстый купецъ, которому развалина — дворецкій— сообщаетъ, что вотъ-молъ это дѣдушка его сіятельства, вотъ это бабушка, а это такой-то и т. д., а тотъ его и не слушаетъ, и занятъ, напротивъ, разсматриваніемъ потолка, зрѣлища, гораздо болѣе интереснаго. Вся процессія остановилась, потому что сельскій староста никакъ не можетъ отперетъ слѣдующую комнату. Приближенные доброжелатели говорятъ, что это интересно. Что выйдетъ—еще не знаю, хотя и знаю, какая картина должна быть. И. Крамской.

LXXI. Къ П. М. Третьякову.

1873 г. 5-го сентября, Козловка-Засѣка.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. До сихъ поръ я еще не имѣю никакихъ извѣстій изъ Ялты, кромѣ письма Клеопина, въ которомъ онъ меня извѣщаетъ, что приметъ всѣ мѣры къ сохраненію вещей Θедора Александровича отъ расхищенія; письмо было писано отъ 14-го августа, слѣдовательно до полученія денегъ.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой пріѣхалъ, я съ нимъ видѣлся сегодня, и завтра начну портретъ. Описывать вамъ мое съ нимъ свиданье я не стану — слишкомъ долго: разговоръ продолжался слишкомъ 2 часа, четыре раза я возвращался къ портрету, и все безуспѣшно. Никакіе просьбы и аргументы на него не дѣйствовали. Наконецъ я началъ дѣлать уступки всевозможныя и дошелъ въ этомъ до крайнихъ предѣловъ. Однимъ изъ послѣднихъ аргументовъ съ моей стороны былъ слѣдующій: «Я слишкомъ уважаю причины, по которымъ ваше сіятельство отказываете въ сеансахъ, чтобы дальше настаивать, и, разумѣется, долженъ буду навсегда отказаться отъ надежды написать портретъ. Но вѣдь портретъ вашъ долженъ быть и будетъ въ галлереѣ»—«Какъ такъ?»—«Очень просто: я, разумѣется, его не напишу, и никто изъ моихъ современниковъ, но лѣтъ черезъ 30, 40, 50, онъ будетъ написанъ, и тогда останется только пожалѣть, что портретъ не былъ сдѣланъ своевременно». Онъ задумался, но все-таки отказалъ, хотя нерѣшительно. Чтобы наконецъ кончить, я началъ ему дѣлать уступки, и дошелъ до слѣдующихъ условій, на которыя онъ и согласился: во 1-хъ, портретъ будетъ написанъ, и если почему-нибудь онъ ему не понравится, будетъ уничтоженъ. Затѣмъ, время поступленія его въ галлерею вашу будетъ зависѣть отъ воли графа, хотя и считается собственностью вашею. Послѣднее обстоятельство было настолько уже безобидно для него, что онъ какъ бы сконфузился даже, и долженъ былъ согласиться, а затѣмъ оказалось изъ дальнѣйшаго разговора, что онъ бы хотѣлъ имѣть портретъ и для своихъ дѣтей, только не зналъ, какъ это сдѣлать, и спрашивалъ о копіи и о согласіи, наконецъ, впослѣдствіи сдѣлать ее, то есть копію, которую и отдать вамъ. Чтобы не дать ему сдѣлать отступленіе, я поспѣшилъ ему доказать, что копіи точной нечего и думать получить, хотя бы и отъ автора, а что единственный исходъ изъ этого—это написать съ натуры два раза совершенно самостоятельно, и уже отъ него будетъ зависѣть, который оставить ему у себя и который поступитъ къ вамъ. На этомъ мы разстались и порѣшили начать сеансы завтра, т. е. въ четвергъ. Объ исходѣ дѣла я и тороплюсь сообщить вамъ, а затѣмъ надѣюсь, что портретъ его хотя и будетъ имъ задержанъ, но нена-

долго — такъ какъ не будетъ причины ему удерживать его у себя. Не знаю, чтò выйдетъ, но постараюсь. Написать его мнѣ хочется. Уважающій васъ И. Крамской.

LXXII Къ Ѳ. А. Васильеву.

Козловка-Засѣка, 10 сентября 1873 г.

Голубчикъ мой Ѳедоръ Александровичъ, простите меня, многогрѣшнаго, что я такъ давно не писалъ вамъ, но у меня случилось слѣдующее: съ 14 августа Софья Николаевна слегла въ постель—родился на свѣтъ Божій новый человѣкъ—Сергій. Разъ. А потомъ вскорѣ захворала, и очень серьезно мать Софьи Николаевны, если помните, Ѳеодора Романовна, и была вотъ уже 10 дней между жизнью и смертью—немудрено, ей 76 лѣтъ; но, слава Богу, отошла и теперь поправляется. Думали, что придется оставить ее тутъ; нѣсколько ночей я дежурилъ и усталъ страшно. Два. А третье—поджидалъ отъ васъ строчечку. Знаю, мой дорогой, что ожиданіе съ моей стороны—есть преступленіе, но все думалось—авось. Вотъ оно русское—авось. Шишкины уѣхали 2-го сентября въ Петербургъ. Евгенія Александровна несовсѣмъ здорова,—и я, осиротѣлый,—въ лазаретѣ, немножко потерялъ голову. Грустно, что приходится наполнять письма перечнемъ человѣческихъ страданій и болѣзни. Дурно прошло лѣто, такъ дурно, что и разсказать не умѣю, да вдобавокъ была все время погода отвратительная.

Какъ вы полагаете, о чемъ я теперь поведу рѣчь? Видите, вамъ извѣстно, что все поддерживается питаніемъ, даже содержаніе письма отъ этого зависитъ. Какова истина! Мы говорили—и для каждаго письма была масса матеріаловъ, все было такъ дорого, такъ интересно, такъ живо трогало, и все такъ было нужно, что всякій разъ я чувствовалъ, что еще чего-то сказать не успѣлъ, или забылъ. Теперь же, я нахожусь въ положеніи человѣка, который никакъ не можетъ собрать свои непослушныя мысли. Чтò я скажу, когда сердце болѣзненно сжимается, объ чемъ я буду сообщать, когда всѣ событія потеряли свой интересъ? И наконецъ, говорю, говорю и нѣтъ отвѣта. Что же это такое? Или вы въ самомъ дѣлѣ заболѣли, и это правда, и хоть бы отъ кого-нибудь узнать что-нибудь объ этой правдѣ. Вы писали, что ждете Боткина—теперь Боткинъ долженъ быть тамъ, что онъ сказалъ? И кто мнѣ скажетъ? А между тѣмъ, спокойствіе духа отъ этого зависитъ! Надѣюсь, мой дорогой, мой благородный другъ, вы меня совершенно понимаете, и письмо мое не будетъ въ состояніи прибавить ни одной черты, которой бы вы не чувствовали гораздо раньше, чѣмъ я заговорилъ объ этомъ. Чѣмъ больше я думаю о нашемъ сближеніи, о странности нашихъ встрѣчъ,

о нихъ краткосрочности, о силѣ впечатлѣнія, мною испытываемой, и наконецъ о глубокой чертѣ, которую вы успѣли провести въ моей жизни, тѣмъ болѣе я удивляюсь и тѣмъ меньше я могу говорить объ этомъ. Прошу васъ, добрый мой, дорогой, это письмо, по его прочтеніи—уничтожить, сжечь. Странное желаніе и странная просьба, но мнѣ кажется, вы угадаете истинную причину и смыслъ. Бѣда не большая, еслибъ и не догадались, но есть вещи, есть чувства, есть состоянія, которыя могутъ быть и должны быть извѣстны и понятны только тѣмъ, кому они дороги, и потому сожгите. Вамъ я все могу сказать, не унижая ни себя, ни васъ. Мы недаромъ встрѣтились съ вами... и что̀ это я говорю—я, сѣдой и взрослый человѣкъ, отецъ семейства и счастливый въ семьѣ, предаюсь такой чувствительности. Но все равно, вы живы: доказательство моей мысли, что за личной жизнью человѣка, какъ бы она ни была счастлива, начинается необозримое, безбрежное пространство жизни общечеловѣческой въ ея идеѣ, и что тамъ есть интересы, способные волновать сердце, кромѣ семейныхъ радостей и печалей, печалями и радостями, гораздо болѣе глубокими, нежели обыкновенно думаютъ. Вы, вѣроятно, легко допустите, что я, не смотря на мое личное счастіе, какого дай Богъ всякому, остаюсь въ то же время какъ будто чѣмъ-то подавленъ, чѣмъ-то озабоченъ и какъ-будто несчастливъ. Вы представляете для меня частичку этого необозримаго пространства, на васъ отдыхалъ мой мозгъ, когда я мысленно вырывался за черту личной жизни; въ вашемъ умѣ, въ вашемъ сердцѣ, въ вашемъ талантѣ я видѣлъ присутствіе паѳоса высокаго поэта, и, не смотря на молодость—встрѣчался съ зачатками правильнаго рѣшенія всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, многихъ вопросовъ общечеловѣческаго интереса. Какъ мнѣ выразить печаль свою о судьбѣ нашихъ жизней, и чего бы я не далъ, чтобы быть всемогущимъ? Какое глупое слово, и какъ часто человѣкъ принужденъ его употреблять!

Добрый мой Ѳедоръ Александровичъ, вы видите, вы знаете, я не могу писать такъ, какъ вы хотите и какъ хочу я. Никакихъ другихъ словъ, кромѣ боли и стоновъ, я не могу издавать въ настоящую минуту, а минута продолжительна, я не могу написать, не могу коснуться ни одного событія, ни одной мысли посторонней, не имѣющей связи съ вашимъ состояніемъ, и до тѣхъ поръ, пока я не узнаю достовѣрно, что̀ съ вами, въ какомъ положеніи ваше здоровье, до тѣхъ поръ не ждите отъ меня другихъ писемъ. Ихъ нѣтъ у меня, какъ нѣтъ ихъ и у васъ; мы оба страдаемъ, не одинаково, конечно, но результаты одинаковы, я глубоко несчастливъ. Скажите хоть Клеопину что-нибудь, пусть онъ напишетъ, а то онъ извѣщаетъ только, что деньги получилъ, или продиктуйте Роману. И то, продиктуйте, если можете, если хотите, если считаете нужнымъ меня

извѣстить. До конца сентября я остаюсь въ Козловкѣ-Засѣкѣ, а можетъ быть захвачу и октября, что очень вѣроятно. Вашъ И. Крамской.

LXXIII. Къ П. М. Третьякову.

Козловка-Засѣка, 15-го сентября 1873 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я очень хорошо понималъ, что сдѣлать одинъ портретъ графа Толстого, съ тѣмъ, чтобы копію для васъ, или оставить оригиналъ у графа на неопредѣленное время, значитъ сдѣлать дѣло въ половину. Я знаю, что вамъ копіи не нужно, и до этого я бы не допустилъ. Самое непріятное, хотя еще и возможное—это сдѣлать портретъ и оставить его у графа, съ тѣмъ, чтобы онъ считался вашею собственностью, и что поступитъ онъ къ вамъ въ галлерею, когда заблагоразсудится Толстому, какъ я вамъ и писалъ. Но прошу васъ успокоиться: даже и этого не будетъ, такъ какъ я пишу разомъ два: одинъ побольше, другой поменьше. Я постараюсь, разумѣется, никого не обидѣть, и если мнѣ не удастся уже сдѣлать оба портрета одинаковаго достоинства, то ручаюсь вамъ за то, что лучшій будетъ вамъ. Если же, сверхъ ожиданія, выборъ будетъ затруднителенъ, или я встрѣчу со стороны графа какое-либо посягательство, то постараюсь выговорить условія такого рода, чтобы выборъ былъ предоставленъ вамъ лично.

Не удивляйтесь, что я пишу такъ увѣренно. Это происходитъ отъ того, что я, начавши работать и болѣе ознакомившись съ графомъ, вижу, что и онъ чувствуетъ себя какъ-бы обязаннымъ не стѣснять меня выборомъ. Все это было видно изъ разговоровъ. Такъ, напримѣръ, послѣ третьяго сеанса, онъ и жена его были довольны портретомъ; на слѣдующій разъ я привожу другой холстъ и начинаю новый, большій, а тому даю время сохнуть. Когда и этотъ портретъ былъ поставленъ на ноги, графиня говоритъ мнѣ: «Лучше этого второго сдѣлать нельзя!» То же говоритъ и графъ, прибавляя, что ему будетъ совѣстно оставить этотъ лучшій у себя. Я молчу, предоставляя себѣ говорить впослѣдствіи, а на этотъ разъ ограничиваюсь замѣчаніемъ, что надо оба портрета сдѣлать такъ, чтобы выборъ былъ затруднителенъ, и принимаюсь за прежній. Графъ изъявляетъ сомнѣніе, чтобы его можно сдѣлать такъ же, но я продолжаю работать, и вчера, наконецъ, мнѣ удалось и первый поправить настолько, что онъ, по общему ихъ отзыву, сталъ лучше второго. Не знаю, который изъ нихъ будетъ лучшій, но, какъ видите, я не преувеличиваю своихъ ожиданій.

Оба портрета далеко, очень далеко не кончены ни въ сходствѣ, ни въ живописи, они только рѣшительно подмалеваны, и относительно типа, т. е.

общаго сходства, я обезпеченъ въ обоихъ. Вотъ и все, что мною сдѣлано, въ чемъ и даю вамъ отчетъ. Теперь идетъ перерывъ на недѣлю, такъ какъ графъ уѣхалъ на охоту.

Письмо изъ Ялты отъ Клеопина я получилъ, наконецъ, третьяго дня, гдѣ онъ извѣщаетъ, что деньги 1,000 рублей имъ всѣ получены, и что онъ надѣется расплатиться такъ, чтобы рублей 250 или 300 оставалось бы для возвращенія матери въ Петербургъ послѣ катастрофы. Между прочимъ, онъ обѣщается спасти все, что̀ Васильевъ тамъ сдѣлалъ, и прислать въ Петербургъ. По его мнѣнію, произведеній у Васильева на нѣсколько тысячъ, но я полагаю, что онъ преувеличиваетъ. Высланныхъ денегъ не хватитъ на покрытіе всѣхъ долговъ, и потому Клеопинъ распорядится уплатить только денежныя обязательства, до 600 рублей, а остальные долги, въ магазинахъ, уплатитъ тѣми же вещами, какъ-то: коврами, вазами и прочимъ, которые торговцы такъ нахально навязывали, какъ онъ пишетъ, здоровому Васильеву. И потому онъ проситъ не безпокоиться. Я написалъ Клеопину, чтобы онъ постарался всѣ счеты привести въ ясность, и чтобы были приложены росписки, гдѣ это нужно.

Уважающій васъ И. Крамской.

LXXIV. Къ В. В. Стасову.

29-го сентября 1873 г. Козловка-Засѣка.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, быть можетъ вы найдете умѣстнымъ сообщить публикѣ, при случаѣ, объ одномъ печальномъ обстоятельствѣ, по поводу котораго я рѣшаюсь написать вамъ нѣсколько строкъ. 24 сентября, утромъ, умеръ отъ чахотки, въ Ялтѣ, 23 лѣтъ отъ роду, пейзажистъ Ѳедоръ Александровичъ Васильевъ. Я познакомился съ нимъ въ исходѣ 1868 г., когда онъ только что начиналъ заниматься искусствомъ: съ первыхъ же дней нашего знакомства, я убѣдился, что имѣю дѣло съ человѣкомъ крупнаго таланта. Въ продолженіе 3-хъ лѣтъ онъ успѣлъ, на моихъ глазахъ, развиться до той высоты, на которой онъ не только соперничалъ, но и превосходилъ многихъ опытныхъ художниковъ. Въ началѣ 71 года была написана имъ извѣстная картина «Оттепель»; къ этому же времени относится и появленіе первыхъ признаковъ болѣзни. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года, онъ уѣхалъ изъ Петербурга на югъ, а въ сентябрѣ я съ нимъ встрѣтился уже въ Крыму; но, по обстоятельствамъ, я долженъ былъ вернуться вскорѣ въ Петербургъ, и оставилъ Васильева въ дурномъ положеніи, относительно здоровья. Съ тѣхъ поръ мы уже не видались. Не знаю, много-ли будетъ у меня единомышленниковъ, но я полагаю, что рус-

ская школа потеряла въ немъ геніальнаго художника. Я не стану распространяться о его первыхъ произведеніяхъ, не скажу ничего и о его «Оттепели», какъ о картинахъ уже оцѣненныхъ, замѣчу только, что, не смотря на всю поэзію и талантъ, которые онъ здѣсь выказалъ, въ нихъ, пожалуй, можно отыскать слѣды, хотя и отдаленные, чего-то заимствованнаго, или по крайней мѣрѣ, знакомаго. Но его двѣ картины, присланныя изъ Ялты — «Болото» и «Крымскій видъ», представляютъ черты уже совершенно самобытнаго и оригинальнаго взгляда на природу. Послѣдняя картина, не смотря на признаки болѣзни (въ первыхъ планахъ картины), полна такой высокой поэзіи и совершенства техники въ среднихъ и дальнихъ планахъ, и въ небѣ, что нельзя указать на другое произведеніе въ русской живописи за послѣднее время, которое бы его превосходило. Хотя я его слишкомъ любилъ и уважалъ, и потому могу быть пристрастнымъ, но мнѣ кажется, что я не очень далекъ отъ истины, говоря такимъ образомъ.

Не могу умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, которое много причинило ему хлопотъ и безпокойства и, разумѣется, вредно дѣйствовало на больной организмъ.

Вамъ извѣстно, что онъ не былъ ученикомъ Академіи и не ей обязанъ своимъ развитіемъ, а Шишкину. Все въ томъ же 71 году, онъ оказался на рекрутской очереди и его потребовали. Чтобы не быть взятымъ въ солдаты, онъ сдѣлался вольноприходящимъ ученикомъ Академіи, за мѣсяцъ до своего отъѣзда въ Крымъ, и подалъ нѣсколько своихъ прежнихъ произведеній на званіе художника.

Совѣтъ Академіи присуждаетъ ему званіе класснаго художника 1-й степени, съ обязательствомъ выдержать экзаменъ. Васильевъ не можетъ выѣхать изъ Ялты и проситъ, въ уваженіе его болѣзни, освободить его отъ экзамена и дать видъ на жительство. (Примѣры снисхожденія со стороны Академіи, въ подобныхъ случаяхъ, были не дальше нѣсколькихъ мѣсяцевъ). Академія отмѣняетъ первое свое постановленіе и даетъ ему почетнаго вольнаго общника, званіе, кромѣ академическихъ стѣнъ, не имѣющее значенія, а въ свидѣтельствѣ и въ видѣ отказываетъ. Между тѣмъ, картины его посылаетъ на всемірныя выставки и въ Лондонъ, и въ Вѣну, а въ печатномъ отчетѣ за 1872 г. называетъ его художникомъ первой степени. Такъ онъ и умеръ безъ паспорта, проживши въ Ялтѣ 2 года. Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ И. Крамской.

LXXV. Къ И. Е. Рѣпину.

Козловка-Засѣка, 1873 г. 8-го октября.

Вы пишете ко мнѣ письмо 8-го октября, добрый мой Илья Ефимовичъ, и я пишу вамъ 8-го октября же—разница въ стиляхъ. Каламбуръ. Вы че-

ловѣкъ лѣнивый, и я тоже; и потому будемъ писать, пока пишется, и когда напишется. Письма тогда и интересны, когда они не вынуждены — вотъ какую я вамъ классическую истину сообщаю, и льщу себя надеждой, что вы узнаете отъ меня перваго такую драгоцѣнность. И такъ, бѣды большой не будетъ, если... если, напримѣръ, вы не напишете ничего больше, какъ: будьте здоровы! Вы меня этимъ не сконфузите, а есть-ли въ немъ (въ письмѣ) какія либо объясненія, а еще (чего Боже сохрани) и оправданія, то это право не прибавитъ къ вашему письму ни капельки, только развѣ убудетъ нѣсколько содержимаго въ письмѣ, потому что, какъ хотите, а для того и другого все-таки нужно мѣсто. И потому лучше совсѣмъ не нужно объясненій, а ужъ отъ оправданій да удержитъ васъ Аллахъ!

Вѣроятно, я что-нибудь неладное изобразилъ въ своемъ письмѣ послѣднемъ, что вы упоминаете объ этомъ. Со мной всегда такъ. А вѣдь я былъ только просто откровененъ, ничего больше, и меньше всего я желалъ отъ васъ объясненій въ томъ смыслѣ, какъ вы полагаете. Бросимъ— цѣлая страница пропала задаромъ.

Ѳедоръ Александровичъ Васильевъ умеръ 24 сентября. Миръ его праху, и да будетъ память его свѣтла, какъ онъ того и заслуживаетъ. Милый мальчикъ, хорошій, мы не вполнѣ узнали, что̀ онъ носилъ въ себѣ, и нѣкоторыя хорошія пѣсни онъ унесъ съ собой, вѣроятно.

Вы какъ будто стосковались по русской осени, по вѣтерку и по дождику, а я вотъ тѣмъ и другимъ наслаждаюсь,—получаю кашли и насморки, и съ завистью думаю: какой счастливый Илья Ефимовичъ, ему свѣтитъ солнце до скуки, надъ нимъ голубое небо безъ облачка! Да, вы правы: вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ!

Какъ устроить свою жизнь такъ, чтобы впечатлѣнія не отзывались болѣзненно? Судите сами. Я получаю ваше письмо рано, еще въ постели — 7 часовъ утра, небо хмурое, день обѣщаетъ скучный, вѣтеръ и дождь чувствуются въ воздухѣ, и вчера было то же — да и завтра перемѣны ждать нечего; день за день — недѣля, другая, мѣсяцъ, годъ. Господи, все-то я впередъ знаю, кто что̀ скажетъ и что̀ сдѣлаетъ, впечатлѣнія блѣдныя, пріѣвшіяся до тошноты. И вдругъ, письмо изъ прекраснаго далека! Читаю: на каждой страницѣ, въ каждой строкѣ бьетъ новость, интересъ, интересная жизнь, интересныя впечатлѣнія, и потому любопытныя мысли, сближенія, параллели; время богато наполнено, сердце сильнѣе бьется, голова занята небывалыми вопросами, а онъ, этотъ счастливецъ, скучаетъ— вишь осени жалко, дождика захотѣлъ! А мнѣ онъ надоѣлъ по горло, радъ съ вами подѣлиться, возьмите же!

Въ этомъ письмѣ много будетъ дождя, дождя осенняго, мелкаго, холоднаго, несущаго съ собой хандру и болѣзни! И вотъ практическая польза

нашей возникающей переписки. Я вамъ буду посылать сѣрыя, туманныя и дождливыя до нищенской бѣдности, по содержанію, письма, а вы мнѣ давайте то, чего у васъ въ избыткѣ: солнца, свѣта, разнообразія и, какъ подкладку—вашу соціальную жилку, которая, я чувствую, просвѣчиваетъ во всѣхъ сюжетахъ, о которыхъ вы упоминаете. Не хочу быть пророкомъ, но полагаю, что вы, поживя заграницей, нѣсколько утратите эту чувствительность. Въ Парижѣ особенно легко ее утратить—это ужъ городъ такой. Впрочемъ, я и въ Парижѣ кое на что наталкивался въ томъ же родѣ; но тамъ всегда такая ярмарка, такой праздничный пиръ, что впечатлѣнія мрачныя, гнетущія, скоро изглаживаются. Если же вы и затѣмъ останетесь все тѣмъ же, чѣмъ до сихъ поръ, то, признаюсь... вы гораздо упорнѣе, чѣмъ даже я полагалъ. Хотѣлъ-было написать нѣчто другое, то есть то же самое, если хотите, только другими словами, да раздумалъ, мистицизмомъ запахло бы, а это, согласитесь, и для осенняго письма было бы слишкомъ. Я о Парижѣ невысокаго мнѣнія (впрочемъ, о чемъ же я высокаго мнѣнія?) Но все-таки привѣтствую васъ въ Парижѣ: это городъ самый живой изъ художественныхъ центровъ. Буду ждать письма отъ васъ изъ Парижа съ особымъ интересомъ и нетерпѣніемъ, и я думаю, что чѣмъ дольше и больше вы будете въ немъ находиться, тѣмъ письма ваши для меня все будутъ интереснѣе и интереснѣе, если, впрочемъ, только они будутъ. Простите, ради Бога, эту дьявольскую осторожность — я не знаю, какъ она подъ перо попала.

И въ Парижѣ, какъ вездѣ заграницей, художникъ прежде все смотритъ, гдѣ торчитъ рубль, и на такую удочку его можно поймать; и тамъ та же погоня за богатыми развратниками и наглая потачка и поддакиваніе ихъ наклонностямъ, соревнованіе между художниками самое откровенное на этотъ счетъ, но тамъ есть нѣчто такое, что̀ намъ нужно намотать на усъ самымъ усерднымъ образомъ—это дрожаніе, неопредѣленность, что-то нематеріальное въ техникѣ, эта неуловимая подвижность натуры, которая, когда смотришь пристально на нее — матеріальна, грубо опредѣлена и рѣзко ограничена, а когда не думаешь объ этомъ и перестанешь хоть на минутку чувствовать себя спеціалистомъ, видишь и чувствуешь все переливающимся, и шевелящимся, и живущимъ. Контуровъ нѣтъ, свѣта и тѣни не замѣчаешь, а есть что-то ласкающее и теплое, какъ музыка. То воздухъ охватитъ тебя тепломъ, то вѣтеръ пробирается даже подъ платье, только человѣческой головы, съ ея ледянымъ страданіемъ и вопросительною миною, или глубокимъ и загадочнымъ спокойствіемъ, французы сдѣлать не могли и, кажется, не могутъ, по крайней мѣрѣ, я не видалъ. Провѣрьте меня, и скажите ваше мнѣніе. До слѣдующаго письма. Чрезъ недѣлю буду въ Петербургѣ.

Вашъ И. Крамской.

LXXVI. Къ П. М. Третьякову.

26-го октября 1873 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Петръ Андреевичъ Каратыгинъ, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, еще весной, просилъ сдѣлать для него фотографію съ портрета Грибоѣдова, такъ какъ онъ участвовалъ въ исполненіи его, какъ онъ говорилъ,—и, по моему, чуть-ли не на половину. Я ему обѣщалъ въ то время, надѣясь, что вы будете такъ любезны и согласитесь съ своей стороны. Но при свиданіяхъ моихъ съ вами, я забывалъ спросить васъ объ этомъ. Въ настоящее время, Семевскій, издатель «Русской Старины», пишетъ ко мнѣ о томъ, что̀ ему разсказывалъ Каратыгинъ по этому поводу, и проситъ позволенія приложить снимокъ съ моего портрета при изданіи и статьяхъ своихъ о Грибоѣдовѣ, имѣющихъ быть помѣщенными въ ближайшемъ будущемъ. Если вы ничего не найдете съ своей стороны препятствующаго снятію фотографій и высылкѣ ко мнѣ ихъ въ числѣ 3-хъ экземпляровъ, то прилагаю размѣръ головы для фотографіи. Семевскому я долженъ буду отвѣчать, когда я получу отъ васъ разрѣшеніе. Глубокоуважающій васъ И. Крамской.

LXXVII. Къ И. Е. Рѣпину.

С.-Петербургъ, 15—27-го ноября 1873.

Сомнѣвался я порядочно, получили ли вы мое послѣднее письмо отъ 8-го октября, добрѣйшій Илья Ефимовичъ, и не застряло-ли оно гдѣ-нибудь. Меня уже пугали тѣмъ, что франкированныя письма пропадаютъ будто бы потому, что они франкированныя, и что этого дѣлать никогда не слѣдуетъ. Но я успокоился, получивши отъ васъ извѣстіе, вы какъ будто получили его.

И такъ, вы въ Парижѣ. Вонъ оно что! На другой день ужъ и бѣжать оттуда — это хотя вамъ и свойственно, пожалуй, но все-таки, какъ будто хвачено черезъ край. Вѣдь тамъ что-нибудь да есть же, что̀ увлекаетъ за собой всю Европу, какъ вы говорите, и говорите совершенно справедливо, то-есть пока справедливо. Но въ то же время мнѣ очень понравилось ваше желаніе унестись за много вѣковъ впередъ, когда Франція кончитъ свое существованіе. Это такъ хорошо, мѣтко и, главное, нужно даже это сдѣлать, что я готовъ слѣдовать за вами. Только вотъ что̀: такъ-ли это все бу-

детъ сказано объ Франціи въ исторіи — другой вопросъ. Одно несомнѣнно: громадный потокъ жизни въ Парижѣ не все уноситъ и не всѣхъ, по крайней мѣрѣ являются желающіе сопротивляться; число таковыхъ ежедневно увеличивается. Это очень важно помнить. Все, что вы говорите о первыхъ впечатлѣніяхъ вашихъ въ Парижѣ, точь-въ-точь совпадаетъ съ моими личными впечатлѣніями, но полагаю, что, кромѣ голода, который въ Парижѣ не подлежитъ сомнѣнію, есть еще другой факторъ,— это національный темпераментъ. Французу подавай успѣхъ, во что бы то ни стало, и чѣмъ бы онъ ни былъ оплаченъ.

Впрочемъ это все похоже на общія мѣста съ моей стороны. Мнѣ бы спеціально хотѣлось, напримѣръ, услышать отъ васъ кое-что о Венерѣ Милосской (она до Коммуны стояла въ Луврѣ, внизу). Вѣдь вотъ какъ странно выходитъ: тутъ щемитъ сердце отъ разныхъ проклятыхъ современныхъ вопросовъ, отъ самыхъ свѣжихъ жизненныхъ волненій сегодняшняго дня, а онъ — о Венерѣ Милосской! Но такъ какъ вы ее видѣли уже, вѣроятно, и стало быть имѣете опредѣлившійся взглядъ, то, говоря объ ней, я не рискую забѣгать впередъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ сдается, будто особа эта есть нѣчто такое, чему равнаго я указать не могу ни на что. Ей все позволено, и она все себѣ позволяетъ, но, въ то же время, она ничего не сдѣлаетъ такого, что̀ было бы недостойно существа высшаго порядка. Словомъ, это богиня настоящая, и въ то же время реальнѣйшая женщина. Не знаю, что вы скажете, и такъ ли это, но впечатлѣніе этой статуи лежитъ у меня такъ глубоко, такъ покойно, такъ успокоительно свѣтитъ чрезъ всѣ томительныя и безотрадныя наслоенія моей жизни, что всякій разъ, какъ образъ ея встанетъ передо мной, я начинаю опять юношески вѣрить въ счастливый исходъ судьбы человѣчества. Вотъ какой высокій слогъ! А вѣдь я, право, старался сказать, что думаю и чувствую. Не шутя, ни одно произведеніе такъ высоко на меня не дѣйствовало, а оно, какъ вамъ извѣстно, только «красота», и ничего больше, да еще женская красота, а вѣдь у меня относительно этого кровь рыбья. Чортъ знаетъ что такое. Что тамъ сидитъ, да еще сидитъ ли полно, быть можетъ это все критики напѣли; это все когда-то, кому-то показалось, и всѣ пошли, какъ бараны за вожакомъ, твердить и восхищаться. Но нѣтъ, что̀ бы тамъ ни было, какъ бы вы ни думали, какъ бы ее новое и грядущее время ни развѣнчало, а я не могу отдѣлаться отъ этого образа. Я многое почти забылъ уже, что видѣлъ, а эта — какъ теперь стоитъ предо мною живая, и я смотрю на нее, вижу всю до мельчайшихъ подробностей, вижу даже, какъ она дышетъ. Впечатлѣніе не потускло и не ослабѣло. Любопытно.

Былъ тутъ у меня Полѣновъ, онъ, вѣроятно, теперь уже въ Парижѣ.

Какъ онъ измѣнился во всѣхъ отношеніяхъ къ лучшему, начиная съ головы! Я имъ не мало любовался.

Вотъ вамъ и общество. Вы говорите — скучновато. Это точно, особенно Пожалостинъ. Леманъ — это собственно одинъ сплошной животъ, но ничего, не злобный, если не дразнить. Ну, а Харламовъ — и того пуще, ему дорожка расчищена авторитетами, самому думать не зачѣмъ, все въ жизни пойдетъ хорошо; пишетъ прекрасно, лѣпитъ не особенно твердо, да это и не важно по-ихнему, а мысль.... мысль.... зачѣмъ она въ искусствѣ? Вѣдь обходятся же безъ нея, и даже еще лучше такъ. А малый онъ былъ смирный, пріятный гортанный голосъ, чуть-чуть картавитъ, что̀ къ нему идетъ, а лицо имѣетъ (то есть имѣлъ) меланхолическое. Ну, скажите, чего-жъ еще вамъ нужно? Я даже нахожу ту маленькую скуку, которую вы чувствуете, очень выгоднымъ условіемъ. Ничто не помѣшаетъ смотрѣть и наблюдать, не вмѣшиваясь въ тотъ омутъ жизни, то есть скорѣе лихорадки жизни, которою такъ богатъ Парижъ. Въ этомъ отношеніи, я полагаю, Лондонъ не лучшій городъ. Тамъ есть что-то строгое и холодное (не знаю, не бывалъ, но такъ кажется). Рѣшительно продолжаю васъ привѣтствовать въ Парижѣ. А вѣдь не правда ли, что тамъ какъ-то работается, несмотря на шумъ, гвалтъ, праздношатаніе и другія французскія качества. Это ужъ городъ такой: побывать въ немъ современному человѣку надлежитъ, и пожить, пока сможется, не мѣшаетъ. Почему—не знаю, объяснить не берусь, а нужно, да и кончено.

Скоро, быть можетъ, еще сотоварищъ къ вамъ прибудетъ—Конст. Аполл. Савицкій. Кажись на то идетъ дѣло. Слабъ онъ здоровьемъ, а вѣдь онъ не боецъ, какъ вамъ извѣстно; ему на рынкѣ трудно найти работу. Слишкомъ много и посильнѣе его, да и тѣ не особенно успѣваютъ, такъ что ему нужно до поры до времени еще пополнить спокойно свой арсеналъ. Мнѣ очень жаль съ нимъ разстаться — сердце у него честное, и талантъ есть, но... пусть идетъ, такъ лучше, я его уговариваю.

Пріѣхала мать Васильева, привезены вещи. Сколько онъ работалъ — страхъ! Какіе рисунки, сепіи, акварели, какіе альбомы, и что̀ за мотивы! Рѣшительно мы лишились музыканта. Еслибы вы видѣли, ка̀къ онъ сталъ созрѣвать! Что̀ было въ рукахъ этого человѣка, что̀ онъ дѣлалъ съ карандашемъ—это удивительно и странно. Съ одной стороны—одиночество, болѣзнь и работа за деньги ему вредила, къ нему прилипли нѣкоторые новые недостатки, а съ другой — полетъ фантазіи, умъ, и самая техника принимали такой оригинальный характеръ, такое благородство, такую увѣренность, что просто изъ ряду вонъ, да и только. Когда еще не было матери и братишки, онъ умеръ, я это зналъ, былъ готовъ къ этому давно; когда меня коснулось впечатлѣніе непосредственно, когда я, такъ сказать,

самъ присутствую на фактѣ, я просто помириться не могу. Ужъ очень онъ мнѣ нравился. Хотя я не былъ слѣпъ и къ его недостаткамъ.

Что вамъ сказать изъ петербургскихъ новостей? Вѣдь вамъ легко тамъ сидѣть, да думать: что-то подѣлываетъ вотъ тотъ, какъ идутъ дѣла такого-то, и это совершенно естественно, и я бы такъ разсуждалъ. Но вѣдь, примите же во вниманіе, что у насъ въ Россіи ничего не мѣняется, что мы тихонечко колышемся, каждый въ своей раковинѣ. Вы, вѣроятно, видѣли разныя водоросли въ стоячей, то есть едва проточной, водѣ. Онѣ, своими верхушками, какъ улитка усиками, едва поводятъ, то вправо, то влѣво, и такъ долго-долго, и сколько ни смотрите — ни одного энергичнаго движенія, изрѣдка только раздастся плескъ хищной щуки, при преслѣдованіи простоватаго карася (скандалъ)—это лѣтомъ въ полдень, ну, а къ вечеру скандалы чаще, и водоросли своими махрами тоже начинаютъ двигать, какъ будто быстрѣе — но вѣдь это миражъ, вѣдь это не самостоятельныя животныя, это водоросли, крѣпко пріуроченныя корнями къ одному мѣсту, но что онѣ ростутъ — это несомнѣнно. Такъ и мы. И потому я, напримѣръ, крѣпко пустившій корни, рѣшительно недоумѣваю, что вамъ сообщить. И какъ будто вы не знаете сами, что случиться ничего не могло. Ваше безпокойство относительно этого мнѣ понятно, и происходитъ только отъ той качки, которая бываетъ при путешествіи. Пролетишь 5,000 верстъ въ 3 дня, а покажется годомъ. Ну, думаешь, вотъ-то новостей и перемѣнъ — ничуть не бывало, вѣдь вы въ путешествіи всего третій день, а у насъ еще не успѣла перевариться пища вчерашняго обѣда, еще мы только второму другу и пріятелю принялись помыть косточки, а вы полагаете, что ужъ тутъ и Богъ вѣсть что случилось. Но, чтобы не нести упрека въ лѣни, я вамъ сообщаю, что Ив. Ив. Шишкинъ 3 мѣсяца уже кусаетъ ногти и только, жена его хвораетъ по-старому. Гè продолжаетъ писать картину, которой я не видалъ, не показываетъ никому. Мясоѣдовъ пишетъ (и, пожалуй, хорошо) «Чтеніе положенія, въ ригѣ, мужичкамъ, про волю». Про Перова ничего не знаю, проѣздомъ чрезъ Москву его не видалъ, онъ былъ заграницей, но говорятъ, что пишетъ: «Расправа Пугачева». Ѣздилъ на Уралъ за этюдами. А жрецы Академіи, юные и ветхіе, все въ томъ же недоумѣвающемъ положеніи съ обѣихъ сторонъ, какъ имъ и быть надлежитъ. Впрочемъ пріятная новость, — учениковъ въ Академіи становится очень много, а программы, я думаю, что вы ихъ безъ труда можете во снѣ увидать, если... если знаете Плюснина. Прекрасно! Впрочемъ, Зязинъ, какъ бы это вамъ выразить, сотворилъ такое неприличіе съ программой, что всѣ старцы пришли въ ужасъ: написалъ безъ рисунка, безъ драпировокъ, какихъ-то двухъ дикарей (Саулъ и Давидъ съ гуслями), въ пустомъ чуланѣ, не домазалъ холста, объ опрятности и помину нѣтъ, а между тѣмъ—даже

драма. Ну, разумѣется, его въ шею, какъ смѣешь грубить, — все старая исторія.

Передвижная выставка въ Кіевѣ, новая — готовится... готовится... гм, то есть, около, вотъ видите ли, мы полагаемъ, что быть можетъ; по крайней мѣрѣ, мы желали бы, но это будетъ зависѣть; впрочемъ, никакъ не позже того срока, который назначенъ. И. Крамской.

LXXVIII. Къ П. М. Третьякову.

15-го ноября 1873 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините меня великодушно, что я замедлилъ отвѣтомъ, — со дня на день ждалъ вещей Васильева изъ Крыма. Теперь онѣ пріѣхали. Мы втроемъ: Шишкинъ, Григоровичъ и я, разбирали ихъ. Думаю, что найдется кое-что такое, что́, по совѣсти, полагаю, вы могли бы выбрать въ уплату. Цѣны надо будетъ поставить сколько возможно умѣренныя. Но что́ у него есть дѣйствительно капитальнаго, то это альбомы. Ихъ много, около 10; изъ нихъ Императрица выбрала 2, еще въ Ялтѣ, правда хорошіе, но нельзя даже сказать, чтобы лучшіе, потому что всѣ альбомы—лучшіе. Альбомы до такой степени хороши, что я не знаю ничего лучше въ этомъ родѣ. Кромѣ того, не считая этюдовъ, числомъ до 100 (между которыми есть прекрасныхъ десятка два), есть 4 картины очень хорошихъ: 2 маленькихъ и 2 побольше, одна изъ нихъ побольше, кажется, вашего «Болота», къ сожалѣнію немного неоконченная, а другая, вѣроятно вамъ извѣстная, съ тополями и фигурами. Вы ее видѣли въ Крыму. Картина для К. Т. Солдатенкова тоже привезена, но она все также неокончена, какъ была.

Что касается портрета графа Льва Николаевича Толстого, то и я, разумѣется, жду того дня, когда вы его увидите, что́ вы скажете, и что́ вы найдете, а понравится ли онъ вамъ — не знаю. Я самъ слишкомъ хорошо его знаю, чтобы судить; чувствую, что онъ какой-то странный. Еслибы это была не моя вещь, еслибы я могъ его видѣть въ первый разъ, какъ другіе, то разумѣется, что я не затруднялся бы приговоромъ, но теперь просто не могу ясно дать себѣ отчетъ.

О портретѣ Ив. Алекс. Гончарова я больше подымать вопроса не берусь. Это не Толстой, я его знаю давно, и пустить аргументацію для его убѣжденія будетъ безполезно, тѣмъ болѣе, что вотъ уже теперь, по пріѣздѣ и бывши у него, я сказалъ, что я очень сожалѣю, что его портрета нѣтъ, и онъ, съ дрожью въ голосѣ, обиженнымъ тономъ сказалъ мнѣ: «Вѣдь ужъ мы рѣшили никогда не подымать этого вопроса, Иванъ Николаевичъ, и я признаюсь, что, не смотря на наше знакомство и на то, что

я радъ васъ видѣть, я не могу быть увѣренъ, чтобы всякое ваше посѣщеніе не было бы попыткой завести рѣчь о ненавистномъ мнѣ портретѣ». Что тутъ на это скажешь? Кромѣ всего этого, есть еще причина, удерживающая и его, а частью и меня, отъ разговоровъ по этому поводу: это то, что я уже его портретъ сдѣлалъ, правда, черный, но все-таки портретъ и даже недурной. Правда, онъ собственность С. А. Никитенко, но я не думаю, чтобы въ крайнемъ случаѣ имъ никогда нельзя бы было воспользоваться. Приношу вамъ мою благодарность за обѣщанныя фотографіи съ портрета Грибоѣдова.

Жду распоряженія относительно вещей Васильева, хотя, признаюсь, мнѣ будетъ несовсѣмъ ловко говорить что либо рѣшительное въ пользу ихъ, по извѣстной вамъ причинѣ. Лучше, еслибы вы сами могли ихъ видѣть. Выставка всѣхъ его произведеній будетъ около Рождества. Глубоко уважающій васъ. И. Крамской.

LXXIX. Къ И. Е. Рѣпину.

С.-Петербургъ, 6-го декабря 1873 г.

Прежде всего я отвѣчаю, разумѣется, о Пожалостинѣ*). Помимо тѣхъ сторонъ этого вопроса, которыя вы знаете, но не высказываете и которыхъ не коснусь и я, по той же самой причинѣ, добрый мой Илья Ефимовичъ, есть не подразумѣваемыя только, а дѣйствительныя причины, почему Пожалостинъ къ намъ подойти не можетъ. Вопросъ въ томъ, ка̀къ считать гравюру при выдачѣ дивиденда? Что она такое? Самостоятельное ли художественное произведеніе? И, какъ таковое, имѣетъ ли оно цѣну и интересъ единственнаго произведенія? Вѣдь мѣдная или стальная доска можетъ стоить тысячи рублей, ну, а экземпляръ оттиска съ нея что̀ стоитъ? Положимъ, портретъ Брюллова въ продажѣ стоитъ 5 рублей (я не знаю, сколько дѣйствительно), дивидендъ съ нея, слѣдуетъ ли выдавать съ 1,000 рублей, или съ 5 рублей? Если съ 1,000 рублей, то Пожалостинъ, въ такомъ случаѣ, долженъ дать намъ новую гравюру, никому неизвѣстную, и нигдѣ, кромѣ того, единственнаго экземпляра, который онъ дастъ намъ, не выставлять и не продавать. Если же дивидендъ долженъ быть выдаваемъ съ 5 рублей, то это противорѣчитъ принципу Товарищества и не приноситъ никакой выгоды автору, и едвали Пожалостинъ сочтетъ для себя удобнымъ вступить въ Товарищество, на послѣднемъ условіи, да и на первомъ, надо полагать, тоже. Вѣдь мы уже имѣли опыты подобнаго рода съ скульпторами. Если скульпторъ дастъ намъ вещь, напри-

*) Граверъ.

мѣръ, въ мраморѣ или глинѣ, и притомъ единственный экземпляръ, то, разумѣется, и дивидендъ ему будетъ слѣдовать, какъ съ художественнаго произведенія. Но если, какъ у Каменскаго—оттискъ изъ гипса, и рядомъ онъ будетъ продавать десятками одинаковые слѣпки за 15 рублей, то естественно возникнетъ вопросъ о процентномъ вознагражденіи, и не будетъ ничего удивительнаго, если встрѣтится толкованіе въ пользу выдачи дивиденда только съ 15 рублей. Такъ и съ Пожалостинымъ! Если же ему угодно продавать просто свои гравюры при выставкѣ, то это другое дѣло, это онъ можетъ сдѣлать всегда, и мы съ удовольствіемъ примемъ на продажу, съ условіемъ взиманія 5°/₀ съ каждаго проданнаго экземпляра, и затѣмъ всѣ счеты кончаются. Шишкинъ за офортъ получилъ, какъ за экземпляръ. А что касается до универсальности, то она сохраняется и при послѣднемъ моемъ предложеніи, какъ разъ настолько, насколько вы сами придаете этому значеніе.

Я вамъ собираюсь послать упрекъ по поводу Антокольскаго. У него готова новая статуя, а вы, зная объ этомъ и видя ее, ни однимъ словомъ не обмолвились. Я говорю о «Христѣ». Быть можетъ, она не была тогда кончена, но все-таки Антокольскій не такого рода человѣкъ, чтобы у него не вышло чего-нибудь вполнѣ оригинальнаго. Ну, да ужъ Богъ вамъ судья. На первый разъ, я васъ прощаю, и знайте, что слухи объ ней—очень хорошіе.

Сегодня я пишу, воротившись съ четверга*), которые еще влачатъ свое существованіе. Тамъ былъ Праховъ, младшій; онъ читалъ намъ выдержки изъ своей статьи о вѣнской выставкѣ: есть много любопытныхъ сближеній и мѣткихъ замѣчаній. Но такъ ли это дѣйствительно, я судить, разумѣется, не могу, не видавши вещей, о которыхъ идетъ рѣчь Между прочимъ, у него я встрѣтилъ мнѣніе, встрѣченное мною въ первый разъ, и вѣроятно, ему лично принадлежащее, что будто бы у французовъ многія идеи и отраженія умственной жизни общества были сначала тронуты пластическими искусствами, прежде, чѣмъ появиться въ поэзіи и литературѣ. Я сказалъ, что это чрезвычайно ново и интересно, еслибы только это было доказано. И онъ говоритъ, что на это онъ употребитъ все вниманіе въ своемъ новомъ ученомъ трудѣ и постарается доказать фактами такое заключеніе. Любопытно. Съ французами, стало быть, происходитъ какъ разъ обратное тому, что мы замѣчаемъ въ расахъ германской и славянской.

У меня былъ чрезвычайно интересный сосѣдъ:—Куинджи. Онъ жилъ визави противъ моей квартиры, и мы съ нимъ нѣсколько разъ подолгу бесѣдовали. Къ сожалѣнію, онъ какъ-то внезапно исчезъ съ квартиры. Еще

*) Четверги—дни собраній въ Артели художниковъ.

наканунѣ мы мирно толковали о разныхъ матеріяхъ, и ничего не было такого, что́ бы указывало на его переѣздъ, тѣмъ болѣе, что онъ не больше 3-хъ недѣль, какъ сталъ моимъ сосѣдомъ, и вдругъ на другой день, то есть вчера—его уже нѣтъ, выѣхалъ—куда, еще не знаю. Вы знаете, что онъ успѣлъ побывать заграницей и много объѣхалъ, много видѣлъ и много любопытнаго разсказывалъ, но всего любопытнѣе — онъ самъ. Вы, разумѣется, помните, что̀ я объ немъ когда-то говорилъ. Я его не зналъ, но и узнавши, не думаю, чтобы я очень былъ ошибочнаго объ немъ мнѣнія. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, онъ все еще около чего-то ходитъ, что-то такое въ немъ сидитъ, но все это еще не опредѣлилось; но одна сторона въ немъ открылась и... поразила: онъ политикъ, и политическія способности у него не дюжинныя; но онъ политикъ не въ томъ смыслѣ, ка̀къ вообще это принято разумѣть, а въ другомъ родѣ. Рѣчь шла объ Академіи, о нашей роли относительно ея, о будущемъ Академіи, о будущемъ того кружка, который сторонится отъ Академіи, и о имѣющемъ совершиться, въ ближайшемъ будущемъ, распредѣленіи группъ и партій (беру эту кличку напрокатъ изъ другой области), ихъ борьбѣ, вѣроятныхъ побѣдахъ и не менѣе вѣроятныхъ пораженіяхъ. Я слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ, интересомъ и... и изумленіемъ, не потому, чтобы то, что́ онъ мнѣ говорилъ, было для меня ново или неизвѣстно, а главнымъ образомъ потому, что, во-1-хъ, это говоритъ Куинджи, а во-2-хъ, предметъ такого рода, что объ немъ хотя нѣкоторые и догадываются, но никогда, нигдѣ еще не говорятъ. И вдругъ — вопросъ! Да какой! Прямо въ упоръ, за нимъ другой, тамъ третій, безъ конца, и очевидно, онъ стоитъ твердо на ногахъ. Я долженъ былъ признать, что прозорливость у него большая, если только она его. Когда онъ кончилъ, для меня стало ясно кое-что въ молодомъ поколѣніи, и я тутъ убѣдился, что намъ, собственно говоря, приговоръ уже произнесенъ. (Я говорю: намъ, то-есть, людямъ зрѣлаго возраста). Разумѣется, онъ можетъ еще измѣниться, но ужъ это будетъ зависѣть отъ личныхъ силъ каждаго, и облегченіе будетъ допущено только въ силу какихъ-либо новыхъ, еще неявившихся подвиговъ, но въ общемъ онъ правъ. То, что онъ говорилъ, я лѣтъ пять тому назадъ переворачивалъ въ мозгахъ и рѣшилъ пойти по той дорожкѣ, по которой пошелъ, не закрывая глазъ и не обманывая себя на счетъ исхода. Ну что-жъ — борьба такъ борьба, я это знаю, я жду ее, наконецъ, впередъ! опять-таки повторяю. Сворачивать въ сторону, по-моему, нельзя; по крайней мѣрѣ, я не могу свернуть, потому что не умѣю, для меня лично было бы хуже, да и для дѣла искусства этого не нужно. Для дѣла искусства! Какія великія слова, подумаешь! Но если мы возьмемъ наше любезное отечество и наше не всѣми любимое и не всѣми признаваемое искусство, то слова мои простительны, и я думаю,

что не все же молодое поколѣніе осудитъ насъ и пошлетъ одни упреки за то, что мы, имѣя возможность захватить въ свои руки власть для торжества иныхъ порядковъ, не захватили ее и... устранились. Впрочемъ, желающихъ много, но... вы знаете, что это значитъ. Онъ пугаетъ Семирадскимъ, и это точно, что правда: удары, которые они будутъ наносить, будутъ чувствительнѣе, чѣмъ удары Шамшина, Маркова и даже Бруни. Но будто ужъ въ томъ же молодомъ поколѣніи не появится ни одного на нашей сторонѣ? Вопросъ, не смотря на свою серьезность, еще не рѣшенъ въ чью-либо сторону рѣшительно. Поживемъ — увидимъ. Жаль, что я вамъ такъ изложилъ этотъ разговоръ, что вы, собственно говоря, едва-ли и поймете, въ чемъ тутъ былъ самый интересъ. Но онъ былъ такой длинный, такой разнообразный и такой живой, что я могъ только ограничиться указаніемъ плана и сущности, но не самаго разговора. И то письмо выходитъ съ длиннымъ хвостикомъ; но мнѣ кажется, что вамъ будетъ достаточно и этого, чтобы понять, въ которую сторону онъ клонился, и, зная обоихъ, опредѣлить, кто и что именно говорилъ. Вѣроятно, вы неоднократно трогали эту тему.

Перейду къ французамъ, и скажу вамъ, что, мнѣ кажется, у васъ не совсѣмъ вяжется въ опредѣленіи. Опредѣляя народъ, вы говорите въ заключеніе: «Да, они могутъ быть (какъ бы имѣютъ право быть) республиканцами». Этотъ безподобный народъ—почти идеалъ, по-вашему, не имѣетъ собственно евангельской снисходительности къ недостаткамъ ближняго. У нихъ терпимость и снисходительность дѣйствительно безграничны, но вѣдь это-жъ потому, что всѣ, говоря серьезно, подлежатъ каторжной работѣ, какъ Базенъ. Всѣ перепачканы до такой степени, что высказывать осужденіе будетъ ужъ очень смѣшно. Ну, а французы больше всего боятся быть смѣшными—у нихъ эта боязнь доходитъ до... преступленія. Ну, что̀ они дѣлаютъ съ своей республикой? И на что̀ это похоже? Всѣ лгутъ и притворяются, и, за исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ, остальнымъ все равно. Кто дѣйствительно еще остается относительно здоровымъ, или, по крайней мѣрѣ, даетъ надежду къ выздоровленію — это масса мелкой буржуазіи и рабочихъ, достаточно грамотныхъ, чтобы имѣть неиспорченные инстинкты, и для которыхъ невозможна активная роль законодателей, по ихъ многочисленности. Эта часть народа могла бы сказать свое мнѣніе, которое слѣдовало бы уважить, но вѣдь его не спросятъ, и боятся спросить, и монархисты, и республиканцы. Значитъ, тутъ что-то не ладно. Когда я былъ въ Парижѣ, я, не смотря на то, что Гунъ каждый день читалъ и переводилъ мнѣ газеты, я мало могъ составить общее понятіе, до тѣхъ поръ, пока не удалился на приличное разстояніе, съ котораго видно только общее. И это мнѣ кажется натуральнымъ. Для того, чтобы я тамъ на мѣстѣ могъ

судить, я долженъ былъ бы проводить 72 часа въ сутки только въ томъ, чтобы успѣть прочитать главные органы печати, да прожить по меньшей мѣрѣ года три во Франціи, чтобы основательно, путемъ самостоятельнаго мышленія, придти къ какому либо прочному выводу. Нѣтъ, мой дорогой Илья Ефимовичъ, не быть французамъ республиканцами. Я убѣжденъ въ одномъ, что для васъ теперь—наша сѣрая и флегматичная Русь рисуется съ настоящей точки зрѣнія. Вы не видите деталей, васъ не развлекаютъ пестрыя явленія единицъ, вы можете теперь спокойно суммировать всѣ впечатлѣнія вашего дѣтства, отрочества и юности, и наконецъ безошибочно подвести итоги въ себѣ, передъ дверьми зрѣлаго возраста, говоря высокимъ слогомъ. И ваши заключенія, безспорно, будутъ самыя близкія къ правдѣ, для вашего времени, и если вы теперь же на что-нибудь рѣшитесь—ошибокъ будетъ сдѣлано самое малое количество. Я такъ думаю. А что французовъ нельзя судить съ нашей точки зрѣнія — это вѣрно безусловно.

Выставка Васильева будетъ только еще въ январѣ мѣсяцѣ (1874), раньше не успѣемъ привести въ порядокъ всю эту массу.

Что Савицкому съ вами повидаться слѣдуетъ и хочется — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Я даже думаю, что это его спасеніе, и именно заграницей, почему—я писалъ уже. А что онъ какъ будто удалялся отъ васъ въ послѣднее время, то я этого не знаю и не зналъ, но полагаю, что съ его стороны намѣреннаго не было ничего. Вы разъясните себѣ это впослѣдствіи, когда онъ къ вамъ пріѣдетъ. У него были какія-то симпатіи съ кружкомъ Семирадскаго, но такъ какъ Семирадскій только теперь сбрасываетъ маску, то... а впрочемъ, кто его знаетъ? Вашъ глубоко И. Крамской.

LXXX. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 25-го декабря 1873 г.

Сильно меня поразило ваше письмо, добрый мой Илья Ефимовичъ, то есть произвело впечатлѣніе, и отвѣчать на него не легко, то есть надо долго и много писать. Оно возбуждаетъ такіе вопросы, указываетъ на нѣкоторые пункты разногласія и вызываетъ тьму мыслей. Не знаю, какъ справиться. Одно могу сказать, спасибо вамъ большое за него. Въ самомъ дѣлѣ, какъ хотите, а обмѣнъ мыслей, настоящій обмѣнъ, имѣетъ всегда хорошій результатъ. Долго я былъ въ раздумьѣ, перечиталъ ваше письмо еще, и еще разъ, и почувствовалъ себя какъ будто выброшеннымъ на берегъ, мимо теченія, или, еще лучше—выбывшимъ изъ строя. Не смотря на то, у меня еще что-то протестуетъ. Оголивши вопросъ совершенно, ставя его грубо и просто, я невольно говорю самъ себѣ и спрашиваю у васъ: что́

вы скажете о смыслѣ моей дѣятельности? Не толку ли я воду, воображая, что занимаюсь дѣломъ? Чтó ни говорите, а въ концѣ концовъ, говоря о движеніи, мы разумѣемъ атомы, единицы, личности, и одну и много, всѣхъ вмѣстѣ и каждаго порознь. Словомъ, какъ только мы подойдемъ вплотную, намъ надо кого-нибудь схватить непремѣнно: мнѣ кажется, что это такъ. Вы не думайте, что я хочу свернуть на личности, этого я не желаю, да и вы тоже, я увѣренъ; но у личности есть общія видовыя свойства, совершенно тождественныя съ таковыми же другихъ личностей. Вотъ объ этихъ-то видовыхъ свойствахъ мы и можемъ разсуждать, переворачивать ихъ на всѣ стороны, нисколько не смущаясь, что личность вноситъ въ общественную дѣятельность свою собственную манеру, которую также возможно оставить въ сторонѣ, а потому и можно говорить вообще. Ваши мысли о партіяхъ вѣрны съ формальной стороны; партіямъ вы произносите безпощадный приговоръ, тѣмъ однимъ, что просите Господа Бога «избавить васъ отъ борьбы съ ними». Здѣсь и мой собственный приговоръ. Я, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, всегда старался найти тѣхъ, быть можетъ немногихъ, съ которыми всякое дѣло, намъ общее, будетъ легче и прочнѣе сдѣлано. Часто я оставался одинокимъ, да и теперь не скажу, чтобы былъ счастливѣе, но внутри продолжаетъ всякій разъ шевелиться надежда на лучшее будущее. Очень можетъ быть, что вы болѣе трезво видите дѣйствительность, я съ этимъ соглашаюсь такъ только, довѣряя вашей логикѣ, но собственное мое, индивидуальное «я» съ этимъ помириться не желаетъ, и я не понимаю, кáкъ можно желать такой изолированности. Очень возможно пройти всю жизнь, не примкнувъ ни къ какому движенію, не идя ни съ кѣмъ въ ногу, но только потому, что или не встрѣтишь товарища, или нѣтъ еще достаточно опредѣлившихся цѣлей. Но когда цѣли видны, когда инстинктъ развился до сознанія, нельзя желать остаться одному. Это, какъ религія, требуетъ адептовъ, сотрудниковъ. Это, по-моему—законъ. Вы скажете, какое краснорѣчіе и лиризмъ изъ-за идеи, и какой же?.. Передвижной выставки! Если такъ, я все-таки, не смущаясь, пойду дальше, и говорю: партіи, даже каждый человѣкъ-партія, нѣсколько партій въ одномъ человѣкѣ, все это уже нѣчто, уже движеніе, уже пробужденіе къ жизни. Изъ чего же, наконецъ, и выходятъ какіе-нибудь результаты и частная инициатива, и чѣмъ же она начинается? Вы говорите, что у насъ ея нѣтъ — согласенъ. Но, Боже мой, что же это за сфинксъ, эта частная инициатива, и откуда она возьмется, если не будетъ сначала всеразлагающаго анализа, мытья, потомъ группировки, а потомъ и ненавистныхъ вамъ партій? Человѣкъ, какъ животное, все способенъ опошлять, а стало быть и борьбу партій низвести на степень простого грабежа и мошенничества. Но развѣ оттого самый законъ подлежитъ осужденію, и люди, цѣпко хватающіеся за вся

кую соціальную задачу, суть не больше, какъ даромъ тратящіе свое время на пустяки? Вы, конечно, чувствуете, что во мнѣ сидитъ сектантъ, фанатикъ? Нѣчто нетерпимое, отъ чего надо поскорѣй отдѣлаться? Очень больно мнѣ, если вы правы, а не я. Это значитъ прожить до сѣдинъ ошибаясь, это значитъ, что вся жизнь моя не болѣе, какъ ошибка! Но я чувствую, что я неисправимъ, я не рисуюсь, и если все будущее, молодое, сильное и талантливое осудитъ меня, я останусь калѣкой, правда, но упорно, продолжая отстаивать свои положенія. Вы говорите: «да и нѐкогда будетъ, слишкомъ много дѣла съ своимъ собственнымъ дѣломъ — искусствомъ, его техникой, выраженіемъ...» Можете себѣ представить — не понимаю! Какъ будто вы что-то сказали на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ. Звуки знакомые, а содержаніе непонятно. То есть, сочетаніе словъ такое удивительное, что я готовъ замолчать. Вѣроятно правду говорятъ, что у всякаго поколѣнія, какъ при новомъ химическомъ смѣшеніи, появляется новое тѣло, не похожее ни на одно изъ предъидущихъ. Кàкъ «времени не будетъ»? Да вѣдь быть убѣжденнымъ въ чемъ-нибудь разъ, не нужно начинать сначала: остается все время именно на проведеніе его въ дѣйствительность. Куда же еще нужно тратить время? На борьбу съ партіями? Да вѣдь именно моя спеціальность, мое дѣло настоящее, и есть борьба съ партіей, мнѣ противной. Чѣмъ же мнѣ еще бороться? Чѣмъ больше я улучшаю себя и совершенствую, тѣмъ бòльшія наношу пораженія — это-то и есть борьба партій. Но таковой борьбы еще нѣтъ, вотъ что горе. Но она скоро будетъ. Это вѣрно. То есть, какъ однако-жъ скоро? Пять дней тому назадъ, я полагалъ, что очень скоро, а сегодня я себя хороню и хороню многое мнѣ близкое и дорогое. До новаго же узла, до новой вспышки борьбы мнѣ не дожить, она наступитъ не скоро, приблизительно лѣтъ черезъ 25, а можетъ быть и больше. Мы здѣсь находимся наканунѣ полной реставраціи Академіи, и торжества, можетъ быть, нашей стороны. Академію починяютъ надолго. Ее мы подопремъ собственными тѣлами, какъ плохой потолокъ новыми и здоровыми бревнами. Но это все-таки не болѣе какъ отсрочка, непродолжительная для исторіи, но слишкомъ продолжительная для жизни одного человѣка. Наканунѣ торжества мнѣ грустно. Немного пришлось пожить на волѣ, а такая полная жизнь хотѣла быть. Сбылось многое, что говорилъ Куинджи.

Вотъ въ чемъ дѣло: къ пейзажисту Клодту, для подписи, приносятъ бумагу, подписанную почти всѣми профессорами, въ которой говорится: «Признано, что Передвижная выставка, сосредоточивая художественныя силы, отвлекаетъ ихъ отъ Академіи и даже соблазняетъ молодежь, чѣмъ дѣлаетъ выставки Академіи менѣе интересными, а стало быть, наноситъ ущербъ», и прочая и прочая, и проч., очень долго и много на эту тему, «а по-

тому, нижеподписавшіеся полагаютъ полезнымъ слѣдующія мѣры: чтобы профессора Академіи, а тѣмъ 'паче пенсіонеры, не смѣли бы выставлять своихъ новыхъ произведеній нигдѣ, кромѣ академическихъ выставокъ». Клодтъ не подписалъ. Это было въ четвергъ 20 числа, а въ пятницу долженъ быть Совѣтъ. Къ Боголюбову, Гуну и Гè бумаги этой уже не приносили....... Затѣмъ было рѣшено, что Гè редактируетъ новый проектъ, и послѣ уже внесетъ его на обсужденіе общаго собранія Товарищества. Понятно, что Товарищество, сохраняя главный характеръ своей выставки, войдетъ, какъ особая фракція, въ академическую выставку, выговаривая только право распоряженія ею самими художниками, съ тѣмъ, чтобы сборъ поступилъ въ пользу всѣхъ экспонентовъ—на это согласны будутъ уже. Затѣмъ, въ виду дальнѣйшаго движенія устава, нами составленнаго, послѣдуютъ вѣроятно и личныя перемѣны. Благоразуміе требуетъ отъ насъ согласиться на это, и сдѣлать на встрѣчу тѣ шаги, о которыхъ я говорю, потому что иначе Товарищество едва-ли останется живо. Всѣ, кому дорогъ больше комфортъ и положеніе, отпадутъ отъ него, да и упускать эту роль изъ рукъ было бы ошибкой, когда намъ ее сами предлагаютъ, и желаютъ договариваться, какъ съ равной стороной. Судите, не правъ ли я былъ выше, говоря, что мы собственными тѣлами будемъ подпирать разрушающееся заведеніе. Мнѣ это очень больно, я точно присутствую на похоронахъ Товарищества, а между тѣмъ не могу не согласиться, что это не дурно...... Теперь, вы пожалуй спросите, что̀ же мнѣ собственно мѣшаетъ примкнуть къ общей радости? Очень простое соображеніе: хотя Академія, передѣланная по новому уставу, будетъ неизмѣримо либеральнѣе того, что̀ теперь есть, но это не будетъ то, что́ должно быть, какъ мы понимаемъ школу и ка̀къ ее понимаютъ заграницей. Это все-таки будетъ казенное зданіе, съ штатомъ чиновниковъ, на радикальную мѣру не согласятся, потому что это будетъ противорѣчить общимъ государственнымъ положеніямъ, а между тѣмъ искусство ничего не имѣетъ, да и не должно имѣть общаго съ застывшими формами. Оно—живое, вѣчно мѣняющееся и требующее себѣ такой свободы, которая не можетъ быть допущена у насъ. Было бы лучше, еслибы рядомъ съ оффиціальнымъ и законнымъ искусствомъ было бы, такъ сказать, незаконное, партикулярное, или нѣтъ—демократическое. Разумѣется, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, образуется опять осадокъ и гниль; форма, сегодня либеральная, завтра будетъ узка и неудобна живому организму искусства, опять появится глухое неудовольствіе и гонимое искусство. Но до той поры мнѣ не дожить. Грустно.

Люди устали отъ постоянной тряски и движенія, много накопилось элементовъ, жаждующихъ покоя и почестей: дѣлать нечего — пропоемъ похоронную. И такъ, что̀ вы мнѣ скажете, мой добрый Илья Ефимовичъ?

Кстати, ужъ еще одну подробность между текущими дѣлами. Въ Совѣтѣ были читаны отчеты пенсіонеровъ, и въ томъ числѣ вашъ; правда ли только то, что и вашъ былъ тутъ же? Но дѣло въ томъ, что когда читались эти отчеты, въ которыхъ были будто бы выражены задушевныя мысли, намѣренія, сужденія, словомъ, такого рода интимности, которыя можно позволить себѣ въ письмѣ къ лицу близкому и, пожалуй, передъ многими людьми, у которыхъ не испорчено нравственное чувство и умъ, то, говорятъ, одинъ изъ присутствовавшихъ, во время чтенія одного отчета пенсіонера, такъ иронически улыбался, а за нимъ осклаблялись и прочіе, что было зрѣлище непріятное: зачѣмъ молодые люди бросаютъ на поруганіе свои чувства... А именно: одинъ говоритъ: «Господа, тутъ вотъ начинаются рузсужденія и разныя чувства, слишкомъ личныя, скучныя и никому не интересныя, и не лучше ли, если я пропущу, а просто прочту только одно дѣло: что онъ думаетъ дѣлать, и чѣмъ онъ занятъ?» — Это одобряется улыбками.

Ваша правда, объ Антокольскомъ вы упоминали мнѣ, но такъ, что не будь того, что̀ я узналъ другимъ путемъ, я такъ бы и не обратилъ вниманія. Вы сказали вскользь, не выражая, что̀ это такое.

Что касается Прахова, то, простите меня (онъ вамъ хорошій знакомый), а онъ, того, роспространяетъ нездоровую атмосферу. Ужъ очень онъ мнѣ не нравится, да и я ему, кажется, тоже, хотя мы съ нимъ не сказали 2-хъ словъ, кромѣ того, о чемъ я вамъ писалъ. Но что ты будешь дѣлать? Я выразилъ желаніе услышать доказательства такого оригинальнаго взгляда, но получилъ въ отвѣтъ, что это онъ докажетъ въ своемъ мѣстѣ. Ну, и чудесно. Я думаю, что и лубкамъ предшествовали легенды и сказки, словомъ, живое слово, а ужъ онъ пусть доказываетъ противное — его дѣло.

Чудесный парень Куинджи! Позвольте, я и не думалъ считать его выразителемъ молодого поколѣнія. Значитъ, я невѣрно выразился: я хотѣлъ сказать, что такъ какъ онъ принадлежитъ, по времени и по связямъ, къ молодежи, то, стало быть, и на немъ есть эта окраска, и даже, можетъ, цѣлыя серіи идей этого поколѣнія.

Милѣйшій Васнецовъ пишетъ очень хорошую картину *), очень. Савицкій тоже кончилъ недурно, даже хорошо **), но Мясоѣдовъ, по-моему, написалъ наконецъ вещь, которая займетъ очень видное мѣсто, право такъ***). Передайте Пожалостину, чтобы онъ выслалъ на имя Гѐ, а сколько — отъ него зависитъ. Я думаю, на первый разъ довольно по 50 экземпляровъ.

Вашъ весь И. Крамской.

Вона какое длинное вышло — не ожидалъ!

*) «За чаемъ».
**) «Ремонтъ желѣзной дороги».
***) «Чтеніе Положенія 19-го февраля 1861 г.»

LXXXI. Къ А. Д. Чиркину.

Спб. 27-го декабря 1873 г.

Милостивый государь Александръ Дмитріевичъ. Экземпляръ статьи о моей картинѣ, присланный вами, съ любезной надписью автора *), тронулъ меня чрезвычайно. Въ этой статьѣ картина моя поставлена такъ высоко, и разборъ ея такъ благосклоненъ для меня, что отвѣчать на предложенные вами вопросы будетъ не особенно легко. Конечно, человѣкъ очень охотно о себѣ распространяется, и я, подкупленный такимъ образомъ, могу сдѣлаться особенно разговорчивымъ, но, полагая, что въ данномъ случаѣ замѣшанъ болѣе вопросъ психологіи, какъ науки, я разскажу, какъ умѣю. Прежде же всего мнѣ необходимо поблагодарить васъ и г. Шкляревскаго за то вниманіе, съ которымъ вы отнеслись къ моему умственному процессу и его слѣдствію.

Сумма впечатлѣній, полученныхъ мною отъ жизни, расположила меня смотрѣть не особенно весело на окружающее. Исторія умственнаго развитія человѣческихъ обществъ представляетъ также не мало примѣровъ, какія глубокія и потрясающія драмы совершаются и въ сердцѣ одного лица и въ жизни народовъ. Между многими разсказами подобнаго рода, нѣтъ разсказа болѣе близкаго и интимнаго для каждаго, какъ евангельскій. Какова бы ни была его историческая достовѣрность, онъ навсегда останется однимъ изъ самыхъ справедливыхъ и натуральныхъ, не смотря на его недосягаемую чистоту, и возвышенность нравственныхъ интересовъ, и кажущуюся невозможность усвоенія людскою породою такого образа дѣйствій. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, христіанство, не говоря объ исключеніяхъ очень малочисленныхъ, никогда не было не только усвоено человѣчествомъ органически, но даже не было правильно и понято. Фигура Христа меня уже давно занимаетъ. Всѣ сюжеты изъ евангельскаго разсказа останавливались на формальной сторонѣ событій. Когда мнѣ пришла въ первый разъ идея написать его, я, проработавши уже годъ, отправился заграницу въ 69 году, чтобы видѣть все, что сдѣлано въ этомъ родѣ, и чтобы раздвинуть рамки сюжета, обогатившись знакомствомъ съ галлереями. Къ моему удовольствію, я нигдѣ не повстрѣчалъ той же самой мысли, потому что изображенія его съ дьяволомъ я отношу къ изображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ духомъ Евангелія. Воротившись изъ своей поѣздки, я принялся съ энергіей за работу, но очень скоро почув-

*) Статья А. Шкляревскаго: «По поводу картины г. Крамского «Спаситель въ пустынѣ», напечатанная въ «Кіевлянинѣ» 1873 г., № 147, во время Передвижной выставки въ Кіевѣ.

ствовалъ, что мнѣ недостаетъ знакомства съ тѣмъ чувствомъ, которое человѣкъ испытываетъ, находясь на высотѣ горныхъ возвышенностей, и вотъ я опять отложилъ работу, и въ 71 году съѣздилъ въ Крымъ, и бродилъ по всѣмъ окрестностямъ Бахчисарая и Чуфутъ-Кале, мѣстности которыхъ, говорятъ, напоминаютъ палестинскія пустыни; наблюдалъ утро, то есть разсвѣтъ, и только уже послѣ этой поѣздки я окончательно остановился и оканчивалъ въ томъ видѣ, какъ оно есть. Собственно планъ картины, положеніе фигуры до подробностей и общій смыслъ выраженія остались первоначальные, самые первые; я только старался реализировать идею наиболѣе соотвѣтственными формами. Это внѣшній процессъ. Внутренній же разсказать нѣтъ возможности. Чтобы, однако-жъ, исполнить обѣщаніе, я коснусь совсѣмъ другого—моего взгляда вообще и на Евангеліе, и на Христа.....

Пусть бы Христосъ дѣлалъ чудеса, воскрешалъ мертвыхъ.... Его оставили бы въ покоѣ, и никто изъ власть имѣющихъ, никто изъ заурядныхъ смертныхъ, особенно въ такое смутное и богатое предчувствіями время, не сталъ бы ни нападать на Него, ни преслѣдовать.... Совсѣмъ другой разговоръ, когда человѣкъ будитъ заснувшую совѣсть, рекомендуетъ поступать такъ, какъ написано природою и въ человѣческомъ сердцѣ.... Когда же мы попытаемся увѣрить его, что только въ Богѣ совершенство, а онъ намъ на это собственнымъ личнымъ опытомъ докажетъ наше лицемѣріе, то, поразивъ, будетъ вѣчнымъ укоромъ. Передъ своею совѣстью, мы знаемъ, что никакое оправданіе не будетъ уважено, каждый принимай на себя всю тяжесть послѣдствій своихъ поступковъ, тогда другое дѣло,—снести этого нельзя, положеніе невыносимое, вся ненависть наша должна на него обрушиться... Впрочемъ, я говорю слишкомъ азбучныя истины и общія мѣста, я собственно не то хотѣлъ сказать. Въ то время, время нравственнаго разложенія, невѣрія, отчаянія за будущее, въ виду трагическаго конца, Онъ одинъ почувствовалъ, гдѣ выходъ... Но прежде чѣмъ начать свое дѣло, прежде чѣмъ сказать громко правду въ глаза... надо быть одному, уйти куда нибудь подальше, и вотъ Онъ за городомъ, дальше, дальше... Одинъ, наконецъ. Сколько времени Онъ провелъ такъ, это все равно....

Я видѣлъ эту странную фигуру, слѣдилъ за нею, видѣлъ, какъ живую, и, однажды, я вдругъ почти наткнулся на нее: она именно такъ сидѣла, сложивши руки, опустивши голову. Онъ меня не замѣтилъ, и я тихонько, на цыпочкахъ удалился, чтобы не мѣшать, и затѣмъ ужъ я не могъ забыть ее. Я сталъ объ ней думать. Онъ меня не видѣлъ. Онъ и ничего не видитъ, хотя глаза раскрыты. Онъ такъ долго просидитъ! Онъ сѣлъ усталый вечеромъ, инстинктивно къ заходящему солнцу, но и солнце зашло, ужъ и ночь... и такъ до утра. И я долженъ былъ попытаться его изобра-

зить. Я почувствовалъ: вотъ какъ именно происходитъ въ дѣйствительности драма, всякій изъ насъ переживалъ въ своей жизни такія критическія минуты, разница въ размѣрѣ интересовъ. Послѣ такихъ ночей, люди недюжинные — или герои, или подлецы. Мнѣ нѣкоторые говорили: это не Христосъ, почему вы знаете, что Онъ былъ такой? И, можете себѣ представить, я имѣлъ дерзость отвѣчать, что вѣдь и настоящаго, живого Христа не узнали. Да и наконецъ, пусть это не Христосъ, это есть изображеніе, представленіе (опредѣлите, какъ хотите) той скорби человѣчества, которая всѣмъ намъ такъ знакома. Я хотѣлъ нарисовать глубоко думающаго человѣка, но не о потерѣ состоянія, или какой-нибудь жизненной неудачѣ, а... все равно, не могу опредѣлить, но вы понимаете, что я хотѣлъ сказать.... Итальянцы Его уже нарисовали, и нарисовали сообразно задачѣ. Да, это правда, итальянскій Христосъ прекрасенъ, и даже, такъ сказать, божественъ, но потому-то Онъ мнѣ и чужой, то есть нашему времени чужой... и, страшно сказать.... по-моему, Онъ профанированъ.... Лучшій Христосъ — Тиціана въ Дрезденѣ, съ динаріемъ, и все-таки это итальянскій аристократъ, необыкновенно тонкій политикъ, и человѣкъ нѣсколько сухой сердцемъ; этотъ умный, проницательный и нѣсколько хитрый взглядъ не могъ принадлежать человѣку любви всеобъемлющей. Мнѣ кажется, еще наступитъ время для искусства, когда необходимо надо будетъ пересмотрѣть прежнія рѣшенія и перерѣшить ихъ.... Христосъ перенесъ центръ божества извнѣ въ самое средоточіе человѣческаго духа и вмѣстѣ съ тѣмъ доказалъ возможность человѣческаго счастья; Онъ сдѣлалъ невозможнымъ оправданіе нашимъ подлостямъ никакими мотивами, грозно присовокупивъ къ своей рѣчи: «Имѣяй уши слышати, да слышитъ».

Все, что я сказалъ, только доказываетъ, что авторъ статьи дѣйствительно угадалъ все, что я думалъ, по той блѣдной канвѣ, которую я далъ; но, кромѣ того, онъ напалъ на слѣдъ будущаго. Я еще разъ думаю воротиться къ Христу, это — завязка. Одинъ изъ самыхъ интересныхъ и лучшихъ русскихъ художниковъ, Верещагинъ (ташкентскій), когда былъ у меня въ мастерской, при окончаніи этой вещи сказалъ: «Онъ у васъ такъ страдаетъ, что у васъ не будетъ ноты выразить еще бо̀льшее страданіе, которое Онъ перенесъ впослѣдствіи». Я отвѣтилъ ему, что, во 1-хъ, бо̀льшаго личнаго страданія у Него и не было уже, кромѣ момента въ саду, въ сущности сходнаго съ этимъ; но, что вы скажете, напримѣръ, о слѣдующей сценѣ: когда Его судили. Воины во дворѣ, наскучивъ бездѣйствіемъ, всячески издѣвались надъ Нимъ, и вдругъ имъ пришла счастливая мысль — нарядить этого смирнаго человѣка царемъ; сейчасъ весь шутовской костюмъ былъ готовъ; эта выдумка понравилась, и вотъ докладываютъ господамъ, чтобы они удостоили взглянуть; все, что было во дворѣ, въ

домѣ, на балконахъ и галлереяхъ покатилось громкимъ хохотомъ, а нѣкоторые вельможи благосклонно хлопаютъ въ ладоши. А Онъ, между тѣмъ, стоитъ спокоенъ, нѣмъ, блѣденъ какъ полотно, и только кровавая пятерня горитъ на щекѣ отъ пощечины. Костры, едва начинающій зарождаться день, все, какъ сказано. Здѣсь Онъ можетъ судорожно сжимать руки, опускать голову подъ тяжестью собственныхъ мыслей, но тамъ уже все кончено, рѣшено заранѣе, и Онъ смѣло, во всѣ глаза, такъ сказать (умственные), смотритъ на имѣющее совершиться. Да, именно всѣ смѣются. Пока мы не въ серьезъ болтаемъ о добрѣ, о честности, мы въ ладу со всѣми; попробуйте серьезно проводить ваши идеи въ жизнь—посмотрите, какой хохотъ подымется кругомъ. Я всюду слышу хохотъ этотъ, куда ни пойду. До сихъ поръ еще продолжаютъ смѣяться надъ Нимъ, строя въ то же время алтари. Глубоко безнравственъ и лицемѣренъ человѣкъ. Вотъ я и кончилъ, а все-таки не сказалъ того, что было нужно.

Получили ли вы фотографіи съ моей картины и офорты?

Примите мою благодарность еще разъ. И. Крамской.

LXXXII. Къ П. М. Третьякову.

30-го декабря 1873 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Выставка Васильева уставлена, цѣны окончательно опредѣлены, и она будетъ открыта для публики съ 3-го числа, послѣ Новаго года. Только сегодня все кончено, всѣ праздники возились.

Цѣны поднялись нижеслѣдующимъ образомъ: «Тополя»—700 рублей, «Волжская лагуна» — 500 руб., «Крымскій видъ» съ бѣлыми горами — 250 руб., «Улья»—125 руб., «Аллея»—75 руб. Не помню болѣе, какія вами были отмѣчены еще изъ масляныхъ картинъ — списокъ забылъ въ Обществѣ. Что же касается рисунковъ, акварелей и сепій, то они остались въ прежней цѣнѣ.

Во время установки и возни, третьяго дня было много членовъ Общества поощренія художниковъ, желающихъ пріобрѣтать вещи Васильева. Съ однимъ изъ нихъ я имѣлъ довольно продолжительный разговоръ, именно съ Жемчужниковымъ*). Онъ желаетъ пріобрѣсти: «Волжскую лагуну», «Улья» и еще что-то, не помню, изъ другихъ, вами не отмѣченныхъ. Я ему сказалъ, что до тѣхъ поръ, пока вы не выразите своего мнѣнія,

*) Владиміръ Михайловичъ Жемчужниковъ, имѣвшій небольшое собраніе картинъ, преимущественно русскихъ.

вещи эти номинально считаются за вами, и что мы обязаны извѣстить васъ, когда будутъ произведены расцѣнки. Кажется, ему это не особенно понравилось.

Картины всѣ въ рамахъ, и покрыты лакомъ, что́ до такой степени измѣнило ихъ, что въ новой оцѣнкѣ (если вы лично осмотрите) вы не найдете преувеличенія. Еслибы немедленно мы отдавали желающимъ купить— то бо́льшей половины уже не было бы.

18 картинъ небольшой величины требуются въ Англію, для подарка великой княжнѣ Маріи Александровнѣ отъ англичанъ—всѣ эти вещи будутъ вдѣланы въ огромныя ширмы, это заявилъ Монигетти. Она очень цѣнила Васильева и желала бы имѣть объ немъ память въ Лондонѣ.

Прошу васъ, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, взглянуть благосклонно на тѣ мотивы, которые мною, да и другими тоже, руководили въ этомъ дѣлѣ, и на все, что́ я позволилъ себѣ въ послѣднемъ нашемъ разговорѣ по этому поводу. Въ виду обстоятельствъ дѣла, быть можетъ вы позволите въ самомъ дѣлѣ доплатить намъ недостающую часть долга Васильева деньгами. Признаюсь вамъ, что участіе мое во всемъ, что̀ относится къ покойному, мнѣ стоитъ не дешево во многихъ отношеніяхъ, и потому надѣюсь, что вы поймете меня правильно и не осудите меня. Его нѣтъ больше, потеря очень велика; и хотя ему уже ничего никогда отъ насъ будетъ не нужно, но та живая связь, которая была дорога для меня лично, странно вплетается во всѣ мои теперешнія мысли и дѣйствія. То, что имъ сдѣлано, изумляетъ меня своею громадностью, особенно, когда это все вмѣстѣ собрано. Вы чрезвычайно обязали бы всѣхъ насъ, еслибы рѣшились прислать его послѣднюю вещь конкурсную; «Болото» же еще не пришло......

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, я отправляю письмо Козьмѣ Терентьевичу Солдатенкову. Уважающій васъ И. Крамской.

Продажа начнется тоже съ 3-го января.

LXXXIII. Къ К. Т. Солдатенкову*).

Январь 1874 г.

Милостивый государь Козьма Терентьевичъ. Получивъ ваше любезное письмо отъ 3-го января, я не нашелъ въ немъ вашего распоряженія относительно картины, заказанной вами покойному Васильеву. Полагая, что недостаточныя выраженія съ моей стороны могли ввести васъ какъ-нибудь въ заблужденіе, я прошу позволенія сдѣлать нѣкоторыя поясненія къ своему первому письму, и извиниться, что безпокою васъ наново о томъ же.

*) Печатается съ чернового наброска.

На мнѣ, вмѣстѣ съ И. И. Шишкинымъ и Д. В. Григоровичемъ, лежитъ тяжелая обязанность ликвидаціи дѣлъ покойнаго Васильева. Картина, выбранная М. П. Боткинымъ по вашему порученію, для вашей галлереи, заказанная за 1,200 рублей, такъ и осталась, къ сожалѣнію, неконченною. Мнѣ извѣстно, что покойный состоялъ долженъ вамъ 400 рублей сер. Уплата этого долга можетъ состояться выдачею вамъ этой картины, тѣмъ болѣе, что хотя она и не кончена, но имѣетъ такой пріятный видъ, такъ рѣшительно уравновѣшена въ общемъ, находится въ томъ же видѣ, въ какомъ ее видѣлъ М. П. Боткинъ, что я съ спокойной совѣстью могу рекомендовать ее вамъ въ уплату, думая, что она въ этомъ видѣ скорѣе стоитъ больше 400 р., чѣмъ меньше, особенно принимая во вниманіе значеніе такой потери для искусства, какъ смерть этого молодого человѣка. Производя оцѣнку всѣмъ вещамъ Васильева, я даже счелъ себя въ правѣ входить въ оцѣнку вашей.

Чтò касается моей собственной картины—«Старикъ на пчельникѣ», то, какъ вы сами изволили выразить желаніе оставить ее за собою, съ моей стороны было бы непозволительно поступить иначе. Я бы никакъ не посмѣлъ предлагать что-либо отъ себя, не имѣя на то заявленія съ вашей стороны. Правда, все это было больше года тому назадъ—срокъ, слишкомъ достаточный, чтобы забыть объ этомъ, но и наоборотъ: вы могли и помнить—чтò въ такомъ случаѣ я могъ бы представить въ оправданіе своего поступка продажу картины кому-либо другому, безъ вашего вѣдома? Вы могли, увидавши, вспомнить. Мнѣ очень прискорбно, и даже совѣстно, что вышло, какъ будто, хотя въ этомъ и нѣтъ ничего дурного, но такъ какъ мнѣ приходится быть въ этомъ положеніи въ первый разъ, то мнѣ было бы легче, еслибы вы изволили спросить В. И. Якобія, бывшаго съ вами и представившаго меня вамъ.

Кромѣ того, я считаю своимъ долгомъ увѣдомить васъ, что картина моя должна быть на выставкѣ Товарищества передвижныхъ выставокъ, съ 15 января, и потомъ сдѣлать путешествіе. Хотя обстоятельство это, какъ я знаю, и не можетъ повліять на ваше рѣшеніе, но я считаю себя обязаннымъ упомянуть о немъ.

Прошу васъ, многоуважаемый Козьма Терентьевичъ, извинить меня за длинноту письма, такъ какъ самъ же я и виноватъ во всемъ, написавши неясно первое.

И. Крамской.

LXXXIV. Къ В. В. Стасову.

5-го января 1874 г.

Милостивый государь Владиміръ Васильевичъ. Гр. Гр. Мясоѣдовъ передавалъ общему собранію Товарищества ваше сообщеніе отъ имени И. Е. Рѣпина, о желаніи Рѣпина поставить 4 своихъ произведенія на Передвижную выставку. Заявленіе это было принято съ большимъ сочувствіемъ; но есть одно обстоятельство, которое Рѣпину знать не мѣшаетъ, прежде чѣмъ онъ выставитъ у насъ. Въ Академіи смотрятъ не особенно дружелюбно на Товарищество, и недавно было желаніе Совѣта сдѣлать постановленіе, чтобы профессора и адъюнкты, штатные и нештатные, а также и пенсіонеры, не имѣли бы право нигдѣ выставлять, кромѣ академическихъ выставокъ. Относительно профессоровъ, сдѣлать это нѣсколько рисковано; что же касается пенсіонеровъ, то тутъ, пожалуй, они въ силахъ. Двѣ недѣли тому назадъ, я писалъ въ одномъ изъ писемъ Ильѣ Ефимовичу объ этомъ, не зная о его намѣреніи поставить у насъ свои произведенія, и писалъ это, какъ свѣжую новость; а потому, я думаю подождать до его распоряженія. Если же вамъ извѣстны, лучше моего, его взгляды на свои отношенія къ Академіи, и вы рѣшите иначе, то я свидѣтельствую, что Товарищество будетъ очень радо видѣть его произведенія на своей выставкѣ, имѣющей открыться до 20-го января, а съ 15-го числа начнется пріемъ картинъ и установка ихъ въ залахъ Академіи. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ къ вамъ уваженіи. И. Крамской.

LXXXV. Къ П. М. Третьякову.

6-го января 1874 г. Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Якобій присылалъ ко мнѣ съ просьбой, чтобы я спросилъ у Саврасова позволенія скопировать его пейзажъ «Печерскій монастырь». Саврасовъ позволилъ, но съ оговоркою, что такъ какъ эта картина принадлежитъ вамъ, то нужно еще ваше дозволеніе. Получилъ квитанцію на полученіе картины, вѣроятно Васильевой. Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

LXXXVI. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб., 6-го января 1874 г.

Съ Новымъ годомъ, такъ съ Новымъ годомъ! Что̀ дѣлать, эти новые года — старая пѣсня, что̀ же касается «новаго счастья», то... гдѣ оно, новое счастье? И для кого оно наступитъ? Оно не для меня, вотъ что вѣрно.

Академія, эта гидра кандаловъ и ярма, какъ вы рѣзко и вѣрно выражаетесь, еще очень крѣпкое зданіе. Кандалы слишкомъ крѣпко закованы, я уже большую половину своей жизни ношу ихъ, чтобы не понять всей ихъ прелести. Ноги, руки, все изранено, главное же—это голова моя, моя бѣдная голова! Помню я мечты юности объ Академіи, о художникахъ, какъ все это было хорошо! Мальчишка и щенокъ, я инстинктомъ чувствовалъ, какъ бы слѣдовало учиться, и какъ слѣдуетъ учить... Но дѣйствительность, грубая, пошлая, форменная, не дала возможности развиваться правильно, и я, увядая, росъ и учился. Чему? Вы знаете; дѣлалъ что-то съ просонья, ощупью. И вдругъ, толчокъ... проснулся... 63-й годъ, 9-е ноября, когда 14 человѣкъ отказались отъ программы. Единственный хорошій день въ моей жизни, честно и хорошо прожитый! Это единственный день, о которомъ я вспоминаю съ чистою и искреннею радостью. Проснувшись, надо было взяться за искусство! Вѣдь и я люблю его, да какъ еще люблю, еслибы вы знали! Больше партій, больше своего прихода, больше братьевъ и сестеръ! Что̀ дѣлать — всякому свое. И вотъ, потянулись долгіе годы, трудные, неурожайные. Все, что я ни сѣялъ, ничего не уродилось. Я ничего не зналъ и ничего не знаю... Чему я учился? Едва уѣздное училище досталось на мою долю, а съ этимъ далеко не уѣдешь... Всякій сюжетъ, всякая мысль, всякая картина разлагалась безъ остатка отъ безпощаднаго анализа. Какъ кислота всерастворяющая, такъ анализъ проснувшагося ума все во мнѣ растворялъ... и растворилъ, кажется, совсѣмъ... Больно трогать груду... годъ за годъ, я все готовился, все изучалъ, все что-то хотѣлъ начать, что-то жило во мнѣ, къ чему-то стремился. Я себя знаю — хорошо знаю. Вамъ видна одна внѣшняя сторона, и вамъ кажется, что я не понимаю и не признаю трудностей искусства... Я не признаю?!!! Да кто-жъ послѣ этого признаетъ? Вотъ гдѣ она сидитъ у меня, эта трудность искусства! Я не даю значенія?.. Вы очень мѣтко опредѣлили мою дѣятельность, говоря, что она болѣе политическая. Я никогда объ этомъ не думалъ, то есть, въ этой формѣ не думалъ, и когда вы сказали, я просто удивился, до чего это въ сущности вѣрно. Ну, что-жъ, та̀къ, такъ та̀къ, это все равно, лишь бы что-нибудь да было. Я не вызывалъ васъ на то, чтобы вы мнѣ сказали какое-нибудь утѣшеніе лично; ваше письмо о партіяхъ такъ расшевелило меня, въ немъ мнѣ послышался голосъ исторіи, и я невольно началъ оправдываться, и дошелъ до абсурда: «улучшать себя значитъ вызывать борьбу партій...» Теперь мнѣ удивительно, что оно такъ вышло... Я собственно что̀ имѣлъ въ виду? Я хотѣлъ сказать, напримѣръ: картина «Бурлаки»... (не пугайтесь, васъ я не трону, по крайней мѣрѣ немного, къ слову пришлось, да, «Бурлаки» тутъ только потому, что это единственный случай, я охотно бы взялъ что-нибудь другое, да нѣту).

Ну, такъ «Бурлаки» картина недурная, только что же? Бруни говоритъ, что это есть величайшая профанація искусства! Да, и вы какъ полагали? Вы небось думаете, что Бруни, это Өедоръ Антонычъ, старецъ? Какъ бы не такъ, онъ изъ всѣхъ щелей вылѣзаетъ, онъ превращается въ ребенка, въ юношу, въ Семирадскаго... ему имя легіонъ! Чтò нужно дѣлать? Его еще нужно мòлотомъ! Онъ опять за свое... Еще нужно картину, только еще болѣе глубокой профанаціи... И такъ безъ конца, борьба! Какъ хотите, а это такъ. Вотъ что я думаю. Другой борьбы я не подозрѣвалъ и не подозрѣваю. Чтò же касается какой-то моей дѣятельности, будто бы похожей на эту, то это мое личное несчастіе, ничего этого нѣтъ, это все я самъ съ собой вожусь и въ самомъ себѣ вижу противника. Оттого и кажется, что я вожусь съ партіями. И я бы хотѣлъ медъ ложкой черпать, я тоже вкусъ имѣю, да только не знаю, удастся ли? Вотъ почему я все кричу: впередъ! Вы небось думаете, что я кого-то другого къ этому приглашаю... Ошибка, добрый мой Илья Ефимовичъ, и ошибка большая. Я самъ себя ободряю крикомъ, потому, еслибы я не говорилъ этого себѣ, то другимъ у меня духу бы не достало. Я вижу, что другіе и безъ моего приглашенія идутъ куда нужно. И зачѣмъ это вы упоминаете о Тиціанѣ? Вѣдь то былъ человѣкъ свободный и здоровый, главное—здоровый. Развѣ они такъ учились? Вотъ когда люди доживутъ до той поры, когда, кромѣ скромныхъ школъ рисованія, да мастерскихъ художниковъ, больше ничего не будетъ, тогда другое дѣло. Тогда и изъ такихъ, какъ я, будутъ люди и художники. А это долга пѣсня! А все-таки не хочется складывать руки, все еще думается, что будетъ же когда-нибудь день, когда и я что-нибудь сдѣлаю. По крайней мѣрѣ, буду биться до послѣдней капли крови. И потомъ, Тиціанъ, хорошо, чтò же онъ такое въ сущности? Развѣ позволительно въ наше время, развѣ возможно, быть Тиціаномъ? Я тоже смекаю, что онъ писалъ какъ никто, да только теперь одного этого мало. Вотъ Деларошъ, вѣдь куда хуже живописецъ, а посмотрите, какъ они далеко другъ отъ друга. Трудное время, намъ неизмѣримо труднѣе... Вѣдь ей-Богу же эти итальянцы были пренаивный народъ. Написалъ итальянскаго дипломата, тонкаго, хитраго, проницательнаго и сухаго эгоиста — такихъ много въ натурѣ — поставилъ возлѣ него типъ изъ простаго народа, и тоже изъ продувныхъ, далъ ему въ руки динарій, превосходно передалъ тѣло, необыкновенно тонко кончилъ, и сказалъ: «Это Христосъ» (въ Дрезденѣ), — всѣ и повѣрили. Но это неудивительно, что повѣрили тогда—до сихъ поръ вѣрятъ! Вотъ что странно, до сихъ поръ говорятъ: только такъ и надо дѣлать! Не знаю, можетъ быть и такъ, можетъ я неправъ. Я не признаю трудностей? Да вѣдь это послѣднее дѣло, это должно быть неизбѣжно. У кого есть талантъ, способность, тотъ и напишетъ, это такъ естественно, что и удив-

ляться нечему. Но чему можно удивляться, такъ это мысли, концепціи, страсти и паѳосу, этой струнѣ, звучащей ноту, за душу хватающую. Это — смѣху и слезамъ, которые вырываются наружу. Нѣтъ этого у Тиціана. Онъ спокоенъ, изященъ, богатъ, но... король и Богъ! Простые смертные не такъ живутъ... Мой богъ—Христосъ, который помѣстилъ Бога въ самый центръ человѣческаго духа и идетъ умирать спокойно за это. Я много потратилъ времени на рисунокъ, я лишался аппетита, когда носъ оказывался не на своемъ мѣстѣ, или глазъ сидитъ недостаточно глубоко; это было сущее несчастіе. Но, наконецъ, я овладѣлъ матеріаломъ, я достигъ до извѣстной степени согласія между внутреннимъ огнемъ, который тамъ клокочетъ, и рукою, хладнокровно и спокойно, какъ будто нѣтъ никакой лихорадки, работающею. Вотъ это состояніе, это самообладаніе было и должно было быть у великихъ мастеровъ, какъ у Веласкеса, напримѣръ, когда они работали — только тамъ матеріалъ другой, и я вотъ только теперь догадываюсь, что когда я буду съ красками хозяиномъ, какъ съ соусомъ *), когда мнѣ удастся мѣсить ихъ, зачерпнувши во всю мочь, и, схвативши умомъ, чувствомъ, глазами голову всю за-разъ, заставить руку ходить тихо, но рѣшительно, и какъ бы не думая, тогда... легко сказать! Хорошо разсуждать! Но вѣдь я не разсуждаю, это не логика, это что-то чрезвычайно упругое и натянутое внутри, въ самомъ сердцѣ... и все-таки это возможно и нисколько неудивительно; это природа, ужъ такъ Богу угодно! Вѣдь прежніе художники какую практику имѣли! Небось, вы не знаете? И вы мнѣ говорите, что я не цѣню, не понимаю трудностей?! Богъ вамъ судья!

Странно, ка̀къ иногда простынешь, да посмотришь утромъ, что̀ написалъ вечеромъ, такъ совѣстно сдѣлается, и потому я уже сегодня кончу, и запечатаю. Мнѣ случалось иногда читать свое письмо послѣ, на другой день, такъ даже неприлично. Хотя собственно стыдиться нечему бы, кажется. Всякій человѣкъ и гордъ, и самолюбивъ, и много объ себѣ думаетъ. Стало быть и вамъ тутъ достается; но ничего, будемъ писать другъ другу, пока пишется.

Хочется мнѣ повѣдать вамъ о своихъ намѣреніяхъ и планахъ, авось-либо и вы съ своей стороны сообщите. Говорятъ: когда скажешь впередъ — не сдѣлаешь. Оно, пожалуй, и такъ, да все какъ-то хочется, чтобы укрѣпили въ мысляхъ. Вѣдь я долженъ еще разъ вернуться къ Христу, прежде чѣмъ перейти къ болѣе близкому времени, а затѣмъ и къ современности. Какъ видите, я разговариваю, точно у меня 50 лѣтъ впереди! Это всегда такъ, больные чахоткой полагаютъ, что вотъ завтра они будутъ

*) «Соусъ» — техническое названіе состава, которымъ Крамской любилъ работать многіе свои портреты.

здоровы. Дѣло въ томъ, что Антокольскій взялъ *) почти то же, что и я, то есть, сходный сюжетъ, хотя, какъ вы увидите, содержаніе другое, совсѣмъ другое. Когда я писалъ свою картину, на первомъ холстѣ **), тогда же я имѣлъ въ виду продолженіе, и только теперь надо приниматься, а то не совсѣмъ будетъ понятно. Такъ оставить нельзя. Ночь, передъ разсвѣтомъ, дворъ, то есть, внутренность двора, потухающіе костры. Римскіе солдаты, всячески надругавшись надъ Христомъ, думаютъ, ка̀къ бы еще убить время, судьи долго что-то совѣщаются. Какъ вдругъ... геніальная мысль. Вѣдь онъ называлъ себя царемъ, такъ надо нарядить его шутомъ гороховымъ! Чудесно! сейчасъ все готово, и господамъ докладываютъ. И вотъ, все высыпало на крыльцо, на дворъ, и все что есть, покатывается со смѣху. На важныхъ лицахъ благосклонная улыбка, сдержанная, легкая; тихонько хлопаютъ въ ладоши; чѣмъ дальше отъ интеллигенціи, тѣмъ шумнѣе веселость, и на низменныхъ ступеняхъ развитія—гомерическій хохотъ. Христосъ блѣденъ какъ полотно, прямъ и спокоенъ, только кровавая пятерня отъ пощечины горитъ на щекѣ. Не знаю, какъ вы, а я вотъ уже который годъ слышу всюду этотъ хохотъ. Куда ни пойду, непремѣнно его услышу. Я долженъ это сдѣлать, не могу перейти къ тому, что̀ стоитъ на очереди, не развязавшись съ этимъ. А много, много, охъ какъ много дѣла! Еслибы Богъ далъ лѣтъ десятокъ еще, можетъ, что-нибудь можно еще успѣть. Сколько времени потрачено. Но, добрый мой Илья Ефимовичъ, вѣдь не могъ же я! Я ужъ очень трудно и медленно развиваюсь. Надо опять бы заграницу ѣхать, да не знаю, удастся ли. Думаю на будущій годъ — посмотрѣть развалины Помпеи, проѣхать и на Востокъ. У меня есть къ вамъ просьба: не найдется ли въ Парижѣ фотографій, пока, съ древнихъ римскихъ построекъ. Вѣдь дѣло происходило у римскаго Игемона, такъ оно какъ разъ кстати. Я кое-что читаю, да оно безъ языковъ приходится довольствоваться только русской грамотой.

Ворочусь, еще разъ, къ Васильеву: устроена его выставка, собрали все что можно было собрать, и... это невѣроятно, что̀ онъ успѣлъ сдѣлать въ 5—6 лѣтъ! Вчера былъ тамъ, еще выставка не открыта для публики, а уже все продано, почти на 7,000 рублей. А еще говорятъ, русская публика равнодушна! Нѣтъ, пусть кто хочетъ это говоритъ, а я не могу. Вотъ доказательство, что у нея есть нюхъ. Когда появляется талантъ не фальшивый, когда художникъ отвѣчаетъ тому, что̀ уже готово въ публикѣ, тогда она безапелляціонно произноситъ свой приговоръ. Казалось бы, всѣ мѣста заняты, каждая отрасль имѣетъ своего представителя, да иногда

*) Статуя «Христосъ передъ Пилатомъ».
**) «Христосъ въ пустынѣ», 1872 г.

и не одного; но искусство безпредѣльно, приходитъ новый незнакомецъ, и спокойно занимаетъ свое мѣсто, никого не тревожа, ни у кого не отнимая значенія, и, если ему есть что сказать, онъ найдетъ слушателей.

Савицкій непремѣнно ѣдетъ, все еще работалъ свою картину. Передвижная выставка открывается около 20-го января; я слышалъ, что вы поручили Стасову поставить ваши вещи къ намъ; очень радъ, да и всѣ будутъ рады, если, не смотря на то, что̀ хотѣла сдѣлать Академія, вы все-таки рѣшитесь.

Вашъ И. Крамской.

LXXXVII. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 8-го января 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Картину Васильева получилъ въ цѣлости; при мнѣ вымыли, покрыли лакомъ. Надписи, кому принадлежитъ, не будетъ. Картину изъ Вѣны я видѣлъ и задержалъ. На постоянной выставкѣ былъ тотчасъ послѣ васъ и долженъ былъ сорвать билетикъ съ цѣною — на картинѣ Солдатенкова. Странные люди! Не смотря на нѣсколько заявленій, оставалось по старому. Телеграмму получилъ вчера въ 11 часу ночи и сегодня въ 10-мъ часу былъ тамъ, хотя я и слышалъ отъ Боголюбова, что она пріобрѣтена уже Академіей, но хотѣлъ удостовѣриться. И оказалось, что уже третій день какъ продана, такъ что, къ сожалѣнію, «Барки» принадлежать вамъ не могутъ; тоже самое и относительно «Внутренности лѣса», купленной Монигетти. Не знаю, ка̀къ это сдѣлать теперь. Когда мы кончили установку въ воскресенье 30-го декабря, то я говорилъ имъ (Григоровичу и Борткову), какія именно вами отмѣчены, но прибавилъ при томъ, что такъ какъ цѣны измѣнились и, въ виду этого, вы оставили за собой свободу дѣйствій въ будущемъ, принять или не принять оцѣнку нашу, то я ограничился только тѣмъ, что спросилъ у Григоровича: когда, онъ полагаетъ, откроется выставка и начнется продажа? Онъ мнѣ сказалъ — не раньше 3-го числа; и я въ тотъ же день написалъ вамъ. Между тѣмъ, покупатели стали отмѣчать и раньше назначеннаго срока. Я не былъ на выставкѣ съ 30-го числа до вашего пріѣзда и во всѣ дни, когда вы были въ Петербургѣ, о чемъ теперь сожалѣю. Когда я былъ на выставкѣ, въ день вашего отъѣзда и сейчасъ же послѣ васъ, то Григоровичъ говоритъ мнѣ: «Теперь уже нельзя, Иванъ Николаевичъ; картина «Внутренность лѣса» продана, да кромѣ того, Павелъ Михайловичъ не оставилъ за собой нѣкоторыя изъ вещей, которыя, я помню, онъ отмѣтилъ, напримѣръ «Пчельникъ», а вотъ она и осталась; вѣдь ждать нельзя, являются покупатели, и всѣ обижаются, я не могъ иначе». Сегодня,

когда я былъ на выставкѣ, то и «Пчельникъ» уже проданъ, остаются альбомы, да нѣсколько рисунковъ. Но и тѣ, кажется, беретъ Строгановъ, а одинъ изъ альбомовъ пойдетъ въ Академію. Словомъ, всѣ вещи распроданы. Сколько я ни убѣждалъ Григоровича относительно «Лѣса», онъ стоитъ на своемъ и твердитъ: «Вѣдь это же не было кончено, вѣдь вы же видите, что Павелъ Михайловичъ перемѣнилъ мнѣніе; могло же быть, что онъ, вмѣсто «Пчельника», оставилъ бы продавать эту картину». Оказалось, что я-же и виноватъ. И дѣйствительно, оно какъ будто такъ выходитъ. Еслибы, напримѣръ, на всѣхъ вещахъ, вами отмѣченныхъ, я бы поставилъ ярлычки, что онѣ принадлежатъ вамъ и не продаются (что́ по совѣсти я взять на себя не могъ, помня нашъ разговоръ), то я могъ бы быть еще болѣе виноватымъ, только уже не передъ вами. Словомъ, Васильевъ и послѣ смерти доставилъ намъ много хлопотъ, какъ доставлялъ при жизни. И такъ, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, повторяю: я не знаю, какъ это сдѣлать теперь? Если уже «Внутренность лѣса» такъ необходима, то, если вамъ угодно, я поѣду къ Монигетти и переговорю съ нимъ: можетъ быть дѣло устроится иначе. Я это дѣлаю потому, что хотя я и не виноватъ, но такъ какъ нѣсколько прикосновененъ, то, чтобы снять даже тѣнь виновности, я готовъ попытаться, въ виду именно вашихъ цѣлей.

Глубокоуважающій васъ и готовый къ услугамъ И. Крамской.

LXXXVIII. Къ нему же.

11-го января 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Съ третьяго дня я захворалъ и слегъ, и потому не могу исполнить вашу просьбу, посмотрѣть, по адресу, продающихся: Брюллова и Боровиковскаго; какъ только подымусь, сейчасъ же исполню.

Если возможно, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, выслать мнѣ чекъ на пятьсотъ рублей, за Толстого, и тридцать рублей за раму, всего 530 руб., то много обяжете. Уважающій васъ И. Крамской.

LXXXIX. Къ В. В. Стасову.

Воскресенье, 20-го января 1874 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ я узналъ изъ вашего письма о рѣшеніи, которое принялъ Илья Ефимовичъ Рѣпинъ. Я этому тѣмъ болѣе радъ, что все это случилось безъ малѣйшей натяжки и давленія посторонняго, а напротивъ. Это мнѣ теперь

особенно прiятно, такъ какъ я всегда возлагалъ на него надежды (правда смутныя),—не какъ на художника (это всегда для меня было несомнѣнно), а какъ на человѣка, который нанесетъ Академiи удары самые полновѣсные, и что, стало быть, усилiя моей жизни имѣютъ историческое оправданiе.

Присылайте картины въ Академiю, выставка почти устроена, и въ понедѣльникъ откроется. Уважающiй васъ И. Крамской.

XC. Къ П. М. Третьякову.

26-го января 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Деньги 530 рублей я получилъ, за которые приношу вамъ мою благодарность. Въ настоящее время я уже считаю себя поправившимся, и потому выхожу. Былъ по приложенному вами адресу и видѣлъ Брюллова и Боровиковскаго. Боровиковскiй изображаетъ: Іоанна Богослова, евангелиста (образъ). Можно признать за несомнѣнный оригиналъ, но я остался совершенно равнодушенъ. Брюллова же (и тоже оригиналъ) относится къ тому времени, когда онъ только что, вѣроятно, уѣхалъ заграницу послѣ своихъ «Трехъ странниковъ», на большую золотую медаль, и тамъ писалъ. Изображаетъ: какого-то древняго героя, голаго натурщика, съ разными классическими принадлежностями, лукомъ и стрѣлами, и даже цѣпями, нѣчто въ родѣ Прометея. Все это въ натуральную величину, и въ стилѣ Егорова, Угрюмова, или, еще лучше, Лосенки, но, конечно, неизмѣримо лучше ихъ всѣхъ. Вещь очень хорошая, для галлереи—гдѣ былъ бы собранъ весь Брюлловъ; тогда вещь эта могла бы имѣть интересъ, какъ моментъ развитiя, хотя она и не имѣетъ ничего общаго съ позднѣйшимъ Брюлловымъ. Вотъ только теперь я увидалъ свою оплошность, не спросилъ, за что̀ каждая продается, но такъ какъ онѣ мнѣ показались неинтересными, то я и не интересовался, хотя, для отчета вамъ, обязанъ былъ бы это сдѣлать. Уважающiй васъ

И. Крамской.

Выставка наша открыта и возбуждаетъ, кажется, интересъ

XCI. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб. 30-го января 1874 г.

Добрый мой Илья Ефимовичъ, я хворалъ, и потому не тотчасъ отвѣчаю вамъ, но теперь — ничего. Наша выставка открыта и... привлекаетъ публику. Вещи ваши поставлены. Два слова объ нихъ: «Монахъ»*)—хорошъ,

*) «Монахъ въ пустынѣ, передъ городомъ»

Стасовъ—очень хорошъ, Барыня—масляными красками имѣетъ нѣсколько черныя тѣни, но акварель—безподобная. Это такая симпатичная штука, что оказывается чуть ли не лучшимъ портретомъ на всей выставкѣ. Вы—реалистъ, одинъ изъ самыхъ неумолимыхъ, почти граничащій съ матеріализмомъ. И вдругъ оказываетесь способнымъ брать ноты такія нѣжныя, что мнѣ, примыкающему по своимъ свойствамъ къ породѣ тихоструйныхъ, остается только удивляться. Да я уже и удивлялся, какъ вы помните, въ вашей мастерской, когда видѣлъ портретъ этотъ въ работѣ...

...Посмотрите — въ исторіи человѣчества, у величайшихъ умовъ, есть неудержимое стремленіе сдѣлаться, стать богами, но все какъ-то выходило какъ-будто не совсѣмъ натурально, были отступленія, колебанія, и только миѳъ о «Прометеѣ» ярко выдѣляется на этомъ фонѣ; но и тутъ нѣтъ побѣды и торжества, тогда какъ для Христа нѣтъ сомнѣнія — что онъ Богъ. Это огромная разница. Вы скажете — онъ молился! Еще бы— это и необходимо. Его молитва — стихійное состояніе человѣческаго духа въ трагическіе моменты. Это самоуглубленіе, бесѣда Бога съ Самимъ Собою. Недаромъ хорошіе люди говорили, что молитва творитъ чудеса. Молитвенное состояніе—это одна изъ самыхъ таинственныхъ лабораторій въ человѣкѣ. Когда горы несправедливостей, эгоизма, тупости и звѣрства людского опрокидываются на благороднѣйшія побужденія наши, человѣческій духъ какъ бы стихаетъ, не противорѣчитъ, и только ищетъ мѣста, гдѣ-бы спокойно можно было заплакать, чтобы никто не видалъ этого. И 2—3 часа такого состоянія достаточно для того, чтобы все, что еще химически не соединилось, приняло ту новую, до страшной упругости, силу, которая способна заставить затрепетать окружающее. До этого момента, постороннее, внѣшнее, безпокоитъ, ранитъ меня, я еще подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, они на меня дѣйствуютъ. Послѣ—я творецъ и активный дѣятель. И если молитвенное состояніе было дѣйствительно, причины были къ нему уважительны, тогда мое вліяніе на дѣйствительность будетъ несокрушимо, а послѣдствія необъятны, качественно и количественно.

Мудрено что-то выходитъ,— нѣмцы на этотъ счетъ молодцы, а такъ какъ я не нѣмецъ, то останавливаюсь на полъ-дорогѣ, пока еще есть время.

Благо вы одобряете идею картины. Это все, что нужно. Разумѣется, мнѣ придется повозиться съ этимъ годика два, а то и побольше, если не хватитъ средствъ. Вѣчная пѣсня про бѣлаго бычка!

Странно, вы дѣлаете шагъ—вступаете членомъ на Передвижную выставку (чѣмъ это отзовется на васъ въ будущемъ, я не знаю). Я, хотя этого всегда желалъ всѣмъ сердцемъ, но не надѣялся видѣть васъ рядомъ, по крайней мѣрѣ говорить и думать объ этомъ боялся громко; теперь же,

когда вы такъ поступили, я не удивляюсь, нахожу натуральнымъ, и даже мнѣ начинаетъ казаться, что такъ тому и быть слѣдовало. Постановка вашихъ вещей у насъ на выставкѣ произвела сенсацію. N вознегодовалъ, удивился, и въ концѣ концовъ смутился даже какъ будто. Говорилъ съ нимъ Мясоѣдовъ, вотъ сущность происходившаго: N, увидя ваши вещи, начинаетъ выказывать величайшее изумленіе: «Какъ это сюда попало?» — Мясоѣдовъ: «Стасовъ поставилъ». — N: «Какъ Стасовъ? Я полагаю, что нужно имѣть согласіе художника?» — Мясоѣдовъ: «Не знаю, это до насъ не касается». — N: «Какъ не касается? Вы можете ему повредить». — Мясоѣдовъ: «Чѣмъ же? Мы говорили Стасову, что есть бумага»... — N: «Никакой нѣтъ бумаги!» — Мясоѣдовъ: «Все равно, мы предупреждали Стасова, что это, можетъ быть, будетъ для Рѣпина сопряжено съ неудобствами, но онъ намъ сказалъ, что имѣетъ отъ Рѣпина положительное распоряженіе, такъ что вы насъ упрекать не можете».— N: «Да я не упрекаю, я совсѣмъ не объ томъ говорю, а я хотѣлъ сказать, что Рѣпинъ пенсіонеръ, его работы должна видѣть Академія, прежде чѣмъ разрѣшить, стоютъ ли онѣ того, чтобы ставить на выставку».— Мясоѣдовъ: «О! Товарищество руководствуется въ данномъ случаѣ своими правилами, и намъ нѣтъ надобности спрашивать другихъ, чтó стóитъ намъ принять и чего не стóитъ». — N: «Да я не къ вамъ говорю, а говорю, что если работы пенсіонера не удовлетворяютъ ожиданія Академіи, то его могутъ вызвать обратно изъ заграницы». — Мясоѣдовъ: «Что же вы грозите, N, и что же это значитъ, чего вы этимъ достигнете? Того, что совсѣмъ ничего и присылать пенсіонеры не будутъ».—N: «Впрочемъ, это до Рѣпина не относится, такъ какъ еще ему инструкціи отъ Академіи послано не было». — Вы знаете: Мясоѣдовъ не совсѣмъ остороженъ; стало быть, онъ говорилъ именно такъ, какъ я привелъ выше. Довожу до вашего свѣдѣнія. Впрочемъ, вы это и ожидать могли. Что же касается до нашего устава, то теперь онъ скоро будетъ напечатанъ на-ново, старый весь вышелъ. Ставить въ Академію членъ можетъ сколько хочетъ, только не въ то же время, когда открыта выставка Товарищества. Но до экспонентовъ это не относится: это правило обязательно только для членовъ. Чтобы сдѣлаться членомъ «по всѣмъ правиламъ», какъ вы выражаетесь, нужно написать вещь нарочито для Передвижной выставки, и только. Уставъ я вамъ пришлю, какъ только онъ будетъ готовъ.

Гравюръ Пожалостина мы еще не получили, ихъ нѣтъ еще, хотя квитанція уже пришла.

Прянишниковъ написалъ хорошую вещь: «Плѣнные французы въ 12-мъ году», картина, равная его «Чиновнику». Мясоѣдова вещь хорошая и лучшая на выставкѣ. Савицкій тоже выдѣлился очень выгодно. Выставка

вообще имѣетъ очень милый и интимный характеръ. Куинджи поставилъ хорошую картину: «Забытая деревня». Къ вамъ ѣдетъ надняхъ Боголюбовъ и проситъ меня, чтобы я написалъ вамъ о томъ, чтобы вы его хорошо приняли. Вотъ какъ! Рекомендую его вамъ, точно будто вы его и не знаете. Я хотѣлъ написать его портретъ, но онъ сказалъ, что вы желали написать. Охотно уступаю. Савицкій, наконецъ, скоро ѣдетъ.

Вашъ И. Крамской.

XCII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 23-го февраля 1874.

Добрый мой и снисходительный Илья Ефимовичъ, какъ вы радуете и ободряете меня своими письмами. Я жду ихъ и считаю время, когда долженъ получиться отвѣтъ. Постойте, вы говорите, что до васъ доходятъ слухи, что мои вещи на выставкѣ—первыя по достоинству. Вѣдь, однако жъ, мы съ вами понимаемъ вещи, и потому будемъ говорить такъ: лучшія, гдѣ? у насъ, въ Россіи, что ли? На этой выставкѣ Товарищества? Ну, это еще не Богъ знаетъ что̀, потому во 1-хъ, что, къ сожалѣнію, въ настоящемъ году нѣтъ вещей выдающихся. Общій уровень поднялся что ли, или ужъ я становлюсь все требовательнѣе — не знаю, только ходишь по выставкѣ, смотришь на все и думаешь: нѣтъ, не то! Давно ужъ я не увлекаюсь, давно ужъ я знаю впередъ, какая картина на выставкѣ ка̀къ будетъ, лучше ли, хуже ли. Словомъ, если я вижу вещь въ мастерской, я отлично понимаю, что съ нею сдѣлается на выставкѣ. Теперь я, когда пишу, или вижу, какъ другіе пишутъ, я ни на минуту не утрачиваю впечатлѣнія натуры, и вижу, какая все это блѣдная копія, какая слюнявая живопись, какое дѣтское состояніе искусства! Какъ далеко намъ еще до настоящаго дѣла, когда должны, по образному евангельскому выраженію: «камни заговорить». Когда это случится? Мы очень молоды, въ самомъ дѣлѣ такъ, и вы не думайте, пожалуйста, что у насъ въ 30 лѣтъ пора быть взрослымъ: это такъ слѣдовало бы, но это не такъ еще у насъ, и долго, очень долго еще такъ будетъ. Не знаю, къ чему предназначенъ русскій народъ, будетъ ли и съ нимъ то же, что̀ съ націями болѣе зрѣлыми, которыя, какъ вы говорите (и совершенно вѣрно), что для нихъ не человѣкъ важенъ, а краски, эфекты и внѣшность, то, что̀ именно и есть живопись, и только живопись,—или онъ удержитъ теперешнія родовыя черты свои. Повторяю, я не знаю, что̀ будетъ въ зрѣломъ возрастѣ, но очевидно, что такъ оставаться нельзя: все это только хорошія намѣренія, а ими, какъ извѣстно, адъ вымощенъ! Намъ непремѣнно нужно двинуться къ свѣту, краскамъ и воздуху, но.... какъ сдѣлать, чтобы не растерять по дорогѣ драгоцѣннѣйшее качество ху-

дожника — сердце? Мудрый Эдипъ — разрѣши! Правда, русская мысль, на сколько она проявилась въ литературѣ и поэзіи, держалась больше содержанія, совершенствуя въ то же время языкъ, и дошла наконецъ до той степени, когда и нашихъ писателей переводятъ: французы, нѣмцы, англичане, американцы. Все это такъ, но вотъ что худо: новаго писателя съ талантомъ нѣтъ ни одного. Тишина невозмутимая. Языкъ понизился, мысль обѣднѣла. Точно я правъ въ самомъ дѣлѣ, что мысль, и одна мысль, создаетъ технику и возвышаетъ ее. Оскудѣваетъ содержаніе, понижается и достоинство исполненія. Однако-жъ, что это значитъ? Зачѣмъ на Западѣ дѣло идетъ какъ будто на выворотъ?

Видѣлъ я недавно картину Харламова «Урокъ музыки» — ту самую, что была на вѣнской выставкѣ, и, о ужасъ! не понравилась. А какое я право имѣю говорить такъ, когда она написана превосходно, по-европейски? Странно, мнѣ показалось, что въ ней нѣтъ ни капли натуры. То же долженъ сказать и о его «Мордовкѣ». Когда Боголюбовъ мнѣ съ особымъ шикомъ указалъ на нее, то, грѣшный человѣкъ, минутъ пять я даже любовался, потомъ, осмотрѣвшись и переходя отъ одного куска живописи къ другому, я долженъ былъ сознаться, что все это выдумано, фальшиво, невѣрно, и, въ концѣ концовъ — забраковалъ... Конечно, говоря съ точки зрѣнія возвышенной, на которой я, быть можетъ, не имѣю права находиться: и, тѣмъ не менѣе, забраковалъ.

Говоря по справедливости, вы меня сильно поддерживаете, теперь, какъ и всегда; вы удивляетесь? — а это вѣрно. Съ тѣхъ поръ, какъ вы начали писать «Іова», вы мнѣ много добра сдѣлали. Живопись ваша до такой степени существенно разнится отъ моего взгляда на природу, что я только съ тѣхъ поръ понялъ, куда мнѣ надо идти. Долго объяснять, да и безполезно, вы это отлично понимаете. Особенно интересно для меня смотрѣть и сравнивать вашу логику съ своею и со всѣми остальными. Надо смотрѣть впередъ, а не назадъ, къ молодому, а не старѣющемуся. Гè погибъ, то есть, ему поздно, оказывается, учиться—(да онъ и не учился никогда). Мясоѣдовъ неисправимъ (хотя картина его лучшая на выставкѣ) *). Оба Клодта такъ и останутся маленькими, съ тою разницею, что жанристъ — добродушный человѣкъ, а пейзажистъ — съѣденъ....... Перовъ, кажется, почувствовалъ себя великимъ человѣкомъ. Удивительное дѣло — эта казенная квартира! Прянишниковъ — московскій человѣкъ, и, въ качествѣ таковаго, мѣшаетъ Божій даръ съ яичницей. Маковскій Владиміръ — тоже, Боголюбова и Гуна вычеркиваю... И такъ, кто же? На кого обратить надежды? Разумѣется, на молодое, свѣжее, начинающее.

*) «Чтеніе манифеста».

Савицкій, — это проблема и большая проблема; то, что есть до сихъ поръ, не обѣщаетъ хорошаго, хотя недурно—даже хорошо, только пристально разсматривать не нужно.... Куинджи — интересенъ, новъ, оригиналенъ, до того оригиналенъ, что пейзажисты не понимаютъ, но публика за то отмѣтила; но... опасно, ужъ очень мало знаетъ натуру, и, кажется, ему трудненько писать. Остается наше ясное солнышко — Викт. Мих. Васнецовъ. За него я готовъ поручиться, если вообще позволительна порука. Въ немъ бьется особая струнка; жаль, что нѣженъ очень характеромъ, ухода и поливки требуетъ. Вы замѣчаете, что я обо многихъ не упоминаю, но это потому, что они не примкнули къ нашему дѣлу, не участвуютъ активно, да и никакъ не участвуютъ *).

Какое странное обстоятельство, однако-жъ! Мы остались съ вами бесѣдовать только вдвоемъ. Ну что-жъ, будемъ бесѣдовать, хвалить другъ друга и упиваться собственными успѣхами. Какая, подумаешь, сатанинская гордость и самолюбіе, но... до тѣхъ поръ, пока я не потерялъ сознанія, я смѣло, съ спокойною совѣстью, буду анатомировать другихъ, извлекая, какъ умѣю, уроки для себя, и дай Богъ, чтобы это оставалось при мнѣ подольше. И я увѣренъ, что заносчивымъ не стану, и способенъ буду отдать всякому должное. Откровенность имѣетъ страшныя послѣдствія, она можетъ человѣка изолировать совершенно. Но вѣдь какъ иначе? Другимъ путемъ не придешь къ истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ — развѣ вы мнѣ не говорите вещей очень лестныхъ?

О моемъ сюжетѣ вы такого мнѣнія, что даже чистое дѣтство встало передъ вами, точно подарокъ. Ну какъ же мнѣ не послать вамъ самое искренное, сердечное спасибо? Несомнѣнно одно, что картину свою я буду писать дѣйствительно слезами и кровью, и если будетъ не то, что нужно, то ужъ тутъ, значитъ, слезы и кровь будутъ недоброкачественны. Картина вся готова, и давно готова, появленіе ея—вопросъ времени. Мѣнять, передѣлывать нечего, то есть не буду, да я и не умѣю; она давно передо мной стоитъ готовая...

Что же касается до того, чтобы сдѣлать картину прежде однимъ тономъ, то я не понимаю, для чего это мнѣ послужитъ? Вы, вѣроятно, замѣтили во мнѣ неспособность возиться съ эскизами? И почему? Не знаю, какъ вы, а я не могу дѣлать ихъ, потому что это меня связываетъ. Чтобы что-нибудь сдѣлать, я долженъ быть свободенъ во всякую минуту своего труда. Всякая черта, сдѣланная предварительно, особенно, если она удачна,

*) Читатель вспомнитъ, конечно, что всѣ настоящіе отзывы относятся къ художникамъ, которые въ 1874 году далеко еще не достигали того развитія, какого достигли впослѣдствіи. *Ред.*

связываетъ меня по рукамъ и по ногамъ, и я становлюсь трусомъ. Не могу. Если я испортилъ то, что̀ уже было хорошо, и упрека на-лицо не существуетъ, я способенъ разсердиться и поправить; но когда рядомъ будетъ вѣчно торчать этотъ укоръ, я его уберу — уничтожу. Словомъ, для меня другого пути, какъ этотъ, не существуетъ. Это исключительно, и можетъ быть странно, но я иначе не могу. Я уже пробовалъ. Я пишу картину какъ портретъ—передо мною, въ мозгу, ясна сцена со всѣми своими аксесуарами и освѣщеніемъ, и я долженъ скопировать. Картина плоха, значитъ я не могъ ее сдѣлать, и только. Искать ошибки въ томъ, что прежде не было сдѣлано эскиза, мнѣ не послужитъ ни къ чему. Много дѣла на очереди!

Вы говорите, что бросили что-то, надъ чѣмъ работали уже. Жаль. Мнѣ Стасовъ кое-что говорилъ, только въ общихъ чертахъ, не говоря, что̀ именно, такъ какъ это пока еще не должно быть извѣстно. Кстати о Стасовѣ. Я видѣлъ его нѣсколько разъ у насъ на выставкѣ, чуть не каждый день, такъ какъ онъ устраивалъ выставку Гартмана. Онъ на меня производилъ всегда нѣсколько странное впечатлѣніе, но теперь объяснилось, благодаря одному разговору. Между прочимъ, я спрашиваю его, что̀ онъ думаетъ о картинѣ Мясоѣдова. Онъ говоритъ: «Правду вамъ сказать?» — «Разумѣется».—«Видите ли, эта сцена такъ представлена, какъ-будто имъ читаютъ письмо отъ Антона».—«А, вотъ что! Вотъ вы чего захотѣли?»—«А то какъ же?»—«Да, но въ такомъ случаѣ, я вамъ вотъ что долженъ сказать: вы противорѣчите себѣ, — я помню, что были картины (Корзухина, Лемоха, Журавлева), отъ которыхъ вы были въ такомъ восторгѣ, такъ хвалили, что можно было подумать, что онѣ суть вершина художественная, а вѣдь эта вещь неизмѣримо, по моему, лучше тѣхъ».— «Иванъ Николаевичъ, нужно подымать уровень, нужно подымать, теперь совсѣмъ не то, что было тогда». — «Хорошо, такъ стало быть и ваши взгляды такъ скоро измѣнились, и вы теперь думаете иначе, чѣмъ тогда?» — «По всей вѣроятности, разумѣется».—«Ну, тогда очень жаль одно, что во всѣхъ вашихъ статьяхъ нѣтъ той нормы, критерія, чтобы читатель, при всѣхъ похвалахъ вашихъ кому-нибудь, чувствовалъ мѣсто, занимаемое художникомъ въ ряду искусства вообще, какъ, напримѣръ, у Бѣлинскаго, у котораго всегда я чувствую, что критикъ прилагаетъ мѣрку извѣстнаго рода, даже часто и не упоминая о ней. У васъ же Корзухинъ и Мясоѣдовъ, Перовъ и другіе, по очереди, на верху». — Разговоръ былъ продолжителенъ, и изъ него я убѣдился, что этотъ человѣкъ въ 50 лѣтъ сохраняетъ въ то же время темпераментъ ребенка, и потому онъ производитъ странное впечатлѣніе. Завтра онъ забудетъ, что говорилъ вчера, и такимъ образомъ поставитъ въ тупикъ. Но все-таки онъ живой человѣкъ и чуткій.

Теперь о Гартманѣ. Мнѣ всегда казалось, что Гартманъ не архитекторъ собственно, въ тѣсномъ смыслѣ, а просто художникъ, да еще и фантастическій. Теперь это особенно ярко видно на его выставкѣ. Между тѣмъ Стасовъ, въ своей рѣчи, читанной въ Архитектурномъ Обществѣ и послѣ напечатанной, не сдѣлалъ этого различія достаточно рѣзко, что было бы необходимо, чѣмъ и произвелъ нехорошее впечатлѣніе даже на архитекторовъ, балагосклонно расположенныхъ къ Гартману. Гартманъ былъ человѣкъ не заурядный. Онъ бы такъ и остался, отвергаемый всѣми, еслибы время не выдвинуло задачъ грандіозныхъ въ архитектурѣ—всемірныя выставки. Когда нужно построить обыкновенныя вещи, будничныя, Гартманъ плохъ, ему нужны постройки сказочныя, волшебные замки, ему подавай дворцы, сооруженія, для которыхъ нѣтъ и не могло быть образцовъ. Тутъ онъ создаетъ изумительныя вещи. Еслибы различіе Гартмана, его особенность, и именно въ этомъ смыслѣ, была настойчиво развита Стасовымъ, онъ заставилъ бы молчать, по крайней мѣрѣ (если не согласиться) педантовъ и филистеровъ. У него же вышло оно такъ, какъ будто Гартманъ былъ величайшій архитекторъ даже въ смыслѣ архитекторовъ, практиковъ, и это его ошибка. Но пусть онъ ошибается, его ошибки извинительны и даже симпатичны, потому что онъ дѣйствуетъ по впечатлѣнію.

Иное дѣло новый художественный бичъ—Праховъ. Хотя онъ и вашъ бывшій хорошій пріятель, но, извините, я долженъ сказать, что онъ распространяетъ нездоровую атмосферу. Единственное спасеніе будетъ въ томъ случаѣ, если онъ окажется не талантливъ, а иначе—бѣда. Пощады никакой отъ него ждать нельзя. Это величіе Олимпа, эти непререкаемыя положенія, эти глубокомысленныя нѣмецкія мысли... у меня кровь стынетъ заранѣе... Завтра буду слушать его лекціи, которыя онъ будетъ читать въ Академіи о новомъ искусствѣ, по поводу вѣнской выставки. Кусочекъ я слышалъ на четвергахъ, пойду все слушать, такъ какъ взялъ билетъ и заплатилъ деньги, и деньги не маленькія за 8 лекцій. Абонементъ 12, 8 и 6 рублей—вотъ какъ! До завтра, услышу и ва́мъ сообщу.

Перерывъ вышелъ въ 4 дня — всегда такъ бываетъ. Слушалъ двѣ лекціи—въ понедѣльникъ и сегодня. Дѣло въ томъ, что онъ, Праховъ, что-то такое говоритъ, какъ будто хорошее, умное, но только... ничего новаго. Новаго? Удивительное дѣло, всякую минуту подавай намъ новаго! Всѣ его мысли вытекаютъ (видишь ясно) съ одной стороны, вотъ оттуда-то,—и что это есть цѣлая система, цѣлая группа ученыхъ, которые держатся извѣстнаго толка. Тутъ онъ говоритъ и о политикѣ Наполеона въ томъ же родѣ, который, наконецъ, становится уже пошлъ, даже въ фельетонѣ какой-нибудь газетки; тутъ и искусство грековъ, опять-таки, какъ 15-ти лѣтній гимназистъ знаетъ; тутъ и средневѣковое христіанство,

и его отраженіе въ искусствѣ; и все это приводится съ цѣлью, разумѣется, показать источники различныхъ историческихъ теченій въ искусствѣ (новѣйшій методъ). Словомъ, все обстоитъ благополучно,—и, нужно сказать, слогомъ хорошимъ, стильнымъ, университетскимъ... сужденія о картинахъ опять-таки какъ будто нынѣшнія. Словомъ, хоть куда. Но, странное дѣло! Въ двухъ, трехъ мѣстахъ, было нѣсколько нотъ, которыя звучали, какъ давно забытое преданіе: стиль, рисунокъ, строгость... короче, какъ будто чѣмъ-то пахнетъ очень знакомымъ, что̀ давно считалъ уже обезсилѣвшимъ и умершимъ, и... вдругъ, протираешь глаза, ушамъ не вѣришь!.. Передъ нами молодой человѣкъ — префессоръ, сильный, только что начинающій проповѣдь... что-то очень осторожное въ то же время въ рѣчахъ у него, не спугнуть бы! Не знаю, что̀ дальше будетъ, а до сихъ поръ, все, что̀ я слышалъ отъ него, мнѣ уже даже оскомину набило. И такъ, давай новое? Да, давай новое. Вѣдь всякій человѣкъ, который любитъ что-либо, изучаетъ,—а который готовится другихъ учить—пріобрѣтаетъ (или, по крайней мѣрѣ, долженъ пріобрѣсти) извѣстный рядъ выводовъ, сдѣланныхъ самостоятельно, съ тѣмъ, чтобы быть нужнымъ; въ противномъ случаѣ, все, что̀ онъ можетъ сказать, есть въ учебникахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ послѣдней книжкѣ журнала, и стало быть... Впрочемъ, какое мнѣ дѣло? Хотя по совѣсти, мнѣ большое дѣло,—вѣдь это передовой тѣхъ рыцарей, о которыхъ (вы помните) я писалъ вамъ и которые, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, безпощадно будутъ преслѣдовать идею, которой я былъ ревностнымъ защитникомъ, и всегда готовъ имъ быть. Но грустно, очень грустно. Партія будетъ проиграна. Нѣтъ исхода! Работать! Работать, работать!.. О, да! Разумѣется такъ. Единственное, благонадежное средство и оружіе борьбы! Но, добрый мой Илья Ефимовичъ, обманывать себя не къ чему, что̀ я могу сдѣлать? Не смотря ни на что, «камни не заговорятъ». Это вѣрно. Но пусть будетъ, что́ будетъ, меня всегда найдутъ на сторонѣ свободы, воздуха и свѣта! Буду работать, какъ умѣю, а тамъ, что́ Богъ дастъ! Впередъ... Но знаете ли, мнѣ становится въ Петербургѣ что-то жутко! Страшно какъ-то, отъ того ли, что дѣлаешься на виду, или отъ чего другого, только прежде этого не было. Эхъ, еслибы человѣчка три, четыре настоящихъ... веселое бы дѣло было, жаркое... А вѣдь будетъ, не правда ли? Вѣдь Товарищество склеилось случайно, не всѣ упали по законамъ тяготѣнія, а есть и гнилушки. Ну, да вѣдь нельзя же было. Зная внутренній бытъ хорошо, то есть, членовъ лично, я когда-нибудь вамъ сообщу—вамъ же и нужно знать.

Вашъ акварельный портретъ, за который вы «въ душѣ краснѣете», имѣетъ одно колоссальное достоинство, которое дай вамъ Богъ сохранить навсегда. Это выраженіе, но не то выраженіе, которое многіе художники

умѣютъ давать лицамъ, которое даже иногда достигаетъ того, что становится главнымъ смысломъ картины цѣлой (субъективное); нѣтъ, у васъ другое. Передо мной характеръ женщины, полный, откровенный до послѣдней степени. Этотъ ротъ, особенно верхняя губа, одна ея сторона еще изгибается какъ змѣя, эти умные (то есть смышленные) глаза, какъ будто ласковые, но въ сущности только страстные, чтобы не сказать что-либо другое,—эта вся кокетливая головка, какъ будто встряхивающая волосами, чрезвычайно роскошными... Словомъ, еслибы я былъ на ея мѣстѣ, я бы такимъ портретомъ былъ убитъ окончательно, какъ самымъ безпощаднымъ обличеніемъ. Женщина эта мнѣ кажется самой крайней матерьялисткой, съ самыми порочными наклонностями; изъ-за такихъ вѣшаются, стрѣляются, воруютъ, грабятъ даже, и въ концѣ концовъ не получаютъ ни одной высокой и торжественно счастливой минуты въ жизни... Фу, чортъ возьми, какъ я возвышенно выражаюсь!

Однако-жъ, позвольте, вѣдь конецъ письма скоро, а я дѣла сказалъ немного. Прежде всего, чтобы не забыть, сегодня былъ у меня П. М. Третьяковъ и просилъ у меня вашъ адресъ. Онъ хочеть просить васъ написать ему портретъ графа Алексѣя Толстого, который теперь живетъ гдѣ-то на югѣ Франціи. Я, разумѣется, сообщилъ ему, и сказалъ, что вы напишете (не знаю, правъ ли я былъ, отвѣчая за васъ). Какъ знаете, а то можно было бы стянуть съ него 600 или 800 р., если только дадите на это дѣло недѣли полторы. Впрочемъ, вы получите отъ него письмо сами. Савицкій ѣдетъ завтра въ 5 часовъ вечера заграницу. Наконецъ! Картина ваша «Бурлаки» цѣла, успокойтесь. Нашъ русскій Пожалостинъ прислалъ гравюры, хорошія гравюры. Ну, мы ихъ и продаемъ, то есть, поставили продавать, но до сихъ поръ продали только двѣ. Россія такая страна еще, что эти вещи, особенно теперь, не идутъ шибко.

Графъ Толстой, котораго я писалъ*),—интересный человѣкъ, даже удивительный. Я провелъ съ нимъ нѣсколько дней и, признаюсь, былъ все время въ возбужденномъ состояніи даже. На генія смахиваетъ.

Вашъ И. Крамской.

XCIII. Къ П. М. Третьякову.

23-го февраля 1874 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Портретъ графа Л. Н. Толстого послалъ уже къ вамъ, вмѣстѣ съ рамами: моею—для «Христа» и Шишкина.

*) Портретъ графа Льва Николаевича Толстого написанъ Крамскимъ въ 1873 г.

для картины Солдатенкова. Я очень извиняюсь, что въ ящикѣ, который привезутъ къ вамъ во дворъ, будетъ находиться чужая вещь, да еще такая громоздкая, но я прошу распорядиться относительно ея В. Г. Перова, о чемъ и написалъ ему. Мою картину «Христосъ въ пустынѣ» нужно вставить въ раму такимъ образомъ, чтобы снизу подложить двѣ пробки, или что-нибудь подобное—рама нѣсколько просторна.

Къ свѣтлому празднику, т. е. къ открытію выставки въ Москвѣ, я пріѣду, чтобы покрыть лакомъ картину и поставить ее. Довожу до вашего свѣдѣнія, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, что портретъ Ив. Алекс. Гончарова имѣетъ большое вѣроятіе быть написаннымъ мною.

Квитанцію желѣзной дороги при семъ прилагаю.

Уважающій васъ И. Крамской.

XCIV. Къ В. В. Стасову.

4-го марта 1874 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Посылаю вамъ содержаніе двухъ лекцій А. Прахова и начало 3-й*); говорю начало, потому что ея не состоялось. Съ лекторомъ случился обморокъ, послѣ 15-ти минутнаго чтенія. Говорятъ, онъ больной уже пріѣхалъ на лекцію. На бѣду электрическая машина дурно себя вела, а между тѣмъ лекцію посѣтилъ Его Высочество Владиміръ Александровичъ. Уважающій васъ И. Крамской.

XCV. Къ М. В. Тулинову.

5-го марта 1874.

Добрѣйшій мой Михаилъ Борисовичъ. Хотя мы, дѣйствительно, пишемъ другъ другу не особенно ретиво, но мы, сколько помнится, не сговаривались.

Г-жа NN, о которой ты мнѣ писалъ (письмо я получилъ), у меня не была. Я думаю, что ты нѣсколько увлекаешься, полагая, что пѣвицы и театральныя артистки нуждаются въ теплотѣ сердечной. Когда я получилъ отъ тебя посланіе объ ней, гдѣ ты съ такой заботливостью просишь оказать ей, бѣдной сиротѣ, радушный пріемъ, я тогда же усомнился въ томъ, чтобы такая г-жа нуждалась въ этомъ. Пока онѣ ничего

*) По просьбѣ В. В. Стасова, И. Н. Крамской сообщалъ ему подробное содержаніе лекцій А. В. Прахова; но этотъ текстъ здѣсь не печатается, потому что Крамской нигдѣ не излагалъ здѣсь собственнаго своего мнѣнія и мыслей о лекціяхъ.
Ред.

не значатъ, онѣ готовы дѣлать все, что угодно, знакомиться со всякимъ человѣкомъ, даже безъ разбора; но чуть только онѣ получаютъ патентъ заграницей—всякія интимности становятся для нихъ и лишними, и ненужными, обременительными. И. Крамской.

На Страстной недѣлѣ буду въ Москвѣ, чтобы выставить картину *).

XCVI. Къ П. М. Третьякову.

6-го марта 1874 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Письмо ваше Савицкаго уже не застало, я ему его перешлю завтра.

Вы, вѣроятно, уже получили отъ него согласіе. Передъ отъѣздомъ онъ былъ у меня и совѣтовался объ этомъ; тутъ же написалъ свой вамъ отвѣтъ, и затѣмъ прямо отъ меня на желѣзную дорогу, такъ что я долженъ былъ написать адресъ: онъ въ хлопотахъ забылъ это сдѣлать.

Адресъ Ал. Толстого я получилъ и пошлю его Рѣпину. Портретъ Ив. Алекс. Гончарова мною уже начатъ, работаемъ каждый день. Сидитъ онъ хорошо, и совсѣмъ сталъ ручнымъ. Полагаю, что я его привезу къ вамъ на Страстной недѣлѣ, такъ какъ въ это время постараюсь быть въ Москвѣ. Уважающій васъ И. Крамской.

XCVII. Къ нему же.

12-го марта 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Не знаю почему, но я хотѣлъ писать къ вамъ и безъ телеграммы. Сегодня я былъ опять на выставкѣ **), оставался долго, переходя отъ одного предмета къ другому, провѣрялъ себя, и вотъ опять прихожу къ тому же заключенію, что и въ первый разъ, не больше, но и не меньше. Жена моя была крайне вооружена противъ моего мнѣнія послѣ перваго посѣщенія выставки мною, и сегодня она была со мною вмѣстѣ, настроенная враждебно. Но, какъ видно было съ первыхъ же шаговъ — присмирѣла. Когда кончился осмотръ, я отправился къ Гончарову, не дѣлалъ никакихъ вопросовъ, и, уже воротясь вечеромъ, узнаю ея мнѣніе. Это, конечно, не важно; ея мнѣніе не имѣетъ, наконецъ, ни для кого значенія, но для меня оно важно. Если она говоритъ мнѣ что-либо относительно моихъ работъ, я безпрекословно подчиняюсь. Одиннадцати-лѣтній опытъ меня сдѣлалъ такимъ. Она согласилась признать, что

*) «Христосъ въ пустынѣ».

**) Выставка средне-азіятскихъ картинъ В. В. Верещагина. *Ред.*

картины эти замѣчательны, но говоритъ: русскій солдатъ всюду во всѣхъ картинахъ ниже азіата, вотъ и все. Кромѣ того, ей, какъ и мнѣ (да кажется и вамъ) не понравилась самая большая картина: «Съ горъ на долины», гдѣ, какъ она выражается, ситцевая вода. Но теперь вотъ вопросъ: въ правѣ ли я дѣлать какія либо рекомендаціи? Вопросъ такъ важенъ, что я передъ его развязкою какъ бы отступаю: и не потому, чтобы колебался въ мысляхъ, а потому, что пріобрѣтеніе всей коллекціи стóитъ большихъ денегъ, можетъ быть, даже огромныхъ, и, хотя я убѣжденъ въ серьезности значенія выставки, но, какъ вы знаете, ограничиваю время признанія за мною справедливости слишкомъ большимъ промежуткомъ времени (50-ти годами), а это равно нулю. Пророкъ, въ настоящее время, есть—помѣшанный. Чтобы, однакожъ, быть правильно понятымъ, формулирую свое мнѣніе самымъ точнымъ образомъ, чтобы не было надобности когда-либо извиняться въ преувеличеніи. Верещагинъ не изъ тѣхъ художниковъ (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, за будущее не поручусь), которые раскрываютъ глубокія драмы человѣческаго сердца (что̀ и есть дѣйствительное искусство въ его настоящемъ значеніи и высшій его родъ). Онъ человѣкъ, въ этой коллекціи, въ огромной долѣ формальный, внѣшній (хотя это слово, примѣняемое къ нему, пошло). Лучше сказать, онъ объективенъ гораздо больше, чѣмъ человѣку свойственно вообще. Та идея, которая пронизываетъ всѣ его произведенія, выходитъ изъ головы гораздо больше, чѣмъ изъ сердца. Словомъ, мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ новѣйшей геологической формаціи. И въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ Россіи не вполнѣ, хотя, какъ я уже вамъ говорилъ, ни одинъ иностранецъ не былъ бы способенъ на то, что̀ сдѣлалъ Верещагинъ. Дальше: его идеи, откуда бы онѣ ни выходили, однакожъ такого сорта, что отказать имъ въ сочувствіи нельзя; его форма такъ объективна, сочиненіе такъ безъискусственно и не выдумано, что кажется фотографическими снимками съ дѣйствительно происходившихъ сценъ. Но такъ какъ мы знаемъ, что этого нѣтъ и быть не могло, то въ сочиненіи и композиціи его картинъ участвовалъ, стало быть, талантъ и умъ. Его живопись (собственно письмо) такого высокаго качества, которое стоитъ въ уровень съ тѣмъ, что мы знаемъ въ Европѣ. Его колоритъ, въ общемъ, поразителенъ. Его рисунокъ не внѣшній, контурный, который очень хорошъ, а внутренній, то, что иногда называютъ лѣпкой, слабѣе его другихъ способностей, и онъ-то, этотъ рисунокъ, главнымъ образомъ заставляетъ меня отзываться объ немъ, какъ объ человѣкѣ неспособномъ на выраженіе внутреннихъ, глубокихъ сердечныхъ движеній. Все это я увидалъ съ перваго же раза; но уровень его художественныхъ достоинствъ, его энергія, постоянно находящаяся на страшной высотѣ и напряженіи, не ослабѣвая ни на минуту (исключая «Съ горъ на долину»), наконецъ вся

коллекція, гдѣ Средняя Азія дѣйствительно передъ нами со всѣхъ, маломальски доступныхъ европейцу, сторонъ, производитъ такое впечатлѣніе, что хочется удержать ее, во что бы то ни стало, въ полномъ ея составѣ. Какъ вы видите, всѣ картины его не производятъ глубокаго, охватывающаго собственно міръ нашей души, впечатлѣнія, и это потому, разумѣется, что халаты, и чалмы, и бронзово-неподвижныя азіатскія физіономіи—слишкомъ чужія нашему внутреннему міру, нашимъ идеаламъ, нашимъ страданіямъ и надеждамъ; и въ этомъ, и только въ этомъ смыслѣ, сказать, что главный ихъ интересъ и значеніе, есть этнографическій,—будетъ пожалуй вѣрно. Нужно знать впередъ, что̀ пріобрѣтается, чтобы не испытывать чувства разочарованія. Пріобрѣтается коллекція, которая раздвинетъ очень далеко наши понятія и свѣдѣнія, относительно нашего настоящаго (т. е. его нѣкоторыхъ сторонъ, и именно великорусскихъ особенностей), еще болѣе нашего прошлаго. Но коллекція эта ничѣмъ не затронетъ нашего сердечнаго, психологическаго и умственнаго міра. Исключая политическаго, она не раздвинетъ нашъ теперешній горизонтъ и не откроетъ новаго. Словомъ, мы всѣ будемъ ходить въ эту галлерею для того, чтобы что-нибудь узнать, но не для того, чтобы интимнѣйшимъ образомъ побесѣдовать и вынести успокоеніе и крѣпость для продолженія того, что̀ называется жизнію. Ни одной черты родной намъ по духу, исключая патріотической, нѣтъ въ этой коллекціи, да и быть не могло. И все-таки это—колоссальное явленіе, и все-таки эта коллекція драгоцѣнна, она слишкомъ серьезна. Я все сказалъ, что̀ считаю обязаннымъ. Утверждаю, что ничего не преувеличиваю, и думаю, что я не ошибаюсь. Всѣ эти особенности я видѣлъ съ перваго раза, но не особенно на нихъ указывалъ, потому что имѣю правиломъ говорить о главномъ. Главное же, въ данномъ случаѣ, есть Средняя Азія и ея обитатели. Что я былъ возбужденъ—это понятно: явленіе слишкомъ крупное; но чтобы я потерялъ голову — или, что вы усмотрите здѣсь нѣчто другое чѣмъ я вамъ третьяго дня говорилъ—я не согласенъ, и отрицаю. Мнѣніе мое какъ сложилось, такъ и осталось.

Уважающій васъ И. Крамской.

XCVIII. Къ П. М. Третьякову.

14-го марта 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Еще о Верещагинѣ. Я опять былъ и опять смотрѣлъ. Думаю, сравниваю и глазамъ не вѣрю; или я ничего не понимаю ровно, или я рѣшительно правъ. Но какіе слухи разнорѣчивые и неожиданные! Говорятъ, что правительство беретъ всю выставку, предлагая 6,000 рублей пожизненнаго пенсіона, но авторъ же-

лаетъ получить разомъ, т. е. не соглашается на пенсіонъ, говоря, что онъ можетъ умереть черезъ годъ, два, завтра, сегодня, а между тѣмъ онъ обзавелся семействомъ, и, стало быть, ему необходимо трудъ свой реализировать. Не знаю, гдѣ узнать вѣрно. Полагаю поѣхать къ Гейнсу*). Но зачѣмъ? Оно немножко странно, являться ни съ того, ни съ сего, и зачѣмъ же: правда ли вотъ то, или это?.. и только. Положимъ, въ этомъ бѣды нѣтъ, но вѣдь и суетиться тоже нѣтъ основанія, по крайней мѣрѣ для меня. Разумѣется, если я и поѣду, то я ничего не знаю ни о вашемъ намѣреніи, ни о другомъ чемъ-либо, все это до меня не касается. Я написалъ записку Верещагину и оставилъ на выставкѣ, въ которой говорилъ о желаніи повидаться съ нимъ, и онъ мнѣ отвѣтилъ, что передъ отъѣздомъ постарается побывать у меня, но до сихъ поръ еще не былъ. Все, что я написалъ вамъ третьяго дня о выставкѣ, остается въ силѣ, прибавить ничего не умѣю.

Портретъ Ив. Алекс. Гончарова двигается, и, кажется, удачно, хотя боюсь говорить впередъ. Думаю, что на Страстной привезу. Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

XCIX. Къ В. В. Стасову.

15-го марта 1874 г.

Милостивый государь Владиміръ Васильевичъ. Ради Бога извините меня, что я два раза не сдержалъ своего обѣщанія передъ вами, но во-1-хъ, это потому, что всѣ эти лекціи **) состояли изъ самаго сухаго перечня картинъ и именъ художниковъ, описанія композиціи и проч., часто даже безъ туманнаго изображенія. Судите сами, насколько все это интересно и поучительно, а во-2-хъ, въ это время совершилось событіе: выставка Верещагина. Но чтобы все-таки не прерывать сообщенія, я только трону общій мотивъ лекцій ***).

Теперь о Верещагинѣ: предваряю, я не могу говорить хладнокровно.

По моему мнѣнію это: событіе. Это завоеваніе Россіи, гораздо большее, чѣмъ завоеваніе Кауфмана. Теперь вопросъ, будетъ ли правительство и общество на высотѣ задачи? Я слышалъ, что будто бы Верещагинъ принужденъ коллекцію распродать въ разныя руки желающимъ. Мнѣ сдается, что этого допустить не слѣдовало бы; ужъ если суждено намъ не понять и не оцѣнить явленія, то пусть лучше онъ увезетъ въ Лондонъ и продастъ

*) Генералъ Ал. Конст. Гейнсъ, пріятель и довѣренное лицо В. В. Верещагина.

**) А. В. Прахова, въ Академіи художествъ.

***) Далѣе идетъ краткое изложеніе лекцій А. В. Прахова, безъ всякихъ замѣчаній самого Крамского. *Ред.*

тамъ. Что-жъ, въ свое время, когда русскіе художники поймутъ важность картинъ изъ русской исторіи, тогда по крайней мѣрѣ они будутъ ѣздить въ Англію и видѣть все вмѣстѣ, только чтобы не допустить раздробленія. Когда я раньше видѣлъ фотографіи съ его коллекціи и слышалъ, напримѣръ, сообщеніе, что вотъ такая-то картина написана въ натуральную величину, я думалъ: странно, чѣмъ меньше сюжетъ, содержаніе, тѣмъ больше форматъ; но, когда я увидалъ «У дверей мечети» — я понялъ въ чемъ дѣло. Будь эта картина исполнена (написана) на одну ступень ниже, и исторической картины нѣтъ. По моему, это нѣчто невѣроятное. Эта идея, пронизывающая невидимо (но осязательно для ума и чувства) всю выставку, эта неослабная энергія, этотъ высокій уровень исполненія (исключая «Съ горъ на долину» — самая большая и самая слабая), этотъ, наконецъ, пріемъ, невѣроятно новый и художественный въ исполненіи вторыхъ и послѣднихъ плановъ въ картинѣ — заставляетъ биться мое сердце гордостью, что Верещагинъ русскій, вполнѣ русскій*). Жаль, нѣтъ мѣста. Уважающій васъ И. Крамской.

С. Къ П. М. Третьякову.

20-го марта 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Прилагаю вамъ листки изъ каталога Верещагина, съ примѣрнымъ обозначеніемъ цѣнъ, для толченія воды, какъ вы выразились. Я старался поставить цѣны, сравнительно съ другими картинами, какія у насъ вообще существуютъ. Цѣны, казалось бы, не очень дорогія, принимая въ разсчетъ путешествія автора; но, не кончивъ дѣла, бросилъ — перепугался. Сумма уже вышла огромная, а между тѣмъ между пейзажами и отдѣльными фигурами есть вещи, кажется, необходимыя. Словомъ, я не могу заниматься этимъ, и прошу васъ меня великодушно извинить. Я бы вовсе отказался отъ оцѣнки съ удовольствіемъ, но такъ какъ вы просили, то я рѣшился дать образчикъ.

Деньги 1,000 руб. серебромъ я получилъ и по полученіи письменнаго увѣдомленія отъ Савицкаго, куда ему выслать ихъ (которое скоро получу), я отправлю немедленно, и буду просить его выслать вамъ росписку. Портретъ Ив. Алекс. Гончарова въ воскресенье будетъ совсѣмъ конченъ.

Полагалъ я выѣхать во вторникъ на страстной, но Цесаревичъ прислалъ за мной сегодня, чтобы дать мнѣ нѣсколько сеансовъ до праздника,

---

*) Весь этотъ отзывъ И. Н. Крамскаго былъ тогда же помѣщенъ В. В. Стасовымъ въ его статьѣ о Верещагинѣ, напечатанной въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1874 № 77. *Ред.*

такъ какъ у него это время будетъ свободно. А потому я буду въ состояніи выѣхать только въ пятницу, чего я не сдѣлаю, такъ какъ встрѣтить праздникъ я обѣщалъ дѣтямъ вмѣстѣ. Стало быть, я выѣду только въ 1-й день праздника и въ понедѣльникъ буду въ Москвѣ. Картину мою я самъ покрою лакомъ. Поставить же, все равно, товарищи, я полагаю, съумѣютъ.

Картины укладываются, и послѣзавтра, т. е. въ пятницу, будутъ отправлены въ Москву.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CI. Къ В. В. Стасову.

23-го марта 1874.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Къ тому, что̀ я сообщилъ вамъ изъ лекціи Прахова о Реньо̀, много прибавить не могу. Перечисляя его картины, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, о каждой почти изъ нихъ онъ ставитъ вопросъ, по поводу содержанія картины, находя сюжеты нѣсколько двусмысленными, относительно внутренней, такъ сказать, доброкачественности сюжета. Отдавая справедливость силѣ и энергіи таланта, онъ находилъ задачи его нѣсколько романтическими, сродни Делакруа̀, какъ по отсутствію трезваго отношенія къ дѣйствительности, такъ и по кипучести и богатству колорита. Въ Италіи Реньо̀ особенно поразилъ Микель-Анджело, и рядомъ съ этимъ—его современникъ Фортуни. Какъ свидѣтельство того и другого, лекторъ привелъ выдержки изъ писемъ Въ Испаніи, увлекаясь Веласкесомъ, у Реньо̀ родилось желаніе органически соединить достоинства обоихъ художниковъ; у него было страстное желаніе создать что-либо могучее, колоссальное (выдержки изъ писемъ). Говоря объ этой порѣ развитія Реньо̀, Праховъ дѣлаетъ предположеніе, какимъ образомъ возникла идея объ историческомъ портретѣ Прима. Ликующія толпы народа, возбужденное состояніе мадридскаго общества, связи его съ республиканцами, все группировалось счастливо къ тому, чтобы, при первой встрѣчѣ съ генераломъ въ какомъ-нибудь салонѣ, картина вся цѣликомъ могла отчетливо нарисоваться въ мозгу художника. Встрѣча состоялась, Реньо̀ сдѣлалъ предложеніе, Примъ его принялъ, и вотъ явилось удивительное, героическое произведеніе, которое однако-жъ Приму не понравилось. Затѣмъ слѣдовали разсужденія о томъ, что историческій родъ въ Франціи, послѣ Делароша, понижаясь и мельчая, требовалъ появленія особаго новаго таланта, и Реньо̀, казалось, могъ бы поднять его до требуемаго уровня. Въ заключеніе былъ поставленъ вопросъ прямо о томъ, почему такая богатырская сила потратилась на такія двусмысленныя задачи? Я ожидалъ отвѣта, но его почему-то не послѣдовало. Однако-жъ изъ

всего, что сдѣлалъ Реньо, Праховъ исключаетъ отъ упрековъ портретъ Прима.

Послѣдняя лекція заключала въ себѣ сначала сравненіе романскихъ племенъ съ германскими въ области искусства. Романскія племена одарены особою чуткостью къ красотѣ внѣшней формы и въ то же время пониманіемъ внутренняго міра; отсюда: картинность и колоритъ. Германцамъ сродни по преимуществу внутреннія, сердечныя движенія и очень малая доля пониманія, и чуть-ли не полное отсутствіе чувства пластики въ смыслѣ древне-греческомъ; отсюда: колоритъ по преимуществу при натурализмѣ формы во всѣхъ ея уродливостяхъ и недостаткахъ. Затѣмъ, сравнивая живопись съ скульптурой, онъ приводитъ примѣры, что именно доступнѣе тому или другому роду искусства. Примѣровъ величественныхъ для сравненія онъ брать не хотѣлъ и указалъ на слѣдующіе, напримѣръ: горящіе уголья уродливы будутъ въ скульптурѣ, тогда какъ живопись двумя-тремя ударами кисти достигаетъ иллюзіи; то же можно сказать и о лицѣ сморщенной старухи; напротивъ, молодое и красивое лицо какъ-бы просится въ скульптуру. Живопись, въ обширномъ смыслѣ, есть собственно *исторія* жизни человѣка, индивидуума; область скульптуры—одна только пластика. Вотъ почему греки, обоготворявшіе силы видимой природы, искали формы, и вотъ почему Рембрандтъ такъ любилъ человѣческое лицо, носящее слѣды прожитаго времени. Лекторъ предлагаетъ провѣрить это положеніе. Послѣ того, опять послѣдовали разсужденія о греческомъ искусствѣ и о новой струѣ христіанской религіи. Внутренняя смѣна идеаловъ сопровождалась смѣною искусствъ. У романскихъ народовъ связь съ прошлымъ міромъ никогда не прекращалась; германцы же, какъ свободные отъ этой связи, представляютъ народъ будущаго. Изъ сравненія того, какъ народъ выражаетъ свою похвалу о художественномъ произведеніи, можно опредѣлить и его особенности. Итальянецъ въ этомъ случаѣ говоритъ—carino, французъ—superbe, а нѣмецъ—Character. Въ настоящее время въ Италіи господствуетъ приторный натурализмъ, но самая техника, ремесленная сторона скульптуры стоитъ на огромной высотѣ, и если Италіи суждено возродиться, то въ ихъ рукахъ будущее пластики; въ настоящее время есть попытки уже подняться надъ пошлостью. Монтеверде въ скульптурѣ то же, что Морелли въ живописи. Совсѣмъ иныя причины скульптуры во Франціи: она родилась подъ вліяніемъ идей революціи. Грандіозность и мужественный стиль лежатъ на ваяніи французовъ, но нельзя же не имѣть скульптуры и германцамъ, и вотъ они просто подражаютъ классическимъ произведеніямъ. Есть два способа подражанія скульптурѣ грековъ. Одинъ—самостоятельный, при которомъ крупныя явленія дѣйствительности, отвлекаемыя художникомъ отъ примѣсей, идеализируясь, олицетворяются,

другой — простое копированіе. Французы идутъ первымъ путемъ, нѣмцы вторымъ; но какъ французы часто впадаютъ въ излишества и преувеличенія, желая создать грандіозное, дѣлаютъ ходульное, такъ нѣмцы, изображая грековъ и боговъ, придаютъ имъ натуралистическія формы, впадая въ тривіальность. Послѣ того пошли картины, картины, картины. Лекція началась поздно. Мнѣ нужно было уѣхать въ 1/2 десятаго, я это и сдѣлалъ.

Въ томъ, что вы привели мои слова, въ вашей статьѣ о Верещагинѣ, бѣды нѣтъ, разумѣется, и я вамъ благодаренъ за таковое расположеніе, но, къ сожалѣнію, это было слишкомъ неожиданно для меня, и потомъ такое указаніе и ссылка вызвали, какъ я и ожидалъ, порицаніе меня со стороны художниковъ. А вѣдь я живу между ними и осужденъ жить. Отъ этого могутъ быть неудобства, и большія, лично для меня. Хотя я, конечно, не думаю брать ни одного слова назадъ, и готовъ отвѣчать гдѣ угодно за свои слова и поступки.

На послѣднюю замѣтку вашу я не знаю, что́ сказать. Если и въ самомъ дѣлѣ правительство откажетъ, то что-жъ тутъ дѣлать? Но я знаю одно, что въ настоящее время въ Петербургѣ находится Z (московскій), который является компаніономъ Третьякова, по покупкѣ всей коллекціи для Москвы, гдѣ они полагаютъ выстроить особое зданіе, музей, въ центрѣ города, куда и думаютъ помѣстить всю выставку, чтобы она была открыта постоянно для публики. Но это пока никому не должно быть извѣстно, по крайней мѣрѣ меня объ этомъ просилъ Третьяковъ, который явился въ первый день открытія выставки, и на другой день заявилъ Гейнсу, что онъ покупаетъ всю коллекцію, если не купитъ правительство. Можетъ быть, дѣло не такъ дурно. Что́ касается обѣда или вообще ѣды *), то я не знаю, ка́къ это сдѣлать. Я приму, разумѣется, участіе, но содѣйствовать этому, говорить объ этомъ, подымать, словомъ, этотъ вопросъ я не могу, и не могу, не потому, чтобы я не сочувствовалъ и не хотѣлъ, а потому, что меня не послушаютъ, вмѣшательство мое повредитъ дѣлу. Художники слишкомъ часто были мною оскорбляемы, и что́ бы я ни вздумалъ сдѣлать, мнѣ особенно это трудно. Главнымъ образомъ этотъ вечеръ слѣдовало бы (мое мнѣніе) устроить не отъ имени художниковъ даже (хотя и это хорошо), а отъ имени представителей науки и литературы, художники же будутъ, разумѣется, рады принять участіе.

Вашъ И. Крамской.

Сейчасъ узналъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и нѣкоторыя лица, и не одно, а много, возмущены тѣмъ, что вы назвали мое имя въ статьѣ. Еслибы еще, говорятъ, онъ привелъ бы только слова изъ письма, ну, это бы еще

*) Обѣдъ въ честь Верещагина.

ничего; а то вѣдь, смотрите пожалуйста, это говоритъ онъ, а его вишь можно слушать... и проч., и проч., и проч. Словомъ, положеніе нехорошее; но я вамъ пишу это не съ тѣмъ, чтобы жаловаться и упрекать васъ — зачѣмъ вы меня не спросили объ этомъ, хотя это было бы и лучше, а затѣмъ, чтобы показать, что я и въ самомъ дѣлѣ не могу принять участіе въ устройствѣ вечера. Какъ я догадывался, тàкъ оно и есть въ дѣйствительности. Одно для меня вопросъ: сколько я знаю (разумѣется, по слухамъ), литература не особенно сочувственно и отнесется пожалуй къ тому, чтобы подымать шумъ изъ-за искусства.

Впрочемъ, какъ знаете, вамъ это виднѣе. Я только полагалъ бы, что такъ какъ Верещагинъ не просто только художникъ, а нѣчто больше — онъ производитъ впечатлѣніе не одними сторонами искусства своего, но и свойствомъ своихъ идей, къ чему равнодушнымъ нельзя оставаться самому отъявленному нигилисту, то на этомъ только основаніи я и полагалъ бы приличнымъ взять инициативу устройства вечера представителямъ печати. И это была бы дѣйствительно для него честь достойная, но одно — приметъ ли еще Верещагинъ? Говорятъ, онъ способенъ устроить иногда и нѣчто неожиданное. Извините за безсвязность.

Уважающій васъ И. Крамской.

CII. Къ П. М. Третьякову.

5-го апрѣля 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Успокойтесь. Дѣла обстоятъ благополучно. Вотъ вамъ отчетъ моего объясненія съ Гейнсомъ. Я сказалъ ему прежде всего слѣдующее: «Я воротился только что изъ Москвы, и меня просилъ Пав. Мих. Третьяковъ просить васъ сообщить ему условія, на которыхъ пріобрѣтена коллекція Верещагина; я видѣлся съ нимъ вчера. Передъ праздниками же, я получилъ отъ Павла Михайловича увѣдомленіе, что Z ѣдетъ въ Петербургъ отъ имени образовавшейся компаніи въ Москвѣ для пріобрѣтенія всей коллекціи, съ тѣмъ, чтобы устроить особое помѣщеніе, куда помѣстить, не раздробляя ее, и чтобы галлерея была постоянно открыта для публики». На это Гейнсъ сказалъ: «Мнѣ собственно все равно, кто пріобрѣтаетъ коллекцію, условій еще не было заключено, но были словесныя условія при третьемъ лицѣ, при Жемчужниковѣ, которыя всѣ заключались въ томъ только, что «коллекція не можетъ быть дѣлима, продаваема, и должна быть открыта постоянно». Вотъ и все. На Ѳоминой я жду Z, чтобы заключить нотаріальнымъ порядкомъ эти условія». Тогда я просилъ позволенія сообщить ему нѣсколько подробностей, мнѣ извѣстныхъ, можетъ быть болѣе, чѣмъ ему, и разсказалъ, чтó слышалъ

отъ васъ въ общихъ чертахъ, и о письмѣ къ вамъ отъ Верещагина, и въ заключеніе спросилъ, чтó онъ думаетъ? Тогда онъ сказалъ: «Ну хорошо же. На Ѳоминой недѣлѣ Z будетъ, мы заключимъ условіе, какъ я вамъ уже сказалъ, что коллекція не должна быть раздробляема, и постоянно открыта, и тогда я сообщу копію П. М. Третьякову». Я говорю: «Вы позволите мнѣ сообщить Павлу Михайловичу нашъ теперешній разговоръ, ваше превосходительство?»—«Хорошо, сообщите!» На этомъ мы разстались. Я только что воротился отъ Гейнса, и пишу къ вамъ. Дѣло, какъ видите, поставлено правильно, и тревожиться вамъ нѣтъ никакого повода. Надо спокойно выждать развязки. Не принимать никакого предложенія о дѣленіи коллекціи. Мнѣ сдается, что Z неосторожно самъ себя поставилъ въ затруднительное положеніе. Гейнсъ предупрежденъ. Условія словесныя совершенно согласны съ тѣми, которыя вамъ сооообщаетъ Верещагинъ, только онъ прибавляетъ статью и о наслѣдникахъ еще. Но вѣдь это согласуется съ вашими намѣреніями; стало быть, мнѣ остается только радоваться такому хорошему концу, и, сообщая вамъ все это, я считаю себя счастливымъ, что обстоятельства поставили и меня нѣсколько прикосновеннымъ къ этой исторіи.

Извиняюсь очень передъ вашею супругою, что уѣхалъ изъ Москвы, пе засвидѣтельствовавъ ей лично своего уваженія. Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CIII. Къ нему же.

13-го апрѣля 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Пишу къ вамъ въ большихъ торопяхъ. Сейчасъ былъ у Гейнса: онъ просилъ запиской придти къ нему. Дѣло въ томъ, что онъ не написалъ вамъ до сихъ поръ ничего, потому что былъ введенъ въ заблужденіе, и ждалъ, когда пріѣдетъ Z, и тогда уже васъ извѣстить. Въ этомъ онъ теперь кается передъ вами. Но ZZ, вѣроятно, вели дѣло въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ будто не они покупаютъ, и потому ваше письмо послѣднее къ Гейнсу открыло ему глаза, и онъ меня просилъ вамъ телеграфировать (чтó я уже сдѣлалъ), что ZZ по разнымъ недоразумѣніямъ (о которыхъ мы съ вами говорили уже) ѣдутъ въ Москву и будутъ предлагать вамъ то, чтó вы уже раньше имъ предлагали, послѣ письма Верещагина. Дѣла повернулись хорошо. Только Гейнсъ просилъ меня и васъ не знать, что вы и я знаемъ все это отъ него (то есть пока не знать), до тѣхъ поръ, пока Z не явится къ вамъ съ письмомъ отъ Гейнса, и что вы узнаете отъ Z все это въ первый разъ.

Во всей этой, дурно построенной махинаціи, не смотря на то, что эту махинацію устроилъ ученикъ Лойолы, больше всего некрасиво положеніе самого Z. Я говорилъ, что онъ не знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло: съ Верещагинымъ шутить нельзя. Гейнсъ все время думалъ, что Z — уполномоченный и только, но такъ какъ дѣло оказалось иначе, то оно и возвращается къ своему главному хозяину. Я полагалъ бы, что слѣдовало бы теперь уже не допускать Z даже въ участіе; впрочемъ, виноватъ, я увѣренъ, что вы сдѣлаете все отлично и безъ чужихъ совѣтовъ.

Не знаю, что́ поймете вы изъ всего этого маранья, но ужасно тороплюсь, чтобы свезти на желѣзную дорогу письмо и чтобы вы возможно своевременно получили.

Уважающій васъ И. Крамской.

CIV. Къ А. Д. Чиркину.

Спб., 28-го апрѣля 1874 г.

Милостивый государь Александръ Дмитріевичъ. Ради самого Бога извините великодушно за все, что случилось по моей винѣ. 11-го апрѣля я отправилъ съ натурщикомъ вашъ мольбертъ въ Москву. Квитанцію онъ, по возвращеніи, отдалъ моей женѣ—меня не было дома. Потомъ оказалось, что квитанція потеряна, и сколько мы ни искали, ея не оказывалось. Я не зналъ, что́ мнѣ и дѣлать, но, къ счастью, сегодня она отыскалась. Спѣшу вамъ ее послать. На ней, какъ вы увидите, стоитъ имя получателя, Мясоѣдова: это произошло по ошибкѣ натурщика, но я полагаю, что это не помѣшаетъ вамъ получить свою вещь. Вамъ придется уплачивать полежалое (за храненіе) на желѣзной дорогѣ, и все благодаря моей неисправности. Я не знаю, какъ мнѣ съ этимъ быть и какъ это поправить. Но ужъ будьте великодушны, при случаѣ взыщите съ меня. Черкните словечко, какъ все это устроится, да не забудьте и харьковской исторіи о взятіи штрафа съ Передвижной выставки за неправильную торговлю. Искренно уважающій васъ И. Крамской.

Вчера я послалъ картину Саврасова съ тѣмъ же натурщикомъ Иваномъ и онъ ухитрился потерять квитанцію совсѣмъ. Съ желѣзной дороги выдали только №, за которымъ кладь отправлена — не знаю, что́ и дѣлать

CV. Къ П. М. Третьякову.

4-го мая 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Со Стасовымъ я видѣлся въ день вашего отъѣзда—встрѣтилъ его на Невскомъ. Сообщилъ ему резуль-

татъ всего, что касается до коллекціи Верещагина, просилъ его успокоиться, ничего не писать, и все дѣло предать волѣ Божіей, и онъ согласился. Послѣ этого онъ обратился ко мнѣ съ просьбой написать вамъ о томъ, нельзя ли помѣстить, при выставкѣ Верещагина въ Москвѣ, выставку произведеній покойнаго Гартмана, архитектора. Онъ очень хлопочетъ для вдовы, и не столько впрочемъ для нея, какъ вообще для памяти Гартмана. Мѣста ему, какъ онъ говоритъ, нужно немного. Его просьба, стало быть, заключается въ томъ: чтобы ему позволили распорядители выставки Верещагина поставить гдѣ-нибудь возлѣ—рисунки и фотографіи Гартмана. Расходы онъ беретъ на себя, онъ только проситъ указать, къ кому обращаться, если вообще взглянутъ на это благосклонно. Ему важно то, что народу будетъ много на выставкѣ, а стало быть имя Гартмана и его заслуги будутъ при этомъ оцѣнены большимъ числомъ людей.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CVI. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб., мая 7-го 1874 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ, каково я зарекомендовалъ себя! Больше мѣсяца не отвѣчалъ. Письмо ваше я получилъ въ первыхъ числахъ апрѣля, а теперь—май. Но дѣло сдѣлалось и не воротишь. Послѣднее ваше письмо такое интересное, большое и хорошее, что особенно было непростительно для меня не собраться до сихъ поръ. Одно, что́ можетъ ослабить ваши упреки—это то, что когда вы узнаете, что, кромѣ васъ, еще три человѣка претендуютъ на меня за то же самое, а именно: Антокольскій, Савицкій и Мясоѣдовъ, то, быть можетъ, вы окажете... не снисхожденіе (нѣтъ), а поделикатничаете нападать на меня вмѣстѣ съ другими въ одно время. Быть можетъ, вы скажете: «Богъ съ нимъ, довольно съ него трехъ, и его собственнаго сознанія». И такъ, безстрашно продолжаю. Дѣло въ томъ, что мнѣ бы хотѣлось на ваше послѣднее письмо отвѣчать на всѣ ваши пункты, но... во 1-хъ, вы могли и сами забыть о чемъ писали, то есть, забыть интересныя подробности, а во 2-хъ, случилось съ того времени такъ много интереснаго, что мнѣ приходится, минуя все, заняться прежде всего новостями Петербурга.

Хотѣлъ начать съ выставки Верещагина (ташкентскаго), но она тоже составляетъ прошлое. Къ тому же, вамъ вѣроятно многое извѣстно уже изъ писемъ В. В. Стасова. Отъ себя прибавлю: что вещи Верещагина — вещи дѣйствительно оригинальныя и удивительныя, во многихъ отношеніяхъ. Вы знаете, что говорить въ живописи о такихъ вещахъ, которыя намъ обоимъ знакомы и которыя мы оба видѣли, чрезвычайно интересно

и даже бываетъ поучительно; но когда одинъ изъ насъ не видалъ, то описанія ни къ чему не послужатъ. Единственное, что еще возможно: это общій смыслъ произведеній, то есть, та сторона искусства, которая и въ наукѣ, и въ литературѣ одинакова, и которая, вслѣдствіе этого, можетъ быть вызвана въ нашемъ умѣ, какъ безформенное представленіе. Но, хотя эта сторона въ Верещагинѣ чрезвычайно сильна, однако-жъ онъ такой художникъ, что его надо видѣть непремѣнно. Какъ доказательство своего мнѣнія приведу примѣръ. Годъ тому назадъ, у Гуна въ мастерской я видѣлъ фотографіи со многихъ картинъ, которыя теперь были выставлены. Указывая на нѣкоторыя фотографіи, Гунъ говорилъ, что вотъ такая-то картина въ натуральную величину, а вотъ эта въ полъ-натуры, а эти маленькія, и я удивлялся тому, что многія вещи мнѣ казались лишенными содержанія, и чѣмъ больше картина, тѣмъ меньше его (то есть содержанія). Между тѣмъ, когда картины были на лицо, многое стало ясно. Напримѣръ «Двери Тамерлана», или еще лучше «У дверей мечети»: въ натуральную величину, рѣзныя деревянныя двери въ каменной стѣнѣ, и по бокамъ двѣ фигуры, стража, тоже въ натуральную величину, и только. Никакого содержанія, по крайней мѣрѣ видимаго, но это—историческая картина. Это одинъ изъ тѣхъ рискованныхъ сюжетовъ, гдѣ живопись, и только она одна, можетъ что нибудь сдѣлать. Написана она поразительно, въ полномъ смыслѣ слова, и будь она только на волосъ ниже въ техническомъ отношеніи—и исторической картины не существуетъ. Эти тяжелыя, страшно старыя двери съ удивительною орнаментаціею, эти фигуры, сонныя, неподвижныя, какъ пуговки къ дверямъ, какъ мебель какая-нибудь, какъ тотъ же орнаментъ, такъ переносятъ въ Среднюю Азію, въ эту отжившую и неподвижную цивилизацію, что напишите книгъ, сколько хотите, не вызовете такого впечатлѣнія, какъ одна такая картина. Верещагинъ—явленіе высоко подымающее духъ русскаго человѣка. Это человѣкъ оригинальный и вполнѣ самобытный, не смотря на то, что онъ много времени провелъ заграницей, и усвоилъ себѣ всѣ техническіе пріемы западнаго искусства, только съ нѣкоторой поправкой, ему одному принадлежащей. Черезъ это, видѣть его—истинное наслажденіе, и какая разница съ Харламовымъ! Какъ вы вѣрно охарактеризовали и его, и то неудоумѣніе, которое должно охватить родителей, при видѣ такой премудрой латыни у ихъ дѣтища, съ примѣсью впрочемъ большой доли благоговѣнія (благоговѣніе относится къ родителямъ, а не къ дѣтищу), все это теперь воочію совершается, іота въ іоту. Очень вѣрно. По моему, его «Итальянка», въ ростъ, сдѣлавшая впечатлѣніе въ Парижѣ, чуть ли не самая невозможная изъ всѣхъ его вещей. И опять, какъ при появленіи Семирадскаго, я долженъ молчать, пока не пройдетъ горячка. Говорить что-либо, зна-

читъ—завидовать, по общему мнѣнію. Убѣдить нельзя, и такъ какъ это живопись, то тутъ слова ни къ чему не послужатъ: надобно дѣло. А Харламова предоставить собственной судьбѣ. По возвращеніи въ Россію годика черезъ три, онъ самъ постарается это сдѣлать, какъ одинъ подобный ему уже и постарался. Поживемъ, увидимъ.

Выставка академическая нѣчто очень любопытное, это такая невозможная выставка, что не много было такихъ даже у насъ. Тутъ все есть: и прошлогоднія вещи, и отъ Беггрова, и отъ Фельтена, и изъ постоянной выставки, и изъ частныхъ галлерей, работы иностранныхъ художниковъ, и хотя это не Богъ вѣсть что, но все есть хоть что́-нибудь. Но то, что́ можно отнести къ продуктамъ новымъ, невиданнымъ, то все это можетъ быть раздѣлено на двѣ категоріи. Одна категорія — В. П. Верещагинъ: «Поединокъ Алеши-Поповича съ Тугариномъ Зміевичемъ» (сказка), другая—Алліери, помните? Промежуточнаго нѣтъ ничего. Впрочемъ виноватъ, есть: Чижовъ! Но такъ какъ вы его вѣроятно видѣли въ Вѣнѣ, то и распространяться нечего. Вы знаете, что это такое, а вѣдь многимъ нравится! Объ статуѣ Антокольскаго*) я получилъ подробный отчетъ и даже съ чертежемъ Мясоѣдова (который теперь заграницей). Ему вещь его, Антокольскаго, очень нравится—это пріятно. Жаль только, что мы ее, пожалуй, не увидимъ.

12-е мая. Опять перерывъ. Дѣло въ томъ, что у меня скопилось громадное количество дѣлъ, ничтожныхъ въ сущности, но отнимающихъ время ужасно. На праздникахъ я ѣздилъ въ Москву. По возвращеніи участвовалъ въ разныхъ комиссіяхъ и комитетахъ (о Боже!) по памятнику Пушкина, во 2-хъ, по чтенію народныхъ лекцій въ Соляномъ городкѣ, потомъ по составленію отчета нашего Товарищества, потомъ свои собственныя дѣла, потомъ кто-нибудь придетъ, потомъ наши короткія сѣверныя ночи; не успѣешь оглянуться, какъ 12 часовъ ночи, потомъ необходимость вставать лѣтомъ рано, стало быть надо раньше ложиться, и т. д., и т. д., словомъ, не успѣешь никакъ ухватить часа, чтобы отвести душу побесѣдовать. Не взыщите, мой добрый Илья Ефимовичъ, что я такъ долго не писалъ; вѣдь вотъ вы не пишете же, дожидаетесь на свое письмо отвѣта—это натурально, и я бы такъ же поступилъ. Полагаю, что въ будущемъ стану опять исправнымъ. Вотъ недѣльки черезъ 1$^1/_2$ переѣдемъ на дачу около Петербурга, и если поѣду внутрь Россіи, то въ концѣ іюня или въ іюлѣ, на мѣсяцъ, на полтора — иначе нельзя: дѣти должны поступить въ гимназію въ августѣ... вотъ какъ, уже дѣти въ гимназію... Господи, что-жъ это такое! Прозѣвалъ жизнь. Не успѣешь оглянуться, какъ пошелъ

*) «Христосъ».

и подъ гору... Ну, да объ этомъ лучше не думать. Все кажется, что молодъ, что способенъ учиться, идти впередъ, а Богъ знаетъ, такъ ли это? Дорого бы я далъ, чтобы хоть недѣлю сдѣлаться другимъ человѣкомъ и посмотрѣть на себя со стороны, чтобы имѣть возможность судить себя, какъ другого. Ну, да объ этомъ заговаривать тоже не особенно прилично. Это значитъ ставить другого въ положеніе непріятное,—и продолжать-то въ томъ же тонѣ разговоръ не хорошо—тяжело, да и деликатность какъ-то заставляетъ сказать что-нибудь пріятное человѣку. Это-то я понимаю, и только разболтался на эту тему, потому только, что вы, я знаю, и бровью не пошевельнете, не дадите мнѣ замѣтить, что слышали мое разсужденіе.

Получилъ я письмо отъ Савицкаго—второе. На первое—я не отвѣчалъ, а на это нужно, потому, что я сдѣлалъ переводъ къ нему денегъ, чрезъ контору Винекена. Завтра посылаю къ нему вексель.

На этомъ останавливаюсь, чтобы послать наконецъ письмо къ вамъ, а то это Богъ знаетъ что будетъ. Хотѣлось бы помыть кости ближнему—Боголюбову. Ну, да это до другого раза. Кланяется моя жена вашей—усердно, и я тоже. Письма пишите на городской адресъ.

Глубоко уважающій и преданный вамъ И. Крамской.

CVII. Къ П. М. Третьякову.

21-го мая 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ я писалъ вамъ о желаніи В. В. Стасова показать публикѣ вещи покойнаго Гартмана, и, чтобы ихъ видѣло возможно бо́льшее число посѣтителей, выставить ихъ при коллекціи Верещагина. Не зная, какъ это сдѣлать и къ кому обратиться, я писалъ вамъ, какъ члену Общества любителей, и просилъ написать уже прямо В. В. Стасову, для чего прилагалъ и адресъ. Время выставки Верещагина приближается, а между тѣмъ В. В. Стасову еще неизвѣстно. Будьте такъ добры, если можно устроить что́ бы то ни было въ пользу памяти Гартмана, то извѣстите, чтобы имѣть время Стасову распорядиться послать людей завѣдывающихъ и все устроить на мѣстѣ. Ни Обществу, ни вамъ хлопотъ не будетъ никакихъ. Нужно только знать, когда открывается Верещагинская выставка. Мѣста для вещей Гартмана немного нужно, комнатки двѣ маленькихъ, или одну большую.

Уважающій васъ И. Крамской.

CVIII. Къ нему же.

9-го іюня 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Быть можетъ письмо это вручитъ вамъ лично Ник. Алекс. Александровъ, мой хорошій знакомый, котораго вамъ позвольте рекомендовать. Онъ писатель, заявившій уже себя давно, но въ послѣднее время особенно обратившій на себя вниманіе своими сочиненіями по этнографіи Россіи и книжками для юношескаго возраста: «Народы Россіи» и «Волга». Кромѣ того онъ художественный критикъ; въ послѣднеее время, послѣ изгнанія Панютина изъ редакціи «Голоса», онъ помѣщаетъ свои статьи тамъ, и всѣ пишущіе и читающіе этотъ отдѣлъ замѣтили ихъ. Въ Москвѣ онъ желаетъ, между прочимъ, осмотрѣть галлереи, и потому будьте такъ любезны, способствуйте чѣмъ можете.

Пользуюсь случаемъ передать просьбу Ив. Алекс. Гончарова: сдѣлать съ моего портрета фотографіи: онъ нуждается въ 2-хъ—3-хъ экземплярахъ снимковъ, величиною—голова немножко менѣе серебрянаго рубля; да за одно ужъ и карточки (если можно, прибавляетъ). Фотографію онъ обѣщалъ г. Полевому, издателю «Исторіи русской литературы». Туда уже данъ портретъ и Тургенева. Послѣднее письмо мое было написано въ Публичной библіотекѣ у Стасова—вотъ почему оно такое, если вы замѣтили, невѣжливое, или, лучше, похожее на отношеніе. Глубоко уважающій васъ

И. Крамской.

CIX. Къ нему же.

26-го іюня 1874.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Фотографію съ успѣхомъ можетъ сдѣлать Дьяговченко, я думаю; все, что я видѣлъ его съ картинъ—очень хорошо. Тулиновъ, мнѣ кажется, не годится для этого; впрочемъ, я не указываю непремѣнно на кого-нибудь, вамъ это знать лучше. Я, наконецъ, и не всѣхъ фотографовъ знаю въ Москвѣ, чтобы рѣшать этотъ вопросъ. При этомъ я передаю вамъ просьбу А. К. Гейнса: онъ вамъ далъ письмо В. В. Верещагина, въ которомъ самъ Верещагинъ говоритъ о своихъ будущихъ критикахъ, по поводу его произведеній. Гейнсъ проситъ васъ возвратить это письмо, списавъ съ него копію для себя. У него какъ-то зашла рѣчь со Стасовымъ о Верещагинѣ, и Гейнсъ сказалъ, что самъ Верещагинъ впередъ сказалъ все, какъ случилось.

Жарко. Въ головѣ ни одной мысли, и я все еще пребываю въ городѣ, вожусь съ портретомъ Наслѣдника, и только разъ въ недѣлю бываю у

семьи на дачѣ. Изъ Петербурга не уѣду раньше конца августа, пока дѣти не поступятъ въ гимназію.

Картину подвину до своего выѣзда здѣсь.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CX. Къ А. Д. Чиркину.

Августъ 1874.

Многоуважаемый Александръ Дмитріевичъ. Только сейчасъ я получилъ ваши три письма, можете себѣ представить? Теперь вамъ ясно, почему вы отъ меня не могли получить никакого отвѣта. Я еще не въ городѣ, а въ деревнѣ. Въ Петербургѣ буду около 15-го сентября. Въ довершеніе несчастія, я уѣзжалъ на нѣсколько дней на этюды, и только что вернулся. Однако-жъ, я не до послѣдней степени безпеченъ: я писалъ Н. Н. Гè, чтобы онъ все сдѣлалъ, что нужно въ Москвѣ; въ Петербургъ онъ долженъ былъ воротиться около 20 августа, но, къ удивленію моему, не имѣю отвѣта до сихъ поръ. О деньгахъ, которыя вы писали выслать въ Москву С. П. Тихомірову, я тотчасъ же написалъ въ Петербургъ, и полагаю—все будетъ сдѣлано. Списка и цѣнъ картинамъ у меня нѣтъ, все это у Н. Н. Гè, которому я написалъ немедленно. Сколько помню, продаются: Клодта пейзажъ «Утро» съ барашковыми облаками—за 500 руб., Мясоѣдова — за 3,000 руб., и Маковскаго «Охотникъ»—500 руб., а остальныя по 200 р.; Прянишникова «12-й годъ» — 1,000 руб., а другая—700 руб. Ради самого Создателя, извините за тѣ непріятности, которыя я вамъ причинилъ невольно. Вспомнилъ: Боголюбова «Ледоходъ» — 3,000 руб., «Петровскій юбилей» не продается, а маленькія его—по 100 руб., исключая той, которая побольше; та—200 руб. Этюдъ Мясоѣдова—150 руб., Максимова «Мальчики у ручья» — 400 руб., а «Дѣвочки» — 350, кажется; Васнецова—700 руб.; Маковскаго Константина (профессора) «Урокъ пряжи»—1,000 руб. и, кажется, только. Остальныя не продаются. О Воронежѣ я напишу, когда увижусь съ Н. Н. Гè. Уважающій васъ И. Крамской.

Богъ судья Перову—обойдемся и безъ него *).

CXI. Къ П. М. Третьякову.

12-го августа 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. И портретъ, и карточка съ портрета Ивана Александровича вышли, извините, неудовлетворительно

*) См. ниже, стр. 233.

такъ что я не отправлялъ ихъ къ Ивану Александровичу. Портретъ надо было бы ретушировать, и никому другому какъ мнѣ, но безъ оригинала я этого не могу сдѣлать. Что касается самаго оригинала, мною написаннаго, то вы напрасно осторожно отзываетесь о томъ, что фигура кажется длинна. Она безобразна. Я это видѣлъ еще здѣсь, но какъ тогда рѣшилъ привезти его къ вамъ, то такъ и оставилъ, имѣя намѣреніе поправить его, когда получу отъ васъ обратно на выставку (Иванъ Александровичъ согласенъ). Я глубоко раскаявался, что привезъ вамъ его въ Москву, и далъ себѣ слово—никогда въ другой разъ этого не дѣлать. Меня собственно тогда заставилъ сдѣлать это ложный стыдъ. О томъ, что портретъ будетъ въ Москвѣ, я и вамъ писалъ, и Гончарову сказалъ, и хотя видѣлъ подъ конецъ, въ чемъ дѣло, но повезъ, имѣя въ мысляхъ передѣлать; но вы меня изобличили, и я наказанъ. Что касается портрета Ив. Серг. Тургенева, то признаюсь, хотя мнѣ было бы и очень лестно написать его, но послѣ всѣхъ какъ-то неловко, особенно послѣ Рѣпина, котораго я очень уважаю. И извините, мнѣ не вѣрится, чтобы онъ написалъ не совсѣмъ удовлетворительно. Не повѣрю, пока не увижу. Извините, ради Бога, я такъ привыкъ вамъ вѣрить, что мнѣ не слѣдовало бы сомнѣваться, но все кажется, что Рѣпинъ, да еще въ Парижѣ, долженъ бы былъ написать. Я слышалъ отъ Стасова, мѣсяца полтора тому назадъ, что Тургенева будетъ писать еще Харламовъ, котораго самъ Тургеневъ чрезвычайно высоко ставитъ, и именно, какъ портретиста. Судите же, какъ рисковано приниматься послѣ всѣхъ. И все-таки сознаюсь, что попробовать и мнѣ хотѣлось бы, только едва ли это состоится когда-нибудь. Теперь онъ уѣхалъ надолго. Ваше письмо объ этомъ я получилъ числа 28 или 29 іюля, пока оно дошло до Сиверской станціи (а написано оно было 22-го). Я тотчасъ поѣхалъ въ Петербургъ, и пока розыскалъ его, много побѣгалъ. Въ магазинѣ Базунова уже мнѣ указали, что онъ остановился у Демута, но оказалось, что Иванъ Сергѣевичъ 20-го іюля выѣхалъ за границу и я его, стало быть, не могъ увидать ни подъ какимъ видомъ. Что за странность съ этимъ лицомъ? И отчего оно не дается? Вѣдь, кажется, и черты крупныя, и характерное сочетаніе красокъ, и, наконецъ, человѣкъ пожилой? Общій смыслъ лица его мнѣ извѣстенъ, наконецъ фотографіи тоже дѣлаютъ свое дѣло, знакомятъ съ лицомъ, но близко мнѣ никогда не удавалось его видѣть; быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ правы всѣ художники, которые съ него писали, что въ этомъ лицѣ нѣтъ ничего выдающагося, ничего обличающаго скрытый въ немъ талантъ. Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ вблизи, кромѣ расплывающагося жиру и сентиментальной, искусственной задумчивости, ничего не оказывается. Но откуда же впечатлѣніе у меня чего-то львинаго? Издали? Наконецъ, если и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего, и все въ сущ-

зости ординарно, ну и пусть будетъ эта смѣсь такъ, какъ она находится въ натурѣ. Впрочемъ все это гораздо легче сказать, чѣмъ увидать дѣйствительно и еще мудренѣе сдѣлать.

Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CXII. Къ И. Е. Рѣпину.

С.-Петербургъ, 26-го августа 1874 года.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ, лѣто у насъ въ Петербургѣ было убійственное: вообразите, въ концѣ мая, я читалъ въ одномъ изъ фельетоновъ «Спб. Вѣдомостей», что какой-то календарь предсказывалъ погоду слѣдующимъ образомъ: іюнь (нужно вамъ сказать, что весна была невозможно холодная) начнется вѣтрами и дождями, будетъ продолжаться холодами, дождями и вѣтрами, а окончится вѣтрами, дождемъ и холодомъ; іюль начнется бурями, дождемъ съ градомъ, будетъ продолжаться дождемъ, холодомъ и вѣтрами, а окончится еще постыднѣе; августъ начнется, будетъ продолжаться и кончится такъ же, какъ іюль; сентябрь начнется... но не довольно ли? Я вѣрю теперь предсказаніямъ, такъ какъ все сбылось въ точности, и въ настоящее время дождь стучитъ въ окна, вѣтеръ немилосердно завываетъ, и дача топится постоянно, на дворѣ почти не было вовсе лѣта. Работалъ мало и плохо, то есть не то, чтобы мало, но только вышло не много; изучалъ пейзажи, и нельзя сказать, чтобы очень успѣшно.

Вы пишете, что работали много, до одурѣнія, что надо и пора работать, такъ какъ 30 лѣтъ стукнетъ, а вы еще немного сдѣлали. Что же сказать мнѣ, которому пошелъ уже 38-й. Ой-ой, ей-Богу, подумаешь, жизнь какъ-будто кѣмъ-то украдена, или я ее самъ проспалъ. Не видалъ я ее, право не видалъ! Странные мы, русскіе люди! Все у насъ какъ-то «успѣемъ», да «еще сдѣлаю», а смотришь, время и ушло, и ушло безвозвратно. Я теперь начинаю, точно передъ смертью, дорожить днями. Самъ на себя дивуюсь, немножко поздно только; но лучше поздно, чѣмъ никогда. Подумайте только, не сегодня-завтра, человѣку 40 лѣтъ, а онъ еще въ пеленкахъ. Такъ ли нужно работать? Передо мной открываются горизонты, я начинаю кое-что понимать, и даже овладѣлъ бы, еслибы еще имѣть вѣрныхъ лѣтъ 15. А! Какъ вы полагаете? Тянетъ меня вонъ изъ Петербурга, такъ тянетъ, что и разсказать вамъ не могу. Посмотрѣлъ я въ прошломъ году на Льва Николаевича Толстого, живетъ себѣ безвыѣздно въ деревнѣ, и ничего, не тонетъ человѣкъ, а какъ вы думаете? Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ погибъ, если не будетъ толкаться по Петербургу, или это только такъ пугаютъ? Сдается мнѣ, что пугаютъ. Можетъ быть, для художника существуютъ бо̀льшія опасности, чѣмъ для всякого другого, но несомнѣнно, что,

сидя въ центрѣ, такъ сказать, начинаешь терять нервъ широкой вольной жизни; слишкомъ далеко окраины, а народъ-то, что можетъ дать! Боже мой, какой громадный родникъ! Имѣй только уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть; да потомъ и климатъ что нибудь да значитъ. Вѣдь это позоръ! Ни одного дня, чтобы можно было работать на воздухѣ, въ рубашкѣ; а вечера, надѣвай теплое пальто, пледъ, да бѣгай, а не ходи, чтобы не замерзнуть. Тянетъ меня вонъ, вотъ какъ тянетъ! У васъ тамъ хорошая компанія, работаете, а я тутъ въ одиночку. Скажите Савицкому: пусть пожалѣетъ меня, бѣднаго. Низко кланяюсь, послѣ напишу побольше.—Видѣлъ статую, то-есть фотографію Антокольскаго *). И. Крамской.

CXIII. Къ П. М. Третьякову.

6-го сентября, 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я еще не въ городѣ, почтовая бумага вся вышла, и я, какъ видите, пробавляюсь, какая есть. Это, конечно неважно, но ужъ, извините, не могу не извиниться.

Съ глубокимъ и искреннимъ прискорбіемъ узналъ я, что разныя невеселыя мысли и чувства продолжаютъ возникать, какъ необходимыя послѣдствія огромнаго патріотическаго поступка, относительно картинъ Верещагина. Еслибы вы сдѣлали такое дѣло, за которое обыкновенно раздаются въ высотѣ Олимпа награды и вниманія, тогда всѣмъ бы было это понятно, а огромная, обыкновенно молчаливая въ этихъ случаяхъ (да и во всякихъ впрочемъ) толпа людей, составляющихъ такъ называемое общество, усиленно молчала бы; но за то всѣ, кто лично знакомъ съ вами и съ кѣмъ вы живете, постарались бы забѣжать къ вамъ, поздравить васъ, пожать вамъ руку и потомъ полетѣли бы на площади и стогны благовѣстить о вашемъ поступкѣ и, какъ о господнемъ покровительствѣ, наградѣ, которая всегда и неизбѣжно настигаетъ настоящаго гражданина. А то вы къ несчастью тронуты тѣмъ, что́ называется идеей, и за то, роковымъ образомъ, вмѣсто награды, должны быть наказаны. Зачѣмъ такъ міръ устроенъ?

Я очень тронутъ тѣмъ, что вы не оставляете и меня въ покоѣ, и сообщаете объ этомъ. Я считаю себя частью виноватымъ въ томъ, что̀ случилось, и потому благодарю васъ за вниманіе—я горжусь этимъ. Портретъ Ив. Алекс. Гончарова, не смотря на передѣлки, разумѣется, останется въ тѣхъ же размѣрахъ. Стасову напишу.

Уважающій васъ И. Крамской.

---

*) Статуя «Христосъ», съ которой фотографія была прислана М. М. Антокольскимъ В. В. Стасову. *Ред.*

CXIV. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб. 28-го сентября 1874 г.

Радуюсь я за васъ, дорогой Илья Ефимовичъ, и за французовъ радуюсь, что у нихъ есть Парижъ и «счастливая» Нормандія, и за климатъ тамошній радуюсь; только не радуюсь, что все покоряется художественной импозантности Парижа. Это устилаетъ путь художникамъ, правда, это даетъ блескъ, роскошь и ликованіе, положимъ, да только есть для человѣчества вопросы наиболѣе важные, и если преобладаетъ въ жизни жилка художественная — плохо, до конца недалеко. Всюду—такъ было, всюду — такъ будетъ. Вспомните Грецію, Римъ, Италію (временъ Возрожденія). Сначала начинается потеря политической самостоятельности, экономическая неурядица, потомъ раздробленіе территоріи, потомъ всплываетъ на поверхность личный интересъ, предпочтительно передъ интересами общественными, всѣ стали люди просвѣщенные, даже и свиньи по натурѣ, и, въ качествѣ просвѣщенныхъ, полагающіе, что мнѣніе ихъ необыкновенно глубокомудро, и принять его всѣ обязаны, уступить нельзя, такъ какъ и я знаю все то, что другіе. Понятно, что при этомъ будетъ раздаваться всего громче голосъ золотой середины, и потому всякаго несогласнаго можно и принудить. Какъ вы видите, я самымъ усерднымъ образомъ стараюсь оправдать вашу мысль, что климатъ петербургскій убиваетъ русское искусство и худужниковъ, и я, нюхающій этотъ воздухъ, уже тронутъ чахоткой, и потому, въ качествѣ таковаго, имѣю пессимистическій взглядъ на міръ Божій. А какой же взглядъ, по-вашему, нужно имѣть зрячему человѣку (художникъ вѣдь тоже человѣкъ), который видитъ вещи, какъ онѣ есть, чувствуетъ подкладку всего совершающагося? И неужели же вы полагаете, что художнику хорошо имѣть взглядъ, такъ сказать, тельца невиннаго? Простите за иронію. Или вы думаете, что во Франціи нѣтъ глухихъ подземныхъ раскатовъ, которыхъ бы люди не чувствовали? Вотъ въ такія-то времена, подлое искусство и замазываетъ щели, убаюкиваетъ стадо, отвращаетъ вниманіе и притупляетъ зоркость, присущую человѣку! И что̀ въ сущности ужаснаго въ положеніи художника въ Россіи, я васъ спрошу? Что онъ не блистаетъ, что недостаточно цѣнится, что наконецъ его голосъ не выслушивается съ особымъ почетомъ и благоговѣніемъ? Это не большая бѣда. Искусство въ общей экономіи общечеловѣческой, и особенно государственной жизни народа (пока все человѣчество не догадается устроить иной порядокъ), и не должно занимать очень видное мѣсто. Я скажу такъ: хорошо бы было, еслибы человѣчество, совершивши роковымъ образомъ свой переходный періодъ, пришло бы въ концѣ къ такому устройству, какое когда-то было, го-

ворятъ, на землѣ, во времена доисторическія, гдѣ художники и поэты были люди, какъ птицы небесныя, поющія задаромъ. «Даромъ получили, даромъ и давайте»: только при этихъ нормальныхъ условіяхъ искусство будетъ настоящимъ, истиннымъ искусствомъ. Только при такомъ порядкѣ возможно появленіе тѣхъ созданій, которыя народными преданіями приписываются богамъ, такъ хороши они, такъ чисты и такъ безупречны по формѣ. Ни одной ноты фальшивой, ни одного слова лишняго. Оно и понятно: нѣтъ причины писать пять томовъ вмѣсто десяти страницъ — все равно не платятъ. За что же, скажите ради Бога, я буду разводить бобы, да еще не получать одобренія? Иное дѣло теперь. Я развожу бобы, и чѣмъ больше я ихъ разведу, тѣмъ бо́льшую претензію имѣю получить награды, а до того, что я не получаю одобренія за свои вирши, мнѣ какое дѣло?

Господи, какой глубокомысленный и непонятный вздоръ! Нѣтъ, рѣшительно климатъ тутъ не безгрѣшенъ! А онъ, какъ нарочно, самый петербургскій: туманъ, мороситъ, не то холодно, не то мокро, въ 11 часовъ голова болитъ и еще не совсѣмъ свѣтло, а въ два темно, и все-таки голова болитъ. А все же я буду продолжать въ томъ же самомъ глубокомысленномъ тонѣ, только съ другого боку. Тянетъ меня вонъ изъ Петербурга, тошно мнѣ! Куда же тянетъ, отчего тошно? Оттого, что сталъ «особа»: всякій, прости Господи, пялитъ глаза, подслушиваетъ, комментируетъ, запускаетъ щупъ по самое дно, покоя нѣтъ. Гдѣ же покой? Да и это бы еще ничего, еслибы не лежалъ богатый и невообразимо громадный матеріалъ за предѣлами городовъ, тамъ, въ глубинѣ болотъ, лѣсовъ и непроходимыхъ дорогъ. Что́ за лица, что̀ за фигуры! Да, иному помогаютъ воды Баденъ-Бадена, другому Парижъ и Франція, а третьему..... сума, да свобода! Вонъ оно куда хватилъ! Ну, какъ вы полагаете, давно это у человѣка? Сегодня, вчера, или послѣ вашего отъѣзда? Очень давно, такъ давно, что и не помню, должно быть съ пеленокъ. Вотъ тутъ и поди, изворачивайся. Москва — вы думаете, что въ Москвѣ жить можно? Попробуйте! Я не думаю. Я понимаю, что жить иногда надобно гдѣ-нибудь, это понятно, но можно ли — это другой вопросъ. Впрочемъ, и въ Москвѣ живутъ.

Случилось обстоятельство. Что́ такое Антокольскій? Знаете ли вы его, или не знаете? Видѣлъ я его статую, то есть фотографію. Онъ прислалъ ее Стасову и уполномочилъ показать только мнѣ. Ну, смотримъ, разсуждаемъ, и даже соглашаемся, и тотъ и другой рѣшаемся сообщить свои впечатлѣнія, да онъ и просилъ объ этомъ. Хорошо. Вы писали мнѣ, что это самое полное изображеніе нашего, въ XIX вѣкѣ, представленія о Немъ..... Согласенъ. Хотя между нами еще не рѣшенъ даже вопросъ о томъ, что̀ такое Христосъ XIX столѣтія?... Задуманному представленію статуя, въ громадной степени, отвѣчаетъ, исключая глазъ, нѣсколько традиціонныхъ,

да слѣдковъ, рѣшительно каменныхъ, напоминающихъ Германика. Все остальное — живая, трагическая фигура. Подойдя близко, разсматривая отношенія деталей, оказывается: ротъ живой, характерный, нѣсколько какъ будто чувственный и съ малою дозою свирѣпости, но рѣшительно могущій принадлежать этой фигурѣ. Но онъ находится въ противорѣчіи съ глазами. Эти части лица просто соединены между собой, а не выросли на лицѣ органически, неизбѣжно. Если усмирить ротъ и согласить съ традиціонными глазами, будетъ конечно хуже. Затѣмъ, конецъ носа чуть-чуть болѣе опущенный, чѣмъ нужно, и мясистый кончикъ, конечно, натураленъ, и принадлежитъ іудею; я совершенно буду съ нимъ согласенъ, если найду доказательства, что носъ такого покроя можетъ принадлежать человѣку высокой нравственности, хотя и тутъ нѣтъ собственно противорѣчія съ выше помѣщеннымъ опредѣленіемъ Христа XIX вѣка. Остаются, стало быть, глаза, которые напоминаютъ извѣстныя, ходячія формы, признанныя за наилучшія. (Прошу не забывать, что мнѣ, лично, особенно трудно дѣлать какія-либо замѣчанія на фигуру Христа). Но, полагая, что въ нешуточномъ дѣлѣ было бы непохвально сказать не то, что̀ думаешь, и что не сказать—значитъ не уважать, я это все просто, смирно и откровенно сказалъ, конечно нѣсколько пространнѣе. На это получаю въ отвѣтъ опроверженіе, такое странное, что, очевидно, Антокольскій или не прочелъ мое письмо, или не понялъ его. Искаженіе моихъ мыслей значительное. Я, относя это къ тому, что каждый художникъ, окончивши серьезное произведеніе, бываетъ не совсѣмъ покоенъ, и особенно чувствителенъ къ замѣчаніямъ, которыя онъ, разумѣется, еще раньше критиковъ всѣ перебралъ въ своемъ умѣ и отвергъ ихъ чувствомъ,—я, какъ ни въ чемъ не бывало, пишу новое письмо, съ поясненіемъ, какъ надо понимать, что̀ я писалъ, и что̀ я разумѣю подъ тѣмъ или другимъ выраженіемъ. Отвѣта еще нѣтъ... но между тѣмъ къ Стасову онъ писалъ о моемъ письмѣ и привелъ въ ковычкахъ, будто бы мною написанныя слова, что я «не оставлю камня на камнѣ». Стасовъ удивился, а я еще больше, тѣмъ болѣе, что ничего даже отдаленно похожаго на это я не писалъ, потому, что иначе думаю. Мнѣ было очень совѣстно, что̀ подумаетъ Стасовъ, съ которымъ я, наконецъ, и не знакомъ коротко! И вотъ, я долженъ былъ написать Антокольскому, чтобы онъ исправилъ свою ошибку къ Стасову; въ противномъ случаѣ, искаженія въ моихъ письмахъ я долженъ буду отнести къ другой какой-либо причинѣ, а не къ той, о которой я сказалъ выше. Очень жаль и грустно. А я былъ наивенъ, до того наивенъ, что писалъ откровенно и просто. Извините, что пишу объ этомъ, но такъ случилось, что все вмѣстѣ, въ одно время.

Какъ вы полагаете относительно вашего участія на Передвижной вы-

ставкѣ въ этомъ году? Будете или нѣтъ, можно вамъ или нѣтъ? Выставка состоится, только неизвѣстно когда: или въ январѣ (если Академія откажетъ на наше предложеніе), или въ мартѣ (если приметъ его). Что касается Куинджи и Васнецова, то пока много сообщить не могу. Я ихъ за лѣность и нерадѣніе укорялъ пространно и внушительно, и Васнецовъ уже, кажется, написалъ вамъ, а Куинджи отмолчался покорно, хотя киваніями головы какъ-будто и выражалъ раскаяніе. Оба работаютъ, то есть Куинджи началъ уже (лѣто ничего не дѣлалъ!), а Васнецовъ начнетъ, и тоже говоритъ, что ничего не дѣлалъ, чему я не вѣрю. Ну-съ, а затѣмъ какія еще новости? Верещагинъ отказался отъ профессора, а Тютрюмовъ (Тютрюмовъ!) пропечаталъ въ газетахъ (въ «Русскомъ Мірѣ»), что все это Верещагинъ дѣлалъ не самъ, а компанія художниковъ въ Мюнхенѣ. Каково? Стасовъ написалъ требованіе, чтобы Тютрюмовъ подтвердилъ доказательствами свои извѣстія и указалъ бы тѣхъ или того художника, кто это дѣлалъ—въ противномъ случаѣ ему, рабу Божію, придется отвѣчать передъ судомъ. Любопытно. Такая непроходимая тина, болото и пошлость, такая поднялась каша, что просто страхъ. Чтò будетъ новаго — сообщу. Что такое Бодри? Изъ-за чего кричатъ французы? Вашъ

И. Крамской.

CXV. Къ В. В. Стасову.

5-го октября 1874 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Я не могу приписывать себѣ по совѣсти того, что случилось заявленіе отъ имени художниковъ*). Многіе уже были готовы сдѣлать и безъ того. Кромѣ того, вы, вѣроятно, замѣтили существующую разницу между редакціями: того, чтó я читалъ вамъ, и того, чтò напечатано. Послѣднюю составилъ молодецъ Мясоѣдовъ, и на ней-то можно было помирить многихъ. Хотя нашлись все-таки и такіе, которые были бы согласны подписать только въ томъ случаѣ, еслибы было выражено вмѣстѣ съ тѣмъ порицаніе поступка Верещагина. Хороши!!

Я совершенно нечаянно напалъ на источникъ статьи Тютрюмова. Она раньше печати читалась одному оффиціальному лицу Академіи (Іордану). Все это, и многое другое, я слышалъ отъ самого участника во всей этой продѣлкѣ, слышалъ отъ сконфуженнаго и растеряннаго въ конецъ, и въ то время, когда я предлагалъ ему подписаться. Не оставляйте, ради Бога, этого дѣла ни въ какомъ случаѣ. Уважающій васъ И. Крамской.

---

*) Заявленіе противъ Тютрюмова, «Голосъ», № 275. *Ред.*

Заявленіе попало въ «Голосъ», потому что наканунѣ было поздно, и меня не пустили къ Коршу *), а утромъ я не засталъ васъ дома.

CXVI. Къ П. М. Третьякову.

5-го октября 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Что картины Куинджи и Савицкаго остались у васъ, я узналъ недавно; случилось это такимъ образомъ. Чиркинъ, передъ отправленіемъ въ путешествіе, обращался къ В. Г. Перову за распоряженіями и указаніями, но тотъ, къ сожалѣнію, на всѣ вопросы отвѣчалъ: не мое дѣло, дѣлайте какъ знаете. Богъ знаетъ, что̀ съ нимъ случилось, и вотъ Чиркинъ, поставленный въ необходимость поступать по обстоятельствамъ, не смѣлъ ничего ни спрашивать, ни брать; взялъ только, что̀ было въ конференцъ-залѣ, и, имѣя еще съ весны довѣренность и другія бумаги, поѣхалъ.

Еслибы для васъ, глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ, не составило особыхъ хлопотъ, то было бы хорошо отправить картины въ Саратовъ, гдѣ теперь выставка. Впрочемъ, объ этомъ я теперь же, вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, напишу В. Е. Маковскому. Адресовать и письмо, и картины въ Саратовъ, на передвижную выставку картинъ, Чиркину.

Меня очень занимаетъ, во все время знакомства съ вами, одинъ вопросъ: какимъ образомъ могъ образоваться въ васъ такой истинный любитель искусства? Я очень хорошо знаю, что любить что-нибудь настоящимъ образомъ, любить разумно—очень трудно, скажу больше: опасно. Всѣ люди, сколько я ихъ знаю, притворяются, т. е. соблюдаютъ такъ называемыя приличія, и потому, встрѣчая что-либо неподдѣльное, они чувствуютъ себя тѣмъ самымъ осужденными; ну, посудите сами, есть ли для нихъ возможность оставаться спокойными? Вѣдь что̀ въ сущности сдѣлалъ Верещагинъ, отказавшись отъ профессора—только то, что мы всѣ знаемъ, думаемъ и даже, можетъ, быть желаемъ, но у насъ не хватаетъ смѣлости, характера, а иногда и честности поступать такъ же. А между тѣмъ всякій, имѣющій крестъ, отличіе, кокарду или иное вещественное доказательство своихъ, часто мнимыхъ, заслугъ, чувствуетъ себя уничтоженнымъ и обвиненнымъ. Какъ же ему отдать справедливость: вѣдь это значитъ осудить себя, публично признаться, что вся жизнь моя есть одна сплошная ложь.

Трудно, очень трудно жить на свѣтѣ. Одно, чего я отъ всего моего сердца желалъ бы, это принять хоть какое-либо участіе и долю въ непріятностяхъ по поводу Верещагина, но все минуетъ. Впрочемъ, есть одна

*) Редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». *Ред.*

ошибка и съ вашей стороны, которую я и изложу передъ вами, когда увидимся.

Портретъ Ив. Алекс. Гончарова я бы желалъ имѣть у себя черезъ 2 или 3 недѣли. Если для васъ это удобно, то будьте такъ добры, пришлите.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CXVII. Къ А. Д. Чиркину.

5-го октября 1874 г.

Милостивый государь Александръ Дмитріевичъ. Результатъ казанскій дуренъ не до такой степени, чтобы сокрушаться и сожалѣть. Могло быть и хуже. Въ Воронежъ напишу вмѣстѣ съ этимъ письмомъ. Тамъ есть мой товарищъ по Академіи, Мих. Ив. Пономаревъ, фотографъ, по Большой дворянской улицѣ, близъ части, домъ забылъ. Вы не совсѣмъ хорошо вѣроятно помните,— какъ я вамъ говорилъ о Воронежѣ. Я самъ не изъ Воронежа, а изъ Острогожска, уѣзднаго города, въ 96 верстахъ отъ Воронежа, и хотя я его знаю, но знаю какъ городъ, по внѣшности. Я тамъ не жилъ никогда подолгу, и никого, особенно изъ лицъ вліятельныхъ, не знаю. Указываемый мною Пономаревъ — тамошній, онъ всѣхъ тамъ знаетъ. Полагаю, что онъ приготовитъ даже помѣщеніе, то есть подготовитъ, и оповѣститъ воронежцевъ черезъ газеты. Вотъ и все, на что можно разсчитывать.

Корреспонденціи присылайте, печатать ихъ хорошо. Что же касается до казанской, то ввиду того, что мы будемъ скоро у министра, мы рѣшились, какъ намъ ни больно было, выпустить. Циркулярчикъ мы отъ него достанемъ, а также и казенной палатѣ харьковской это даромъ не пройдетъ. Повѣрьте.

Въ Саратовѣ вы должны получить двѣ картины отъ Третьякова: Савицкаго—«Рабочіе» и Куинджи—«Забытая деревня», и потому подождите ихъ тамъ во всякомъ случаѣ. Онѣ должны выѣхать изъ Москвы 8-го или самое большое 10-го октября.

Уважающій васъ И. Крамской.

CXVIII. Къ В. В. Стасову.

7-го октября 1874 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Въ среду утромъ, если можно, въ 9-мъ часу даже, я буду у васъ, такъ какъ въ 10 часовъ я уже долженъ быть у Строганова, а потому я буду у васъ пораньше, чтобы мнѣ успѣть въ свое время явиться.

Вы, конечно, попадете, при разговорѣ съ Іорданомъ, въ самое настоящее

гнѣздо. Вѣдь никто другой, а именно онъ читалъ статью Тютрюмова всѣмъ профессорамъ на мѣсячномъ экзаменѣ, на другой день ея напечатанія, и предлагалъ ее прочесть въ Совѣтѣ, какъ нѣчто такое, съ чѣмъ Совѣтъ долженъ согласиться и даже ему это должно понравиться. Но чего добраго, онъ теперь, пожалуй, готовъ будетъ отпираться! Отъ него и это станется! Теперь остается только ждать, что скажетъ Верещагинъ. Буду въ среду утромъ. Мнѣ все равно надо выйти изъ дому. Уважающій васъ

И. Крамской.

CXIX. Къ А. Д. Чиркину.

20-го октября 1874 г.

Милостивый государь Александръ Дмитріевичъ. Я писалъ уже вамъ, что изъ Москвы будутъ посланы 2 картины въ Саратовъ, долженствующія быть на выставкѣ во все время ея путешествія; это — Савицкаго «Рабочіе на желѣзной дорогѣ» и Куинджи — «Забытая деревня». Получены ли онѣ вами? Если не получили, то надо подождать.

Въ правленія желѣзныхъ дорогъ бумаги отправлены давно, но до сихъ поръ нѣтъ еще отвѣта; какъ только получимъ, немедленно къ вамъ препроводимъ. Нами посланы просьбы во всѣ правленія, о которыхъ вы упоминали, а отвѣтъ (удовлетворительный) полученъ только отъ ландварово-роменской.

Сообщаю, между прочимъ, что, по пріѣздѣ вашемъ въ Воронежъ, васъ будутъ ждать двѣ картинки — пейзажиста барона Клодта, для продажи, по 150 р. за каждую, то есть 300 р. за обѣ. Еслибы нашелся покупатель, то уступка, если и будетъ, то самая малая: около 25 р. на обѣ.

Къ министру народнаго просвѣщенія мы ходили, и онъ обѣщалъ намъ свое содѣйствіе; относительно же Харькова и чиновниковъ мы еще ничего не могли сдѣлать, такъ какъ министра внутреннихъ дѣлъ не было въ Петербургѣ. Онъ воротился только дня 2 назадъ. Давъ ему время отдохнуть, мы отправимся. Въ дворцовомъ вѣдомствѣ (относительно Одессы) мы еще не были, такъ какъ не знаемъ, куда собственно нужно за этимъ обратиться.

Впрочемъ, мы все исполнимъ, такъ какъ время еще имѣется.

Не забудьте въ Воронежѣ Михаила Ивановича Пономарева, на Дворянской улицѣ, близь части, фотографъ. У него же и двѣ картины Клодта.

Кажется, всѣ ваши порученія нами исполнены. Не забыть бы чего?

Вы слишкомъ мрачно смотрите на дѣло: говорите, что дѣла идутъ плохо. Когда же они шли лучше? По моему, если нѣтъ убытка, дѣло идетъ прекрасно. Искренно уважающій васъ и преданный

И. Крамской.

CXX. Къ И. Е. Рѣпину.

С.-Петербургъ, 29-го октября 1874 г.

Не смущайтесь, дорогой Илья Ефимовичъ, что я на такой оффиціальной бумагѣ пишу*): когда нѣтъ собственной—крадутъ въ казнѣ, ужъ это дѣло извѣстное. Вѣдь это Россія и климатъ! Я думаю, что мы не совсѣмъ понимаемъ другъ друга. Я очень скромно (ну, не совсѣмъ скромно! вы скажете) сказалъ въ прошломъ письмѣ, что «плохо дѣло, если все повинуется художественной импозантности Парижа». Но вѣдь это вы написали «все повинуется». Если, все то плохо, повторяю опять, и пусть лучше я буду выброшенъ будущимъ поколѣніемъ за бортъ, чѣмъ думать иначе. Вѣдь если все покоряется, такъ значитъ животъ выросъ непомѣрно, въ ущербъ остальнымъ частямъ тѣла, въ ущербъ инымъ интересамъ, и, смѣю думать, болѣе серьезнымъ, чѣмъ искусство. (Опять-таки это требуетъ нѣкоторой оговорки, ну, да я ее не сдѣлаю, вы и сами это знаете). Я, конечно, тогда поторопился и принялъ въ серьезъ. Факты говорятъ противное: во Франціи еще не все повинуется художественной импозантности Парижа, далеко не все; не повинуется напримѣръ: рабочій вопросъ, не повинуется религія, не повинуется философія, не повинуются естественныя науки, и даже не всегда повинуется промышленность (пушки, митральезы, ядра и иныя милыя вещи); въ большинствѣ случаевъ преслѣдуется цѣлесообразность, а потомъ уже, пожалуй, и красота. И такъ, вы видите: можно сидѣть въ Россіи, и въ то же время не думать навыворотъ. Но есть у васъ въ письмѣ одна штука, которую я, по свойственной мнѣ манерѣ, не могу обойти молчаніемъ, впередъ сообщая, впрочемъ, что я имѣю мрачный взглядъ на вещи, и, стало быть, мы, быть можетъ, не согласимся. Вы говорите, что теперь «погибель не такъ страшна, какъ въ варварскія времена—времена всевозможныхъ нашествій, порабощеній и проч.»... Вѣрно, теперь трудно ждать нашествій варваровъ (хотя это еще и не гарантировано пока), но появляется, ростетъ и зрѣетъ нѣчто болѣе опасное, чѣмъ варвары внѣшніе, ростутъ и плодятся варвары внутренніе. Думаю, что въ моемъ мнѣніи нѣтъ ничего парадоксальнаго: развѣ не варварство — поголовное лицемѣріе, преобладаніе животныхъ страстей, ослабленіе энергіи въ борьбѣ съ жизненными неудобствами, желаніе поскорѣе добыть все путемъ мошенничества, прокучиваніе общественнаго (народнаго) богатства, лѣсовъ, земли, народнаго труда, за цѣлыя будущія поколѣнія... Попробуйте узнать, что̀ стоитъ талеръ, франкъ, рубль какого-либо правитель-

---

*) Письмо писано на бланкѣ Товарищества передвижныхъ выставокъ. *Ред.*

ства, попробуйте погасить долги, колоссально разростающіеся во всякомъ государствѣ, потребуйте уплаты долговъ отъ всяческихъ компаній, акціонерныхъ и иныхъ обществъ, фабрикъ, заводовъ, и вы увидите, что эта милая цивилизація, для того, чтобы не объявить себя банкротомъ, должна забираться въ Среднюю Азію, Африку, къ дикимъ племенамъ далекихъ пространствъ, и обирать, порабощать, убивать, или, еще лучше, развращать всѣхъ этихъ наивныхъ животныхъ, которыхъ численность еще превосходитъ въ 10 разъ цивилизованныя общества. Вотъ почему еще есть ресурсы и для правителей, есть ресурсы и для буржуазіи на цѣлые десятки, а можетъ и сотни лѣтъ, жуировать и услаждать себя всячески. А что̀ будетъ потомъ? Намъ какое дѣло! На нашъ вѣкъ хватитъ! Если попадется изъ этой громадной ватаги какой-нибудь дуракъ, или просто оплошаетъ— исходъ легкій: приставилъ дуло къ любому мѣсту, да и тамъ. Чудесно: и легко, и скоро, и восхитительно! Вы скажете: «Наивный человѣкъ, когда-жъ этого не было? Всегда были мошенники, и всегда человѣкъ былъ скотина!» Вѣрно, а что-жъ я говорю? Я то самое и доказываю: всегда было скверно, чуть-чуть получше, чуть-чуть похуже, а потомъ плохо и... конецъ, да, конецъ. Сколько ужъ было концовъ? Много! Не миновать его и цивилизаціи, только для нея исторія, конечно, будетъ не такъ глупа, чтобы взять знакомую развязку, — скучно стало бы, да и догадаются... эффектъ пропадетъ... А впрочемъ, къ чему это? Вы уже излечились отъ всеразлагающаго анализа... я завидую вамъ... ей-Богу завидую... Это очень тяжелая штука, тѣмъ болѣе, что, какъ вы говорите, далеко отсюда до поэзіи... Это вѣрно... Очень далеко отъ поэзіи здоровья, счастья и силы, но очень недалеко отъ... трагическаго, и, смѣю думать, всякому своя поэзія, только чувствуй, а не притворяйся... А тамъ не наше дѣло говорить: вотъ это поэзія, а это нѣтъ. Ничего, чему быть—того не миновать! Если же вы разумѣете просто глупость нашу баранью сидѣть, пыжиться, морщить лобъ и что-то хотѣть сдѣлать умное, да съ содержаніемъ, да съ направленіемъ, да еще ужъ и не знаю съ чѣмъ, то право же объ этомъ и упоминать не стоитъ. Я говорю только художнику: «Ради Бога, чувствуй! Коли ты умный человѣкъ, тѣмъ лучше; коли чего не знаешь, не видишь, брось... Пой, какъ птица небесная! только ради Бога своимъ голосомъ!» Неужто это такая дурная теорія? Конечно, когда это теорія, то въ ея составленіи участвуетъ голова. Но вѣдь что-жъ тутъ худого? Вѣдь Господь Богъ ее сотворилъ! И голова, когда она на мѣстѣ, не мѣшаетъ, и думаю, что чѣмъ больше она будетъ на мѣстѣ, тѣмъ охотнѣе признаетъ новыя вещи, и только. Такъ что, собственно говоря, бѣды большой я не вижу. Ну, а ужъ тѣ, что ворчатъ, да недостатки отыскиваютъ, извините, они не у дѣлъ, послѣ освобожденія крестьянъ. Нѣкоторые изъ нихъ еще проживутъ долго, иные

оставятъ и яйца, но всѣ, къ тому времени, думаю, поослабнутъ. Давайте только новыя вещи, Россія ихъ ждетъ! Это вѣрно.

Кто изъ насъ знаетъ Антокольскаго лучше—не знаю. Вы говорите, что я! Пусть такъ, но все-таки и вы его достаточно знаете. Но вотъ что̀ жалко: что вы не будете участвовать на Передвижной выставкѣ. Я, конечно, слишкомъ уважаю причины, почему вы не можете, и скажу больше: я бы даже не упоминалъ объ этомъ, еслибы вы не такъ рѣшительно писали и Стасову, и мнѣ; а жаль, я сказалъ, что вы рѣшительно имѣете намѣреніе сдѣлаться членомъ, и потому въ недавно напечатанномъ отчетѣ нашелъ: ваше имя стоитъ въ числѣ прочихъ. Теперь боюсь, чтобы это вамъ не повредило. Но клянусь вамъ, это вышло, какъ вы видите, независимо ни отъ кого изъ насъ.

Фельетонъ въ «Голосѣ» былъ Александрова*). По моему, онъ ничего особеннаго не заключаетъ, просто только безъ грубыхъ промаховъ, какъ это часто у писателей. Разумѣется, онъ неизмѣримо лучше многихъ по этой части. Въ «Русскомъ Мірѣ»—фельетонъ тоже мнѣ извѣстенъ, но автора не знаю, хотя склоненъ съ вами вмѣстѣ заключать одинаково. Но что̀ несомнѣнно Икса—это отвѣты Гейнсу и Стасову **).

О Тургеневѣ, спасибо ему—благодаренъ, даже восхищенъ, только одно обстоятельство мѣшаетъ мнѣ счесть себя достойнымъ похвалъ его. Говорятъ, онъ сказалъ такъ: «Я вѣрю въ русское искусство (то есть будущность) на основаніи того, какъ *вы* написали его руки на портретѣ, и по тому, какъ пишетъ Харламовъ». Оно, можетъ быть, и правда. Портрета вашего я не видалъ. Только, все-таки, какъ-то странно говорить о будущности искусства по живописи рукъ. Или ужъ я не понимаю. Только, мнѣ кажется, онъ не совсѣмъ знаетъ Россію, судя по предисловію къ своей повѣсти, помѣщенной въ «Складчинѣ».

И скучно, и грустно, и пушки стрѣляютъ, вода поднялася въ Невѣ, и вѣтеръ тоскливо въ трубѣ завываетъ, картины не пишутся въ сѣверной мглѣ. Риѳма не совсѣмъ звучная, но мысль правдивая—русское искусство.

Вашъ И. Крамской.

CXXI. Къ П. М. Третьякову.

9-го ноября 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Портретъ И. А. Гончарова полученъ мною въ совершенной исправности. Не отвѣчалъ вамъ тотчасъ же потому, что ожидалъ вашего пріѣзда, полагая васъ видѣть на этой недѣлѣ.

---

*) Фельетонъ о В. В. Верещагинѣ и Тютрюмовѣ, «Голосъ» 1874 г., № 275. *Ред.*

**) «Русскій Міръ» 1874 г. № 274. *Ред.*

Письмо Чиркина получено также; оно насъ удивило именно тѣмъ, что Чиркинъ распоряжается, чего ему дѣлать ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы. Такъ какъ картины Савицкаго и Куинджи составляютъ несомнѣнный интересъ, то ихъ придется, вѣроятно, отправить въ Харьковъ. Выставка въ настоящее время находится въ Воронежѣ. Въ Казани и Саратовѣ было недурно, особенно въ Саратовѣ. Такъ какъ вы останетесь еще въ Москвѣ, то картины Савицкаго и Куинджи позвольте уложить и отправить В. Е. Маковскому, который здѣсь теперь, но надняхъ уѣзжаетъ обратно. Мы будемъ просить его заняться этимъ.

Присланная вами статья *) отличается такимъ глубокимъ внутреннимъ неряшествомъ, побужденія автора такъ мало нравственны, что и Москвѣ нѣчего завидовать Петербургу, въ которой отыскался свой Тютрюмовъ. Какой это Брызгаловъ? Неужели это тотъ самый, что часто бываетъ у Перова? Если тотъ, то дѣло для Перова очень худо. Статью я сообщилъ Стасову, онъ собирается писать что-то, и просилъ ему оставить. Вотъ что значитъ отсутствіе здоровой и свѣдущей критики! Сколько было восклицательныхъ знаковъ по поводу Верещагина, а между тѣмъ ни одинъ не сталъ выше художника, что̀ необходимо для критики. Когда русское искусство дождется своего Бѣлинскаго? А какъ трудно, какъ трудно художнику у насъ, это невѣроятно! Всюду повальное помѣшательство въ средѣ художниковъ, нѣтъ голоса, достаточно авторитетнаго, чтобы вывести изъ мрака всѣхъ потерявшихся и потерянныхъ. Съ одной стороны чиновникъ, напортившій и погубившій будущность искусства, съ другой алчность голодныхъ и слабыхъ натуръ дѣлаетъ и жизнь, и трудъ почти невозможными. Все такъ грубо кругомъ, такъ мало нужды въ интересахъ нѣсколько высшаго порядка, чѣмъ интересъ желудка, чина, улыбки особы, что бѣжалъ бы вонъ, далеко и безъ оглядки... Но куда? вотъ вопросъ.

Трудно становится въ Петербургѣ, гдѣ же получше? Вѣроятно тамъ, гдѣ насъ нѣтъ.

Я имѣю къ вамъ большую просьбу: нельзя ли сдѣлать фотографію съ головы «Христа» въ моей картинѣ, величиною около вершка, мнѣ она очень нужна. Что̀ будетъ стоить, я съ удовольствіемъ приму на себя. Только одну голову. Глубоко и искренно уважающій васъ И. Крамской.

CXXII. Къ нему же.

16-го ноября 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Быть можетъ, письмо это застанетъ васъ въ Москвѣ еще, и потому тороплюсь написать вамъ отвѣтъ

*) Статья Брызгалова о Верещагинѣ, напечатанная въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» 28 октября 1874. Статью эту приписывали самому Перову. *Ред.*

на послѣднее. Относительно фотографіи я рѣшился такъ поступить: вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я пишу къ фотографу Дьяговченко, чтобы онъ сдѣлалъ фотографію у васъ въ галлереѣ, на мѣстѣ, не трогая картины. Быть можетъ, даже, онъ явится къ вамъ немедленно, а быть можетъ послѣ вашего возвращенія. Во всякомъ случаѣ, я не желалъ бы доставлять вамъ никакихъ хлопотъ, а всего менѣе безпокойствъ. Если уладится это дѣло такъ, какъ я полагаю, — хорошо; а нѣтъ — дѣлать нѣчего, придется оставить неудовлетвореннымъ мое желаніе.

Что касается ящиковъ, то я пишу В. Е. Маковскому, который уже уѣхалъ обратно, не повидавшись, впрочемъ, съ нами; а потому приходится переписываться. Вся разница между ящиками обыкновенными и нашими, приспособленными къ путешествію, заключается только въ томъ, что крышка и дно нашихъ ящиковъ не придѣлываются наглухо, какъ обыкновенно, а прикрѣпляются винтами, и ящики, какъ снаружи, такъ внутри, выкрашены черной масляной краской, такъ что картины во все время путешествія не снимаются, а остаются на доскахъ, такъ и выставляются. Стоимость каждаго такого ящика не превышаетъ 15 рублей, и весь расходъ по отправкѣ картинъ Товарищество, разумѣется, принимаетъ на себя. Во всякомъ случаѣ, и это обстоятельство не должно быть лично для васъ сколько-нибудь затруднительно, а должно цѣликомъ лежать на отвѣтственности кого-либо изъ московскихъ художниковъ, и вѣроятнѣе всего на Маковскомъ, какъ членѣ правленія; и потому, я думаю, что онъ явится къ вамъ поэтому поводу. Глубоко уважающій васъ

И. Крамской.

CXXIII. Къ Е. И. Рѣпину.

16-го ноября 1874 г. Спб.

Новость, и очень крупная, дорогой мой Илья Ефимовичъ! Академія отказывается отъ выставокъ и уступаетъ устройство ихъ вновь образовавшемуся Обществу (при Академіи), «Обществу выставокъ». Я читалъ уставъ; на дняхъ Совѣтъ будетъ обсуждать его, такъ, для формы, потому что онъ уже почти утвержденъ. Я, къ сожалѣнію, не могу сообщить его вамъ цѣликомъ, хотя стоило бы, букетъ въ немъ есть чудесный, но я полагаю, что вмѣстѣ съ симъ, какъ говорится, уставъ будетъ въ Парижѣ у Боголюбова, какъ члена Совѣта, то-есть долженъ быть, если только онъ объ немъ не зналъ годъ тому назадъ. Теперь и мы, грѣшные, уже знаемъ его. Вотъ въ чемъ дѣло: подъ покровительствомъ Академіи составилось, какъ я сказалъ, Общество выставокъ, съ цѣлью «объединенія художниковъ на одномъ общемъ конкурсѣ». Сборъ съ выставки уже не дадутъ министер-

ству двора, а будутъ распредѣлять художники сами по нижеслѣдующей программѣ: жалованье распорядителю и писцамъ (сколько ихъ потребуется), отчисленіе (неизвѣстно впрочемъ какого) % на образованіе капитала вдовьяго, сиротскаго и престарѣлымъ художникамъ; на выдачу ссудъ, тоже неизвѣстно какого %, тѣмъ художникамъ, которые будутъ нуждаться окончить картину или задуманное исполнять (а кто въ этомъ не нуждается?); затѣмъ, если останутся средства, то и раздавать преміи, и, уже послѣ всего, если обстоятельства позволятъ, то... и передвигать—не капиталы, а выставки. Чтобы еще болѣе получить благополучія, то будутъ устроивать ежегодно лоттереи на 10,000 рублей серебромъ, и, кромѣ того, аукціоны. Словомъ, публика будетъ уже не въ состояніи уклониться отъ пріобрѣтенія художественныхъ произведеній тѣмъ или другимъ способомъ; и я увѣренъ, что всякаго равнодушнаго къ искусству человѣка вышеописанныя мѣры непремѣнно настигнутъ и... покараютъ, то есть украсятъ его жизнь художествомъ. Чтобы дѣло шло неуклонно правильно и сообразно начертанной программѣ, избирается 5 человѣкъ комитета и 10 депутатовъ, въ числѣ которыхъ «непремѣнный членъ конференцъ-секретарь». Комитетъ исполняетъ постановленія, депутаты (состоящіе изъ почетныхъ членовъ, а члены Совѣта суть въ то же время и депутаты, то есть они могутъ ими быть невозбранно) наблюдаютъ. А чтобы и тутъ не могло быть упущеній, то общія собранія уже рѣшаютъ, ка́къ чему быть надлежитъ. Словомъ, все до такой степени предусмотрѣно, что ни ошибокъ, ни неудовольствій не будетъ и быть не можетъ; если же что̀ и можетъ быть, то только одно ликованіе, и ничего кромѣ ликованія. Сочинили это... N и... NN! Вы думаете, что я шучу, право такъ. N, по крайней мѣрѣ, душа всего. Что-жъ это я, однако-жъ, точно все это дѣло, кромѣ фельетоннаго отношенія, ничего не заслуживаетъ! Нѣтъ, я очень хорошо вижу, что дѣло это, если и не имѣетъ какой-либо завидной будущности (вопросъ: можетъ я и ошибаюсь!), то все-таки надо сознаться, что оно будетъ вліять кое-чѣмъ на Товарищество, и, почему знать, быть можетъ оно серьезнѣе, чѣмъ я полагаю. Несомнѣнно одно, что все это есть слѣдствіе Товарищества и его несомнѣнной заслуги: передачи выставки Академіей въ завѣдываніе самихъ художниковъ. Это своего рода освобожденіе крестьянъ. Худо ли, хорошо ли, но уже воротиться назадъ къ прежней системѣ будетъ невозможно. Академія собственно тутъ ничѣмъ не поступилась: деньги отбирало министерство, которое, разумѣется, никогда бы не согласилось отдать ихъ Академіи, и такъ какъ ей пользоваться все равно не пришлось бы, то и пусть пользуются художники—все оно какъ будто либерально выходитъ. Уставъ подписали 23 человѣка, первымъ X, и много другихъ. Они, между прочимъ, просятъ Академію разрѣшить пенсіонерамъ быть членами этого

Общества, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы имъ не быть членами какого-либо другого. Я не знаю, можетъ ли Академія простирать такъ далеко свою власть? Впрочемъ, если просятъ, стало быть можетъ; и мнѣ собственно очень жаль, что оно такъ. Ну, да дѣлать нечего.

Странное дѣло: вѣдь вотъ случись что-либо подобное 5 лѣтъ тому назадъ, быть можетъ я нашелъ бы все это хорошимъ (исключая одного или нѣсколькихъ пунктовъ), а теперь — не нравится. Почему? Мудрый Эдипъ, разрѣши! Правъ ли я? Не становлюсь ли я сектантомъ и слишкомъ узкимъ партизаномъ? Невольно задаешь себѣ этотъ вопросъ, и... какъ бы я хотѣлъ посмотрѣть безпристрастно на себя издали, точно на другого человѣка! Или и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ такъ влюбленъ въ свою мысль, такъ сживается съ своимъ болотомъ, если оно становится таковымъ, что не способенъ понять совершающагося? Ужасно обидно. Обидно, что въ ироническомъ тонѣ говоришь, быть можетъ, именно тогда, когда не слѣдовало бы дѣлать этого! Словомъ, очень огорчительное состояніе. Хотя я думаю, что дороги Передвижной выставки и новаго Общества нигдѣ не пересѣкаются (тамъ задачи другія), но... чортъ его знаетъ, гдѣ лучше! Если бросятся всѣ на это новое, что̀ думать надобно? Я ли ошибаюсь, или другіе? Вотъ проклятое положеніе. А между тѣмъ я чувствую, отступленіе (мнѣ по крайней мѣрѣ) сдѣлать не придется—не смогу. Объ этомъ обстоятельствѣ я пишу и Савицкому. Какъ-то вы тамъ взглянете изъ Парижа на все это дѣло? Ужасно это меня интересуетъ. А выставка наша все-таки состоится и теперь! Въ ожиданіи скораго отвѣта

Искренно и глубоко преданный и любящій И. Крамской.

CXXIV. Къ нему же.

21-го ноября 1874 г. Спб.

Ваше письмо, дорогой мой Илья Ефимовичъ, получено мною сейчасъ и немножко потревожило; это бы еще ничего, пусть ихъ сколько угодно, если имъ такъ дороги интересы искусства, и если кому-нибудь будетъ отъ этого польза, и вслѣдствіе этого прибавится одинъ, два понимающихъ, но бѣда въ томъ, что я не знаю, кончено ли ваше письмо? Оно имѣетъ одинъ листикъ и кончается тѣмъ, что «Тургеневъ глядитъ на искусство только съ исполнительной стороны, по-французски, и только ей придаетъ значеніе». Дальше ничего, подписи не имѣется, такъ что если все это было правильно, то надо допустить въ васъ въ ту минуту разсѣянность—превыше описанія; или, пользуясь вашимъ намекомъ.... и еслибы все это было такъ, я возблагодарилъ бы небо и порадовался — продолжайте на

здоровье, мнѣ все равно пріятно получать отъ васъ; но если тутъ комуто-нужно что-то, вотъ ужъ это не годится. Я буду спокоенъ, если вы мнѣ скажете, что вы письма не подписали, и что оно имѣетъ одинъ листъ. Тогда, значитъ, правильно. Но если?.. непріятно.

Уважающій васъ И. Крамской.

CXXV. Къ П. М. Третьякову.

10-го декабря 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините меня великодушно, что я такъ долго не увѣдомляю васъ о полученіи денегъ, присланныхъ вами чрезъ брата вашего, Сергѣя Михайловича. Но все это время было такое дурное, непріятное и хлопотливое, что я какъ-то не могъ собраться. Къ тому-жъ болѣзнь дѣтей и жены тоже отчасти были причиною; но послѣднее обстоятельство, слава Богу, миновало, тогда какъ другое продолжается и по сію пору. Ну, да Богъ дастъ, все уладится.

Еще разъ прошу васъ не поставить мнѣ этого въ вину.

Фотографію получилъ и мнѣ кажется, хорошо.

Уважающій васъ И. Крамской.

CXXVI. Къ И. Е. Рѣпину.

1-го января 1875 года. Спб.

Вотъ какъ, 75-й годъ! Что-то онъ намъ принесетъ! Я ни васъ, ни себя съ нимъ не поздравляю, обижаюсь я на новые года. И давно уже обижаюсь.

Что-жъ это значитъ, дорогой Илья Ефимовичъ, что нѣтъ отъ васъ вѣсточки? Оно и надо бы уже давно, тѣмъ болѣе, что послѣднее письмо отъ васъ получено мною не совсѣмъ въ порядкѣ, какъ я вамъ и писалъ немедленно. Полагаю, что письмо мое вы получили? То-есть собственно не письмо, а рапортъ, и очень коротенькій, о томъ, въ какомъ видѣ дошло до меня ваше письмо. Вѣдь не могло же это обстоятельство быть помѣхою вашему отвѣту? Остается предположить, что какія-либо уважительныя причины еще не даютъ вамъ минуты покоя. Но дай Богъ, чтобъ у васъ все обстояло благополучно, и чтобы я получилъ отъ васъ отвѣтъ, хотя строчку, чтобы знать.

Я написалъ бы вамъ уже и раньше, не взирая на вашу великую неисправность, но ожидалъ возможности сообщить какія-либо интересныя новости, такъ какъ долженъ былъ состояться Совѣтъ для спеціальнаго обсужденія устава новаго «Общества выставокъ», о которомъ я вамъ писалъ, и по поводу чего вы возликовали, хотя и преждевременно, какъ мнѣ

казалось. Ну, да это было все-таки прекрасно, и на васъ совершенно похоже: увлекаться—ваше достоинство и недостатокъ. Совѣтъ былъ. Раньше того, мы (правленіе Товарищества) собирались, для обсужденія, что́ и какъ намъ говорить и ка̀къ держать себя. Рѣшено было—не вступать въ критику и противорѣчіе, а, напротивъ, находить все прекраснымъ, и дать возможность рухнуть самому такъ глупо затѣянному дѣлу.

Николаемъ Николаевичемъ Гѐ, въ Совѣтѣ былъ поставленъ только одинъ вопросъ: «Какое это Общество—частное, или оффиціальное? Если оффиціальное, то ему кажется, что лица, подписавшіяся подъ уставомъ, за исключеніемъ 2-хъ—3-хъ, не имѣютъ достаточнаго нравственнаго, то есть художественнаго, авторитета, чтобы Академія должна была отказываться отъ права устройства своихъ выставокъ? И не поспѣшно ли это, не пострадаетъ ли при этомъ достоинство Академіи?»....

Z: — «Конечно, частное. Какъ можно, оффиціальное! Академія будетъ устроивать все-таки свои выставки, только года черезъ три...» —Гѐ: «Прекрасно, въ такомъ случаѣ, я могу только сказать: дай Богъ, давно пора было художникамъ это сдѣлать. Но я бы предложилъ только одну поправку: тамъ есть параграфъ, что члены Совѣта суть въ то же время и почетные члены этого Общества; мнѣ кажется, что никакому частному обществу нельзя давать права вписывать въ число своихъ членовъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ...» Остальные члены Совѣта поддерживаютъ его:—«разумѣется, разумѣется!!...»—Z: «Да, это дурная редакція, тутъ надо разумѣть такъ: что если пожелаютъ». — Гѐ: «Въ такомъ случаѣ, это даже и не §, всѣ согласны». Послѣ того Z говоритъ, что ему уже неловко оставаться непремѣннымъ депутатомъ, послѣ такого рѣшенія предъидущаго §, вычеркиваетъ.—Гѐ: «Что̀ же касается лоттереи и аукціона, то пусть они хлопочутъ общимъ законодательнымъ путемъ—объ утвержденіи этихъ §§».—Z: «По моему, ихъ просто слѣдуетъ выпустить, такъ какъ это можетъ восходить только до Государственнаго Совѣта...» Ну, а затѣмъ, все было найдено прекраснымъ. И вотъ, корабль, разснащенный такимъ образомъ, «и безъ руля и безъ вѣтрилъ», пусть плаваетъ. Теперь на N лежитъ обязанность собрать выставку, устроить и набрать экипажъ! На здоровье.

Глубоко преданный вамъ И. Крамской.

Подумайте, не опасно ли вамъ ставить у насъ? А ужъ какъ мы были бы рады! Выставка откроется въ первыхъ числахъ февраля...

Если зайдетъ рѣчь у Боголюбова о новомъ Обществѣ, то сообщите ему въ общихъ чертахъ, Савицкому же прочтите это письмо.

CXXVII. Къ П. М. Третьякову.

14-го января 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я не былъ еще у Гейнса, и извѣщаю, чтобы хоть сдѣлать вамъ это обстоятельство извѣстнымъ. Не былъ я потому, что захворалъ, быть можетъ серьезно, быть можетъ нѣтъ, это покажетъ время, завтра или послѣ-завтра. Но ваше порученіе (оно будетъ исполнено немедленно, какъ я выйду) меня въ настоящую минуту еще не тревожитъ: я видѣлся со Стасовымъ, немедленно послѣ вашего отъѣзда, и слышалъ отъ него, что требовать отчета онъ не намѣренъ, и я его, разумѣется, поддержалъ въ этомъ рѣшеніи. Въ самомъ дѣлѣ: Верещагину вздумается еще какое-либо порученіе взвалить, а тутъ купайся. Вѣдь дѣло разъяснилось: векселя возвращены, 25,000 несомнѣнно израсходованы, остаются 15,000, ну и пусть въ свое время два пріятеля объяснятся. Зачѣмъ шельмовать человѣка, когда нѣтъ еще никакихъ фактовъ, которые обязывали бы всякаго, хотя бы и посторонняго, ударить въ набатъ? Итакъ, первый выходъ мой будетъ къ Гейнсу и о результатахъ я сообщу вамъ немедленно. Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CXXVIII. Къ Е. М. Вёмъ.

9-го марта 1875.

Милостивая государыня Елизавета Меркурьевна. Правленіе Товарищества не находитъ никакого препятствія къ тому, чтобы ваше изданіе *) было продаваемо при выставкѣ Товарищества; напротивъ того, оно поручило написать вамъ, что ему очень пріятно дать мѣсто такому талантливому исполненію (подлинныя выраженія Ге́ и Брюллова). Примите увѣреніе въ моемъ къ вамъ уваженіи. И. Крамской.

CXXIX. Къ П. М. Третьякову.

12-го марта 1875.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Картину «Чумацкій трактъ» Куинджи поставилъ почти такою же, какъ она и была: вы знаете его медленность—ему нужно долго раскачиваться, пока кисть попадетъ на полотно. Впрочемъ, онъ бы ее кончилъ, да мы всѣ просили ее поставить къ открытію, и по приходѣ великаго князя, послѣ же выставки, онъ ее кончитъ. Однако-жъ, такъ какъ она теперь есть, она не хуже, чѣмъ была, и вы

*) Картинки въ силуэтахъ, изданныя г-жею Бёмъ. *Ред.*

вѣроятно замѣтите кое-какія перемѣны къ лучшему. Максимовъ рѣшился обсыпать снѣгомъ своего колдуна въ изобиліи *) и отъ этого дѣло только улучшилось значительно. По моему мнѣнію, ему не нужно больше ничего трогать, исключая балалаешника, да пожалуй еще (и то кстати) самого хозяина, чтобы сдѣлать лицо его немножко больше виднымъ.

Я, къ сожалѣнію, картины Шишкина не видалъ больше недѣли еще передъ вами, а потому не могу судить, какъ она была тогда, но долженъ сказать, что въ настоящее время это едва ли не лучшая вещь на выставкѣ: такой силы, рельефа, красокъ и гармоніи у Шишкина было мало, да пожалуй и совсѣмъ не было; и не смотря на это, поэзіи все-таки нѣтъ. Да онъ впрочемъ о ней и не заботится. Немного неровное исполненіе: именно второй планъ налѣво больше выписанъ, чѣмъ ему быть слѣдуетъ, особенно по сравненію съ землей на первомъ планѣ, но и только, больше я ничего сказать не могу.

Иванъ Александровичъ не проигралъ на выставкѣ, и, какъ мнѣ кажется, лучше Строганова. Штаны и руки не кончены немного. Когда буду въ Москвѣ, приведу въ порядокъ. У меня лазаретъ полный. Къ больному присоединились еще двое: Толя и Маркъ, да скоро, вѣроятно, и Соня; не знаю, всѣ ли уцѣлѣютъ. На бѣду, старуха захворала, и крѣпко. Словомъ, не хорошо. Порученіе ваше передамъ Максимову и Куинджи, а лучше еслибы вы собственнымъ глазомъ взглянули на выставку.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CXXX. Къ А. С. Суворину.

18-го марта 1875 г.

Глубокоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Савицкій еще не былъ. Я потерялъ терпѣніе его ждать, и, боясь, не случилось ли чего, написалъ на прошлой недѣлѣ въ Динабургъ; третьяго дня, къ моему удовольствію, получилъ записочку отъ него. Вѣроятно въ концѣ этой недѣли или въ началѣ будущей, мы его увидимъ.

Графъ Л. Н. Толстой живетъ, Тульской губерніи и уѣзда, въ деревнѣ «Ясная Поляна», въ разстояніи отъ Тулы 13—14 верстъ, по шоссе. Рѣки возлѣ и даже по близости—нѣтъ, а въ усадьбѣ превосходный и большой прудъ. Мѣстность около усадьбы хорошая, но въ окрестностяхъ есть мѣста восхитительныя; много лѣсу, возвышенностей, и огромные горизонты. Словомъ, вовсе не дурно. Жену его зовутъ Софьей, только не Николаевна, а кажется Ивановна, а можетъ быть и Львовна; да, такъ почти—Львовна;

---

*) Въ картинѣ «Приходъ колдуна на свадьбу». *Ред.*

однако-жъ не утверждаю. Урожденная—не знаю. Знаю только, что ея батюшка былъ докторъ въ Москвѣ. Очень сожалѣю, что ничего болѣе обстоятельнаго сообщить не могу. Ужъ извините меня.

Что́ же касается Стасова, то я и не знаю, что̀ съ нимъ дѣлать. Это удивительно! Я видѣлъ проектъ Антокольскаго и подѣлюсь съ вами своимъ мнѣніемъ. Прежде всего надо сказать, что Антокольскій сдѣлалъ вещь дѣйствительно интересную и художественную; рѣшилъ, при своей задачѣ, вопросъ блистательно. Его проектъ со всѣхъ сторонъ представляетъ очень красивыя очертанія, и вышло даже то, что̀ всего менѣе можно было ждать: Пушкинъ настоящій человѣкъ, а остальныя фигуры — фикціи. Проектъ не конченъ; кое-что, что̀ онъ сдѣлаетъ, этимъ еще болѣе усилитъ эффектъ, и совершенно удовлетворительно объяснитъ его мысль... Но... я все-таки не думаю, чтобы можно было исполнить именно этотъ проектъ, и вотъ почему. Исчезнувшія цивилизаціи, римская, и еще болѣе греческая, оставили намъ недаромъ указанія въ этомъ отношеніи. Онѣ изображали своихъ великихъ людей просто портретами, на простомъ цоколѣ, и больше ничего. Тысячи лѣтъ прошли, а ихъ изображенія не имѣютъ ни одной смѣшной стороны для насъ, тогда какъ всѣ самыя остроумныя сочиненія, позднѣйшія, для своего времени, чрезъ какія нибудь 100—200 лѣтъ оказывались часто чепухою, или по меньшей мѣрѣ, въ замыслахъ, открывались бѣлыя нитки. Я не знаю, съ которой именнно стороны мысль Антокольскаго окажется впослѣдствіи несостоятельною; не знаю, долго ли она будетъ сохранять свою свѣжесть, но уже и теперь я могъ бы представить нѣкоторыя возраженія. Такъ, напримѣръ: почему первенствующее мѣсто между его героями отведено Борису Годунову? Потому ли, что это самое великое созданіе Пушкина, или потому, что Борисъ даетъ возможность Антокольскому высказать свой драматическій талантъ? Наконецъ, почему всѣ персонажи процессіи—эти, а не другіе? Вопросовъ, подобныхъ настоящимъ, можно много представить, и вы понимаете, что даже и теперь, спустя 40 лѣтъ послѣ смерти Пушкина, критика не установила окончательно, которое изъ созданій его самое примѣчательное. Одно несомнѣнно, какъ вы указываете, что Пушкинъ, какъ лирикъ, гораздо выше Пушкина, какъ драматическаго писателя. Все это, или въ этомъ смыслѣ, я говорилъ Антокольскому, прибавивъ въ заключеніе, что онъ сдѣлалъ дѣйствительно памятникъ, только не Пушкину, а Антокольскому. Какъ-нибудь, при случаѣ, я сообщу вамъ подробнѣе, а теперь ограничусь этимъ. Нужно прибавить только, что фигура самого Пушкина, по моему, слабѣе остальныхъ.

Я продолжаю оставаться при томъ мнѣніи, что, какъ замыселъ, фигура Забѣлло, которую онъ привезъ изъ Италіи, лучшая изъ всѣхъ. Тамъ неудачная голова, она велика, не похожа и маловыразительна, но общее по-

ложеніе фигуры, плащъ (дурно развѣвающійся), шляпа, руки и даже коротkія ноги въ высокихъ сапогахъ, очень и очень хороши. Еслибы эту мысль превосходно реализировать, то, пожалуй, и остановиться бы можно.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CXXXI. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб. 5-го апрѣля 1875 г.

Неудивительно ни капельки для меня, что у васъ пропала охота писать; еще бы! я думаю, послѣ тѣхъ тонкостей, на которыя я такъ оказываюсь способенъ, не у многихъ нервы останутся спокойны. Ей-Богу правда, это «Я» говорю въ серьезъ, ибо чувствую. Дался вамъ этотъ климатъ! И за что вы его преслѣдуете? Что здѣсь болѣютъ? Да вѣдь весь свѣтъ болѣетъ, и всюду умираютъ, а относительно долговѣчности, такъ вѣдь это мы еще поспоримъ даже... съ французами. Чего другого, а стариковъ у насъ много: я думаю больше, чѣмъ во Франціи... Впрочемъ вѣдь это опять на полемику похоже. Что Академія дуетъ — это вѣрно! Отъ нея несетъ такою мятелью, что я сомнѣваюсь, цѣлы ли вы тамъ, ей-Богу! Хотя у васъ и есть тамъ щитъ, въ образѣ А. П. Боголюбова, но вѣдь когда погода разыграется, то всѣ старики отправляются на печку... вотъ только развѣ у васъ тамъ печей нѣтъ; одно спасеніе, въ такомъ случаѣ, волей-неволей заступится. А шибко она разсердилась. Ужъ если это не удивительно, такъ я и не знаю послѣ этого, чему удивляться. Посудите сами — есть Академія, Совѣтъ (по крайней мѣрѣ полагается), а между тѣмъ, что-жъ, честь значитъ! Только вы напрасно полагаете, что исправники на васъ опрокинутся, послѣ вашего возвращенія; смѣю увѣрить, они еще этого обстоятельства не знаютъ, да полагаю, и знать не будутъ, потому что имъ недоимки надо взыскивать. Вашихъ вещей прислано изъ Москвы не было, — жаль, но для васъ это, пожалуй, хорошо. Кстати, москвичи отличились на выставкѣ — ужасъ! Просто, я вамъ доложу, одолжили. Однако-жъ подробно вы узнаете отъ К. А. Савицкаго, который въ настоящее время у меня и скоро ѣдетъ въ Парижъ. Да, бѣдняга, стряслась надъ нимъ бѣда. Что касается Стасова, то вотъ ужъ человѣкъ, о которомъ можно сказать: «неисправимъ хоть брось»! И что это за удивительная наивность: удивляется, что всѣ удивляются *)! Какъ? Онъ написалъ, подписалъ, напортилъ, и чортъ знаетъ чтό

*) Здѣсь говорится о письмахъ И. Е. Рѣпина къ В. В. Стасову, напечатанныхъ этимъ послѣднимъ, въ извлеченіяхъ, въ «Пчелѣ». Эти письма вызвали тогда негодованіе многихъ, за то, что въ нихъ Рѣпинъ критически относился къ Рафаэлю и другимъ классикамъ. *Ред.*

надѣлалъ, и смѣютъ удивляться? По-моему, онъ человѣкъ честный, это правда, искренній, еще справедливѣе, а ужъ добрый — такъ достовѣрнѣе всего; но все-таки невозможный, воля ваша! Хоть бы вы ему написали, а то онъ думаетъ, что такъ и нужно.

Изъ всей Передвижной выставки я вамъ, впрочемъ, сообщу объ одномъ: Куинджи—это человѣкъ, правда, какъ будто, будущій, но если онъ такъ начнетъ шагать, какъ до сихъ поръ, въ эти два раза — признаюсь! Немного насчитаешь такихъ, молодецъ! Онъ тутъ изобразилъ одну степь съ цвѣтами, даже Клодтъ хвалитъ. А! Каково! Можете, стало быть, судить.

А что́ такое сдѣлалось съ «Пчелой», такъ я и говорить не хочу—гадость. Это чортъ знаетъ что за... издатели! Позволяли редакторамъ распоряжаться вплоть до выпуска 1-го № и до того времени, пока опредѣлилась подписка, а потомъ повернули по-своему; когда повернули по-своему, тутъ и началъ орудовать еще X. Я кое-что теперь знаю, что такое... Прежде онъ для меня былъ проблема—помните? А теперь я самъ знаю, и хотите, я вамъ скажу?..

Вашъ И. Крамской.

Выставка наша имѣла успѣхъ рѣшительный. Думаю, что на будущее время, когда и вамъ можно принять участіе, мы имъ преподнесемъ!! Жена кланяется, ребятишки понемногу поправляются.

CXXXII. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 5-го апрѣля 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Письмо, въ которомъ заключается какая-либо просьба, считается вообще непріятнымъ, ужъ это такъ заведено, и я принялъ этотъ слухъ на вѣру; особенно, если человѣкъ, у котораго что либо просятъ, поделикатничаетъ. Къ счастью, здѣсь этого не случилось; я этому очень радъ, и извиняюсь.

Деньги Куинджи я передалъ, росписку взять съ него поделикатничалъ, а между тѣмъ уже больше недѣли, какъ онъ мнѣ обѣщалъ немедленно вамъ написать, и третьяго дня, при встрѣчѣ съ нимъ, онъ ударилъ себя въ лобъ, и опять обѣщалъ писать немедленно: онъ дѣйствительно рвется вонъ изъ Петербурга, ни о чемъ больше не думаетъ, ничего не дѣлаетъ, и я сомнѣваюсь, чтобы онъ что-либо могъ сдѣлать, и былъ бы способенъ не портить. Впрочемъ, при первой встрѣчѣ, я у него узнаю, ка̀къ онъ думаетъ быть съ пейзажемъ, и когда онъ его кончитъ? На постоянной выставкѣ портретъ Левицкаго я видѣлъ, портретъ дѣйствительно хорошій, но чтобъ сказать больше—я его долженъ видѣть еще разъ, и спеціально. Этого художника я глубоко уважаю. Кстати (а можетъ быть и нѣтъ!), недавно я случайно видѣлъ въ домѣ Гулевича, на Караванной, порт-

ретъ Державина, писанный Лампи, превосходнаго качества, и, какъ слышалъ, его готовы продать.

Этюдъ мой «Проходимца» я дѣйствительно полагаю кончить до своего отъѣзда, но быть ему на Передвижной не придется. Онъ никому не назначается, и навѣрное о немъ ничего сказать не могу, когда его поставлю, да и поставлю ли? О портретѣ Кольцова я самъ вамъ высказывалъ нѣсколько разъ заключенiе, близкое къ тому, что̀ вамъ и сказали, но передѣлать его я могу только въ Москвѣ, если вамъ все равно.

О картинѣ Гуна Боголюбовъ мнѣ пишетъ изъ Парижа: «Гунъ выслалъ вамъ картину на выставку, о которой озаботьтесь, ибо она идетъ чрезъ Беггрова — цѣна ей 2,000 р., кличка «Попался малый» — она очень хороша и окончена, какъ самъ нашъ Карлъ Ѳедоровичъ — до-нельзя. Давали здѣсь сейчасъ за нее 1,500, но онъ не захотѣлъ, и потому я вчера отправилъ», — все это выписано буквально изъ письма Боголюбова, и потому я ни за что не отвѣчаю; картины еще нѣтъ, а какъ только придетъ, то немедленно будетъ отправлена въ Москву, вы ее тамъ увидите прежде другихъ, и будете судить сами. Я не имѣю объ ней ни малѣйшаго представленiя.

Завтра выставка закрывается и отправляется въ Москву. Москвичи изъявили желанiе выставку принять и выставить на праздникахъ.

Дѣти ничего, по третiй, Маркъ, все еще не хорошъ, послѣдствiя отъ скарлатины очень дурныя. Софья Николаевна такъ себѣ. Можетъ быть, все минуетъ благополучно.

Глубоко уважающiй васъ И. Крамской.

CXXXIII. Къ нему же.

19-го апрѣля 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините меня за долгое молчанiе, и именно въ такое время, когда всего скорѣе слѣдовало бы отвѣчать съ моей стороны на ваши просьбы, ка̀къ вы ихъ называете. Дѣло въ томъ, что картина Гуна получена была въ Петербургѣ 5-го апрѣля только. Этого я не зналъ. Когда же я послѣ вашего письма (отъ 7-го апрѣля) отправился къ Беггрову, то узнаю, что онъ, въ виду закрытiя Передвижной выставки, и не думалъ картину доставить къ намъ, а преспокойно отправилъ ее къ Цесаревичу, никому изъ насъ о томъ не сказавши. Только теперь картину мнѣ удалось выручить, и, какъ вы видите по квитанцiи, она уже въ Москвѣ. Судите сами. Картина кажется хорошая; то есть написана прелестно. Относительно Державина, я тоже не могъ узнать раньше, и только вчера видѣлъ Елиз. Андр. Гулевичъ (Караванная, собственный

домъ), собственницу портрета, и узнаю, что она желаетъ получить за него 2,500 руб. серебромъ. Послѣ объявленія такой цѣны, я, разумѣется, и не могъ взять на себя никакой отвѣтственности за переговоры, относительно пріобрѣтенія, и сказалъ, что объявленную цѣну сообщу. Она мнѣ показалась высока. Портретъ этотъ во всякомъ случаѣ нужно будетъ видѣть вамъ лично—если вы пожелаете только пополнить коллекцію вашихъ портретовъ этимъ.

Теперь, относительно самаго затруднительнаго пункта — окончанія Максимовымъ и Куинджи ихъ картинъ. Максимовъ, по-моему, едва ли могъ бы что-нибудь еще тамъ прибавить; что̀ касается Куинджи, то я не знаю, какъ мнѣ быть. Вы говорите о нравственной отвѣтственности Товарищества—я согласенъ, что она есть, пожалуй, но какимъ образомъ этого достигнуть? Когда я, по полученіи отъ васъ письма объ этомъ (еще перваго), сказалъ ему — онъ промолчалъ, а по полученіи послѣдняго, увидавъ его на праздникахъ, завелъ объ этомъ рѣчь, то онъ очень недовольнымъ тономъ сказалъ: «Кто же это выдумалъ, что она неокончена?» (тутъ сидѣлъ Александровъ). Я говорю, что вы же сами говорили, и при мнѣ, что тамъ неокончены небо и быки, да, наконецъ, во время выставки была пришпилена записочка подъ вашей картиной, что она неокончена. «Съ чьего же это согласія было сдѣлано?»—«Вы сами видѣли, все время эта записка была, стало быть нѣтъ ничего мудренаго, что такъ объ ней и отзываются; во всякомъ случаѣ я прошу васъ написать Павлу Михайловичу, чтобы онъ не безпокоился». Не знаю, что̀ онъ сдѣлалъ и писалъ ли, не знаю, такъ какъ я его не видалъ больше. Просилъ его также и о деньгахъ сообщить.

Наконецъ, послѣднее: мой этюдъ въ прострѣленной шапкѣ, по замыслу, долженъ былъ изображать одинъ изъ тѣхъ типовъ (они есть въ русскомъ народѣ), которые многое изъ соціальнаго и политическаго строя народной жизни понимаютъ своимъ умомъ, и у которыхъ глубоко засѣло неудовольствіе, граничащее съ ненавистью. Изъ такихъ людей въ трудныя минуты набираютъ свои шайки Стеньки Разины, Пугачевы, а въ обыкновенное время—они дѣйствуютъ въ одиночку, гдѣ и какъ придется, но никогда не мирятся. Типъ не симпатичный, я знаю, но знаю также, что такихъ много, я ихъ видѣлъ. Назначенъ онъ въ 400 рублей. Вы найдете, быть можетъ, это дорогимъ, но вѣдь я на васъ и не разсчитывалъ, и назначилъ цѣну, что если онъ и уйдетъ куда-нибудь, такъ чтобъ не было ужъ очень жалко. Всего вѣроятнѣе — онъ у меня останется, и я на это разсчитываю. Не могу кончить, не заявивъ моего глубокаго сожалѣнія по поводу Куинджи,— еще урокъ мнѣ; потому, что я былъ въ числѣ тѣхъ, которые просили его картину поставить, и говорившихъ, что кончить можно послѣ. Вотъ тебѣ

и послѣ! Къ несчастью, Куинджи такой субъектъ, съ которымъ мудрено сладить. Ради Бога не пеняйте на меня, или даже на Товарищество (хотя вы имѣете поводы, я признаю это) за случившееся.

«Пріѣздъ гувернантки» *) я помню очень хорошо; въ то время, когда я увидѣлъ эту картину на конкурсѣ (что̀ было давно), я думалъ: ка̀къ бы это было хорошо, еслибы было только двѣ фигуры, гувернантка и хозяинъ, пожалуй еще дѣвчонка, будущая ученица, и только. Сама гувернантка прелестна, въ ней есть конфузъ, торопливость какая-то, что-то такое, что̀ сразу заставляетъ зрителя понять личность, и даже моментъ; хозяинъ тоже недуренъ, хотя не новъ: — у Островскаго взятъ. Остальныя лица лишнія и только дѣло портятъ. Не знаю, ка̀къ теперь я нашелъ бы эту картину, за это не отвѣчаю. Благодарю васъ за память о дѣтяхъ. Слава Богу, поправляются. Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CXXXIV. Къ нему же.

13-го мая 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Меня съ двухъ сторонъ спрашиваютъ: изъ Парижа—Боголюбовъ, и изъ Ревеля—Брюлловъ, гдѣ картина Гуна, и что съ ней вообще? А такъ какъ я, ее отправивши къ вамъ, не знаю, какъ она дошла, получили ли вы ее, и стоитъ ли она на выставкѣ, то и не знаю, что отвѣчать спрашивающимъ. Кромѣ того, Брюлловъ желаетъ знать, продана ли она?

Будьте такъ добры, сообщите мнѣ это, чтобы я могъ удовлетворить запросамъ.

Памятникъ Пушкину (вчера рѣшено) будетъ исполнять Опекушинъ.

Извините, что не пишу ничего, очень тороплюсь. Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CXXXV. Къ нему же.

16-го мая 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Мы, кажется, писали одновременно, и какъ я имѣю въ вашемъ письмѣ всѣ отвѣты на то, что мнѣ знать было нужно, то и тороплюсь отвѣчать на ваши. Портретъ Вѣры Николаевны**) меня очень интересуетъ, и я радъ его сдѣлать; у меня уже есть представленіе о картинѣ; только, къ моему сожалѣнію, я не могу назна-

*) Картина Перова. *Ред.*

**) Третьяковой. *Ред.*

чить времени моего пріѣзда въ Москву.—Отъ Наслѣдника я имѣлъ 15 минутъ въ прошлый понедѣльникъ—только. Обѣщалъ цѣлый часъ, въ будущій понедѣльникъ, 19-го мая. Это есть единственный ресурсъ, которымъ я только могу располагать. Съ этими-то деньгами я и надѣюсь осуществить свои мечтанія. Послѣ сеанса мнѣ нужно еще 4 недѣли, чтобы кончить портретъ и сдать его. Слѣдовательно, раньше конца іюня нечего и думать выѣхать. Боюсь и подумать, если что́ либо случится — пропалъ. Правда, портретъ ему нравится, такъ какъ заказалъ еще 2 повторенія грудныхъ,—но времени-то сколько уходитъ? Для васъ эта комбинація, быть можетъ, даже выгодна, а я разсчитывалъ лѣто работать.

«Перевозъ черезъ Самарку» — Гуна едва ли будетъ лучше написана, чѣмъ настоящая, такъ какъ эта очень хорошо сработана; но сюжетъ какъ будто ближе, да вдобавокъ, съ тою картиною у него есть, кажется, обязательство графу Штейнбоку; впрочемъ навѣрное не ручаюсь; я помню разговоръ Гуна съ графомъ, который я слышалъ, будучи у Гуна, что онъ (Штейнбокъ) будетъ ждать, когда картина кончится; но, быть можетъ, это только слова и были. Гунъ скоро долженъ пріѣхать.

Я не совсѣмъ понялъ, какъ это мой этюдъ купленъ вашимъ братомъ для вашей коллекціи (въ подарокъ?).

На академической выставкѣ особеннаго ничего, исключая польскаго художника Геримскаго—«Итальянская таверна», вещь очень талантливая, сильная, типичная, рельефная, только черна очень и тонъ фіолетовый, чернильный; но этотъ художникъ—съ будущностью. Что̀ касается Литовченки, то ужъ очень плохи головы, а то ничего—старательно.

Семирадскій написалъ вещь чрезвычайно блестящую, и рѣшительно не хуже «Грѣшницы», а положительно лучше, но странная публика русская (у нея должно быть много здоровыхъ элементовъ)! Теперь на нее Семирадскій не произвелъ впечатлѣнія: не поразилъ даже, а какъ-то скоро потерялъ обаяніе въ ея глазахъ, можете себѣ представить? Говорятъ—глупо. Поди-жъ ты, узнай тутъ. Нѣтъ, должно быть русскаго человѣка, благодаря отсутствію въ немъ культуры, трудно удовлетворить. Бросаются на новое и блестящее съ жадностью, а отвѣдаютъ, и не понравится—рѣшительныя невѣжды! То-ли дѣло заграницей, хотя тамъ и давно такое искусство практикуется, но ему не отказываютъ въ похвалахъ, а здѣсь—не понимаютъ. Кто же еще есть? Ковалевскій? Хорошо рисуетъ, хорошо пишетъ, тонко оканчиваетъ, но оставляетъ зрителя равнодушнымъ; Орловскій скученъ, Лемоха вы знаете, Чижова я не люблю, а стало быть и судить не берусь, а больше нѣтъ ничего. Впрочемъ хорошій пейзажъ Тизенгаузена: вода.

Видѣлъ у БоткиныхъФортуни, за котораго онъ заплатилъ 50,000 фран-

ковъ. Что-жъ, для коллекціи оно, быть можетъ, и нужно; написано дѣйствительно прекрасно, но... что-жъ тутъ скажешь—Фортуни.

Уважающій васъ И. Крамской.

CXXXVI. Къ И. Е. Рѣпину.

С.-Петербургъ, 16-го мая 1875 года.

До чего дожили? вы спрашиваете, добрый мой Илья Ефимовичъ — не знаю; всегда ли свѣтъ былъ такъ подлъ, пошлъ и глупъ, какъ теперь — не знаю; но такъ какъ онъ теперь — скверно, думаю, что всегда былъ, по крайней мѣрѣ, судя по исторіи. Если исторія и отмѣтила нѣкоторыя лица, которыя родъ человѣческій подымаютъ изъ пошлости, то тутъ же postscriptum прибавляетъ — умеръ въ бѣдности, осмѣянный, или въ изгнаніи, или еще того хуже; при жизни же ничего кромѣ ненависти не пріобрѣлъ. Вѣроятно читаете «Опытъ біографіи Бѣлинскаго», Пыпина. Слишкомъ краснорѣчиво, чтобы не понимать. Къ счастію, или нѣтъ, но мы не французы. Этого никогда забывать не надо. Вы теперь уже не ищете смысла и значенія, а если иногда поймаете себя на этомъ, то смѣетесь. Хотя я это понимаю, какъ возможное и естественное, только не во всѣхъ и не всегда, то есть не какъ общее правило. Стараться о смыслѣ, искать значенія — значитъ насиловать себя: вѣрнѣйшая дорога не получить ни того, ни другого. Надо, чтобы это лежало натуральнымъ пластомъ въ самой натурѣ. Надо, чтобы эта нота звучала естественно, ненамѣренно, органически. Оно такъ, и баста! Не могу иначе. Міръ для меня такъ окрашенъ; при чемъ же тутъ разсужденія? Я утверждаю, что это въ славянской натурѣ. Я утверждаю, что въ искусствѣ русскомъ черта эта проявилась гораздо раньше, чѣмъ было выдумано «направленіе». И когда оно натурально (а оно натурально), оно неотразимо, роковымъ образомъ разовьется. Хотите ли вы этого, или не хотите, а оно такъ будетъ, такъ должно быть. Хотя бы весь свѣтъ твердилъ иначе! Вамъ не безъизвѣстно то странное явленіе, что вещь, возбуждавшая хорошіе отзывы тамъ, въ Парижѣ, заграницей, совсѣмъ не вызываетъ того же впечатлѣнія въ Россіи. Отчего это? Вы скажете — мы ребята; и вы будете правы, но только отчасти. Напримѣръ, Савицкій удивился, когда увидалъ вещи Z. здѣсь на Передвижной выставкѣ, такъ они показались ему фальшивы. Картина Полѣнова, говорятъ, была недурна даже въ Салонѣ, а тутъ она — общее мѣсто, картина, написанная по рецепту, такихъ тамъ тысячи. Послѣ Делароша есть уже шаблонъ, какъ надо написать драму. И это знаете почему? Вы удивитесь, когда я скажу: вы скажете — парадоксъ! Потому,

что у насъ нѣтъ еще множества тысячъ картинъ. Натуральное чувство зрителя, нося зерно здороваго (еще не тронутаго культурой, такъ сказать) идеала, ищетъ, прежде всего, полнаго выраженія этого идеала, не находитъ — и отворачивается. Вы скажете, по какому же праву? Что̀ они знаютъ? А просто по праву невѣжи, еще не тронутаго книгами. Кого всего труднѣе удовлетворить? Людей, стоящихъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ развитія: простого, но умнаго мужика, и человѣка высоко просвѣщеннаго. Вотъ, когда мы станемъ, вмѣсто сотенъ, имѣть милліоны зрителей, когда эти милліоны свиней и пошляковъ внесутъ свои вкусы, понятія, желанія въ искусство, тогда, и только тогда, каждая сторона искусства найдетъ свою публику. Вы принимаете голосъ Парижа, то есть города, за голосъ всего человѣчества, такъ какъ кто же во всѣхъ частяхъ свѣта не читаетъ парижскихъ газетъ? Это все-таки то же самое. Понятно, слава въ Парижѣ — всесвѣтная слава. Но какъ же провѣрить, что̀ именно нравится дѣйствительно, что̀ производитъ впечатлѣніе, и какое? Вѣдь зритель не записываетъ своихъ впечатлѣній, да онъ имъ зачастую даже и не довѣряетъ; думаетъ: я не знаю, не понимаю. Говорятъ только газеты, но вѣдь мы уже теперь знаемъ, что̀ такое газета, и знаемъ даже, что публику можно настроить искусственно. Заграницею это возведено въ высокую систему, да и у насъ уже пробуютъ то́ же — еще неумѣло, но попытки есть, и я надѣюсь, что въ этомъ-то мы не отстанемъ, а не то помогутъ болѣе «опытные люди». Но это мы оставимъ.

Что касается до геніевъ, то, разумѣется, для нихъ, какъ и для дураковъ — законъ не писанъ. Фортуни увлекъ всѣхъ естественно. Такъ какъ онъ пишетъ натурально, еще бы не увлечь! Я видѣлъ его одну вещь, которую купилъ Боткинъ. Совершенно понимаю, что онъ нравится больше всѣхъ, онъ пишетъ наивно, натурально, и стало быть — оригинально. Только онъ не сродни намъ, а понимать его я могу.

Что́ касается до Харламова, то я вотъ что скажу: поживемъ — увидимъ. Когда онъ пріѣдетъ въ Россію, да поживетъ здѣсь годика три, да останется на собственныхъ ногахъ, то есть, когда ему нужно будетъ имѣть дѣло съ русской публикой, съ невѣжами, когда возлѣ не будетъ оригиналовъ—тогда увидимъ. Вѣдь у насъ нельзя тянуть одну ноту вѣчно, нельзя Петра и Вавилу писать однѣми красками, намъ онъ скоро надоѣстъ. Его репутація не для насъ. У насъ еще нѣтъ, какъ я говорилъ выше, публики настолько воспитанной, чтобы давать славу за «свою» манеру, за одну спеціальность. Мы хотимъ, чтобы художникъ, претендующій на первенство, писалъ одного та̀къ, другого иначе, третьяго опять иначе, словомъ, придется публику обругать и уѣхать опять подъ благословенныя небеса. Но я думаю, что онъ не дуракъ—и останется тамъ навсегда. Съ Богомъ! У

насъ—странное дѣло, даже Семирадскій уже не поражаетъ; а, между тѣмъ, его теперешняя вещь гораздо лучше написана предъидущихъ. Говорятъ—глупо. Вотъ поди-жъ ты? Нѣтъ, на насъ угодить трудно!! Очень трудно!!! Вы просите, чтобы я вамъ сообщилъ объ картинахъ Геримскаго и другихъ, но что же я вамъ скажу, если Семирадскій уже больше не поражаетъ (а вы помните, какъ онъ привезъ «Грѣшницу?»). Х. глупъ былъ всегда, какъ вы знаете, но чтобы онъ былъ дуракъ до такой степени, этого я даже не догадывался, а я его знаю. Ковалевскій—хорошо рисуетъ, даже сталъ лучше писать немного, но безъ нерва. Полѣновъ рѣшительно хорошо чувствуетъ краску, хотя есть и поползновеніе составить свою заученую палитру. Не знаю, какъ дальше будетъ, но опасность есть, и, кромѣ того, совсѣмъ не чувствуетъ необходимости передавать каждую матерію своимъ языкомъ. Камень вошелъ и въ волоса, и въ тѣло, и въ бархатъ, и въ траву... да впрочемъ, что же я вамъ расписываю, когда вы и сами знаете!.. Вотъ Геримскій—дѣло другое. У этого человѣка рѣшительный талантъ, и крупный, только пишетъ онъ невозможно. Напоминаетъ нашу Русь матушку, по чернотѣ и безколерности, да еще вдобавокъ съ какимъ больнымъ фіолетовымъ тономъ, даже чернилами. Но рельефъ понимаетъ, экспрессію тоже, а ужъ сила, такъ я вамъ скажу! Вѣроятно, искалъ у кого-нибудь краски чернѣе черной. Что касается до содержанія, идеи... то какъ бы вамъ это сказать...? Знаете, онъ такъ, когда человѣкъ совершенно равнодушенъ ко всему, и все равно, что бы ни писать. Отечества нѣтъ, то есть оно и есть, да по какимъ-нибудь обстоятельствамъ неудобно говорить откровенно; ну и болтается человѣкъ на нейтральной почвѣ. Это совсѣмъ не то, что Матейко. Я недавно видѣлъ фотографію съ «Стефана Баторія». Это, я вамъ доложу, такъ и чувствуешь, что у этого человѣка клокочетъ въ груди. Говорятъ, только скверно пишетъ.

Для Прахова мѣста не осталось, какъ слѣдуетъ сообщить. Ну, хоть немножко, чтобы не должать. Я къ нему давно присматриваюсь: що воно такэе? Только знаете, теперь совѣстно собственной тревоги. А почему я такое вниманіе оказалъ? Только потому, что вы ужъ очень объ немъ отзывались. Есть люди, знающіе, понимающіе даже, пожалуй не глупые, но имъ нужно угадать больше всего направленіе будущаго вѣтра, чтобы запѣть прежде всѣхъ. Не знаю, какъ другіе, а я его уже не боюсь. Чортъ съ нимъ совсѣмъ! Когда я прочелъ его статью въ «Пчелѣ» о передвижной выставкѣ, я почувствовалъ глубокое омерзѣніе: я говорю прямо, потому что тамъ увидалъ лесть себѣ, и лесть тѣмъ болѣе опасную, что нашлись люди, которые находили это справедливымъ.

Но, слава Богу, я еще не совсѣмъ глупъ, я только удвоилъ осторожность и бдительность, и не раскаяваюсь. Я былъ свидѣтелемъ очень наив-

наго признанія. Ну, да это, впрочемъ, дѣло постороннее. Какъ бы то ни было, а Праховъ не имѣетъ, что называется, ни стыда, ни совѣсти, то есть, руководящей идеи. Куда онъ идетъ, что̀ признаетъ, какому Богу молится?—не разберешь. Вы видите, дорогой Илья Ефимовичъ, что я все тотъ же наивный человѣкъ, все еще о Богѣ помышляю, и признаю еще нужнымъ молиться. Я понимаю, что я очень отсталъ отъ вѣка... но... Нельзя же безъ глубокой ироніи и оскорбленія относиться къ тому, что̀ лѣзетъ наверхъ, оретъ и паясничаетъ. Впрочемъ—молчаніе!

Охъ, чувствую, что надо сообщить и объ Антокольскомъ. Но какъ? Надо разсказать дѣло по порядку. Иначе не понять. Вся эта исторія поучительная. Онъ привезъ проектъ изъ Москвы, и, не знаю съ чего, устроилъ обѣдъ, и каюсь, я былъ тамъ. Насъ было четверо: онъ, я, Праховъ и... Максимовъ! Ну, пообѣдали хорошо! Кости ближняго вымыли, и разошлись. На другой день я видѣлъ проектъ *). Дѣтская лѣпка, но присутствіе таланта большое, исключая Пушкина, фигура котораго не годится никуда, что̀ я ему и сказалъ. Онъ говоритъ, что онъ хотѣлъ его представить царемъ. Ну и пусть. Фигуры героевъ поэзіи Пушкина мнѣ понравились, не всѣхъ, положимъ, но вѣдь это эскизъ. Я знаю, что̀ онъ способенъ вложить при окончаніи, то есть, что̀ онъ долженъ вложить! Ну, хорошо, говорю, положимъ, такъ! Только я, къ сожалѣнію, стою на другой точкѣ зрѣнія, и скажу, что если это будетъ исполнено, и исполнено превосходно, я не сомнѣваюсь, то это будетъ памятникъ Антокольскому, а ужъ никакъ не Пушкину.—«Это почему»?—«Да потому, что здѣсь больше всего проглядываетъ ваше личное воззрѣніе на Пушкина, которое еще подлежитъ критикѣ. И чѣмъ вы руководствовались, изображая этихъ лицъ, а не другихъ? Почему, напримѣръ, Борисъ Годуновъ занимаетъ первое мѣсто? Потому ли, что онъ, по-вашему, самое великое созданіе Пушкина, или потому, что онъ вамъ даетъ возможность выказать свой драматическій талантъ? Словомъ, вопросовъ бездна, и ихъ чѣмъ дальше будетъ—все больше и больше. А недаромъ греки и римляне оставили намъ указанія въ извѣстномъ смыслѣ. Они своихъ великихъ людей воспроизводили въ живыхъ портретахъ, и вотъ, прошло 2,000 лѣтъ, а Софоклъ нисколько не смѣшонъ и теперь. Тогда какъ самыя остроумныя комбинаціи для сегодняшняго дня не переживаютъ и 50 лѣтъ, и становятся свидѣтельствомъ наивности современниковъ. Возьмите что хотите... даже геніальный «Петръ» Фальконета, и тотъ теперь возбуждаетъ сожалѣніе, почему онъ римскій императоръ, а не такой, какимъ всѣ его видѣли въ дѣйствительности. И потому я говорю, вы на меня смотрите какъ на человѣка, для котораго невозможна ваша точка

*) Проектъ памятника Пушкину. *Ред.*

зрѣнія. Я понимаю, что это талантливо, чрезвычайно можетъ быть интересно гдѣ-нибудь въ паркѣ, при фантастическомъ освѣщеніи (какъ онъ хотѣлъ), но рѣшительно невозможно на улицѣ, на площади, гдѣ снуютъ тысячи народа, солнце во всѣ глаза, пыль, шумъ... и вдругъ—видѣніе. И потомъ, кáкъ вы это сдѣлаете? Мистицизмъ и спиритизмъ въ Москвѣ, днемъ, на Тверской площади?!» И потомъ довершилъ все Стасовъ. Это сокрушительный человѣкъ *)! Опекушинъ недуренъ, и онъ избранъ, и уже утвержденъ комиссіею. Предстоитъ, однакожъ, большая возня съ пьедесталомъ. Вся исторія какъ будто жалостная. Столько шуму! Антокольскій желаетъ дѣлать проектъ: пріостановитесь. Комитетъ печатно благодаритъ. Антокольскій сдѣлалъ, и Стасовъ разблаговѣстилъ, что будетъ позорно, если этотъ проектъ не исполнятъ! И вдругъ! Какъ хотите, а не хорошо почувствовать самому себя великимъ человѣкомъ. Великій человѣкъ и дуракъ сходны, для толпы.

А хорошо, еслибы вы продали вашу картину тамъ. Я бы порадовался! Право. Жму крѣпко руку и женѣ вашей кланяюсь. И. Крамской.

CXXXVII. Къ П. М. Третьякову.

27-го мая 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Не думалъ я, что случится мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой теперь, но дѣлать нечего! Съ портретомъ Цесаревича разсчетъ наступитъ недѣли черезъ три, а можетъ быть и дальше, и потому, если можно, пришлите за этюдъ.

Чтó касается портретовъ Васильева, Антокольскаго и Шишкина, то я ихъ вышлю вмѣстѣ съ вещами московскихъ художниковъ, которые воротились изъ путешествія. Васильевъ и Антокольскій—ваши уже, да пожалуй буду считать и Шишкина, такъ какъ при ликвидаціи и устройствѣ дѣлъ моихъ передъ отъѣздомъ, мнѣ деньги понадобятся. Если я и отнѣкивался съ портретомъ Шишкина, то только потому, что совѣстно было немножко... а чего? и самъ хорошенько не знаю.

Зимою я получилъ отъ васъ, черезъ брата вашего Сергѣя Михайловича, 400 руб. сер. Ихъ, я полагаю, возможнымъ засчитать за портреты Васильева и Антокольскаго, если вы согласны. За теперешній этюдъ 400 руб. (не очень вамъ кажется дорого?), а за Шишкина рѣшимъ въ Москвѣ. Если считать такъ, то я, кажется, не буду состоять вамъ должнымъ; впрочемъ, я увѣренъ, что вы напишете мнѣ прямо, еслибы было ка-

---

*) Статья В. В. Стасова о проектѣ Антокольскаго, напечатанная въ «Голосѣ» 1875 г., № 70. *Ред.*

кое сомнѣніе. Говоря откровенно, я радъ, что этотъ мужикъ будетъ у васъ. Не знаю почему, но мнѣ этого хотѣлось.

Дѣти и жена перебрались уже на дачу, а я самъ здѣсь оканчиваю портретъ, впрочемъ, почти ежедневно ѣзжу къ нимъ, такъ какъ недалеко — за Парголовымъ.

Извините меня за просьбу,—я и самъ не разсчитывалъ на это, и даже просилъ Брюллова написать въ Москву, чтобы деньги за этюдъ удержали тамъ до моего пріѣзда. (Я тогда не зналъ, кто купилъ. Объ этомъ было простое извѣстіе отъ Перова).

Если я кое-что писалъ объ Куинджи, то больше, какъ личныя ощущенія, а не съ тѣмъ, чтобы вызвать въ васъ успокоительныя замѣчанія для меня. Я думаю, что не буду далекъ отъ истины, если скажу: то, что вы дѣлаете, вы дѣлаете обдуманно, рѣшившись, и потому я глубоко вамъ благодаренъ за деликатное отношеніе ко мнѣ. Совершенно понимаю и цѣню его, но мнѣніе мое остается то же, не смотря ни на что, и Куинджи сдѣлалъ дурно, а Товарищество нравственно остается отвѣтственнымъ; и хотя взыскать ничего нельзя, но это скажется въ будущемъ.

Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CXXXVIII. Къ нему же.

20-го іюля 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вы, быть можетъ, удивляетесь, что обо мнѣ ни слуху, ни духу, какъ говорится; и не мудрено—я самъ удивляюсь. А дѣло, между тѣмъ, въ томъ, что я все время, кромѣ большого портрета Цесаревича, занимался повтореніями для него же. Они были приготовлены, но такъ какъ ихъ нужно было довести до совершеннаго факсимиле, то это и потребовало большихъ усилій съ моей стороны: это разъ; второе, чего я боялся—то и случилось: разсчетъ съ конторой затянулся, и еще, вѣроятно, надолго затянется. Пропало лѣто! Но положимъ, чрезъ мѣсяцъ я и получу, это будетъ еще хорошо; въ настоящую минуту я все же двинуться никуда не могу, такъ какъ около 14-го августа дѣти мои должны держать экзаменъ въ гимназію, и для того нужно достать документы и прочее тамъ, что еще нужно. Слѣдовательно, время такъ расположилось, что я быть у васъ не могу до августа, а потому, съ величайшимъ прискорбіемъ я васъ о томъ извѣщаю.

И такъ какъ, на основаніи уговора, вамъ должны принадлежать вещи: Антокольскаго портретъ, Васильева и Шишкина, то я ихъ и посылаю всѣ три вмѣстѣ. Еслибы рама Шишкина оказалась пострадавшей, то прошу

извинить и поправить ее уже на мой счетъ, но здѣсь все было въ исправности.

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ я получилъ отъ васъ разсчетъ всего долга Васильева и его уплаты. Я и прежде это зналъ, и нельзя сказать, чтобы я забылъ объ этомъ обстоятельствѣ, а для очистки этого долга, нужно было сказать объ немъ матери Васильева; но, сколько мнѣ извѣстно, ей это едвали будетъ возможно, и теперь я тоже сказать объ этомъ не рѣшаюсь. Но, признавая себя обязаннымъ употребить усилія, чтобы всѣ долги покойнаго были очищены, тѣмъ болѣе, что у меня есть нѣкоторыя вещи отъ него, я прошу васъ, если это все равно, сдѣлать разсчетъ со мной, и вычесть изъ слѣдующихъ мнѣ за портретъ Шишкина. А сколько слѣдуетъ? Затруднительный вопросъ. Вотъ видите ли, я бы хотѣлъ, чтобы вы мнѣ сказали прямо, если покажется дорого. Въ послѣднее время, мнѣ дѣлается особенно трудно назначать вамъ цѣну. Напримѣръ: я считаю справедливымъ взять за него 1,000 рублей—много? Если только это слишкомъ, то, ради Бога, пусть будетъ 800 рублей, если и это много, то ужъ спустите сами... Вѣрьте мнѣ, что мнѣ будетъ легче, если вы поступите совершенно свободно. Порѣшивъ, наконецъ, этотъ вопросъ, я буду просить васъ, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, не поставить мнѣ въ вину, что я попрошу васъ выслать мнѣ деньги, потому что я не знаю, когда я получу деньги за портретъ Цесаревича, быть можетъ завтра (нѣтъ, завтра не получу), а быть можетъ... Богъ знаетъ! Между тѣмъ, извѣстный припѣвъ пѣсни: «пить, ѣсть надо»—продолжаетъ существовать во всей силѣ. Что дѣлать, извините! Квитанцію на полученіе посланныхъ вещей прилагаю при семъ. Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

Свидѣтельствую свое уваженіе Вѣрѣ Николаевнѣ и глубоко сожалѣю, что до сихъ поръ не удалось начать интересный для меня трудъ*).

Пока займусь кое-что кончить изъ завалявшихся вещей, портретъ матери жены, старушки, и Софьи Николаевны съ дочкой.

CXXXIX. Къ нему же.

10-го августа 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вы ждете отвѣта, а я задерживаю, но это потому, что письмо ваше я получилъ наканунѣ экзаменовъ дѣтей въ гимназіи. 4-го и 5-го они экзаменовались во 2-й классъ, потомъ было нѣсколько дней неизвѣстности, въ которые мы готовились, на всякій случай, экзаменоваться въ другомъ мѣстѣ. Но, благодаря Бога, этого не

---

*) Портретъ В. Н. Третьяковой. *Ред.*

случилось—дѣти приняты, и съ хорошими отмѣтками. И такъ, большое (для меня) дѣло окончилось пока благополучно. Я исчезаю во всякомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что третьяго дня все кончено съ Цесаревичемъ. Я получилъ что слѣдовало, и теперь направляюсь къ главному дѣлу. Однакожъ, до 20-го августа (до переѣзда съ дачи), я пробуду въ Петербургѣ, и въ Москвѣ раньше 25-го числа не буду. Вы же уѣзжаете въ Крымъ въ началѣ сентября; какъ быть? А ужъ какъ бы мнѣ хотѣлось написать портретъ Вѣры Николаевны. Но должно быть не судьба, для портрета нужно во всякомъ случаѣ мѣсяцъ, а взять его негдѣ, и такъ рѣшайте. Отчего мнѣ трудно стало назначать цѣну вамъ? Да кто же его знаетъ, почему трудно. Для всего, вѣроятно, нужно извѣстное разстояніе, чтобы обнять предметъ со всѣхъ сторонъ. Видите ли, когда въ какомъ-нибудь дѣлѣ не все извѣстно изъ того, что за кулисами, тогда предполагается Богъ знаетъ что; но когда дѣло становится открытымъ, тогда совѣстно какъ-то надувать публику. Всякій скажетъ: Разсказывай тамъ! Знаемъ мы! Впрочемъ, это не то. Короче, вы такъ много дѣлаете (въ самомъ дѣлѣ) для русскаго искусства, что когда я объ этомъ думаю, то мнѣ все хотѣлось бы, чтобы оно выходило подобросовѣстнѣе... ей-Богу! Вѣдь смѣшно въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ тратитъ сотни тысячъ на это, а тутъ предлагается экономія въ 200 рубляхъ!.. Какъ хотите, забавно! Я вижу, впрочемъ, что сказать откровенно, почему мнѣ трудно стало назначать вамъ цѣну, для меня невозможно! Чѣмъ больше я буду стараться объ этомъ, тѣмъ запутаннѣе будетъ выходить объясненіе. Если можете удовлетвориться этимъ— очень радъ; мало, не взыщите, что отказываюсь.

Благодарю васъ за память о семействѣ моемъ, всѣ пока хороши. Деньги 800 рублей получилъ. Искренно и глубоко уважающій васъ

И. Крамской.

CXL. Къ нему же.

16-го августа 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я ѣду на югъ, дѣйствительно, только вотъ какъ: съ конца августа уѣзжаю изъ Петербурга чрезъ Москву, въ Тулу, къ графу Толстому, и полагаю у него остановиться, такъ какъ неподалеку есть одно мѣсто для картины («Старая барская усадьба»). Я имѣю адресъ отъ Мясоѣдова, гдѣ это именно находится. Тамъ разсчитываю пробыть сентябрь, а можетъ быть и часть октября, а затѣмъ уже, не останавливаясь, чрезъ Одессу и Константинополь, къ цѣли. Полагаю, къ будущей веснѣ подняться чрезъ Италію въ Парижъ, гдѣ и буду работать. Что̀ будетъ дальше—точно не знаю, но видно будетъ на мѣстѣ. Это будетъ

такъ, если портретъ не состоится. Если же онъ состоится, то я работать въ Россіи, на указанномъ выше мѣстѣ, буду меньше, а можетъ быть и совсѣмъ не буду, такъ какъ октябрь мѣсяцъ, еще возможный для плаванія по Черному морю, надобно удержать въ распоряженіи. Разумѣется, въ Крыму хорошо бы пожить и поработать, но что-жъ дѣлать? Мнѣ надо отъ этого рѣшительно отказаться. Кромѣ того, судя по вашему письму, не рѣшено навѣрное, ѣдете ли вы? И такъ остается (если еще остается) конецъ августа и часть сентября. Гдѣ работать—въ городѣ ли, или на дачѣ? Мнѣ собственно это все равно. Думаю, впрочемъ, что я предпочтительнѣе сдѣлалъ бы на воздухѣ; но это вопросъ такого рода, что онъ можетъ быть рѣшенъ въ полчаса, но лично, а не теперь — гадательно; и опять, это будетъ зависѣть отъ того, долго ли вы остаетесь на дачѣ? Одно условіе, вамъ, конечно, такъ же хорошо извѣстное, какъ и мнѣ, чтобы было окно одно хорошее. Выходитъ, что рѣшать окончательно вопросъ о портретѣ все-таки приходится вамъ.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CXLI. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб. 20-го августа 1875 г.

Говоря по совѣсти, дорогой Илья Ефимовичъ, я поступилъ съ вами по-свински. Но такъ какъ всѣ русскіе люди поступаютъ часто такимъ же образомъ, то вамъ и неудивительно! Если это въ данномъ случаѣ правда, то я могу съ легкостью продолжать, для приличія нагородивъ съ три короба причинъ уважительныхъ. И такъ, вотъ онѣ, уважительныя причины: получивъ ваше письмо отъ 14-го іюня (болѣе 2-хъ мѣсяцевъ назадъ), я все собирался, собирался... и собирался до сихъ поръ—до пріѣзда въ Петербургъ Куинджи. (Каково летаетъ-то!). Но вотъ видите ли: сначала собирался потому, что нужно было кончить (и начать) два повторенія для Цесаревича, и въ концѣ іюля они были кончены; потомъ счеты, объясненія съ гофъ-маршаломъ и такъ далѣе, очень трудныя и непріятныя; потомъ поступленіе дѣтей въ гимназію (ого, вотъ сколько времени!), и, наконецъ, времени такъ много ушло въ молчаніи, что нужно было какое-либо событіе, чтобы я исполнилъ что̀ слѣдуетъ. Такимъ событіемъ могло быть или новое письмо отъ васъ, или что-либо экстраординарное. Письма отъ васъ, я, при всей наивности, не могъ ждать, такъ какъ очень хорошо зналъ, что получить его не заслуживаю; оставалось исключительное обстоятельство —оно и представилось въ видѣ грека*), который воротился въ

*) Куинджи.

Петербургъ женатымъ, что́ меня несказанно радуетъ, по многимъ причинамъ. Сдѣлавъ это, быть можетъ, ненужное предисловіе—продолжаю.

Когда здѣсь былъ Савицкій, я разсчитывалъ вырваться на недѣлю въ Парижъ, собственно на выставку, если кончу портретъ Цесаревича скоро. Но разсчеты мои разлетѣлись прахомъ, такъ какъ только въ первыхъ числахъ іюня я имѣлъ послѣдніе сеансы; затѣмъ, оставалось привести его въ порядокъ, да повторить два раза (правда поясныхъ), какъ писалъ уже— стало быть не поѣхалъ. Лѣтомъ все былъ на привязи, и оно пропало самымъ глупымъ образомъ. Теперь, когда все кончено, я приступаю къ новой ломкѣ въ своей жизни и карьерѣ: я исчезаю изъ Питера. Не въ моготу. Сначала ѣду на Востокъ, потомъ въ Италію, и къ веснѣ буду въ Парижѣ, и все это для той картины, знаете, «Хохотъ». Ликвидирую дѣла здѣсь совсѣмъ; гдѣ буду, что́ буду дѣлать—знаю, и въ то же время не знаю, но для Петербурга я погибшее созданіе. Уже который разъ въ моей жизни происходятъ переломы! По счету моему—въ третій. Что-жъ тутъ дѣлать, судьба. А работы-то сколько въ Россіи — подумать страшно. А сколько насъ? Сочтите-ка. И что это такое совершается съ нами, русскими людьми? Удивительно! Устроиваемъ, разстроиваемъ, опять разстроиваемъ, и такъ безъ конца. Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ. И что это мы? Сидишь дома—скверно, тѣсно. Вырваться бы! Вырвался— тоскуешь, домой бы! Сказочка про бѣлаго бычка. Одно утѣшительно, вы ничего не понимаете во всей этой кутерьмѣ; да оно и не важно. Дѣло въ томъ, что съ октября меня въ Петербургѣ уже не будетъ. Но это хотя и не секретъ, однакожъ знаютъ суть немногіе, да и знать имъ не зачѣмъ. Ну, нѣту и только—бѣда не велика, мѣсто очистится. Поговорили всласть съ глубокомысленнымъ грекомъ *); я покатывался со смѣху, когда онъ излагалъ свои взгляды на Европу, искусство, Фортуни, Кордъ и прочее... и только спрашивалъ:—«И вы такъ тамъ (въ Парижѣ то есть) прямо и говорили?»—«И говорилъ!»—«Чудесно!»—Нѣтъ, воля ваша—у насъ рѣшительно есть будущность. Это несомнѣнно, какъ день. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое законодательство въ искусствѣ Франціи? Впрочемъ, ничего—молчаніе, до личныхъ объясненій.

Вотъ теперь чего надо коснуться, и только коснуться, а не разсуждать, потому что я вашей картины не видалъ **). Вы мнѣ не говорили о сюжетѣ своей картины, я только слышалъ объ ней. Хорошо. Я одного не понимаю, ка̀къ могло случиться, что вы это писали? Не правда ли, нахальный приступъ? Ничего, чѣмъ больше уважаешь и любишь человѣка, тѣмъ

*) Куинджи.

**) «Кафе въ Парижѣ». *Ред.*

обязательнѣе сказать прямо. Я думалъ, что у васъ сидитъ совершенно окрѣпшее убѣжденіе относительно главныхъ положеній искусства, его средствъ, и специально народная струна. Чтò ни говорите, а искусство не наука. Оно только тогда сильно, когда національно. Вы скажете, а общечеловѣческое? Да, но вѣдь оно, это общечеловѣческое, пробивается въ искусствѣ только сквозь національную форму, а если и есть космополитическіе, международные мотивы, то они всѣ лежатъ далеко въ древности, отъ которой всѣ народы одинаково далеко отстоятъ. Это разъ. Да кромѣ того, они тѣмъ удобны, что ихъ всякій обработываетъ на свой манеръ, не боясь быть уличеннымъ. Что касается теперь текущей жизни, то человѣкъ, у котораго течетъ въ жилахъ хохлацкая кровь, наиболѣе способенъ (потому что понимаетъ это безъ усилій) изобразить тяжелый, крѣпкій и почти дикій организмъ, а ужъ никакъ не кокотокъ. Я не скажу, чтобы это не былъ сюжетъ. Еще какой! Только не для насъ: нужно съ колыбели слушать шансонетки, нужно, чтобы нѣсколько поколѣній раньше нашего появленія на свѣтъ упражнялись въ продѣлываніи разныхъ штукъ. Словомъ, надо быть французомъ. Короче, искусство до такой степени заключается въ формѣ, что только отъ этой формы зависитъ и идея. Фортуни— на Западѣ явленіе совершенно нормальное, понятное, хотя и не величественное, а потому и мало достойное подражанія. Вѣдь Фортуни есть, правда, послѣднее слово, но чего? Наклонностей и вкусовъ денежной буржуазіи. Какіе у буржуазіи идеалы? Чтó она любитъ? Къ чему стремится? О чемъ больше всего хлопочетъ? Награбивъ съ народа денегъ, она хочетъ наслаждаться—это понятно. Ну, подавай мнѣ такую и музыку, такое искусство, такую политику и такую религію (если безъ нея уже нельзя)—вотъ откуда эти баснословныя деньги за картины. Развѣ ей понятны другіе инстинкты? Развѣ вы не видите, что вещи, гораздо болѣе капитальныя, оплачиваются дешевле. Оно и быть иначе не можетъ. Развѣ Патти — сердце? Да и зачѣмъ ей это, когда искусство буржуазіи заключается именно въ отрицаніи этого комочка мяса: оно мѣшаетъ сколачивать деньгу; при немъ неудобно снимать рубашку съ бѣдняка, посредствомъ биржевыхъ продѣлокъ. Долой его, къ чорту. Давай мнѣ виртуоза, чтобы кисть его изгибалась какъ змѣя, и всегда готова была догадаться, въ какомъ настроеніи повелитель. Но что же? Развѣ это мѣшаетъ явиться человѣку, у котораго вкусы будутъ разниться отъ денежныхъ людей? Нѣтъ, не мѣшаетъ, только буржуазія не такъ глупа, чтобы не распознать иностранца, у котораго акцентъ не можетъ быть совершенно чистъ, и это ей дастъ право пройти мимо, не обративъ вниманія. Случись же такая ошибка, скажу больше, скандалъ, съ ихъ кровнымъ художникомъ — послушали бы вы, чѣмъ такого художника угостила бы печать, состоящая на откупу у буржуазіи.

Единственная струнка, доступная буржуазіи, относящаяся къ числу благородныхъ (и то сомнительно) — это жажда мести за побѣды нѣмцевъ. Отсюда и достоинство Нёвиля и подобныхъ ему. И такъ, написать плохо вы не могли, но написать такъ, какъ нужно, вы тоже не могли. Вы провинціалъ, попавшій въ столицу, — вы видите, что дѣло не ладно, одно васъ оскорбляетъ, другое отвратительно, а, между тѣмъ, цинически лѣзетъ напоказъ. Но вы еще не умѣете говорить тѣмъ языкомъ, какимъ всѣ говорятъ, и потому вы не можете обратить вниманіе французовъ на свои мысли, а только на свой языкъ, выраженія и манеры. Не обижайтесь на меня, дорогой мой. Думаю, что въ моихъ словахъ ничего непріятнаго и не заключается. Если есть ошибки — полемизируйте.

Кланяюсь женѣ, и напишите глубоко васъ уважающему

И. Крамскому.

CXLII. Къ нему же.

Москва, 10-го сентября 1875 г.

Письмо ваше, дорогой Илья Ефимовичъ, я получилъ въ то время, когда я выходилъ изъ квартиры своей съ чемоданомъ въ рукахъ, чтобы ѣхать въ Москву, гдѣ и пробуду еще дней пять, и потомъ назадъ.

Въ письмѣ вашемъ, вмѣстѣ съ обыкновенными и милыми строками, есть нѣсколько многозначительныхъ, а потому я буду отвѣчать послѣдовательно и по пунктамъ, чтобы вы живѣе себѣ представили въ памяти, на что именно я отвѣчаю.

Петербургъ я ни на что не мѣняю. Я сказалъ, что исчезаю изъ него, это значитъ, только на нѣкоторое...... очень, правда, неопредѣленное время. Кромѣ того, я что-то такое сказалъ еще и о карьерѣ (кажется!); но это не значитъ, однакожъ, что желаю ее начать въ Европѣ. Во 1-хъ, я не чувствую себя еще великимъ человѣкомъ, а, напротивъ, теперь больше чѣмъ когда-нибудь ясно понимаю, что за штука такая величіе, а во 2-хъ, я не утратилъ окончательно памяти, и помню очень хорошо свои собственныя проповѣди на этотъ счетъ; а въ томъ, что Европа во мнѣ не нуждается, я былъ убѣжденъ, вѣроятно, еще до своего рожденія, потому что, сколько я себя помню, убѣжденіе это было во мнѣ готово. А потому, въ связи съ вашимъ лестнымъ для меня взглядомъ на мою особу, какъ человѣка съ умомъ и энергіей, вы сугубо можете успокоиться. Относительно же слабости воображать себя народомъ, имѣющимъ будущность, можно только сказать, что мысли подобнаго сорта не наносятъ обиды Западу. Вы скажете: но самообольщаютъ насъ. Можетъ быть, тутъ и правда есть, даже навѣрное; но что дѣлать, когда молодая особа начинаетъ сознавать въ себѣ нѣкото-

рыя склонности, отличительныя отъ другихъ себѣ подобныхъ. Въ томъ, что я думаю, что русскіе внесутъ нѣкоторую долю въ общее достояніе, и что теперь очередь за ними, нѣтъ никакого противорѣчія съ логикой вещей. Вы видите изъ этого, что я принадлежу къ партіи славянофиловъ, блаженной памяти; но это не бѣда. До сихъ поръ это не мѣшало еще мнѣ смотрѣть въ оба, и не спать. Вы смотрите на это иными глазами. Вамъ это кажется грезами и одуряющимъ гашишемъ — зависитъ отъ натуры: на одного — мысли эти дѣйствуютъ усыпляющимъ образомъ, на другого — обратно: онъ становится еще внимательнѣе, сознавая отвѣтственность передъ самимъ собою, еще строже онъ работаетъ и думаетъ. Но если ужъ сказать что-нибудь о гашишѣ, то, сколько мнѣ извѣстно изъ источниковъ достовѣрныхъ, во Франціи именно, и частью въ Англіи, въ классахъ, обладающихъ и образованіемъ, и достаткомъ, гашишъ очень употребляютъ, не правда небось? Оно, положимъ, вы говорите объ гашишѣ иносказательномъ, такъ сказать, но вѣдь и реальный гашишъ штука некрасивая, и употребляется уже тогда, когда организмъ поврежденъ. Но, впрочемъ, все это въ сущности ничего не доказываетъ. Что я думаю такъ, какъ думаю, бѣда небольшая — плохо будетъ, когда я оглохну и ослѣпну. До сихъ же поръ, я, слава Богу, на-сторожѣ. Что я вздумалъ побесѣдовать съ вами о томъ, виною тому грекъ*). Онъ ей-Богу симпатичный, ка́къ и вы говорите; не любить его нельзя — а кого любишь, на ошибки не обращается вниманія, а случается и больше.

Вотъ «главныя положенія искусства» — статья иная. Тутъ нельзя сказать: люблю или нѣтъ, хочется или нѣтъ, а они, эти проклятые законы, существуютъ помимо моего и вашего личнаго вкуса и темперамента. Съ ними приходится вѣдаться всю жизнь: не съумѣлъ имъ подчиниться — погибъ, а по скольку каждый изъ насъ въ состояніи ихъ понять и свободно подчиниться имъ — настолько долговѣченъ, хотя темпераментъ и вкусъ играютъ роль проводниковъ, телеграфныхъ проволокъ, но только проводниковъ — ни больше, ни меньше. Это непріятно — согласенъ, мѣшаетъ своеволію — болѣе того согласенъ, это, наконецъ, надоѣдаетъ, чортъ побери, какъ старая богомольная старуха — вѣрно, а они, законы эти, все-таки есть, были и будутъ. И тутъ нѣтъ противорѣчія, несмотря на то, что я въ первомъ письмѣ поставилъ смыслъ картины въ зависимость отъ характера человѣка, и не только отъ характера, но и отъ націи. Вы говорите, что теперь уже не такъ велика разница между націями. Будто? Въ городахъ это, пожалуй, вѣрно, а если взять массу, милліоны, то...... призадумаешься рѣшить. Не согласны? Жаль, а мнѣ позвольте остаться

---

*) Куинджи.

при своемъ. Однакожъ, несмотря и на это разногласіе, я не вижу причины ни къ охлажденію, ни къ насмѣшкамъ.

Чтó такое Фортуни, намъ съ вами будетъ мудрено рѣшить къ обоюдному согласію, тѣмъ болѣе, что вы имѣете на своей сторонѣ художниковъ всего свѣта, авторитетъ, передъ которымъ я долженъ былъ бы смириться, но... вы все-таки ошибаетесь, выдѣляя ихъ изъ буржуазіи. Они суть, за малымъ исключеніемъ, плоть отъ плоти ея, и кость отъ костей ея. Мое выраженіе, что Фортуни есть высшая точка, идеалъ представленій о художникѣ буржуазіи, вы пріурочили къ люду, спеціально теперь населяющему Парижъ и шатающемуся тамъ. Но вѣдь масса буржуазіи могла ни разу не слышать имени его, а онъ, Фортуни, быть ихъ выразителемъ. Я понимаю, что рисковано говорить что-либо противъ въ то время, когда всѣ хоромъ твердятъ другое, и даже хотя бы не противорѣчіе, а только выразить сомнѣніе, что-дескать дѣйствительно ли онъ есть геній XIX вѣка? Достаточно, чтобы на главу дерзкаго обрушились громы. Кромѣ того, я усложнилъ дѣло еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что отнесъ художниковъ всего свѣта къ буржуазіи? Но эти вещи мнѣ уже будетъ совѣстно доказывать вамъ. Говорю это съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ къ вамъ, этого я доказывать не буду. Самое важное—это то, что я не видалъ Фортуни, а сужу! Но во-1-хъ, видѣлъ одинъ оригиналъ, 2 акварели и множество офортовъ; кромѣ того огромныя и превосходныя фотографіи со всѣхъ его вещей. Охотно отдаю вамъ технику, но чтó до главнаго, то позвольте думать, что онъ величайшій изъ великихъ буржуазныхъ художниковъ. Мало этого вамъ? Неужели вамъ бы хотѣлось, чтобы я призналъ его еще и великимъ въ настоящемъ смыслѣ? Пусть я ничего не понимаю, пусть останусь азіатцемъ за это—чтò дѣлать, не могу иначе смотрѣть.

Гораздо серьезнѣе этого то мѣсто вашего письма, гдѣ вы говорите, что я «собственнымъ умомъ дошелъ до того, что, не задумавшись, бросилъ комкомъ грязи въ Нёвиля». Это ужъ напрасно! Послѣ этого я могу не считать роскошью, чтобы письма мои читались внимательнѣе. Не я ли его-то именно и выдѣлилъ изъ всѣхъ, а что и тутъ примѣшалась та же буржуазія и прочее, то все-таки въ этомъ не было грязи. Я убѣжденъ, что хладнокровно посмотрѣвши мое письмо, вы не скажете, чтобы я бросалъ въ него грязью. Увѣряю васъ, я не святоша, самодовольное невѣжество мнѣ незнакомо, и думаю, что уподобиться особѣ, отыскивающей только навозъ да соръ всюду— время для меня не наступило. Мнѣнія мои могутъ казаться провинціальными, и даже быть ими (относительно искусства)— это меня нисколько не сокрушаетъ. Если судить по аналогіи, то придется сказать, что мнѣнія и симпатіи провинціаловъ рѣшительно здоровѣе и даже прогрессивнѣе столичныхъ, во всемъ, чтò касается главныхъ сторонъ народной

жизни: хозяйства, образованія, суда и многаго другого. Да и ктò же двигаетъ дѣло? Столицы? Ошибаетесь: провинціалы, попавшіе въ столицу, потому что они хорошо знаютъ ту жизнь, на которую надо дѣйствовать. Они носятъ въ себѣ сознательныя требованія, чтò и кàкъ должно быть сдѣлано. И только такіе реальные люди, какъ провинціалы, и могутъ что-нибудь сдѣлать путное. Въ столицахъ же, по необходимости, чувство начинаетъ служить буржуазіи, и человѣкъ привыкаетъ смотрѣть через маленькое окошечко и воображать себя на вершинѣ требованій времени, и даже сердиться, что существуютъ другія требованія тамъ, гдѣ-то внизу, въ провинціи. Въ столицахъ плетутъ кружева (иначе нельзя, впрочемъ), художественныя, да и только. Скажите, у кого изъ современныхъ художниковъ есть такая страстная, историческая пружина, кромѣ Матейко? Его картинъ не видалъ тоже, но видѣлъ фотографіи со «Стефана Баторія, принимающаго пословъ». Подавляющее пониманіе исторіи (то есть живыхъ лицъ!). А вѣдь, онъ не больше, какъ провинціалъ, передъ... Фортуни. Если, чего добраго, онъ захочетъ писать получше, то есть, такъ, кàкъ теперь обязательно даже для гимназистовъ, то думаю, что дѣло не пойдетъ. Не техническія задачи двигаютъ технику, а преслѣдованіе олицетворенія представленій. Но такъ какъ я начинаю впадать въ надоѣвшее достаточно краснорѣчіе, то... умолкаю.

Пропускаю совершенно мѣсто о вашей картинѣ, потому что я долженъ былъ понять, что вамъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ только то, чтò вы сдѣлали. Прошу извинить, говорю это совершенно искренно, и съ глубокимъ сожалѣніемъ о своей глупости. А все же я могу себѣ представить выставку парижскую — не смѣшивая съ нашей петербургскою. Вообразимъ на минуту Эрмитажъ съ 5,000 картинъ, и дѣло станетъ ясно.

Но не это я имѣю вамъ сказать, а то, что вы еще одного мѣста не поняли въ моемъ письмѣ (или уже я его написалъ такъ безобразно, что подлежу повѣшенію). Это именно о скандалѣ, будтобы произошедшемъ съ вами. И не думалъ! Тамъ стоитъ вотъ что: «Посмотрѣли бы вы, чтò за скандалъ произошелъ бы, еслибы идея вашей картины была реализована чистымъ парижаниномъ (если бы таковой былъ способенъ, впрочемъ, до этого подняться), еслибы эта картина могла безпощадно, неумолимо поднять въ буржуазіи (говорю опять это слово) представленіе о дѣйствительной мерзости, въ которой общество начинаетъ полоскаться... все заорало бы: «Разбой! Это не дѣло искусства! Куда оно суется! Это чортъ знаетъ чтò такое!..» Словомъ, скандалъ благородный! Ваша заключительная приписка о томъ, какое я принялъ положеніе при вашей какой-то неудачѣ (во всемъ письмѣ нѣтъ на это и намека), и что я началъ кричать: «Атỳ его! Атỳ его!» можетъ быть отнесена мною на свою голову и поста-

влена въ виду только потому развѣ, что (вѣроятно) я написалъ письмо, окончательно неудобное для пониманія. И потомъ, неужели у васъ не заронилось подозрѣнія: да способенъ ли я на это, сколько вы меня знаете? Я совершенно спокоенъ, что я не заслуживаю «оплаты за неумѣстный крикъ», потому собственно, что я таковаго не издавалъ. Во всякомъ случаѣ, прошу васъ, что̀ вы найдете, по вторичномъ прочтеніи, въ моемъ письмѣ, сообщите пожалуйста. Я знаю, что это скучно, но право, въ виду впечатлѣнія, которое оно на васъ сдѣлало, мнѣ важно, что̀ вы скажете теперь.
Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CXLIII. Къ П. М. Третьякову.

2-го ноября 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Не удивляйтесь, что я не пріѣхалъ въ Москву и даже не отвѣчалъ вамъ: у меня послѣдній сынъ (грудной) умиралъ, и сегодня только лучше ему, быть можетъ поправится. Кромѣ того дѣло о метрическомъ свидѣтельствѣ еще не кончено, и когда кончится — Богу извѣстно. Я былъ уже у преосвященнаго — просилъ, но... тянется, и только. Надѣюсь, однакожъ, что къ 14-му числу буду въ Москвѣ; до того же времени, прошу васъ закрыть портретъ и куда-нибудь поставить подальше отъ взоровъ. Глубоко уважающій И. Крамской.

CXLIV. Къ нему же.

19-го ноября 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Державина ли это портретъ у Гулевичъ? Я, пожалуй, утверждать не возьмусь тоже, такъ какъ и у меня мелькнула эта мысль, когда я видѣлъ въ первый разъ; но скоро въ этомъ отношеніи успокоился, такъ какъ академикъ Гротъ не сомнѣвается. Относительно Сперанскаго — жаль. По старанію Григоровича вы купили портретъ Полонскаго! Я знаю этотъ портретъ и удивляюсь. Но какъ это курьезно, какъ вы сами говорите, то, вѣроятно, опасности нѣтъ, а только маленькая непріятность. Ваше положеніе таково, что приходится иногда дѣлать вещи, завѣдомо удовольствія не представляющія — чтожъ дѣлать? вполнѣ это понимаю, хотя и не знаю въ данномъ случаѣ факта. Охотно принимаю на себя ликвидацію долга Васильева, и съ Григоровичемъ покончу.

Эскизъ Зауервейда я знаю — это лучшее, что̀ онъ сдѣлалъ, и хотя, быть можетъ, оно и въ самомъ дѣлѣ могло (и должно бы) стоить дешевле, но я объ этомъ узналъ уже отъ Гуна, какъ объ вещи конченной. Что́ же

касается Васильева картины, принадлежащей Гупу, то за нее онъ заплатилъ ровно 200 рублей. По полученіи вашего письма, я попробовалъ узнать такъ вообще, для чего онъ ставитъ свои вещи на постоянную выставку и не продаетъ ли ихъ? Напримѣръ Васильева? Онъ сказалъ: нѣтъ! А за Васильева я теперь не возьму 500 рублей, такъ она мнѣ нравится. Изъ этого вы можете судить, что нѣмецъ не прочь извлечь выгоду — ну и пусть. Надо подождать. Большую акварель Брюллова я знаю давно, еще во дворцѣ Маріи Николаевны, это несомнѣнно его оригиналъ*). Мѣсяца 2 назадъ Григоровичъ мнѣ говорилъ объ ней и показывалъ, нахваливалъ, и даже прямо совѣтовалъ мнѣ вамъ посовѣтовать ее пріобрѣсти, но я, какъ вы знаете, не сказалъ вамъ ни слова. А что онъ теперь будетъ думать, что это я виноватъ, что вы ее не купили, то съ этимъ дѣлать нечего. Онъ, очевидно, хотя человѣкъ и умный, но кое-чего не смекаетъ, именно: окончательно не знаетъ васъ. Онъ обо всѣхъ судитъ такъ, что всякаго, особенно любителя, можно настроить какъ угодно; что любитель не долженъ имѣть своихъ впечатлѣній, на то онъ и любитель, а что достаточно съ него только повиноваться. Но здѣсь есть вотъ что еще. Акварель эта, какъ я узналъ, была куда-то отложена великою княгиней; Григоровичъ воспользовался, и сталъ говорить, что какъ же это такъ, Брюлловъ и проч. Положимъ, это вещь неважная, но все же это Брюлловъ... Великая княгиня и говоритъ: «Ну, такъ возьмите ее себѣ въ Общество, дарю». Остальное понятно. Шамшина и Майкова не видалъ. Постараюсь, но не думаю, чтобы что-нибудь важное.

Дѣло, меня удерживающее, принимаетъ наконецъ форму; свидѣтели получили изъ консисторіи вызовъ дать показанія, стало быть скоро, а какъ? все еще нельзя сказать утвердительно, но, очевидно, не вѣчно будетъ тянуться.

Вѣрьте только, что рвусь въ Москву, и при первой возможности буду. Впрочемъ, вы будете знать впередъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

CXLV. Къ нему же.

10-го декабря 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Картины Айвазовскаго я видѣлъ, и рѣшительно ничего не могу сказать что-нибудь, такъ какъ я, вѣроятно, не понимаю ихъ достоинствъ. Одно я вынесъ изъ обзора ихъ, что Айвазовскій, вѣроятно, обладаетъ секретомъ составленія красокъ, и даже

*) «Сладкія воды въ Константинополѣ». *Ред.*

красокъ самыхъ секретныхъ; такихъ яркихъ и чистыхъ тоновъ я не видалъ даже на полкахъ москательныхъ лавокъ. Всѣ 18 картинъ (поставленныя подъ 13 №№) до такой степени выходятъ изъ круга моихъ понятій, что если уже нужно брать что-нибудь изъ этой коллекціи, то надо сдѣлать 13 билетиковъ по №№, и, зажмурившись, взять какой-нибудь— ошибки не произойдетъ, навѣрное вы вынете самый лучшій №. Извините, ради Бога, что я такъ выражаюсь, но я въ самомъ затруднительномъ положеніи. Отыскать, что̀ именно есть лучшаго въ теперешней коллекціи Айвазовскаго, очень мудрено, и я бы дорого далъ за то, чтобы видѣть подобнаго храбреца, особенно если онъ докажетъ, почему выбранная имъ картина будетъ лучшая, или наиболѣе новая. Очень бы былъ радъ служить вамъ, но въ настоящемъ случаѣ не въ силахъ. Полонскаго портретъ уже есть, заказать ли раму? Что́ же касается моего дѣла, то мнѣ приходится пѣть ту же пѣсенку, какія обыкновенно пѣлись блаженной памяти старымъ судамъ. Скоро кончится: свидѣтели уже спрошены, остается... остается кончить. Конечно, я бы могъ чудесно уже кончить портретъ, проживъ 2 мѣсяца въ Москвѣ, но... чтожъ дѣлать? со дня на день жду, жду, и конца не вижу. Министръ Толстой обѣщался наконецъ, но что̀ будетъ и когда — не знаю.

Уважающій васъ И. Крамской.

CXLVI. Къ нему же.

17-го декабря 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Не удивляйтесь, если встрѣтите «Биржевыя вѣдомости» 16-го декабря, гдѣ есть статьи Александрова объ Айвазовскомъ, и прочтете на счетъ лотерейныхъ билетиковъ. Удивительно, до чего я становлюсь «особа»: мои выраженія, сказанныя какъ нибудь случайно, попадаютъ въ печать. Не знаешь, какъ и быть. Положимъ, Александровъ не зналъ, о комъ шла рѣчь — я сказалъ просто Клодту, въ то время сидѣвшему у меня; тутъ же былъ и Александровъ, сказалъ это, ни къ кому не относя, а онъ и подхватилъ. Пусть бы ужъ было стоющее выраженіе, а то и того нѣтъ. Стараюсь быть осторожнымъ, а выходитъ все такъ неосторожно. Положимъ, дѣло не важное, а всетаки непріятно; ужъ и такъ много желающихъ указывать пальцами, а тутъ подтвержденіе слуховъ выходитъ! Что касается Хвощинской, — постараюсь: я теперь почему-то расписался. Она часто бывала (когда пріѣзжала) у Никитенко, съ дочерью котораго она дружна; я ее видѣлъ, познакомился, и если только она здѣсь, напишу. Скоро буду у Никитенко. Такъ какъ праздникъ пробуду здѣсь, то и Григоровича кончу. Полонскій вышелъ неду-

ренъ (жена говоритъ), можетъ быть такой же, какъ Гунъ, можетъ получше, а можетъ и похуже. Увидите сами. Но такъ какъ художникъ не можетъ не попросить денегъ при всякомъ удобномъ случаѣ, то такъ и я, не успѣлъ кончить, какъ — ужъ пожалуйте! Дѣло въ томъ, что я свои капиталы (капиталы!!) перевелъ на имя жены на двухъ-лѣтній бюджетъ, то и нахожусь отъ нея въ зависимости, что́ свободному художнику нѣсколько неприлично, а тутъ надвигается ёлка, то... и т. д., и т. д. Словомъ, если за Полонскаго (еще ничего не видя), будетъ недорого 300 рублей, то я буду очень благодаренъ вамъ за этотъ подарокъ къ празднику.

Что̀ касается цвѣта лица вашей супруги, бывшаго и теперешняго, то вы не повѣрите, ка̀къ это мнѣ прискорбно; ужъ разумѣется, я могъ бы писать по пріѣздѣ вашемъ, и можетъ быть кончилъ бы, если бы я былъ пророкъ, и зналъ бы, что со мной будетъ поступлено такимъ невѣроятно сквернымъ образомъ.

Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CXLVII. Къ И. Е. Рѣпину.

С.Петербургъ, 26-го марта 1876 г.

Вы правы, дорогой Илья Ефимовичъ, ожидая отъ меня кое-чего; я помню, что я даже обѣщалъ... но все равно, еслибы и не обѣщалъ, то и въ такомъ случаѣ я долженъ бы былъ догадываться, что вамъ это не будетъ скучно; а стало быть... но вотъ, подите-жъ, не написалъ! Впрочемъ, въ первый моментъ, когда я имѣю обыкновеніе отвѣчать на письма, я не могъ—заболѣлъ, а теперь поправился въ тѣ уже дня четыре, и все не собрался, пока не получилъ отъ васъ напоминанія.

Выставка! Гмъ, да, выставка! Говорятъ, хорошая. Вонъ Стасовъ говоритъ, что по значенію—она первая. Можетъ и правда. Даже дѣйствительн
правда. Только либо я выросъ, либо выставка ниже того желаемаго уровн
о которомъ я подразумѣваю. Одна, двѣ вещи (дѣйствительно прекрасны
выставки не составятъ, и чортъ его знаетъ, отчего это? А между тѣм
выставьте только одну эту вещь, или эти двѣ, и скажите публикѣ: в
показываются двѣ картины, пожалуйте! Она пойдетъ, и скажетъ: хоро
Дайте сто, и между ними эти же двѣ, поморщится, давай ей картины,
торыя бы производили сенсацію. Разумѣется, со стороны публики —
глупо, даже подло! потому что... ну, да что̀ тутъ толковать. Вы з
сами, что подло требовать отъ человѣка, художника, того, чего я е
даю. Развѣ художникъ не зябнетъ у насъ отъ холоду? Да еще русс
дожникъ? (Вы поймете, въ какомъ смыслѣ я говорю русскій). Кому
настоящее дѣло, кромѣ малой толики Третьякова? Впрочемъ, по

я хотѣлъ вамъ писать о выставкѣ, и потому пишу. Я буду говорить въ томъ порядкѣ, въ которомъ (по моему) вещи по внутреннему своему достоинству располагаются на выставкѣ. Первое мѣсто занимаетъ Шишкина «Рожь». Уже изъ одного этого вы можете судить, чтó такое выставка, потому что всѣ мы знаемъ, что отъ Шишкина требовать нельзя поэзіи и того захватывающаго душу настроенія, которое озаряетъ пути для художниковъ и производитъ сенсацію въ публикѣ (оговорюсь впрочемъ: всѣ мнѣнія, здѣсь высказанныя, суть моя личная точка зрѣнія, нисколько не обязательная, къ счастью, ни для кого). Потомъ 2-е мѣсто—Рѣпинъ и Ярошенко, съ двумя этюдами: «Дьякономъ» и «Кочегаромъ». Затѣмъ, онъ же, Ярошенко—карандашный портретъ Мартынова, — это вещи, выходящія за уровень вообще. Послѣ того, идетъ вся выставка ровно, гладко, хорошо, то есть, такъ хорошо, что совершенно плохой вещи почти нѣтъ. (Гуна я исключаю вовсе). Ноты, которая бы звучала, какъ призывный колоколъ, на выставкѣ нѣтъ, а безъ такой ноты на публику не подѣйствуешь. Виноватъ, публика ходитъ, публика хвалитъ, публика покупаетъ (даже), но я хожу и мрачно про себя думаю: «И кого это мы морочимъ?! Все зависитъ отъ точки зрѣнія. Посмотришь просто, и все дѣйствительно окажется хорошо, посмотришь серьезно—такъ себѣ». Вотъ мое откровенное мнѣніе.

Теперь займемся подробностями. Шишкина «Рожь»—одна изъ удачнѣйшихъ вещей Шишкина вообще. Я думаю, даже, что еслибы она стояла какимъ нибудь чудомъ въ Салонѣ, то... (а впрочемъ, чортъ его знаетъ). «Кочегаръ» и «Дьяконъ» — балансируютъ: не знаешь, который лучше? Разумѣется «Кочегаръ» въ живописи уступаетъ «Дьякону», но впечатлѣніе, типичность—равны; оба вѣсятъ здорово. Затѣмъ, волей-неволей, надо сказать объ Куинджи,—по порядку такъ выходитъ. Его «Лѣсъ»—имѣетъ много сказочнаго, даже какую-то поэзію, хотя многаго я не понимаю, или не могу вынести, что-то въ его принципахъ о колоритѣ есть для меня совершенно недоступное: быть можетъ это совершенно новый живописный принципъ, быть можетъ эти краски суть наиболѣе вѣрныя, съ научной точки зрѣнія, потому что, когда читаешь ученый трактатъ о цвѣтѣ, спектрѣ, то имѣешь дѣло съ чѣмъ-то совершенно незнакомымъ для человѣка, съ чѣмъ-то никогда не встрѣчающимся между впечатлѣніями, полученными нашими глазами отъ дѣйствительности. Такъ и тутъ. Еще его «Лѣсъ» я могу понять, и даже восхищаться, какъ чѣмъ-то горячечнымъ, какимъ-то страшнымъ сномъ, но его заходящее солнце на избушкахъ рѣшительно выше моего пониманія. Я совершенный дуракъ передъ этой картиной. Я вижу, что самый свѣтъ на бѣлой избѣ такъ вѣренъ, такъ вѣренъ, что моему глазу такъ же утомительно на него смотрѣть, какъ на живую дѣйствительность: чрезъ пять минутъ, у меня въ глазу больно, я отворачи-

ваюсь, закрываю глаза, и не хочу больше смотрѣть. Неужели это творчество? Неужели это художественное впечатлѣніе? Чтó хорошаго въ самомъ солнцѣ, какъ солнцѣ? Свѣтъ его на предметахъ—да, это наслажденіе, это поэзія, но само по себѣ оно слѣпитъ—и только. Чтò хорошаго въ лунѣ—этой тарелкѣ? Но мерцаніе природы подъ этими лучами—цѣлая симфонія, могучая, высокая, настраивающая меня, бѣднаго муравья, на высокій душевный строй: я могу сдѣлаться на это время лучше, добрѣе, здоровѣе, словомъ, предметъ для искусства достойный. Короче, я не совсѣмъ понимаю Куинджи. Прибавьте къ этому суконныя деревья, наивность и примитивность рисунка исключительныя, и вы будете имѣть понятіе о моемъ понятіи. Послѣ сего слѣдуетъ Мясоѣдова «Засуха». Совершенно исправная картина, безъ малѣйшаго нерва. Единственный ея недостатокъ—это величина. Будь она меньше, весь этотъ недостатокъ нервозности былъ бы простителенъ и искупался бы добросовѣстностію и приличіемъ мѣста дѣйствія и исполненія. Размѣръ же обязываетъ ее быть нервозною. Этого нѣтъ, картина не трогаетъ, не захватываетъ. У Савицкаго уже больше, у него все это даже есть, но эта невозможная манера письма, эти черви, проѣвшіе всю картину, землю, небо, людей, дѣлаютъ невозможнымъ разсматривать картину больше 2-хъ минутъ; а это также мало, какъ для иллюстраціи. Непосредственно за этимъ слѣдуютъ 3 вещи, въ равной степени интересныя и достойныя. Клодта «Прощанье передъ отъѣздомъ»: офицеръ уѣзжаетъ, должно быть, въ Болгарію, и сидитъ на диванѣ съ матерью. Очень мило. Маковскаго «Съ ангеломъ!» — бездна юмору, добродушія, жизни, но работа напоминаетъ русскаго ремесленника: все кое-какъ, поскорѣй, авось не замѣтятъ! Васнецова «Чтеніе телеграммъ» — очень типично и жизненно. Мнѣ эта картинка очень нравится; но за то все остальное, Боже мой! Нѣтъ, не хорошо, этакъ онъ никогда ничего не продастъ, будетъ вѣчно бѣгать и нюхать: нѣтъ ли гдѣ деревяшки? *) Очень жаль, и тысячу разъ жаль, но ему сказать ничего нельзя. А какой онъ мотивъ испортилъ! «Витязь!»—На полѣ, усѣянномъ костями, передъ камнемъ, гдѣ написано про три дороги. Какой удивительный мотивъ! Его «Акробаты»—парижская картина, очень неудачна. Она стала хуже, чѣмъ я ее оставилъ (а можетъ быть и нѣтъ!) Затѣмъ, затѣмъ, что же остается еще? Максимовъ? Но объ этомъ я ничего сказать не могу, потому что, во-1-хъ, мала ужъ очень картина, а во-2-хъ, сюжетъ безъ малѣйшаго юмора: «Примѣрка ризы». Вы знаете, можетъ быть? Три женщины шьютъ поповскую ризу и примѣряютъ на одной изъ нихъ. Могло бы быть смѣшно; но вы знаете, что для Максимова невозможно такъ разсказать что-нибудь, чтобъ слуша-

*) Для гравюры. Васнецовъ много рисовалъ въ тѣ годы для гравюръ. *Ред.*

тель разсмѣялся: въ этихъ случаяхъ всякій, чтобы не обижать, растянетъ просто ротъ и кончено. Можно, для полноты отчета, сказать слова два о Брюлловѣ. Онъ написалъ: портретъ «Кавелина» и «Сѣверную ночь». Портретъ написанъ очень примитивно, безъискусственно, совсѣмъ наивно, но похоже и очень хорошо; если онъ пойдетъ дальше въ этомъ направленіи, онъ уйдетъ далеко. «Сѣверная ночь»—очень интересная картина. Очень ужъ тонкій сюжетъ, а онъ, между тѣмъ, еще далеко не мастеръ, и потому не совсѣмъ удовлетворяетъ. Но столько туда попало тишины. Такъ все печально, задумчиво, что картину всѣ замѣчаютъ.

Кончивши всѣхъ такимъ образомъ, слѣдовало бы себя продернуть тоже, но гдѣ-жъ такіе безпристрастные люди, которые бы бичевали публично себя? А если и есть, то они производятъ нехорошее впечатлѣніе, а потому, если вы допустите, что я самъ себя считаю выше всѣхъ, не смотря на то, что у меня ничего нѣтъ путнаго на выставкѣ, то вы будете близки къ истинѣ, то есть, къ пониманію моего пониманія.

Теперь спеціально о васъ. Этюдъ «Изъ робкихъ» мнѣ очень нравится; а портретъ Мамонтовой—нѣтъ, хотя она похожа, я ее видѣлъ.

Не нравятся мнѣ особенно щеки, а лобъ и глаза — хорошо. Но если что̀ у васъ вышло поразительно, такъ это тотъ этюдъ, который былъ на выставкѣ въ Академіи. Это, наконецъ, дѣйствительная живопись. Въ портретѣ Куинджи есть какъ бы предвѣстники этого, а тутъ полное осуществленіе. Объ «Дьяконѣ» же я, кажется, писалъ уже вамъ, и остаюсь при томъ же и теперь. Вотъ вамъ подробное изложеніе всего, что̀ я думаю.

Что̀ касается Товарищества, то вамъ нѣчего думать: общее собраніе было уже, и теперь ни мнѣній, ни голосовъ не потребуется до будущаго общаго собранія, которое будетъ, вѣроятно, въ концѣ года, а впрочемъ, еслибы что̀—вы узнаете.

О многихъ вещахъ я не писалъ потому, что не стоитъ; да, наконецъ, вы и сами все это увидите, выставка будетъ въ Москвѣ, и тогда еще больше будете имѣть понятія о моемъ понятіи. Я это подчеркиваю нарочито, чтобы не нести отвѣтственности.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

Протоколы общихъ собраній я вамъ вышлю, когда скопирую. За 6 лѣтъ набралось достаточно.

CXLVIII. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 7-го апрѣля 1876.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. По измѣнившимся обстоятельствамъ я чрезъ Москву не поѣду. Изъ достовѣрныхъ источниковъ я

узналъ, что на Востокѣ теперь такое напряженное время, что ѣхать туда не совсѣмъ безопасно, и быть можетъ чрезъ какой-нибудь мѣсяцъ вспыхнетъ пожаръ; а потому я ѣду, чрезъ Вѣну, прямо въ Неаполь.

Мнѣ крайне прискорбно, что не придется самому покрыть портретъ, но въ виду измѣнившагося маршрута, простите мнѣ невольную неисправность, и прошу васъ поручить кому-либо благонадежному человѣку исполнить эту обязанность. 2-хъ флаконовъ копаловаго лаку, съ прибавленіемъ 1/3 скипидару, или немного болѣе (только не доводя до 1/2, а то будетъ жидко), будетъ достаточно. Если вы пропустите еще дня 3—4, бѣды не будетъ; чѣмъ нетороплнвѣе покроете, тѣмъ лучше; и прибавлю еще одно замѣчаніе: покрывать надобно стараться сразу, чтобы не проводить по одному мѣсту нѣсколько разъ.

Я уѣхалъ бы уже сегодня (въ среду), но нужно же, чтобы меня преслѣдовало несчастіе такъ настойчиво — на другой день моего пріѣзда Маркъ захворалъ: у него послѣдствія скарлатины—опять отдѣленіе бѣлка. Сегодня узнаю, есть ли опасность или нѣту; если нѣтъ, то ѣду завтра; если же она есть, то, вѣроятно, останусь. Вѣдь это ужасно! Что вы на это скажете? Не правда ли, что меня преслѣдуетъ злой рокъ, какъ выражались древніе трагики.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CXLIX. Къ нему же.

Римъ, 23-го апрѣля 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Пишу къ вамъ изъ Рима, чтобы не было никакого сомнѣнія, что я дѣйствительно уѣхалъ. Здѣсь я уже 4 дня какъ живу, и даже успѣлъ составить заключенія, быть можетъ, далекія отъ истины, но безъ которыхъ я никогда не обхожусь. Во 1-хъ, Италія (а Римъ въ особенности) не произвела на меня никакого впечатлѣнія, за исключеніемъ переѣзда черезъ Аппенины. Венецію я проѣзжалъ ночью, да и къ Риму я тоже ночью подъѣзжалъ, но сколько, я слышалъ, его окрестности (т. е. я называю на разстояніи 50 верстъ) непривлекательны. Я не говорю объ извѣстныхъ Альбано и другихъ, гдѣ я еще не былъ, а вообще. Самый Римъ мнѣ не понравился, за исключеніемъ нѣкоторыхъ древностей, и художники, остающіеся здѣсь для жизни (а не по необходимости, попадаютъ изъ умственнаго центра, говоря относительно, въ трущобу, даже не на рынокъ. Хотя тутъ и много иностранцевъ, правда, собранія разныхъ мастеровъ въ разныхъ палаццо, какъ Боргезе, Колонна, Барберини—удивительны, но основы искусства теперешняго, особенно у большинства находящихся здѣсь художниковъ, до того различны, что рѣ

шительно все равно, есть ли здѣсь эти образцы или нѣтъ. Мимо Аполлона въ Ватиканѣ и бюстовъ древняго Рима проходить равнодушно нельзя, и если подумать только, когда все это было, то становится грустно. Говорить же о здѣшнихъ новостяхъ художественныхъ я не могу, такъ какъ видѣлъ немного (въ мастерскихъ), и исключая двухъ-трехъ русскихъ, ни у кого не былъ. Видѣлъ картину Семирадскаго «Христіанскіе свѣточи», объ которой судить не умѣю, а еслибы и взялся, то, вѣроятно, былъ бы пристрастнымъ и несправедливымъ. Скажу только, что картина эта представляетъ наибольшую сумму его достоинствъ, и наименьшую—недостатковъ, а стало быть картина должно быть хороша. Что́ касается Антокольскаго, то и тутъ мнѣ, вѣроятно, помѣшаетъ что-нибудь: его «Христосъ» меня несовсѣмъ удовлетворяетъ, скажу больше — онъ не согласованъ въ формѣ относительно его (Антокольскаго) идеи, а самая идея для меня несимпатична. Но за что́ я порадовался, такъ это за новую его статую «Смерть Сократа». Эта вещь производитъ глубокое и серьезное впечатлѣніе; а исполненіе ея оставляетъ за собой все имъ до сихъ поръ сдѣланное. Можно сказать даже, что во всей Европѣ до такой высоты подымались немногіе за послѣднія десятилѣтія. Выходитъ, стало быть, что дѣло вовсе не такъ плохо, ка́къ я отзывался въ началѣ. Но, не смотря на это—Римъ смотритъ все-таки мертвецомъ; самые же итальянцы мнѣ крайне не нравятся. Прочіе русскіе художники, живущіе здѣсь постоянно, своими разговорами объ искусствѣ навели такое на меня уныніе, что я думаю съ удовольствіемъ о томъ времени, когда покину и Римъ, и Италію.

Проѣздомъ, въ Вѣнѣ я видѣлъ двѣ выставки, нѣчто вродѣ постоянныхъ, и тѣ на меня не произвели хорошаго впечатлѣнія, главнымъ образомъ отсутствіемъ какого-нибудь сильнаго или хотя бы и не сильнаго напряженія чувства или мысли. Есть много живописи, но мало вѣскихъ внутреннихъ качествъ. Словомъ, какъ видите, я разыгрываю роль русскаго человѣка, попавшаго заграницу и оцѣнивающаго всѣ явленія со своей провинціальной точки зрѣнія. Худо ли это, или хорошо, я не разсуждаю теперь, а сообщаю общія впечатлѣнія.

Между прочимъ, по дорогѣ, вспоминая встрѣчи, не могу умолчать о М. П. Боткинѣ, который интересовался узнать: заказали ли вы мнѣ портретъ Алексѣя Толстого, и буду ли я его дѣлать? Я сказалъ, что теперь отказался, а за будущее не поручусь. Вѣроятно, разсчитываетъ сдѣлать на васъ нападеніе. Онъ завтра выѣзжаетъ въ Россію черезъ Парижъ.

Надняхъ, т. е. дней черезъ 5, ѣду въ Неаполь и Помпею, гдѣ что-нибудь подѣлаю. Писать ко мнѣ—не знаю куда, но, вѣроятно, воротясь изъ Неаполя, найду всѣ письма, которыя ко мнѣ будутъ адресованы (оставить до востребованія на почтѣ). Адреса не имѣю, а, какъ птица небесная,

живу совсѣмъ странно, день—всюду, прихожу въ отель только на ночь заснуть. По выѣздѣ изъ Россіи нахожусь, кромѣ того, въ какомъ-то смутномъ состояніи, точно я сдѣлалъ что-то дурное, въ чемъ-то передъ кѣмъ-то виноватъ, и не знаю, скоро ли минуетъ это состояніе; но оно нехорошее. Вотъ пока отчетъ всего мною видѣннаго; что̀ дальше будетъ—узнаете, сообщать буду отъ времени до времени.

Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CL. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 4-го мая 1876 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Мнѣ хотѣлось вамъ написать нѣсколько строкъ по поводу вашихъ статей объ архитектурѣ *). Лекцій вашихъ мнѣ слушать не пришлось, такъ какъ меня уже не было въ Петербургѣ въ то время. Я думаю, что каждый изъ насъ, художниковъ, дорого бы далъ, чтобы знать, какую сумму впечатлѣній зритель выноситъ, смотря на произведеніе живописи, положимъ; но съ условіемъ, чтобы знать именно тѣ чувства, которыя непосредственно возникаютъ при первомъ знакомствѣ съ вещью, когда человѣкъ не успѣлъ еще сказать ни съ кѣмъ двухъ словъ, еще не услышалъ и не взвѣсилъ чужихъ мнѣній, словомъ, когда впечатлѣніе еще натурально, если можно такъ выразиться. По крайней мѣрѣ для меня это самое драгоцѣнное; я въ этомъ случаѣ не очень даже разборчивъ и на людей — вѣдь всѣхъ Господь Богъ одарилъ чувствами (положимъ, въ разной степени), и самая малая крупица чувства, когда оно натурально, можетъ освѣщать до нѣкоторой степени тотъ трудный путь, по которому художнику приходится пробираться къ уразумѣнію того, что̀ такое въ самомъ дѣлѣ составляетъ тотъ нервъ искусства, который притягиваетъ къ себѣ симпатіи и просвѣщеннаго человѣка и честнаго невѣжи. Не правда ли, предисловіе длинное? Но вы извините, если я скажу, что именно тѣ непосредственныя впечатлѣнія, которыя возникли у меня, при чтеніи вашихъ статей, мнѣ и хотѣлось вамъ сообщить. Мнѣ показалось, что и для васъ, относительно вашихъ работъ, это можетъ быть такъ же интересно, какъ и для меня относительно моихъ. Нужно вамъ сказать, что я въ архитектурѣ не смыслю ничего, какъ и въ музыкѣ, то есть, не смыслю спеціально; но чувства ни къ тому, ни къ другому природа меня не лишила, и меня очень трогаетъ масса, пропорція, форма, какъ звуки и мелодическій узоръ. Я не могу, разумѣется, взять на себя храбрость

*) «Столицы Европы и ихъ архитектура», статья, напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы», а прежде прочитанная авторомъ въ «Обществѣ архитекторовъ». *Ред.*

вступить въ споръ, напримѣръ, съ ученымъ архитекторомъ, или музыкантомъ, но меня нисколько не убѣждаетъ ихъ аргументація, и я упорно протестую, во имя того впечатлѣнія, которое я получилъ отъ предмета. Дорожка, какъ видите, скользкая; но ее приходится держаться всякому, кто знаетъ немного. Такъ и въ архитектурѣ. Будучи заграницей, въ 1869 г., въ первый разъ, я вынесъ извѣстныя впечатлѣнія и составилъ себѣ даже понятія о Берлинѣ, Вѣнѣ и Парижѣ. О нѣкоторыхъ зданіяхъ мнѣ потомъ приходилось самому говорить и слышать чужія мнѣнія, а потомъ это нѣсколько забылось. Но вотъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, я встрѣчаю статьи. читаю первую о Берлинѣ, и мнѣ стало просто смѣшно, до чего каждое ваше мнѣніе какъ-будто подстроено воспроизводить въ моей памяти тѣ впечатлѣнія, которыя я когда-то испытывалъ, до мелочей! Напримѣръ, Берлинъ. Иду по одной улицѣ—скука, странно, не нужно... И вдругъ, около Тиръ-Гартена, направо и налѣво, вижу что-то интересное, какой-то новый мотивъ, что-то будто живое... но... при внимательномъ разсматриваніи, это нѣчто живое остановилось на первой фразѣ, на одномъ узорѣ, и дальше не пошло. Потомъ, читаю дальше, удивляюсь еще больше... да что же это значитъ? Неужели я понимаю архитектуру? Вѣдь вотъ человѣкъ, спеціально развитой и авторитетный, говоритъ точь-въ-точь, какъ я—невѣжа. Мнѣ стало до крайности интересно знать, что́ же вы скажете о новой парижской Оперѣ, о которой такъ много говорили когда-то. Когда я былъ въ Парижѣ (зданіе въ то время было только что открыто отъ лѣсовъ, но не кончено внутри), то мнѣ самому приходилось спорить и говорить, и получить на свою долю нѣсколько снисходительныхъ улыбокъ, къ моему невѣжеству. Наконецъ, читаю о Парижѣ, и, о ужасъ! Точь-въ-точь. Даже именно я спорилъ тогда, что если откуда это зданіе имѣетъ что-то оригинальное и интересное — то съ боковъ, если посмотрѣть нѣсколько сзади. А почему? Архитекторъ вынужденъ былъ принять въ своихъ разсчетахъ законъ необходимости, и отсюда, независимо отъ его воли, можетъ быть, вышло зданіе, имѣющее характеръ и красоту. Что-нибудь одно изъ двухъ, или вы правы до бездѣлицы, или вы и я ничего не понимаемъ. Для меня это не будетъ составлять даже безпокойства, такъ какъ я не претендую на авторитетъ, даже самый маленькій, въ архитектурѣ. Но чтобы не были правы вы, съ этимъ я соглашусь съ трудомъ, и большимъ, даже вовсе не соглашусь, по присущему мнѣ упрямству, апеллировать на педантизмъ къ тѣмъ натуральнымъ впечатлѣніямъ, которыя совершаются по самымъ глубокимъ и сильнымъ законамъ изящнаго, положеннымъ Господомъ Богомъ въ природу человѣка. Будемъ такъ говорить, пока новая терминологія не выработана еще. И такъ, я считаю эти, еще не найденные и необъясненные, законы изящнаго живыми и крѣпкими, и единственно возможный путь

ознакомиться съ ними—это наблюдать (если возможно), какое впечатлѣніе и на кого дѣлаетъ художественное произведеніе? (Извините, пожалуйста, языкъ — написалъ, и самъ пришелъ въ ужасъ отъ постройки послѣдней фразы. Вышло, однакожъ, такъ, что я письмо написалъ только потому, что мнѣ понравилось совпаденіе взглядовъ; обѣщался сказать о впечатлѣніи отъ статей, а заговорилъ о постороннемъ. Оно и такъ и не такъ. Надѣюсь, вы поймете и извините).

Теперь нѣсколько словъ о Римѣ. Это мертвецъ. Все, чтó оставилъ древній народъ — величественно, и полно интереса. Чтò оставило время Возрожденія—не всегда доброкачественно. Но тоже не лишено интереса, иногда глубокаго, и во всякомъ случаѣ самобытно; но чтò творится теперь—позоръ и нищенство. Изъ нашихъ здѣсь отличаются — Семирадскій и Антокольскій. Семирадскій написалъ колоссальную (по размѣрамъ) картину — «Христіанскіе свѣточи», ярко, пестро, талантливо, нелогично, будитъ большею частью инстинкты низменные и не трогаетъ сердца, а Антокольскій вылѣпилъ «Смерть Сократа» и поднялся до величія настоящаго. Чудесная вещь! Просто, и страшно. Христосъ его не особенно на меня подѣйствовалъ, и новаго противъ фотографіи ничего; но Сократъ — далеко за уровень! Молодецъ. Спасибо ему.

Извините, если прибавлю на кончикъ: не печатайте изъ этого письма отзывовъ, особенно о Семирадскомъ. Я трусъ, и потому не хотѣлось бы увеличивать число своихъ враговъ. Ради Бога извините и за это, и за все о чемъ разболтался. Уважающій васъ И. Крамской.

Завтра ѣду въ Неаполь, адреса не имѣю, но черезъ мѣсяцъ буду въ Парижѣ.

CLI. Къ С. Н. Крамской.

Неаполь, 7-го мая 1876 г.

Моя милая, я уѣхалъ изъ Рима и все еще безъ письма. Въ самую последнюю минуту я справлялся — нѣтъ! Поручилъ Буткевичу переслать, какъ только письма придутъ. Еслибы Богъ далъ, за долгое ожиданіе все бы тамъ было хорошо у васъ, кажется, занимался бы спокойнѣе. Чувство какого-то ужаса не покидаетъ меня до сихъ поръ.

Заѣхалъ въ Неаполь. Вѣдь это страхъ! Да вдобавокъ Неаполь есть, вѣроятно, красивѣйшій уголъ въ Европѣ. Какъ только въѣхалъ, сейчасъ почувствовалъ, что это уже не Римъ. И вотъ, думаю, какъ хорошо! Боже, какъ хорошо! а одинъ! всѣ ѣздятъ заграницу и съ семьей, и съ дорогими,—положимъ, я не катаюсь, но выходитъ такъ, какъ будто и катаюсь. Вчера пріѣхалъ, сегодня былъ въ Національномъ музеѣ, и слышу много

русскихъ голосовъ; потомъ вечеромъ въ кафè я обѣдаю, а рядомъ разговариваютъ человѣкъ шесть русскихъ, и съ ними дама тоже русская,—вѣроятно, катаются. Сонечка милая, не весело мнѣ, не хорошо мнѣ. Дѣточки мои милыя, какъ бы я хотѣлъ показать вамъ Везувій, вотъ онъ дымится! Меня принимаютъ всѣ за англичанина (вѣроятно). Манеры ли у меня такъ сложились, но это мнѣ помогаетъ, что я не похожъ на русскаго; больше молчу, да изрѣдка французскую фразу, а больше киваніемъ головы объясняю, если что́ нужно. Но, разумѣется, прежде нужно быть увѣреннымъ, что мнѣ именно это надобно разсмотрѣть или взять.

Дорога изъ Рима уже очень скоро начинается интересною, и чѣмъ дальше—тѣмъ лучше, и вплоть до Неаполя превосходная! И горы, и море, и лѣса, и живописные города,—словомъ очаровательно. Но Неаполь—нѣчто невѣроятное. Въ немъ и около него соединилось все вмѣстѣ, чтобы заставить человѣка почувствовать, что недаромъ достается всесвѣтная слава и восторги. Самый городъ — одинъ изъ оригинальнѣйшихъ городовъ, и ужъ если гдѣ жить художнику (то есть художнику космополиту), то именно въ Неаполѣ—это я понимаю. Пока я былъ въ Римѣ, мнѣ было очень удобно, меня всѣ встрѣтили радушно, сопровождали меня, въ Неаполѣ же—никого. Долженъ быть Гунъ, но я его не нашелъ, да и не знаю — найду ли, а если и найду, то онъ мнѣ не поможетъ—очень боленъ, бѣдняга. А такъ какъ мнѣ именно Неаполь-то и Помпея нужны, то, по незнанію итальянскаго языка, нужно будетъ взять проводника и свѣдущаго человѣка. Мнѣ въ Римѣ дали адресъ русскаго человѣка, Бѣляева, живущаго въ Неаполѣ съ того года, какъ я родился. Оказывается, что у него можно и остановиться. Вотъ я и переѣхалъ, и пишу теперь. Самъ Бѣляевъ, старикъ, еще говоритъ по-русски, хотя языкъ-то заскакиваетъ, а дѣти его—ни слова. Торгуетъ онъ кораллами. Я какъ увидалъ ихъ, такъ сердце и забилось. Думаю: пошлю милой моей Сонечкѣ что-нибудь: ожерелье, брошки, серьги, что-нибудь. Дешево это здѣсь! Извини, моя милая, быть можетъ, ты кoралловъ не любишь. Ну, въ такомъ случаѣ, продай ихъ — тамъ это цѣну имѣетъ. Тебѣ принесутъ ихъ на домъ; когда—не знаю, но недѣли черезъ двѣ, вѣроятно, по полученіи этого письма. Платить тебѣ ничего не придется. Все заплачено: и пересылка, и доставка. Ну, такъ этотъ Бѣляевъ обѣщался найти человѣка, который бы зналъ еще и русскій языкъ. При занятіяхъ въ Помпеѣ, и въ музеѣ и въ библіотекѣ, это нужно необходимо. А что́ тутъ есть въ музеѣ, это страхъ! Вся жизнь древнихъ какъ на ладони, вотъ она! Вчера вечеромъ пріѣхалъ, сегодня видѣлъ, а теперь спать иду. Милая, прощай, обними меня. Господь съ тобой. Дѣточки мои милыя, Господь васъ храни!

Вашъ папа И. Крамской.

CLII. Къ П. М. Третьякову.

Неаполь, 7-го мая 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я въ Неаполѣ, на большой станціи. Завтра ѣду въ Помпею. То, что я нашелъ здѣсь въ музеѣ изъ древностей, чрезвычайно интересно и представляетъ жизнь древнихъ съ удивительною наглядностью. Уже дорога изъ Рима мнѣ стала нравиться, а чѣмъ ближе къ Неаполю, тѣмъ интереснѣе. Самъ же Неаполь съ окрестностями и бухтой — вѣроятно, одинъ изъ красивѣйшихъ уголковъ земного шара. По крайней мѣрѣ мнѣ очень понравился, и городъ чрезвычайно оригинальный, именно оригинальный, и будь я космополитомъ, я бы для жизни выбралъ Неаполь. Но какіе воры—народъ! Не думайте, что у меня что-нибудь вытащили! нѣтъ, пока ничего, и потомъ я веду себя такъ, что меня принимаютъ скорѣе за англичанина, нежели за русскаго. Но это все не идетъ къ дѣлу.

Передъ выѣздомъ изъ Рима я еще былъ въ студіи Антокольскаго, и еще разъ порадовался на «Сократа». Очень хорошо! Кромѣ того видѣлъ изъ мрамора и «Грознаго», и «Христа», вещи конченныя. «Грозный» мнѣ показался даже лучше гипсоваго, «Христосъ» же напротивъ. Впрочемъ, я и не особенно останавливался, вижу—кончено! Ну и пусть ихъ. А «Сократъ» хорошъ, и не столько голова (хотя и голова хороша), сколько весь. Мы въ одинъ день выѣхали изъ Рима (5-го мая), онъ—на сѣверъ, я—на югъ.

Встрѣтилъ я здѣсь въ Неаполѣ вывѣску на via S-ta Lucia: «Бѣляевъ», захожу—кораллы. Я отчасти обрадовался и вспомнилъ своихъ, думаю: вотъ я шляюсь (такъ сказать) по Неаполю, попираю тысячелѣтнюю почву, въ виду моемъ чудеса природы, а мои дорогіе—тамъ, далеко на сѣверѣ; дай сдѣлаю хоть какую-нибудь память, куплю коралловъ. И купилъ, и послалъ! Здѣсь долженъ быть Гунъ; онъ подымается, бѣдный, куда-нибудь на лѣто, изъ Сициліи, едва дышетъ. Постараюсь отыскать. Семирадскій выставилъ свою картину въ Академіи Сан-Лука, но итальянцы готовы хвалить такъ, даромъ, а за франкъ смотрѣть ее не желаютъ. По 10—20 человѣкъ бываетъ, небольше.

Оказывается, что я наполнилъ письмо чѣмъ попало. По крайней мѣрѣ хоть прибавлю свое привѣтствіе Вѣрѣ Николаевнѣ и благодарность за туфли—очень хорошо служатъ, жать перестали.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLIII. Къ С. Н. Крамской.

Неаполь, 15-го мая 1876 г.

Моя дорогая Сонечка. Я въ страшномъ безпокойствѣ о письмахъ, вѣдь уже должны бы быть во всякомъ случаѣ; что это значитъ? 5 дней тому назадъ, отправляясь въ Помпею работать, я былъ увѣренъ, что найду отъ тебя какое-нибудь извѣстіе, но вотъ воротился, чтобы узнать, что́ и какъ, а между тѣмъ ничего не знаю. Я былъ увѣренъ, что Буткевичъ исправный, но, вѣроятно, онъ на почтѣ со времени моего отъѣзда и не былъ. Во всякомъ случаѣ, если я еще завтрашній день не получу, то буду телеграфировать въ Римъ, потому что въ другое мѣсто не могу, такъ какъ завтра или послѣ-завтра (когда пароходъ уйдетъ) я оставляю Неаполь.—Я сдѣлалъ, сверхъ ожиданія, все и довольно скоро. Въ Римѣ много времени было взято на осмотръ художественныхъ собраній, которыя тамъ разбросаны всѣ; здѣсь же все вмѣстѣ: музей—и кончено. Тутъ все, и скульптура, и живопись, и памятники помпеевскіе, какъ-то: мебель, бронза и разная домашняя утварь. Есть только одно мѣсто, которое надобно было видѣть — это монастырь (брошенный уже) San-Martino, гдѣ есть удивительный и чрезвычайный Рибейра: «Положеніе во гробъ». Ты, быть можетъ, помнишь въ Академіи есть: темный фонъ, совершенно темный, синій Христосъ и Богородица надъ нимъ на колѣняхъ, прислушивается, что̀ поютъ мальчуганы въ небесахъ, Марія цѣлуетъ ногу, словомъ, картина синяя и темная. Такъ это копія съ нея, и копія отвратительная; но что̀ это въ оригиналѣ — не разскажешь! Весь монастырь, впрочемъ, нѣчто чрезвычайно замѣчательное, и постройка очень древняя. Кромѣ того, былъ у Морелли, — европейская знаменитость. Какъ тебѣ сказать? Разумѣется, тебѣ можно — мы тоже кое-что можемъ... (особенно я видѣлъ его портреты). Но, впрочемъ, хорошо дѣйствительно.

Что́ касается Помпеи, то заниматься такъ долго, какъ я полагалъ сначала, мнѣ нужнымъ не оказалось. На мѣстѣ, я увидалъ, что я могу только взять планы, да такъ общій характеръ; но что̀ важно, такъ это то, что я теперь дѣйствительно знаю, какъ это все надобно сдѣлать. Что я не нашелъ въ Помпеѣ готоваго къ моимъ услугамъ, такъ это къ лучшему, потому что сокращается время и расходы. Пять дней, проведенныхъ мною въ этомъ городѣ, скончавшемся 2,000 лѣтъ тому назадъ, странно и удивительно на меня подѣйствовали. Здѣсь я убѣдился, что мы—люди, и тогда были такіе же въ главныхъ чертахъ, какъ и теперь, и та разница во внѣшности, которая такъ пугаетъ сначала, ровно ничего не значитъ и дѣла не измѣняетъ. Многія учрежденія теперешнія, наши, тянутся безъ перемѣны съ тѣхъ поръ: привычка, обычаи тѣ же. Словомъ, я понялъ наконецъ, чего

недоставало. Теперь я знаю — впередъ, съ Богомъ! Ѣду въ Парижъ и принимаюсь за работу. Теперь я если напишу, то только изъ Парижа (туда и письма пиши, оставить на почтѣ poste-restante). Туда письма идутъ и скорѣе и лучше. Дай Господи, чтобы я не имѣлъ отъ васъ извѣстій дурныхъ, сохрани и помилуй васъ Богъ! А я завтра ввѣряюсь волнамъ коварной стихіи, какъ говорили когда-то поэты. Отправляюсь моремъ въ Марсель, во Франціи. Спроси у дѣточекъ, они тебѣ покажутъ на картѣ мой путь. По Средиземному морю, мимо острововъ Сардиніи и Корсики. Море чудесное, спокойное и чистое.

Передъ отъѣздомъ, нельзя не помянуть добрымъ словомъ Неаполь. Во 1-хъ, въ самомъ дѣлѣ хорошъ, а во 2-хъ, что за климатъ! Сидя въ Помпеѣ, я былъ пораженъ напѣвомъ крестьянъ-работниковъ и работницъ (убиравшихъ хлѣбъ созрѣвшій): совершенно наша русская пѣсня! Тѣ же припѣвы, то же совершенно пониженіе голоса. Но именно наши деревенскія пѣсни—новое доказательство того, какая глубокая древность у насъ тоже, только мы какъ-то ее не понимаемъ, или лучше — не думаемъ объ этомъ. Рядомъ же съ этимъ всюду слышишь постоянно аріи, точно изъ оперы, и это тоже у крестьянъ. Очевидно, что тѣ пѣсни, которыя похожи на наши, гораздо болѣе древней формаціи. Но что за ночи! Я ребенкомъ помню малороссійскія ночи, о которыхъ я вздыхалъ все — вотъ онѣ, только... только еще лучше. Стало быть, впечатлѣнія дѣтства насъ не обманываютъ, и ребенокъ природу хорошо запоминаетъ. Перемѣнивъ мѣсто, я все что-то какъ будто не довѣрялъ самому себѣ. Все думалось—это такъ казалось въ дѣтствѣ, а это такъ и не было... Но нѣтъ, какъ лицо матери, дорогое и доброе, узнаешь съ перваго момента, такъ и это. Въ половинѣ 9-го часа уже темно. Тишина и тепло поразительныя, звѣздъ безъ числа, только какія-то пѣсни! Но самые итальянцы... лучше объ нихъ не разсказывать! Кругомъ и Кастелламаре, и Сорренто, и островъ Капри, и Искія, тоже островъ—все мѣста, гдѣ надобно быть каждому путешественнику... Но что дѣлать, я не путешественникъ, я права не имѣю этимъ воспользоваться, и то, что̀, такъ сказать, лежитъ на дорогѣ, чего не минуешь, дѣлаетъ точно мнѣ упрекъ. Все слышатся твои слова: «ты будешь ѣздить, не будешь скучать, новые и разнообразные предметы будутъ только доставлять удовольствіе» и прочее... Милая моя, дорогая Сонечка, истинно, истинно говорю тебѣ, какъ трудно мнѣ быть одному! Все высокое наслажденіе природою и искусствомъ оказывается горькимъ, испорченнымъ, и я не знаю, что̀ бы я далъ, чтобы дѣточки мои милыя побѣгали бы здѣсь и посмотрѣли бы, чтобы ты могла вдохнуть полной грудью покой и взять хотя часть удовольствія. Не думай, чтобы мужъ твой оказался ниже тебя и по уму, и по сердцу. Когда вспомню моихъ мальчиковъ за книж-

ками, тебя въ вѣчныхъ огорченіяхъ и хлопотахъ, то... но ты скажешь: нельзя развѣ было иначе? Можно, моя милая, только я бы жить не могъ, то-есть я не былъ бы художникомъ. Но этого и ты не захочешь сама. Я знаю, или думаю, что знаю тебя—ты честолюбива и горда. Имѣть мужа, такъ не пѣшку, а человѣка, мимо котораго нельзя проходить, не замѣчая... Но прости, моя дорогая—это глупости.

Вещи изъ коралла, о которыхъ я писалъ, завтра будутъ отосланы, не все было готово. Можетъ быть, ты найдешь, что многое не нужно—то продай. Тамъ есть: серьги, брошка, булавка для шали, булавка для волосъ, ожерелье крупное и мелкое, и гребень старой формы. Завтра еще напишу, и дѣточкамъ тоже разскажу, какъ лазилъ на Везувій, на самый кратеръ.

Твой мужъ И. Крамской.

CLIV. Къ П. М. Третьякову.

Неаполь, 28-го мая 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я сдѣлалъ глупость, и спѣшу въ ней покаяться. Въ Неаполѣ мнѣ нужно было проводника. Оказался одинъ таковой, въ видѣ молодого человѣка изъ Екатеринославля, находящагося теперь въ Неаполѣ, въ затруднительномъ положеніи. Онъ былъ учителемъ у одной русской барыни, и 4 года уже въ Италіи. Теперь барыня эта ему отказываетъ въ путевыхъ обратныхъ издержкахъ, хотя по условію это ея обязанность. Словомъ, исторія старая. Ну, такъ сей молодой человѣкъ передъ отъѣздомъ моимъ отсюда просилъ меня оказать ему услугу: если можно, рекомендовать его кому-нибудь изъ знакомыхъ, для занятій. Я говорю, что я не знаю, можетъ ли быть изъ этого какой-либо толкъ, но что я попробую дать ему просимое—не рекомендацію, потому что на это я права не имѣю, а просто, чтобы онъ узналъ тамъ-то и тамъ-то; кромѣ того, приготовилъ его ко всѣмъ неудачамъ, сказалъ, что всякій, имѣющій нужду въ людяхъ, дорожитъ тѣми, которые есть, какъ и обратно. Но онъ настоятельно просилъ позволенія отъ моего имени явиться. Извините, если явится, но этимъ только и кончится. Парень, кажется, смирный; нужда его сдѣлала, разумѣется, не тѣмъ, что̀ онъ въ самомъ дѣлѣ, а что̀ онъ въ самомъ дѣлѣ—я не знаю. Знаетъ онъ языки: французскій немного, итальянскій хорошо, англійскій тоже, учился въ гимназіи, Петербурга и Москвы не знаетъ, смотритъ порядочнымъ, но очень черенъ волосомъ и какъ-то странно разсѣянъ. Съ одной стороны, далеко не глупъ, съ другой, слишкомъ скоро соглашается со всѣмъ, что̀ ему говорятъ. Впрочемъ, что̀ же я объ этомъ распространяюсь, какъ-будто дѣло дѣлаю. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что надоѣдать вамъ не станетъ — навѣдается и уйдетъ. Еще

разъ извините, что до того себя допустилъ, но быть можетъ вы укажете ему, куда направиться.

Неаполь на меня своею декоративною стороною произвелъ пріятное впечатлѣніе. Былъ въ Помпеѣ, занимался и окончилъ скорѣе, чѣмъ полагалъ. Завтра можетъ ѣду въ Марсель, а потомъ въ Парижъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLV. Къ нему же.

Парижъ, 6-го іюня 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что замедлилъ отвѣтомъ на ваше письмо, которое исправно получилъ 4 дня тому назадъ. Я въ Парижѣ, успѣлъ уже нѣсколько осмотрѣться и могу кое-что изъ наблюденій своихъ даже сообщить.

Начну съ ближайшихъ интересовъ—искусства. Наши пенсіонеры Рѣпинъ и Полѣновъ меня не обрадовали, да и сами они не радуются въ Парижѣ. И тотъ и другой уѣзжаютъ скоро (въ іюлѣ) въ Россію, что́ везутъ—увидите. Что́ касается Рѣпина, то онъ не пропалъ—а захирѣлъ, завялъ какъ-то; ему необходимо воротиться, и тогда мы опять увидимъ прежняго Рѣпина. Все, что́ онъ здѣсь сдѣлалъ, носитъ печать какой-то усталости и замученности; видно, что не было настоящаго интереса въ работѣ. Полѣновъ же находится еще въ потемкахъ, и не достаточно проснулся; при томъ, такъ какъ онъ плохо учился, а можетъ быть и не могъ лучше, то все сдѣланное имъ—почти слабо, въ колоритѣ же онъ нѣсколько успѣлъ. Савицкій не двинулся ни на волосъ, и тоже уѣзжаетъ; говоритъ, что Россія ему дастъ теперь то, что̀ онъ ищетъ. Всѣ ищутъ! но мало обрѣтаютъ—общая участь. Харламовъ....... впрочемъ, я завистливъ и потому несправедливъ, та̀къ вы и принимайте. Портретъ Тургенева въ «Салонѣ» мнѣ не понравился, можетъ быть, потому, что онъ въ Салонѣ. Мнѣ показалось, что Рѣпина портретъ не такъ уже дуренъ. Каждый въ своемъ родѣ имѣетъ и достоинства, и недостатки — и одинъ другого стоитъ. Маковскій (Константинъ) дебютировалъ въ Салонѣ своимъ «Перенесеніемъ ковра» и....... обидѣлся, что его не замѣтили. Мнѣ кажется (а можетъ быть я и ошибаюсь), что никто здѣсь изъ русскихъ не догадывается о настоящей причинѣ, почему ихъ не замѣчаютъ; они даже какъ будто не понимаютъ этого: всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, что это потому, что слишкомъ уже велика численность экспонирующихъ. Это справедливо только отчасти, настоящая же причина лежитъ въ другомъ мѣстѣ. Въ Салонѣ обращаетъ на себя вниманіе или что-либо дерзкое до неприличія, съ какой нибудь стороны: со стороны ли сюжета, или живописи, или абсурда (это

и замѣтятъ какъ таковое), или дѣйствительная правда, или даже попытка къ ней, кàкъ малъ процентъ послѣдняго — такъ это удивительно! Признаюсь—не ожидалъ. Мнѣ сдается, что всѣ принимаютъ дробь, напримѣръ $^{1570}/_{3000}$, бóльшею, чѣмъ $^{1}/_{2}$, потому что тамъ цифры больше; а не догадываются привести ихъ къ одному знаменателю, перевѣсъ оказался бы не такъ великъ. Во всемъ «Салонѣ» въ числѣ почти 2,000 №№ наберется вещей, дѣйствительно хорошихъ и пожалуй оригинальныхъ—15, много 20; остальное—хорошее, 200 №№ будетъ все избитое, извѣстное и давно получившее право гражданства, словомъ, пережеванное. Это обыкновенный европейскій уровень—масса. Остальное плохо, нахально, глупо, или вычурно и крикливо. Скульптура — на высокой степени техники, движеній тьма (театральныхъ), но нерва—не замѣтилъ. Говорятъ, что варвары и провинціалы все ругаютъ, когда попадаютъ въ столицу. Это правда вообще, но неправда относительно меня—такъ какъ я только въ 1-й разъ еще говорю и ругаюсь, и то въ письмѣ къ вамъ, а здѣсь веду себя прилично, и даже скромничаю, все нахожу прекраснымъ и всѣмъ восторгаюсь—словомъ, подличаю. Встрѣтилъ Верещагина, потолковали, чайку попили, позавтракали—и розошлись довольные другъ другомъ. Онъ пишетъ какія-то картины огромнаго, колоссальнаго размѣра, для которыхъ, какъ онъ говоритъ, нужны будутъ площади. Обѣщался сказать, когда будетъ можно видѣть. Напишу, если увижу. Говорятъ, Бонâ написалъ портретъ дочери Полякова—удивительный!.. за... за... не выговорить за—200,000 франковъ! Умиляюсь и завидую! Вотъ что значитъ Европа — т. е. Парижъ. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что портретъ превосходный..... т. е. фигура, платье, рельефъ...... колоритъ, и...... похожа? Да, конечно, похожа! Не видалъ, но завидую. Говорятъ также, что его «Борьба Іакова съ Богомъ», находящаяся въ «Салонѣ», тоже вещь....... удивительная....... Видѣлъ, но не понялъ! т. е. не удивился. Знаете, какъ-то странно видѣть сіяющія лица и восторженные возгласы—вещамъ—когда только что видѣлъ Веласкеса въ Римѣ—портретъ папы, и Рибейры «Положеніе во гробъ»,—въ Неаполѣ, въ монастырѣ св. Мартина. Странные люди, странное время! А чтò тутъ говорятъ по поводу портретовъ Каролюсъ-Дюрана, который въ настоящее время въ Петербургѣ и выписанъ Половцевымъ. Говорятъ, что косвенно для снятія портретовъ съ лицъ высокопоставленныхъ. А мастеръ и талантливъ—говоря по совѣсти; вы, вѣроятно, его знаете, т. е. работы его. Но все же таки опять немножко рискованно считать альфой и омегой—теперь, когда 300 лѣтъ тому назадъ было кое-что. Здѣсь, я вижу, крѣпко засѣло убѣжденіе въ томъ, что въ Парижѣ теперь есть настоящее величіе. Ну, и пусть ихъ!

Хорошаго много, учиться есть чему (хотя съ разборомъ), самолюбіе и

жажда денегъ дѣлаютъ всѣхъ лихорадочно трудолюбивыми; но.... право же не стоитъ заниматься искусствомъ, чтобы доказать, что можно кистью ворочать милліонами—слишкомъ дорогая игрушка! Никому нѣтъ дѣла до цѣлей и задачъ искусства..... да и гдѣ онѣ, эти цѣли и задачи? Не вѣрятъ имъ больше. Такъ лучше! Господствующіе взгляды и тенденціи, т. е. отсутствіе ихъ, возведено авторитетами въ принципъ....... весь свѣтъ вторитъ этому, и какъ не свихнуться, когда всѣ въ одинъ голосъ орутъ одно и то же. Голова не вмѣщаетъ всего; нужно имѣть, я не знаю, какую голову, чтобы она не закружилась. Говорятъ: поживите—втянетесь, и вы сами перемѣните ваши взгяды. Мало ли чего не бываетъ, но вѣдь и первыя впечатлѣнія по какимъ-нибудь законамъ, Господомъ Богомъ установленнымъ, получаются? Вѣдь имѣютъ же они какое нибудь основаніе? И еслибы это у одного, а то у множества, первое впечатлѣніе извѣстнаго оттѣнка...... и никто на это вниманія не обращаетъ!.. Впрочемъ, извините, все это старо и мало интересно. Довольно объ этомъ.

Антокольскаго—«Смерть Сократа»—вещь хорошая; а Семирадскаго—«Христіанскіе свѣточи»—это и есть «Неронъ».

Адресъ мой: Paris—Rue de Rome, № 95, въ мастерской Боголюбова. Онъ уѣзжаетъ надняхъ, на лѣто, то я взялъ пока его мастерскую и комнату и работаю офортъ Наслѣдника. До осени буду здѣсь, а послѣ переберусь за-городъ работать.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CLVI. Къ Ѳ. Ѳ. Петрушевскому.

Парижъ, 9-го іюня (новаго стиля) 1876 г.

Многоуважаемый Ѳедоръ Ѳомичъ. На этотъ разъ я не обманулъ вашихъ предположеній. Я дѣйствительно въ Парижѣ, куда, можно сказать, только что пріѣхалъ, и нашелъ на почтѣ ваше любезное письмо. Еслибы не скорое закрытіе Салона (выставки), то я еще просидѣлъ бы въ Неаполѣ, то есть въ Помпеѣ. Изъ Петербурга я направился на Вѣну, Тріестъ, въ Римъ, гдѣ и пробылъ больше, чѣмъ полагалъ; оттуда въ Неаполь, для занятій въ Помпеѣ. Какъ вамъ извѣстно, я не попалъ на Востокъ, и главнымъ образомъ, благодаря письму консула о напряженности состоянія на Востокѣ вообще. Я поѣхалъ бы, не смотря на жару, потому что я не путешественникъ, избирающій наиболѣе пріятные мѣсяцы въ году, а человѣкъ работы; и потому, я съ крайнимъ сожалѣніемъ долженъ былъ отказаться отъ Востока—пока. Другая часть матеріала лежитъ въ Помпеѣ и въ національномъ Неаполитанскомъ музеѣ. Мнѣ удалось кое-что собрать

довольно скоро, такъ что я даже могъ поторопиться застать выставку въ Парижѣ, которая закрывается 15-го іюня. Судя по картѣ, насъ раздѣляетъ дѣйствительно небольшое пространство земли, и если принять Европу Петербургомъ, то ваше сравненіе выйдетъ совершенно вѣрно, относительно близости сосѣдства. А прочитавъ ваше письмо, я, одну минуту, былъ въ раздумьѣ—не махнуть ли мнѣ въ Лондонъ? Болѣе удобнаго случая мнѣ не дождаться, разумѣется; но по нѣкоторомъ размышленіи долженъ былъ остаться. Я устроился въ Парижѣ: Paris, rue de Rome, № 95, въ мастерской Боголюбова, который завтра или послѣ-завтра уѣзжаетъ на лѣтніе этюды.

Если я не ошибаюсь, то здѣсь, въ Парижѣ, находится проѣздомъ въ Америку Менделѣевъ.

Парижскія художественныя новости очень интересны, но... падать въ обморокъ не слѣдуетъ. Увидавъ Салонъ, я беру назадъ сдѣланное мною заключеніе 6 лѣтъ тому назадъ, когда я былъ въ Парижѣ, что въ Парижѣ нѣтъ опредѣленной школы живописи. Такъ сказать: нѣтъ, она есть, но не особенно симпатичная, а для насъ, русскихъ, и вовсе не подходящая. Со времени моего перваго посѣщенія, все здѣсь какъ-будто понизилось. (Я говорю объ искусствѣ). Все же остальное какъ было.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLVII. Къ П. М. Третьякову.

13-го (25) іюня 1876 г. Парижъ.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Письма ваши я всѣ получилъ, и тѣ, которыя были помѣчены poste-restante, и одно на имя Боголюбова, съ передачею мнѣ, что̀ было совершенно не нужно, такъ какъ я нахожусь здѣсь одинъ, Боголюбова же нѣтъ совсѣмъ и не скоро будетъ, а до того времени я владѣлецъ его мастерской. Вы удивляетесь, что я занимаюсь однимъ и тѣмъ же нѣсколько разъ, портретомъ Наслѣдника; но на это есть причины довольно основательныя. Я уже, кажется, говорилъ вамъ, что думаю сдѣлать офортъ, вотъ теперь и дѣлаю. Почему? Да потому, что я хочу сдѣлать все зависящее отъ меня лично, чтобы имѣть возможно бо̀льшее обезпеченіе. Портретъ Наслѣдника, изданный гравюрой, можетъ дать порядочный доходъ (каковъ практикъ!) Вещи подобнаго рода не даютъ убытка, а такъ какъ мнѣ предстоятъ расходы—и расходы значительные, то... и т. д. Словомъ, подкладка некрасивая, но я рѣшился на это по многимъ соображеніямъ, а разъ рѣшившись, употреблю всѣ средства, допускаемыя моимъ образомъ мыслей. Кромѣ того, время именно теперь только и есть у меня,

пока я занимаюсь языкомъ и пока дѣлается переводъ одной книги для меня съ итальянскаго (книга очень большая, въ 45 печатныхъ листовъ), и пока я найду для себя помѣщеніе, отвѣчающее моимъ намѣреніямъ, чтò будетъ не раньше конца августа или начала сентября, годовые сроки мастерскимъ; потому что здѣсь, не смотря на громадное ихъ количество, найти въ другое время года нѣсколько затруднительно. Видите, сколько причинъ дѣлать это дѣло.

Верещагинъ забѣгалъ уже два раза ко мнѣ, кажется такъ; а впрочемъ не знаю. Онъ мастерской еще не выстроилъ, и только что приступаетъ къ постройкѣ, а пока работаетъ въ нанятой — гдѣ? никто не знаетъ; словомъ, та же исторія. Надѣюсь узнать его нѣсколько болѣе и изъ миѳическаго лица превратить для себя въ реальное. До сихъ поръ я только убѣдился, что онъ во многихъ вещахъ просто избалованный ребенокъ, однакожъ не такой, чтобы не знать цѣну деньгамъ. Словомъ, его практичность совершено особаго рода, и я теперь, болѣе чѣмъ прежде, убѣждаюсь, что это художникъ послѣдней геологической формаціи. Чтò онъ работаетъ? Этого не узнаешь, или по крайней мѣрѣ я не знаю опредѣленно, чтò именно; онъ обѣщаетъ, правда, мнѣ кое-что показать, но когда, я не знаю. Когда же я буду знать, то будете знать и вы.

Относительно всей французской живописи я не могу сказать, чтобы она мнѣ не понравилась — это будетъ слишкомъ, но только нужно условиться въ точкѣ зрѣнія. Уровень достоинствъ очень высокъ, но только это уровень традицій. Оригинальнаго же, самостоятельнаго взгляда, такъ сказать субъективнаго (чтò всего дороже въ художникѣ), такого, который бы не былъ старымъ блюдомъ, только разогрѣтымъ, почти нѣтъ, исключая маленькой кучки людей (около 15 человѣкъ), такъ называемыхъ «импрессіоналистовъ». Но всѣ ихъ вещи не выходятъ пока изъ области попытокъ. Несомнѣнно, что будущее за ними, только... когда оно наступитъ — я не знаю. Французъ ничего не можетъ сдѣлать просто, ему нужно непремѣнно ломаться. Положимъ, у нихъ у всѣхъ ясно до рѣзкости намѣреніе дѣлать такъ, ка̀къ кажется, но за то есть между ними наиболѣе прославляемые такіе, которые приближаются по наивности къ моему сыну, въ масляныхъ краскахъ. Допустите, что я чуточку преувеличиваю, чтобы сильнѣе характеризировать, и вы будете имѣть почти настоящее представленіе. Ужъ если на то пошло, то я утверждаю, что нѣтъ болѣе настоящихъ импрессіоналистовъ, какъ мы русскіе, начиная съ Тропинина, вплоть до начинающаго мальчика, въ школѣ живописи, въ Москвѣ. И я не даромъ переношу это начало въ Москву: въ Петербургѣ еще есть традиціи, а ужъ въ Москвѣ совсѣмъ ихъ не видать. Словомъ, на этомъ пунктѣ сходятся: старѣющееся общество — съ варварствомъ, одно въ силу отрицанія изолгав-

шагося искусства, другое въ силу круглаго невѣжества. Съ одной стороны 40-лѣтніе парни, изношенные и безсильные передъ задачами природы, дѣлающіе умышленно курьезные опыты, съ другой — наивные и смышленые мальчики. Еслибы можно было предохранить ихъ отъ разлагающаго вліянія, напримѣръ, жизни такъ называемой иностранной живописи! Я очень радъ, что я попалъ въ Парижъ теперь, когда могу наблюдать это любопытное броженіе.

Что касается Каролюса-Дюрана, то я очень хорошо знаю, что это такое; я уже много видѣлъ его произведеній и могу себѣ представить, что это такое. Но долженъ сказать, что это человѣкъ съ огромнымъ талантомъ внѣшнимъ и что Бона передъ нимъ и глупъ, и грубъ (ого! каково!). Говоря серьезно, Бона — человѣкъ ограниченный. Портрета его, m-lle Поляковой, мнѣ видѣть не удастся до зимы.

Если нѣтъ у васъ причинъ, совершенно личныхъ, къ отказу Товариществу въ его просьбѣ, то я просилъ бы васъ позволить повезти нѣкоторые портреты, все равно какіе. При этомъ сообщу вамъ новость (если вы ея еще не знаете), что мой «Пасѣчникъ»—собственность Солдатенкова, и не пропадалъ!!! Каково! Онъ просто находился себѣ преспокойно въ кладовой, гдѣ его нашелъ тотъ же И. И. Шишкинъ! Что касается Тургенева, то... какъ бы вамъ это выразить — теперь мнѣ даже какъ-то не хочется его писать. Мнѣ кажется, что имъ ужъ очень много занимаются, и потомъ я вижу теперь, что его портреты всѣ одинаково хороши и что ничего новаго не сдѣлаешь. Объ картинѣ Полѣнова (я ее еще засталъ здѣсь) скажу, что въ фотографіи она лучше, но все-таки это лучшая его картина до сихъ поръ. Это — баринъ, медленно просыпающійся, и, вѣроятно, изъ него выйдетъ что-нибудь опредѣленное, но когда?—не берусь предрѣшать.

Вполнѣ вамъ сочувствую въ той скорбной нотѣ, что вы покидаете Кунцово и бесѣду съ природой и должны ѣздить въ городъ ежедневно. Знаю также, что мѣсто раскрываетъ всѣ свои поэтическія стороны только послѣ очень и очень продолжительнаго знакомства. Какъ видите, мѣста для засвидѣтельствованія моего уваженія Вѣрѣ Николаевнѣ осталось очень немного, но увѣрьте, что еслибы его было и больше, оно не могло бы вмѣщать болѣе значительнаго содержанія. Дѣтямъ и всѣмъ вашимъ низко кланяюсь. Уважающій васъ И. Крамской.

CLVIII. Къ С. Н. Крамской.

Парижъ, 14-го іюня 1876 г.

Милая моя, дорогая жена... Вотъ что я тебѣ разскажу. Верещагинъ (ташкентскій) здѣсь теперь, забѣжалъ дней 5 тому назадъ ко мнѣ, ну

то, другое, какъ вдругъ онъ спрашиваетъ: «Я слышалъ, у васъ семья большая?»—«Да, 6 человѣкъ дѣтей».—«Ай-ай!» и руками закрылъ лицо! «Ну какъ же вы дѣлаете? Вы въ Академіи?»—«Нѣтъ!»—«Да позвольте, какъ же такъ? Что же ваша жена говоритъ?» Отвѣчаю: «Моя жена и 6 человѣкъ дѣтей слѣдуютъ за мной съ завязанными глазами, и какіе бы я выкрутасы ни выдѣлывалъ, вѣрятъ мнѣ и идутъ за мной...»—«Послушайте, да вѣдь это удивительно? Вы счастливецъ!..»—«А вы бы думали какъ! То-то и есть, что меня Господь Богъ помиловалъ, за что—ужъ не знаю, но это такъ... Словомъ, я понимаю ту игру, въ которую я играю, это-то и меня самого пугаетъ...»

Разскажи мнѣ, милая, какъ и что было съ Марочкой—тò-же отдѣленіе бѣлка, или что другое? и какъ онъ бѣдный себя держалъ! Видишь, онъ очень на меня похожъ, такъ похожъ, что мнѣ хотѣлось бы по немъ представить себя, какой я былъ маленькимъ? Я уже многое забылъ, а тутъ точно переживаешь далекое дѣтство свое собственное. Вѣдь почему мнѣ объ экзаменахъ дѣтей было нужно знать? Вѣдь я помню живо то страшное время, когда бывало выходишь на экзаменъ—кровь въ виски стучитъ, руки дрожатъ, языкъ не слушается, и то, чтò хорошо знаешь — точно не знаешь, а тутъ очки, строгія лица учителей; ну, словомъ, когда дѣточки мои должны были экзаменоваться, я страдалъ,страдалъ больше ихъ; должно быть, и Богъ знаетъ чего бы я не далъ, чтобы имѣть силу избавить ихъ отъ этой муки. А въ концѣ концовъ, эти страданія выработываютъ характеръ. Помню, какъ бывало у меня кулачонки сжимались отъ самолюбія, и я твердо рѣшался выдержать и не осрамиться.

...Я тебѣ писалъ, кажется, что я началъ офортъ, работаю не по вечерамъ, а сплошь, постоянно, но доска страшилищная, не поворотишь, и мы тутъ вздумали съ К. А. Савицкимъ сами ее загрунтовать и закоптить: нужно было видѣть, какъ мы закоптили квартиру Боголюбова (тогда еще онъ не уѣзжалъ), его не было дома, а когда онъ воротился ночью, уже ничего не было и я спалъ; потомъ дня 4 чертилъ контуръ и протравилъ. Савицкій прислалъ не ту кислоту, ну, дѣло вышло не хорошее, кислота не та, мало травитъ и у меня ничего не вышло. Долженъ былъ на-ново начинать исторію. Ты только этого ничего не говори, когда его, Савицкаго, увидишь: онъ собирается въ Россію. Рѣпинъ и Полѣновъ тоже. Если дѣло умно повести, то офортъ Цесаревича можетъ кое-что дать. Я буду печатать не съ доски, а сдѣлаю гальванопластикой нѣсколько клишѐ—тогда можно хоть 10.000 экземпляровъ. Это знаешь чѣмъ пахнетъ?

Я потому принялся прежде всего за офортъ, что другого пока и нельзя—занимаюсь языкомъ, чтобы можно было рыться въ библіотекѣ, и отдалъ переводить одну книгу съ итальянскаго языка. Ея нѣтъ на другомъ, а

книга нужная, будетъ стоить около 400 рублей, и огромная. Положимъ, я думаю, деньги ворочу, предложу Солдатенкову, такъ какъ онъ издаетъ подобныя вещи и платитъ за переводы, а можетъ быть и нѣтъ, тогда дѣло неважно. Изъ Италіи пріѣхали Буткевичъ и Ковалевскій, три дня тому назадъ, Ковалевскій изъ Рима, а объ письмахъ—ни слуху, ни духу. И одни, или еще кто-нибудь? Пріѣхалъ ли въ Петербургъ Антокольскій? Онъ мнѣ нуженъ, я хотѣлъ кое-что написать ему объ выставкѣ, именно то, что ему нужно. Да гдѣ онъ теперь—не знаю. Вѣдь онъ ѣдетъ, а останавливается не надолго. Словомъ, если увидишь, передай ему это. Кланяйся всѣмъ, завтра буду писать Шишкину...

Мужъ твой И. Крамской.

CLIX. Къ Ѳ. Ѳ. Петрушевскому.

Парижъ, 17-го іюня 1876 г.

Многоуважаемый Ѳедоръ Ѳомичъ. Письмо ваше доставило мнѣ большое удовольствіе и интересъ, и я вамъ глубоко благодаренъ за него. Сожалѣлъ объ одномъ, что я одинъ и не съ кѣмъ было раздѣлить удовольствіе чтенія, особенно того мѣста, гдѣ вы описываете отдѣлъ выставки ученыхъ предметовъ—археологическій. Вотъ, думалъ себѣ, что̀ значитъ знать предметъ и любить его,—посмотрите, какъ рельефно изъ строчекъ письма выглядываютъ первые: насосы, телескопы, часы, паровозы и т. д., и т. д., и ихъ великіе авторы, просто прелесть! У меня у самого забилось сердце, какъ у молодого человѣка, только что начинающаго свой трудный научный путь; только мнѣ не дано обстоятельствами знаніе—лучшее, чѣмъ человѣкъ можетъ обладать въ жизни. Я всегда, съ ранней юности, съ завистью взиралъ на людей науки, а теперь зависть хотя и улеглась съ лѣтами, но уваженіе и любовь къ наукѣ остались, какъ сожалѣніе о чемъ-то, окончательно утраченномъ. За эту часть письма я вамъ особенно благодаренъ, и скажу—не напрасно объ этомъ распространялись. Конечно, мнѣ это знакомо, но знакомо по наслышкѣ; передъ вещами подобнаго рода я просто нахожусь съ разинутымъ ртомъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе невѣжества, но люблю это просто—инстинктивно. Въ самомъ дѣлѣ, ка̀къ не удивительно и ка̀къ не интересно, когда существуетъ приборъ, какъ вы говорите, единственно качественнаго характера, назначенный только для доказательства явленія: просто голова закружится отъ ежеминутно готовыхъ совершиться открытій, хотя и не предусматриваемыхъ еще! Читая ваше письмо, я чувствую, что наука идетъ впередъ, захватываетъ все бо̀льшее и бо̀льшее пространство, по многимъ отдѣламъ близка уже къ обоб-

щеніямъ и выводамъ, тогда какъ искусство, захваченное въ настоящій свой моментъ выставкой въ Парижѣ, не возбуждаетъ и сотой доли того трезваго чувства удовольствія, которое способны вызвать положительные результаты. Въ наукѣ есть вѣра, есть положенія, обязательныя для всякаго адепта, есть цѣль, неоспариваемая никѣмъ изъ людей преданныхъ ей — словомъ, тамъ есть коллективныя усилія, которыя одни способны создавать волны внушительнаго объема и высоты, тогда какъ въ искусствѣ — все индивидуально, ничто не обязательно, и отсутствіе идеаловъ — полное.

Я только что проѣхалъ Италію, видѣлъ древнее греческое искусство въ остаткахъ и обломкахъ, видѣлъ искусство Возрожденія въ богатыхъ собраніяхъ, и въ обѣихъ группахъ — присутствіе общей руководящей идеи, какъ будто люди сговаривались и шли въ ногу по одному направленію, и потому-то между сотнями талантовъ являлись счастливцы, которымъ удавалось связать въ узелъ бродившіе по мелочамъ историческіе моменты общественной жизни. Во всѣхъ родахъ есть вершины, способныя отшибить охоту къ безплодному занятію, потому что теперь центръ тяжести уже передвинулся, и то, что̀ было хорошо и необходимо тогда, не годится теперь, а вслѣдствіе этого и дорожка, по которой шли тѣ люди, окончательно заросла и всѣ традиціи утрачены за ненадобностью. Что̀ же нужно и куда идти теперь? Кто̀ это знаетъ? А если кто и знаетъ или хотя догадывается—ка̀къ устоять въ общемъ теченіи, гулѣ и рукоплесканіяхъ, которыя сыплются на него со всѣхъ сторонъ. Ка̀къ не свихнуться, когда весь свѣтъ кричитъ:—«Подай мнѣ то или вотъ это, и вотъ тебѣ за это 200—300 тысячъ—только ублажи, не умничай!» Въ самомъ дѣлѣ, возьмите что̀ хотите: такъ называемый «высокій родъ»—историческій или религіозный родъ—есть какія-то жалкія лохмотья, подобранныя въ академическихъ корридорахъ; портретъ—позировка, туалетъ, шумъ, блескъ и, завѣдомо для обѣихъ сторонъ, самое скромное сходство; «жанръ»—женщины, женщины и женщины во всѣхъ видахъ, исключая настоящаго. Думаешь себѣ: что̀ же, хотя пейзажъ? Этотъ нейтральный, безобидный родъ, никому не нужно его искажать, и здѣсь должно встрѣтить наиболѣе простого отношенія къ дѣлу? Къ сожалѣнію, и здѣсь есть признаки, что растеніе зачахнетъ, чего добраго, такъ какъ сосѣди неблагонадежные.

Скульптура—на высокой степени техники, не больше, но содержанія—немного. Совсѣмъ нѣтъ, я готовъ сказать. При томъ, послѣ «Моисея»—Микель-Анджело, портрета Веласкеса въ палаццо... кажется, Дорія... и «Положенія во гробъ» Рибейры, въ монастырѣ с. Мартина, въ Неаполѣ, неудивительно, что не встрѣчаешь равныхъ величинъ. Да и куда ужъ тутъ равныхъ, хотя бы скромныхъ и простыхъ! Оказывается, что почти на 2000 №№

однѣхъ картинъ, исключая рисунковъ, акварелей и скульптуръ, картинъ 15 (а 20 много) такихъ, въ которыхъ бьется какое-нибудь чувство, или (рѣже всего) идея... Я говорю о такихъ, которыя представляютъ несомнѣнное чувство, самостоятельное впечатлѣніе, а такихъ, которыя можно принять по неопытности за таковыя — множество. Тутъ на все мода. Напримѣръ, въ этомъ году кто нибудь обратилъ на себя вниманіе этюдомъ, положимъ, гитаристки уличной. На будущій годъ весь «Салонъ» будетъ увѣшенъ гитаристками всѣхъ возможныхъ родовъ, и часто исполненныхъ хорошими художниками, и такая картина, какъ напримѣръ Coton (кажется), гдѣ представленъ обрядъ сожиганія рабовъ en masse въ Египтѣ древнемъ, когда ихъ въ цѣпяхъ тащатъ слонами и потомъ толкаютъ въ пасть сфинкса, у котораго внутри печка, не найдетъ разумѣется подражателей. Хотя идея, какъ идея, стоила бы того, чтобы заняться, да и самъ авторъ еще молодой, очень молодой, человѣкъ не умѣлъ распорядиться картиной, и разумѣется, когда выростетъ, не будетъ такъ глупъ, чтобы писать вещи, въ которыхъ есть идея.

Что̀ касается техники живописи вообще, то въ этотъ разъ я очень радъ, что засталъ «Салонъ». Онъ пополнилъ пробѣлъ въ моихъ понятіяхъ о французской школѣ, которыя я вывезъ изъ-заграницы еще въ 69 году. Мнѣ казалось тогда, что Франція занята исключительно исканіемъ новаго въ живописи (технической) и что каждый нарочито старается во что бы то ни стало не походить ни на кого. Теперь я беру это назадъ и говорю: правда, во Франціи эта струнка есть, но настолько же, какъ и вездѣ, и что, напротивъ, вся школа какъ-то окрашена однимъ тономъ, такъ что попадающія картины изъ Мюнхена, напримѣръ, сейчасъ выдѣляются. А въ Мюнхенѣ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь сидитъ школа. И такъ, качество оригинальности такъ же рѣдко въ Парижѣ, какъ и въ другомъ мѣстѣ. Не замѣчаете ли вы здѣсь противорѣчія у меня съ самимъ собою? Раньше я вздыхалъ объ отсутствіи руководящихъ какихъ-то началъ, а теперь, наткнувшись на нихъ, сожалѣю о томъ, что не очень гоняются за оригинальностью? Это всеобщая участь художниковъ: гдѣ нѣтъ ничего вѣрнаго, доказаннаго, тамъ и рѣчь страдаетъ логикой. Хотя у меня эти кажущіяся противорѣчія уживаются и не суть противорѣчія, потому что принадлежатъ разнымъ сторонамъ искусства. Полагаю, что для васъ эта оговорка была лишнею — а потому вы великодушно меня извините за нее.

Теперь пора коснуться моего рѣшенія пріѣхать въ Лондонъ, или нѣтъ. Въ первомъ письмѣ я сказалъ, что пропускаю случай — вы въ моментъ поймете мое колебаніе, когда узнаете, что я съ чего-то себѣ вообразилъ, что вы знаете англійскій языкъ. А такъ какъ мнѣ извѣстно, что въ Лондонѣ нечего соваться одному безъ знанія языка, то я и обрадовался слу-

чаю воспользоваться такимъ превосходнымъ гидомъ. Но теперь, разумѣется, дѣло еще болѣе усложняется, и я буду ждать оказіи здѣсь въ Парижѣ, чтобы осмотрѣть Лондонъ, а оставаясь на зиму, я надѣюсь, что судьба будетъ ко мнѣ благосклонна. Изъ новостей здѣшнихъ, мнѣ наиболѣе интересныхъ, я сообщилъ, а что касается до нашихъ пенсіонеровъ, то они не сдѣлали ничего особенно утѣшительнаго и оставляютъ Парижъ, въ надеждѣ поправиться въ Россіи. Впрочемъ, изъ русскихъ художниковъ заграницей только одинъ Антокольскій выдѣляется: онъ вылѣпилъ прекрасную фигуру «Смерть Сократа». «Христосъ» же его меня не особенно тронулъ. Полагаю, что письмо мое еще застанетъ васъ въ Лондонѣ.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLX. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 9-го іюля 1876 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Въ Неаполѣ я не оставался долго по двумъ причинамъ. Во-1-хъ, все, что мнѣ можно было взять для себя, я взялъ въ 10 дней, для остальнаго запасся фотографіями, а во 2-хъ, надо было поторопиться повидать «Салонъ», который я ни разу не видалъ, а чтобы имѣть понятіе о французской школѣ вполнѣ—видѣть мнѣ его непремѣнно хотѣлось. И видѣлъ. Пошелъ я туда одинъ, нарочито. Подходя, уже чувствовалъ состояніе, близкое къ тому, которое испытываетъ маленькій провинціальный чиновникъ, вызванный по дѣламъ службы «для личныхъ объясненій»—особою. Взошелъ скромно, чтобы не сказать смиренно. Вѣдь это, думаю себѣ, мѣсто, откуда вчера еще никому неизвѣстные люди, чрезъ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль, становятся европейскими знаменитостями. Знать имена ихъ становится обязательно всякому мало-мальски грамотному человѣку, а не знать ихъ—значитъ встрѣтиться съ поднятыми бровями, какъ бы говорящими: «откуда этотъ человѣкъ?» Итакъ, я взошелъ скромно, и чтобы не заслужить названіе русскаго верхогляда, который изъ деревни пріѣдетъ, ни на что порядочно не взглянетъ и только швыряется, я самымъ добросовѣстнымъ образомъ сталъ разсматривать каждый №. А! каждый № изъ 2000 №№! Пересмотрѣлъ все: всѣ аллегорическія, миѳологическія, библейскія, сказочныя, легендарныя, пророческія сочиненія, вещи, мимо которыхъ обыкновенно всѣ пробѣгаютъ у насъ — если паче чаянія кто-нибудь выставитъ (не смотря ни на какія достоинства рисунка и живописи), потомъ всѣ голыя тѣла, принявшія псевдонимы, чтобы войти въ собраніе, головки, ни на одну живую голову не похожія, словомъ, я такъ добросовѣстно старался, что только-только прошелъ живопись къ 6-ти часамъ, когда уже выгоняютъ, и тутъ только

спохватился: Да что-жъ это такое значитъ? Да какое же мнѣ, наконецъ, до этого дѣло было? Точно я никогда не видалъ ни выставокъ, ни собраній и оріентироваться не могу? Вѣдь, наконецъ, я держалъ себя съ большимъ достоинствомъ въ галлереяхъ Боргезе и Дорія, словомъ, всюду, имѣя дѣло съ именами, пользующимися 200—300 лѣтъ извѣстностью!.. Вотъ какова сила Парижа! И мы протягиваемъ послушно свои головки, умиленно принимаемъ ласки, которыя достаются на нашу долю отъ господъ (если еще достаются!). Нужно сказать, что уровень очень высокъ, но надо условиться, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ уровнемъ. Если разумѣть подъ нимъ умѣнье распоряжаться картинностью, массами свѣта и тѣней, гармоніей тоновъ, то дѣйствительно оно оказывается на столько распространеннымъ, что всякая посредственность владѣетъ этимъ, сравнительно, въ совершенствѣ; но если разумѣть уровнемъ передачу дѣйствительности просто, непосредственно, безъ рефлекса отъ кого-нибудь, безъ рафинированія стараго блюда, то количество такихъ вещей, во всемъ Салонѣ, оказывается очень незначительнымъ, и процентное содержаніе здѣсь такъ же мало, какъ гдѣ хотите. Оговорюсь, такъ какъ это необходимо. Вся Европа признаетъ (а у насъ и подавно), что Франція самая живая страна, народъ, отъ котораго ждутъ всегда и во всемъ почина, проложенія новыхъ путей и т. д., и т. д. Это все такъ... но мы, русскіе, имѣемъ какую-то странную особенность, должно быть... хорошо ли это или нѣтъ, я не рѣшаю, но намъ отдѣлаться отъ этого невозможно. Чего мы ищемъ (если ищемъ)? Положимъ, портретъ (не подумайте только, что я говорю, потому что считаю свое дѣло наиболѣе значительнымъ, дальше я дамъ и этому свое мѣсто), и такъ портретъ,—самые талантливые представители у французовъ даже не ищутъ того, чтобы человѣка изобразить наиболѣе характерно, чтобы не навязывать данному человѣку своихъ вкусовъ, своихъ привычекъ; и это не только теперь, въ настоящее время, а возьмите всѣхъ французовъ прежнихъ и нынѣшнихъ—этой черты, ярко обозначенной, нѣтъ. Да этого нѣтъ и въ самомъ обществѣ, очевидно. Всего болѣе французъ прячетъ свою сущность. Что это? Плодъ ли долгаго историческаго существованія въ фазахъ цивилизаціи, или коренная черта племени? Я не рѣшаю ничего, я только хочу оправдать то положеніе, что мы ищемъ (если ищемъ, принимая за доказанное) другого, не того, что̀ здѣсь принято. Теперь другое: такъ называемый жанръ. Для насъ прежде всего (въ идеалѣ, по крайней мѣрѣ)—характеръ, личность, ставшая въ силу необходимости въ положеніе, при которомъ всѣ стороны внутреннія наиболѣе всплываютъ наружу. Здѣсь же... какъ бы это точнѣе выразиться?.. преобладаетъ анекдотическая сторона, и опять эта особенность вообще. Мы, положимъ, еще даже жить не начинали, у насъ нѣтъ блестящаго прошлаго, драгоцѣнныхъ тра-

дицій и того менѣе, намъ можно даже извинить, а по самодовольству и невѣжественности (придавайте какіе хотите эпитеты) мы можемъ надѣяться, какъ славянофилы, что это все у насъ будетъ; а вѣдь они прожили довольно, и образцы должны бы быть... Бретонъ? хорошо... но, знаете, одного какъ будто бы и мало... да и тотъ теперь дѣлаетъ что-то такое, чего не разберешь... Опять-таки, взявши всю школу—этого нерва не вижу. Что касается библейскихъ и другихъ исторій, то тутъ ужъ я совсѣмъ готовъ махнуть рукой, такъ какъ этотъ родъ вездѣ наиболѣе фальшивъ, и искреннихъ, убѣжденныхъ адептовъ что-то не видать.

И такъ, оказывается, нѣтъ ничего? Ну это, положимъ, неправда—есть и многое: напримѣръ, въ техникѣ усиліями наиболѣе талантливыхъ французовъ очень много сдѣлано: есть что-то нематеріальное, шевелящееся въ ихъ живописи, разъ; и потомъ, явленіе импрессіоналистовъ, этихъ смѣшныхъ и осмѣиваемыхъ людей, утверждающихъ, что все искусство изолгалось, что все фальшиво, и живопись, и рисунокъ, а тѣмъ болѣе картины, сочиненіе; надо воротиться... къ дѣтству. Знаете, это просто геніально! По моему, одна эта мысль, не какъ мысль, а какъ дѣло, даетъ всѣ права на глубокое сочувствіе и первенствующую роль. Народъ, который способенъ надъ собою дѣлать эксперименты подобнаго рода — живой народъ. Только вотъ что меня не радуетъ въ этой группѣ людей: это ихъ умыселъ. Они не просто, сердечно и наивно это дѣлаютъ, а какъ-то искусственно. Вѣдь это же взрослые люди, нѣкоторые и посѣдѣть успѣли, а наивничаютъ такъ, какъ будто имъ 12 лѣтъ. Настоящіе импрессіоналисты—это талантливые наши деревенскіе мальчики, никогда ничего не видавшіе... только они и могутъ быть импрессіоналистами.

Чувствую, что я далеко зашелъ, и мнѣ возврата нѣтъ, но извиненіемъ мнѣ можетъ служить знаете что? Тѣ старые мастера, которыхъ я только что видѣлъ. Правда, что всѣ они для меня собрались какъ будто въ одномъ, въ Веласкесѣ... То, что этотъ человѣкъ могъ, только способно отшибить охоту. Все передъ нимъ и мелко, и блѣдно, и ничтожно. Этотъ человѣкъ работалъ не красками и кистями, а нервами. Для меня никакихъ объясненій не нужно, я слышу говорящаго Веласкеса, и самымъ краснорѣчивымъ языкомъ; это—уничтожающее, другихъ выраженій не знаю. Это перестаетъ быть возможнымъ. Давно уже, еще въ 69 году, въ бытность свою заграницей, я его особенно полюбилъ и выдѣлилъ изъ всѣхъ. Теперь же, чѣмъ дальше, удивленіе все возростаетъ, именно удивленіе. Боже мой, много я знаю превосходныхъ вещей, много было художниковъ, отъ которыхъ имѣть только половину — значить заслужить очень солидную репутацію, но это что-то совсѣмъ особенное. Смотрю на него и чувствую всѣми нервами своего существа: этого не достигнешь, это не повторяемо. Онъ не

работаетъ, онъ творитъ, такъ вотъ просто беретъ какую-то массу и мѣситъ, и, какъ у Господа Бога—шевелится, смотритъ, мигаетъ даже, и въ голову не приходитъ ни рельефъ, ни рисунокъ, ни даже краски, ничего. Это чортъ знаетъ что̀ такое. Любилъ я когда-то Вандика (да у него и есть два-три экземпляра), но всегда я могъ понять, что̀ тутъ такое есть. О Рембрандтѣ и говорить нѣчего—его и теперь люблю... но Веласкесъ—далеко вонъ, за черту возможнаго — (для меня), потому что тамъ нѣчего понять, нѣчему научиться, имъ надо быть... Однакожъ надобно остановиться, а то я никогда не кончу, а вы еще затронули въ вашемъ письмѣ, чтобы я кое-что взялъ отъ него *). Нѣтъ, Владимiръ Васильевичъ, ничего у него взять нельзя, къ сожалѣнiю. Пусть берутъ другiе, если смѣлости хватаетъ... Вѣдь вотъ Реньо́, какъ будто и взялъ, и любилъ его, и восторгался имъ... да только, извините, остался французомъ. Я начинаю говорить ужасныя вещи! Лучше остановиться.

Дѣло въ томъ, что я лично дѣлаю что-то странное, до сихъ поръ все пишу какъ будто вступленiе, предисловiе — я самъ знаю, что дѣлаю не то, что́ теперь слѣдуетъ, но не могу отдѣлаться отъ юношескихъ помышленiй, и иду, какъ будто впереди у меня цѣлое столѣтiе. Сначала, давно, я думалъ формою, и только одною формою, все хотѣлось понять ее, потомъ, недавно, сравнительно, началъ обращать вниманiе на краски, и теперь, только теперь, начинаю смекать немножко, что̀ за штука такая живопись. Но и то, и другое, пока, только средства, которыми слѣдуетъ выражать ту сумму впечатлѣнiй, которая получается отъ жизни... Темно что-то, на философiю смахиваетъ! Что дѣлать, вѣроятно, и на этомъ надобно остановиться.

Вы поручаете мнѣ написать портретъ Рѣпина — еще бы, конечно, пора! Но видите, какъ все это случилось. Я его давно наблюдаю, и давно слѣжу за его физiономiей, но она долго не формировалась, что-то было все неопредѣленное... Но передъ отъѣздомъ его заграницу я уже готовъ былъ писать, и приставалъ къ нему тогда, но онъ уклонялся... да такъ и уѣхалъ, не далъ. Теперь, въ Парижѣ онъ уже совсѣмъ опредѣлился, и физiономiя его настолько сложилась, что надолго останется такою: что-то тонкое, и какъ будто на первый разъ мягкое, нѣсколько задумчивое, и въ то же время серьезное. Я присталъ опять, какъ прiѣхалъ, но онъ опять уклоняется. Судя же по нѣкоторымъ признакамъ, теперь ужъ онъ не уйдетъ,

---

*) В. В. Стасовъ писалъ восторженныя похвалы Веласкесу и совѣтовалъ Крамскому близко изучить его, послѣ того какъ видѣлъ въ Берлинѣ, въ 1885 году, одинъ изъ величайшихъ его chefs-d'oeuvre'овъ, портретъ, въ ростъ, итальянскаго генерала Александра Борро. *Ред.*

по крайней мѣрѣ мнѣ медлить нельзя — Богъ знаетъ, что впереди! Вѣроятно, напишу. А ѣдетъ онъ скоро, и везетъ картину. Что вамъ сказать вообще? Какъ мнѣ показалось, онъ здѣсь немножко какъ будто завялъ, точно растеніе въ жаркую пору. Онъ ни на волосъ не погибъ, но и не сдѣлалъ того, что онъ можетъ и что мы въ правѣ отъ него ждать. Картина его «Садко» (а только объ ней и можно говорить, потому все остальное ниже ея) вещь очень интересная, бездна фантастическаго во всемъ водномъ царствѣ, фигуры красавицъ (исключая передней, которая, по моему, неудачна по вымыслу) чрезвычайно оригинальны, нѣкоторыя превосходны. «Чернявка» понята именно такъ, какъ слѣдуетъ, но самъ Садко еще не конченъ, и потому, вѣроятно, неудовлетворителенъ; онъ собирается его написать въ Россіи. Одно жаль, картина такъ сочинена, что кажется тѣсною. Но это первое, что мнѣ бросилось больше всего въ глаза, какъ пріѣхалъ, теперь же я привыкъ и начинаю мириться, да и онъ какъ-то помогъ этому фономъ. Словомъ, картина добрая. Впечатлѣнія же она не произведетъ очень большаго на нашу публику — не знаю, почему мнѣ это кажется, хотя это будетъ и несправедливо, если это случится.

Что касается компаніи, имѣющей образоваться въ Академіи изъ Прахова, Якобія и Семирадскаго *)... то я не особенно печалуюсь; еще есть кое-что и на нашей сторонѣ, еще и мы не всѣ силы пускали въ ходъ, у насъ есть еще рессурсы, и быть можетъ намъ удастся достигнуть на своемъ вѣку зрѣлища паденія авторитета Академіи. Впередъ! Дѣло наше правое! А что *** идолопоклонникъ, такъ это несомнѣнно мѣтко сказано.

Васнецовъ предложенія рисовать съ Верещагина **) не принялъ, по крайней мѣрѣ теперь отложилъ до своего возвращенія въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Россію.

Только окончивши письмо, замѣтилъ, что въ немъ ничего обстоятельно не кончено, многое затронуто, можетъ быть истолковано невѣрно, ну да ужъ до другого раза какъ-нибудь. Уважающій васъ И. Крамской.

CLXI. Къ нему же.

Парижъ, 19-го іюля 1876 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Я получилъ ваше письмо [...]редъ тѣмъ, какъ идти провожать Рѣпина. Онъ уѣхалъ сегодня, въ ср[...] въ 8 часовъ вечера, и надо полагать, въ воскресенье будетъ уже въ [...]

---

*) Тогдашній слухъ. *Ред[...]*

**) Рисунки для изданія, въ гравюрахъ, туркестанскихъ и другихъ ка[...] В. В. Верещагина. *Ре[...]*

тербургѣ; стало быть, мое письмо даже не предупреждаетъ его. Портретъ его остался не конченъ: передъ отъѣздомъ ему было, разумѣется, не до того, а потому и я не былъ достаточно спокоенъ. Портретъ Рѣпина вышелъ совсѣмъ ординаренъ—не того онъ заслуживалъ, но что-жъ дѣлать?—оборвался. Поправлюсь, если встрѣтимся. Съ этимъ дѣло покончено.

Теперь о вашемъ письмѣ. Знаете—вы меня спугнули, вотъ какъ птицъ пугаютъ. Сидѣлъ я себѣ смирно, смотрѣлъ, говорилъ, когда говорилось, писалъ свои обыкновенныя мысли, касался вопросовъ, для меня поконченныхъ, и вдругъ:—«Говорите!» Я испугался, серьезно. Вы должны понять, чего я испугался. То, что́ я говорилъ вамъ въ письмѣ, я много разъ и давно уже говорилъ всѣмъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось; много было жестокихъ споровъ, никого, конечно, не убѣдившихъ, много воды утекло съ тѣхъ поръ, я самъ успѣлъ съ того времени поумнѣть, если можно такъ выразиться—и убѣдиться, что для всякаго дѣятеля есть своя собственная дорожка для доставленія торжества своимъ идеямъ. Вообразите только, что сапожникъ сталъ бы говорить, ка̀къ надобно шить сапоги, вмѣсто того, чтобы ихъ дѣлать, кто ему повѣритъ? Два, три человѣка на земномъ шарѣ, пожалуй, найдутся, которые откроютъ въ его словахъ нѣкоторый резонъ, если онъ былъ (да и тѣ могутъ не оказаться въ числѣ слушателей), остальнымъ подавай настоящіе, реальные сапоги! И они правы. Положимъ, я старался по мѣрѣ моихъ силъ и возможности (по обстоятельствамъ) дѣлать согласно съ словами, но всѣ видѣли, что разговаривать легче, чѣмъ дѣлать, и что у меня, упрямо что нибудь отстаивающаго, не Богъ знаетъ что́ выходитъ, и что, стало быть, и т. д. Словомъ, я замолчалъ, или по крайней мѣрѣ смалчивалъ. Что впереди — Богъ знаетъ.

Вы говорите: думающіе и понимающіе художники — рѣдкость. Къ моему искреннему сожалѣнію, я съ этимъ не согласенъ. Вотъ на какомъ основаніи. Посмотрите поближе каждаго художника, имѣющаго хоть крупицу дѣйствительнаго дарованія — вѣдь онъ непремѣнно уменъ, а умный попадается, говоря сравнительно, довольно часто. Отчего-жъ они чортъ знаетъ что́ дѣлаютъ? По-моему, оттого, что невыгодно. Я присматривался по долгу и убѣдился въ этомъ. Да это впрочемъ и не важно въ сущности, я только защищаюсь отъ комплимента, и утверждаю, что понимающихъ людей найдется побольше, чѣмъ вы полагаете, иначе откуда вдругъ набирается такая пропасть сочувствующихъ и одинаково думающихъ, когда случится—наша взяла! Вѣдь многихъ я знавалъ за очень умныхъ людей лѣтъ 10, и они какъ-то сторонились только!.. Но я чувствую, что незамѣтно для себя подхожу къ очень критическому выводу. Что же: я, стало быть, честнѣе—такъ, что ли, говоря просто? Оставимъ это, и пройдемъ мимо. У васъ въ письмѣ не то, впрочемъ, и сто́итъ: вы говорите, что являются уже образ-

чики, гдѣ талантъ соединяется съ головою. Дай Богъ, чтобъ такъ было, потому что этого не миновать, это на очереди, это ближайшая историческая задача искусства, и если этого химическаго соединенія не произойдетъ — искусство вредно и безполезно, пустая забава, и больше ничего. Настоящее время — строгое время. Если съ одной стороны являются коллективныя, колоссальныя подлости и разбой, разбой утонченный и цивилизованный, то съ другой—грандіозныя и величественныя, захватывающія духъ открытія науки, позволяющія уже почти построить философскую систему, обнимающую міръ внѣшній и внутренній. Съ этимъ страшно шутить, и, быть можетъ, мы стоимъ на порогѣ такого времени, когда неосторожный и зазѣвавшійся (какъ бы онъ значителенъ ни казался) будетъ опрокинутъ и смятъ. Теперь трудно быть художникомъ! Если бы вы знали, какъ трудно! Теперь даже мало таланта, какъ бы онъ ни былъ великъ! Еще такъ недавно его было достаточно.

Вы говорите: я идолопоклонничаю передъ Веласкесомъ. Хорошо, коли на то пошло, будемъ откровенны. Я смотрю на него и думаю: Господи, какая высота! Вѣдь посмотрите, что̀ онъ дѣлаетъ; онъ мажетъ, просто мажетъ, какъ ни одинъ самый дерзкій французъ еще не мазалъ, а между тѣмъ все, рѣшительно все, такъ вотъ, кажется, до подробностей, дрожитъ и живетъ передъ глазами, и... и ужъ этого мало теперь! Натура живая открывается для насъ съ новой точки, нельзя уже смотрѣть теперь тѣми глазами, какъ смотрѣли эти наивные великаны. А почему же нельзя, позвольте спросить? Да просто потому, что тогда — есть талантъ — и писалось, не думая. Сегодня вышло—а завтра и послѣ завтра, чортъ его знаетъ отчего, не вытанцовывается. Ну, и пришлось сочинить легенду о... вдохновеніи. И пошла эта басня гулять по свѣту вплоть до нашихъ дней. Не было еще того глубокаго и обширнаго базиса науки, черезъ который теперь (то есть въ будущемъ — завтра), художнику надо перешагнуть. Однакожъ я сказалъ ужасную штуку — о вдохновеніи: надобно оговориться, чтобы правильно быть понятымъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Что́ такое вдохновеніе? Сердцебіеніе. У меня, вотъ, положимъ, отъ жизни образовался извѣстный осадокъ чувствъ, которыя извѣстнымъ и роковымъ образомъ заставляютъ меня относиться къ тѣмъ или другимъ фактамъ. Ну, скажите ради Бога, зачѣмъ мнѣ дожидаться какого-то вдохновенія, когда у меня постоянно бьется сердце и кипитъ кровь, какъ только я подумаю, и это кончается выраженіемъ и складомъ моего лица, не покидающимъ меня даже и во снѣ? Какъ можно толковать о вдохновеніи, когда я или живу и чувствую и, стало быть, каждую секунду вдохновленъ, или обжираюсь, подличаю и становлюсь животнымъ, и мнѣ приходится радоваться (если я не потерялъ еще образа), когда я чувствую себя какъ будто человѣкомъ.

Одно надо принять въ соображеніе: я могу быть боленъ—ну, тогда я ужъ я знаю, когда я сдѣлаю, и когда нѣтъ. Я заранѣе чувствую, управляю ли я своими способностями или нѣтъ. Ничто меня такъ не волновало, какъ эти споры о вдохновеніи. Теперь о Веласкесѣ я хочу кончить. То, что̀ онъ сдѣлалъ, иногда повергаетъ меня въ изумленіе, но рядомъ есть такія вещи, которыя прямо указываютъ, что онъ не былъ застрахованъ на завтра. (Ну, а теперешніе застрахованы? Оно, конечно, совѣстно утверждать это, я говорю о томъ, что̀ будетъ и должно быть, а не то, что̀ есть). Словомъ, онъ былъ наивенъ и только, и я понимаю, что этого уже мало для теперешняго времени. Ну, а Рембрандтъ? Не то же самое? По моему и онъ тоже. Что̀ теперь требуется, чтобы не повторять задовъ? Мало того, чтобы голова была рельефна, нѣтъ, она должна быть незамѣтно рельефна: я даже не знаю, ка̀къ это и сказать. Я бы хотѣлъ удовлетворить ту купчиху, которая ни за что не хотѣла видѣть подъ носомъ черное. Я говорю совершенно серьезно — клянусь вамъ. Отчего эта несчастная купчиха никогда на живомъ человѣкѣ не видала чернаго подъ носомъ, а тутъ замѣтила? Пройдите мысленно по галлереямъ и скажите, нѣтъ ли чернаго подъ носомъ даже у Веласкеса, не говоря уже о Рембрандтѣ? И что̀ бѣдной женщинѣ дѣлать? Въ этомъ глубокая правда, по моему. Очевидно, стало быть, что не вся сумма того, что̀ есть въ природѣ, приведена въ извѣстность. И такъ, приходится дѣлать теперь нѣчто похожее на то, что̀ дѣлалъ Гольбейнъ. Это былъ человѣкъ колоссальнаго ума и, вѣроятно, огромнаго таланта. Онъ спускался со своимъ анализомъ почти въ самую глубину человѣческаго лица, и его произведенія въ искусствѣ—какъ великія открытія науки. Нигдѣ нервъ не дрогнулъ. Онъ какъ будто пожертвовалъ сердцемъ, и только въ одномъ портретѣ дрогнуло что-то — въ портретѣ Колонна, въ галлереѣ Колонна въ Римѣ. Только глядя на это, можно догадываться, что̀ было у человѣка въ сердцѣ: право, по моему, такъ. Это я пока говорю объ одной сторонѣ, а теперь, надобно лицо написать такъ, что смо́трите— оно какъ будто не то улыбается, не то нѣтъ, то вдругъ какъ будто губы дрогнули, словомъ, чортъ знаетъ что̀, дышетъ. И это можно! По крайней мѣрѣ—потребуютъ... Вотъ я и думаю, сколько времени пройдетъ, пока вся эта работа будетъ кончена, и когда придетъ человѣкъ, у котораго внутри горитъ, а онъ какъ будто посторонній распоряжается только матеріаломъ? То-есть, когда явится мессія? Знаю одно—не дождаться мнѣ, моего вѣка не хватитъ. Я всегда любилъ человѣческую голову, всматривался, и когда не работаю, гораздо больше занятъ ею, и, чувствую, наступаетъ время, что я понимаю, изъ чего это Господь Богъ складываетъ то, что̀ мы называемъ душою, выраженіемъ, небеснымъ взглядомъ, и всякой другой чепухой (съ вашего позволенія); я даже, кажется, понимаю страсти и характеръ чело-

вѣка... но вѣдь этого-жъ мало, вѣдь я знаю одинъ характеръ, одно лицо, одного человѣка, а вѣдь ихъ надобно заставить встрѣтиться, надобно, чтобы вліяніе одного отражалось на другомъ, и обратно, а когда они еще воодушевлены прожитымъ, тогда можетъ подняться такая драма, что присутствующимъ становится страшно. Вѣдь подумайте только, что̀ это такое? Сколько усилій талантовъ надобно уложить, чтобы это стало ясно и обязательно для всѣхъ, именно для всѣхъ, потому что только коллективными усиліями дороги могутъ быть расчищены. Дальше. Задовъ повторять, очевидно, уже не приходится, потому что ни одна манера изъ прежнихъ мастеровъ не подходитъ къ новымъ задачамъ. Можно только съ завистью смотрѣть на нихъ, а самому разыскивать новыя. Съ новыми понятіями должны народиться новыя слова. Опять пунктъ величайшаго разногласія и споровъ. Говорятъ, напримѣръ: — «Поѣду, поучусь техникѣ». Господи твоя воля! Они думаютъ, что техника виситъ гдѣ-то, у кого-то, на гвоздикѣ въ шкапу, и стòитъ только подсмотрѣть, гдѣ ключикъ, чтобы раздобыться техникой; что ее можно положить въ кармашекъ, и, по мѣрѣ надобности, взялъ да и вытащилъ. А того не поймутъ, что великіе техники меньше всего объ этомъ думали, что муку ихъ составляло вѣчное желаніе только (только!) передать ту сумму впечатлѣній, которая у каждаго была своя особенная. И когда это удавалось, когда на полотнѣ добивались сходства съ тѣмъ, что̀ они видѣли умственнымъ взглядомъ, техника выходила сама собой. Оттого-то ни одинъ дѣйствительно великій человѣкъ не былъ похожъ на другого, и оттого, часто, художникъ, не выѣзжавшій ни разу за околицу своего города, производилъ вещи, черезъ 300 лѣтъ поражающія. Тогда вѣдь не было «Салоновъ», выставокъ, онъ не сравнивалъ себя рядомъ изъ году въ годъ, что̀ теперь считается такимъ великимъ подспорьемъ, въ чемъ я, однакожъ, сильно сомнѣваюсь.

Каково! Просто на костеръ этого человѣка! Чтожъ, на костеръ такъ на костеръ, а только я скажу, что выставки, особенно большія, приносятъ гораздо больше искусству вреда, чѣмъ дѣйствительной пользы. Знаю, что мнѣ много можно сказать вѣскаго противъ, но я стою на своемъ и утверждаю, и вотъ почему. Возьмемъ «Салонъ». Вообразите, 2,000 картинъ одна возлѣ другой—уму помраченіе. Входитъ толпа, 10, 20 тысячъ, кто это? Вѣдь это люди, дарящіе 10, 15 минутъ своего времени картинамъ, всѣ они тутъ зашли, потому что—почему же и не развлечься? По крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, большинство — таковы, а французъ ужъ та̀къ должно быть созданъ, что желаетъ, чтобы объ немъ заговорилъ завтра Парижъ, и завтра непремѣнно! Онъ дожидаться не можетъ, онъ продастъ мать, жену, дѣтей, только пусть завтра объ немъ заговорятъ! Въ то же время онъ смекаетъ, что для такихъ залъ и такой толпы мало обык-

новенныхъ легкихъ и простого человѣческаго голоса, тутъ надобно по крайней мѣрѣ мѣдныя тарелки и трубы, чтобы всѣ услышали. Онъ ихъ и употребляетъ. Онъ васъ такимъ горячимъ солнцемъ огорошитъ, что не вѣришь, написано ли это, или настоящее солнце? Только не останавливайтесь долго, да вамъ вѣдь и нѣкогда: посмотрѣли 5 минутъ и дальше! Затѣмъ вышли и долго помните имя художника. Да, вотъ это такъ, вотъ это сила. Теперь, не угодно ли эту силу я къ вамъ принесу въ комнату, да заставлю васъ жить съ нею изо дня въ день, и посмотрю, что̀ будетъ съ вами черезъ мѣсяцъ? Если вы не выбросите ее за окно, или, если нельзя будетъ выбросить, то вы повѣситесь. По крайней мѣрѣ я многое похожее на это испыталъ еще въ 69 г. въ Люксембургѣ. Худо ли это, или хорошо, правъ ли я или нѣтъ, я не знаю, я только говорю это къ тому, чтобы доказать, что истина достается не выставками, и что сущность искусства лежитъ должно быть гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Присоедините къ этому еще вотъ что: пріятно, чортъ возьми, когда объ тебѣ этакъ заговоритъ Парижъ, да еще когда денжищъ тебѣ накладутъ, да всѣ кругомъ заорутъ! Тогда... какую голову надобно имѣть, чтобы не свихнуться? А если устоялъ, опять бѣда: тутъ очень недалеко до положенія «непризнаннаго генія»—положенія самаго обиднаго и отчаяннаго. Однимъ словомъ—пойдешь направо—утонешь, а налѣво—тоже какъ-то погибнешь другимъ манеромъ. Вы скажете: ну, значитъ, низкопробный, коли пропалъ. Еще бы, разумѣется правда, только... не всѣ высокой пробы и на поверхности.

Однакожъ, виноватъ, письмо дѣлается все больше да больше, а я все не то говорю, что̀ хотѣлъ, и ужъ вовсе не то, что̀ вы просили: о школахъ и художникахъ. Что̀ сказать о школахъ, особенно старыхъ? Новаго не много можно, развѣ въ видахъ замѣтки, что многіе изъ авторитетовъ, быть можетъ самыхъ громкихъ, рѣшительно окажутся передъ судомъ новой критики никуда негодными, напримѣръ: Гвидо-Рени, Дольчи, Грёзъ. Я бы спустился еще, или пожалуй поднялся бы, да не сто̀итъ. Ну, а о новыхъ говорить опасно: многіе живы, а другіе только что кончили, и ихъ картины въ цѣнѣ, а потому похоже будетъ на зависть; какъ хотите, а страшновато. Кромѣ того, я какъ-то не умѣю найтись, когда мнѣ скажутъ: «Скажите вотъ о томъ-то, или объ этомъ». Когда я встрѣчаю реально выраженное мнѣніе, я могу говорить и за и противъ, ка̀къ думаю, а безъ этого трудно, да, впрочемъ, недурно и остановиться, а то не кончу, и завтра не пойдетъ. Вашъ корреспондентъ И. Крамской.

CLIV. Къ нему же.

Парижъ, 21-го іюля 1876 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Нужно же было такъ случиться, что на другой день послѣ отправленія моего письма, я прочелъ статью Зола̀ въ «Вѣстникѣ Европы», и вотъ причина появленія этого новаго посланія. Прежде всего о немъ самомъ. Что это талантъ новый и оригинальный, объ этомъ, разумѣется, и спора быть не можетъ, но онъ, кромѣ того, еще и пишетъ объ искусствѣ. До сихъ поръ я знаю его только двѣ статьи. Одна, кажется, въ прошломъ году, гдѣ онъ пережевываетъ французамъ то, что у насъ лѣтъ тридцать какъ возникло, и тогда, я помню, я былъ только изумленъ, что онъ считаетъ все это нужнымъ говорить. И гдѣ же? Въ передовой странѣ. Хотя въ сущности, по размышленіи, мнѣ удивляться бы не слѣдовало, такъ какъ все это я замѣтилъ еще въ 69 году, когда былъ въ этой передовой странѣ, и что для французовъ это пожалуй новость. Но что́жъ дѣлать, ужъ такова сила Парижа, что тамъ воображаешь всякіе ужасы. Трудно, знаете, быть особенно храбрымъ, когда этакъ на тебя всѣ черезъ плечо смотрятъ: что̀, дескать, онъ такое городитъ? Это разъ. Теперешняя статья для меня была интереснѣе тѣмъ, что онъ разсказываетъ, что̀ это за учрежденіе «Салонъ». Вѣдь я никогда ни отъ кого не могъ добиться того, чтобы мнѣ разсказали толково. Всѣ только увѣряли, что попасть туда уже есть патентъ на талантъ. Хорошо бы это было, коли это такъ, думаю себѣ; только мудрено что-то, потому... «Ну, да скажите, говорю, что это за жюри такое? Кто его выбираетъ? И какъ выбираютъ?»—«Ну, этого мы не знаемъ; знаемъ, что тамъ что-то строго, и что тамъ все великіе люди, Жеромъ и прочіе...» Чортъ знаетъ, что̀ такое — Жеромъ великій человѣкъ! Въ толкъ не возьму! А, вотъ оно что́ оказывается: это все милая Академія, администрація, начальники, генералы. Слава Богу, у меня никогда не было особеннаго зуда попасть въ «Салонъ», а теперь и охота даже всякая пропала. Хорошо, что во-время узналъ. Ну, да это дѣло ни до кого не касается, кромѣ меня. Стало быть, толковать объ этомъ излишне. Скажу мимоходомъ, что Зола̀ очень мѣтко сказалъ о швейцарѣ съ алебардою, до такой степени мѣтко, что я пришелъ въ совершенное уныніе относительно «историческихъ судебъ человѣческаго рода», говоря высокимъ слогомъ. Ужъ если, думаю, знатокъ національнаго характера говоритъ это объ націи, искусившейся во всякихъ революціяхъ, то что̀ же намъ, бѣднымъ? Будемъ плакать на рѣкахъ Вавилонскихъ. Давно, помню, юношей, я смотрѣлъ съ величайшимъ благоговѣніемъ на всякаго, побывавшаго въ университетѣ. Много воды утекло, пока я сталъ поумнѣе, и рабская привычка уступила мѣсто нѣ-

которому скептицизму, а все-таки и теперь, нѣтъ-нѣтъ, да ёкнетъ сердце, какъ встрѣтишь этакаго молодого человѣка: не то сожалѣніе о потерянномъ какое-то, не то зависть. И странно, людей, напримѣръ, солидныхъ, хотя бы и бывшихъ въ университетѣ, я не боялся... Но это вводное предложеніе здѣсь, очевидно, ни къ селу, ни къ городу. Извините. И такъ о Золà. Знаете, что меня больше всего интересуетъ? Это, что здѣсь, во Франціи, тàкъ усердно занимаются искусствомъ, Посмотрите, какая честь: Прудонъ—пишетъ трактатъ цѣлый, этотъ человѣкъ, который никогда не занимался побрякушками. Ну, за то-жъ ему этого грѣха люди извѣстнаго толка и не прощаютъ. Золà, одинъ изъ самыхъ крупныхъ писателей, изучаетъ живопись, интересуется ею, очевидно посвященъ даже въ закулисныя тайны. Когда же у насъ было что-нибудь подобное? Да, мы не избалованы... и слава Богу. Каждый день я молюсь Богу, и благодарю Его, что насъ этакъ стегаютъ легонькой плеточкой... хорошо это, очень хорошо, здоровые ребята выростутъ, не капризные! Вѣдь вотъ, напримѣръ, кàкъ это хорошо и ободрительно дѣйствуетъ, когда писатель такого крупнаго таланта, какъ Достоевскій, въ своемъ «Дневникѣ», толкуя о дѣлахъ общественныхъ, скажетъ: «Вѣдь это важно, наконецъ, вѣдь это не какая-нибудь картинка Передвижной выставки!» Положимъ, дѣло общественное—важное дѣло, и какой такой идіотъ найдется у насъ, между художниками, который бы сталъ говорить: «Дѣло земства—пустячки, или тамъ—правосудіе, а вотъ искусство!!» Не знаю, не видалъ такихъ. Но все-таки и искусство (если оно искусство, творчество) стóитъ того, чтобы его хоть сапогомъ-то въ носъ не били, оставили бы хотя, по крайней мѣрѣ, въ покоѣ. Вѣдь еще вопросъ: чтò важнѣе и чтò менѣе важно? Даже вопросъ: какія вещи важны вообще, и какія нѣтъ? Но оставляю. Серьезно, безъ шутокъ, хорошо это, что у насъ не няньчатся съ искусствомъ, до такой степени хорошо, что я скажу: плохо дѣло, когда искусство станетъ законодателемъ! Плохо тому народу, гдѣ искусство прососется во всѣ закоулочки и станетъ модой, базаромъ, биржей! Не дай Богъ мнѣ дожить до того времени, когда мною станутъ заниматься, какъ важной особой. Дурно это во Франціи! Дурно потому, что какъ-то потерялось равновѣсіе. Серьезнымъ интересамъ народа надо всегда идти впереди менѣе существенныхъ.

Все, что Золà толкуетъ про «свободныя выставки», по моему, несостоятельно, и не потому, чтобы этого не нужно было, а потому, что это невозможно. Вообразите только вотъ что: теперь «Салонъ» бываетъ изъ 3,500 и 4,000 №№ всего: живопись, акварель, рисунки и скульптура. Теперь, если принять все, что вамъ представятъ, то вы получите 8 тысячъ! Вѣдь это ужасъ! Вы скажете: чудесно, чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше. Разумѣется. Но вѣдь это было бы хорошо, еслибы это было искусство! Изъ

000 художниковъ, проживающихъ въ Парижѣ, самъ Зола выдѣляетъ
учку въ 10 человѣкъ. А, каковъ процентъ? Если теперь обозрѣвать вы-
ставку, значитъ рисковать здоровьемъ и умереть отъ истощенія силъ, то
тогда можно публику только привести въ такой ужасъ, что никто не пой-
детъ. Я, по крайней мѣрѣ, отказываюсь. Ну-съ, такъ какъ же? По моему,
закрыть что ли двери, оставить верховный трибуналъ? Ни то, ни другое,
ни третье. Я скажу одно, что наша цивилизація попала въ заколдованный
кругъ, изъ котораго ей нѣтъ выхода, и она роковымъ образомъ должна
будетъ дѣлать одно и то же: сегодня одного художника пускать на вы-
ставку, другого—нѣтъ, а завтра наоборотъ, и т. д... словомъ, вертѣться
какъ бѣлка въ колесѣ до скончанія вѣка! А почему? Потому, что искус-
ство не свободно. Всюду, во всемъ свѣтѣ есть академіи, званія, чины,
кресты, пенсіи, и тому подобное. Если искусство станетъ свободно, тогда
число адептовъ его неминуемо должно будетъ понизиться до того про-
цента, какимъ извѣстное племя обладаетъ. И контингентъ не будетъ пе-
реполняться пришлымъ, чуждымъ элементомъ. Прудонъ въ одномъ мѣстѣ
говоритъ: «Я хочу, страшное слово: закрытія академій и свободныхъ
школъ». Если не буквально такъ, то смыслъ—это. Но «страшное слово»
стоитъ несомнѣнно. Я помню, что когда я это прочелъ, то подумалъ: по-
чему «страшное»? Совсѣмъ не страшное, самое мирное. Червякъ подтачи-
ваетъ растеніе, а мы будемъ опасаться его снять только потому, что онъ
уже сидитъ на немъ двѣ недѣли?.. Но этотъ вопросъ такой важности, что
въ письмѣ его нельзя обнять хотя сколько-нибудь сносно. Еслибы я былъ
садовникомъ, а не растеніемъ, я бы его снялъ преспокойно, и никто бы
этого не замѣтилъ, потому что растеніе бы осталось, и только развѣ хо-
зяинъ удивился бы: э, ишь ка̀къ это деревцо выросло скоро, тѣнь уже
даетъ, отдохнуть можно! и только. Знаете, еслибы вы знали, какъ нѣко-
торые наши старики профессора любятъ искусство. Напримѣръ, тотъ же
самый Іорданъ. Каковъ ужасъ! Въ печь его! На костеръ! А Марковъ? Боже
мой, ка̀къ они любили искусство! И еслибы они знали, ка̀къ я его люблю!
Я такъ близокъ къ нимъ въ этомъ отношеніи. Еслибы только они могли
понять, то мы скоро бы столковались. Но, разумѣется, они меня скорѣе
задушатъ, чѣмъ догадаются, что я истинный приверженецъ искусства съ
63 года. Я круто повернулъ на дорожку, не сойду уже съ нея никогда,
что бы тамъ ни случилось. Завѣщаніе мое будетъ въ двухъ словахъ: «Уни-
чтожить институтъ и всѣ его прерогативы, чтобы спасти искусство». Не
думайте, что можно оставить заведеніе, лишивъ его вліянія. Этого ма-
надобно художниковъ оставить на произволъ общества, какъ сапожни-
и мастеровыхъ, пусть ихъ кормятся, какъ знаютъ. Еслибы можно было
...кого слѣдуетъ въ этомъ! Но что вы будете дѣлать? Академія

недовольныхъ, какъ быть? Либераловъ столько, что страхъ! Нѣкоторые недовольны, разумѣется, прежде всего тѣмъ, что, какъ говоритъ Салтыковъ, не получаютъ приглашенія «къ общественному пирогу». Я, къ сожалѣнію, не принадлежу къ ихъ числу. Я не недоволенъ—мнѣ грустно и страшно за искусство. Вѣдь его всюду мало, и здѣсь быть можетъ меньше чѣмъ у насъ. Каковъ патріотъ? Ого! Мы шапками закидаемъ! Да это хоть въ Москву! Не смѣйтесь: вѣрно. Отъ Назарета можетъ ли что доброе быти? Можетъ, и до сихъ поръ Москва была нашимъ Назаретомъ. Что дальше—увидимъ.

Говорятъ, искусство всегда кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь поддерживалось. Вѣрно, только въ Греціи оно поддерживалось народомъ, которому оно было нужнѣе всего. Вѣдь греки не имѣли традицій, переданныхъ отъ кого-то, а тѣ традиціи, которыя они имѣли отъ Востока, оказались очень скоро узкими по росту народа. Кому имъ нужно было подражать, у кого учиться? А между тѣмъ они оставили такія художественныя вершины, которыя до сихъ поръ сбиваютъ съ толку современныхъ художниковъ. Чему они этимъ обязаны? Вѣдь это уже азбучныя вещи, стыдно даже говорить это теперь. Время Возрожденія въ Италіи, опять, что это такое? Хотя этотъ періодъ значительно помутился отъ ископаемыхъ памятниковъ греческаго и римскаго искусства, но такъ какъ въ этомъ періодѣ искусство перешло на живопись, то и здѣсь мы наталкиваемся опять на чудовищныя вещи Тиціана, Веронеза и другихъ. Скульптура, очевидно, чуждая форма, и Микель-Анджело, разумѣется, ниже грековъ (въ смыслѣ скульптуры), даже въ своемъ «Моисеѣ», не смотря на то, что это одно изъ величайшихъ произведеній человѣческаго генія по силѣ и драматизму. Объ остальныхъ и говорить нѣчего. Вся скульптура итальянцевъ этого времени скучный барокъ, вычурный и фальшивый, и посмотрите, какъ будто нарочно, чѣмъ дальше отъ раскопокъ древности, живопись все выше и выше; чѣмъ меньше вліянія традицій, чѣмъ независимѣе группа, тѣмъ все оригинальнѣе и глубже живопись. И въ Рембрандтѣ она наконецъ доходитъ до вершинъ, равныхъ греческимъ скульптурамъ. Испанія тоже. Во Франціи же романскія традиціи жили немногимъ меньше, чѣмъ въ Италіи.

Говорятъ: за то, если не было тогда академій, то были меценаты. Да поймите же, вѣдь меценатъ былъ живой человѣкъ, съ нимъ можно было жить рядомъ, убѣждать его, обуздывать наконецъ, и потомъ, меценатъ пришелъ уже къ художнику и ученому, который полюбилъ откопанный міръ, пришелъ къ человѣку, отъ котораго онъ многому научился, любя и интересуясь умственными интересами. Во всякомъ случаѣ, они, эти меценаты, какъ отдѣльные живые люди, не принесли искусству и милліонной доли того вреда, какъ академіи намъ. Правда, что эта игра съ меценатами дорого

обошлась слѣдовавшимъ поколѣніямъ, потому что когда народъ потерялъ политическую самостоятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали угасать и творческіе таланты, меценаты, понимавшіе и любившіе искусство, въ великой горести, съ самыми благими намѣреніями, додумались до устройства академій, чтобы сохранить великія традиціи, и сохранили вплоть до Камуччини и присныхъ. Кто отъ этого выигралъ? Несправедливо было бы, разумѣется, говорить, что академіи никакой пользы не принесли совсѣмъ: нѣтъ, онѣ принесли ее, какъ сторожъ, доживщій до глубокой старости при пустомъ храмѣ, не имѣя къ тому же капитала на ремонтъ. Къ сожалѣнію, мы даже не обязаны ему и благодарностію за то, что уцѣлѣли самыя созданія искусства. Ихъ сохранили: народъ и государство.

И такъ, вотъ каковы дѣла. Въ высшей степени забавна боязнь хранителей академическихъ традицій, чтобы не понизился уровень техническихъ достоинствъ, если уничтожить академіи. Я убѣжденъ, что еслибы возможно было убѣдить Іордана, напримѣръ, въ томъ, что ни благородство рисунка, ни смѣлость колорита, ни композиція отъ этого не пострадаютъ, то даю вамъ честное слово, что онъ бы сказамъ мнѣ: «Хорошо, батинька, я согласенъ, совсѣмъ согласенъ, только вотъ насчетъ жалованья-то какъ же?..» И еслибы жалованье не пострадало, онъ бы согласился. Честное слово, они любятъ и понимаютъ искусство до того, что если гдѣ дѣйствительно встрѣтятъ настоящее, неподдѣльное чувство, то таютъ, совсѣмъ таютъ. Напримѣръ, я тàкъ это помню, какъ Іорданъ передо мной все изливался, что какъ это хорошо вотъ: «Грачи прилетѣли», въ картинѣ Саврасова на 1-й передвижной выставкѣ. А Марковъ? Какъ онъ восхищался Перовымъ, «Первымъ чиномъ» или «Учителемъ рисованія»: «У! какъ хорошо! У! у! прелесть. Кто это дѣлалъ? Чудесно! ха! ха! ха! Чудесно! Молодецъ!» Конечно, завтра онъ тому же Перову пропоетъ о колѣнкахъ и слѣдкахъ, но это такъ, нельзя иначе! А сердце его всякій разъ прыгаетъ, какъ только увидитъ картинку. Они любили его и отгадывали всякій разъ сердцемъ то, что̀ дѣйствительно и неподдѣльно. Еслибъ это были злобные люди, не было бы у насъ ни Перова, ни Шишкина, ни другихъ. Только этой ошибкѣ мы обязаны, что кое-что проявилось. Конечно, они спохватились, что надѣлали пропасть упущеній по службѣ, когда дитя подросло и стало выказывать самостоятельныя наклонности индивидума: разумѣется — ребенокъ, потому что ребенокъ говорилъ откровенно свои мысли. И они увидали, что воспитали, любя и балуя, чудище, но все-таки они не могли убить этого нерва, который шевелится въ нихъ самихъ, когда они наталкиваются на талантливость. Ахъ, еслибъ поняли, что безъ Академіи искусство будетъ лучше: мы такъ далеко отъ раскопокъ и традицій, ахъ какъ далеко! какъ далеко! Кàкъ это было бы чудесно: одинъ посидѣлъ чуточку на Волгѣ, другой гдѣ-

то въ Ладогѣ, третій еще тамъ гдѣ-нибудь, одному ужъ очень понравился мужикъ, съ большой рыжей бородой и сверлящими глазами, другому—деревья всѣ въ пару, подъ солнцемъ, третьему... Господи! И всѣ они валяютъ, какъ Богъ на душу положитъ, только и думаютъ о томъ, какъ бы это повѣрнѣе сдѣлать. Ну, разумѣется, одинъ глиной вымажетъ лицо, а небо ужъ и не разберешь иногда; другой хочетъ написать на воздухѣ, а выйдетъ заслонка—онъ и самъ потомъ видитъ, что заслонка; третій все думаетъ, отчего это надъ хорошими людьми все смѣются, все смѣются, такъ вотъ и покатываются со смѣху, и ему хочется реализировать эти свои ощущенія *)... Потомъ, всѣ они съѣдутся, смотрятъ другъ у друга, толкуютъ, спорятъ, хвалятъ одно, порицаютъ другое, потомъ пойдутъ посмотрѣть, какъ работали старички лѣтъ за 300, и что такое дѣлаютъ сосѣди, коечто хорошее и отъ этого бываетъ. Глядишь, дѣло-то и подвинулось, даже лѣтъ этакъ черезъ 10... А тутъ!.. Спасите, ради Бога спасите, задушатъ они этого ребенка, ей Богу задушатъ! Господи, задушатъ! Поймите, что вѣдь это не мать ему, а кормилица и нянька! Вѣдь она-жъ за деньги служитъ. Посмотрите, ради Бога, развѣ-жъ эти всѣ ребятишки не «импресіоналисты», развѣ они не стараются дѣлать наивно, по-ребячески?.. Вѣдь тутъ въ Парижѣ, въ этомъ кратерѣ-омутѣ, самые умные и здоровые люди подымаютъ гвалтъ изъ-за того, что 2—3 человѣка хотятъ какъ-то просто сдѣлать, какъ видитъ глазъ, и говорятъ: «Геній, дорогу генію!..» (какъ будто настоящій геній не швырнетъ къ чорту всѣхъ, безъ этого крика)? А у насъ просачивается уже старая, гнилая, и здѣсь брошенная, или по крайней мѣрѣ бросаемая, манера живописи, и къ кому же это липнетъ? Къ молодежи, еще не умѣющей лепетать, и молодежь начинаетъ мазать, мазать, мазать... Господи! чтожъ это такое? Академія, эта хранительница рисунка, живописи строгой, композиціи величественной, начинаетъ поощрять въ слѣпой ненависти бравурность кисти у 16-ти-лѣтнихъ мальчиковъ. Роли перемѣнились. Мнѣ, протестанту, приходится говорить въ защиту чистоты рисунка и добросовѣстнаго изученія... До чего мы дожили?!! Говорю вамъ, они задушатъ ребенка. Они даже пеленать не умѣютъ!!!

Два слова о здѣшнихъ «импрессіоналистахъ» еще. Я совсѣмъ не зналъ, что эти «импрессіоналисты» здѣсь такой жгучій вопросъ, я просто полагалъ, что это одна изъ тѣхъ модныхъ и эксцентричныхъ выходокъ, на которыя такъ тароваты французы, и, разумѣется, оно главнымъ образомъ и есть такъ, только жгучимъ это стало, благодаря геніальности Франціи. Вѣдь здѣсь все геніально. Коро́ геніаленъ, Курбѐ геніаленъ, Манэ тоже, словомъ, всюду геніи. Простите, если я выскажу мое скромное и варварское мнѣ-

*) Намекъ на картину «Хохотъ», исполняемую тогда самимъ Крамскимъ. *Ред.*

ніе, что ни тотъ, ни другой, ни третій — не геніальны.... даже.... впрочемъ, оставимъ это, продолжаю. Что такое эти новыя попытки уйти изъ душной мастерской къ свѣту и воздуху? Во Франціи такъ много работали въ разныхъ родахъ, такъ давно требуютъ забираться въ закоулки, что публика пресыщена, капризна, ей наконецъ подавай все новое! Что хотите, только новое. Напримѣръ, въ пейзажѣ: Давай новое! Ну, и находится чудакъ, который дастъ кусочекъ холста, размалеванный такъ, что если вы настроите себя на извѣстный ладъ, то вы дѣйствительно откроете вещи изумительныя. Лежите вы на травѣ, кругомъ чаща лѣсная, вы лежите долго; васъ, какъ будто, сонъ клонитъ, и въ это время ваши глаза то видятъ предметы, то нѣтъ, краски въ глазу начинаютъ мелькать, мѣшаться, у васъ, вмѣсто лѣса, въ мозгу начинаются галлюцинаціи, и такая выходитъ радуга и фантастическая чертовщина, что вы уже потеряли нормальное употребленіе вашими чувствами. И это нѣкоторые французскіе пейзажисты передавали иногда очень интересно. Публика входитъ въ «Салонъ» на тощакъ, не сонная, бодрая, и вдругъ натыкается на этотъ курьозъ. Что это такое? Смотритъ разъ,— есть что-то, а потомъ — нѣтъ ничего, что за чортъ! Сенсація! Сначала публика долго проходила мимо этого, пожимая плечами, нѣкоторые художники успѣли прежде состариться, чѣмъ ихъ поняли, но теперь даже публика изловчилась это наконецъ понимать. А! Каково! Какой длинный путь нужно было пройти искусству, чтобы явилась возможность появленія этихъ вещей, какое развитіе, какое наконецъ старчество и гастрономія! Не шутя говорю, во всѣхъ такихъ вещахъ есть бездна и поэзіи и таланта, только знаете, намъ оно немножко рано. Нашъ желудокъ проситъ обыкновенныхъ блюдъ, свѣжихъ и здоровыхъ. Хорошо роскошничать французамъ. Но развѣ не до очевидности ясно, что искусство имѣетъ, да и должно имѣть, дѣло съ людьми, во 1-хъ, находящимися въ твердомъ умѣ и полной памяти, а во 2-хъ, съ людьми нормальнаго зрѣнія. Есть люди близорукіе (а въ большихъ городахъ, процентъ таковыхъ особенно великъ), но вѣдь не можетъ же искусство сообразоваться съ ихъ органическими пороками. Теперь глава новой школы во Франціи — Манэ: въ немъ бездна силы, энергіи колорита и натуры, но это пишетъ человѣкъ близорукій, у котораго на воздухѣ зрѣніе не хватаетъ дальше носа. Онъ до такой степени иногда удачно передаетъ впечатлѣніе свѣта на человѣка, только что проснувшагося, что хоть куда. И что же? Да ничего больше, что это надо принять къ свѣдѣнію, что смотря на картины его, надо поставить въ записной книжкѣ NB, и помнить, что все это есть дѣйствительно въ природѣ, только нельзя этого дѣлать основаніемъ, принципомъ, что только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ художнику можетъ потребоваться и этотъ эффектъ. Но фран-

цузъ ничего не можетъ сдѣлать просто, вѣчно коверкается. Это произвело сенсацію, ну и валяй всю жизнь всѣ картины одинаково, и если скромный варваръ осмѣлится замѣтить, что какъ-будто ужъ этого много, что Господь Богъ не всегда приводитъ человѣка въ такое состояніе, и что это хотя и бываетъ, точно, но все же рѣдко, то съ какимъ глубокимъ сожалѣніемъ посмотрятъ на него всѣ, кто принадлежитъ къ порядочному обществу. «У! онъ не знаетъ, что это въ модѣ! Кто это? Бѣдный... Кто это?..»—«Русскій...»—«А! А!!... русскій» и т. д. и т. д. Вы скажете, что я не признаю націи, дѣлающей такія великія открытія. Ну вотъ тебѣ разъ! Не признаю! Я только осмѣливаюсь утверждать, что отъ этого до геніальности есть нѣкоторое разстояніе, не желаю отнимать пальму первенства, но и поклоняться не желаю тоже. Я только повторю то, что сказалъ въ первомъ письмѣ. Истинный, настоящій «импрессіоналистъ—это русскій деревенскій 15-ти-лѣтній парень, а не французъ, которому приходится ломаться весь вѣкъ, чтобы и публика и критика поняли наконецъ, что тамъ есть малая толика независимости, въ концѣ концовъ оказывающаяся въ рабствѣ у моды и извращеннаго чувства. Если дать свободу моему деревенскому мальчику, то я полагаю, что онъ догадается, что сумерки нельзя писать такъ, какъ полдень: утверждающіе противное не вѣрятъ въ Господа Бога, и суть язычники. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не язычники въ Академіи? Они именно думаютъ, что если не дуть постоянно въ ротъ, то человѣкъ дышать перестанетъ, совсѣмъ не соображая, что какъ же это онъ дышалъ-то до учрежденія академій?

Еще послѣднее возраженіе. Говорятъ: все-таки надобно учить какой-то техникѣ, потому что вотъ этотъ пошелъ дальше того, и что стало быть.,. Признаюсь, меня туда загнали съ этими возраженіями, что я усталъ, охрипъ, еле дышу, и только повторяю самымъ глупымъ образомъ: «Да скажите же мнѣ: откуда является этотъ излишекъ, у Рембрандта, напримѣръ, сравнительно съ предшественниками, и зачѣмъ онъ замираетъ, и не передается его ученикамъ, которымъ онъ толковалъ самымъ усерднымъ образомъ, которые могли подсмотрѣть всѣ фортели?..»—«Ну, да разумѣется, вы все такъ, мы не говоримъ о талантахъ, мы говоримъ о простыхъ смертныхъ...»—«А!!? то-то. А я говорю о людяхъ, дѣйствительно любящихъ свое дѣло и имѣющихъ хотя каплю таланта. Они и технику пріобрѣтутъ, и новыя дороги найдутъ. То-то и есть, что много развелось скромно себя величающихъ простыми смертными, и до искусства дѣла никакого не имѣющими, кромѣ зуда попасть въ извѣстности, по ошибкѣ, или носиться постоянно съ новымъ, никогда не виданнымъ взглядомъ, подслушаннымъ въ хорошемъ обществѣ».

Но довольно, письмо безобразно длинное и безъ того, и все-таки тьма

вопросовъ осталась и незатронутыхъ, и безотвѣтныхъ. И вижу, что опять не о томъ повелъ рѣчь. О статьѣ Зола многое еще кое-что можно сказать, да ужъ не стòитъ. Само собою разумѣется, что письма мои не для печати.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLV. Къ П. М. Третьякову.

Парижъ, 24-го іюля (5-го августа) 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Долго я не обращалъ вниманія на восточныя дѣла, т. е. не то, чтобы не обращалъ, а какъ-то отмахивался; ну, думаю, чтò еще будетъ — посмотримъ, а теперь чтожъ такое? Хотя давно уже въ Болгаріи что-то дѣлалось нехорошее, но все это въ порядкѣ вещей. На то турки, думаю. Но вотъ сегодня прочелъ часть переписки дипломатической, внесенной членами англійскаго министерства въ парламентъ и... признаюсь, потерялъ хладнокровіе. Но чтò же случилось? Вѣдь на Востокѣ не произошло какого-либо новаго переворота, вѣдь дѣло такъ тянется уже цѣлый мѣсяцъ? Да, правда, потому-то я и отмахивался, что думаю — турки, а что если газеты говорятъ кое-что объ Англіи, то на то онѣ газеты; но теперь даже для меня, ничего несвѣдущаго въ этихъ дѣлахъ, ясно, что это не турки, къ сожалѣнію...

Чтò это такое? Боже мой! Слишкомъ ясно, что самые цивилизованные и развитые люди позволили! Завѣдомо позволили. При чемъ же это наша хваленая цивилизація, если она не способна обуздать человѣка отъ желанія сохранить грошъ во чтò бы то ни стало! Надо полагать, что министры Англіи учились не меньше кого другого, и если тамъ нельзя найти цивилизацію, то я отказываюсь понять, гдѣ она есть въ Европѣ? А между тѣмъ они позволили, они спустили турокъ, и, чтò всего ужаснѣе, что англійскіе государственные люди знали заранѣе всѣ послѣдствія, какія происходятъ, и все, чтò еще можетъ произойти. Имъ нѣтъ оправданія, они не могутъ даже притворяться удивленными. Что такое турки? Развѣ не старались англичане быть ихъ друзьями, въ теченіе цѣлаго столѣтія, развѣ имъ не извѣстно, что стòитъ ихъ (турокъ) только спустить, чтобы были перерѣзаны всѣ гяуры? И они ихъ спустили. Просто кровь у меня остановилась, когда правда для меня сдѣлалась очевидна! Это не турки вѣшаютъ, жгутъ, истребляютъ поголовно всѣхъ — не турки! Это ужасно! Кàкъ омраченъ міръ Божій, и кàкъ печально будущее! Если наука и всѣ успѣхи знанія не вытравили до сихъ поръ ни одного кровожаднаго инстинкта дикаря изъ современнаго человѣка, то толки объ успѣхахъ гуманности, цивилизаціи и прочаго — просто шарлатанская продѣлка, и мы ничѣмъ не отли-

чаемся отъ первобытныхъ разбойничьихъ шаекъ. Прежде—темпераментъ, теперь — разсчетъ. Съ успѣхами знанія, человѣкъ получилъ только бо́льшій просторъ и возможность удовлетворять своему эгоизму.

Меня теперь очень интересуетъ, что̀ Россія? То есть не правительство, а Россія?.. Правительство наше, какъ кажется, еще вдобавокъ обмануто самымъ чудеснымъ манеромъ Пруссіей; развѣ 5 лѣтъ тому назадъ не отъ насъ все зависѣло? Отчего же мы не обезпечили тогда себѣ свободу дѣйствій на будущее, отчего мы только удовольствовались дружбой и телеграммой Вильгельма, что-дескать тебѣ я обязанъ всѣми моими успѣхами, спасибо тебѣ, пусть весь свѣтъ знаетъ, и этого для насъ оказалось достаточнымъ. По истинѣ, не знаю, ка̀къ назвать такое поведеніе въ политикѣ. И такъ, я не о правительствѣ, а о народѣ, о Россіи, о Москвѣ наконецъ! Ка̀къ бы мнѣ хотѣлось что-нибудь узнать, ка̀къ бьется сердце Москвы, что́ дѣлаютъ и говорятъ въ городѣ, и вообще въ обществахъ русскихъ? Неужели народъ не увлечетъ за собой правительство? Повторяю, что я потерялъ хладнокровіе, и потому говорю, что попало! Но дѣло слишкомъ жаркое, исходъ его неизвѣстенъ, или, скорѣе, будетъ извѣстенъ слишкомъ поздно. Если до сихъ поръ во всемъ рѣшительно, во всѣхъ ужасахъ виновата Англія, то съ этихъ поръ, я чувствую, будутъ виноваты уже русскіе.

Ка̀къ бы хорошо было, еслибы вы откликнулись мнѣ спеціально на эти вопросы! Жгучій вопросъ! Бѣдные болгары! вѣдь ихъ всѣхъ перерѣжутъ. Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CLVI. Къ нему же.

Парижъ, 20-го августа 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Цѣлыхъ три недѣли я не отвѣчалъ вамъ, это уже непростительно. Я знаю и не оправдываюсь; но дѣло въ томъ, что въ это время я былъ озабоченъ пріисканіемъ себѣ мастерской, каковую и нашелъ. Потомъ, переговоры съ хозяиномъ, заключеніе контракта и прочее взяло много времени, потому что найденная мною мастерская—единственная, которая отвѣчаетъ всѣмъ условіямъ, нужнымъ для меня; но она мала немножко, и нужно было ее увеличить, на что̀ хозяинъ и согласился, только сто́итъ это мнѣ будетъ около 3,000 франковъ. Мастерскую мнѣ нужно было непремѣнно внизу, на землѣ, чтобы при мастерской было что-нибудь въ родѣ сада или дворика, и чтобы я былъ изолированъ, и хозяинъ полный двора или сада. Разумѣется, фантазіи подобнаго рода не легко удовлетворяются, и особенно въ Парижѣ. Все, что́ я видѣлъ въ окрестностяхъ Парижа подходящее, принадлежитъ кому-нибудь изъ художниковъ и не отдается, и только послѣ многихъ поисковъ мы наткну-

лись на эту, Rue de Vaugirard, cité Talma, № 8 и № 10. Но она оказалась мала, теперь ее увеличиваютъ на 4 метра, и недѣли черезъ 3 я переѣду туда. Мастерская стоитъ въ саду, совершенно отдѣльно, со всѣхъ сторонъ совершенно закрыта, и я одинъ всего этого хозяинъ. Вчера, наконецъ, заключено условіе на 3 года, съ правомъ передачи. Благодаря этимъ хлопотамъ, и мой офортъ не подвинулся, но я полагаю къ переѣзду совершенно отъ него отдѣлаться. Ктò изъ насъ правъ относительно практичности этого дѣла—покажетъ будущее. Разумѣется, я не желаю, чтобы вы были правы, но... все можетъ случиться! Единственное, чтò меня не оправдаетъ, это самый портретъ, если онъ совсѣмъ неудаченъ!

А со времени вашего письма много воды уже утекло, и политическія дѣла приняли окончательно тревожный характеръ, и еще болѣе позорный для Россіи, если можно такъ выразиться. Переговоры о мирѣ и всякая другая мерзость, со стороны князя Милана, мнѣ кажется, не могли происходить безъ участія Россіи, а это одно уже слишкомъ ясно показываетъ, до чего мы дошли. Послѣдняя побѣда сербовъ быть можетъ дастъ еще другой оборотъ, но... все-таки она не смоетъ нашего позора въ глазахъ славянъ, и мы же поплатимся..... Кромѣ того, теперешній моментъ есть единственный въ своемъ родѣ, и если онъ будетъ пропущенъ, то я не знаю, гдѣ будетъ предѣлъ и негодованію на насъ и стыду собственному. Война въ настоящее время за дѣло, поднятое славянами, я думаю, была бы неизмѣримо выше многихъ нашихъ войнъ; она нашла бы огромную поддержку и въ обществѣ, и въ народѣ, и, во всякомъ случаѣ, была бы въ тысячу разъ популярнѣе крымской. Во всемъ этомъ дѣлѣ меня очень занимаетъ туманная и миѳическая фигура Бисмарка. Всѣ какъ-будто чувствуютъ, что отъ этого человѣка зависитъ, чтобы вопросъ разрѣшился немедленно, а между тѣмъ, онъ гдѣ-то тамъ сидитъ молча. Самое молчаніе его есть постыдный для насъ приговоръ. Это-то и понимаетъ Европа, и вотъ почему мы играемъ постыдную роль. Словомъ, я совершенно согласенъ съ вами, что время тяжелое и гнетущее. А тутъ еще новый переворотъ въ Константинополѣ, выпускъ неномерованныхъ бумагъ. До очевидности ясно всякому ребенку, что Турція разложилась уже, и все-таки насъ хотятъ увѣрить, что мертвецъ живъ, и мы должны, по желанію англичанъ и нѣмцевъ, кушать за однимъ столомъ съ трупомъ. Пусть они остаются съ нимъ, если они потеряли всякое понятіе о нравственномъ чувствѣ, но кàкъ не происходитъ до сихъ поръ взрыва народнаго негодованія въ Россіи—я не понимаю! Ужасное время, страшное время, особенно послѣ общихъ хвалебныхъ пѣсенъ о благахъ цивилизаціи, о благородствѣ самого человѣка, подъ вліяніемъ этой цивилизаціи. Словомъ, нѣтъ мѣста въ человѣческомъ сердцѣ, которое бы не болѣло, нѣтъ чувства, которое бы не было самымъ нахальнымъ образомъ

осмѣяно! Скверная штука жизнь! А какъ Франція-то богата матерьяльно— уму непостижимо! Городской заемъ Парижа покрытъ самимъ Парижемъ только въ 50 разъ! Чортъ знаетъ, что̀ такое, золота и серебра дѣвать нѐкуда, а между тѣмъ... скверно, все человѣческое до нитки скверно и гнило. Отовсюду, изъ всѣхъ человѣческихъ сторонъ, изгнано и выброшено, какъ не нужное — чувство. Ничему не вѣрится, все регламентируется, все доведено до совершенства формы, удобства, комфорта, остается только: ѣсть, пить, спать, а затѣмъ, опять сначала, медленно подвигаясь къ ожирѣнію, а затѣмъ къ вымиранію. Finita la comedia, человѣкъ совершилъ все ему предназначенное!

Вотъ куда завело меня разсужденіе. Воображаю, что́ было бы, еслибы письмо подобнаго сорта кому-нибудь показать, а тѣмъ паче обнародовать! Какой гвалтъ поднялся бы, насмѣшки, хохотъ! И для всякаго очевидно стало бы, что оно писано сумасшедшимъ. Право такъ!

Верещагинъ горой за цивилизацію, машетъ руками, отчаявается въ правильности моего умственнаго здоровья, и окончательно совѣтуетъ мнѣ исправить свои взгляды и понятія, замѣнить, какъ онъ выражается, туманныя посылки ясными и реальными. А любопытный человѣкъ, чрезвычайно интересная натура! Но что̀ онъ дѣлаетъ—не знаю, гордость запрещаетъ мнѣ упрашивать его и набиваться, я вѣдь тоже съ гоноромъ; пожалуй, кончу тѣмъ, что не пойду къ нему, когда всѣ пойдутъ. Говорятъ, что онъ приглашаетъ товарищей, когда кончитъ что-либо, и въ это время выслушиваетъ замѣчанія и совѣты, и проситъ ихъ...

Не извѣстно ли вамъ, гдѣ теперь Антокольскій? Я не имѣю отъ него никакого извѣстія, а мнѣ бы нужно было знать, въ Россіи ли онъ, или нѣтъ еще? Кромѣ того, мнѣ бы интересно было знать ваше мнѣніе объ одной картинѣ Ковалевскаго, которую я не засталъ уже въ Римѣ, она была отослана въ Петербургъ. Картина большая, и, какъ говорятъ, превосходно написанная—«Раскопки римскія». Правда ли это? Она должна быть въ Академіи. Кромѣ того, теперь уже и картина Рѣпина должна быть въ Петербургѣ. Онъ ее тутъ значительно поправилъ въ послѣднее время, и она стала вообще лучше, даже хороша, мѣстами же очень интересна и фантастична. Интересно знать ваше мнѣніе. На самый кончикъ я оставилъ самое дурное: скажите мнѣ, могу ли я разсчитывать на нѣкоторую сумму (о которой мы говорили) такъ, мѣсяца черезъ два? Можетъ быть этого не потребуется, а можетъ быть — да.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLVII. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 28-го августа 1876 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Если я думалъ иногда, что я долго не получаю отъ васъ отвѣта, то догадки мои вертѣлись главнымъ образомъ около того предположенія, что письма мои не дошли, и собирался уже спросить у васъ объ этомъ, но такъ какъ съ этой стороны все оказалось въ исправности, да вдобавокъ еще у васъ такія серьезныя обстоятельства домашнія, то, само собою разумѣется, что вопросъ этотъ обслѣдованъ со всѣхъ сторонъ, и ужъ, разумѣется, не я на васъ буду въ претензіи.

Понимаю ваше нетерпѣніе видѣть картину Рѣпина, и жду съ нетерпѣніемъ вашего отзыва. Чтó же касается моего, то, если вы припомните, мой отзывъ объ ней никакъ нельзя было отнести къ неблагопріятнымъ или сомнительнымъ, и я ни капли изъ своей вѣры къ нему не утратилъ. Ему нужно было пошататься, нужно было многое испробовать, заглянуть во всѣ закоулки, и потомъ уже, бросивъ все, какъ ненужный хламъ, пойти своей дорогой. Я убѣжденъ, что все, что онъ теперь сдѣлаетъ, будетъ увеличивать не его, а наше богатство.

Я радуюсь, что нѣкоторыя изъ моихъ мнѣній совпадаютъ съ вашими, готовъ болтать передъ вами обо всемъ, о чемъ вы спрашиваете, но писать письма покороче—очень трудно, гораздо труднѣе, чѣмъ это кажется съ перваго раза. Ваши письма, помимо вашей воли, подняли во мнѣ такую массу вопросовъ, что я началъ метаться изъ одной стороны въ другую, наговорилъ вещей совершенно не идущихъ къ дѣлу, и еслибы вы знали, кàкъ я раскаявался послѣ ихъ отправленія, кàкъ желалъ ихъ воротить и вымарать многое! И не потому, чтобы я отказался отъ своихъ взглядовъ, а потому, что эти взгляды, тамъ, въ письмѣ, стоятъ такъ рогато и неуклюже, такъ мѣшаютъ понять правильно мои мысли, что человѣку, получившему ихъ, предстоитъ работа очистки нелегкая. Повторяю, все, что я тамъ нагромоздилъ, составляетъ части моихъ убѣжденій, и еслибы ихъ помѣстить въ надлежащее мѣсто, то, если ихъ нельзя раздѣлять (чтò очень вѣроятно), понять ихъ было бы можно, такъ какъ онѣ тѣсно примыкаютъ къ главнымъ положеніямъ моего міросозерцанія, говоря высокимъ слогомъ. Покончивши такимъ образомъ съ этою стороною, перехожу къ вашимъ вопросамъ.

Вы спрашиваете, раздѣляю ли я обще-французское мнѣніе о «геніальности» и «величіи» Делакруа (въ прежнее время), и Кор̀о, Руссó, Добиньи и иныхъ въ настоящее, купно съ Энгромъ? Дѣло въ томъ, что съ французами очень мудрено согласиться намъ, русскимъ. Чтó вы сдѣлаете съ французами, когда для нихъ, должно быть, недоступны нѣкоторыя психи-

ческія области. Напримѣръ, корреспонденція Суворина изъ Бѣлграда, гдѣ онъ разсказываетъ о Черняевѣ, о сербской арміи, и вообще рисуетъ положеніе дѣлъ. Корреспонденція, не смотря на ея кажущійся легкій тонъ, чрезвычайно серьезная, была перепечатана, въ отрывкѣ, въ газетѣ «Gaulois», и чтоже? Французъ приводитъ ее, какъ курьозъ, какъ доказательство комическаго положенія Черняева, и вообще, какъ мотивъ смѣшной. Я уже не помню точнаго выраженія, но, во всякомъ случаѣ, это образчикъ поразительной легкости. У нихъ тотчасъ является наморщенный лобъ, когда имъ нужно изображать высокія чувства. Такъ и Энгръ. Я еще могу до нѣкоторой степени догадываться, когда они толкуютъ о величіи Делакруà, и даже Корò, но какъ только упоминается имя Энгра, у меня опускаются руки. А вѣдь это дѣлаетъ Золà, и говоритъ такимъ глубоко невозмутимымъ образомъ объ его (Энгра) величіи, что не допускаетъ никакого сомнѣнія въ истинности его убѣжденія. Словомъ, я совершенно согласенъ, что никто изъ названныхъ не великъ, а тѣмъ паче не геніаленъ; но каждый изъ нихъ имѣетъ кое-что, заслуживающее внимательнаго изученія и, пожалуй, памяти. Напримѣръ, Делакруà—это одинъ изъ оригинальнѣйшихъ колористовъ, въ смыслѣ красокъ, въ тѣсномъ смыслѣ. Корò взялъ поле еще ограниченнѣе, и у него только и есть, что стараніе самымъ неумѣлымъ образомъ и безсильно ввести воздухъ между предметами. Руссò нѣсколько глубже, а у Добиньи есть вещи, положительно впечатлительныя. До геніальности еще далеко, какъ видите. О нѣмцѣ Карстенсѣ я знаю кое-что, знаю, что его соотечественники очень высокаго объ немъ мнѣнія, знаю также, что для нѣмца глубокомысліе дороже всего, а такъ какъ оно встрѣчается чрезвычайно рѣдко, и часто не въ той области, въ которой желательно, а между тѣмъ нѣмецъ повѣрилъ, что ему оно (глубокомысліе) отпущено Господомъ Богомъ наиболѣе щедро, то чтожъ мудренаго, что онъ съ нимъ носится. До сихъ поръ это пока забавно, но если нѣмецъ вздумаетъ насильно его навязывать намъ, какъ французы уже давно навязываютъ Европѣ свою геніальность, то, смѣло говорю, произойдетъ возмущеніе. Возмущеніе уже и началось, началось съ разныхъ сторонъ. Думаю, что недалеко уже время, когда оно станетъ совершившимся фактомъ. Упоминая въ прежнихъ письмахъ о Карло Дольчи, Гвидо и Грёзѣ, я ихъ хотѣлъ привести, какъ доказательство необходимаго пересмотра старыхъ приговоровъ о величіи того или другого. Правда, что лѣтъ 50, какъ они уже не суть авторитеты, но было время, когда они пользовались всемірной славой, стало быть было какое-то недоразумѣніе, что этихъ господъ такъ хвалили; и, къ сожалѣнію, разныя недоразумѣнія существуютъ относительно новыхъ репутацій, и даже намъ современныхъ.

Чтò такое Харламовъ? вы спрашиваете. Да то, что, принимая приго-

воры Зола за истинные, онъ совершенно вѣрно говоритъ объ немъ: вѣдь Энгръ—великій человѣкъ, ну, а у Харламова живопись солидная. Такъ говоритъ Зола, и это вѣрно, къ этому я ничего прибавить не могу и совершенно съ нимъ согласенъ.

Согласенъ ли я съ И. С. Тургеневымъ—я еще не знаю, но думаю, что ему можно многое простить, ради того, что онъ совершенно не виноватъ, и даже невиненъ, въ своихъ художественныхъ симпатіяхъ, такъ какъ онѣ у него вытекаютъ изъ его иностранно-французскаго склада понятій, благопріобрѣтенныхъ имъ въ послѣдніе года жизни, и той доли ѳиміама, которую нѣкоторые наши органы печати усердно стараются распространять. Послѣ его отзыва о русскомъ народѣ («Складчина», выноска изъ письма къ Я. П. Полонскому), для каждаго изъ насъ должно быть ясно, чѣмъ сталъ Ив. Серг. Тургеневъ.

И такъ, что такое французское искусство? Есть ли оно выразитель художественныхъ потребностей народовъ Европы, наиболѣе полный и желательный? И потомъ, что обязательно для насъ, русскихъ, усвоить себѣ изъ того художественнаго капитала, который накопился здѣсь, принимая Парижъ за средоточіе художественной жизни? Все это вопросы, на разрѣшеніе которыхъ у насъ, въ Россіи, такая настоятельная необходимость, что мы, если желаемъ сдѣлать слѣдующіе шаги, обязаны ихъ разрѣшить самымъ серьезнымъ образомъ. Конечно, по дорогѣ придется коснуться пересмотра всѣхъ теорій и взглядовъ, существовавшихъ и существующихъ, а также и переоцѣнки коллекцій и галлерей старыхъ мастеровъ.

Но... въ настоящую минуту, я, вотъ уже болѣе двухъ недѣль, ничего не могу думать, послѣ обнародованія въ англійскомъ парламентѣ переписки по восточнымъ дѣламъ, которая до ослѣпительности ясно показываетъ, чего можно ждать отъ высокообразованныхъ руководителей англійской политики, и что еще неизвѣстное намъ скрывается въ сердцахъ и головахъ другихъ не менѣе образованныхъ руководителей другихъ государствъ: систематическое, завѣдомое и желательное истребленіе народовъ, есть фактъ.

Убѣдительно прошу васъ, Владиміръ Васильевичъ, нельзя ли мнѣ устроить полученіе «Новаго Времени» — здѣсь, въ Парижѣ, немедленно? Жена моя хотѣла видѣть Суворина, чтобы сдѣлать это по моей просьбѣ, но не знала, что его нѣтъ, и я обращаюсь къ вамъ, такъ какъ она уѣхала опять на дачу, а затѣмъ сообщить объ этомъ женѣ моей, она внесетъ деньги. Прилагаемую записочку, прошу васъ, если не въ трудъ, переслать Антокольскому. Рѣпину очень кланяюсь, и жду отзыва вашего, если обстоятельства вамъ позволяютъ. И. Крамской.

CLVIII. Къ П. М. Третьякову.

Trépоrt, 14 (2-го) сентября 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Сегодня утромъ у меня былъ Верещагинъ въ Парижѣ, а я собирался уѣзжать въ Трепоръ къ Боголюбову на нѣсколько дней, съ радости, что офортъ мой почти конченъ, по крайней мѣрѣ голова, и, стало быть, я обезпеченъ. Мастерская готова будетъ черезъ двѣ недѣли; ну, дѣлать, такъ сказать, нѐчего, я и собираюсь, а Верещагинъ тутъ какъ тутъ. И что́ я узналъ! Многое я беру назадъ, а что̀ именно, тому слѣдуютъ пункты.

1-е. Я, по свойству моей натуры, не довѣрять, пока не ощупаю, полагалъ, что Верещагинъ въ денежномъ отношеніи не совсѣмъ такъ простъ, какъ кажется—оказывается, что я ошибался: онъ гораздо проще того еще, чѣмъ кажется, съ одной стороны, съ другой же, остается человѣкомъ практическимъ высшаго пошиба, ка̀къ вы выразились.

2-е. Дѣтство, чистота намѣреній, честность простираются до невинности новорожденнаго и дѣйствуютъ чрезвычайно обаятельно (примите это замѣчаніе какъ излишнее, крайнее, и отнеситесь къ нему самымъ скептическимъ образомъ).

3-е. Безнадежность полная, чтобы натура эта приняла когда-нибудь культурныя формы въ сношеніяхъ своихъ съ обыкновенными смертными, (если отнесетесь къ этому заключенію еще скептичнѣе, чѣмъ ко 2-му, то не будете въ проигрышѣ).

Къ чему же тогда служатъ мои заключенія, если ихъ надо ограждать такими оговорками? Да просто къ тому, чтобы они не были ни для кого обязательными, а тѣмъ паче для васъ. Заключенія эти годны только для меня...

...Картинъ начата тьма, масса этюдовъ, дѣваться нѐкуда, приходится полотна свертывать, чтобы какъ-нибудь помѣститься, а мастерская... если не извернется онъ теперь, то черезъ мѣсяцъ наложатъ запрещеніе на постройку, и ужъ я не знаю что̀ будетъ! Что̀ это такое — судите сами... Верещагинъ сказалъ, что онъ хотѣлъ мнѣ показать постройку, а я подумалъ — вотъ случай заглянуть въ мастерскую.

И такъ, Павелъ Михайловичъ, дѣла очень и очень непріятныя! Какъ подумаешь все это: честность, искусство, геній и разныя другія не менѣе громкія слова — и можетъ быть не одни слова, а и самое содержаніе этихъ словъ, зависятъ и сводятся къ чему же? Копѣйкамъ, рублямъ, франкамъ! Знаете ли: тяжело и гадко писать все это. Письмо, какъ видите, крайне безпорядочное, мало понятное, особенно въ деталяхъ, и что́ и почему, но подробно, обстоятельно — не хватитъ ни времени, ни мѣста, а письмо должно быть брошено хотя сегодня непремѣнно, а потому до другого раза,

если поинтересуетесь узнать, ка́къ все происходило, а я знаю, и могу коечто добавить. Чрезъ недѣлю я буду обратно въ Парижѣ.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLIX. Къ нему же.

Парижъ, 17 (5) октября 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Наконецъ-то я въ мастерской! Вчера отпущены послѣдніе рабочіе, все устроено, и я получилъ возможность писать вамъ...

Теперь, больше чѣмъ прежде, остаюсь при своемъ мнѣніи, что Верещагинъ человѣкъ именно послѣдней, новѣйшей формаціи; это типъ и порода, именно порода. У него все другое, чѣмъ у обыкновенныхъ смертныхъ: религія, философія, образъ мыслей и поступковъ, и даже чувства другія.

Лично я еще не собрался съ мыслями и ничего не началъ—а сколько времени уже ушло! Что-то страшновато, заѣхалъ далеко, потратилъ страшно, и все изъ-за какого-то идеальнаго намѣренія! Сорокъ лѣтъ человѣку, а онъ все возится съ чѣмъ-то, и почему, подумаешь, не поступаетъ практично? Сидѣлъ бы себѣ, да заработывалъ, можетъ быть годиковъ черезъ пятокъ дѣтки были бы и обезпечены... Точно мальчикъ, точно впереди въ его распоряженіи вѣчность. Знаете, я иногда думаю, что въ моей головѣ что-нибудь не въ порядкѣ. Вѣдь не видалъ я еще такого никогда. Всѣ люди. посмотришь, какъ люди! Въ свое время къ нимъ и обезпеченіе приходитъ, въ свое время и слава, въ свое время и все остальное, даже смерть. Полагаю, что гостья эта ко мнѣ пожалуетъ, какъ и все другое — не во время... Вы думаете, къ чему это я веду рѣчь? Недаромъ завилялъ хвостомъ:—ничего больше какъ къ тому, чтобы попросить денегъ, не болѣе и не менѣе. И собираюсь я у васъ просить 1,000 руб., потому что офортъ мой хотя и конченъ (почти), но выйдетъ не ближе 2-хъ мѣсяцевъ. На него уже открыта подписка, пока здѣсь въ Парижѣ, недѣлю тому назадъ, т. е. не подписка, а я объявилъ, что оттисковъ avant la lettre будетъ 50, и каждый... ка́къ бы вы полагали, сколько я назначилъ? (т. е. не я, а Боголюбовъ) ого-го! 100 р.!!! Вотъ вамъ и непрактичность! Заявленій получено уже 5. Не знаю, какъ дальше будетъ, а теперь пока недурно: всѣ, кто знаетъ портретъ, хотятъ имѣть. Если можно для васъ, по полученіи этого письма, сдѣлать ссуду немедленно — хорошо. Послѣ всего остается очень мало мѣста, даже для выраженія моего уваженія Вѣрѣ Николаевнѣ, и какъ пришелъ мой учитель языка, то и кончаю письмо. Напишите, будете ли въ Парижѣ, или ограничитесь Италіей?

Уважающій васъ И. Крамской.

CLX. Къ А. С. Суворину.

Парижъ, 5-го ноября (24-го октября) 1876 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Не знаю, какъ и кто именно мнѣ сдѣлалъ услугу, что я получаю (т. е. буду получать) «Новое Время». Первый № у меня уже, во всякомъ случаѣ благодарю васъ. Я хлопоталъ, и безъ успѣха, болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, о томъ, чтобы для меня подписались. Но только теперь я буду знать наконецъ, что у насъ дѣлается въ настоящее страшное и исторически важное время. До сихъ поръ мнѣ приходится довольствоваться отрывочными свѣдѣніями, а между тѣмъ переживаешь иногда минуты положительно ужасныя. Я никогда не подозрѣвалъ въ себѣ такого глубокаго интереса къ разнымъ политическимъ замѣшательствамъ, какой испытываю теперь. Положимъ, я всегда интересовался, что дѣлается, а во время французско-прусской войны были и волненія, и положительныя симпатіи, или антипатіи, къ тому или другому народу, или событію; но теперь, нѣчто положительно лихорадочное. Судите же, какъ я доволенъ, что буду знать, по крайней мѣрѣ, что дѣлается.

Вы помните, я уѣзжалъ на Востокъ; и тогда уже было мрачно на всемъ Востокѣ, я имѣлъ изъ достовѣрнаго источника свѣдѣнія, что за спокойствіе на Востокѣ нельзя поручиться и за мѣсяцъ, а потому я съ сердечнымъ сокрушеніемъ взялъ на Юго-западъ, въ Италію. Дѣло разгоралось. Я зналъ мало, но и то малое было способно обращать на себя вниманіе, я, однякожъ, отмахивался, и все увѣрялъ себя, что это тамъ дѣло дипломатіи... она уладитъ. Но затѣмъ ходъ дѣлъ все болѣе и болѣе разгорался, недѣля совершенно измѣняла взгляды и мысли; наконецъ рѣзня въ Болгаріи, объявленіе сербской войны, а самое (для меня) вразумительное, обсужденіе въ англійскомъ парламентѣ переписки по восточнымъ дѣламъ. Это лишило уже меня окончательно спокойствія. Эта знаменитая переписка доказала моему невѣжеству съ поразительною ясностію, что всѣ убійства, что совершились и еще имѣютъ совершиться, не суть ошибка, нечаянность, неосторожность наконецъ, а совершенно сознательное и разсчитанное дѣйствіе англійскихъ джентльменовъ, которыхъ уже никакъ нельзя заподозрить въ неразвитости, невѣжествѣ и отсутствіи цивилизаціи. Мнѣ ясно стало, что что-то будетъ важное, я положительно потерялъ хладнокровіе, и все думалъ: что же Россія? Что же мы будемъ дѣлать въ виду этого? Что же наконецъ народъ? Какъ онъ тамъ? Съ радостію узналъ я, что движеніе началось, все зашевелилось, оставалось только, чтобы впереди было сказано громко честное и твердое слово. Но этого слова не было, долго не было, я просто горѣлъ. Да какъ же, думаю себѣ, не произойдетъ взрыва негодованія? Развѣ можно терпѣть, развѣ можно

дожидаться! Вѣдь рѣжутъ! Понимаете ли, рѣжутъ! днемъ, на глазахъ просвѣщенной Европы. Чтò тутъ разсуждать, поймите, что всѣ славяне окончательно, на вѣчныя времена, возненавидятъ (и справедливо) насъ, русскихъ, что, наконецъ, еслибы этой справедливой ненависти мы не заслужили, то мы сами передъ собою будемъ подлецами. Чего мы только раньше не наболтали, и сами дали надежду и поощреніе, сербамъ и прочимъ. Не знаю, дали ли формально (потому что передъ началомъ сербской войны русское правительство сказало, что она должна вести войну на собственный страхъ). Во всякомъ случаѣ, года $1^{1}/_{2}$ тому назадъ, многое было бы иначе, еслибы политика Россіи давала поводъ надѣяться славянамъ на помощь... и вдругъ теперь, когда краска стыда не сходитъ съ лица, правительство медленно, тихо, нерѣшительно..... а тамъ все рѣжутъ, рѣжутъ, рѣжутъ!.. Понимаете ли, кàкъ мнѣ необходимо было знать, чтò дѣлается! Наконецъ, война или нѣтъ? Я уже два раза не могъ мѣнять свои деньги, не принимали: говорятъ, ничего не можемъ предложить, а завтра будетъ, можетъ быть, еще хуже — за 100 руб. 3 франка! Каково! Ну, думаю себѣ, слава Богу, развязывается! А тутъ такъ много вездѣ умныхъ людей, которые разсуждаютъ: да помилуйте, кàкъ можно воевать, не дай Богъ! У насъ денегъ нѣтъ, мы не готовы! Господи, это въ 22-то года! Да, говорю, поймите же: вѣдь позоръ, подло! Вѣдь мы же сами виноваты въ томъ, чтò случилось (по крайней мѣрѣ во многомъ), виноваты уже тѣмъ, что насъ не жгутъ и не рѣжутъ! Толкуютъ одно: не дай Богъ, мы не готовы, денегъ нѣтъ! Ахъ, я вамъ говорю, такъ бы вотъ и вцѣпился въ этакого! А тутъ этотъ народный энтузіазмъ. Онъ меня положительно заставилъ трепетать. Ну, кàкъ народу скажутъ, что—не надо! Чтò же это за комедія? Въ этакомъ-то состояніи прошу одного, другого, подписаться (васъ не было), и вотъ только теперь я буду хотя знать. Спасибо вамъ. Сдается мнѣ, что ни одна война XIX-го столѣтія не затрогивала такихъ чисто человѣческихъ сторонъ, и не подводили итоговъ, на сколько у просвѣщенныхъ и цивилизованныхъ народовъ осталось сердца. Жутко становится теперь въ наше время, когда и проч. Знаете, есть припѣвъ такой у либераловъ: человѣкъ респектабельный, въ бѣломъ галстухѣ, во фракѣ, необычайно вѣжливый и честный, спокойно сидитъ въ тихомъ и уютномъ кабинетѣ, и хладнокровно соглашается, чтобы лучше тамъ какихъ-то болгаръ, чтò ли, перерѣзали, нежели допустить пошатнуться цифрѣ неизбѣжно поступающаго дохода. Не хорошо. Еще спасибо вамъ. Не поздно ли слово-то сказано? На совѣсти много!

И. Крамской.

CLXI. Къ П. М. Третьякову.

Парижъ, 30-го октября (10-го ноября) 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я очень буду жалѣть, если вы не получите моего письма, посланнаго въ Римъ poste restante, какъ вы писали передъ выѣздомъ изъ Москвы, потому что тамъ я обстоятельно писалъ о Верещагинѣ—въ другой разъ сообщать то же будетъ уже не совсѣмъ удобно, да и я самъ кое-что могу забыть. Письмо мною послано уже очень давно, тотчасъ же какъ я получилъ отъ васъ извѣстіе, что вы выѣзжаете; стало быть, около мѣсяца уже миновало, и надо полагать, что письмо залежится и забудется. Кромѣ того, я писалъ и о политикѣ, но такъ какъ въ это время событія слѣдовали одно за другимъ чрезвычайно быстро, то и эта часть письма должна потерпѣть значительный уронъ. Одно, что остается во всей силѣ въ томъ письмѣ, это просьба къ вамъ о переводѣ на меня 1,000 рублей; это и теперь имѣетъ для меня всѣ прелести новизны, и одно не утратило для меня интереса. Письмо это передастъ вамъ Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, котораго вы, вѣроятно, увидите во всякомъ случаѣ въ Римѣ. Увидите и статую «Сократа», которую я продолжаю считать лучшимъ его произведеніемъ. Мнѣ будетъ очень интересно узнать ваше мнѣніе о ней; я знаю, что можно тамъ сказать, оно не много, но важно. Но, не смотря на то, въ ней много силы и поэзіи. Многіе не находятъ ее таковою, какъ я, особенно Боткинъ, а отъ него (кажется по рефлексу) и Солдатенковъ, который недавно проѣхалъ черезъ Парижъ.

Вспоминая Италію, я вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминаю и ваши слова, что Римъ интересный городъ. Со времени 69 года, должно быть, утекло много воды. Тогда я нашелъ, собственно говоря, поучительнаго не много въ Парижѣ, особенно изъ новаго, но теперь и то немногое, что я нашелъ, какъ будто еще понизилось; и потому я съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю Римъ, Неаполь, и вообще все, что я видѣлъ въ Италіи. О Россіи я уже и не говорю—ибо родина, а въ ней даже безобразія имѣютъ кое-что, какъ будто не совѣмъ уже скверное. Уважающій васъ И. Крамской.

Марочка, мой бѣдный мальчикъ, умеръ 9-го октября!

CLXII. Къ нему же.

Парижъ, 10-го ноября 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Былъ у меня Авденко, въ ту минуту, когда и я у него былъ; затѣмъ, на другой день, я получилъ деньги во франкахъ, что я предпочелъ, такъ какъ курсъ очень падаетъ (или, лучше, колеблется). Не знаю, что будетъ впереди, такъ какъ было уже нѣ-

сколько разъ, что русскихъ денегъ совсѣмъ не принимали къ размѣну. Получилъ я по 310 за сто рублей; я считаю это хорошимъ, такъ какъ было хуже, а будетъ, вѣроятно, еще сквернѣе, и въ недалекомъ будущемъ, такъ какъ мы должны вести войну: во всякомъ случаѣ этого требуетъ народная совѣсть, или (въ противномъ случаѣ) мы окончательно подорвемъ свой нравственный кредитъ передъ славянскимъ міромъ. Что дѣло не шуточное, и что оно теперь только разгорается — это видно изъ того потока ненависти, который изливается на насъ западными цивилизованными государствами, а также и изъ того, что дѣло Россіи — есть дѣло справедливости и гуманности. Но это политика, въ которую вы окунетесь достаточно по возвращеніи въ Россію, и во всякомъ случаѣ теперь для васъ подальше отъ этого — получше.

Вы пишете, что во все время путешествія васъ не покидало чувство покоя. Думаю, что я васъ понимаю въ этомъ случаѣ. Вы, не смотря ни на свое положеніе, ни на свои средства, трудитесь и работаете такъ, кàкъ не многимъ работникамъ достается на долю — и (не знаю, правда ли) самыя эти кажущіяся громадными средства, въ значительной степени зависятъ отъ того истощенія силъ, которымъ вы страдаете. Покой, вами испытанный, есть тотъ живительный сонъ, который даетъ возможность организму бороться съ тѣмъ, что̀ мы называемъ жизнью. Никогда еще у меня не было до сихъ поръ въ моей жизни того, что́ я испытываю теперь: вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ мнѣ нравится мысль умереть. Въ самомъ дѣлѣ, не лучшее ли это состояніе для человѣка? Покой, но ужъ абсолютный, вѣчный, и только шумъ природы надъ могилой, какъ превосходная музыка, свидѣтельствуетъ, что жизнь не прекращается. Но какая жизнь?! И что́ мы видимъ на свѣтѣ? Особенно въ толпѣ животныхъ, названныхъ по ошибкѣ человѣками. Мой дорогой мальчикъ, быть можетъ лучшій по сердцу—умеръ; и кàкъ мнѣ ни страшно отъ этого, но я считалъ бы себя счастливѣе, еслибы и я умеръ ребенкомъ. Маленькихъ такъ жаль, они такіе безпомощные, такіе любящіе, такіе чистые и такіе бѣдные, что сердце надрывается. И не знать подкладки жизни—лучше, чѣмъ знать и не мочь двинуть моремъ и землею, чтобы засыпать и раздавить это злое и кровожадное племя! Состояніе это пришло ко мнѣ не внезапно—оно давно уже подготовлялось и созрѣвало, а смерть моего дорогого мальчика только освѣтила тотъ пунктъ на моей дорогѣ, гдѣ я нахожусь.

Часто въ послѣдніе 4 года приходилъ мнѣ на память честный, горячій и геніальный мальчикъ Васильевъ. Кàкъ онъ рано догадался о той пропасти, которая раздѣляетъ двѣ жизни: природы и животныхъ. Что́ онъ говорилъ по этому поводу! Въ его пейзажѣ крымскомъ, находящемся у Сергѣя Михайловича, есть эта нота — въ небесахъ, горахъ, и вообще въ

заднихъ планахъ: тамъ есть такая торжественность, такой торжественный шумъ далекаго лѣса, и эти три сосны одинокія вызываютъ въ памяти какіе-то забытые стихи, гдѣ-то, на какомъ-то старомъ камнѣ написанные, что я разсказать вамъ не могу, что́ я испытываю, когда вижу этотъ пейзажъ. Въ то же время, въ немъ такъ много есть болѣзненнаго въ первыхъ планахъ, видна такая усталость руки, и такое помраченіе глаза, что самый пейзажъ много отъ того теряетъ. Но я никогда не забываю при этомъ, что это одинъ изъ наиболѣе поэтическихъ пейзажей вообще. Васильевъ любилъ природу и понималъ ее—вѣдь это такъ рѣдко дается человѣку! И Васильевъ умеръ. Онъ ко мнѣ часто обращался съ вопросомъ: зачѣмъ у меня въ большинствѣ случаевъ такое горестное выраженіе, когда я счастливъ? Онъ этого не могъ понять, что личное счастіе еще не наполняетъ жизни!..

Однакожъ, извините, я ни къ селу ни къ городу заговорилъ совсѣмъ о постороннемъ, и выпустилъ изъ виду, что въ вашемъ письмѣ есть пункты, на которые я долженъ еще отвѣчать, хотя бы напримѣръ объ Антокольскомъ. «Сократа» его я увидалъ въ глинѣ (это много значитъ), и послѣ двухъ-трехъ разъ я писалъ вамъ о своемъ впечатлѣніи. Потомъ, при мнѣ его формовали, и я видѣлъ его въ гипсѣ уже: впечатлѣніе нѣсколько иное—хотя продолжало быть серьезнымъ. Но и въ глинѣ было кое-что, противъ чего я могъ бы сказать. Недостатки техническіе (напримѣръ, предплечіе) меня не особенно смущали, какъ и вообще я къ этому снисходителенъ, но тамъ было нѣчто бо́льшее, именно: голова была хорошая, но скопированная съ существующихъ бюстовъ почти слѣпо, а не живо и глубоко почувствованная художникомъ. Я не могу этого высказать ясно, потому что это особенно трудно, но думаю, что вы понимаете, что́ я хотѣлъ сказать. Что́ же касается общей концепціи, положенія фигуры, рукъ, ногъ, повязки и головы, то, признаюсь, я немного знаю такъ просто и глубоко-драматично задуманныхъ произведеній. Есть въ самой лѣпкѣ какая-то мелочность отдѣлки, хотя значительно мѐньшая, чѣмъ, напримѣръ, въ «Иванѣ», но все-таки еще есть, и это можетъ быть отнесено къ недостаткамъ этого произведенія, хотя и второстепеннымъ. Главный же—это копированіе головы. Я знаю, что защищаться мнѣ здѣсь очень трудно, такъ какъ всякій скажетъ: да ка̀къ же прикажете иначе, когда существуютъ бюсты и портреты? Конечно, ка́къ же иначе? Но только, когда я взошелъ, то увидалъ человѣка, положеніе котораго чрезвычайно глубоко прочувствовано, отъ конечностей до шеи и до темени, но этотъ человѣкъ, когда бы пошевелился, то не могъ бы имѣть такой огромный носъ и такія брови. Странно, бездоказательно, но мнѣ кажется та̀къ. Что касается того, что это не трупъ, то это вѣрно. Но это и не есть еще трупъ. Трупомъ онъ станетъ черезъ часъ, а теперь онъ только что выронилъ чашу отъ выпитаго яда. Но по-

вторяю въ заключеніе, тотъ Сократъ, котораго я видѣлъ, безвозвратно погибъ, и я очень радъ былъ встрѣтить вашъ взглядъ на скульптуру вообще (современную). Все, что вы говорите объ этомъ, глубоко вѣрно, по моему, но я радъ не тому, что я согласенъ съ вами, а бо́льшему, тому, что существуютъ любители, одаренные такого рода чутьемъ. Что́ касается до спекулятивнаго направленія современнаго искусства, то взглядъ вашъ, хотя и рѣдкій, но не новый: объ этомъ уже давно догадались, и говорили нѣсколько разъ, и мнѣніе это уже можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ кружкахъ. Что́ же касается — скульптуры (т. е. вашего на нее взгляда), то объ этомъ догадываются не многіе, по крайней мѣрѣ изъ публики. А Микель-Анджело, разумѣется, самъ рубилъ, еще бы! Достаточно взглянуть на любой остатокъ древности, чтобы понять, какая бездна лежитъ между вѣкомъ вѣры и любви въ художественныя произведенія—и теперешнимъ, когда законы пишутся Гупилями. А неужели вы не заѣдете въ Парижъ? Что́ касается портрета офорта, то я, какъ видавшій виды, скажу вамъ: во всѣ времена царскій портретъ представляетъ кредитный билетъ, бо́льшаго или мѐньшаго достоинства, смотря по исполненію, но непремѣнно денежный знакъ. Уважающій васъ И. Крамской.

CLXIII. Къ нему же.

Paris, 24-го ноября 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Пишу къ вамъ только нѣсколько строкъ, чтобы исполнить ваше желаніе знать: нужно ли вамъ пріѣхать въ Парижъ? Отвѣчаю, не нужно, какъ потому, что у меня нѣтъ ничего, и не нужно въ томъ случаѣ, еслибы что-нибудь и было даже. Я спросилъ только такъ, изъ желанія видѣть васъ, и помня предполагавшійся вашъ маршрутъ прежде. Пріѣздъ вашъ сюда не могъ и не долженъ состоять ни въ какой связи съ чьими-либо частными дѣлами, а можетъ зависѣть только отъ потребностей лично вашихъ. Интереснаго здѣсь мало, кромѣ, разумѣется, самого Парижа, и что́ собрано народомъ. Я очень радъ, что вы получили мое письмо въ Римѣ, а то я былъ въ недоумѣніи, ка̀къ бы васъ увѣдомить поскорѣе, какъ о полученіи денегъ, такъ и просто сдѣлать вамъ извѣстнымъ, что я очень хорошо понимаю, что письма, подобныя послѣднимъ, не могутъ быть оставлены безъ отвѣта. Что касается моего личнаго настроенія, то это не вспышка, а давно подготовлявшійся поворотъ во взглядѣ на Божій міръ. Уважающій васъ И. Крамской.

CLXIV. Къ нему же.

Парижъ, 10-го декабря 1876.
Rue de Vaugirard, cité Talma, 12.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Работы мои, которыя я просилъ васъ выслать въ февралѣ, будутъ необходимы раньше, такъ какъ оказывается, что 1-го марта уже кончается пріемъ вещей для Салона, это первое; а второе: 1-го февраля откроется еще избранная выставка, такъ называемая «Мирлитонъ», общества художниковъ, гдѣ Боголюбовъ членомъ, и гдѣ я думаю дебютировать тоже. Въ мартѣ тамъ же будетъ другая выставка, акварелей и рисунковъ, а потомъ съ мая мѣсяца Салонъ. Ни на одну выставку отъ каждаго экспонента больше 2-хъ вещей не принимаютъ, а потому я буду просить васъ выслать, кромѣ тѣхъ вещей, о которыхъ мы говорили, еще Васильева и Антокольскаго. Я рѣшаюсь три раза о себѣ напомнить въ Парижѣ (какъ громко!), и вещи мнѣ нужны сейчасъ послѣ новаго года; слѣдовательно, если вамъ все равно, будьте такъ добры, вышлите немедленно.

Картинку Ковалевскій вышлетъ вамъ надняхъ, но не ту, о которой я упоминалъ, такъ какъ, зайдя къ нему на другой день послѣ вашего отвѣта, я нашелъ у него новую, и, по моему, лучшую, которую и просилъ кончить. Сюжетъ: встрѣча 2-хъ саней на дорогѣ зимой; къ однимъ санямъ, къ задку, привязаны 2 заводскихъ лошади. Я вамъ глубоко благодаренъ, что вы не отказали въ моей просьбѣ, и рѣшились взять у него вещь, вамъ въ сущности не нужную. Но, быть можетъ, когда вы ее увидите, то жалѣть очень не будете. Какъ бы то ни было, я вамъ очень благодаренъ. Дѣло въ томъ, что хотя я и не особенно симпатизирую Ковалевскому, но онъ меня подкупаетъ страшной добросовѣстностью и любовью къ своему дѣлу; у него нѣтъ нерва, правда, но знанія и любви — тьма, и потомъ онъ рѣшительно дѣлаетъ успѣхи въ колоритѣ.

Не забудьте приложить юбку платья *). Извините за неряшливость письма, но ждетъ еще пять штукъ. Очень много нужно писать. Будьте здоровы.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

Если вы найдете возможнымъ присоединить Григоровича, то пришлите и его, но это — ка̀къ знаете и ка̀къ думаете.

*) Для портрета Вѣры Николаевны Третьяковой. *Ред.*

CLXV. Къ нему же.

Парижъ, 25-го декабря 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Видитъ Богъ, я бы не хотѣлъ обременять васъ больше, но я возвращаюсь въ Россію. Оставаться здѣсь болѣе—было бы преступленіемъ. У меня еще одинъ на дорогѣ къ смерти (самый маленькій) и Софья Николаевна, судя по письму, не въ нормальномъ состояніи. И потомъ, все, или почти все, что̀, по политическимъ состояніямъ въ Европѣ, мнѣ было необходимо видѣть—я видѣлъ, стало быть работать почти одинаково, что въ Парижѣ, что въ Россіи. Придется подождать, пока я буду имѣть мастерскую, куда бы можно было внести хоть холстъ, это правда, но ждать мнѣ не привыкать. Обращусь къ другому, что̀ на очереди. И такъ, теперь прошу васъ выслать мнѣ еще 1,000 рублей уже въ Петербургъ, гдѣ я буду около первыхъ чиселъ января мѣсяца новаго года. Туда же прошу прислать и портретъ Вѣры Николаевны, безъ рамы (если не случилось несчастья и вы не отправили его въ Парижъ, о чемъ я извѣщалъ васъ телеграммой). Кромѣ того, я бы просилъ васъ дать мнѣ работу для начала немедленной уплаты, если таковая есть у васъ, то есть, работа. Сегодня суббота, вчера вечеромъ я узналъ о необходимости ѣхать, и выѣзжаю, вѣроятно, во вторникъ. Впрочемъ, я еще напишу вамъ, какъ только возвращусь въ Петербургъ.

И. Крамской.

CLXVI. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 22-го января 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Портреты я получилъ въ совершенной исправности, платье тоже. Извините, что не отвѣчалъ тотчасъ же, но я только сегодня могъ быть у Александровскаго и видѣть портретъ Тютчева, и вотъ мое впечатлѣніе: онъ производитъ впечатлѣніе пріятное, но долго нельзя догадаться, чѣмъ это сдѣлано? Ближе всего это большая и хорошая фотографія, покрытая одной охрою, и только. Кромѣ того я нашелъ, при сличеніи съ оригиналомъ фотографіи, съ котораго онъ дѣлалъ, кое-что въ выраженіи рта. Это я все сказалъ Александровскому прямо, но сказалъ также и вотъ что̀: что какъ сходство и портретъ—онъ удовлетворяетъ, но я предоставляю себѣ право вмѣшаться съ совѣтами, и попрошу какъ-нибудь вмѣстѣ, то есть, при мнѣ, поправить его. Много въ живописи онъ не исправится, это вѣрно, хотя я, говоря вамъ откровенно, думаю, что у него есть что-то оригинальное. Это вовсе не живопись, правда, но въ немъ есть что-то, что мнѣ даже нравится, и очень, и мое

мнѣніе: съ нимъ, съ портретомъ, надо обойтись осторожно. Мы какъ-нибудь это и сдѣлаемъ. Носъ не отвѣчаетъ общему характеру въ лѣпкѣ, и волосъ на черепѣ надъ ухомъ слишкомъ много. Все это я постараюсь, чтобы было исправлено.

Относительно цѣны, онъ сознался, что, не смотря на мое сообщеніе, онъ далъ себя уговорить своимъ знакомымъ возвысить цѣну—ну, это его дѣло, только я подтвердилъ ему, что и Перовъ, и я, не получаемъ больше.

Портретъ Вѣры Николаевны ужасенъ черезъ фонъ, и главнымъ образомъ черезъ фонъ. Я въ изумленіи, кàкъ я могъ соединить въ такомъ маломъ пространствѣ два такихъ несовмѣстимыхъ тона—это для меня чрезвычайно поучительно (немножко поздно, правда), и даю себѣ слово больше никогда не дѣлать безъ натуры такихъ вещей. Теперь же я возьму преобладающій тонъ зеленый, а лѣтомъ пріѣду на двѣ недѣли въ Москву, чтобы обработать въ Кунцовѣ, по натурѣ. Мнѣ даже извиняться стыдно, но, вы, полагаю, тàкъ меня знаете, что терпѣливо дадите мнѣ время загладить мою ошибку. Чтò касается Кольцова, то Софья Николаевна даетъ идею (если вы согласны), сдѣлать его чернымъ. Не знаю, кàкъ вы взглянете на это, но мнѣ идея понравилась.

Рубинштейнъ возвратится въ маѣ, тогда и писать будемъ. Салтыковъ (Щедринъ) въ среду уже будетъ у меня, начинаемъ. Некрасовъ же умираетъ, но съ нимъ хотѣли переговорить и Гончаровъ, и Щедринъ. Говорятъ, онъ никогда не былъ такъ хорошъ, какъ теперь. Не знаю, чтò будетъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLXVII. Къ нему же.

Спб. 16-го февраля 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Кàкъ я говорилъ, такъ оно почти и вышло. Я дежурилъ всю недѣлю, и даже больше, у Некрасова, работалъ по 10-ти, по 15-ти минутъ (много) въ день, и то урывками; послѣдніе 3 дня, впрочемъ, по $1^1/_2$ часа, такъ какъ ему, относительно, лучше. А чтò выходитъ—не знаю; дѣлаю, что могу, при этихъ условіяхъ. Сначала нарисовалъ кое-что углемъ, зафиксировалъ, и затѣмъ красками ткнешь тò тутъ, то тамъ—ну, оно вышло нѣчто. Говорятъ, похоже. Но, вѣдь это—говорятъ; самъ же я не слишкомъ довѣряю. Въ настоящую минуту оставилъ портретъ на нѣсколько дней отдыхать, такъ какъ Некрасову лучше (временно), и доктора говорятъ, что ему пожалуй будетъ еще лучше; и это можетъ протянуться нѣсколько недѣль, и что я, стало быть, успѣю еще. Когда я началъ портретъ, то убѣдился сейчасъ же, что тàкъ сдѣ-

лать его, кàкъ я полагалъ, на подушкахъ — нельзя. Да и всѣ окружающіе возстали; говорятъ, это не мыслимо — къ нему не идетъ: что Некрасова даже въ халатѣ себѣ представить нельзя. И потому я ограничился одною головою, даже безъ рукъ. Дай Богъ справиться мало-мальски хоть съ этимъ. Задача, прямо скажу, трудная, даже, едва ли возможная для кого бы то ни было, и если мнѣ удастся сдѣлать хотя что-нибудь сносное, я право буду считать себя молодцомъ. Поручить офортъ Тулинову я бы не хотѣлъ, не потому, чтобы я въ чемъ-нибудь сомнѣвался (онъ для меня внѣ этого), а потому, что онъ едвали годится: онъ хомякъ, я бы сказалъ, еслибы не боялся его обидѣть. А кому, рѣшительно не знаю. Вѣроятнѣе всего, что тому же... Аванцо.

Чтò же касается «Созерцателя» *), то я прихожу къ мысли, что вы правы совершенно. Положимъ, я самъ увидалъ, когда сдѣлалъ снѣгъ, что сюжетъ ужъ очень ясно выходитъ, но не обратилъ на это должнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что сказали объ этомъ: «не дурно»; и такъ какъ снѣгъ сдѣланъ мѣломъ, то стереть его легко, чтó я и сдѣлаю, только совсѣмъ не для того, чтобы вы его взяли, а право же потому, что я убѣдился доводами.

За чтò закрытъ клубъ **)? Не знаю, да и не встрѣчалъ того, кто знаетъ. Говорятъ—за литературные обѣды, говорятъ—за студенческій балъ, гдѣ избили шпіона, а клубъ, вмѣсто того, чтобы объявить кому слѣдуетъ, спровадилъ черезъ какіе-то тамъ ходы на улицу. Говорятъ, что кто-то кого-то по щекамъ прибилъ, говорятъ, что студенты собирали на «казанскихъ» сиротъ; словомъ, никто ничего не знаетъ вѣрнаго, или, можетъ быть, все это вмѣстѣ вѣрно, и было достаточно для того, чтобы закрыть. Положимъ, я лично радъ, что его закрыли — путнаго было мало, но жаль, что чрезъ это онъ станетъ какимъ-то страдальцемъ, героемъ, и такимъ образомъ одною ложью будетъ больше, однимъ недоразумѣніемъ прибавится. Словомъ, кàкъ ни поверни, мы страдаемъ за правду.

Что вы познакомились съ А. въ моемъ домѣ, я тоже сожалѣю, но гдѣ, укажите, на Руси такой домъ и такое мѣсто, куда бы не залѣзали лица, съ которыми очень жаль, что познакомишься. Мнѣ лично это очень непріятно, но я не виноватъ своею безпомощностью: я не искалъ его знакомства, никогда не поощрялъ его къ сближенію; если чтò говорилъ или дѣлалъ, то послѣ неотступныхъ просьбъ съ его стороны (письмо къ вамъ), и то, сколько помнится, въ осторожной формѣ. Впрочемъ, если виноватъ, то невольно, и стóю прощенія. Уважающій васъ И. Крамской.

---

*) Картина Крамского. *Ред.*

**) Художественный клубъ, помѣщавшійся въ Троицкомъ переулкѣ, въ Петербургѣ. *Ред.*

CLXVIII. Къ нему же.

4-го марта 1877.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ глубоко за участіе, но какъ разсказать вамъ то, чего я и самъ не знаю? Лихорадка, кашель, кашель, кашель, дали морфій—заснулъ. Сегодня хорошо—всталъ уже. Называютъ гриппъ, можетъ быть и такъ, надо повѣрить потому, что самъ невѣжа. Вотъ и вся исторія. Тревога напрасная, говорятъ, да я и самъ думаю тоже. Впрочемъ, когда выпуститъ на воздухъ докторъ, я приму мѣры и посовѣтуюсь съ Боткинымъ. Въ деньгахъ нужды не имѣю, благодарю васъ очень.

Уважающій васъ И. Крамской.

P. S. У меня теперь рисунки и акварели Гуна; полагаемъ, что сдѣлаемъ его выставку.

CLXIX. Къ нему же.

Мартъ 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Пятый день я лежу больной, и потому буду кратокъ. Портретъ Самарина принять не могу, хотя денегъ очень нужно. За честь благодаренъ. Портретъ Салтыкова почти конченъ: 1 и 2 раза—и конецъ. Въ живописи не Богъ знаетъ что, но похожъ будетъ. Некрасовъ тоже похожъ, и всѣ находятъ, что хорошъ; но я скажу (по секрету), что прежде, чѣмъ взять его, нужно еще посмотрѣть. Картина Бронникова «Освященіе Гермеса», какъ все, что онъ дѣлаетъ, чисто, пріятно, даже хорошо какъ будто, но особенно въ этой картинѣ такъ чисты краски, что смотрѣть совѣстно; впрочемъ, рельефъ большой.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLXX. Къ нему же.

29-го марта 1877 г. Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ очень за 1,000 рублей, которые я получилъ, и извиняюсь, что не тотчасъ же написалъ объ этомъ. Портретъ Салтыкова конченъ, Некрасова завтра кончаю. Въ портретѣ Салтыкова есть большая перемѣна въ фигурѣ, и кажется лучше: стола вовсе не существуетъ, и обѣ руки находятся на-лицо. Портретъ Кольцова работаю, какъ старый, такъ и новый (черный),—оба къ вамъ и пошлю. На этой же недѣлѣ будетъ конченъ портретъ и Вѣры Николаевны: полагаю, на Ѳоминой послать къ вамъ; Салтыкова же и Некрасова не могу, такъ какъ надобно сдѣлать копіи, съ Салтыкова одну,

а съ Некрасова двѣ: для жены и сестры его. Самъ Некрасовъ проситъ очень,—я отказалъ сестрѣ, когда она просила. Разумѣется, не я буду этимъ занятъ. Нужно сказать еще, что портретъ Некрасова будетъ мною сдѣланъ еще одинъ, и я его уже началъ: въ маломъ видѣ, вся фигура на постели, и нѣкоторыя интересныя детали въ аксессуарахъ. Это нужно, самъ Некрасовъ очень просилъ, ему онъ нуженъ на что-то; потомъ (говоритъ) вы его возьмите себѣ, «но сдѣлайте, пожалуйста». Въ этомъ (маленькомъ) голова уже кончена; словомъ, я, кажется, работаю.

Что касается М. Е. Салтыкова, то, должно быть, надобно помириться съ этимъ портретомъ: онъ вышелъ дѣйствительно очень похожъ, и выраженіе—его (жена очень довольна), но живопись немножко, какъ бы это выразиться, не обижая, вышла—муругая, и вообразите—съ намѣреніемъ. Я, видите ли, почему-то вообразилъ, что его нужно написать въ глубокомъ полутонѣ, ну и написалъ, а теперь вижу, что могъ бы не умничать. Словомъ, въ этомъ портретѣ вы не дѣлаете никакого порядочнаго пріобрѣтенія, въ смыслѣ искусства, но какъ свой товаръ нельзя же хаять передъ покупателемъ, то и скажу вамъ, что онъ и не совсѣмъ же плохъ, а только темноватъ, но зато похожъ. Я хотѣлъ вамъ сказать еще, что съ Некрасовымъ чистая бѣда—вѣдь дежурить приходится каждый день и весь день, а работаешь 1/4 часа, много 1/2. Ну, да теперь, кажется, отдѣлался.

Уважающій васъ И. Крамской.

Прочелъ письмо и ужаснулся—ужасная безсмыслица, переписывать же некогда. Жду фотографій, чтобы приняться, только Самарина нельзя ли побольше (числомъ), особенно ту, которую я видѣлъ у васъ. Въ «Пчелѣ» статья Прахова о Семирадскомъ очень хороша. Начинаю его уважать—думалъ, что не посмѣетъ.

CLXXI. Къ нему же.

11-го апрѣля 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что не тотчасъ отвѣтилъ вамъ, но я только сегодня вечеромъ получилъ посылку. 6-го числа получилъ вашу квитанцію (нѣтъ, кажется, 7-го), и отдалъ ее натурщику Ивану, чтобы онъ сдѣлалъ, что нужно. Однакожъ дѣло кончилось тѣмъ, что онъ проходилъ два раза и принесъ въ субботу квитанцію назадъ, такъ какъ нужно было свидѣтельствовать въ полиціи, а какъ въ субботу уже нельзя было, то я сегодня поѣхалъ самъ. Все получено въ исправности, исключая стекла на фотографіи Аксакова, работы Бергнера (прекрасная фотографія!). Но, кажется, вы объ ней-то и писали, что есть стекло разбитое. Написать Аксакова думаю, какъ вы совѣтуете, съ ру-

пяо 'иже ногѣна и на воздухѣ. Не дурно. Когда получили фотографіи, то Софья Николаевна, еще не зная ничего, говоритъ: «Вотъ бы этого (Аксакова) написать побольше!» Хорошо бы было достать его шляпу, какую онъ носилъ. Онъ у меня будетъ сидѣть на травкѣ; не худо бы въ шляпу ему положить записную книжечку и карандашикъ (если только было что-либо подобное въ его привычкахъ). Для Самарина буду придерживаться Тулиновской фотографіи, но, кажется, я у васъ видалъ не эту? Портретъ Вѣры Николаевны конченъ (т. е. то, что̀ предполагалъ сдѣлать безъ натуры), платье совершенно перешилъ, и теперь Софья Николаевна узнаетъ ея ростъ; есть хвостикъ, и порядочный, а также и зеленая вѣтка, которую, впрочемъ, сдѣлалъ мнѣ Шишкинъ. Портретъ Салтыкова конченъ совершенно. Некрасова тоже, Кольцовъ переписанъ, и черный тоже готовъ, и все-таки оба скверные. Рѣшительно заколдованный портретъ! Вы увидите. Скажите мнѣ, оставите ли вы для себя другой портретъ Некрасова? Вся фигура на постели, когда онъ пишетъ стихи (а какіе стихи его послѣдніе, самая последняя пѣсня 3-го марта «Баюшки баю»! Просто, рѣшительно одно изъ величайшихъ произведеній русской поэзіи!). Голова въ томъ же поворотѣ, въ рукѣ карандашъ, бумажка лежитъ тутъ же, слѣва — столикъ съ разными принадлежностями, нужными для него, надъ головою шкафъ съ оружіемъ охотничьимъ, а внизу будетъ собака. Я спрашиваю объ этомъ потому, что у меня возьмутъ его другіе. Размѣръ его въ $1^{1}/_{2}$ аршина. Какъ только высохнетъ достаточно портретъ Вѣры Николаевны, не замедлю выслать, вмѣстѣ съ Кольцовымъ. Уважающій васъ И. Крамской.

CLXXII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 21-го мая 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ за вашу заботливость обо мнѣ и о времени, которое мнѣ остается для картины. Я послушаюсь васъ относительно Кольцова и Рубинштейна, но относительно прочаго едва ли. Все будетъ кончено, какъ я разсчитывалъ.

Портретъ Вѣры Николаевны я рѣшился послать вамъ обратно, какъ вы его видѣли, потому что стоять ему у меня теперь нѣтъ причины: то, что нужно еще сдѣлать, нужно сдѣлать съ натуры. Прилагаю при этомъ квитанцію и присовокуплю, что я хотѣлъ отправить со скорымъ поѣздомъ и застраховать; но, случилось такъ, что отправлявшій пришелъ безъ меня, взялъ ящикъ, и отправилъ, ка̀къ онъ неоднократно для меня уже дѣлалъ это. Словомъ, дѣло было уже непоправимо. Извините меня, ради Бога, но это вышло помимо моей воли, и дай Богъ, чтобы все обошлось благополучно.

Характеристика г. Минаева совершенно отвѣчаетъ тому впечатлѣнію, которое онъ производитъ, съ одной поправкой: что если ему неудалось обдѣлываніе крупныхъ дѣлъ, то не вслѣдствіе недостатка доброй воли, а по отсутствію талантовъ, стало быть онъ въ этомъ не виноватъ.

Если увидите Максимова, и если онъ еще тамъ, то прошу васъ передать ему мое угрызеніе совѣсти, что я еще не отвѣтилъ ему на его хорошее письмо, но скоро напишу. Ужъ очень мало времени съ 8 часовъ утра до 9 вечера, а ночей, чтобы писать, нѣтъ.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CLXXIII. Къ нему же.

2-го іюня 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Будьте такъ добры, закажите въ «Русской фотографіи» карточку Самарина — напечатать ее какъ только возможно чернѣе,—до черноты сапога. Мнѣ нужно для подробностей въ свѣту. Если они отпечатаютъ такъ, что никакихъ контуровъ нельзя будетъ разобрать, то и чудесно; съ однимъ условіемъ, чтобы чудесныя ручки ихъ художниковъ не дотрогивались вовсе до фотографіи; и затѣмъ, не наклеивая на картонъ, пришлите мнѣ въ письмецѣ. Я полагаю, что негативъ у нихъ долженъ быть цѣлъ; если же, паче чаянія, онъ утраченъ, то дѣлать нечего, придется воспользоваться Дьяговченко: онъ снималъ также— стало быть, пусть ужъ онъ сдѣлаетъ то же самое. Князь Оболенскій прислалъ мнѣ обязательно фотографію Дьяговченки большую, но она такъ безсовѣстно ретуширована, что почти безполезна, да и совсѣмъ не лучше «Русской фотографіи». Словомъ, гдѣ бы то ни было, но пусть сдѣлаютъ самый черный отпечатокъ, какой только они въ силахъ получить, и тогда портретъ Самарина я кончу на другой же день, какъ получу фотографію.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLXXIV. Къ нему же.

Спб., 17-го іюля 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Фотографіи, которыя такъ обязательно сдѣлалъ Дьяговченко, мнѣ рѣшительно ни къ чему не послужили, да и не мудрено, такъ какъ онѣ не съ того негатива, который былъ сдѣланъ съ натуры, а негатива, который нуженъ, не имѣется,—стало быть, придется мнѣ обойтись такъ, а жаль, можно было бы совсѣмъ возстановить человѣка. Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ. Въ понедѣльникъ у меня былъ братъ вашъ Сергѣй Михайловичъ, и я сдѣлалъ колосальную ошибку:

когда онъ пришелъ ко мнѣ и посмотрѣлъ Самарина, то спрашиваетъ, не нужно ли мнѣ денегъ? Я совершенно искренно сказалъ, что не нужно, такъ какъ у меня еще было триста рублей, и долженъ былъ получить въ теченіи недѣли еще 200 рублей. Когда же братъ вашъ уходилъ, я, раздумывая, что за присланныя рамы нужны деньги наднняхъ, да пожалуй затянется съ портретомъ Императрицы (такъ и случилось), я въ передней уже и говорю вашему брату: «Я отказался отъ вашего предложенія, а подумавши согласенъ получить»...—«Сколько же вамъ нужно?» — «Рублей 300»... — «Хорошо, въ будущій разъ пріѣду—привезу». Ну скажите, ради Бога, на что это похоже? Развѣ это простительно! Кажется, пора понимать, не маленькій!.. Я просто обозвалъ себя мальчишкой, когда сообразилъ и вспомнилъ, что вы, присылая въ послѣдній разъ мнѣ 1,000 рублей, написали: «за портретъ Самарина», т. е. за портретъ для брата вашего. Ради Бога, Павелъ Михайловичъ, нельзя ли какъ-нибудь изгладить это обстоятельство, и вмѣстѣ съ тѣмъ выслать мнѣ 500 рублей, если возможно?

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CLXXV. Къ нему же.

26-го іюля 1877 г., Спб.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините за коротенькое письмо, и за молчаніе: Я былъ всю недѣлю въ великихъ хлопотахъ, то по случаю болѣзни Сережи, то по передѣлкамъ квартиры, да кромѣ того работаю.

Въ Москвѣ буду по обстоятельствамъ моей картины только въ концѣ августа, а такъ какъ васъ не будетъ тамъ въ это время, то постараюсь пригнать такъ, чтобы былъ къ 1-му сентябрю.

Тревога въ настоящее время весьма и весьма законна. Съ своей стороны скажу: что время мрачное, всюду — куда ни посмотри... да еще вдобавокъ недостойные фарсы Ч—а! Воля ваша, а его телеграмма на Кавказѣ, что если онъ необходимъ — то поѣдетъ, хотя и боленъ! На что это похоже? Потомъ эти встрѣчи въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ, въ Ростовѣ, разъѣзды по Европѣ съ конвоемъ... какъ это все не просто, и... не хорошо! Впрочемъ, онъ не виноватъ,—виноваты мы—мы все еще дѣти!..

Уважающій васъ И. Крамской.

CLXXVI. Къ Н. А. Александрову *).

11-го августа 1877 г.

Я долженъ извиниться передъ вами, уважаемый Н. А., что отвѣчаю не тотчасъ; но... я дѣлаю маленькое переселеніе въ квартирѣ: крашу полы и потолки, оклеиваю кое-гдѣ обоями стѣны, и потому весь хламъ, и письменный столъ въ томъ числѣ, былъ сваленъ до сихъ поръ въ одну кучу. Судите сами, насколько возможно мнѣ было отвѣчать.

Мысль ваша написать книгу «Новая русская школа» сама по себѣ богатая; на эту тему можно сказать бездну интересныхъ вещей; но мнѣ бы хотѣлось только, чтобы не было въ ней преувеличенія въ какую бы то ни было сторону; и я рѣшаюсь, поэтому, высказать вамъ свое мнѣніе.

Несомнѣнно, разумѣется, что въ послѣднее двадцатипятилѣтіе появились существенные признаки самостоятельнаго отношенія русскихъ художниковъ, en masse, къ дѣйствительности, сравнительно съ прежнимъ временемъ, когда движеніе это было только единичнымъ. Теперь мы имѣемъ все-таки группу людей, дѣйствующихъ одновременно и исповѣдающихъ, приблизительно, одни и тѣ же принципы—тогда какъ въ то время одинъ отъ другого отдѣлялись, часто, большими промежутками времени. Однакожъ, это въ сторону!.. Не знаю, ка̀къ я исполню ваше порученіе относительно Васильева, но я берусь исполнить его съ удовольствіемъ. Было замѣчено, что если кому желательно сдѣлать меня болтливымъ, или инымъ образомъ потѣшиться надо мной, то стоило только завести рѣчь о Васильевѣ... И это вѣрно. Этотъ юноша дѣйствительно моя слабость. Оговариваю это впередъ, чтобы вы знали, ка̀къ вамъ смотрѣть на мои объ немъ мнѣнія. Самъ я считаю ихъ, разумѣется, правильными, и смотрю на свою слабость снисходительно, быть можетъ мѣшаю человѣка съ художникомъ, но... людей такъ мало.

Не буду однако же уклоняться, а начну по порядку вашихъ вопросовъ. Прежде всего о П. П. Чистяковѣ. Написалъ ли онъ что-либо кромѣ указаннаго вами? Да, написалъ. Во-первыхъ, въ одномъ изъ классныхъ этюдовъ — «Руку» (я не шучу: рука эта такой высокой и оригинальной живописи, что тотъ же самый П. П. никогда выше не подымался); во-вторыхъ, «Итальянскаго нищаго», и въ третьихъ, «Боярина», бывшаго на послѣдней академической выставкѣ. Все, что имъ написано въ Италіи и по возвращеніи изъ нея, носитъ печать подражанія старымъ мастерамъ, испанцамъ и Рембрандту, далеко, разумѣется, имъ уступая. Говоря о Чистяковѣ, прихо-

---

*) Настоящее письмо было напечатано въ «Художественномъ Журналѣ» 1887 года, апрѣль, май и іюнь. *Ред.*

дится говорить наивнѣйшимъ образомъ о техникѣ въ тѣсномъ смыслѣ; а можетъ ли онъ принадлежать къ числу художниковъ «Новой русской школы»—не знаю. Думаю, что если правильно установить вопросъ—что обственно слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ «новымъ» движеніемъ, то, чего здобраго, придется отвѣчать отрицательно.

Относительно Корзухина, несомнѣнно оригинальнаго по дарованію (хотя и не особенно крупному), я считаю лучшею его вещью «Возвращеніе извозчика домой», которая у Третьякова. Она уступаетъ въ техникѣ другой его картинѣ «Проводы кадета», тамъ же, но значительно превосходитъ ее по замыслу и какому-то наивно тихому настроенію. Лучше «Проводовъ кадета», по исполненію, Корзухинъ ничего не написалъ еще; но, быть можетъ, еще лучше этихъ двухъ картинъ—его первая картина: «Возвращеніе пьянаго отца домой», которая была на выставкѣ 1861 г. Вообразите себѣ крестьянскую семью, состоящую изъ преждевременно состарѣвшейся матери, 10-ти лѣтней дочери и 2-хъ маленькихъ дѣтей, собравшихся поужинать чѣмъ-то, усѣвшихся около скамьи на полу, и положительно онѣмѣвшихъ отъ ужаса, когда распахнулась дверь и отецъ, оборванный и пьяный, крича, силится переступить порогъ. Вещь эта была написана слабо, даже дѣтски, но неподдѣльное чувство производило свое впечатлѣніе. Гдѣ она? Не знаю. Она была однимъ изъ выигрышей въ лотереѣ 1863 г. Здѣсь умѣстно будетъ вспомнить, что въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ на выставкахъ было чрезвычайно много молодыхъ всходовъ, которые и теперь порадовали бы многихъ, но... какъ-то они всѣ повяли послѣ первыхъ побѣговъ. Побилъ ли ихъ морозъ, или въ самихъ сѣменахъ не было жизненности, теперь рѣшать не берусь, но что всходы были, это — несомнѣнно.

Боголюбовъ заявилъ себя хорошимъ подражателемъ Айвазовскому (которому тогда всѣ подражали), въ программѣ на большую золотую медаль, но до 61 года объ немъ ничего не было слышно. Въ 1861 г. онъ устроилъ большую выставку, изъ всего сдѣланнаго имъ заграницей, и сразу сталъ тѣмъ Боголюбовымъ, котораго мы знаемъ:—огромная, хорошо усвоенная имъ европейская техника и нѣкоторое сочинительство пейзажа. До сихъ поръ самое капитальное его произведеніе, это: «Прибой волнъ» (кажется) въ Голландіи, привезенное имъ изъ-за границы. Это было положительно прекрасно, особенно для насъ, тогда еще мало знакомыхъ съ современными европейскими мастерами. Изъ массы же написаннаго имъ впослѣдствіи одна вещь—«Устье Невы»—приближается даже къ оригинальности. Для полноты характеристики слѣдуетъ сказать, что что больше всего доказываетъ въ немъ присутствіе таланта, это его этюды; въ нихъ онъ бываетъ даже положительно оригиналенъ.

Пейзажистъ Клодтъ занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ на выставкѣ 1857 г. картиною «Финлядскій видъ», за которую получилъ большую золотую медаль (находится у Лѣсникова въ Петербургѣ). Вся трудовая оригинальность Клодта вылилась здѣсь вполнѣ и окончательно опредѣлилась, не измѣняясь и впослѣдствіи. Холодная гармонія красокъ, удивительная окончательность и стереоскопическій рельефъ дѣлаютъ эту картину самой характерной. Одинъ разъ, впрочемъ, онъ достигъ этихъ же качествъ въ картинѣ «Малороссійскій видъ», за которую и получилъ профессора. Здѣсь былъ уже полный стереоскопъ, но полная неподвижность и мертвенность; тутъ же на выставкѣ стояла и его симпатичная по настроенію, но черноватая по колориту «Грязная дорога». Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ его картинахъ, напримѣръ «Стадо коровъ» (шесть лѣтъ назадъ), былъ успѣхъ въ краскахъ, которыя стали теплѣе и мягче, но общій характеръ не обогатился ни одной новой чертой.

Много заниматься Орловскимъ я не вижу особаго повода. Лучшія его картины были на большую золотую медаль въ 68 г. («Крымскій видъ», въ Академіи). Но такъ какъ вещи эти были прописаны Боголюбовымъ, то мнѣ чрезвычайно трудно сказать, насколько это было его собственное. Что̀ несомнѣнно ему принадлежитъ, это «Мельница», написанная гораздо раньше, еще на большую серебряную медаль. Эта вещь была нѣсколько грубая, но несомнѣнно самая оригинальная, потому что теперь онъ все шатается по разнымъ теченіямъ, хотя и пишетъ колоритные этюды.

Очень сожалѣю, что я такъ мало знаю о Флавицкомъ. Знаю только, что онъ современникъ Гѐ, ученикъ и талантливый подражатель Брюллова, и страстный его поклонникъ. «Христіанскіе мученики» Флавицкаго—картина трескучая и театральная, лишенная всякаго самостоятельнаго отношенія къ дѣйствительности, и не напиши онъ «Таракановой», о немъ нельзя бы было даже и упоминать, кромѣ того, что это былъ человѣкъ вообще способный. Но мимо «Княжны Таракановой» пройти нельзя. Это вещь крупная и, главное—счастливая. Я говорю такъ вотъ на какомъ основаніи. Прежде всего, въ этой картинѣ нѣтъ въ сущности ни одной черты, которая бы была въ самомъ дѣлѣ оригинальна или показывала бы въ авторѣ твердыя и сознательныя стремленія. Возьмите что̀ хотите: сюжетъ—романтическій; письмо—тоже, что и въ «Мученикахъ»; сочиненіе... но задумана картина хорошо; и это лучше всего. Что́ же выдѣляетъ эту вещь за уровень? Удивительная умѣренность и равновѣсіе во всемъ. Романтически-драматическое сочиненіе остановилось какъ-разъ на той чертѣ, за которой начинается очевидная уже для всѣхъ театральность. Выраженіе лица совершенно прилично случаю (хотя не больше); цвѣтистость письма по необходимости умѣряется сѣровато-зеленоватымъ колоритомъ

общаго тона; аксессуаровъ какъ: разъ столько, сколько нужно, и, наконецъ, внушительный размѣръ. Словомъ, сколько бы вы ни разбирали ее, а должны будете сознаться, что если нѣтъ въ ней ни одной глубоко-оригинальной черты, ни даже черты болѣе ограниченной оригинальности, то все-таки картина показываетъ, какой художественный инстинктъ пропалъ въ этомъ человѣкѣ. Говорю «пропалъ», потому что найти новую дорогу помѣшало ему отчасти время, въ которое онъ воспитывался, и яркость славы Брюллова, а отчасти его умственное развитіе (послѣднее говорю по слухамъ). Кàкъ отозвались критики тогда по лагерямъ? — не помню; но знаю, что всѣ хвалили, и больше безусловно. Это знаменательно, въ виду того, что реалисты и эстетики должны бы кажется расходиться въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но этого не было (кажется).

Приступаю къ Васильеву; но до завтра.

12-го августа.

Это всегда такъ бываетъ, когда письмо откладывается. О Васильевѣ я хотѣлъ кое-что написать, и письмо даже было заготовлено, но меня остановилъ Григоровичъ, говоря, что Васильевъ не есть, въ сущности, такое явленіе, чтобы стоило изъ-за него безпокоить общество. Тому, что́ мною сдѣлано, я не придаю никакого значенія, и очень буду радъ, если кто другой распорядится моимъ матеріаломъ по своему усмотрѣнію. Что̀ бы вы ни сказали о Васильевѣ, много ли, мало ли—это рѣшительно все равно; и мнѣ будетъ просто интересно узнать, кàкъ его понимаетъ человѣкъ посторонній; мое же объ немъ мнѣніе—мнѣніе человѣка, глубоко его любившаго, а стало быть оно не свободно отъ преувеличиванія и пристрастія. Все это я отдаю въ ваше распоряженіе.

Я съ нимъ познакомился въ 68 году, когда онъ только что начиналъ. Съ перваго шагу онъ меня поразилъ, и непріятно: его манеры были самоувѣренны, безцеремонны и почти нахальны; въ 17 лѣтъ онъ не отличался молчаливостью и скромностью. Это бѣда не большая, т. е. это слишкомъ часто случается, чтобы на этомъ останавливаться; но у него эти манеры и тонъ лежали въ самой натурѣ. Дальше я буду еще объ этомъ говорить, а теперь замѣчу, что первое впечатлѣніе быстро изгладилось, такъ какъ все это было чрезвычайно наивно, и показывало только, что у него были замашки, хватавшія очень далеко; оставалось подождать — имѣлъ ли онъ на это право? При дальнѣйшихъ встрѣчахъ я постоянно и долго его наблюдалъ, не стараясь сближаться; оно и не мудрено, такъ какъ разница между нами была почти на 14 лѣтъ. Такъ шло около года, если не больше, и я долженъ сознаться, что часто онъ приводилъ меня просто въ восторгъ чистотой и свѣжестью чувства, мѣткостью сужденій и безпредѣльною откровенностію своего умственнаго механизма. Однажды я не удержался и

сравнилъ его съ открытымъ музыкальнымъ инструментомъ, въ которомъ видно, кàкъ, съ ударомъ пальца по клавишѣ, выскакиваетъ молоточекъ, ударяетъ по струнѣ, и кàкъ звукъ вслѣдъ за тѣмъ поражаетъ ваше ухо. Вмѣсто того, чтобы, какъ многіе бы это сдѣлали, найти тутъ что-либо для себя непріятное (чего, разумѣется, и не было), онъ, какъ будто зная за собою это качество, старался дать понять, насколько оно ему самому дорого; и я прибавлю, онъ удержалъ эту откровенность до конца. Позднѣе мнѣ напомнилъ его въ этомъ отношеніи В. В. Верещагинъ, хотя съ другими осложненіями, и только отчасти. Развивался онъ чрезвычайно быстро, и сначала въ полной гармоніи съ И. И. Шишкинымъ, который имѣлъ на него вліяніе въ это время; но уже черезъ годъ рѣзко обозначились пункты разногласія относительно взгляда на натуру. И дѣйствительно, трудно найти двѣ болѣе взаимно исключающія другъ друга натуры. Одинъ, трезвый до матеріализма художникъ, лишенный даже признака какого-либо мистицизма, музыкальности въ искусствѣ (кàкъ и все почти племя великоруссовъ), художникъ, которому недостаетъ только маковаго зерна, чтобы стать вполнѣ объективнымъ; другой, весь субъективный, субъективный до того, что въ началѣ не могъ даже этюда сдѣлать безъ того, чтобы не вложить какого-либо собственнаго чувства въ изображеніи вещей совершенно неподвижныхъ и мертвыхъ. Понятно, что они скоро разошлись, не переставая, впрочемъ, наносить другъ другу огорченія, не матеріальнаго, разумѣется,характера. Къ чести обоихъ надобно, однако, сказать, что дѣйствительное уваженіе другъ къ другу скоро опять возстановилось.

Изъ этого перваго періода моего съ нимъ знакомства отчетливо выдѣляется одинъ случай. Какъ-то въ обществѣ художниковъ, болѣе или менѣе уже опытныхъ, болѣе или менѣе уже извѣстныхъ, шла рѣчь объ искусствѣ: разбирали русскихъ, хвалили иностранныхъ, а нѣкоторыхъ даже превозносили; передъ именами же Ахенбаха, Кнауса и нѣкоторыхъ другихъ чуть не всѣ складывали оружіе. Одинъ Васильевъ не унимался; видно было, что грубыя его замѣчанія, какъ совсѣмъ неизвѣстнаго выскочки, висѣли на волоскѣ; но это его ни капли не смущало, и онъ кончилъ тѣмъ, что обозвалъ всѣ свѣтила ни болѣе, ни менѣе какъ рутиной. Сенсація полная... И въ самомъ дѣлѣ, кто онъ, что смѣетъ говорить такъ? Привожу этотъ, въ сущности неважный, случай только въ доказательство того, насколько ему присуща была увѣренность въ себѣ. Но изъ этого вовсе нельзя было выводить заключенія, что заслугъ другого онъ не уважалъ, или не понималъ бы того, чтó именно хорошо у другого; строгость же его къ себѣ самому доходила до послѣднихъ предѣловъ, и я могу засвидѣтельствовать, что рѣшительно все, что онъ сдѣлалъ въ своей коротенькой жизни, считалъ никуда негоднымъ. Я иду дальше, и утверждаю, что только необхо-

димость матеріальная заставляла его выпускать вещи и останавливаться въ работѣ надъ ними. Въ 70-мъ году онъ съ Рѣпинымъ и Макаровымъ былъ на Волгѣ; по возвращеніи я его почти не узналъ, до того въ какіе-нибудь 4 мѣсяца онъ выросъ и сложился, и лицомъ и характеромъ. Успѣхи его въ это время были громадны. Онъ привезъ много рисунковъ, этюдовъ, начатыхъ картинъ, и еще больше плановъ. Хотя ни о чемъ нельзя было сказать, что вотъ то-то напримѣръ вполнѣ оригинально, но сама манера работы была уже оригинальна. Я думаю, впрочемъ, что оригинальность въ искусствѣ съ первыхъ шаговъ всегда нѣсколько подозрительна, и скорѣе указываетъ на узкость и ограниченность, чѣмъ на широкій и разносторонній талантъ. Глубокая и чуткая натура въ началѣ не можетъ не увлекаться всѣмъ, что̀ сдѣлано хорошаго раньше; такія натуры подражаютъ, но чему?—вотъ вопросъ. Васильевъ подражалъ самому лучшему; онъ открывалъ и угадывалъ это лучшее вездѣ, часто по одному образчику; онъ шелъ дальше—догадывался, что̀ должно заключаться въ томъ, чего онъ еще не видалъ. Можно сказать, что онъ подражалъ всему, и ничему исключительно. Въ рисованіи и живописи съ натуры онъ чрезвычайно быстро оріентировался: онъ почти сразу угадывалъ, ка̀къ надо подойти къ предмету, что не существенно и съ чего слѣдуетъ начать. Учился онъ такъ, что казалось, будто онъ живетъ въ другой разъ, и что ему остается что-то давно забытое только припоминать. Работалъ онъ страстно; апатичность и разсѣянность не врывались къ нему въ то время, когда въ рукахъ былъ карандашъ, или, вѣрнѣе,—механически, безъ участія сердца, онъ работать не могъ. Въ этомъ онъ инстинктивно выполнялъ то мудрое правило, которое въ настоящее время лучшіе художники въ Европѣ стараются провести на практикѣ: не работать въ то время, когда вы не знаете и не чувствуете, что̀ именно вы хотите сдѣлать и ка̀къ. Васильевъ безъискуственно и просто подчинялся требованіямъ своей натуры. Это былъ чудесный аппаратъ—и только. Я немножко долго распространяюсь объ этомъ потому, что было, да кажется и есть, мнѣніе, что Васильевъ ни болѣе, ни менѣе какъ подражатель; между тѣмъ, стоило бы только сравнить то, что̀ имъ сдѣлано, съ тѣмъ, откуда это заимствовано, чтобы разница взгляда сдѣлалась очевидною. Если же отыщете въ чемъ сходство, то это только совпаденіе, такъ свойственное природѣ. Чтобы покончить съ этимъ совсѣмъ, прибавлю: Васильевъ умеръ на порогѣ новой фазы развитія своего таланта, очень оригинальной и самобытной. Я думаю, что ему было суждено внести въ русскій пейзажъ то, чего послѣднему не доставало и не достаетъ: поэзіи при натуральности исполненія.

Надо сказать, впрочемъ, теперь же, что со смертію Васильева русскій пейзажъ не совсѣмъ лишился этого элемента; мы имѣемъ очень оригиналь-

ную натуру—Куинджи; но, къ сожалѣнію, ему не достаетъ прочности. За Васильева можно было уже не бояться, потому что изученіе имъ натуры спустилось за послѣднее время очень глубоко, въ самую суть предметовъ; тогда какъ въ данномъ случаѣ (т. е. при разговорѣ о Куинджи), при высокомъ наслажденіи, доставляемомъ этимъ художникомъ, тревожное чувство не покидаетъ: невольно вспоминается Айвазовскій; хотя Куинджи,— это колоссальный непосредственный талантъ, дошедшій до возбужденія физіологическаго ощущенія темноты. Но что̀ было извинительно 30, 40 лѣтъ тому назадъ, то немыслимо теперь.

Васильевъ, какъ художникъ чистой воды (если можно такъ выразиться), былъ еще интересенъ для наблюденія разныхъ кажущихся непослѣдовательностей. Положимъ, вы видите, что человѣкъ, наработавъ много этюдовъ, пробуетъ въ извѣстномъ направленіи комбинировать картины. Онъ на чемъ-нибудь уже остановился, работаетъ, дѣло подвигается, вы интересуетесь... Какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, все полетѣло къ чорту, и человѣкъ взялъ, совершенно неожиданно для васъ, новую ноту. Вы готовы упираться, готовы не позволить ему; но... вы не успѣете одуматься, какъ онъ вамъ доказалъ уже, что былъ правъ. Дѣло въ томъ, что начатыя имъ картины не созрѣли еще, не улеглись въ памяти, и что хотя много было сдѣлано этюдовъ, но однакожъ не все изслѣдовано; много было новыхъ предметовъ, видѣнныхъ въ первый разъ, детали не были изучены, какой-нибудь берегъ незнакомой формаціи приходилось построить на неполныхъ данныхъ. Вы видите, ка̀къ человѣкъ ищетъ, иногда застаете художника даже обрадованнаго—ему удалось понять—и онъ сдѣлалъ; вы близки къ похвалѣ, вы убѣждаетесь, что передъ вами человѣкъ, дѣйствительно обладающій страшной способностію ясновидѣнія, что, пожалуй, не далекъ и конецъ... Да, на бѣду, въ это же самое время новыя впечатлѣнія. Вчерашнія и сегодняшнія идутъ своимъ чередомъ, незамѣтно накопляются, созрѣваютъ въ цѣльное представленіе, вытѣсняютъ блѣдные образы лѣтнихъ экскурсій; художникъ убѣждается понемногу, что здѣсь—надо увеличивать рамки задуманнаго, а тамъ—наполнить пустыя и туманныя пятна; и вотъ, среди широкаго разлива Волги, или надвигающейся тучи изъ-за освѣщеннаго солнцемъ пригорка съ неизвѣстнымъ первымъ планомъ, является «Оттепель», которую, вотъ уже цѣлыхъ двѣ недѣли, ка̀къ художникъ моментъ за моментомъ наблюдалъ.

Конечно, все, сказанное здѣсь бываетъ чаще съ молодыми художниками, чѣмъ съ художниками, искушенными опытомъ; но за то искушенные опытомъ художники до такой степени все обдумаютъ и взвѣсятъ, что мѣста сердечному одушевленію уже не будетъ. Какъ бы то ни было, однакожъ, но съ Васильевымъ не случилось ни одной рѣзкой крайности. Если

онъ не во всѣхъ деталяхъ зналъ, что̀ онъ сдѣлаетъ, за то всегда зналъ отчетливо, какое именно впечатлѣніе онъ желаетъ вызвать. Такъ это и было. Послѣ «Оттепели» ему уже ничего не удалось больше написать въ Петербургѣ; приближалась весна, а простуда, схваченная имъ еще зимою, послѣ разныхъ пароксизмовъ, приняла упорный хроническій характеръ и въ апрѣлѣ появились зловѣщіе признаки.

Позвольте, однакожъ, этимъ закончить о Васильевѣ; дальше я предоставлю слово ему самому.

12-го сентября.

Жизнь Васильева въ Ялтѣ была цѣлымъ рядомъ огорченій, непріятностей и, нужно сказать, что въ этомъ менѣе всего былъ виноватъ онъ самъ. Я не говорю, что онъ не дѣлалъ ошибокъ, но то, что его преслѣдовало, какъ увидите дальше, устранить было не въ его власти. Несмотря, однакожъ, ни на что, природный юморъ не оставлялъ его никогда, смѣшное въ его письмахъ занимало всегда много мѣста, и только не за долго до смерти, когда уже и ему самому стало ясно, къ какой развязкѣ онъ приближается, замерла насмѣшка.

20-го іюля 1872 г., описывая Ялту и ея обитателей, онъ говоритъ:— «Туземцы во всѣхъ своихъ темныхъ уголкахъ составляютъ проекты наискорѣйшаго и при томъ неизбѣжнаго ободранія пріѣзжихъ, полныхъ еще впечатлѣнія морской болѣзни. Бѣдные больные, дорого вамъ обходится воздухъ, вода и горы! Господь Богъ, творя Крымъ, вѣроятно, и не подозрѣвалъ, что въ немъ будутъ драть такъ немилосердно за житье; при томъ дерутъ именно тѣ, которые не только не выдумали этого климата, а, наоборотъ, употребляютъ всѣ средства испортить его, по крайней мѣрѣ около своихъ жилищъ; и, надо отдать справедливость, выказываютъ въ этомъ необыкновенныя, неслыханныя способности».

Въ это же время Васильевъ совѣтовался о своей болѣзни съ Боткинымъ (въ первый разъ), бывшимъ тогда съ Императрицей въ Крыму. Изъ письма видно, что Боткинъ утѣшительнаго ничего не сказалъ, а относительно горла выразился: «Съ нимъ вамъ придется долго еще провозиться». Но Васильевъ, напротивъ, чувствовалъ себя очень хорошо, и все это лѣто считалъ себя поправляющимся; все письмо его наполнено юморомъ. Тогда онъ только что кончилъ картину, за которую долженъ былъ получить деньги: и вотъ онъ пишетъ: «Сейчасъ вернулся изъ магазина рѣдкостей, помѣщающагося въ Ялтѣ; вернувшись удрученный персидскими коврами, вазами и прочими рѣдкостями, я сильно колебался: не прибавить ли мнѣ на оную картину стоимость сихъ злосчастныхъ ковровъ и вазъ? я имѣю на это неотъемлемое право,—право! Сами посудите: ну, мнѣ ли, бѣдному человѣку, отягощенному болѣзнью и семействомъ (мать и маленькій братъ),

мнѣ ли, говорю, платить за эти вещи? Конечно, не мнѣ! Притомъ и купилъ-то я ихъ по настоятельному требованію торговца, говорившаго: купите что-нибудь, осчастливьте! Ну, я, какъ человѣкъ, неспособный холодно взирать на другого, желающаго счастья, и осчастливилъ,—да-съ! И притомъ, чѣмъ же стали эти вазы? Вещественнымъ доказательствомъ вещественной помощи, оказанной мною несчастному торговцу. О, охо-хо! Сколько разъ!.. Сколько мнѣ опредѣлено судьбою выручить торговцевъ, жаждущихъ счастья въ видѣ такихъ, какъ я, покупателей!..»

Я лично того убѣжденія, что судьба человѣка незауряднаго вполнѣ зависитъ отъ него, и что все, происходящее съ нимъ, имѣетъ корни въ немъ самомъ. Тутъ, какъ видите, есть противорѣчіе съ тѣмъ, что̀ я же сказалъ въ началѣ; но, подумавши, это противорѣчіе легко примирить. Всѣ несчастія Васильева лежали прежде всего въ его характерѣ. Нужно сказать, что самая глубокая черта въ немъ была—страсть игрока, я бы сказалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ спокойныхъ натуръ, которыя покорно переносятъ свое неважное положеніе; ему нужны были средства принца, чтобы онъ не жаловался на жизнь; но страсти его имѣли характеръ мало матеріальный, это были страсти духа. Онъ, этотъ мѣщанинъ по происхожденію, держалъ себя всегда и всюду такъ, что незнающіе его полагали, что онъ по крайней мѣрѣ графъ по крови. Однажды у меня въ одномъ имѣніи спрашивали: «Скажите, пожалуйста, ка̀къ приходится Ѳедоръ Александровичъ (Васильевъ) графу NN?»—«А что?»—«Да такъ, любопытно знать?..»—«Да никакъ, онъ не родственникъ даже.!.»—«Ну вотъ еще! Вы стало быть не знаете, что онъ его побочный сынъ».

Я улыбнулся на это, очень хорошо понимая, что́ ихъ заставило смотрѣть на Васильева такими глазами; разувѣрить ихъ я не могъ. Но не только такихъ людей, какіе у меня спрашивали о Васильевѣ, Васильевъ и настоящихъ княгинь, полагающихъ, что у нихъ голубая кровь, заставлялъ обходиться съ собою осторожно.

Я сообщаю это только для характеристики художника. Если эти строки появятся въ печати, то живые графы и графини узнаютъ себя здѣсь, вслѣдствіе чего объ этомъ можно и не распространяться, тѣмъ болѣе, что живые графы догадаются объ источникѣ.

Вотъ какъ онъ самъ выражался:—«Знаете ли вы, о, знаете ли, ка́къ мнѣ нужны деньги для моего успѣха? Ка̀къ мнѣ много нужно денегъ для того, чтобы тушить тотъ адскій огонь, который жжетъ меня, постоянно увеличиваясь?!. Мой рай, но мой и адъ заключаются въ моей природѣ, въ моей любви къ искусству. Думая, глубже вникая въ самого себя, я съ ужасомъ вижу, что мало впереди возможности остановить этотъ страшный огонь, эту разрушающую силу! Ка̀къ бы мнѣ иногда нужно было потолко-

вать съ вами, по возможности передать то, что́бы облегчило на время эти не то недуги, не то ужъ очень хорошее нравственное здоровье. Ужасно интересна духовная жизнь человѣка, его способность, вслѣдствіе, вѣроятно, наслѣдственности, носить въ себѣ какіе-то темные, неясные зародыши будущихъ мыслей, поступковъ, или даже цѣлаго характера. Вѣдь очень можетъ быть, что характеръ человѣка и не складывается вслѣдствіе окружающихъ обстоятельствъ, а только проявляется въ настоящемъ своемъ видѣ въ положенный кѣмъ-то или чѣмъ-то срокъ. Эту мысль нѣкоторые и допускаютъ, примѣняя только этотъ своего рода законъ къ исключительнымъ личностямъ, составляющимъ въ свою очередь (вѣроятно) тоже особый народъ, имѣющій свои законы рожденія, развитія и смерти, свою исторію. Однако это слишкомъ метафизически, если не хуже. Но такъ и быть еще нѣсколько мыслей. Вотъ, напримѣръ, мысль. Эта, ничему, кажется, неподчиняющаяся фея имѣетъ своего рода законы, безъ которыхъ ея рожденіе невозможно. Для полученія извѣстной оформленной мысли, необходимъ цѣлый рядъ комбинацій, цѣлый порядокъ механическихъ процессовъ, безъ которыхъ невозможно обойтись, какъ невозможно... Какъ невозможно мнѣ написать письма, не наполнивъ его самыми наивными разсужденіями!»

Конечно, на счетъ всего такого можно сказать, что Васильевъ открываетъ Америку; но вспомните, что ему 22-й годъ, и тогда дѣло нѣсколько мѣняется. Немногіе, особенно между художниками, въ эти года что-либо думали подобное.

Для того, чтобы понять все его трагическое положеніе въ Крыму въ послѣдній годъ передъ смертью, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ и разсказать одно обстоятельство, имѣющее связь съ тѣмъ, что́ будетъ сейчасъ встрѣчаться въ его письмахъ. Передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга въ Крымъ, въ январѣ мѣсяцѣ, онъ исчезъ дня на три, я его не видалъ; на четвертый день, рано утромъ, онъ является ко мнѣ блѣдный, возбужденный, больной и разсказываетъ, что его три дня тому назадъ арестовали, и кто же?—Мѣщанская управа. Онъ подлежалъ рекрутской очереди, и вотъ, чтобы онъ не ушелъ, его засадили, держали 2-е сутокъ, и выпустили послѣ усиленныхъ просьбъ съ его стороны, и послѣ обѣщанія внести за себя 1,000 р., которые онъ не зналъ, гдѣ найти. Между, тѣмъ онъ, какъ старшій сынъ при двухъ маленькихъ, и не могъ подлежать сдачѣ въ солдаты отъ матери, которую содержалъ; но кому же неизвѣстно, какъ мѣщанскія общества поступаютъ? Куда было обратиться при такихъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе, что были праздники и Общество Поощренія было заперто. Григоровича найти никакъ нельзя, деньги же нужны были немедленно. Тогда Гè, Мясоѣдовъ, я и еще нѣкоторые, собрали необходимую сумму, въ ту же минуту

взнесли ее и взяли паспортъ Васильеву на годъ*). Это обстоятельство заставило его просить отъ Академіи званіе художника, тогда какъ прежде онъ и слышать не хотѣлъ никогда объ Академіи. Къ веснѣ онъ уѣхалъ, а на выставку въ Академію поставили безъ него уже 4 пейзажа на званіе.

Званіе класснаго художника 1-й степени ему было присуждено съ тѣмъ, чтобы онъ выдержалъ экзаменъ. Изъ Крыма онъ два раза писалъ и въ Академію, и великому князю, заявляя, что боленъ, что держать экзаменъ не можетъ, и что, наконецъ, онъ проситъ отложить экзаменъ до выздоровленія. Но все напрасно, хотя въ это же время другимъ давали званіе безъ экзаменовъ. Паспортъ Мѣщанской управы онъ оставилъ у Григоровича и уѣхалъ въ Крымъ съ полугодничнымъ свидѣтельствомъ отъ Академіи, какъ ученикъ. Срокъ затѣмъ давно прошелъ, паспортъ мѣщанскій былъ потерянъ; здоровье же Васильева требовало переѣзда заграницу, а ѣхать нельзя Подымается еще разъ вопросъ о званіи его въ Совѣтѣ Академіи, и ему окончательно отказываютъ, но удостоиваютъ званія «Почетнаго вольнаго общника», которое не даетъ ничего, кромѣ права, въ стѣнахъ Академіи, надѣть мундиръ. Извѣщеніе объ этомъ онъ получилъ въ Крыму, идя отъ доктора, совершенно больной, и уже немогущій работать; получилъ какъ-разъ въ ту минуту, когда считалъ часы своего освобожденія изъ Ялты, — возможность ѣхать заграницу. Мать его потомъ разсказывала, что когда онъ прочелъ это извѣстіе, то простоялъ съ полчаса посрединѣ комнаты неподвижно; затѣмъ, совсѣмъ убитый, сказалъ: «Все кончено!», слегъ, и уже не всталъ. А Академія въ это же время посылала его картины въ Лондонъ, гдѣ онъ былъ особенно замѣченъ, и именовала его класснымъ художникомъ 2-й степени, какъ потомъ было напечатано и въ отчетѣ. Это достопамятное вѣроломство есть у меня; оно напечатано, и напечатано уже послѣ его смерти! Мнѣ же лично г. NN говорилъ, что все для Васильева будетъ сдѣлано: ему будутъ высланы — и дипломъ, и званіе почетнаго вольнаго общника, и паспортъ; а тутъ же Юндоловъ, чиновникъ въ конторѣ (дѣлопроизводитель), смѣясь сообщилъ, что Академія на это званіе не имѣетъ, права давать паспорта. Кромѣ того нужно сказать вамъ еще (по секрету уже) что причина добиваться диплома, т. е. паспорта, была другая: онъ незаконный сынъ и въ метрикѣ записанъ Ѳедоромъ Викторовымъ. Отецъ же его дѣйствительно былъ Александръ Васильевъ. До 22-хъ лѣтъ человѣка звали правильно; и, вотъ, еслибы онъ остался мѣщаниномъ, то не только угодилъ бы въ солдаты, но еще и былъбы оглашенъ иначе, чѣмъ всѣ его

---

*) Черезъ нѣсколько дней деньги эти были возвращены изъ Общества Поощренія Художниковъ, которое приняло на себя этотъ расходъ. *И. К.*

знали. Это обстоятельство Академія не знала, да ей и знать было не нужно. Званія, а затѣмъ и паспорты, т. е. дипломы, она даетъ на основаніи прошеній. Судите теперь, ка́къ все это заставляло его страдать!

Прося меня помочь ему въ Академіи навести справки, ка́къ рѣшено его дѣло, онъ пишетъ: «Приступаю къ самому непріятному, что̀ только можетъ быть — это объ академическомъ званіи и о моемъ отчествѣ. Я ужасно боюсь до сихъ поръ, чтобы не вышло чего. Какъ-нибудь что-нибудь отмѣнятъ; а это будетъ для меня хуже, какъ еслибы и вовсе не начинать дѣла. Представьте себѣ, что послѣ многихъ лѣтъ пытки я обнадеженъ, считаю дѣло конченнымъ,—и вдругъ говорятъ, что это только хотѣли сдѣлать, но въ сущности ничего не вышло. Меня ужасно пугаетъ В. Самъ человѣкъ вызвался подать за меня прошеніе, безъ всякой просьбы съ моей стороны, я ему далъ довѣренность, и ничего до сихъ поръ онъ не отвѣчаетъ; ни одного письма со времени моего отъѣзда и до сихъ поръ (болѣе $1^1/_2$ года). Ради Бога, увѣдомьте меня, если у васъ есть факты относительно признанія меня художникомъ 1-й степени. Вы не знаете, чего мнѣ стоитъ эта многолѣтняя игра».

Въ этомъ же письмѣ есть нѣсколько строкъ о критикахъ: «Въ самомъ дѣлѣ, всѣ, кто у насъ пишутъ объ искусствѣ, всѣ хвалятъ меня въ одинъ голосъ, а между тѣмъ я имъ ни на грошъ мѣдный не вѣрю. Вотъ еще недавно появилась статья въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за іюль, какого-то Матушинскаго, который тоже что-то очень хорошее пишетъ про меня, а я все-таки очень хорошо вижу, что вретъ. И не то, чтобы я не вѣрилъ имъ за то, что они меня хвалятъ, а потому, что рядомъ съ похвалами моей картинѣ обругаютъ такую, которая не только не хуже моей, а лучше, или по крайней мѣрѣ равная; вслѣдствіе этого я и думаю: вѣдь если ты, братъ, проврался на этомъ, да вотъ на томъ, такъ на моей и преблагополучно, а слѣдовательно—проваливай!» Кончаетъ онъ это длинное письмо довольно забавно: «Не знаю, пріятно ли вамъ читать такія длинныя письма, но мнѣ было бы необыкновенно пріятно получать такія же. Я уже думалъ завести переписку съ Б. (отчаянный дуракъ и скотина). Говорятъ, онъ пишетъ къ пріятелямъ цѣлыя книги. Хорошо, впрочемъ, писать такую длинную чепуху только тому, кому дѣлать нечего. Вѣдь мнѣ по вечерамъ въ самомъ дѣлѣ нечего дѣлать. Ничего не придумаю. Ужъ хотѣлъ было сапожному мастерству обучаться; даже хуже—въ музыку ударился! Да хорошо, что хозяйка просила оставить; говоритъ: «просто квартиръ никто не нанимаетъ, очинно ужъ много музыкантовъ». И ужъ право не знаю, отчего это такъ кажется, что играютъ нѣсколько человѣкъ на разстроенныхъ инструментахъ; а тутъ еще мамаша говоритъ: «оставь—спать

не даешь». Играть днемъ—самого себя совѣстно, да притомъ и картины. Такимъ образомъ я остался какъ ракъ на мели. Думаю, впрочемъ, о разныхъ важныхъ матеріяхъ самымъ неважнымъ образомъ».

«*11-го августа 1872 г.* Окончилъ и сдалъ картину великому князю Владиміру Александровичу. Его Высочество остался очень доволенъ и заказалъ еще 4. Какъ разлетаются всѣ мои планы! Теперь я долженъ буду работать безъ увлеченія, безъ желанія даже: картины эти скорѣе фрески; онѣ назначаются для ширмъ. Кончить долженъ къ 24 декабрю. Сколько ни старался, не могъ отказаться отъ этой работы, потому что не могъ ничего сказать въ свое оправданіе, а лгать не хотѣлось. Съ грустью смотрю на начатыя мною работы, видя невозможность кончить ихъ».

Кончить ихъ ему было и несуждено. Этотъ заказъ дорого ему обошелся.

Съ осени 72-го года начинаются страданія. Болѣзнь усиливается, обстоятельства складываются самымъ невыгоднымъ образомъ, и, вплоть до смерти, Васильевъ уже не сдѣлалъ почти ничего. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ получилъ изъ Петербурга одно письмо отъ Григоровича, на конвертѣ котораго стояло: Ѳедору Викторовичу Васильеву, внутри же письмо начиналось правильно: Ѳед. Алекс. Вообразите его горе, смущеніе, негодованіе, даже ужасъ. Зачѣмъ это было сдѣлано?—Не знаю; но только я получилъ письмо отъ него чрезвычайно тревожное. Онъ полагалъ, что Академія что-нибудь узнала, огласила, что теперь въ Петербургѣ сплетня ходитъ между всѣми знакомыми и незнакомыми. Словомъ, для него это былъ ударъ очень чувствительный; хотя причинъ къ этому не было никакихъ; дѣло его стояло въ томъ же положеніи, шла переписка объ экзаменахъ, и рѣшительно нигдѣ ничего не было извѣстно. Конечно, все это понятно; главная причина тревоги—его молодость. Прося меня узнать, что̀ и ка̀къ, онъ пишетъ: «Все это можетъ показаться глупымъ, пошлымъ, чѣмъ угодно; но не для меня, которому это такъ давно надоѣло. Конечно, если нельзя ничего сдѣлать, то пусть ужъ это канетъ въ вѣчность; но только бы узнать, наконецъ, навѣрное и не быть въ самомъ отвратительномъ положеніи человѣка, висящаго между небомъ и землею, безъ всякой точки опоры. Здоровье мое, въ послѣднее время, не знаю почему, ухудшилось, даже бокъ немного болитъ, хотя опаснаго ничего нѣтъ». Эта фраза «опаснаго ничего нѣтъ» встрѣчается у него постоянно, до самой смерти.

Заказъ, сдѣланный ему великимъ княземъ, безпокоитъ его ужасно. Относясь серьезно къ своему дѣлу, онъ считалъ необходимымъ приготовиться: нужно было изучить имѣніе Императрицы, чтобы выбрать четыре картины, нужно было сдѣлать этюды, а время шло, онъ болѣлъ, деньги

Общество ему высылало неаккуратно, въ послѣднее же время даже и вовсе прекратило. «Этотъ новый заказъ, отъ котораго я не могъ отдѣлаться, не позволяетъ мнѣ ничего предпринять», — пишетъ онъ; «и Общество кажется считаетъ себя въ правѣ прекратить высылку 100 р., безъ которыхъ моя жизнь въ Ялтѣ невозможна».

Все это, взятое вмѣстѣ, измѣнило даже его характеръ, и изъ открытаго, веселаго и остроумнаго мальчика, сдѣлался раздражительный и придирчивый. «Осень у насъ начинается, а съ нею какое-то томительное одиночество и хандра. Хандра теперешняя нисколько не похожа на ту, которую ужъ вы за мной знаете. Это что-то такое зрѣлое, что съ боязнью начинаешь думать о ея долгомъ продолженіи, можетъ быть безконечности».— «Я начинаю спокойно смотрѣть и привыкать къ моему продолжительному отсутствію изъ Петербурга. Такъ долго здѣсь живу, такъ медленно идетъ починка моего организма, такъ ожесточенны противъ меня какія-то неизвѣстныя силы, что нѣтъ никакой охоты брать приступомъ, шагъ за шагомъ, свою свободу, — да и къ чему? Не подумайте, что это упадокъ духа, безхарактерность: нѣтъ, характера и силы хватитъ у меня навсегда, это больше всего похоже на умственное разочарованіе, которое боишься провѣрить, не ожидая ничего хорошаго. Странно, что я еще такъ мягокъ съ людьми, какъ и прежде, когда никакія черныя мысли, никакія подозрѣнія не гнѣздились во мнѣ. Можетъ быть это будетъ исходной точкой моихъ страданій. Ахъ, И. Н., много на свѣтѣ болѣзней, много нужно докторовъ и времени, чтобы унять сплошные стоны, необъятныя страданія! Ка̀къ скверно еще и то, что я превращаюсь въ какой-то аппаратъ, въ которомъ, кромѣ страданій, ничего не можетъ отражаться. Можетъ быть, я дѣйствительно только неспособенъ видѣть свѣтлыхъ картинъ, можетъ быть онѣ и есть, да по устройству моего мозга проходятъ незамѣченными, не отражаются. Пейзажисты бываютъ двухъ родовъ: первый родъ происходитъ изъ бездарностей, историковъ и жанристовъ, немогущихъ охватить человѣка, какъ сложную задачу, а потому бросающихся на болѣе легкое, ка̀къ имъ кажется: на камни, деревья, горы и т. д.; другой родъ — люди, ищущіе гармоніи, чистоты, святости: — эти невольно становятся поклонниками природы, не находя ничего полнаго въ человѣкѣ, этомъ вѣнцѣ творенія».

По случаю невысылки денегъ изъ Общества, была и переписка, и объясненіе. Привожу вамъ для характеристики одно его письмо къ Д. В. Григоровичу. Судите сами.

«*20-го октября 1872 г.* Милостивый Государь Дмитрій Васильевичъ. Я вообще усматриваю изъ нашей переписки одно очень важное обстоятельство—это полную неопредѣленность моихъ отношеній къ Обще-

ству, и наоборотъ. Сознавая ясно, что Общество неправильно смотритъ на свои ко мнѣ обязанности и на мои къ Обществу, я ненахожу возможнымъ, безъ ущерба для моей честности, молчать долѣе, какъ бы пользуясь темнотою дѣла въ свою пользу, и потому откровенно долженъ сказать вамъ, какъ я на все смотрю. Я — это лотерейный билетъ, по которому Общество проиграть можетъ скорѣе, чѣмъ выиграть; и вотъ почему. Если я—билетъ пустой, то Общество проиграетъ и матеріальную, и нравственную сторону въ этомъ дѣлѣ; если же я—билетъ съ номеромъ, то Общество выиграетъ только въ нравственномъ отношеніи. (Нужна ли ему эта нравственная сторона?). Если вамъ, Д. В., не приходили эти мысли въ голову, то пусть придутъ. Я съ своей стороны могу сказать, что это единственная вѣрная точка зрѣнія, и Комитетъ Общества не долженъ смотрѣть ни съ какой другой, потому что всякая другая — ложная. Только при такомъ взглядѣ на дѣло возможенъ выигрышъ обѣихъ сторонъ; только при такомъ направленіи дѣятельности Общества эта помощь принесетъ благотворные результаты; всякая же другая точка зрѣнія спутаетъ дѣло, будетъ тормозить и парализовать какъ одну, такъ и другую стороны. Если ужъ разъ Общество меня отмѣтило, если разъ оно вызвалось само помогать мнѣ, то должно отнестись къ этому нелегкомысленно и не портить дѣла разными сомнѣніями и ограниченіями. Мои обязанности: постоянное ученіе, усовершенствованіе и честное пользованіе великодушно предложеннымъ. Если я не то, что́ Общество создало въ своемъ воображеніи, если я не возвращу десятью талантами больше—Богъ насъ разсудитъ. Никто, однако, не знаетъ конца».

«Вотъ какую цыдулочку я послалъ Д. В.! А вѣдь, въ сущности, и въ этомъ письмѣ нѣтъ ничего ужаснаго, даже совсѣмъ наоборотъ. Вѣдь не могу же я смотрѣть на все такъ, какъ смотритъ Д. В. Мнѣ нужно знать навѣрное, а не жить день за днемъ, часъ за часомъ. Если я буду такъ жить и такъ думать, то чрезъ нѣсколько времени окажется, что я заботился о подметкахъ, заплаткахъ на штаны, о томъ, гдѣ продается подешевле русскій холстъ, или о томъ, нельзя ли у кого разжиться старыми обтрепанными кистями; и окажется, въ концѣ концовъ, что я самъ обтрепанная кисть, которую надо поскорѣе выкинуть и выкинуть безъ сожалѣнія. Это все разсужденія на веселую тему, т. е. мнѣ очень хочется поддержки отъ людей, чтобы ужъ не очень тяжело досталось искусство и жизнь. Но въ противномъ случаѣ, т. е. если Общество, испугавшись моей аттаки откровенностью, откажется мнѣ помогать, какъ я хочу, то я докажу имъ, что иногда одна личность, одна единица носитъ въ себѣ силы и могущества болѣе, чѣмъ тухлое сборище массы людей. Еслибы вы знали, какое нервное состояніе! Я бы готовъ все бросить, все — и искусство, и здоровье,

чтобы сейчасъ, сію минуту быть въ Петербургѣ и отвести душу!.. Но это должно пройти, это нервное состояніе, пройти, потому что нѣтъ возможности улетѣть отсюда, нѣтъ силы, которая перенесла бы меня сейчасъ. Стараешься подавить въ себѣ это желаніе... подавить до другого раза, а тамъ еще до другого и т. д.»

Привожу еще одинъ отрывокъ изъ того же письма, въ которомъ есть интересный опытъ наблюденія надъ самимъ собою въ области психологіи.

«Для того, чтобы написать самое необходимое, не хватитъ цѣлыхъ дней! О чемъ же писать? Какой мысли, слову или желанію отдать предпочтеніе? Какая изъ нихъ такъ богата, такъ многозначительна, что дастъ облегченіе, перейдя на бумагу? Нѣтъ ихъ! Общій грузъ такъ великъ, что не ощутишь отсутствія десятковъ мыслей, тысячи словъ! (вотъ, точно изъ Гамлета!) Вотъ вертится въ головѣ какая-то мысль... о чемъ это?... да ловлю, ловлю... о томъ, отчего на дружбу и любовь дѣйствуетъ разлука... вотъ опять туманъ, изъ котораго выглядываютъ такіе отрывки этой мысли, что невозможно составить понятіе о цѣломъ. Ну, да это не бѣда, придетъ, когда нужно, вся цѣликомъ. У меня такъ голова устроена! Впрочемъ, я не знаю устройства другихъ головъ, а потому мнѣ моя и можетъ показаться оригинальною. Попытаюсь описать ея устройство и буду очень радъ, если вы эти строки о головѣ будете читать въ то время, когда у васъ будетъ безсонница, которая мигомъ пропадетъ,—такъ велико цѣлительное дѣйствіе этого описанія. Ну, засыпайте! Начинаю! Я, напримѣръ, не могу читать долго и толково, про себя или вслухъ, потому что мозгъ ни на минуту не останавливаетъ своей работы, и во время занятія отдѣляетъ только половину себя для слушанія, другая же постоянно работаетъ самостоятельно. Но и этого мало: вдругъ эта самостоятельная половина хватаетъ, ни съ того ни съ сего, другую половину—слушающую, и заставляетъ её работать вмѣстѣ съ собой надъ чѣмъ-нибудь такимъ, что ничего не имѣетъ общаго съ книгой. (Глаза еще ничего не знаютъ и прилежно ходятъ по буквамъ; но такъ странно, что мнѣ всегда напоминаютъ мухъ, одурѣвшихъ отъ мышьяку,—и шатаются по тому же мѣсту, гдѣ лежитъ эта злосчастная бумажка). Но всегда есть нѣсколько мгновеній борьбы, прежде, чѣмъ пассивная сторона уступаетъ, а уступитъ всегда она. Или еще и такъ бываетъ: думаешь, напримѣръ, о чемъ-нибудь, хорошо знакомомъ, извѣстномъ до послѣдней возможности; все идетъ прекрасно, послѣдовательно... но вдругъ нападаетъ какой-то столбнякъ, прежней работы объ извѣстномъ и слѣдъ простылъ, сдуло куда-то, и такъ далеко, что и изъ памяти пропало; стоишь и ничего не понимаешь, но чувствуешь, что это тамъ мозги что-то затѣяли. Пройдетъ нѣсколько мгновеній, и снова владѣешь разсудкомъ. Ну что тутъ, кажется, интереснаго,—нашелъ

столбнякъ и кончено! Нѣтъ, проходитъ извѣстное время, и опять, посреди какой-нибудь мысленной работы, случается такой же переворотъ въ мозгахъ, которые начинаютъ устраивать какую-то мысль, совершенно новую, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто и знакомую, какъ будто когда-то давно приходившую въ голову. Начинаешь припоминать, и доходишь до того положенія, когда случился со мной столбнякъ.

«Дальше воспоминанія не хотятъ идти, какъ будто желая, чтобы человѣкъ хорошенько всмотрѣлся въ этотъ столбнякъ. Всматраваешься, всматриваешься, и начинаешь видѣть, что столбнякъ этотъ есть ничто иное, какъ колыбель этой знакомой будто бы мысли, которую ощутилъ только сегодня, только сегодня отыскалась послѣдняя буква, безъ которой не составлялось мысли. Тогда, во время столбняка, эта только что родившаяся мысль была до того новой, что ея смысла нельзя было найти; она только на ничтожную часть мозговъ произвела тончайшее впечатлѣніе, поэтому-то и вышло, что, другимъ словомъ, кромѣ столб..... Спите?... просыпайтесь, довольно, больше не буду. А и въ самомъ дѣлѣ, не буду: 1/4 перваго ночи, и мнѣ давно спать пора!»

И это писалъ мальчикъ 22 лѣтъ!

Заказъ, принятый имъ отъ великаго князя, не подвигался между тѣмъ. Нужно было дѣлать этюды, обозрѣвать мѣсто, а въ Ливадіи безъ особаго разрѣшенія не всюду пускали. Пока Васильевъ добился разрѣшенія, Императорская фамилія уѣхала, и разрѣшенія стало не нужно. Времени тѣмъ не менѣе осталось такъ мало, что Васильевъ долженъ былъ предложить, вмѣсто указаннаго, написать что-либо другое. Это другое ему было разрѣшено написать, а именно: видъ съ балкона новаго дворца Императрицы. Самое скучное и казенное. Въ ужасѣ отъ антихудожественности задачи, онъ протянулъ еще время, и хотя написалъ къ сроку, но написалъ нѣчто больное, скучное и совсѣмъ плохое. А болѣзнь между тѣмъ все развивалась да развивалась, пока онъ не слегъ. Я бы могъ привести еще много отрывковъ изъ его писемъ, но полагаю, что того, что̀ я сдѣлалъ, уже достаточно, и потому я потороплюсь дойти до конца. Вы, Николай Александровичъ, теперь имѣете все-таки понятіе объ этомъ юношѣ. Да, наконецъ, для вашей цѣли этого и не нужно, хотя больше десятка писемъ останется и не цитированныхъ. Ко всему непріятному, что̀ Васильева окружало, примѣшивались еще какіе-то смутные намеки въ письмахъ къ нему всѣхъ знакомыхъ, которые, подъ видомъ соболѣзнованія, сообщами ему различныя сплетни, что вотъ тотъ-то о васъ та̀къ выразился, тамъ-то вами не додовольны, и прочее, и прочее; и вотъ онъ пишетъ въ концѣ 72 г.:

«Благодаря тому, что меня судьба загнала въ Ялту и лѣнь узнать отъ меня самого, что́ я дѣлаю, всякій паршивецъ подозрѣваетъ меня во

всякихъ злоумышленіяхъ. Одна бѣда не свалилась съ плечъ, а ужъ стараются навалить новыя. Не могу я подозрѣвать и думать, что это изъ зависти къ моему только что появившемуся, только чуть-чуть, однимъ уголкомъ, показавшемуся таланту. Если я пойду впередъ, то ужасъ беретъ за будущее. Чтó же будетъ, когда я сформируюсь? Вѣдь чтò я теперь? Ничтожность, едва замѣтная, и уже нѣтъ покоя отъ всякихъ пакостей! Горькое беретъ раздумье! Неужели никогда не найду отдыха? Смѣшно и больно взирать на міръ Божій! Всюду трибуны, всюду съ одушевленнымъ взоромъ, съ раздутой истинами грудью, возвышаются ораторы, — великіе люди, друзья человѣчества; всюду ликованіе! Просвѣтленныя толпы волнами движутся отъ паровыхъ машинъ къ исполинскимъ орудіямъ, отъ плуговъ къ митральезамъ... Хоромъ гремитъ изъ одного конца свѣта въ другой: «Да здраствуетъ XIX-й вѣкъ!» Поетъ этотъ гимнъ вчера раздавленный французъ, поетъ этотъ гимнъ раздавившій цѣлый народъ пруссакъ»...

Вообще надобно сказать, что Васильевъ былъ одной изъ тѣхъ натуръ, которыя не могутъ копаться только въ своей личности, или личности ближнихъ, а всегда, по поводу всякаго событія, стараются подняться до уразумѣнія общихъ причинъ. Попадаютъ ли или нѣтъ въ цѣль, — это вопросъ другой; я говорю о стремленіи натуры и ея свойствахъ.

Въ концѣ 72 года онъ уже почувствовалъ себя настолько худо, что пишетъ: «Я очень подхожу теперь къ Ялтѣ и ея обитателямъ; думаю, что еще больше подходилъ бы къ Карлсбаду или чему-нибудь въ этомъ родѣ. Скверныя мысли и скверныя предчувствія! Кромѣ того, я ужасно мучусь, глядя на свои картины—до такой степени онѣ мнѣ не нравятся.. Крайне нуждаюсь въ совѣтахъ людей компетентныхъ, мысленно сзываю всѣхъ своихъ знакомыхъ, но увы! Это чепуха! Вѣдь я два года какъ работаю, не видя ничего, кромѣ своихъ работъ!..»

Наканунѣ новаго 73-го года онъ пишетъ слѣдующее: «Скука! А вѣдь было время, когда человѣкъ, одолѣваемый скукою, пустотою, какъ Печоринъ напримѣръ, многихъ поражалъ, всѣмъ безъ исключенія нравился... Только бы ново было, понравится навѣрное, потому — мода! Какая бы глупая мода ни была,—все равно,—ея участь произвести эффектъ до другой, еще быть можетъ болѣе глупой. Завтра праздникъ, разодѣнется народъ во всѣ свои пестрые лоскутки, еще больше переполнятся кабаки, много будетъ выпито и побито за эти дни всего, чтò держитъ въ себѣ хмѣль, и всего, на чемъ могутъ остаться знаки. Потеряетъ человѣкъ послѣдніе жалкіе остатки способностей, и послѣдніе гроши перейдутъ въ руки Мошекъ, Абрашекъ, Іосекъ! Вы, можетъ быть, думаете, что я съ горечью это говорю? Ничуть! Такъ ведется давно и такъ приглядѣлось все это, что не производитъ уже перваго впечатлѣнія—горя и ужаса! А при-

рода кругомъ вѣчно прекрасная, вѣчно юная и... холодная! Впрочемъ, не всегда она держитъ за собою это послѣднее качество; я помню моменты, глубоко врѣзавшіеся мнѣ въ память, когда я весь превращался въ молитву, въ восторгъ и въ какое-то тихое, отрадное чувство со всѣмъ и со всѣми на свѣтѣ. Я ни отъ кого и ни отъ чего не получалъ такого святого чувства, такого полнаго удовлетворенія, какъ отъ этой холодной природы. Да будетъ она благословенна, хотя люди и говорятъ, что ни дурного, ни хорошаго ей приписывать нельзя. (Сатира, или мораль—смыслъ этого всего)?..»

Вы, вѣроятно, замѣтили, что Васильевъ почти никогда не пропускалъ случая, послѣ лирическихъ порывовъ, кончать сарказмомъ, чтобы не подумали, что онъ сантиментальничаетъ. Признакъ натуры недюжинной.

Въ слѣдующемъ письмѣ, 28-го января 1873 года, онъ выражается уже такъ о себѣ: «Я съ необыкновенною быстротою лечу въ какую-то холодную и глубокую бездну, и не знаю, что̀ найду на днѣ ея. Опять начинаю хворать; но не думаю, что это отъ меня зависитъ. Мнѣ кажется (и гораздо болѣе, чѣмъ кажется), что здоровье мое ушло куда-то, и никогда не вернется, даже на столько, чтобы не мучиться по крайней мѣрѣ. Я совершенно забылъ ощущенія здороваго человѣка».

«*3-го апрѣля 1873 г.* Какъ скучны, какъ однообразны дни, хотя они совершенно разнообразны, но не для меня; для меня существуетъ только одно разнообразіе: сегодня докторъ, завтра безъ доктора, послѣзавтра докторъ, тамъ опять безъ доктора, и т. д.».

«*9-го апрѣля 1873 г.* Если Академія не выдастъ мнѣ паспорта, она отниметъ у меня возможность спасти свою жизнь—и только!»

Въ этомъ послѣднемъ письмѣ болѣзнь его отразилась даже на почеркѣ: изъ энергическаго, размашистаго и твердаго (хотя и мелкаго)—онъ сдѣлался разслабленнымъ, старческимъ. Въ рукахъ у него появились постоянныя судороги. Чувствуя близко развязку, я просилъ его, наконецъ, пріѣхать въ Тульскую губ., гдѣ мы (я, Шишкинъ и Савицкій) думали провести лѣто; и такъ какъ своевременно Васильевъ не уѣхалъ заграницу, то было уже все равно. Онъ этому очень обрадовался и писалъ, что все время только этой надеждой и живетъ, такъ какъ докторъ ему это обѣщалъ. Но 29 мая 73 года онъ написалъ: «Третьяго дня я спрашиваю у доктора, когда я могу выѣхать? «Вы раньше августа не будете на столько крѣпки, чтобы ѣхать куда бы то ни было, мнѣ непріятно разочаровывать васъ, но это нужно было сдѣлать не сегодня, такъ завтра». Это меня поразило какъ громъ, и я чувствую себя хуже... ну, чему быть, того не миновать, а только у меня на душѣ скверныя предчувствія. Кромѣ мерзости, бѣдъ и болѣзней,

на меня въ Крыму не упало ни одного свѣтлаго луча! Развѣ только забываешься передъ натурою, только ея грандіозность и красота доставляютъ счастливыя минуты. Въ настоящій моментъ я нахожусь еще разъ въ отчаянномъ положеніи. Представьте себѣ, завтра нужно съѣзжать съ квартиры; безобразно набавили на лѣто, а другой квартиры, хоть разорвись, нѣтъ! Я, больной до крайности, изъѣздилъ всѣ дачи,—дешевле 800 р. за лѣтніе мѣсяцы—нѣтъ! Боже мой, да что̀ же мнѣ дѣлать? Откуда же я стану доставать деньги, больной!? До настоящей минуты ни одной квартиры, ни одной дачи не знаю, и что̀ будетъ—не понимаю... Вѣроятно придется заплатить 800 р. за три паршивыхъ комнаты. Что̀ мнѣ дѣлать съ деньгами? У меня долгу въ Ялтѣ до сегодняшняго дня 1882 р.; да вѣдь и до августа жить надо, и платить за дачу? Что̀ же это такое наконецъ? Я просто, кажется, скоро съума сверну,—жутко, больно, да и давно ужъ это терпѣть приходится...Напишите, пожалуйста, можно ли будетъ имѣть доктора черезъ каждые два̀ дня? Это главное условіе. Здоровье мое серьезно плохо, и помчаться, очертя голову, глупо, и еще глупѣе черезъ недѣлю вернуться назадъ».

«*25-го іюля 1873 г. (послѣднее)*. Еслибы вы знали, какъ худо вашему другу! Здоровье же мое — не знаю, кого и что̀ благодарить— уже не плохо, а жизнь моя въ опасности, если я не отдѣлаюсь отъ всего меня грызущаго, и не уѣду заграницу. Жду Боткина; онъ рѣшитъ мою участь окончательно! Непріятности постоянныя, въ долгу кругомъ, жизнь дорога до невообразимаго: 250 р. долженъ приготовить въ мѣсяцъ, а не работаю уже 6 мѣсяцевъ! Да что̀ тутъ, все можно сказать однимъ словомъ: денегъ нѣтъ и взять ихъ не откуда, и нѣтъ никакого вида, чтобы уѣхать заграницу, еслибы и упали мѣшки золота съ неба. Если у меня не будетъ денегъ и вида, зимой у меня разовьется чахотка непремѣнно, и въ самой сильной степени, потому что для этого все готово! И все-таки думаю, что судьба не убьетъ меня ранѣе, чѣмъ я достигну цѣли. Можетъ она сдѣлаетъ наоборотъ... ну, что̀-жъ дѣлать — рано родился! Во всякомъ случаѣ, я думаю, что помоги мнѣ человѣкъ, имѣющій возможность помочь, я навѣрно выздоровлю! Да, въ Академіи все кончено! То есть, не смотря на мои просьбы, я — почетный вольный общникъ, и кончено! Что̀ я буду дѣлать! Видъ достать я не могу ни откуда, брать же мѣщанское свидѣтельство — это исторія старая, да и на это понадобится и адвокатъ, и Богъ знаетъ сколько денегъ! Со всѣми этими дрязгами я боюсь помѣшаться! Да у меня уже начинаютъ являться разныя странности. Пишите!.. У меня это единственная отрада; но самъ я не могу обѣщать писать, какъ писалъ прежде! Я удивляюсь, какъ я столько написалъ».

8-го сентября 73 г. я получилъ телеграмму о томъ, что Васильевъ умеръ.

Послѣ его смерти, долговъ осталость больше 5,000 р. Все было покрыто распродажею этюдовъ, рисунковъ, картинъ; словомъ, онъ расплатился честно.

Если помните его посмертную выставку, которая вся была распродана въ теченіе одной недѣли, даже до открытія ея публикѣ.

Половина матеріала изъ его писемъ еще осталась нѣтронутою; но для вашей цѣли, полагаю, этого слишкомъ достаточно.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLXXVII. Къ П. М. Третьякову.

Августъ 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что не тотчасъ отвѣтилъ о полученіи присланныхъ 500 рублей, но я разсчиталъ, что Сергѣй Михайловичъ будетъ въ Москвѣ скорѣе моего письма, а потому... но все равно, оно мало извинительно. Я такъ принялся работать, что, нѣкоторымъ образомъ, забылъ о портретахъ, которые все еще не кончены; всюду остались кончики:—тамъ борода и руки, тамъ фонъ, тамъ вообще голова еще не кончена, а тамъ—словомъ, вездѣ кое-что найдется. Но я оставляю до тѣхъ поръ, пока заказчики не разсердятся, и работаю въ мастерской. Видѣлъ я Рубинштейна, и согласенъ совершенно съ Сергѣемъ Михайловичемъ, что если писать, то надо поторопиться, иначе онъ, пожалуй, потеряетъ глаза: уже и теперь одного почти нѣтъ, и потому я думаю его начать въ тѣ дни, когда я бываю у Екатерины Михайловны, въ Ораніенбаумѣ, и я думаю, что, чего добраго, будетъ толкъ, такъ какъ я его писать намѣренъ во время его работъ, въ его кабинетѣ музыкальномъ. Это вполнѣ отвѣчаетъ тому, о чемъ мы говорили. Чтобы не забыть, Некрасовъ просилъ меня узнать отъ васъ, что бы вы сказали, еслибы онъ предложилъ вамъ купить у него картину Ге: «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ»? Однимъ словомъ, и васъ и меня, кажется, порядочно желаютъ эксплоатировать гг. литераторы: для одного я долженъ сдѣлать портретъ жены, для другого копію, и все это... даромъ!

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

А рана Верещагина, говорятъ, принимаетъ дурной оборотъ! Вотъ вѣдь человѣкъ! Жалко, ой-ой какъ жалко!

CLXXVIII. Къ нему же.

13-го августа 1877 г., Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вы угадали. Я все раздумывалъ, что́ же мнѣ это дѣлать? Какъ мнѣ быть съ Некрасовымъ? Гдѣ я возьму расплатиться за нѣкоторыя вещи. Да еще дернула меня нелегкая поправлять квартиру, а нельзя было не поправить, насъ въ ней одолѣли разныя насѣкомыя—клопы (извините за откровенность). Никакія полумѣры не помогали, и нужно было радикально. Всего хуже то, что ужъ домъ такой: наползаютъ изъ сосѣднихъ квартиръ. Словомъ, уклониться отъ обязанности было невозможно, а домохозяинъ никогда на себя не беретъ поправку. Спасибо, хоть не набавляетъ. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ прислалъ только 350 рублей и за... оба! очень странно, тогда какъ я сказалъ Щербатову, который копировалъ, что я думаю—не меньше 200 рублей за каждый, да я самъ возился больше недѣли. Чудесный народъ бываютъ эти литераторы. Я замѣтилъ, что они похожи на поповъ. И прислалъ только вчера. За повтореніе портрета Императрицы раньше октября не примусь, никакихъ работъ не дѣлаю и не принимаю, и стало быть... Если ужъ вы настолько внимательны, то пришлите... 1000 рублей. Я ужъ и не знаю, сколько же это будетъ долгу, надо сосчитать. Работа въ мастерской каторжная, нѣкоторыя передѣлки. Даже въ Ораніенбаумъ не ѣзжу, и, стало быть, Рубинштейнъ отложенъ. Сережа немножко прихворнулъ. Судя по дѣлу, боюсь, что въ Москвѣ не буду этотъ годъ.

И. Крамской.

CLXXIX. Къ нему же.

30-го августа 1877 г. Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вы хотѣли пріѣхать въ Петербургъ, въ первыхъ числахъ сентября, чтобы уговориться, когда кончить портретъ Вѣры Николаевны. Но я думаю, что вы, можетъ быть, захотите увидать и картину *), а потому я хочу довести до вашего свѣдѣнія, что картину я вамъ показать въ настоящую минуту не въ состояніи, а видѣть ее можно только въ послѣднихъ числахъ сентября, или въ первыхъ октября мѣсяца. Чрезъ недѣльку увидитъ ее первый человѣкъ—моя жена, и затѣмъ, никто больше. Именно въ настоящую пору у меня идетъ жаркое дѣло: изъ ночи передѣлывается утро, когда уже совсѣмъ свѣтло, и

*) Христосъ на дворѣ у Пилата. *Ред.*

даже взошло солнце. Тàкъ необходимо. Я разстался съ огнемъ потому, что именно эта сцена не могла происходить ночью. Да я и не жалѣю. Смыслъ картины вамъ достаточно извѣстенъ, остается сообщить названіе. Для него мною выбрано евангельское выраженіе: «Радуйся, Царю Іудейскій!»

Работаю страшно, какъ еще никогда, съ 7-ми, 8-ми часовъ утра вплоть до 6-ти вечера. Такое усиленное занятіе не только не заставляетъ меня откладывать дѣло, а напротивъ. Часто испытываю минуты высокаго наслажденія. Можетъ быть, результатъ и не оправдаетъ моихъ ожиданій, но ужъ процессъ работъ художественныхъ таковъ. Уже три мѣсяца, какъ я работаю, но съ особымъ напряженіемъ и наслажденіемъ $1^1/_2$, и съ ужасомъ помышляю о томъ времени, когда надо будетъ воротиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ:—портретамъ. Я испыталъ уже это чувство, послѣ первой картины, и помню, кàкъ мнѣ было больно приниматься за механическій трудъ, но теперь на меня просто находитъ ужасъ. Но кàкъ бы то ни было, чего бы это мнѣ ни стоило, а раньше конца я не примусь ни за что. Конецъ же наступитъ тогда, когда получится выраженіе ужаснаго хохота. Останутся археологическія детали, не имѣющія уже цѣны и не представляющія собою содержанія. Я понимаю, что многія детали очень важны, что онѣ даютъ физіономію, но онѣ у меня и есть уже: я говорю просто о ремешкахъ, узорахъ и тому подобныхъ бездѣлицахъ. Портретъ Самарина для Думы въ сентябрѣ вышлю; онъ у меня почти готовъ, и какъ только въ квартирѣ устроится все, такъ я его и вытащу на свѣтъ Божій.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

Вѣрѣ Николаевнѣ кланяюсь я и жена моя, которая переѣхала наконецъ съ дачи, такъ что у меня теперь и воскресенье не пропадаетъ.

CLXXX. Къ нему же.

11-го сентября 1877 г., Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. По мѣрѣ того, какъ двигается картина, я все больше и больше начинаю трусить. Когда она не реализировалась еще, увѣренность въ томъ, что содержаніе ея стоитъ того, чтобы работать, была несокрушима. Также точно было непреложно мое намѣреніе не показывать ее никому до конца. Но теперь, когда эта рѣшимость приводится мною въ исполненіе, и когда вся тяжесть отвѣтственности ложится только на одного меня (какъ будто въ другомъ случаѣ отвѣтственность можетъ быть дѣлима!), мнѣ становится жутко. И такъ, становится необходимо хоть кому-нибудь показать и посовѣтоваться. Страшно. Показать теперь женѣ даже не могъ, все еще кажется, что подождать надо. А тутъ еще вы употребили (можетъ быть нечаянно) выраженіе, что для васъ

видѣть мою картину будетъ событіе. Мнѣ было бы легче, еслибы вами слово это было употреблено безъ умысла; если же вы и въ самомъ дѣлѣ такъ думаете, то... я ужъ и не знаю, что̀ со мной будетъ. Я понимаю очень хорошо, что всѣ приготовленія мои къ ней носятъ на себѣ какой-то чуть не торжественный характеръ: ѣздить заграницу, строить нарочно мастерскую, взять размѣры въ 8 аршинъ... все это такіе атрибуты, что заставляютъ другихъ ждать, и вдругъ... вѣдь это ужасъ! Думаю, что я, можетъ быть, и съ этимъ слажу; т. е., убѣдившись, что это не то, что̀ нужно, я спокойно перенесу эту неудачу, при условіи, чтобы никому ее не показывать, кромѣ 2-хъ, 3-хъ лицъ, кому я довѣрять могу, и довѣряю, и которыя, точно также какъ и я, смотрятъ на это — то есть просто. «Вотъ, гг., что́ я думалъ, вы знаете, а вотъ что́ я сдѣлалъ — скажите: есть тутъ то, что́ нужно? Только (въ виду важности дѣла) безъ утайки!» Думаю, что два человѣка скажутъ это безъ утайки. Разъ найдутся такихъ два человѣка, я могу спокойно уничтожить картину, сломать мастерскую, и дѣло кончено. Я еще пока не съумасшедшій, и такое несчастіе не сломитъ меня, опять-таки, если оно не будетъ ославлено. Въ другомъ случаѣ мнѣ будетъ очень стыдно.

Извините, ради Бога, что я все письмо занялъ собственной персоной. Портретъ Самарина для Думы — конченъ и я все сдѣлаю, ка̀къ вы просите: то есть, фотографіи Аксакова вышлю.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLXXXI. Къ нему же.

21-го сентября 1877 г., Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Ваше письмо значительно помогало мнѣ возвратить самообладаніе. Я находился, дѣйствительно, нѣкоторое время въ возбужденномъ состояніи, и этимъ (и только этимъ) можно себѣ объяснить, что я такъ принялъ ваше выраженіе: «событіе». Теперь мнѣ даже нѣсколько совѣстно, что я допустилъ себя, хотя на минуту, толковать такъ ваше выраженіе, и придавать ему такой смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ—думать такъ, какъ я думалъ, даже забавно. Теперь я спокоенъ, то есть, спокойно работаю; показывать кому нибудь то, что̀ я дѣлаю, во всякомъ случаѣ еще рано, хотя композицію (вылѣпленную) показать готовъ, и показывалъ уже, — но такъ какъ отзывъ о ней оказался уже безъ всякой критики и замѣчаній, то я усомнился въ томъ, что дѣйствительно ли находится на лицо то выраженіе, которое быть должно? Словомъ, ничего особеннаго не случилось, и я работаю, какъ ни въ чемъ не бывало. Ко-

нечно, еслибы сказали, что это не хорошо, то мнѣ было бы прискорбно, но и увѣренности, что это дѣйствительно годится, я не зачерпнулъ. Изъ этого видно: какое странное созданіе человѣкъ.

Портретъ Самарина, для Думы, я постараюсь выслать въ воскресенье, ящикъ не будетъ готовъ раньше, а съ нимъ и фотографіи Аксакова, о которыхъ вы писали. Портреты ваши я къ сожалѣнію, кончить не могъ, и прошу у васъ снисхожденія. Конченъ только одинъ Некрасовъ; Самаринъ же и Аксаковъ еще, вѣроятно, протянутся на зиму. Это всегда такъ: съ добрыми и снисходительными людьми поступаютъ не церемонясь, и я не исключеніе. Доказательствъ слишкомъ много, чтобы на нихъ указывать. Устройство нашей выставки отодвигается на великій постъ, такъ какъ теперь время очень неприличное для выставокъ вообще: война поглощаетъ всѣ общественные интересы, и мы рѣшили подождать, не возьмутъ ли хотя Плевны къ тому времени, чтобы общество немножко отдохнуло и способно было чѣмъ нибудь интересоваться другимъ.

Жалѣю, что своевременно не сдѣлалъ свою мастерскую нѣсколько теплѣе—теперь надо принимать нѣкоторыя мѣры. Хотя и не могъ въ сущности ничего дѣлать солиднаго, подъ страхомъ приказанія сломать, но не знаю и теперь, можно ли оставить до декабря. Надняхъ узнаю.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLXXXII. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб. 18-го октября 1877 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Хочу подѣлиться съ вами впечатлѣніями отъ портрета Куинджи, который я видѣлъ сейчасъ, будучи у него. Сказать вамъ, что это портретъ хорошій—мало; сказать, что удивительный—не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ я, зная васъ хорошо, не буду удивленъ, что̀ бы вы ни сдѣлали. Я просто скажу, что̀ думаю, и что̀ я испыталъ, глядя на него. Мнѣ уже говорилъ самъ Куинджи, что вы написали его, потомъ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ, которые видѣли его, и убѣждаюсь, что слишкомъ мало людей, дѣйствительно и сознательно понимающихъ, чего нужно искать и желать въ живописи. (Я, значитъ, понимаю только!) Всѣ или не доросли, не созрѣли, какъ говорятъ, или окрѣпли и застыли формы и пріемы ихъ мышленія, и ничего новаго не выносятъ. Но это когда-нибудь до другого раза. И такъ, вотъ что я испыталъ. Этотъ портретъ съ перваго же раза говоритъ, что онъ принадлежитъ къ числу далеко поднявшихся за уровень. Глаза удивительно живые; мало того, они произвели во мнѣ впечатлѣніе ужаса; они щурятся, шевелятся, и страшно, поразительно пронизываютъ зрителя. Куинджи имѣетъ глаза обыкновенно не такіе: у него

они то, что называютъ «буркалы», но настоящіе его глаза именно эти—это я знаю хорошо. Потомъ, ротъ чудесный, вѣрный, пронизирующій вмѣстѣ съ глазами; лобъ написанъ и вылѣпленъ какъ рѣдко вообще, не между нами только. Словомъ, вся физіономія—живая и похожая. Кромѣ того, фигура—прелестная: это пальто, эта неуклюжая посадка, все, словомъ, замѣчательно передаетъ восточнаго симпатичнаго человѣка. Одно, что необходимо, по моему, вамъ посмотрѣть, это всю нижнюю площадку носа и особенно самый кончикъ. Не думайте, что это не важно: портретъ такого сорта, что это необходимо, рѣшительно необходимо; я, наконецъ, къ вамъ пристану. И потомъ еще, весь цвѣтъ волосъ, онъ и силенъ и однообразенъ. Это, впрочемъ, не все: кресло рѣшительно къ нему не идетъ, вы его уберите и подложите ему бревно, камень, скамейку, что хотите, только не кресло. Убѣдившись въ томъ, что вы сдѣлали чудо, я взобрался на стулъ, чтобы посмотрѣть кухню, и... признаюсь, руки у меня опустились. Въ первый разъ въ жизни я позавидовалъ живому человѣку, но не той недостойной завистью, которая искажаетъ человѣка, а той завистью, отъ которой больно и въ то же время радостно; больно, что это не я такъ сдѣлалъ, а радостно—что вотъ же оно существуетъ, сдѣлано, стало быть идеалъ можно схватить за хвостъ. А тутъ онъ схваченъ. Такъ написать, ка̀къ написаны глаза и лобъ, я только во снѣ вижу, что дѣлаю, но всякій разъ, просыпаясь, убѣждаюсь, что нѣтъ во мнѣ этого нерва, и не мнѣ, бѣдному, выпадетъ на долю удовольствіе принадлежать къ числу новаго, живаго и свободнаго искусства. Ахъ, ка̀къ хорошо! Еслибъ вы только знали, ка̀къ хорошо! Вѣдь я самъ хотѣлъ писать Куинджи, и давно, и все старался себя приготовить, разсердить, но послѣ этого я отказываюсь. Куинджи есть, да какой! Вотъ вамъ! Скажу еще нѣсколько мыслей—о васъ. Я до очевидности ясно понимаю (то есть, думаю, что понимаю) процессъ вашей работы: вы не хозяинъ своего внутренняго *я*. Когда у васъ происходитъ горѣніе, то все, что̀ вы дѣлаете, хватаетъ невѣроятно высоко: лобъ, глаза. Какъ только надо пустить въ ходъ знаніе, опытъ, словомъ, ремесло—у васъ уровень понижается до... волосъ! Примите правиломъ слѣдовать испанцамъ—работать только тогда, когда... когда.... ну словомъ, когда Господу Богу только угодно!

За послѣднія мысли мои о васъ простите великодушно! А каковъ самъ-то Куинджи! Вотъ, я вамъ скажу — уродъ, прости Господи! Видѣли вы «Хату, въ заходящемъ солнцѣ», и садикъ, и плетень, и все такое? А? На что̀ же это похоже? Напрасно онъ еще и водицу хочетъ сдѣлать, я рѣшительно протестовалъ. Ай, ай какой онъ молодецъ! И. Крамской.

CLXXXIII. Къ нему же.

29-го октября 1877 г. Спб.

Сердечное, искреннее спасибо вамъ за письмо, дорогой Илья Ефимовичъ, и именно за такое. Хорошее письмо, несмотря на то, что вы дѣлаете такое обидное предположеніе объ источникахъ, изъ которыхъ происходятъ мои похвалы портрету Куинджи. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ на минуту, что вы правы: Куинджи далъ мнѣ понять, что вы, будто, нуждаетесь въ ободреніи. Ка̀къ я могъ бы написать свой отзывъ въ такомъ случаѣ? Неужели вы считаете меня способнымъ завѣдомо написать ложь, пересолить, такъ сказать? Вѣдь еслибы я въ самомъ дѣлѣ имѣлъ недостойное васъ поползновеніе ободрять васъ, поощрять, или тамъ еще какое-нибудь пошлое слово взять, то ка̀къ бы я написалъ вамъ? Ужъ во всякомъ случаѣ нѣкоторыя мысли и выраженія въ моемъ письмѣ не имѣли бы мѣста. Нѣтъ, ваше предположеніе очень далеко отъ истины. Пожалуй я сообщу, ка̀къ было дѣло, и вы, если пожелаете, можете провѣрить. Мнѣ говорили раньше о портретѣ, и говорили въ тонѣ очень сдержанномъ, что это-дескать вещь хотя и хорошая, но ужъ очень «широкая». Самъ Куинджи говорилъ просто: «нравится». Когда я пришелъ къ нему, и сталъ разсматривать, и долго молчалъ, то Куинджи по добродушію сталъ говорить, что вѣдь это не кончено, да и боленъ былъ человѣкъ, и все такое... словомъ, хотѣлъ какъ будто защищать, еслибы я покусился на критику. А между тѣмъ я молчалъ совсѣмъ по другимъ мотивамъ: я просто увидалъ совершенно нѣчто новое, правда, не прибранное (волосы, конецъ носа, кресло), но до того обаятельное и талантливое, что я радовался только, что вотъ наконецъ-то показалось. Это первое, что̀ я у васъ знаю, хватившее дѣйствительно высоко, то есть, именно такъ, ка̀къ, я думаю, нужно. Вы можете относиться къ моему мнѣнію по желанію, можете ставить его во что-нибудь или ни во что не ставить, думать, что я увлекаюсь, преувеличиваю. Все это вы въ правѣ, и это меня нисколько не обидитъ; но вѣдь думалъ же и я кое о чемъ, страдалъ же и я также надъ искусствомъ, вопрошалъ и я боговъ—что̀ такое искусство? И, наконецъ, кое-что и я видѣлъ. Кромѣ того, вотъ уже цѣлыя десять лѣтъ, какъ впечатлѣнія мои и мысли не измѣняются существенно (доказательство остановившагося развитія), и что̀ мнѣ казалось хорошимъ 10 лѣтъ тому назадъ, то̀ и теперь не теряетъ. Словомъ, мое мнѣніе—не увлеченіе, а совершенно сознательное, и, если хотите, даже холодное умозаключеніе. Такъ что, если я говорю вздоръ, мое мнѣніе невѣрно, то, значитъ, я не судья въ этомъ дѣлѣ, и вы не обращайте на это вниманія, но ужъ отъ желанія ободрять васъ—увольте.

Что касается того, что вы не написали вашего мнѣнія о портретѣ Третьяковой, то его и не нужно, давно не нужно. Портретъ я и самъ повидалъ потомъ, и—ужаснулся! Ну, да что̀ тутъ толковать, я знаю—и вы знаете, значитъ, мы оба знаемъ, стало быть о чемъ же разговаривать? Лучше кончу про Куинджи.

Когда я сказалъ, что̀ это такое—его портретъ, то онъ обрадовался, говоритъ: «Ну, вотъ я говорилъ, я говорилъ, насилу спасъ, онъ хотѣлъ стереть, ему не нравится, онъ уѣхалъ недовольный...» Я даже и этому не удивился, это совершенно естественно. Но когда вещь на меня сдѣлала такое впечатлѣніе, я не могъ утерпѣть, чтобы не высказать, тѣмъ болѣе, что вы хотѣли уничтожить! Что-жъ тутъ ободрительнаго? Въ самый крупный микроскопъ нельзя открыть тѣхъ мотивовъ, о которыхъ вы пишете. Потомъ, позвольте спросить, на какомъ основаніи вы думали, что «я долженъ бы былъ бранить его»? Неужели я такой педантъ, что, коли не выписано, то значитъ не кончено? Что я самъ мажу и уничтожаю то, что хорошо и горячо, добиваясь выраженія сходства, и теряю живопись (если только есть она?), то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы я не способенъ былъ оцѣнить у другого творчество. И вѣдь я ужъ сколько разъ говорилъ, что это-то и есть мука моя, что я вижу, какъ другіе, позже меня вступившіе на дорогу, пошли дальше, а у меня или крылья обрѣзаны, или заѣло меня что-то (анализъ, изученіе, или чортъ знаетъ что еще такое!). Видите: я знаю все, что вы дѣлали, но того, что есть въ портретѣ Куинджи, я положительно у васъ еще не видалъ. Я предполагалъ, что вы къ этому способны, я вѣрилъ въ васъ, я ждалъ наконецъ, все ждалъ, и... дождался. Теперь это несомнѣнно совершившійся фактъ. Но въ то же время—волосы меня пугаютъ.

Я рѣшительно не понимаю рода вашей болѣзни; а что вы больны—это слишкомъ ясно. Но что-жъ этосъ вами? Неужели это разстройство надо отнести только къ нервамъ, которые страшно потрясены у людей, любящихъ искусство и одаренныхъ къ нему талантомъ? Я знаю хорошо, ка̀къ человѣкъ горитъ, когда онъ не механически только водитъ кистью; но знаю также, что Господь Богъ устроилъ природу художника все же на столько крѣпко, что если ничѣмъ другимъ, кромѣ искусства, волненіе не усложняется, то нужны только отдыхи, чтобы аппаратъ могъ дѣйствовать съ прежней силою.

Что вашъ портретъ *) вамъ принадлежитъ, это и говорить не сто̀итъ, я радъ вамъ его выслать (и скоро вышлю). Вамъ онъ нравится? Чудесно, пусть будетъ у васъ, ну а я знаю, что̀ объ немъ думать.

*) Портретъ съ Рѣпина, написанный Крамскимъ. *Ред.*

Про Льва Толстого спасибо: я знаю, что онъ изъ моихъ хорошій, то есть, какъ бы это выразиться?.. честный. Я все тамъ сдѣлалъ, что̀ могъ и умѣлъ, но не такъ, ка̀къ бы желалъ писать. Ну, а Шишкинъ...**) тоже ничего, я его люблю даже, только онъ... сырой! Знаете, ка̀къ бываетъ хлѣбъ недопеченный... очень хорошій хлѣбъ, и вкусъ есть, и свѣжесть продукта, а около корочки, знаете, этакая полосочка сырого тѣста: ну, оно для желудка и не вполнѣ... а, впрочемъ, всякій разъ только обрѣзать сто̀итъ—тогда ничего. Сознайтесь, что вы обрѣзали около корочки? то, что называютъ у насъ съ «закальцемъ?» Правда?

То, что́ я теперь дѣлаю, доставляетъ минуты истиннаго наслажденія, но въ то же время, еслибы вы знали, ка̀къ и страшно-то! Ну, да объ этомъ въ другой разъ!

Вашъ И. Крамской.

CLXXXIV. Къ П. М. Третьякову.

20-го ноября 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Со времени вашего отъѣзда я заболѣлъ, и по сей день не бралъ кисти въ руки! Въ настоящую минуту я чувствую уже себя настолько сильнымъ, что, вѣроятно, скоро примусь опять за работу. Дурно только одно, что меня въ мартѣ мѣсяцѣ посылаютъ отсюда на весну, говоря, что на лѣто я могу возвратиться. Ну, да это тамъ увидимъ.

Что касается А. И. Сомова и всемірной выставки, то я рѣшился молчать по этому случаю совершенно, и потомъ, я уже писалъ своевременно тому же А. И. Сомову, что выбирать не мое дѣло, а лицъ, поставленныхъ свыше для этого; а такъ какъ они суть тѣ именно лица, которыя самимъ высшимъ начальствомъ указаны, то мы, то есть художники, и обязаны безпрекословно повиноваться. Потому что, вообразите, еслибы художники, что̀ вздумаютъ, то и пошлютъ, вѣдь тогда сіи господа смысла не имѣютъ? Я не говорю, что комиссіи не нужно, но правила для руководства сей комиссіи должны быть другія. Я не буду протестовать, что̀ бы они ни взяли и ка̀къ бы ни распорядились. Даже дамъ подписку въ этомъ. Васъ же глубоко благодарю. Чекъ получилъ. Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

---

*) Портретъ 1875 г. *Ред.*

CLXXXV. Къ нему же.

7-го декабря 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините меня, что я такъ долго не отвѣчалъ на ваше письмо. Причина лежитъ въ томъ, что я въ послѣднее время занятъ былъ и дни и вечера одной статьей, предназначенной для печати, имѣющей появиться во вторникъ и среду на будущей недѣлѣ въ «Новомъ Времени» объ Академіи. Безобразія, которыя имѣютъ въ настоящее время мѣсто въ Академіи, дошли до тѣхъ размѣровъ, что не замѣчать ихъ нѣтъ никакой возможности, и, каюсь, я вышелъ изъ терпѣнія и настрочилъ, за что̀ на меня что-нибудь, вѣроятно, обрушится. Время, употребленное мною на написаніе упомянутой статьи, не могло быть съ пользою употреблено ни на что другое, такъ какъ тьма была (и есть) кромѣшная, и кромѣ того картину переносили изъ мастерской въ Михайловскій дворецъ, гдѣ мнѣ дали пристанище. Сегодня только кончено все, и съ завтрашняго дня я попробую тамъ работать. Со времени вашего посѣщенія я не бралъ кистей въ руки; былъ очень нездоровъ, а чѣмъ? Богъ знаетъ. Не знаю, знаютъ ли доктора, вѣроятно знаютъ, но я, конечно, послѣдній, готовый повѣрить опасности, и потому не вѣрю. Просто и спокойно примусь за свое дѣло, а тамъ, что Богъ дастъ.

Разумѣется, вы имѣете полное основаніе быть недовольнымъ моимъ поведеніемъ, что я не употребилъ времени на окончаніе тѣхъ портретовъ вашихъ, которые у меня на рукахъ, но смѣю увѣрить васъ, что я исполню всѣ свои обязательства раньше какого-либо критическаго положенія, если оно наступитъ. Во всякомъ случаѣ, не браните меня очень, а простите пока (на этотъ разъ).

Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CLXXXVI. Къ А. С. Суворину.

7 декабря 1877 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Если въ моей статьѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я говорю, что Академія нашла возможность приносить пользу русскому искусству и съ «этимъ негоднымъ уставомъ», зачеркнуто слово негоднымъ, то прошу его возстановить. (Это передъ концомъ). Я справился съ печатнымъ отчетомъ 67 г., и нахожу возможнымъ оставить это слово. Оно выражаетъ точно Высочайшую волю, выраженную въ приказѣ по поводу образованія комиссіи для пересмотра устава Академіи. Кромѣ того, прошу васъ сдѣлать для ясности примѣчанія относительно системы

запиранія конкуррентовъ на программы для сочиненія эскизовъ, на 24 часа. Въ примѣчаніи слѣдуетъ сказать, что эта система всегда практиковалась и практикуется: въ назначенный день программисты собираются въ конференцъ-залѣ, имъ объявляютъ сюжетъ, и затѣмъ запираютъ немедленно въ особые кабинеты, чтобы, не выходя, были сочинены эскизы, и затѣмъ отступать отъ этихъ эскизовъ не дозволяется. Все это тоже и теперь.

Еще разъ прошу извинить за предлоги и союзы, съ которыми я такъ умѣю обращаться. Уважающій васъ И. Крамской.

CLXXXVII. Къ нему же.

15-го декабря 1877 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Благодарю васъ за помѣщеніе статьи*). Зная глубокую ненависть ко мнѣ нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ въ Академіи, я желаю только одного: чтобы вамъ лично не было какихъ-либо непріятностей. Конечно, думать такъ—съ моей стороны значитъ придавать значеніе такому дѣлу, которое его заслуживать не можетъ. Но такъ, на всякій случай. Одна только въ статьѣ есть поправка правописанія, это когда Буяльскій сообщалъ намъ что-либо изъ анатоміи: онъ, какъ малороссъ, говорилъ часто вмѣсто *ы*—*и* (изъ любопитства), и не въ одномъ этомъ словѣ, а вообще. Но это, конечно, пустяки. За всѣ другія поправки я вамъ признателенъ. Что касается Верещагина, то упомянуть его имя рядомъ съ тѣми, кого я называю, было бы профанаціей. Я его не забылъ; а что вы о немъ вспомнили, это не дурно. Я какъ-нибудь къ вамъ ворвусь спустя нѣсколько дней, чтобы, такъ, узнать кое-что, потому что вамъ, вѣроятно придется съ кѣмъ-нибудь вести рѣчь, чего добраго, объ этихъ статьяхъ. Уважающій васъ И. Крамской.

CLXXXVIII. Къ И. Е. Рѣпину.

С. П. Б. 15-го декабря 1877 г.

Дорогой Илья Ефимовичъ. Радуюсь, что портретъ **) доставляетъ вамъ удовольствіе, а мое здоровье плохо въ самомъ дѣлѣ. Конечно, я послѣдній, готовый вѣрить опасности, но и не вѣрить вовсе будетъ неосторожно: въ мартѣ меня отсюда высылаютъ. (Это мнѣ ужъ очень не нравится, потому что картина — тю-тю!) Что касается статьи, то видите ли, я просто по-

---

*) «Судьбы русскаго искусства», напеч. въ «Нов. Времени» №№ 645—647. *Ред.*

**) Портретъ И. Е. Рѣпина, написанный Крамскимъ. *Ред.*

терялъ терпѣніе: все ждалъ, все надѣялся, все думалъ, не можетъ же такъ идти дальше, вѣдь за что́ же гибнутъ молодые люди, и я обращался изъ Парижа еще къ В. В. Стасову, приглашая его начать войну, такъ какъ Академія новорожденнаго младенца (русское искусство) пеленать не умѣетъ даже,—она его непремѣнно задушитъ. И вотъ, послѣдняя ученическая выставка была той каплей, которая выступила черезъ край, и я заговорилъ. Что́жъ мнѣ было дѣлать? Судите сами! Прочтете, за многое не похвалите, быть можетъ, но.... не могъ, ей-Богу, не могъ выносить дольше. Только чтожъ? Я все-таки знаю, что это будетъ голосомъ въ пустынѣ, и все-таки не могъ. Я долженъ былъ доставить себѣ лично облегченіе — выругавшись.

Будьте здоровы, и вамъ это нужно, охъ какъ нужно! А вѣдь правда, что искусство (настоящее) требуетъ колоссальнаго физическаго здоровья. До свиданія. Вашъ И. Крамской.

CLXXXIX. Къ П. М. Третьякову.

Спб. 17-го декабря 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. На этихъ дняхъ мы всѣ здѣсь, члены Передвижной выставки, только что узнали нѣкоторые факты изъ дѣятельности комиссіи по устройству русскаго отдѣла живописи на всемірной выставкѣ, факты, которые, надо сказать правду, возмутили насъ порядочно. Во 1-хъ, комиссія не всѣмъ разослала даже повѣстки, а съ какимъ-то страннымъ игнорированіемъ многихъ членовъ. Максимовъ, Прянишниковъ, Брюлловъ, Мясоѣдомъ, Ярошенко и одинъ изъ Клодтовъ не получили даже извѣщенія. Это, положимъ, только невѣжливость, но она получаетъ болѣе серьезный характеръ, когда знаешь, что какіе-то Богацкіе ихъ получили. Во 2-хъ, картина Максимова «Колдунъ» даже не была назначена, а уже Сомовъ будто бы взялъ ее на свою личную отвѣтственность и страхъ (ка̀къ онъ самъ сказалъ). Объ Шишкинѣ не позаботились даже узнать, что́ его слѣдуетъ взять, да и обо мнѣ не особенно снисходительное мнѣніе и дѣйствія были допущены. А самое главное, это невѣжественный принципъ, которымъ комиссія руководствуется: количественное равенство для всѣхъ, по 2 произведенія отъ каждаго, прямо въ ущербъ представительности государства. И въ довершеніе всего, Якобій — единственный комиссаръ отъ художниковъ. Хотя ѣдутъ Сомовъ и Матушинскій, но голосъ между жюри вручается только Якобію, какъ художнику.

Принимая все это въ соображеніе, мы, собираясь сегодня, толковали между собой и порѣшили: написать отъ имени Товарищества въ комиссію

слѣдующее: усматривая, что комиссія незнакома съ дѣятельностью Товарищества, и будучи несогласны съ самимъ принципомъ количественнаго равенства, мы приняли рѣшеніе собрать сами то, что̀ Товарищество сочтетъ нужнымъ послать, и если комиссія не отступится отъ своего рѣшенія (а это можетъ произойти, такъ какъ, говорятъ, дали мало мѣста), то мы будемъ ходатайствовать передъ министромъ финансовъ объ ассигнованіи небольшой суммы для устройства добавочнаго барака; затѣмъ, путемъ печати разъяснимъ неправильно понятыя комиссіею свои обязанности, и подвергнемъ критикѣ самую компетентность ея членовъ. И въ концѣ концовъ, если все это уважено не будетъ, то мы объявимъ, что беремъ всѣ свои вещи съ выставки, и веземъ на собственныя средства въ Парижъ, и строимъ добавочный баракъ. Послѣдняго, разумѣется, мы не говорили и не написали, и уже послѣ собранія, когда всѣ разошлись, мнѣ пришла эта идея, и я рѣшаюсь вамъ ее сообщить, и просить васъ, что еслибы дѣло дошло до такого положенія, оказали ли бы вы матеріальную поддержку? Я понимаю, что даже самая мысль и постановка вопроса вамъ не можетъ доставить удовольствія, но отвѣтить мнѣ просто, я увѣренъ, вы отвѣтите. Лучше всего, разумѣется, было бы намъ вовсе отказаться и не участвовать, а взять свои вещи—и конецъ; но теперь это будетъ уже невозможно: комиссія насъ просто не послушаетъ, а повезетъ взятое ею, а добавочный павильонъ миритъ и опрокидываетъ аргументацію комиссіи. Международная выставка, не смотря ни на что, все же, или подымаетъ, или роняетъ достоинство государства; переносить на всенародную площадь наши разногласія конечно не слѣдуетъ, но и дозволить уронить себя въ глазахъ иностранцевъ, повезя не все, что̀ можно и что̀ слѣдуетъ, тоже не годится. По возвращеніи Сомова изъ Москвы я говорилъ (узнавъ о равенствѣ количества), что, такимъ образомъ дѣйствуя, комиссія только утвердитъ предположенія иностранцевъ, что намъ мѣста давать много не слѣдуетъ, и что даже и того, что̀ отведено, много; а на будущій разъ намъ предложатъ еще меньше. Словомъ, дѣло по истинѣ стоитъ такъ дурно, что куда ни кинь — все клинъ. О Верещагинѣ (ташкентскомъ) и вовсе нѣтъ рѣчи. Но вѣдь это выходитъ уже изъ всякихъ границъ приличія. Положимъ, Верещагинъ — Юпитеръ Громовержецъ; положимъ, еслибы къ нему обратилась комиссія, онъ бы только выругался; но, мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ онъ не противился бы, еслибы я ему написалъ, что Товарищество проситъ его о помѣщеніи его вещей на нашемъ особомъ отдѣлѣ, какъ члена экспонента Товарищества. Боголюбовъ мнѣ пишетъ изъ Парижа, что̀ онъ очень огорченъ и обиженъ комиссіею, такъ какъ его спрашивали, что онъ желаетъ поставить; онъ назначаетъ 6 или 7 картинъ, а ему говорятъ, нѣтъ, мы возьмемъ отъ васъ только 2... И онъ ужасно ругается, и хочетъ,

по пріѣздѣ туда картинъ, взять и эти. Словомъ, во многихъ возмущено чувство. Чтд вы скажете? Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CXC. Къ И. Е. Рѣпину.

26-го декабря 1877 г. Спб.

Большое спасибо за вѣсточку, дорогой Илья Ефимовичъ, и за вниманіе къ статьямъ. Не могъ терпѣть больше! Толку изъ этого, разумѣется, не произойдетъ, но вѣдь я и писалъ-то не для толку. Я очень хорошо знаю, съ кѣмъ я имѣю дѣло, а все же я получилъ хотя малую толику удовольствія... Суворина призывали и что-то тамъ такое ему сказали. Словомъ, муравейникъ зашевелился, хотя есть причина полагать, что онъ скоро успокоится. Чтд касается вашего желанія отвести душу въ обществѣ художниковъ, то я отсюда даже вижу, кàкъ все это происходило. Я тамъ бывалъ—захотѣли вы! Я знаю очень хорошо это болото: хорошо оно въ Петербургѣ, ну, а ужъ въ Москвѣ еще лучше. И, конечно, общество уродовъ купцовъ гораздо почтеннѣе и живѣе, это я знаю тоже, только... только надо бы, знаете, художнику обстановочку этакую придумать, чтобы даже и купцы чего-нибудь не возмечтали. А что они способны на это, такъ вѣдь это уже въ порядкѣ вещей человѣческихъ. Я говорю объ обстановочкѣ вотъ какой: хорошо бы, еслибы былъ, знаете, этакій центръ, то есть, не центръ, куда сходиться, а центръ умственный, въ родѣ какихъ-либо очень широкихъ принциповъ, которые бы всѣ признавали, прилагать которые на практикѣ, въ творчествѣ, было бы сердечною потребностью каждаго изъ насъ,—словомъ, нѣчто въ родѣ философской системы въ искусствѣ, религіи тамъ что-ли, ясно и талантливо формулированной какимъ нибудь писателемъ, и чтобы каждый изъ насъ, гдѣ бы ни находился, какія бы рожи его ни окружали, но чтобъ онъ чувствовалъ, что гдѣ-то тамъ въ другомъ мѣстѣ, другой такой же, какъ и я, стремится къ тому же, работаетъ въ томъ же направленіи, хотя и всѣ разно. Это удесятеряетъ силы человѣка и держитъ постоянно на высотѣ тѣхъ задачъ, которыя однѣ оправдываютъ спеціальность... Ну, словомъ, эта штука вамъ во мнѣ уже знакомая, я на этомъ конькѣ могу забраться очень далеко, а потому... а потому, можно было бы быть благоразумнѣе и остановиться.

Мясоѣдовъ пріѣхалъ и привезъ картину (большую довольно) «Молитва на пашнѣ о дарованіи дождя». Тема, какъ видите, нѐ шуточная, но... и картина, пожалуй, недурная, даже очень недурная, а все-же ему двери, должно быть, заперты. Нужно что-то не то. Не хуже «Чтенія положенія», но только кажется хуже. Отчего это? Я ужъ и не знаю.

Что вы подѣлываете? Что̀ касается меня лично, то я теперь почти поправился; что дальше—не знаю. Вашъ И. Крамской.

CXCI. Къ П. М. Третьякову.

26-го декабря 1877 г. Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ за великую любезность: поздравленіе съ праздникомъ. Выходитъ, что мнѣ совѣстно; я не догадался, а вы догадались; и ужъ это не въ первый разъ, какъ я вспоминаю.

Что̀ касается Боткина, то онъ меня немножко анкуражировалъ, сказалъ, что дѣло не такъ уже плохо; хотя запретилъ выходить по вечерамъ и въ сырую погоду. Ходить мнѣ можно, безъ утомленій, я это буду исполнять. Что̀ касается комиссіи, то, такъ какъ Товарищество юридически не можетъ привязаться теперь ни къ чему (время упущено), и притомъ лишено возможности привести какую-либо свою угрозу въ исполненіе, я пустилъ пока брандера одинъ, и заявилъ комиссіи, что насколько факты касаются меня лично, я не признаю комиссію компетентною и требую, чтобъ были посланы мои слѣдующія вещи: «Христосъ», портреты Гончарова, Григоровича, Шишкина, Антокольскаго (въ Парижѣ), рисунокъ—Васильева портретъ (сепія), и еще одинъ, по моему выбору, 2 этюда «Полѣсовщикъ» и «Мельникъ» (у Орлова) и офортъ Цесаревича, всего 10 вещей; въ противномъ случаѣ пусть возвратятъ въ Москву и тѣ 2 вещи, которыя взяты. Затѣмъ, если комиссія откажетъ, то возьмутъ и другіе, а если разрѣшитъ, то потребуютъ и другіе. Словомъ, происходитъ каша. Уже тамъ въ комиссіи гвалтъ! Сомовъ отказывается отъ участія, Якобій поджалъ хвостъ. Чѣмъ кончится—не знаю, вѣроятно, откажутъ. Что̀ же касается того, что вы не настолько богатый человѣкъ, какъ можете казаться, то мнѣ истинно стыдно, что мнѣ пришлось отъ васъ это услышать. Если я чего больше всего боялся, такъ это именно, чтобы мнѣ не сдѣлать чего-нибудь такого, изъ чего можно было бы заключить, что я на что-либо посягаю, или думаю столь безцеремонно: что вѣдь чтожъ, съ васъ можно взять, «вы богатый». И вотъ, въ силу совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, когда художникамъ было брошено въ лицо такое оскорбленіе, когда я не зналъ, за что̀ взяться, и чтобы сдѣлать, мнѣ пришлось сдѣлать и сказать нѣчто такое, чего я такъ боялся. А оскорбленіе нанесено завѣдомо, и чувствительное: комиссія адресовалась въ общество любителей въ Варшаву, прося назначить, что оттуда будетъ послано; въ Финляндію тоже, и ужъ что тамъ назначатъ, то комиссія и беретъ, безъ критики; ну, а свои художники... какое-то тамъ Товарищество, чего съ нимъ церемониться, и кому же—не Академіи даже,

а этому обществу, членъ правленія котораго состоитъ въ самой комиссіи и даже будетъ комиссаромъ въ Парижѣ! Ну, да что случилось, то случилось. Сами сдѣлали глупость, намъ и платиться за это! Только не думайте, ради Бога, что я посягалъ (а развѣ нѣтъ?!). Знаете, ради Бога, оставьте это. Честное слово, не желалъ бы, чтобы оно такъ вышло, какъ вышло.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CXCII. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб., 7-го января 1878 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Какое важное обстоятельство! Не спросили меня: можно ли копировать. Хорошо, что вы догадались объ этомъ оба одновременно, а то было бы плохо! Ну, ужъ такъ и быть, въ виду только того, что вы оба въ одну минуту почувствовали должный респектъ, я вамъ величественно разрѣшаю, а Павлу Михайловичу снисходительно дозволяю вамъ прислать портретъ.

Скажите: неужели вашъ этюдъ «Протодіакона» не будетъ взятъ на всемірную выставку?

Подумайте о слѣдующемъ: составляется экспедиція по Волгѣ, въ палубной лодкѣ, достаточно просторной, чтобы вмѣстить отъ 7 до 8 человѣкъ художниковъ, съ альбомами и мольбертами; съ 4-мя гребцами (изъ нихъ одинъ и поваръ и лакей — матросъ) и однимъ лоцманомъ, да кромѣ того одинъ литераторъ, въ родѣ Пыпина; время отправленія 1-е іюня, мѣсто— Тверь. Сколько возможно проѣхать не торопясь и изучить Волгу въ 4 мѣсяца (до 15-го сентября включительно, а то и до 1-го октября)—проѣдутъ, а затѣмъ возвращаются, или пароходомъ, или желѣзной дорогой изъ Саратова. Впрочемъ, куда доѣдутъ, то и хорошо. Участники экспедиціи слѣдующіе: Шишкинъ (непремѣнно), Брюлловъ, Ярошенко (непремѣнно), Мясоѣдовъ, Савицкій (непремѣнно почти), Васнецовъ (очень вѣроятно, по крайней мѣрѣ желаетъ), Крамской (тоже непремѣнно бы, но боится думать, такъ какъ на весну его высылаютъ). Словомъ, мнѣ лично, когда я объ этомъ думаю, то не знаю, какъ ужъ и кажется! То есть такъ хорошо, что думать боюсь; и не поѣду (если не поѣду), то развѣ только по положительному запрещенію докторовъ (а иначе непремѣнно). Стоимость: лодка, унжанка— отъ 200 до 250 рублей (съ нѣкоторыми приспособленіями). Оснастка: паруса, канаты и прочее—150 р. Четырехъ-мѣсячное жалованье матросамъ и лоцману—250 р. Наше содержаніе, столъ и прочее, по 50 р. на человѣка— 200 р., а всего на 8 человѣкъ—1,600 р. Вся же экспедиція, на всѣхъ, около 2,300 р., непредвидѣнные расходы—200 р., и того—не болѣе 2,500 р.,

по 300 р. на человѣка. А какой результатъ могъ бы быть? А? Что̀ вы думаете? Вы не присоединитесь? Вашъ И. Крамской.

Разсчетъ почти вѣренъ. Нѣкоторыхъ данныхъ и цѣнъ мы еще не имѣемъ, но все же разницы большой не будетъ *).

CXCIII. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 9-го января 1878 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Надняхъ вы получите (если еще не получили) просьбу изъ комиссіи дать на всемірную выставку тѣ произведенія членовъ Товарищества, которыя мы тутъ назначили, такъ какъ комиссія (вслѣдствіе моего письма) обратилась въ Товарищество. Мнѣ писать вамъ и ходатайствовать у васъ передъ комиссіей нѣтъ надобности, положимъ, но я только констатирую фактъ, и говорю съ своей стороны, что мы всѣ тутъ дѣйствительно назначили всѣ эти вещи, и просимъ васъ выслать въ Академію. Кому поручить это дѣло, это вопросъ. Конечно, было бы всего лучше, еслибы кто-либо изъ членовъ комиссіи соблаговолилъ прокатиться еще разъ въ Москву, но такъ какъ у меня только что былъ А. И. Сомовъ, съ просьбой принять участіе чѣмъ-нибудь отъ Товарищества и помочь комиссіи, которая теперь сбилась съ ногъ, бѣгаетъ какъ угорѣлая, и все обрушилось на Сомова, другіе не помогаютъ, да и не могутъ помочь ничѣмъ, то вотъ онъ и проситъ насъ оказать хотя какую-либо помощь. Товарищество могло бы оказать свое содѣйствіе только въ томъ случаѣ, еслибы А. Д. Чиркинъ былъ такъ любезенъ, взять на себя хлопоты по присмотру, по укупоркѣ и отправкѣ вещей; или кто-либо изъ московскихъ членовъ Товарищества. Но Чиркина адреса я не знаю, Брюлловъ уѣхалъ во Псковъ дней на 5 — 6, и я не знаю, что̀ дѣлать, а кто изъ москвичей будетъ настолько добръ, чтобы посмотрѣть за укладкою—сказать трудно. Да кромѣ того, здѣсь нужно будетъ поѣхать еще къ тому, другому; напримѣръ, мои вещи надобно взять еще отъ Купріянова («Мальчикъ еврей») и отъ Орлова («Этюдъ мужика въ высокой шляпѣ»). Это уже хлопоты, съ потерей времени сопряженныя. Товарищество не только не уменьшило моихъ вещей, но еще и накинуло двѣ: «Еврея» и «Майскую ночь», всего 12 вещей.

Халатъ отъ Некрасова я получилъ 4 дня тому назадъ, больше ничего, кажется, нельзя уже прибавлять; да кромѣ того все уже разорено въ квартирѣ.

У меня просили портретъ Некрасова въ постели, на одинъ вечеръ по-

*) Поѣздка эта не состоялась. *Ред.*

ставить въ залѣ (какой, еще неизвѣстно), во время проэктируемаго литературнаго вечера, на 40 день его смерти. Я отвѣтилъ, что лично я ничего не имѣю противъ, еслибы члены-распорядители вечера нашли это почему-либо полезнымъ.

Не извѣстно ли вамъ, гдѣ находится картина Кошелева «Ручей», за которую онъ получилъ, лѣтъ 8 тому назадъ, первую премію въ обществѣ поощренія художниковъ, здѣсь въ Петербургѣ? Вещь превосходная, и мы ее назначили на всемірную выставку. М. П. Боткинъ проситъ также отпустить комиссіи его этюдъ «Старообрядецъ».

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CXCIV. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 16-го января 1878 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Товарищество получило тоже отзывъ комиссіи о томъ, что она съ удовольствіемъ принимаетъ услуги наши, и принимаетъ вполнѣ списокъ, но не ручается за то, что онъ останется неизмѣненнымъ, быть можетъ, по недостатку мѣста, а быть можетъ и потому, что Совѣтъ Академіи, или лицо, которому Великій Князь поручитъ послѣдній просмотръ собранныхъ произведеній, можетъ сдѣлать сокращенія. Въ виду столь новой и неожиданной постановки вопроса, Товарищество сочло себя обязаннымъ устраниться отъ всякой помощи комиссіи, чтобы не стать въ какое-либо невозможное положеніе, въ которое оно становиться не желаетъ, и чтобы избѣжать всякой путаницы. Лично я радъ за такой исходъ, и прошу, за себя лично, пріостановиться отправкою моихъ вещей, а также, если возможно, предупредить Орлова и Купріянова о томъ же, что я не желаю. Впрочемъ, я пишу объ этомъ немедленно къ нимъ.

Все это только что сію минуту кончилось, и собраніе разошлось, подписавъ рѣшеніе; оговорившись, что еслибы комиссія на-ново пожелала содѣйствія Товарищества, заранѣе соглашаясь на всѣ его условія, то всѣ дальнѣйшія сношенія прекратить. Такъ что это рѣшеніе окончательное.

Уважающій васъ И. Крамской.

Было бы недурно, еслибы вы помогли мнѣ, на основаніи моего письма, истребовать изъ Академіи тѣ картины, которыя уже здѣсь. Впрочемъ, объ этомъ я напишу особо.

CXCV. Къ нему же.

Спб., 19-го января 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Во всей исторіи по всемірной выставкѣ идетъ такая кутерьма, что разсказать мудрено. Съ нашей стороны глупостей было сдѣлано довольно. Но позвольте разсказать по порядку. Дѣло, какъ извѣстно, состояло въ томъ, что комиссія обратилась въ Товарищество (по поводу моего письма), чтобы Товарищество помогло комиссіи. На собраніи я излагалъ два пути, по которымъ можетъ пойти Товарищество: или, миновать всѣ мелкіе уколы, и пойти на встрѣчу комиссіи, сдѣлать все возможное, составить списокъ, даже собрать вещи для него; если потребуется, кто либо изъ насъ поѣдетъ и въ Москву, Кіевъ и Харьковъ; словомъ, все сдѣлать чтобы помочь, и принять, если нужно, нѣкоторые расходы, возлагая на комиссію уплату только укупорки и пересылки, и гарантію. Или, въ виду краткости времени, совершенно отказаться и поставить комиссію лицомъ къ лицу съ самолюбіемъ Крамскаго, и предоставить дѣло его естественному теченію. Я, лично, стоялъ за послѣднее. Но Товарищество рѣшилось принять первый путь. Сомовъ выразилъ радостное согласіе, и говорилъ о благодарности комиссіи. Затѣмъ мы немедленно заготовили письма отъ Товарищества къ владѣльцамъ картинъ, но оставили ихъ пока, до полученія отвѣта изъ комиссіи письменнаго (вотъ почему вы получили такъ поздно письмо, адресованное къ вамъ изъ Товарищества). Между тѣмъ Брюлловъ, членъ правленія, уѣзжалъ на пять дней въ Псковъ, а въ это время пришелъ изъ комиссіи пакетъ запечатанный, на имя Товарищества, и 4 бумаги, на имя владѣльцевъ, не запечатанныя, которыя я возвратилъ Сомову обратно, прося ихъ послать отъ комиссіи по адресамъ; самъ же написалъ къ вамъ письмо. По возвращеніи Брюллова, было собраніе и прочитало отношеніе комиссіи, въ которомъ она ставитъ на видъ возможность исключенія нѣкоторыхъ произведеній, или со стороны Совѣта Академіи, или лица, кому будетъ порученъ Великимъ Княземъ окончательный осмотръ. Товарищество, усматривая изъ бумаги, что комиссія не есть послѣдняя инстанція, сочло долгомъ сообщить, что оно отказывается отъ дальнѣйшаго содѣйствія. А вопросъ о спискѣ (нами уже данный), за невозможностью сдѣлать тутъ что-либо, оставить и принять съ покорностью всѣ глупыя послѣдствія, какія отъ того произойти могутъ. Когда стали расходиться, я спросилъ: окончательное ли это рѣшеніе, и только послѣ этого я написалъ вамъ, въ тотъ же вечеръ (т. е. ночь) письмо, рѣшившись снять съ выставки свои картины, и телеграфировалъ вамъ. На утро, мы получили, наконецъ, отъ москвичей отвѣтъ: видимъ, что все, что нужно комиссіи, почти сдѣлано;

начинать на-ново, останавливать, путать, разъяснять, и, стало быть, еще болѣе путать—будетъ уже ни на что не похоже. Мы рѣшаемся оставить дѣло такъ, какъ оно есть, не препятствуя ему, чтобы не сказали, что Товарищество было причиною того, что русскій отдѣлъ на всемірной выставкѣ или не состоялся, или былъ представленъ неполно. И такъ какъ для другихъ все дѣло будетъ понятно только съ этой стороны, то мы васъ и просимъ считать мое личное письмо не существующимъ, а отправить картины сюда (другимъ я никому не писалъ, чтобы пріостановились). Наблюденіе же за цѣлостью ихъ здѣсь мы охотно принимаемъ. Рѣшимость вашу взять хлопоты по укупоркѣ на себя можно принять только съ величайшею благодарностью. Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

Срокъ послѣдній 15 февраля; ящики могутъ быть здѣсь даже не раскупорены, а прямо поѣдутъ въ Парижъ. Это на тотъ конецъ, еслибы нельзя было успѣть раньше.

Чтобы вы не подумали, что я дѣлаю это одинъ, я просилъ подписать Мясоѣдова. Гр. Мясоѣдовъ.

CXCVI. Къ нему же.

Спб. 21-го января 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Картины выслать нужно всѣхъ членовъ Товарищества. Списокъ завтра будетъ высланъ, онъ у Брюллова, а списокъ московскихъ членовъ находится у В. Е. Маковскаго.

Ничего пока не прибавляю, такъ какъ отвѣчать нужно на много писемъ, а это не терпитъ отлагательства.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

Выставка еще не открыта, но скоро открывается, когда—я не знаю.

CXCVII. Къ И. Е. Рѣпину.

21-го января 1878 г. Спб.

Вы удивляетесь, дорогой Илья Ефимовичъ, что я скоро отвѣчалъ. Я скоро отвѣчаю всегда... когда отвѣчаю. А что вы пишете о благонравіи и что нужно спрашиваться въ чужой собственности, то это хорошо, что русскіе люди это наконецъ понимаютъ. Только видите ли, такъ какъ это вы, и такъ какъ это Третьяковъ, то... то, разумѣется, здѣсь не могло быть сомнѣнія. Говоря серьезно, я вѣдь все это говорю къ тому, что тѣ, кому слѣдуетъ спроситься—не спрашиваются, а кому не слѣдуетъ, тѣ—деликатны. Словомъ, бобы разводить нечего, вы понимаете. Ахъ ты Господи,

какой этотъ Сомовъ? Ну, спасибо, не ожидалъ, запретятъ послать *)? Однакожъ, такъ какъ онъ не..., то въ такого рода выраженіяхъ я усматриваю нѣчто другое. Что́?.. Это сказать мудрено. Но что оно не безъ умыслу, то на сіе я имѣю нѣкоторыя данныя. Скажу одно, жаль, очень жаль! Вѣдь французы вовсе не понимаютъ, и не имѣютъ ничего, что̀ мы разумѣемъ «типъ». Да и не одни французы. Я того мнѣнія, что чѣмъ больше будетъ такихъ этюдовъ, тѣмъ интереснѣе отдѣлъ нашего художества, разумѣется хорошо написанныхъ. Этого не понять могутъ только чиновники. Но какъ крѣпко сидитъ въ Россіи чиновникъ?!

Вашъ взглядъ на «Дьякона», какъ льва духовенства, и какъ обломокъ далекаго язычества—вѣренъ, очень вѣренъ, и оригиналенъ. Не знаю, приходило ли это кому въ голову изъ ученыхъ нашихъ историковъ, и если нѣтъ, то они просмотрѣли крупный фактъ: именно остатки языческаго жреца. Жаль, что вамъ нельзя ѣхать на Волгу, очень жаль.

Теперь о картинахъ. «Сельская школа» («экзамены»)—картина можетъ быть и очень хорошая, и обыкновенная, смотря по тому, ка́къ взглянуть, и я склоненъ думать, что вы возьмете интересно. «Царевна Софія»—вещь нужная, благодарная (хотя очень трудная для самаго большого таланта), вещь, которая должна и можетъ быть хороша. Но «Несеніе чудотворной иконы на «Корень» (я знаю это выраженіе)—это вещь, впередъ говорю, что это колосально! Прелесть! И народу видимо-невидимо, и солнце, и пыль, ахъ какъ это хорошо! И хотя въ лѣсу, но это ничего не исключаетъ, а пожалуй только увеличиваетъ. Давай вамъ Богъ! Вы напали на золотоносную жилу, радуюсь.

Не забудьте хоть показать свои безстыжіе глаза, когда будете въ Петербургѣ.

Вашъ И. Крамской.

CXCVIII. Къ П. М. Третьякову.

22-го января 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Посылаю списокъ картинъ петербургскихъ членовъ, возстановленный по памяти (за неимѣніемъ Брюллова): пропуска нѣтъ, нѣтъ и лишняго. Прошу извинить меня за клочекъ бумаги, почтовая вся вышла, а купить поздно, ждать до завтра нельзя. Списокъ картинъ московскихъ членовъ—у В. Е. Маковскаго, и, слѣдовательно, писать его нѣтъ надобности.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

Вопросъ объ изданіи офортномъ и художественномъ рѣшенъ. Издатели:

*) «Протодьякона» Рѣпина. *Ред.*

Шишкинъ, Крамской и Праховъ. Программа выработана, разрѣшеніе правительства ожидается. Мою картину «Майская ночь» предполагается дать въ первыхъ №№ и, чтобы воспользоваться ея здѣсь присутствіемъ, мы васъ просимъ позволить взять ко мнѣ на квартиру, чтобы воспроизвести. Коммиссія согласна, дѣлаться будетъ подъ моимъ надзоромъ и у меня на квартирѣ, хромолитографическимъ способомъ. Позволите ли вы?

И. Крамской.

CXCIX. Къ нему же.

27-го января 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Жаль, что нѣтъ Камынина, конечно можно замѣнить его двумя: Безсоновымъ или Степановымъ. Голова Степанова написана ужасно одушевленно, но, какъ весь портретъ, Безсонова выше: впрочемъ, это все равно, даже если замѣнить и эти Островскимъ и хотя бы Погодинымъ *). Словомъ, это возможно, а жаль, что не Камынинъ. О Бронниковой картинѣ могу сказать, что я удивляюсь: она въ спискѣ моемъ должна стоять, и если ея нѣтъ, то стало быть я забылъ.

Вообще, могу только сказать, что мы всѣ здѣсь глубоко вамъ благодарны.

Что касается Шифа **), то это жаль, но такъ какъ могутъ въ этомъ усмотрѣть поводъ къ исключенію, то, скрѣпя сердце, слѣдуетъ воздержаться, чтобъ не доставлять торжества ни въ чемъ.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CC. Къ В. М. Гаршину.

Спб. 16-го февраля 1878 г.

Милостивый Государь, къ сожалѣнію мнѣ неизвѣстный ***), что̀ я могу вамъ отвѣчать на поставленный вопросъ! И еслибъ я даже отвѣтилъ категорически, то разрѣшитъ ли мой отвѣтъ возникшій споръ, чрезвычайно для меня лестный, то есть убѣдитъ ли тѣхъ, кто ясно видитъ (то есть, догадывается) положимъ не то, что вы видите? И затѣмъ, кто возьмется опредѣлить, что даже дѣйствительное лицо живого человѣка, не говоря о

---

*) Все портреты, написанные Перовымъ. *Ред.*

**) Портретъ работы Н. Н. Гѐ. *Ред.*

***) Настоящее письмо есть отвѣтъ на письмо двухъ личностей, неизвѣстныхъ Крамскому, просившихъ его письменно разрѣшить ихъ споръ объ истинномъ значеніи его картины: «Христосъ въ пустынѣ». *Ред.*

картинѣ, выражаетъ только вотъ это, безъ примѣси чего-то другаго? Конечно, есть состоянія, когда человѣкъ крупными буквами изображаетъ на своемъ лицѣ охватившее его чувство, но такія состоянія, сколько я понимаю, относятся къ категоріи наиболѣе простыхъ. А тѣ душевныя движенія, которыя слишкомъ сложны, и въ то же время глубоки до того, что глазъ, будучи открытымъ, не передаетъ уже никакихъ свѣтовыхъ впечатлѣній мозгу,— такія состоянія опредѣляемы быть не могутъ, по крайней мѣрѣ, при настоящихъ нашихъ знаніяхъ. Вотъ первая и самая важная причина невозможности отвѣчать на вопросъ.

На первый разъ, получивши ваше письмо, я рѣшился было не отвѣчать, такъ какъ мнѣ показалось, что въ данномъ случаѣ существуетъ пари. Но, прочитавъ во второй и въ третій разъ, я уступилъ слѣдующему соображенію. Если картина возбуждаетъ толки, и даже оживленные, значитъ въ ней есть же что нибудь; стало быть, искусство можетъ исполнять роль нѣсколько болѣе высшаго порядка, чѣмъ украшеніе и забава жизни. Кромѣ того, въ виду прямого вопроса зрителя, публики, обращеннаго къ художнику, можетъ произойти небезполезное объясненіе для взаимнаго знакомства. Разныя критическія статьи нисколько не помогаютъ художнику найти дорожку къ сердцу зрителя. Онѣ могутъ ему быть полезны въ второстепенныхъ задачахъ, а въ главномъ, художникъ, послѣ чтенія самыхъ обстоятельныхъ критикъ своего произведенія, остается въ такихъ же потемкахъ, въ какихъ былъ и до чтенія. И такъ, самое дорогое для художника знаніе — есть знаніе того, что̀ именно происходитъ съ публикой, виноватъ, съ однимъ человѣкомъ, въ моментъ перваго взгляда на произведеніе. О, еслибъ была возможность зафиксировать впечатлѣніе зрителя, раньше того даже, какъ онъ произнесетъ слово, обмѣняется мнѣніемъ съ другимъ, получитъ новыя постороннія, то есть чужія впечатлѣнія, и тѣмъ, такъ сказать, затуманитъ первичное впечатлѣніе, и такимъ образомъ утратится тотъ именно непосредственный фактъ, который всего больше могъ бы раскрыть художнику таинственную область, для которой онъ работаетъ! Разумѣется, тотъ общій выводъ, который останется послѣ обмѣна мыслями всѣхъ зрителей между собой, есть не менѣе важный, но я васъ спрашиваю: гдѣ же и когда онъ былъ собранъ, провѣренъ и формулированъ? Да и существуетъ ли вообще идея о такой статистикѣ? Еслибы это когда-либо случилось, то мы всѣ знали бы больше, что̀ такое творчество, искусство, не было бы такъ много хламу, покалѣченныхъ и больныхъ, а главное, вредныхъ художниковъ. Но я отвлекаюсь, виноватъ, и потому перехожу къ рекомендаціи.

Мнѣ уже не первый разъ приходилось слышать вопросъ: «Что̀ вы именно хотѣли выразить?» — Вопросъ этотъ, по моему, возникаетъ только по недоразумѣнію. Художникъ у художника это спросить можетъ, такъ какъ

они разумѣютъ нѣчто отличное отъ того, о чемъ спрашиваетъ зритель. Позвольте вмѣсто отвѣта разсказать, кàкъ произведеніе является, чтобы вамъ не было необходимости задавать вопроса.

Художниковъ существуетъ двѣ категоріи, рѣдко встрѣчающихся въ чистомъ типѣ, но все же до нѣкоторой степени различныхъ. Одни—объективные, такъ сказать, наблюдающіе жизненныя явленія и ихъ воспроизводящіе добросовѣстно, точно; другіе—субъективные. Эти послѣдніе формулируютъ свои симпатіи и антипатіи, крѣпко осѣвшія на дно человѣческаго сердца, подъ впечатлѣніями жизни и опыта. Вы видите, что это изъ прописей даже, но это ничего. Я, вѣроятно, принадлежу къ послѣднимъ. Подъ вліяніемъ ряда впечатлѣній, у меня осѣло очень тяжелое ощущеніе отъ жизни. Я вижу ясно, что есть одинъ моментъ въ жизни каждаго человѣка, мало-мальски созданнаго по образу и подобію Божію, когда на него находитъ раздумье — пойти ли направо, или налѣво?.. Мы всѣ знаемъ, чѣмъ обыкновенно кончается подобное колебаніе. Расширяя дальше мысль, охватывая человѣчество вообще, я, по собственному опыту, по моему маленькому оригиналу, и только по нему одному, могу догадываться о той страшной драмѣ, какая и разыгрывалась во время историческихъ кризисовъ. И вотъ, у меня является страшная потребность разсказать другимъ то, чтò я думаю. Но кàкъ разсказать? Чѣмъ, какимъ способомъ я могу быть понятъ? По свойству натуры, языкъ іероглифа для меня доступнѣе всего. И вотъ я, однажды, когда особенно былъ этимъ занятъ, гуляя, работая, лежа и проч. и проч., вдругъ увидалъ фигуру, сидящую въ глубокомъ раздумьѣ. Я очень осторожно началъ всматриваться, ходить около нея, и во все время моего наблюденія, очень долгаго, она не пошевелилась, меня не замѣчала. Его дума была такъ серьезна и глубока, что я заставалъ его постоянно въ одномъ положеніи. Онъ сѣлъ такъ, когда солнце было еще передъ нимъ, сѣлъ усталый, измученный, сначала онъ проводилъ глазами солнце, затѣмъ не замѣтилъ ночи, и на зарѣ уже, когда солнце должно подняться сзади его, онъ все продолжалъ сидѣть неподвижно. И нельзя сказать, чтобы онъ вовсе былъ нечувствителенъ къ ощущеніямъ: нѣтъ, онъ, подъ вліяніемъ наступившаго утренняго холода, инстинктивно прижалъ локти ближе къ тѣлу, и только впрочемъ; губы его какъ бы засохли, слиплись отъ долгаго молчанія, и только, глаза выдавали внутреннюю работу, хотя ничего не видѣли, да брови изрѣдка ходили—то подымется одна, то другая. Мнѣ стало ясно, что онъ занятъ важнымъ для него вопросомъ, настолько важнымъ, что къ страшной физической усталости онъ нечувствителенъ. Онъ точно постарѣлъ на 10 лѣтъ, но все же я догадывался, что это такого рода характеръ, который, имѣя силу все сокрушить, одаренный талантами покорить себѣ весь міръ, рѣшается не сдѣлать того, куда

влекутъ его животныя наклонности. И я былъ увѣренъ, потому что я его видѣлъ, что, чтòбы онъ ни рѣшилъ, онъ не можетъ упасть. Кто это былъ? Я не знаю. По всей вѣроятности, это была галлюцинація; я въ дѣйствительности, надо думать, не видалъ его. Мнѣ показалось, что это всего лучше подходитъ къ тому, чтò мнѣ хотѣлось разсказать. Тутъ мнѣ даже ничего не нужно было придумывать, я только старался скопировать. И когда кончилъ, то далъ ему дерзкое названіе. Но еслибы я могъ въ то время, когда его наблюдалъ, написать его, Христосъ ли это? Не знаю. Да и кто скажетъ, какой онъ былъ? Напавъ случайно на этого человѣка, всмотрѣвшись въ него, я до такой степени почувствовалъ успокоеніе, что вопросъ личный для меня былъ рѣшенъ. Я уже зналъ и дальше: я зналъ, чѣмъ это кончится. И меня нисколько не пугала та развязка, которая его ожидаетъ. Я нахожу уже это естественнымъ, фатальнымъ даже. А если это естественно, то не все ли равно? Да даже лучше, что оно такъ кончилось, потому что вообразите торжество: его всѣ признаютъ, слушаютъ, Онъ побѣдилъ—да развѣ-жъ это не было бы въ тысячу разъ хуже? Развѣ могли бы открыться для человѣчества тѣ перспективы, которыми мы полны-которыя даютъ колосальную силу людямъ стремиться впередъ? Я знаю только, что утромъ, съ восходомъ солнца, человѣкъ этотъ исчезъ. И я отдѣлался отъ постояннаго его преслѣдованія.

И такъ, это не Христосъ. То есть, я не знаю, ктò это. Это есть выраженіе моихъ личныхъ мыслей. Какой моментъ? Переходный. Чтò за этимъ слѣдуетъ? Продолженіе въ слѣдующей книгѣ.

Извините, что я наговорилъ много и ничего яснаго. Очень будетъ жаль, если все это было вызвано шуткой. И. Крамской.

CCI. Къ И. Е. Рѣпину.

17-го февраля 1878 г., Спб.

Не могу вамъ сказать съ достаточною ясностью, дорогой Илья Ефимовичъ, до какой степени вы меня обрадовали вашимъ письмомъ, въ которомъ категорически выражаете рѣшимость пустить свою ладью по тому теченію, куда направляется Товарищество. Вотъ какъ кудряво? Это и понятно. Во всѣхъ высокоторжественныхъ случаяхъ, человѣкъ не находитъ приличнымъ говорить прозой. А потому, будемъ, не смущаясь, разговаривать прилично случаю. Когда я прочелъ ваше письмо нѣкоторымъ членамъ, то по толпѣ пробѣжалъ одобрительный шепотъ (!). Когда я іезуитски поставилъ на видъ наше правило, что каждый неофитъ долженъ пробыть нѣкоторое время въ положеніи «оглашенныхъ», то со стороны тонкихъ

политиковъ, юристовъ, и даже буквоѣдовъ, единодушно былъ опровергнутъ въ канцеляризмѣ, ибо я упустилъ изъ виду (какъ мнѣ замѣтили), что Рѣпинъ исполнилъ давно свой срокъ оглашеннаго: онъ уже былъ нашимъ экспонентомъ! Я, конечно, долженъ былъ посыпать главу свою пепломъ — нѣтъ, и этого оказалось имъ мало. Они пошли дальше, говорятъ: даже еслибы и Полѣновъ изъявилъ наклонность въ нашу сторону, то и онъ, по всѣмъ формальнымъ правамъ, не долженъ быть подвергаемъ «оглашенію», потому что онъ прислалъ въ Товарищество картину, и не его вина, что ее силою отъ насъ оттягали. Словомъ, единодушно было признано, что вы нашъ членъ, безъ разговоровъ. Выставка Товарищества имѣетъ быть открыта на первой недѣлѣ поста, а общее собраніе передъ открытіемъ во вторникъ, на той же первой недѣлѣ.

Что̀ касается всемірной выставки, то я, по полученіи письма отъ Третьякова, видѣлся съ Сомовымъ, и велъ разговоръ въ томъ тонѣ, что вотъ желаніе Рѣпина: чтобы не выставлять для публики, если «Дьякона» не возьмутъ на парижскую выставку. Онъ сказалъ, что онъ не знаетъ, можно ли, и что это рѣшитъ Совѣтъ. Когда же будетъ Совѣтъ? На масляницѣ. Ну, хорошо, говорю, я тогда «Дьякона» и доставлю. На томъ и порѣшили. А ка̀къ жалко, ка̀къ жалко его отдавать, еслибы вы знали! Ну, да дѣлать нечего. Еслибы вы написали что-либо Сомову рѣшительное. Потому что великій князь Владиміръ Александровичъ, кажется, даетъ «Бурлаковъ», хотя они еще и не доставлены. Въ заключеніе скажу, что мы всѣ были бы совершенно покойны въ томъ случаѣ, еслибы вы выслали намъ для выставки Товарищества что-либо другое; тогда «Дьяконъ» нуженъ для васъ и въ Парижѣ, даже при «Бурлакахъ». Жаль, что мало мѣста, а то я хотѣлъ сказать, что этюдъ мужика (присланный раньше)—превосходный, а «Дьяконъ», «Дьяконъ...» это чортъ знаетъ что̀ такое! Ура! да и только!

Вашъ И. Крамской.

Выставка Товарищества будетъ открыта въ новомъ помѣщеніи Общества поощренія. Полѣновъ—здѣсь, и я у нихъ буду обѣдать въ воскресенье.

CCII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 1-го марта 1878 года.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. «Дьякона» я отправилъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ въ Академію; но поступить иначе я не могъ, не имѣя отъ васъ точнаго указанія. Или, лучше сказать, я имѣлъ точное указаніе относительно того, чтобы онъ былъ предложенъ на всемірную выставку, а мнѣ не хотѣлось его отдавать. Съ другой же стороны, и на всемірной вы-

ставкѣ вашего бы не было. Словомъ, я колебался между добродѣтелью и порокомъ. Чтó здѣсь порокъ и чтó добродѣтель—сказать трудно, но суть та, что я отправилъ наконецъ. Совѣтъ былъ и... не взялъ его. Нужно ли прибавлять, какъ я обрадовался! И такъ, онъ у насъ! Теперь позвольте просить васъ поторопиться прислать къ выставкѣ, которая откроется на второй недѣлѣ, въ среду или четвергъ, еще кое-что, а именно: портретъ Забѣлина, портретъ Мамонтовой и Чижова, или чтó вы найдете. Обо всемъ этомъ мнѣ насплетничалъ И. М., пеняйте на него, но пришлите. Пишу столь короткое письмецо, потому что некогда.

«Бурлаки» ваши ѣдутъ. Вашъ И. Крамской.

CCIII. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 1-го марта 1878 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Сейчасъ получилъ отъ Сомова извѣстіе, что графъ Левъ Николаевичъ Толстой согласенъ на то, чтобы портретъ его ѣхалъ въ Парижъ на выставку. Ему объ этомъ писалъ Стасовъ, а потому, вмѣсто Полонскаго, если вамъ угодно, можно послать Толстого. Перемѣнѣ этой я очень радъ. Извините за краткость. Чувствую, что что-нибудь забуду.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

Обо всемъ вы получите увѣдомленіе, вѣроятно, отъ Стасова, съ документальными доказательствами.

CCIV. Къ И. Е. Рѣпину.

С.-Петербургъ, 8-го марта 1878 года.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Пишу къ вамъ только нѣсколько строчекъ, чтобы немедля ни секунды отвѣчать на ваши вопросы. Все, что вы вышлете, будетъ—глубокое спасибо, и только. О фурорѣ мы поговоримъ когда-нибудь въ другое время, а теперь не до того: я только что воротился съ устройства выставки (12 часовъ ночи), и завтра въ 7 часовъ утра опять долженъ быть тамъ. Присылайте—и конецъ. Все равно, когда они поспѣютъ, такъ какъ мы должны продержать здѣсь выставку и праздники, а потому раздумывать нечего.

Что касается Z, то... говоря по совѣсти, я начинаю думать, и серьезно думать, что у дворянъ кость въ самомъ дѣлѣ бѣлая, а кровь голубая, тогда какъ у плебеевъ одна кличка останется навсегда: «подлый народъ». Хотя это не относится къ этому хорошему парню — онъ только слабый.

идти противъ отца и матери вещь очень трудная, такая трудная, что мы его положенія и не можемъ даже себѣ представить, а потому, говорю рѣшительно: я его не сужу. Пусть его! Поживемъ — увидимъ, не всѣ въ 35 лѣтъ становятся въ самомъ дѣлѣ людьми серьезными; многіе не доростаютъ до пониманія серьезнаго... Вашъ И. Крамской.

Знаете ли вы, «О, знаете ли вы?» (какъ говорятъ поэты), какое хорошее слово вы написали: «я вашъ». Это одно слово вливаетъ въ мое измученное сердце бодрость и надежду! Впередъ!

CCV. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 10-го марта 1878 года.

Добрый мой Илья Ефимовичъ. Выставка открыта; открыта она (такъ сказать) общимъ собраніемъ, для засѣданій же и рѣшенія дѣлъ, а также и выбора новыхъ членовъ (4-хъ) назначенъ вторникъ. Московскіе же члены (исключая Маковскаго) не подаютъ никакихъ признаковъ жизни и хотя имъ было писано, что выставка тогда-то, а общее собраніе тогда-то, но это ни къ чему не ведетъ, такъ какъ никто изъ нихъ (опять-таки кромѣ Маковскаго), вотъ уже 4-й годъ, не отвѣчаетъ, а потому мы обойдемся и безъ нихъ. А. П. Боголюбовъ писалъ мнѣ изъ Парижа, что Харламовъ тоже желаетъ выставлять у насъ, и указанъ адресъ, гдѣ взять вещи. Я все это заговорилъ къ тому, что такъ какъ во вторникъ мы будемъ продѣлывать выборы, а отъ васъ въ правленіи Товарищества (при дѣлахъ его) нѣтъ заявленія, то напишите немедленно въ Товарищество, на мое имя, что вы желаете быть членомъ. Ото всѣхъ членовъ, вступившихъ въ Товарищество, таковыя имѣются, а потому пожалуйста черкните: «Въ Правленіе Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ. Желая быть дѣйствительнымъ членомъ Товарищества, я прошу сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія». Или, если желаете, поручите мнѣ подать заявленіе отъ имени вашего. Вашъ И. Крамской.

Кажется, выставка будетъ имѣть успѣхъ.

Первое, что́ будетъ на общемъ собраніи—это выборъ членовъ новыхъ, потомъ выборы правленія, и потому, на всякій случай, пришлите довѣренность кому-либо подавать за васъ голосъ, въ слѣдующихъ за избраніемъ вопросахъ.

CCVI. Къ П. М. Третьякову.

7-го апрѣля 1878 г. Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я думаю, что вы уже знаете, что Шишкинъ согласился. Относительно Маркова «Колизея» и рисунковъ, я узналъ, что за «Колизей» назначено 2,500 рублей, а за рисунки еще неизвѣстно. Завѣдуетъ всѣмъ этимъ Андрей Ивановичъ Бѣлянинъ, его душеприкащикъ. Этотъ г. Бѣлянинъ живетъ на Васильевскомъ острову, уголъ 7-й линіи и Большого проспекта, собственный домъ, и желаетъ, чтобы вы, какъ онъ выразился, заявили бы ему документально свое желаніе пріобрѣсти эти вещи Маркова, тогда онъ не передастъ ихъ на аукціонную продажу. Уважающій васъ И. Крамской.

CCVII. Къ нему же.

Спб., 15-го апрѣля 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Канунъ Свѣтлаго праздника, и потому время свободное для написанія письма, съ содержаніемъ, хорошимъ или нѣтъ—другой вопросъ, но все-таки съ содержаніемъ. Вы бросьте это письмо подъ столъ, если вы знаете цѣну разнымъ фантазіямъ, или же, время отъ времени, возвращаясь къ мыслямъ, здѣсь изложеннымъ, вы быть можетъ найдете какую-либо комбинацію, при которой идея и практическая возможность ея осуществленія могутъ слиться.

Какъ видите, письмо начинается нѣсколько странно и даже чуть ли не въ противность правиламъ риторики, но это ничего. Излагаю идею.

Русское искусство народилось: это несомнѣнно. Какъ всякій новорожденный, оно требовало и требуетъ нѣкотораго ухода (говорю, нѣкотораго, потому, что я стою за суровую школу исторіи). До сихъ поръ, этотъ нѣкоторый уходъ состоялъ въ томъ, чтобы ребенокъ не умеръ съ голоду. Онъ не имѣетъ ни отца, ни матери, и потому только пропитывается сострадательными людьми. Это и было. Ребенокъ хворалъ, но ни разу еще не былъ при смерти, по крайней мѣрѣ, никто этого не думалъ. Теперь оно, искусство, уже мальчикъ, кое-что этотъ мальчикъ лепечетъ, изрѣдка есть проблески оригинальныхъ мыслей; онъ учится самъ, то у дьячка, то у проиоднаго солдатика, то такъ, шляясь по полямъ, у Господа Бога. Въ настоящую минуту, онъ захворалъ, и, по моему, серьезно. Вотъ пунктъ, который, если мы будемъ согласны, рѣшитъ дальнѣйшую судьбу русскаго искусства. Что онъ, мальчикъ, хвораетъ—это вѣрно, всѣ согласны. У него глаза нѣсколько мутны, голова его горяча, его слѣдовало бы уложить въ

постель, но кто дастъ эту постель заболѣвшему? Можетъ быть обойдется и такъ; но, я беру на себя роль, быть можетъ мнѣ не принадлежащую, роль доктора, и говорю: «Судя по признакамъ болѣзни, исходъ можетъ быть смертельнымъ; даже предположеніе, что мальчикъ умретъ, вѣроятнѣе, чѣмъ предположеніе—обойдется». Конечно, у Бога все возможно, но... продолжаю. Я думаю, что этотъ мальчикъ не перенесетъ болѣзни.

Можетъ родиться другой, третій, и т. д.—очень возможно, но то будутъ другіе, а не этотъ; да наконецъ можетъ и не быть вовсе.

Но довольно говорить иносказательно. Что нужно дѣлать, какіе шаги должно сдѣлать русское искусство, какія ближайшія задачи исторически на очереди?—Мастерскія и школа. И то и другое должно дать или государство, если оно русское, или общество, если оно существуетъ. Государство не дастъ теперь, потому, что оно не русское, общество не дастъ, потому, что его вообще еще нѣтъ, а если и есть нѣсколько десятковъ человѣкъ во всей Россіи, то они такъ разбросаны, и мѣста ихъ жительства такъ мало извѣстны, что единственный адресъ мнѣ, да и всѣмъ, мало-мальски думающимъ русскимъ художникамъ, извѣстный, одинъ—это: «Лаврушенскій переулокъ, приходъ Николы *)». Извините за это. Говорю вамъ, бросьте письмо, если оно, по вашему, фальшиво въ основаніи, и вѣрьте, что ни слова сожалѣнія и упрека не вырвется у меня за это, потому, что я глубоко вѣрю, что если вы не будете согласны, то только въ силу убѣжденія, а стало быть, вы будете правы.

Мастерскія нужны потому, что ихъ нѣтъ вовсе; школа нужна потому, что ея тоже нѣтъ вовсе, а между тѣмъ есть три, четыре, пять человѣкъ, которые уже что-нибудь знаютъ, и могутъ кое-чему научить молодые побѣги. Но чтобы научить молодежь, нужна безусловная свобода преподаванія. Въ Академіи нельзя излагать предмета безъ оглядки, въ школѣ живописи, въ Москвѣ — тоже. Уложенія, регламентъ, чиновничество сидятъ уже и тамъ. Молодежь въ Академіи теперь опять пичкается чортъ знаетъ чѣмъ, и она рѣшительно не будетъ способна продолжать традиціи народившагося русскаго искусства, а молодежь московской школы приливаетъ опять-таки въ Академію, и здѣсь портится. Со смертью теперешнихъ представителей русскаго искусства, самостоятельное развитіе замретъ опять, и надолго. Товарищество передвижныхъ художественныхъ выставокъ, исполняя свое дѣло, можетъ только поддерживать свое собственное существованіе, но для продолженія рода у него нѣтъ условій. Чтобы были дѣти—надо жениться, желаніе естественное и самое законное, и если То-

*) Галлерея русской живописи, принадлежащая К. М. Третьякову, помѣщается въ Москвѣ, въ Лаврушенскомъ переулкѣ. *Ред.*

варищество не женится, т. е. не устроитъ школы, курсовъ, мастерскихъ, оно умретъ старымъ холостякомъ, самымъ противнымъ типомъ человѣческой породы. Оно будетъ безнравственнымъ. А къ тому идетъ. Это я говорю на основаніи 7-ми лѣтняго опыта дѣятельности Товарищества, дѣятельности, обращенной прямо къ обществу, но это обращеніе и убѣдило меня въ предположеніи, что русскаго общества еще не существуетъ. Есть любопытные, которые поддерживаютъ личное существованіе Товарищества — не болѣе. Доказаны ли мои мысли, или нѣтъ? Если доказаны, то необходимо слѣдующее: домъ. Чей это домъ—все равно, въ этомъ домѣ—верхній этажъ мастерскія и выставки. Ка̀къ сдѣлать, чтобы капиталъ не былъ брошенъ за окно, а во̀звратился бы детально, я не знаю, но убѣжденъ, что возвращаться онъ будетъ. Конечно не такъ, какъ при коммерческихъ какихъ-либо пріемахъ, но все же возвратится. А такъ, Максимовъ пріѣдетъ изъ деревни картину оканчивать—негдѣ; Мясоѣдовъ пріѣдетъ—долженъ безпокоить Крамскаго, и платить; Савицкій безпокоитъ Шишкина, и опять платитъ; Крамской въ свою очередь платитъ, всѣ платятъ, и никто не имѣетъ пристанища. Потомъ, къ Крамскому пристаютъ уже нѣсколько лѣтъ: нельзя ли у васъ заниматься? Нельзя ли брать уроки? Нельзя ли прійдти за совѣтомъ, хотя разъ въ недѣлю... Къ Н. Н. Гè — тоже, и всюду одна пѣсня: нельзя, негдѣ, я не могу! Времени даромъ пропадаетъ пропасть у всякаго, а важное дѣло ждетъ, портится, замираетъ. Самое Товарищество, проплывъ опасные моменты своего рожденія, увеличиваясь въ числѣ, не имѣетъ пристанища, тратитъ болѣе 1,000 рублей на устройство выставокъ въ Петербургѣ ежегодно, да на наемъ кладовой, и не знаетъ, что̀ будетъ съ нимъ завтра. Оно обновилось новыми членами, къ нему примкнули такія силы, какъ Рѣпинъ, у него въ средѣ выросъ такой, какъ Ярошенко, къ нему готовы примкнуть лекторы по наукѣ и исторіи искусства, а также художественные критики, и нѣтъ мѣста живому слову. Ростъ требуетъ пищи, чтобы совершенствоваться и развиваться, а нигдѣ нельзя добыть ее даже за деньги.

Вы спросите: неужели я готовъ сдѣлаться учителемъ? Я отвѣчаю: — готовъ. Но ка̀къ? Вотъ въ чемъ весь вопросъ. Это уже мое дѣло, но только не думаю, чтобы это отнимало время, т. е. мое время. Даже необходимо, въ извѣстную пору возраста. Возьмите Шишкина. Это ли не учитель? Вамъ, можетъ быть, покажется это даже смѣшно, но я утверждаю, что Шишкинъ чудесный учитель. Онъ способенъ забрать 5—6 штукъ молодежи, уѣхать съ ними въ деревню, и ходить на этюды, т. е. работать съ ними вмѣстѣ. Вѣдь это только и нужно, 5—6 человѣкъ! Это не штука, когда подумаешь, что въ 10 лѣтъ изъ Академіи вырвется одинъ, на половину искалѣченный.

Вы скажете въ концѣ концовъ: «Да по какому же праву я къ вамъ это все адресую?» Но вѣдь я же поставилъ въ началѣ письма оговорку, что мнѣ пришла охота написать вамъ письмо, побесѣдовать съ вами. Вы любите русское искусство, доказали это слишкомъ ясно, и вамъ интересны его судьбы. Помните, я даже писалъ статью «Судьбы русскаго искусства», и что же получилъ въ отвѣтъ? А то, что теперь задаютъ программы даже пейзажистамъ! А какъ вы полагаете, сколько лѣтъ проживетъ начальникъ? И еще больше: когда наше государство станетъ русскимъ? На горизонтѣ нѣтъ даже просвѣта. Теперь, по крайней мѣрѣ, время къ полуночи, но ужъ никакъ не къ утру. Послѣднее возраженіе: намъ не позволятъ! Да развѣ мы это сдѣлаемъ въ такой формѣ, чтобы можно не позволять? Кто въ частную квартиру придетъ и скажетъ художнику:— «Какъ вы смѣете учить?» Притомъ, Товарищество могло бы кое-что предпринять къ тому, чтобы выставки могли быть только у него. А что сдѣлаетъ Академія противъ всѣхъ художниковъ? А это возможно. Общество академическое существуетъ номинально, и мы его завтра же подорвемъ, если будемъ имѣть пуповину. Куда ни поворачиваю я эту идею, всюду нахожу указанія, что время настало. Единственное, можетъ быть, соображеніе, гдѣ это сдѣлать лучше: въ Москвѣ, или въ Петербургѣ? И если, по зрѣломъ размышленіи, это слѣдуетъ въ Москвѣ, то мы произведемъ эмиграцію изъ Петербурга, и будемъ устроивать передвижныя выставки прежде въ Москвѣ, и только пріѣзжать въ Петербургъ, какъ на одну изъ станцій. Тутъ есть тоже своего рода пикантность.

Если, по вашимъ соображеніямъ, идеѣ этой надо дать ходъ, то сообщите ее Рѣпину. Я на него готовъ указывать, какъ на мессію.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCVIII. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб. 9-го мая 1878 г.

По настоящему, доро гой мой Илья Ефимовичъ, я имѣлъ бы право отложить отвѣтъ вамъ хотя бы на небольшое время, въ виду вашей неисправности (вотъ вамъ!), но не могу сейчасъ же не отвѣчать вамъ, потому что считаю необходимымъ протестовать. 1) Вы считаете вещи (всѣ) Гуна посредственными, и прибавляете, что мнѣ это, вѣроятно, покажется страннымъ? Почему страннымъ? Сдѣлайте одолженіе, еслибы вамъ вздумалось не только отнести ихъ къ вещамъ посредственнымъ, а даже къ такимъ, которыя такъ же мало дѣйствуютъ на зрителя, какъ бѣлая бумага, то и тогда я не пошевелился бы. Я бы только сказалъ (въ скобкахъ, конечно), что недурно было бы, еслибы русскіе немножко болѣе уважали культуру. И только.

Да и этого, пожалуй, не нужно. Тутъ, вѣроятно, потребуется какое-то другое слово, которое теперь пріискать не могу; 2) чтобы лучшая вещь была «Заключенный» Ярошенко, я не согласенъ, особенно съ тѣмъ, что она «замѣчательно высока по исполненію», какъ вы говорите; 3) чтобы «Кочегаръ» его былъ плохо рисованъ, и тяжело, и грубо написанъ—по моему, сильно сказано. Что ему еще недостаетъ кое-чего—согласенъ, но не многаго. А впрочемъ, можетъ быть, въ этомъ случаѣ, разногласіе между нами и не тàкъ велико, какъ кажется, еслибы мы съ вами побесѣдовали на словахъ; 4) чтó касается Савицкаго, то скажу одно: я не слѣпъ, слава Богу, и понимаю, чтò тамъ есть въ этой картинѣ, и чему вы радуетесь. Но не раздѣляю вашей жертвы: остановки вашей картины. Въ этомъ случаѣ, я просто готовъ горевать. Ну, да художника часто не поймешь.

Но позвольте вамъ изложить мою точку зрѣнія, не съ тѣмъ, чтобы ее рекомендовать, а только, чтобы объяснить вамъ источникъ моихъ взглядовъ. Дѣло въ томъ, что Стасовъ заявилъ: «Вотъ такъ выставка! Браво! первая по значенію!!» и проч. и проч. Словомъ, мы точно становимся взрослыми. Я недоумѣвалъ. Объяснимся. Кàкъ вы думаете, дорогой Илья Ефимовичъ, долженъ ли художникъ изучать непосредственныя впечатлѣнія простой публики? Долженъ ли онъ, не говорю—сообразоваться, а принимать къ свѣдѣнію ея безхитростныя и примитивныя выраженія, о томъ, чтò ей нравится и чтò нѣтъ, и почему? Или вы полагаете, какъ и нѣкоторые, что эта т о л п а не заслуживаетъ того, и что не къ ней нужно аппелировать? Я нарочито беру слово «аппелировать». И вотъ почему. Слой общества, называемаго образованнымъ, имѣетъ нѣкоторыя свои теоріи объ искусствѣ, критики и того пуще, но мы знаемъ имъ цѣну. Она, въ сущности, не очень высока, не только у насъ, а и тамъ, гдѣ общество постарше. Вездѣ критика бродитъ въ потьмахъ, и, рядомъ съ свѣжими мыслями, здоровыми понятіями, столько виситъ разныхъ старыхъ лохмотьевъ, что горе художнику, если онъ хоть на минуту придастъ имъ руководящее для себя значеніе. Чтó у насъ, я говорить не бýду: извѣстно. Чтò же дѣлать томимому жаждой знанія правды художнику? Гдѣ искать этой правды, гдѣ найти для себя путеводную нить, способную дать ему въ руки надежнаго руководителя? Вы скажете: «Напрасный трудъ, не нужно этого; пусть только художникъ будетъ искреннимъ». Еще бы, я съ этимъ совершенно согласенъ. Но только гдѣ они, эти художники, особенно художники, живущіе вмѣстѣ съ обществомъ одними интересами? Или, лучше сказать, мы всѣ русскіе художники дѣйствительно искренни, это правда, но отчего же это мы неудовлетворяемъ простаго и безхитростнаго человѣка? А что наша выставка не удовлетворяетъ публику, въ этомъ приглашаю васъ убѣдиться. Правда, въ обществѣ раздаются голоса, которые печатно го-

ворятъ: «Вотъ такъ выставка!» А другіе, наоборотъ: «Чортъ знаетъ, что это такое! Просто позоръ и ужасъ!» Я говорю не объ этихъ, а о тѣхъ, кого мы обыкновенно игнорируемъ, которые обыкновенно молча входятъ, молча смотрятъ, и молча уходятъ, тѣхъ, кто крайне наивно и искренно станетъ васъ увѣрять, что онъ «ничего не понимаетъ, что онъ, помилуйте, ничего не можетъ сказать, онъ только любитъ картинки....» Заговорите съ такими людьми послѣ когда-нибудь, когда уже и выставки нѣтъ, когда передовые наговорились и нассорились до-сыта, успѣли забыть, и вы замѣтите, что они все помнятъ, что̀ видѣли, что они о всемъ имѣютъ извѣстное мнѣніе, крайне оригинальное, не похожее ни на одно изъ извѣстныхъ вамъ уже, и часто, до такой степени оригинальное и поучительное, что станетъ совѣстно и за собственныя теоріи, и за то, что верховную власть захватили тѣ, что кричатъ громче. Никого Господь не обидѣлъ изъ тѣхъ, кто простъ и не глупъ, тѣмъ, что называется художественною критикою. И еслибъ была возможность фиксировать такого рода первичныя впечатлѣнія, прежде, чѣмъ человѣкъ обмѣнялся съ кѣмъ-нибудь своими мыслями, мы давно, на основаніи только одной этой статистики, имѣли бы здоровую (не говорю—теорію искусства) и безаппеляціонную критику. Я убѣжденъ, что если художникъ только убѣдился бы въ томъ, что это существуетъ, какъ тотчасъ же уровень его поднялся бы, и онъ охотно призналъ бы надъ собой подобнаго деспота. Но это очень трудно, почти невозможно, а все же бросать этого дѣла не слѣдуетъ. Въ этомъ направленіи не положено еще ни одного камня, но это не должно смущать тѣхъ, кому это нужно. Вотъ я уже нѣсколько лѣтъ какъ занятъ этимъ, то-есть, провѣркой моихъ личныхъ симпатій въ искусствѣ, и тѣмъ, какое впечатлѣніе картины производятъ на публику, на ту публику, о которой я говорилъ. Ка̀къ это сдѣлать? Я, разумѣется, не могу наблюдать тогда, когда мнѣ удобно, а долженъ сообразоваться со случаями, и такъ какъ я объ этомъ помню постоянно, то всякій случай я и запоминаю. Конечно, и вы, да и всякій, дѣлаете то же самое: но мнѣ показалось въ вашемъ письмѣ, что ваши сужденія слишкомъ субъективны, и притомъ находятся въ тѣсной зависимости отъ того состоянія художественнаго, въ которомъ вы находитесь въ данную полосу. Я понимаю, что никто отъ этого въ сущности и не свободенъ, но только чрезъ то приходится часто мѣнять приговоры и мнѣнія. Что̀ лучше, что̀ хуже, что̀ вѣрнѣе и что̀ болѣе прилично художнику—я не знаю, да и не съ этою цѣлью я началъ писать, а только для того, чтобы дать вамъ ключъ къ нѣкоторымъ моимъ сужденіямъ, съ которыми вы можетъ быть не согласны. Но что́ же въ моихъ сужденіяхъ мое собственное, и что̀ принадлежитъ этому неизвѣстному собирательному? Въ настоящую минуту я уже и не знаю. Лѣтъ 5 тому назадъ, я на это, можетъ быть, и отвѣ-

чалъ бы, а теперь—не знаю. Я, кажется, уже успѣлъ себя на столько дисциплинировать, что угадываю впередъ, что сдѣлаетъ дѣйствительное впечатлѣніе, и что нѣтъ. А, впрочемъ, можетъ быть это и самомнѣніе! Это очень возможно съ самоучками.

Какъ жаль, что письмо длинное, а сказать того, что нужно, не съумѣлъ.

Вашъ И. Крамской.

CCIX. Къ П. М. Третьякову.

Спб. 12-го мая 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Слѣдовало бы обстоятельнѣе отвѣчать на ваши два письма, но такъ какъ мнѣ некогда, а отвѣтъ необходимъ немедленный, то я ограничиваюсь только существеннымъ:

Нужно ли пріобрѣсти «Заключеннаго?»*) Я не знаю. Въ этой картинѣ серьезная мысль, это правда, но до такой степени замученно написано, что я совсѣмъ теряюсь, хорошо это или дурно. Вѣроятно хорошо, когда всѣ хвалятъ. Но вы рѣшили пріобрѣсти, и потому разговоръ объ этомъ конченъ. Остается цѣна. Цѣну онъ хотѣлъ назначить больше 1,000 рублей, сначала, но я ему совѣтовалъ спустить на сколько возможно (разумѣется, частнымъ образомъ). Когда была объявлена имъ цѣна 800 рублей, то всѣ были очень недовольны (такъ какъ это указывало, такъ сказать, на то, что другіе назначали выше нормы). И такъ, онъ остался на 800 рубляхъ. Когда выставка пріѣхала въ Москву, на другой же день, была здѣсь телеграмма: не отдастъ ли онъ за 600 рублей? (Отъ кого, не знаю, спрашивалъ Боткинъ). Онъ не согласился, сказавъ только: «Пусть останется такъ». Ваше желаніе я ему передамъ и только; настаивать не возьмусь, по особымъ причинамъ, точно также, какъ не стану и вамъ утверждать, чтобы мимо этого нельзя было бы пройти. Словомъ, я исполню немедленно ваше желаніе. Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CCX. Къ нему же.

Спб., 11-го августа 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ очень за письмо. Всѣ русскіе люди, въ настоящую минуту, чувствуютъ настоятельную нужду что-нибудь сказать другъ другу, хотя каждый знаетъ въ то же время, что легче отъ этого не будетъ. Молчаніе Москвы во время конгресса для меня лично не было удивительнымъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, п

*) Картина Н. А. Ярошенко. *Ред.*

которымъ и я молчалъ; то есть, тутъ нужно, если говорить, то заговорить всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы это не было противузаконно. Для того же, чтобы заговорить всѣмъ, еще время, должно быть, не наступило. Море не вдругъ поднимаетъ свои волны, хотя бы вѣтеръ вдругъ поднялся очень сильный; ну, да и тысяча лѣтъ что-нибудь да значатъ...

Ужасное время. Точь-въ-точь въ запертой комнатѣ, въ глухую ночь, въ кромѣшной тьмѣ сидятъ люди, и только время отъ времени, кто-то въ кого-то выстрѣлилъ, кто-то кого-то зарѣзалъ; но кто, кого, за что? никто не знаетъ. Неужели не поймутъ, что самое настоятельное—зажечь огонь? Но, вѣроятно, и въ самомъ дѣлѣ такой простой вещи никому изъ тѣхъ, отъ кого это зависитъ, не приходитъ въ голову. Неужели Аксаковъ правъ, говоря въ концѣ эти ужасныя слова: «замолчите, честныя уста».....

Но сколько ни говори, легче не будетъ.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

Аксаковъ конченъ. Завтра ѣду въ Гапсаль къ семьѣ, и по возвращеніи вышлю вамъ его (чрезъ 2 недѣли).

CCXI. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 9-го сентября 1878 года.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Портретъ Аксакова я потому не посылалъ, что только что я воротился изъ Гапсаля, какъ былъ у меня братъ вашъ Сергѣй Михайловичъ, и сказалъ, что вы должны быть надняхъ здѣсь, проѣздомъ въ Парижъ. Я все и ждалъ, чтобы попросить у васъ 500 рублей, во 1-хъ, а во 2-хъ, показать портретъ, но теперь я удержу его до вашего возвращенія.

Что же касается до картины, то она немножко застряла, такъ какъ я все шью костюмы, да разныя вооруженія: кирасы, шлемы, щиты и проч. и проч. и проч. Работалъ немного. Пишу моментально, и какъ попало, чтобы только бросить письмо, авось застану васъ въ Москвѣ еще.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CCXII. В. В. Стасову.

28-го сентября 1878 г. Спб.

Уважаемый Владиміръ Васильевичъ. Первая статья о Верещагинѣ*) мнѣ не особенно понравилась, въ ней есть противорѣчія. Вы говорите, что

---

*) Статьи В. В. Стасова въ «Новомъ Времени» 1878 г., №№ 926 и 928. *Ред.*

къ нему трудно попасть, что вы все готовы были употребить, чтобы видѣть, хотя это противъ вашихъ понятій, а изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что вы съ нимъ такъ хороши, что сохраняли у себя всѣ этюды изъ Индіи. Для лицъ, не знающихъ дѣло, это не убѣдительно. Очевидно, что вы все это говорите такъ себѣ, что будто бы вы притворяетесь. Говорятъ: «Да, Верещагинъ не пускаетъ, но не тѣхъ, кто его можетъ прославить. Французскаго критика прежде всего, а потомъ»... Словомъ, всего не перечтешь, что̀ говорятъ! Нѣтъ надобности, я думаю, прибавлять, что я не раздѣляю это воззрѣніе, я говорю только, что въ 1-й статьѣ есть кое-что, къ чему можно придраться, хотя и въ ней чрезвычайно мѣтко и хорошо разсказано взаимно-глупое положеніе публики и художника, когда мастерскія посѣщаются свободно. Но вторая статья чудесная, горячая, и очень сильная. Я радуюсь, что вы тамъ нашли все то, о чемъ пишете, особенно изъ послѣдней войны, и я вѣрю, что все несомнѣнно такъ, какъ вы написали. Да, Верещагинъ одинъ; я уже давно смекнулъ, что натура его геніальная. Передъ отъѣздомъ на выставку забѣгу къ вамъ.

И. Крамской.

CCXIII. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб., 2-го октября 1878 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Я такъ былъ въ васъ увѣренъ, такъ крѣпко былъ убѣжденъ, что для васъ все дѣло Товарищества если и имѣетъ смыслъ, то только съ своей внутренней стороны, со стороны идеи! И что если есть, для чего въ жизни работать, такъ это только для того смысла, который не оплачивается рублемъ (хотя рубль и имѣетъ значеніе, охъ, какое значеніе! Я ли этого не знаю!? Но потому-то онъ и имѣетъ такое роковое значеніе въ жизни человѣка, что не всѣ его презираютъ, и ставятъ его именно цѣлью, а не наоборотъ; ну, да это вопросъ спорный, на вѣчныя времена, и потому оставимъ). Итакъ, я зналъ, кому пишу, и очень былъ радъ отъ васъ получить отвѣтъ такого рода, что со всѣмъ, о чемъ вы говорите, я совершенно согласенъ. Уравнять повинности сообразно дивиденду, ка̀къ вы думаете, это и есть тѣ перемѣны финансовой стороны этого дѣла, о которыхъ мы писали, это и есть тѣ частности въ идеѣ, которыми общее собраніе займется, когда надо будетъ дать другъ другу обязательства. Но если мы не на шутку дѣлаемъ дѣло, если мы не лицемѣримъ въ томъ, что идея Товарищества есть симпатичная идея, мы должны неизбѣжно идти по той тернистой дорожкѣ, куда насъ толкаютъ обстоятельства и условія самаго дѣла. А именно: мы должны имѣть собственное помѣщеніе. Вы говорите: отчего мы не потребуемъ въ Академіи

мѣста? Да развѣ же вамъ неизвѣстно, и особенно всѣмъ москвичамъ старымъ, что Товарищество изъ Академіи получило бумагу такого содержанія: «чтобы Товарищество впредь не разсчитывало никогда на отдѣльное помѣщеніе въ Академіи!» Неужели этого недостаточно? Товарищество, разумѣется, готово будетъ принять, если ему помѣщеніе сама же Академія предложитъ, но достоинство Товарищества не позволяетъ ему сдѣлать со своей стороны ни одного шагу, благодаря которому будущее было бы наполнено разными компромиссами, и чтобы отъ одной уступки, менѣе значительной, переходить къ другой—болѣе значительной, и такъ до безконечности. Теперь мѣста мало, не стóитъ! Да вѣдь въ этомъ зданіи будетъ ровно вдвое больше мѣста, чѣмъ въ Академіи, или въ школѣ живописи, судите сами *).

Словомъ, зданіе должно быть нѣсколько больше, чѣмъ мы вамъ писали; притомъ свѣтъ сверху, картины по стѣнамъ, внутренность свободна: вѣдь при такихъ условіяхъ можно помѣстить не 100 №№, а 200 и 300!! Замѣтьте, что мы его распишемъ, гдѣ нужно, и внутри, и снаружи, и оно, стоимостью грошъ, будетъ на столько замѣчено Петербургомъ, что репутація Товарищества сразу станетъ настолько солидною, что дастъ доходъ, вмѣсто 3-хъ тысячъ рублей — 6,000. Подумайте, и вы не будете сомнѣваться въ этомъ. Это и для васъ не будетъ мечтою, а возможностью. При томъ, вы всѣ тамъ мало обратили вниманія на то, кàкъ дѣло теперь обставлено: во 1-хъ, если Дума даже откажется, то *** сказалъ Боголюбову: пусть, когда нужно, Крамской придетъ и скажетъ мнѣ, я и переговорю съ головой. Этого пока разглашать не слѣдуетъ—вы знаете почему. А еще Громовъ: онъ даетъ на 10,000 лѣсу, на 8 лѣтъ, безъ %, стало быть фондъ Товарищества будетъ неприкосновененъ. Сомнѣніе въ стоимости тоже не выдерживаетъ критики, вотъ почему. Спросите сто тысячъ подрядчиковъ, за чтò они возьмутся сдѣлать по контракту такое деревянное зданіе? Всѣ скажутъ одно: кубическая сажень деревянной постройки стоитъ отъ 30 рублей до 45, смотря по отдѣлкѣ. Теперь, отдѣлку въ сторону, ея намъ не нужно, мы ограничимся самымъ необходимымъ, а отдѣлку произведемъ сами. Беремъ 35 рублей, 40 кубическихъ саженъ. Считаемъ 300 кубическихъ саженей содержанія, и получаемъ 12,000 р., а такъ какъ зданіе немного болѣе, то отъ 13 до 15 тысячъ рублей совершенно достаточно. Да оно иначе и быть не можетъ. Вѣдь каменная галлерея Третьякова, въ 3 этажа, стоила 20,000 руб., спросите сами. Чтò касается Богомолова **), то онъ только подтвердилъ справки, добытыя

*) Здѣсь набросанъ планъ выставки того года.

**) Архитекторъ И. С. Богомоловъ, которому Товарищество намѣревалось поручить постройку. *Ред.*

инымъ путемъ. Говорятъ: архитектора заманиваютъ. Да кто-жъ такъ будетъ дѣлать?.. Тутъ дѣло ясно: дайте полъ, стѣны и стеклянную крышу— и только. Это строили милліонъ разъ, и всякій десятникъ знаетъ, что 40 рублей кубическая сажень, при обыкновенныхъ требованіяхъ—достаточно заглаза, и всякій подрядчикъ подпишетъ, ни минуты не колеблясь, контрактъ на такую постройку. Этого еще мало. Вотъ уже два года, какъ устройство выставки въ Петербургѣ стоитъ ежегодно по 1,000 р., а прошлая выставка даже больше немного. Когда выставка была въ Академіи, она обходилась Товариществу отъ 300 до 400 рублей; ну, будемъ считать 500 рублей, вѣдь это ровно 500 рублей экономіи ежегодно по самому малому разсчету. Не угодно ли вамъ взглянуть на дѣло съ этой стороны? Тогда построить зданіе даже выгоднѣе, чѣмъ оставаться безъ него. Вотъ было бы худо, еслибы построить было нельзя. А теперь становится ясно, что возможно. И потомъ, что въ этомъ страшнаго? Товарищество банкротъ? Хорошо. Товарищества не существуетъ, зданіе осталось, оно выстроено въ долгъ, ну его и взяли, и дѣлу конецъ, никто ничѣмъ не отвѣчаетъ. А 100 рублей ежегоднаго взноса предполагалось раньше извѣстія отъ Громова; послѣ же этого всѣ разсчеты правленія еще упрощаются, и общему собранію придется только найти наиболѣе равномѣрную и правильную раскладку повинности. Уже больше 10 лѣтъ, какъ я убѣждаюсь, что республика хотя и очень либеральная форма правленія, но только не съ тѣми людьми, которые имѣютъ въ избыткѣ качества благоразумія. Припомните польскіе сеймы: «не позволямъ» одного опрокидывало очень умныя и полезныя предложенія. За это сравненіе вы меня извините. Вѣрьте, что я никого не имѣю въ виду, говоря такъ, и что я совершенно согласенъ, что разъ кто-либо членъ Товарищества, онъ имѣетъ право на все вниманіе и уваженіе, хоть бы онъ былъ и самый слабый и самый послѣдній.

Что̀ касается вашего извиненія за лѣтнее письмо, то я долженъ былъ даже его отыскать, чтобы убѣдиться, есть ли тамъ что-нибудь такое, потому что я совершенно не замѣтилъ тогда ничего, и... признаюсь, не нашелъ ничего и на этотъ разъ. Неужели вы думате, что ваши мысли могутъ быть приняты мною, съ желаніемъ покопаться: «А нѣтъ ли тутъ чего-нибудь, адресованнаго ко мнѣ лично?»—Въ голову не приходило. Я только увидалъ, и тогда и теперь, что кое-что я долженъ былъ бы пояснѣе написать. И только.

Будьте здоровы. Заграницу на 2 недѣли ѣду и т. д. и т. д. Прощайте.

Вашъ И. Крамской.

CCXIV. Къ В. В. Стасову.

Paris, 15-го (27) октября 78 г.

Вы просили написать вамъ о картинѣ Верла̀ *), когда я ее увижу; но, что̀ сказать вамъ о ней теперь, когда у меня такая масса впечатлѣній, мыслей, вопросовъ, выводовъ, и когда въ этой массѣ совершенно нечувствительно прошло впечатлѣніе отъ картины Верла̀! Нельзя сказать, чтобы я не замѣтилъ ее, еслибы и вы не сказали; я увидалъ, конечно, сразу, что въ этой картинѣ много есть того, что̀ теперь становится день ото дня все обязательнѣе для художника, — въ ней много реализма (только не столько въ исполненіи, сколько въ мысляхъ и намѣреніяхъ). Исполненіе же до того грубо и малевано, и такъ мало симпатично, что я почти передъ ней и не останавливался, не смотря на привѣску: «Médaille d'or!»

Меня теперь очень занимаетъ вопросъ: гдѣ зерно настоящаго, серьезнаго искусства? Какая нація стоитъ на здоровой почвѣ? У кого мы, русскіе, должны учиться? Неправда ли, нелѣпые вопросы! Вы скажете: «Какъ, у кого учиться? Да ни у кого! Работайте сами, живите собственнымъ умомъ» и т. д. Но въ томъ-то и дѣло, что собственно намъ (я говорю о современномъ мнѣ поколѣніи) жизнь совершенно испорчена: мы до такой степени забиты, такъ съ нами дурно обращались и обращаются, такъ давно держатъ насъ въ передней, что мы чуть не всѣ начинаемъ и сами принимать себя за лакеевъ. Странное дѣло искусство! Вѣдь вотъ, казалось бы, бери сколько хочешь, наслаждайся, весь свѣтъ снесъ въ одну точку все, что̀ геній человѣчества произвелъ, и какой части человѣчества! Самой образованной и интеллигентной! А между тѣмъ, не наслаждаешься же! Или, лучше сказать, если и наслаждаешься, то совсѣмъ не тѣмъ, что̀ такъ щедро награждено и прославлено. Что̀ это такое? Съ чьей стороны ошибка? Я ли глупъ и завистливъ, и, въ качествѣ непризнаннаго таланта, или, еще лучше, русскаго человѣка, готовъ сказать: «Западъ гніетъ!», или... или и въ самомъ дѣлѣ во всемъ этомъ шумѣ есть колоссальное недоразумѣніе?! «Мудрый Эдипъ — разрѣши?!» Что̀ это такое, какъ не насмѣшка надъ потребностью человѣка въ искусствѣ, этотъ Макартъ, этотъ холстъ, равный площади какого-нибудь германскаго городка**)? Вѣдь знаете что? Вѣдь Семирадскій и умнѣе и добросовѣстнѣе!!! Я говорю это серьезно. Что̀ это такое, всѣ эти колоссальныя картины французскаго отдѣла? Стоитъ

---

*) Бельгійскій художникъ, картину котораго «Варрава» В. В. Стасовъ видѣлъ на всемірной парижской выставкѣ того года. *Ред.*

**) Картина Макарта: «Въѣздъ императора Карла V въ Антверпенъ». *Ред.*

пройти только 1/2 часа и заглянуть въ Луврь, гдѣ есть тѣ же самые сюжеты, трактованные 100 лѣтъ тому назадъ Давидомъ, Эженомъ(?), Грò, Жерикó и другими. Какая тамъ, все-таки, искренность и серьезность, и какое притворство на всемірной выставкѣ! Куда же перемѣстилось истинное чувство? Въ «жанръ»? Иду, смотрю жанръ, и вижу: французы всѣ счастливы, потому что никто не позволяетъ себѣ подымать завѣсу надъ дѣйствительностью. Къ чему? Всѣ мы знаемъ, что не такъ живемъ, не то дѣлаемъ, что говоримъ, не того дѣйствительно желаемъ, о чемъ съ каѳедры такъ краснорѣчиво распинаемся! Испанцы—еще того счастливѣе: тѣ только и дѣлаютъ, что бриллiанты пересыпаютъ. Итальянцы... то же самое! Словомъ, куда ни повернись, вездѣ блескъ, роскошь и веселiе! Даже тѣ немногiе, взятые изъ дѣйствительной и некрасивой жизни сюжеты, какъ будто изъ приличiя, для комплекта, и подъ сурдинкой показываемыя дѣйствительныя событiя жизни, даже и тѣ тàкъ мягко трогаютъ ваши нервы, тàкъ деликатно умалчиваютъ объ извѣстныхъ вещахъ, что я, простой смертный, чувствую себя въ обществѣ, по крайней мѣрѣ, принцевъ крови. Да, вотъ оно, торжество техники! И какое это торжество — сверкающая краска у Мадрацо! Глубина, гармонiя и воздухъ у французовъ и бельгiйцевъ, нахальный рельефъ портретовъ Бонà и Рихтера, никуда негодное чванство и деревянность Ангели, все это торжествуетъ и раскланивается на рукоплесканiя. И во всемъ этомъ гамѣ проходятъ почти незамѣченными мистическiе и глубокiе глаза въ одномъ портретѣ старика — Лембаха; живая милая голова старушки (забылъ художника) въ германскомъ отдѣлѣ (за картиной Гебгарта «Тайная вечеря» около двери налѣво), серьезность отношенiя къ искусству нѣкоторыхъ англичанъ, поразительные пейзажи въ Норвегiи Мундта, Нормана. И, чтò всего удивительнѣе, никто какъ будто и не смотритъ на Матейко, на единственнаго человѣка, у котораго внутри горитъ дѣйствительный огонь, у котораго чувствуешь дѣйствительное убѣжденiе. А между тѣмъ, чтó же такое Матейко? Вѣдь у него есть много условнаго въ композицiи, много академическаго въ живописи, словомъ—это хорошая программа. Но, между тѣмъ, на сколько же головъ онъ выше всѣхъ на выставкѣ — страхъ! Вотъ что дѣлаетъ настоящая вѣра и любовь къ своему дѣлу! — Словомъ, пока, я вижу полное торжество буржуазныхъ вкусовъ въ искусствѣ, и ничего больше. Вижу, что много намъ надобно работать надъ техникой и учиться у иностранцевъ, но въ главныхъ вопросахъ искусства мы безпомощны и предоставлены вполнѣ только своимъ собственнымъ силамъ, окруженные самыми неблагопрiятными условiями. Потому что со всѣхъ сторонъ только и слышишь: «Что, батюшка, каковы испанцы? А? А скульптура итальянцевъ, да и живопись тоже, а? А каковъ Мункачи, а? А каковы портреты Макарта, а? То-то же!..»—Рѣчь

такъ и слышится мнѣ знакомая: «Вотъ какъ вы должны бы были научиться писать, прежде чѣмъ являться на выставку!!!».

О русскомъ отдѣлѣ я ничего не скажу, по весьма понятной причинѣ, и кромѣ того еще и потому, что я послѣ всего буду смотрѣть свое, родное. До сихъ поръ я еще не все видѣлъ, а то, что видѣлъ, не успѣлъ переварить и разобраться, и потому то, что я написалъ вамъ, окажется, быть можетъ, ошибочнымъ. Но оно совершенно вѣрно выражаетъ мое состояніе. При свиданіи, скажу болѣе обстоятельно, и буду вести себя благоразумнѣе. Послѣ-завтра буду у Верещагина, чтобы отдохнуть головою и сердцемъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

Не могу не сказать: «Молодцы французы устраивать праздники». Это я говорю обо всей выставкѣ.

CCXV. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 14-го ноября 1878 года.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Начну съ того, что простите меня за рядъ невѣжливостей, или лучше за безалаберность: 1-я, получилъ деньги и молчу, 2-я, послалъ портретъ и молчу, 3-я, положилъ туда чужую вещь, и не даю объясненія вотъ уже который день, 4-я, не отвѣчаю и не пишу ничего о выставкѣ, куда уже съѣздилъ и давно воротился. Но... думаю, что вы догадываетесь о причинахъ, хотя и знаю, что догадываться вамъ нѣтъ никакого повода и основанія. У насъ давно назначено общее собраніе, на 12-е число ноября, и потому, мы, съ кассиромъ нашимъ, П. А. Брюлловымъ, поработали, а потомъ, за недѣлю до собранія, правленіе выработывало докладъ о постройкѣ собственнаго павильона. Ну, и выработало. Собраніе было въ воскресенье, въ ночь на понедѣльникъ нужно было составить протоколъ, въ которомъ были бы правильно изложены пренія, рѣшеніе и обязательства, потому что москвичи въ понедѣльникъ должны были подписать, а нѣкоторые и уѣхать, и потому вотъ только во вторникъ я могу сдѣлать то, что хотѣлъ и долженъ. Вотъ какъ длинно вышло вступленіе, совершенно, быть можетъ, ненужное.

«Весьма нужную» записку Рѣпину передалъ вчера. Сначала о портретѣ. Когда я воротился изъ заграницы, я самъ увидалъ, до какой степени было желто лицо, и потому я вспомнилъ ваше замѣчаніе, и рѣшился немедленно тронуть. Вы мнѣ напишете, хуже ли отъ этого, или лучше, или все равно? Потомъ, передъ самой отправкой я протеръ масломъ фонъ и написалъ палку, а чтобы не попало ничего на сырое масло на фонѣ, я его, портретъ, закуталъ. Хорошо ли дошелъ? Кромѣ того, положилъ туда же «Созерцателя», чтобы не посылать его въ другомъ ящикѣ, въ чемъ прошу

меня простить, такъ какъ это вамъ, быть можетъ, не будетъ пріятно, когда къ вамъ за нимъ явятся (объ этомъ я уже написалъ Терещенко). Точно у васъ складочное мѣсто! За деньги Сергѣю Михайловичу и вамъ великая благодарность (охъ, что-то плохо дѣло пошло — впередъ забираю!) Объ Салтыковѣ ежеминутно помню, и думаю, и... впрочемъ, я такъ много обѣщался, что на этотъ разъ уже и совѣстно, но помню! Теперь позвольте перейти къ выставкѣ... Рѣпинъ и Куинджи пришли и помѣшали.

15-го ноября.

На всемірной выставкѣ я долженъ былъ быть, и очень радъ, что былъ. Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ англичанахъ (современныхъ), очень мало объ испанцахъ, неполное — объ итальянцахъ и такое же о народахъ, населяющихъ такъ называемую Австрію. Стало быть, многое и очень многое я не видалъ, а если прибавить къ этому, что я не былъ въ Вѣнѣ на выставкѣ въ 73 году, то резоновъ наберется достаточно. Начать съ того, что судить обо всѣхъ съ точки зрѣнія какой-нибудь доктрины, быть можетъ, будетъ неправильно, хотя я, въ качествѣ русскаго человѣка, не могу смотрѣть иначе. Многаго я просто не пойму, и если умомъ я буду въ состояніи оцѣнить ту или другую сторону искусства, то сердечно стать не могу ни на чью сторону—кромѣ Россіи. И потому начну съ нея.

Полагаю, что еслибы сдѣлать иной выборъ, а не тотъ, который сдѣланъ, и разстановить иначе, то русское искусство сдѣлало бы самое сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Но, конечно, я это разсуждаю какъ русскій! Напримѣръ: что̀ за счастливый народъ испанцы! Сто̀итъ только хотя мелькомъ взглянуть, чтобы не сомнѣваться въ этомъ. Даже нѣмцы, и тѣ дѣлаются счастливыми, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось. Что я называю счастливыми? Я разумѣю тотъ ядъ индифферентизма къ изображаемымъ предметамъ, который вездѣ (за малымъ исключеніемъ въ Англіи) господствуетъ въ европейскомъ искусствѣ. Я говорю вообще, а объ исключеніяхъ сейчасъ упомяну. Первое и самое крупное исключеніе—Матейко. Вотъ человѣкъ, который, вы чувствуете, не шутитъ искусствомъ, но онъ же и послѣдній. Нѣтъ другого такого же серьезнаго ума и сердца—я не говорю таланта, потому что таковыхъ видимо-невидимо, но всѣ они продали себя за чечевичную похлебку. Кромѣ его укажу и на Мункачи. Его «Мильтонъ» — вещь чарующая, хотя идея картины довольно безразличная. Говорить ли о Прадилла? О его «Сумасшедшей королевѣ», которая возитъ своего мужа въ гробу? Картина дѣлаетъ впечатлѣніе, но, къ сожалѣнію, только, или, лучше, главнымъ образомъ—своимъ сюжетомъ. Теперь, если прибавить Кнауса и Вотье́, да двѣ, три вещи, разбросанныя во французскомъ отдѣлѣ, то вотъ почти всѣ исключенія. Остаются англичане, очень серьезный народъ, у которыхъ много мысли, но они, въ большин-

ствѣ случаевъ, такъ грубо пишутъ, какъ напримѣръ Геркомеръ (его «Въ послѣднемъ засѣданіи»), что не знаю, кàкъ къ этому и отнестись. Давно я уже замѣтилъ, что новѣйшая живопись приближается къ декораціи, но нигдѣ этого такъ ясно нельзя замѣтить, какъ на такомъ громадномъ ристалищѣ. Такой строгій приговоръ, какъ видите, совершенно подъ-стать русскому человѣку, но я скажу въ оправданіе, что я говорю это со стороны принципіальной. Если же оставить эти тонкости, то придется сознаться, что много, даже слишкомъ много, есть вещей высокаго исполненія. Что, напримѣръ, можетъ быть лучше (въ извѣстномъ родѣ) Альмы Тадемы? У кого такъ много ума и образованности? Или кто такъ вѣрно, тонко и окончательно пишетъ «жанръ», какъ Фирменъ-Жераръ, въ его «Свадебной процессіи», идущей изъ церкви, по аллеѣ, усыпанной осенней листвой? Эта вещь, я готовъ сказать, совершенство въ своемъ родѣ. Или, у кого, когда-нибудь, такъ сверкали краски, какъ у Мадрацо? Но за то какая же чепуха, по моему, Макартъ! Или, совершенный дуракъ Бонà, въ его послѣднихъ произведеніяхъ!.. Впрочемъ, вы уже знаете мою личную антипатію къ этому господину, и потому, вѣроятно, я несправедливъ. По моему, лучше уже Каролюсъ Дюранъ, хотя тоже... Гораздо лучше ихъ Жакмаръ, m-me или m-lle, не знаю. Хорошъ также Бастьенъ Лепажъ. Но лучше ихъ обоихъ, по моему, нѣмецъ Лембахъ, въ его портретѣ «Делингера». Тамъ есть его же еще 3 портрета, и они мнѣ вовсе не нравятся, а этотъ старикъ, имѣющій такой умный, глубокій и нѣсколько холодный взглядъ — замѣчателенъ; эти глаза меня преслѣдуютъ до сихъ поръ. Господина Рихтера съ его сладкими тонами и безсовѣстнымъ рельефомъ я совсѣмъ не переношу, онъ мнѣ противенъ. Не симпатиченъ тоже мнѣ и Ангели, хоть у него есть одинъ хорошій портретъ, какого-то, должно быть, венгерца, съ этакими усищами, почти фасомъ. За то г. Биконсфильдъ ниже всякой критики. Вы видите—я лечу на почтовыхъ, а вѣдь этакъ нельзя, и это я знаю; тѣмъ болѣе, что очень внимательно смотрѣлъ, и чуть не каждую картину помню. Оносительно пейзажей, я долженъ сказать, что лучшіе пейзажи—у норвежцевъ. Мундтъ и Норманъ, по моему, безподобны. Потомъ есть еще маленькій брилліантикъ у американцевъ — знаете: тихая вода, и горы горятъ въ солнцѣ, далеко, далеко. Чудесно! Скульптура — хочешь, или не хочешь, а у итальянцевъ лучшая. Монтеверде, «Оспопрививатель»—вещь серьезная, хотя и немножечко слащавая. Потомъ два бюста изъ терракотты: «Негръ» и «Негритянка». Кромѣ того, два мальчишки англичанина, продающіе газеты—очень выразительно! Смѣло и недурно также: «Паразиты». Да всего не перечтешь. Позвольте отдохнуть до слѣдующаго раза. Лучше вы что-нибудь спросите.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CCXVI. Къ Е. М. Бёмъ.

24-го ноября 1878.

Критиковать гораздо легче, чѣмъ дѣлать самому. Я сдѣлалъ нѣсколько набросковъ *), и убѣдился, что никакой эксцентричности не нужно. Та рука, которая къ фигурѣ пририсована, т. е. вашъ мотивъ, вѣроятно, лучше другихъ, а потому нужно ея держаться. Комизма въ самой фигурѣ достаточно. Уважающій васъ И. Крамской.

CCXVII. Къ А. К. Шеллеру.

16-го декабря 1878 г.

Милостивый государь Александръ Константиновичъ. Посылаю вамъ рисунокъ мой: портретъ Ѳ. А. Васильева для журнала «Живописное Обозрѣніе». Стоимость его 50 р. Будьте такъ любезны, напишите слово о полученіи.

Примите увѣреніе моего къ вамъ уваженія. И. Крамской.

CCXVIII. Къ П. М. Третьякову.

11-го января 1879 г., Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Примите мою признательность за ваше деликатное отношеніе къ моимъ нуждамъ; но я еще дышу, и потому утруждать не буду, кое-какъ просуществую до выставки. Деньги всегда нужны, особенно въ томъ положеніи, въ которое я самъ себя поставилъ, но ужъ тутъ никто и не виноватъ. Я взрослый человѣкъ, и долженъ понимать, что дѣлаю. Кромѣ того, я уже и такъ чуть не кругомъ въ долгу у васъ. Если не ошибаюсь, 2,100 рублей долгу чистаго, стало быть откуда же я возьму еще храбрости забираться еще въ большій долгъ? Пока не будетъ очищенъ этотъ, мнѣ страшно идти дальше; да, наконецъ, я, какъ сказалъ уже, еще могу дышать, и потому прошу васъ не думать объ этомъ. А что я вамъ благодаренъ за заботу, такъ и говорить нечего.

Вообразите, какъ сплетаются обстоятельства. Рядомъ съ тѣмъ, что я пишу, сейчасъ же противорѣчіе, которое, надѣюсь, вы не примете иначе, какъ оно есть. Помните, я вамъ разсказывалъ о г. Павловѣ, принявшемъ портретъ Софіи Николаевны за портретъ Лавровской? Сей самый Павловъ

*) Крамской говоритъ про фигуру Тришки въ иллюстрированной г-жею Бёмъ баснѣ Крылова: «Тришкинъ кафтанъ». *Ред.*

сегодня былъ опять у меня, чтобы увидать портретъ Лавровской, и спрашиваетъ, по заказу ли я его пишу? Я сказалъ: «Нѣтъ, я самъ хотѣлъ».—«А еслибы я пожелалъ его у васъ пріобрѣсти, то что̀ онъ стоитъ?» Я говорю: «Когда будетъ конченъ, то, вѣроятно, не менѣе 2,000 рублей».—«Хорошо, я такъ и думалъ». Я, видя, что онъ является покупателемъ, отклонилъ заключеніе условія до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ конченъ, и прибавилъ, что, можетъ быть, онъ будетъ пріобщенъ къ коллекціи портретовъ нашихъ замѣчательныхъ людей и тогда я предпочту его помѣстить туда. На этомъ остановилось. Ка̀къ вы думаете? Но позвольте мнѣ сказать впередъ, какъ я думаю. Я думаю, что вы хорошо бы сдѣлали (хоть вы ни слова не обронили о томъ, что вы его желаете имѣть), еслибы предоставили его въ мое полное распоряженіе, потому что... ну, да словомъ, потому что вы и такъ много у меня брали.

Макса не видалъ все еще *), собираюсь со дня на день; не знаю—попаду ли, время дорого, а если и не попаду, то слишкомъ сокрушаться не буду, хотя видѣть все-таки необходимо. Объ антрепренерѣ я кое-что слышалъ, и что дѣло его идетъ прекрасно, благодаря 4-мъ глазамъ — и это знаю; и все-таки не завидую, въ порядкѣ вещей. Одно жаль, нѣтъ человѣка, достаточно храбраго, чтобы разъяснить публикѣ, въ чемъ тутъ дѣло А можетъ быть — этого и не нужно. Публика такая овца, что шерсти на всѣхъ хватитъ. Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CCXIX. Къ нему же.

19-го января 1879 г., Спб.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Если откровенно поставить вопросъ (а я уже привыкъ говорить вамъ вполнѣ откровенно), то вотъ что руководило мною, при написаніи вамъ письма о портретѣ Лавровской и г. Павловѣ, который былъ такъ безподобенъ, принявъ портретъ Софьи Николаевны за Лавровскую. Если, положимъ, портретъ останется у васъ, то я не могу поставить такую цѣну, какую мнѣ заплатитъ г. Павловъ, или тамъ кто бы ни былъ, а мнѣ это было бы недурно. Отъ васъ не скроются (я въ этомъ увѣренъ) настоящіе мотивы, руководившіе мною, даже въ томъ случаѣ, еслибы я вамъ и не сказалъ того, что̀ сейчасъ сказалъ. Самая непривлекательная сторона въ этомъ обстоятельствѣ та, что я какъ бы косвенно желаю вамъ сказать, сколько я желалъ бы взять. И этого ничѣмъ

*) Говорится о выставленной, въ то время, въ Петербургѣ, «Головѣ Христа», нѣмецкаго художника Макса. Объ этой картинѣ, напечаталъ Крамской статью въ «Новомъ Времени», 1879, № 1052, подъ заглавіемъ: «За отсутствіемъ критики». *Ред.*

не замажешь, а между тѣмъ это не тàкъ во всякомъ случаѣ: то есть и теперь, и въ первую минуту (когда я вамъ написалъ), я дѣйствительно думалъ, что если портретъ Лавровской вы пожелали бы взять, и еслибы не случилось г. Павлова, то цѣну за портретъ я бы не назначилъ ту, за которую я его продамъ другому. Какъ видите, я точно такъ же, какъ и всѣ смертные, не прочь поживиться, когда представится случай. Красиво это или нѣтъ, я не разсуждаю даже, а высказываю, чтó думаю. Пусть будетъ такъ, кáкъ вы желаете: оставимъ объ этомъ вопросъ, до окончанія портрета. Но кàкъ бы я его ни кончилъ, хотя бы это вышло чудо искусства, намѣренія мои отъ того не измѣнятся. Я только думалъ, что этотъ портретъ не имѣетъ такого значенія, какъ другіе, то есть необходимые. Мнѣ иногда дѣлается просто совѣстно за себя и всѣхъ художниковъ, когда человѣкъ тратитъ, тратитъ, тратитъ, и за что подумаешь? Объ этомъ мы съ Софьей Николаевной не разъ говорили, и она высказываетъ ту мысль, что говоритъ: «Мнѣ кажется, что Павелъ Михайловичъ покупаетъ просто изъ чувства сострадания».

Приходило ли вамъ когда-нибудь на мысль, что кàкъ было бы хорошо, еслибы люди не выкладывали всего наружу, что у нихъ находится въ глубинѣ души? Что, смотря по человѣку—откровенность оставляетъ неизгладимое чувство горечи, и воздвигаетъ такія непроницаемыя стѣны, что всякое сообщеніе человѣческое становится немыслимо и что гораздо лучше иностранцы, у которыхъ даже братья, даже отецъ съ сыномъ—на благородной дистанціи. Не научила ли ихъ исторія, не имѣли ли и они въ началѣ тѣхъ же качествъ, какъ мы, русскіе, достаточно еще дикіе? Впрочемъ, вы все чудесно разсудите сами, о томъ, что я такъ пространно желалъ сказать, и все-таки выразилъ темно.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCXX. Къ И. Е. Рѣпину.

29-го января 1879 года.

Дорогой Илья Ефимовичъ. Посылаю вамъ рисунокъ, о которомъ вы меня просили, для какого-то изданія, предпринимаемаго Мамонтовымъ *), и прошу васъ распорядиться слѣдующимъ образомъ: такъ какъ (вѣроятно) рисунокъ этотъ будетъ не нуженъ по минованіи въ немъ надобности, то-есть, по выходѣ въ свѣтъ изданія, то пришлите мнѣ тогда его обратно.

---

*) Рисунокъ представляетъ даму съ дѣтьми, потерявшую на войнѣ близкаго имъ человѣка, и глядящую черезъ окно на торжественное вступленіе русскихъ войскъ въ Петербургъ, у Тріумфальной арки, сооруженной на Большой Морской. *Ред.*

Я думаю, что вамъ не будетъ стоить это особыхъ хлопотъ. Я очень бы желалъ быть исправнымъ, но именно около этого времени я былъ такъ занятъ, что рѣшительно не имѣлъ возможности исполнить данное вамъ обѣщаніе; да кромѣ того выставка на носу, и по этому случаю тоже хлопотъ не мало. Выставка, во всякомъ случаѣ, имѣетъ пристанище въ Академіи наукъ, но мы сочли нужнымъ пожаловаться публикѣ, какъ вы увидите въ № 1049, 29 января, въ «Новомъ Времени».

Глубоко преданный и уважающій васъ. И. Крамской.

CCXXI. Къ нему же.

3-го февраля 1879 года.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Ради Бога извините меня, дорогой мой, за недоразумѣніе. Я думалъ, что рисунокъ нуженъ только для помѣщенія его въ изданіи; а такъ какъ вамъ я обѣщалъ сдѣлать, то и болѣлъ, что не успѣлъ къ сроку. Если онъ ужъ такъ понравился, какъ вы пишете, то и съ Богомъ, пусть его поступаетъ, куда вы желаете. Ни о какихъ особыхъ условіяхъ я знать не желаю, и будетъ обидно, если меня захотятъ выдѣлить изъ числа товарищей.

Я буду радъ, если альбомъ будетъ имѣть успѣхъ и значеніе хоть какое-нибудь, а все прочее пустяки.

А вотъ что, не найдете ли вы тамъ умѣстнымъ и не согласится ли Мамонтовъ на то, чтобы на нашей выставкѣ поставить весь альбомъ въ оригиналахъ? А? Какъ вы думаете? Я предлагаю эту идею на ваше личное обсужденіе; никому ее еще не излагалъ здѣсь. Вы знаете альбомъ, я его не знаю—и потому вамъ лучше всего рѣшить этотъ вопросъ.

Я прихворнулъ опять. Свалился недѣлю тому назадъ, и не знаю, что будетъ. Въ понедѣльникъ меня будутъ осматривать два доктора: Боткинъ и Леманъ. Впрочемъ, я хожу. Хлопотать о выставкѣ, вѣроятно, мнѣ не придется, а этимъ займутся Брюлловъ и Клодтъ. Вѣроятнѣе всего выставку сдѣлаемъ въ Академіи наукъ, она въ нашемъ распоряженіи. Когда картины вышлете, то немедленно напишите.

Уважающій васъ, глубоко преданный И. Крамской.

Вѣрѣ Алексѣевнѣ мой глубокій поклонъ и утѣшьте ее, если возможно, сказавъ, что ничего подобнаго не было: это я все выдумалъ самъ. Городъ только ликовалъ и радовался*).

---

*) Относится къ рисунку Крамского для альбома. *Ред.*

CCXXII. Къ П. М. Третьякову.

5-го февраля 1879 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Посылаю вамъ удостовѣреніе отъ двухъ лицъ въ томъ, что графъ Левъ Николаевичъ Толстой позволяетъ снять фотографію съ своего портрета. Вмѣстѣ съ тѣмъ, передаю просьбу Суворина и Стасова вмѣстѣ взять на себя трудъ велѣть снять фотографію кому-нибудь въ Москвѣ, на счетъ, разумѣется, Суворина, который вамъ, впрочемъ, и самъ напишетъ объ этомъ.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CCXXIII. Къ И. Е. Рѣпину.

14-го февраля 1879 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Пишу вамъ два слова подъ первымъ впечатлѣніемъ отъ вашей картины «Царевна Софія».

Я очень былъ тронутъ вашей картиной. Послѣ «Бурлаковъ», это наиболѣе значительное произведеніе. Даже больше — я думаю, что эта картина еще лучше.

Софія производитъ впечатлѣніе запертой въ желѣзную клѣтку тигрицы, что́ совершенно отвѣчаетъ исторіи.

Браво, спасибо вамъ! Выставка будетъ значительная. Ваша вещь гдѣ хотите была бы первою, а у насъ и подавно! Вы хорошо утерли носъ всякимъ паршивикамъ. Жаль только, что ваша вещь одна, неужели не было какого-нибудь портрета? Впрочемъ, оно можетъ быть и хорошо: давать публикѣ хотя немного, но солидное. Еще разъ спасибо вамъ!

Васнецовъ, кажется, поправляется немного. По крайней мѣрѣ, присланное недурно; очень жаль, что въ головѣ портрета его тѣневая щека ближе свѣтовой. Вашъ И. Крамской.

Константинъ Маковскій ставитъ у насъ нѣсколько вещей; Харламовъ тоже, и... Леманъ! И я долженъ сказать, что на мой взглядъ Леманъ сдѣлалъ огромные успѣхи. Эта вещь положительно лучше Харламова, по моему. Выставка весьма солидная.

Что касается нашей постройки *), то она идетъ. Просьба наша принята весьма сочувственно городскимъ головою, а также и управой; въ

---

*) Домъ для передвижныхъ выставокъ, предполагавшійся въ Адмиралтейскомъ саду. *Ред.*

концѣ апрѣля будетъ вопросъ рѣшенъ общимъ собраніемъ Думы. Академія дѣйствительно что-то затѣваетъ, и мы уже нажаловались кому слѣдуетъ въ Думѣ. Но это пока вилами писано.

Картины Полѣнова были очень дурно уложены. Одну изъ нихъ «Лѣто» прорвалъ гвоздь, она оборвалась, и на небѣ дыра въ палецъ. Я принялъ мѣры, чтобы поправить; разумѣется, ничего не будетъ замѣтно, но помалчивайте. Мы вскрыли ящикъ втроемъ: я, Литовченко и Беггровъ, видѣлъ и Шишкинъ.

CCXXIV. Къ нему же.

(февраль 1879 г.)

Дорогой Илья Ефимовичъ. «Еще есть порохъ въ пороховницахъ! Еще не изсякла казацкая сила!» Смѣю васъ увѣрить. Конечно, теперь центръ тяжести передвинулся сравнительно съ тѣмъ, что было 5—6 лѣтъ тому назадъ. Тогда надежды были на Гè, Перова, Мясоѣдова и другихъ, а теперь гдѣ онѣ? Ну что-жъ—слава Богу, что такъ! Именно спросишь другъ у друга: «А есть ли еще порохъ въ пороховницахъ?» И хорошо, что такіе вопросы раздаются! Спасибо вамъ за него, это былъ хорошій вопросъ! Коли такіе вопросы существуютъ—значитъ еще казацкая сила цѣла. Выставка позамѣшкалась вотъ отчего: очищали залъ, да и Куинджи еще не можетъ ставить, а слишкомъ необходимо его имѣть—ужъ очень хорошія штуки. Просто, я вамъ доложу, духъ радуется за выставку. На 6-й недѣлѣ будетъ выставка въ Москвѣ непремѣнно; а въ Петербургѣ мы попробуемъ трезвонить во всѣ колокола, чтобы поскорѣе шли—продержимъ не долго, а хорошаго много! Торопитесь, господа!! У насъ теперь на выставкѣ много иностраннаго элемента: Харламова, Лемана, Боголюбова, Беггрова и проч. и проч. и проч. Но Боже! какой Харламовъ!! Онъ написалъ, видите ли, сюжетъ: итальянки маленькія чѣмъ-то забавляются. Ну... и... Очень хорошо написано, прекрасно, даже тазъ мѣдный есть (такъ, ни къ селу ни къ городу)—а все таки.....

В. Е. Маковскій прислалъ своего «Осужденнаго» и порадовалъ. Хорошая вещь, даже я думаю—очень хорошая, только можно ли такъ портить, какъ онъ! Голова осужденнаго противорѣчитъ перспективѣ, она—внизъ, такъ, кàкъ будто зритель ему въ маковку смотритъ. А между тѣмъ и выраженія много, и типъ. Ну, да ничего, хорошо. А кто это, позвольте спросить, такой умный, что будетъ сожалѣть, если вы будете имѣть успѣхъ съ «Софьей?» Скажите, если не секретъ. И. Крамской.

CCXXV. Къ нему же.

25-го февраля 1879 г.

Дорогой Илья Ефимовичъ. Еслибы вы знали, ка̀къ мнѣ давно хочется написать вамъ, и подробно и обстоятельно, но я вамъ говорю, я совсѣмъ голову потерялъ, та̀къ много работы и некогда было.

Москвичи совсѣмъ правы, написавъ письмо коллективное — это было необходимо, каждый изъ насъ, я увѣренъ, почувствовалъ стыдъ. Положимъ, отъ этого вамъ, москвичамъ, не многимъ легче, даже зло нѐ на комъ сорвать; а сознаніе нами вины не можетъ пополнить того матеріальнаго ущерба, который будетъ нанесенъ (если впрочемъ онъ будетъ!). Такъ или иначе, а выставка еще и до сихъ поръ не вся, еще нѣтъ 10 №№, и между ними значительныхъ. Ну, да все равно, тό что̀ есть, такъ загремѣло, произвело такое впечатлѣніе, что я убѣжденъ, послѣ этой выставки, ни Академіи, ни кому слѣдуетъ — не поздоровится. Тамъ, въ Академіи, все было употреблено на то, чтобы насъ убить, если не собственными средставами, которыхъ, разумѣется, недостаточно, то хотя бы съ помощью иностранцевъ, имѣя во главѣ Макарта, и... что̀ же вы думаете, что̀ говорятъ посѣтители: «Не знаешь, куда попалъ, въ магазинъ ли, на иностранную ли выставку, или куда-нибудь еще, только не на русскую художественную выставку». Теперь они, то есть, тамъ въ Академіи, сами сознаются, что они перехватили, ходятъ по нашей выставкѣ, и недоумѣваютъ,—потому что выставка въ самомъ дѣлѣ громовая. Сегодня, наконецъ, поставилъ Куинджи, и... всѣ просто ахнули! То есть, я вамъ говорю, выставка блистательная. Это чортъ знаетъ что̀ такое, еще въ первый разъ я радуюсь, радуюсь всѣми нервами своего существа. Вотъ она настоящая-то, то есть, такая, какая она можетъ быть, если мы захотимъ.

Скажите Васнецову, что онъ молодецъ за «Преферансъ». Не знаю, общій ли тонъ выставки такъ вліяетъ, или въ самомъ дѣлѣ выставка далеко за уровень, только я хожу и любуюсь.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я пишу и Васнецову, гдѣ ему пишу о самовольномъ поступкѣ съ моей стороны: я не поставилъ его «Головку», то-есть, даже никому и не показывалъ. Она ему могла бы повредить. Казните меня, дѣлайте со мной, что хотите, но я не могъ иначе поступить. Лобъ, глаза и носъ очень хорошо, но остальное — ниже возможнаго. Не знаю, что̀ мнѣ за это будетъ, но пусть будетъ, что будетъ. Что́ же касается точнаго срока, то вѣдь мы же положили его, занесли въ протоколъ, подписали его, и все-таки... словомъ, это равносильно желанію поднять самого себя за волосы.

Полѣновъ — молодецъ, а объ Маковскомъ (Влад.) и говорить не слѣдуетъ, — передъ его картиною *) плачутъ, передъ вашей приходятъ въ ужасъ. Вашъ И. Крамской.

CCXXVI. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 1-го марта 1879 года.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Какъ вы сказали, такъ и хорошо: разумѣется, я буду согласенъ признать С. М. точно такъ же, какъ и вы, не совсѣмъ публикой. Это вопросъ рѣшенный; но когда поставлю? Вопросъ такъ просто не разрѣшается. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, я ни минуты не имѣлъ времени, постоянно устраивалъ, передвигалъ, развѣшивалъ, и до сихъ поръ еще не вполнѣ организовалъ. Къ тому же, сынъ мой Ваня цѣлую недѣлю уже при смерти, и до сихъ поръ еще между страхомъ и надеждою. Судите сами: достаточно ли я наказанъ? Полагаю, что если и есть кое-что, за что бы меня слѣдовало упрятать куда-нибудь, то я получилъ и достаточное вознагражденіе. Словомъ, дѣла изъ рукъ вонъ плохи. Что касается серьезности нашего Товарищества, равнаго серьезности «лежачаго камня», то мнѣ остается только удивляться, почему именно въ тѣхъ №№ газетъ, которые попадаютъ въ Москву, отсутствуютъ наши объявленія? Объявленія во всѣхъ газетахъ (8-ми русскихъ, и 2-хъ—французской и нѣмецкой) были кряду три дня до открытія, и даже на первой страницѣ, потомъ 2 раза. Товарищество помѣстило уже сообщенія также во всѣхъ газетахъ, въ отдѣлѣ «Хроники». По открытіи выставки, Товарищество разослало опять новое объявленіе во всѣ газеты на весь мѣсяцъ впередъ. За сообщеніе, въ отдѣлѣ «Хроники» (которыя и были помѣщены редакціями), мы ничего не платили, за объявленія же передъ открытіемъ и за объявленія настоящія Товарищество заплатило уже. Кромѣ того, надняхъ будетъ разослано новое оплаченное объявленіе, съ перечисленіемъ картинъ и именъ авторовъ. Публика идетъ въ достаточномъ количествѣ, впечатлѣніе выставка производитъ внушительное, гулъ о качествѣ произведеній идетъ тоже довольно громкій, и почему въ Москвѣ нѣтъ о томъ никакого признака—я не понимаю и удивляюсь. Вѣроятно, нужно на объявленія, чтобъ они были замѣчены всѣми, истрачивать нѣсколько тысячъ, и печатать въ одной газетѣ, и въ одномъ и томъ же №, на всѣхъ страницахъ: и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ, да еще и приложить къ тѣмъ же №№ афиши? Но ужъ на такой расходъ не хватитъ нашихъ средствъ. Мы дѣлаемъ что можемъ; или же (я согласенъ) мы не умѣемъ это сдѣлать: по-

*) «Осужденный».

слѣднее вѣроятнѣе. Куинджи картины поставилъ, и не попортилъ, хотя и не улучшилъ. Публика привѣтствуетъ ихъ восторженно, художники же (то есть пейзажисты) въ первый моментъ оторопѣли (они не приготовились), долго стояли съ раскрытыми челюстями, и только теперь начинаютъ собираться съ духомъ и, то яростно, то изъ подтишка пускаютъ разные слухи и мнѣнія; многіе доходятъ до высокаго комизма въ отрицаніи его картинъ. Ну что-жъ, на здоровье! Вообще, выставка громовая, и, по моему, лучшая изъ всѣхъ, дѣйствительно. Академіи же не помогаетъ даже и Макартъ.

Къ чему намъ иностранцы? И разные мазурики? Это вопросъ сложный. Чтобъ отвѣтить кратко, я скажу такъ: мы бойцы. Насъ не много, правда, то есть, настоящихъ, но мы не желаемъ, чтобы тѣ, о комъ вы говорите, были бы противъ насъ. То обстоятельство, что Леманъ, Харламовъ и Маковскій пришли къ намъ, произвело очень сильное впечатлѣніе, даже на такіе крѣпкіе лбы, какъ * и **. И. Крамской.

CCXXVII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 12-го марта 1879 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. На меня несчастье за несчастьемъ. Только что умеръ бѣдный мальчикъ, только что его похоронили, какъ на другой день захворала скарлатиной Соня. Быть можетъ, это и было причиной, что Софья Николаевна не совсѣмъ теперь сумасшедшая; съ ужасомъ думаю, что̀ будетъ, если...... Но быть можетъ минуетъ пущая бѣда. И за что̀ это? По всѣмъ этимъ причинамъ я не дотрогивался (почти) до картины «Старые тополи», и, очевидно, ея не будетъ здѣсь на выставкѣ, а уже въ Москвѣ.

Теперь, вы два раза спрашивали, не нужно ли мнѣ денегъ; и я два раза полагалъ, что могу миновать это, но теперь я просилъ бы: ... *) возьметъ теперешнюю картину за 2,500 рублей, то было бы не худо для меня сдѣлать слѣдующую комбинацію: выслать мнѣ 2,000 теперь — а вы получите отъ С. М. въ то время, когда картина будетъ въ Москвѣ.

Если ничего на меня не свалится въ ближайшемъ будущемъ, то я хотѣлъ бы пріѣхать въ Москву, во время выставки, чтобы по̀править портретъ Вѣры Николаевны, такъ на недѣльку, пока.

Уважающій васъ И. Крамской.

Слышали? Государь былъ! А вѣдь мы и не думали. Да-съ, оно, того, пріятно......

---

*) Въ оригиналѣ вырванъ кусокъ бумаги. *Ред.*

CCXXVIII. Къ нему же.

18-го марта 1879 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Переводъ на 2,000 рублей получилъ. Портретъ Черкасскаго началъ. Самарина для брата его кончаю. Ничего не пишу больше, потому что очень занятъ. Тысячу благодарностей...... Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CCXXIX. Къ нему же.

31-го марта 1879 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Корпусъ въ портретѣ Самарина я сдѣлалъ при братѣ его (третьемъ), который былъ у меня двѣ недѣли (или около того), здѣсь въ Петербургѣ. Этотъ, третій Самаринъ, только тогда успокоился, когда я сдѣлалъ такъ, ка̀къ вы видите. Чтобы не ошибиться безъ натуры, я взялъ Тулиновскую фотографію и скопировалъ, а въ вашемъ экземплярѣ, корпусъ не сдѣлалъ меньше противъ того, ка̀къ онъ былъ, и только съ рукава убрана часть складокъ — ихъ было слишкомъ много.

Вмѣстѣ съ телеграммой къ вамъ, я телеграфировалъ и Дмитрію Ѳедоровичу Самарину о томъ, когда и гдѣ будетъ его портретъ. Я ему писалъ раньше (4 дня назадъ), что портретъ готовъ и высылаю его къ нему, а въ моментъ отправки я его увѣдомилъ, что портретъ будетъ тамъ-то, къ вамъ же телеграфировалъ на тотъ случай, чтобы вы знали, еслибы Самаринъ прислалъ за портретомъ раньше полученія вами ящика; но, какъ видно, ни письма, ни телеграммы моей онъ не получилъ. Адресовалъ же я по имѣющемуся у меня на его карточкѣ адресу: Поварская, собственный домъ, Дмитрію Ѳедоровичу Самарину. Вѣрно-ли?

Портретъ Васильчикова я знаю, что хорошъ, но я недоволенъ самой фактурой. Надо писать жирно, широко, и въ то же время тонко окончательно, а здѣсь жиденько красочка лежитъ, хотя хорошая краска, и лѣпка есть. Ну, да словомъ, это все пустяки. Хорошо, и слава Богу!

Уважающій васъ И. Крамской.

CCXXX. Къ нему же.

6-го апрѣля 1879 г., Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я былъ убѣжденъ, что вамъ извѣстно, почему портретъ Салтыкова не пріѣхалъ, такъ какъ я очень

обстоятельно написалъ на бумажкѣ, приклеенной въ пустой рамѣ, что онъ прiѣдетъ вмѣстѣ съ Полѣновой картиной «Лѣто», которую реставрируютъ, а портретъ Салтыкова повторяется для него самого. Что̀ же касается критиковъ на Передвижную выставку, и въ особенности о Рѣпинѣ *), то это мнѣ служитъ лучшимъ подтвержденiемъ того, что они говорятъ невѣрно: Стасовъ считаетъ необходимымъ какую-то мистическую способность проникновенiя старины, помимо изученiя даже; но что̀ это за проникновенiе, и ка̀къ его отличить отъ ошибокъ и неправильнаго представленiя?.. Я понять не могу, спорилъ съ нимъ объ этомъ даже, но безполезно. Матушинскiй же городитъ чистую чепуху, относительно красоты, и какой-то привлекательности, какъ слѣдствiе ея (Софiи) образованiя. Ледакова же я, къ моему искреннему огорченiю, даже и не читалъ. Я говорю: «къ моему огорченiю» потому, что Ледаковъ, по своей колоссальной глупости, самый веселый человѣкъ. У Рѣпина есть въ свѣтѣ формальные недостатки, пожалуй, о которыхъ они говорятъ, и все-таки критики идутъ мимо настоящихъ его достоинствъ.

Мое мнѣнiе о картинѣ Рѣпина вы знаете. Оно для меня совершенно опредѣлилось при первомъ же съ нею знакомствѣ, составилось помимо и даже вопреки слухамъ, и остается до сихъ поръ неизмѣннымъ. Даже вообще мои мнѣнiя о картинахъ другого художника довольно постоянны. Я знаю, что́ есть у Рѣпина и чего нѣтъ, но я положительно говорю: укажите мнѣ другую картину изъ стариннаго нашего быта, о которой бы можно говорить серьезно и безъ смѣху? И если въ картинѣ Рѣпина много недостатковъ, то въ другихъ ни одного серьезнаго достоинства (за исключенiемъ «Петра съ Алексѣемъ» — Гѐ).

Къ картинамъ изъ русской исторiи (въ томъ-то и бѣда критики) нельзя прилагать шаблонной эстетики западнаго искусства. Мiръ нашего народа (внутреннiй) такъ мало намъ, воспитаннымъ на западныхъ взглядахъ, доступенъ, что мы готовы утверждать, что это не похоже только потому, что не знаемъ, какую физiономiю имѣла эта жизнь дѣйствительно.

Уважающiй васъ И. Крамской.

CCXXXI. Къ И. Е. Рѣпину

29-го апрѣля 1879 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Крѣпитесь! Вы переживаете нехорошее время: чуть не вся критика противъ васъ; но это ничего. Вы правы! (помоему).

Радуюсь за нашу выставку. Вашъ И. Крамской.

---

*) Картина «Царевна Софья». *Ред.*

CCXXXII. Къ П. М. Третьякову.

29-го апрѣля 1879 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Прежде всего, некогда. Портретъ Софьи Николаевны *) долженъ остаться дѣтямъ. Если они, послѣ моей смерти, его продадутъ, ихъ дѣло; а мнѣ нельзя, какъ бы нужно денегъ ни было. За выставку радуюсь. Наши пріѣдутъ въ Москву въ первой половинѣ мая. Уважающій васъ И. Крамской.

CCXXXIII. Къ нему же.

10-го мая 1879 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вчера у меня былъ Полѣновъ, и сообщилъ мнѣ также то, что было извѣстно уже мнѣ изъ вашего письма, что картина Куинджи прорвана. Какимъ это образомъ случилось, они не могутъ себѣ объяснить, такъ какъ еще вечеромъ, послѣ окончательнаго закрытія выставки, Полѣновъ, Васнецовъ и еще кто-то обходили выставку, свидѣтельствовали ее, и ничего не было. Это очень печально, тѣмъ болѣе, что это случилось съ вами, которому такъ много Товарищество обязано. Искренно желаю, чтобы этотъ случай не послужилъ поводомъ отказать намъ въ чемъ-либо. Кромѣ того, Полѣновъ сообщилъ мнѣ, что Рѣпина нѣтъ въ Москвѣ, а между тѣмъ, я просилъ его (Рѣпина) кое-что для меня сдѣлать, по поводу дачи, для чего послалъ 100 рублей денегъ, и не знаю, получилъ ли онъ ихъ или нѣтъ. Теперь я ужъ и не знаю, къ кому мнѣ обратиться, никто мнѣ такъ не близокъ. Попытаюсь написать къ Васнецову. Я нанялъ въ Жуковкѣ, у Вас. Яковл. Ивачева, и Софія Николаевна пріѣхала бы туда къ 15-му мая (я думалъ, что раньше), такъ какъ только около этого времени Соня кончитъ экзамены.

Что же касается портрета моей жены, то мнѣ и въ голову не могло ничего придти обиднаго, а просто, вы понимаете, что продать его нельзя.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской

CCXXXIV. Къ нему же.

14-го мая 1879 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я слышалъ, что Рѣпинъ будетъ переписывать свою «Софію». Очень ужъ я этого боюсь. Тамъ есть кое-что, напримѣръ, ноги передвинуть, стола прибавить, и срѣзать немного

---

*) Жены Крамского. *Ред.*

правой стороны лица, но и только; это не называется переписывать, вещь историческая. Она многимъ не по вкусу, но это потому, что мы еще не знаемъ нашей старой жизни. Вѣдь что̀ тогда было? Какая могла быть Софія? Вотъ точно такая же, какъ нѣкоторыя наши купчихи, бабы, содержащія постоялые дворы, и т. д. Это ничего, что она знала языки, переводила, правила государствомъ, она въ то же время могла собственноручно отодрать дѣвку за волосы, и проч. Одно съ другимъ вполнѣ уживалось, въ нашей старой Россіи. Благодарю васъ глубоко за Соню.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CCXXXV. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб., 14-го мая 1879 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ... Я слышалъ, что вы что-то хотѣли переписывать въ своей картинѣ. Если только то, что̀ вы мнѣ говорили, и что̀ я находилъ, то пожалуй, а если что̀ другое, то очень опасно. Рѣшительно я ни съ кѣмъ изъ критиковъ не согласенъ, и вы увидите еще, то есть, доживете до момента, когда публика и наши судьи поймутъ, что ваша картина вѣрна исторіи, и потому передѣлывать вещь опасная.

Вашъ И. Крамской.

CCXXXVI. Къ А. К. Шеллеру.

22-го мая 1879 г.

Милостивый государь Александръ Константиновичъ. Извѣщаю васъ, что я вчера получилъ, наконецъ, доски отъ Полеваго, гравюры «Христа», голова и фигура, и при этомъ прошу васъ не стѣсняться, и оставить извѣщеніе мое безъ отвѣта, если для васъ миновала въ нихъ надобность, такъ какъ я могу помѣстить ихъ въ другое мѣсто.

Примите выраженіе моего къ вамъ уваженія. И. Крамской.

CCXXXVII. Къ П. М. Третьякову.

1879 г. (Осень).

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Неисправность Товарищества, относительно рамъ, дѣло дѣйствительно возмутительное, но дѣло вотъ какъ происходило (положимъ, вамъ отъ этого знанія ни тепло, ни холодно). Недѣлю тому назадъ (меньше), я узнаю, что изъ Москвы требуютъ рамы. Я говорю: чьи? Сергѣевъ отвѣчаетъ: Маковскій ничего не написалъ. Какъ же мы пошлемъ, и какія мы пошлемъ? Нужно же узнать, для какихъ картинъ,

и какой выставки? Рамъ въ кладовой много. Мы ихъ спрятали, чтобы не портить въ путешествіи, да и тяжесть огромная. Я и говорю: напишите Маковскому, чтобы онъ написалъ, какія именно. Послѣ того получаю ваше письмо и Рѣпина, изъ которыхъ я узнаю только, что картины уже больше мѣсяца дожидаются рамъ, и что, будто бы, начинается исторія съ рамой Солдатенкова. Все это меня очень тревожитъ. А между тѣмъ я болѣе не членъ правленія. Все это я передалъ правленію, которое теперь представляетъ изъ себя одинъ Лемохъ: Ярошенко еще не воротился изъ Полтавы, а Брюлловъ уѣхалъ на годъ куда-то. Ради Бога извините, сегодня же я непремѣнно самъ все узнаю и устрою.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CCXXXVIII. Къ А. К. Шеллеру.

15-го сентября 1879 г.

Милостивый государь Александръ Константиновичъ. Посылаю вамъ рисунки изъ Пушкина. Опоздалъ, это правда, но я только что пріѣхалъ. Если поздно, т. е. рисунки уже не нужны, не стѣсняйтесь, возвратите ихъ обратно. Два слова въ оправданіе рисунковъ: иллюстрировать такого поэта, какъ Пушкинъ, вовсе не легко (да я уже это зналъ и раньше). Что дѣлать? Вы предоставили на мой выборъ, но вѣдь это значитъ взвалить на человѣка огромную отвѣтственность. И вотъ, какъ видите, я нарисовалъ банальныя вещи, и на банальныя поэмы; впрочемъ у «Лукоморья» *) тэма не банальная, но невозможная. Словомъ, я понимаю отлично все, что можно сказать, но вѣдь кто же сдѣлаетъ такъ, какъ бы хотѣлось? И у Дорэ не всегда удается. Ну, словомъ, разговаривать безполезно. А если нужно еще, и не поздно, а главное, если рисунки мало-мальски сносны вамъ кажутся, возьмите.

Я сдѣлалъ лиру возлѣ Пушкина, а хотѣлъ гусли; но подъ руками не было рисунка, а на память боялся напутать. Если есть время, я передѣлаю, потому что гусли, кажется, лучше. Примите выраженіе моего уваженія. И. Крамской.

CCXXXIX. Къ П. М. Третьякову.

Спб., 26-го ноября 1879 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я очень сожалѣю, что первое мое письмо къ вамъ, по возвращеніи вашемъ изъ путешествія, будетъ о

*) Тема—стихи изъ «Пролога» къ «Руслану и Людмилѣ» Пушкина. *Ред.*

деньгахъ, на которыя я не имѣю никакого права, кромѣ благосклоннаго вашего согласія на мою просьбу. На этотъ разъ, я прошу прислать, если можно, 500 рублей.

На прошлой недѣлѣ я только что переѣхалъ наконецъ на свою старую квартиру; въ мастерской еще ничего дѣлать нельзя: надо вытопить, и дать уйти излишку сырости. Работать будетъ можно, это я вижу уже и теперь: когда я проведу тамъ нѣсколько часовъ кряду, то не чувствую ни малѣйшей неловкости, запаха сырости особаго не чувствуется, словомъ, мастерская какъ будто и ничего; работать, работать и работать. Дай Богъ только, чтобы новыхъ остановокъ не было.

Шишкинъ воротился изъ Крыма съ цѣлымъ ворохомъ рисунковъ и этюдовъ, и я долженъ сказать, что онъ взглянулъ на южную природу по своему, и положительно сдѣлалъ успѣхи въ колоритѣ. Въ настоящее время, какъ вы знаете, здѣсь находится Рѣпинъ. Привезъ картину *) къ великому князю, и я долженъ сказать, что картина эта, столь ординарная по замыслу и по прочему, кончилась у него хорошо. Середина положительно хороша, особенно по краскамъ...

Уважающій васъ И. Крамской.

CCXL. Къ нему же.

8-го декабря 1879 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Переводъ на 500 рублей получилъ, и, конечно, слѣдуетъ прибавить, что я вамъ глубоко благодаренъ. Но вѣдь и я вотъ также запаздываю отвѣтомъ. Вы-то имѣете дѣйствительное на то право: я знаю, какъ вы работаете, ну а я, какъ бы ни оправдывался — все равно. Но вообразите же, что за это время дѣйствительно не могъ написать. Только сяду — кто-нибудь и придетъ и помѣшаетъ. Вотъ и теперь, пишу утромъ, дѣти идутъ въ гимназію, а меня требуютъ на верхъ, тамъ натягиваютъ картину...

Уважающій васъ И. Крамской.

CCXLI. Къ П. М. Третьякову.

Спб., 29-го декабря 79-го года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Прежде всего, въ отвѣтъ на ваше послѣднее письмо, ставлю: я вамъ глубоко благодаренъ за новое доказательство вашей любви къ искусству вообще, и сердечному отношенію

*) «Проводы новобранца». *Ред.*

къ моимъ нуждамъ въ частности. Я ставлю это впереди всего для того, чтобы, по прочтеніи всего письма, вы могли бы опять воротиться къ этой главной оговоркѣ, а не забыть какъ-нибудь ее, такъ какъ во все время ея изъ виду упускать не слѣдуетъ.

Не смотря на краткость, ваше письмо меня взволновало: вы желаете знать, для своихъ соображеній, зачѣмъ я беру тотъ или другой заказъ? Позвольте, Павелъ Михайловичъ. Я вѣдь могъ бы вамъ не отвѣчать. Я всегда помню одно: никто человѣку не можетъ помочь, если онъ самъ себѣ не помогаетъ; потомъ, я человѣкъ взрослый, и долженъ понимать, куда ведетъ та дорожка, на которую давно уже я вступилъ. Положимъ, могутъ встрѣтиться въ жизни люди, серьезно готовые придти на помощь, въ ту минуту, когда кто-либо изнемогаетъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ. И я говорю прямо: васъ я считаю такимъ человѣкомъ,—отсюда источникъ моего глубокаго къ вамъ уваженія. Но я таковъ ли? Я тотъ ли человѣкъ, которому надо придти на помощь? Отвѣчаю: нѣтъ! Я изъ породы Верещагиныхъ. Во мнѣ сидитъ великая гордость и самомнѣніе; я думалъ, и (къ сожалѣнію) продолжаю думать, что я какъ-нибудь управлюсь самъ, а не управлюсь—туда и дорога! Еще будучи ученикомъ, я не побоялся жениться, размышляя: человѣкъ выше обстоятельствъ! Человѣкъ самъ создаетъ себѣ обстоятельства! Мнѣ надо учиться, мнѣ надо еще работать какъ гимназисту, а я обзавожусь семьей, дѣтьми, и еще тамъ я не знаю чѣмъ! Вы думаете, я все продѣлывалъ безсознательно, не понимая (по глупости и молодости), что̀ можетъ встрѣтиться? Нѣтъ, я гордо мечталъ, что я все сдѣлаю, что все въ моей власти! Въ то время, когда всякій понимаетъ, что излишекъ, какъ бы онъ малъ ни былъ, отлагаемый постоянно, можетъ дать человѣку, со временемъ—устой и избавить его отъ униженія занимать, я поступаю какъ-разъ обратно. Получаю кушъ за куполъ въ храмѣ Христа Спасителя, и заранѣе предлагаю раздѣлить его и Артели, и товарищамъ, дѣлаю заказъ этотъ общественнымъ (а съ общественныхъ заказовъ положено было взносить 25% въ кассу), и такимъ образомъ изъ 16,000 всего на мою долю приходится 4 тысячи, за годичный трудъ, и послѣ года работы немного болѣе тысячи рублей въ остаткѣ. А? Хорошъ? Не глупо это? Дальше. Получаю за картину 6,000, а чтобы ее написать, я дѣлаю поѣздку заграницу, въ Крымъ, собираюсь съ силами нѣсколько лѣтъ, чтобы освободить 4—5 мѣсяцевъ, необходимыхъ для переписки набѣло; наконецъ, когда дѣло кончено и деньги получены—3 тысячи рублей долгу и, за уплатой, въ остаткѣ 3 тысячи. Семья ростетъ, расходы увеличиваются, годичный бюджетъ возростаетъ до 400 и даже больше рублей въ мѣсяцъ. На очереди много мыслей и картинъ, а я все такой же нищій, какъ и тогда, когда жизнь начиналась. Является полученіе еще:

портретъ Наслѣдника и работа для васъ даютъ мнѣ однажды около 10,000 рублей. Что же я опять дѣлаю? Я ихъ опять употребляю для фантазій: около половины расходуется на покрытіе разныхъ долговъ, очистку всего прошлаго, реставрацію жизненной обстановки, и остающіеся 6,000 рублей дѣлятся на: 4,000 (годовое содержаніе семьи, квартира заплачена), и 2,000, мое годичное проживаніе заграницей. Всѣ текущіе расходы въ эти 17 лѣтъ моей женатой жизни покрывались съ заказовъ, такъ что вышеупомянутыя крупныя полученія стоятъ какъ нѣкоторыя грани, эпохи. Съ развитіемъ, мнѣ стало ясно, что безъ мастерской — оставляй живопись! Я дошелъ, наконецъ, до возможнаго для меня (при моей обстановкѣ) предѣла. Ясно вижу, куда и какъ надобно идти дальше, но вѣдь для этого нужны и средства другія: я рискую опять! Вмѣсто того, чтобы остановиться, образумиться, работать какъ всѣ, принимать заказы для храма, принимать предложенія публики, и столичной, и провинціальной (меня приглашали и въ Кіевъ, и въ другіе города), по написанію портретовъ, благо думаютъ, что я портретистъ по призванію. Я беру обязательства на новую квартиру съ мастерской, чтó разомъ почти удвоиваетъ квартирную плату, и.... виляю отъ заказовъ, и какъ-то лихорадочно мечусь. Знаю, что уже больше молодость не воротится, что для дѣятельности осталось времени меньше, чѣмъ прошло, что силъ физическихъ въ запасѣ немного, что семья остается ни чуточки не обезпеченною, а я, какъ закусившій удила конь, направляюсь храбро въ темное будущее, безъ фуража. Ну, скажите, по совѣсти, имѣю ли я право на поддержку? (то есть виноватъ, на поддержку имѣю, и отъ васъ ее частью получаю). Но на удовлетвореніе всѣхъ моихъ нуждъ, которыя, въ настоящее время, выражаются 7—8 тысячами въ годъ,—никакого! Не нужно себя обманывать. И какой можетъ быть объ этомъ разговоръ!! Еслибы (допускаю на минуту) мнѣ предложили на годъ, на два, эти деньги съ тѣмъ, чтобы, отказавшись отъ заказовъ, я занялся бы тѣмъ, чѣмъ долженъ и хочу, то... признаюсь вамъ, какъ это ни заманчиво было бы для меня, я откажусь. Откажусь на очень простомъ основаніи: некому будетъ заплатить за меня! Я говорилъ вамъ: Не дай Богъ писать съ фотографій! Я ни за что не буду! Мнѣ это надоѣло до тошноты! Это все совершенно искренно и вѣрно, но, чтобы казнить меня такими вопросами и напоминаніями, съ вашей стороны это.... это нѣсколько жестоко! И скажу ужъ все: это показываетъ (не смотря на всю обширность вашего сердца), что вы незнакомы съ нѣкоторыми сторонами жизни по опыту, и что вы всегда имѣли возможность не измѣнять разъ принятому намѣренію. Извините меня великодушно за это послѣднее, но если можно, станьте въ мое положеніе и скажите: могу или не могу я разсуждать такъ, какъ разсуждаю?! Я уже

долженъ и безъ того—мой долгъ вамъ простирается сверхъ 3,000 рублей, да еще оговоренные заранѣе 1,000, это и безъ того лежитъ на мнѣ тяжелымъ камнемъ. Правда, кромѣ этого долгу у меня и нѣтъ другого; но онъ (я допускаю) можетъ, какъ-нибудь, съ грѣхомъ пополамъ, покрыться еще—въ случаѣ моей смерти, но больше невозможно. Вы скажете: картина? Ну, знаете, что̀ я самъ-то думаю? Я велю ее уничтожить, если она не будетъ написана при жизни, и я знаю, что жена моя меня послушаетъ. Значитъ, на картину для меня лично надежда плоха, да кромѣ того, я всегда помню, что такія вещи должны дѣлаться на собственный страхъ. Остаются тѣ работы, которыя есть и останутся на лицо. Вотъ объ нихъ-то я и говорю, что покрыть долгъ какъ-нибудь достанетъ. А какъ же семья? Ну что-жъ? 5 человѣками нищихъ больше, ничего не значитъ на всю Россію! Да и то, если сосчитать, что́ я оставилъ обществу, и что́ будетъ стоить прокормленіе моихъ голодныхъ, то, можетъ быть, мы и будемъ квиты. Я играю ва-банкъ, но только на свои. Въ этомъ вся моя гордость. Она же не позволяетъ мнѣ и принять какое-либо предложеніе, именно потому, что мои расходы—не расходы только на искусство. Чтобы сдѣлать понятнымъ, я приведу примѣръ: Ивановъ, истинный и великій художникъ, всѣ 28 лѣтъ былъ одинъ; его расходы можно предсказать съ ариѳметическою точностію. Ну, а у меня вѣдь не то: сегодня умеръ кто-нибудь (не я), завтра платежъ за квартиру и обученіе дѣтей, а тамъ расходъ на учителей музыки; послѣ того, пришла нужда обить диванъ на ново! и т. д., и т. д. И замѣтьте, на это хотя тоже можетъ быть такса, но я на таксу не согласенъ! Повторяю: можетъ ли быть какой-нибудь разговоръ серьезный о томъ, что вы затронули вашимъ письмомъ? Нѣтъ, не можетъ!

Вотъ почему я сказалъ раньше, что я могъ бы вамъ и не отвѣчать. Но вѣдь я знаю, и глубоко убѣжденъ, что вами руководитъ, въ данномъ случаѣ, не мелкое чувство любопытства, или неудовольствія, что я вамъ кое въ чемъ будто бы отказалъ, а отъ другихъ принимаю; нѣтъ, причины ваши уважительны, я вѣрю, и поэтому-то я изложилъ все до послѣдней возможности. Не хочу думать, чтобы вами руководило слѣдующее:—«Мнѣ нуженъ такой-то и такой-то портретъ, Иванъ Николаевичъ не хочетъ, отказывается, а портреты, между тѣмъ, необходимы; надобно выяснить, чтобы заказать другому, или, словомъ, принять мѣры къ тому; потому что обидно же, въ самомъ дѣлѣ, когда для другого рѣшается сдѣлать». Хотя я, находясь въ томъ положеніи, въ какомъ нахожусь, и могу это подумать, но повторяю, ни на минуту на этомъ не остановился. Я привыкъ та̀къ васъ глубоко уважать, и до такой степени освоился съ присутствіемъ въ васъ сильной любви къ искусству, что ищу причинъ въ другомъ мѣстѣ, изъ источника болѣе высокаго — состраданія къ чужому положенію. На это

указываетъ, между прочимъ, и вопросъ вашъ: не нужно ли мнѣ? и уговоръ быть безъ церемоній! И въ свое время я попрошу оставшіяся тѣ уговорныя деньги, о которыхъ я еще въ Москвѣ заговаривалъ. И такъ, вотъ вамъ полная исповѣдь! Надѣюсь, что вы въ душѣ сознаетесь въ правотѣ моей точки зрѣнія па себя самого, и въ моей трезвости пониманія обстоятельствъ, то есть, что я говорю ни больше ни меньше того, что́ есть. А впрочемъ, можетъ быть все, что я наговорилъ, совершенно лишнее? Я принялъ мои предположенія за дѣйствительность? Вѣдь предложенія мнѣ никто дѣлать не думаетъ? Тогда положеніе мое нѣсколько забавное. Во всякомъ случаѣ, я вѣрю, что вы мнѣ раскроете эту загадку.

Теперь оправдательные пункты:

Отъ портрета Иванова я и не отказался, а хочу и постараюсь его сдѣлать. Портретъ Никитина, какъ священная обязанность, можетъ подождать, какъ и всѣ священныя обязанности; нематеріальныя должны уступать, по необходимости, реальнымъ обязанностямъ, которыя на меня упали сверхъ ожиданія, при переѣздѣ. Я просчитался, сознаюсь, и отсюда необходимость портрета Васильчикова. Что̀ же касается Корнилова, то портретъ его написалъ по особымъ обстоятельствамъ, и написалъ не за ту цѣну, которую мнѣ платитъ публика. Въ комитетѣ по устройству памятника Пушкину мы познакомились; онъ хотѣлъ портрета, но сказалъ. что платить мой трудъ ему не подъ-силу (онъ не богатъ). Тогда я сказалъ, что моя цѣна для него будетъ отъ 50 рублей до 1,000 рублей, пусть онъ выбираетъ. Ну, отсюда недалеко и до старушки, которую я также давно обѣщался ему сдѣлать. Это портреты такіе же, какъ Менделѣева, и много еще найдется: то есть, это моя филантропія. Какъ видите, я еще играю роль богатаго человѣка — роль, уже вовсе ко мнѣ не идущую! Единственное оправданіе мнѣ—это искреннее ко мнѣ расположеніе съ ихъ стороны, и оцѣнка моихъ работъ—ну, а это струнка у художника чувствительная!! Кажется, я отвѣчаю по всѣмъ пунктамъ. Пишу къ вамъ выздоравливающій, то есть, поднявшійся съ постели, гдѣ меня удержали цѣлую недѣлю. У меня что-то случилось въ кишкахъ, начиналась какая-то опухоль на одной изъ оболочекъ, четверо сутокъ лежалъ на одномъ мѣстѣ ледъ. Говорятъ, надо ѣхать лѣтомъ или въ Карлсбадъ, или въ Эссентуки. Господи! Вѣдь эдакъ, и до развязки недалеко! Судите меня какъ знаете!

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CCXLII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 9-го января 1880 года.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что не тотчасъ отвѣчалъ, причиной книга объ Ивановѣ. Какъ-разъ въ это время получилъ, и три дня запоемъ читалъ. Это одна изъ самыхъ сильныхъ трагедій, какія только мнѣ удавалось прочитывать.

Вы напрасно, совсѣмъ напрасно, увѣряете меня, что вами руководитъ любовь къ русскому искусству. Вѣдь я съ этого началъ, просилъ объ этомъ помнить, и еслибы я иначе думалъ—я, конечно, ничего не написалъ бы. Не знаю, есть ли другой, одинаково убѣжденный со мною относительно васъ, но во всякомъ случаѣ нѣтъ другого, такъ мало мѣнявшагося на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ относительно сущности вашихъ отношеній къ русскому искусству.

Что̀ касается спеціально вашего перваго письма, вызвавшаго во мнѣ волненіе, то оно грѣшитъ только однимъ: неполнотой. Еслибы, напримѣръ, я зналъ, что у васъ есть мысль съ моею помощью достать этюдъ Иванова, то развѣ-жъ я отказалъ бы? Неужели вы не убѣждены, что я для Иванова не сдѣлалъ бы двухънедѣльнаго крюка. Вѣдь я съ радостью бы это сдѣлалъ, и мнѣ кажется, вы должны бы это знать, осторожность тутъ лишняя. Что́ же касается того, что вамъ какъ будто знакомо, что́ я вамъ о себѣ сказалъ, хотя мы никогда объ этомъ не говорили, то и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, я не такъ закрытъ, какъ кажется.

Я всегда говорю то, что думаю, особенно вамъ. Все, что я сказалъ о себѣ, я дѣйствительно говорилъ, и не одинъ разъ, по поводу разныхъ обстоятельствъ, касавшихся другихъ, такъ что нѣтъ ни одной новой мысли; можетъ быть нѣкоторые факты новы, да и то едва ли. Относительно картины моей, вы говорите, васъ интересуетъ—вѣрно, но не лишнее будетъ васъ познакомить съ слѣдующимъ фактомъ. Теперь я вижу, что картина застрянетъ надолго, если не совсѣмъ. Что она медленно подвигалась—причиною не только отсутствіе мастерской (это предлогъ только благовидный): вовсе даже нѣтъ, а опять-таки одно и то же—надо было работать другое. Она не могла быть сдѣлана своевременно—почему? Богъ мнѣ судья, но не могла дѣйствительно; я употребилъ *все отъ меня* зависѣвшее, но... выше лба глаза не бываютъ!

Теперь, наконецъ, я могу, какъ видите, даже говорить объ этомъ—потому что не такъ больно; пріучалъ уже себя къ мысли, а раньше—годъ, особенно два, я такъ болѣлъ этимъ, что когда у меня спрашивали—я приходилъ въ нервное разстройство. Теперь другое дѣло: я скоро всѣмъ и каждому скажу то же, что̀ и вамъ. И такъ, ради Бога, не думайте, чтобы

я хотя на минуту сомнѣвался не только въ причинахъ, вами руководившихъ, но и въ готовности къ помощи, гдѣ она дѣйствительно нужна; но прошу вѣрить также и тому, что я не потерялъ еще способности соразмѣрять свои силы съ обстоятельствами. Я останавливаюсь на порогѣ и во время; я не могу себѣ позволить того, въ чемъ такъ усердно осуждалъ другихъ, и потому до тѣхъ поръ, пока буду имѣть энергію для борьбы, я останусь на этомъ тяжкомъ пунктѣ, и повторяю: долгъ въ 4,000 рублей я еще кое-какъ вынесу—а больше не могу.

Неужели вы хотѣли бы, чтобы я разсуждалъ иначе? Вы пишете, что лучше еще задолжать, чѣмъ отвлекаться заказами, и съ вашей стороны это послѣдовательно, я понимаю; но съ моей—это непростительно. И такъ, я считаю это совсѣмъ конченнымъ вопросомъ.

Имѣете ли вы книгу объ Ивановѣ? Если имѣете, и имѣете время прочитать, то подѣлитесь впечатлѣніями. Тамъ есть вещи высокія! Спасибо Михаилу Петровичу*), онъ исполнилъ, наконецъ, то, что на немъ лежало какъ обязанность, и исполнилъ превосходно.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCXLIII. Къ В. В. Стасову.

9-го января 1880 г., Спб.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Благодарю и васъ, и Верещагина за предложеніе заказа для Америки**), но я не могу принять — ужъ очень много дѣла и безъ того — да при томъ же, я и не мастеръ на эти работы. Итакъ, надо просить Васнецова.

Еслибы вы и не прислали запроса о книгѣ***), то я сегодня бы написалъ, такъ какъ только что кончилъ вчера чтеніе. Два, три вечера отнимали посѣтители, да и читалъ я ее особымъ образомъ: дѣлалъ выписки и замѣтки. Ужъ очень долго я ждалъ эту книгу — справедливо ожидая, что тамъ есть нѣчто достойное самаго внимательнаго чтенія, и я не ошибся. Что касается прогрессивныхъ идей Иванова, то, разумѣется, я тутъ вмѣстѣ съ вами готовъ ставить сколько угодно восклицательныхъ знаковъ, настоящихъ, а не изъ приличія только; тѣмъ болѣе, что я ни на минуту не забываю того, что если многія идеи Иванова теперь почти ходячія между

---

*) М. П. Боткинъ, издавшій книгу объ Ивановѣ на свой счетъ. *Ред.*

**) Рѣчь шла объ огромной «панорамѣ», въ родѣ панорамъ Филипото, Нѣвиля, Деталя и проч. В. В. Верещагинъ отказался отъ этого предложенія, и просилъ В. В. Стасова предложить его, отъ его имени, Крамскому. *Ред.*

***) Жизнь и переписка Иванова, изданіе М. П. Боткина: въ редактированіи и печатаніи этой книги В. В. Стасовъ принималъ самое дѣятельное участіе. *Ред.*

лучшими художниками, то въ 30-хъ годахъ это просто — революція; не забываю и того, что какъ бы я ни былъ склоненъ понять условія, окружавшія Иванова, я никогда достаточно ихъ не пойму. Что это такъ, я ловилъ себя часто на мелочахъ. Напримѣръ, на страницѣ 218, въ письмѣ къ сестрѣ своей онъ пишетъ: «Намъ (то есть художникамъ и людямъ умственнаго труда) нужно перевоспитывать великихъ міра сего въ томъ разумѣ, что отъ нихъ, какъ отъ лицъ правительственныхъ, будутъ зависѣть лучшіе успѣхи отечества», и потомъ прибавляетъ чрезвычайно мѣтко: «этой работы вовсе не знаютъ иностранцы!» Важность этого я, конечно, понялъ, потому что черезъ 15 лѣтъ, тому же Иванову, Гурьевъ въ Исаакіевскомъ соборѣ говоритъ, что пустить на освященіе съ бородой русскаго—онъ не согласенъ, и нагло прибавляетъ, что француза, конечно, пустилъ бы. И я понимаю это хорошо до сегодня (чрезъ 25 лѣтъ послѣ Гурьева), опять-таки потому, что условія эти докатились, почти въ своей неприкосновенности, до моей особы. Но сколько же условій, исчезнувшихъ уже? И такъ, я говорю, что во всемъ, на что вы обратили бы мое вниманіе, я заранѣе согласенъ. Не поразили меня также его художественные идеалы, потому что давно уже я догадывался объ нихъ и изъ его картины, а еще больше изъ его этюдовъ. Я даже былъ приготовленъ отчасти къ его композиціямъ, о которыхъ вовсе не имѣлъ никакого понятія до теперешней осени. Это именно то, чтò я думалъ. Какъ давно я былъ приготовленъ къ пониманію Иванова, можетъ вамъ дать понятіе слѣдующее. Когда въ 58 году я увидалъ картину его, то вотъ чтò я тогда думалъ: «Есть такія созданія художниковъ, которыя можно считать совершенными портретами, лучше и похожѣе которыхъ напрасно стараться и сдѣлать. Къ числу ихъ надо отнести: Юпитера, Венеру Милосскую, голову Мадонны (Сикстинской) и Крестителя Иванова». Вы видите, что если въ группировкѣ можно усмотрѣть незрѣлость, то вы поймете только, чтò я хочу сказать. Мнѣ тогда не было 22-хъ лѣтъ, и ужъ, конечно, все это было, пока, на степени инстинктовъ. Но я не хотѣлъ васъ занимать собственной персоной, это только къ слову — я хочу только сказать, что многія вещи я уже зналъ безъ книги, и былъ убѣжденъ внимательнымъ изученіемъ работъ Иванова. Но вотъ какая сторона была для меня нова и особенно интересна: это его судьба. Ни одной еще трагедіи я не читалъ съ такимъ глубокимъ и захватывающимъ духъ волненіемъ. Положимъ, тутъ все связано роковымъ образомъ: то есть, его идеи и результаты труда его неизбѣжно ведутъ къ трагической развязкѣ; онъ умираетъ естественно, никто лично не виноватъ въ его смерти, а между тѣмъ есть гдѣ-то виноватый! Я его чую. Это ужасное, безформенное, холодное животное — человѣкъ. Повторяю, я съ такимъ волненіемъ читалъ эту книгу, что она положительно падала у меня изъ рукъ, и я не могъ ее

продолжать, долженъ былъ оставлять, чтобы успокоиться. Вотъ когда я готовъ сказать: жизнь — выше Шекспира! Прожить сознательно более 30-ти лѣтъ, работать, дать доказательства своей способности («Магдалина»), начало картины, массу этюдовъ (картину видѣли всѣ, кто хотѣлъ, до 48 года) и...... не встрѣтить ни одного человѣка, способнаго понять, что̀ это такое — это, какъ хотите, ужасно! (Я говорю о тѣхъ, кто, или по своему положенію, или по состоянію и богатству, могъ дать средства Иванову работать). Невольно примкнешь къ міросозерцанію Шопенгауэра. Но, вѣроятно, исторія даромъ не проходитъ, хотя и говорятъ иногда противное.

Во мнѣ уже нѣсколько лѣтъ сидитъ гвоздемъ въ головѣ мысль: что̀ такое Верещагинъ? Не есть ли это Ивановъ, умудренный опытомъ, что съ людьми надо поступать, какъ съ подлой толпою?! Онъ какъ будто говоритъ: «Нѣтъ! Шалишь! Я не намѣренъ умирать на соломѣ. Я тебя (публику) поставлю сразу на свое мѣсто». И вотъ разница въ результатѣ. Ивановъ за 300—400 этюдовъ и картинъ едва наскоблилъ 20,000 рублей, а Верещагинъ...... Ну, да можетъ быть тутъ есть пункты разногласія?! Оговариваюсь для правильнаго пониманія меня: многія вещи въ дѣйствіяхъ Верещагина лично мнѣ не симпатичны, но я себя спрашиваю: имѣетъ ли право Верещагинъ употреблять силу? Я отвѣчаю: имѣетъ. Ну, а коли имѣетъ, то, слѣдовательно, и хорошо, что онъ ее употребляетъ. Геню позволено многое, даже все,—иное дѣло лягушкамъ. Ка̀къ вы полагаете?

А вашей статьи объ Ивановѣ я не видалъ, вы мнѣ обѣщали прислать ее, позвольте вамъ напомнить.

Я все еще не выхожу. Первый разъ, что выйду — зайду къ вамъ, чтобы принять возраженія — и подумать о нихъ.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CCXLIV. Къ П. М. Третьякову.

22-го февраля 1880 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. На выставкѣ въ Академіи Художествъ есть нѣсколько вещей, стоющихъ вниманія. Орловскій еще никогда не былъ такъ хорошъ; особенно «Ферма».

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CCXLV. Къ А. К. Шеллеру.

23-го февраля 1880 г.

Милостивый государь Александръ Константиновичъ. Вслѣдствіе отзыва вашего Зиновьеву, что работа ему можетъ быть дана только въ томъ случаѣ, если онъ можетъ заявить о чьемъ-либо согласіи изъ художниковъ передвижной выставки на помѣщеніе ихъ произведеній въ «Живописномъ Обозрѣніи», свидѣтельствую, что пока я ручаюсь за три картины мои и Боголюбова.

Примите выраженіе моей совершенной преданности И. Крамской.

CCXLVI. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб., 17-го марта 1880 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Ваше письмо даже не предупредило событій. Многіе сходятся на томъ, что вы говорите, и шагъ долженъ совершиться именно въ желаемомъ вами направленіи. Со времени общаго собранія, я находился въ огнѣ, чувствовалъ необходимость какой-то мѣры, но какой? Это было мучительно опредѣлить. Я лично, да полагаю и Товарищество—будущее, будемъ вамъ глубоко благодарны за ваше превосходное письмо. Оно послужитъ основой и толчкомъ быть можетъ начинающейся бури, которая, надо полагать, очиститъ нравственную атмосферу. Конечно, ваше письмо не есть частное, что̀ бы тамъ ни говорили, а глубоко общественное. Сожалѣю, что не могу собрать мыслей, чтобы написать что-нибудь, тороплюсь только увѣдомить васъ, что письмо ваше я получилъ, и что ваши благородныя усилія я глубоко цѣню и радуюсь. Авось, Богъ дастъ, мы воротимъ членовъ художниковъ, ростущихъ и развивающихся, и получимъ возможность свободы движенія отъ мертвящихъ постановленій и бюрократическихъ тонкостей, которыя, однакожъ, мѣшаютъ жить и дѣйствовать. Прибавлю: трудно Васнецову пробить кору рутины художественныхъ вкусовъ. Его картина не скоро будетъ понятна. Она то нравится, то нѣтъ, а между тѣмъ вещь удивительная. Я радъ, что великій князь Владиміръ Александровичъ просилъ узнать о цѣнѣ его картины. Боже мой, мы такіе олухи, что, оказывается, не имѣемъ объ этомъ свѣдѣній, а околесину несемъ отлично.

Ка̀къ ни трудно мнѣ выступать активно, но если не найдется иниціатора, то попробую еще разъ.

Глубоко преданный и уважающій васъ И. Крамской.

CCXLVII. Къ нему же.

Спб., 25-го марта 1880 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Слѣдовало бы дать вамъ подробный отчетъ обо всемъ случившемся здѣсь, послѣ вашего отъѣзда, но это почти невозможно: такъ много было волненій, споровъ, собраній. Все это, наконецъ, выразилось въ коротенькомъ письмецѣ къ Виктору Михайловичу*), которое мы и предлагаемъ вамъ подписать, прежде передачи по назначенію. Не знаю, кàкъ вы тамъ въ Москвѣ, одобрите ли эту редакцію, и кàкъ по вашему: удовлетворитъ ли она Васнецова?.. Я совсѣмъ писать не умѣю, я хотѣлъ успокоить Васнецова, а между тѣмъ вышло наоборотъ. Напишите пожалуйста, то есть, Брюлловъ, Лемохъ и Ярошенко, отъ правленія, я вамъ поручаю, а то, пожалуй, я еще что-нибудь сдѣлаю не такъ!! Письмо ваше я сдѣлалъ извѣстнымъ нѣкоторымъ, тотчасъ же по полученіи, и, извините, считалъ себя въ правѣ, такъ какъ оно, разумѣется, не частное, а глубоко общественное. Оно имѣетъ такую огромную важность, что многихъ, если не всѣхъ, заставило призадуматься.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCXLVIII. Къ П. М. Третьякову.

Спб., 24-го апрѣля 1880 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что такъ долго не отвѣчалъ: причина весьма неуважительная—я расклеился по всѣмъ швамъ морально; какое-то отупѣлое состояніе, и еще, вѣроятно, не скоро приду въ себя. Всѣ передряги Товарищескія оставляютъ скверный осадокъ послѣ себя, поэтому задержалъ и картину. Завтра посылаю рисунки, и акварели Гуна тоже, отъ Шишкина не знаю, получили ли, впрочемъ: я пошлю къ нему записочку завтра; давно я его не видалъ.

Верещагина съ аукціона не видалъ, а спустя недѣлю получилъ отъ него записочку, въ которой онъ объявляетъ, что не заходилъ и не зашелъ ко мнѣ потому, что ему было совѣстно послѣ обѣщанія **), и послѣ того, какъ онъ не сдержалъ слова. Уѣзжая извиняется и проситъ отложить портретъ до другого раза. Такъ и кончилось.

Дай вамъ только Богъ перенести до конца то тяжелое положеніе, которое называется «любовью къ искусству». Не о наградѣ и благодарности рѣчь — на это нѐчего разсчитывать — люди неумолимы и жестоки, осо-

---

*) Васнецовъ. *Ред.*

**) Обѣщаніе позировать Крамскому для портрета. *Ред.*

бенно люди, которыхъ судьба поставила высоко надъ толпой. Я говорю о Верещагинѣ: я ему его аукціона простить никогда не могу. Одна надежда на всесправедливое время. Но эта надежда для личности, какъ вы знаете, мало утѣшительна. Картину мою поправилъ, и какъ будто лучше; впрочемъ, вы увидите. Рисунковъ же русскихъ художниковъ, у меня, къ сожалѣнію, не валяется никакихъ, и, стало быть, этимъ служить не могу.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CCXLIX. Къ нему же.

Спб., 20-го сентября 1880 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ... Въ настоящее время, вы, вѣроятно, получили уже квитанцію на картину. Къ свѣдѣнію вашему присовокуплю (если вы видѣли картину), что о головѣ можетъ быть еще рѣчь будетъ, кромѣ того она не въ общемъ тонѣ, немного желта: я думая ее поправить по возвращеніи. Рисунки и акварели ваши у меня, и я уже ихъ сколько разъ забывалъ. Я писалъ вамъ, что высылаю вечеромъ, а на утро, когда закупоривали ящикъ, забылъ, потомъ хотѣлъ взять теперь съ собою въ Москву, и опять та же исторія. И. И. Шишкинъ вышлетъ на ваше имя 200 рублей, для передачи Ольгѣ Емельяновнѣ, матери Васильева. Она, бѣдная, больна и находится въ Москвѣ, проѣздомъ въ Крымъ. И. И. Шишкинъ не имѣетъ никого въ Москвѣ, кому бы довѣрить навѣстить Васильеву, и спрашивалъ у меня, можно ли къ вамъ обратиться съ такого рода порученіемъ — я сказалъ, что я думаю. Впрочемъ, онъ вамъ самъ напишетъ. Теперь онъ пошелъ сдѣлать переводъ денегъ въ Москву, на ваше имя, а я исполняю только предисловіе. Былъ у Перова, видѣлъ картину «Никита пустосвятъ», и нашелъ и его самого, а главное, картину, гораздо лучше, чѣмъ ожидалъ. Есть головы положительно хорошія.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCL. Къ А. С. Суворину.

30-го октября 1880 г.

....Дальше: нынѣшнимъ лѣтомъ М. П. Боткинъ встрѣчаетъ совершенно неожиданно Семирадскаго въ Москвѣ. Какими судьбами? Такъ и такъ, вызванъ по телеграфу Уваровыхъ. Ну, и что же? Да ничего, пока въ цѣнѣ не сходимся*). На другое утро, Боткинъ, возмущенный, ѣдетъ къ Уварову и излагаетъ ему все неприличіе приглашенія Семирадскаго, но ничто не беретъ. Уваровъ ссылается на то, что у Семирадскаго все такъ археоло-

*) Рѣчь идетъ о композиціяхъ, украшающихъ стѣны «Историческаго Музея». *Ред.*

гично. Тогда Боткинъ спрашиваетъ, видѣлъ ли Уваровъ, какъ археологично сдѣлалъ Семирадскій образа въ храмѣ Спаса? Оказалось, что графъ не собрался еще. Послѣ всего, Уваровъ успокоиваетъ Боткина, что всѣ русскіе художники получатъ свою долю въ работахъ (каково?). Дѣйствительно, когда уже Семирадскій уѣхалъ, обдѣлавъ дѣло, Уваровъ разговаривалъ въ Москвѣ съ художникомъ Невревымъ, который хотѣлъ за картину по 3,000 рублей, а Уваровъ предлагалъ по двѣ. Семирадскому же заплачено по 10,000 рублей, и, кажется, картины уже кончены. Это послѣднее не достовѣрно, то есть, я только слышалъ, а сообщенное раньше я знаю изъ первыхъ рукъ.

А Верещагинъ-то? Очень жаль одно, что банкетъ, предложенный ему здѣсь, въ Петербургѣ, отъ имени художниковъ, онъ отвергъ, а тамъ принялъ *). Ну, да это должно быть такъ и нужно.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCLI. Къ М. П. Третьякову.

30-го октября 1880 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что на бланкѣ. Первый листъ попался подъ руку.

Если къ вамъ пришлютъ портретъ Черкасскаго отъ княгини Черкасской, которой я послалъ два на выборъ, то не удивляйтесь. Я прошу васъ поставить таковой гдѣ-нибудь у себя въ складѣ до перваго случая, и прошу васъ извинить меня за это. Уважающій И. Крамской.

Дѣло съ выставкой, то есть съ Боткинымъ, уладилось. Мы получили почти все, что требовали.

CCLII. Къ И. Е. Рѣпину.

7-го ноября 1880 г.

...Въ настоящую минуту у васъ въ Москвѣ нашъ посланный г. Константиновичъ для подписанія журнала экстреннаго общаго собранія. Случилось это потому, что товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ сегодня (напримѣръ) объявилъ намъ, что онъ дать разрѣшеніе на открытіе выставки постоянной не можетъ, а если мы будемъ просить о дополненіи къ уставу, то это весьма скоро сдѣлается—и пригласилъ насъ подать проше-

---

*) Невѣрный слухъ. В. В. Верещагинъ нигдѣ не принималъ предлагаемыхъ ему банкетовъ. *Ред.*

ніе, въ воскресенье или понедѣльникъ, объ этомъ. То есть, я вамъ доложу, что̀ за чиновники!

Ну что-жъ, право имѣть права̀ и на постоянную выставку никогда Товариществу не мѣшаетъ; затѣмъ, расходовъ Товариществу отъ сего никакихъ не предстоитъ, такъ какъ, если вы помните, я просилъ разрѣшить мнѣ устройство выставки постоянной на свой рискъ и страхъ, а тамъ будетъ видно. Сыръ-боръ загорѣлся отъ того, что градоначальникъ не разрѣшилъ вывѣски.

Я думаю, что никто не откажется подписать протоколъ, такъ какъ все должно быть сдѣлано легально. Отсутствующіе: Гѐ, Мясоѣдовъ, Бронниковъ и Боголюбовъ спрошены телеграммами, и уже отвѣчали сегодня, что согласны. Стало быть, постановленіе объ измѣненіи § устава состоится единогласно. Преданный вамъ И. Крамской.

Какую бурю восторговъ поднялъ Куинджи! Вы, вѣроятно, уже слышали. Этакій молодецъ—прелесть!

CCLIII. Къ М. П. Третьякову.

23-го ноября 1880 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Кольцова на Пушкинской выставкѣ я смотрѣлъ, и внимательно. Мнѣ тоже понравился портретъ Пушкина № 16, приписываемый Vernet'у, но вообще портреты Пушкина никуда не годятся.

Я не знаю, говорилъ ли я вамъ раньше о памятникѣ вообще. Я утверждалъ и утверждаю, что у Опекушина все обстоитъ благополучно. Вы находите, что фигура жалкая, по моему—нѣтъ. Это не фигура поэта, это правда, но приличный статскій человѣкъ—вотъ и все. По моему, фигура Пушкина — Забѣллы, та, которую онъ привезъ изъ заграницы, въ плащѣ, шляпа въ рукахъ, одна нога приподнята о камень, и въ высокихъ сапогахъ,—она, положимъ, не Богъ знаетъ что такое, но нѣкоторое одушевленіе есть. Что же касается Микѣшина, то я тутъ не судья. Такъ какъ я не люблю Микѣшина, то и не могу быть къ нему справедливымъ. Мнѣ кажется, что все, что онъ дѣлаетъ—глупо. Бюстъ Гальберга—другое дѣло! Это, дѣйствительно, лучшая вещь, послѣ маски.

Богъ съ нимъ, съ Куинджи. Пусть его прославляется. Для меня, давно вещь рѣшенная, что всѣ выходящіе изъ ряду вонъ люди не соціальны. Обыкновенные смертные нуждаются другъ въ другѣ, а не силачи. Когда въ Петербургъ, по обѣщанію? Уважающій васъ И. Крамской.

У М. П. Клодта хорошая картина, очень хорошая—не ожидалъ: «Царица посѣщаетъ тюрьмы».

CCLIV. Къ А. С. Суворину.

Спб., 29-го ноября 1880 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Вообразите, съ какой просьбою я обращусь къ вамъ. Не желаете ли вы купить меня, или не можете ли дать мнѣ содержаніе до іюня мѣсяца будущаго года, т. е. до конца моей картины?

Въ состояніи вы располагать двумя тысячами въ первыхъ числахъ декабря и по 600 р. ежемѣсячно, съ 1-го января новаго года до іюня мѣсяца? Всего, стало быть, вы израсходуете 5,000 р. сер. Въ обезпеченіе вы получаете все, что̀ мною будетъ сдѣлано до срока московской выставки, а именно: «Музыкантъ», небольшая картина величиною около $1^1/_2$ арш., «Вдова» одна фигура въ натуральную величину, картина около 3-хъ арш., и большая картина «Дворъ Пилата». Первыя двѣ я кончу къ очередной выставкѣ, къ великому посту, а большую картину—къ всероссійской выставкѣ, къ маю. Что̀ прежде продастся, изъ того долгъ и вычитается.

Послѣдніе два года привели меня къ необходимости отказаться отъ портретовъ вовсе (т. е. отъ портретовъ публики), или же, въ противномъ случаѣ, махнуть рукой на тѣ затѣи, которыя давно уже ждутъ очереди, и упустить ихъ вовсе, предоставляя времени сдѣлать свое дѣло — доканать меня. Время уходитъ, мнѣ уже 43 года... и если я имѣю время еще, то не больше 5—6 лѣтъ бодрыхъ и ясныхъ? Что вы на это скажете?

Уважающій васъ И. Крамской.

CCLV. Къ П. М. Третьякову.

12-го декабря 1880 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Къ моему искреннему сожалѣнію, злосчастные 1,000 рублей потребовались раньше, чѣмъ я думалъ. Не прибавляю ни одного слова. Читали ли вы книгу объ Ивановѣ? Очень хорошо! Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CCLVI. Къ нему же.

Спб., 14-го февраля 1881 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините великодушно, что промедлилъ отвѣтомъ. Жизнь все сложнѣе, времени все меньше и меньше, положеніе мое все хуже и хуже. Нѣтъ момента свободнаго.— Къ дѣлу.

Очень жаль, что мой разсказъ о плачѣ дѣвицъ, ихъ безпокойство о Ѳ. М. Достоевскомъ, какъ о живомъ, такъ васъ встревожилъ, и доставилъ вамъ такія тяжелыя минуты. Я не зналъ интимную подкладку вашей внутренней жизни, и какую роль Достоевскій игралъ въ вашемъ духовномъ мірѣ, хотя покойный игралъ роль огромную въ жизни каждаго (я думаю), для кого жизнь есть глубокая трагедія, а не праздникъ. Послѣ Карамазовыхъ (и во время чтенія), нѣсколько разъ я съ ужасомъ оглядывался кругомъ и удивлялся, что все идетъ по старому, и что міръ не передвинулся на своей оси. Казалось: какъ послѣ семейнаго совѣта Карамазовыхъ, у старца Зосимы, послѣ «Великаго инквизитора» есть люди, обирающіе ближняго, есть политика, открыто исповѣдующая лицемѣріе, есть архіереи, спокойно полагающіе, что дѣло Христа своимъ чередомъ, а практика жизни своимъ. Словомъ, это нѣчто до такой степени пророческое, огненное, апокалипсическое, что казалось невозможнымъ оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ мы были вчера, носить тѣ чувства, котырыми мы питались, думать о чемъ-нибудь, кромѣ страшнаго дня суднаго. Этимъ я, пожалуй, хочу сказать, что вы и я, вѣроятно, не одиноки, что есть много душъ и сердецъ, находящихся въ мятежѣ; но разсказать о томъ, что дѣвицы безпокоятся, я могъ тѣмъ болѣе спокойно (относительно), что все же мы живемъ въ такое время, когда доктора меньше ошибаются, чѣмъ прежде, что, наконецъ, это Достоевскій, и уже разумѣется опредѣляетъ смерть дѣйствительную человѣкъ въ медицинѣ авторитетный. Короче, я разсказывалъ о наивности чрезвычайно трогательной, которая для меня необязательна. Для меня, къ сожалѣнію, не было сомнѣнія въ окончательной рязвязкѣ.

Выходитъ, точно я оправдываюсь, да оно и слѣдовало бы, еслибы мой разсказъ былъ легкомысленный, то есть, еслибы я самъ сомнѣвался, какъ и дѣвицы.

О переходѣ портрета въ галлерею я постараюсь, какъ съумѣю, но теперь съ нею объ этомъ говорить нельзя еще.

Что касается осужденія вами Товарищества объ обособленіи, то я увидалъ еще въ сентябрѣ (когда былъ въ Москвѣ), что многое въ жизни искусства вамъ или непонятно, или чуждо. Извините за рѣзкость. Но сердце, истекающее кровью, сердце бойца, понимающаго современные вопросы пока инстинктомъ, не можетъ иначе оцѣнивать жизненныя впечатлѣнія, какъ оно оцѣниваетъ. Одно свидѣтельствую вамъ: что никакой горечи нѣтъ на днѣ этого сердца. Я на столько выросъ, что понимаю, уважаю и признаю права гражданства чужихъ интересовъ, хотя бы я лично и не симпатизировалъ имъ. Но это матерія длинная. Теперь 2 часа, а завтра вставать надо въ 8. Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

А Достоевскій дѣйствительно былъ нашею общественною совѣстью!

Неужели мы ее устранили? Но вѣдь есть Левъ Толстой! Онъ пишетъ комментаріи на евангеліе.

CCLVII. Къ И. Е. Рѣпину.

16-го февраля 1881 г., Спб.

Что̀ сказалъ бы «ангелъ Господень», дорогой Илья Ефимовичъ, на то что у него Илья Ефимовичъ Рѣпинъ прожилъ бы недѣльки три—не знаю, быть можетъ вы и возмутили бы его вашимъ идолопоклонствомъ (то есть, язычествомъ), но что̀ меня касается, то, такъ какъ я не ревнивъ въ дѣлахъ вѣры, то думаю, что на меня это не подѣйствовало бы. Вѣдь я не видалъ, по какому обряду вы поклоняетесь Іеговѣ? Вѣдь комната находится при мастерской, гдѣ я никогда не бываю, то есть, не въ мастерской не бываю, а въ комнатѣ. Совсѣмъ особая статья, обѣщаніе Сурикову помѣститься съ нимъ вмѣстѣ, если таковое дано уже. Но простите—тутъ есть крошечное лицемѣріе: какъ это Суриковъ оказывается доброкачественнѣе не только меня—это куда ни шло—а и ангела Господня? Какъ хотите, а тутъ есть политика. Ну, Господь съ вами, а я все-таки скажу — жаль. Да я и самъ доволенъ, что мы догадались проводить Достоевскаго. Да и какъ не проводить, когда онъ оказывалъ на всякаго русскаго человѣка такое огромное морализующее вліяніе—его еще не оцѣнили. Вообразите, я думаю, что, не смотря на всю торжественность оваціи, энтузіазмъ — еще не совсѣмъ ясно понимаютъ, кто былъ Достоевскій, и что̀ онъ сдѣлалъ!

Дѣловыя строчки:

Въ слѣдующемъ № «Художественнаго журнала», вы встрѣтите воззваніе къ обществу отъ имени Товарищества, къ подпискѣ на памятникъ П. К. Клодта, скульптора. Уговорите москвичей не бунтовать противъ узурпаціи Петербурга. Дѣло не терпѣло промедленія. На общемъ собраніи мы объ этомъ поговоримъ. Видите, дѣло въ томъ, что это отецъ нашего уважаемаго члена М. П. Клодта. Скульпторъ былъ изъ ряду вонъ, наставилъ памятниковъ, прославилъ Россію, а на его могилѣ, на Смоленскомъ, деревянный крестъ, да и тотъ одинъ сгнилъ, и родственники поставили другой. Товарищество, заявляя объ этомъ и приглашая къ подпискѣ, дѣлаетъ хорошее гражданское дѣло.

Какъ хорошо, что вы надумались перебраться въ Петербургъ! Знаете, хотя это и болото, но пока столица тутъ—наше мѣсто тоже здѣсь, наше, то есть, бойцовъ. Это не фраза! Радуюсь за Васнецова. Онъ, стало быть, сталъ на рельсы—давно пора.

Писать нужно еще много, а мѣста нѣтъ, да и некогда.

Вашъ И. Крамской.

CCLVIII. Къ Ѳ. Ѳ. Петрушевскому.

Спб., 3-го марта 1881 г.

Многоуважаемый Ѳедоръ Ѳомичъ. Очень былъ радъ получить отъ васъ извѣстіе, да еще такого интереснаго содержанія. Я задержалъ отвѣтъ по нѣсколькимъ причинамъ: во-1-хъ, я, въ качествѣ члена правленія Товарищества, устроивалъ выставку (9-ю), которая въ этомъ году особенно велика и, рѣшительно можно сказать, особенно интересна. Товарищество обогатилось несомнѣнно двумя талантами новыми и вовсе неизвѣстными до сихъ поръ, талантами перваго разряда (то-есть, нашего русскаго разряда) Суриковымъ и Кузнецовымъ. А во-2-хъ, мнѣ нужно было собрать нѣкоторыя свѣдѣнія, чтобы отвѣчать на ваши вопросы, относительно редакцій, платы за статьи, и т. п., а въ-3-хъ, послѣдніе дни случились событія ужасныя. Къ моему истинному сокрушенію, свѣдѣнія по 2-й категоріи, самыя существенныя для васъ, мнѣ подробно собрать не удалось; дожидаться еще нѣсколько дней—значитъ оставлять васъ въ нѣкоторомъ промежуточномъ состояніи, что̀ я хочу сократить, насколько это въ моей власти.

Скажу вамъ прежде всего, что я искренно и отъ всего сердца обрадовался вашему намѣренію писать о живописи. Оговорку вашу, что ваши статьи не будутъ рѣзки и авторитетны (излишне), я считаю лишней привѣской. Теперь у насъ недурны и нѣкоторая рѣзкость и авторитетность, чтобы установить прочныя основы. Думаю, что у васъ достанетъ какъ-разъ настолько и того и другого, насколько нужно.

Теперь отвѣчаю на вопросъ о «Художественномъ журналѣ» Александрова. Если вы прочли вышедшіе №№ (то есть, если только они дошли до васъ), то объяснять ихъ вѣсъ и значеніе мнѣ не зачѣмъ—вы это и сами увидѣли; что такое это будетъ вообще — сказать трудно. Александрова вы у меня видѣли, и, конечно, по одному разговору могли опредѣлить количество его умственнаго багажа, степень образованія и манеру. У него есть нѣсколько крупицъ цѣнныхъ въ критикѣ, но онѣ висятъ въ воздухѣ, мелькаютъ отдѣльными точками и не составляютъ крѣпкой нити, привязанной къ одному какому-нибудь главному положенію или принципу. Чтобы быть справедливымъ, прибавлю, что онъ кажется доступнымъ воздѣйствію, но это теперь, на первыхъ порахъ, а что̀ будетъ впослѣдствіи, когда онъ оперится—сказать не берусь. Изъ этого вы естественно можете заключить, что съ «Художественнымъ журналомъ» погодить надо, главнымъ образомъ потому, что вамъ помѣщеніе нужно прочное, а тутъ самое существованіе журнала еще не совсѣмъ обезпечено, хотя подписка идетъ хорошо, даже

блистательно, для начала, и все еще повышается. Заплатитъ онъ, конечно, въ высшемъ для него размѣрѣ 200—250 рублей за листъ, быть можетъ, но это разъ, два, даже три, а вамъ нужно, то есть, пріятнѣе—постоянно. «Отечественныя записки» къ отдѣлу по искусству въ своемъ журналѣ относятся индифферентно; мало этого—скорѣе враждебно, я бы сказалъ. «Вѣстникъ Европы» — да, болѣе другихъ и солидный журналъ, и солидная редакція, и солидный разсчетъ, хотя не въ высшей мѣрѣ; но вотъ этого-то послѣдняго я еще и не знаю, но буду знать, и тогда сдѣлаю вамъ извѣстнымъ. Затѣмъ, что́ же остается? Газеты «Голосъ», «Новое Время?» Новъ «Голосѣ» сидитъ весьма прочно г. Матушинскій—человѣкъ лайковыхъ перчатокъ, духовъ, помады—и прочихъ парфюмерныхъ принадлежностей, а «Новое Время» не имѣетъ ни начала, ни конца, хотя и охотно заплатитъ по 7 коп. за печатную строчку газетнаго столбца. Остальныхъ не знаю. Вотъ какого рода отчетъ я вамъ представляю.

Книга Руда, сколько я слышалъ, интересна, но такъ какъ Рудъ акварелистъ, то и знакомство его съ колерами, находящимися въ распоряженіи художника, ограничивается неполной областью живописи. Переводъ же его, я думаю, во всякомъ случаѣ будетъ принятъ и помѣщенъ, гдѣ вы пожелаете, то есть, я думаю такъ. Говорю это въ такомъ неустойчивомъ тонѣ (то есть личномъ), потому что собственно объ этомъ переводѣ я еще никому не говорилъ, не будучи на то уполномоченъ.

Не знаю, какія указанія дадутъ вамъ эти данныя, такъ какъ изъ этого отчета вы хотѣли знать, ка̀къ дѣйствовать. Но мнѣ кажется, что это не самое главное: важнѣе гораздо имѣть въ портфелѣ готовое по искусству; а если это есть, то органы печатные найдутся всегда.

Наконецъ, ваша уплата докторамъ въ Парижѣ. Думая о разныхъ изданіяхъ, пригодныхъ для этой цѣли, я остановился, кромѣ указываемыхъ вами, еще на одномъ: офорты Шишкина. Ихъ въ продажѣ уже не существуетъ давно, но если бы вы сочли возможнымъ остановиться на немъ, то я берусь достать альбомъ во что бы ни стало. Говорю такъ потому, что доски цѣлы и можно просить Шишкина отпечатать нарочито, и авторъ посмотритъ за печатникомъ. Если же бронза, или изданіе памятниковъ и зданій, то прикажите исполнить. Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CCLIX. Къ В. В. Стасову.

Мартъ 1881 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Я только что прочелъ въ «Голосѣ» вашу статью и, извините, ахнулъ! Что̀ вы со мной дѣлаете?

Вѣдь мнѣ просто нельзя будетъ показаться людямъ на глаза. Вѣдь есть свидѣтели, что я не говорилъ цѣлой рѣчи, да еще съ прибавками, которыя вы вставили въ мои слова отъ себя. Воля ваша, а я долженъ сдѣлать поправки, и вмѣстѣ съ этимъ посылаю въ редакцію нѣсколько строкъ, имѣющихъ тотъ смыслъ, что я не могу отвѣчать за вашу редакцію *).

При встрѣчѣ съ вами я вамъ изложу подробнѣе.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCLX. Къ П. М. Третьякову.

Спб., 2-го апрѣля 1881 г.

Многоуваемый Павелъ Михайловичъ. Сегодня я отвезъ всѣ ваши рисунки и акварели, чтобы уложить ихъ куда-нибудь въ ящикъ. Возвратясь, нашелъ еще отъ Беггрова на ваше имя—присоединилъ и ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, положилъ туда же этюдъ Максимова, принадлежащій Рѣпину, который Рѣпинъ забылъ въ Петербургѣ у меня. Словомъ, теперь все отъ меня отправлено. Въ акварели Гуна я давно сдѣлалъ руку, то есть не сдѣлалъ, а только, такъ сказать, закрылъ бумагу, придерживаясь общаго характера. Относительно завертыванія рамы Писемскаго бумагой не знаю, какъ быть. Къ вечеру должны быть картины уложены, письмо я сейчасъ получилъ (8 часовъ вечера), и иду къ Савицкому, тамъ всѣ соберутся, и я узнаю, уложенъ ли онъ или еще нѣтъ, и если не уложенъ еще, то я сообщу объ этомъ непремѣнно. Въ противномъ случаѣ — вамъ придется, скрѣпя сердце, прощать насильно. Впрочемъ, если онъ уложенъ въ ящикѣ механическомъ, то и раскрыть его всего 10 минутъ.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CCLXI. Къ нему же.

1882 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я вамъ телеграфировалъ о картинѣ Верещагина, потому что мнѣ казалось необходимо ее удержать, тѣмъ болѣе, что она относится къ Ташкенту.

Это не болѣе какъ этюдъ двухъ фигуръ, но такъ изумительно написанный, что мнѣ кажется, что онъ превосходитъ по техникѣ все, что̀ я у

*) Статья В. В. Стасова, напеч. въ «Голосѣ» 1881 г., № 85, излагала, въ какомъ восхищеніи былъ Крамской, увидавъ присланный на Передвижную выставку портретъ Мусоргскаго, написанный Рѣпинымъ. Послѣ того, Крамской напечаталъ въ «Новомъ Времени», № 1827, письмо В. В. Стасову, гдѣ, въ сущности, ничего не опровергъ изъ всего высказаннаго въ статьѣ Стасова. *Ред.*

Верещагина видѣлъ. Дѣло было такъ: Верещагинъ прислалъ эту картину, чтобы продать съ аукціона, а деньги назначилъ въ помощь погорѣвшимъ въ Вѣнскомъ театрѣ, какъ бы въ признательность за радушный пріемъ. (Оно немножко безтактно, какъ вы видите). Картина только что пріѣхала, простояла день на выставкѣ. На другой день я пошелъ ее посмотрѣть, а вмѣстѣ взглянуть и на Куинджи, а мнѣ говорятъ, что картина уже уложена, такъ какъ Верещагинъ утромъ въ тотъ день потребовалъ ее телеграммой, но видѣть можно, такъ какъ ящикъ открывали для Демидова С.-Донато, который нашелъ, что день такой темный, что онъ когда-нибудь заѣдетъ посмотрѣть еще.

Этюдъ до такой степени поразилъ меня, что я, ни мало не медля, далъ вамъ знать, думая, что быть можетъ успѣемъ еще остановить картину, чтобы и вы могли посмотрѣть: но, разумѣется, картина уѣхала, даже въ тотъ же день. Чтò случилось, почему Верещагинъ потребовалъ картину— не знаю. А жаль! Очень ужъ хорошо. Извините великодушно за медленность отвѣта, но я не былъ въ Петербургѣ, а на Сиверской. Дома у меня полу-благополучно: всѣ дѣти въ коклюшѣ.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCLXII. Къ неизвѣстному *).

1882 г. (весна).

Ваше превосходительство милостивѣйшій государь. Я считаю себя обязаннымъ безпокоить ваше превосходительство моею покорнѣйшею просьбою благосклонно меня выслушать.

Прежде всего я затрудняюсь опредѣленіемъ, къ чему именно слѣдуетъ отнести ту рѣзкую форму и смыслъ, которые вамъ угодно было придать своему неудовольствію, неожиданно на меня обрушившемуся при посѣщеніи моей рабочей комнаты? Отнести все сказанное вами къ исполненію портретовъ я не могу, потому что ваше превосходительство не изволили ихъ разсматривать; относить же къ цѣнѣ—я затрудняюсь тоже, такъ какъ я не увеличивалъ, въ поданномъ мною счетѣ, цѣнъ сравнительно съ тѣми, которыя мнѣ платятъ всѣ частныя лица за такія же художественныя произведенія.

Посылая вашему превосходительству счетъ, мнѣ не могло даже придти въ голову, что цѣны окажутся высокими, особенно при сравненіи ихъ съ цѣнами нѣкоторыхъ иностранныхъ художниковъ... Я занимался заказомъ вполнѣ серьезно, и не только какъ портретомъ, но и какъ картиной, упо-

---

*) Съ черноваго отпуска. *Ред.*

требилъ всѣ старанія, чтобы оправдать честь, которой я былъ удостоенъ; это было главнымъ двигателемъ при работѣ, а не цѣна, которая, какъ я уже докладывалъ, не увеличена. 8,000 рублей, если не больше, въ тотъ же промежутокъ времени, я легко бы заработалъ, смѣю увѣрить въ томъ ваше превосходительство, такъ какъ мнѣ приходилось отказываться отъ многихъ выгодныхъ предложеній. Въ настоящее время главный вопросъ для меня заключается въ томъ, чтобы знать: какое бы мнѣніе выразилъ N., осмотрѣвъ работы?

Къ счастью для меня, въ то время, когда вы уходили, вашему превосходительству пришла мысль обратиться къ ***, такъ какъ вы сознаете себя некомпетентнымъ судьею въ дѣлѣ искусства. Я этимъ, разумѣется, ободренъ и покорнѣйше прошу ваше превосходительство дать скорѣйшій ходъ этому дѣлу, въ виду изложеннаго въ первомъ письмѣ, но при этомъ не могу не замѣтить, что, въ виду вашей некомпетентности, съ послѣдняго вашего мнѣнія слѣдовало бы начать, вмѣсто того, чтобы подвергать меня незаслуженному позору и униженію, въ присутствіи стороннихъ лицъ и прислуги, на что̀ я сомнѣваюсь, чтобы ваше превосходительство были уполномочены.

CCLXIII. Къ П. М. Третьякову.

Спб., 9-го іюня 1882 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Сердечно прошу простить за долгое молчаніе, но причинъ было много.

Прежде всего по поводу Александрова. Когда я получилъ ваше письмо, онъ былъ у меня въ тотъ же день съ жалобой, такъ сказать, на незаслуженное униженіе, ка̀къ онъ выразился, и сказалъ, что отвѣтъ свой вамъ напечатаетъ. Я выслушалъ отъ него и сказалъ, что это будетъ съ его стороны уже прямо умыселъ. Что все, что̀ до сихъ поръ случилось, можетъ быть еще объяснено, но что, послѣ напечатанія отвѣта, всякое объясненіе станетъ излишнимъ и что ему, чего добраго, послѣ придется сожалѣть о своей поспѣшности. Долго мы говорили на эту тему, и наконецъ онъ отъ меня ушелъ съ намѣреніемъ вамъ еще разъ написать, а не прямо печатать отвѣтъ. Не знаю, что̀ онъ вамъ написалъ, даже не знаю, написалъ ли? Я его не видалъ съ тѣхъ поръ. Но вамъ, по этому случаю, хотѣлось бы мнѣ только выразить свое мнѣніе, что напрасно вы удержали Перова отъ возраженій: это было бы самое лучшее, что̀ можно было сдѣлать. Ну, да что̀ случилось, то случилось. Вѣчная ему память! Теперь наступаетъ исторія.

Послѣ этого, позвольте занять васъ однимъ планомъ, возникшимъ здѣсь,

и уже на половину осуществленнымъ. Дѣло идетъ о «Художественномъ съѣздѣ» на Всероссійской выставкѣ, въ Москвѣ, имѣющемъ состояться въ самыхъ первыхъ числахъ сентября. Дѣло стоитъ, или лучше — стояло, такъ: графъ Воронцовъ-Дашковъ убѣдился въ полезности съѣзда, вслѣдствіе представленныхъ ему доказательствъ. Идея съѣзда одобрена. Послѣ этого нужно было уладить вопросъ, отъ кого должно послѣдовать приглашеніе на съѣздъ и вообще объявленія о немъ. Послѣ многихъ комбинацій, мы наконецъ остановились на слѣдующемъ: объявленіе о съѣздѣ и приглашеніе разошлетъ «Общество любителей художествъ въ Москвѣ».

Сначала мы думали такъ: если разошлетъ приглашенія Академія — не пріѣдетъ большая половина художниковъ; вмѣшается Товарищество— тоже добра не будетъ. И потому мы составили записку историческую о дѣлѣ русскаго искусства, и вручили ее Воронцову-Дашкову, убѣждая его дать толчокъ отъ министерства двора, а въ предсѣдатели съѣзда представили 3-хъ на выборъ: С. М., вашего брата, Н. В. Исакова и графа Олсуфьева. Сказано было Боголюбову, что Олсуфьевъ молодъ для этого, Третьяковъ недостаточно силенъ, чтобы провести все, что̀ вамъ (то есть, художникамъ) нужно, а Исаковъ какъ-разъ. Тогда мы были у Исакова. Онъ принялъ весьма горячо это дѣло и стоялъ за то, чтобы иниціативу дѣла во-первыхъ взяло въ руки Товарищество, какъ частное общество, и во-вторыхъ исключить изъ программы все, что̀ можетъ прямо или косвенно задѣвать Академію. Мнѣ это было симпатично, хотя я продолжалъ сомнѣваться въ значительности Товарищества для успѣха съѣзда, и наконецъ сегодня мы, сообща съ Исаковымъ, нашли выходъ: просить «Общество любителей», какъ самое симпатичное для художниковъ, какъ хозяина въ Москвѣ и какъ самое чистое, внѣ всякихъ партій стоящее общество, взять починъ этого дѣла въ свои руки, тѣмъ болѣе, что оно вполнѣ и компетентно, и значительно. Остается склонить вашего предсѣдателя помочь дѣлу искусства и уговорить его дѣйствовать, еслибы онъ почему нибудь сталъ уклоняться. Если Д. П. Боткинъ согласится и возьметъ на себя предсѣдательство (что̀ находитъ Исаковъ положительно необходимымъ и по отношенію вѣжливости къ Москвѣ, и по многимъ другимъ причинамъ), то дѣло наше выгоритъ. Наше — въ смыслѣ русскаго искусства. Пишу къ вамъ съ положительнымъ намѣреніемъ просить васъ помочь намъ и склонять кого можно и слѣдуетъ: дѣло это хорошее. Помогите намъ. Программу вопросовъ, предлагаемыхъ къ обсужденію съѣзда, прилагаю вамъ. Это черновой набросокъ, настоящая же программа выработается комитетомъ вашего Общества. Въ утвержденіи ея можно быть заранѣе увѣреннымъ.

Вотъ какое дѣло возникло. Начато оно не дурно. Хорошо было бы, еслибы вы повидались прежде всего съ Боголюбовымъ, до начала съ кѣмъ либо

объ этомъ разговоровъ; онъ многое скажетъ и подробно, о чемъ нѣтъ возможности писать. И. Крамской.

ПРОГРАММА.

Вопросы общіе:

1) О способахъ развитія любви къ искусству въ Россіи и о привлеченіи симпатій общества къ судьбамъ русскаго искусства, путемъ:

а) устройства художественныхъ выставокъ,

б) устройства провинціальныхъ музеевъ,

в) устройства рисовальныхъ школъ.

Вопросы юридическіе:

1) О правѣ художественной собственности.

Вопросы педагогическіе:

1) О способахъ преподаванія живописи и скульптуры и о господствующихъ, въ настоящее время, на этотъ предметъ взглядахъ.

2) Почему иностранныя школы живописи находятся на извѣстной намъ степени совершенства?

3) Какое преподаваніе или обученіе живописи считать ведущимъ къ цѣли, съ наименьшей потерей времени, для молодыхъ художниковъ?

Вопросы спеціальные:

1) О техникѣ искусства живописи и скульптуры:

а) живопись масляными красками,

б) живопись на лавѣ,

в) мозаики.

2) Прикладныя искусства: гравированіе, фототипія и фотографія съ картинъ и различные доклады о сравнительномъ достоинствѣ воспроизведеній выставленныхъ картинъ.

Можно бы включить еще вопросы о конкурсахъ съ преміями: полезны ли они или нѣтъ, и если полезны, то какъ бы слѣдовало ихъ организовать?

Ну, словомъ, вопросовъ много, и окончательная редакція выработается комитетомъ *).

---

*) «Художественный съѣздъ» вовсе не состоялся въ 1882 г. *Ред.*

CCLXIV. Къ нему же.

27-го іюня 1882 г., Спб.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Не знаю, что вы называете пользой съѣзда вообще, и въ какомъ смыслѣ думаете, что я одушевленъ ожиданіемъ отъ съѣзда благодати. Совсѣмъ нѣтъ. Пользы практической, которая бы сказалась какими-либо очевидными результатами, отъ съѣзда художественнаго я не жду, и всякаго, кто будетъ ждать, готовъ просвѣщать въ противоположномъ смыслѣ. Но польза вотъ какая будетъ. Когда говорятъ теперь кому-нибудь изъ высшихъ лицъ, то всегда есть возможность истолковать это какъ происки котеріи, какъ интригу и т. д., а когда резолюція съѣзда будетъ оформлена, когда дебаты его будутъ стенографированы, когда, наконецъ, съѣздъ что-либо постановитъ и рѣшитъ, хотя рѣшенія его ни для кого необязательны, то объ этомъ нельзя уже будетъ говорить, какъ о чемъ-то темномъ и недостаточно авторитетномъ, а волей-неволей надо будетъ признать все это голосомъ общественнаго, а не единичнаго мнѣнія. Одно лишнее оружіе будетъ у врага исторгнуто, вотъ и вся польза. Кромѣ того, въ этомъ разѣ Обществу любителей въ Москвѣ представляется случай взять въ свои руки движеніе, которое такъ или иначе придется скоро считать историческимъ. Я говорю объ образованіи въ провинціяхъ музеевъ и школъ по художеству. Какъ хотите, а первое, что необходимо въ Россіи теперь—это необходимость частнаго почина въ такомъ дѣлѣ, для котораго существуетъ оффиціальное учрежденіе. Академія не желаетъ реформъ и движенія—пусть ее остается, никто ее не тронетъ и никто сна ея не потревожитъ. Но теперь назрѣло время, и на съѣздѣ, быть можетъ, обнаружится необходимость образованія какого-нибудь новаго и объединяющаго принципа, или общества, и, быть можетъ, наступилъ моментъ, когда Товарищество будетъ способно переформироваться. Но все это пока громкія слова и фантазіи. Если Общество любителей не почувствуетъ, что ему будетъ честь и слава, если оно не возьметъ наше предложеніе и не будетъ его проводить какъ свое, то, дѣлать нечего, за это должно будетъ взяться Товарищество, какъ это ни смѣшно, повидимому. Какъ мы ни слабы и какъ ни мало значеніе Товарищества въ русскомъ обществѣ, но мы попытаемъ дѣло. Очень будетъ жаль, если Москва отстранится отъ такого хорошаго начала или движенія.

Теперь о Перовѣ и Александровѣ. Если я, какъ вы пишете, оказываю поддержку (нравственную) Александрову (хотя это невѣрно), то Перовъ оказывалъ ему поддержку эту въ десять разъ больше. Я ничего Алексан-

дрову не давалъ, давать не намѣренъ и не знаю, какъ и чѣмъ онъ отъ меня пользуется, но Перовъ ему оказывалъ дѣйствительно поддержку, и многое, что Александровъ сказалъ о Перовѣ, я приписывалъ самому Перову. Вотъ почему я сказалъ, что очень жаль, что Перовъ былъ удержанъ отъ возраженій. Потомъ, очевидно, вы знаете больше меня про Александрова, и знаете фактически, такъ какъ у васъ есть прямое указаніе на недобросовѣстность (а вы не такой человѣкъ, чтобы бросать такія слова даромъ). Я же, кромѣ нѣкоторой безтактности съ его стороны, завѣдомо недобросовѣстнаго—не знаю. Кромѣ того, долженъ еще сказать (или, лучше, прибавить), что я его не знаю близко и мало имъ интересуюсь. Кромѣ тѣхъ отношеній, свидѣтелемъ которыхъ и вы бывали, то есть разговоровъ общихъ и куренія сигаръ вмѣстѣ, никакихъ болѣе тѣсныхъ отношеній не существуетъ. Сознаюсь, по слабости характера, я иногда кое-что ему обѣщалъ (по части писанія), но всегда неохотно (это онъ знаетъ), и даже первыхъ 2—3 мѣсяца въ прошломъ году и исполнялъ; но съ тѣхъ поръ какъ оказалось, что онъ не слушаетъ никакого голоса, и продолжаетъ грубо и безтактно иногда поступать по своему—я совершенно устранился, и даже неохотно говорю о журналѣ. Никогда не начинаю самъ, и только уступаю необходимости, высказываю свое мнѣніе—онъ его знаетъ. Онъ знаетъ, что я его не одобряю вообще, хотя не могу не признать, что, то тутъ, то тамъ—онъ говоритъ дѣло, какъ напримѣръ о 10-й передвижной выставкѣ. Мнѣ кажется, что эта статья вѣрная и хорошая. О Перовѣ тоже много вѣрнаго вообще, но безтактнаго въ высшей степени тоже много, и когда онъ пришелъ ко мнѣ, какъ бы съ жалобой,—съ вашимъ письмомъ, то все это я ему и сказалъ. Чтобы очистить совѣсть свою передъ вами, я долженъ еще сказать, что въ вашемъ письмѣ къ Александрову есть одно мѣсто, о которомъ я очень пожалѣлъ, что оно тамъ есть. Когда онъ мнѣ читалъ, то я просто былъ глубоко сокрушенъ. Послѣ изложенія, какъ Перовъ продавалъ свои вещи и за какія цѣны, и вообще, возстановляя факты, вы пишете, что «память Перова будетъ свѣтлою», или что «образъ Перова (благодаря его безкорыстію, такъ сказать) останется свѣтлымъ въ памяти». Когда онъ прочелъ это мѣсто, я невольно подумалъ: «въ чьей памяти?» Тутъ есть какая-то глубокая неловкость, которою онъ можетъ воспользоваться, и, сколько я его знаю, онъ воспользоваться способенъ. Къ сожалѣнію, теперь прошло уже много времени съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ; до сихъ поръ я не встрѣчался съ нимъ и не знаю его намѣреній дальнѣйшихъ, и только изъ вашего письма я узналъ, что онъ уже вамъ написалъ (какъ онъ обѣщался, уходя отъ меня въ послѣдній разъ), и даже получилъ уже вашъ отвѣтъ. Увидимъ, что онъ будетъ такое, когда я его встрѣчу.

Относительно же послѣдняго вашего рѣшенія: не вмѣшиваться съ нимъ

ни въ какія печатныя пререканія, я совершенно согласенъ, и даже больше скажу: это само собою разумѣется; но, въ то же время, считаю долгомъ поставить васъ въ извѣстность, что я считаю своею нравственною обязанностью возражать Александрову всякій разъ, когда мнѣ покажется это необходимымъ. Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CCLXV. Къ нему же.

14-го ноября 1882 г., Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. У меня въ чужомъ пиру похмѣлье. Вотъ въ чемъ дѣло: Ѳ. А. Терещенко недавно прислалъ ко мнѣ письмо, съ вопросомъ: нѣтъ ли чего новаго въ Петербургѣ, по части картинъ? Я ему пишу: есть — картина Савицкаго и картина Максимова *). Цѣна одной (Максимова) около 1,500 руб., а другой (Савицкаго) около 2-хъ тысячъ. Эти цѣны я написалъ, по соображенію своему личному, не зная на самомъ дѣлѣ. Чрезъ 4 дня (вчера), получаю телеграмму: «Картины Максимова и Савицкаго купите для меня и высылайте немедленно». Видя такую стремительность, я немножко струсилъ, и пошелъ прежде всего справиться о цѣнахъ, не говоря уже о томъ, что картины высланы быть не могутъ немедленно. Оказывается, что Савицкій дѣйствительно желаетъ за свою 2,000 рублей, а Максимовъ, 1,200. Въ разговорѣ съ Савицкимъ выяснилось, что надо подождать, такъ какъ онъ картину еще быть можетъ перепишетъ, а Максимовъ на то, что его картину желаетъ купить Терещенко, заявилъ, что эта картина, кажется, понравилась Павлу Михайловичу!—«А! я говорю, въ такомъ случаѣ пожалуйста увѣдомьте Павла Михайловича, что у васъ ее покупаютъ». Онъ обѣщался; а сегодня приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что онъ старался, и у него не выходитъ, и что ему неловко и проч. и проч. Тогда я вызвался сдѣлать это самъ, и, какъ видите — дѣлаю.

Считаю долгомъ не утаивать отъ васъ еще одного обстоятельства: Максимовъ потомъ, уходя, прибавилъ, что для Терещенко и для всѣхъ другихъ цѣна его картинѣ 1,200 рублей, а для васъ 1,000. Исполнивъ то, что собственно до меня не касается, я буду ждать отъ васъ извѣстія, прежде чѣмъ писать Терещенкѣ. Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

---

*) Савицкаго: «Темные люди», Максимова: «Больной мужъ». *Ред.*

CCLXVI. Къ нему же.

1882 г. (ноябрь — декабрь).

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я потому вамъ предложилъ теперь этюдъ Гуна, что послѣзавтра мнѣ встрѣтится опять большая нужда въ деньгахъ, въ размѣрѣ 400 рублей. (Это все уплата по векселямъ за время постройки). И такъ какъ я съ васъ за этотъ этюдъ не могу взять болѣе, то и посылаю его къ вамъ, чтобы долгъ мой старый и большой не увеличивать. Уважающій васъ И. Крамской.

CCLXVII. Къ неизвѣстному *).

Спб., 29-го ноября 1882 г.

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Въ настоящее время я вижу, что мнѣ слѣдовало бы еще весною отклонить отъ себя честь быть членомъ коммисіи по сооруженію памятника Лермонтову, и сдѣлать это при первомъ же свиданіи съ вами самымъ рѣшительнымъ образомъ, чтобы не производить неловкаго впечатлѣнія на весь уважаемый составъ коммисіи моею просьбою объ отставкѣ теперь, когда дѣйствія коммисіи уже начались. Обо всемъ этомъ я глубоко сожалѣю и прошу извиненія самымъ усерднымъ образомъ. Причины, по которымъ я долженъ васъ просить объ увольненіи, кромѣ личныхъ и вамъ уже извѣстныхъ, заключаются еще и въ томъ, что если я останусь въ коммисіи, то, въ добавокъ къ обнаружившемуся принципіальному противорѣчію съ большинствомъ, буду находиться въ противорѣчіи съ самимъ собой, потому что не раздѣляю основной мысли о конкурсахъ, и не думаю, чтобы черезъ нихъ достигалась лучшая художественная концепція; а также не увѣренъ и въ томъ, чтобы существованіе коммисіи, какъ посредствующей инстанціи между заказчикомъ и художникомъ (выдвинутымъ конкурсомъ), обезпечивало бы лучшее художественное исполненіе данной задачи **).

Какъ видите, въ данномъ случаѣ, я отрицаю очень многое. Позвольте изложить и мотивы.

Останавливаюсь для перваго раза на рѣшеніи коммисіи открыть конкурсъ на эскизы памятника въ моделяхъ, рисункахъ или легкихъ набросках; тогда какъ въ началѣ коммисія хотѣла вызвать всячески самую идею памятника, выраженную хотя бы только словами.

Отчего случилось такое противорѣчіе?

---

*) Съ черноваго отпуска. *Ред.*

**) Разумѣю творческую технику, а не грамматику. *И. К.*

(Я не выражаю здѣсь личныхъ взглядовъ, что̀ предпочтительнѣе, я только отношусь критически къ существующему факту). И такъ, рѣшено то, съ чего начинались и начинаются всѣ конкурсы; очевидно стало быть, что и этотъ конкурсъ покатится по рутинной дорожкѣ.

Рѣшеніе коммисіи вызвано, однакожъ, совершенно основательными соображеніями: что такъ какъ за проэкты памятника будутъ выданы преміи, то, для того, чтобы узнать, который изъ проэктовъ лучше, необходимо сравнивать величины однородныя. Тѣмъ не менѣе коммисія своимъ послѣднимъ постановленіемъ закрыла навсегда доступъ въ свою компетентность идеѣ памятника, выраженной словами; и такимъ образомъ дѣятельность коммисіи уже предопредѣлена: она должна будетъ принять направленіе, вытекающее изъ разъ принятаго постановленія фатально. Все это рѣшено совершенно легально голосованіемъ, послѣ обоюднаго обмѣна мыслей. Стало быть—сугубо правильно.

Къ сожалѣнію, не всѣ человѣческіе вопросы могутъ быть разрѣшаемы голосованіемъ удовлетворительно.

Когда необходимо найти рѣшеніе какого-нибудь юридическаго вопроса, законодательнаго, или гражданскаго права, гдѣ сталкиваются интересы милліоновъ, интересы, подлежащіе точному измѣренію, тогда баллотировка на мѣстѣ; мало того, только посредствомъ голосованія, и самаго обширнаго, можно достигнуть наиболѣе правильнаго рѣшенія вопроса. И если таковое рѣшеніе не будетъ идеально справедливо (а оно можетъ оказаться даже въ противорѣчіи съ идеаломъ), то во всякомъ случаѣ оно будетъ справедливо и годно для людей въ теченіи извѣстнаго времени. Иное дѣло художественное творчество.

Рѣшать какой-либо художественный вопросъ баллотировкою — значитъ отсѣкать излишки. Но излишки бываютъ въ искусствѣ разные, какъ въ сторону глупости, такъ и въ сторону геніальнаго размаха. Какая-нибудь нелѣпость, выходящая за извѣстные предѣлы, сразу очевидна для всякаго большинства; драгоцѣнная же крайность въ противуположную сторону (столь важная въ искусствѣ) должна быть тому же большинству еще доказана; а къ тому времени, когда она будетъ наконецъ доказана, она сдѣлается общимъ мѣстомъ.

Отчего въ храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ плохи картины на стѣнахъ? Оттого, что для пріема каждаго произведенія, и даже для надзора за исполненіемъ, было допущено вмѣшательство коммисіи (и очень компетентной), которая неизбѣжно сглаживала всѣ неровности. Но какія? вотъ вопросъ! Еще примѣръ: отчего въ Академіи Художествъ программы на золотыя медали всегда такъ благополучно плохи? Оттого, что въ ин-

тимную работу художника вмѣшивается самая компетентная, въ своемъ родѣ, коммисія!?

Извините, если это звучитъ злой ироніей. Я говорю то, что думаю и въ чемъ убѣжденъ, и мнѣ будетъ глубоко прискорбно, если вы усмотрите въ этомъ что-либо неприличное, а стало быть и обидное.

Далѣе. Въ послѣднемъ засѣданіи вы высказали свой взглядъ на памятникъ Пушкина, весьма нелестный для его художественныхъ достоинствъ. Но отчего онъ такой? Неужели только оттого, что тогдашняя коммисія не додумалась до конкурса на идею? Вовсе нѣтъ, я могу свидѣтельствовать, что и у коммисіи по постановкѣ памятника Пушкину было искреннее желаніе вызвать идеи; но она, не довольствуясь тѣмъ, что художникомъ Забѣлло было создано въ его лучшую пору, точно тѣмъ же путемъ, какъ и теперешняя коммисія, очутилась на наклонной плоскости, и фатально должна была принимать сегодня—послѣдствія вчерашняго рѣшенія, а завтра—подчиняться неизбѣжно образовавшимся новымъ условіямъ, возникнувшимъ изъ сегодняшняго и т. д. и т. д.

Всѣ мы знаемъ, что протоколы затѣмъ и существуютъ на свѣтѣ, чтобы дисциплинировать самые разнородные элементы и чтобы люди поступали согласно съ ними, вопреки иногда внутреннему убѣжденію. А изъ множества протоколовъ образуется столь несокрушимая сила, что она своею тяжестью раздавитъ какое угодно личное сопротивленіе.

Столь мятежныя мысли съ моей стороны не должны, однакожъ, давать вамъ права къ заключенію, что я врагъ протоколовъ всегда и всюду. Я только, благодаря опыту и наблюденію, знаю, что полезный способъ дѣйствій въ одной области можетъ быть вреденъ въ другой, не болѣе того.

Теперь позвольте высказать соображенія, почему я думаю, что конкурсы не вызываютъ и лучшей художественной концепціи.

Откуда такая концепція можетъ явиться? Очевидно, она можетъ выйдти изъ головы только наиболѣе сильнаго и талантливаго художника, или уже извѣстнаго и опредѣлившагося, или еще неизвѣстнаго, благодаря ранней молодости, но уже существующаго.

Только въ интересахъ такихъ неизвѣстныхъ, но имѣющихъ несомнѣнную будущность, и полезно, пожалуй, дѣлать конкурсы. Но и тутъ, взять на себя рѣшимость поручить дѣло такой важности человѣку, лишенному опыта, можетъ скорѣе одинъ человѣкъ независимаго и самодержавнаго положенія, нежели цѣлая коммисія; всѣ художественные вопросы рѣшались и доказывались массѣ единоличною властью таланта художника, съ одной стороны, и критики—съ другой.

Но появленіе еще неизвѣстной величины есть дѣло случая и, какъ та-

ковое, не можетъ служить основаніемъ дѣятельности и разсчетовъ коммисіи; оно можетъ быть только счастливымъ сюрпризомъ. Стало быть, для правильныхъ разсчетовъ остаются величины уже извѣстныя: художники уже опредѣлившіеся и дѣйствующіе. Но тутъ возможно даже предсказаніе, чьи проэкты будутъ лучше (предполагая, конечно, что всѣ извѣстные художники примутъ участіе въ конкурсѣ).

Только что сказанное опровергается, повидимому, фактами предшествующихъ конкурсовъ. Но это только повидимому.

На памятникъ Пушкину было очень много конкурсовъ, и выдано много денегъ на преміи. На всѣхъ конкурсахъ первыми были Опекушинъ и Забѣлло, Забѣлло и Опекушинъ. У художника Забѣлло раньше конкурса была уже оконченная статуя, по концепціи превосходящая всѣ бывшія на конкурсахъ; но коммисія не могла ее и допустить къ обсужденію, какъ извѣстно кому принадлежащую. Художникъ же, разъ реализировавшій свою идею, можетъ только на нее и ссылаться, а отъ него требуютъ новой. Естественно, что творчество не всегда подчиняется даже приказанію самого художника—и онъ даетъ вещи сравнительно блѣдныя.

Я не утверждаю, что статуя Пушкина, Забѣлло, такая статуя, о которой бы можно было говорить съ восторгомъ, какъ объ изображеніи поэта; но статуя эта неизмѣримо выше (по воодушевленію), нежели та фигура, которая стоитъ на Тверскомъ бульварѣ. А вѣдь Забѣлло-жъ вовсе не лучшій нашъ скульпторъ. Это только указываетъ на то, что̀ общество имѣло бы, еслибы дѣйствительно лучшему художнику было поручено дѣло. Теперь объ Антокольскомъ. Его проэктъ былъ въ глазахъ коммисіи, публики и критики хуже многихъ, но чѣмъ? Только тѣмъ, что онъ переступилъ главныя основы и границы скульптуры и пытался расширить свои средства до полученія эффекта живописнаго. Такому художнику сто̀итъ только сказать: «это не то, что̀ нужно, а нужно вотъ это», и онъ, войдя въ берега, сдѣлалъ бы вещь, достойную его таланта. Но если даже и то, что̀ художникъ тогда представилъ, вообразимъ себѣ выполненнымъ съ тѣмъ талантомъ, который Антокольскій всюду обнаруживаетъ, было бы конечно интереснѣе того, что̀ есть. Между эскизомъ и оконченнымъ художественнымъ произведеніемъ такая огромная разница, что правильно судить, что̀ лучше и что̀ хуже, рѣшительно невозможно, раньше того, пока и то, и другое, и третье не будетъ кончено. Только готовое художественное произведеніе даетъ художнику возможность во мнѣніи публики, и только по такимъ произведеніямъ критика опредѣляетъ мѣсто художнику.

Къ этому я прибавлю еще слѣдующее: дайте два контура совершенно тождественныхъ двумъ художникамъ разныхъ дарованій, съ условіемъ не выходить изъ линій во что бы то ни стало, и вы увидите, что у таланта

линіи будутъ жить и шевелиться, а у посредственнаго художника все будетъ обстоять благополучно, но и только! Художники меня отлично поймутъ и безъ всякаго спора со мною согласятся.

Все это я веду къ тому простому положенію, что хорошій памятникъ можно получитъ помимо конкурса, адресуясь къ самому лучшему художнику: если самаго лучшаго не оказывается, а есть нѣсколько равныхъ, разницы большой не оказывается.

Знаю, что вамъ кажется возможнымъ органическое соединеніе идеи, принадлежащей какому-нибудь образованному человѣку, и руки, принадлежащей художнику-спеціалисту. Мнѣ же это возможнымъ не представляется; но такъ какъ то мое доказательство, что такого историческаго примѣра я не знаю, еще не служитъ основаніемъ отвергать ваше предположеніе, тѣмъ болѣе, что и примѣры компанейскаго исполненія художественныхъ задачъ (не первоклассныхъ) бывали*), то я и на этотъ послѣдній пунктъ всегда отвѣчалъ: «надо попробовать». Но сколько можно судить по направленію, принятому коммисіею, именно такого опыта сдѣлано и не будетъ.

Я же лично продолжаю утверждать, что если появится такая идея памятника, которая коммисіи безусловно понравится, а между тѣмъ она будетъ принадлежать не художнику, способному дать ей форму, она такъ и останется висящею въ воздухѣ, не реализированною. И сколько бы художникъ, вами призванный, ни утверждалъ, что идею онъ понялъ и усвоилъ, при дальнѣйшей реализаціи вы увидите, что ваши представленія и художника не тождественны.

Такъ какъ все, чтò мною сейчасъ сказано, относится къ области, не допускающей непосредственной провѣрки, а надъ самимъ памятникомъ дѣлать опыты легкомысленно, то я и оставляю вопросъ открытымъ, съ моей стороны недоказаннымъ и другому вовсе не очевиднымъ, хотя для меня все это сомнѣнію на подлежитъ. Я искренно буду радъ, если настоящей коммисіи удастся столь феноменальное соединеніе; но для этого ей необходимо вернуться къ первому засѣданію и, добившись отъ конкурса идеи, выраженной словами, и непремѣнно только словами (тому же должны подчиняться и художники) и затѣмъ получивъ то, чтó коммисія ищетъ, объявить конкурсъ уже на реализацію.

Такимъ путемъ быть можетъ что-нибудь и выйдетъ.

Въ заключеніе скажу еще послѣднее, что думаю по этому предмету. Тѣ идеи, которыя есть у писателя, поэта или просто у умнаго образованнаго

---

*) Надо помнить при этомъ только то, что такія компаніи заключались людьми, близко другъ друга знавшими; но и при этомъ неизбѣжно происходило поглощеніе однимъ воли другого. *И. К.*

человѣка, не суть идеи, годныя для пластическихъ изображеній. (Исключенія конечно могутъ встрѣчаться и здѣсь, какъ вездѣ).

Скажу парадоксально: если въ головахъ живущихъ теперь художниковъ не найдется искомой идеи, искать ее не въ этой группѣ я отказываюсь, потому что художественная концепція пластическая—совсѣмъ особая статья, и если является на свѣтъ Божій мозгъ, способный къ такимъ концепціямъ, то человѣкъ, обладающій такимъ мозгомъ, становится непремѣнно художникомъ и только художникомъ!

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть готовый къ услугамъ **И. Крамской.**

CCLXVIII. Къ А. С. Суворину.

6-го января 1883 г., Спб.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. По прочтеніи 2-й статьи В. В. Стасова «25 лѣтъ русскаго искусства», я ощущалъ потребность написать вамъ кое-что, съ правомъ сдѣлать извѣстнымъ письмо въ цѣломъ или въ извлеченіи, если вы найдете его почему-либо того стоющимъ, и только теперь рѣшаюсь это сдѣлать.

Въ статьѣ этой говорится и о моихъ портретахъ, бывшихъ на всероссійской выставкѣ: Боткина (С. П), Данилевскаго (Г. П.), Гуна (художника) и еще объ «одномъ литераторѣ» и къ этому добавляется слѣдующее: *(Тутъ надо вставить цитату цѣликомъ, а у меня нѣтъ книги).*

Кто этотъ «литераторъ»—я знаю. Это вы, такъ какъ больше на выставкѣ портретовъ моихъ не было. Полагая, что подобный пріемъ вовсе не нуженъ въ критикѣ, и что онъ разъясненію художественныхъ достоинствъ и недостатковъ даннаго художественнаго произведенія не помогаетъ, а только интригуетъ публику дурного сорта, и, не смотря на то, что мѣсто это въ статьѣ касается, строго говоря, только насъ двоихъ съ вами, мнѣ кажется, что тутъ есть кое-что, коснувшееся всѣхъ, кто читалъ статью: я, положимъ, обидѣлся, а другіе могли почувствовать нѣкоторый конфузъ и стѣсненіе, подобное тому, какъ бываетъ съ обществомъ, собравшимся у кого-либо въ домѣ и сдѣлавшимся невольнымъ свидѣтелемъ несомнѣннаго неприличія.

Я знаю, что учить людей вѣжливости въ мои обязанности не входитъ, а потому я ограничился только тѣмъ, на что̀, мнѣ казалось, я имѣлъ тогда нѣкоторое право, а именно: я зналъ В. В. Стасова за человѣка честныхъ намѣреній во всякомъ случаѣ, и потому пошелъ къ нему спросить, что̀ заставило его не называть лицо, о портретѣ котораго идетъ рѣчь?

На мои прямыя и категорическія слова, что я пришелъ выразить ему мое удивленіе, что онъ оказался доступнымъ столь мелкому личному чувству, что даже не можетъ произнести имени антипатичнаго ему человѣка, и при такомъ несомнѣнно отвлеченномъ занятіи, какъ критика художественныхъ произведеній, — я услышалъ отъ него въ отвѣтъ энергическое отрицаніе своей виновности; а изъ дальнѣйшаго его разсказа я могъ только заключить, что это сдѣлалъ кто-то другой, и что, когда выйдетъ, послѣ января, его статья особой брошюрой, то все будетъ возстановлено. Конечно, я могъ бы любопытствовать и дальше: ктò виновный? Цензоръ ли, редакторъ, переписчикъ, или наборщикъ, или кто-нибудь другой, но такъ какъ требовать отъ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ отчета въ этомъ я не могъ, то и оставилъ дальнѣйшее объясненіе.

Долго послѣ того, однакожъ, не выходилъ у меня изъ головы этотъ особый пріемъ художественной критики; пріемъ, къ сожалѣнію, и не новый. Я припомнилъ случай съ Рѣпинымъ, когда Стасовъ въ отзывѣ о «Протодіаконѣ» говорилъ, что это воспроизведеніе такихъ-то и такихъ-то порочныхъ наклонностей, и кàкъ живой человѣкъ, съ котораго писалъ Рѣпинъ, выражалъ художнику свое неудовольствіе. Тоже самое было и съ Перовымъ въ 72 г. (кажется), когда на одной изъ передвижныхъ выставокъ былъ его замѣчательный портретъ купца Камынина. Не помню, какой фельетонистъ, и въ какой газетѣ, говоря о портретѣ, выразился: — «вотъ (молъ) онъ, знаменитый «Титъ Титычъ» Островскаго!» Вслѣдствіе такого отзыва фельетониста, Перову были большія непріятности, да кромѣ того родственники уже и послѣ смерти купца всегда отказывали въ просьбѣ дать на выставку портретъ, хотя въ немъ нѣсколько разъ нуждались, когда собирали образцы нашего искусства для всемірныхъ выставокъ. Портретъ, дѣйствительно, замѣчательный. Раздумывая обо всемъ этомъ, я прочелъ написанное Стасовымъ еще нѣсколько разъ, и мнѣ стало казаться сомнительнымъ, чтобы кто-нибудь другой рѣшился вычеркнуть ваше имя изъ статьи, помимо автора. Постройка фразы этого не допускаетъ. Сомнѣніе это я и хочу выразить громко, чтобы вызвать разъясненіе. Я слышалъ, что въ литературныхъ нравахъ возможны обѣты не произносить, напримѣръ, имени ненавистнаго органа печати или лица, но никогда не могъ понять, кàкъ можетъ умный человѣкъ доходить до такого ребяческаго суевѣрія, что оттиснутое типографскими чернилами слово кого-то или что-то можетъ замарать. Или ужъ эти люди особо чистые кристаллы? Но чтó же они дѣлаютъ въ то время, когда имя нечестиваго возникаетъ въ ихъ мозгу и памяти?!

Попутно вспомнилъ я также одинъ разговоръ на тему человѣческой непослѣдовательности: положимъ, вы слышите сегодня, что кто-нибудь

кого-нибудь хвалитъ, а завтра, поссорившись, тотъ же человѣкъ мало того, что уже не хвалитъ, но хваленаго ругаетъ. Одинъ изъ насъ сказалъ на это очень мѣтко: — «Да, это очень странно, я самого себя ловилъ на этомъ: разойдешься съ кѣмъ-нибудь, и начинаешь удивляться кàкъ это я не замѣчалъ прежде, что человѣкъ этотъ и ходитъ какъ-то противно, и улыбается глупо, и глаза ничего не выражаютъ. Словомъ: чортъ знаетъ чтó такое!» Ближайшая причина моего письма теперь слѣдующая: въ сегодняшнемъ № «Новаго Времени» есть ваша статья о Перовѣ подъ рубрикой «Письма къ другу». Говоря о критикахъ, вы роняете, будто нечаянно, одно слово: «пригвоздятъ къ портрету». Это показало мнѣ только, что и вы тоже прочли это мѣсто *), запомнили его. Послѣ этого, я молчаливымъ оставаться не могу.

Теперь позвольте кончить.

Вы мнѣ заказали свой портретъ и заплатили за него полностію, т. е., такъ, кàкъ мнѣ платятъ, и ту цѣну, какую я спрашиваю; скажите же громко, и мнѣ, и критику, и тѣмъ, кто чувствовалъ конфузъ отъ неприличнаго критическаго пріема: считаете ли вы возможнымъ, чтобы отъ художника можно было требовать отчета, въ данномъ случаѣ, въ мысляхъ его? Считаете ли возможнымъ, что мнѣ входили въ голову намѣренія при работѣ, и что я занимаюсь какими-либо утилитарными цѣлями, кромѣ усилія понять и представить сумму характерныхъ признаковъ, къ чему я правда всегда стремился, и къ чему всегда была направлена моя наблюдательность? Кàкъ надобно отнестись къ этому обстоятельству по существу, и чтò нужно дѣлать, чтобы такая критика выводилась? Я чувствую, что это есть общее, такъ сказать, атмосферическое умственное давленіе, и что мы всѣ находимся подъ одинаковымъ минимумомъ, но и больше ничего; а какъ отъ этого избавиться — я не знаю. Уважающій васъ И. Крамской.

CCLXIX. Къ нему же.

6-го января 1883 г.

Уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Долго я думалъ, по какому поводу я напишу вамъ письмо о выходкѣ Стасова, и рѣшительно не находилъ мотива. Ваша статья о Перовѣ, прекрасная въ общемъ и вѣрная въ деталяхъ, дала мнѣ этотъ предлогъ. Тамъ есть одно слово: «Пригвоздить». Ну я почувствовалъ, что объясненіе становится натуральнымъ.

Вашъ И. Крамской.

*) Въ статьѣ В. В. Стасова «25 лѣтъ русскаго искусства» (Вѣстн. Европы, 1882 декабрь), было сказано, по поводу портрета Крамского:.. «Такіе портреты навсегда, какъ гвоздь, прибиваютъ человѣка къ стѣнѣ...» *Ред.*

CCLXX. Къ нему же.

8-го января 1883 г. Спб.

Уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Въ жару разговора я забылъ вовсе одно обстоятельство по поводу Перова. Дѣло въ томъ, что картину его «Никиту Пустосвята», благодаря стараніямъ Боткина, великій князь Владиміръ Александровичъ рѣшилъ или обѣщалъ купить отъ Академіи. Это было при открытіи выставки въ Москвѣ..... Идея пенсіона что-то туго подвигается. Теперь, когда поднялся вопросъ о томъ, гдѣ сдѣлать выставку Перова въ Петербургѣ, Собко *) былъ у N, и тотъ отказалъ въ помѣщеніи. Узнавъ объ этомъ, Боткинъ, какъ ловкій человѣкъ, спасъ честь Академіи. Поѣхалъ сейчасъ же къ великому князю и между прочими докладами и разговорами спросилъ, можно ли устроить выставку Перова въ Академіи? Великій князь сказалъ: хорошо, очень радъ, тѣмъ болѣе, что это будетъ помощь вдовѣ...

А что̀ касается неприличія заушеннаго епископа и т. п.**), то что̀ же дѣлать намъ съ нашей мужицкой исторіей? Мы дѣйствительно вышли изъ низкой среды, у насъ не было между предками рыцарей Круглаго стола, разныхъ Хлодовиковъ и прочаго декорума? Ну, словомъ, не оставляйте дѣло о Перовѣ, благо онъ тронулъ ваше сердце и вы признали за нимъ серьезное значеніе.

Напишите кое-что на сію тему. Уважающій васъ И. Крамской.

CCLXXI. Къ П. М. Третьякову.

Спб., 12-го января 1883 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Нѣсколько лѣтъ уже какъ у меня мелькала мысль исповѣдываться вамъ, да такъ и тянулось до сего момента. Хорошо ли, или дурно, что я пропустилъ столько времени, не знаю, и даже не знаю, хорошо ли я дѣлаю и теперь; но такъ какъ мнѣ не остается другаго выхода, передъ тѣмъ, какъ погрузиться окончательно, то попробую.

Двадцать лѣтъ тому назадъ я женился. Когда доброжелательные люди (семейство П., гдѣ я давалъ уроки; сынъ тогда только что поступилъ въ университетъ и приготовлялся въ Академію) — такъ вотъ мать, узнавъ, что я женился, соболѣзновала обо мнѣ и прямо въ лицо говорила: «Напрас-

*) Распорядитель посмертной выставки Перова. *Ред.*

**) Заушенный епископъ—одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ картинѣ Перова. *Ред.*

но! Художнику этого дѣлать не слѣдовало бы, вамъ еще нужно учиться!» — я на это очень храбро и съ глубокимъ убѣжденіемъ (какъ теперь помню), сказалъ: «Если изъ меня, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя я сталъ, ничего не выйдетъ, то и жалѣть о такихъ людяхъ не стоитъ». Я тогда былъ и обиженъ, и золъ на людей. Я живо чувствовалъ тогда потребность нравственной жизни, чтобы имѣть возможность развиться. Не знаю отчего, мнѣ тогда казалось, что, чтобы идти впередъ, нужно жениться. Кромѣ того, я и тогда понималъ (хотя мнѣ было всего 25 лѣтъ), что женитьба—это лотерейный билетъ (и одинъ) на выигрышь въ 200.000, особенно художнику. Не знаю также, отчего, я угадалъ человѣка, но я угадалъ его, потому что во всѣхъ критическихъ случаяхъ жизни (когда именно человѣкъ и сказывается), этимъ человѣкомъ все приносилось въ жертву, если, по моему мнѣнію, мое искусство того требовало. И все-таки, не смотря на это, черезъ 20 лѣтъ напряженнаго состоянія, я сознаюсь, что обстоятельства выше моего характера и воли. Я сломленъ жизнью, и далеко не сдѣлалъ того, что́ хотѣлъ, и что̀ былъ долженъ. Еще 6 лѣтъ тому назадъ, я смотрѣлъ бодро и хладнокровно выжидалъ времени, когда можно будетъ приняться за трудъ, но... время шло, а планы мои все откладывались, точно мнѣ отведено цѣлое столѣтіе. Наконецъ наступилъ моментъ, когда упускать не только года̀, а даже мѣсяцы, рискъ огромный, потому что мнѣ 45 лѣтъ, волосы посѣдѣли, и глаза начинаютъ подаваться. Сколько у меня осталось времени? Это вопросъ мучительный. Подъ вліяніемъ этого же мучительнаго вопроса и въ ужасѣ, что по моей милости, пока я занимался своимъ совершенствованіемъ въ живописи, дѣти мои остаются нищими, я началъ строить домъ, чтобы хотя что-нибудь осталось имъ. Но, ка̀къ и слѣдовало ожидать, простроился и вошелъ въ долги до 4—5 тысячъ, истративъ слишкомъ 24,000. Короче,—въ настоящую минуту я банкротъ, такъ какъ дачу нужно заложить, во что бы то ни стало. Но вотъ горе: дачи въ залогъ не принимаютъ! Когда я узналъ это обстоятельство, я, сѣдой человѣкъ, разсмѣялся надъ собой самымъ безпощаднымъ образомъ. Начать строить, знать, что мнѣ послѣ постройки придется закладывать, и не знать, что дачъ нигдѣ въ залогъ не принимаютъ! А какъ хорошо, казалось, разсчиталъ: деньги (несчастныя 14 — 15 тысячъ, да во время постройки заработалъ около 6 тысячъ), думаю себѣ, у меня все равно уйдутъ, мы ихъ проѣдимъ, а я лучше сдѣлаю вотъ что: 10 — 12,000 простроюю, на остальныя буду писать картину, а когда не хватитъ—заложу, и кончу въ годъ навѣрное; да кромѣ того по дорогѣ кое-что напишу еще, а ужъ за портреты—ни-ни..! Только всѣ подобные дѣтскіе пріемы въ жизни оказываются никуда не годными: не намъ этими дѣлами заниматься!

Вы удивляетесь, къ чему это я подъѣзжаю, разсказывая вамъ эти сказки. Вы догадываетесь, что я какіе-то питаю на васъ виды; вы полагаете, что я хочу взять денегъ у человѣка, который, по моему предположенію, ихъ имѣетъ, и основательно, быть можетъ, желаете, чтобы все поскорѣе кончилось: сказалъ, что нужно, и шабашъ! Да, но только я не могу не сдѣлать вамъ всего до очевидности яснымъ, прежде чѣмъ окончательно успокоиться.

И такъ, вотъ мои дѣла: въ эту зиму я сдѣлалъ, съ августа мѣсяца, 2 портрета: Строганова и Васильчикова, и на это пока живу, отъ 2-хъ отказался (Штейнбокъ и Полежаевъ), хотя согласны были на мои условія. Но это все не то. Тому, что̀ за симъ послѣдуетъ, будьте вы судьей, потому что отъ вашего убѣжденія будетъ зависѣть мое дальнѣйшее, такъ сказать, поведеніе.

Ка̀къ по вашему? Я иду впередъ, или остановился, или иду назадъ? Отъ убѣжденія вашего будетъ зависѣть то или другое. Съ осени, когда для меня обнаружились мои дѣла вполнѣ, я себя продаю — кто купитъ? Съ этимъ предложеніемъ я пошелъ прежде всего къ Беггрову и сказалъ ему: «Не желаете ли вы меня взять на аренду? Все, что̀ я сдѣлаю, будетъ ваше (исключая картины), а вы мнѣ платите (то есть выдавайте) 1,000 рублей ежемѣсячно». Онъ говоритъ: «Что же вы намѣрены мнѣ дать»? — «Да все, что̀ сдѣлаю!» — «Да, но это неопредѣленно. Я согласенъ вотъ на что: давайте мнѣ ваши головки ежемѣсячно, а я вамъ за нихъ буду уплачивать по уговору». (Это все тѣ же портреты). Тогда я ему предложилъ комбинацію слѣдующаго рода: я ему обязуюсь сдѣлать въ теченіе года «Школу рисованія», состоящую приблизительно изъ 60 рисунковъ, а онъ мнѣ долженъ будетъ, кромѣ 1,000 ежемѣсячныхъ, заплатить еще отъ 8 до 10 тысячъ, когда я «Школу» кончу, и «Школу» взять на вѣчныя времена себѣ, издавать ее, и т. д. Словомъ, какъ мнѣ казалось, я ему давалъ дѣйствительно цѣнную вещь для изданія. Онъ обрадовался «Школѣ», какъ Богъ знаетъ чему, согласенъ былъ заплатить единовременно, но только поменьше. На этомъ мы разстались. Онъ у меня купилъ 3 этюда, заплатилъ за нихъ 2,000, и еще Гуна, а потомъ, когда я получилъ отъ Строганова за портретъ, я Гуна возвратилъ обратно. Но со «Школой» онъ мнѣ не даетъ теперь покою. «Школу» же эту я началъ года 4 тому назадъ, да остановился вслѣдствіе замѣчанія Прахова на общій планъ моей задачи. Съ тѣхъ поръ, я «Школу» еще разъ на-ново обдумалъ, и теперь опять приступилъ къ рисункамъ, вполнѣ увѣренный, что если я ее выпущу, то есть, кончу, то это будетъ вещь оригинальная, новая, и дѣйствительно такая, какъ надо. Если мнѣ удастся ее довести до конца, это будетъ наслѣдство дѣтямъ. «Школу» нужно, нужно и нужно. И такъ, я «Школу» дѣлаю, а картины

ложите два дня для публики, а въ другіе дни запритесь и работайте, что хотите». Въ самомъ дѣлѣ, отчего? Какъ же иначе? Какъ же весь свѣтъ дѣлаетъ? Я себя самъ сколько разъ спрашивалъ: а какъ же вотъ Павелъ Михайловичъ съ 8-ми до 12-ти часовъ въ конторѣ, потомъ ѣдетъ, дѣлаетъ дѣла, и т. д. и т. д. Всѣ такъ! А иностранные художники!! Ну, словомъ, это такой непоправимый недостатокъ, что я еще себѣ удивляюсь иногда, почему я такъ долго верчусь, и давно уже не выброшенъ жизнью за бортъ. Словомъ, это печально вѣрно. Дальше: — вы еще вѣрите въ меня, когда говорите: «Вамъ слѣдуетъ предаться только своему дѣлу, пока, бросить всякіе дебаты (какіе дебаты?!!), придворные уроки, и проч.» Вотъ это именно оно и есть, да какъ же это сдѣлать? Научите! Это есть мечта всей моей жизни, особенно послѣдняго десятилѣтія, но какъ я говорилъ, это еще все откладывалось, пока была молодость — все терпѣлось, теперь терпѣть больше нельзя. Или продолжай то, что дѣлалъ до сихъ поръ, принимай портреты, совершенствуйся, если можешь, не отказывайся уже ни отъ одного заказа, тогда не будетъ нужды — заработаешь 25-30 тысячъ въ годъ, кое-что и отложишь, и такимъ образомъ, если можешь жить — живи! Или же — все прочь! Потому что я портретовъ, въ сущности, никогда не любилъ, и если дѣлалъ сносно, то только потому, что я любилъ и люблю человѣческую физіономію. Но вѣдь мы понимаемъ, что человѣческое лицо и фигура не суть портреты, потребные публикѣ. Я ее слишкомъ хорошо знаю. Дѣло у меня дошло до боли, я готовъ кричать: «Помогите!» Вотъ откуда и мое письмо къ вамъ. Я прихожу и говорю вамъ: — Помогите! И при этомъ предлагаю вамъ взять себѣ все, что будетъ мною сдѣлано. Дайте мнѣ годъ жизни на пробу — и все, что будетъ сдѣлано въ этотъ годъ — ваше! Это не значитъ — берите себѣ все, что я сдѣлаю. Вовсе нѣтъ. Я говорю: — «это ваше», вамъ не нужно — пусть продается, и деньги ваши, и берите ихъ себѣ. Я только хочу одинъ годъ художественной жизни, чтобы не быть вынужденнымъ бѣгать за хлѣбомъ. Только это. Къ сожалѣнію этотъ «хлѣбъ» — равняется 12,000 въ годъ. Но, можетъ быть, вы и вернете все, что дадите чистыми деньгами — и, быть можетъ, также не будетъ убытка. Я говорю: купите меня, пока я не испортился, какъ машинка. Можетъ быть, я даже доходная машинка, и это на одинъ годъ, то есть пока. Понравится — прекрасно, будемъ продолжать; не выгодно — я первый съумѣю подчиниться обстоятельствамъ. Я не самообольщенъ на столько, чтобы чортъ знаетъ что о себѣ мечтать, но знаю также и то, что я знаю и что я могу. Другіе не знаютъ, правда, и знать не откуда — ну, надо попробовать. Я, конечно, предпочелъ бы войти въ сдѣлку съ купцомъ, который моимъ товаромъ торгуетъ, но, во 1-хъ, у насъ такого нѣтъ, а, во 2-хъ, еслибы и былъ,

то все-таки у купца есть свои задачи, которыя онъ, зная публику, и будетъ стараться осуществить, ну, а это дѣло не подходящее. Мнѣ нужна полная и безусловная свобода. Къ такому человѣку, какой мнѣ нуженъ (нуженъ, сознаюсь, потому что самъ не съумѣлъ справиться съ жизнью), подходите только вы. Знаю, что вамъ трудно, знаю, что вы служите искусству дѣйствительно до истощенія силъ, знаю также, что и близкіе вамъ люди даже сокрушаются объ этомъ и боятся вашей страсти. Но что̀ же мнѣ дѣлать? Подумайте, дѣло терпитъ, хотя я уже изнемогъ. Потому что, если я опять примусь за портреты, то эта теперешняя моя тоска будетъ уже послѣдняя вспышка сожалѣнія художника о неудавшейся жизни.

Не думайте, ради Бога, что я васъ хочу разжалобить! Я только говорю откровенно.

Два слова о вашемъ непониманіи искусства: во всей вашей практикѣ, я знаю два-три случая, когда мнѣ казалось, что вы не поняли, и только; да и то я еще всѣхъ мотивовъ не знаю, почему такъ случилось. А что при жизни своей вы будете слышать только возгласы—это ничего, это нужно знать впередъ. Вспомните, что̀ я вамъ писалъ еще тогда, когда были исторіи съ картинами Верещагина. Какъ хорошо, что я былъ на столько остороженъ, что тогда же высказалъ и то, что̀ такое Верещагинъ, и то, зачѣмъ нужна его коллекція. Что́ дѣлать? Иногда бываетъ дѣйствительно трудно разобраться въ гамѣ ярмарочной жизни, въ кругу современниковъ.

За письмо и мысли ваши глубокая благодарность.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCLXXIII. Къ нему же.

Спб., 20-го января 1883 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я написалъ что-то очень много прошлый разъ, но, кажется, вздоръ, или по крайней мѣрѣ много лиризма не нужнаго. Правда только въ одномъ—я усталъ имѣть дѣло съ публикой по заказамъ, воротиться къ юности нельзя, чтобы начать съизнова, и поставить себя такъ, ка̀къ всѣ художники себя ставятъ, то есть, работаютъ, что̀ хотятъ, а публика покупаетъ. Для меня это благополучіе не осуществилось. Я сдѣлался портретистомъ по необходимости. Быть можетъ я и въ самомъ дѣлѣ ничего больше какъ портретистъ, но я пробовалъ раза два-три того, что̀ называютъ творчествомъ, и вслѣдствіе того попорченъ: а потому не хочу умирать, не испробовавъ еще разъ того же. Вы пишете, что боитесь не понять достоинства моихъ затѣй. Вотъ это собственно и есть пунктъ, который меня ставитъ въ тупикъ въ вашемъ

письмѣ. Если перевести это мѣсто на языкъ откровенный, то это значитъ, по моему, вотъ что́: «Я (то есть вы) буду поставленъ въ весьма конфузное положенiе въ томъ случаѣ, если мнѣ не понравятся начатыя, а тѣмъ болѣе конченныя вещи ваши (то есть мои)». Ахъ, еслибъ вы знали, ка̀къ я это понимаю! И еслибы можно было передать вамъ увѣренность мою въ томъ, что я буду въ состоянiи, безъ малѣйшей горечи, подчиниться совершившемуся факту, и признать, что вы потеряете изъ-за меня 12,000 (какъ видите, я все толкую о годичномъ срокѣ), да съ прежнимъ долгомъ составится болѣе 16,000. Ну, думаю, однакожъ, что все же не совсѣмъ потеряете, такъ какъ уже есть кое-что, что̀ вы хотѣли купить, и стало быть, часть, хотя и малая, обезпечена. Очень возможно, что я прiѣду на день или два въ Москву, чтобы повидаться съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ.

И. Крамской.

CCLXXIV. Къ П. О. Ковалевскому.

Спб., 21-го февраля 1883.

Вы себѣ не можете представить, многоуважаемый Павелъ Осиповичъ, какое удовольствiе вы мнѣ доставили вашимъ письмомъ. Это былъ очень прiятный сюрпризъ, прiятный во всѣхъ отношенiяхъ. Письмо, во 1-хъ, очень сердечное, во 2-хъ, вызвано безъискусственно: предметъ, обсуждаемый въ немъ, вѣчно для насъ новъ и интересенъ, и наконецъ, въ 3-хъ, по моему адресу комплименты, комплименты и комплименты. Много комплиментовъ, такъ что я даже въ конфузъ сталъ приходить. Оставалось раскланиваться. Въ самомъ дѣлѣ, легко сказать! Ради меня потревожить такую тяжелую артиллерiю какъ Ванъ-Дейкъ, и привлечь къ отвѣтственности Бастiенъ-Лепажа и Бугерò! Во всякомъ случаѣ, если даже признать преувеличенными ваши похвалы, то все же что-нибудь останется и на мою долю дѣйствительно, что-нибудь принадлежитъ мнѣ неотъемлемо. А это много. Очень много. Спасибо вамъ. Могу сказать только, что я уже давно работаю въ потьмахъ. Возлѣ меня давно уже нѣтъ никого, кто бы, какъ голосъ совѣсти или труба архангела, оповѣщалъ человѣку: «Куда онъ идетъ? По настоящей ли дорогѣ, или заблуждается?» Что́ я дѣлаю — не знаю; ка̀къ смотрятъ всѣ на мои работы — не имѣю о томъ ни малѣйшаго представленiя. Одно меня поддерживаетъ еще, это неумолкаемая ненависть и клеветы, которыми на мой счетъ охотно обмѣниваются люди, люди, которыхъ я часто даже и въ глаза не видалъ. Вотъ этотъ-то отрицательный признакъ и даетъ мнѣ надежду, что я еще не иду назадъ. Но вѣдь руководиться такимъ раздражающимъ началомъ, въ сущности, очень нездорово. И вотъ, въ такую-то минуту жизни, весьма и весьма грустную—получить

письмо, исполненное теплоты сердечной, съ тонкими и умными замѣчаніями о вещахъ, которыя я вдоль и поперекъ знаю, и о которыхъ я внутренно слово въ слово говорилъ себѣ то же самое! Вѣдь это что̀ такое? Понимаете ли, ка̀къ это должно прибавить спокойствія и увѣренности человѣку? Какъ же не послать виновнику всего этого глубокой благодарности? Зная васъ за человѣка, наклоннаго и способнаго къ опредѣленіямъ очень тонкимъ и уже, такъ сказать, находящагося на вершинахъ критики,—получить отъ такого человѣка по его свободному почину письмо, въ которомъ разсыпана бездна драгоцѣнныхъ критическихъ замѣчаній—это огромная поддержка. Вы, конечно, всего этого не думали (тѣмъ лучше!), и были за сто верстъ отъ мыслей, какія мнѣ пришли въ голову при чтеніи вашего письма, но тѣмъ это вѣрнѣе оказываетъ дѣйствіе.

Вонъ какое длинное предисловіе! Но я не виноватъ. Я и половины не вмѣстилъ сюда того, что̀, по моему, слѣдуетъ. Но такъ какъ занимать собственной особой всѣ четыре страницы по меньшей мѣрѣ неприлично (хотя бы это неприличіе и было маскировано благовидными предлогами благодарности и т. п.), то я перейду къ тому, что̀ меня занимаетъ теперь, минуя всѣхъ, о комъ вы въ письмѣ вашемъ упоминали. А меня занимаетъ вотъ что̀: отчего вы ни словомъ не обмолвились о себѣ? Долго ли вы тамъ будете? Словомъ, неужели вы оставили Россію совсѣмъ? Прижились въ Варшавѣ, и ее не оставите? Я понимаю, что задавать такіе вопросы посторонній не имѣетъ права, такъ какъ въ отвѣты на нихъ могутъ вплетаться чисто личныя и интимныя обстоятельства; но я не съ этой стороны и вопросъ беру. Или, лучше сказать, если мнѣ отвѣтятъ, что личные мотивы — все, я извинюсь, и только. Но я думаю, что кромѣ личныхъ, есть причины общаго свойства, напримѣръ: извѣстный умственный уровень общества, полнота общественной и политической жизни, чрезвычайно развитой художественный нервъ въ обществѣ и потребность въ удовлетвореніи этого нерва, товарищество и соперничество. Словомъ, все то, что̀ даетъ городу физіономію дѣйствительной столицы, а не промежуточнаго мѣста. Есть ли все это въ Варшавѣ? Если есть, я умолкаю — но буду продолжать сомнѣваться. А есть ли то же самое въ Петербургѣ? Я скажу: какъ кому. Мнѣ кажется, что есть, не все, конечно, о чемъ я упомянулъ, но многое. Потому что, что̀ такое Варшава? Это средневѣковое населеніе, сидящее на «рѣкахъ Вавилонскихъ». Быть можетъ оно (населеніе) и исполняетъ правильно свою историческую миссію, быть можетъ оно все это и само знаетъ, но ему нужно отсидѣться, оно добровольно себя закупорило отъ вольнаго воздуха критики, до тѣхъ поръ пока не придетъ желанная свобода, независимость и прочее, и что тогда и оно (населеніе) сброситъ съ себя средневѣковыя отрепья, сотретъ плѣсень, и кровь бодро и весело начнетъ циркулировать...

Но... все-таки до тѣхъ поръ, жить въ такомъ амбарѣ неудобно. Да и потомъ еще вопросъ: хорошо ли актеру или актрисѣ (послѣ того, какъ они почему-нибудь оставили сцену и прожили вдали отъ театра лѣтъ 15) выступить вновь на подмостки? Я, конечно, не рѣшаю здѣсь никакого политическаго вопроса, и даже согласенъ, что съ моей стороны говорить о вопросѣ такой важности и такимъ образомъ легкомысленно, но я беру вотъ что̀. Что̀ такое я? Родился я, когда историческія судьбы народовъ достаточно уже кристаллизовались, положенія настолько опредѣлились, что за давностью нельзя рѣшить, на которой сторонѣ больше грѣховъ. А небо и земля все обновляются; политическіе, общественные, соціальные и иные идеалы измѣнились; старые настолько обветшали, что ихъ нельзя уже нашивать на знамена, а новые столь существенно отличаются отъ прежнихъ, что, когда Варшава вздумаетъ нашить на знаменахъ эти новые идеалы, она увидитъ, что они тамъ держаться не будутъ. Я чувствую, что не ясно выражаюсь, но все же можно понять—что, принимая вещи такъ, какъ онѣ есть, необходимо бѣжать со всякаго кладбища. Куда? А я почему знаю! Для меня можетъ быть достаточенъ Петербургъ, или русская деревня, а для васъ — Римъ, Парижъ, Лондонъ, Берлинъ и я не знаю еще что! Не правда ли, вопросъ неудобный? Ну, ужъ извините.

Глубоко уважающій васъ и преданный И. Крамской.

CLXXV. Къ нему же.

Мартъ 1883 г.

Два слова о репортерахъ вообще: что такое репортеръ? Это человѣкъ все знающій, обо всёмъ могущій говорить самымъ авторитетнымъ тономъ, могущій и налгать, и очернить человѣка, или возвести въ геніи — все это въ настоящее время зависитъ отъ г-на репортера. Вашей газетѣ, не смотря на то, что ее ругаютъ—подражаютъ. И мелкая пресса точь въ точь болтаетъ тоже самое другими словами — и конечно храбро, какъ будто отъ отъ себя. Но съ этимъ ужъ дѣлать нечего. Но вотъ, что жаль — и у васъ въ «Новомъ Времени» стали появляться статьи, подобныя тѣмъ, которыя трактовали о Клеверѣ и Судковскомъ*): это нѣчто невѣроятное. Я знаю, что и художники теперь, какъ и всѣ смертные, поняли, что съ репортерами слѣдуетъ быть особенно любезнымъ, предупредительнымъ, искательнымъ, иначе гордость погубитъ: поди; дожидайся, пока правда силою своей правоты проложитъ путь къ успѣху — долго ждать, да и не будетъ этого. А потому лучше всего поступать, какъ Клеверъ: поѣхать къ репортеру,

*) «Новое Время» 1883. № 2519. *Ред.*

привести его лично на выставку, подъ руку съ нимъ, самымъ благоговѣйнымъ образомъ, согласиться съ замѣчаніями, удивиться глубинѣ его пониманія, разсказать въ свою очередь о томъ, гдѣ, и когда, и при какихъ обстоятельствахъ осѣнила меня творческая мысль, кàкъ я ее потомъ старался осуществить и какой плодъ созрѣлъ наконецъ. Потомъ хорошо позавтракать и т. д. — какъ по писанному. Смотришь, и результатъ съ Божьей помощью выходитъ чудесный! Очень жаль.

Извините. Лично къ вамъ тутъ ничего не относится, надѣюсь — и потому со спокойною совѣстію посылаю письмо.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCLXXVI. Къ неизвѣстному*).

8-го апрѣля 1883 г.

Ваше превосходительство! Если по прочтеніи этого письма у васъ возникнетъ чувство хотя бы малѣйшаго сомнѣнія относительно правды здѣсь изложеннаго, или вамъ будетъ почему-либо нежелательно принять рѣшеніе, на которое желаю васъ вызвать, то я прошу васъ оказать мнѣ милость: забыть о существованіи этого письма вовсе, и ужъ, конечно, оставить его безъ отвѣта.

Я оказываюсь въ положеніи, требующемъ просвѣщенной поддержки и вниманія къ моему художественному занятію. Говорятъ, что Брюлловъ, будучи въ Италіи, охваченный жаждою сдѣлать что-либо для искусства, явился къ Демидову за поддержкой и нашелъ въ немъ столь широкое довѣріе къ талантливому, хотя еще и неизвѣстному, молодому человѣку, что плодомъ этого довѣрія явилась картина «Послѣдній день Помпеи». Оказалось, что Демидову ничего не стоило выбросить за окно 10,000 р. (т. е. его состояніе отъ этого пошатнуться не могло), но онъ и не потерялъ ихъ, къ счастію, а напротивъ выигралъ. Это былъ, конечно, исходъ совершенно случайный и ничто не обязываетъ человѣка думать, что подобные опыты надобно поощрять; тѣмъ не менѣе, я нахожусь въ предположеніи, въ 1-хъ, что вы способны къ благороднымъ порывамъ, и во 2-хъ, обладаете средствами, достаточно прочными, чтобы не пошатнуться отъ потери, положимъ, 20 тысячъ въ годъ. Если хотя одно изъ моихъ предположеній неосновательно, я еще разъ прошу бросить мое письмо, не читая, и это будетъ тѣмъ болѣе справедливо, что я знаю, какую массу жалостныхъ писемъ приходится вамъ получать. Да и наконецъ мое положеніе — не положеніе просителя, нуждающагося въ благотворительности. Однакожъ,

*) Печатается съ черноваго. *Ред.*

къ дѣлу. Разница между Брюлловымъ и мною, кромѣ таланта, еще слѣдующая: Брюлловъ обратился за поддержкой въ началѣ поприща, а я въ концѣ; но какъ тогда, такъ, очевидно, еще и теперь, существуютъ нѣкоторыя общія условія, вызывающія одинаковыя или сходныя явленія: ему нужна была поддержка для художественнаго творчества, а художнику теперешнему трудно обойтись безъ поддержки при исполненіи художественныхъ плановъ (повторяю, я далекъ отъ самолюбиваго чувства уровнять себя съ Брюлловымъ). Чтобы разсѣять весьма естественное изумленіе, какъ могъ извѣстный художникъ дойти до необходимости искать поддержки, я долженъ злоупотребить вашимъ терпѣніемъ и сказать кое-что изъ автобіографіи. Я родился въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ Воронежской губерніи, Острогожскѣ, отъ очень бѣдныхъ родителей. Отецъ мой былъ журналистомъ въ Городской Думѣ и получалъ 10 руб. въ мѣсяцъ жалованья. Мнѣ было 12 л. когда онъ умеръ. 16-ти лѣтъ я покинулъ Острогожскъ и пустился въ путь безъ всякихъ связей и поддержки. 20-ти лѣтъ я добрался до Петербурга; въ 57 году поступилъ въ Академію; въ 63 году вышелъ изъ нея, женился и началъ пробивать дорогу. Никогда, ни откуда и ни отъ кого я не имѣлъ поддержки. Изъ Академіи я вышелъ вмѣстѣ съ 14 человѣками, отказавшись отъ конкурса на большую золотую медаль, дающую право 6-ти лѣтняго пребыванія заграницей. 3—4 раза я ѣздилъ уже на собственный счетъ. Семья у меня очень большая. Съ возрастаніемъ заботъ, я долженъ былъ напрягаться, чтобы удовлетворять текущія нужды, а въ то же время подыматься и въ искусствѣ. При такомъ положеніи трудно выгораживать время для картинъ; однакожъ мнѣ удалось съ большими интервалами написать 4—5 картинъ. Пока былъ молодъ, я все думалъ и все надѣялся, что мнѣ удастся быть побѣдителемъ надъ обстоятельствами, но расширяющіяся матеріальныя потребности, возрастающія въ геометрической прогрессіи, довели мой ежегодный бюджетъ до 10—12 тысячъ. Ихъ надо было имѣть изъ году въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и я ихъ имѣлъ; и, если обстоятельства останутся побѣдителями, то я ихъ и буду имѣть. Но для этого нужно распрощаться навсегда съ чисто художественными затѣями.

Два года назадъ обнаружилось, что я получилъ благопріобрѣтеную болѣзнь, которая заставила меня призадуматься: сколько мнѣ отпущено Господомъ Богомъ въ будущемъ времени и не нужно-ли кое-съ-чѣмъ поторопиться? Въ виду этого вопроса, я, имѣя всего въ резервѣ несчастныя 8—10 тысячъ, и зная, какъ быстро подобныя деньги таютъ, я отложилъ намѣреніе употребить ихъ на окончаніе начатыхъ художественныхъ работъ, а вложить ихъ въ недвижимую собственность, которая бы давала семьѣ хотя бы бѣдныя, но все же не совершенно голодныя средства. Ока-

залось, что я, конечно, не могъ сдѣлать этого очень практично, и кончилъ тѣмъ, что вошелъ даже въ долги, работая усиленно, еще израсходовалъ все, что было, и даже задолжалъ до 8 тыс. Но это дѣло поправимое, если я живъ и здоровъ. Вы недоумѣваете, въ чемъ же для меня затрудненіе? И какъ я еще ничего существеннаго не сказалъ, несмотря на то, что у меня вышло изъ письма цѣлое сочиненіе?

Дѣло вотъ въ чемъ. Передо мной дилемма: или тянуть лямку присяжнаго портретиста, зарабатывая свои 10—12 тыс., и уже разъ навсегда отказаться отъ художественныхъ затѣй, или попытаться найти такого чудака на свѣтѣ, который бы повѣрилъ, что я могу что-нибудь сдѣлать для русскаго искусства, что я теперь, вооруженный опытомъ и практикой и овладѣвшій средствами мастерства, въ состояніи осуществить тѣ идеи и образы, которые частью уже начаты, а частью сверлятъ безпокойно голову. Словомъ, я ищу человѣка, который бы рѣшился на слѣдующій опытъ: Во 1-хъ, освободилъ бы меня отъ долговъ, подлежащихъ уплатѣ, чтобы я могъ спокойно немедленно сѣсть и работать картины, а не заказы (таковыхъ, какъ я сказалъ, простирается до 8 тысячъ), и во 2-хъ, устроилъ бы такъ, чтобы я получалъ каждое 1-е число 1,000 р. въ теченіи одного года. Все, что мною будетъ сдѣлано въ это время, будетъ принадлежать безъ всякихъ ограниченій тому, кто предприметъ опытъ. Слѣдовательно то, что ненужнымъ окажется, можетъ поступить на выставки и продаваться, и вырученныя деньги возвращаются заимодавцу до полнаго погашенія. Такъ какъ я раньше сказалъ, что я не знаю, сколько времени у меня въ расположеніи въ будущемъ, то опытъ болѣе одного года я продолжать не желаю самъ, потому что этого года совершенно достаточно, чтобы окончить начатое и осуществить задуманное, такъ какъ я пока живъ и владѣю еще своими силами.

Умри я раньше года, разумѣется часть денегъ будетъ несомнѣнно утрачена. А можетъ быть опытъ удастся!

Въ заключеніе скажу, что это не есть плодъ мимолетнаго фантастическаго настроенія, а выводъ изъ дѣйствительности. Писать только портреты, сегодня, завтра и т. д., изъ года въ годъ, и не видѣть выхода—это можетъ подѣйствовать удручающе на талантъ. Отъ этого положенія я усталъ и естественно во мнѣ желаніе художника хотя разъ отдаться тому, что хочется дѣлать. Встрѣчу я такого человѣка, для котораго опытъ подобнаго рода не будетъ представлять матеріальныхъ препятствій — хорошо; быть можетъ и мнѣ удастся оставить Россіи что-нибудь, стоющее общественнаго вниманія; не найдется—Россія, конечно, обойдется и безъ меня. Дѣлать нечего, не осудите.

Я даже просилъ бы васъ, если вамъ это письмо будетъ не нужно,

возвратить его мнѣ, такъ какъ оно должно подлежать моему собственноручному уничтоженію.

Примите выраженіе моей глубокой почтительности и уваженія.

И. Крамской.

CCLXXVII. Къ А. С. Суворину.

13-го апрѣля 1883 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Благодарю васъ сердечно за сегодняшнее разъясненіе, съ вашей точки зрѣнія, о заимствованіи Судковскимъ отъ Куинджи *). Послѣ того, какъ вы уже сами видѣли картину Куинджи, легче разговаривать.

Вы избавили меня отъ долгихъ и мучительныхъ дней (быть можетъ даже мѣсяцевъ), пока дѣло разъяснилось бы съ очевидностью для всѣхъ.

Я, подписывая протоколъ (именно протоколъ), долженъ былъ взвѣсить милліонъ разъ, что́ я подписываю и что́ я долженъ буду, въ случаѣ надобности, показывать при разбирательствѣ дѣла и за что́ по совѣсти я могу отвѣчать и на чёмъ настаивать. Дѣло это до такой степени деликатное, а главное, трудно понимаемое публикою и людьми не-спеціалистами, что я тысячу разъ говорилъ моимъ товарищамъ (возмущеннымъ наглымъ воровствомъ), что они ничего этого не въ силахъ будутъ доказать и дать понять съ очевидностью экспертамъ. Всѣ въ концѣ концовъ все-таки скажутъ: «Да, пожалуй, конечно, но все-таки у Судковскаго вода удивительная! Дай Богъ и Куинджи такъ написать». А между тѣмъ, для меня, быть можетъ, болѣе, чѣмъ для всѣхъ, не исключая и Куинджи, было возмутительно встрѣтить такого рода хищеніе. Оно столь очевидно, что даже и разговоровъ никакихъ не допускаетъ. Ясно—какъ Божій день. Возьмите картину Куинджи и обрѣжьте снизу берега, почти до воды, и сверху воздуха, сколько нужно, чтобы получить форматъ картины удлиненный, выбросьте полѣно дровъ и лодку съ парусомъ, а камень, который въ водѣ, чуть-чуть отодвиньте подальше—и затѣмъ смотрите, что́ выходитъ. Картина Судковскаго—тотъ же тонъ берега, та же вода и даже тотъ же воздухъ (только посвѣтлѣе и потому хуже). Размѣры играютъ тутъ огромную роль. Судковскій 20 лѣтъ уже, или по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ, работаетъ, и только тогда, когда другіе ему указали дорогу, становится замѣтнымъ (я выражаюсь мягко).

Послушайте теперь, что́ я думаю о картинахъ этихъ двухъ художни-

*) Здѣсь говорится о статьѣ въ «Новомъ Времени» 1883, № 2559: «Нѣчто о заимствованіяхъ». *Ред.*

ковъ: у Куинджи такъ все полно гармоніи, до такой степени отъ одного угла картины до другого все подчинено одному настроенію, именно моменту огромной тишины и величавому спокойствію, что хотя вы и видите уходящее дно подъ воду и видите это на всемъ протяженіи, покуда глазъ хватаетъ, но вы этому даже на первый разъ и значенія не придаете, столь это все просто и натурально, и говорите: «Эка великая важность, что дно видно!»

Но вѣдь вы видѣли теперь картину, и понимаете, что въ ней главное— неотразимая прелесть общаго.

Послѣ луны Куинджи — подошли хищники и спекулянты, понюхали и сказали себѣ: «Ага! понялъ!», и вотъ вы видите, что даже мразь, прости Господи, стала такъ изображать луну, что старые художники поблѣднѣли. Тоже и теперь: хищникъ зналъ и очень хорошо помнилъ, что́ лежало плохо и лежитъ непроизводительно. Никто не видалъ и не помнитъ, забыли, словомъ. Конечно, надо умѣть написать, кто говоритъ, но только не угодно ли всмотрѣться въ картину Судковскаго: въ ней полоса ровно въ 4 вершка во всю картину, гдѣ видны камни, удивительно, даже больше и лучше, чѣмъ у Куинджи; но зато глазъ вашъ сейчасъ выше 4-хъ вершковъ ничего не чувствуетъ—точно начинается другая матерія, а ниже—берегъ и камни написаны неважно тоже, и нисколько не лучше Куинджи. О небѣ я и не упоминаю, оно совсѣмъ не важно. Публика говоритъ: «Ахъ, камни!» и ничего не хочетъ слушать. А я знаю, что, поставивъ двѣ картины рядомъ, публика будетъ недоумѣвать — неужели это та̀къ важно! «Да, конечно, сюжетъ, ну да, разумѣется, заимствавано... кое-что... даже много; пожалуй, даже главный сюжетъ; но, всетаки, прекрасно!» Теперь, когда эти двѣ картины будутъ стоять рядомъ (о чемъ мы и думали, когда писали протоколъ), то, прошу васъ, мысленно выбросить изъ картины Судковскаго вотъ это: «Ахъ камни въ водѣ!» и вы увидите, что картина исчезла, потому что то, что̀ осталось—болѣе чѣмъ ординарно. Выбросьте эту же прелестную саму по себѣ деталь изъ картины Куинджи—и вы всетаки чувствуете какой-то величавый мотивъ во всемъ. Точно музыка.

Вы скажете: «Зачѣмъ же мы такъ строго къ Судковскому отнеслись?» А вотъ почему. Не будь возгласовъ: «Вотъ оригинально! Ахъ, какъ хорошо, да какъ же это никому до сихъ поръ не пришло въ голову!» и прочее, мы, несмотря па наглое воровство, промолчали бы, ка̀къ было ужъ много разъ и прежде. Но вѣдь знаете, если художникамъ будетъ сходить безнаказанно съ рукъ все, то немножко неудобно становится жить.

Теперь еще два слова о Рафаэлѣ и Верещагинѣ. Воля ваша, они тутъ не причемъ, и столь простыя истины о заимствованіи, которыя вы вчера художникамъ прочитали, увѣряю васъ, имъ извѣстны, и мы ничуть про-

тивъ этого не говорили и говорить не думали. Но вы же сами вчера сказали, что заимствовать можно все, только... чтобы было новое освѣщеніе, новыя детали и т. д... Предоставляю вамъ теперь судить — есть ли въ картинѣ Судковскаго все вотъ это новое? У обоихъ художниковъ тонъ берега одинъ и тотъ же, освѣщеніе солнечное съ той же стороны, линіи тѣ же, предметы тѣ же, и даже небо человѣкъ обязанъ былъ сдѣлать то же самое, потому что другое небо обязывало бы новый эффектъ, ну, а это бабушка еще надвое сказала!

Въ концѣ концовъ, я не думаю отнимать у Судковскаго того, чтó онъ будетъ имѣть самъ своего. Дай Богъ. Я только буду радъ, но чтó чужое, тó чужое! Уважающій васъ И. Крамской.

CCLXXVIII. Къ нему же.

1883 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Боюсь, чтобы не вышло недоразумѣнія. Надо прибавить что-нибудь въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о картинѣ Шишкина, чтобы не подумали, что и онъ заимствовалъ у Куинджи, не смотря на то, что картины эти почти одновременны (Куинджи раньше, а Шишкина позже на два—на три мѣсяца). Но картина Шишкина—ничего общаго не имѣетъ. И. Крамской.

CCLXXIX. Къ Н. П. Вагнеру.

23-го іюля 1883 г.

Многоуважаемый Николай Петровичъ. Не могу утерпѣть, чтобы не поблагодарить васъ за вашу вчерашнюю статью въ № 2656 «Новаго Времени»: «Желательная организація университета»*). Это одна изъ тѣхъ статей, которыя, не смотря на свою краткость, обнимаютъ вопросъ въ общемъ, въ корнѣ. Такія статьи освѣщаютъ исторію предмета, а стало быть и его будущее (желательное только, къ сожалѣнію). Я слишкомъ мало знаю

*) Статья профессора Н. П. Вагнера указывала на несоотвѣтствіе нынѣшняго университетскаго курса съ его названіемъ и на потребность въ учащейся молодежи и публикѣ дѣйствительнаго университетскаго, т. е. гуманитарнаго, универсальнаго, энциклопедическаго образованія. Она предлагала отдѣлить нынѣшній 8-й классъ гимназіи и еще одинъ годъ на университетское двухгодичное образованіе, которое не давало бы никакихъ правъ и дипломовъ. Окончивъ его, молодой человѣкъ могъ бы поступить въ одну изъ пяти спеціальныхъ школъ (факультетовъ), которые, связаные нынѣ вмѣстѣ, часто внѣшнимъ образомъ, составляютъ такъ называемый «университетъ». *Ред.*

самъ здѣсь, чтобы быть въ состояніи разобраться безъ посторонней помощи въ этомъ дѣлѣ. Но, тѣмъ не менѣе, я все же кое-что наблюдалъ, и мнѣ нужно было два, три главныхъ и вѣрныхъ слова, чтобы даже и я уразумѣлъ, отчего что̀ происходитъ. Ваша статья для меня похожа была на молнію въ темную ночь, и я теперь знаю, гдѣ выходъ.

Не знаю, ка̀къ будутъ смотрѣть на вашу мысль ваши коллеги по университету, и вообще люди, призванные что-либо дѣлать для молодежи. Но, судя по тому, чѣмъ люди эти заняты, какъ главнымъ (форма для студентовъ, устройство общежитій и отобраніе подписокъ отъ нихъ при вступленіи, что они, кромѣ слушанія лекцій, ничѣмъ другимъ увлекаться не будутъ), надежды на скорое осуществленіе такихъ здоровыхъ и вѣрныхъ взглядовъ должны быть отброшены. А между тѣмъ этотъ вопросъ столь важенъ, что рѣшительно я не пойму, ка̀къ въ виду опасности можно оставаться покойнымъ. Зная же наши нравы и уровень интереса къ настоящимъ дѣйствительнымъ нуждамъ, можно только быть глупымъ пророкомъ, что ничего путнаго не будетъ сдѣлано—рѣшеніе слишкомъ просто, а мы простого не понимаемъ еще. А ка̀къ было бы хорошо!

Такъ или иначе, а вопроса, поднятаго вами, не бросайте и не оставляйте заглохнуть. Рѣшеніе найдено вѣрное поразительно, надобно только вбивать въ голову почаще.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCLXXX. Къ П. М. Третьякову.

29-го ноября 1883.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ за интересъ, высказываемый вами къ моей скульптурѣ *). Къ сожалѣнію я не могу поднять тотъ трудъ, о которомъ вы говорите. Копія для меня каторга, и если я за оригиналомъ работаю съ послѣднихъ чиселъ августа, то за копіей и того больше. Нѣтъ, я не могу — не могу, даже и въ томъ случаѣ, еслибы этотъ экземпляръ погибъ вовсе. Неправда ли, странно? Бываетъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCLXXXI. Къ А. С. Суворину.

1884 г. (февраль).

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Вы спрашиваете, что̀ со мной сдѣлалось? Ничего, произошла, къ сожалѣнію, прискорбная ошибка. Я на-

*) Маленькія фигуры, вылѣпленныя для руководства при писаніи картины «Христосъ во дворѣ Пилата», числомъ около 150. *Ред.*

писалъ къ вамъ лично нѣсколько мыслей своихъ о критикахъ художественныхъ. Чѣмъ я руководился? Только не раздраженнымъ самолюбіемъ. (Хотя я о немъ упомянулъ, что не буду въ претензіи, если вы объясните мое письмо этимъ несчастнымъ самолюбіемъ). А руководился я желаніемъ вашей газетѣ болѣе высокаго уровня въ нашемъ художественномъ отдѣлѣ, и только. Ради Бога, извините. За ваше письмо, только что мною полученное, большое спасибо. Оно и умное, и вѣрное. Увѣряю васъ, что я о себѣ вовсе не такого мнѣнія, какъ быть можетъ вы подозрѣваете. Я вамъ уже говорилъ, что ваши мысли объ искусствѣ гораздо вѣрнѣе тѣхъ мыслей, какія изрекаются иногда у васъ въ газетѣ! Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Ваше письмо вызываетъ собственно много мыслей, и требуетъ большаго, не то что отвѣта, а параллельнаго изложенія мыслей другого человѣка: но теперь я ничего путнаго написать не могу, такъ какъ долженъ отвѣчать г. Булгакову, отъ котораго сейчасъ получилъ письмо, въ сущности ужасное. Онъ все, что̀ я написалъ о типѣ репортера вообще, принялъ лично къ себѣ; а я, вообразите, даже и не подозрѣвалъ, что у васъ пишетъ г. Булгаковъ, и что статья о Клеверѣ и Судковскомъ — его. Я даже не зналъ о существованіи г. Булгакова. Если для васъ не трудно возвратить письмо это обратно, то я бы его показалъ вамъ. Чувствую, что (невольно) незнакомаго мнѣ человѣка обидѣлъ кровно, и онъ мнѣ очевидно никогда не проститъ.

Какимъ образомъ къ нему попала моя привѣска къ письму о репортерахъ — понять не могу.

Уважающій и преданный вамъ И. Крамской.

CCLXXXII. Къ Ѳ. И. Булгакову.

1-го марта 1884 г., Спб.

Милостивый государь Ѳедоръ Ильичъ. Я не изъ тѣхъ людей, которые отказываются отъ своихъ словъ, мыслей и поступковъ. Поэтому я готовъ отвѣчать на всѣ предложенные мнѣ вопросы; но при этомъ я прошу васъ самымъ убѣдительнымъ образомъ имѣть въ виду разницу между нашими письмами: письмо мое (вызвавшее ваше) писано къ моему хорошему знакомому и глубокоуважаемому человѣку А. С. Суворину лично, а не въ редакцію. Это первое различіе уже много говоритъ. Второе: я лично васъ не знаю, какъ и вы меня, хотя по письму вашему можно судить, что вы знаете или слышали обо мнѣ гораздо больше. Увѣряю васъ, что я не зналъ даже, кто это пишетъ объ искусствѣ въ «Нов. Вр.». Даже фамилію вашу

впервые узналъ только сегодня изъ вашей карточки и письма. Согласитесь, что я, стало быть, не могъ ни выдумать, ни распространять какія бы то ни было сплетни о васъ, или объ отзывѣ вашемъ про Клевера и Судковскаго: рѣчь шла не непремѣнно объ этомъ, а о томъ, что этотъ отзывъ напоминаетъ и похожъ на нѣкоторыя рекламы. Думаю, что, послѣ сказаннаго, вы возьмете назадъ часть тѣхъ раздражительныхъ выраженій, которыми полно ваше письмо. Говорю часть, потому что признаю за вами право на раздраженіе—разъ къ вамъ попала записка—не къ вамъ и даже не въ редакцію адресованная, и лично васъ ничѣмъ не трогающая, а трактующая о типѣ сравнительно новомъ въ литературѣ—о типѣ репортера. Вы приняли ее на свой счетъ. Очень жаль; но такъ какъ вы сочли себя обиженнымъ, и въ запискѣ есть дѣйствительно приравниваніе вашей статьи (ка̀къ вы выражаетесь) къ тѣмъ газетнымъ сообщеніямъ, которыя называются такъ характерно «Рекламой». Я нигдѣ не сказалъ, что статья о Клеверѣ и Судковскомъ есть именно слѣдствіе извѣстныхъ пріемовъ г. Клевера, а говорилъ только о томъ, что статья эта имѣетъ сходство со статьями, происхожденіе которыхъ можетъ быть объяснено махинаціями, имѣющими, къ сожалѣнію, мѣсто въ литературѣ.

Теперь, въ виду глубокаго возмущенія, которымъ дышетъ ваше письмо ко мнѣ, я охотно приношу мое глубокое извиненіе и, разумѣется, беру всѣ слова, на какія вы укажете, назадъ, беру тѣмъ охотнѣе, что они лично къ вамъ относиться не могли, и не относились, въ силу того простаго обстоятельства, что я не зналъ о вашемъ существованіи и не зналъ, что вы писали о Клеверѣ и Судковскомъ. Все, что́ мною было сказано о пріемахъ и обращеніи съ критиками, было мною написано не съ чьихъ либо словъ, а самостоятельно, какъ выводъ изъ наблюденій дѣйствительности. Все, что̀ я написалъ, я написалъ подъ впечатлѣніемъ всего мною видѣннаго въ жизни вообще, не пріурочивая къ данному случаю, а только по поводу. Написалъ, такъ сказать, слѣдуя за мыслями; писалъ не къ вамъ и даже не въ редакцію, а лично своему знакомому. Какимъ образомъ мое письмо (и какъ видно не все) попало къ человѣку, мнѣ неизвѣстному и о которомъ я не могу быть ни хорошаго, ни дурнаго мнѣнія—я не знаю: это для меня загадка. Дѣлать нечего; что случилось, то случилось, и я весь передъ вами, и въ вашихъ рукахъ.

Повторяю послѣдній разъ: все, что я писалъ о репортерѣ, я писалъ какъ общую свою мысль, и думаю, что и ваши собственныя мысли объ этомъ предметѣ не настолько расходятся съ моими, чтобы вы стали утверждать, будто ничего подобнаго не бываетъ въ жизни. Вы возмущаетесь подобнымъ отношеніемъ къ дѣлу въ журналистикѣ: я радъ, и самымъ искреннимъ образомъ вѣрю вашему заявленію ;но, не смотря на то, вы въ правѣ

всетаки указать мнѣ на усмотрѣнное мною сходство вашей статьи со статьями, для жуналиста позорными. Ради Бога, скажите, что̀ же мнѣ дѣлать, если по моему личному впечатлѣнію это несчастное сходство мнѣ показалось? Съ этимъ я не знаю, что̀ дѣлать, и не знаю, ка̀къ вытравить остатки сомнѣній, весьма естественныхъ съ вашей стороны. Если честное слово мое имѣетъ какое-либо дла васъ значеніе и вѣроятность, то прошу васъ принять его. Въ этомъ не ошибетесь и вѣроломства не произойдетъ.

Позвольте исправить неточность въ вашемъ письмѣ относительно двухъ критиковъ по искусству, будто бы присутствовавшихъ на обѣдѣ передвижниковъ. Я не былъ на обѣдѣ, но знаю, что изъ литераторовъ были только двое: Гаршинъ и Эртель (которыхъ я лично и не знаю: по крайней мѣрѣ Эртеля даже никогда не видалъ), которые объ искусствѣ, кажется, и не пишутъ, а если пишутъ, то и объ этомъ я слышу тоже только въ первый разъ.

Если сочтете нужнымъ или возможнымъ написать мнѣ что-либо, приму спокойно, безъ раздраженія.

Примите выраженіе моей почтительности. И. Крамской.

CCLXXXIII. Къ нему же.

2-го марта 1884 г., Спб.

Милостивый государь Ѳедоръ Ильичъ. Мнѣ приходится глубоко сожалѣть о томъ, что, доживъ до 46 лѣтъ, не умѣю воздерживаться отъ выраженія своихъ мыслей людямъ, съ которыми я когда-то дѣлился мыслями. Вы видите, ка̀къ глубоко я униженъ тѣмъ, что мое личное и интимное письмо къ А. С. Суворину сдѣлалось общимъ достояніемъ редакціи. Между тѣмъ на конвертѣ стояло «А. С. Суворину отъ Крамского», внутри письмо въ листъ большого формата, исписанное до тла, и когда я хотѣлъ прибавить нѣсколько общихъ мыслей, то потребовалась добавочная бумага, и я продолжалъ, безъ личнаго обращенія, разумѣется, такъ какъ я только продолжалъ начатое. Утвержденіе ваше, что я писалъ въ редакцію, основано на томъ еще, что мною ясно будто бы подчеркнуто, что сказанное мною не къ нему лично относится, и что слѣдовательно... въ редакцію? Извините, какъ же можно выводить такое заключеніе? Или вы прочли не вѣрно, или я дурно редактировалъ свою мысль; но привѣской этой я хотѣлъ сказать только, что такъ какъ все, что̀ я наговорилъ, ни до кого лично не относится, то я и запечатываю письмо со спокойной совѣстью.

Вы видите, что я по необходимости долженъ вертѣться въ заколдованномъ кругу извиненій и оправданій въ несуществующей провинности съ моей стороны, очевидной для всякаго непредубѣжденнаго человѣка, кото-

рому стòитъ только убѣдиться, что письмо мое къ Суворину есть письмо частное и интимное, чтобы оно было неприкосновеннымъ, чтó бы тамъ ни заключалось. Алексѣй Сергѣевичъ даетъ мнѣ хорошій урокъ, который, конечно, возымѣетъ свое дѣйствіе.

Теперь лично къ вамъ. Я благодарю васъ за человѣческій шагъ по отношенію ко мнѣ: вы разсказали о своей встрѣчѣ съ Клеверомъ. Я на это васъ не вызывалъ—поэтому я и называю ваше сообщеніе человѣческимъ. Раскаяваться не будете. Позвольте повторить вамъ на это старое: ни о какихъ махинаціяхъ, предшествовавшихъ появленію статьи о Клеверѣ и Судковскомъ, я ни отъ кого не слыхалъ; мало того, все, чтò вы сообщаете мнѣ о своей встрѣчѣ съ Клеверомъ, я слышу въ первый разъ. Но я знаю кое-что не въ первый разъ о Клеверѣ вообще; а если хотите знать, чтó именно вызвало мое замѣчаніе о репортерахъ вообще, то вотъ чтó было у меня передъ глазами, когда я писалъ свои строки.

Года 3 тому назадъ, однажды я, Рѣпинъ и еще кто-то были на Передвижной выставкѣ въ залѣ Академіи наукъ, въ нашемъ кругу былъ и В. В. Верещагинъ (знаменитый). Въ эту минуту входитъ на выставку г. Ледаковъ. (Знаете ли вы этого художественнаго критика)? Мы стояли въ концѣ залы противъ входа; я въ эту минуту что-то началъ отвѣчать Верещагину на его вопросъ, но онъ моментально оставилъ насъ и весьма быстро бѣжитъ (буквально) навстрѣчу г. Ледакову, протягиваетъ обѣ руки; потомъ, все время бережно не выпуская критика, обходитъ съ нимъ выставку и провожаетъ къ выходу. Словомъ, оказываетъ такіе знаки вниманія, какъ будто это или величайшіе друзья, или Верещагинъ заискивалъ у всесильнаго человѣка, отъ котораго зависѣла вся его будущность. Между тѣмъ ни то, ни другое. Я могъ бы разсказать многое, чему я былъ личнымъ свидѣтелемъ, но лучше предоставляю вашей наблюдательности, напримѣръ хоть г. Клевера, но именно какъ господина, а не художника. Чтò касается до его таланта, то никто никогда отъ меня не слышалъ другого отзыва объ немъ, какъ объ очень талантливомъ пейзажистѣ; точно также никогда и нигдѣ я не могъ сказать, что только невѣжество можетъ находить его картины хорошими. Прошу васъ прочесть вторично мою злополучную записку, и я увѣренъ, что такого смысла вывести будетъ нельзя. Я грѣшу чаще всего неправильнымъ построеніемъ фразы, но все же не до такой степени.

Ссылка ваша на авторитетность «Художественныхъ новостей» и спеціально критика А. С., извините, для меня не убѣдительна. Тутъ, впрочемъ, пришлось бы многое писать, быть можетъ потревожить авторитеты дѣйствительные, тронуть системы и философію искусства, но на это у меня нѣтъ ни мѣста, ни времени.

Позвольте на этомъ кончить, такъ какъ кажется сказано все, что эту переписку вызвало.

Что же касается вашихъ взглядовъ на искусство, выражаемыхъ вами мимоходомъ, то, такъ какъ это дѣло весьма деликатное и почти всегда спорное, то я скажу только слѣдующее: если вы искусство любите дѣйствительно, то любовь эта выведетъ васъ когда-нибудь на широкую дорогу безпристрастія, и безпристрастія истиннаго, которое существуетъ, не смотря на ваше сомнѣніе. Безпристрастіе, о которомъ я говорю, даетъ въ тысячу разъ бóльшее наслажденіе искусствомъ, нежели увлеченіе. Между нами въ этомъ отношеніи, вѣроятно, разница огромная; но позвольте мнѣ не рекомендовать, нѣтъ, а указать на необходимость весьма зоркой наблюдательности надъ людьми, служащими искусству. Вы скажете: къ чему мнѣ это, когда я вижу полотно, и, какъ кажется, только полотно? То смѣю васъ увѣрить, что послѣ нѣкотораго времени вы увидите многое, до того времени вами не подозрѣваемое. Оставляю весь вопросъ объ этомъ вполнѣ открытымъ, въ одной надеждѣ, что наступить время и для васъ, когда вы скажите, или подумаете, что, говоря о безпристрастіи, я разумѣлъ не фикцію, а нѣчто рельное и... цѣнное.

Относительно Писарева могу дать показаніе достовѣрное. Я его видалъ два раза въ своей жизни. Одинъ разъ первый по выходѣ его изъ крѣпости, а второй, я былъ у него на Петербургской—зимой, предшествовавшей его смерти. Рисовалъ же его послѣ того какъ онъ утонулъ, съ фотографіи, по заказу Марка-Вовчка; стало быть не съ натуры.

Примите выраженіе моей почтительности. И. Крамской.

CCLXXXIV. Къ А. С. Суворину.

4-го марта 1884 г., Спб.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Я очень сожалѣю, что вы сочли нужнымъ дать г. Булгакову къ прочтенію мое частное письмо къ вамъ, и, такъ сказать, вздумали исправлять его моими боками. Исторія съ гг. репортерами очень интересная исторія, и когда-нибудь я вамъ ее разскажу. Покуда ограничусь только вотъ чѣмъ. Знайте фактъ, что Академія замѣстила своими писателями объ искусствѣ почти всѣ газеты. «Новое Время» было свободно отъ этого до 1883 года, но съ этого времени и въ немъ пустили корни новыя растенія. Все, что только можетъ выдумать подпольная интрига, на пагубу передвижной выставкѣ, все это въ Академіи привѣтствуется и приводится въ дѣйствіе частію путемъ оффиціальныхъ мѣропріятій, а частію иными путями. Но такъ какъ вся моя рацея объ этомъ свѣжему человѣку можетъ показаться бредомъ преувеличеннаго мнѣнія о сво-

емъ значеніи, то, какъ это ни жаль, я остановлюсь, прося васъ повѣрить, что я ей-Богу не такой человѣкъ, чтобъ носиться съ воображаемыми опасностями. Что сдѣлалъ г. Булгаковъ прежде всего, когда прочелъ мое частное и злополучное письмо? Побѣжалъ къ *, собралъ **, *** и **** (художественнаго критика). Первые три—это душа ненависти къ Передвижной выставкѣ, и изложилъ, что вотъ такъ и такъ. Плодомъ этого было письмо, которое я и получилъ отъ Булгакова, начинающееся такимъ образомъ: «Не имѣя ни чести, ни желанія знать васъ лично, я требую отъ васъ отвѣта въ клеветѣ, вами распускаемой на мой счетъ» и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ такой комплиментъ: «Не смѣю спорить съ вами, какъ человѣкомъ, умудреннымъ опытомъ въ созиданіи художественной славы, и знатокомъ закусочныхъ рецензій» и проч., и затѣмъ угроза: если я не возьму всѣхъ своихъ словъ, то онъ прибѣгнетъ къ мѣрамъ рѣзкимъ. Письмо длинное, оскорбительное и обличающее господина, которому ничего не стоитъ перервать человѣка пополамъ; поди потомъ, отдѣлывайся отъ него. Но меня спасла въ этомъ разѣ только моя невинность полнѣйшая. Вообразите только, что я не зналъ о существованіи г. Булгакова, не зналъ, кто пишетъ въ «Нов. Времени» художественныя рецензіи, и въ оба раза, которые я васъ видѣлъ въ прошломъ году, я забывалъ спросить, кто это? Мало того, я ничего не зналъ, что предшествовало появленію статей о Клеверѣ и Судковскомъ и нѣкоторыхъ другихъ. Ну, словомъ, я, будучи невиннымъ какъ младенецъ, оказалось попалъ въ самое больное мѣсто и у Клевера, и у Булгакова, говоря о репортерахъ вообще, и не имѣя ихъ въ виду въ частности, а писалъ просто то, что я знаю и чему былъ свидѣтелемъ въ жизни. Все это я изложилъ г. Булгакову съ совершеннымъ спокойствіемъ и откровенностью. Теперь эпизодъ этотъ уже можно считать конченнымъ, но я просилъ бы васъ на будущее время не дѣлать такихъ опытовъ, такъ какъ достаточно мнѣ сказать, чтобы я не писалъ ничего, даже изъ желанія добра «Новому Времени», и я послушаюсь. Извините, что такъ много времени и мѣста отошло на посторонній предметъ.

Теперь объ искусствѣ*). Я говорилъ уже неоднократно, что вы напишете, не зная спеціально предмета, гораздо лучше, чѣмъ тѣ, кто объ этомъ считаетъ себя въ правѣ писать. Въ вашей замѣткѣ есть то, что называютъ впечатлѣніемъ и что художнику знать гораздо болѣе важно, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Разумѣется, впечатлѣнія суть только впечатлѣнія, и только изъ сложенія милліоновъ впечатлѣній можно выводить критическія указанія и положенія; но такъ какъ наша художественная

*) Остальная часть письма напечатана, почти цѣликомъ, въ «Новомъ Времени», № 2883, въ «Письмѣ къ другу». *Ред.*

рыхъ мастеровъ, до времени великихъ творческихъ живописцевъ, все связано, сковано, мертво и сухо, и, не смотря на то, Гольбейнъ въ Германіи, Джіотто, Чимабуе, Беато Анджелико и Перуджино въ Италіи, считаются не только не ниже послѣдующихъ, но увлекающимися историками почитаются еще больше. И до извѣстной степени это справедливо. Такъ и Гольбейнъ, напримѣръ, запускавшій свой щупъ до дна души человѣка, этотъ ужасающій аналитикъ и философъ, далъ такіе портреты, которые и теперь останавливаютъ вниманіе всякаго наблюдательнаго человѣка. Думаю (разумѣется, бездоказательно), что люди, съ которыхъ онъ писалъ, могли желать чего-нибудь другого, но человѣческій родъ всегда будетъ ему благодаренъ за его изслѣдованія, и всегда предпочтетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, опираться на его свидѣтельство, нежели на свидѣтельство Рубенса. Потому что Гольбейнъ — сама природа, вскрытая уму человѣка. Что̀ тутъ художественнаго—я не знаю, но что это необыкновенно и интересно, сомнѣнію не подлежитъ.

Мы какъ разъ подошли къ портрету «Стрепетовой», Ярошенки. Вы говорите: «Это безобразно»! И я понимаю, что вы ищете тутъ то, что̀ вы видѣли иногда у Стрепетовой, дѣлающее ее не только интересной, но замѣчательно красивой и привлекательной. И, не смотря на то, я утверждаю, это портретъ самый замѣчательный у Ярошенки; это въ живописи то̀ же, что̀ въ литературѣ портретъ, написанный Достоевскимъ. Хорошо это, или дурно—я не знаю; дурно для современниковъ, но когда мы всѣ сойдемъ со сцены, то я рѣшаюсь пророчествовать, что портретъ Стрепетовой будетъ останавливать всякаго. Ему не будетъ возможности и знать, вѣрно ли это и такъ ли ее знали живые, но всякій будетъ видѣть, какой глубокій трагизмъ выраженъ въ глазахъ, какое безъисходное страданіе было въ жизни этого человѣка, и зритель будущаго скажетъ: «И ка̀къ все это искусно приведено къ одному знаменателю, и ка̀къ это мастерски написано»! Не смотря на детали, могущество общаго характера выступаетъ болѣе всего. Вы думаете, что Ярошенко не могъ бы написать иначе? Могъ бы, если бы захотѣлъ. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ не сможетъ захотѣть. Ну, да это наконецъ и спорно. Возвращаюсь къ началу, чтобы кончить. И такъ, русскаго художника никто не учитъ, и ему учиться не у кого. Сколько разъ ему приходится стоять съ разинутымъ ртомъ, отъ изумленія, передъ Ванъ Дейкомъ, Веласкесомъ и Рембрандтомъ, и чувствовать, что сошли со сцены и умерли уже и эти цѣльныя натуры, и эти связные характеры, что наконецъ человѣческое лицо, какимъ мы его видимъ теперь въ городахъ и всюду, гдѣ есть газеты и вопросы, требуетъ другихъ пріемовъ для выраженія. И вотъ, художникъ пробуетъ; думаетъ: вотъ какъ надобно. Попробовалъ— провалился. Всталъ, пробуетъ иначе, опять не такъ. И никакія справки

съ Эрмитажемъ не помогаютъ. И потомъ, 200 — 300 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ не даромъ. Мозгъ и воспріимчивость художника иные, даже краски уже не тѣ. То есть, свѣтовыя впечатлѣнія теперешняго художника разнятся отъ прежнихъ. Извольте всѣмъ этимъ овладѣть собственными усиліями, безъ поддержки, безъ руководства и безъ атмосферы.

Написавъ все это, я чувствую, что того, что̀ было бы понятнѣе всѣмъ, я не сказалъ, а что̀ сказалъ, до такой степени выходитъ лично, да еще и съ претензіями на обобщеніе, что я въ затрудненіи. Оказывается, что художникъ силится все что-то сказать, да только никто его не понимаетъ ни тогда, когда онъ говоритъ словами, ни даже тогда, когда говоритъ кистью. Уважающій васъ И. Крамской.

CCLXXXV. Къ Ѳ. И. Булгакову.

10-го марта 1884 г.

Милостивый государь Ѳедоръ Ильичъ. Удовлетворите желаніе г. Клевера, но прошу васъ также показать прежде всего эту записку для того, чтобы онъ самъ прежде раздумалъ, чѣмъ приниматься за чтеніе чужихъ писемъ, не ему адресованныхъ. Если онъ потребуетъ и послѣ этого письма, чтобы удовлетворили его любопытство, то пусть читаетъ. Очевидно, что онъ все напираетъ на мою высокую честность: пусть онъ убѣдится въ этомъ лишній разъ, такъ какъ ему моя простота начинаетъ казаться подозрительною.

Примите выраженіе моей почтительности и готовности служить вамъ.

И. Крамской.

CCLXXXVI. Къ М. П. Третьякову.

12-го марта 1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Списки подписей я передалъ наканунѣ обѣда Киселеву, съ просьбою предложить членамъ и гостямъ, бывшимъ въ сборѣ на обѣдѣ. Самъ на обѣдѣ не былъ; куда дѣвался списокъ — не знаю, и кого спрашивать — тоже. Пошлю къ Лемоху, Савицкому, и, если окажется, то немедленно пришлю въ Москву. Но теперь я никуда не выхожу, а уѣзжаю въ четвергъ.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CCLXXXVII. Къ В. В. Стасову.

14-го апрѣля 1884 г., Ментона.

Благодарю васъ, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, за вторую половину брошюры о Шварцѣ. Многое изъ фактической стороны его жизни для меня было новостью, да нельзя сказать, чтобы и художественная его дѣятельность мнѣ была вполнѣ извѣстна. Правда, я знаю почти все, что̀ онъ сдѣлалъ, исключая «Гонца» (котораго я вовсе не видалъ и не знаю), но все же напоминать себѣ о томъ, что̀ сдѣлано (и когда?) не худо. И вотъ какъ странно у насъ на Руси: былъ Шварцъ, началъ проводить борозду, и очень глубокую, вѣрно угаданную въ направленіи своемъ исторически; умеръ онъ, и все пошло опять, кто куда. Какъ будто и не было человѣка! Заслуга его никому ни урокъ, ни руководство. Только теперь есть какой-то Яновъ, довольно блѣдный талантъ, но усердный орнаментистъ и рисовальщикъ разныхъ древностей, подчасъ неидущихъ къ дѣлу, да пожалуй у Сурикова какой-то древній духъ (и одинъ только запахъ), въ его «Казни стрѣльцовъ», вотъ и все. Чуть не 20 лѣтъ уже, какъ Шварцъ умеръ, а русская историческая живопись все такая же глупая, какъ была и до него. Отчего это, скажите пожалуйста? Мало того, что послѣ Шварца не осталось никакихъ традицій, я сильно сомнѣваюсь, чтобы онѣ (то есть, традиціи) остались бы, или образовались послѣ цѣлаго пласта художниковъ русскихъ, начиная съ 50-хъ до 80-хъ годовъ включительно. Вѣдь это уже не одинъ человѣкъ, а, какъ иные говорятъ, даже школа (хотя я всегда смотрѣлъ на такое опредѣленіе очень скептически). Я чувствую — даже больше — убѣжденъ (потому что есть признаки), что, съ исчезновеніемъ со сцены послѣдняго могикана, пойдетъ полоса дурацкаго академизма, только подъ другимъ, чѣмъ прежде, соусомъ, и когда-нибудь надо будетъ начинать пѣсню про бѣлаго бычка сначала. Шутка сказать — сначала! Вѣдь что̀ это значитъ? Это значитъ, надо будетъ появляться опять своему Ѳедотову, Перову и другимъ, въ сущности еще несовершеннымъ художникамъ, а только носителямъ идеи. «Есть отчего въ отчаянье придти!» Вы полагаете, что мой взглядъ слишкомъ мрачный? Ахъ, ка̀къ бы я желалъ ошибаться! Но вѣдь Академія — дѣятель, у нея есть дѣти, точь въ точь на нее похожія, они теперь ростутъ, они пенсіонерами заграницей, они постоянно увеличиваются численно, ихъ ряды строятся уже въ колонны, и еще годика 4 — 5, и со стороны Академіи будетъ свѣжее войско, какого духа — это все равно, главное — войско будетъ молодое, сильное, бодрое, и, что̀ всего важнѣе — злое, и злое за то, что временно академическое начало было осмѣяно, и несостоятельность его доказана. Этого люди спеціальные

никогда не забываютъ, а публика... но когда же наша публика, въ вопросахъ художественныхъ, могла стать сознательно на сторону родного и непритворнаго искусства, если она до сихъ поръ не можетъ разобрать, какое положенiе ей слѣдуетъ принять въ вопросахъ, прямо и непосредственно ее задѣвающихъ. А впрочемъ! Не бросить ли эту матерiю? Пожалуй, это только теорiи! А, все-таки, я такъ думаю! И думаю потому, что имѣю причины такъ думать. Уважающiй васъ И. Крамской.

Кузьму Пруткова изображаю *), но не знаю, что́ выйдетъ изъ этого.

CCLXXXVIII. Къ нему же.

Ментона, 2 (14-го) апрѣля 1884 г.

Только что отправилъ къ вамъ свое письмо, увѣдомлявшее васъ о полученiи 2-й половины «Бiографiи Шварца», уважаемый Владимiръ Васильевичъ, какъ получилъ отъ васъ еще письмо, и письмо, нужно сказать, глубоко меня затронувшее и взволновавшее. Да, вотъ оно, начинается! Вы думаете, что начинается? А, вотъ это то самое, чего я съ такимъ страхомъ и трепетомъ жду уже нѣсколько лѣтъ. Вообразите, какой я былъ дуракъ лѣтъ 6—7 тому назадъ. Я думалъ, что все, что́ мы надѣлали, пройдетъ намъ даромъ. Но, чѣмъ дальше я жилъ, чѣмъ больше видѣлъ, тѣмъ все больше и больше сталъ замѣчать, что борьба черная, борьба на жизнь и на смерть — еще впереди. Ну, что-жъ: борьба, такъ борьба. Теперь отступать уже не приходится. Все равно помирать. Ахъ, Владимiръ Васильевичъ, еслибы вы знали, ка̀къ жаль, что эта борьба застаетъ многихъ изъ насъ уже разбитыми, нѣсколько разъ прежде, собственными неуспѣхами художественными. Матерiально мы погибли, то есть, личнымъ существованiемъ мы будемъ болѣе или менѣе продолжительное время еще мозолить глаза противникамъ, не внушая уже имъ ни страха, ни опасности... Да, тутъ, какъ во всемъ, пока налетитъ шквалъ, есть нѣсколько предвѣстниковъ: безпокойныя чайки, потомъ отдѣльные порывы вѣтра безъ связи и постоянства, и безпечный человѣкъ можетъ подумать въ минуту затишья—тихо, не будетъ бури! Такъ вотъ оно, откуда уже нѣсколько лѣтъ шипѣнiе въ газетахъ, то съ одной стороны, то съ другой — и такъ, безъ основанiя: сорвать гнѣвъ, и только. Ни до картинъ, ни до выставки дѣла нѣтъ, а такъ просто! Зачѣмъ ты не ликуешь, и зачѣмъ не идешь на поклонъ, когда ты знаешь, что твой поклонъ только и нуженъ. Тебя потомъ оставятъ въ покоѣ, но поклонись! А! Ты полагаешь, что у тебя достанетъ силы и духу тягаться въ силу правоты, и что ты однимъ этимъ возьмешь побѣду? Ну хорошо же!!!

*) Портретъ В. М. Жемчужникова, писанный въ Ментонѣ. *Ред.*

Извините, уважаемый Владиміръ Васильевичъ, за аллегорію, но ей-Богу я, всѣ послѣдніе года, все удивлялся, откуда эти лающіе писаки берутся— вѣдь это новые, думаю себѣ (потому, старыхъ я знаю), а оказывается: все старые знакомые?! Такъ неужели-жъ и въ самомъ дѣлѣ NN—это и есть самый «Художникъ?» Ну, спасибо, не ожидалъ. Неужели-жъ и X. уже лягается? Такъ вотъ оно какъ! Ну, что-жъ дѣлать, таковъ законъ: никто не уступаетъ поле другому безъ борьбы, а тутъ борьба не просто—честная борьба, а завѣдомо предательская. Одно утѣшительно немного для меня: я все думалъ, что мы не очень огорчили противниковъ, потому что не было ненависти къ намъ до сихъ поръ, все скорѣе сочувствовали и хвалили, и если правда, что злость и шипѣніе начинаютъ раздаваться—слава Богу! Это все-таки одинъ изъ признаковъ, что и у насъ достоинства несомнѣнныя. Ужь на этотъ разъ вы не ждите никакого письма, потому что я не могу ни о чемъ ни думать, ни говорить, какъ только о томъ, что̀ предстоитъ. А предстоитъ генеральное сраженіе, все-таки прежде, чѣмъ наша армія будетъ разсѣяна. Вы видите, что я смотрю не весело, но ей-Богу между нами такихъ немного, стало быть сражаться они будутъ бодро, они и не подозрѣваютъ, что будетъ капутъ. Я же, не смотря на это, а еще лучше, именно поэтому, буду какъ 20 лѣтъ тому назадъ. Ахъ, Боже мой, только бы не умереть, прежде чѣмъ что-нибудь будетъ приготовлено для будущей выставки! Извините — вы и не подозрѣвали, что̀ вы во мнѣ возбудили, и въ какое состояніе я пришелъ.

Нѣтъ письма — до другаго раза.

Уважающій и преданный вамъ И. Крамской.

CCLXXXIX. Къ Ѳ. Ѳ. Петрушевскому.

Ментона, 12-го (24) апрѣля 1884 г.

Письмо ваше, глубокоуважаемый Ѳедоръ Ѳомичъ, предупредило мои намѣренія написать вамъ изъ этого прекраснаго далека. Получилъ я его въ первый день праздника, и не могъ отвѣтить тотъ же часъ потому, что былъ на дорогѣ по одному печальному обстоятельству. Здѣсь умерла одна больная, намъ нимало до того времени не знакомая и не близкая, но сдѣлавшаяся извѣстною вслѣдствіе того, что съ перваго же дня нашего пріѣзда мы познакомились съ ея братомъ: художникомъ Пахитоновымъ. Объ этомъ человѣкѣ вы можетъ что-нибудь и слышали. Года четыре тому назадъ, онъ сталъ извѣстенъ въ Парижѣ. Я имѣлъ къ нему письмо изъ Парижа отъ Боголюбова. Пахитоновъ здѣсь жилъ всю зиму для больной своей

сестры, которая и умерла наконецъ. Съ нею была старушка мать, которая потеряла голову, самъ Пахитоновъ тоже, и молодая его жена—тоже. Словомъ, даже мы могли оказать имъ кое-какое облегченіе и услугу, на это-то время и ушло, пока ее не похоронили. А хорошее здѣсь кладбище! Я даже нахожу, что умирать въ другомъ мѣстѣ гдѣ-нибудь просто неприлично: близко къ небу, хорошій видъ, и... сухо (послѣднее — практическое и такъ сказать хозяйственное соображеніе). Но, оставляя въ сторонѣ практику — придется все время держаться чистой поэзіи. Эти кипарисы, маслины и розы, розы и розы! Чудесно, особенно когда тихо и ясно. Замѣчаете ли вы, что я, говоря о Ментонѣ, употребляю такія выраженія, которыя примѣнительны къ Петербургу? Это оттого, что мы попали сюда во время мистраля и всяческихъ безобразій, а такъ какъ старожилы говорятъ, что всегда природа возьметъ свое, то вотъ она и угощаетъ всѣмъ попеременно: и холодомъ, и дождемъ, и вѣтромъ въ апрѣлѣ, когда всему этому долженъ былъ быть уже конецъ въ мартѣ, но мартъ былъ очень хорошій, а слѣдовательно... слѣдовательно и здѣсь теперь не важно, то есть, какъ однакожъ не важно? Оно тепло, но мокро, и мокро. Впрочемъ, всѣхъ дней было здѣсь около 8-ми мокрыхъ, со времени нашего пріѣзда. Это много — третья часть, но не смотря на то, до чего усердствуютъ лягушки! И, какъ мнѣ сказалъ Пахитоновъ, въ первый же вечеръ, какъ я пріѣхалъ, что это къ хорошей погодѣ, а потомъ и самъ сталъ сомнѣваться. Погода дрянь, а лягушки упражняются, такъ что мы теперь и не знаемъ: радоваться ли намъ вечеромъ или печаловаться?

Хорошо здѣсь, очень, и я не знаю, чему приписать, но только и мнѣ здѣсь хорошо, такъ что я только вспоминаю, каково было въ Петербургѣ. Нельзя сказать, чтобы кашель прошелъ вовсе, а всетаки сравнить нельзя: покашляю немного утромъ въ 9-мъ часу и пополудни около 4-хъ, и только: но странно, что такъ аккуратно это установилось.

Ваше письмо дышетъ такой поэзіей, что мнѣ жалко не отвѣчать вамъ въ томъ же тонѣ: и хотѣлъ бы, да не могу и не умѣю, а чудесное письмо, надо бы его переложить на стихи. Съ праздникомъ васъ. Это письмо не въ счетъ! Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CCXC. Къ П. О. Ковалевскому.

Ментона, 15-го апрѣля 1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Осиповичъ. Получивъ ваше чудесное письмо уже здѣсь въ Ментонѣ, я былъ лишенъ возможности отвѣчать вамъ немедленно, какъ бы слѣдовало, потому что не зналъ, куда и какъ адресо-

вать. Я долженъ былъ навести прежде справки въ Петербургѣ объ этомъ, и вотъ только теперь могу сообщить вамъ кое-что о себѣ: то есть, что знаю.

Я кашляю уже года $1^1/_2$, и никакія средства не помогаютъ. На этотъ разъ дѣло дошло до того, что С. П. Боткинъ, докторъ, потребовалъ моего удаленія изъ Петербурга на дурное весеннее время, разрѣшивъ вернуться въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Чтó у меня такое? — я не знаю положительно. Находятъ какія-то опухоли въ верхнихъ частяхъ груди, около легкихъ и дыхательныхъ путей, и что будто это и есть причина кашля, лихорадки, упадка силъ и тому подобнаго. Словомъ, на простомъ языкѣ, я думаю, объ этомъ можно выразиться такъ, что вотъ жилъ - жилъ человѣкъ, да и усталъ, машинка стала портиться; и ему, волею или нѣтъ, а изъ строя приходится выйти, и поступить въ число калѣкъ на болѣе или менѣе продолжительное (однакожъ приличное) время, вотъ и все. Послушаться я долженъ былъ, чтобы узнать, чтò изъ сего послушанія выйдетъ на этотъ разъ, а затѣмъ — ничего не знаю.

И такъ, я въ Ментонѣ. Мѣсто, объ которомъ столько поэтовъ писали и восторгались, такъ что прибавлять къ этому рѣшительно нечего, развѣ только личное нерасположеніе ко всѣмъ мѣстамъ, гдѣ горы слишкомъ близко къ человѣку; а остальное ничего, такъ себѣ. Все какъ слѣдуетъ, ростутъ лимоны и апельсины круглый годъ, цвѣтовъ такая тьма, что остается ими мостить (то есть, виноватъ, посыпать) дороги, а больныхъ и того больше. Средиземное море тò же, что и въ Италіи, каналій и мошенниковъ и тутъ можно найти, а чтó до хорошихъ людей, то они чудесами попадаются и здѣсь. Словомъ, какъ ни оберни, а Ментона такая же частица вселенной, какъ и Васильевскій островъ.

За письмо вамъ искреннее и большое спасибо. Спасибо за все: во 1-хъ, за вашъ интересъ къ моему существованію, во 2-хъ, за мысли и замѣтки по поводу критики и художества. Очень хорошо, и все сплошь правда. Жалѣю, что не могу вамъ отвѣчать ни достаточно интересно, ни вообще отвѣчать по поводу этой богатой темы, частію потому, что я буду говорить параллельно тò же самое, что и вы, а частію потому, что теперь (въ настоящую минуту) я написалъ уже пять писемъ, да еще нужно почти столько же.

Однакожъ, не могу не сообщить вамъ, что картина Савицкаго*), о которой вы пишете, дѣйствительно носитъ на себѣ слѣды неровности, и вотъ вамъ причина всего этого. Онъ эту картину написалъ въ Москвѣ, на мѣстѣ, былъ свидѣтелемъ событія, похожаго на то, что онъ изобразилъ. Картина была вся ровно написана прямо на солнцѣ и съ натуры, все было

*) «На войну!» *Ред.*

кончено одинаково тонко, ка̀къ Савицкій очень рѣдко дѣлалъ. Но по пріѣздѣ въ Петербургъ ему залѣзла несчастная мысль въ голову, что сюжетъ не ясенъ, и что картина нуждается въ передѣлкахъ... Ну, и передѣлалъ! То, что вы видите тонкаго, хорошо написаннаго и т. д., все старое, ну, а другое—новое.

Ка̀къ вы вѣрно замѣтили о картинѣ Рѣпина *), что все вѣрно и солнечно, исключая общаго впечатлѣнія солнечности! Стало быть, вѣрность впечатлѣнія лежитъ гдѣ-то за чертой этюдности. Ахъ, Богъ мой, до чего это вѣрно: въ этомъ я ежедневно и ежечасно убѣждаюсь. Вы думаете, что колоритъ можетъ быть изучаемъ—какъ рисунокъ? Я не совсѣмъ такъ думаю. Колоритъ, конечно, можетъ быть изучаемъ, но, вѣроятно, иначе нѣсколько, нежели рисунокъ: на это указываютъ всѣ неудачи въ колоритѣ. Вотъ наша бѣда! Кто насъ выведетъ изъ этого лабиринта? Никого нѣтъ. Надобно добираться самому. А, впрочемъ, кончить надо—по необходимости.

Уважающій и преданный вамъ искренно И. Крамской.

CCXCI. Къ П. М. Третьякову.

Ментона, 19-го апрѣля 1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Получилъ я ваше хорошее письмо здѣсь, отправленное вами 10 апрѣля. Благодарю васъ за то, что не забываете моихъ и были у насъ.

Совершенно справедливо, что картина моя «Неутѣшное горе» покупателя не встрѣтитъ, это я знаю также хорошо, даже можетъ быть лучше; но вѣдь русскій художникъ, пока остается еще на пути къ цѣли, пока онъ считаетъ, что служеніе искусству есть его задача, пока онъ не овладѣлъ всѣмъ,—онъ еще не испорченъ, и потому способенъ еще написать вещь, не разсчитывая на сбытъ. Правъ ли я или ошибаюсь, но я, въ данномъ случаѣ, хотѣлъ только служить искусству. Если картина никому не будетъ нужна теперь, она не лишняя въ школѣ русской живописи вообще. Это не самообольщеніе, потому что я искренно сочувствовалъ материнскому горю, я искалъ долго чистой формы и остановился наконецъ на этой формѣ, потому что больше двухъ лѣтъ эта форма не возбуждала во мнѣ критики.

Все, что я написалъ, не относится къ отвѣту, то есть не служитъ отвѣтомъ, но служитъ мнѣ вотъ къ чему. Если картина эта не будетъ продана, я ее самымъ спокойнымъ образомъ поворачиваю къ стѣнѣ, и забываю о ней, я свое дѣло сдѣлалъ. Все равно: или она вещь, и тогда она сто̀итъ того, по крайней мѣрѣ, чего сто̀итъ въ жизни кровь и нервы художника,

*) «Не ждали». *Ред.*

которому надобно еще родиться, рости и развиваться; или она **не вещь**, и тогда ее надобно покупать и пристроивать для поощренія, изъ милости. Кто бы я ни былъ, въ какомъ бы положеніи ни очутился, я лично не хочу и не желаю поощренія; мало того, не приму его, когда оно ко мнѣ постучится. Но вы, лично вы, конечно, не можете быть поставлены въ заурядъ съ покупателями вообще. Это было мое мнѣніе, и всегда оно останется таковымъ, вотъ почему. Не смотря на матеріальную разницу между нами, я готовъ поступиться частію того, что я считаю себѣ принадлежащимъ, и для васъ назначаю 5,000. Повторяю при этомъ, что я совершенно убѣжденъ, что картина эта не найдетъ себѣ покупателя не только за 6,000, за 5,000, но и за 4 и за 3, и т. д., до 25 рублей включительно. Это не шутка, да наконецъ этими вещами и не шутятъ. И такъ, мой отвѣтъ вы теперь имѣете. Что же касается Майкова, то это мнѣ жаль искренно. Я знаю, что вещь эта не важная въ техническомъ отношеніи (то есть, собственно въ живописи), но въ ней есть выраженіе. Что у васъ есть уже его портретъ, и что онъ не изъ тѣхъ поэтовъ, кого надобно и можно имѣть не одинъ — мнѣ кажется причиной не убѣдительной. Ближе всего я боюсь, что на васъ повліялъ слухъ, что будто я написалъ иронію. Слухъ этотъ до меня дошелъ, и, признаюсь, очень огорчилъ меня, такъ какъ я ничего не имѣлъ дурного, работая портретъ.

Уважающій васъ глубоко **И. Крамской**.

CCXCII. Къ Ѳ. Ѳ. Петрушевскому.

20-го апрѣля 1884 г. Ментона.

Многоуважаемый Ѳедоръ Ѳомичъ. Теперь, по прошествіи полныхъ 4-хъ недѣль пребыванія нашего въ Ментонѣ, я могу уже сказать, что я нѣсколько ознакомился съ мѣстомъ и съ окрестностями. Какой чудесный городокъ Вентимиль! Какая интересная дорога на Капъ-Мартенъ! А затѣмъ и долины чего-нибудь стоятъ. Очень симпатичныя окрестности! До Борди горы еще не добирался, и не былъ въ Рокъ-Брюнѣ, хотя дочь моя была уже въ послѣднемъ съ знакомыми. По разсказамъ вашимъ, помнится мнѣ, выходило такъ, что мы опоздаемъ къ расцвѣту оранжей, между тѣмъ только теперь запахъ отъ цвѣтовъ распространяется повсемѣстно; и ужъ дѣйствительно, вездѣ только этимъ и пахнетъ. Такая масса цвѣтовъ вообще, что рѣшительно не понимаешь, откуда это берется, и если это, какъ говорятъ, круглый годъ такъ, то, дѣйствительно, бѣдному сѣверному жителю можетъ придти въ голову о неравенствѣ распредѣленія богатствъ даже и у такого справедливаго существа, какъ Создатель. Ну, что бы стоило хотя немного уравнять? Сегодня я дѣлалъ прогулку (кажется въ 3-й или

4-й разъ) по дорогѣ на Капъ-Мартенъ, въ оливковую рощу—что̀ за прелесть эти оливы! И какія есть между ними старыя! Говорятъ, будто нѣкоторыя изъ нихъ помнятъ Цезарей Рима. Кто можетъ утверждать это съ достовѣрностью? И, не смотря на то, стволы, состоящіе изъ узловъ цѣлыхъ десятковъ отдѣльныхъ деревьевъ, шириною до сажени въ поперечникѣ, невольно наводятъ на мысль, что есть въ этихъ разсказахъ доля правды. Самый Капъ-Мартенъ, покрытый пиніями, интересенъ тоже. Особенно хороша дорога. Запахъ смолы такъ силенъ, что меня удивляетъ, ка̀къ это такое цѣлебное мѣсто остается не заселеннымъ, не застроеннымъ. А вода подъ лодками какого изумрудно кобальтоваго цвѣта! Удивительно! Сегодня я, впрочемъ, пытался нарисовать нѣкоторые стволы оливковаго дерева у корней. Одинъ корень можетъ быть отдѣльнымъ этюдомъ, особенно освѣщенный солнцемъ. Хотѣлось бы сдѣлать хоть одинъ этюдъ, чтобы, глядя на него, вспоминать этотъ воздухъ, этотъ свѣтъ и тепло. Я ни слова не говорю уже о самомъ морѣ; замѣчу только мимоходомъ, что многіе маринисты чистые шарлатаны, увѣряютъ, что море такое, ка̀къ они изображаютъ! Не знаю, чему больше удивляться въ этихъ случаяхъ, невѣжеству ли, нахальству, или ограниченности? Потому что только при существованіи всѣхъ упомянутыхъ трехъ качествъ можно писать море такъ, какъ они. А впрочемъ....

Былъ въ Ниццѣ. Посѣтилъ всемірную выставку. Вы, быть можетъ, не знаете о ея существованіи? Какъ же, есть такая. Смотрѣлъ, конечно, художество, до остальнаго дѣла не было, да сколько можно судить, и нѣтъ ничего стоющаго. И въ художествѣ нѣтъ ничего—не скажу выдающагося (этого все ищутъ русскіе критики), а нѣтъ простого, не претенціознаго и не исковерканнаго. Если бы объ искусствѣ Европы приходилось судить по этой выставкѣ, или еслибъ эта выставка была вѣрной представительницей теперешней иностранной живописи, то заключеніе можно было бы сдѣлать очень печальное, а именно: искусство въ Европѣ идетъ къ вырожденію. Такъ ли, сякъ ли, но вѣдь есть же и въ этой выставкѣ родовыя черты настоящаго времени? Какія же это черты? Выказываетъ выставка отсутствіе (и полное) простоты всяческой: простоты замысла, и простоты средствъ. Все исковеркано, все вычурно, все бьетъ на то, чтобы чѣмъ-нибудь отличиться. Ни рисунокъ, ни краска (не говоря о выраженіи) уже не преслѣдуются. Вмѣсто этого — вымыслы. А скульптура! Боже мой! Подожду «Салона» *). Не можетъ быть, чтобы такой радикальный поворотъ былъ господствующимъ. Я знаю, что говорить огуломъ въ такомъ тонѣ легкомысленно; я знаю, что есть и у французовъ представители инаго

*) То есть ежегодной выставки въ Парижѣ. *Ред.*

направленія, и я, конечно, ихъ выдѣляю; быть можетъ, даже, мнѣ придется еще на нихъ и указать—все можетъ быть; но фактъ общаго направленія массы художниковъ остается фактомъ.

Скульптура (и французская съ прекрасной техникой, и особенно итальянская) до такой степени напоминаетъ «бароккъ», что удивительно, ка́къ художникамъ самимъ до сихъ поръ это въ глаза не бросается. Да чего! Если взять только и сравнить любую итальянскую статую на этой выставкѣ, ну съ чѣмъ бы, напримѣръ? Положимъ, съ какой-нибудь статуей нашей Лѣтняго сада (вы думаете—я шучу?), то сходство въ пріемахъ удивительное. Тѣ же глубокія дырья, чтобы больше оттѣнялось, тѣ-же вывернутыя детали, чтобы, такъ сказать, придать «грацію» даже кончикамъ пальцевъ ноги, тѣ же ничѣмъ неоправдываемые повороты головы, чтобы такъ сказать фигуры казались живыми. Словомъ, извращеніе художественнаго смысла полное. (Пожалуйста только никому о моихъ радикально отсталыхъ взглядахъ!) Печально.

Въ отдѣлѣ живописи господствуютъ французы, бельгійцы и голландцы. Нѣмцевъ почти нѣтъ, итальянцевъ очень мало, а о прочихъ и упоминать нельзя—днемъ съ огнемъ не найдешь. Много есть вещей, извѣстныхъ уже и по фотографіямъ, и по гравюрамъ; и нужно сознаться, что репродукціи даютъ болѣе выгодное понятіе.

Меня больше всѣхъ огорчилъ у французовъ современное свѣтило, Бастьенъ-ле-Па́жъ. Послѣ этого начинаешь удивляться, почему у насъ не признаютъ за великаго живописца Васнецова? Потому что, безъ преувеличиванія, картины Бастьенъ-ле-Пажа тождественны Васнецовскимъ, если помните «Чтеніе телеграммы» и «Развѣшиваніе флаговъ»—бывшія на выставкѣ товарищества лѣтъ 5—6 тому назадъ. А «Аленушка» несравненно выше даже того, что́ французъ поставилъ здѣсь... А впрочемъ... Даже какъ-то страшно продолжать!

Преданный вамъ и уважающій васъ И. Крамской.

CCXCIII. Къ В. В. Стасову.

Ментона, 30-го апрѣля 1884 г.

Такъ какъ вы меня, очевидно, не совсѣмъ знаете, то я и не могу быть краткимъ. Говорю: очевидно, потому, что вы меня хвалите за такія, съ позволенія сказать, посредственности, что я просто удивляюсь *). Вы го-

*) Рѣчь идетъ здѣсь о письмѣ Крамского къ А. С. Суворину, отрывки изъ котораго были напечатаны въ «Новомъ Времени» 1884 г., № 2883, въ «Письмѣ Незнакомца къ другу». *Ред.*

ворите, напримѣръ, что кто-жъ изъ русскихъ художниковъ тàкъ думаетъ и пишетъ и проч. и проч.... Господи, Боже мой! Да кто же изъ русскихъ человѣковъ можетъ тàкъ не думать, послѣ Бѣлинскаго, Гоголя, Өедотова, Иванова, Чернышевскаго, Добролюбова, Перова...... Слава Богу! За то, что я кое-что понимаю — я особа! Благодарю за то, что я не тупица, а замѣтный карась между вовсе пискарями, я хорошій человѣкъ и умница! Побойтесь Бога, уважаемый Владиміръ Васильевичъ! Вѣдь есть рыбы куда крупнѣе карася, ей-Богу же этакъ нельзя, вѣдь и я понимаю, чтò такое истинное человѣческое величіе. Это вещь рѣдкая, крайне рѣдкая, а послушать васъ, такъ у насъ есть эти рѣдкія явленія, и между ними я, многогрѣшный. Хорошо, что мнѣ скоро-скоро будетъ 47 лѣтъ, а то я бы, чего добраго, возмечталъ о себѣ. Но такъ какъ у меня тоже сѣдая борода, то и неприлично умалчивать и не говорить громко нѣкоторыхъ вещей, потому что ихъ, пожалуй, и вовсе не скажешь. Повторяю только, что то, чтò я говорилъ, не считаю вовсе чѣмъ-нибудь особеннымъ, это просто самая простая и обыкновенная мысль, мысль, возникающая у всякаго, кто что-нибудь искренно и честно любилъ, или ненавидѣлъ. Но прежде одно объясненіе.

Вы упомянули о моей статьѣ по поводу Макса *), и говорите, что мнѣ все что-то мѣшаетъ совлечь съ себя ветхаго человѣка, что я входилъ въ компромиссы, что, высказывая новое, въ то же время оглядываюсь и т. д. Позвольте. Во-1-хъ, я вовсе никогда не понималъ, когда говорили о передовомъ, о новомъ, какъ о хорошемъ или лучшемъ непремѣнно, а старое — есть непремѣнно нѣчто, ничего не стоющее и т. д. Словомъ, новое — есть желательное, но чтò именно новое, это обыкновенно такъ и оставалось неразобраннымъ. Я признаю, между новыми и старыми людьми (и ихъ дѣлами), тѣхъ лучшими, и даже хорошими, которые понимали окружающія обстоятельства, потребности своего времени и вѣрно формулировали эти безформенныя стремленія. Не всегда новое есть лучшее. Несомнѣнно, что послѣдній выпускъ пенсіонеровъ Академіи есть новый, но есть ли онъ лучшій? И будутъ ли изъ него истолкователи наступающаго будущаго? Вѣдь этакъ Перовъ, этотъ старикъ передъ теперешними молодыми, есть представитель прогрессивнаго начала дѣйствительнаго. Я не думаю, чтобы вы нуждались въ лекціяхъ подобнаго рода, и не для того я объ этомъ заговорилъ, а только для того, чтобы оправдать свой пріемъ въ статьѣ, по поводу Макса. Вы упрекаете меня, что я говорилъ объ Юпитерахъ, Аполлонѣ и прочей ветоши? Да, я говорилъ, и теперь не отступаю

---

*) Статья въ «Новомъ Времени» 1879 г., № 1052, подъ заглавіемъ: «За отсутствіемъ критики». *Ред.*

ни отъ одной мысли, тогда высказанной, но только то, что̀ я говорилъ, было не все, что̀ я думаю, да всего, что̀ я думаю, и говорить тогда было некстати. Я продолжаю серьезно думать, что Юпитеръ и Аполлонъ суть великія олицетворенія абстрактныхъ представленій человѣчества, въ первую молодую пору жизни ума и сердца; что Юпитеръ, Аполлонъ, Милосская Венера суть дѣйствительно высокія художественныя произведенія, а что «Христосъ» Макса не есть продуктъ творчества, подобнаго творчеству древнихъ. Такъ какъ рѣчь шла объ олицетвореніи абстракта (а кому же доступенъ и возможенъ историческій образъ Христа? Скажу больше—кому онъ нуженъ? И что̀ этотъ образъ можетъ уяснить человѣчеству, еслибы онъ какимъ-либо чудомъ сталъ извѣстенъ современному художнику?!!), то я былъ въ правѣ говорить въ аудиторіи, такъ какъ я говорилъ, чтобы меня поняли. Дѣлать нѐчего — чтобы быть понятнымъ, приходится говорить такъ, какъ-будто передъ вами гимназисты приготовительнаго класса. Не помню, гдѣ я читалъ, или мнѣ кто-то разсказывалъ, что одинъ умный чиновникъ (и между ними такіе попадаются), совѣтовалъ чиновнику молодому, окончившему университетъ, писать форменныя бумаги къ министру такъ, какъ-будто онъ пишетъ къ унтеръ-офицеру, тогда его самыя возвышенныя мысли станутъ доступными его превосходительству. Если подумать минуту, то замѣчаніе это очень вѣрно!

И такъ, я говорилъ только на языкѣ понятномъ, бралъ примѣры изъ міра, всѣмъ знакомаго, и указывалъ на идеи, въ существѣ своемъ справедливыя, но сдѣлавшіяся отъ времени затасканными. Есть ли это съ моей стороны ошибка? — не знаю.

Чувствую, что по дорогѣ я обронилъ слово, за которое я могу быть притянутъ вами къ отвѣту. Если нѣтъ—хорошо, а на всякій случай объяснюсь: я отвергаю изображеніе историческаго «Христа»...

Но оставивъ разсужденіе объ изображеніяхъ Христа, можно говорить объ идеяхъ. Я думаю, что графъ Левъ Николаевичъ Толстой оказалъ услугу своимъ современникамъ, переведя Евангеліе.

...Разсуждая и оправдываясь, я такъ далеко уклонился, что нуждаюсь въ призваніи къ порядку. Вопросъ вотъ въ чемъ: что̀ такое русское искусство? и что такое искусство иностранное? Вы говорите, что нѣмцы покачивали головами и удивлялись радикализму Верещагина. Хорошо. Я знаю, что и это было. Но мы-то съ вами подумаемъ чуточку, что̀ это: искусство живопись или что другое? Я думаю, что нѣчто другое. И оно потому худо, что когда пройдетъ умственное возбужденіе, то есть, когда человѣкъ проживетъ одну смѣну, не станутъ ли эти холсты только памятниками извѣстнаго увлеченія, не имѣя самостоятельной живописной цѣнности? Вотъ что̀ меня гложетъ и не даетъ покою: что искусство, для сво-

его торжества и роли, должно быть (помимо идейной подкладки) самостоятельно и безусловно хорошо и талантливо, какъ только возможно, для своего времени. Только сочетаніе формы и идеи переживаетъ свое время. Идея измѣнилась, требуетъ новаго образа, а старый образъ, если онъ таковой, стоитъ передъ глазами вѣчно молодымъ и увлекательнымъ, вотъ гдѣ прочность искусства!

Говоря по правдѣ: вѣдь мы лепечемъ! Вотъ старые мастера — говорили! Веласкесъ, Рембрандтъ, особенно послѣдній, воспитанный республиканскимъ обществомъ, но и мрачный въ своемъ настоящемъ; онъ, какъ всѣ тогдашніе честные граждане, носилъ въ сердцѣ какой-то ужасъ за будущее, и его жгучая нервная кисть какъ будто отвѣчала общему настроенію. А Тиціанъ? Этотъ праздничный и торжествующій венеціанецъ! Чортъ знаетъ, кàкъ это было хорошо, и все это воскреснуть не можетъ теперь. И почему? По очень простой причинѣ: кромѣ тѣхъ, о которыхъ я упоминалъ въ письмѣ къ Суворину, есть еще одна, быть можетъ самая главная:—отсутствіе коллективныхъ усилій въ извѣстномъ направленіи, отсутствіе общаго, обязательнаго для всѣхъ идеала. Только чувство общественности даетъ силу художнику и удесятеряетъ его силы; только умственная атмосфера, родная ему, здоровая для него, можетъ поднять личность до паѳоса и высокаго настроенія, и только увѣренность, что трудъ художника и нуженъ, и дорогъ обществу, помогаетъ созрѣвать экзотическимъ растеніямъ, называемымъ картинами. И только такія картины будутъ составлять гордость племени и современниковъ, и потомковъ. И такъ, стало быть, не пристало теперь намъ говорить: «Осанна и ликуй»! Нуженъ другой, рѣзкій, дерзкій, все ниспровергающій критическій голосъ, который бы постоянно и не скучая твердилъ бы: «Плохо, господа, ей-Богу, плохо»! А почему плохо — доказалъ бы нашему брату, какъ дважды два четыре, по отношенію къ природѣ. Нуженъ голосъ, громко, какъ труба провозглашающій, что безъ идеи нѣтъ искусства, но въ то же время, и еще болѣе того, безъ живописи живой и разительной нѣтъ картинъ, а есть благія намѣренія, и только. Вотъ что̀ намъ теперь нужнѣе всего.

Теперь объ иностранномъ: я былъ въ Ниццѣ, обозрѣлъ выставку (такъ называемую «всемірную»), и... признаюсь, очень и очень не одобрилъ и не порадовался, а почему—тому слѣдуютъ пункты.

Прежде пунктовъ, однакожъ, надо сдѣлать необходимую оговорку. Такъ какъ на выставку попало, такъ сказать, кое-что, то и судить особенно строго—легкомысленно. Но я и не о томъ говорить хочу, а вотъ о чемъ: 1-е, отражаются ли на этой выставкѣ общія, родовыя черты современнаго западнаго искусства? Я думаю, что отражаются, и если мое предположеніе вѣрно, то, говоря вообще, я долженъ заключить, что искусство

пластическое въ Европѣ идетъ къ вымиранію; 2-е, написать такое слово страшно, но еще страшнѣе взрослому человѣку (понимая, что̀ дѣлаешь), отвѣчать за такое слово, и, однакожъ, я повторяю свое: вымираетъ! Подумайте только, что въ числѣ болѣе 600 №№, нѣтъ, не говорю выдающихся, а просто скромныхъ вещей, безъ претензій. Все вывернуто на изнанку, ничего не исковерканнаго. А скульптура! Боже мой, что это такое?! Ей-Богу—это ужасно! Все вычурно, все бароккъ. Положимъ, самые большіе и крупные художники Европы на выставкѣ отсутствуютъ. Но вѣдь эти художники, въ большинствѣ случаевъ, уже готовятся отойти въ область исторіи, а армія дѣйствующихъ поголовно заражена какою-то болѣзнію, и, какъ видно, сама объ этомъ не подозрѣваетъ. Даже пресловутая французская живопись какая-то сплошь посыпанная мукой. Я уже давно замѣчалъ этотъ господствующій тонъ на картинахъ въ Европѣ (исключая испанцевъ), но только теперь съ рѣшительностью это выступило для меня.

Исторія свѣтская—банально-посредственна, жанръ, большею частью, анекдотично-клубничный, портрета ни одного нѣтъ—простого, все ломаются, а пейзажъ—совершенно невозможный. Нѣтъ ни одного холста выше самой шаблонной посредственности. Репутація перваго ранга, Бастенъ-ле-Пажъ—невозможный ломака, да и живописецъ не изъ завидныхъ. Если то, что̀ у него выставлено въ Ниццѣ, хорошо, то удивительно, какимъ образомъ «Чтеніе телеграммы» и «Послѣ побѣды» Васнецова не великія произведенія? И такъ, если общій ходъ таковъ, то какъ возрадовалось бы мое сердце за Россію, гдѣ нѣтъ и признаковъ ничего подобнаго. Если мы и не достигли еще положительныхъ результатовъ, то мы, по крайней мѣрѣ, молоды и здоровы, а это по теперешнему времени важно. И все-таки я думаю, что въ Россіи наступитъ пора замерзанія и окоченѣлости надолго, и что многое надо будетъ начинать сначала лѣтъ черезъ 20—25. Къ тому времени все успѣютъ основательно забыть. Вы сами говорите, что въ Россіи или отсталость самая ужасная, или самое передовое изъ передовыхъ развитіе. Во всякомъ случаѣ это нездорово. Какъ часто у насъ въ мартѣ сходитъ снѣгъ, подымаются ростки, а въ маѣ отъ холодовъ все замерзло! Ужъ, конечно, я предпочелъ бы ошибиться! Вотъ о «критическомъ духѣ» вы хорошо и вѣрно говорите. Онъ у насъ есть дѣйствительно, и это одна изъ свѣтлыхъ точекъ, особенно потому, что онъ неумытный и безъ пощады, и къ своимъ и чужимъ. Это я признаю, и съ этимъ согласенъ. Но отъ перерывовъ и спячекъ насильственныхъ и это не спасаетъ.

Оставляю дѣло до «Салона». Пишу наканунѣ отъѣзда почти, и потому прошу адресовать (если то разсудите) Paris, Poste-restante.

Вашъ И. Крамской.

А все-таки мысли не вѣрно выражены, и того, чтó хотѣлъ сказать— не вышло!

CCXCIV. Къ нему же.

Парижъ, 19-го мая 1884 г.

Уважаемый Владиміръ Васильевичъ. Видѣлъ «Салонъ», видѣлъ Месоньè и видѣлъ Мункачи. Чтобы разобраться во всемъ этомъ, нужно нѣкоторое усиліе, главнымъ образомъ для того, чтобы быть безпристрастнымъ, или, еще вѣрнѣе—чтобы сказать по возможности искренно. Начну съ Салона. Я не видалъ текущаго французскаго искусства около 4—5 лѣтъ, и, на мой взглядъ, оно съ тѣхъ поръ понизилось въ своемъ уровнѣ, понизилось даже въ такое короткое время. На $3^1/_2$ тысячи номеровъ, вещей такихъ, передъ которыми останавливаешься, не скажу съ удивленіемъ, а только — съ удовольствіемъ, всего какихъ-нибудь 60 — 70, включая сюда и пейзажи. Немного, очень немного; и главное, чтò особенно тяжело дѣйствуетъ—это полное отсутствіе простоты. Такъ и видно, что человѣкъ потому избираетъ свой пріемъ, что простымъ изображеніемъ онъ не въ силахъ достигнуть ни рисунка, ни живописи, ни рельефа. Вы видите, что я начинаю говорить уже о частностяхъ и второстепенныхъ сторонахъ искусства. Но это потому, что главное: концепція, воодушевленіе и мысль—отсутствуютъ. Но чтò меня поразило болѣе всего—такъ это пониженіе даже живописи, скажите это Рѣпину. Всюду преобладаетъ какой-то мучной тонъ. Боюсь, что скоро французы потеряютъ и вкусъ къ простотѣ, то есть, что явись у нихъ совершенно простая и здоровая вещь, они на нее не обратятъ вниманія.

Очередь за Месоньè, но я скажу скорѣе о Мункачи. Это человѣкъ огромнаго таланта, у него есть воодушевленіе, сила, его картины дѣйствуютъ, и которая изъ нихъ лучшая, «Христосъ передъ Пилатомъ», или «Распятіе»—я не знаю. По моему, онѣ совершенно равны, даже «Распятію» я готовъ отдать преимущество, потому что здѣсь толпа чуть ли не лучше, то есть, она принимаетъ дѣйствительное участіе въ событіи. Въ первой картинѣ очень ужъ портитъ дѣло Христосъ, безъ бровей, тогда какъ въ «Распятіи» это не такъ замѣтно. Но, не смотря на все свое величіе и, славу, и талантъ, Мункачи все-таки не можетъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ художниковъ, которыми гордится человѣкъ. Онъ слишкомъ дурно рисуетъ детали человѣческой фигуры, голову, руки и ноги, чтобы сдѣлаться навсегда художнику нужнымъ и полезнымъ. Да и для общества онъ не долго будетъ интересенъ, такъ какъ недостатки его слишкомъ очевидны.

Теперь о Месоньѐ. Въ настоящее время собрано на выставкѣ болѣе 200 №№. Это, какъ говорятъ, ¹/₆ всего, что̀ этимъ человѣкомъ создано. Солидно! Но если это и не такъ, если это и преувеличено, если даже здѣсь все, что онъ сдѣлалъ (хотя и я знаю нѣкоторыя вещи, которыхъ здѣсь нѣтъ), то и этого достаточно, чтобы человѣку дать одно изъ первыхъ мѣстъ всѣхъ временъ и народовъ. Это истинное наслажденіе! И надо видѣть, ка̀къ медленно, шагъ за шагомъ, онъ подымался, начиная съ 39-го года, начиная съ вещей, въ которыхъ, кромѣ старанія, нѣтъ ни капли таланта; ка̀къ человѣкъ этотъ развертывался, зрѣлъ, и достигалъ вершинъ къ 50-мъ годамъ. Всѣ 50-е годы и начало 60-хъ—есть лучшая его пора. Въ это время, даже рыжая краска и красноватые его тоны смягчаются, почти исчезаютъ, даже вовсе исчезаютъ (если посмотрѣть эти картины отдѣльно отъ другихъ), и потомъ, начиная съ 65-го года, все рѣзче и грубѣе становится его манера. А теперь уже очевидно, что старость беретъ свое: вещи 83-го года почти дурны. Обозрѣвая дѣятельность столь продолжительную и уже законченную, полезно дать себѣ отчетъ, что̀ же это за сила, какая его отличительная черта, и вообще, чему онъ научаетъ? Сила его—терпѣніе, но, конечно, не въ простомъ и примитивномъ смыслѣ усидчивости, а терпѣніе человѣка очень умнаго, наблюдательнаго, и не лишеннаго способности къ формѣ, но человѣка въ то же время совершенно обездоленнаго природою, въ смыслѣ изобрѣтательности и фантазіи; словомъ, человѣка, лишеннаго таланта высшаго творческаго порядка. И вотъ, при такихъ-то данныхъ, возможно занять самое передовое мѣсто въ искусствѣ! Это ли не поучительно!? Правда, для этого необходимо равнодушіе къ смѣняющимся движеніямъ политической, общественной и религіозной жизни общества, полное индифферентности къ окружающему. И только при такихъ условіяхъ человѣкъ можетъ сосредоточиться и сдѣлать своимъ главнымъ интересомъ складку шелковой матеріи, арматуру, шкафы и т. д. Но все же, то, что̀ у него изображено, изображено и умно, и интересно, а главное, съ безконечнымъ уваженіемъ къ натурѣ. Выставка Месоньѐ дала мнѣ много и наслажденія, и пользы. Я очень, очень радъ, что былъ въ Парижѣ именно въ это время. Онъ мнѣ раскрылся и со своимъ прошлымъ, и настоящимъ и... до извѣстной степени—будущимъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

Въ іюлѣ буду въ Петербургѣ, и если вы будете тамъ, то зайду потолковать.

CCXCV. Къ П. М. Третьякову.

Сиверская, 31-го мая 1884 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Возвратившись домой, я узналъ отъ К. В. Лемоха, что картина моя «Неутѣшное горе» объявлена принадлежащею вамъ. Такъ какъ я не получалъ отъ васъ отвѣта на мое письмо, и былъ въ неизвѣстности, принимаете ли вы ту цѣну, которую я объявилъ вамъ изъ Ментона, то понятно, что я былъ обрадованъ извѣстіемъ Лемоха, сказавшаго мнѣ, что въ правленіи есть письмо Ивачева, которому вы объявили, что картина за вами. Словомъ, это можно считать конченнымъ. Долгъ мой такъ давно затянулся, что для меня было большое моральное облегченіе узнать о его погашеніи. Сколько я помню, я состоялъ вамъ должнымъ 4,700 рублей; если моя память и записи невѣрны, то благоволите меня поправить. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что болѣе пяти тысячъ я должнымъ состоять не могу. «Головка» Гуна была по нуждѣ продана на чистыя деньги, и, стало быть, уменьшить долгъ не могла, а также не уменьшается онъ и отъ того, что портретъ Майкова остается у меня. Скорѣе долгъ можетъ увеличиться, такъ какъ за мной есть неисполненный портретъ Кольцова, въ 300 рублей, который я, однакожъ, надѣюсь осилить этимъ лѣтомъ.

Возвратившись изъ-заграницы, я нахожусь первое время въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и просилъ бы васъ, если для васъ это не будетъ непріятно (очень пріятно оно во всякомъ случаѣ быть не можетъ), выслать мнѣ 1,000 рублей, то есть, задолжать вамъ, по моему счету, 700 рублей, которые разсчитываю или возвратить деньгами въ августѣ или сентябрѣ, время, когда я сдамъ образа для Копенгагена, или предоставляю вамъ погасить долгъ этотъ, послѣдній (надѣюсь), такимъ путемъ, какимъ вамъ угодно.

Во всякомъ случаѣ, мнѣ было бы пріятно, еслибы вы увѣдомили, можно ли такъ устроить, ка́къ я пишу? Здоровье мое, слава Богу, поправилось, но только по возвращеніи въ Россію я опять немного закашлялъ. Правда, что и погода здѣсь убійственная: постоянный ледяной вѣтеръ, такъ какъ ладожскаго льду, въ этомъ году, по Невѣ не шло.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCXCVI. Къ Ѳ. Ѳ. Петрушевскому.

Сиверская, 3-го іюня 1884 г.

Многоуважаемый Ѳедоръ Ѳомичъ. Я въ долгу у васъ на цѣлыхъ два письма; но вѣдь вы простите меня, если я буду краткомъ, то есть огра-

ничусь однимъ. Извиняетъ меня отчасти то, что я то въ Петербургѣ, то на Сиверской. Я не отдыхаю, а суечусь. При моемъ отъѣздѣ у меня оставались разные хвосты отъ разныхъ дѣлъ и дѣлишекъ. Еслибы я умеръ, то, конечно, все такъ и осталось бы, а разъ я живъ — ко мнѣ имѣютъ право предъявлять претензіи. И такъ, я суечусь, хотя не до потери памяти. Къ концу жизни человѣкъ научается, наконецъ, нѣсколько экономизировать силы.

Ваше письмо я нашелъ на Сиверской, куда пріѣзжалъ разъ въ недѣлю, со времени своего возвращенія, но на будущее время думаю быть больше здѣсь, на Сиверской, чѣмъ въ Петербургѣ. Но это все-таки какъ Богъ дастъ. Вы воображаете, что я сижу на Сиверской подъ тѣнью чего-то? Если я и сижу подъ тѣнью... то ужъ никакъ не дерева, а скорѣе навѣса, такъ какъ у насъ нѣтъ еще такихъ взрослыхъ деревьевъ: все еще молодо. Вообще, я окруженъ молодежью. Какъ кому, а я ничего, переношу отсутствіе сверстниковъ. О поѣздкѣ моей на югъ даже забылъ почти, та́къ это было давно, точно сонъ; одно чувство реальное — это продолжительность лѣта: вотъ уже пятый мѣсяцъ, для меня все жаркое лѣто, только декораціи перемѣнились. А вѣдь извѣстно, что разъ одна декорація торчитъ передъ глазами, ужасно трудно въ то же время видѣть воображеніемъ предшествовавшую. Такъ что мнѣ теперь кажется, что я и не выѣзжалъ изъ Петербурга и Сиверской, а все время пребывалъ тутъ. Вотъ только скука работы подневольной свидѣтельствуетъ, что былъ какой-то перерывъ.

Намѣреніе ваше предать тисненію впечатлѣнія Финляндіи — благое намѣреніе, только возникающій Александровъ вовсе неподходящій сюда человѣкъ. Я думаю, что онъ даже и не возникаетъ, а такъ, просто пробуетъ, не найдется ли еще простакъ, который дастъ деньги и подпишется. Нѣтъ, надобно поискать другого. Кто этотъ другой — я не знаю, но только не Александровъ. Появляется какая-то «Ласточка», которая все-таки весны не сдѣлаетъ въ мірѣ литературно-иллюстрированномъ, такъ какъ г. Дмитріевъ-Кавказскій (редакторъ) очень ужъ не развитъ и..., да кажется вдобавокъ, и лицо-то подставное. Недавно встрѣтилъ Сомова, говоритъ въ минорномъ тонѣ, и находитъ, что для серьезнаго наша публика не созрѣла; сознается, что его журналъ не имѣетъ ни малѣйшаго успѣха, и сѣтуетъ, что художники къ нему не благоволятъ, и не помогаютъ ему трудами своими, а если и помогаютъ, то желаютъ за это содрать такія деньги, что просто бѣда. Ни защищаться, ни нападать на него не было и нѣтъ ни малѣйшей охоты.

Что́ касается холеры, то я подумалъ, что ка̀къ это хорошо вышло, что мы уѣхали оттуда заблаговременно, и только-только что унесли ноги, потому что именно зараза появилась тамъ сейчасъ послѣ нашего отъѣзда.

Но это, такъ сказать, опасеніе за другихъ и за молодежь, которая боится; а самъ я, удивительно, нисколько не боюсь, тогда какъ всѣ предшествовавшіе разы появленія холеры я трусилъ порядочно всякій разъ. Теперь же, не знаю чему приписать, но только меня это не пугаетъ ни капельки. Дай вамъ Богъ всего хорошаго, я же—слава Богу. Надѣюсь, до свиданія на Сиверской.

Преданный вамъ И. Крамской.

CCXCVII. Къ П. М. Третьякову.

1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Портретъ Литовченки будетъ у васъ, по приведеніи его въ порядокъ. Портретъ Жемчужникова я уступаю его брату въ Москвѣ. Что же касается Ив. Ѳед. Горбунова, то я много разъ уже думалъ о немъ, и вашъ вопросъ только окончательно рѣшаетъ дѣло. Къ выставкѣ (если буду здоровъ), сдѣлаю.

Уважающій васъ и преданный И. Крамской.

CCXCVIII. Къ В. Г. Черткову.

Спб., 10 октября 1884 г.

... Теперь мое мнѣніе о вашемъ намѣреніи издавать листокъ или журналъ съ иллюстраціями для народа. Предисловіе мое будетъ коротко: практически дѣла этого я не знаю, слѣдовательно мое участіе, или даже совѣты, если не слѣдуетъ отклонить вовсе, то принимать съ крайней осторожностью. А затѣмъ начинаются фантазіи, т. е., «взглядъ и нѣчто», ни для кого не обязательныя, а для меня тѣмъ удобныя, что онѣ не влекутъ за собой фактической отвѣтственности. Если вамъ онѣ любопытны, то я ихъ излагаю.

Думать надо, что листокъ или журналъ (все равно), выходящіе въ сроки правильные, будутъ имѣть, или должны имѣть, подписчиковъ. Народъ нашъ еще по крайней мѣрѣ цѣлое столѣтіе подписываться не будетъ; стало быть ему нужно дать хорошее вмѣсто лубочнаго—даромъ (для васъ безъ барыша, съ убыткомъ), а за деньги, для народа равныя тѣмъ, которыя народъ платитъ на ярмаркахъ, т. е. 1—2 копѣйки. Разъ. Изданіе не срочное и не періодическое имѣетъ, быть можетъ, резонъ, и тутъ, тѣ-же самыя препятствія, т. е., вы истратите страшно много денегъ въ одинъ годъ, такъ много, что никакое состояніе не выдержитъ, и ничего не воротите, т. е., вернете копѣйки. Какъ же это теперь? Почему же находятся издатели за копѣйку и 5 коп., максимумъ, картинка, и наживаютъ даже при этомъ, а вамъ нельзя?

Очень просто. Издатель лубочныхъ картинъ есть купецъ и кулакъ; онъ рисуетъ деревенскими руками, которыя такъ бываютъ дешевы, что того, что̀ получаютъ тысячи рисовальщиковъ деревенскихъ въ годъ, мало на одинъ мѣсяцъ благородному художнику. Мы народъ нездоровый, ростемъ на почвѣ только нездоровой, и нужны (должно быть) людямъ только свихнувшимся. Издавать для общества, способнаго оплатить труды всѣхъ участниковъ изданія, вы не захотите, потому что это дѣло недоброе; доброе же дѣло, народное дѣло, дѣло человѣческое; требуетъ только жертвъ, жертвъ и жертвъ, и ничего кромѣ жертвъ. Надо крѣпко подумать, прежде, чѣмъ на это пойти; потому что отступать всегда и обидно, и какъ будто даже въ чемъ-то будешь виноватъ. Два.

Каковы совѣты на первыхъ же порахъ?

Однакожъ, надо выслушать все, что̀ вы думаете; надо о многомъ переговорить, и тогда, быть можетъ, что-нибудь и выяснится...

И. Крамской.

CCXCIX. Къ нему же.

11-го октября 1884 г.

Я дождался отъ васъ другого письма по поводу предполагаемаго изданія.

Вижу я — дѣло горитъ, и вы одушевлены желаніемъ. Дай вамъ Богъ успѣха! При томъ, отрывокъ изъ частнаго письма (Л. Н. Толстого) показываетъ, что есть люди, раздѣляющіе ваше увлеченіе вполнѣ. Мало того, являются ревностные сотрудники; но, вѣроятно, я мало знаю, о чемъ идетъ рѣчь, потому что все еще недоумѣваю, и нѣкоторымъ образомъ удивляюсь, ка̀къ это такъ, и что̀ это будетъ? Судя по тому, что возбуждено ходатайство о разрѣшеніи на изданіе, я долженъ предположить, что будетъ изданіе, быть можетъ и очень хорошее, но совершенно не практическое и наименѣе желательное съ моей точки зрѣнія, а именно, періодическое, что̀, по моему, для народа рѣшительно еще не пригодно. (Повторяю, я сижу все въ городѣ, и, стало быть, многое вовсе забылъ). А для изданія время отъ времени, въ сроки неопредѣленные, сколько мнѣ извѣстно, разрѣшенія не нужно, а всякій разъ оно (т. е. разрѣшеніе) дается особо. Словомъ, вы видите, что я въ потьмахъ, и потому не сѣтуйте на меня, что я остаюсь равнодушенъ; но, въ то же время, я надѣюсь, что мое равнодушіе вами будетъ правильно истолковано, а именно: вы должны знать меня настолько, что я всегда, насколько смогу и съумѣю, радъ быть полезнымъ, но для этого нужно все-таки отчетливо понимать вашу идею; а я еще ее не понимаю, и потому о согласіи ничего сказать не могу. И. Крамской.

CCC. Къ нему же.

27-го октября 1884 г.

Еще разъ по поводу изданія. Письмо ваше, послѣднее, 18 окт., я получилъ третьяго дня. Вы ждете отвѣта на призывъ быть въ Москвѣ у Льва Николаевича Толстого, для совмѣстнаго обсужденія вопроса, а я пропускаю двое сутокъ: но тутъ опять случились обстоятельства, весьма мало уважительныя (посѣщеніе меня знакомыми), и взяли мое время. Я хотѣлъ написать обстоятельно все, что̀ думаю, и потому отложилъ. Пріѣхать въ Москву я не могу, и если не пріѣду, то вовсе не потому, что я «тяжелъ на подъемъ», какъ вы меня аттестуете. Но это мелочь. Вотъ мое мнѣніе, близкое къ окончательной редакціи, такъ какъ я успѣлъ подумать, и кое съ кѣмъ поговорить, да кромѣ того имѣю три письма вашихъ и одно (очень характерное) г-на N. N.

Дѣло изданія чего-нибудь «для народа»—дѣло до такой степени серьезное и большое, что я не думаю, чтобы много было людей годныхъ для него. Но все равно, теперь дѣло идетъ о васъ. Если-бы подобная идея исходила отъ человѣка, который полагаетъ, что все на свѣтѣ можно и позволительно сдѣлать — да еще и зашибить барышъ, то и разговаривать объ этомъ не стоило бы. Отъ васъ требованія иныя, у васъ есть сердечная потребность сдѣлать что-нибудь для народа хорошее, по вашему (да и по моему тоже). Вашъ внутренній душевный строй требуетъ успокоенія совѣсти (находящейся въ настоящее время въ тревожномъ состояніи у всѣхъ, у кого душа человѣческая не уснула на вѣки). Вы не баринъ, дающій щедрую подачку, и полагающій, что такъ все отъ Бога установлено навсегда, и что если что̀ и требуетъ поправки въ соціальномъ отношеніи, такъ только самые пустяки. Словомъ, для васъ вопросъ если и не сталъ совсѣмъ ребромъ, то, быть можетъ, не сегодня, завтра станетъ, а при такомъ разсположеніи, полагаю, требованія и точка зрѣнія на дѣло должны быть совершенно иныя отъ обыденныхъ. Лучше всю затѣю оставить, и только примкнуть рядовымъ работникомъ къ чему-нибудь уже существующему, чѣмъ что-то хотѣть, что-то начать, что-то какъ будто дать, да потомъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, бросить, а броженіе между тѣмъ уже возникнетъ, и поднятыя со дна души потребности должны будутъ обратно опускаться.

Но это аллегоріи, или похоже на то; буду говорить прямо.

Я думаю, что такъ нельзя, какъ думаетъ г-нъ N. N. Я читалъ и не вѣрилъ собственнымъ глазамъ. Да неужто это пишетъ и комбинируетъ «знатокъ народа»? Что̀ же это такое, если не Бедламъ? Помилуйте, можно ли говорить, что «задача народнаго органа едва ли не главнымъ образомъ

должна состоять въ томъ, чтобы, уловивъ, подмѣтивъ начало народной этики, и принципы формулировать и освятить, уяснить ихъ для самого народа, помочь ему усвоить ихъ вполнѣ сознательно». Какъ будто мы ихъ себѣ усвоили, обладаемъ, остается только помогать. Ничего не понимаю! Говорить, что изданіе для народа не должно походить на наши и приводить програму, взятую точь въ точь съ нашихъ газетъ и журналовъ — ну, не иронія ли это? Если же это не иронія, то, извините меня, я затрудняюсь назвать... Вотъ они, знатоки народа! Хоть я и художникъ, и не могу вамъ помочь ни въ чемъ, а тѣмъ менѣе компетентенъ въ дѣлѣ печати, но... (будь, что будетъ!) позволяю себѣ предостеречь васъ, по крайней мѣрѣ, отъ положительно безполезнаго дѣла, если не вовсе вреднаго.

Сколько я знаю ту часть народа, которую я знаю (а я самъ частица народа и изъ самыхъ низменныхъ слоевъ) то вотъ что народъ любитъ, и вотъ чего онъ хочетъ: героическихъ разсказовъ, и ничего больше. Житія святыхъ, какъ образцы для подражанія (и не облыжныя), самыя дорогія книжки для народа (если еще существуетъ народъ, потому что въ настоящую минуту образовался прослой въ деревнѣ, гдѣ есть трактиры, любители чтенія газетъ). Въ Четьи-Минеяхъ, и вобще подобныхъ сборникахъ, народъ почерпаетъ нравственную увѣренность, что дѣло не совсѣмъ погибло, такъ какъ существуютъ святые, или, по крайней мѣрѣ, существовали, и не очень давно. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только даже о себѣ: что̀ насъ больше всего утѣшаетъ въ чтеніи, или утѣшало? Пока я ребенокъ, я радъ тому, что есть богатыри; становясь юношей — восхищаюсь рыцаремъ; въ зрѣломъ возрастѣ — доказательствами реальнаго существованія честности, прямоты характеровъ, и борцовъ за торжество правды, а въ приближающейся старости чую наслажденіе и отдыхъ въ увѣренности, что есть въ мірѣ всепрощеніе, любовь, снисхожденіе къ заблужденіямъ, и... и... любовь. А такъ какъ народъ состоитъ изъ такихъ же особей, какъ вы и я, то и онъ ничего другого не любитъ.

Теперь вопросъ: кто̀ святые, герои, рыцари и печальники народа въ настоящее, текущее время и только что миновавшее? Вы можете указать, беретесь сказать: вотъ онъ! и вотъ его жизнь — я разскажу ее, и разскажете хорошо, увлекательно. Если нѣтъ, не нужно, есть историческіе святые—ихъ жизнь разскажете. Дѣло будетъ не полно, но оно будетъ; дайте, пожалуй, біографическія картинки, это не худо, но и не Богъ вѣсть какъ важно, можно обойтись и безъ нихъ. А потомъ, продавайте дешевле московскихъ ловкачей, если сможете и если позволитъ вамъ ваше состояніе...

И. Крамской.

CCCI. Къ М. Е. Салтыкову.

21-го ноября 1884 г.

Глубоко уважаемый Михаилъ Евграфовичъ. Я прочелъ въ «Сборникѣ» Литературнаго фонда сказку «Карась-идеалистъ». Вы, конечно, не нуждаетесь ни въ защитѣ, ни въ поощреніи, но я, читатель, кое въ чемъ нуждаюсь. Прежде всего, впечатлѣніе громадно. Никогда еще мнѣ на столь маломъ пространствѣ не давали современные писатели такъ много содержанія и такого глубокаго интереса; мало того, это до такой степени высоко-художественно, что я не могу придти въ себя отъ удивленія! Сказка, не болѣе, какъ сказка, а между тѣмъ—высокая трагедія! Но это, впрочемъ, не столь ново для васъ, и потомъ писать вамъ только для выраженія моего удовольствія и восхищенія, я, можетъ быть, воздержался бы, но здѣсь есть одинъ вопросъ, важный лично для меня. Вы можете, конечно, оставить его безъ отвѣта, если отвѣта дать нельзя, или вы его не имѣете.

Тотъ порядокъ вещей, который изображенъ въ вашей сказкѣ, выходитъ, въ сущности, порядокъ—нормальный. Тамъ карась и щука. Двѣ породы, положимъ, рыбьихъ, но все же двѣ породы; то-есть, между ними не можетъ быть никогда сближенія. Съ перваго раза разница въ признакахъ такъ велика, что ни для кого никогда не будетъ вопроса, можетъ ли щука перестать ѣсть когда-нибудь карася. Но люди—дѣло другое: и тотъ изъ людей, кого можно уподобить карасю, и тотъ, кого уподобляютъ щукѣ, имѣютъ одинаковый размѣръ, строеніе тѣла, по одному плану исполненное, челюсти тоже одинаковыя; словомъ, для человѣка не есть безплодная химера заботиться объ улучшеніи людскихъ отношеній, тогда какъ для карася заниматься идеальными построеніями—дѣло, очевидно, проигранное, и проигранное навсегда; кромѣ того, проигрышъ карася никому не будетъ казаться ужаснымъ, тогда какъ проигрышъ идеалиста-человѣка — ужасенъ безъисходно.

А между тѣмъ, ваша параллель такъ безпощадно близка, и выводъ столь мраченъ, что мнѣ хотѣлось бы отъ васъ лично услышать мнѣніе, если возможно. Я бы былъ непремѣнно у васъ самъ, но меня никуда не выпускаютъ, и потому приходится ограничиться письмомъ. А такъ какъ вы тоже нездоровы, то, быть можетъ, сочтете возможнымъ написать два слова. Я думаю о людяхъ не хорошо, даже достаточно мрачно, но чтобы рѣшить мрачно о человѣчествѣ, у меня еще недостаетъ храбрости, такъ какъ знаю, что послѣ потери этой послѣдней надежды жить не стóитъ. А я еще, въ качествѣ человѣка-карася, надѣюсь.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CCCII. Къ П. М. Третьякову.

Спб. 29-го ноября 1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Долгъ мой въ 950 рублей я готовъ погасить указанными вами работами, но позвольте мнѣ (въ моемъ теперешнемъ положеніи), по справедливости отнести и васъ къ публикѣ вообще, то есть, просить васъ платить мнѣ столько же, сколько платятъ мнѣ всѣ; а именно—за портретъ такой, какъ Литовченки, я беру теперь $1^1/_2$ тысячи и даже двѣ. Принимая нѣсколько лѣтъ разницы, когда я бралъ за такой портретъ, какъ Литовченки, 1,000 рублей, я и отдаю вамъ его за эту цѣну, то есть за 1,000 рублей. Если вы согласны — я очень радъ, если нѣтъ, придется оставить погашеніе до того времени, когда можно будетъ уплатить деньгами.

Сообщаю къ свѣдѣнію вашему, что у меня есть портретъ В. М. Жемчужникова (Козьмы Пруткова). Сегодня я получилъ письмо отъ московскаго Жемчужникова, Л. М., съ просьбой уступить ему портретъ, и на какихъ условіяхъ. Отвѣчать ему я не буду, до полученія вашихъ распоряженій.

Искренно и глубоко преданный И. Крамской.

CCCIII. Къ П. О. Ковалевскому.

5-го декабря 1884 г., Спб.

Многоуважаемый Павелъ Осиповичъ. Мнѣ было очень пріятно узнать и видѣть лично живого человѣка отъ васъ. Кромѣ вѣстей, были интересы и другого рода. Вотъ г. Тальма сидѣлъ передо мною и передавалъ, какой у васъ видъ изъ окна, и ка̀къ вы много и прилежно работаете. Словомъ, и занимательно, и точно видишь живого человѣка. Одного не могъ воскресить: это холстовъ, которыми ваша мастерская занята. Ну, а о нихъ-то вы и спрашиваете. Что-же я вамъ могу сказать? Вѣдь я ничего не видалъ изъ вашихъ работъ за послѣдніе 3—4 года (виноватъ, меньше), я вѣдь не выхожу, и потому не видалъ вашихъ вещей у Беггрова. Ваши печальныя повѣствованія о себѣ мнѣ кажутся рѣшительно невѣрными. Я знаю, что̀ вы дѣлали, знаю, что̀ вы знаете, видѣлъ почти все, что вами сдѣлано, до самаго послѣдняго времени, и рѣшительно отрицаю возможность такого превращенія, чтобы отъ превосходныхъ вещей, въ теченіе одного - двухъ годовъ, можно перейти къ никуда негоднымъ. Это не въ порядкѣ вещей. Но это голое теоретическое отрицаніе съ моей стороны, вы же имѣете, какъ говорите, отзывы и письма людей вамъ близкихъ, видѣвшихъ ваши вещи. Что̀ же я могу тутъ сдѣлать? Чѣмъ и ка̀къ изгладить изъ вашей

памяти гнетущія мысли? Въ моемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ силъ и средствъ доказать противное. Одно очевидно: вамъ нельзя пренебрегать больше той средой, гдѣ вы ищете сбыта своимъ трудамъ. Вы должны знать лично обо всѣхъ малѣйшихъ перемѣнахъ въ теченіяхъ, которыя возникаютъ въ этой средѣ. А среда значительно измѣнилась въ послѣдніе 3—4 года. Просто не узнать тому, кто ее зналъ 6 — 7 лѣтъ тому назадъ. Къ хорошему или худому перемѣна, ей-Богу не знаю, но перемѣна огромная. Доказательства хотя и есть, но они такъ мало убѣдительны, и такъ микроскопичны, что нужно большое искусство, чтобы сгруппировать ихъ наиболѣе понятнымъ и убѣдительнымъ образомъ. Не смотря на внѣшній шумъ и декорацію, всѣ какъ-то охладѣли къ искусству. Это значитъ только, что всѣ (то есть, очень многіе), увлеченные модою, обратились на другую игрушку, а тѣ любители, которые истинно любятъ искусство, разумѣется, остались, даже, быть можетъ, число ихъ увеличилось. Десять лѣтъ тому назадъ, были, напримѣръ, такіе сумасшедшіе анекдоты. Къ Маковскому (Константину) является какая-то барыня изъ Сибири, или провинціи, проѣздомъ заграницу, и проситъ написать портретъ съ нея, немедленно, хоть какъ-нибудь, хоть набросить одну голову, и, не говоря ни слова, кладетъ на столъ ему впередъ 5,000 рублей въ пакетѣ; а тамъ, что онъ сдѣлаетъ и когда кончитъ—все равно! Что это, любительница? Тогда было то, что̀ принято называть оживленіемъ отечественной промышленности; когда желѣзнодорожные проходимцы, банковые дѣльцы, и наши домашніе самодуры откуда-то доставали шальныя деньги, и швыряли ихъ направо и налѣво. Теперь этому пришелъ конецъ. А что̀ до Орловскаго и Клевера, то не дай Богъ такъ пристроивать свои картины — какъ Клеверъ; Орловскій же куда лучше, хотя и онъ не лишенъ сообразительности и знанія, гдѣ зимуютъ раки. И что̀ правда, то правда: надобно умѣть пристроить свои вещи, а Орловскій умѣетъ. Относительно Дмитріева - Оренбургскаго и его успѣховъ, хорошенько ничего не знаю, но думаю, что умѣренность и аккуратность — лучшія качества для всякаго успѣха въ обществѣ. Другое дѣло Самокишъ. Это человѣкъ дѣйствительно талантливый (на подражаніе особенно). Онъ уже и теперь усвоилъ себѣ чужія пятна, краску, и, какъ кажется, не ищетъ своего, котораго у него и нѣтъ; по крайней мѣрѣ, я ни разу не замѣтилъ, чтобы онъ трактовалъ что-нибудь оригинально, но сдѣлать своими чужіе пріемы, манеру композиціи, краску — на это онъ большой мастеръ. И то̀ нужно сказать, что всякая оригинальность достается такъ медленно и трудно, такъ туго принимается зрителемъ, требуетъ отъ зрителя такой мозговой работы, что нѣтъ ничего мудренаго, если находится мало охотниковъ. Эту мудрость практики новѣйшая формація молодежи поняла прекрасно, и слѣдуетъ, съ

увѣренностью въ успѣхѣ, на всѣхъ парусахъ. Мы съ вами должны будемъ посторониться. Она можетъ творить много, скоро и хорошо. Пока мы съ вами будемъ думать, что, да какъ, да съ которой стороны интереснѣе, она тутъ же, на глазахъ у всѣхъ (по готовымъ шаблонамъ), будетъ выкраивать картину за картиной, и, какъ ни въ чемъ не бывало, готова безъ отдыха на новые подвиги. Не знаю, столь ли мрачно будущее молодого Самокиша, но, къ искреннему моему сожалѣнію, онъ мнѣ не даетъ ни одного повода думать иначе; а дѣлаетъ ловко, красиво и съ дарованіемъ.

Обращаясь опять къ занимающему васъ вопросу личному, не могу не сказать того, что невольно приходитъ въ голову, прежде всего: — вамъ надо чаще мѣнять мѣсто, бывать въ Петербургѣ обязательно каждый годъ, и тамъ всѣ вопросы сами собой упадутъ, сдѣлаются ясными, и вы будете бодрѣе.

Какъ видите, это не прямое рѣшеніе, но именно потому, что оно не то, котораго вы ждете, оно и будетъ полезно. Впрочемъ, чужую бѣду — руками разведу, а къ своей ума не приложу! Совѣтовать со стороны легко, а главное—за это не наказываютъ.

Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть что-нибудь изъ вашихъ работъ, за которыя васъ ругаютъ! Первая возможность, и я постараюсь видѣть у Беггрова ваши вещи; но не знаю, принадлежатъ ли онѣ къ тѣмъ именно, въ которыхъ выразилось ваше пресловутое «паденіе». Но все равно, какъ только увижу, я напишу свое мнѣніе.

Одно скажу, бываютъ странныя вещи: человѣку приходится вооружиться терпѣніемъ и ждать, что будетъ дальше? Часто художникъ не только не сталъ хуже, а положительно лучше, и вдругъ оказывается, что всѣ говорятъ: упадокъ, упадокъ! Но проходитъ годиковъ... десять!.. и та же публика начинаетъ опять говорить, раскаяваться, и художникъ опять попадаетъ въ честь, только бо́льшую, чѣмъ прежде. Такъ было съ Тургеневымъ, такъ было и со многими другими. Внутреннее чувство художника самый вѣрный барометръ. Это совѣсть. Вы сами должны знать: хорошо или худо, лучше или хуже прежняго, а тамъ пусть говорятъ на здоровье. Я знаю и убѣжденъ, что талантъ (разъ онъ есть) не исчезаетъ безъ причины, и его потерять или испортить очень трудно, особенно талантъ, подкованный знаніемъ. Онъ можетъ быть болѣе или менѣе ярокъ, но родовыя черты не стираются такъ легко, и потому-то я не вѣрю въ ваше паденіе, а еще менѣе вѣрю въ его погибель.

Глубоко уважающій васъ и преданный вамъ И. Крамской.

Поклонитесь г-ну Тальмѣ. Какая громкая фамилія!

CCCIV. Къ П. М. Третьякову.

5-го декабря 1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вчера я получилъ 50 рублей отъ брата вашего Сергѣя Михайловича. Портретъ Литовченки, я называю привести въ порядокъ—значитъ выгнать пятна на пальто, и покрыть лакомъ, затѣмъ уложить въ ящикъ. Чтò и будетъ сдѣлано, вѣроятно, въ понедѣльникъ или во вторникъ на будущей недѣлѣ.

Уважающій и преданный вамъ И. Крамской.

CCCV. Къ нему же.

6-го декабря 1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я совершенно понялъ ваше безпокойство относительно «приведенія въ порядокъ» портрета Литовченки. Я такъ много разъ «приводилъ въ порядокъ» и столько лѣтъ дѣлалъ этимъ пятна, что вы думаете, что и теперь будетъ то же самое. Успокойтесь, ради Бога. Теперь я, во 1-хъ, знаю, отчего происходила порча, и потомъ знаю, что больше пятенъ не будетъ. Словомъ, то, что нужно — то нужно (портретъ тронутъ не будетъ), и вы получите безъ всякаго «улучшенія», а именно такимъ, какимъ вы портретъ знаете. А Кольцова позвольте мнѣ попробовать еще разъ.

Уважающій и преданный И. Крамской.

CCCVI. Къ П. О. Ковалевскому.

18-го декабря 1884 г.

Дорогой Павелъ Осиповичъ. Вы ужасно бѣдовый человѣкъ, и можете потревожить самаго сосредоточеннаго и ушедшаго въ себя человѣка. Почему вы такъ настойчиво желаете знать обо мнѣ, требуете, чтобы я говорилъ также и о своихъ планахъ? Почему вы подозрѣваете какую-то неравноправность и недовѣріе? Сейчасъ получилъ ваше письмо, и рѣшился немедленно отдѣлаться отъ этого вопроса, потому что завтра, быть можетъ, я бы уже не написалъ, а вы единственный человѣкъ, приступающій съ этимъ вопросомъ. О себѣ я молчу, потому что думалъ, что всѣ знаютъ то же, чтò и мнѣ извѣстно. А именно, что отъ меня ждать больше уже нѣчего, или лучше сказать: ждали, ждали, да и ждать перестали. Вотъ это вы запомните хорошенько. Если вы копнете любого художника, и пристанете съ этими вопросами къ постороннимъ, то получите именно эти отвѣты отъ

моихъ доброжелателей и людей расположенныхъ ко мнѣ, а отъ враговъ (къ счастью, они у меня есть) и людей, меня мало, или вовсе незнающихъ, услышите и вовсе не лестный отзывъ: «Да помилуйте, что же Крамской могъ сдѣлать, и чего отъ него можно было ожидать? Все, что онъ могъ, онъ уже давно сдѣлалъ, и удивительно, что хотятъ что-то, когда онъ ничего другого написать, кромѣ головы, не можетъ! Его пѣсня спѣта».

Не подумайте, ради Бога, что я на что-нибудь напрашиваюсь, или не совсѣмъ вѣрно оцѣниваю окружающія обстоятельства, или ломаюсь, по-просту говоря. Эхъ, еслибъ вы знали?! Въ сущности, напрасно вы со мной объ этомъ заговорили. Это очень тяжелая и больная вещь. Но разъ вы ее тронули, дѣлать нечего, надобно сказать до конца, авось у васъ пропадетъ охота больше спрашивать, потому что правда обезоруживаетъ.

Я уже самъ отъ себя перестаі ждать. Мнѣ минуло 47 лѣтъ — и это бы еще ничего, но худо то, что у меня нѣтъ больше силъ, и... я старикъ! Я говорю о силахъ физическихъ. Всю жизнь, и еще 5—6 лѣтъ тому назадъ, я все думалъ: вотъ, не сегодня, завтра, удивлю міръ — то есть, не сегодня, завтра буду имѣть возможность писать то, что нужно, то есть, то, что хочется. Но годъ за годомъ уходятъ, а я только и занятъ, какъ бы окупить квартиру, и какъ бы достало на текущую жизнь. И всю жизнь такъ, начиная съ 17 лѣтъ. Но тутъ, разумѣется, вы сейчасъ: «А дача! Помилуйте, вы человѣкъ, кажется, со средствами!» Ну да, кажется! Дѣло въ томъ, что я всегда былъ непріятно гордъ, и, какъ бы мнѣ ни было худо въ матеріальномъ отношеніи, я никогда никому изъ публики не жаловался и не нылъ. А нѣкоторые товарищи кое-что знаютъ. Отъ художниковъ (называть нечего) публика слышитъ часто жалобу: «Работъ нѣтъ, картины не продаются, дѣла плохи», и т. п. И когда спрашиваютъ у меня, то «я всегда по горло занятъ, и отъ работъ нѣтъ отбою!» И это правда — послѣднія 8—9 лѣтъ. Но и тутъ я не желалъ брать все и валять, чтобы сдѣлать состояніе (какое-нибудь!), и вотъ почему, вы это легко поймете. Стóитъ художнику, найдя какой нибудь фортель, манерку, или просто увлечься тѣмъ, что легко дается, и начать писать для публики, какъ лѣтъ черезъ пятокъ, художника какъ не бывало! И духу не останется. (Надѣюсь, примѣровъ не нужно). И такъ, я въ самое лучшее свое время старался себя сохранить для своего будущаго, и для искусства, которому служить мнѣ все еще не удавалось. Да такъ всю жизнь и прождалъ.

Теперь о дачѣ. Но прежде, въ поясненіе одинъ пунктъ. Съ 63—4 года я зарабатывалъ въ годъ отъ 2-хъ до 3 тысячъ (я женатъ съ 62 г.), и, по мѣрѣ увеличенія семьи и потребностей, увеличивались и заработки. Теперь мнѣ въ годъ необходимо для текущей жизни — 10 тысячъ, и я ихъ имѣю отъ портретовъ, однакожъ всегда дѣлаю не больше 6 — 7 въ годъ,

все потому же, чтобы не пойти ко дну. Года четыре — пять тому назадъ я заболѣлъ очень серьезно — у меня сдѣлалась одна штука, отъ которой я едва ушелъ, и еслибы она повторилась еще разъ-два — капутъ. Лѣтъ шесть я страдалъ желудкомъ, и однажды завалъ образовался такого сорта и въ такомъ неуказанномъ мѣстѣ, что мнѣ, какъ Некрасову, надо было бы отвести кишку. Словомъ, скверно! Я струхнулъ, и вотъ отчего: умри я, и у семьи — ничего! Какъ быть? А тутъ какъ-разъ предложеніе писать портретъ Императрицы, на рукахъ свободныхъ 7—8 тысячъ. Дай, думаю, оставлю имъ въ формѣ недвижимой, все равно проѣмъ. Долго ли? Поправившись, началъ... строить, а начавши, кáкъ и слѣдовало, оказался дуракомъ, и вмѣсто 8 тысячъ, дача обошлась въ три раза больше. Вошелъ въ долги, и началъ брать всякіе заказы, чтобы покрыть долги, да вотъ и до сихъ поръ еще уплачиваю хвостики. Думаю, что черезъ годъ совершенно буду чистъ отъ долговъ, да, вѣроятно, буду чистъ и отъ силъ и энергіи.

И такъ, вотъ вамъ, чтó выходитъ изъ вашихъ вопросовъ. Вы думаете, что есть что-нибудь таинственное, что-нибудь интригующее, въ родѣ гордости или самомнѣнія, по крайней мѣрѣ такого, что никто искусства не любитъ такъ, какъ я, и проч. и проч. А выходитъ и просто и... прозаично. На повѣрку дѣло такое: значитъ наша россійская жизнь еще не въ состояніи окупить такое экзотическое растеніе, какъ художникъ! И ей (этой жизни), художники еще не нужны! Кáкъ бы тамъ дѣло это ни являлось въ иномъ свѣтѣ, и какіе бы блестящіе примѣры ни представлялись, но я все-таки правъ, потому что примѣры эти указываютъ или на рекламу, или на умѣнье художника изловчаться ловить счастье и продавать свои вещи. Да и то, впрочемъ, больше между пейзажистами.

Не хочу оставить и еще одного пункта не разъясненнымъ. Я, лично, жаловаться ни на чтó не могу, и тѣмъ менѣе бросать упрекъ обществу. Меня ли общество не цѣнило? Нѣтъ, общество платитъ и платило мнѣ то, чтó я спрашивалъ. Не вина общества, что я не хотѣлъ и не могъ довольствоваться ролью простого портретиста. Никто не виноватъ, что я всякое сбереженіе употреблялъ на экскурсіи въ область творчества, и никто не виноватъ, что моихъ сбереженій не хватало на обстоятельную и продолжительную экскурсію... Словомъ, кто же виноватъ, что я, уличный мальчишка, родился въ нищетѣ, и, не вооруженный ни знаніемъ, ни средствами, поплылъ въ такое море. Подумавъ серьезно, приходится сказать о себѣ, что я куда счастливѣе многихъ, и рѣшительно счастливѣе всѣхъ, у кого были или могли быть равные шансы со мною.

Эхъ, еслибы вы знали, кáкъ трудно все это трогать и разсказывать!

И вѣдь, я думаю, этого и не нужно было. И такъ, у меня больше нѣтъ плановъ. Преданный вамъ И. Крамской.

CCCVII. Къ П. М. Третьякову.

Спб. 1-го января 1885 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините меня великодушно, что задержалъ отправку портрета Литовченки, но меня задержалъ, въ свою очередь, Сидоровъ *). Вы увидите, что ничего на портретѣ не тронуто, сравнительно съ тѣмъ, ка̀къ вы его помните. Остается покрыть его лакомъ, чрезъ 3—4 недѣли послѣ полученія.

Уважающій и преданный Вашъ И. Крамской.

CCCVIII. Къ П. О. Ковалевскому.

С.-Петербургъ, 1-го января 1885 года.

Многоуважаемый Павелъ Осиповичъ. Сегодня всѣ поздравляютъ другъ друга съ новымъ годомъ, какъ будто Богъ вѣсть какая находка; а мнѣ отъ этихъ новыхъ 84—85—86 и т. д. годовъ приходится весьма жутко. А впрочемъ, что-жъ, дай Богъ, чтобы вамъ этотъ новый годъ былъ чѣмъ нибудь пріятенъ!

Извините меня за предшествовавшее письмо. Что̀ дѣлать, слабъ человѣкъ, каюсь теперь, да воротить не въ моей власти. Не смотря на то, что вы находите во мнѣ простую хандру, я не могу взять ни одного слова изъ того, что говорилъ, и это не есть моментальная вспышка, а очень опредѣленный и хладнокровный выводъ изъ послѣднихъ 4—5 лѣтъ. Стало быть, не хандра. Или, если и хандра, то она имѣетъ такія же серьезныя неудобства, какъ и болѣзнь, или стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя привыкли люди называть болѣе возвышеннымъ словомъ. И такъ, это все равно. Совершенно согласенъ съ вами, что «неоспоримо тяжело только необезпеченное положеніе художника», какъ вы выразились. А я-то что̀ же говорилъ? Все письмо мое есть только пространное формулированіе вашей же мысли. Да, необезпеченное положеніе художника тяжело; болѣе того, я готовъ сказать, что бѣдный человѣкъ не имѣетъ права быть художникомъ (то есть, я говорю о теперешнемъ строѣ общества. Быть можетъ, будетъ иначе).

Я долго недоумѣвалъ, кому я обязанъ за любезную присылку статей о

---

*) Реставраторъ Эрмитажа. *Ред.*

выставкѣ, вамъ ли, или Тальмѣ? Оказывается—это вы. Ну, что-жъ, спасибо вамъ. Но, сказать прямо, читать такія вещи нѣсколько скучновато въ моемъ возрастѣ, когда знаешь одно: что, если все написанное искренно—оно, стало быть, зелено, а если есть доля (хотя самая незначительная) искусственнаго возбужденія, то тогда и совсѣмъ обидно.

Вы желаете знать, можно ли ему (Тальмѣ) продолжать писать объ искусствѣ?.. Какой это вопросъ? Кровный, или вопросъ любопытства? Если кровный, то надо прежде весьма сурово взглянуть на дѣло. У критика одна мѣрка—идеалъ, и идеалъ, захватывающій дальше всего, куда художникъ достигалъ когда-либо. И потомъ, приложить этотъ размѣръ къ нашимъ дѣлишкамъ, и посмотрѣть, что̀ выходитъ. И, что̀ выходитъ по сравненію, то и слѣдуетъ сказать рѣзко, сурово и безъ цвѣтовъ. Оно немножко похоже на холодный душъ, но здорово для художника. И потомъ, о разныхъ художникахъ можно и слѣдуетъ говорить различно. Чѣмъ выше художникъ, тѣмъ суровѣе тонъ, тѣмъ безпощаднѣе критика. А, впрочемъ, можетъ и не такъ! Можетъ быть художникъ нуждается не въ такой критикѣ. Не знаю, я говорю о себѣ, или, лучше, я говорю не вполнѣ все, что̀ думаю. Мнѣ бы хотѣлось (да, вѣроятно, и вамъ тоже), чтобы критика понимала художника и любила бы его. Обладая двумя этими качествами, критика будетъ имѣть въ виду только пользу, и одну пользу искусства. И тогда—знаніе и пониманіе дѣла не позволятъ спускать уровень требованій, а любовь смягчитъ суровость, оправдаетъ художника и найдетъ постоянную причину недочетовъ. Но гдѣ такая критика? Г. же Тальма выказываетъ пока только не то, что любовь, а съ вашего (и его) позволенія, нѣкоторое обожаніе! А это граничитъ съ той областью, гдѣ о критикѣ еще рѣчи нѣтъ. Обожаютъ—значитъ не видятъ недостатковъ; любятъ же только трезво. Впрочемъ, и этотъ вопросъ спорный. Опять это мое личное мнѣніе. Я думаю, что на любовь настоящую способны не многіе, какъ весьма немногіе заслуживаютъ свободы. Пишетъ же онъ складно, и вообще владѣетъ способомъ выраженія мыслей, такъ что съ этой стороны нѣтъ ничего подозрительнаго. Пусть попробуетъ поднять діапазонъ.

Что̀ новая выставка? Не знаю, и никто не знаетъ. То есть, мы сами до послѣдняго момента не знаемъ никогда—что̀ за выставка будетъ у насъ

Но объ одномъ можно сказать—это о Рѣпинѣ. Онъ написалъ картину большую, ка̀къ Иванъ Грозный убилъ своего сына. Она еще не кончена, но то, что есть, дѣйствуетъ до такой степени неотразимо, что люди съ теоріями, съ системами, и вообще умные люди, чувствуютъ себя нѣсколько неловко. Рѣпинъ поступилъ, по моему, даже неделикатно, потому что, только что я, напримѣръ, успокоился благополучно на такой теоріи: что историческую картину слѣдуетъ писать только тогда, когда она даетъ

канву, такъ сказать, для узоровъ, по поводу современности, когда исторической картиной, можно сказать,—затрогивается животрепещущій интересъ нашего времени, и вдругъ... чортъ знаетъ что̀ такое! Никакой теоріи!

Изображенъ просто какой-то, не то звѣрь, не то идіотъ,—это лицо, главнымъ образомъ, и не кончено,—который воетъ отъ ужаса, что убилъ нечаянно своего собственнаго друга, любимаго человѣка, сына... А сынъ, этотъ симпатичнѣйшій молодой человѣкъ, истекаетъ кровью и безпомощно гаснетъ. Отецъ схватилъ его, закрылъ рану на вискѣ крѣпко, крѣпко, рукою, а кровь все хлещетъ, и отецъ только въ ужасѣ, цѣлуетъ сына въ голову и воетъ, воетъ, воетъ. Страшно. Ай, да Рѣпинъ!

Вашъ И. Крамской.

CCCIX. Къ А. С. Суворину.

21-го января 1885 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Предметъ моего письма—взглядъ и нѣчто. Такъ какъ я боленъ и нигдѣ не бываю, а между тѣмъ — я еще живой и меня живое трогаетъ, то и пишу... къ вамъ, не для тисненія, а для вашего свѣдѣнія, и, кромѣ того, мнѣ хочется вамъ сказать спасибо за Савину, т. е. за статью о ней, и о пьесѣ «Анюта» *).

То, что я нигдѣ не бываю, не помѣшаетъ мнѣ явиться къ вамъ въ свое время, т. е. въ мое время. Я помню очень хорошо, только не махайте на меня рукой въ безнадежности, несмотря на то, что все это похоже на испытаніе вашего долготерпѣнія. Пусть эта оговорка не будетъ лишней — она потребность моя личная.

И такъ, спасибо за Савину. Это ничего, что моя благодарность смахиваетъ на благодарность великой особы: я, дескать, доволенъ. Нѣтъ, я, вѣроятно, тысячная частица изъ огромной массы людей, точно также вамъ благодарныхъ. А вотъ и причины, почему я благодаренъ, т. е., я могу ихъ изложить потому, что у васъ критическое чутье театра—удивительное. Вы, можетъ быть, и это слышите не въ первый разъ? Это ничего. Послушайте еще. Всѣ ваши статьи о пьесахъ и игрѣ актеровъ это доказываютъ, но чтобы на что-нибудь опираться, я укажу на рецензію (коротенькую) пьесы Боборыкина «Докторъ Мошковъ», окрещенную вами: «Куцая». Не знаю, какъ другіе, а я положительно никогда, нигдѣ и ни у кого не встрѣчалъ такого яснаго, проницательнаго, точнаго и (при краткости) такого обобщающаго критическаго взгляда. Точно кристаллъ, образовавшійся самъ собою, на моихъ глазахъ, въ безукоризненныя грани, феноменальной плот-

---

*) «Новое Время» 20 января 1885, № 3196, статья «Фальшивая пьеса». *Ред.*

ности, и такой сгущенной матеріи, что если растворять его въ обыкновенной водѣ, то изъ одного атома можно получить бутылку такого крѣпкаго раствора, какой не часто встрѣчается на литературномъ рынкѣ въ продажѣ. Покончивъ съ этимъ, я и повторяю благодарность. И Савина должна быть вамъ глубоко благодарна, если у нея есть хотя частица, не таланта (его никто у нея не отнимаетъ), нѣтъ, а того, что̀ иногда сопровождаетъ талантъ: искреннее, сердечное и смиренное желаніе правды, и если она, при этомъ еще, достаточно умна. Въ вашей статьѣ о ней и о пьесѣ, есть такое тонкое безпристрастіе, что она положительно ограниченный человѣкъ, если этого не усмотритъ. Но это только предисловіе. Къ чему? А вотъ къ нижеслѣдующимъ ламентаціямъ. «Ка̀къ жаль, что нѣтъ равнаго чутья у художественныхъ и литературныхъ критиковъ!» Вонъ я куда хватилъ! По какому праву я приплетаю сюда литературу? Что я тутъ смыслю?

Да и по художеству-то, не пахнетъ ли самолюбіемъ непризнаннаго генія? Не знаю, а вотъ о литературѣ — дерзаю.

Но прежде два слова о вашихъ рецензіяхъ, которыя и вы (чего добраго), и другіе, пожалуй, такъ и думаютъ, что это не болѣе, какъ отчеты мимолетной ежедневной прессы! Ну, нѣтъ, извините, это критика. Просвѣтивъ васъ въ этомъ—иду дальше.

Вы знаете (конечно!) Печерскаго «Въ лѣсахъ». Что̀ критика объ этомъ говорила? Она говорила, что хорошо, правда, но это «хорошо» было похоже собственно на вѣжливость благовоспитанность; въ то же время критика («Отеч. Зап.») разводила бобы, что вотъ-дескать длинный и почтенный трудъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ, и авторъ очевидно хорошо знакомъ съ бытовой стороной, и что вообще этнографическаго интереса много и т. д... Ка̀къ вы это находите? Не похожа ли подобная критика на іомуда, или туркмена, который въ одинъ прекрасный день, у своего караванъ-сарая, встрѣтилъ бронзовую статую высокаго художественнаго качества и, пощелкавъ пальцемъ то тутъ, то тамъ, сказалъ: ишь искусна, и пошелъ дальше, рѣшительно не подозрѣвая, что́ онъ видѣлъ. А отзывы французовъ теперь о «Войнѣ и Мирѣ» Толстого? Сравненіе съ Шекспиромъ, замѣчаніе, что это есть чуть ли не самое великое созданіе XIX вѣка? Кто смѣлъ бы у насъ такъ опредѣлить? Не набросились ли бы на такого смѣльчака лакеи? Правда, о «Войнѣ и Мирѣ» были отзывы, гдѣ употреблялись слова «великій», «замѣчательный», но все-таки я думаю, что я правъ, утверждая, что и лестные отзывы никѣмъ въ серьезъ не приравнивались къ величинамъ вѣковымъ. Дальше, «Братья Карамазовы» Достоевскаго были оцѣнены приблизительно вѣрно однимъ Буренинымъ; но я, все-таки, скажу, когда я читалъ Карамазовыхъ, то были моменты, когда казалось: «Ну, если и послѣ этого міръ не перевернется на оси туда, куда желаетъ художникъ,

то умирай человѣческое сердце! Наступаютъ всеобщія безразсвѣтныя сумерки передъ страшнымъ судомъ Божіемъ!..» Теперь, калибръ поменьше, но все же калибръ: «Задачи Этики» Кавелина. Положимъ, мнѣ не совсѣмъ нравится слогъ, періоды, нѣкоторая сухость и трудно-понимаемость того, что̀ онъ хочетъ сказать; но все же это нѣчто, что́ не каждый день встрѣтишь. Больше того, въ такой сравнительно небольшой брошюрѣ такъ много разставлено, обслѣдовано, и доказано (о свободѣ воли) въ такихъ серьезныхъ матеріяхъ, что положительно (по моему) статья эта есть событіе, и не только у насъ, но... воздержусь, впрочемъ, утверждать, гдѣ еще. Ограничусь нами. Лично я кое-что имѣю сказать г. Кавелину на его выводы, но это ни для кого особенно не интересно. Фактъ тотъ, что критика не стоитъ выше предмета, подлежащаго ея обсужденію, а вѣдь она должна быть выше—непремѣнно, или, по крайней мѣрѣ, въ уровень пониманія.

У васъ тамъ въ «Новомъ Времени» есть какой-то «Житель», написавшій фельетонъ недавно: «Бронзовыя головы». Онъ частенько даетъ интересныя указанія, но его «Бронзовыя головы» есть рѣшительно серьезный, соціальный и психологическій этюдъ, даже страшно становится.

Теперь, подъѣзжая такъ долго, заговорю и о живописи. Вы положительно должны поѣхать къ Рѣпину, и видѣть его картину: «Иванъ Грозный убилъ своего сына». (Боже мой, какая избитая тема, и избитый эффектъ! Да это было: Шварцъ и проч.! Словомъ, странно!). Нѣтъ, положительно поѣзжайте, если незнакомы, познакомьтесь. Видѣть необходимо! Необходимо убѣдиться лично (такъ сказать вложить персты), что русское искусство наконецъ созрѣваетъ. Вы не можете себѣ представить, какое это отрадное убѣжденіе. Вѣдь было же вами написано 4 года тому назадъ о Куинджи на передовомъ листѣ: «Отнынѣ это имя знаменито!», по поводу «Ночи на Днѣпрѣ». И не раскаивайтесь: вы были правы, тысячу разъ правы, гораздо болѣе правы, чѣмъ всѣ критики! Поѣзжайте и посмотрите. Это ничего, что вы въ прошломъ году взяли фальшивую ноту о Маковскаго «Боярскомъ пирѣ». Для васъ это область нѣсколько мало знакомая, и не мудрено, что вы замѣчаете скорѣе всего украшенія и ихъ богатство. Дѣло вотъ въ чемъ. Рѣпинъ поступилъ, по отношенію къ огромному числу и художниковъ и прочихъ умныхъ людей, даже неделикатно. А именно: умные люди всегда имѣютъ теоріи и теоріи иногда столь все разрѣшающія, что это удивительно! Странно, конечно, только одно, что плоды теоріи всегда тощи, но это теоретиковъ ни на волосъ не смущаетъ. Напримѣръ, скажу о себѣ. Я былъ очень благополученъ, придумавъ теорію, что историческая картина постольку интересна, нужна и должна останавливать современнаго художника, по скольку она параллельна, такъ сказать, современности, и по скольку можно предложить зрителю намотать себѣ что-нибудь на усъ!

Серьезно говоря, чѣмъ не теорія? Въ ней есть и глубина и... ну, словомъ, только умный человѣкъ можетъ дойти до такихъ выводовъ, а потому: что̀ такое убійство, совершенное звѣремъ и психопатомъ, хотя бы и собственнаго сына?! Рѣшительно не понимаю, зачѣмъ? Да еще, говорятъ, онъ напустилъ крови! Боже мой, Боже мой! Иду смотрѣть и думаю: еще бы! конечно Рѣпинъ талантъ, а тутъ поразить можно... но только нервы! И что̀ же я нашелъ? Прежде всего, меня охватило чувство совершеннаго удовлетворенія за Рѣпина. Вотъ она, вещь, въ уровень таланту! Судите сами. Выражено и выпукло выдвинуто на первый планъ—нечаянность убійства! Это самая феноменальная черта, чрезвычайно трудная, и рѣшенная только двумя фигурами. Отецъ ударилъ своего сына жезломъ въ високъ, да такъ, что сынъ покатился, и тутъ же сталъ истекать кровью! Минута, и отецъ въ ужасѣ закричалъ, бросился къ сыну, схватилъ его, присѣлъ на полъ, приподнялъ его къ себѣ на колѣни, и зажалъ крѣпко, крѣпко, одною рукою рану на вискѣ (а кровь такъ и хлещетъ между щелей пальцевъ), другою поперегъ за талію прижимаетъ къ себѣ, и крѣпко, крѣпко цѣлуетъ въ голову своего бѣднаго (необыкновенно симпатичнаго) сына, а самъ оретъ (положительно оретъ) отъ ужаса, въ безпомощномъ положеніи. Бросаясь, схватываясь и за свою голову, отецъ выпачкалъ половину (верхнюю) лица въ крови. Подробность шекспировскаго комизма. Этотъ звѣрь отецъ, воющій отъ ужаса, и этотъ милый и дорогой сынъ, безропотно угасающій, этотъ глазъ, этотъ поразительной привлекательности ротъ, это шумное дыханіе, эти безпомощныя руки! Ахъ, Боже мой, нельзя ли поскорѣе, поскорѣе помочь! Что̀ за дѣло, что въ картинѣ на полу уже цѣлая лужа крови на томъ мѣстѣ, куда упалъ на полъ сынъ вискомъ, что̀ за дѣло, что ея еще будетъ цѣлый тазъ—обыкновенная вещь! Человѣкъ смертельно раненый, конечно, много ея потеряетъ, и это вовсе не дѣйствуетъ на нервы! И ка̀къ написано, Боже, ка̀къ написано! Въ самомъ дѣлѣ, вообразите, крови тьма, а вы о ней и не думаете, и она на васъ не дѣйствуетъ, потому что въ картинѣ есть страшное, шумно-выраженное отцовское горе, и его громкій крикъ, а въ рукахъ у него сынъ, сынъ, котораго онъ убилъ, а онъ... вотъ уже не можетъ повелѣвать зрачкомъ, тяжело дышетъ, чувствуя горе отца, его ужасъ, крикъ и плачъ, онъ, какъ ребенокъ, хочетъ ему улыбнуться: «Ничего, дескать, папа, не бойся»! Ахъ Боже мой! Вы рѣшительно должны видѣть!!!... Ну, хорошо! Успокоимся. Довольно. Поговоримъ спокойно. Что̀ же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь искусство (серьезное, о которомъ можно говорить) должно возвышать, влить въ человѣка силу подняться, высоко держать душевный строй. И, такъ сказать, идти въ ногу съ религіей. Да, конечно, да! Ну, а эта картина возвышаетъ?.. Не знаю. Къ чорту полетѣли всѣ теоріи!.. Впрочемъ, позвольте... кажется, возвы-

шаетъ, не знаю навѣрное, какъ и сказать. Но только кажется, что человѣкъ, видѣвшій хотя разъ внимательно эту картину, навсегда застрахованъ отъ разнузданности звѣря, который, говорятъ, въ немъ сидитъ. Но можетъ быть и не такъ, а только... вотъ онъ зрѣлый плодъ.

Преданный и уважающій И. Крамской.

CCCX. Къ нему же.

25-го января 1885 г., Спб.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Вы злопамятны — это хорошо. Значитъ, вы помните, что я говорю, и, стало быть, иногда думаете,—правда ли, что я говорю? Это уже лестно. И это чрезъ годъ. Тѣмъ лучше! Но вѣдь и я помню, что говорю (по крайней мѣрѣ въ области, гдѣ я имѣю кое-что прочно сложившееся). И потому знаю, почему считаю портретъ Стрепетовой все-таки серьезнымъ художественнымъ этюдомъ; не смотря на то, что вы правы тоже, говоря о портретѣ. Мнѣ бы слѣдовало свою мысль яснѣе сказать въ то время, или, лучше, мнѣ надобно научиться точно вообще выражаться. Я хотѣлъ сказать, что когда всѣ тѣ, кто видалъ живую Стрепетову, сойдутъ со сцены, то зритель будущаго оцѣнитъ трагизмъ (слово нѣсколько громкое, въ данномъ случаѣ) въ этомъ этюдѣ, оцѣнитъ исполнительную сторону,— всѣ детали подчинены общему.

Конечно, портретистъ обязанъ ничего не вносить своего въ концепцію портрета, а долженъ, какъ строгій ученый, объективно, спокойно и точно наблюдать и принимать выводы изъ данныхъ, каковы бы они ни были. Словомъ, мы оба правы (что вы правы, это несомнѣнно, я признаю; но что и въ моей идеѣ есть доля резона — это мнѣ кажется). Какъ портретъ, вещь Ярошенки оставляетъ много желать, а какъ мысль художника, написанная по поводу Стрепетовой — почти безъ критики.

Если вы осуществите свое намѣреніе попасть ко мнѣ вечеромъ, я буду вамъ очень радъ. Уважающій васъ И. Крамской.

CCCXI. Къ графу Л. Н. Толстому.

29-го января 1885 г., Спб.

Глубокоуважаемый Левъ Николаевичъ. Прошло полныхъ десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ и говорилъ съ вами. Времени прошло много не для одного человѣка, и я думаю, что еслибы мы встрѣтились, то, пожалуй, старое впечатлѣніе и не узнали бы.

О себѣ судить трудно (все кажется такой же), но, что касается васъ,

то, каюсь, еслибы мнѣ кто-либо тогда сказалъ, какого рода идеи васъ будутъ занимать и мучить, то я ручался бы чѣмъ хотите, что именно съ вами этого не случится. Для столь крѣпкой увѣренности я имѣлъ основанія. Вы были тогда уже человѣкомъ съ характеромъ сложившимся, съ прочнымъ и широкимъ образованіемъ, большимъ опытомъ (талантъ пропускаю, какъ величину всѣмъ извѣстную и опредѣленную), съ умомъ и міросозерцаніемъ совершенно самостоятельнымъ и оригинальнымъ: до такой степени самостоятельнымъ, что я помню очень хорошо, какое впечатлѣніе вы дѣлали на меня, и помню удовольствіе въ первый разъ отъ встрѣчи съ человѣкомъ, у котораго всѣ детальныя сужденія крѣпко связаны съ общими положеніями, какъ радіусы съ центромъ. О чемъ бы рѣчь ни шла, ваше сужденіе поражало своеобразною точкою зрѣнія. Сначала это производило впечатлѣніе парадокса, но чѣмъ дольше я знакомился, тѣмъ все больше и больше открывалъ центральные пункты, и подъ конецъ я передъ собою видѣлъ въ первый разъ рѣдкое явленіе: развитіе, культуру и цѣльный характеръ, безъ рефлексовъ. Такъ казалось. Одинъ пунктъ оказался для меня за чертой вашего круга. Въ разговорѣ, однажды, вы обнаружили слѣдующій взглядъ на «Христа», что «Его ученіе и Онъ Самъ есть не болѣе какъ историческій моментъ общаго развитія человѣчества». Очевидно, для васъ личный вопросъ былъ порѣшенъ. Много разъ мнѣ приходилось слышать подобное сужденіе и прежде, но никогда оно не казалось мнѣ столь безнадежнымъ, а, между тѣмъ, вѣдь это совершенно точное опредѣленіе христіанства; точнѣе сказать нельзя, только жаль мнѣ было одного: что въ этомъ мнѣніи чуялось отчужденіе отъ прошлаго, будто всѣ нити порваны и навсегда. Съ этимъ я не былъ согласенъ; кромѣ того, въ такомъ опредѣленіи подразумѣвалось (какъ бы само собой), что мы уже переросли это ученіе, и что нашъ умственный уровень выше его.

На этомъ остановилось личное знакомство. Но съ тѣхъ поръ произошло нѣчто. Давно и много разъ я порывался писать вамъ и послѣ «Исповѣди», и послѣ перевода Евангелія, и послѣ 2—3 словъ вашихъ на судѣ; словомъ, много разъ, но меня останавливала трудность формулированія моихъ мыслей, особенно въ короткой формѣ письма. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ дать понятіе о той бурѣ, которую вы во мнѣ подымали, хотя бы, напримѣръ, переводомъ Евангелія. Я зналъ и знаю, что смыслъ этой книги, не смотря на постоянное чтеніе, совершенно утраченъ, и вдругъ, есть новый переводъ, понятный каждому. Я былъ пораженъ и испуганъ, испуганъ тѣмъ, что теперь сдѣлалось возможнымъ новое распятіе проповѣдника, что современный человѣкъ (какъ и древній) готовъ будетъ распять Христа съ тѣмъ же самымъ убѣжденіемъ, какъ и еврей Іерусалима, кричавшій совершенно сознательно: «Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!» Это ужас-

ная книга для человѣчества, и въ то же время единственно спасительная. Послѣ этого подвига казалось дѣло кончено: сдѣлано все, что̀ отъ человѣка можно желать. Но вотъ является: «Такъ что-жъ намъ дѣлать?» Являются разъясненіе, разсужденіе, доказательства, изслѣдованія...... чего? Что̀ намъ нужно дѣлать? Да это уже указано. Вы сами приводите въ эпиграфахъ отвѣтъ Іоанна Крестителя именно на этотъ вопросъ: «У кого есть двѣ одежды, тотъ отдай другую тому, кто не имѣетъ ни одной!» Коротко и ясно, во всѣ времена ничего другого сказать нельзя. Близко время, а можетъ быть оно уже и наступило, когда долженъ быть «посланъ человѣкъ отъ Бога». Эти люди всегда начинали не съ доказательствъ и разсужденій, а прямо, съ авторитетомъ, какъ власть имѣющіе, громко заявляли: «Имѣяй уши слышати, да слышитъ!» Я не знаю, ка̀къ и въ какой формѣ возможенъ необходимый пророкъ во время телеграфа, печати, желѣзныхъ дорогъ и всеобщаго могущества науки, но онъ долженъ остаться вѣренъ характеру пророка, иначе дѣло его проиграно, разсужденія, а тѣмъ болѣе доказательства, ослабляютъ впечатлѣніе, а главное—низводятъ его на степень спорящаго. Всякому свое. Если вы хотите возбудить въ человѣческомъ сердцѣ «милосердіе», не доказывайте, что оно нужно и что безъ него худо (особенно оно не можетъ быть доказываемо), а просто приказывайте, если вы учитель. Если же вы не учитель, а человѣкъ, занятый и глубоко волнуемый личными нерѣшенными нравственными вопросами, подождите, пока отстоится, и послѣ формулируйте въ образахъ. Поэтъ тотъ же дѣятель Божій. Мнѣ жаль, что это банально, жаль, что это похоже, какъ говорятъ, на смыслъ письма Тургенева, и повторяется съ чужого голоса, но у меня свои собственныя основанія и вотъ они:

Въ «Литературномъ Сборникѣ» помѣщено нѣсколько главъ «Декабристовъ». Я не могу вамъ дать точное понятіе о томъ впечатлѣніи, которое эта вещь производитъ. Вы конечно это слышали, но вы, въ то же время, въ статьѣ «Такъ что-жъ намъ дѣлать»? и, раньше, въ «Исповѣди», о своихъ художественныхъ произведеніяхъ отзываетесь очень неуважительно; мало того, вы какъ бы раскаяваетесь, что такія соблазнительныя и вредныя вещи существуютъ. Вотъ этого я понять никакъ не могу. Объясните это. Передъ вами искренній человѣкъ—свидѣтельствуетъ, что такія вещи, какъ «Декабристы», «Война и Миръ», «Казаки», и т. д. и т. д., дѣлаютъ меня лично гораздо болѣе человѣкомъ, чѣмъ разсужденія. Что́ больше Христосъ сдѣлалъ?—далъ образецъ. Тѣмъ, что́ Онъ былъ, онъ доказалъ возможность конкретнаго явленія, считавшагося до него невозможнымъ. Послѣ Него я, если я не глупъ, отпираться уже не могу, хотя бы у меня натура и была свиная, а если у меня есть человѣческаго больше свиного, то я утѣшенъ, радъ и счастливъ, что Христосъ не миѳъ и не созданіе поэта, а ре-

альный человѣкъ. Художникъ даетъ образы, живые, дѣйствительные, и этимъ путемъ обогащаетъ людей. Онъ не поучаетъ дидактически, а... впрочемъ, извините меня великодушно, что это все я пишу, и кому же?—вамъ! Вамъ, который сто тысячъ разъ это уже знаетъ... Но все же, объясните мнѣ, въ чемъ дурное въ искусствѣ? Если вы усматриваете въ своихъ произведеніяхъ отсутствіе настойчиваго морализующаго настроенія, которое неизвѣстно какимъ путемъ сообщается читателю, если оно одушевляло автора (какъ, напримѣръ, это сильно замѣтно у Достоевскаго), то, Боже мой, что̀ можетъ мѣшать ему теперь войти красной ниткой въ общую ткань?.. Или искусство есть раздѣленіе людей, баловство, аристократизмъ, или въ самомъ дѣлѣ собственность есть кража? Ка̀къ и что̀ вы понимаете подъ собственностью? Есть ли она, или ея нѣтъ, т. е. должна и можетъ она быть или не можетъ? Креститель сказалъ: «Кто имѣетъ—подѣлись!» Но не сказалъ: «Не имѣй!» Въ ту минуту, въ минуту общественнаго бѣдствія, люди въ страхѣ спрашивали: что̀ дѣлать? Но развитое христіанское чувство пошло дальше, оно не можетъ быть спокойно, пока хоть одинъ нуждается. Но отрицаетъ ли оно собственность? Если собственность будетъ опредѣлена? (теперь она не опредѣлена), и можетъ ли вообще быть собственность? Не знаю, на сколько воздухъ, вода, земля и моря могутъ быть чьею-либо личною собственностью, какъ это есть теперь на практикѣ, но знаю несомнѣнно, что «Декабристы» и «Война и Миръ» всегда будутъ принадлежать вамъ лично. Положимъ, что вы сами лично невиновны въ томъ, что Богъ далъ вамъ талантъ, и, слѣдовательно, гордиться вамъ и вообще подымать носъ не годится, но мнѣ и всѣмъ милліонамъ вашихъ братьевъ доподлинно извѣстно, что вы были избраны Богомъ для проявленія Его велѣній, и если вы проявили свой талантъ, работали надъ нимъ, съ пользою и желаніемъ добра употребили его, то вы и имѣете права, т. е. мы ихъ признаемъ. Все равно, отказываетесь вы, или нѣтъ, отъ этой своей, въ настоящемъ смыслѣ, собственности! Если есть собственность, то есть и цѣнность, а слѣдовательно остается только правильно установить понятія о собственности. Хорошіе соціалисты (а таковые есть, надѣюсь) заняты теперь этими вопросами. Когда я начиналъ письмо, казалось: есть очень опредѣленное желаніе; когда же оно кончается, не знаю, что̀ сказать, а послать все-таки посылаю!

Глубоко уважающій и преданный И. Крамской.

Вы, пожалуй, скажете, что всѣ такія понятія естественны въ этомъ теперешнемъ порядкѣ, но въ грядущемъ царствіи это не будетъ имѣть мѣста?..

Я вѣрю и смиряюсь вотъ передъ чѣмъ: передъ фа̀ктомъ! Если онъ есть, да еще на протяженіи тысячелѣтій, куда не хватаетъ воля самаго шумнаго

генія, то онъ есть по волѣ выше моей, слѣдовательно его отбросить нѣтъ основанія. Жаль, что столь интересная матерія попалась на концѣ.

CCCXII. Къ А. С. Суворину.

12-го февраля 1885 г., Спб.

Большое, огромное вамъ спасибо, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, за сегодняшнюю статью о Рѣпинѣ. Вы увидите потомъ, ка̀къ много вы сдѣлали для Передвижной выставки. Когда я вамъ объ этой картинѣ писалъ въ первый разъ, я былъ за сто верстъ отъ вѣроятности услышать о ней такіе отзывы, какіе пришлось слышать въ первый же день открытія. Напримѣръ: «Что̀ это такое? Ка̀къ можно это выставлять? Ка̀къ позволяютъ! Вѣдь это цареубійство!!» Вамъ дико, вамъ можетъ быть смѣшно, и вы готовы сказать, что подобное усердіе не найдетъ пріюта; но какъ много оказывается въ унисонъ поющихъ! Нынѣ время дикое, и особенно оно дико въ обществѣ.... Но въ обществѣ — бѣда. «Бронзовыя головы» всюду; а такъ какъ ихъ много, очень много, гораздо больше, чѣмъ думаешь, то... конечно неудобно, оглушаютъ своимъ ревомъ, и ничего не поймешь. А потому, спасибо вамъ; вы, такъ сказать, какъ будто предугадали разговоры и съ особой силой ихъ устраняете. Ну, и потомъ изъ статьи вашей я замѣтилъ, что картина и на васъ произвела впечатлѣніе, помимо того, что̀ я писалъ. Еслибы вы мнѣ только повѣрили, то оно бы сказалось иначе. Ну, словомъ, я очень радъ.... Одно, что́ теперь, въ виду возникающей бури, недурно поддерживать, это то, что художникъ въ картинѣ своей оправдалъ отца и убійцу. Вы приблизительно это и говорите; но, въ случаѣ нужды, аргументъ этотъ можно поставить еще болѣе ребромъ. Сейчасъ получилъ ваше любезное письмо. Какъ встрѣтились! Еще болѣе убѣждаюсь, что вы интересуетесь искусствомъ и думаете о нашей бѣдной русской живописи.

Теченіе мыслей отвлечено вашимъ письмомъ. Я не думалъ писать отзыва, или своихъ мнѣній о товарищахъ, когда они дѣлаютъ свое обыденное дѣло, текущее, когда они не возмущаютъ сна и покоя. Напримѣръ: вы упоминаете о Бронниковѣ, вѣроятно потому, что онъ извѣстность, но о немъ серьезно давно уже говорить не приходится. Что̀ дѣлать, всѣ мы старѣемся! Когда наша теперешняя выставка составилась, вотъ что̀ я живо и болѣзненно почувствовалъ, и что́ мнѣ пришло на память нежданно, негаданно. Это было въ 1860 г. (видите, ка̀къ я кое-что помню). Профессоръ живописи А. Т. Марковъ, однажды, разсматривая въ классѣ живописи этюды, взятые въ оригиналы за много лѣтъ, долго и внимательно смотрѣлъ одинъ этюдъ теперешняго профессора Академіи В. П. Верещагина, и уходя произнесъ: «Да, ушла школа впередъ!» Это я слышалъ собственными ушами. Я тогда

еще и не писалъ красками, но понялъ все-таки, что у Маркова есть чувство справедливости, и что онъ грустить о томъ... ну, что словомъ его личное дѣло плохо. Есть ли тутъ сходство и аналогія, не къ тому рѣчь, а рѣчь вотъ въ чемъ. Школа дѣйствительно ушла впередъ. Единственно несомнѣнный выводъ. Но въ чемъ? Во 1-хъ, Рѣпинъ, какъ талантъ изъ ряду вонъ, сюда въ разсчетъ входить не долженъ, а какъ живописецъ, онъ одинъ изъ первыхъ, которыми открывается новая школа. Во 2-хъ, если вы будете еще на выставкѣ, то рекомендую провѣрить слѣдующія мои мысли.

Посмотрите В. Маковскаго маленькія, маленькія картинки. Тамъ есть: «Бабы сидятъ на землѣ»—много ихъ, потомъ есть деревеньки съ фигурами, «Пашня» (на возахъ), словомъ штукъ 7. Объ этихъ вещахъ уже можно сказать (не боясь вызвать смѣхъ), что это совершенный Месоньѐ. Шутка это? Четыре года тому назадъ у насъ была на выставкѣ одна его картинка; на берегу пруда цѣлая семья ловитъ рыбу удочками, и я у васъ въ кабинетѣ сказалъ, что это уже смахиваетъ на Месоньѐ; въ кабинетѣ былъ тогда, не помню фамилію, что-то въ родѣ Соколовскаго, такъ онъ та̀къ недвусмысленно улыбнулся, что мнѣ оставалось замолчать. Послѣ я прочелъ объ этомъ, мнѣ преподанъ былъ урокъ, не называя меня, но такъ какъ насъ было только трое—то понятно, ка́къ критикъ думалъ о моихъ отзывахъ. Положимъ, у Маковскаго въ этихъ картинахъ нѣтъ, такъ сказать, содержанія, но вѣдь и у Месоньѐ его не Богъ вѣсть какъ часто встрѣчаешь, и главная его слава основана не на глубинѣ содержанія, а на вѣрности солнца, воздуха, изумительной жизненности исполненія немудрыхъ сюжетовъ. Этимъ французы особенно гордятся. Чѣмъ больше картина у Маковскаго, тѣмъ дѣло хуже, но и тутъ талантъ такъ и трепещетъ. Самая же его великая сила лежитъ въ бытовыхъ картинахъ. Его «Свидѣтели», «Политики», «Урокъ танцевъ», «Сцена на кладбищѣ»—вотъ гдѣ Маковскій наша гордость. Смѣло можно сказать, что въ Европѣ такого художника нѣтъ, да если все сказать, что́ думается, то и быть не можетъ. Русская живопись также существенно отличается отъ европейской, какъ и литература. Точка зрѣнія нашихъ художниковъ, все равно литераторовъ или живописцевъ, на міръ—тенденціозная по преимуществу. Онъ смотритъ съ добродушной ироніей на маленькихъ людей, выставляетъ все смѣшное, т. е. человѣкъ-то, съ котораго художникъ работаетъ, дѣлаетъ свое дѣло серьезно, а художникъ какъ-то такъ умѣетъ распорядиться, что зритель ясно чувствуетъ: пустяки! Но никогда талантливый художникъ русскій не смѣялся еще надъ вещами серьезными: рожденіемъ, смертью, любовью. Посмотрите сцену «На кладбищѣ» Маковскаго, и вы почувствуете глубокое умиленіе. Простые люди разговляются на могилкахъ въ свѣтлый праздникъ. Дальше, Маковскій въ бо̀льшемъ количествѣ, а Прянишниковъ—въ мѐньшемъ но

оба обладаютъ изумительнымъ искусствомъ тенденціозную картину сдѣлать нетенденціозною. Всѣ наши большіе писатели тенденціозны, и всѣ художники тоже. Разница въ бо̀льшемъ и мѐньшемъ талантѣ. Обратите вниманіе на картину Прянишникова «Церковный староста»: въ этой картинѣ если есть что̀, такъ только чуть-чуть излишекъ черной краски; но жизнь, типы, интересъ—чудесно. Чтобы перейти къ пейзажу, надо сказать о «Черномъ соборѣ» (Милорадовича) непремѣнно: эта картина глубоко національна и типична. Конечно, Неврева вещь лучше нарисована, и практичнѣе написана, но у Неврева нѣтъ и помина о животрепещущей правдѣ. Обратите вниманіе въ «Черномъ соборѣ» на лица слушающихъ, и вы невольно начинаете принимать участіе въ томъ, что̀ здѣсь происходитъ. Картинѣ этой вредитъ незнаніе рисунка и рѣшительное непониманіе техники дѣла. Но вѣдь и то сказать: Милорадовичъ въ первый разъ дебютируетъ (онъ очень молодой человѣкъ), а Невревъ постарше меня лѣтъ на 10. Между этюдами Полѣнова есть штукъ 10 превосходныхъ, въ спеціальномъ смыслѣ, а вообще мы, русскіе люди, не склонны придавать значенія этимъ вещамъ; это только Верещагинъ (знаменитый) съумѣлъ заставить взглянуть на этюды съ той точки зрѣнія, съ какой ему хотѣлось, а потому мимо.

Пейзажи. Собственно пейзажи и теперь не хуже, чѣмъ прежде, но кажутся блѣднѣе только потому, что другіе роды стали сильнѣе. Шишкина «Сосновый лѣсъ» (недалеко отъ портрета Жемчужникова) вещь превосходная, «Туманное утро» тоже очень хорошо (а у Шишкина мѣстности открытыя нѣсколько слабѣе лѣсныхъ вообще), но такъ какъ Шишкинъ уже 10 лѣтъ впередъ не двигается, то по немъ именно и можно судить, что̀ и насколько перемѣнилось. Брюллова «Утро въ Гурзуфѣ» вещь положительно хорошая. Въ ней недостаетъ непосредственности, только (только! Да вѣдь это—все!). Тоже и Мясоѣдовъ. Но у него есть между маленькими—отличныя вещи, напримѣръ: крайняя къ окну на правой стѣнѣ и «Уголъ двора» № 117. Волкова «Начало зимы», № 25 — вещь отличная во всѣхъ отношеніяхъ, но дальше я кое-что собираюсь сказать о томъ, куда «ушла школа», и вещь Волкова возьму еще.

Лучшій же пейзажъ надобно искать между работами Киселева: вещь небольшая (стоитъ она въ послѣдней залѣ, не доходя опять-таки Жемчужникова), солнечная. Какія-то постройки вдали, и деревца, а поближе фигуры, много фигуръ. Что̀ касается Мещерскаго «Зимы» (о другой говорить нельзя), то вѣдь этакъ, ка̀къ «Зима», можно уже сдѣлать теперь обои. Но это ничего, что она вамъ понравилась, она и намъ всѣмъ нравится, безъ ироніи, но только все-таки это обои. Вѣдь нравятся же вамъ гравюры съ Шопена, и я объясню, почему это не можетъ не нравиться, если смотрѣть на вещи широко. Въ такихъ вещахъ, какъ «Зима» Мещерскаго, взяты только одни

основныя массы, тоны и ихъ пропорціи, съ изумительной математической вѣрностью. Было время, когда этого не знали, и это было великимъ открытіемъ Калама, и нужно было быть великимъ талантомъ, чтобы извлечь изъ натуры эти законы, которые обыкновенный глазъ, смотрѣвшій тысячи лѣтъ, не замѣчалъ. Но теперь нужно быть лишеннымъ вовсе живого непосредственнаго чутья натуры и таланта, чтобы сидѣть передъ натурой и не видѣть, что законы эти никогда собственно и не выступаютъ голыми, кàкъ у Калама, а всегда замаскированы, и въ глаза не бросаются. Не знаю, понятно ли вамъ, чтò я пытаюсь сказать. Итакъ, слѣдовательно, для всѣхъ, у кого на искусство взгляды школьные, т. е. тѣ, которые у образованнаго человѣка лежатъ въ томъ видѣ, въ какомъ были получены въ гимназіи и университетѣ, а такихъ милліоны—всѣ, для тѣхъ вещи Мещерскаго должны нравиться, а для тѣхъ спеціалистовъ, которые ломаютъ себѣ шею, вещи Мещерскаго противны. Но между послѣдними есть болѣе спокойные, эти способны оцѣнить иногда высоко Мещерскаго картины, но ничего не ждутъ и не интересуются самимъ авторомъ.

Теперь о горькомъ личномъ чувствѣ—что «школа ушла впередъ!» На выставкѣ стоитъ вещь Бодаревскаго (кажется «Сирота»)—большая картина. Посмотрите вотъ на чтò (только внимательно), кàкъ тамъ написаны деревья, листья, стволы и самая голова и вся фигура. Не смущайтесь, пожалуйста, что тамъ около носа и около губъ есть нѣсколько болѣе глубокихъ впадинъ, чѣмъ нужно: Бодаревскій не мудрящій рисовальщикъ и не..... и потому не ищите у него того, чѣмъ художникъ трогаетъ. Я прошу васъ посмотрѣть на школу, на то, кàкъ онъ пишетъ. Посмотрѣвъ внимательно на голову у Бодаревскаго, перейдите къ Харламову, благо есть тутъ близко его головки итальяночекъ. У Бодаревскаго тѣло—настоящее тѣло, въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ оно находится. Тѣлесной краски нѣтъ вовсе, все написано какими-то совершенно новыми, взятыми непосредственно у натуры тонами, не то коричневатыми, не то сѣровато-розовыми, и на этомъ налетъ загара, на тѣлѣ, на волосахъ, на рукѣ скользящій тонъ неба, на платьѣ, на бѣльѣ, и ниже, словомъ, живая дѣйствительность. У Харламова же все выдумано, очень мило, очень красиво, словомъ, тоже, чтò у Мещерскаго. Одинъ смотритъ на натуру непосредственно, другой взялъ на прокатъ все, и палитру, и краски. Чтò лучше—не знаю, пожалуй, дѣло пока вкуса; говорю: пока, до совершеннолѣтія, а тогда видно будетъ. Впрочемъ, и теперь уже видно. Обратите вниманіе на портретъ Рѣпина Стасовой. Посмотрите, ради Бога, какая оригинальность во всемъ: все лицо сверкаетъ по отклоняющимся плоскостямъ настоящими живыми тонами, а руки? Отсюда перейдите къ портрету моему Л. Г. Г.: «Дѣвушка съ корзиною цвѣтовъ», и вы ясно увидите, что это только художникъ притворяется,

что будто бы онъ написалъ это на берегахъ Средиземнаго моря, среди мрамора и розъ, а въ сущности все это сдѣлано въ комнатѣ и въ Петербургѣ, и главное въ комнатѣ; да и то не вѣрно въ краскахъ, а такъ, какъ, наконецъ, по рутинѣ выходитъ. Вотъ что̀ значитъ писать 20 лѣтъ для публики. Это не конецъ. Посмотрите «Ремонтера» Кузнецова. Каковъ гусаръ? Его синее сукно на солнцѣ! Каковъ барышникъ, его голова и самъ помѣщикъ; а тамъ дальше: свинья, заборъ, ворота! Словомъ, и земля, и небо. Еще шагъ, и въ русской живописи появится сверкающая краска! Его же «Полевые цвѣты», не будь тамъ скверныхъ облаковъ, эта вещь была бы полна солнца, воздуха и свѣта; бѣлое платье въ тѣни, особенно рукава. Да вѣдь этакъ только теперь начинаютъ писать. Вотъ элементы, которые указываютъ, что колоритъ начинаетъ пробиваться все сильнѣе и сильнѣе.

Ну, а что̀ касается Рѣпина «Ивана Грознаго», то этакой живописи современное искусство въ Европѣ даетъ не много. Какъ это странно: написалъ много, а доказалъ весьма мало, чувствую. Вотъ, еслибы вмѣстѣ пройти, я доказалъ бы больше. Да Волкова-то и забылъ притянуть снова. Его «Начало зимы» именно тѣмъ и виновато, что начинаетъ отставать: написано на память и въ мастерской. Ну, да это до другого раза.

Преданный вамъ И. Крамской.

О вашемъ портретѣ я много, много думалъ и думаю, и о многомъ и самъ жалѣю. Ну, да коли не умру — дѣло поправлю.

CCCXIII. Къ нему же.

Спб., 13-го февраля 1885 г.

Если годно для васъ, многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, все, что̀ я вчера написалъ, я очень радъ. Боюсь только, чтобы вы не придали какого-нибудь значенія моимъ чисто техническимъ возраженіямъ. Это назначается только для васъ, и то только, какъ мнѣніе специалиста, съ которымъ Боже сохрани знакомиться на половину. Это хуже всего. Вы сильны, когда берете общія положенія, одинаковыя для всѣхъ родовъ искусства, и тѣмъ-то статья о Рѣпинѣ и хороша, что она все специальное минуетъ, а между тѣмъ я еще не слышалъ, чтобы кто-либо изъ художниковъ отозвался о статьѣ неодобрительно. Рѣшительно всѣ въ одинъ голосъ говорятъ: — «Вотъ это та̀къ, это дѣло». Намъ именно не нужны ученые критики, которыхъ мы уже такъ много слышали. Что̀ же касается ***, то его мнѣніе (особенно поправка Рѣпинской композиціи и совѣтъ переставить фигуры) указываетъ, что онъ хлебнулъ когда-то изъ специальнаго кувшинчика, и, несмотря на скромность и добросовѣстность, онъ все-таки считаетъ свои мнѣнія очень вѣрными... для себя. Притомъ, такъ какъ онъ хлебнулъ

очень немного, то я утверждаю, что онъ знаетъ не то, что̀ нужно. Замѣчаніе, что Иванъ Грозный малъ, кажется вѣрнымъ для людей, знающихъ рисунокъ чуть-чуть, а также и для людей, вовсе не знающихъ рисунка. Первые неспособны убѣдиться, что они ошибаются, вторые же часто исправляютъ свои ошибки безъ труда, если станутъ наблюдать. Какой бы величины человѣкъ ни былъ, онъ можетъ, при исключительныхъ случаяхъ, съежиться, такъ что всѣмъ онъ покажется несоразмѣрно малымъ, кромѣ людей, хорошо знающихъ рисунокъ и механику человѣка. Относительно обязанности искусства: производить успокоительное дѣйствіе, я уже высказался еще тогда, когда рекомендовалъ вамъ поѣхать къ Рѣпину. Я бы сказалъ такъ, что нужно разбирать теперь не мнѣніе, а человѣка. Это шиворотъ на-выворотъ съ общепринятыми правилами, но такъ какъ теперь всѣ умны и свѣдущи одинаково, то надо внимательно освѣдомиться, кто говоритъ. Если человѣкъ оригинально умный, въ нѣкоторомъ родѣ Тяпкинъ-Ляпкинъ, его мнѣнія надо принимать къ свѣдѣнію. Впрочемъ, что-жъ это я? Какія прелести разсказываю! Одно оправданіе—ваша впечатлительность: и такъ говорятъ, и этакъ! И та̀къ выходитъ вѣрно, и этакъ есть доля правды! Особенно, когда собственное чувство склоняется на чью-либо сторону. Но собственное чувство (чье? вотъ вопросъ?) ошибается только тамъ, гдѣ не достаетъ знакомства съ явленіями рѣдкими; въ остальныхъ же случаяхъ ему надо отдать предпочтеніе.

Великому князю картина Рѣпина понравилась чрезвычайно — онъ былъ пораженъ, что̀ и высказалъ, выходя съ выставки, встрѣтившемуся своему секретарю. Вѣроятно насъ оставятъ въ покоѣ.

Преданный вамъ И. Крамской.

CCCXIV. Къ нему же.

Спб., 14-го февраля 1885 г.

Въ виду вашей рѣшимости, многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, написать о выставкѣ, я считаю, что я не все вамъ далъ, что̀ долженъ былъ дать. А именно: о «Татьянѣ» Клодта. Вовсе не потому говорить объ ней необходимо, чтобы она сама по себѣ была замѣчательное, изъ породы творческихъ, художественное произведеніе, а по отношенію къ вопросу о школѣ. Но прежде о ней самой. Картина простая и милая. Голова не оригинальная и не очень жизненная, но все-таки съ настроеніемъ, и вся фигура вообще симпатичная. Но что̀ всего лучше — это эпоха. Казалось бы, трудно на пространствѣ по 2, по 3 вершка вокругъ фигуры, показать время, однакожъ онъ съумѣлъ распорядиться, а главное — знаетъ, каковы именно

вещи были тогда. Эти подзоры на окнахъ, этотъ диванъ, канделябры и т. д., словомъ — немного, но вѣрно и хорошо, и все переноситъ ко временамъ нашихъ бабушекъ. Но... Но, больше та̀къ писать нельзя — это очевидно. Именно на немъ и на Шишкинѣ это очевидно. Упрекаютъ и того, и другого въ томъ, что это раскрашенныя олеографіи, и что они будто бы понизились въ живописи; вотъ это-то послѣднее и невѣрно. Отдѣлите картину Шишкина «Сосновый лѣсъ» отъ сосѣдства съ настоящею живописью, и вы увидите, ка̀къ картина выростетъ. Вѣдь какъ мы всѣ, старые живописцы, пишемъ, или по крайней мѣрѣ писали (потому что теперь даже и мы старѣемся). Напримѣръ Шишкинъ: пишетъ, положимъ, небо, пишетъ, пишетъ — недостало краски домазать уголъ, онъ, ничтоже сумняся, беретъ маслица, разбавляетъ краску, и ее хватаетъ докрасить и т. д. Между тѣмъ, въ небесахъ у пейзажистовъ-живописцевъ нѣтъ вершка одного тона, даже въ бѣломъ простомъ небѣ. Потому что, какъ только одна краска идетъ долго, такъ и выходитъ выкрашено, а не написано. И Клодтъ, и Шишкинъ — оба не стали хуже, а только другіе ушли дальше. Но вѣдь есть же что́-нибудь, за что̀ они, особенно Шишкинъ, знамениты. Еще бы! Конечно, до Шишкина въ Россіи были пейзажи выдуманные, такіе, какихъ нигдѣ и никогда не существовало (исключая Щедрина и Лебедева, при Александрѣ I-мъ); этого мало: Шишкинъ остается единственнымъ и до сихъ поръ, какъ знатокъ и рисовальщикъ дерева вообще, и хвойнаго лѣса въ особенности. Когда Шишкина не будетъ, тогда только поймутъ, что преемникъ ему не скоро сыщется. Одну минуту, лѣтъ 8—10 тому назадъ, Шишкинъ сталъ какъ будто искать краску, да, вѣроятно, привычка думать линіями и формой не легко оставляетъ мозгъ.

Вотъ живопись — фонъ въ картинѣ Рѣпина. Вотъ онъ — оркестръ настоящій. Эта стѣна дѣйствительно полна сумрака и какого-то натуральнаго трагизма, который въ природѣ встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ живописцы его замѣчаютъ. Вашъ И. Крамской.

Еслибы вы знали—сколько вамъ благодарныхъ за статью о выставкѣ.

Забылъ: вещь Боголюбова очень хороша, особенно низъ, тѣни, народъ, лодки. Вообще вѣрно. Сурикова «Карнавалъ», такъ называемая на мѣстѣ Цвѣточная баталія, была бы можетъ быть недурной, еслибы у человѣка (автора) были бы внутри ноты беззаботности, веселья, а главное, умѣнье сдѣлать молодое смѣющееся лицо молодымъ и смѣющимся. Краски же—колоритъ сильный, не бездарный. Но уже очень подражаетъ Рѣпину, по крайнѣй мѣрѣ, кажется.

Прилагаю при семъ вырѣзку изъ газетки одной — «Петербургской Газеты», понедѣльникъ 11-го февраля 85, № 40. Прочтите — можетъ быть не худо сказать кое-что въ отдѣлѣ «Среди газетъ». Заподозрѣванія,

киванія, утвержденіе, что ничего нѣтъ, а смотрите: даже и по его мнѣнію что-нибудь и окажется. Но главное все таки въ томъ, что̀ онъ говоритъ въ началѣ. Называетъ имена, которыя никогда и не были въ числѣ членовъ, никогда и не выставляли своихъ картинъ на передвижной выставкѣ и всегда относились съ недоброжелательствомъ, или, по крайней мѣрѣ, равнодушіемъ. И потомъ, не худо киваніе, что кто-то хранитъ ревниво этюды Полѣнова подъ замками (а онъ видалъ), тогда какъ они только утромъ въ воскресенье, въ день открытія, пришли изъ Москвы. Да и насчетъ иностранцевъ не худо. Словомъ, за вкусъ не ручаюсь, а горячо будетъ! И кто это лаетъ? Очевидно, близко знающій кого-либо изъ міра художниковъ.

Ка̀къ жаль Аксакова, ка̀къ жаль! Во всякомъ случаѣ, это единственный авторитетный голосъ, неумытно высказывавшій правду сильнымъ міра сего.

CCCXV. Къ неизвѣстному *).

16-го февраля 1885 г.

Вчера *** выразилъ свое мнѣніе о картинѣ Рѣпина, и тѣмъ поднялъ вопросъ о значеніи этой картины.

Прошу ваше—ство меня великодушно простить, что я позволяю себѣ утруждать васъ прочтеніемъ нижеслѣдующаго личнаго моего мнѣнія.

Буду говорить коротко и рѣзко.

Царь убилъ своего сына. Фактъ историческій. Можно ли показывать такую картину народу? И да, и нѣтъ. Да — когда въ картинѣ все сказано, что̀ психически за поступкомъ слѣдуетъ. Нѣтъ — когда картина одностороняя. Картина Рѣпина неодностороняя. Подробности событія можетъ прочесть всякій грамотный въ Русской исторіи. Но это вовсе не то, что картина. Картину убійства, даже будь она изображена вѣрно исторически, нельзя показывать, если въ ней нѣтъ чего-то, чего въ исторіи могло и не быть, а именно: вывода, цѣли.

Говорятъ: «ужасно!» Убійство всегда ужасно. Но нѣкоторая часть преступленій совершается и потому еще, что убійцы въ спокойномъ и нормальномъ теченіи своей жизни имѣли мало случаевъ получить ясное представленіе о фактѣ. Я чувствую, что это объясненіе можетъ показаться шаткимъ, лекарство нѣсколько фантастическимъ. Но ваше—ство, я слишкомъ глубоко люблю искусство, слишкомъ дорожу его высокимъ воспитательнымъ значеніемъ, чтобы легкомысленно относиться съ одобреніемъ къ

*) Съ черноваго отпуска. *Ред.*

картинамъ направо и налѣво. Кромѣ того, я слишкомъ различенъ по своимъ художественнымъ инстинктамъ отъ Рѣпина,—и, не смотря на то, я утверждаю, что его картина, въ концѣ концевъ, имѣетъ честное воспитательное значеніе. Въ чемъ очевидная тенденція картины? Ужасъ послѣдняго градуса отца, и параллельно — кроткое любовное чувство сына. Иначе картину никто не прочелъ, иначе и прочесть ее нельзя. Что же тутъ дурного?.. Говорятъ, погрѣшность противъ эстетики? Извините, но это послѣднее менѣе уважительно, нежели то рѣшеніе, которое даетъ Рѣпинъ своей картиной. Не знаешь, кого больше жаль въ картинѣ. По рѣшенію Рѣпина, этотъ Иванъ Грозный, это ужасное психологическое существо становится мнѣ близкимъ, дорогимъ, и я все понялъ, простилъ все; для меня очевидно, что послѣ этой картины — число преступленій должно уменьшиться, а не увеличиться, потому что, кто разъ видѣлъ, въ такой высокой Шекспировской правдѣ — кровавое событіе, тотъ застрахованъ отъ пробужденія въ человѣкѣ звѣря...

Съ глубокой почтительностью и совершенною преданностью имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою И. Крамской.

CCCXVI. Къ А. С. Суворину.

16-го февраля 1885 г.

Подписываюсь съ удовольствіемъ, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, обѣими руками подъ вашей статьей. Это хорошо и вѣрно.

Поправки же, которыя я могу предложить, заключаются только вотъ въ чемъ. У васъ сказано: «Первоначальные итальянскіе художники писали нѣсколькими красками. Шли поколѣнія и явился яркій блестящій колоритъ венеціанцевъ». Слово «нѣсколькими» употреблять нельзя, потому что колоритность не зависитъ отъ бо̀льшаго или мѐньшаго количества красокъ; можно имѣть на палитрѣ всѣ краски, какія есть, и писать однотонно; и обратно, немногими красками можно получить множество разнообразныхъ нюансовъ, все равно какъ въ математикѣ, въ перестановкѣ цифръ. Чтобы было безспорно, надо сказать просто: «однотонно», и «шли поколѣнія, прежде чѣмъ» и т. д.

Передъ именемъ Куинджи, мнѣ кажется, надобно осторожно и точно сказать: что у насъ въ Россіи, въ отдѣлѣ пейзажа, до Куинджи никто не былъ такъ чувствителенъ къ весьма тонкой разницѣ близкихъ между собою тоновъ, и, кромѣ того, никто не различалъ въ такой мѣрѣ, какъ онъ, какіе цвѣта дополняютъ и усиливаютъ другъ друга.

«Благодаря этой способности, зеркальность воды у него доходила до

обмана и лунный свѣтъ до очарованія. Онъ это нашелъ» и т. д..., какъ у васъ.

Вотъ и все. Превосходно, вѣрно, хорошо. Увѣряю васъ, что такъ еще никто у насъ не говорилъ о живописи. Это вы увидите и услышите.

Вашъ И. Крамской.

CCCXVII. Къ нему же.

18-го февраля 1885 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Невѣрное или не совсѣмъ точное сравненіе, разумѣется, не хорошо, и даетъ много поводовъ къ возраженіямъ, но неточное сравненіе—преступленіе вовсе неважное, сравнительно съ предвзятымъ и завѣдомо намѣреннымъ нежеланіемъ отнестись къ вопросу безпристрастно. Достаточно одного имени Григоровича, чтобы понять, что ему именно статьи ваши не понравились, и почему.

Но это не важно, и весьма мало интересно. Важно умѣть возразить и отвѣтить по существу. Я изложу здѣсь, чтó художники разумѣютъ подъ извѣстными терминами (да и то не всѣ: и у нихъ бываютъ безконечные споры), для того, чтобы вамъ было удобнѣе переводить на литературный языкъ. Повторяю чрезвычайно удачную параллель.

Колоритъ въ тѣсномъ смыслѣ—это то, чтó вы говорите о крышѣ, покрытой снѣгомъ.

Колоритъ, въ болѣе обширномъ смыслѣ—общая гармонія цѣлаго полотна, гармонія не выдуманная, а отвѣчающая законамъ сочетанія дополнительныхъ цвѣтовъ. Но колоритомъ называютъ иногда также и способность подбирать цвѣта, какъ букетъ (Маковскій, Константинъ)—это низшая степень чувства колорита. Чаще всего слово «колоритъ» Д. В. Григоровичъ употребляетъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Онъ полагаетъ, что Маковскій прирожденный колористъ; по общепринятому же мнѣнію художниковъ, Маковскій—красоченъ.

Художникъ-колористъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, будетъ тотъ человѣкъ, который находитъ на палитрѣ именно тотъ тонъ и цвѣтъ, какой въ дѣйствительности есть, или какой онъ бóльшему числу людей кажется. Объективный колоритъ также рѣдко встрѣчается, какъ и безпристрастіе. Подъ тономъ въ живописи разумѣютъ или цвѣтность, или силу (т. е. пропорціональное отношеніе свѣта къ полутонамъ и тѣнямъ); чаще же всего подъ тональностію подразумѣваютъ и то, и другое вмѣстѣ.

Рисунокъ въ тѣсномъ смыслѣ—черта, линія, внѣшній абрисъ; въ настоящемъ же смыслѣ это есть не только граница, но и та мѣра скульптурной лѣпки формъ, которая отвѣчаетъ дѣйствительности. Слишкомъ

углубленныя впадины, или излишне выдвинутыя возвышенности суть погрѣшности противъ рисунка. Совершеннѣйшій рисунокъ будетъ тотъ, въ которомъ плоскости и уклоненія формъ вѣрно поставлены другъ къ другу, и величайшій рисовальщикъ будетъ тотъ, кто особенность всякой формы передаетъ столь полно, что знакомый предметъ узнается весь по одной части. Рисунокъ чаще достигаетъ объективности, нежели краска.

И, наконецъ, сочиненіе, композиція.

Слово композиція—слово безсмысленное въ настоящее время. Композиціи именно нельзя и не должно учить, и даже нельзя научиться до тѣхъ поръ, пока художникъ не научится наблюдать, и самъ замѣчать интересное и важное. Съ этого только момента начинается для него возможность выраженія, подмѣченнаго по существу; и когда онъ пойметъ, гдѣ узелъ идеи, тогда ему остается формулировать, и композиція является сама собою, фатально и неизбѣжно, именно такою, а не другою. Словомъ, въ этой послѣдней части, произволъ менѣе всего терпимъ въ настоящее время. Теперь—есть ли правда въ вашемъ сравненіи колорита въ живописи со слогомъ въ литературѣ? Безспорно есть, и огромная. Но какъ всякое сравненіе, оно кое-гдѣ и не совпадаетъ. Оговоривъ кое что, смѣло можно продолжать въ начатомъ тонѣ. Я желалъ бы знать, синонимы ли въ литературѣ слова: слогъ и стиль? Они часто употребляются какъ однозначущіе, и вы сами въ письмѣ (настоящемъ) ихъ употребили въ этомъ же смыслѣ, а между тѣмъ мнѣ кажется, они не совсѣмъ однозначущіе. Стиль (перо) есть манера выражаться; слогъ же, включая въ себя манеру, обнимаетъ и общій характеръ понятій автора о внѣшнемъ мірѣ. Это, стало быть, и будетъ то самое, чѣмъ полотно останавливаетъ на себѣ глазъ зрителя прежде всего, прежде, чѣмъ человѣкъ успѣетъ, такъ сказать, опомниться. То, что̀ я сказалъ, разъясняетъ ли вамъ что-нибудь въ занимающемъ васъ вопросѣ? Вы видите, что я не слѣдую Вагнеру, и не беру подобій изъ области литературы параллельно съ живописью: это вы лучше моего сдѣлаете, когда отдадите себѣ ясный отчетъ, что̀ именно извѣстное слово выражаетъ.

То̀ же, что ваши статьи имѣютъ вредное вліяніе и на самихъ художниковъ, есть не болѣе, какъ припѣвъ къ главной пѣснѣ, о вредномъ вліяніи статей на учениковъ Академіи. Это я уже слышалъ. Тамъ такъ больно почувствовали ударъ (о лекціяхъ профессоровъ передъ картинами на передвижной выставкѣ), что идетъ буря. По крайней мѣрѣ — волнуются.

Всѣ, кромѣ Григоровича, вамъ говорятъ, что колоритъ нельзя уподоблять слогу? Хорошо, поправьте для нихъ, присоедините рисунокъ, по которому, какъ по канвѣ узоры, наложены тоны и краски. Рисунка, такъ сказать, никто не видитъ (это скрытый факторъ), а внѣшность картины—всѣ. Слово «техника» тутъ ничего не поможетъ, потому что это есть только

манипуляція. Слово же «колоритъ»—помогаетъ. Особенно, если колоритъ взятъ въ смыслѣ общей гармоніи и эффекта, дѣйствующихъ на глазъ. Мы теперь исправляемся, пока, въ мѣстномъ колоритѣ, но это ступень къ общему. Поправка полезна для успокоенія огромнаго числа чистосердечныхъ и совѣстливыхъ тупицъ, но она, конечно, излишняя для лицемѣровъ, какъ знаете. Уважающій васъ И. Крамской.

CCCXVIII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 18-го февраля 1885 года.

Сейчасъ, послѣ отправленія къ вамъ письма, имѣлъ разговоръ съ Брюлловымъ, Мясоѣдовымъ, Куинджи, Лемохомъ и многими другими. Шла рѣчь о томъ, хорошо ли вы сдѣлали, проведя параллель, и сравнивая слогъ съ колоритомъ, и вообще, удачная ли это пераллель или нѣтъ? Рѣшительно всѣ находили это сравненіе удачнымъ. Несогласные съ этимъ литераторы обвиняютъ въ этомъ, конечно, односторонность художниковъ, какъ, въ свою очередь, и художники могутъ отнести раздраженіе литераторовъ на счетъ ихъ односторонности. Но сущность разговора нашего заключалась въ слѣдующемъ. Говорить съ точки зрѣнія художественнаго критика, какъ таковаго, и употребить это сравненіе, будетъ лишное, потому что всякая область искусства, кромѣ главныхъ общихъ положеній и законовъ творчества, одинаковыхъ для всѣхъ родовъ, въ своихъ деталяхъ будетъ по существу различна. И потому, говоря о живописи, нельзя брать термины изъ другой области, потому что каждая область богата своими.

Но съ точки зрѣнія литератора на живопись, точки зрѣнія для насъ чрезвычайно интересной и поучительной, уподобленіе, сдѣланное вами, не только удачно, но и помогаетъ болѣе вѣрному пониманію обѣихъ сторонъ. Затѣмъ, было высказано тутъ же опасеніе, что какъ бы вы не ослабили дальше значительность содержанія своихъ статей повтореніями и поправками (это говорилъ Куинджи, который находилъ, что «послѣ первой статьи о Рѣпинѣ возвращаться къ нему не слѣдовало. Такъ какъ вторая написана, очевидно, уже послѣ разговора съ кѣмъ-то, который «оказался съ вами не согласнымъ». Прозорливая шельма!).

Раздѣляя, до извѣстной степени, его мнѣнія, я и поторопился послать сіе, авось и это пригодится. Возраженія, оправданія и разъясненія можно сдѣлать и послѣ всего, если число печатныхъ возражателей будетъ того стоить, а убѣждать печатными разъясненіями тѣхъ, кто говоритъ только съ вами, опасно. Возражатели и не согласные всегда имѣютъ возможность исчезнуть какъ дымъ, и вы ихъ не достанете. Вашъ И. Крамской.

CCCXIX. Къ нему же.

19-го февраля 1885 г., Спб.

То, что̀ вы сегодня написали объ историческихъ картинахъ, уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, рѣшительно прекрасно, и намъ, художникамъ, необходимо. Я положительно оказываюсь правъ, желая, чтобъ писали не присяжные критики, если ихъ нѣтъ. Это чудесно! Вотъ онъ разборъ идей, безъ вторженія въ область узкой спеціальности. Объ этомъ уже было довольно насказано;—разныя тамъ прозрачности воздуха, легкость кисти, и т. д., и т. д., словомъ, чепуху и мы умѣемъ городить, а вотъ вывернуть на изнанку человѣческую напыщенность, показать до очевидности глупость сочиненія, развязать уму руки и потребовать отъ него, чтобы онъ не морочилъ людей—вотъ это хорошо. Спасибо вамъ, что́ за прелесть разборъ картины Неврева, Литовченки, Милорадовича и Янова. Милорадовичъ молодъ, и не безъ таланта (хотя его талантъ и безъ тонкости), ему это послужитъ въ прокъ. Янова одна могила исправитъ, хотя и онъ молодъ — но виноватъ тѣмъ, что...., а остальное очень поучительно для всѣхъ художниковъ, и то, что́ о немъ сказано, очень намотаютъ себѣ на усъ всѣ художники. И ка̀къ, въ сущности, оказывается легко (для человѣка, смекающаго, что̀ такое творчество, и что̀ такое идеи) разобрать критически драму, картину, игру актера... Положительно я правъ, и потому ликую. Только не спускайте тонъ, не виляйте передъ знакомымъ именемъ: увѣряю васъ, хорошо будетъ, и поучительно.

Уважающій васъ И. Крамской.

Видѣлъ и я мейнингенскую труппу; я видѣлъ «Цезаря» въ послѣдній разъ, и радъ, что удалось достать билетъ. Вотъ доказательство того, что пьеса должна быть сама по себѣ поразительна и имѣть общій смыслъ, а не отдѣльныя роли, а также указаніе на возможность обходиться безъ солистовъ, которые такъ привыкли къ болѣе яркому освѣщенію своей особы, что часто извращается смыслъ пьесы, благодаря имъ. Что̀ это за восторгъ сцена форума! Эти рѣчи, особенно Марка Антонія! Ка̀къ поразительно дѣйствуетъ наростаніе народнаго волненія; и ка̀къ очевидно становится изъ пьесы, что дѣло Юлія Цезаря было дѣло прогрессивное, а этихъ республиканцевъ — негодное, хотя они и употребляли съ большимъ чувствомъ, искренно, слова: «отечество, Римъ, народъ»... Нѣтъ, дѣло Цезаря было дѣломъ дѣйствительно народа, и на его сторонѣ исторія. А вѣдь ка̀къ скверно играютъ актеры въ сущности, даже Барнай! А въ результатѣ художественное наслажденіе самаго высокаго порядка! Точно у Господа Бога въ исторіи... Хорошо сыграетъ отдѣльное лицо, или дурно, это не мѣняетъ общаго впечатлѣнія исторіи. Чудесно! Хотѣлось бы еще, да выходитъ по-

вечерамъ опасно. Кашель усиливается. Интересно, будетъ ли это событіе имѣть вліяніе на ходъ постановки пьесъ на нашихъ сценахъ? А какъ вы думаете, можно ли, даже при желаніи, безъ особо талантливаго режиссера, достигнуть такихъ же результатовъ?

Какая гадость напечатана, кажется вчера, въ «Минутѣ». Говорятъ, что Рѣпинъ укралъ сюжетъ у какого-то... вы думаете: художника? Нѣтъ, у студента! И этотъ студентъ теперь объ этомъ заявляетъ. Чортъ знаетъ, что такое!

CCCXX. Къ нему же.

20-го февраля 1885 г., Спб.

Какія вы интересныя вещи говорите, Алексѣй Сергѣевичъ, и какіе жгучіе вопросы для художника поднимаете, еслибы вы знали! Вѣдь почему я писалъ вамъ спасибо, и почему я сказалъ: не спускайте тона? Я сказалъ это потому, что обрадовался, встрѣтивъ въ первый разъ рѣчь, обращенную къ художнику, какъ къ взрослому: «Что̀ это ты, милый человѣкъ, дѣлаешь кислятину вмѣсто Никона? Эдакъ не годится. Пачкать не полагается. Или, коли ты глупъ, сиди смирно и не смущай людей». Вѣдь вы же удостоили Неврева, отдавъ ему похвалу, что онъ взялъ, или умѣлъ взять, сюжетъ: и будетъ съ него. Но, что̀ до сихъ поръ сходило за историческую живопись! Это ужасъ! Жаль, что вы не знаете исторіи русской живописи, не то̀ бы вы еще сказали. Давно пора съ русскими художниками повести рѣчь о томъ, что искусство не баловство. Замѣчаете, что я самъ же напрашиваюсь на критику, тогда какъ въ прошломъ году, послѣ статьи Булгакова, жаловался на высокомѣрный тонъ. Но тамъ было, кромѣ высокомѣрія, еще и вранье. Напримѣръ, общій обзоръ сводился къ тому, что картины задворковъ съ курами и пѣтухами преобладаютъ?! Тогда какъ; вотъ вамъ Христосъ, ни одного пѣтуха и ни одной курицы даже и на выставкѣ не было!

Это вы вѣрно замѣтили, что у Рѣпина есть что-то родственное съ Рембрандтомъ. Пріятно было также узнать, что вы были въ Эрмитажѣ. Вы удивляетесь, куда дѣвалась эта удивительная живопись? Я вотъ тоже всю жизнь стою дуракомъ передъ этой живописью и тоже вопрошаю! Это очень жгучее и больное чувство. Ужасно обидно, что мало того, что далеко, а хуже — дорожка туда совсѣмъ потеряна. Далеко, далеко еще до зрѣлости. Конечно, и наша зрѣлость наступитъ въ свое время. Ну, вотъ я и порадовался въ этомъ году. Вѣдь я же писалъ вамъ о Рѣпинѣ (въ первый разъ), что русское искусство въ немъ, и то въ этой картинѣ, созрѣваетъ. Это не болѣе того, какъ первый зрѣлый плодъ.

Къ старой живописи воротиться рѣшительно невозможно. Почему невозможно? Должно быть потому же, почему молодость бываетъ только однажды, почему невинность, потерянная разъ, не возстановляется. Но вѣдь Господь Богъ устроилъ такъ, что кромѣ благоухающей поэзіи есть, и остается всю жизнь, мысль, чувство, благородные порывы и негодованіе къ злу. Ну, что́ же, удовольствуемся этимъ. Лишь бы не терялъ художникъ чутья.

Что̀ касается намѣченныхъ вами сюжетовъ изъ исторіи, борьбы двухъ началъ и деспотій, то это очень вѣрно и хорошо, только это еще далеко. Скажите, много людей въ образованномъ русскомъ обществѣ, которые бы имѣли ясное представленіе о смыслѣ совершавшихся событій въ до-Петровской Руси? Если много, на каждомъ шагу—то близко время историческихъ картинъ, въ томъ смыслѣ, ка̀къ вы пишете; а если ихъ немного, то....... «подождать надо!» Придется довольствоваться спорадическими явленіями. Преемственности, традиціи и начала еще нѣтъ. Только въ одной области живописи было нѣкоторое ея подобіе (говорю: было, увидите почему). Ѳедотовъ, Перовъ, Маковскій Владиміръ и...... больше нѣтъ, да, кажется, и не будетъ. Почему? Да потому, что Академія имѣетъ гораздо бо̀льшее вліяніе на русское искусство, чѣмъ думаютъ. Ѳедотовъ явился отраженіемъ литературы Гоголя*), былъ явленіемъ наивнымъ, неожиданнымъ и единымъ. Въ то время изъ оффиціальнаго міра никто не давалъ значенія этому явленію; когда же Ѳедотовъ сталъ слишкомъ живо интересовать, настолько живо, что сталъ угрожать величію чистоты стиля, отъ него была отнята поддержка, на него возстали, и онъ былъ раздавленъ. Перовъ проскользнулъ по недоразумѣнію, имѣлъ правительственную поддержкку тоже по ошибкѣ, и только Маковскій (В.) удержался еще, и держится до сихъ поръ, благодаря тому, что два предшественника укатали дорогу до извѣстной степени. Да и потому еще, что онъ миновалъ вовсе Академію. Но ужъ теперь шабашъ — изъ школъ не можетъ выйдти ни одинъ наблюдатель жизни, его охолостятъ еще при посвященіи. Такъ что, къ тому времени, когда человѣкъ обыкновенно созрѣваетъ, этакъ къ 30-ти годамъ, у него и признаковъ живого отношенія къ дѣйствительности не останется. Ну, да это старая пѣсня! А поновѣе вотъ въ чемъ заключается: въ томъ, что направленіе Ѳедотова, Перова и Маковскаго, въ значительной мѣрѣ не живописное, а литературное. Художники же (говоря вообще) развиваются умственно, и развиваются въ художественности. Этого, положимъ, еще на дѣлѣ не видно, но надо знать среду, чтобы со-

*) И. Н. Крамскому былъ, повидимому, неизвѣстенъ тотъ фактъ, что Ѳедотовъ не любилъ Гоголя, и даже мало зналъ его. *Ред.*

гласиться съ этимъ. Теперь каждый молодой и талантливый художникъ, во 1-хъ, старается поскорѣе отдѣлаться отъ Академіи, и начинаетъ уже ломать себѣ голову, который изъ сюжетовъ можетъ быть исчерпанъ живописью, и который нѣтъ? Разъ толчекъ данъ, очевидно поворотъ близокъ. Вы, быть можетъ, замѣтили на выставкѣ у насъ картину Костанди: «Въ люди» — деревенская дѣвка ѣдетъ въ вагонѣ 3-го класса и смотритъ въ раскрытое окно. Объ этой картинкѣ можно говорить по многимъ причинамъ: во 1-хъ, написана она удивительно колоритно, въ смыслѣ вѣрности красокъ, и потомъ — мотивъ довольно тонкій. Въ немъ есть національная черта: литературно-художественность, но въ такой безобидной для обѣихъ сторонъ пропорціи, что можно было бы эту вещь назвать картиной, будь тамъ потверже рисунокъ головы, а главное, еслибы типъ былъ бы изъ тѣхъ, которымъ можно навязывать задумчивость о будущемъ; а то она ужъ очень Афимья или Акулина.

Нѣтъ спора, въ жизни и съ такимъ носомъ можно глубоко чувствовать и задумываться, но для картины — подозрительно. А написано прекрасно. Свѣтъ въ окнахъ до обмана, сѣрые тоны вагона легки, синяя рубашка — прекрасно!

Если вы познакомились съ Рѣпинымъ, попробуйте его подвинчивать въ пользу Никона, Филиппа, Грознаго и т. д. Насколько я его знаю, у него (кажется) нѣтъ опредѣленныхъ воззрѣній. А, впрочемъ, ктò скажетъ будущее? У меня, лично, много разъ вертѣлся въ головѣ тенденціозный сюжетъ (по моему). Это, когда Филиппъ въ соборѣ говоритъ Ивану съ опричниками: «Пошелъ вонъ, не дамъ тебѣ креста цѣловать! Ты весь въ крови!» Это Грозному-то! И нашелъ же случай, когда возвысить голосъ, при народѣ...... Ну, конечно, ему потомъ досталось, но это былъ положительно гражданскій подвигъ. Гè хотѣлъ писать картину «Алексѣй Михайловичъ извиняется за Грознаго передъ мощами Филиппа и клянется за себя, что будетъ послушенъ». И когда онъ, будучи въ Москвѣ, былъ въ ризницѣ Успенскаго собора, и разговаривалъ съ монахами о сюжетѣ, то они его облобызали!!.... Можно подумать, что они Никона помнятъ! Но всѣ такія попытки только экскурсіи въ область курьезовъ, а не возвращеніе домой.

Про себя могу сказать, что я мало или вовсе не занимался этими сюжетами, но понимать, очень хорошо понимаю ихъ интересъ и значеніе.

Преданный вамъ И. Крамской.

CCCXXI. Къ нему же.

Спб., 21-го февраля 1885 г.

Чѣмъ дальше читаю, уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, тѣмъ лучше. О Клодтѣ и его Татьянѣ—неожиданно хорошо. И какой же я дуракъ, что повѣрилъ на одну минуту, что вы будто бы въ затрудненіи послѣ разговора съ Д. В. Григоровичемъ! Но въ письмѣ вашемъ стояло одно слово: «Помогите». Ничего не нужно помогать, вотъ именно это-то и нужно художникамъ, что́ вы пишете. Еще ни разу съ художниками не говорили такимъ тономъ и съ такой точки зрѣнія. Вы признали за художникомъ права на творчество, въ такой же мѣрѣ, какъ и за писателемъ, и отсюда неисчислимыя послѣдствія. Художественные же критики критиковали самый холстъ, да еще высокомѣрно. Вы разбираете идеи художника, его голову—вотъ что важно и, повторяю, нужно. Вашъ И. Крамской.

CCCXXII. Къ нему же.

Спб., 26-го февраля 1885 г.

Если обо мнѣ вы отозвались, уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, какъ и о прочихъ, безпристрастно, то мнѣ остается только радоваться за общій результатъ. Статьи ваши дѣйствуютъ, какъ хорошій, освѣжающій душъ, какъ на тѣхъ, кому, что́ говорится, досталось, такъ и на тѣхъ, кого погладили по головкѣ. Не распространяясь о послѣдней статьѣ, какъ меня касающейся, я все-таки считаю нужнымъ оговорить то, что̀ у васъ или не вылилось какъ слѣдуетъ, или, быть можетъ, въ этой области вы не все разобрали. Я говорю о тенденціозности въ искусствѣ. Можетъ быть, тутъ надо взять другое слово, но вотъ гдѣ пункты нашихъ разногласій. Я говорю, что русское искусство тенденціозно; при этомъ я разумѣю слѣдующее отношеніе художника къ дѣйствительности. Художникъ, какъ гражданинъ и человѣкъ, кромѣ того, что онъ художникъ, принадлежа извѣстному времени, непремѣнно что-нибудь любитъ и что-нибудь ненавидитъ. Предполагается, что онъ любитъ то, что́ достойно, и ненавидитъ то, что́ того заслуживаетъ. Любовь и ненависть не суть логическіе выводы, а чувства. Ему остается быть только искреннимъ, чтобы быть тенденціознымъ. Затѣмъ, русскій художникъ, всякій разъ, когда ему приходится формулировать свою любовь, или ненависть, не лжетъ на форму: онъ до сихъ поръ всегда умѣлъ быть объективнымъ въ этой области. Если же форма иногда не удовлетворяетъ, то вовсе не изъ тенденціозности, а потому просто, что художникъ не сладилъ, и только. Мнѣ не совсѣмъ пра-

вится, что вы взяли слово «отдохновеніе», говоря о роли искусства среди каторжной современной жизни. Искусство имѣетъ самостоятельную роль, и какова бы ни была современная жизнь, каторжная или нѣтъ, задачи искусства могутъ и не совпадать съ успокоеніемъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что творческое искусство (какова бы его самостоятельная роль ни была и что́ бы я ему ни навязывалъ) должно обладать силой гармонично настраивать человѣка. Если этого качества въ искусствѣ нѣтъ, оно, несомнѣнно, дурно исполняетъ свою задачу.

Чтобы освѣтить окончательно мое главное положеніе въ философіи искусства, я долженъ сказать, что искусство грековъ было тенденціозно, по-моему. И когда оно было тенденціозно, оно шло въ гору; когда же оно перестало руководиться высокими мотивами религіи, оно, сохраняя высокую форму еще нѣкоторое время, быстро выродилось въ забаву, роскошное украшеніе, а затѣмъ не замедлило сдѣлаться манернымъ, и умереть. Точь-въ-точь тѐ же повторилось и во времена Возрожденія въ Италіи, и позднѣе, въ Нидерландахъ. Но это весьма длинная матерія. Я только этимъ поясняю, что̀ я разумѣю подъ тенденціозностью.

О портретахъ же тенденціозныхъ я, признаюсь, вовсе не слышалъ, и вы правы (спасибо вамъ), говоря, что то, что̀ кажется тенденціознымъ, есть только неудачное. Два слова вотъ о чемъ. Я все настаиваю на необходимости тенденціи въ искусствѣ, ка̀къ я ее понимаю. Но вотъ мое горе— и я долженъ сказать, горе всего современнаго искусства: в̀о имя чего искусство должно дѣлать (т. е. обязано) подвиги? Что̀ за идеалъ, къ которому необходимо стремиться? Есть ли у современнаго человѣка этотъ идеалъ, который бы для него былъ столь же святъ, какъ Богъ для Давида? И не потому ли хочется что-нибудь найти ласковое въ искусствѣ, что родной матери нѣтъ, нѣтъ того Бога, около котораго могла бы собраться семья? Нѣтъ той пѣсни, при звукахъ которой забились бы восторгомъ всѣ сердца слушателей. О да, трудно теперь художнику! Клянусь, не легче и ему противъ тѣхъ, у кого ежедневная каторжная работа нервовъ, мозга и мускуловъ. Преданный и уважающій васъ И. Крамской.

CCCXXIII. Къ нему же.

Спб., 27-го февраля 1885 г.

Я не писалъ, уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, о статьяхъ вашихъ, касающихся портретовъ, потому, что послѣ первой—о тенденціозности, нечего было сказать, а такъ сказать «подождать было надо»; послѣ же вчерашняго немедленно написалъ, и вы, вѣроятно, получили уже мое довольно подробное сказаніе.

Послѣ сегодняшняго вашего письма, гдѣ вы упоминаете о женскомъ портретѣ, маленькомъ, я, еслибы меня спрашивали, указалъ бы на портретъ, о которомъ никто не заикается. Это портретъ молодого Кларка. Изъ этого можно судить: насколько отдаетъ отчетъ самъ себѣ художникъ. И въ то же время ошибается, быть можетъ. По-моему, это самая простая и правдивая голова. Конечно, портретъ Толстого разителенъ, и еслибы вы его видѣли хотя разъ, то вамъ бы было даже смѣшно; притомъ онъ взятъ энергично, и написанъ скоро, съ огнемъ, такъ сказать—если вникнуть въ технику: это, конечно, и подкупаетъ. Но портретъ молодого человѣка до того труденъ, физіономія такая тонкая, что съ наскоку ничего не сдѣлаешь. И потому мнѣ самому этотъ портретъ дороже всякихъ остальныхъ. Конечно, женская голова тоже трудная вещь, но если взять результатъ, окажется, что именно на этой головѣ критикъ долженъ бы былъ остановиться.

Но все это не важно, въ сущности. Человѣкъ умретъ, дѣла останутся, послѣ разберутъ. Много, очень много въ успѣхѣ художественномъ играетъ роли матеріалъ, изъ котораго художникъ что-либо дѣлаетъ. И благо тому художнику, который свой матеріалъ свободно избираетъ. Въ статьѣ о портретѣ то̂ хорошо, что вы поставили это дѣло въ рядъ самыхъ трудныхъ въ искусствѣ. Говоря о Татьянѣ, вы очень тонко замѣтили, что Клодту стоило взять какую-нибудь сцену, чтобы вышла вещь болѣе интересная, а что написать портретъ гораздо труднѣе, чѣмъ полагаютъ. Это очень вѣрно. И я не думаю, чтобы я, какъ глупый куликъ, свое болото хвалилъ бы потому, что оно свое.

Выставка закроется 17-го марта. Буду надѣяться, что вы не очень серьезно захворали.

И кто это вамъ сообщаетъ такія нелѣпости о цѣнахъ за картины художниковъ? Мещерскій продалъ свой пейзажъ за 1,500 р., а Волковъ «Первозимье» за цѣну нѣсколько высшую. Сначала онъ хотѣлъ 2,000, но такъ какъ долго и упорно торговались, то онъ и уступилъ, сколько—не знаю, но уступилъ.

Мещерскій, положимъ, очень много пишетъ картинъ и продаетъ; его любитъ публика, ну, а Волковъ только разъ въ годъ и продаетъ. Если продастъ на 5 тысячъ, то и слава Богу! Живи до слѣдующей выставки. Вообще, я вижу, досужихъ людей очень много на свѣтѣ!

А что̂, не надоѣло еще вамъ писать о выставкѣ? Мнѣ кажется, что вы и сами не ожидали, что такъ разростется!

Уважающій и преданный И. Крамской.

CCCXXIV. Къ нему же.

Спб., 27-го февраля 1885 г.

Алексѣй Сергѣевичъ. Вы какъ бы съ недовѣріемъ ставите вопросъ: правда ли, что художники интересуются тѣмъ, что̀ вы пишете? Ну, знаете, я не думалъ, что вы до такой степени далеки вообще отъ этого міра. Да и теперь пока не думаю, не смотря на нѣкоторыя наивности, напримѣръ боязнь «всей мысли». Это очень характерно. Да когда же вся мысль не нужна? Удивительно, до чего вѣрно было написано у васъ въ фельетонѣ «О бронзовыхъ головахъ». Вы уже во 2-й разъ говорите о томъ, что и я, ка̀къ и вы, самоучка во многомъ (это скромно: я думаю, что я самоучка во всемъ, кромѣ грамотности), и говорите, что я пойму васъ и то̀ затрудненіе, въ которомъ вы очутились, заговоривъ храбро о живописи; что въ незнакомой области приходится ходить ощупью, и бояться всей мысли. И потомъ эти споры, очевидно напирающіе на васъ со всѣхъ сторонъ, это-то и есть напоръ (смѣло говорю) «бронзовыхъ головъ». Куда отъ нихъ дѣваться? Неполное знаніе нехорошо, и даже, говорятъ, опасно. Можетъ быть, даже навѣрно. Но отсутствіе непосредственнаго чувства во сто разъ хуже; мало того, это конецъ — это бронзовая голова! Она все знаетъ, она знакома со всѣми теоріями и теченіями въ какой либо спеціальности... Напримѣръ Чуйко? Вы конечно его знаете, но знаете ли его сущность? Онъ занимался спеціально живописью, слушалъ въ Парижѣ Тэна, онъ знаетъ все, и что̀ значитъ композиція, и кто́ въ ней какія усовершенствованія сдѣлалъ, и кто̀ и когда, и гдѣ именно былъ настоящимъ выразителемъ задачъ живописи, ну, словомъ — мнѣ въ его присутствіи страшно; потому что я (ей-Богу) многаго не знаю:—напримѣръ, какіе художники принадлежатъ школѣ болонской и какіе флорентинской, но все же онъ — бронзовая голова, и больше ничего.

Ка̀къ я радъ, что вы пришли къ неизбѣжному выводу, послѣ оглушающаго васъ спора, и выводу, какъ вы говорите, твердому: «Всѣ ходятъ въ потемкахъ, и всѣ выѣзжаютъ на эстетикѣ, которая къ тому же всѣмъ мало извѣстна». Это чудесно. Именно прибѣжище — эстетика! Тутъ можно наговорить съ три короба, и положительно нѣтъ никакой возможности никому выловить ничего существеннаго, прочнаго, а главное, столь очевидная, какъ дважды два четыре. Да и наврать на Гегеля, Лессинга, Винкельмана безнаказанно можно.

Вотъ вамъ эстетика. Она бываетъ всякая: нѣмецкая, русская, французская и т. д. Не угодно ли убѣдиться?

Кнаусъ — нѣмецкій великій человѣкъ. Онъ написалъ «Художника на этюдѣ». Не помню, какое животное, во время работы художника, подошло

со стороны холста (такъ что его не было видно) и опрокинуло мольбертъ, холстъ, краски и проч... Обоюдное изумленіе и художника и животнаго. Онъ написалъ: «Игру въ карты рабочихъ въ тавернѣ». Онъ написалъ: «Крестины», «Похороны», «Еврейчика съ карбованцемъ» и т. д., все вещи эстетическія. Русскій Перовъ написалъ «Учитель рисованія». Французскій Тульмушь—«Въ библіотекѣ четыре барышни разсматриваютъ книжки съ картинками». Месоньè — весь приличенъ до-нельзя.

Гоголь, Достоевскій (даже Тургеневъ) брали и смѣли брать вещи, о которыхъ въ гостиныхъ говорить неприлично.

Нѣмецкій, англійскій и французскій художники предпочитаютъ обходить эти вопросы. Чтò правильно и чтò нѣтъ? Въ какихъ случаяхъ эстетика страдаетъ? Кто это разрѣшитъ? Жаль, что я о такомъ вопросѣ взялся упоминать въ коротенькой записочкѣ. А ужъ эта мнѣ эстетика! Она и мнѣ въ послѣднее время дала себя знать тоже! Только разговоры у меня объ эстетикѣ все были не съ художниками, а съ... генералами! Можете себѣ представить, кáкъ это было плодотворно? Я, впрочемъ, предлагаю всякому подать голосъ за уничтоженіе картины. Храбрыхъ до конца при этомъ останется собственно немного.

Только не скучайте до конца; а потомъ, позвольте мнѣ подвести итоги— чтò вы сказали новаго, и чтò художники слышали въ первый разъ.

Вашъ И. Крамской.

CCCXXV. Къ нему же.

7-го марта 1885 г.

...Академія приготовилась открыть выставку, пригласила Государя Императора, и, какъ говорятъ, мотивировала просьбу желаніемъ, чтобы Государь соблаговолилъ указать, не нужно ли что-нибудь исключить... Совѣтъ же, раньше, собственной властью, удалилъ съ выставки одну картину своего заграничнаго пенсіонера, кажется, Горскаго: «Смерть жены Кудеяръ-хана», и мало того, что удалилъ картину, но и постановилъ: «Лишить автора пенсіонерства за то, что онъ взялъ такой сюжетъ». (Пенсіонеръ пробылъ $1^1/_2$ года за границей и ему остается еще $3^1/_2$ года)... Выставка, вмѣсто объявленнаго срока 5-го марта, открылась 7-го, тоже вѣрно. Академія художествъ, какъ и Академія наукъ, имѣетъ привиллегію безцензурныхъ изданій, выставокъ, словомъ всего, чтò до искусства относится. Чтò же изъ всего этого послѣдовать можетъ?.. Академическая власть желаетъ скрыть картину и отъ Москвы, не желая знать, что будетъ горшій скандалъ, а именно: не видя картины на выставкѣ, Москва будетъ ломиться къ Третьякову. Поступить же прямо и честно запретить, какъ будто не

хотятъ... Но до сихъ мы ничего не знаемъ. Вотъ какое длинное повѣствованіе о мелочахъ, а между тѣмъ мнѣ нужно еще мѣсто для нѣкоторыхъ соображеній. Спрашиваю: что̀ значитъ, что оказалось много людей, которые ведутъ себя такъ, какъ будто Рѣпинъ нанесъ имъ лично жестокую обиду? По вопросу одной эстетики никогда дѣло не могло бы дойти до такого ожесточенія? Неужели одно появленіе вещи, далеко за уровень выходящей, способно поднять столько страстей? Какая тенденція картины Рѣпина? Самая мирная: ужасъ, доведенный до послѣдняго градуса въ убійцѣ и отцѣ, и, параллельно съ этимъ, кроткое прощающее чувство смертельно раненаго сына! Я спрашивалъ у генераловъ, ругающихъ картину: полагаютъ ли они, что зритель воспламенится желаніемъ пойти убивать?.. словомъ, увеличитъ ли эта картина число преступленій по ихъ мнѣнію, или нѣтъ?.. А нѣтъ, согласны... такъ зачѣмъ же запрещать? Прямая польза нравственная (это приблизительно я писалъ и X) требуетъ широкаго распространенія извѣстности этой картины?.. Это гадость!!!—Чѣмъ?—Иванъ звѣрь!—Хорошо, да вѣдь вамъ даже его, этого звѣря, жалко?—Да, конечно, но... оно не вѣрно!—Въ чемъ?—Да такъ вообще, и кровь-то не туда течетъ, и запачкать-то Иванъ голову свою не могъ, вѣдь этотъ жестъ (хватанье за голову), говорятъ они, предполагаетъ сознательное желаніе собраться съ мыслями, а Иванъ этого сдѣлать не могъ бы, онъ слишкомъ потерялся! Словомъ, цѣлый рядъ умныхъ соображеній! А забываютъ, что при разговорѣ по телефону, особенно въ первое время (пока не привыкли) кланяются, когда говорятъ другъ другу: «прощайте!» Вотъ сообразительные критики. Спрашиваю дальше. Говорятъ: все-таки «тенденція!» Прекрасно, пусть тенденція; а почему же никому въ голову не приходитъ волноваться, когда сталкиваются съ дѣйствительной тенденціей. На выставкѣ картина Неврева «Судъ надъ патріархомъ Никономъ». Царь Алексѣй, при несомнѣнномъ добродушіи, изображенъ такимъ смѣшнымъ... И ничего, никто не обращаетъ вниманія! Потомъ: того же Неврева была картина, два года тому назадъ «Иванъ Грозный убилъ боярина Гвоздева», Иванъ Грозный, при многихъ свидѣтеляхъ, убилъ; убитаго тащатъ, а Грозный царь звѣрски смѣется! Это ли еще не тенденція?! А между тѣмъ, ничего, всѣ видѣли, никто не возмущался тенденціей, и только находили, что сцена не совсѣмъ живая, и что еслибы немножко побольше естественности (разумѣй таланта), такъ и хорошо бы... Никто не заикнулся ни единымъ словомъ, что-молъ тенденція-то у художника того—разрушительная... Картина благополучно ѣздила и въ провинцію, и никому ничего не пришло въ голову. Но вотъ является картина, въ которой, кромѣ жизни настоящей, всесторонне и безпристрастно рѣшающей труднѣйшій психологическій мотивъ, отъ которой зритель отходитъ то просто

страшно пораженнымъ сценою убійства, то глубоко тронутымъ чѣмъ-то бо́льшимъ чѣмъ кровь... и во всякомъ случаѣ болѣе серьезнымъ, чѣмъ до знакомства съ картиною... Гвалтъ! Неужто приходится выводить одно: не смѣй быть талантливымъ! Это ужъ очень печально! Серьезно принять возраженія о неестественности и невѣрности нельзя, къ сожалѣнію, потому—рядомъ прорываются другія нотки!

Вѣдь приходится повѣрить разсказамъ, что будто бы Z сказалъ, что онъ не проститъ никогда передвижникамъ словъ, сказанныхъ ему: «Рекомендую вамъ картину Рѣпина!» И потомъ этотъ народъ, который такъ и валитъ на выставку, этотъ успѣхъ,—нѣтъ, это свыше нашего терпѣнія! И такъ, мы съ цензурой. Дождались. И какъ это происходитъ до глупости просто! Вашъ И. Крамской.

Я все это написалъ къ тому, что мало ли что̀ нужно будетъ говорить и имѣть въ виду въ будущемъ.

СССXXVI. Къ Н. А. Бѣлоголовому.

7-го марта 1885 г., Спб.

Глубоко уважаемый Николай Андреевичъ. Благодарю васъ сердечно за ваше любезное письмо. По вопросу, возбужденному вами, о маленькомъ портретѣ моемъ съ дочерью, я совѣтывался съ женою и домашними, и, по зрѣломъ и всестороннемъ разсмотрѣніи дѣла, на совѣтѣ постановили: признать мысль вашей супруги не только осуществимой, но даже полезной лично для меня, такъ какъ я, оставаясь въ маленькомъ видѣ, въ Ментонѣ, на постоянныхъ глазахъ вашихъ, несомнѣнно отдѣлаюсь отъ всѣхъ своихъ болѣстей. Оно, можетъ быть, не совсѣмъ остроумно, и во всякомъ случаѣ фантастично, но чудеса даже вами, людьми науки, допускаются... И такъ я остаюсь (въ изображеніи) подъ плѣнительнымъ свѣтомъ юга и въ готовомъ солнечномъ отопленіи, не требуя особаго помѣщенія и никого не тревожа.

Если я писалъ о портретѣ своемъ, то только въ виду того, чтобы онъ не попалъ въ чьи-нибудь руки, мнѣ постороннія; и, заговоривъ съ братомъ покойнаго Владиміра Михайловича *), Львомъ, я высказалъ это, а онъ уже вѣроятно и писалъ. Все устроилось прекрасно, и если вамъ пріятно удержать этотъ кусочекъ картона, я радъ доказать вамъ мою глубокую благодарность. Мнѣ было жаль узнать, что годъ этотъ былъ для васъ въ Ментонѣ скучнымъ; да вдобавокъ графъ Протасовъ измѣнилъ... и отъ чего бы это русскихъ было мало въ Ментонѣ? Неужели мы поправились здоровьемъ?

*) В. М. Жемчужниковъ. *Ред.*

Кстати о здоровьѣ. Мое здоровье все то же... впрочемъ—не совсѣмъ. Глубокой осенью я опять началъ кашлять и упорно. Первую половину зимы мнѣ было очень нехорошо; но съ поворотомъ солнца я сталъ какъ-будто оживать. Около того же времени я сталъ употреблять кокаинъ, и онъ моментально останавливалъ самый упорный пароксизмъ кашля (такъ сказать, на всемъ скаку) часа на три. Кашель начинается—я опять кокаинъ, и такимъ образомъ воевалъ, съ перемѣннымъ счастіемъ, какъ говорятъ боевые люди, и продержался до сегодня. Болей, извѣстныхъ вамъ, около сердца и у ключицы, невозобновлялось; приступы грудной жабы были часты (въ мѣсяцъ разъ, а иногда и два раза). Притупленіе въ верхней части праваго легкаго все въ одномъ положеніи—раіонъ не увеличился и звукъ безъ перемѣны (?). Іодоформъ принималъ въ ноябрѣ и октябрѣ, безъ видимаго результата. Потомъ всю зиму только паліативъ (кокаинъ) и вотъ живъ, даже не возбуждаютъ вопроса о необходимости выѣзда. Впрочемъ, на апрѣль и часть мая, я самъ думаю выѣхать въ Крымъ. А впрочемъ!... Сегодня у меня сидѣлъ генералъ Гурко, и въ разговорѣ коснулось моей поѣздки въ Ментону (по поводу портрета Жемчужникова, который теперь на выставкѣ). Я упомянулъ ваше имя... и Гурко очень оживился и вспомнилъ о васъ съ чувствомъ. Что я вамъ и передаю (по страсти моей къ сплетничанью).

Уважающій, благодарный и преданный И. Крамской.

CCCXXVII. Къ В. В. Стасову.

16-го марта 1885 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Сообщите мнѣ, пожалуйста, вотъ что: говоритъ ли что-нибудь Уэлэсъ Макензи, въ своей книгѣ «о Россіи», о галлереѣ картинъ Третьякова. Я совершенно забылъ это обстоятельство.

А затѣмъ, какъ зовутъ того француза, который писалъ о русской школѣ живописи (по поводу всемірной выставки 1878 г.), называя ее «школою Третьякова». Имя не помню. Только кажется не Шербюльѐ.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCCXXVIII. Къ А. С. Суворину.

19-го марта 1885 г., Спб.

Посылаю вамъ, глубокоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, справки: кто изъ иностранцевъ отзывался о русской школѣ живописи, какъ несомнѣнно

существующей: во-1-хъ, Вогюэ въ «Revue des deux mondes» (1882 г., ноябрь), и галлерея Третьякова названа тутъ богатой; во-2-хъ, «Берлинское Археологическое общество въ Римѣ», въ предисловіи къ альбому Иванова, а въ 3-хъ, кажется англичанинъ Арнсонъ *), а не Уэлесъ Макензи. Но послѣдняго подлиннаго отзыва отыскать не могъ; хотя твердо помню, что еще французъ какой-то во время всемірной выставки въ Парижѣ, въ 1878 г., именно говорилъ о Третьяковѣ, или, виноватъ, о русской школѣ, назвалъ ее «Третьяковскою». Названіе, какъ видите, нелѣпое и оно именно характерно, какъ доказательство несомнѣнно обозначающагося факта: нарожденія живописи, какъ школы, очевиднаго для наблюдающихъ иностранцевъ. Поэтому я не знаю, какъ быть съ этимъ: помѣстить въ возраженіи или нѣтъ? Сдѣлайте, какъ найдете лучше.

Я полагаю, что въ моемъ перечнѣ фактовъ о Третьяковѣ можно и слѣдуетъ выбросить добрую половину—все, что покажется вамъ несущественнымъ или повтореніемъ—все это выбросьте. Вашъ послѣдній отзывъ о выставкѣ—по-моему, прекрасенъ. Только забытъ (и совершенно несправедливо, даже больше — необходимо вспомнить) Ковалевскій на академической выставкѣ. Его «Тройки» и «На станціи» — чудесныя вещи, особенно «Тройки». Онѣ тамъ кажутся изъ другой оперы. Хорошъ также Дюкеръ.

Уважающій и преданный И. Крамской.

CCCXXIX. Къ П. М. Третьякову.

28-го марта 1885 г., Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Если содержаніе сего письма вамъ покажется чего нибудь стоющимъ, то сдѣлайте что-нибудь въ мою пользу у генералъ-губернатора.

Дѣло въ томъ, что сюда (теперь уже въ Москву) пріѣхалъ Антокольскій, и привезъ проектъ памятника Александру II. Показывалъ Государю и Императрицѣ, и, какъ онъ говоритъ, его проектъ Государь одобрилъ и отослалъ его къ Владиміру Андреевичу Долгорукову, съ моделью. Содержаніе его я знаю, онъ мнѣ самъ разсказывалъ, несмотря на то, что я ему сказалъ, что вѣдь и я имѣю проектъ.—«Это, говоритъ, ничего! тѣмъ болѣе, что я уже свое дѣло сдѣлалъ». Въ чемъ его проектъ состоитъ, вы увидите, такъ какъ онъ повезъ самую модель въ Москву. Очевидно, памятникъ этотъ не шутка. Оборвавъ своихъ пріятелей, я прямо перехожу къ тому, что и я имѣю проектъ, не только такъ, идеишку, но и рисунки, и,

*) Аткинсонъ. *Ред.*

слѣдовательно, предполагаю, какъ видите, что мой проектъ преферанснѣе. Каждому автору свойственно ошибаться.

Идея моя не выдумана. Я этотъ памятникъ видѣлъ въ натурѣ, во время коронаціи. Когда я увидалъ все, то я былъ просто пораженъ: — вотъ онъ памятникъ, его искать нечего!

Вотъ каковъ долженъ быть памятникъ, если хотятъ, чтобы онъ выражалъ смыслъ царствованія, удовлетворялъ бы чувство развитаго человѣка и былъ бы понятенъ народу, безъ объясненій.

На указанную площадь я выношу Тронный залъ, лишаю его стѣнъ и потолка, и оставляю только мозаичный полъ. На полу, къ короткой стѣнѣ, устраиваю Тронную площадку, на которую ведутъ 3—6 ступеней, и уже на эту площадку ставлю «Тронное мѣсто», а на него ставлю тронъ. Устраиваю нѣчто въ родѣ того, что̀ было устроено въ Успенскомъ соборѣ, при коронаціи, и тамъ ставлю Императора, во всемъ величіи самодержавія, въ коронѣ и порфирѣ, въ молитвенной позѣ. Опущенныя руки чуть-чуть выдвинуты впередъ, ладонями кверху, лицо смотритъ спокойно въ небо, и вся фигура какъ бы говоритъ: — «Ты видишь, Господи, что я все сдѣлалъ, что̀ могъ! Вотъ я, и народъ Твой, ввѣренный мнѣ Тобою, передъ лицомъ Твоимъ здѣсь!» Отъ трона идутъ 12 ступеней, прерванныя двумя площадками. На верхней два сановника держатъ: одинъ Государственное знамя, другой Государственный мечъ; пониже два кавалергарда, съ саблями наголо. Со всѣхъ же другихъ ступеней сошли исполнители Высочайшей воли, и остановились у подножія трона въ рядъ, лицомъ къ предполагаемому народу, а впереди ихъ, на самомъ краю тронной площадки, митрополитъ Филаретъ читаетъ народу манифестъ 19-го февраля. Протодіаконъ передъ нимъ держитъ самый пергаментъ, а возлѣ митрополита, у лѣвой руки, мальчикъ въ стихарѣ держитъ посохъ. Митрополитъ стоитъ на орликѣ. Между сановниками нѣкоторые держатъ еще акты, имѣющіе быть прочитанными послѣ перваго. На сторонѣ манифеста (который читаютъ), обращенной къ народу, написаны тѣ слова, которыя въ эту минуту произноситъ митрополитъ: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, русскій народъ!» Пока совершается эта церемонія, боковыя площадки (узкія), возлѣ трона, наполняются: съ одной стороны къ ногамъ главнокомандующихъ кладутъ свои сабли Шамиль и среднеазіяты, а съ другой—къ оберъ-церемоніймейстеру собираются представители народа русскаго и крестьяне польскіе съ хлѣбомъ съ солью (надѣленіе ихъ землею), а въ концѣ болгары съ образомъ. Въ концѣ Троннаго мѣста, у спинки, по обѣимъ сторонамъ, два герольда (то есть по одному) и, наконецъ, чтобы кончить, я ставлю въ спинку Троннаго мѣста, то есть на задней сторонѣ памятника, мозаичную картину: Петропавловскій соборъ внутри, когда тамъ въ Бозѣ почившій принялъ

послѣднія почести отъ своего народа. Катафалкъ и покровъ весь усыпаны цвѣтами, а на первомъ планѣ большой вѣнокъ съ лентами, съ надписью: «Царю и Мученику». Вотъ и все. Я не знаю, памятникъ ли это, или не памятникъ, но знаю, что всякому будетъ интересно и понятно, и въ то же время величественно. Нигдѣ, кромѣ Москвы, нельзя видѣть ничего подобнаго.

Надняхъ я свой проектъ попробую представить Государю, а до того времени я написалъ два письма: графу Воронцову-Дашкову и князю Вл. Андр. Долгорукому въ Москву, прося ихъ подождать съ утвержденіемъ проекта, до того, пока они увидятъ мой. Долгорукій еще передъ праздникомъ отвѣчалъ мнѣ, что коммисія уже несуществуетъ, а потому и разсматривать будетъ некому. Антокольскій здѣсь уже болѣе 4-хъ недѣль, одинъ разъ онъ уже ѣздилъ въ Москву и былъ у Долгорукаго и у Каткова. Теперь поѣхалъ опять работать.

Содержаніе моего проекта еще пока никому неизвѣстно, и вамъ пишу о немъ только для того, чтобы вы могли судить, есть ли тутъ что-нибудь, и если есть, то по убѣжденію сказать, чтобы подождали, всего какую-нибудь недѣлю, двѣ. Вотъ планъ *). Если же я выдумалъ пустяки, то оставьте безъ отвѣта и безъ дѣйствія—но конечно, и безъ огласки............ Неужто-жъ не найдется русской головы, которая бы сдѣлала что-нибудь путное?

Уважающій васъ И. Крамской.

CCCXXX. Къ нему же.

19-го ноября 1885 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ за письмо и за фотографіи съ Верещагина; очень сожалѣю только, что эти фотографіи не останутся у меня. Что̀ такое сдѣлалъ Верещагинъ, я только предполагалъ, но теперь я и убѣдился. Очень хорошо, что вы приложили размѣры картинамъ: это многое объясняетъ. Не смотря, однакоже, и на это, я все-таки не теряю надежды самому видѣть выставку, если я до ея окончанія очищу себѣ деньги.

Жаль, глубоко жаль, что Верещагинъ выпустилъ изъ рукъ роль и роль великую въ искусствѣ, для которой у него были на лицо всѣ средства, кромѣ, впрочемъ, одного—искренняго и сердечнаго чувства. Конечно, и теперь значеніе его значительно для современниковъ, такъ какъ онъ разрушаетъ и разрушилъ много предразсудковъ, но это дѣятельность публицистическая и разсудочная, а картинъ какъ картинъ (помимо вре-

*) Набросокъ плана въ текстѣ. *Ред.*

мени и пространства) и самихъ по себѣ, по своей внутренней доброкачественности, и нужныхъ людямъ вообще—мало, даже слишкомъ мало.

Хотѣлъ что-то сказать, да кажется начинаю отвыкать и вижу, что необходимо было бы написать спеціальное письмо. Ну, когда-нибудь, въ другой разъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCCXXXI. Къ П. М. Ковалевскому.

27-го ноября 1885 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Всегда такъ — уйдешь изъ дому, непремѣнно случится что-нибудь, о чемъ очень жалѣешь, что безъ меня. Я все время дома и никуда не выходилъ, а давно было нужно—все выбиралъ день, въ какой можно (по предписанію врача). Но какъ бы то ни было, очень жаль, что не застали, вѣдь разстояніе ой-ой какое.

Что же касается вашего любезнаго намѣренія написать свой портретъ, то ей-Богу не знаю, потому что я просто калѣка, не работаю, да и не работается, все больше лежу... а между тѣмъ, если кому я хотѣлъ бы быть пріятнымъ и полезнымъ, то, разумѣется, вамъ во всякомъ случаѣ. Я ничего не дѣлаю, отказываюсь, и потому вы можете разсчитывать, когда угодно—обозначивъ заранѣе день и давъ знать мнѣ по городской почтѣ.

Уважающій и готовый служить И. Крамской.

CCCXXXII. Къ П. М. Третьякову

2-го декабря 1885 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Мнѣ давно хотѣлось вамъ написать о картинѣ «Неутѣшное горе» слѣдующее: она въ такомъ ужасномъ видѣ, что ее необходимо промыть (и хорошо и долго), потому что она была предъ путешествіемъ покрыта бѣлкомъ съ сахаромъ; и потомъ, послѣ промывки, хорошо бы покрыть ее лакомъ. Кромѣ того, я просилъ бы васъ выслать сюда портретъ Льва Николаевича Толстого къ Сидорову въ Эрмитажъ, чтобы онъ сдѣлалъ (на мой счетъ) дублировку и смылъ бы пятна на фонѣ. Я вамъ объ этомъ какъ-то говорилъ, но вы чего-то боитесь, я же теперь такъ увѣренъ въ томъ, что это сдѣлать необходимо, и такъ увѣренъ, что будетъ хорошо и ничего не испортится, что я не знаю, чѣмъ готовъ отвѣчать. Уважающій и преданный вамъ И. Крамской.

CCCXXXIII. Къ П. М. Ковалевскому.

5-го декабря 1885 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я остаюсь при прежнемъ моемъ заявленіи, предоставляя вамъ самимъ назначить день*), вамъ удобный, потому что это для меня легче. Я все равно ничего не дѣлаю и отказываюсь отъ всякихъ предложеній, слѣдовательно для меня выбора не существуетъ. У меня можетъ быть только одно желаніе, чтобы было по возможности больше свѣта, а такъ какъ теперь Господь Богъ очень скупъ на это, то конечно лучше будетъ, когда дни будутъ длиннѣе.

Примите выраженіе моей глубокой почтительности и уваженія.

И. Крамской.

CCCXXXIV. Къ А. С. Суворину.

С.-Петербургъ, 11-го декабря 1885 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Давно уже я чувствую потребность подать вамъ признаки моего существованія; но такъ случилось, что, не смотря на волю, это все откладывается. 18-го декабря празднуютъ 25-ти лѣтіе К. Е. Маковскаго. Что-жъ, это хорошо и даже, быть можетъ, необходимо; но, что̀ необходимо, безо всякаго сомнѣнія, то это почтеніе дѣятельности И. К. Айвазовскаго, который выступилъ въ первый разъ передъ публикой 50 лѣтъ тому назадъ. Къ сожалѣнію, я не знаю точнаго числа и мѣсяца, но знаю, что скоро (въ теченіе этой зимы) должно наступить его пятидесятилѣтіе. Не конфискуя ничьихъ заслугъ, я все-таки полагалъ бы, что о юбилеѣ Айвазовскаго поднять вопросъ слѣдовало бы; и такъ какъ молчатъ объ этомъ всѣ и, сколько я знаю, нигдѣ въ печати не было объ этомъ упомянуто, то будьте добры, помѣстите въ этомъ смыслѣ у себя замѣтку и пригласите тѣхъ, кто помнитъ и можетъ съ точностію указать время, откликнуться. (Только безъ упоминанія моего имени—причины уважительныя, повѣрьте). Айвазовскій, кто̀ бы и что̀ ни говорилъ, есть звѣзда первой величины во всякомъ случаѣ; и не только у насъ, а и въ исторіи искусства вообще. Между 3—4 тысячами №№, выпущенныхъ Айвазовскимъ въ свѣтъ, есть вещи феноменальныя, и навсегда таковыми останутся, напримѣръ «Море» у Третьякова, написанное 4 года тому назадъ (т. е. когда человѣку было уже болѣе 70-ти лѣтъ); всѣ помнятъ эту картину, бывшую на послѣдней его (Айвазовскаго) выставкѣ въ Академіи. На ней ничего нѣтъ, кромѣ неба и воды, но вода—это океанъ безпредѣль-

*) Для начала писанія портрета П. М. Ковалевскаго. *Ред.*

ный, не бурный, но колыхающійся, суровый, безконечный, а небо, если возможно, еще безконечнѣе. Это одна изъ самыхъ грандіозныхъ картинъ, какія я только знаю. Къ ней именно приложимо выраженіе библейское: «Духъ Божій носяшася надъ бездною». Въ началѣ октября многіе изъ художниковъ были въ Москвѣ и мы всѣ пошли въ галлерею Третьякова; и вотъ здѣсь-то, въ такомъ собраніи, мы были поражены смысломъ и высокой поэзіей этой картины. Все это, впрочемъ, только мимоходомъ. Айвазовскій и кромѣ того имѣетъ права на вниманіе къ себѣ со стороны исторіи.

Ка́къ жаль, что Верещагинъ выпустилъ изъ рукъ роль, самую завидную, какая только напрашивалась когда-либо художнику. Теперь уже внѣ всякаго спора, что̀ такое Верещагинъ? Видали ли вы фотографіи съ картинъ, производящихъ сенсацію? Я видѣлъ—это очень печально. И какая честь для художника! Потревоженъ вѣнскій архіепископъ. Жаль, что картинъ этихъ не будетъ въ Россіи, потому что, по-моему, только въ Россіи онъ былъ бы правильно понятъ и оцѣненъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCCXXXV. Къ нему же.

11-го декабря 1885 г.

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, ка̀къ у васъ повернулась рука и изъ какого центра въ мозгу вышло повелѣніе написать ваши строки: «Вы меня не любите, какъ человѣка, и, быть можетъ, вы правы». Что̀ это такое? Ничего не понимаю; дошли ли вы до этого собственнымъ умомъ, или вамъ кто-либо объ этомъ пропѣлъ, и вы повѣрили. Только воля ваша, это на меня какъ громъ. За что? Ужъ если на то пошло, то на меня возможно взвести все, что хотите, только не то, что̀ вы пишете: «какъ человѣка». Протестую всѣми силами моей души.

Что́ вы за человѣкъ? Я слышалъ, ка̀къ васъ много и горячо осуждаютъ, но за что?.. Что вы чему-то измѣнили, кого-то поддерживаете изъ тѣхъ, на кого честно когда-то нападали... и т. д., словомъ, не человѣка, а принципъ... Я этого не знаю, клянусь, ничего не знаю!.. И потому для меня это все равно, что бѣлая бумага... Для меня же вы, кромѣ таланта (котораго никто никогда не отнималъ у васъ), есть то, что̀ я вижу и что̀ на меня непосредственно дѣйствуетъ: голосъ, глаза, улыбка, смѣхъ... и если меня разобрать хорошенько, то всѣ мои приговоры о людяхъ и всѣ привязанности, всѣ мнѣнія складываются вотъ только изъ этихъ не мудрыхъ элементовъ: голосъ, смѣхъ, походка, манера молчать... Словомъ, видимое — есть тѣ данныя, по которымъ я крѣпко и всегда составлялъ о

людяхъ мнѣнія, и всегда держался только ихъ. Нельзя сказать, чтобы я не вѣрилъ вовсе разсказамъ, но разъ я увидалъ человѣка — кончено, я уже имѣю свое собственное о немъ мнѣніе, совершенно независимое отъ слуховъ... Не вѣрите? ваша воля; но это такъ. Это самонадѣянно?.. не знаю. До сихъ поръ я не раскаявался, когда слушался впечатлѣнія. Когда же случалось разсуждать о гражданскихъ мотивахъ съ людьми, то я занималъ вотъ какую позицію: укажите мнѣ, какая газета лучше? и гдѣ гражданская доблесть? Разъ. А потомъ второе: вотъ, напримѣръ, В. П. Буренинъ, когда-то онъ самъ смѣялся надъ Страховымъ, а теперь имѣетъ благородство и мужество сознаться, что не могъ Страхова оцѣнить... Это только выигрышъ и повышеніе. Вотъ я думаю, что и у васъ произошли нѣкоторыя перемѣщенія точекъ зрѣнія, откуда тѣ же предметы, да не тѣ... Ну, словомъ, хочу, и думаю хорошо... Говорятъ еще: да «онъ продалъ себя»... Позвольте... позвольте... кому? Вы знаете? Докажите... Ну, извѣстно, пониженіе тона и киваніе на кого-то, кто̀ все это досконально знаетъ, но котораго я такъ еще и не видалъ... И потомъ, развѣ-жъ тутъ человѣкъ? Вѣдь это что̀: война! Полѣно подъ руку попало — валяй полѣномъ, другое что̀ — этимъ! Ну, а когда все это кончено и человѣкъ, отдышавшись, начинаетъ разговоръ, смотритъ мнѣ въ глаза... вотъ тутъ человѣкъ — и я его знаю... и зачѣмъ не сказать? — Этого человѣка я люблю, я его помню, и очень сожалѣю только, что обстоятельства такъ сложились, что мы не близки и... не друзья (повидимому). А причина, почему я (относительно болѣе свободный человѣкъ) рѣдко къ вамъ заглядываю, это, по совѣсти, вотъ что̀, въ двухъ словахъ. Вы знаете изреченіе: хочешь разойтись съ человѣкомъ — дай денегъ ему... Видите, исторія длинная, и вы въ половину не догадаетесь: что? куда? отчего? Но это и не важно, важно одно: напрасно ваша рука написала эти странныя слова. Я ни чуточки не обижаюсь... но сожалѣю, что вы не пластическій художникъ: тогда бы и вы вѣрили только собственному личному впечатлѣнію. А впрочемъ... вотъ это выходитъ уже дѣйствительно самообольщеніе... полагать, что я произвожу впечатлѣніе, сообразное моимъ (предполагается — возвышеннымъ) качествамъ!

Что̀ касается сравненія Маковскаго (К.) со мною, то я долженъ сказать вамъ, что вы ошибаетесь. Маковскій на годъ моложе меня, а выступилъ на судъ публики раньше — это несомнѣнно. Я пріѣхалъ въ Петербургъ учиться въ 1857 г., въ натурный классъ перешелъ въ 1858 г., а Маковскаго еще не было, правда, но въ концѣ 59 или въ самомъ началѣ 60 г. онъ пріѣхалъ изъ Московскаго училища вмѣстѣ со многими другими: Шишкинымъ, Лемохомъ, и т. д.; въ это время Маковскій уже имѣлъ 2 серебряныя второго достоинства медали, полученныя имъ еще въ Москвѣ, такъ что онъ пріѣхалъ, такъ сказать, готовымъ, и пріѣхалъ работать на зо-

лотыя. Но его заставили получать еще 2 серебряныя медали перваго достоинства. За живопись онъ получилъ очень скоро (кажется, въ годъ прiѣзда), а за рисунокъ такъ и не получилъ. Но въ то время можно было работать на золотыя медали и не имѣя 4-хъ медалей серебряныхъ. Маковскiй и работалъ. Въ 1860 г. онъ писалъ (и не кончилъ): «Христосъ исцѣляетъ на площади слѣпыхъ, хромыхъ и прочихъ увѣчныхъ». За это ему разрѣшили конкуррировать на золотую. Въ 1861 г. работалъ вмѣстѣ съ другими: «Харонъ перевозитъ мертвыя души черезъ рѣку Стиксъ», и не получилъ; наконецъ, въ 1862 году онъ писалъ по собственному эскизу: «Убiенiе сына Бориса Годунова, Өедора». За эту картину онъ и получилъ золотую медаль малаго достоинства. Я же кончилъ классы въ 1861 году, въ концѣ, то есть въ это время я имѣлъ всѣ серебряныя медали, а въ 62 г. могъ писать на малую золотую медаль, и былъ на конкурсѣ. Эскизъ мой: «Походъ Олега на Царьградъ» (переходъ черезъ Днѣпровскiе пороги собственно) былъ утвержденъ. Я получилъ мастерскую, но заболѣлъ, уѣхалъ въ Москву, и мнѣ разрѣшили конкуррировать на слѣдующiй годъ, по моему прошенiю. Въ 1863 г. я писалъ на малую золотую медаль: «Моисей изъ камня извлекаетъ воду», и получилъ ее (сентябрь). Такимъ образомъ, мы сравнялись... а черезъ 2 — 3 мѣсяца послѣ того экзамена, когда я получилъ свою малую золотую медаль, долженъ былъ состояться конкурсъ изъ 14 человѣкъ на большую золотую медаль (ноябрь 1863), къ столѣтiю Академiи (въ 64 году), отъ котораго мы и отказались. И такъ, ка̀къ считать 25-ти-лѣтiе? Отъ какого знаменательнаго событiя? До сихъ поръ всѣ юбилеи художниковъ (какiе были) считались съ полученiя большой золотой медали, т. е. съ момента окончанiя Академiи и полученiя пенсiонерства заграницей. У насъ этого термина нѣтъ. Стало быть, надо взять, должно быть, болѣе важную эпоху: появленiе художника передъ публикою... то и тутъ ни я, ни Маковскiй правъ, кажется, не имѣемъ (пока), потому что «Харонъ перевозитъ души» Маковскаго былъ на выставкѣ 61 г. осенью (сентябрь, октябрь). Подождать надо немного... а впрочемъ, что-жъ я за другого считаю?.. Комитетъ долженъ лучше знать. Кромѣ того, вы, кажется, не поняли моего выраженiя: не упоминать моего имени; это никакъ не относится къ юбилею чьему бы то ни было, а только я просилъ бы васъ не упоминать, кто̀ сообщилъ вамъ объ Айвазовскомъ! Вотъ о чемъ. Да, кстати, и вообще мое имя возбудитъ только пылъ неудовольствiя между художниками. А я нездоровъ: вотъ три года, доктора все разсказывали и то, и другое, и третье, а на повѣрку вотъ что̀ внѣ сомнѣнiя. Съ мѣсяцъ обнаружилось: аорта и артерiи такъ расширены, что столкнули правое легкое въ сторону; и теперь у меня подъ 2-мъ ребромъ, у ключицы, справа, бьется сердце, т. е. сердца не слышно почти, сравнительно. Въ одну прекрасную

минуту—прощайте. Значитъ, шалитъ сердце, аорта и давила легкое, отсюда и кашель, а теперь боль, боль и боль.

Преданный вамъ И. Крамской.

CCCXXXVI. Къ нему же.

12-го декабря 1885 г., Спб.

Я было написалъ тутъ кое-что о Верещагинѣ, какъ только получилъ изъ Вѣны письмо и фотографіи, да бросилъ, потому что вышло и спеціально, и для многихъ было бы не убѣдительно, особенно при отсутствіи картинъ. Меня вотъ что̀ удивляетъ немало во всемъ этомъ шумѣ: это полное игнорированіе достоинства самихъ картинъ. Какъ будто оно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, тогда какъ все, что̀ Верещагинымъ написано, распадается на два рѣзкихъ отдѣла: вся мертвая, неподвижная натура написана удивительно, все живое слабѣе, и чѣмъ труднѣе живописная задача, т. е. лицо, тѣмъ менѣе оно что̀-нибудь значитъ. Верещагинъ предпочиталъ всегда (за исключеніемъ первыхъ его 22-хъ картинъ, бывшихъ на выставкѣ этнографической, въ 1868 г., въ зданіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, послѣ покоренія Ташкента—тогда были его «Опіумоѣды», лучшая картина) перенести выраженіе съ головы на всю фигуру, а еще лучше на нѣсколько фигуръ, соединенныхъ вмѣстѣ, благодаря только какому-нибудь забористому событію. Такимъ образомъ, съ одной стороны, онъ отводилъ глаза наивнымъ, поражая ихъ или сюжетомъ, или отдѣлкой архитектуры; людей же болѣе требовательныхъ онъ манилъ, что все это еще не то, что онъ что̀-то сдѣлаетъ, потому что вотъ ка̀къ онъ хорошо пишетъ. Съ другой: выступая поборникомъ самыхъ высокихъ идеалистическихъ требованій въ своихъ каталогахъ и тенденціознымъ подборомъ сюжетовъ, ему довольно долго удавалось отвертѣться отъ предъявленія чисто-художественныхъ документовъ: человѣческой головы, написанной, разработанной и конченной такъ, ка̀къ теперь многіе пишутъ. Но этого-то онъ и не можетъ: для меня это давно ясно, да и не мнѣ одному. Я убѣжденъ, что Верещагинъ не приметъ вызова снизойти съ міровыхъ задачъ, съ философіи, политики, соціальныхъ доктринъ, и написать просто картину, самую заурядную картину, гдѣ было бы человѣческое лицо, въ величину обыкновенную, чтобы лицо это носило на себѣ слѣды чего-нибудь пережитаго, чтобы оно, наконецъ, само по себѣ было интересно. Отъ этого онъ очень давно отказался; и ужъ теперь, конечно, не въ силахъ вернуться.

Я помню, ка̀къ онъ разъ отозвался о такихъ людяхъ, которые пишутъ головы, и только головы, мѣшая въ ихъ число и Рембрандта и дру-

тихъ: «Ну, что вы тамъ говорите — голова, голова, — да вѣдь если двадцать лѣтъ писать все только одинъ носъ, какъ Рембрандтъ такъ, конечно, можно набить руку и можно дойти до отличныхъ результатовъ. Но вѣдь это не главное!»

Меня, собственно, въ Верещагинѣ болѣе всего интересуетъ внутренній міръ этого человѣка: что онъ такое самъ по себѣ? Я его знаю, т. е. думаю, что знаю, я долго его наблюдалъ и онъ производитъ печальное впечатлѣніе въ концѣ концовъ, мало того — ужасное! Вообразите себѣ только такого человѣка, который не чувствуетъ потребности въ комъ-либо изъ людей вообще! То есть: онъ нуждается въ людяхъ, какъ орудіяхъ, и только. Прибавьте къ этому совершенную эмансипацію отъ такъ-называемыхъ апріорныхъ идей (въ Кантовскомъ смыслѣ) и въ практикѣ жизни необычайную зоркость: что можно схватить и присвоить. Что это такое? Божество ли свободное, или демонъ? Притомъ какая геніальная наивность обращенія, симпатичность, простота, дѣтская довѣрчивость, и...... чуть только человѣкъ все это принялъ за чистую монету, какъ сейчасъ же онъ будетъ поставленъ на благородную дистанцію. Какъ хотите, а это люди послѣдней формаціи. Преданный И. Крамской.

CCCXXXVII. Къ нему же.

Спб., 16-го декабря 1885 г.

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ. Три дня не могъ написать вамъ строчку въ отвѣтъ на послѣднее письмо. Начну писать — больно въ груди; начну работать—больно тамъ же; начну потихоньку ходить—черезъ 10 минутъ тоже. Словомъ — чортъ знаетъ что такое...

О васъ я знаю больше, чѣмъ вы думаете, и это потому, что вы соприкасаетесь съ большимъ количествомъ народу. Напримѣръ: я уже давно знаю, какъ вы обходитесь и какъ вы оплачиваете вашихъ служащихъ и тѣхъ, чьи сочиненія издаете. Это и для меня не секретъ, какъ и для многихъ. Человѣческое сердце штука, въ сущности, весьма мало изслѣдованная. Вы пишете, что никогда не смотрѣли на деньги какъ на что-то стоющее вниманія. Я это такъ хорошо понимаю и вѣрю, что еслибы вы и не написали объ этомъ, то я всё равно знаю — и знаю давно на опытѣ. Я сдѣлалъ ошибку (и крупную), когда къ вамъ обратился за деньгами; но не потому, что этого дѣлать не слѣдовало, а потому, что я васъ тогда еще не зналъ съ этой стороны. Я думалъ, что вы, какъ и другіе, при увеличеніи средствъ, прежде всего позаботитесь, чтобы гдѣ-нибудь лежалъ запасъ. Оказалось, что вы были гораздо болѣе человѣкъ идеи и дѣятельности, чѣмъ наживы, и я это увидалъ очень скоро; мнѣ стало ужасно со-

вѣстно, и я не могъ прійти къ вамъ просто какъ прежде, пока не очищу себя. Но вѣдь и мое положеніе было (да есть и теперь) изъ рукъ вонъ плохо. Въ моментъ, когда я къ вамъ обратился, я былъ усталый морально отъ почтовой гоньбы на портретахъ, но еще довольно сильный и желающій что-нибудь сдѣлать путное (картину, напримѣръ). Видя, что время уходитъ, а просвѣта къ свободѣ труда нѣтъ — я рѣшился. Вы искренно и сердечно отнеслись ко мнѣ. За это вамъ мое искреннее и глубокое спасибо. Но... какъ-разъ тутъ-то и случилось со мной обстоятельство: я увидалъ, что смерть недалеко. Я заболѣлъ одной штукой (въ лѣвомъ боку паха завалъ, который въ 8-мь дней чуть не унесъ меня вовсе) въ родѣ заворота кишки. Доктора сказали, что если повторится это, то имъ уже дѣлать будетъ нечего. Поднявшись на ноги, я съ ужасомъ окинулъ свое положеніе—умру, дѣти и семья нищіе въ буквальномъ смыслѣ слова! Что дѣлать? Я самымъ лихорадочнымъ образомъ метался; нечего раздумывать: беру всѣ заказы, которые предлагаютъ, и ничего путнаго не могъ выдумать, какъ построить дачу въ пользу дочери. Сыновья уже подымались на ноги: гимназія оканчивалась, а дочь... ну хоть что-нибудь, потому что деньги, еслибы оставалось какихъ-нибудь 5 — 6 тысячъ, очень скоро будутъ съѣдены, а это все-таки хотя малый, но всегдашній доходъ. Началась постройка, а тамъ, несмотря на каторжный трудъ, долги новые.... и такъ до сихъ поръ. Только прошлымъ лѣтомъ я всѣ долги погасилъ, исключая вашего. Но это потому, что вы лучше всѣхъ. А уже исторія извѣстная — хорошій всегда подождетъ; и въ эти отношенія мои къ вамъ, внутреннія, не закрадывалось ни разу сомнѣніе, и слава Богу, — доказательство, что ка̀къ я въ васъ былъ увѣренъ, такъ и вы, несмотря ни на что̀, не могли меня отнести къ числу тѣхъ, о которыхъ говорятъ: «чортъ съ нимъ!» И такъ, за желаніе (и страстное) свободы труда я наказанъ довольно. Теперь я полагаю, что пусть ужъ будетъ все такъ, какъ угодно судьбѣ: буду живъ — что-нибудь сдѣлаю, нѣтъ — лично мнѣ будетъ жаль, потому что міръ (по моему) лишится недурной картины. Но вѣдь этого провѣрить нельзя, и потому — это мое личное дѣло.

Теперь о портретѣ. Опять? Позвольте и мнѣ—въ послѣдній разъ. Я встрѣчаюсь вотъ уже во второй разъ (на пространствѣ 3-хъ лѣтъ, стало быть) съ твердымъ убѣжденіемъ, съ тѣмъ, что «я сдѣлалъ портретъ такъ, ка̀къ хотѣлъ сдѣлать». Никакого сомнѣнія ни у кого нѣтъ, что я бы могъ ошибиться, обмануться, не понять, мало того—просто не съумѣть. Почему? Это, положимъ, съ одной стороны лестно, что меня считаютъ даже какъ будто всемогущимъ; однакожъ, подобное всемогущество обходится нѣсколько дорого. Я хотѣлъ сдѣлать вашъ портретъ, разъ вы выразили желаніе, и я серьезно и съ удовольствіемъ его работалъ и наблюдалъ, — мнѣ

казалось, что положеніе, которое я выбралъ, было самымъ обыкновеннымъ положеніемъ журналиста, чрезъ кабинетъ котораго протекаетъ ежедневно толпа народу всякаго. Чтò же я сдѣлалъ? Однакожъ, когда сдѣлалъ, то оказалось не совсѣмъ ладно. Но почему-жъ никто раньше ни намека, ни звука не издалъ, что портретъ невѣренъ? Напротивъ, ваши близкіе, дочь и жена, когда были, сказали, что онѣ не знаютъ, гдѣ живой и гдѣ нарисованный Алексѣй Сергѣевичъ. Если это были только фразы, то жаль, что попались эти фразы, а не другія, которыя можно было бы отличить... Но и это все еще не бѣда... Бѣда началась съ выставки. Тамъ, на выставкѣ, я слышалъ столько похвалъ, что будь я немножко глупѣе, я бы вамъ утверждалъ, что портретъ единственный, превосходный, и лучше никто никогда не напишетъ, словомъ, былъ бы развязенъ; но такъ какъ я способенъ слушать, и всегда отыскиваю причину, почему чтò говорится, и всегда стараюсь удовлетворить справедливое желаніе и инстинктъ, то и въ этомъ случаѣ я жадно вникалъ, чтò мнѣ сказали. По совѣсти я чистъ. Никакой, даже отдаленной тѣни, задней мысли у меня не было, когда я работалъ, и ничего дурного о васъ, какъ о человѣкѣ, у меня не шевелилось никогда ни до этого, ни послѣ, до сего момента. Если же тамъ, въ портретѣ, есть что-нибудь, то это просто недостатокъ мой, какъ живописца, а не какъ человѣка, имѣющаго какія бы то ни было намѣренія. Этихъ намѣреній нѣтъ, ихъ не было, и я ихъ рѣшительно отрицаю. Но вотъ чтò было въ моей практикѣ: портретъ Д. В. Григоровича принесъ мнѣ не мало огорченій, да, въ послѣднее время, портретъ Майкова. А между тѣмъ у меня не было и тѣни сдѣлать что-нибудь смѣшное, кромѣ совершенно естественнаго увлеченія художника видимой характерной формой, безъ подчеркиванья. Въ вашемъ же портретѣ нѣтъ и этой черты. Но, разумѣется, я понимаю, что при каждомъ взглядѣ вашемъ и близкихъ вашихъ на портретъ, вспоминается милый поступокъ Мамая Экстазова*). Чтобы вытравить это, насколько въ моихъ силахъ, я предложилъ бы вамъ слѣдующее: позвольте мнѣ портретъ обратно, а я напишу другой, напишу съ истиннымъ удовольствіемъ, готовностію, и нисколько это для меня не будетъ отяготительно. Если вы исполните мое желаніе—я буду вамъ благодаренъ.

Между прочимъ, я просилъ бы васъ, при случаѣ, обратить вниманіе на нѣкоторыхъ вамъ близкихъ знакомыхъ—кто и какъ обо мнѣ отзывается. У меня есть нѣсколько такихъ непримиримыхъ, которые, не зная меня хорошо, будутъ очень рады всякому злу, какое можно мнѣ сдѣлать. Случай представится, впрочемъ, скоро. Я не буду на юбилейномъ обѣдѣ Ма-

---

*) Такъ названъ В. В. Стасовъ въ стихотвореніи В. П. Буренина, напечатанномъ въ «Новомъ Времени». *Ред.*

ковскаго, да полагаю, что никто не будетъ и изъ передвижниковъ. Онъ такую штуку урвалъ съ товарищами 2 года тому назадъ, что просто прелесть. Я очень рѣзко говорю, но надо знать, чтобы оцѣнить. Подписать адресъ—другое дѣло, я не желаю быть несправедливымъ, но присутствовать тамъ, гдѣ есть Маковскій Константинъ — добровольно не буду. Преданный вамъ И. Крамской.

CCCXXXVIII. Къ нему же.

18-го декабря 1885 г.

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ. Долгъ мой еще не погашенъ. Это внѣ сомнѣнія. Я у васъ взялъ 5,000 р., изъ которыхъ возвращено въ три срока 3,000 р.: 900 р. чрезъ В. П. Буренина. Чрезъ годъ послѣ того я взнесъ 1,100 р. вамъ лично, и потомъ, еще чрезъ годъ, тоже 1,000 руб. По моему счету остается еще 1,000 руб. взнести вамъ, а потомъ я хотѣлъ съ вами имѣть разговоръ о портретѣ. Но онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оплаченъ дороже того, что̀ мнѣ тогда платили: а публика мнѣ платила 1,000 руб. Теперь она платитъ дороже, а тогда была такая цѣна. Слѣдовательно, это ни переоцѣнкѣ, ни спору пусть не подлежитъ. Что̀ же касается теперешней моей затѣи, написать портретъ Александры Алексѣевны, то вы во всемъ этомъ не причемъ, и этого въ разсчетъ я принять не могу, потому что я дѣлаю это, удовлетворяя своей внутренней потребности... Кому портретъ нуженъ, я не знаю, но полагаю, что ея дѣтямъ, когда они выростутъ, будетъ пріятно его имѣть.

Что́ касается моей картины, то участь ея и моя вмѣстѣ очень странная. Я сказалъ о ней и о томъ, что міръ ея не увидитъ и лишится, иронизируя. Да и ка̀къ иначе говорить объ этомъ, когда я самъ не видалъ своей картины (которая только начата) вотъ уже 6-й годъ. Помнится, разъ я вамъ это уже сказалъ однажды, когда вы точно такъ же, какъ и теперь, сказали, что я ее долго пишу. Въ томъ-то и дѣло, что я ужасно долго не пишу, а почему? Въ послѣднемъ письмѣ достаточно тому высказано основанія, и удивительно, сколько бы и что́ я ни написалъ другого чего, все-таки говорятъ, что я долго работаю надъ чѣмъ-то, хотя бы по разсчету самому придирчивому и времени у меня не осталось бы для новаго труда. Вотъ ка̀къ иногда слава, разъ пущенная въ ходъ, не сворачиваетъ съ дороги.

Что̀ до передвижной выставки и Маковскаго, то нужно знать, что̀ и ка̀къ произошло, чтобы обвинять художниковъ, и сказать, что еслибы мы пришли, то ему было бы совѣстно.

Глубоко уважающій и преданный вамъ И. Крамской.

CCCXXXIX. Къ нему же.

22-го декабря 1885 г.

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ... Рѣчь вашу*) я, конечно, читалъ, и даже хотѣлъ написать по поводу ея, да хорошо, что воздержался. Потому что на первое впечатлѣніе она показалась нѣсколько обидной для Маковскаго, мало того, не только для него, но даже и для тѣхъ дамъ, съ которыхъ онъ писалъ портреты. Но я потомъ подумалъ, прочелъ второй разъ, послушалъ другихъ и успокоился. Насчетъ юбилеевъ вы вѣрно говорите: 50-ти лѣтній можетъ быть общественнымъ и менѣе пристрастнымъ. Если новое поколѣніе, ничѣмъ не связанное съ предшествовавшимъ, признаетъ заслуги, то, значитъ, вліяніе захватываетъ нѣкоторымъ образомъ исторію. Таковъ Айвазовскій. Время, съ котораго слѣдуетъ считать начало дѣятельности художника, неопредѣлено, какъ кажется. Всѣ юбилеи художественные, бывшіе до сихъ поръ, всѣ только 50-ти л., и оффиціальные: Бруни, Уткинъ, Толстой и другіе считались со времени полученія большой золотой медали, т. е. окончанія Академіи и полученія заграничнаго пенсіонерства. Маковскій первый, которому выпала честь быть почтеннымъ не оффиціально; хотя по новости дѣла усердные люди пропустили нѣкоторыхъ, имѣвшихъ не менѣе правъ, чѣмъ Маковскій, напримѣръ: Перовъ и Шишкинъ. Обоимъ уже давно миновало, Перову еще при жизни. Какъ бы то ни было, но хорошо и то, что общество начинаетъ принимать хотя какое-нибудь участіе; авось наступятъ времена и болѣе теплыя.

Глубоко преданный и уважающій васъ И. Крамской.

CCCXL. Къ Н. А. Бѣлоголовому.

Спб., декабря 31-го 1885 г.

Глубокоуважаемый Николай Андреевичъ. Недавно узналъ я отъ графа Протасова вашъ адресъ, и хочу засвидѣтельствовать, что я часто съ удовольствіемъ и благодарностію вспоминаю Ментону, вспоминаю вашу дорогую заботливость обо мнѣ, грѣшномъ. А я все еще на свѣтѣ! Все сопротивляюсь; и уже настолько привыкъ къ своему положенію, что наблюдаю даже, какъ это оно тамъ перемѣняется. А что перемѣны значительны, то это безъ всякаго сомнѣнія. Говорить ли вамъ о моихъ немощахъ? Лучше не надо, да и боюсь переврать. Скажу только, что кашель прекратился (т. е.

---

*) Рѣчь А. С. Суворина на юбилеѣ К. Е. Маковскаго, напечатанная въ «Новомъ Времени». *Ред.*

почти прекратился), и это въ ноябрѣ-то мѣсяцѣ, и въ Петербургѣ, и какъ-то разомъ, такъ же разомъ, какъ и передвиженіе впередъ аорты. Она теперь у меня стучитъ справа во второе ребро, да такъ иногда страшно, что бѣда. Было очень больно, но С. П. Боткинъ съ Головинымъ что-то такое дали, да навѣсили на меня глиняную медаль, и я становлюсь почти молодцемъ. Вторая недѣля, какъ идетъ къ лучшему. Одно жаль—лишили меня питья и всякой жидкости. Подумайте только, на все про все 5 чашекъ въ сутки. Тутъ и вода, и супъ, и чай, и молоко. Возьмешь одного, другого не получишь—и это при усвоенной привычкѣ пить и много, и чего хочешь. Огорченіе! Сначала мучила жажда, а теперь начинаю привыкать.

Картину «Царица Александра» я, наконецъ, укладываю, и она скоро поѣдетъ туда—на берега Средиземнаго моря. Хорошо тамъ, жаль, что не увижу ни часовни, ни тѣхъ перемѣнъ, о которыхъ мнѣ расказывалъ Николай Алексѣевичъ, то-есть новой аллеи къ кладбищу... А какой чудесный видъ оттуда долженъ быть теперь!

Во Флоренціи я былъ 10 лѣтъ тому назадъ, и былъ недолго—слѣдовательно не знаю города, но кое-что все-таки помню. Помню галлереи, соборы. Вотъ, я думаю, вы изучили теперь все это.

Прошу васъ передать мой искренній и сердечный привѣтъ Софьѣ Петровнѣ; да къ концу похвастаюсь, что дочка моя, извѣстная вамъ вѣтреница, начинаетъ подавать мнѣ серьезныя надежды, что уже есть нѣкоторый живописный талантъ.

Примите выраженіе моего глубокаго уваженія отъ благодарнаго

И. Крамского.

CCCXLI. Къ А. С. Суворину.

3-го января 1886 г., Спб.

Съ новымъ годомъ, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ! Первые дни праздника я не имѣлъ момента свободнаго... И вотъ случай самъ собою представился: это вашъ сегодняшній фельетонъ о Грибоѣдовѣ и его «Горѣ отъ ума».

Что̀ касается этюда о «Горѣ отъ ума», то мнѣ, признаюсь, лишній разъ удивительно, неужели и до сихъ поръ есть литераторы, которые объ «Горѣ отъ ума» такъ думаютъ, какъ вы пишете? Благодарю, не ожидалъ. О Бѣлинскомъ я не говорю—его теперь читать уже невозможно. Года два тому назадъ попробовалъ, и бросилъ—не могъ. Господи Твоя воля, да вѣдь я ей-Богу же никогда не могъ достаточно наизумляться, какъ это въ 20-хъ годахъ написана такая комедія! Я знаю, что̀ Пушкинъ говорилъ о Чац-

комъ, и удивлялся тоже, но написать такую комедію болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ—воля ваша, изумительно! А Чацкій одинъ изъ самыхъ живыхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи. Онъ положительно въ уровень (если еще не выше) и Фамусову, и Скалозубу, и Лизѣ. Словомъ, если есть мнѣнія, несогласныя съ этимъ, то замуравьте меня послѣ этого въ склепъ: я знать ничего не хочу, или я ровно-таки ничего уже не понимаю. Но я всегда думалъ, что мы, русскіе, въ «Горѣ отъ ума» имѣетъ самое великое въ мірѣ произведеніе литературы, что эта комедія не уступаетъ ни одному самому прославленному и великому. Что-жъ есть еще больше Шекспира? Ну, такъ Шекспиръ потому только и больше Грибоѣдова, что написалъ не одного «Гамлета», какъ Грибоѣдовъ, а еще «Отелло», «Лира» и много другихъ. Превосходство количественное, но не качественное. Нѣтъ, это вы хорошо начали. И по поводу чего это написано? Или просто тàкъ, давно хотѣлось? Уважающій и преданный И. Крамской.

CCCXLII. Къ П. М. Третьякову.

Спб., 10-го января 1886 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вы говорите: не пишите. А мнѣ нужно! Рисунокъ Васнецова я вамъ вышлю, хотя съ нимъ-то мнѣ разстаться будетъ всего менѣе пріятно. Но это все равно. Въ рамѣ или безъ рамы? Вотъ о чемъ я хотѣлъ васъ просить: навести справки въ моихъ письмахъ, которыя касаются погашенія моихъ долговъ. Это относится, кажется, ко времени моего пребыванія въ Ментонѣ. Въ то время, сколько мнѣ помнится, я старался погасить все на столько, что, напримѣръ, еслибы я умеръ, не сдѣлавши копіи съ Кольцова вторично, то и тò долженъ бы не былъ. Я хотѣлъ включить въ долгъ и взятые мною за Кольцова, когда-то, 300 рублей, именно не надѣясь тогда оправдаться въ этомъ, но не помню, включилъ ли? Изъ моихъ писемъ можно бы извлечь указанія. Мнѣ что-то помнится, но утверждать не берусь, а потому, будьте такъ добры, помогите съ ясностью возстановить цифры, какъ долга, такъ и погашенія. Боюсь что-либо напутать. Напримѣръ, пишу къ вамъ, кажется, увѣренно, а между тѣмъ сомнѣваюсь: погашенъ долгъ, или не совсѣмъ?

Исполненіемъ просьбы очень обяжете.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CCCXLIII. Къ Н. А. Бѣлоголовому.

17-го января 1886 г., Спб.

Глубокоуважаемый Николай Андреевичъ, дочь моя (какъ вамъ памятно вѣроятно) еще въ Ментонѣ огорчала меня тѣмъ, что выводила на свѣжую воду многія обстоятельства моей домашней жизни. Очевидно—я виноватъ самъ, давши ей столь прямолинейное воспитаніе; или, лучше сказать, лишивъ ее того распространеннаго воспитанія, по которому узнается человѣкъ хорошаго тона. Не сдѣлай я такой крупной ошибки вначалѣ, вы бы не знали, что я заглядываю въ медицинскія книжки. Все было бы шито и крыто, и я сіялъ бы себѣ отъ удовольствія, не конфузясь. Теперь дѣло иное: получивъ отъ васъ репримандъ, я пошелъ разыскивать виновныхъ, и только тутъ открылось, кто это мнѣ удружилъ. Но вѣдь позвольте же вамъ сказать, какъ все это было. Я заглянулъ дѣйствительно, и заглянулъ (о ужасъ!) на дачѣ у Сергѣя Петровича. По возвращеніи изъ Ментоны, лѣтомъ, я поѣхалъ къ нему показаться, остался ночевать, и на сонъ грядущій попался мнѣ медицинскій журналъ, гдѣ я и прочелъ одинъ рефератъ о грудной жабѣ. Читаю, и глазамъ невѣрю—все какъ по писанному, что́ со мной бывало (и есть иногда теперь) въ теченіе 7—8 лѣтъ. Это тѣ припадки, о которыхъ я и вамъ разсказывалъ, что около сердца развивается какъ будто теплота, дыханіе захватываетъ, я катаюсь отъ паническаго страха, и боли въ лѣвую руку, до оконечностей пальцевъ. Такъ бываетъ 10—15 минутъ, и даже больше, а затѣмъ проходитъ, и я, какъ ни въ чемъ не бывало, хожу, работаю, и проч., мѣсяцъ и два. Вотъ и все. Только тутъ я узналъ, что эта болѣзнь называется грудной жабой. Но вѣдь къ ней я успѣлъ уже привыкнуть, и знаю, что моя форма чисто нервная (говорятъ). Однажды за обѣдомъ я и разсказалъ, какъ я узналъ, что у меня, напримѣръ, грудная жаба. Соня слышала все, и слышала также сдѣланное замѣчаніе кѣмъ-то: что вотъ какъ нехорошо заглядывать въ медицинскія книжки, и что вотъ я все и думаю, да пожалуй и додумаюсь, и т. д... Словомъ, что́ говорится въ такихъ случаяхъ и что̀ я самъ часто говорилъ своему ближнему. Но, такъ или иначе, а я ей-Богу упрека не заслуживаю ни въ хандрѣ, ни въ прислушиваніи къ разнымъ внутреннимъ ощущеніямъ. Т. е., послѣднее пожалуй вѣрно—но вѣдь какъ же прикажете быть, когда я не просто чувствую что-то такое, что̀ трудно уловить, и надо внимательно подстерегать въ себѣ, а положительныя боли: все правое легкое, т. е. это мѣсто, отъ грудной кости до лопатки, внутри болитъ, и я не могу лежать болѣе 10 минутъ ни на правомъ, ни на лѣвомъ боку, ни на груди, и только могу на спинѣ? Что я катаюсь цѣлыя ночи какъ кубарь, что у меня стрѣльба и рвущая боль отъ грудной кости и начала втораго ребра въ

правую руку до локтя—какъ я этого не замѣчу, когда я въ это время не могу сидѣть и не нахожу мѣста? Воля ваша, а я живой человѣкъ! И такъ какъ этого со мной не было до осени (кромѣ тупой боли въ груди), а съ тѣхъ поръ это продолжается упорно, съ маленькими перерывами, и иногда цѣлые дни безпрестанно, то я объ этомъ и говорю. Если же это называется мнительностію, то Богъ съ нею. Лишь бы только она оставила меня въ покоѣ, а ужъ я объ ней заботиться не стану.

Голубое небо и вѣчная весна—средства несомнѣнно испытанныя, и если я что̀ понимаю и въ чемъ убѣжденъ, такъ именно въ томъ, что сто̀итъ мнѣ все бросить и уѣхать изъ Петербурга на югъ, и я буду похожъ на человѣка опять. Но... ей-Богу же есть помѣхи, и серьезныя. Впрочемъ, на весну я вѣроятно поѣду куда-нибудь.

О Флоренціи знаю мало. Проѣзжалъ весною, было чудесно, а зима бываетъ иногда капризная: такъ напримѣръ, лѣтъ шесть тому назадъ, тамъ жили наши знакомые; ну тамъ они видѣли и снѣгъ и морозъ. Правда, чрезъ недѣлю все опять миновало, но тѣмъ не менѣе!

Ну, скажите ради Бога, развѣ я могу не роптать на дочь? Вѣдь ея выходка совершенно испортила письмо — цѣлый листъ занятъ былъ никому неинтересными объясненіями.

Айвазовскій теперь здѣсь. Я видѣлъ его вчера. Вотъ человѣкъ — молодѣтъ! И какой онъ молодецъ! Конечно, онъ много пишетъ неважнаго, но рядомъ, тутъ же иногда дастъ вещи, чудесныя въ полномъ смыслѣ слова. Завидная организація!

Спасибо вамъ за теплое слово о талантѣ дочери. Да, я бы не сталъ говорить, еслибы это было такое, что̀ мнѣ уже давно знакомо по разнымъ примѣрамъ въ барышняхъ; но тутъ, я васъ увѣряю—я становлюсь иногда въ тупикъ. Положимъ, это не противорѣчитъ моимъ теоріямъ о талантахъ, т. е. что они (таланты) берутъ все сразу — какъ будто та̀къ и надо; но все-таки, знаете—то̀ все были мужчины, а это... позвольте — на что похоже? Дѣвчонка, и такъ сильно, какъ будто уже мастеръ. Подумаю иногда, да и станетъ страшно: ну, какъ это пустоцвѣтъ? Вѣдь, говорятъ, бываетъ иногда, что очень талантливыя дѣти глупѣютъ: черепъ сростается, что ли? Или же, если и этого не случится, то опять личная жизнь грозитъ превратиться въ трагедію! Вѣдь это же женщина! И вдругъ—художникъ, да чего добраго—настоящій! Неужели не трагедія? Вы говорите: «талантъ—это величайшій рессурсъ въ нашей взбаламученной жизни». Конечно да, но только не въ женщинѣ. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ достаточно много опыта, и еще не сформировалось отношеніе общества къ таланту женщины—кромѣ талантовъ сценическихъ. Ну: а тѣ отношенія не изъ желательныхъ. Извините, что распространился о близкомъ мнѣ предметѣ.

Николай Александровичъ просилъ меня написать портретъ дочери Теляковой, Валентины Петровны. Скоро будетъ кончено.

А за симъ, быть можетъ еще до свиданія, конечно въ Петербургѣ.

Глубоко уважающій и преданный И. Крамской.

CCCXLIV. Къ В. В. Стасову.

Спб., 28-го января 1886 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Въ субботу, на концертѣ Рубинштейна, я основательно простудился и слегъ; только сегодня могу немного подняться и отвѣчаю вамъ относительно фотографій Верещагина *). Отвѣчаю, но пока не отсылаю, а почему, тому слѣдуютъ пункты во 1-хъ, это вещи крайне поучительныя, имѣть ихъ мнѣ очень хочется во 2-хъ, не послалъ вамъ эти фотографіи тогда же, немедленно по ихъ полученіи отъ Третьякова, потому, что слышалъ (не помню отъ кого), что у васъ онъ такія же уже видалъ; и въ 3-хъ, въ субботу вы мнѣ сами говорили, что имѣете тоже маленькія, а эти маленькія — въ форматѣ альбомныхъ карточекъ.

Теперь, если, не смотря на то, что у васъ уже есть такія же фотографіи—эти экземпляры, которые у меня, вамъ нужны, то я, хотя и съ сожалѣніемъ, но разстанусь съ ними, и немедленно пришлю.

Что́ меня больше всего удивляетъ во всемъ этомъ шумѣ Верещагинскомъ, такъ это то, что обѣ стороны совершенно забываютъ о самыхъ холстахъ, какъ будто достоинство ихъ внѣ всякаго спора и сомнѣнія. А между тѣмъ, это-то и есть главное, что человѣчество сохранитъ, и чѣмъ оно дорожитъ. Хорошій холстъ—останется, дурной—забудутъ. А намѣренія и идеи Верещагина могли бы съ одинаковымъ удобствомъ быть выраженными другимъ путемъ. Ка́къ вамъ кажется, правильно я думаю? Вѣдь нельзя же думать, что «Воскресеніе», будучи величиною аршина въ $1^1/_2$, и гдѣ голова Христа около вершка и намѣчена только кляксами, и два смѣшные китайскіе солдатика, можетъ быть причислена къ картинамъ евангельскимъ, или антиевангельскимъ—все-равно. Вѣдь это же не картина. О чемъ же рѣчь? И почему шумъ? Что̀ случилось? Неужто религія пала, потому что художникъ выставилъ плохой холстъ? Странно и непостижимо. Совсѣмъ особый мастеръ—этотъ Верещагинъ!

Уважающій васъ И. Крамской.

---

*) Фотографіи съ картинъ Верещагина на Вѣнской выставкѣ того года. *Ред.*

CCCXLV. Къ нему же.

Спб., 4-го февраля 1886 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Дѣлать нечего—необходимо разстаться съ фотографіями. Вижу, что мнѣ не суждено ихъ имѣть. Если я писалъ вамъ о размѣрахъ картинъ Верещагина на евангельскіе разсказы, то вовсе не потому, чтобы не могъ сообразить, что бываетъ и маленькая картинка выше и значительнѣе большой. Но вотъ чего не бываетъ, чтобы маленькая картинка, небрежно трактованная, набросанная необдуманно, какъ попало, кляксами, да еще на большое историческое событіе, или по крайней мѣрѣ на событіе, которое чтитъ почему-нибудь человѣчество, чтобы такая картинка была бы выше большой и серьезно исполненной. И мнѣ картины Верещагина не нравятся не изъ-за поповскихъ взглядовъ, какъ вы выражаетесь, и не потому, почему вы указываете: неспособности будто бы Верещагина къ «историческоту роду» (вы это говорите о русскихъ художникахъ не въ первый разъ), а потому, что картины Верещагина плоски и... въ самомъ простомъ и обыкновенномъ смыслѣ; да еще потому, что это даже и не картины, а такъ, какіе-то наброски, быть можетъ и колоритные. И я продолжаю удивляться, какъ это изъ-за споровъ и шума никто не сказалъ, что самые-то холсты плохи! И еще удивительно въ Верещагинѣ: событіе не важное, какой-нибудь въѣздъ принца Уэльскаго—картина въ площадь, а 30-е августа—такъ себѣ, пустяки. Я говорю о внутреннемъ чувствѣ художника, о его чувствѣ размѣра: для одной идеи довольно листа, а для другой мало двадцати. Другое дѣло, что выйдетъ у художника, уже, такъ сказать, помимо его воли: маленькое удастся гораздо лучше большого; но это не лишаетъ художника правоспособности оцѣнивать идеи и событія. А вы на меня набросились, какъ будто я Богъ знаетъ что сказалъ. Что же касается до способности или неспособности русскихъ художниковъ къ историческому роду, то, на мой взглядъ, русскіе, какъ и другихъ племенъ художники, одинаково неспособны. Такихъ картинъ историческихъ, чтобы онѣ переносили въ эпоху, вездѣ очень мало, но одного этого недостаточно. Какъ ни переноси въ эпоху (напримѣръ Альма-Тадема), а нужно еще что-то, чтобы тронуть душу. Вотъ почему картина, иногда лишенная колорита эпохи, въ историческомъ родѣ, трогаетъ современниковъ, и тѣмъ больше трогаетъ, чѣмъ больше въ ней вѣчныхъ человѣческихъ страданій или радостей. Но это вопросъ такой важности, что я напрасно его коснулся здѣсь,—такъ какъ нѣтъ ничего легче, какъ возбудить такимъ образомъ недоумѣніе и споръ.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCCXLVI. Къ П. М. Третьякову.

4-го февраля 1886 г., Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что я не отвѣчалъ на одно ваше письмо, по поводу Горбунова, Ивана Ѳедоровича. Я становлюсь очень неаккуратенъ па письма. Не знаю, будетъ ли ошибкой изобразить Горбунова разсказчикомъ, или нѣтъ, но думаю, что оно будетъ типично. Онъ и писатель, правда — но будь онъ только авторъ нѣкоторыхъ разсказовъ, я не знаю—нуженъ ли былъ бы его портретъ. Вся Россія его знаетъ такъ, ка̀къ я хотѣлъ его написать. А, впрочемъ, кто-жъ его знаетъ, быть можетъ, я и ошибаюсь. Мнѣ кажется, однако же, что въ портретахъ извѣстныхъ людей слѣдуетъ держаться изображенія такого, ка̀къ и чѣмъ онъ заслужилъ свою извѣстность.

Какой ударъ и потеря смерть Ив. Серг. Аксакова! Вотъ ужъ дѣйствительно! И въ какое тяжелое время! Именно тогда, когда онъ скоро будетъ нуженъ особенно! Богъ знаетъ, что̀ будетъ нужно весной.

Не привезъ ли чего новаго Н. Н. Гѐ? Вы не пишете. И почему онъ пріѣхалъ въ Москву?

Здоровье мое все то же, то есть не важно и весьма.

Уважающій васъ И. Крамской.

PS. А все-таки мнѣ жаль, что вы уклонились вовсе отъ отвѣта по поводу портрета моего Ап. Ник. Майкова. Право это любопытно. Считаете ли вы портретъ, съ моей стороны, недостойной шуткой? Или просто полагаете, что будетъ много имѣть два портрета такого поэта? Или самый холстъ очень неваженъ? Просто интересно мнѣ лично. Конечно, вы не обязаны удовлетворять любопытства, но тутъ статья особая, и ка̀къ бы вы ни думали, я очень огорченъ не буду. Конечно, жаль, если это очень плохо — но все остальное, я докажу, не имѣетъ основанія.

CCCXLVII. Къ П. М. Ковалевскому.

10-го февраля 1886 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Если вамъ удобно пожаловать ко мнѣ въ среду, въ 2 часа пополудни, то я могъ бы начать. Въ среду будетъ сеансъ небольшой.

Примите выраженіе моего къ вамъ глубокаго уваженія и преданности.

И. Крамской.

CCCXLVIII. Къ нему же.

11-го марта 1886 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Портретъ вашъ мнѣ окончательно не удается теперь. Это мнѣ стало ясно уже давно, и я полагалъ только, что дѣло обойдется безъ радикаловъ. Ошибка лежала въ началѣ. Я сдѣлалъ больше натуры. Почему такъ—другой вопросъ. На четвертый разъ голова была готова и кончена въ своемъ родѣ, но... такъ какъ оставить его въ томъ видѣ не было возможно (хотя и была горячая и сильная живопись), а необходимо было ввести въ границы нормальныя, то и началась путаница, мелочи, паліативы, энергія первичная потухла, и осталось на холстѣ нѣчто плоское, хилое и крайне ординарное. Когда я сегодня узналъ, что будетъ Анна Ѳедоровна*), я былъ глубоко сконфуженъ, что она увидитъ, и что я долженъ буду показать совсѣмъ не то, на что я надѣялся. Лѣтъ 10 тому назадъ уже со мной не случалось ничего подобнаго, и нужно же было мнѣ оборваться именно на вашемъ портретѣ, который я такъ хотѣлъ написать! Теперь я прошу васъ извинить меня, если можете, что вы потеряли такъ много времени, и позвольте мнѣ забыть о томъ, что я писалъ вашъ портретъ, на время неопредѣленное. Когда отдохну, и когда пораженіе мое забудется мною самимъ, я, конечно, съ новымъ духомъ и радикально измѣню живопись. Теперь же, еслибы я и могъ продолжать или приступить къ извлеченію радикаловъ, сама живопись устала и замучена, ей надобно высохнуть, такъ, какъ только это возможно. Ради Бога, прошу васъ взглянуть на это обстоятельство моими глазами, и тогда вамъ легче будетъ со мной согласиться, и вы мнѣ поможете забыть неудачу.

Прошу извиненія и у милой дочери вашей, что такъ позорно обманулъ ея ожиданія. Но если только она будетъ имѣть терпѣніе, надѣюсь оправдаться.

Глубоко преданный и уважающій васъ И. Крамской.

CCCXLIX. Къ нему же.

23-го апрѣля 1886 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ отъ всего моего сердца, за любезную присылку книжекъ «Русской Мысли». Читалъ съ величайшимъ удовольствіемъ**), особенно пріятно дѣйствуетъ техника пись-

*) Ковалевская. *Ред.*

**) Статьи М. П. Ковалевскаго о художественныхъ выставкахъ и проч. *Ред.*

ма: такъ легко, остроумно, живо, и такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тонко, что рѣшительно можно изумляться. Напримѣръ: руки у Мечникова *) дѣйствительно сулятъ что-то новое въ живописи, это именно и мнѣ самому пришло въ голову, когда я смотрѣлъ его въ первый разъ. Но я думалъ, что все же это только доступно намъ, какъ поварамъ своего дѣла. И потомъ, ка́къ остро и вѣрно оцѣненъ Маковскій Константинъ—его Девойодъ и дама въ красномъ—верхушки колорита, и здороваго. Очень вѣрно. И еслибы, напримѣръ, тамъ не было обо мнѣ вовсе, я еще больше въ васъ увѣровалъ бы. А то о себѣ какъ-то все думаешь, что пишутъ по... должности, что ли, ужъ не знаю, ка́къ сказать.

Недѣльки черезъ двѣ, я думаю, что начну исправлять свой грѣхъ.

Примите выраженіе моего глубокаго уваженія и преданности.

И. Крамской.

CCCL. Къ В. В. Стасову.

Сиверская, 16-го іюля 1886 г.

Благодарю васъ, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, за память. Письмо и статьи **) получилъ и прочелъ. О статьяхъ я уже слышалъ. Не скрою, что я былъ нѣсколько удивленъ, получивъ посылку, и удивленъ пріятно. Въ послѣднія пять лѣтъ вокругъ меня начала образовываться пустота. Очевидно, становится не интересно знать: что̀ скажетъ Крамской. А онъ такъ много и такъ назойливо высказывался въ своемъ кругу, что уже знаютъ впередъ, что̀ онъ скажетъ. Но, впрочемъ, объ этомъ рѣчь еще впереди. О статьѣ я напишу немного. Слишкомъ много накопилось другихъ горючихъ матеріаловъ, и слишкомъ глубоко я начинаю расходиться съ близкими. Кто изъ насъ правъ, и чей голосъ не противорѣчитъ исторіи—вотъ что для меня важнѣе всего.

Приговоръ вашъ роману Зола̀ не расходится ни съ моимъ собственнымъ, ни съ большинствомъ мнѣній, которыя я слышалъ. Всѣ единогласно указываютъ, что превосходно изображенъ художественный міръ вообще, фонъ такъ сказать, и очень странно главныя фигуры. Какой въ самомъ дѣлѣ это новый художникъ? Но какая внутренняя причина появленія вашей статьи о романѣ Зола̀? И почему вы многія явленія, которыя, по моему мнѣнію, заслуживали бо̀льшаго вниманія и немедленнаго обсужденія, проходите молчаніемъ? Напримѣръ, хотя бы тоже учрежденіе въ Римѣ худо-

*) Портретъ профессора Мечникова, написанный Кузнецовымъ. *Ред.*

**) Статьи о романѣ Зола̀ «L'oeuvre» и о статьѣ В. В. Верещагина въ «Revue Nouvelle». *Ред.*

жественнаго «заведенія». Или передвижныя академическія выставки? Во всякомъ случаѣ, это наше домашнее дѣло, дѣло кровное. Я понимаю, что то, что совершается на всемірной сценѣ, имѣетъ другой, болѣе крупный масштабъ, и потому обращаетъ на себя вниманіе бо̀льшаго количества людей, но по своей внутренней значительности и содержанію, оно не заслуживаетъ съ нашей стороны исключительнаго вниманія. Тѣмъ болѣе, что вы нѣсколько разъ говорите: «новое искусство, новые художники». Но въ чемъ же состоитъ это новое? Для меня совершенно понятны и тѣ немногія мысли, которыя вы высказываете, но я уже вамъ говорилъ однажды, что этого совершенно недостаточно для вразумленія всей аудиторіи, для которой вы читаете. Мало того, аудиторія эта фатально забракуетъ своего профессора—(и, спѣшу прибавить, забракуетъ незаслуженно, потому что мысли и положенія профессора вполнѣ серьезны и имѣютъ огромное содержаніе). И все-таки, лекторъ во многомъ самъ виноватъ. Вы, служа искусству, любя его и понимая его нужды, обязаны были употребить и пріемъ разжевыванія, то есть поступать, какъ Бѣлинскій въ свое время. Не скучать, а кропотливо и медленно, шагъ за шагомъ, выбивать старые предразсудки изъ ихъ позицій. Недостаточно сказать: «Рутинное, идіотское и подлое, старое искусство», а путемъ логики неизбѣжно привести читателя къ тому, чтобы и онъ воскликнулъ: «Да, академическое искусство—дѣйствительно мертвое искусство!» Это обязанность критика. Это, наконецъ, въ данномъ случаѣ, ваша обязанность личная, по отношенію къ тѣмъ, кто еще борется и выбивается изъ силъ. Вы только теперь, наконецъ, увидали, что «консерваторство начинаетъ свое наступленіе по всей линіи, со всей своей тяжелой артиллеріей давленія и гашенія». А я давно вижу это и говорю. Я вмѣстѣ съ вами воскликну: «Славно! есть на что̀ полюбоваться!», только не считаю возможнымъ дать вамъ право, какъ невинному, продолжать такъ, ка̀къ вы продолжаете: «Теперь посмотримъ, какъ-то вашъ братъ выдержитъ натискъ, и какъ-то съ нимъ справится!» Кто это «вашъ братъ»? Почему же и не вашъ? Вы чисты и невинны, вы всегда являлись во время, когда вы были нужны? Вы всегда помогали? И вы помогали такъ, какъ нужно? Нѣтъ, дорогой Владиміръ Васильевичъ, вы не оказали всей помощи, которую могли; болѣе того, вы увеличивали тяжесть положенія неумѣньемъ, вѣрнѣе, впрочемъ, нежеланіемъ долго вразумлять тупыхъ, но... искреннихъ. А этихъ послѣднихъ такое огромное количество, что вы себѣ и представить не можете. Именно изъ этихъ-то искреннихъ, но далекихъ отъ искусства, по обстоятельствамъ, людей, и состоитъ та масса, которая задавитъ и васъ, и меня, и прочихъ! Ею-то и надобно овладѣть прежде всего, а не аристократами мысли, которые съ полуслова все понимаютъ, и которыхъ всегда очень мало. Я не могу допу-

стить мысли, чтобы всѣ, пишущіе въ защиту Академіи, были подлецы сознательные, чтобы они за очевидное вознагражденіе писали въ духѣ, убійственномъ живому искусству, чтобы они за деньги поддерживали Академію; нѣтъ, они въ самомъ дѣлѣ такъ и думаютъ, ка̀къ пишутъ, только думаютъ-то они невѣжественно. Это одна сторона. Теперь другая: «новое искусство». Что-жъ это за штука такая, объясните пожалуйста! Хотя я и сказалъ раньше, что я васъ понимаю вполнѣ, но, быть можетъ, и не понимаю? Быть можетъ, когда вы выскажетесь возможно пространно и терпѣливо, то мы и разойдемся? И почему именно новое и есть настоящее? И не есть ли новѣйшее, вчерашнее, еще болѣе настоящее? Нѣтъ, конечно, и очевидно нѣтъ! Потому что тогда пришлось бы допустить абсурдъ. И такъ, какое же искусство настоящее? Вы видите, что я предпочелъ бы, въ интересахъ дѣла, выбросить изъ вашего лексикона слово «новое искусство», и замѣнить его словомъ «настоящее», въ отличіе отъ фальшиваго. Какъ только перестановка эта произойдетъ, такъ сейчасъ же наступитъ и бо̀льшая ясность пониманія. Настоящее могло быть и сто лѣтъ назадъ, а фальшивое произростать въ 60-хъ годахъ. Словомъ, необходимо до очевидности разжевать вотъ что̀: при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ (климата, почвы, администраціи) искусство ростетъ хорошо, и бываетъ наиболѣе искренно, а стало быть и настоящее; при другихъ же—неизбѣжно ростетъ одна фальшь. Вы скажете: «Я это говорилъ и указывалъ». А я вамъ отвѣчаю: «Нѣтъ, не говорили, то есть не написали на эту тему сочиненія, а это необходимо». Это нельзя только сказать, необходимо доказать. Ну, а доказательства всегда по необходимости пространны, потому что, во что̀ человѣкъ разъ повѣритъ, то входитъ во всѣ тончайшіе изгибы его мозга и связывается со всѣми психическими отправленіями. Все равно, ложное убѣжденіе, или истинное, оно одинаково проникаетъ всѣ фибры существа: поэтому необходимо вытравить ошибки изъ всѣхъ закоулковъ. Вы только что сказали вѣрную мысль, но она столь нова, что объ этомъ никто, положимъ, не думалъ еще. Попробуйте собесѣдника убѣдить. Вы протолкуете недѣлю, и не выбьете стараго. Черезъ годъ смотрите: вашъ адептъ пробуетъ связать ваше новое со старымъ своимъ хламомъ. А вѣдь онъ искренно соглашался когда-то съ вами. Очевидно, остались старыя теоріи и преблагополучно живутъ себѣ. Вы эту азбуку конечно знаете, мнѣ стыдно наполнять свое письмо этимъ, но я все хочу убѣдить васъ, что ваша защита новаго движенія въ искусствѣ не облегчаетъ ему дороги и не готовитъ торжества.

Если вы припомните, я писалъ вамъ еще когда-то изъ Парижа, ровно 10 лѣтъ тому назадъ, писалъ объ Академіи и о томъ, что все вниманіе должно быть обращено на то, чтобы свалить старую систему образованія

художника, что академическая система есть главное зло; но вы мнѣ тогда отвѣчали, что я увлекаюсь и вдаюсь въ лиризмъ, много говорю о пустякахъ, и мало о главномъ, объ идеяхъ. А, между тѣмъ, прошло 10 лѣтъ, и теперь, какъ тогда, главный врагъ—воспитаніе молодыхъ художниковъ, остается во всей силѣ, и стоитъ прочно и непоколебимо......... Теперь о насъ, такъ называемыхъ «новыхъ». Причисляю себя къ нимъ только потому, что вы ко мнѣ обращаетесь,—какъ къ таковому. Я думаю, что для человѣчества дороги не столько идеи художника, сколько холсты, въ самомъ прозаическомъ смыслѣ слова. Хорошъ холстъ—человѣчество его сохранитъ и будетъ помнить имя автора; не хорошъ самъ по себѣ — кончено, имъ дорожить не будутъ. А тамъ, хоть Богъ знаетъ пусть будутъ какія новыя идеи—всѣмъ одна цѣна! Если вы согласны съ тѣмъ, что главный критерій который только былъ, есть и будетъ, есть именно тотъ, что суть есть картина сама по себѣ, тогда мы во многомъ, быть можетъ во всемъ, согласны; нѣтъ, значитъ намъ идти въ ногу нельзя, и мы не поймемъ другъ друга.

Напримѣръ, я рѣшительно не понимаю вашей послѣдней статьи о Верещагинѣ *). Почему я долженъ преклониться, когда прекрасная идея и сюжетъ дурно исполнены? Выньте картину изъ коллекціи, поставьте у себя въ кабинетѣ, и не пройдетъ 3-хъ недѣль, какъ вамъ станетъ обидно, что голова отсутствуетъ, рука дурно исполнена, и вся картина слишкомъ эскизно и безъ любви сработана. Надо любить искусство слишкомъ головой и теоретически, чтобы прощать художнику небрежное исполненіе—ради идеи. Потомъ, идеи искренны, пока онѣ новы, но разъ имъ прошло одно-два поколѣнія, онѣ теряютъ свою остроту и интересъ, и если въ холстѣ, кромѣ идей, не окажется чисто живописныхъ качествъ, картина отправляется на чердакъ. Разубѣдите меня, если я не правъ. Понимаю также очень хорошо и то, что только подъемъ идей и качество содержанія подымаютъ самое искусство, но все-таки исторія искусствъ знаетъ не того, кто изобрѣлъ, а того, кто съумѣлъ пустить въ оборотъ изобрѣтенное. Худо это или хорошо—не мое дѣло. Я знаю только то, что художникъ долженъ съ этимъ вѣдаться, зарубить это себѣ на носу и разъ навсегда сдѣлать главнымъ своимъ догматомъ. Я говорю это какъ лицо, какъ художникъ. Обходя эти вопросы и туманно выражаясь, критика только дѣло портитъ. Вѣдь всѣ не глупые люди увидятъ, что есть преувеличеніе, а разъ что-нибудь неумѣренно восхваляется—является законное желаніе посбавить спѣси................

*) Статья, напечатанная въ «Новостяхъ» по поводу статьи В. В. Верещагина, на французскомъ языкѣ, въ «Revue Nouvelle» 1886 *Ред.*

Отъ васъ хотѣлъ бы я услышать, что̀ вы разумѣете подъ «примиреніемъ», и подъ словомъ: «спасуете». Услышать желалъ бы не отрывочными фразами, а обстоятельнымъ указаніемъ предмета и лицъ, обозначая и то и другое полными именами. А также не худо, если вы объясните, при какихъ подвигахъ съ нашей стороны, вы воскликнете: «живъ курилка!» И что̀ значитъ—«живъ курилка!» Я вотъ, напримѣръ, искренно и глубоко ненавижу главную причину зла въ русскомъ искусствѣ, воспитаніе въ Академіи, и могу только утверждать, что ненависть къ нему не можетъ остынуть даже и въ послѣдній вздохъ мой (какая ужъ тутъ рѣчь о примиреніи!), а между тѣмъ—живъ ли курилка? Твердить одно и то же, не сопровождая молитву дѣлами общественнаго служенія—безплодное занятіе. Жаль мнѣ очень и глубоко огорчительно, что въ печати русской нѣтъ голоса, который бы раздавался въ пользу настоящаго искусства, но раздавался бы такъ, чтобы мы, его слабые адепты, чувствовали, что горизонты говорящаго за насъ гораздо шире нашихъ собственныхъ, и что сознаніе у нашего вожака и защитника зорко слѣдитъ и ничего не упуститъ безнаказанно, что̀ должно быть наказано; что главныя положенія, служившія основаніемъ движенію, будутъ разъяснены съ должною полнотою, и споръ станетъ невозможнымъ. Не было этого прежде, теперь ожидать безразсудно. Приходится терпѣть и молча вынести ликующую вакханалію, которая утвердилась въ художественной критикѣ. Писать самимъ художникамъ небезопасно, по многимъ причинамъ: какъ-разъ художникъ договорится до того, до чего договорился Верещагинъ. Это во всякомъ случаѣ не можетъ служить въ пользу искусства вообще. Гораздо лучше, когда за это дѣло берутся люди посторонніе. Ну, что-жъ дѣлать, я живу въ дурную полосу, но совѣсть меня пока не упрекаетъ!!!

Вашъ И. Крамской.

CCCLI. Къ нему же.

Сиверская, 21-го іюля 1886 г.

Продолжаю отвѣчать..... Является первичная форма «Артель». Я понималъ отлично и тогда, что то, что̀ возникаетъ, не даетъ художнику возможности развитія. Но тогда необходимо было прежде всего ѣсть, питаться, такъ какъ у всѣхъ 14 человѣкъ было два стула и одинъ трехногій столъ. Тѣ, у кого хотя что-нибудь было, сейчасъ же отпали. Когда мы получили возможность наѣдаться до-сыта, не въ праздники только, а и въ будни, явилась у нѣкоторыхъ жажда духа, а у другихъ полное довольство и ожиреніе. Въ эту минуту возникаетъ идея Товарищества передвижныхъ выставокъ. Замѣтьте: Академія еще и къ этому времени, къ 70-мъ

годамъ, не оправилась отъ потери крови въ 63-мъ году *). Никого не было изъ молодыхъ людей, который бы стоялъ на ея сторонѣ. Главное, во всемъ этомъ было слѣдующее: Въ 41-мъ году, правительство какъ бы сказало: пора перестать помогать, будьте сами по себѣ. И вотъ, уничтожили казеннокоштныхъ и пришли всѣ, кто хотѣлъ, и дѣлалъ въ Академіи тоже, чтó хотѣлъ. Академія и была, и не была. Профессора заняты Исаакіемъ, а ученики пишутъ: чиновниковъ, охтянокъ, мужичковъ, рынки, задворки, кто чтò попало. Ватага хотя и была невѣжественна, а дѣлала то, чтò въ сущности было нужно. Вотъ изъ этого-то времени — времени недосмотра профессоровъ, и возникло то, чтò потомъ себя заявило, и тогда же образовался тотъ контингентъ, который что-нибудь сдѣлалъ для національнаго искусства. Отъ этого недоразумѣнія были такія послѣдствія, что кипучесть той жизни до сихъ поръ еще отзывается. Марія Николаевна и Гагаринъ увидали, что художники невѣжественны. Замѣтьте, всего два человѣка, имѣющіе власть, но чтò надѣлали! Надо поставить Академію на высоту. И поставили. Прозрѣвшая же молодежь говоритъ: «Попробую сама, если вы не позволяете». Послѣ 70-го года, — иные люди, иныя пѣсни. Всѣ, кто вышелъ изъ Академіи послѣ этого времени, иначе окрашенъ, и къ сегодняшнему времени набралось ихъ уже столько, что Академія можетъ устроивать выставки, и въ самомъ дѣлѣ можетъ. Что-жъ публика? Да ничего, она въ нынѣшнемъ году посѣтила Академію художествъ въ количествѣ 20,000 посѣтителей, а Академію наукъ **) — въ количествѣ 15 тысячъ. Вотъ вамъ и отвѣтъ публики..... Лѣтъ черезъ 30 или больше, конечно, возникнетъ вновь народное движеніе (и то, если перемѣнится административный режимъ), а до тѣхъ поръ — спите и почивайте, соратники! Теперь же иныя времена и иныя пѣсни! Неужели же вы не видите, что родъ живописи Бакаловича, Семирадскаго и прочихъ — теперь самый желательный? Его наиболѣе всего склонна признать и печать... Вашъ И. Крамской.

CCCLII. Къ нему же.

1-го августа 1886 г., Сиверская.

Уважаемый Владиміръ Васильевичъ. 18-го іюля я получилъ отъ васъ письмо съ недоумѣніями и съ вызовомъ на переписку. Тамъ же было нѣ-

---

*) Рѣчь идетъ о 13-ти товарищахъ, отказавшихся въ 1863 г. отъ конкурса на большую золотую медаль и оставившихъ Академію. *Ред.*

**) Въ залахъ Академіи наукъ происходила тогда выставка передвижниковъ. *Ред.*

сколько теплыхъ строкъ къ моему угнетенному состоянію духа и выраженіе симпатіи ко мнѣ...

Я былъ благодаренъ вамъ, но не менѣе удивленъ, что вы не поняли моего письма, и приписали мнѣ такія мнѣнія и такіе взгляды, отъ которыхъ я былъ всегда далекъ.

Я написалъ вамъ тогда же немедленно одно очень длинное письмо, съ объясненіями, и отправилъ его 20-го числа, другое—въ продолженіе перваго, покороче, но тоже пространное, и пустилъ ихъ по адресу къ вамъ, въ Публичную Библіотеку. Чтобы дать вамъ понятіе о размѣрахъ писемъ, сообщаю, что на одномъ было 3 марки, а на другомъ 2. Но вотъ уже 10 дней, отъ васъ нѣтъ отвѣта.

Я не обижаюсь (всего менѣе), но меня удивляетъ, что вы не отвѣчаете, въ то время, когда сами же вызывали на переписку.

Могу думать также, что у васъ, по прочтеніи моихъ посланій, пропала охота разговаривать со мной, но и въ этомъ случаѣ простое увѣдомленіе, что письма получены вами, покончило бы дѣло довольно ясно, а то я недоумѣваю, чтó бы это значило?

Неужели письма не дошли?—Это было бы и удивительно и жаль, потому что написать ихъ опять нѣтъ ни силъ, ни охоты.

Преданный вамъ И. Крамской.

CCCLIII. Къ нему же.

2-го августа 1886 г. Сиверская.

Сейчасъ получилъ ваше письмо, уважаемый Владиміръ Васильевичъ, и очень радъ, что есть причина вашему молчанію, а то я боялся, что письма пропали, не потому, чтобы они что-нибудь значили сами по себѣ, а потому, что на нихъ потрачено мною много труда, хотя и напраснаго, какъ я вижу. Въ самомъ дѣлѣ, серьезно, оказывается, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, — тѣмъ больше дровъ. Чѣмъ я стараюсь больше, тѣмъ меньше вы понимаете... и тѣмъ все съ большимъ жаромъ убѣждаете меня, что я не тотъ уже, какъ прежде, и что я опускаюсь на дно. Что-жъ я могу тутъ сдѣлать? Могу только свидѣтельствовать, что, значитъ вы меня ни капельки и не знали. Я всегда былъ именно то, что теперь, и вы напрасно такъ храбро утверждаете, что я будто бы «отказываюсь отъ того, что прежде думалъ, и что прежде находилъ хорошимъ, то сталъ находить худымъ». Это уже, извините, я готовъ назвать это клеветой. Этого нѣтъ и не было!

Обращаюсь къ вашему послѣднему письму по существу. Буду по воз-

можности для меня яснымъ, чтобы нельзя было перетолковать моихъ словъ ни въ ту, ни въ другую сторону.

Ну скажите, по совѣсти: неужели вы хотя на минуту могли серьезно подумать, что я измѣряю успѣхъ художественный—по числу посѣтителей? А между тѣмъ, я это написалъ, да, написалъ; и еще напишу. Неужто я такой дуракъ, что вотъ такъ просто и думаю? Вѣдь кому я пишу? Я пишу человѣку, который знаетъ дѣло не хуже моего, и онъ, услышавъ отъ меня о цифрѣ, пойметъ моментально, что эта цифра, въ связи со всѣмъ, что было въ эти 14—15 лѣтъ, «кое-что» поясняетъ. Именно «кое-что», къ чему не слѣдуетъ относиться свысока и фыркать. Это есть симптомъ, указывающій, какъ барометръ, на сколько публика чувствительно задѣта. Примѣръ «Нана» сюда не идетъ, потому что то былъ скандалъ, а тутъ дѣла текущія, къ которымъ публика привыкла, и поступаетъ болѣе или менѣе «хладнокровно»—а это много значитъ! Да наконецъ вы сами, когда-то, говоря о Верещагинѣ и его выставкѣ, ссылались на то, что у него было такъ много посѣтителей, какъ никогда на выставкахъ. Что бы вы сказали, еслибы я, придравшись къ этому, закричалъ: «Помилуйте, вы оцѣниваете художественный успѣхъ числомъ посѣтителей!!!» Воля ваша, такъ нельзя. Какъ нельзя взваливать на меня и «канцелярскую бумагу...»

Теперь два слова вообще о нашемъ недоразумѣніи. Не употреби вы въ первой своей запискѣ фразы, что вотъ-дескать наступленіе по всей линіи, «посмотримъ, какъ-то вашъ братъ выдержитъ», я не написалъ бы своего письма и не было бы ни втораго, ни третьяго.... И такъ помню, а тутъ еще вы: «Посмотримъ на вашего брата!!!» Тогда какъ вы, именно вы, не все сдѣлали, что могли, а можетъ быть и не могли. Всѣ мои требованія отъ критика, всѣ мои требованія, объясненія, относились только именно и лично къ вамъ, а не къ тѣмъ, кто кромѣ васъ опредѣлялъ и писалъ о новомъ искусствѣ. Тѣ сдѣлали свое дѣло, а вы передъ русскимъ обществомъ не сдѣлали. Что же касается «Тормазовъ русскаго искусства»*), то я когда-нибудь изложу вамъ мои взгляды на это лично, по самой статьѣ. Но повторяю: мало сказать, надо доказывать.

Вашъ И. Крамской.

CCCLIV. Къ нему же.

8-го августа 1886 г., Сиверская.

Я было кончилъ съ вами переписку, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, потому что усталъ, и физически, и нравственно. Въ самомъ

*) Статьи В. В. Стасова въ «Вѣстникѣ Европы». *Ред.*

дѣлѣ, вамъ говоришь про Ѳому, а вы (извините)—про Ерему. Я вамъ пишу, что ваши писанія и статьи грѣшатъ тѣмъ, что не убѣждаютъ читателя, хотя полны вѣрныхъ положеній и новы, и что именно, въ силу ихъ новизны, необходимо убѣждать, убѣждать, разжевывать и вдалбливать... А вы мнѣ о слѣпыхъ, хромыхъ и Силоамской купели, и кончили такъ, ка̀къ я и не ожидалъ: что я васъ считаю критикомъ ничего нестоющимъ и даже вреднымъ. Да въ моихъ послѣднихъ даже письмахъ вы найдете указаніе, противорѣчащее этому. Я всегда говорилъ, что во всякомъ случаѣ вы единственный человѣкъ, который съ 60-хъ годовъ говорилъ то, что̀ исторически было нужно. Теперь, по опредѣленіи вашей дѣятельности, я могу прибавить: ка̀къ жаль, что этотъ единственный человѣкъ та̀къ халатно относится къ своему дѣлу, и не хотѣлъ никогда узнать, изъ кого состоитъ его аудиторія. Потому что у него на лекціи, кромѣ меня и еще 5—6 художниковъ, которымъ жевать нечего, набирается слушателей два — три десятка тысячъ, которые не только не имѣютъ въ себѣ ничего враждебнаго лектору, но искренно хотѣли бы узнать, что̀ это за движеніе въ искусствѣ, и что̀ это за новое искусство, и ка̀къ это понимать надобно... Но лекторъ бросаетъ-себѣ отрывочныя положенія бездоказательно, которыя та̀къ и остаются висѣть въ воздухѣ, а ловкіе парни все это потомъ нанизываютъ на ниточку и высмѣиваютъ передъ публикой, въ другихъ аудиторіяхъ. И отъ вашихъ истинныхъ и прекрасныхъ положеній и мыслей ничего не остается. То-есть, остаются крупицы у слушателей, которые собственно и безъ васъ много понимаютъ и видятъ. Мнѣ обидно, что ваша критическая дѣятельность, въ области живописи, привела не къ торжеству тѣхъ истинныхъ положеній, за которыя вы стояли, а къ пораженію, и даже больше, къ посмѣянію. Потому что, сто̀итъ зайти рѣчи о статьяхъ Стасова, какъ со всѣхъ сторонъ раздаются возгласы: «Ну что̀ Стасовъ, вѣдь ужъ это извѣстно!..» и т. д. И такъ, слѣдовательно, я васъ не только признаю, и признавалъ, но говорю — вы единственный. А что я пишу о вашихъ недостаткахъ, какъ критика, то это мнѣ не мѣшаетъ понимать то̀ здравое и истинное воззрѣніе на искусство, которое лежитъ базисомъ въ вашихъ статьяхъ.

..... Не могу не вернуться еще къ тому, ка̀къ вы поняли мою критику о васъ, какъ писателѣ. Вы обидѣлись, хотя скрываете это. Вы пишете, что хотѣли мнѣ предложить даже не читать вашихъ статей. «Чортъ съ ними», пишете вы. «Вы, Крамской, легко найдете столько другихъ статей, которыя будутъ вамъ симпатичны, пріятны, будутъ удовлетворять васъ». Вотъ этого я не могу оставить вамъ и подарить, то-есть пройти безъ отвѣта. Что̀ это, какъ не горечь обиды и обиды авторской! До сихъ поръ вы хорошо маскировали себя передо мной. Я все думалъ: Вотъ человѣкъ

который о себѣ способенъ выслушать правду и не обидѣться! (то-есть правду мою личную). Я глубоко васъ за эту черту уважалъ. Это было указателемъ недюжиннаго личнаго характера. И вдругъ, вы такъ же, какъ и первый встрѣчный, говорите: «Возьмите читать другого, о! вы много найдете такого, чтò васъ будетъ удовлетворять!!!» Да за кого-жъ вы меня принимаете? Какъ будто я не знаю, ктò чтò пишетъ объ искусствѣ! Кàкъ будто вы дѣйствительно знаете, чтò меня удовлетворитъ! И какое обидное и унизительное предположеніе! Вы меня не удовлетворяете, стало быть люди противоположнаго вамъ направленія меня удовлетворятъ!! Не ожидалъ я, что вы такъ обидчивы — буду знать впередъ. Меня обманула кажущаяся ваша невозмутимость.

Дальше: вы пишете, что я въ какой-то «робости» и вмѣстѣ «отчаяніи» за русское искусство. Извините, этого я никогда не высказывалъ. За все русское искусство я спокоенъ, и знаю, что оно себѣ, рано или поздно, а завоюетъ уваженіе, и уваженіе широкое, начиная даже съ правящихъ и заправляющихъ его судьбами и кончая улицей. Искусство національное (какое только и имѣетъ настоящую цѣну) должно быть уважено и должно пользоваться подобающей честью, но... только долго и далеко до торжества. Я думаю, даже, что благодаря «атакѣ по всей линіи», кàкъ вы картинно выразились, національное искусство вступаетъ въ полосу гоненія сознательнаго. Прежде — при Ѳедотовѣ и на зарѣ Перова и молодой плеяды, гоненіе было спорадическое, безсознательное, припадками, а наступаетъ время систематическаго вытравливанія. Молодежь, которая пополняетъ всегда кадры, не на сторонѣ національнаго искусства, а это указываетъ на наступающее затишье—и надолго. Кто этого не видитъ — благо ему, пусть ликуетъ, что русское искусство точно слонъ! Обо всѣхъ такихъ напастяхъ я своевременно билъ въ набатъ, говорилъ, а кончилъ тѣмъ, что вижу: мнѣ надо сидѣть смирно и не вмѣшиваться; другіе лучше меня видятъ и понимаютъ и время, и обстоятельства. Противъ этого послѣдняго я ничего не имѣю, но дожить до признанія того, что я не совсѣмъ ошибался, мнѣ бы хотѣлось.

Эхъ, много чего еще слѣдовало бы поговорить, но я усталъ. Извините, больше писать не буду. Если хотите, можемъ встрѣтиться въ городѣ, въ воскресенье въ 6 часовъ. Я буду обѣдать въ саду, бывшемъ Демутъ, и останусь ночь въ городѣ. Въ понедѣльникъ долженъ уѣхать назадъ.

Вашъ И. Крамской.

Объ Рафаэлѣ — устно.

CCCLV. Къ П. М. Ковалевскому.

21-го сентября 1886 г., Спб.

...оуважаемый Павелъ Михайловичъ. Возвращаю вамъ книгу Тол- ...глубоко благодарю васъ. Говорить о «Смерти Ивана Ильича», а ...аче восхищаться, будетъ по меньшей мѣрѣ неумѣстно. Это нѣчто ...что перестаетъ уже быть искусствомъ, а является просто творче- ...ъ. Разсказъ этотъ прямо библейскій, и я чувствую глубокое волне- ...и мысли, что такое произведеніе снова появилось въ русской лите- ...рѣ. Слава Богу, и русскіе внесли кое-что и увеличили и безъ того ве- ...е собраніе человѣческихъ благородныхъ произведеній. Удивительно ...этомъ разсказѣ отсутствіе, полное, украшеній, безъ чего, кажется, нѣтъ ...одного произведенія человѣческаго.

Извините меня, что я все еще не могу указать точно дня, когда я при- ...усь за окончаніе портрета. Одно скажу, что должно быть скоро.

Примите выраженіе моей глубокой почтительности и уваженія.

И. Крамской.

CCCLVI. Къ нему же.

30-го сентября 1886 г., Спб.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Со 2-го октября я попробую работать. Ежедневно къ вашимъ услугамъ. Выберите день, и дайте знать телеграммой.

Примите выраженіе моей глубокой почтительности и уваженія.

И. Крамской.

CCCLVII. Къ В. В. Стасову.

Спб., 30-го сентября 1886 г.

Приношу мою благодарность, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, за память о моей просьбѣ — прислать статью вашу по поводу академіи въ Римѣ.

Совершенно согласенъ, что академія въ Римѣ не только безполезна но... вредна! Это одинъ изъ оскорбительнѣйшихъ помысловъ академиче- ской клики. Прибавлю только, что въ статьѣ недостаетъ нѣкоторыхъ со- ...вѣстныхъ, впрочемъ, только художникамъ. Если здоровье по- ...въ печати, что, по моему мнѣнію, необходимо ...оклады и должности. Быть мо- ...заведутъ!

Чтò касается разныхъ нерѣшенныхъ вопросовъ, то я не знаю, ка́къ быть—я почти не могу выходить, боленъ, а самъ я дома постоянно и радъ васъ видѣть всегда. Вашъ И. Крамской.

CCCLVIII. Къ П. М. Ковалевскому.

20-го октября 1886 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Христа ради, объясните всѣмъ, что на фонѣ пятенъ нѣтъ, а это жухлость. Конторку я когда-нибудь сдѣлаю у васъ. Портретъ въ невозможномъ видѣ!!

И. Крамской.

CCCLIX. Къ И. Н. Вожерянову *).

(Редактору-издателю «Художественнаго Хроникера»).

9-го декабря 1886 г.

Извините меня великодушно, что я такъ долго не могъ вамъ отвѣчать, но мнѣ не легко было исправить списки, такъ какъ подлинныхъ не имѣю, а отыскать можно было только въ Архивѣ Товарищества, для чего я все тревожилъ письмами членовъ правленія Товарищества. Я переставилъ, какъ вы увидите, года, потому что выставки сначала все запаздывали, пока не перешли въ другой годъ, т. е. первая была въ сентябрѣ и октябрѣ 1871 г., вторая въ ноябрѣ и декабрѣ 1872 г., а третья въ январѣ и февралѣ 1874 г., и только съ пятой выставки установились правильные сроки. И. Крамской.

CCCLX. Къ Е. М. Вёмъ.

Спб., 25-го декабря 1886 г.

Многоуважаемая Елизавета Меркурьевна. Благодарю васъ за трогательную внимательность, которую вы мнѣ постоянно выказываете. Листики менiò **)—забавная прелесть.

Уважающій и преданный И. Крамской.

*) Это письмо, съ приложеніемъ списка (впрочемъ не полнаго) работъ Крамского, было напечатано въ «Художественномъ Хроникерѣ» 1887, №13—14. *Ред.*

**) Тетрадка силуэтовъ съ «дѣтскими менiò», композиціи г-жи Вемъ. *Ред.*

CCCLXI. Къ П. О. Ковалевскому.

12-го января 1887 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Сердечно благодарю васъ за вашу о насъ, бѣдныхъ (дѣйствительно бѣдныхъ), заботливость. Но помѣщеніе это *) намъ знакомо, его осматривали. Это обыкновенная квартира, не очень большая, имѣющая двѣ комнаты большихъ и... только.

Примите выраженіе благодарности и уваженія. И. Крамской.

CCCLXII. Къ П. М. Третьякову.

15-го января 1887 года, Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я очень радъ, что не ошибся. Мнѣ помнилось только, что я такъ серьезно (будучи больнымъ) сожалѣлъ, что не сдѣлалъ этотъ несчастный портретъ. Полагая также, что мнѣ въ будущемъ времени не представится его сдѣлать, я хотѣлъ, когда представился случай, очистить долгъ, очистить его совсѣмъ. А потому, какъ мнѣ казалось, включилъ его въ счетъ, и писалъ объ этомъ. Но точно также, безгранично вамъ вѣря и привыкнувъ къ вашей точности, которая превосходитъ мою въ значительной мѣрѣ, я сомнѣвался. Радуюсь, что дѣло разъяснилось. Что же касается уплаты, то это все равно—время терпитъ; пріѣдете на масляницу, тогда отдадите за оба. Не знаю только, не покажется ли вамъ дорого за Васнецова 300? Но вѣдь я становлюсь все дороже, по мѣрѣ приближенія къ... Впрочемъ, вы скажете мнѣ тогда, еслибъ вы нашли цѣну дорогою. Что же касается ***, то я постараюсь возбудить этотъ вопросъ, разъяснить его окончательно, и сообщу вамъ.

Пишу такъ неувѣренно вотъ почему: г-жа эта на меня очень, оказывается зла, именно зла, и она, къ сожалѣнію, такова и есть, да еще и... женщина. Когда я узналъ отъ друга ея (бывшаго), женщины писательницы, объ этомъ обстоятельствѣ, я безгранично былъ удивленъ, и долго не могъ добиться причины. Но наконецъ мнѣ удалось узнать слѣдующее: она на меня разсердилась за то, что я не показалъ ей своей картины (большой), которая 7 лѣтъ тому назадъ стояла однажды въ Петербургѣ, въ мастерской. Дѣло было такъ. По возвращеніи моемъ изъ-заграницы, я съ *** не видался съ тѣхъ поръ, какъ писалъ ее въ.... Однажды она пріѣхала въ Петербургъ и была у меня съ двумя своими друзьями и пріятельницами (и моими знакомыми), которымъ она сказала раньше, что ѣдетъ ко мнѣ смотрѣть мою картину. Тѣ ей сказали, что я никому ее еще не

*) Для Передвижной выставки въ Петербургѣ. *Ред.*

показываю, но она имъ отвѣчала: «Все равно—мнѣ покажетъ, поѣдемте». Дѣло было вечеромъ. За чаемъ она говоритъ: «Ну, Иванъ Николаевичъ, пойдемте смотрѣть картину—я за тѣмъ и пріѣхала». Я извинился и сказалъ, что не могу показать. Она стала обижаться. Чтобы оправдать отказъ, я сказалъ, что даже жена моя (показываю на Софію Николаевну) не видала ее!.. Вотъ и только! И вообразите, это, говорятъ, истинная причина, да другой и быть не можетъ, такъ какъ я съ нею никогда не видался. Уважающій васъ И. Крамской.

CCCLXIII. Къ В. В. Стасову.

15-го января 1887 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Радуюсь видѣть Марка Матвѣевича Антокольскаго, а также радуюсь, что онъ на меня не держитъ зла. Я всегда дома. Двинуться самъ къ нему не могу, но еслибы онъ ко мнѣ не зашелъ, то дѣлать нечего, я постарался бы его увидать, чтобы снять съ себя тяжесть.

Преданный вамъ И. Крамской.

CCCLXIV. Къ И. П. Ропетту.

30-го января 1887 г., Спб.

Многоуважаемый Иванъ Павловичъ. Находясь еще подъ впечатлѣніемъ видѣннаго мною вчера «Троннаго мѣста»*), хочется сказать вамъ, что думается.

Во-первыхъ, прошу васъ: не троньте типа и характера общаго, и даже детальныхъ вещей не очень позволяйте себѣ трогать.

Вы нашли чрезвычайно удачную форму, форму, которая не приходитъ часто художнику. Скажу вамъ, что я не то, чтобы былъ непогрѣшимый критикъ, но утверждаю о себѣ, что если мнѣ что понравится и засядетъ, въ томъ есть что-нибудь. На этотъ разъ, «Тронное мѣсто» ваше — есть новость, оригинальность и необыкновенная красота, хотя и своеобразная.

Во-вторыхъ, не думайте пожалуйста, что вы можете легко улучшить, поправить, и, перекомпановывая, получить еще болѣе интересное. Увѣряю васъ—заблужденіе. Почему заблужденіе, когда вы чувствуете себя въ силахъ сдѣлать еще болѣе красивое? Я знаю изъ наблюденій многихъ годовъ надъ композиторами, живописцами и архитекторами,—общее за-

*) Для проэкта памятника Александру II въ Москвѣ, самого Крамского. *Ред.*

блужденіе: что когда достигнутъ смыслъ, выраженіе, то обыкновенно думаютъ, что можно еще это улучшить. Вотъ эта-то мысль и есть заблужденіе. Психологическій законъ тотъ, что если данная форма разъ выражаетъ задачу, всякая другая только будетъ хуже. Въ вашей формѣ совершенствованіе можетъ идти въ сторону миніатюрныхъ украшеній на данныхъ теперь шаблонахъ. И еще, что можетъ быть не хуже того, что есть. это только величина, размѣръ. Если, при вырисовываніи и детальной обработкѣ, общее станетъ чуть-чуть (замѣтьте: чуть-чуть!) меньше, будетъ не хуже, а больше—Боже избави!

Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать.

Украшайте и отдѣлывайте, если найдете нужнымъ, но не передѣлывайте, ради Бога.

Дѣло рѣшено. Задача кончена. Я очень радъ и благодаренъ вамъ.

Вашъ И. Крамской.

Нельзя ли чертежъ этотъ оставить неприкосновеннымъ? Каждую, даже малую поправку, лучше сдѣлать на другомъ рисункѣ, а то этотъ рисунокъ при вырисовываніи измѣнится и возстановить его будетъ уже невозможно.

CCCLXV. Къ П. М. Ковалевскому.

Февраль 1887 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благоволите отпустить портретъ для выставки. Говорятъ, что выставка обѣщаетъ быть интересной. Съ воскресенья будемъ ждать Государя.

Глубокопреданный и уважающій васъ И. Крамской.

CCCLXVI. Къ Е. М. Вёмъ.

14-го марта 1887 г., Спб.

Глубокоуважаемая Елизавета Меркурьевна. Мнѣ встрѣтилась надобность въ рисункахъ цвѣтовъ, грибовъ и насѣкомыхъ; а такъ какъ вы и сестра ваша имѣете превосходные рисунки, то не благоволите ли прислать мнѣ, съ посланнымъ, на одну недѣлю. Ручаюсь, что буду обходиться очень бережно, и возвращу съ величайшею благодарностью и въ совершенной исправности. Если можете, не откажите. Исполненіемъ просьбы обяжете очень глубоко уважающаго васъ и преданнаго И. Крамского.

PS. Дочь моя возвратитъ вамъ ихъ.

III

СТАТЬИ

I. Взглядъ на историческую живопись*).

Миръ праху твоему, святой, великій и послѣдній потомокъ Рафаэля! Съ твоею смертью, благородный Ивановъ, окончилось существованіе исторической религіозной живописи въ томъ смыслѣ, какъ ее понималъ и которою жилъ Рафаэль. Ты стоишь послѣднимъ и запоздавшимъ ея представителемъ, и въ этой-то запоздалости причина твоей смерти и судьба картины между твоими современниками. Но твое позднее появленіе въ мірѣ не случайное, а составляющее рубежъ и связь съ будущими историческими художниками, которые будутъ трудиться на пути, тобою указанномъ, проявляя то же въ другихъ образахъ. Твоя картина будетъ школой, въ которой окрѣпнутъ иные дѣятели, и она же укажетъ многимъ изъ молодого поколѣнія ихъ назначеніе. Часъ старой исторической живописи пробилъ, и предъ твоею картиною не одинъ изъ юныхъ художниковъ искренно помолится и искренно заплачетъ въ глубинѣ духа объ утратѣ вѣры въ людей, и не одного изъ нихъ вылечитъ ужасающій вопль о пустотѣ и безплодности человѣческаго сердца, и не одинъ изъ нихъ почувствуетъ исполинскую силу для представленія всего безобразія и пустынности человѣческаго рода, и всего того, къ чему пришло человѣчество съ своимъ эгоизмомъ, безвѣріемъ и знаніемъ. Да, твоя картина—для художниковъ!.. Что такое понимается въ настоящее время подъ словомъ «историческая живопись» представителями искусства? Или они и сами не вникаютъ въ смыслъ,

*) Статья эта осталась ненапечатанною. Въ своихъ статьяхъ «Судьбы русскаго искусства» (1877) Крамской, говоря о смерти Иванова въ 1858 г., прибавляетъ: «25 лѣтъ работать, думать, страдать, добиваться, пріѣхать домой, къ своимъ, привезти имъ этотъ подарокъ (картину), что такъ долго и съ такой любовью къ родинѣ готовилъ, и вотъ тебѣ! Мы даже не съумѣли пощадить больного человѣка. Мнѣ просто стало страшно. И, помню, я даже что-то такое написалъ по поводу смерти Иванова». *Ред.*

а трактуютъ о ней по извѣстнымъ наружнымъ признакамъ, какъ-то: тогамъ, сандаліямъ, драпировкамъ и археологической вѣрности утвари; или же ничего не подразумѣваютъ, а оставляютъ развитіе молодыхъ людей на произволъ заведеннаго порядка. И того и другого слѣдствіемъ бываетъ смерть талантовъ, недостаточно сильныхъ уничтожить увѣковѣченные порядки, какъ по неправильному направленію, полученному въ ранней молодости, такъ и по недостатку средствъ къ развитію. И вотъ является картина, великая по идеѣ, замѣчательная по исполненію и истинно-историческая по духу, и что же? Руководители искусства не нашли въ ней творчества, композиціи, и объявили вещью плохой и несогласной съ законами исторической живописи! А публика? А публика живетъ другой жизнью, жизнью Фауста, и въ ней нѣтъ уже тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ вылилась эта картина,—она утратила вѣру, она погружена въ свои ученые результаты, она гордится своимъ знаніемъ, она поклоняется иному богу и ей ли слушать слова пророковъ, когда она имъ уже не вѣритъ, ей ли вслушиваться въ слова Спасителя, когда она уже ихъ взвѣсила и отвела мѣсто Ему между геніями земли? Нѣтъ, она уже не можетъ увлекаться этимъ, она переросла этотъ періодъ! И вотъ участь этого произведенія рѣшена, а съ нею вмѣстѣ и участь художника—творца ея. И онъ умеръ. Да онъ и не могъ жить одной головой, безъ участія сердца,—ему надобна жизнь полная, человѣческая. А чѣмъ же онъ будетъ дышать, когда элементъ питанія сердца былъ отнятъ у него, какъ только онъ сталъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью?.. И палъ онъ, великій, и ни въ комъ въ публикѣ не дрогнуло сердце,—только художники почувствовали себя осиротѣвшими, и только у нихъ вырвался болѣзненный стонъ.

Да, миръ твоему праху, великій Ивановъ! Другого Иванова не будетъ, потому что художникъ настоящій и художникъ будущій, вѣрный своему идеалу, станетъ подслушивать біеніе пульса человѣческой жизни теперь, для того, чтобы уразумѣть и опредѣлить, какъ доктору, родъ болѣзни...

До этой роковой минуты художникъ привыкъ думать, что историческая живопись Рафаэля, Леонардо-Винчи, Корреджіо, Мурильо и др. существуетъ и живетъ, а что нѣтъ только великаго таланта, чтобы заставить увлечься публику, и онъ скорѣе готовъ клеветать на себя, чѣмъ на общество; но фактъ такой яркій, потрясающій, совершившійся на его глазахъ, вывелъ его изъ этого ложнаго убѣжденія, и онъ остался съ разбитымъ сердцемъ и съ недоумѣніемъ, ни къ чему его не приводящимъ, какъ только къ тому, что историческая живопись пала. Но забылъ онъ, бѣдный, второпяхъ, что онъ живетъ и что живетъ еще и родъ людской, а пока живутъ люди, живетъ исторія! Развѣ-жъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣкъ те-

перешній не есть достояніе исторіи, развѣ онъ будетъ пробѣломъ въ ней и мы не будемъ жить въ потомствѣ? Нѣтъ, онъ будетъ принадлежать исторіи, хоть бы ей пришлось сказать о насъ, что мы ничего не сдѣлали и ничего не прибавили въ сокровищницу Бога, къ оправданію себя предъ Нимъ за жизнь свою, и что мы только были довольны тѣмъ, что уже все знаемъ. Итакъ, настоящему художнику предстоитъ громадный трудъ закричать міру громко, во всеуслышаніе, все то, что скажетъ о немъ исторія, поставить предъ лицомъ людей зеркало, отъ котораго бы сердце ихъ забило тревогу, и заставить каждаго сказать, что онъ увидитъ тамъ свой портретъ, и тотъ только будетъ истиннымъ историческимъ художникомъ, кто, оставшись вѣрнымъ своему идеалу и началу всего изящнаго въ природѣ, покажетъ разстояніе, отдѣляющее начало отъ его проявленія. Хотя и жаль, и грустно разстаться съ образцами древнихъ,—художникъ долженъ пожертвовать своею любовью для любви къ людямъ. Онъ долженъ разстаться съ ними и потому, что вѣчная красота, которой поклонялись древніе художники, невидима между людьми и что съ этой вѣчной красоты дерзкая пытливость и самопоклоненіе сорвали покрывало, подъ которымъ она жила между нами; сорвали покрывало съ религіи, бытія міра сего и не нашли подъ нимъ ничего.

И вотъ, раздался хохотъ искусителя, торжествовавшаго свою послѣднюю побѣду надъ бѣднымъ человѣчествомъ, и къ нему присоединились дерзкіе хулители вѣчной правды, и міръ увидалъ, что дѣйствительно пьедесталъ опустѣлъ,—забывъ завѣтъ Бога и собственныя убѣжденія, что не можетъ красота вѣчная и божественная быть явлена очамъ неправедныхъ, лукавыхъ и искушающихъ...

Но въ самомъ ли дѣлѣ идеала нѣтъ нигдѣ, если его нѣтъ на пьедесталѣ?.. На вопросъ этотъ отвѣтитъ художникъ, вѣрный идеалу и живущій полною жизнью, художникъ, который заговоритъ съ міромъ на языкѣ, понятномъ всѣмъ народамъ, художникъ, подслушавшій послѣднее, предсмертное біеніе сердца зла, художникъ, который угадаетъ историческій моментъ въ теперешней жизни людей, въ теперешнемъ поворотѣ и послѣднемъ возрастѣ міра, — въ возрастѣ знанія и убѣжденія... И обо всемъ этомъ скажетъ въ свое время историческій художникъ!...

1858 г.

II. Наслажденіе природой*).

Въ ряду высокихъ эстетическихъ наслажденій человѣка лежитъ наслажденіе природою. Ка̀къ отрадно, когда все столичное, начиная дѣломъ ежедневнымъ, торопливымъ и оканчивая пылью, духотою, лежитъ уже далеко за чертою и моихъ помысловъ, прогулокъ и труда. Завтрашнее утро я уже встрѣчу среди полей и трудящагося русскаго народа.

Съ какимъ страннымъ, давно забытымъ чувствомъ я вступилъ въ садъ, полный цвѣта вишенъ и другихъ плодовъ; даже ротъ мой обрадовался, и безъ моего вѣдома самъ собою расширялся до ушей. А когда я протянулся подъ деревомъ на травкѣ, да заснулъ, то есть вотъ какъ! А еще говорятъ, что наше тѣло мѣднаго гроша не стоитъ!.. Имъ бы только во облацѣхъ воздушныхъ! Нѣтъ, пусть они попробуютъ проснуться потомъ черезъ нѣсколько времени, да почувствуютъ то же, что̀ и я, какъ сказалъ гдѣ-то Рудый Панько Гоголя: «и рука тобі лежить, и нога тобі лежить, и голова тобі лежить и увесь лежить»,—такъ послушалъ бы я, что̀ бы они запѣли. А потомъ, Господи! сидишь передъ вечеромъ подъ горою, да еще и ногами болтаешь, шевельнуться не хочется,—такъ хорошо: лѣнь такая пріятная, и въ головѣ ни одной мысли, а работать—да давайте, хоть что хотите буду дѣлать, только теперь не трогайте. Немного погодя, и темнѣе стало, солнышко ужъ зашло; вотъ, въ сторонѣ, кто-то въ бѣломъ пальто застучалъ часто каблуками по дорожкѣ внизъ по направленію къ городу; вѣрно пожелалъ спокойной ночи дачникамъ. Ступай, я тебѣ не завидую. Вишь разбѣжался, какъ никогда, и скрылся между деревьями; потомъ вонъ по полянкѣ опять показался, да и спрятался... Никого нѣтъ, тишина, соловьи,—однимъ словомъ, какъ слѣдуетъ. Только увидалъ его опять, какъ онъ переѣхалъ черезъ рѣчку въ крошечной лодочкѣ и пошелъ по дорожкѣ. И все слѣдишь его, слѣдишь до тѣхъ поръ, пока ужъ и не разберешь, человѣкъ ли то, или бѣлый теленокъ. Впечатлѣнія рѣдки и не давятъ, не толпятся въ головѣ, вытѣсняя другъ друга, а точно гости гдѣ-нибудь въ Малороссіи—чинно одинъ за другимъ входятъ, перекрестятся на образъ три раза, да потомъ уже кланяются хозяину, поведутъ разговоръ съ достоинствомъ, не торопясь,—славно! Да, человѣку нужна и такая жизнь, и счастливъ, кому удается это, будь онъ хоть бобыль. Нужно быть и въ столицѣ, только не до истомленія и болѣзни, и не заживаться въ деревнѣ до скуки. А когда утромъ съ солнцемъ встанешь, да пойдешь, куда глаза глядятъ—вотъ хорошо! и собачки въ деревнѣ все такія ласковыя: встрѣ-

---

*) Статья эта осталась ненапечатанною. *Ред.*

чаютъ тебя какъ будто добраго знакомаго, хвостикомъ помахаютъ и далеко, далеко проводятъ. Вотъ и поле наконецъ, и какъ будто думаешь: на что тебѣ домъ и все, что нужно къ нему? И такъ хорошо, а самъ все идешь по горѣ.

Обратный путь я счелъ полезнымъ избрать внизу подъ рѣкою. Вонъ сидитъ рыболовъ и жадно смотритъ на удочку: охотникъ ли онъ, или нужда тяжкая заставляетъ—Богъ знаетъ,—у рыболововъ не разберешь. По берегу между кустарникомъ пасется стадо, а на полянкѣ положились барашки и такъ забавно жуютъ,—скоро, скоро,—и маленькіе туда же, шамшаютъ, и одинъ изъ нихъ такой задорный, толкаетъ мать подъ животъ: давай ему молока; и тутъ же въ серединѣ баранъ поднялъ голову къ самому солнышку и жуетъ медленно, съ разстановками, точь въ точь его превосходительство на званомъ обѣдѣ... какъ вдругъ изъ-за куста корова — отъ меня давай Богъ ноги! Чего дура испугалась цивилизованнаго человѣка?

Однакожъ солнышко начинаетъ пригрѣвать, пора и домой...

1862—1863.

III. Событіе въ Академіи художествъ *).

Недавно, именно 9-го ноября, 14 учениковъ Академіи художествъ подали прошенія о выдачѣ имъ дипломовъ на званіе художниковъ. Съ перваго взгляда, въ этомъ поступкѣ незамѣтно ничего, кромѣ желанія прекратить со стороны молодыхъ людей свои дальнѣйшія академическія занятія; къ тому же всѣ они народъ свободный, вольноприходящіе ученики, и, слѣдовательно, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но это только съ перваго взляда. А такъ какъ событіе это было обусловлено многими интересными подробностями предыдущихъ событій, то я считаю даже нужнымъ ознакомить публику съ этими подробностями.

Извѣстно, что въ Академіи существуетъ давнишній порядокъ задаванія сюжетовъ на конкурсъ для полученія золотыхъ медалей, дающихъ право поѣздки заграницу на нѣсколько лѣтъ. Предполагается, что золотая медаль, дающая такія, во всѣхъ отношеніяхъ счастливыя, условія къ развитію таланта, должна доходить по назначенію, то есть достаться тому, кто въ самомъ дѣлѣ оправдаетъ выборъ Академіи, и траты государственныхъ суммъ не будутъ расходуемы напрасно. Ясно, слѣдовательно, что система экзаменовъ для опредѣленія способностей, претендующихъ на такую

*) Статья эта не была напечатана. *Ред.*

награду, должна быть непогрѣшима, насколько это возможно, и обезпечивать успѣхъ достойнѣйшему. Но вотъ Академія, съ своей системой, о которой идетъ рѣчь, уже сто лѣтъ (въ будущемъ году) какъ ежегодно посылаетъ по нѣскольку человѣкъ, а мы все-таки не имѣемъ изъ нихъ художниковъ. Даже какъ будто въ насмѣшку надъ усиліями Академіи, большая половина лучшихъ и даровитѣйшихъ представителей искусства вышла изъ молодежи, непризнанной Академіей. Хотите ли примѣровъ? Извольте. Шебуевъ и Егоровъ не получили золотыхъ медалей, Брюлловъ не былъ удостоенъ первой золотой медали*), Бруни также—вотъ имена громкія изъ нихъ. Давно уже выражено было публикой и литературою сомнѣніе въ дѣйствительной пользѣ такихъ задачъ и такихъ экзаменовъ, результатами которыхъ угощаются посѣтители Академической выставки ежегодно. Молодые художники, чувствуя на себѣ всю тяжесть и несправедливость этого порядка, давно уже порывались отдѣльными единицами освободиться отъ этой подавляющей зависимости и старались перейти на родъ живописи, называемый «жанръ», гдѣ давалась свобода выбора сюжетовъ и возможность высказаться личнымъ наклонностямъ художника, что въ большей части случаевъ вело къ успѣху.

Но, въ ряду многихъ нововведеній, относительно образовательнаго положенія учащихся, было недавно постановлено Совѣтомъ Академіи новое правило о конкурсѣ на первую золотую медаль. А именно, предполагалось задать къ предстоящему конкурсу столѣтія Академіи, въ видѣ опыта, и, если опытъ выйдетъ удаченъ, то установить всегдашнимъ правиломъ— не сюжеты, какъ прежде было, а тему, напримѣръ: печаль, радость, гнѣвъ Божій и т. д., предоставляя уже самому ученику характеризовать ее сообразно роду живописи, и дѣлать выборъ сюжета, какой хочетъ, ставя въ непремѣнное условіе, чтобы сюжетъ выражалъ заданную тему.

Обрадованные этимъ постановленіемъ, молодые люди находили въ этомъ постановленіи только одну неудобоприложимость, а именно: исполненіе эскиза по этой задачѣ не можетъ состояться въ 24 часа, что возможно было при прежнихъ, очень опредѣленныхъ, но рѣшительно, въ большей массѣ случаевъ, расходящихся съ симпатіями молодыхъ людей задачахъ. А такъ какъ это постановленіе Совѣта рѣшительно обнаруживало намѣреніе дать большую свободу чувству художника, а также воспитавшись на выраженномъ со стороны профессоровъ мнѣніи, что 1-я золотая медаль дается въ томъ случаѣ, когда ученикъ исполняетъ вмѣстѣ съ технической стороной и нравственную сторону задачи, они вошли въ Совѣтъ съ просьбою о доз-

*) Относительно Карла Брюллова показаніе Крамского невѣрно: К. Брюлловъ получилъ 1-ю золотую медаль въ 1821 году, за картину: «Явленіе Аврааму трехъ ангеловъ», впрочемъ на счетъ Общества поощренія художниковъ. *Ред.*

воленіи свободнаго выбора сюжетовъ, въ случаѣ, если тема или сюжетъ не будетъ совпадать съ направленіемъ ученика. Прошеніе не было уважено, и даже было выражаемо недоумѣніе со стороны нѣкоторыхъ членовъ, чтобы дѣйствительно состоялось упомянутое постановленіе Совѣта о темахъ. Оно, какъ невозможное, и было отмѣнено, а рѣшено было задать по старому—сюжетъ всѣмъ одинъ. Испуганные ученики-просители рѣшились войти въ Совѣтъ съ просьбой о томъ же, напоминая Совѣту, что половина изъ 14 имѣющихъ конкуррировать на 1-ю золотую медаль до сихъ поръ исполняли картины по эскизамъ свободно избраннымъ, и что, слѣдовательно, справедливость требуетъ оставить за ними это право. Имъ отказали вторично, но просителямъ объ этомъ объявлено не было. Вслѣдствіе такого оборота дѣла, молодые люди рѣшились ждать дня конкурса, чтобы узнать рѣшеніе Совѣта лично, не смѣя не довѣрять слухамъ о такомъ невыгодномъ для нихъ рѣшеніи.

Наконецъ, въ день конкурса, имъ былъ прочитанъ слѣдующій сюжетъ: «Пиръ въ Валгаллѣ», изъ скандинавской миѳологіи. По окончаніи чтенія, видя, что дѣло ихъ окончательно проиграно, и на прошеніе ихъ не было никакой уступки и исключенія, а даже введена новость, о которой никто не помнилъ изъ бывшихъ здѣсь, относительно жанристовъ, которымъ рѣшено было задать тотъ же сюжетъ, они сказали Совѣту слѣдующее: «Просимъ Совѣтъ позволить сказать нѣсколько словъ: мы подавали два раза прошеніе, но Совѣтъ не нашелъ возможнымъ исполнить нашу просьбу. Поэтому мы, не считая себя въ правѣ больше настаивать, и не смѣя думать объ измѣненіи Академіей постановленій, просимъ покорнѣйше освободить насъ отъ участія въ конкурсѣ, и выдать намъ дипломы на званіе художниковъ». «Всѣ?» — былъ вопросъ. «Всѣ!» — отвѣчали молодые люди, и вышли. «Прекрасно! прекрасно!» — провожали ихъ восклицанія.

«Прекрасно!» Ка̀къ много говоритъ это слово при такихъ условіяхъ! Ка̀къ много въ немъ теплоты и участія къ этимъ оставляющимъ Академію молодымъ людямъ, напутствуемымъ своими наставниками при началѣ другого новаго поприща. А вѣдь между ними есть, можетъ быть, люди, стоющіе иной участи и иного напутствующаго слова. Даже трудно повѣрить въ дѣйствительность такого обстоятельства, а между тѣмъ это сущая правда. А къ довершенію всего, тутъ же составлено постановленіе: объявить приказаніе—очистить мастерскія.

Вотъ голый фактъ съ причинами, вызвавшими его, и съ неизвѣстными послѣдствіями, но признаками самаго упорнаго поддерживанія порядка, ни въ какомъ случаѣ не могущаго служить залогомъ здороваго развитія искусства. Но рождается вопросъ: какими соображеніями Совѣтъ Академіи руководится, безусловно отвергая свободу выбора? Вѣдь говоритъ же

онъ что-нибудь? Говоритъ-то говоритъ, только ученикамъ не считаетъ нужнымъ доказывать свои положенія, основанныя во-первыхъ на томъ, что ни въ одной Академіи въ Европѣ не имѣется такихъ правилъ, какихъ просили молодые люди; а во-вторыхъ, что экзаменъ, при равносюжетности— затруднителенъ, и не такъ очевидно превосходство ученика одного надъ своими соискателями!!!...

Ноябрь 1863.

IV. С.-Петербургская Академія Художествъ въ 1867 г. *).

Академія Художествъ съ половины 1859 года была свидѣтельницею нѣсколькихъ передѣлокъ устава, дарованнаго ей еще Екатериною. Правда, Екатерининскій уставъ до 1859 г. далеко не былъ сохраненъ въ чистотѣ, а подвергался болѣе или менѣе также значительнымъ измѣненіямъ, но въ основныхъ своихъ чертахъ (ставилъ Академію) учрежденіемъ не только образовательнымъ спеціально техническимъ, но вмѣстѣ и высшимъ корпоративнымъ, имѣющимъ власть произносить приговоры въ дѣлѣ искусства и раздавать степени лицамъ удостоеннымъ, и вообще имѣющимъ самый сильный авторитетъ въ области изящнаго. Въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, это учрежденіе достигло своего развитія и имѣло такой блескъ, что все лучшее въ нашемъ обществѣ, въ наукѣ и литературѣ, было близко знакомо ему и интересовалось имъ.

Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ начинается нѣкоторый упадокъ, выразившійся тѣмъ особенно, что интересъ, возбужденный искусствомъ, не поддерживался больше со стороны Академіи, а просыпающіяся новыя потребности завладѣли общественнымъ вниманіемъ, и Академія была забыта. Въ 1859 г. были предприняты мѣры къ улучшенію положенія. Недостатокъ явный былъ тотъ, что, по уничтоженіи казеннокоштныхъ учениковъ, наполнились классы Академіи молодымъ людомъ, сбродомъ всякаго рода безграмотныхъ и плохо развитыхъ: отсюда совершенная неспособность выпускаемыхъ техниковъ. Это отсутствіе всякаго образованія въ ученикахъ Академіи сдѣлало ихъ неспособными удовлетворить художественныя потребности народа и общества.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить слѣдующее. У насъ есть, однакожъ, картины, писанныя русскими художниками! Есть лучшее и обильнѣйшее собраніе, находящееся у Прянишникова. Другія частныя галлереи не представляютъ систематическаго собранія художественныхъ произведеній, но

---

*) Статьи этой написано было только начало. *Ред.*

есть галлереи, состоящія, большею частью, только изъ произведеній иностранныхъ художниковъ. Когда вы разсмотрите русскія собранія и иностранныя, то невольно замѣчаете слѣдующее различіе между ними: у насъ, русская галлерея, за очень небольшими исключеніями, поражаетъ глазъ и очень мало сердце, еще рѣже умъ; иностранная почти всегда—три органа разомъ. Дальнѣйшій разсказъ объяснитъ до нѣкоторой степени сказанное.

И такъ, въ 1859 году было задумано улучшеніе. Всѣ мѣры состояли въ томъ, что было введено чтеніе лекцій изъ наукъ, обязательное для вновь поступающихъ въ ученики, и вступительный экзаменъ, равный гимназическому курсу 4-го класса. Но такъ какъ пріобрѣтеніе техники беретъ много времени, лекціи тоже, а масса учащихся по прежнему бѣдна, казеннокоштныхъ воспитанниковъ не полагается, то скоро сдѣлалась учащимся ясна невозможность и то и другое вести рядомъ съ успѣхомъ. А потому появилось много незнающихъ ни того, ни другого, а Академія, въ силу устава, строго требовала исполненія его, и получившихъ медали задерживала выдачею свидѣтельствъ и аттестатовъ на званія и степени, если они не сдавали словесныхъ экзаменовъ. Количество учащихся быстро стало уменьшаться, и изъ 600 учениковъ спустилось, въ теченіе 5 лѣтъ, съ 1862 по 1867 г., почти до 200. Убыль произошла оттого, что изъ всѣхъ концовъ Россіи перестали, какъ прежде, тянуться въ Петербургъ, и Академія сдѣлалась учебнымъ заведеніемъ для одного Петербурга, и такъ уже переполненнаго художниками. Такъ что, напримѣръ, въ Петербургѣ 3,000 рисующихъ и пишущихъ картины (образа) и портреты, а во всей Россіи едвали будетъ 500, не считая провинціальныхъ живописцевъ, да и то коекакъ съ грѣхомъ пополамъ работающихъ.

Въ виду такихъ результатовъ, въ настоящее время задумали еще разъ перемѣнить уставъ и, какъ слышно, на слѣдующихъ основаніяхъ: принимать въ Академію только окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, чтобы не возиться съ ихъ образованіемъ; кромѣ того, поставить Академію исключительно на дорогу только рѣшительницы въ художественныхъ вопросахъ, и устранить, по возможности, первоначальные техническіе классы рисованія съ гипсовъ. Однимъ словомъ, стремятся замѣченный недостатокъ образованія въ молодыхъ художникахъ искоренить всѣми силами, чтобы съ честью русское искусство поднять, дать ему силу, интересъ и значеніе. Стремленіе безспорно прекрасное, ему нельзя отказать въ сочувствіи; недостатокъ былъ замѣченъ, дѣйствительно, главный, но на этомъ пока только и можно остановиться: содѣйствовать въ этомъ направленіи ихъ усиліямъ будетъ напраснымъ трудомъ. Черезъ перестройку академическаго устава невозможно дойти до искомыхъ результатовъ. Болѣзнь лежитъ гораздо глубже,

чѣмъ обыкновенно полагаютъ, и средства для исцѣленія прописываются не тѣ.

Уставъ, дарованный Екатериною II, если вникнуть въ духъ его и если понять главнаго двигателя, обстоятельства, при которыхъ онъ составлялся, поражаетъ умъ замѣчательною логикою. Онъ такъ прямо говоритъ, что̀ ему нужно и ка́къ надо сдѣлать, чтобъ достигнуть этого, что дѣйствительно стоило только исполнять его разумно, чтобы результаты были можетъ быть еще лучше, такіе, какіе мы видѣли въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, а въ самомъ дѣлѣ я докажу это сейчасъ на основаніи данныхъ. По программѣ устава, Академія посвящалась свободнымъ художествамъ, что̀ стоитъ девизомъ на главномъ подъѣздѣ академическаго зданія внутри круглаго двора. Надъ четырьмя воротами надписи: живопись, скульптура, архитектура, музыка. Что̀ изъ нихъ въ зданіи уцѣлѣло—извѣстно, и то, что̀ уцѣлѣло, предоставляетъ всякому судить по годичнымъ выставкамъ въ залахъ, насколько оно соотвѣтствуетъ сущности самаго слова. Въ это вновь открываемое учрежденіе принимались мальчики отъ 8 до 12 и 14 лѣтъ на казенный счетъ, мальчики помѣщались, какъ въ корпусахъ, пансіонахъ и другихъ заведеніяхъ, въ большихъ залахъ или дортуарахъ, вставали и молились, завтракали и учились, рисовали и пѣли, разыгрывали театральныя пьесы и обѣдали, опять учились, и ложились спать всѣ вмѣстѣ, подъ надзоромъ гувернеровъ, инспектора и учителей. Они должны были всѣ заниматься рисованіемъ, архитектурою, скульптурою и музыкою, и если кто не оказывалъ къ чему либо способностей, тѣхъ заставляли заниматься изящными даже ремеслами, какъ-то: ювелирнымъ. Всѣ они раздѣлялись на 3 возраста: 1-й, 2-й и 3-й, и, учась, они получали за живопись, скульптуру и архитектуру; медали: серебряныя—малыя и большія за рисунки, этюды и эскизы, и золотыя — уже за картины, задаваемыя по конкурсу претендентамъ. Затѣмъ, получившихъ большія золотыя медали государь посылалъ заграницу, на казенный счетъ, на шесть лѣтъ. Отличившихся своими дальнѣйшими успѣхами Академія награждала различными званіями: художниковъ, академиковъ и профессоровъ, которые такимъ образомъ становились впереди движенія, вели искусство дальше и должны были стремиться къ славѣ личной, а черезъ то и къ славѣ своего отечества. Профессора составляли совѣтъ Академіи совершенно полномочный въ художественныхъ вопросахъ, руководили преподаваніемъ, не стѣсняясь уставомъ, такъ какъ тамъ былъ также §, дававшій имъ и на это власть.

Такимъ образомъ, въ концѣ, когда пересаженное дерево не засохло, а принялось, Россія стала считать десятками художественныя дарованія изъ своего народа. Изъ послѣднихъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ вышли лучшіе люди, заставившіе заинтересоваться общество, литературу и науку

нашу въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Первый чувствительный ударъ дѣйствовавшему уставу былъ нанесенъ уничтоженіемъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, которыхъ замѣнила толпа, малограмотная, бѣдная, но все-таки даровитая. Въ произведеніяхъ этихъ новыхъ воспитанниковъ уже не было того блеска, какъ въ прежнихъ: это публика замѣтила. Разсмотрѣвъ ихъ ближе, она затворила отъ нихъ свои двери, потому что они не умѣли говорить, не умѣли держаться, не были настолько образованны, чтобы не краснѣть за нихъ обществу, кредитъ подорванъ, искусствомъ меньше стали заниматься. На него не обращали вниманія и забыли, то есть забыли своихъ, но хорошо совершенно помнили и помнятъ старыхъ, а еще лучше, по справедливости, иностранныхъ. На первый разъ очевидно, стало быть, какъ будто, что стôитъ только возобновить Екатерининскій уставъ, чтобы поправить дѣло; но Академія теперешняя, ближе понимая дѣло, не захочетъ уже сама къ нему вернуться. Другое время, и новыя задачи: рѣшить ихъ гораздо труднѣе, да нигдѣ еще, пока, вопросъ этотъ не рѣшенъ хорошо. Заграницей тоже существуютъ академіи, такія же какъ и наша, но тамъ давно уже помимо академій образовались художественные кружки и центры, вліяніе которыхъ настолько уже велико, что оно прикрываетъ отчасти совершенно никуда негодныя развалины. Тамъ и академія выработалась, а у насъ пересажена. Тамъ возникаетъ новое и быть можетъ близко великое будущее, а мы не знаемъ еще, чтò у насъ такое. Но жизнь взяла свое, и у насъ какъ будто что-то всходитъ. (Далѣе въ черновомъ наброскѣ слѣдуютъ отрывочныя фразы: «Слѣдовательно, надо разобрать уставъ Екатерины, его необходимость въ свое время. Совершенная негодность теперь, ложная система экзаменовъ и т. д.»)...

1867.

V. Вечеръ между художниками *).

(Пятница, 27-го сентября 1874 г.).

Шумъ, говоръ, крики, волненіе; въ комнатѣ около 10 человѣкъ; всѣ разбились на группы, спорятъ.

— Однакожъ, позвольте. Все, что вы мнѣ говорили такъ долго, рѣшительно не убѣждаетъ меня, и я остаюсь при моемъ мнѣніи: Верещагинъ поступилъ невѣжливо, отказавшись черезъ газету отъ званія профессора, да еще въ такой формѣ. По-моему, это просто грубо.

— И только?

— И только.

*) Статья эта не была напечатана. *Ред.*

— Стало быть, вы порицаете только манеру?

— Стало быть.

Къ спорившимъ подходитъ еще одинъ, и при послѣднихъ словахъ вмѣшивается:

— Ну, нѣтъ! я не согласенъ съ Верещагинымъ еще въ томъ, что будто бы чины и отличія въ искусствѣ вредны, потому что и заграницей, коли на то пошло, нѣтъ ни одного извѣстнаго художника, который бы, не состоя въ какихъ-либо чинахъ, не носилъ какого-либо отличія, или не пристроился бы къ какой-либо академіи, и это не мѣшаетъ имъ быть хорошими художниками.

Голосъ изъ угла:—Мы этого не знаемъ; поискать, такъ, можетъ быть, найдется; а если и въ самомъ дѣлѣ такого не оказалось бы, тѣмъ лучше, значитъ, опередили...

Нѣсколько человѣкъ разомъ:—Опередили? да вѣдь это чортъ знаетъ что такое? неужели вы не видите, что Верещагинъ не признаетъ...

— Господа, позвольте слово!..

— Что̀ вы все кричите, что это ужасъ, оскорбленіе, какая-то дерзость и чуть-ли не пощечина Академіи! Постарайтесь сохранить хладнокровіе и разберите дѣло безъ лишняго испуга. Всмотритесь въ эти странныя слова: «начисто отказываюсь». Не было ли заявляемо когда-нибудь и кѣмъ-нибудь сомнѣнія въ необходимости званій для художниковъ и не только званій, но даже бо̀льшаго: полезна ли сама Академія и ея система для развитія искусства вообще? Не подвергались ли критикѣ основы этихъ учрежденій? Не говоря объ иностранцахъ, которые въ лицѣ лучшихъ критиковъ искусства и ученыхъ другой спеціальности давно порѣшили въ принципѣ этотъ вопросъ...

— Ну да, знаемъ! Вы говорите о Прудонѣ, который превознесъ Курбэ?

— Это совсѣмъ другое дѣло, кого онъ превознесъ; я говорю о его философской части сочиненія...

— Да развѣ можно дѣлать сравненіе? Заграницей, говорятъ, можно, не заглядывая въ академію, сдѣлаться художникомъ...

— Догадались! Я что̀ хочу сказать? Я говорю, что это дѣло не новое, даже у насъ въ печати... впрочемъ, зачѣмъ печать? Говорять, въ Совѣтѣ однажды разсуждали объ этомъ, и были мнѣнія, что это, пожалуй, не дурно, еслибы только взглянули на это...

— Что̀ вы басни разсказываете! вы отвѣчайте прямо! Какъ по вашему: нужна Академія, или не нужна?

— Да что̀ вы ко мнѣ пристали?

— Да нѣтъ, нужна Академія?

— Выпейте стаканъ воды.

— Что-жъ вы, нужна Академія?

Разсуждавшій посмотрѣлъ нѣсколько минутъ молча, и очень спокойно сказалъ:

— Я вижу, что нужна.

Въ эту минуту вбѣгаетъ новое лицо съ крикомъ: Господа, открытіе!

Всѣ: — Что случилось?

— Удивительное открытіе! Чудесное открытіе! Невозможное открытіе! Только позвольте, дайте духъ перевести; бѣжалъ какъ угорѣлый. Сейчасъ получилъ газету, самъ авторъ принесъ!

Голоса: — Ну!!

— Сейчасъ, сейчасъ.

Вынимаетъ изъ кармана газету. Всѣ смолкаютъ, только одинъ голосъ полушопотомъ заканчиваетъ фразу къ сосѣду:

— Академія этого не перенесетъ.

— Тсс...

— Вниманіе!

Читаетъ: «Нѣскоько словъ касательно отреченія г. Верещагина отъ званія профессора живописи». Настаетъ невообразимая тишина. Слѣдуетъ чтеніе извѣстной статьи академика Тютрюмова *).

При словахъ: «Какъ міръ существуетъ,—это, вѣроятно, единственный примѣръ», кто-то съострилъ: «Ой, ой, какая же Академія старая!», а при словахъ: «деньги, деньги и деньги, которыя онъ умѣлъ ловко и выручать», тотъ же голосъ уже совсѣмъ некстати замѣтилъ: «что-жъ, деньги — вещь существенная!» Читаетъ: «...и переходила изъ устъ въ уста легенда объ англичанинѣ, предлагавшемъ 200 тысячъ». Нѣсколько голосовъ одновременно: «Да вѣдь это же, говорятъ, правда!»—«Не перебивайте, господа, послѣ! дайте читать»! Читаетъ: «...но когда мало по малу поразъяснилось, что тамъ въ знойной Азіи сдѣланы только этюды, а картины писались въ Мюнхенѣ въ компанейскимъ способомъ, то послѣ этого ему, пожалуй, и неловко было признать себя профессоромъ». Чтецъ остановился и посмотрѣлъ на всѣхъ: «Компанейскимъ способомъ, господа, напечатано крупнымъ шрифтомъ, какъ въ объявленіяхъ». Общее изумленіе. Голосъ: «Вотъ тебѣ разъ!»

Всѣ было заговорили, но чтецъ сталъ продолжать статью и, окончивъ слѣдующія слова: «...что разные недочеты въ картинахъ, пожалуй, повредили бы продажѣ, а ему надо было расплатиться во что бы то ни стало со своими сотрудниками»,— чтецъ рѣшительно останавливается, вынимаетъ папироску и закуриваетъ. Всѣ молча дѣлаютъ тоже; кто-то посвисталъ, а голосъ изъ угла добавилъ, какъ бы въ поясненіе: «Скандалъ!»

---

*) «Русскій Міръ», 1874 г., № 265. *Ред.*

— Позвольте, слушайте дальше. Читаетъ: «Каталогъ, по объему стоющій не менѣе 25 коп. въ печати, продавался по 5 к.». (Сосчиталъ вѣдь!)... «За сохраненіе платья уплачено г. Верещагинымъ». (Смѣхъ)... «Къ усиленію дѣйствій такихъ благодѣяній, двѣ картины истребилъ собственными руками...» Голосъ изъ угла: Ка́къ же такъ, а компанія Верещагина была въ Петербургѣ въ это время?

— Да не перебивайте же пожалуйста»! Читаетъ: «...профессорство обязываетъ быть строгимъ въ своихъ твореніяхъ». Тотъ же голосъ: Еще бы, разумѣется!—«...Фигуры зачастую длинноваты»...

Кто-то опять полушопотомъ сосѣду: — Это совершенно справедливо, нарисована скверно, да и колоритъ противный.

Голосъ изъ угла:—Что̀ вы тамъ бормочете? Вѣдь странно говорить, разбирая картины Верещагина, что фигуры длинноваты.

Чтеніе продолжается: «...Но какъ бы то ни было, подъ вліяніемъ огромной массы картинъ и убѣжденія въ трудностяхъ совершеннаго Верещагинымъ путешествія, большинство членовъ Совѣта Академіи Художествъ пересилило противную сторону и присудило ему званіе профессора»...

Голосъ:—Позвольте, позвольте, господа, кто̀ же это пишетъ? Вѣдь Тютрюмовъ въ Совѣтѣ не засѣдаетъ, откуда же онъ могъ узнать, ка̀къ было дѣло? Вѣдь ка̀къ происходятъ пренія, никто никогда не знаетъ; Академія своихъ протоколовъ не печаетъ, и даже члены Совѣта никогда не позволяютъ себѣ разглашать, кто и что̀ говорилъ. Это странно!

Голосъ изъ угла иронически: — Вы бы хотѣли, чтобы Академія печатала свои протоколы?

— Признаюсь...

— Ну и признавайтесь.

— Господа, да не перебивайте же!

Читаетъ: «...Мы бы ничего не сказали, если бы Академія внесла г. Верещагина въ списокъ ея почетныхъ членовъ; это было бы, по нашему мнѣнію, maximum почета, котораго...»

Голосъ изъ угла:—Это выходитъ, чѣмъ тебя я огорчила! Семь лѣтъ ждешь профессора и не даютъ, а тутъ прохвостъ какой-нибудь говоритъ: не надо!

— Да молчите же, господа, это чортъ знаетъ что такое!

Читаетъ: «...Верещагину слѣдовало бы отказаться въ письмѣ къ Академіи приличномъ по формѣ и содержанію». Тотъ же голосъ добавляетъ:— Такъ; а любопытно, что̀ было бы, еслибы Верещагинъ послѣдовалъ этому совѣту?

Послѣ этого чтеніе оканчивается уже безъ перерывовъ. Нѣсколько минутъ всѣ посматриваютъ другъ на друга, одни улыбаясь, другіе только

разводютъ руками. Наконецъ, нѣсколько рукъ протягиваются одновременно:—Дайте сюда, пожалуйста! Какая это газета?—«Русскій міръ». Голоса со всѣхъ сторонъ: И редакція повѣрила?

— Да ей-то что? Не она отвѣчаетъ.

— Послушайте, а осторожность...

— А почему вы знаете, можетъ быть у нея и есть авторитетное ручательство.

— Однакожъ, это чортъ знаетъ что такое!

— Позвольте, а что̀, если это правда?

Господинъ, говорившій полушопотомъ, возвышаетъ голосъ, нѣсколько гнусливо объявляетъ:—Да вѣдь вы же слышали, что невозможно написать такую массу картинъ въ 4—5 лѣтъ. Физически невозможно! И я слышалъ за вѣрное, что все писано другими.

— Будто невозможно? А Рубенсъ, Айвазовскій?

— Ну, да, толкуйте тутъ.

Затѣмъ всѣ подымаются съ своихъ мѣстъ; начинаются споры, защита, опроверженія, и уже скоро нельзя было бы разобрать ничего, еслибы человѣкъ, сидѣвшій въ самомъ углу и оказавшійся высокаго роста, не поднялся съ мѣста и не заговорилъ такъ громко, что рѣшительно осилилъ всѣхъ:—Гг., такія вещи, какъ обвиненіе въ подлогѣ, да еще такомъ, который имѣлъ своимъ слѣдствіемъ полученіе 90,000 р. за художественныя произведенія сомнительнаго качества, слишкомъ серьезны, чтобы не обратить на это никакого вниманія.

— Ну, что-жъ вы сдѣлаете?

— Какъ что̀ сдѣлаю! Скажу, что это мерзость.

— Что́ мерзость?

— Какъ что́ мерзость? Печатать такія вещи.

— Ну, а если Тютрюмовъ докажетъ?

— Чѣмъ?

Гнусливый голосъ:—Да физически невозможно.

— Чортъ знаетъ, что вы городите! Во-1-хъ, вѣдь это видно, что писала одна рука, а потомъ, одинъ вонъ пять строкъ сочиняетъ три дня, да такъ и броситъ, а другой цѣлое сочиненіе обработываетъ.

— А техника?

— Техника? Не мусольте сто разъ одно мѣсто.

— Ну, а зачѣмъ онъ не взялъ 200,000, если ему ихъ давали? Патріотъ.

— Да вѣдь онъ же получалъ пособіе отъ правительства, поймите!

— Какъ хотите, а физически невозможно все одному сдѣлать.

— Хромой совсѣмъ не ходитъ.

— Мнѣ говорили.

— Вотъ человѣкъ! Ему говорили, и онъ захотѣлъ повѣрить. Да сообразите одно обстоятельство: положимъ, Верещагину написали другіе. Кто же другіе? Вѣдь одно изъ трехъ: или компанія была хуже его (тогда о чемъ же рѣчь?), писала по этюдамъ, а онъ все это передѣлалъ; или компанія должна состоять изъ такихъ художниковъ, которые сами могли бы написать «Хоръ дувановъ», «Продажа мальчика», а такіе художники извѣстны, они всѣ наперечетъ, и я сомнѣваюсь, чтобы они стали писать Верещагину (но положимъ, за деньги чего нельзя сдѣлать?); или же, послѣднее, Верещагинъ заказалъ картины художникамъ гораздо лучше его? Но вѣдь это уже нелѣпость! Вамъ и этого мало? Прекрасно, пусть будетъ по вашему. Верещагинъ такой пройдоха, что все могъ сдѣлать. Ему написали другіе. Что̀ же дѣлаетъ Верещагинъ? Заплатилъ, не бойсь, деньги. А вотъ Тютрюмовъ съ компаніей знаютъ, что онъ еще не заплатилъ и, несмотря на то, везетъ всю коллекцію, годъ тому назадъ, поймите это, въ Лондонъ, показываетъ картины, выдаетъ за свои, а компанія все ждетъ и молчитъ; а онъ себѣ катается по Европѣ, забравши все изъ Мюнхена. И это можно было сдѣлать по-вашему съ нѣмцами? Одумайтесь! Да еще на придачу Тютрюмовъ говоритъ, что Верещагинъ, чтобы оказать публикѣ особое благодѣяніе, уничтожаетъ двѣ картины, быть можетъ лучшія, которыя, надо полагать, при продажѣ вѣдь не даромъ же пошли бы? Компанія и это позволила сдѣлать? Эхъ, вы!!.

Общій неудержимый смѣхъ.

Голосъ: Господа, причины, побудившія г. академика Тютрюмова огласить такія криминальныя обстоятельства, сколько можно понять изъ статьи, были уважительны: онъ хотѣлъ въ интересахъ публики раскрыть истину.

— Еще бы! Только вотъ что странно: зачѣмъ онъ даетъ совѣтъ Верещагину, лучше написать вѣжливый отказъ въ самую Академію? Можно подумать, что...

Голосъ посильнѣе, перебивая:

— Нѣтъ, хорошо: за что̀, онъ говоритъ, дали профессора? За массу и за путешествіе... Вотъ такъ одолжилъ Академію!

— Знаете что̀? Мнѣ только что сейчасъ пришелъ въ голову одинъ вопросъ: рѣшился бы г. Тютрюмовъ разоблачить Верещагина въ его продѣлкахъ, еслибы онъ, положимъ, не отказался отъ званія, а принялъ бы его? Или, еслибы Академія не нашла нужнымъ разсуждать о Верещагинѣ? Вѣдь то обстоятельство, что Верещагинъ не самъ писалъ картины, Тютрюмовъ все равно своевременно узналъ бы? Въ своей статьѣ онъ обнаружилъ талантъ положительный: такъ ловко переплелись разсужденія съ указаніями на факты, будто бы случившіеся, и въ то же время такъ сильно

сквозитъ негодованіе за нарушеніе всѣхъ приличій и порядочности, что на первый разъ не уловишь, даже не смотря на заглавіе, что̀ здѣсь главное — то́ ли, что картины Верещагина далеко не такъ хороши, какъ о нихъ прокричали, или то̀, что отказъ его отъ званія профессора есть возмутительный поступокъ, или же, наконецъ, подлогъ? Исключая послѣдняго обстоятельства, о которомъ въ статьѣ говорится утвердительно, обо всемъ остальномъ повѣствуется въ какомъ-то неопредѣленномъ тонѣ? Какъ будто что-то утверждается—и въ то же время нѣтъ. Кромѣ того, Тютрюмову извѣстно, ка̀къ даже происходили пренія въ Совѣтѣ, которыя никогда не оглашаются, а въ печати, можно смѣло сказать, появляются въ первый разъ. Я не думаю, чтобы Академія была благодарна Тютрюмову за эту неосторожность. Мы вѣдь положительно хорошо дѣло знаемъ, а у людей постороннихъ можетъ возникнуть, пожалуй, странное сближеніе.

— То-то и есть, вотъ съ вашимъ краснорѣчіемъ всегда такъ, — не даете договорить. Развѣ вы забыли? Тютрюмовъ же самъ говоритъ: «Мы бы ничего не сказали, еслибы ему дали почетнаго члена, а то...»

Голосъ хозяина: «Господа, первый часъ ночи; пожалуйте закусить». Всѣ подымаются со своихъ мѣстъ и уходятъ въ другую комнату, столовую, изъ которой слышится возгласъ: «Кто его уполномочилъ говорить: мы, русскіе художники?..»

Но звуки ножей и тарелокъ заглушаютъ разговоръ окончательно, а жаль...

1874.

IV. Судьбы русскаго искусства*).

I.

Нигдѣ въ Европѣ искусство не находится въ такой тѣсной зависимости отъ академіи, какъ у насъ, и нигдѣ академіи не имѣютъ возможности направлять его сообразно своимъ традиціоннымъ наклонностямъ; вездѣ оно повинуется вновь возникающимъ потребностямъ общества и отжившія свое время академіи, въ сущности, очень мало стѣсняютъ развитіе національныхъ школъ живописи. Здѣсь не мѣсто доказывать, отчего это и почему; я ограничиваюсь только указаніемъ признаннаго и неоспариваемаго факта.

*) Первыя три статьи были напечатаны въ «Новомъ Времени» 1877 г., №№ 645—647, послѣднія двѣ (IV и V) не появлялись въ печати. *Ред.*

Не будь въ Россіи этой тѣсной зависимости, нельзя было бы и относиться серьезно къ разнымъ ненормальнымъ явленіямъ, время отъ времени выходящимъ изъ стѣнъ Академіи на свѣтъ Божій. Скажу болѣе: еслибы исторія Академіи состояла вся изъ ряда вопіющихъ фактовъ, то и тогда можно было бы только пожалѣть о личной судьбѣ тѣхъ, до кого они касаются, не безпокоясь за самое искусство и его развитіе; но, при относительномъ равнодушіи нашего общества къ живописи, имѣющемъ свои законныя основанія, вопросъ становится уже болѣе тревожнымъ. Кромѣ того, я вѣрю, что огромное число образованныхъ русскихъ людей если и остается спокойно съ этой стороны, такъ только въ томъ предположеніи, что дѣло искусства, въ существѣ своемъ смирное, преслѣдующее цѣли, такъ сказать, идеальныя, и порученное спеціалистамъ, предполагается любящимъ свое дѣло, поддерживаемое государствомъ матеріально, снабженное прекраснымъ помѣщеніемъ, музеемъ, библіотекой, не можетъ же идти до такой степени дурно, чтобы общество терпѣло отъ того какой либо нравственный ущербъ. Если же встрѣчаются время отъ времени отзывы въ газетахъ, осуждающіе Академію и ея систему, то, во-первыхъ, никто, все-таки, не сказалъ обстоятельно публикѣ, чтó это за система, а во-вторыхъ, многіе, не безъ основанія, думаютъ, что въ газетахъ пишутъ люди все больше недовольные, или случайные, и подъ случайными впечатлѣніями.

Возникавшіе и возникающіе протесты изъ среды самихъ художниковъ, въ родѣ образованія разныхъ обществъ, кружковъ, товариществъ, за отсутствіемъ полнаго освѣщенія всѣхъ сторонъ этого явленія, могутъ быть пожалуй истолкованы со стороны публики предположеніемъ, что не играютъ ли и тутъ роли обиженныя самолюбія, какъ и во многихъ другихъ явленіяхъ русской жизни?

Но какія бы ни были предположенія въ публикѣ на этотъ счетъ, я далекъ отъ мысли вмѣшиваться въ полемику и ратовать за тотъ или другой лагерь. Да это, наконецъ, и не мое дѣло. Публикѣ нѣтъ надобности знать домашнія дѣла художниковъ, и если чтó можетъ интересовать ее, такъ это только результатъ дѣятельности всѣхъ художниковъ, вмѣстѣ взятыхъ, на выставкахъ. Къ сожалѣнію, публикѣ и здѣсь приходится разбираться при обстоятельствахъ неудобныхъ: выставокъ стало устраиваться въ послѣдніе года такъ много: то передвижная выставка, то какого-то общества при Академіи, то ежегодныя выставки программъ учениковъ и пенсіонеровъ, то наконецъ еще выставки какой-то ученической кассы, и, въ довершеніе всего, выставки одного какого-либо художественнаго свѣтила. А между тѣмъ, ни одно изъ явленій въ художественномъ мірѣ само по себѣ не настолько сильно до сихъ поръ, чтобы рѣшить вопросъ въ свою пользу безповоротно, на основаніи своей внутренней силы и значенія.

Очевидно только, что что-то заѣдаетъ и подтачиваетъ наше молодое и только-что становящееся на ноги искусство; но что именно? вотъ вопросъ. Я не настолько самообольщенъ, чтобы считать себя способнымъ рѣшить вполнѣ поставленные вопросы; но такъ какъ они занимали меня давно, и я близко знаю внутренній міръ Академіи, силу ея вліянія на русское искусство вообще, испыталъ на собственной особѣ вліяніе тѣхъ началъ, которыя положены въ основу ея дѣятельности, многое видѣлъ и у себя дома, и заграницей, и пришелъ, наконецъ, къ нѣкоторымъ выводамъ, то и рѣшаюсь занять общественное вниманіе вопросами объ искусствѣ, въ связи съ Академіей, тѣмъ болѣе, что появляются опасные признаки какой-то серьезной болѣзни въ академической системѣ воспитанія молодыхъ художниковъ, достаточно внушительные, чтобы интересоваться ими поближе.

Для начала, попрошу обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства, которыя намъ нужно будетъ впослѣдствіи припомнить: 1) нѣтъ другого учебнаго заведенія въ Россіи, гдѣ бы прохожденіе полнаго курса было столь продолжительно*), и ни объ одной спеціальности нельзя сказать съ бо̀льшимъ правомъ, что она требуетъ постояннаго изученія. Въ дѣлѣ искусства, и старые и молодые—всегда ученики; одни успѣвшіе больше, другіе—меньше; 2) въ живописи неправильные или невѣрные пріемы и взгляды, разъ привившись, никогда безнаказанно не проходятъ. Только замѣчательный умъ, сильный характеръ и огромное геніальное дарованіе, соединенные въ одномъ человѣкѣ, не подчиняются постороннимъ вліяніямъ въ такой мѣрѣ, чтобы на немъ не было никакихъ царапинъ. Натуры же обыкновенныя и даже далеко недюжинныя сплошь и рядомъ ломаются окончательно.

Въ исторіи нашей Академіи представляются три, рѣзко опредѣленные, періода: первый, самый продолжительный и, по своему, благотворный, тянулся отъ основанія Академіи до уничтоженія казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ 1832 году**). Поступали тогда въ Академію просто мальчики 10—12 лѣтъ, которыхъ учили сначала больше наукамъ, потомъ больше искусству. Окончаніе курса тогда было вообще ранѣе 24—25 лѣтъ. Этотъ періодъ къ своему концу далъ результаты подражательнаго искусства настолько яркіе и высокоталантливые, что многими тогда, если не

---

*) Изъ наблюденій, сдѣланныхъ на огромномъ промежуткѣ времени отъ основанія Академіи, средняя продолжительность прохожденія академическаго курса равна 8 годамъ. Бывали случаи, когда наиболѣе талантливые оканчивали курсъ въ 6 и, какъ феноменальныя явленія, говорятъ, бывали примѣры прохожденія курса даже въ 5 лѣтъ. *И. К.*

**) Послѣдніе же казеннокоштные воспитанники вышли, если не ошибаюсь, въ 1841 г. *И. К.*

всѣми, они были приняты за настоящее, самостоятельное и національное искусство. (Изъ этого заблужденія вывела насъ только первая всемірная выставка въ Лондонѣ). Второй періодъ, отъ уничтоженія казеннокоштныхъ воспитанниковъ до 1859 года. Въ промежутокъ этого времени, отъ вновь вступающихъ уже не требовались никакіе экзамены научные, и возрастъ для вступленія принятъ былъ самый ранній: 16—18 лѣтъ. Лекцій не читалось никакихъ, кромѣ вспомогательныхъ наукъ. Этотъ періодъ обозначается первыми попытками въ самостоятельномъ и національномъ творчествѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливаясь и числомъ и качествомъ попытокъ, впервые замѣченныхъ уже на послѣдующихъ всемірныхъ выставкахъ, какъ нѣчто оригинальное. Третій періодъ—съ 1859 г. по сегодня. Въ 1859 г. самый уставъ Академіи потерпѣлъ существенныя перемѣны въ нѣкоторыхъ параграфахъ. Является чрезвычайное попеченіе, чтобы Россія имѣла художниковъ образованныхъ, и потому снова вводятся лекціи и вступительный пріемный экзаменъ изъ наукъ. Въ настоящую минуту мы стоимъ какъ-разъ лицомъ къ лицу съ результатами дѣятельности этого новаго устава, и этого новаго попеченія о русскомъ искусствѣ, и въ преддверіи результатовъ будущихъ, а потому позвольте подвести итоги.

Нельзя отрицать, что желаніе дать Россіи образованныхъ, стоящихъ по развитію въ уровень съ обществомъ, художниковъ, прекрасное желаніе; нельзя также отрицать, что для достиженія этой цѣли должны быть приняты новыя мѣропріятія. Но не слѣдуетъ, въ то же время, упускать изъ виду ни одного изъ обстоятельствъ, могущихъ задержать достиженіе цѣли, а тѣмъ болѣе не увидѣть и не понять условій, могущихъ совершенно опрокинуть всѣ благія намѣренія и привести къ результатамъ обратно противоположнымъ. Я не думаю, чтобы столь простыя положенія не были взвѣшены кѣмъ слѣдуетъ заранѣе, но смѣю утверждать, въ то же время, что еще ни разу Академіи не удалось отстоять вполнѣ положенныя правила; что, въ огромномъ количествѣ случаевъ, Академія была поставлена въ необходимость уступать давленію обстоятельствъ, одинаково далеко лежащихъ какъ внѣ ея собственной власти, такъ и внѣ доброй воли воспитанниковъ. Напримѣръ, по § 110 правилъ ни одинъ изъ учениковъ не допускается до конкурсовъ на золотыя медали ранѣе окончанія полнаго научнаго курса (архитекторовъ я не касаюсь вовсе), а между тѣмъ на конкурсы постоянно допускались не только не сдавшіе полнаго научнаго курса, но даже и части его. Я не думаю обвинять Академію въ этомъ послабленіи, такъ какъ знаю, что примѣняя неуклонно свои правила, Академія должна была бы исключить всѣхъ своихъ учениковъ до послѣдняго. Я только заявляю фактъ. Мало того, повинуясь невозможности поступить иначе, Академія должна была давать большія золотыя медали и даже по-

сылать заграницу людей, не сдавшихъ полнаго научнаго экзамена, вѣря ихъ добросовѣстности, что они когда-нибудь пожелаютъ сдать его впослѣдствіи. Точно также, безъ экзамена, признавались художниками всѣхъ степеней ученики Академіи и выдавались дипломы. Опять-таки я не думаю обвинять Академію и въ этой, уже болѣе серьезной, уступкѣ: я хочу только сказать, что все это надобно имѣть въ виду. Назвать мои сообщенія невѣрными Академія, я надѣюсь, не рѣшится потому, что существуютъ живыя свидѣтельства, а видѣть въ сообщеніи такихъ фактовъ съ моей стороны недоброжелательство она, я думаю, откажется, потому что увѣрена въ моемъ искреннемъ желаніи принести пользу тому дѣлу, которому служить Академія призвана. Разъ оговорившись, буду спокойно продолжать, увѣренный съ своей стороны въ благосклонномъ терпѣніи со стороны Академіи. Уставъ 1859 года поставилъ учениковъ въ слѣдующее положеніе: слушаніе лекцій обязательно для нихъ (§ 30) ежедневно отъ $8^1/_2$ до $11^1/_2$ час. утра, а также сдача полугодовыхъ репетицій или годичнаго экзамена. Научный курсъ растянутъ на 6 лѣтъ, да и нельзя иначе, потому что нужно же уступить время и для занятій художественныхъ. Въ натурныхъ классахъ живописи положено заниматься отъ 11 час. утра до 2 час. пополудни, а въ рисовальныхъ отъ 5 до 7 час. вечера ежедневно. Кромѣ того, ученикъ къ ежемѣсячнымъ экзаменамъ обязанъ непремѣнно сдѣлать рисунокъ въ манкенномъ классѣ, да представить эскизъ сочиненія на заданную тему.

Всякій, вступающій въ Академію, повинуется влеченію и любви къ искусству, и, естественно, желаетъ больше всего рисовать и писать красками; и стóитъ ему въ этомъ отношеніи понять хотя крупицу, какъ ему станетъ свойственно увлеченіе. Разъ онъ позволилъ себѣ увлечься, онъ непремѣнно упуститъ что-либо въ лекціяхъ, за упущенія въ лекціяхъ его ожидаютъ разныя карательныя мѣры. Дѣлать нечего, живопись отодвигается въ сторону, на неопредѣленное время, подгоняются науки, наступаетъ время сдачи репетицій или экзаменовъ; понятое и усвоенное въ искусствѣ не двигается впередъ и даже забывается; но если (§ 61) въ теченіе двухъ третей года ученикъ не представитъ, по крайней мѣрѣ, четырехъ работъ (классныхъ по художеству) на экзамены, то считается выбывшимъ изъ числа учениковъ. И такъ идетъ все время скачками и колебаніями. Не забудемъ, что большинство учениковъ люди бѣдные, живущіе своимъ трудомъ, и что для добыванія средствъ къ жизни имъ необходимо тоже время; число же стипендій въ Академіи столь незначительно, что ихъ нельзя и принимать въ разсчетъ.

И вотъ, самими обстоятельствами создается положеніе, которое и безъ того трудный курсъ искусства растягиваетъ на ужасающую продол-

жительность 10, 12 и болѣе лѣтъ. Академія, не желая ронять своего достоинства и авторитетности, создаетъ цѣлыя сотни правилъ, не только не уступающихъ въ энергіи правиламъ любого общеобразовательнаго заведенія, но значительно ихъ превосходящихъ.

Здравый смыслъ все же заявляетъ иногда, что главное дѣло Академіи лежитъ въ развитіи по художеству, и такъ какъ успѣхи въ рисованіи и живописи не соотвѣтствуетъ желанію, то, чтобы поправить дѣло хоть сколько-нибудь, постановляется много разныхъ правилъ, изъ которыхъ я приведу буквально пока одно, поясняющее затруднительное положеніе Академіи лучше всякихъ разсужденій. § 57 говоритъ: «Ученики, приготовляющіе себя къ конкурсамъ на золотыя медали, должны подавать каждую треть года, въ промежутокъ отъ полученія послѣдней большой серебряной медали до вступленія въ конкурсъ на малую золотую медаль, одинъ рисунокъ, или этюдъ; за каковыя работы поощряются разными художественными принадлежностями и денежными преміями. Неисполнившіе этихъ требованій лишаются права конкуррировать на золотыя медали»*). Въ этомъ §, какъ вы видите, каждая строка противорѣчитъ одна другой: сначала ученикъ обязанъ, долженъ; если онъ исполнитъ то, что́ обязанъ—его награждаютъ, не захочетъ награды—его исключаютъ.

Я бы никогда не кончилъ, еслибы вздумалъ разбирать всю массу правилъ и поставилъ бы себѣ цѣлью ихъ критику. Но не могу пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ курьезовъ, въ родѣ привлеченія гг. профессоровъ въ Академіи къ отбыванію разныхъ повинностей, по поводу все тѣхъ же правилъ. Напримѣръ, параграфы 170, 171 и т. д. до 182 включительно, касаются спеціально порядка раздачи принадлежностей и матеріаловъ, необходимыхъ при рисованіи и живописи ученикамъ, какъ-то: карандашей, бумаги, красокъ, холста, кистей, масла и прочаго; для чего дежурный профессоръ, «убѣдившись» въ необходимости просимаго ученикомъ, отмѣчаетъ въ надлежащей книгѣ, удостовѣряетъ своею подписью и выдаетъ подъ росписку ученика, съ условіемъ для профессора не превышать 40 руб. на ежемѣсячную раздачу матеріаловъ въ 2-хъ этюдныхъ классахъ и 100 р. въ годъ для пейзажистовъ. Нѣкоторыя вещи выдаются періодически, другія—по мѣрѣ надобности, а третьи, наконецъ, однажды (т. е. на всю жизнь?) и по особымъ представленіямъ профессора. Ка́къ мало понимаются дѣйствительныя нужды художественнаго развитія учениковъ, видно изъ того, что ученикъ обязанъ возвратить казенный холстъ съ подрамкомъ, ка́къ бы ни нуженъ былъ ему этюдъ для соображенія и провѣрки своихъ успѣховъ. Для всего этого заведены соотвѣтствующіе отдѣлы и книги у профессо-

---

*) Т. е. исключаются. *И. К.*

ровъ и «установленныя вѣдомости» въ правленіи, такъ что ни упущеній, ни уклоненій отъ взысканій быть не можетъ. Разумѣется, отпускаемой суммы недостаточно, но надо полагать, что разныя конфискаціи помогаютъ сокращенію расходовъ, и это дѣлается съ учениками, обязанными жить на свои собственныя средства!

Посмотримъ же теперь, чего достигаетъ Академія своими нравственными и матеріальными усиліями, такъ какъ въ настоящую минуту выставляемыя работы учениковъ даютъ возможность судить объ этомъ наглядно. Несомнѣнно, что все выставленное бываетъ самое лучшее, что̀ только сдѣлано цѣлыми сотнями, въ теченіе всего академическаго года, потому что каждая работа ученика имѣетъ какую-либо помѣтку на поляхъ: или переводъ изъ одного класса въ другой, или награду медалями. Разсматривая рисунки гипсовыхъ классовъ и натурнаго, невольно замѣчаешь, что лучшіе рисунки—въ гипсовомъ головномъ классѣ, въ фигурномъ уже похуже, а самые плохіе—съ натуры. Точно ученики не совершенствуются, а напротивъ разучиваются. Давно уже замѣчено, что выставляемые рисунки и этюды становятся годъ отъ году хуже. Смотря на рисунки и этюды, удостоенные большой серебряной медали, приходишь въ положительное изумленіе, до чего понизился уровень требованій въ главномъ предметѣ и ка̀къ можно было признать этихъ молодыхъ людей основательно знающими рисунокъ и живопись, или, выражаясь языкомъ правилъ § 55, «окончившими свое художественное образованіе?» Апеллирую къ простому и непосредственному чувству каждаго зрителя и спрашиваю: удовлетворяетъ ли это даже невзыскательныхъ? Но еслибы, сверхъ ожиданія, непосредственное чувство зрителя не было въ силахъ рѣшить вопросъ по впечатлѣнію, то предлагаю сравненіе: въ натурныхъ классахъ должны находиться рисунки и этюды учениковъ прежняго времени: 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, точно такіе же, какъ и выставленные—то есть ученическія упражненія. Не угодно ли сравнить и поставить ихъ рядомъ съ теперешними? Взгляду, самому непритязательному, громадная разница должна броситься въ глаза сама собою. Переходя къ эскизамъ, которыми, сколько мнѣ извѣстно, Академія гордится въ настоящее время, и оставляя пока въ сторонѣ разборъ по существу самаго вопроса объ нихъ, цѣлесообразности и полезности упражненій въ сочиненіи на заданныя темы, я долженъ сказать объ нихъ то̀ же, что и о рисункахъ, т. е., что относительно стороны технической и вообще внѣшнихъ качествъ надобно отдать преимущество прежнимъ ученическимъ работамъ, а чтобы быть вполнѣ справедливымъ, прибавлю, что относительно внутреннихъ достоинствъ, какъ тѣ, такъ и другія одинаково несостоятельны.

Самая же краснорѣчивая страница въ отчетѣ Академіи этого года—

это программы. Мы видѣли, какія предосторожности приняты Академіей, чтобы воспитанники стояли на высотѣ задачи; теперь я скажу, черезъ какія препятствія долженъ пройдти ученикъ, пока достигнетъ наконецъ конкурсовъ. Каждый изъ нихъ долженъ получить по двѣ серебряныхъ медали, малую и большую, въ порядкѣ постепенности въ каждомъ натурномъ классѣ, рисовальномъ и этюдномъ (живописномъ), итого четыре серебряныхъ медали; упражняться ежемѣсячно въ сочиненіи эскизовъ, за что также существуютъ награды медалями и денежными преміями. Вообще, денежныя выдачи играютъ теперь огромную роль. §§ 53, 54, 55, 56 и 57 опредѣляютъ всѣ эти обязанности. Я долженъ засвидѣтельствовать, въ интересахъ безпристрастія, что всѣ эти правила дѣйствительно исполняются: всѣ программисты имѣютъ установленное число медалей, но только тѣ работы, за которыя они ихъ получили, находятся въ прямомъ противорѣчіи со смысломъ самыхъ правилъ. Судите сами: по смыслу академическихъ традицій, такъ хорошо мнѣ извѣстныхъ, сюжеты на малую золотую медаль изыскиваются только такіе, въ которыхъ бы ученикъ могъ выказать блистательнымъ образомъ свои познанія въ изображеніи натурщиковъ и натурщицъ. Повторяю, не будемъ спорить, пока, о томъ, насколько это раціонально, а примемъ это тàкъ же серьезно, какъ принимаетъ сама Академія; спрашивается, кому придетъ въ голову, что природа создавала когда-нибудь нѣчто подобное тому, каковы «Адамъ и Ева передъ трупомъ Авеля» въ нынѣшнемъ году, какъ они изображены на программѣ г-на Данилевскаго? Человѣкъ, имѣющій четыре серебряныхъ медали, незнакомъ съ самыми первоначальными элементами того, чему его учили такъ долго и столь усердно! Два другіе его конкуррента оказываются не много больше свѣдущими. Но быть можетъ они бездарны? Тогда зачѣмъ же ихъ такъ долго оставляютъ въ заблужденіи и относительно ихъ положенія, и, чего добраго, пожалуй оставятъ еще нѣсколько лѣтъ?... Словомъ, масса вопросовъ невольно толпится и настойчиво требуетъ разрѣшенія, если принять все такъ же серьезно, какъ принимаетъ Академія. Къ счастію для молодыхъ людей, можно миновать академическую точку зрѣнія, и тогда выводъ будетъ гораздо болѣе для нихъ благопріятный: окажется, что программы никогда не служили надежнымъ руководителемъ въ опредѣленіи: кто изъ нихъ талантливъ, и кто нѣтъ.

Перейдемъ теперь къ послѣднему отдѣлу, программамъ на большую золотую медаль: «Бракъ въ Канѣ Галилейской». Всѣхъ программъ пять. Изъ нихъ одному, и далеко не лучшему, дали большую золотую медаль и право поѣздки заграницу на казенный счетъ,—за прежнія заслуги и прилежаніе, кàкъ было читано на актѣ. Разбирать представленныя произведенія трудъ излишній, достаточно только прочесть § 132 устава, который

гласитъ: что «для полученія большой золотой медали недостаточно, чтобы представленное на конкурсъ произведеніе было только лучшее между другими, но должно само по себѣ заключать всѣ условія, заслуживающія высшей награды». Достаточно, говорю я, только знать этотъ параграфъ, чтобы безъ разсужденій понять, насколько усилія Академіи скомпрометированы. Чтобы, наконецъ, покончить съ этимъ совершенно, я приведу еще одинъ § правилъ, 134, касающійся неудостоенныхъ по конкурсу золотыхъ медалей, который говоритъ, что они могутъ быть награждаемы званіями классныхъ художниковъ въ томъ только случаѣ «если представленныя работы на конкурсъ будутъ заслуживать особаго вниманія Совѣта». Очевидно, остальныя программы особаго вниманія Совѣта заслуживаютъ, такъ какъ всѣ четверо получили званіе классныхъ художниковъ и по 150 руб. утѣшительныхъ. Тяжелая и непріятная обязанность коснуться достоинствъ ученическихъ работъ выпала мнѣ на долю, — тяжелая потому, что молодые люди менѣе другихъ отвѣтственны за результаты ихъ усилій, а также и за то, что ихъ не такъ и не тому учатъ. Все сказанное до сихъ поръ касается внѣшней, формальной стороны дѣла, очевидной для всякаго, но было бы очень интересно узнать рядъ ощущеній ученика Академіи, желающаго стать художникомъ. Очень поучительно было бы выслушать кого-либо изъ теперешнихъ молодыхъ людей, какъ на его внутренней жизни отзывается эта система, и что ему приходится пережить. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ хотя отчасти и выяснить вопросъ, по отношенію къ настоящему времени, я прошу позволенія привести нѣсколько личныхъ воспоминаній, тѣмъ болѣе умѣстныхъ, что многое, почти все, осталось въ томъ же видѣ и теперь. Кое-что только усилилось по одному и тому же (вредному) направленію, напримѣръ упражненія въ сочиненіи, а нѣчто появилось уже впослѣдствіи, и только въ настоящую минуту начинаетъ приносить осязательные плоды.

Я поступилъ въ Академію въ 1857 году, въ классъ гипсовыхъ головъ. Никакихъ словесныхъ экзаменовъ (со времени уничтоженія казеннокоштныхъ воспитанниковъ) не требовалось. Нужно сказать, что, до вступленія моего въ Академію, я начитался разныхъ книжекъ по художеству; біографій великихъ художниковъ, разныхъ легендарныхъ сказаній объ ихъ подвигахъ, и тому подобное, и вступилъ въ Академію какъ въ нѣкій храмъ, полагая найдти въ ея стѣнахъ тѣхъ же самыхъ вдохновенныхъ учителей и великихъ живописцевъ, о которыхъ я начитался, поучающихъ огненными рѣчами благоговѣйно внемлющихъ имъ юношей. Словомъ, я полагалъ встрѣтить нѣчто похожее на тѣ мастерскія итальянскихъ художниковъ, какія дѣйствительно существовали. Разсказы товарищей о томъ, что такой-то

профессоръ замѣчательный теоретикъ, а вотъ этотъ великій композиторъ, только разжигали мое воображеніе. Въ натурномъ классѣ я имѣлъ уже право избрать себѣ профессора въ постоянные руководители *), которому я уже и долженъ былъ показывать свои классныя и неклассныя работы и выслушивать замѣчанія и совѣты. Какъ видите, это правило было блѣднымъ отголоскомъ когда-то живого общенія между учителемъ и учениками, и имѣло мѣсто за цѣлыя столѣтія до возникновенія самыхъ Академій. На первыхъ же порахъ я встрѣтилъ, вмѣсто общенія и лекцій, такъ сказать, объ искусствѣ, одни голыя и сухія замѣчанія: что вотъ это длинно или коротко, а вотъ это надо постараться посмотрѣть на антикахъ, Германикѣ, Лаокоонѣ... Видѣть, ка̀къ и что̀ работаетъ замѣчательный теоретикъ, или творитъ великій композиторъ, мнѣ (да и никому почти) неудавалось никогда. Одно за другимъ стали разлетаться созданія моей собственной фантазіи объ Академіи и прокрадываться охлажденіе къ мертвому и педантическому механизму въ преподаваніи, но привязанность къ вечернимъ рисовальнымъ классамъ оставалась во мнѣ очень долго. Въ то время это были чрезвычайно оживленныя собранія молодежи: до 120 человѣкъ и болѣе рисовало постоянно. Рисунки послѣ классовъ брались домой. Обычай этотъ имѣлъ свои вредныя стороны, такъ какъ пріучалъ (иногда до фанатизма) предаваться излишней отдѣлкѣ, но имѣлъ также и хорошія: постоянное разсматриваніе его на досугѣ помогало развитію памяти, провѣркѣ впечатлѣній, а чрезъ то, каждый рисунокъ былъ, такъ сказать, изученъ до конца, насколько хватало силъ и способностей. Въ классѣ живописи наступили для меня настоящія муки: я не могъ понять, что̀ такое живопись и что значитъ «краски?» Самыя колоритныя вещи здѣсь, при натурѣ, казались мнѣ неестественными; замѣчанія же профессора отличались и въ этомъ случаѣ тѣмъ же лаконизмомъ: «Плоско, колѣнка дурно нарисована, и чулокъ вмѣсто слѣдка»; на другой день другой съ равнозначущими замѣчаніями, но съ иными варіяціями: «Не худо, не худо!.. Э... Это не такъ, да и это не такъ! Все не такъ!!.» Оставалось товарищество — единственное, что̀ двигало всю массу впередъ, давало хоть какія-нибудь знанія, вырабатывало хоть какіе-нибудь пріемы и помогало справляться со своими задачами. А такъ какъ тогда и въ классѣ живописи позволялось заниматься послѣ положенныхъ трехъ часовъ и пользоваться натурой по найму (что̀ на всѣхъ составляло бездѣлицу), то и здѣсь ученикъ имѣлъ время вдуматься, выработать свой этюдъ — полюбить его. Въ концѣ каждаго мѣсяца, съ приближеніемъ экзаменовъ, усиливалась лихорадочная дѣятельность; а послѣдняя ночь часто просиживалась напролетъ за оконча-

*) Въ настоящее время этого правила не существуетъ. *И. К.*

ніемъ рисунковъ и приготовленіемъ эскизовъ. Съ разсвѣтомъ дня экзамена, Академія полна, всѣ сотни рисующихъ и пишущихъ на лицо; развѣшиваютъ и разставляютъ работы, потомъ, цѣлыми толпами обозрѣваютъ, судятъ, чьи рисунки или этюды лучше всѣхъ; кому слѣдуетъ медаль, или другая награда. Но вотъ приближаются роковые 10 часовъ утра, когда насъ выгоняютъ, такъ какъ собирается уже ареопагъ профессоровъ. Начинаются томительные часы экзамена. Каждый съ лихорадочнымъ сердцебіеніемъ старается не пропустить выхода Совѣта, чтобы поскорѣе узнать свою судьбу, такъ какъ немедленно послѣ того насъ впускали для обозрѣнія. Но проходитъ обыкновенный срокъ, профессора вышли давно, а насъ все еще не впускаютъ... Откуда-то смутно начинаютъ носиться слухи, что медаль или 1-й № получилъ такой-то!.. Какъ? Почему?.. Не можетъ быть! Наконецъ, и собственными глазами удостовѣряешься, что опредѣленіе товарищей и свое собственное далеко расходится съ приговоромъ Совѣта! Нужно самому пережить эти минуты, чтобы понять муку неотвязчивыхъ вопросовъ: почему это лучше того? зачѣмъ такому-то дали медаль, когда у него натурщикъ не похожъ не только лицомъ (эта роскошь никогда въ Академіи не уважалась и не требовалась), а хотя бы корпусомъ? Что̀ же это такое? и чего они требуютъ?.. Никогда, никакого разъясненія, точно совершаютъ элевзинскія таинства! Такую странность экзаменовъ нельзя было всегда приписывать какой-либо несправедливости; напротивъ, мы всѣ какъ-то смутно чувствовали, что существуетъ какая-то система, но какая? Этого, въ цѣломъ, рѣдкому изъ насъ удавалось уяснить себѣ; да и уяснившіе не всѣ могли съ нею примириться, потому что грамматика: столько-то головъ въ ростѣ человѣка, такія-то плечи, такой-то длины ноги, затѣмъ колѣнки и слѣдки по возможности ближе къ антикамъ, удовлетворяла не всякаго. Правда, когда ученикъ, послѣ многихъ годовъ, усвоитъ, наконецъ, пропорцію человѣка, пойметъ механику движеній и съ талантомъ передастъ вѣрно натурщика, съ его лицомъ, руками, корпусомъ, со всѣми индивидуальными особенностями, то не было примѣра, чтобы такой рисунокъ, или этюдъ, не взялъ бы временно перевѣса надъ рутиной и схоластикой, но господствующіе взгляды въ Совѣтѣ неизмѣнно оставались на сторонѣ антика и схоластики. Но сколько крови будетъ испорчено, сколько жизней искалѣчено безъ надобностей, прежде, чѣмъ кому либо удастся пробиться! Нельзя сказать, чтобы мы не пытались вовсе найдти исхода, и я помню наивныя рѣчи товарищей ораторовъ, что слѣдуетъ попросить Совѣтъ, чтобы насъ допустили присутствовать на экзаменахъ, разумѣется безъ права голоса, и только въ качествѣ самыхъ почтительныхъ слушателей. Вѣдь, говорилъ ораторъ, вообразите, какое сбереженіе крови, здоровья, времени! а главное: что̀бы мы узнали, и ка̀къ это было бы для насъ полезно и инте-

ресно!.. Одинъ профессоръ говоритъ, другой профессоръ говоритъ, третій говоритъ!.. и о чемъ? О рисункѣ, о живописи, о композиціи? А!? Какъ все это насъ можетъ двинуть впередъ!.. Только... только этого не состоялось... мы не просили. Иногда, впрочемъ, натурщики разъясняли намъ коечто, такъ какъ они были единственными счастливыми слушателями этихъ лекцій. Бывало, пристаемъ: ну, Тарасъ, голубчикъ, скажи пожалуйста, что они тамъ такое говорятъ? Какъ это происходитъ? «Да какъ? Сначала все такъ тихо по иностранному разговариваютъ между собою, а потомъ заспорятъ и почнутъ уже по-русски». Конечно, при такомъ порядкѣ пустить слушателями хотя бы и учениковъ Академіи—неудобно.

Итакъ, результаты экзаменовъ, наполняя сердца наши тревогой, а головы недоумѣніемъ, не могли быть орудіемъ образовательнымъ. Оставалось, кому нравилось, ловить отрывки профессорскихъ совѣтовъ въ родѣ вышеприведенныхъ.

Мало того, что въ область техническую вносилась схоластика, существовалъ, да существуетъ и теперь, чрезвычайно вредный предразсудокъ относительно сочиненій. Я знаю, что вопросъ этотъ одинъ изъ самыхъ неясныхъ, что онъ не рѣшенъ положительно ни для одного учебнаго заведенія; но нигдѣ онъ не приноситъ такихъ гибельныхъ плодовъ, какъ въ Академіи художествъ, потому что въ томъ возрастѣ, когда всякія сочиненія по задачамъ въ учебныхъ заведеніяхъ прекращаются, и у мальчика остается какое-то смутное представленіе въ памяти о какихъ-то классныхъ упражненіяхъ и задачахъ, когда, наконецъ, ни сторона испытующая, ни испытуемые не смотрятъ на это, какъ на творчество—въ этомъ-то именно возрастѣ юноши только становятся учениками Академіи. Это уже не дѣти: рѣдкій вступаетъ моложе 20 лѣтъ, а сочинять начинаютъ еще позднѣе. И въ то время, когда у него въ головѣ начинаютъ появляться свои собственныя фантазіи, часто не глупыя и оригинальныя, еще чаще, разумѣется, незрѣлыя и, быть можетъ, смѣшныя, ихъ, однакожъ, никто не тревожитъ и не вызываетъ на свѣтъ Божій, до нихъ никому и никогда нѣтъ никакого дѣла. Напротивъ, все стараніе употребляется на то, чтобы внушить, что сочинять слѣдуетъ, ка́къ «Іосифъ толкуетъ сны хлѣбодару и виночерпію», или онъ же, «продаваемый братьями», словомъ, тоже, что всегда и вездѣ отъ сотворенія міра задается. Говорили, что у профессоровъ были даже книги съ сюжетами, откуда они и заимствовали. Сколько я себя помню, эта премудрость мнѣ не понравилась съ перваго же шагу и я никогда не могъ къ ней приспособиться и съ нею примириться. Мнѣ уже въ то время казалось, что сдѣлать эскизъ можно только тогда, когда въ головѣ сидитъ какая-либо идея, которая волнуетъ и не даетъ покоя, идея, имѣющая стать впослѣдствіи картиной, что нельзя по заказу сочинять,

когда угодно и что угодно. Но ихъ все-таки требовали, хотя и менѣе строго, чѣмъ теперь, когда не экзаменуютъ даже рисунковъ безъ эскиза: тогда еще экзаменовали. Помню, какъ теперь, одинъ сострадательный совѣтъ моего товарища, желавшаго принести мнѣ пользу, открывъ секретъ своего способа композиціи. Я, говоритъ, беру листъ бумаги и пачкаю его во всевозможныхъ направленіяхъ углемъ, карандашомъ; потомъ растираю тряпкою, ладонью, пальцами; вѣшаю его на стѣну, самъ ложусь на диванъ, и долго, долго, смотрю: на что эти пятна похожи, до тѣхъ поръ, пока эти пятна не покажутся мнѣ людьми; тогда я поскорѣе, стараясь не забыть, начинаю ловить красками, карандашомъ, чѣмъ попало, и это такъ хорошо выходитъ, что я часто получаю первые №№, какъ ты знаешь!.. Другой практиковалъ творчество нѣсколько иначе: онъ старался провести на чистой бумагѣ красивую кривую линію (чувствую, какъ это мало понятно читателю) и когда ему удалось найдти, по его понятію, эту хорошую кривую, или нѣсколько кривыхъ, онъ старался расположить уже фигуры непремѣнно по этой кривой, во что бы то ни стало. Вотъ какихъ виртуозовъ вырабатывала Академія *). Эти способы творчества были не безъ основанія: они вытекали изъ совѣтовъ профессоровъ, такъ какъ мнѣ самому неоднократно приходилось слышать слѣдующія замѣчанія: «Старайтесь располагать группы пирамидально; не становите фигуры задомъ; главная фигура въ картинѣ никогда не должна быть профилемъ. Посмотрите, да покопируйте съ эстамповъ: Пуссена, Рафаэля!..» и странно, Пуссена рекомендовали непремѣнно прежде Рафаэля. Или: «Мы, изволите видѣть, всегда воображаемъ себѣ прежде всего пятно, пятно прежде всего и потомъ уже въ этомъ пятнѣ людей...». Одинъ разъ мнѣ удалось проникнуть къ профессору дальше первой комнаты, по случаю его нездоровья, и тутъ мнѣ, въ этомъ святилищѣ, представился эскизъ несостоявшейся картины, о которомъ ходили слухи, что это удивительное сочиненіе. Я жадно впился глазами, и весь превратился въ зрѣніе. Замѣчая дѣйствіе своего созданія, профессоръ началъ мнѣ объяснять его достоинство; упомянулъ о какихъ-то чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, помѣшавшихъ картинѣ увидѣть свѣтъ Божій, и кончилъ такъ: «Да, вообще я много работалъ за этимъ и много прочелъ трактатовъ о сочиненіи и постарался располагать свои группы такъ, чтобы рядомъ съ величественнымъ и прекраснымъ было ужасное, рядомъ съ спокойствіемъ — движеніе, рядомъ съ трагическимъ — смѣшное. Самъ Карлъ Павловичъ (Брюлловъ), глядя на этотъ эскизъ, сказалъ: «Да это все жевано и пережевано». Вотъ что составляло сущность наставленій въ интереснѣйшемъ отдѣлѣ искусства **). Кромѣ того, существовали еще лек-

*) Все это осталось безъ перемѣны. *И. К.*

**) Все это остается въ томъ же видѣ. *И. К.*

ціи изъ наукъ вспомогательныхъ: перспективы, анатоміи и теоріи изящныхъ искусствъ. Перспектива въ то время не читалась (кажется, за отсутствіемъ лектора, послѣ смерти Воробьева). Лекціи анатоміи я прослушалъ, и на нихъ узналъ, кромѣ того, что мнѣ знать было необходимо, кое-что и изъ «любопитства», какъ выражался покойный старичокъ Буяльскій, который читалъ анатомію, приспособляясь къ невѣжеству слушателей, точь-въ-точь какъ даютъ груднымъ дѣтямъ булку или кашицу: въ жеваномъ видѣ. «Тутъ вотъ есть сесамовидная косточка, которой вы рисовать не будете, но для любопытства я вамъ разскажу»... и разсказывалъ. О лекціяхъ же теоріи изящнаго удержалось въ памяти такое смутное представленіе, что я многаго сказать не могу: правда, я и былъ-то на нихъ всего два раза, но изъ этихъ двухъ разъ помню только, что на одной шла рѣчь о К. П. Брюлловѣ, ка̀къ онъ однажды заперся, и ка̀къ объ этомъ пошла молва по академическимъ корридорамъ, и какое онъ потомъ совершилъ чудо; да еще объ личномъ сожалѣніи самого лектора, что злая судьба лишила его утѣшенія видѣть великаго художника въ его собственномъ сынѣ, умершемъ безвременно для искусства и доказавшемъ возлагавшіяся на него надежды копіей съ Тиціана, которую мы и можемъ видѣть въ академическихъ залахъ. Въ другой же разъ лекторъ говорилъ о томъ, что древніе великіе итальянскіе художники были не только художниками, но рѣдкій изъ нихъ въ то же время не былъ поэтомъ или музыкантомъ, и что все это были люди очень образованные, не то что нынѣшніе художники, неучи и невѣжи, ни о чемъ, кромѣ красокъ и кистей, не имѣющіе понятія, и что развѣ только одинъ нашъ уважаемый ректоръ, кромѣ того, что онъ великій художникъ, въ то же время и музыкантъ. (Къ сожалѣнію, память моя не удержала названія инструмента, на которомъ игралъ покойный ректоръ). Рѣчь на эту тему тянулась довольно долго, и я помню черные глаза изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей, устремленные на всѣхъ насъ, такъ глубоко повинныхъ въ поголовномъ невѣжествѣ. Тутъ, на этой лекціи, я почувствовалъ себя до такой степени кругомъ виноватымъ въ томъ, что я не поэтъ и не музыкантъ, а просто невѣжа и неучъ, что хотя и чувствовалъ смутно, что юноша, строго говоря, виноватымъ въ невѣжествѣ быть не можетъ, но все же это было какой-то тяжело давящей правдой; хотя мнѣ и казалось, что упреки эти надобно было адресовать кому-то другому, но... пойдти на третью лекцію я уже не дерзалъ, и потому рѣшительно не просвѣтился въ теоріи искусства, и даже не знаю того, насколько эти лекціи касаются самой теоріи.

II.

Въ то время, когда мое молодое стремленіе къ искусству было такъ странно смущено, и я все больше и больше запутывался въ вопросахъ первостепенной для меня важности,—пріѣхала картина Иванова «Явленіе Христа народу». Въ первое время, когда я ее увидалъ, я рѣшительно не могъ составить себѣ о ней никакого отчетливаго понятія. Поднявшіеся въ нашемъ низменномъ муравейникѣ толки о ниспроверженіи правилъ композиціи (отсутствіе пирамидальности тожъ), объ оскорбительномъ и неизящномъ старикѣ налѣво, о зеленомъ рабѣ, о некрасивости Христа, еще больше повергли меня въ уныніе. Не смотря на то, что фигура Іоанна Крестителя на меня произвела впечатлѣніе чего-то страшнаго, я видѣлъ, однакожъ, что она, противъ всякихъ правилъ, поставлена профилемъ; что Христосъ некрасивъ дѣйствительно... но отчего фигура Его выражаетъ твердость и спокойствіе, какъ будто Онъ знаетъ, куда идетъ и зачѣмъ? — было для меня вопросомъ неразрѣшимымъ. И нужно было такъ случиться, что, выйдя съ выставки, я наткнулся на одного изъ товарищей, котораго я до тѣхъ поръ уважалъ и за способности, и за умъ. Первое его слово было: «Что, какова картина? А? Какъ нарисованы ноги-то у Ивана и колѣнки, всѣ кости, мыщелки?..» Удивительно, я это замѣтилъ тоже, и еще подумалъ: а вѣдь это хорошо нарисовано... Только тутъ мнѣ мой товарищъ почему-то не понравился. Всю дорогу я думалъ, что вѣдь это глупо, наконецъ, въ такой картинѣ видѣть ноги, да колѣнки. И какъ это странно: вѣрно, а глупо! Словомъ, положеніе мое было безпомощное. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждалъ я отзывовъ печати: что-то скажутъ? И вотъ, появляется одна статья, не помню уже чья: не то какого-то Плаксина, не то какого-то Толбина, гдѣ картина была названа китайскимъ ковромъ, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, и я опять подумалъ: вѣрно, а не умнѣе моего товарища! Но были отзывы и сочувственные: и между ними, помню, я съ удовольствіемъ читалъ брошюрку какого-то архимандрита, если не ошибаюсь, и совершенно соглашался съ нимъ, что библейскій пророкъ Іоаннъ таковъ и долженъ былъ быть: съ всклокоченными волосами и съ воспаленными глазами отъ безсонницы!... Но вѣдь это пишетъ архимандритъ, стало быть не авторитетъ въ искусствѣ, а мнѣ нужно было тогда именно авторитета!.. Какъ вдругъ разносится страшная вѣсть: Ивановъ умеръ! Вотъ тебѣ разъ!.. Съ тѣхъ поръ я такъ испугался, что картина сама по себѣ перестала быть предметомъ изученія и интереса, и даже, хороша ли она или дурна, стало для меня безразлично, а главное: человѣкъ, художникъ, его положеніе, его судьба, стали меня занимать больше всего.

25 лѣтъ работать, думать, страдать, добиваться, пріѣхать домой, къ своимъ, привезти имъ наконецъ этотъ подарокъ, что̀ такъ долго и съ такой любовью къ родинѣ готовилъ—и вотъ тебѣ! Мы даже не съумѣли пощадить больного человѣка. Мнѣ просто стало страшно. И помню, я даже что-то такое написалъ по поводу смерти Иванова. Къ Академіи съ этихъ поръ я сталъ охладѣвать совершенно, и хотя проболтался въ ней еще нѣсколько лѣтъ, но уже немного, такъ сказать, иронизировалъ.

Лѣтомъ 1859 года я не былъ въ Петербургѣ, а когда воротился, то засталъ новость: новыхъ начальниковъ, новый уставъ, новые порядки, и... какой-то новый духъ. На первый разъ все было по старому: профессора все тѣ же почтенные старцы, рѣчи ихъ съ учениками тѣ же. Но были и новости, касавшіяся насъ: рисунковъ вечернихъ классовъ домой не брать, и въ классѣ живописи, кромѣ положенныхъ часовъ, не заниматься; для вновь же вступающихъ полагался экзаменъ изъ наукъ и обязательное слушаніе лекцій. Кромѣ того, мы всѣ какъ-то скоро почувствовали, что въ Академіи есть новая должность—конференцъ-секретаря, тогда какъ прежде, не знаю почему, мы и не подозрѣвали о его существованіи, хотя онъ-то и читалъ лекціи теоріи изящнаго. Теперь же, малѣйшая бездѣлица вела къ столкновенію (не въ смыслѣ враждебности) съ этою властью: точно радіусы изъ любой точки окружности идутъ къ одному центру, такъ и здѣсь, чего бы ни коснулось, разрѣшить это можетъ все тотъ же всемогущій конференцъ-секретарь. Справедливость требуетъ сказать, что, не смотря на постоянныя столкновенія, никто изъ насъ не имѣлъ повода серьезно жаловаться на него. Правда, былъ какой-то ропотъ, но онъ былъ гдѣ-то тамъ, въ высшихъ сферахъ, такъ сказать, между профессорами, о чемъ до насъ доходили едва понятные слухи. Сколько могу уловить тогдашнія мои впечатлѣнія, это была какая-то борьба либеральнаго движенія противъ осѣвшихъ и неподвижныхъ профессорскихъ привычекъ: профессора и были, главнымъ образомъ, недовольны; а такъ какъ вся масса учениковъ была на старыхъ правахъ, то насъ все это какъ-то касалось мало. Одинъ разъ только конференцъ-секретарь, явившись въ одно многолюдное собраніе учениковъ, бывшее по поводу нанесеннаго одному изъ товарищей оскорбленія профессоромъ, прикрикнулъ и потребовалъ, чтобы мы разошлись немедленно, но, послѣ возраженій съ нашей стороны, какъ-то стушевался, и митингъ нашъ благополучно кончился, не причинивъ никакихъ вредныхъ послѣдствій.

Раньше, говоря о нашихъ недоумѣніяхъ по поводу экзаменовъ, я упомянулъ о существованіи системы у профессоровъ, мало нами понимаемой. Въ сущности, у нихъ ничего не было кромѣ привычекъ и вкусовъ, въ которыхъ они выросли. Всѣ они, за немногими исключеніями, не были спо-

собны сознательно, во имя идеи, давить проявленія молодой жизни (это выросло уже впослѣдствіи). Напримѣръ, они всякій разъ очень охотно и настойчиво снабжали совѣтами заимствовать у Пуссена и Рафаэля, а между тѣмъ не могли утерпѣть, чтобы не наградить первое появленіе Перова съ картинкою, плохо и сѣро написанною: «Пріѣздъ станового на слѣдствіе», въ которой такъ хорошъ былъ г. становой, такъ глубоко комиченъ его письмоводитель съ подвязанною щекою, съ полными юмора понятыми, приведшими подсудимаго, со всею глубокою правдою, выхваченною молодымъ художникомъ прямо изъ жизни. Въ то время это были шаги прогресса въ нашемъ искусствѣ, первые всходы котораго относятся еще ко времени Ѳедотова. Были и раньше люди, порывавшіеся войдти въ народную жизнь и брать оттуда сюжеты для своихъ картинокъ. Но что это не было серьезно и сознательно, можно судить изъ того, что самъ Венеціановъ, напримѣръ, никогда не дерзалъ считать того, что̀ онъ дѣлалъ, равнымъ по значенію произведеніямъ нашихъ классиковъ. Совѣтъ же Академіи и подавно. Для него это было не болѣе, какъ едва терпимая уступка вкусамъ публики; поощрять же такое направленіе—недостойно такого серьезнаго стража чистоты стиля, какова Академія, особенно когда, съ свободнымъ допущеніемъ молодыхъ людей всѣхъ слоевъ общества заниматься искусствомъ, да еще безъ научнаго экзамена, возникло проявленіе простонародныхъ наклонностей, съ каждымъ годомъ все усиливавшееся. Даже содержаніе и внутренній смыслъ картинъ Ѳедотова, въ глазахъ строгихъ классиковъ, не многимъ выше ставило его послѣдователей. Я засталъ Академію еще въ то время, когда недоразумѣніе Совѣта относительно нарождающейся силы національнаго искусства было въ спящемъ состояніи, и когда еще существовала большая золотая медаль за картинки жанра. Мало того, это счастливое недоразумѣніе было настолько велико, что всѣ медали, даже серебряныя, можно было получить за такія картинки, помимо классовъ. Появится, напримѣръ, талантливый мальчикъ, дойдетъ до натурнаго класса, попробуетъ, порисуетъ, да на лѣто куда-нибудь и исчезнетъ, а къ осени привезетъ что-нибудь въ родѣ «Поздравленія молодыхъ», «Пріѣзда станового», или «Продавца апельсиновъ» (Якобія). Всѣ видятъ ясно, что есть юморъ, талантъ, ну и дадутъ маленькую серебряную медаль, такъ, для поощренія; а молодой человѣкъ на будущій годъ привозитъ уже что-нибудь получше: «Продавецъ халатовъ» (Якобій) или «Первое число»; профессора опять смѣются и, по недоразумѣнію, даютъ большую серебряную медаль, да рядомъ, для очистки совѣсти, чтобы не обижать очень историковъ, и постановятъ: не допускать на золотыя медали не имѣющихъ серебряныхъ за классныя работы; а на выставкѣ встрѣчаются уже съ такого рода картинками: какъ

«Первый чинъ» Перова, «Свѣтлый праздникъ нищаго» Якобія, «Отдыхъ на сѣнокосѣ» Морозова, «Возвращеніе пьянаго отца» Корзухина, «Сватовство чиновника» Петрова. Постановленіе забыто, и золотая медаль 2-го достоинства награждаетъ лапти да сермяги. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ! На слѣдующій годъ уже являются «Послѣдняя весна» Клодта, «Привалъ арестантовъ» Якобія, «Проповѣдь сельскаго священника» Перова. Какъ не увлечься, хотя бы и профессорамъ? И большая золотая медаль летитъ, по недоразумѣнію, молодымъ художникамъ! Глядя на то, что̀ дѣлается, завзятые рисовальщики натурнаго класса, или такъ-называемые «историки», у которыхъ еще осталась живая искра таланта, заявляютъ Совѣту о своемъ желаніи перейдти на жанръ, предъявляютъ свои эскизы къ утвержденію (Константинъ Маковскій, Песковъ, Шустовъ), имъ дозволяютъ—проскакиваютъ и эти. А между тѣмъ Совѣтъ чувствуетъ, что пора что-то сдѣлать. Но либеральный конференцъ-секретарь, ка̀къ это часто случается съ людьми, недовольно знающими то дѣло, за поправки котораго берутся, идетъ на компромиссы въ такихъ вопросахъ, которые собственно и составляютъ самый живой нервъ дѣла. Такъ и въ этомъ случаѣ: вышло нѣчто уродливое.

Въ 1863 году я состоялъ конкуррентомъ и писалъ программу. За три-четыре мѣсяца до годичнаго экзамена по всѣмъ мастерскимъ конкуррентовъ было разослано печатное объявленіе о новомъ постановленіи Совѣта, касавшемся программистовъ на золотыя медали. Къ сожалѣнію, этого документа я не сохранилъ тогда, но смыслъ его помню очень хорошо. Въ немъ было около 4 или 5 пунктовъ, приблизительно, слѣдующаго содержанія, что «отнынѣ различіе между родами живописи жанра и исторической уничтожается; что на малую золотую медаль будетъ, какъ и прежде, задаваемъ всѣмъ одинъ сюжетъ, а на большую, въ виду имѣющаго наступить столѣтія Академіи и въ видѣ опыта, будутъ даны не сюжеты, какъ прежде, а темы, напримѣръ: гнѣвъ, радость, любовь къ отчизнѣ и т. п., съ тѣмъ, чтобы каждый ученикъ, сообразно своимъ наклонностямъ, реализировалъ бы тему, ка̀къ онъ хочетъ и откуда хочетъ: изъ жизни ли современной, или давно прошедшей, изъ исторіи ли библейской, или евангельской—все равно: что конкуррировать на большую золотую медаль можно будетъ только одинъ разъ, и, наконецъ, на всѣхъ конкуррентовъ полагается одна золотая медаль 1-го достоинства». Начались собранія и толки программистовъ о вновъ изданныхъ правилахъ. За годъ до этого былъ введенъ, въ первый разъ, промежуточный годъ между малою и большою золотыми медалями. Около 10 человѣкъ имѣли уже малую золотую медаль и ждали годъ, упражняясь въ сочиненіи эскизовъ по упомянутому образцу, на третные экзамены, а съ только-что получившими, на годичномъ экзаменѣ, ма-

лыя золотыя медали, въ этомъ 1863 г. составилось 14 чел. Собранія наши были очень часты, разсужденія шумны и рѣшенія довольно единодушны.

Мы положили войдти въ Совѣтъ съ прошеніемъ приблизительно слѣдующаго содержанія: «Въ виду того, что Совѣтъ Академіи дѣлаетъ какъ бы первый шагъ къ свободѣ выбора сюжетовъ, въ виду того, что мѣра эта принимается въ видѣ опыта къ предстоящему столѣтію Академіи, въ виду, наконецъ, того, что конкуррировать на большую золотую медаль отнынѣ полагается только однажды и только одному изъ насъ достанется золотая медаль, дающая право поѣздки заграницу, мы просимъ покорнѣйше Совѣтъ дозволить намъ, хотя бы тоже въ видѣ опыта, полную свободу выбора сюжетовъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, только такой путь испытанія—наименѣе ошибочный, и можетъ доказать, ктó изъ насъ наиболѣе талантливый и достойный этой высшей награды; а также разъяснить, кàкъ будетъ съ нами поступлено при заданіи темъ: будутъ ли насъ запирать на 24 часа*) для изготовленія эскизовъ, чтò имѣло смыслъ, когда дается сюжетъ, гдѣ характеры лицъ и ихъ положенія готовы, остается изобразить,—или нѣтъ? При задачѣ же темъ, напримѣръ, гнѣвъ, запираніе становится неудобнымъ, такъ какъ самая тема требуетъ, чтобы человѣку дали возможность одуматься*). Словомъ, мы какъ бы хотѣли сказать Академіи: вы хотите строгостей, одинъ разъ конкуррировать, одна медаль на 14 чел.! Два рода живописи сливаете въ одинъ! Хорошо, но дайте же и намъ гарантію, что большая золотая медаль достанется дѣйствительно достойнѣйшему изъ насъ. Мы слишкомъ насмотрѣлись на конкурсы, при которыхъ бездарность проходитъ гораздо легче и скорѣе; мы слишкомъ хорошо знали примѣры, какъ самый талантливый проваливается на этомъ ристалищѣ. Между нами еще были люди, помнившіе, что Гè едва получилъ большую золотую медаль, и то послѣ второго и чрезвычайно бурнаго засѣданія Совѣта, тогда кàкъ Ксенофонтовъ, Иковъ, Годунъ, Кабановъ, Мартыновъ прошли преблагополучно; помнили, что Келлеръ, провалившись, поѣхалъ на свой счетъ заграницу. Словомъ, мы слишкомъ хорошо понимали, чего мы хотѣли и почему это было нужно. Всѣ 14 человѣкъ подписались подъ прошеніемъ и подали его. (Вотъ-то мы были хорошіе юристы!). Совѣтъ миновалъ, а отвѣта на наше прошеніе не послѣдовало. Проходитъ недѣля, другая, справляемся въ правленіи, говорятъ: ничего нѣтъ, не знаемъ. Думаемъ, что дѣлать? До насъ дошелъ слухъ, между тѣмъ, что одинъ изъ профессоровъ выразился слѣдующимъ образомъ о нашемъ прошеніи:

---

*) Конкурренты на золотыя медали запираются на 24 часа, въ теченіе которыхъ они должны сочинить эскизы, и затѣмъ уже не отступать отъ нихъ въ картинѣ.
И. К.

«Ну, что-жъ! Разсуждаютъ! Нужно пригласить ихъ сюда и дать кресла!», а затѣмъ поднялись возгласы: «Ктó это выдумалъ темы?» Въ самомъ дѣлѣ, эскизовъ нельзя сдѣлать въ 24 часа! Долой темы! Возстановить прежнія правила и задать всѣмъ одинъ сюжетъ!» И, говорятъ, въ этомъ смыслѣ и было сдѣлано постановленіе!

Понимая, чѣмъ это можетъ разрѣшиться для насъ, мы изготовили и подали другое прошеніе, въ такомъ уже смыслѣ: «Что такъ какъ между нами половина жанристовъ, имѣющихъ малую золотую медаль, полученную ими за картины по свободно избраннымъ сюжетамъ, и что несправедливо подвергать ихъ конкурсу наравнѣ съ историками, то просимъ Совѣтъ или оставить за нами наши старыя права, или дозволить всѣмъ намъ свободу выбора сюжетовъ». На этотъ разъ мы такъ разсудили: если оставятъ насъ на старомъ положеніи (а законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ), то мы можемъ заявить о переходѣ на жанръ и, стало быть, представить свои сюжеты, чтó практиковалось. Опять нѣтъ отвѣта.

Тогда мы выбрали депутацію для личныхъ объясненій съ членами Совѣта, и я былъ въ качествѣ депутата, а стало быть объяснялся, и очень живо помню наши визиты. Приходимъ къ одному, имѣвшему репутацію звѣря*). Принимаетъ полубольной, лежа на огромной постелѣ. Излагаемъ. Выслушалъ. «Не согласенъ, говоритъ, и никогда не соглашусь. Конкурсы должны быть, они необходимы, и я вамъ теперь же заявляю, что я не согласенъ, и буду говорить противъ этого»... Затѣмъ прибавилъ: «Еслибы это случилось прежде, то васъ бы всѣхъ въ солдаты. Прощайте!» Вышли, думаемъ: это, по крайней мѣрѣ, прямо, и мы знаемъ, въ чемъ дѣло. Пришли къ другому, предлагавшему дать намъ кресла въ Совѣтѣ**), излагаемъ опять. Въ отвѣтъ получаемъ: «Вы говорите глупости и ничего не понимаете, я и разсуждать съ вами не хочу». Тутъ тоже ясно. Пошли къ третьему, горячему и талантливому скульптору***). Слышимъ: «Нигдѣ въ Европѣ этого нѣтъ, во всѣхъ академіяхъ конкурсы существуютъ, другого способа для экзамена Европа не выработала. Да, наконецъ, и неудобно: кàкъ вы станете экзаменовать разнородныя вещи. Нѣтъ, этого нельзя!» Ушли; показалось неубѣдительно. Стоимъ, раздумываемъ: однако, самаго важнаго и вліятельнаго****) приберегли подъ конецъ. Приходимъ, принимаетъ, проситъ въ кабинетъ, даже сажаетъ! Мы по порядку начинаемъ опять свою пѣсню снова. Пропѣли ее, и просимъ заступиться. Онъ соглашается; говоритъ, что все сказанное нами принимаетъ близко къ сердцу, и сдѣлаетъ всевозможное. Намъ какъ будто

---

*) К. А. Тонъ. *Ред.*

**) П. В. Басинъ. *Ред.*

***) Н. С. Пименовъ. *Ред.*

****) Ѳ. А. Бруни. *Ред.*

стало поспокойнѣе. Не помню, въ какихъ именно выраженіяхъ, но только слышимъ, потекла тихая рѣчь, нѣсколько внушительная, правда, но осторожная, на такую тему, что «Академія призвана развивать искусство высшаго порядка, что слишкомъ много уже вторгается низменныхъ элементовъ въ искусство, что историческая живопись все больше и больше падаетъ, что...» Въ это время одинъ изъ депутатовъ, Песковъ, талантливый жанристъ, къ сожалѣнію давно умершій, почуявъ порицаніе, хотя и косвенное, своей святыни, такъ сказать, не вытерпѣлъ: «Да что же, говоритъ, по вашему, Θедоръ Антоновичъ,—развѣ уже жанристы и не художники?..» (Пауза)... Я пробую поправить дѣло, и сказалъ что-то въ родѣ того, что «художники, дескать, того высшаго порядка, о которомъ вы изволите говорить, вообще слишкомъ рѣдки, что если и есть въ настоящее время, то они пойдутъ добровольно и сознательно по тому пути, на который вы указываете; что мы, наконецъ, просимъ принять мѣры, по нашему мнѣнію, обезпечивающія только справедливость»... и, чувствуя необходимость кончить объясненіе, мы встали. Профессоръ насъ провожаетъ, и такъ это хорошо говоритъ намъ на прощанье: что онъ вполнѣ понимаетъ наше положеніе (еще бы! да мы-то его не понимали!), сочувствуетъ намъ, и что онъ самъ на нашемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое, и, что потому, онъ обѣщаетъ сдѣлать все, отъ него зависящее. Выйдя отъ него уже совсѣмъ, мы даже повеселѣли. Но, странно, на послѣдовавшемъ затѣмъ вечернемъ собраніи всѣ почувствовали, что надо приготовиться ко всему... и къ выходу даже. Потому что послѣ всѣхъ объясненій, самый важный вопросъ: что̀ именно рѣшено Совѣтомъ относительно насъ — остался еще болѣе таинственнымъ; да мы, какъ видите, не съумѣли и добиться его разрѣшенія. Быть можетъ, оно и хорошо, что такъ вышло: Богъ знаетъ, что̀ бы случилось, еслибы мы узнали рѣшеніе Совѣта раньше дня конкурса.

Нѣсколько дней спустя, мы получили повѣстки изъ правленія: явиться на 9-е ноября 1863 года въ конференцъ-залу Академіи, на конкурсъ. Наканунѣ, долго, чуть не всю ночь, мы толковали. Узнавъ, въ промежутокъ этого времени, что подача коллективнаго прошенія о выходѣ изъ Академіи на этотъ разъ имѣла бы для насъ весьма и весьма непредвидѣнныя послѣдствія, мы запаслись тутъ же, на всякій случай, прошеніями: что по домашнимъ, или тамъ инымъ, причинамъ, я, такой-то, не могу продолжать курсъ въ Академіи и прошу Совѣтъ выдать мнѣ дипломъ, соотвѣтствующій тѣмъ медалямъ, которыми я награжденъ. (Подпись). Одинъ изъ насъ заявилъ, что онъ такого прошенія не подастъ, и вышелъ. За то оказался скульпторъ, пожелавшій раздѣлить съ нами одинаковую участь*). Рѣшено

*) Крейтанъ: *Ред.*

было, въ случаѣ неблагопріятнаго для насъ рѣшенія Совѣта, одному изъ насъ сказать, отъ имени всѣхъ, нѣсколько словъ къ Совѣту *). Вѣроятно дурно былъ проведенъ остатокъ ночи всѣми, по крайней мѣрѣ я все думалъ, все думалъ.

Наступило утро. Мы собираемся всѣ въ мастерской, и ждемъ роковыхъ 10 часовъ. Наконецъ, спускаемся въ правленіе и остаемся въ преддверіи конференцъ-залы, откуда поминутно выходитъ инспекторъ и требуетъ у чиновниковъ разныхъ какихъ-то справокъ. Наконецъ, дошла очередь и до насъ. Подходитъ инспекторъ и спрашиваетъ: «Кто изъ васъ жанристы и кто историки?» Не смотря на всю простоту этого вопроса, онъ былъ неожиданностью для насъ, привыкшихъ въ короткое время не дѣлать различія между собою. Имѣя необходимость разъяснить въ Совѣтѣ, какъ вообще отнеслись къ нашимъ прошеніямъ, мы поторопились сказать: всѣ историки! Да и что можно было сказать въ послѣднюю секунду предъ дверьми конференцъ-залы, которыя въ это время уже раскрылись чьими-то невидимыми руками, и въ нихъ, тамъ въ перспективѣ, въ глубинѣ: мундиры, звѣзды, ленты; въ центрѣ, полный генеральскій мундиръ съ эполетами и эксельбантами, большой овальный столъ, крытый зеленымъ сукномъ, съ кистями. Тихо мы взошли, скромно поклонились и стали вправо, въ углу. Также неслышно захлопнулась за нами дверь и мы остались глазъ на глазъ. Секунду я ждалъ, что теперь уже весь Совѣтъ, вмѣсто инспектора, поставитъ намъ вопросъ: кто изъ насъ жанристы и кто историки? Но случилось безмолвное и завѣдомо несправедливое признаніе всѣхъ насъ историками. Вопроса поставить намъ въ эту минуту избѣгали. Вице-президентъ поднялся со своего мѣста, съ бумагою въ рукѣ, и прочелъ, недовольно громко и мало внятно: «Совѣтъ Императорской Академіи художествъ, къ предстоящему въ будущемъ году столѣтію Академіи, для конкурса на большую золотую медаль по исторической живописи, избралъ сюжетъ изъ скандинавскихъ сагъ: «Пиръ въ Валгаллѣ». На тронѣ богъ О д и н ъ, окруженый богами и героями; на плечахъ у него два ворона; въ небесахъ, сквозь арки дворца Валгаллы, въ облакахъ видна луна, за которою гонятся волки, и проч. и проч. и проч...» Чтеніе кончилось; послѣдовало обычное прибавленіе: «Ка́къ велика и богата даваемая вамъ тема, насколько она позволяетъ человѣку съ талантомъ высказать себя въ ней и, наконецъ, какіе и гдѣ взять матеріалы, объяснитъ вамъ нашъ уважаемый ректоръ, Ѳедоръ Антоновичъ Бруни». Тихо, съ правой стороны отъ вице-президента, подымается фигура ректора, съ многозначительнымъ, задумчивымъ лицомъ, украшенная, какъ всѣ, лентами и звѣздами, и направляется неслышными ша-

*) Этотъ депутатъ былъ самъ Крамской. См. его письмо къ М. Б. Тулинову 13 ноября 1863 г. *Ред.*

гами въ нашу сторону. Вотъ уже осталось не болѣе сажени... сердце бьется... еще моментъ, и отъ компактной массы учениковъ отдѣляется фигура уполномоченнаго, по направленію стола и наперерѣзъ пути ректора. Бруни остановился. Вице-президентъ поднялся снова, сѣдыя головы профессоровъ повернулись въ нашу сторону, косматая голова скульптора Пименова рѣшительнѣе всѣхъ выражала ожиданіе, конференцъ-секретарь Львовъ стоялъ у кресла вице-президента, и смотрѣлъ спокойно и холодно. Уполномоченный заговорилъ:

— Просимъ позволенія сказать передъ Совѣтомъ нѣсколько словъ... Мы подавали два раза прошеніе, но Совѣтъ не нашелъ возможнымъ исполнить нашу просьбу; то мы, не считая себя въ правѣ больше настаивать и не смѣя думать объ измѣненіи академическихъ постановленій, просимъ покорнѣйше Совѣтъ освободить насъ отъ участія въ конкурсѣ и выдать намъ дипломы на званія художниковъ.

— Всѣ? раздается откуда-то изъ за стола вопросъ.

— Всѣ, отвѣчаетъ уполномоченный, кланяясь; и затѣмъ компактная масса шевельнулась, и стала выходить изъ конференцъ-залы.

«Прекрасно!» «Прекрасно!» провожали насъ восклицанія Пименова. Прекрасно! вотъ чѣмъ, подумалъ я, насъ провожаютъ!

Одинъ по одному изъ конференцъ-залы Академіи выходили ученики, и каждый вынималъ изъ бокового кармана своего сюртука въ четверо сложенную просьбу и клалъ передъ дѣлопроизводителемъ, сидѣвшимъ за особымъ столомъ. Когда дошла моя очередь, я замѣтилъ, что была уже груда въ 4 вершка вышиною. Тутъ же кто-то шепчетъ: одинъ остался *)! Кто? Прошло не болѣе минуты: узнаемъ, что когда зала отъ насъ очистилась, въ самомъ углу оказался одинъ историкъ.

— А вамъ что̀ угодно? спрашиваютъ.

— Я желаю конкуррировать.

— Развѣ вы не знаете, что конкурсъ изъ одного состояться не можетъ, подождите до будущаго года.

Отказъ отъ конкурса въ этомъ случаѣ я даже не знаю чѣмъ объяснить, такъ какъ и до этого случая, и послѣ, единоличные конкурсы практиковались въ Академіи.

Когда всѣ прошенія были уже отданы, мы вышли изъ правленія, затѣмъ и изъ стѣнъ Академіи, и я почувствовалъ себя, наконецъ, на этой страшной свободѣ, къ которой мы всѣ такъ жадно стремились. Дальше вспоминать нечего. Началась дѣйствительность, а не фантазіи, и потому перейдемъ къ дѣйствительности.

И. К.

---

*) Теперь уже умершій.

III.

Академія съ своимъ постановленіемъ осталась, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе крѣпчало у нея желаніе вырвать съ корнемъ направленіе, въ существѣ своемъ тàкъ глубоко расходящееся съ академическими традиціями. Сколько можно судить по послѣдующимъ фактамъ, Академія дѣйствительно достигла своей цѣли: самостоятельное творчество не имѣетъ уже мѣста въ ея стѣнахъ. Составъ художниковъ 50-хъ годовъ, дѣйствующій еще и въ настоящее время, постепенно сокращается, съуживается и понемногу сходитъ со сцены. Движенія между молодежью въ какомъ-либо ясно опредѣленномъ направленіи, въ смыслѣ содержанія—незамѣтно. Ученики же Академіи, рядомъ разныхъ карательныхъ мѣръ противъ непокорныхъ и денежныхъ выдачъ послушнымъ, приведены къ совершенному равнодушію въ вопросахъ о самостоятельномъ творчествѣ; мало того, я имѣю основаніе думать, что еслибы теперь, сейчасъ, попытаться приложить къ нимъ свободу выбора сюжетовъ, то они оказались бы даже враждебно къ ней настроенными, и въ лучшемъ случаѣ — неимѣющими представленія, куда себя направить. Ихъ такъ долго и такъ тщательно оберегали отъ ереси, что въ настоящее время они равно свободно готовы исполнять какія угодно задачи, лишь бы добиться матеріальнаго обезпеченія. Быть можетъ, я преувеличиваю, быть можетъ, умственное движеніе существуетъ, быть можетъ, убѣжденія и взгляды теперешней молодежи глубже и шире прежнихъ (я сочту себя счастливымъ—если я заблуждаюсь), все это можетъ быть—я лично никого изъ молодежи теперешней не знаю (т. е. не знаю съ этой стороны), но на поверхности этого не видно; не видно этого и изъ тѣхъ ученическихъ работъ, которыя выставляетъ Академія для публики. Правда, года 4 тому назадъ, я наткнулся на нѣкоторыя попытки къ самостоятельности на одной изъ выставокъ ученической кассы, но съ тѣхъ поръ эти молодые люди были или исключены изъ Академіи, или оказались недостойными, съ академической точки зрѣнія, награды за программы, и, стало быть, исключились по всѣмъ правиламъ и по уставу. Куда они канули—не знаю. Удастся ли имъ когда-нибудь появиться снова на поверхности, сказать не берусь. То же, чтò такъ ревностно и примѣрно награждаетъ Академія въ настоящую минуту, у всѣхъ на глазахъ, и находится въ залахъ Академіи. Чтобы вполнѣ представить себѣ, чтò это такое, и понять, кáкъ понизился уровень требованій самого Совѣта, приглашаю желающаго сдѣлать 30 шаговъ, пройти по заламъ Академіи такъ называемымъ циркулемъ и посмотрѣть: «Янъ Усмовичъ» Сорокина, «Геркулесъ» Келлера, еще «Геркулесъ бросающій Лихаса въ море» Крюкова, или даже «Олимпійскія игры» Чиви-

лева, на тѣ же самыя малыя золотыя медали, и еще множество другихъ, въ которыхъ всѣ качества, требуемыя Академіей: рисунокъ и живопись, находятся на лицо. Правда, ихъ нельзя ни минуты считать дѣйствительно художественными произведеніями, но въ нихъ есть тѣ знанія, которыя Академія дать обязана. Видя, къ чему привели 19-ти лѣтнія усилія Академіи, невольно спрашиваешь: Да что же это такое? Кого приготовляетъ Академія? Просто ли молодыхъ людей въ общеобразовательномъ смыслѣ, или спеціалистовъ? Если она думаетъ серьезно, что выпускаетъ образованныхъ молодыхъ людей, нѣсколько прикосновенныхъ къ искусству, то я попрошу позволенія разъяснить мнѣ: знаютъ ли конкурренты на большую золотую медаль, и особенно г. Кившенко, удостоенный этой медали, что-либо изъ исторіи искусства? Гдѣ онъ помѣстилъ своихъ пирующихъ на бракѣ: въ проходѣ ли нынѣшняго гостинаго двора, или въ обстановкѣ, возможной исторически? И, кромѣ того, попрошу Академію припомнить отзывъ г. министра народнаго просвѣщенія, что учителя рисованія, выпускаемые Академіей, оказались безъ всякаго дидактическаго образованія, что и было причиною упадка изученія этого предмета въ училищахъ и гимназіяхъ министерства *). Стало быть, Академія, вмѣсто распространенія любви и пониманія искусства, гаситъ и ту скудную искру желанія учиться рисованію, которая была; и, смѣю утверждать, что еслибы министерство народнаго просвѣщенія было такъ же компетентно по вопросамъ техническимъ, какъ по научнымъ, то отзывы его были бы еще менѣе лестными. Что касается подготовки спеціалистовъ (я не говорю художниковъ, это вообще не подъ силу Академіямъ), т. е. людей, умѣющихъ сносно написать портретъ, въ чемъ иногда наша публика нуждается, образъ (на что есть еще большое требованіе), то выставленныя работы не даютъ надежды, чтобы хотя эти скромныя требованія были выполнены удовлетворительно. Но, быть можетъ, это годъ такой неурожайный? На это можно замѣтить, что, во-первыхъ, рисунки и этюды суть результаты цѣлаго ряда годовъ, а во-вторыхъ, программы и въ прошломъ году, и въ позапрошломъ, все были плохи, и, восходя далѣе, мы все будемъ наталкиваться только на неурожайные годы.

Гдѣ же это остановится? Да и остановится ли еще?

Указать же на четырехъ молодыхъ людей, вышедшихъ изъ Академіи при новомъ порядкѣ вещей: Ковалевскаго, Рѣпина, Полѣнова и Семирадскаго, вотъ почему нельзя. Семирадскій пришелъ въ Академію изъ университета, во-первыхъ, и во-вторыхъ, къ изученію избранной имъ эпохи онъ былъ направленъ опять-таки раньше вступленія въ Академію. Хотя это и не важно, но не слѣдуетъ забывать, что тѣ научныя знанія, которыя

---

*) Отчетъ Академіи за 1875—1876 г. *И. К.*

высказалъ этотъ молодой художникъ, далеко превосходятъ знанія всѣхъ историческихъ профессоровъ Академіи настоящаго времени, вмѣстѣ взятыхъ. Очевидно, стало быть, что Академія ему ничего дать не могла. Тò же, чтò она должна была ему дать, рисунокъ — самая слабая его сторона. Рѣпинъ выдвинулся и занялъ свое мѣсто работами, какъ-разъ противоположными тому, чему его Академія учила, и, кàкъ извѣстно, не пользуется ея благосклонностію, и даже получалъ выговоры. Ковалевскій, давно выработавшійся и прекрасный художникъ, только благодаря тому обстоятельству, что въ Академіи есть обособленный отдѣлъ, баталическій, и такъ какъ онъ пришелъ уже прямо съ любовью къ изученію лошадей, то въ этомъ случаѣ совпали цѣли и средства; и если кто, такъ именно Ковалевскій блистательно подтверждаетъ все, чтò я старался доказывать. Онъ уже давно развился и созрѣлъ, переломовъ и переучиванія у него быть не можетъ, тогда какъ, напримѣръ, Полѣновъ, находится только теперь въ періодѣ пробъ: и многое еще остается для него самого проблемой, хотя нѣтъ сомнѣнія, что, благодаря образованію (не академическому, а университетскому), его работа внутренняя разрѣшится счастливо. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, усилія Академіи или непричемъ, или повредили на нѣсколько лѣтъ; но все же это только четыре человѣка. Я васъ спрашиваю, куда дѣвался тотъ процентъ талантливыхъ молодыхъ людей, который долженъ быть въ Академіи, такъ какъ чрезъ ея стѣны, въ теченіе этихъ 19 лѣтъ, должно было пройти по меньшей мѣрѣ 1,500 человѣкъ? Тотъ 6—7-лѣтній періодъ, о которомъ я вспоминалъ, далъ нынѣшній составъ художниковъ; и этотъ процентъ еще не нормальный, потому что рядомъ съ счастливымъ недоразумѣніемъ была и система, ослаблявшая процентное отношеніе. На этотъ вопросъ, если онъ будетъ понятъ,—желательно бы получить отвѣтъ.

Правда, есть еще нѣсколько талантливыхъ молодыхъ людей, извѣстныхъ публикѣ (Куинджи, Васнецовъ, В. Маковскій, Клеверъ), но они или сами вышли изъ Академіи, или исключены ею, или же никогда въ ней не были.

Безтрепетность, съ которою Академія идетъ по пути разрушенія счастливыхъ условій для искусства, данныхъ самой природой, по-истинѣ изумительна; и, чтó всего... да, всего *ужаснѣе*, такъ это то, что ни одинъ молодой человѣкъ не оканчиваетъ курса ранѣе 30-ти лѣтъ! Подумайте, ради Бога: человѣку 30 лѣтъ, а онъ не умѣетъ написать ни лица, ни рукъ, ни фигуры, а «сочиненіе» находится у него въ зародышѣ. Чтó онъ такое? никто не знаетъ. Академія не знаетъ, потому что знать не желаетъ, а испытуемый, потому что все время, и самое дорогое, ушло на *поддержаніе чистоты стиля*, и что только по выходѣ изъ Академіи для него наступитъ періодъ самостоятельныхъ пробъ. А когда онъ кончитъ эти пробы

И не придется ли ему (въ случаѣ, еслибы по лотерейной случайности онъ оказался имѣющимъ талантъ) переучиваться вновь, пробивать и отыскивать свою дорогу и, быть можетъ, опоздать къ дѣятельности? (и такихъ я знаю!) Къ чему же такіе дорого стоющіе опыты? Дорого стоющіе не только въ матеріальномъ смыслѣ*), а — что гораздо важнѣе — въ нравственномъ искалѣчиваніи молодыхъ людей. И ктò же, наконецъ, несетъ за это отвѣтственность?

Не знаю, приходитъ ли въ голову что-либо подобное обыкновенной публикѣ, или нѣтъ, но что это давно уже начинаетъ приходить въ голову людямъ, интересующимся судьбами русскаго искусства,—это вѣрно.

О внутренней жизни Академіи, со стороны художественной, было говорено слишкомъ достаточно, и добавлять еще что-нибудь—надобности не предстоитъ. Но, кромѣ этой, чисто, такъ сказать, педагогической стороны, въ несовершенствахъ которой виновны главнымъ образомъ профессора, ревниво отстаивающіе такія традиціи, которыя задерживаютъ естественное развитіе искусства, не желающіе дѣлать никакихъ уступокъ времени, есть еще другая, не менѣе гибельная, тѣмъ особенно, что она вполнѣ посторонняя искусству, не понимающая уже вовсе ни прежнихъ, ни теперешнихъ, да и вообще никакихъ требованій и условій, въ которыхъ искусство можетъ двигаться и развиваться, а между тѣмъ, по своему центральному положенію и объему вліянія, даетъ окраску, такъ сказать, какъ внутренней, такъ и внѣшней политикѣ Академіи. Я говорю о чиновничествѣ, пустившемъ глубокіе корни въ Академіи, коренящемся въ статьяхъ и §§ устава 1859 г., который до сихъ поръ дѣйствуетъ. Конференцъ-секретарь Львовъ, имѣвшій, какъ надо думать, большое вліяніе при составленіи этого устава, создалъ особое исключительное положеніе для себя, съ большими, противъ устава Екатерины II, полномочіями. Желая произвести реформы, но не обладая необходимыми для настоящаго реформатора качествами, онъ палъ въ борьбѣ съ Совѣтомъ и его привычками, будучи обвиненъ въ превышеніи своей власти, и безъ того довольно обширной. Но все же ему нельзя было отказать въ нѣкоторой долѣ пониманія и прикосновенности къ живописи. Преемникъ его, Ребезовъ, будучи человѣкомъ вовсе постороннимъ искусству, имѣлъ настолько скромности, что не позволялъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла чисто художественныя, хотя и могъ бы вліять, по своему положенію. Въ его время уже выяснилась, съ достаточною очевидностію, непригодность Устава 1859 г., и присутствовавшіе на актѣ Академіи 1867 года имѣли удовольствіе слышать въ отчетѣ, прочитанномъ публикѣ, что Академія счи-

*) Правительство ежегодно отпускаетъ около 150,000 рублей на Академію.
И. К.

таетъ невозможнымъ исполнять свои задачи, руководясь уставомъ 1859 г., и извѣщаетъ, что по Высочайшему повелѣнію была составлена коммисія для пересмотра сего устава, выразивъ только платоническое сожалѣніе, что означенная коммисія составлена безъ всякаго вѣдома и участія въ ней Академіи художествъ. Неизвѣстно, почему комиссія прекратила свои дѣйствія, не придя ни къ какимъ положительнымъ заключеніямъ. Не смотря, однакожъ, на сознаніе самой Академіи, что съ уставомъ 59 г. она не можетъ исполнять своей задачи, уставъ этотъ продолжаетъ дѣйствовать до сихъ поръ. И, сколько можно судить по спокойствію и увѣренности Академіи въ настоящее время, она нашла возможность приносить пользу русскому искусству и съ этимъ негоднымъ уставомъ.

Настоящій конференцъ-секретарь, находящійся въ должности около 10 лѣтъ, чуждый искусству, если возможно, еще больше своего предшественника, но обладающій неизмѣримо бо̀льшими талантами чиновника, чрезвычайно одушевленъ желаніемъ принести пользу русскому искусству и, конечно, менѣе своего предшественника склоненъ отказываться отъ той доли значенія, которая предоставлена ему уставомъ. Чѣмъ другимъ можно объяснить себѣ эти сотни правилъ, между которыми есть исходящія, какъ говорится на оберткѣ изданія, по распоряженію начальства? Серьезность тона этихъ правилъ доказываетъ увѣренность въ томъ, что дѣло искусства отъ того движется. Я согласенъ, что можно не сомнѣваться въ благонамѣренности этихъ правилъ и желаніи принести ими пользу, но можно сильно сомнѣваться, чтобы они приносили ее дѣйствительно, и именно въ силу своей чиновничьей предусмотрительности. Людямъ, знающимъ дѣло, стало очевидно давно, что въ Академію перенесены пріемы департамента.

Извѣстно, что бюрократическій порядокъ для своего движенія требуетъ, чтобы низшіе органы власти и самые послѣдніе изъ подчиненныхъ знали съ точностію предѣлы, въ которыхъ они могутъ и должны двигаться, и чѣмъ яснѣе, опредѣленнѣе и, такъ сказать, недвижнѣе будутъ намѣчены эти предѣлы, тѣмъ легче движется самая машина. Въ дѣлѣ же искусства, которое все держится на свободѣ развитія индивидуума *), наоборотъ, чѣмъ бо̀льшій просторъ получаетъ самый скромный по своимъ способностямъ и значенію его служитель, тѣмъ богаче будетъ жатва. И трудъ Совѣта Академіи, или, если вамъ угодно, начальства, будетъ весь состоять изъ легкой и пріятной сортировки всего уродившагося. Приготовленіе же почвы (извините за сравненіе) для посѣва на нивѣ искусства хотя и имѣетъ значеніе, но, за отсутствіемъ всякихъ достовѣрныхъ указаній науки въ этой области,

*) Не даромъ Екатерина Великая велѣла помѣстить на Академіи надпись: «Свободнымъ художествамъ». *И. К.*

химическое ея приготовленіе надобно, пока, предоставить совершенной свободѣ; тѣмъ болѣе, что исторія искусства и, вообще, творчества въ другихъ областяхъ изящнаго убѣждаетъ безпристрастнаго наблюдателя, что въ человѣческомъ духѣ самой природой заключенъ неизсякаемый источникъ приспособляться къ условіямъ времени, находить совершенно новыя формы, незнакомыя до тѣхъ поръ міру, и воплощать въ нихъ новыя идеи. Положеніе это до того избитое, что доказывать его нѣтъ надобности. Къ сожалѣнію, столь элементарныя понятія чужды и, я готовъ сказать, враждебны человѣку, вѣрующему въ силу параграфовъ и правилъ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Въ настоящее время окрѣпъ и утвердился въ Академіи чрезвычайно ревностный глазъ, слѣдящій за тѣмъ, чтобы противъ правилъ и разъ установленнаго порядка ничего не дѣлалось. И нужно удивляться его зоркости: всѣ правила такъ пригнаны, что, кажется, не остается уже ни одной лазейки, откуда могла бы попытаться молодая сила выглянуть на свѣтъ Божій. И однакожъ, не смотря ни на что, сила жизни бываетъ столь велика, потребность вздохнуть свѣжимъ воздухомъ такъ настоятельна, что, не смотря ни на что, вдругъ усматривается что-нибудь на свободѣ. Сейчасъ же дѣлается соотвѣтствующее распоряженіе—и щель законопачивается. Работа эта продолжается вотъ уже цѣлыя 10 лѣтъ съ неослабною энергіей; и есть надежда, что недалеко уже то время, когда всѣ щели дѣйствительно будутъ законопачены, и проявленіе жизни, а тѣмъ паче новаго оригинальнаго таланта въ стѣнахъ Академіи—сдѣлается немыслимымъ. Этотъ необычайно зоркій глазъ Академіи усмотрѣлъ еще недавно, что (ка̀къ картинно выражается отчетъ 1876 г.) остались еще занятія учениковъ «на дому»: это—изготовленіе эскизовъ, сочиненіе. Чтобы лишить художниковъ всѣхъ неудобствъ этого занятія: бѣдности, тѣсноты помѣщенія и, главное, я думаю, сосредоточенности, устроенъ особый спеціальный классъ композиціи, подъ руководствомъ профессора (какого?) и преподавателя перспективы. Сидите, молъ, всѣ на глазахъ и—сочиняйте!

Я знаю, есть люди, которые на все это говорятъ: Прекрасно! Пусть Академія будетъ предоставлена собственной судьбѣ, пусть дѣлаетъ все, что̀ хочетъ, — искусство отъ того только и выиграетъ. Искусство разовьется внѣ стѣнъ ея, ка̀къ это имѣло мѣсто вездѣ заграницей.

Я примкнулъ бы безъ разсужденій къ говорящимъ подобнымъ образомъ, но меня отъ этого удерживаютъ два обстоятельства. Во-первыхъ, система, которой стала держаться Академія съ молодыми людьми, вовсе не такъ проста, ка̀къ это кажется съ перваго раза, то есть она перестала быть даже традиціонной: нѣсколько десятковъ правилъ можно найти, гдѣ награды деньгами за прилежаніе играютъ чуть ли не единственную приманку. Этого мало: усматривая (и основательно), что для молодого чело-

вѣка когда-нибудь да наступитъ же минута свободы и что она ему можетъ сдѣлаться дорога, что онъ можетъ проснуться и пойдти не по тому пути, по которому его вела до сихъ поръ Академія, то, чтобы помѣшать этому и въ будущемъ, Академія дѣлаетъ довольно цѣлесообразное постановленіе: «пенсіонеры, кончившіе срокъ своего пребыванія заграницей, будутъ получать ежегодно по 500 р. впредь до полученія профессорской каѳедры» (Отчетъ 1876 г.). А такъ какъ большинство художниковъ люди бѣдные, то разсчетъ не можетъ не попасть въ цѣль. Предоставляю судить, что̀ изъ этого можетъ образоваться? Въ ту минуту, когда часть художниковъ, чувствуя свое не совсѣмъ нормальное положеніе среди общества, старается стать къ нему, по возможности, въ правильныя отношенія, когда они заявляютъ, что пора прекратить насильственное привлеченіе общества къ филантропическимъ и меценатскимъ пріемамъ вспомоществованія, въ эту-то минуту Академія старается ненормальный и неестественный порядокъ вещей сдѣлать еще болѣе ненормальнымъ и еще болѣе неестественнымъ. И во-вторыхъ, несмотря на это даже, я бы не сказалъ ни слова вообще, еслибы усматривалъ въ обществѣ русскомъ то живое сознаніе необходимости придти на помощь художникамъ, какое было въ свое время вездѣ заграницей. Къ сожалѣнію, нигдѣ нѣтъ ручательствъ за то, что и въ будущемъ, довольно отдаленномъ, пробудилось бы желаніе необходимой поддержки и сочувствія, и по весьма уважительнымъ и вѣскимъ причинамъ.

Все русское общество въ настоящую минуту чувствуетъ, что самое ближайшее время въ будущемъ потребуетъ, быть можетъ, еще бо̀льшаго напряженія силъ общественныхъ, чѣмъ то̀ имѣло мѣсто 25 лѣтъ тому назадъ. Слишкомъ много накопилось вопросовъ первостепенной государственной важности, въ сравненіи съ которыми вопросы объ искусствѣ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстны. Вотъ почему я полагаю необходимымъ, до времени, обратить вниманіе на устраненіе хотя бы только того, что̀ положительно не даетъ дышать людямъ, любящимъ искусство и желающимъ учиться ему. Благо, существуетъ учрежденіе и средства, которыя, при болѣе правильной постановкѣ вопроса и болѣе цѣлесообразномъ употребленіи, дадутъ искусству возможность пережить до той поры спокойствія, когда позволятъ время и обстоятельства самому обществу заняться разборомъ вопроса по существу, устройствомъ судьбы искусства, если оно ему окажется необходимымъ.

IV.

Продолжать прерванную рѣчь послѣ трехлѣтняго промежутка*) очень неудобно, и потому надѣюсь, что мнѣ простятъ нѣкоторыя, весьма малыя и необходимыя, впрочемъ, повторенія—люди, которымъ дѣло искусства было и есть близко и которые хотя въ общемъ помнятъ, о чемъ была рѣчь; для постороннихъ же повторенія будутъ только связующимъ звеномъ излагаемыхъ мыслей.

Въ предыдущихъ статьяхъ я много говорилъ объ отрицательныхъ сторонахъ оффиціальнаго, академическаго воспитанія (образованія) молодыхъ художниковъ, учениковъ Академіи, да и заговорилъ потому собственно, что въ Россіи вліяніе Академіи, какъ школы, на самое искусство такъ велико, какъ нигдѣ въ Европѣ. Въ концѣ третьей статьи я подошелъ вплотную къ тому моменту, когда обыкновенно у читателей и безпристрастныхъ, и заинтересованныхъ, невольно рождается одинъ и тотъ же вопросъ: «Ну, положимъ, вы правы, да выходъ гдѣ? Вы скажите теперь, что̀ дѣлать надобно? Критиковать, указывать ошибки легче, чѣмъ дать положительныя указанія». Такой вопросъ меня не удивляетъ, и къ отвѣту я приготовленъ. Но прежде всего маленькое замѣчаніе: во 1-хъ, изъ предыдущихъ статей ясно, чего дѣлать не слѣдуетъ, и это уже кое-что; во 2-хъ, для того, чтобы сказать, что̀ дѣлать слѣдуетъ, необходимо сдѣлать совсѣмъ особенное предисловіе, болѣе или менѣе длинное, тѣмъ болѣе, что предисловіе иногда даже дѣлаетъ ненужнымъ и самую программу.

Всякое предисловіе по существу есть обнаруженіе принципа. Согласіе въ принципѣ неизбѣжно должно повлечь за собой согласіе и съ теоріей, а изложеніе принципа и теоріи начинается съ Адама.

Что̀ такое искусство? или поближе: что̀ такое художники? Часть націи, свободно и по влеченію поставившая себѣ задачею удовлетвореніе эстетическихъ потребностей своего народа. Прекрасно. Сколько ихъ нужно? Я не знаю, да и никто не знаетъ и никогда не возьметъ на себя безполезную задачу высчитывать ихъ. Нужно какъ-разъ столько..... сколько нужно, а чтобъ ихъ было ни больше, ни меньше (въ чемъ всѣ, надо полагать, положительно заинтересованы и согласны), то никому не слѣдуетъ давать возможности увеличивать или уменьшать количество ихъ по произволу. Это дѣло историческаго развитія и роста самой націи. Кто вѣритъ въ разумъ, создавшій природу и людей, и для кого законы, управляющіе жизнью, не пустое слово, тотъ убѣжденъ въ безошибочности разсчетовъ разума. Если жизнь не задерживается вмѣшательствомъ полузнанія,—она, при возник-

*) Настоящая статья написана въ 1880 г. и осталась ненапечатанною. *Ред.*

новеніи потребности, всегда находитъ у себя средства къ удовлетворенію. Это какъ-будто смахиваетъ на что-то изъ политической экономіи; но это не бѣда. Я пытаюсь пока установить точку зрѣнія.

«Но позвольте, скажутъ мнѣ, это.... это, такъ сказать, касается, чего добраго, основъ. Вѣдь этакъ, пожалуй, придется повести рѣчь объ Академіи по существу; а такъ какъ Академія есть учрежденіе государственное, то не лучше ли эту матерію оставить?» Оставить, такъ оставить. Я ничего не скажу противъ; только думаю, что все, что́ служитъ къ крѣпости роста и здоровья искусства, не стоитъ въ противорѣчіи съ основами. Оно можетъ очутиться въ жестокомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ нѣкоторыми людьми, которымъ хорошо при настоящемъ порядкѣ—это вѣрно. Но при чемъ же тутъ интересы искусства? И зачѣмъ я буду лицемѣрить и портить дѣло умолчаніями, тѣмъ болѣе, что я вовсе и не жестокъ настолько, чтобы лишать людей теплаго угла. Я понимаю, что они нисколько не виноваты; я только какъ-разъ настолько жестокъ, насколько позволяетъ дѣло. Я бы не совѣтовалъ продолжать этотъ порядокъ до безконечности потому, что рано или поздно, а прекращеніе его существованія будетъ прямо въ интересахъ государства. Уже теперь есть много людей изъ художниковъ, которые живутъ или благотворительностью (подъ благовиднымъ названіемъ покровительства, поощренія и другихъ филантропическихъ тонкостей) и которые, что бы ни говорили, составляютъ обузу людей богатыхъ,—или прямо помощью государства, въ то время, когда ихъ услуги, собственно говоря, ему серьезно не нужны: значитъ, чрезвычайно важно, чтобы художниковъ было не болѣе того, сколько ихъ нужно.

По-моему, будетъ справедливо оставить пожизненное пропитаніе уже присосавшимся къ мѣсту паразитамъ, но новыхъ, кое-какъ приспособившихся къ жизни въ ожиданіи—та̀къ въ этомъ пріятномъ ожиданіи и оставить. Это необходимо. Думаю, что та̀къ разсуждать съ моей стороны не особенно жестоко. Дальше. Я думаю, что я имѣю нѣкоторыя права, ничуть не меньшія, чѣмъ у оффиціальнаго, приставленнаго къ искусству человѣка, судить объ искусствѣ, понимать его дѣйствительныя потребности, понимать природу художника и искусства и, наконецъ, я имѣю за собою право дѣйствительной любви къ нему, право родственное, а не по найму. Бѣда, если не захотятъ знать правды, но этого быть не можетъ, — я не вѣрю этому. Гораздо возможнѣе другое: что все, что̀ я собираюсь сказать, будетъ неубѣдительно, — мало того, покажется невѣрнымъ, — вотъ это дѣйствительно вещь непоправимая и тяжелая, потому что я глубоко убѣжденъ, что теперь наступило время предоставить художниковъ ихъ собственной дальнѣйшей судьбѣ, что ихъ пора лишить поддержки государ-

ства и оставить ихъ самимъ вѣдаться съ обществомъ. Я готовъ даже предсказывать, что если не рѣшатся сдѣлать это сегодня,—нужно будетъ сдѣлать это непремѣнно завтра; только завтра это обойдется дороже, чѣмъ сегодня, безъ пользы, а ко вреду для самаго искусства. Впрочемъ, я замѣчаю, что я говорю какъ-будто не совсѣмъ въ порядкѣ постепенности, и потому сейчасъ же поправляюсь, чтобы не было недоразумѣній. Государство должно перемѣстить центръ поддержки искусства. До сихъ поръ Академія поглощала всѣ суммы, для образованія молодыхъ художниковъ назначенныя, не давая имъ образованія въ то же время, да она и дать не могла и не можетъ. Пусть она не обѣщается—вотъ почему. Я говорилъ раньше, что образованіе художниковъ не дѣло Академіи, а дѣло жизни, а между тѣмъ Академія старается совершенно безплодно, механически, вложить въ душу художника содержаніе, не подозрѣвая, что тамъ, въ душѣ каждаго мальчика, оно уже лежитъ и положено самой природой; оно уже есть, невѣдомое, неизвѣстное, оригинальное, какъ индивидъ, и интересное, какъ одна изъ сторонъ истины.

Какая необходимость въ повтореніи того содержанія, которое уже было когда-то высказано, горячо, съ талантомъ и по убѣжденію? Что за слѣпота, что за ограниченность — враждовать съ тѣмъ, что еще не извѣстно и не родилось, а только имѣетъ родиться? Перенеситесь мысленно въ другую сферу, гдѣ этого не практикуется, и всѣмъ станутъ ясны жестокость и невѣжество.

Когда заходитъ рѣчь о радикальныхъ мѣрахъ въ какой-либо области, то обыкновенно выставляютъ опасность утратить и то малое хорошее, что достигнуто. Но во-1-хъ, что мы имѣемъ дѣйствительно своего національнаго и хорошаго въ искусствѣ? Разберемъ спокойно и безпристрастно... Но прежде объявлю, за какое искусство я стою. Я стою за національное искусство, я думаю, что искусство и не можетъ быть никакимъ инымъ, какъ національнымъ. Нигдѣ и никогда другого искусства не было, а если существуетъ такъ называемое общечеловѣческое искусство, то только въ силу того, что оно выразилось націей, стоявшей впереди общечеловѣческаго развитія. И если когда-нибудь, въ отдаленномъ будущемъ, Россіи суждено занять такое положеніе между народами, то и русское искусство, будучи глубоко національнымъ, станетъ общечеловѣческимъ. Неужели такія простыя положенія нуждаются еще въ доказательствахъ? Вѣдь скучно, наконецъ, все вертѣться въ азбучныхъ истинахъ.

Если это главное мое положеніе кѣмъ-нибудь будетъ оспариваться,—а оно и такъ оспаривается,—то я не намѣренъ терять время на безполезныя пренія, а пойду дальше, и начну съ указанія на исторію развитія живописи въ Россіи.

Съ небольшимъ сто лѣтъ назадъ, у насъ не было своихъ художниковъ, а были только иностранцы, а между тѣмъ Россія вступала въ первый фазисъ гражданственности. Правительство, стоявшее неизмѣримо выше общества, сочло своевременнымъ привить любовь къ искусству въ русскомъ обществѣ. При тѣхъ условіяхъ было совершенно цѣлесообразно дать нѣкоторыя привиллегіи людямъ, которые бы согласились себя посвятить свободнымъ художествамъ. Понятно, законно и необходимо даже было особенное верховное попечительство. Особый и, такъ сказать, тепличный уходъ за нѣжнымъ заморскимъ растеніемъ былъ какъ нельзя болѣе у мѣста. Правительство очень скоро убѣдилось, что русскій человѣкъ имѣетъ способности и даже недюжинныя дарованія къ живописи (Лосенко, Левицкій и Боровиковскій). И вотъ, учреждается Академія и сочиняется уставъ, въ своемъ родѣ образцовый. И не мудрено: во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ замѣчено слѣдующее интересное явленіе. Когда сочиняется что-либо безъ принаровливанія къ существующимъ уже людямъ съ тѣсно связанными съ ними интересами, то предметъ обнимается, разсматривается и обсуждается по существу, природа предмета заботливо обслѣдуется сама по себѣ; все вниманіе обращено главнымъ образомъ на идею, и такъ какъ никому пока нѣтъ интереса давать направленіе, несообразное съ существомъ самаго предмета, то даже люди средняго ума способны построить логическую систему. При этомъ неизбѣженъ, конечно, и тотъ недостатокъ, что при практическомъ приложеніи многое, и самое лучшее, тотчасъ же окажется безъ движенія.

Все сказанное буква въ букву повторилось въ исторіи нашей Академіи. Одно изъ главныхъ и возвышенныхъ положеній устава Екатерины и самыхъ для искусства жизненныхъ, по существу, было постановленіе, что, по разсмотрѣніи какого-либо художественнаго произведенія Совѣтомъ Академіи и признанія имъ (Совѣтомъ) заслуживающимъ какой-либо художественной степени, утвержденіе въ этомъ званіи претендента предоставляется общему собранію всѣхъ членовъ Академіи, т. е. лицамъ и не состоящимъ на службѣ. Но вѣдь нѣсколько десятковъ лѣтъ съ начала основанія Академіи, всѣ сколько-нибудь извѣстные и значительные художники были на службѣ; слѣдовательно общее собраніе ничѣмъ не разнилось въ своемъ составѣ отъ Совѣта. Съ теченіемъ времени, для практики, этотъ § устава былъ мертвой буквой. Званіе давалось Совѣтомъ, а утверждалъ въ немъ тотъ же Совѣтъ, черезъ годъ. Что сей сонъ значитъ? Вещь простую, не интересную: смыслъ устава требовалъ, чтобы надъ Совѣтомъ былъ контроль всѣхъ художниковъ! Въ этомъ году Совѣтъ объявляетъ, что онъ признаетъ такого-то, положимъ, Академикомъ; но этотъ такой-то не станетъ имъ, пока не произойдетъ общаго голосованія всѣхъ членовъ Академіи, и ху-

дожниковъ, и почетныхъ любителей, что̀ должно произойти въ будущемъ году.

Этотъ § исчезъ вовсе изъ устава 1859 г., нынѣ дѣйствующаго, и, сколько я знаю, въ силу того соображенія, что такъ какъ § оставался мертвой буквой, то сокращеніе его—вещь либеральная, даже. Очевидно, это—недоразумѣніе. Уставъ Екатерины, какъ я сказалъ раньше, есть въ своемъ родѣ уставъ идеальный, разсчитанный на потребности искусства по существу: онъ, такъ сказать, былъ хорошо сшитымъ платьемъ на взрослаго человѣка, а щеголялъ въ немъ ребенокъ. Разумѣется, ребенку мундиръ былъ широкъ,—вотъ излишки и были обрѣзаны; но когда операція была продѣлана, мальчикъ успѣлъ подрости настолько, что онъ ему оказался узокъ: ему въ немъ тѣсно, и онъ задыхался. Продолжая это, быть можетъ и не совсѣмъ удачное, сравненіе, скажемъ такъ: мундиръ совершенно испорченъ, его уже не существуетъ, и даже нечего его жалѣть, такъ какъ все равно онъ могъ не быть годенъ. Благоразумный отецъ и не шьетъ своему сыну раньше времени платье. Для каждаго нужно сшить по особой мѣркѣ. Да и почему непремѣнно мундиръ? Быть можетъ онъ окажется вовсе нигдѣ не служащимъ, и ему позволено будетъ ходить въ партикулярномъ платьѣ? Это именно я и хочу сказать; къ доказательству именно я веду рѣчь. Именно мундира не нужно—это для меня совершенно ясно.—«Ну-съ, какъ же по-вашему, скажутъ мнѣ,—значитъ уничтожить Академію? По-вашему, она больше не нужна, и поддержки искусству отъ государства больше не требуется?» Отвѣчаю: Да, Академія не нужна, и поддержки искусству, въ родѣ уже сдѣланной, не требуется; но необходимо нѣчто другое. Будемъ продолжать сравненіемъ и аллегоріей, впрочемъ совершенно прозрачной. Когда какое либо дерево привилось, — мало того, уже акклиматизировалось, т. е. переноситъ всѣ четыре времени года своей широты безъ труда и не умираетъ,—что дѣлаетъ садовникъ? Это дерево онъ оставляетъ въ покоѣ, и если дерево оказывается и полезнымъ, и красивымъ, онъ не только не мѣшаетъ произростанію новыхъ, подымающихся отъ сѣмянъ уже акклиматизированнаго родителя, но и прилагаетъ свое вниманіе къ молодымъ особямъ.

Тутъ сравненіе должно быть оборвано, и сдѣлана оговорка. Садовникъ съ деревьями можетъ дѣлать что̀ онъ хочетъ,, или что́ требуетъ хозяинъ, но жизнь народная сообразуется съ своими существенными потребностями, а правительство, вѣрное себѣ и своему народу, не найдетъ ничего ужаснаго въ томъ, чтобы его средства, употребляемыя на искусство, были истрачены на тѣ же нужды, только другимъ способомъ, сообразно необходимости роста и внутренней потребности предмета. И потому не будетъ ничего противорѣчиваго общественной пользѣ, если Академія,

изъ лабораторіи, въ которой приготовляются художники для государства, станетъ простой школой рисованія и живописи, т. е. одной техники искусства, безъ всякой попытки на высшую роль. Но за то учить нужно дѣйствительно, а не такъ, какъ въ послѣднія три десятилѣтія. Это, во-первыхъ, значительно сократитъ бюджетъ и, во-вторыхъ, позволитъ завести еще другія школы; а если что дѣйствительно необходимо, такъ это школы рисованія. Въ настоящее время, т. е. въ послѣдній десятокъ лѣтъ, образовались, почтенными усиліями лицъ, совершенно частнымъ образомъ, нѣсколько школъ: въ Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Вильно, но все это безъ дѣятельной поддержки центральнаго учрежденія—Академіи; или, если и была оказана поддержка, то послѣ большого ходатайства, въ видѣ снабженія ненужными Академіи рисунками. Развитіе любви къ искусству въ народѣ—одна изъ главныхъ цѣлей Академіи, по уставу Екатерины,—досихъ поръ ею вовсе не исполнялась. Я говорю о необходимости направить дѣятельность Академіи въ эту сторону, не потому, что школы сами по себѣ будутъ панацеей всеобщей, а потому, что необходимо сократить художественное образованіе молодого человѣка до натуральныхъ размѣровъ, а не такъ, какъ это практикуется теперь, когда курсъ едва-едва оканчивается къ 30 годамъ, да еще дѣло осложняется для каждаго, прошедшаго Академію, необходимостью въ концѣ концовъ переучиваться снова. Это не фразы и не придирка, а указаніе печальнаго факта. Разумѣется, оффиціальный человѣкъ этого уразумѣть не въ состояніи, и для него это не больше, какъ клевета; но я пишу и не для убѣжденія оффиціальнаго человѣка. Я пишу потому, что на меня налагается обязанность, вовсе мнѣ несвойственная: доказывать, какъ и чему нужно учить художника, вмѣсто того, чтобы стать въ прямыя отношенія къ молодежи, чему я искренно, отъ души готовъ служить, но чему не могу служить при существующемъ порядкѣ. А порядокъ этотъ достаточно уже выясненъ мною въ предыдущихъ статьяхъ и теперь, тогда какъ желателенъ порядокъ слѣдующій.

Прежде всего уничтоженіе чиновъ и привиллегій, какихъ бы то ни было, для художниковъ. Поэтъ, романистъ и вообще литераторъ, ничуть ни больше, ни меньше отъ того, что онъ особа не чиновная, а простой человѣкъ. Затѣмъ, уничтоженіе присвоенныхъ медалямъ правъ служебныхъ и связанныхъ съ ними художественныхъ степеней. Необходимо, чтобы въ художники шли только люди, дѣйствительно призванные, которые бы не разсчитывали ни на льготу по воинской повинности, ни на занятіе какого-либо чиновнаго мѣста: тогда-то художниковъ какъ-разъ будетъ столько, сколько ихъ нужно обществу. Затѣмъ, центральное положеніе Академіи должно быть уничтожено! нужно сдѣлать такъ, чтобы мальчикъ тамъ, на мѣстѣ родины, находилъ возможность правильно развиться въ тех-

никѣ, прежде чѣмъ онъ станетъ конкуррировать на художника настоящаго.

Техника искусства—вещь и трудная, и нѣтъ, смотря потому, когда, т. е. въ какомъ возрастѣ, ее человѣкъ себѣ усваиваетъ. А усвоеніе—то же, что усвоеніе элементарныхъ знаній, пріобрѣтаемыхъ памятью, главнымъ образомъ. Въ 25 лѣтъ человѣку очень трудно одолѣть грамматику и ариѳметическія аксіомы, а въ 12—легко. Точно также и въ искусствѣ. Я не говорю о высшей техникѣ, техникѣ художественной: она подымается вмѣстѣ съ развитіемъ таланта; я разумѣю ту первоначальную технику, которая только воспитываетъ глазъ и руку. При теперешнемъ порядкѣ, этой низшей техникѣ начинаютъ учиться въ 20 лѣтъ и старше, что положительно нераціонально; къ этимъ годамъ всякій талантливый мальчикъ можетъ усвоить технику настолько, что будетъ рисовать и писать съ натуры совершенно свободно, если начнетъ съ 14—15 лѣтъ, не раньше, и потому именно, что рисованіе и живопись — предметъ столь серьезный, что онъ требуетъ извѣстной умственной зрѣлости, для того, чтобы занятіе не было скучнымъ—предполагая, что рядомъ съ гимназіями и университетами вездѣ есть правильно организованныя рисовальныя школы съ натурными классами, въ которыхъ занятія могутъ быть распредѣлены въ другіе часы и главнымъ образомъ вечеромъ. Молодой человѣкъ послѣднихъ классовъ гимназіи будетъ настолько рисовать, что ему очень немного останется дополнить элементарныхъ познаній техники, и прямо въ состояніи перейти въ мастерскую, будемъ называть «профессора», для окончательнаго формированія изъ себя художника.

Я считаю единственнымъ дѣйствительнымъ путемъ сдѣлаться художникомъ—тотъ, который былъ въ употребленіи когда-то до возникновенія академій. Молодой человѣкъ, юноша, имѣющій влеченіе къ искусству, идетъ обыкновенно искать себѣ учителя; найдя такого, онъ начинаетъ съ азовъ, проходитъ весь путь техники, и по мѣрѣ способностей успѣваетъ. Не нравится ему одинъ учитель, ищетъ другого и т. д.

Прогрессъ нашего времени въ томъ, что мы можемъ съ большимъ удобствомъ и пользою раздѣлить развитіе художника на два большихъ періода: первоначальный—рисовальныя школы, и окончательный—мастерскія художниковъ. Всѣ второстепенныя художественныя силы, которыя теперь томятся и гибнутъ въ Петербургѣ и Москвѣ, составляя обузу государства и общества, найдутъ себѣ исходъ; они есть готовый уже контингентъ учителей и директоровъ рисовальныхъ школъ, и съ успѣхомъ могутъ вести дѣло преподаванія съ натуры, неподвижной и живой.

Они знаютъ перспективу, знаютъ анатомію, по крайней мѣрѣ должны знать. При каждой школѣ должны быть библіотеки по исторіи искусствъ.

Окончившій гимназическій курсъ и студентъ университета, къ концу своихъ научныхъ занятій будутъ обладать знаніемъ рисунка и живописи настолько, чтобы понимать, о чемъ будетъ идти рѣчь въ мастерской избраннаго профессора. Говорить о томъ, какъ это организовать, я считаю совершенно излишнимъ: дѣло до того простое и ясное, что регламентаціи не требуется. Искусство въ существѣ своемъ — дѣло чрезвычайно интимное, и одновременное вмѣшательство нѣсколькихъ профессоровъ въ развитіе молодого человѣка рѣшительно вредно. Какъ всѣ дороги ведутъ въ Римъ, такъ и всѣ системы въ искусствѣ хороши, если учитель знаетъ свое дѣло. Ошибка большая теперешняго порядка заключается томъ, что ученикъ не имѣетъ своего профессора, т. е. не имѣетъ человѣка, который бы зналъ его силы и внутреннее содержаніе.

Кто при такомъ порядкѣ теряетъ что-либо?

Правительство положительно въ выигрышѣ, упраздняя лишній департаментъ, потерявшій всякую связь съ живымъ дѣломъ.

Молодые люди пріобрѣтаютъ элементарныя свѣдѣнія въ искусствѣ, не выходя, такъ сказать, изъ своей семьи, и будутъ обладать яснымъ пониманіемъ того: нужно ли и слѣдуетъ ли имъ избирать карьеру художника,—какъ-разъ въ то время, которое при существующихъ условіяхъ становится роковымъ для большинства. Кто же теряетъ? Неужели нужно считать потерей исчезновеніе миражей, да еще и вредныхъ? А что миражи академическіе дѣйствительно вредны, въ этомъ свидѣтель—совѣсть всѣхъ искреннихъ и дѣйствительныхъ художниковъ.

1880.

V *).

Предлагаемая записка есть окончаніе статьи моей: «Судьбы русскаго искусства». Окончаніе это заключаетъ въ себѣ указаніе, какія измѣненія необходимы въ уставѣ Академіи. Въ свое время это не было напечатано — по недоразумѣнію.

Причина, побуждающая меня такъ настойчиво возвращаться къ этому вопросу, лежитъ въ глубокомъ моемъ убѣжденіи въ томъ, что Академія, въ теперешнемъ ея видѣ, приноситъ искусству вредъ вмѣсто пользы. Если мнѣ удастся съ убѣдительностью это положеніе доказать, я почту себя счастивымъ. Все дѣло, стало быть, въ доказательствахъ. Къ сожалѣнію, въ вопросахъ такого рода не можетъ быть опытовъ въ родѣ физико-химическихъ, допускающихъ всегда провѣрку въ скоромъ времени. Дока-

*) Настоящая статья написана въ 1882 г. и осталась ненапечатанною, но была представлена, въ видѣ «Записки», одному высшему должностному лицу. *Ред.*

зательства здѣсь всѣ основаны на логикѣ, и хотя ходъ мышленія критики, вѣроятныхъ теорій, и основанъ на историческихъ данныхъ, но историческія данныя эти могутъ быть истолкованы различно при скептическомъ отношеніи къ толкователю. А при отсутствіи глубокаго спеціальнаго практическаго и непосредственнаго знанія, а также при отсутствіи нѣкоторой доли фанатизма къ искусству, многія доказательства будутъ казаться просто фантастическими.

Остается, стало быть, область присущаго образованному человѣку пониманія предметовъ умственныхъ вообще, и области творчества въ частности, хотя бы и другого какого искусства.

Права мои на вмѣшательство основаны, во 1-хъ, на искренней моей любви къ искусству, во 2-хъ, на добровольномъ ему служеніи, а не по найму, въ 3-хъ, на нѣкоторомъ значеніи въ этой области, а, слѣдовательно, и на вѣроятномъ моемъ пониманіи природы искусства и его нуждъ, и, наконецъ, въ 4-хъ, послѣднее: это, быть можетъ, близкое удаленіе мое со сцены вообще, такъ что личныхъ интересовъ у меня уже быть не можетъ. Для начала считаю нужнымъ сдѣлать вставку полемическаго характера. Общія положенія потомъ.

Я не принадлежу къ числу людей, непоколебимо вѣрующихъ, что стóитъ написать и обнародовать какую-нибудь конституцію, чтобы общее теченіе дѣлъ измѣнилось. Я очень уже давно понимаю и убѣжденъ, что все дѣло въ людяхъ, въ ихъ способности и доброкачественности. По какимъ признакамъ опредѣляется эта доброкачественность, а главное, продолжительность ея при перемѣнѣ положенія, вліянія, силы и т. д. — никто опредѣлить не возьмется, при извѣстной человѣческой скромности, конечно. Это почти такое же дарованіе, какъ и любой талантъ: одинъ умѣетъ выбирать людей, другой нѣтъ. Но чтобы вовсе уже не было никакого критерія выбирать людей — это, конечно, тоже крайность. Итакъ, критеріи есть и признаки существуютъ: для всѣхъ очевидное превосходство однихъ предъ другими, это и есть критерій. Желательно, чтобы во главѣ учащихся живописи стояли лучшія силы по каждой спеціальности. Это желательно всегда, какъ общее правило. Къ этому постоянно и неуклонно вездѣ стремятся. Почему въ нашей Академіи преподаватели не лучшіе изъ русскихъ художники? Почему, напримѣръ, X. можетъ считаться правоспособнымъ учить живописи, рисованію и даже композиціи? Тотъ X., котораго я помню при моемъ вступленіи въ Академію въ 1857 г., рисующимъ съ гипсовыхъ фигуръ, и который ни одного рисунка не сдѣлалъ въ натурномъ, — по крайней мѣрѣ, не подалъ на экзаменъ; X., который и теперь не можетъ иначе рисовать, какъ черезъ камеру-лючиду; X., у котораго живопись также плоска, какъ у китайца! Чему онъ можетъ научить? Его живопис-

ныя идеи, собранныя въ одно цѣлое, совершенная арлекинада. Другой—Y. Отъ этого человѣка нѣкоторая часть молодежи безъ ума. Онъ строгъ необыкновенно ко всѣмъ; но если есть человѣкъ въ Академіи, который не имѣетъ права говорить объ искусствѣ, такъ это именно онъ. Мало того, онъ вреднѣе всѣхъ именно своимъ туманнымъ краснобайствомъ и бездѣльничаньемъ. Впереди молодежи должны быть люди труда. Тутъ важны не столько слова, сколько дѣло и примѣръ. Не говорю о другихъ преподавателяхъ, потому что они, по крайней мѣрѣ, когда-то много учились и коечто знаютъ. Труды ихъ мало назидательны для учащихся, но въ нихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, положительнаго вреда. Я не думаю, чтобы столь простое и очевидное, къ выгодѣ Академіи клонящееся, положеніе, т. е. имѣть самый лучшій составъ преподавателей, не сознавалось всѣми, до кого это касается. Я думаю, что это отсутствіе лучшихъ надо приписать чему-нибудь другому, а не доброй волѣ управляющихъ; но чему? Если есть отказавшіеся, то интересно бы знать причину отказа. Это вовсе не столь ничтожное обстоятельство, какъ кажется по наружности; а иные, я думаю, не были, вѣроятно, и приглашаемы. Напримѣръ, братья Маковскіе: Константинъ и Владиміръ. Константинъ рѣшительно лучшій виртуозъ въ живописи, чѣмъ Шамшинъ, Венигъ, Верещагинъ, Келлеръ; а Владиміръ — единственный въ своемъ родѣ и, очевидно, очень уменъ и наблюдателенъ. Конечно, можно предполагать, что «родъ» его живописи (какъ бы вѣрнѣе выразиться) противорѣчитъ ортодоксальнымъ наклонностямъ Академіи; но въ такомъ случаѣ это вопросъ по существу, къ которому давно уже пора и перейти.

Главное положеніе, которое необходимо впереди всего отстоять и о которомъ никогда достаточно нельзя сказать, это слѣдующее положеніе.

Искусство можетъ быть только національно, непремѣнно національно, и никакимъ другимъ быть не можетъ. Мысль, формулированная такимъ образомъ, повидимому, раздѣляется многими, а между тѣмъ практика расходится съ теоріей въ значительной степени.

Чтобы быть въ искусствѣ національнымъ, объ этомъ заботиться не нужно,— необходимо только предоставить полную свободу творчеству. При полной свободѣ творчества, національность, какъ стихійная сила, естественно (какъ вода по уклону) будетъ насквозь пропитывать всѣ произведенія художниковъ даннаго племени, хотя бы художники, по личнымъ своимъ симпатіямъ, и были далеки отъ чисто-народныхъ мотивовъ.

Скажутъ иные: «Можно ли давать полную свободу творчеству? Въ настоящее время, время всеобщей умственной анархіи?»—Необходимо и обязательно, потому что только одна полная свобода въ этой сферѣ и излечиваетъ уродливости.

Чтò такое творчество? Возникновеніе въ душѣ художника неизвѣстнымъ путемъ яркаго образа, носящаго въ себѣ какую-нибудь идею или отвѣчающаго какой-либо опредѣленной человѣческой наклонности. Если такое представленіе дѣйствительно возникло въ душѣ художника, то оно революціоннымъ быть не можетъ, потому что художникъ есть служитель истины, путемъ красоты. Это есть его назначеніе, и никогда еще ни одинъ художникъ, какъ пророкъ, не уклонялся отъ этихъ велѣній внутреннихъ. Если дѣятельность художника, поэта, пророка, не встрѣчала симпатій въ современникахъ — это признакъ, что общество нездорово; художники же только направляютъ испортившійся нравственный порядокъ вещей.

Говоря такъ, я, конечно, жду одного возраженія: да, это, можетъ быть, и вѣрно, но, во-первыхъ, это слишкомъ высокій строй, и потомъ, оно вѣрно только при условіи, чтобы всѣ художники были дѣйствительными художниками, по призванію. А кàкъ этого достигнуть? Кто и по какимъ признакамъ будетъ опредѣлять, что вотъ этотъ помазанникъ, а этотъ спекулянтъ?

Вовсе не нужно опредѣлять, и никого для этого поставлять не нужно. Это дѣло таинственное, дѣло духа человѣческаго, дѣло истинныхъ отношеній творца къ произведенію. Художника толкаетъ и выводитъ на дорогу инстинктъ, и дѣлаетъ это еще въ такое время, когда ни одинъ мудрецъ не могъ бы опредѣлить, есть ли зарожденіе таланта, или нѣтъ. Тутъ, въ этой таинственной лабораторіи человѣческой души, неслышно и невидимо накопляются въ извѣстную сторону атомы, по законамъ тяготѣнія, до тѣхъ поръ, пока тѣло не покатится само собою и не выйдетъ изъ инертнаго состоянія и не проявится для всѣхъ съ очевидностью. Такъ возникали всѣ великія школы искусства. Сначала одинъ дѣлался художникомъ, неважнымъ, положимъ, но кое-чѣмъ все-таки успѣвшимъ овладѣть. Къ нему примыкалъ юный, и очень скоро шелъ дальше, а тамъ еще дальше, пока не наступалъ полный расцвѣтъ—и все это безъ академій и штатовъ, безъ оффиціальности. Это все кажется банально и ужъ до того избито, что становится скучно, но вѣдь если это избитая истина, но истина, то тѣмъ опаснѣе ее нарушать. Не пытаемся же мы измѣнить законы физики, разъ мы узнали, что они суть законы; почему же тутъ мы желаемъ новыхъ путей, заводимъ академіи, даемъ субсидіи, пишемъ регламенты, раздаемъ ордена, словомъ, стараемся? Мое мнѣніе, что стараться-то именно и не нужно.

О, еслибы мнѣ удалось доказать, что государство выиграетъ именно тогда, когда оно не будетъ поддерживать академію, а создастъ только условія для процвѣтанія искусства, уничтоживъ именно то, чтò называется академіей. Никакихъ не надо поощреній оффиціальныхъ, какъ правило, потому что теперешній порядокъ все увеличиваетъ притокъ людей къ оффиціаль-

ному искусству, и создаетъ классъ людей, объ участи которыхъ необходимо потомъ заботиться тому же государству, такъ какъ многіе изъ опекаемыхъ жалуются, что нѣтъ работы, картины не продаются, т. е. другими словами, они обществу не нужны. Тѣ художники, которые обществу дѣйствительно нужны, тѣ обществомъ же и поддерживаются (оплачиваются), а излишекъ ложится на государство, и они становятся тѣми нищими, которыхъ содержатъ разныя попечительства, но только подъ благовидной декораціей чиновъ, мѣстъ, пенсій и т. д. Необходимо уравновѣсить спросъ и предложеніе. Какъ этого достигнуть? Необходимо лишить Академію, прежде всего, привиллегированнаго положенія, относительно какихъ бы то ни было правъ, чтобы въ зданіи, гдѣ учатъ рисовать и писать, не было никакихъ приманокъ, въ родѣ льготъ по воинской повинности, медалей, наградъ и поощреній. Всѣ подобныя вещи уже отжили свой вѣкъ. Со временъ Екатерины прошло времени довольно, и теперь пора пересаженное изъ другихъ широтъ дерево предоставить самому себѣ; оно даже до нѣкоторой степени акклиматизировалось. Попеченія меценатовъ временъ возрожденія объ искусствѣ и художникахъ не могутъ быть приравнены къ тому попеченію, какое оказываетъ теперь правительство искусству, потому что то, что теперь не болѣе, какъ оффиціальность, тогда было живое и сердечное дѣло. Меценаты сами увлекались искусствомъ не менѣе художниковъ, да и понимали какъ-будто больше теперешнихъ.

Но, при уничтоженіи Академіи, у людей, преданныхъ искусству и любящихъ его, но не знающихъ глубоко его природу, можетъ возникнуть серьезное опасеніе, какъ бы не понизилось само искусство, и какъ бы задачи его не утратились: когда не будетъ Академіи, кто станетъ поддерживать «высокое», монументальное искусство? Кто будетъ заботиться о высокомъ стилѣ и т. д. Вопросы, выходящіе изъ сердца столь любящихъ искусство, должны быть серьезные, и потому безъ отвѣта оставлять ихъ не слѣдуетъ,—они имѣютъ свою важность. Но важными и чрезвычайно они могутъ казаться только тѣмъ, кто не знаетъ, какова природа искусства. Что мы видимъ теперь? Болѣе ста лѣтъ, какъ Академія прилагаетъ заботы о насажденіи этого высокаго искусства, и все, что выходило изъ ея стѣнъ лучшаго, не шло далѣе подражательнаго рода и не могло возвысить націю въ мнѣніи тѣхъ народовъ, которые имѣютъ свое собственное искусство. Все, что было дѣйствительно высокаго въ искусствѣ, въ національномъ искусствѣ, выходило не изъ Академіи и не тѣми путями, какіе она рекомендуетъ, а именно вопреки ея совѣтамъ и попеченіямъ (Ивановъ и Васнецовъ нашихъ дней). Когда у какого народа есть данныя къ тому Богомъ стремленія, высокое будетъ само собою, и непремѣнно само собою, потому что никто никогда не можетъ сказать, какого рода это высокое бу-

детъ. «Адъ» Данте несомнѣнно высокое въ поэзіи, но вѣдь и «Мертвыя Души» Гоголя не низкое. Теперь это уже внѣ спора. Если же у народа нѣтъ стремленія рѣшать задачи высшаго порядка, ничѣмъ не создашь и не вызовешь этихъ задачъ. Голландцы довольно внушительный тому примѣръ, и они именно подтверждаютъ мои положенія: не смотря на отсутствіе высокаго въ искусствѣ, въ смыслѣ итальянцевъ, голландскіе художники никогда не будутъ забыты народами. Необходимо строго опредѣлить, въ какой сферѣ искусства усилія правительства, сочувствіе любителей и знаніе учителей могутъ увѣнчаться успѣхомъ, и какую сторону необходимо предоставить тому порядку вещей, который установленъ отъ вѣка, и дѣйствуетъ всегда и безошибочно, дѣйствуетъ одинаково хорошо и во времена невѣжества, и во времена развитія цивилизаціи. И если ктò можетъ способствовать развитію или упадку, то только самъ человѣкъ, въ груди котораго бьется художественное чувство. Т. е. тутъ тò же, что и въ религіи: дѣло таинственное и интимное. Объ немъ можно приватно разговаривать, и чѣмъ чаще будетъ возбуждаться вопросъ о творчествѣ между учащими и учащимися, тѣмъ лучше, но изъ программы обученія онъ долженъ быть устраненъ совершенно.

Чему можно научить другого въ искусствѣ? Ничему рѣшительно. Чему можетъ юноша научиться въ искусствѣ отъ художника, котораго онъ изберетъ себѣ въ учителя? Всему тому, чтò знаетъ и умѣетъ учитель. Возьмемъ рисунокъ. Можно ли научить рисунку? И да, и нѣтъ, смотря по тому, чтò разумѣютъ подъ словомъ рисунокъ. Можно усвоить размѣры, пропорціи, механику движеній, и то до извѣстной степени; но нельзя ни научить, ни научиться чувствовать форму, т. е. то, чтó составляетъ душу рисунка. Минимальное отклоненіе плоскостей, степень ихъ выпуклости, взаимодѣйствіе ихъ на глазъ, когда онѣ подвержены освѣщенію — все это можно только чувствовать, и съ этимъ чудеснымъ чувствомъ художникъ прямо родится. У кого есть это чувство, тому дайте только условія: натуру, свѣтъ и тишину — и онъ безъ учителя найдетъ дорогу, — при хорошемъ мастерѣ своего дѣла скорѣе, а при его отсутствіи медленнѣе, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, все равно — пойметъ и сдѣлаетъ.

Чему можно научить въ живописи, какъ умѣнью передавать краски натуры? Весьма немногому: напримѣръ, нѣкоторымъ манипуляціямъ, имѣющимъ второстепенное значеніе, способу наложенія красокъ и способу управленія ими кистью, но ни сочетанію красокъ, ни пропорціямъ смѣшеній, ничему, чтò называютъ колоритомъ. Это совершенно субъективная способность, данная опять-таки природою, вмѣстѣ съ физіологическимъ составомъ, и данная въ такой мѣрѣ, что она, какъ и чувство формы, вполнѣ раз-

вита у достигшихъ зрѣлости возраста. Такъ какъ я твердо убѣжденъ въ томъ, что̀ сейчасъ сказалъ, и для меня это аксіома, то надо удивляться тому, отчего такъ долго плохо рисуютъ и плохо пишутъ тѣ, кто учится въ Академіи. Говорю не обинуясь: оттого, что ихъ слишкомъ много учатъ, но не тому, чему нужно, и разомъ много учителей одному и тому же. Въ Академіи нарушенъ самый элементарный законъ всяческаго обученія. Нигдѣ и никогда, ни въ одномъ предметѣ образованія и ни въ одномъ мастерствѣ, не бываетъ учителей много, или нѣсколько: одинъ, и непремѣнно только одинъ. Когда учитель не удовлетворяетъ ученика больше, ученикъ можетъ искать другого — это его право и самое священное. Посягать на него, а тѣмъ болѣе преслѣдовать за это—преступно. Исканіе ученикомъ лучшаго учителя похоже на инстинкты въ пищѣ. Лучшіе доктора теперь склоняются къ тому мнѣнію, что разъ есть отвращеніе физіологическое къ чему-нибудь у больного или здороваго, причина уважительна навѣрно, хотя и неизвѣстна. И, что̀ удивительнѣе всего, всѣ академіи, какъ будто съ самымъ злымъ намѣреніемъ искалѣчить художника, усердно стараются сдѣлать наперекоръ здравому смыслу: въ то время, когда юноша требуетъ особой осторожности, терпѣнія и однороднаго режима для укрѣпленія, его подвергаютъ всяческимъ экспериментамъ; въ это время у него особенно много разныхъ учителей по одному и тому же классу, или по одному и тому же предмету; а когда онъ, хотя и искривленный и попорченный, благополучно проплыветъ всѣ академическія заставы и получитъ то, что называютъ пенсіонерствомъ, ему рекомендуютъ, или онъ самъ избираетъ, одного какого-либо мастера и старается пристроиться къ нему. Слѣдуетъ же поступать какъ-разъ обратно. Ка̀къ бы ни былъ плохъ профессоръ, но онъ одинъ, это все же лучше, чѣмъ многіе, которые всѣ говорятъ разно. Отличить, кто изъ профессоровъ правъ, ученикъ еще не въ состояніи; да еслибы и всѣ были правы (что бываетъ часто, и очень вѣроятно), но у каждаго своя манера или умѣнье говорить, или всѣ говорятъ объ одномъ, но съ разныхъ точекъ зрѣнія—то опять-таки ученикъ не можетъ еще подводить итоговъ, путается, все принимаетъ за противорѣчія, и сбивается съ толку окончательно.

Тамъ, гдѣ искусство выростало изъ почвы, гдѣ оно было свое и натуральное, всегда были мастерскія, т. е. около мастера — ученики. И въ настоящее время въ странахъ, гдѣ существуетъ болѣе живое и сердечное отношеніе общества къ искусству, несмотря на академіи (сохраняемыя какъ почтенныя руины), возникла опять древняя форма мастерскихъ съ учениками.

Нужно ли опровергать еще дальше столь очевидную и вредную нелѣпость, какъ внутреннее устройство нашей Академіи Художествъ, съ

этимъ распредѣленіемъ дежурства профессоровъ по мѣсяцамъ въ рисовальныхъ классахъ, а въ классѣ живописи ежедневною смѣною профессора: сегодня А, завтра Б, послѣ завтра Г—и все это къ одному и тому же юному живописцу, который пишетъ свой этюдъ въ теченіе трехъ недѣль или мѣсяца? Какой получается въ головѣ ученика сумбуръ—этимъ, къ сожалѣнію, никто не интересуется. За то подобный порядокъ очень удобенъ для службы и прохожденія чиновъ, да и совѣсть спокойна. Каждый можетъ думать: не при мнѣ такъ началось, и не я виноватъ въ такомъ порядкѣ. Но тотъ, кто думаетъ объ этомъ, любитъ свое дѣло и знаетъ, какой порядокъ болѣе нормаленъ, долженъ глубоко страдать, не встрѣчая поддержки своимъ столь яснымъ и простымъ истинамъ.

Итакъ, на первый разъ необходимо точно разграничить, чему можно учить и чему нельзя, не рискуя принести вмѣсто пользы—вредъ. Рисованіе и живопись съ натуры, т. е. упражненіе въ этюдахъ, можетъ и должно наполнять все время занятій въ школѣ. Выпускать ученика на самостоятельную дорогу не слѣдуетъ раньше, пока не будетъ имъ усвоено дѣйствительное знаніе пропорцій человѣческаго тѣла, механика его движеній, словомъ, то, что теперь разумѣютъ въ Академіи подъ словомъ рисунокъ.

1882.

VII. За отсутствіемъ критики *).

Когда какое либо явленіе въ области искусства настолько овладѣваетъ общественнымъ вниманіемъ, что всякій старается увидать его лично, чтобы убѣдиться въ справедливости молвы, и когда, къ тому же, художественному произведенію предшествуетъ слава самого автора, тогда естественно ожидать, что критика скажетъ о немъ свое трезвое слово, объяснитъ его достоинства и причину успѣха и тѣмъ сдѣлаетъ наслажденіе болѣе осмысленнымъ (какъ оно и должно быть въ обществахъ цивилизованныхъ); или же, наоборотъ, въ случаѣ недоразумѣнія со стороны публики, объяснитъ явленіе отрицательнымъ путемъ, и такимъ образомъ поставитъ на свое мѣсто обѣ стороны.

Въ послѣднее время петербургское общество очень много говорило и еще продолжаетъ говорить о двухъ художественныхъ новостяхъ: о картинѣ мюнхенскаго художника Габріэля Макса «Іисусъ Христосъ», и о ху-

---

*) Статья эта была напечатана въ «Новомъ Времени» 1879 г. № 1052. *Ред.*

дожникѣ импровизаторѣ г. Карло, исполняющемъ картины въ присутствіи публики въ теченіе 45 минутъ. Успѣхъ и того и другого, особенно картины Макса, въ нашемъ обществѣ былъ настолько значителенъ, что, казалось, критикѣ новозможно было бы его игнорировать, а между тѣмъ, къ сожалѣнію, такъ именно случилось. Критика нисколько не коснулась вопроса по существу и не объяснила: чѣмъ въ самомъ дѣлѣ успѣхъ этотъ обусловливается? Допустимъ, на минуту, что успѣхъ картины «Іисусъ Христосъ» объясняется отчасти громкою извѣстностію имени художника, но чѣмъ обусловливается успѣхъ Карло? Кто зналъ у насъ о существованіи его до сего дня? Очевидно, что въ обоихъ случаяхъ надобно искать элементовъ, объясняющихъ успѣхъ, или въ самыхъ явленіяхъ, или въ степени пониманія искусства публикою.

Выступать самому художнику въ роли критика мѣшало, и всегда будетъ мѣшать, чувство приличія, или, лучше сказать, смущенія, благодаря которому всегда есть вѣроятіе быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи, зависти и другихъ болѣе или менѣе непохвальныхъ качествахъ; но бываютъ моменты, когда эти соображенія устраняются, и человѣкъ, помимо своей воли, не можетъ не сказать чего-нибудь въ защиту тѣхъ принциповъ, которые онъ считаетъ справедливыми, и за «отсутствіемъ критики» не можетъ не попытаться отстоять эти принципы, или, при неудачѣ, по крайней мѣрѣ вызвать болѣе глубокое объясненіе, которое бы оказало услугу тѣмъ, кто считаетъ вопросы искусства вопросами серьезными. И такъ, по моему—между обѣими художественными новинками нѣтъ внутренней связи, кромѣ случайнаго и одновременнаго ихъ появленія, но успѣхъ и того и другого указываетъ, что причина лежитъ въ самомъ пониманіи нашимъ обществомъ искусства вообще. Ради одного г. Карло было бы смѣшно и приниматься за перо; но по дорогѣ, до извѣстной степени, позволительно.

Трудъ, исполняемый г. Карло, не имѣетъ въ себѣ въ сущности ничего предосудительнаго, только жаль, что удивленіе публики къ его таланту объясняется мотивами немудрыми: простымъ незнаніемъ того, что и въ живописи, какъ и во всемъ прочемъ, спекулятивное дарованіе можетъ, данную уже художественную комбинацію, составляющую продуктъ оригинальнаго творчества, разложить на составные тоны, и механически ихъ перемѣщая (чтобы не знали подлинника), очень быстро дать такое подобіе картины, которое легко введетъ въ заблужденіе людей, имѣющихъ смутное представленіе о живописи, какъ серьезномъ искусствѣ. Публикѣ не приходитъ въ голову, что машина, выполняющая олеографіи, обои и тому подобное, есть то же самое, что г. Карло! Въ силу такого недоразумѣнія и возможны были разсужденія подобнаго рода: «Вотъ что значитъ вдохновеніе, вотъ въ самомъ дѣлѣ творчество! Что

мнѣ въ томъ художникѣ, который сидитъ гдѣ-то тамъ цѣлый годъ и что-то клеитъ, вымучиваетъ изъ себя, и еле-еле, наконецъ, скропаетъ! Здѣсь же я вижу, какъ вдохновеніе снисходитъ на артиста и онъ у меня на глазахъ производитъ картины, которыя...» Чтобы отвѣтить разомъ на подобныя разсужденія, я скажу, что никогда подобныя картины не составляли галлерей, да вѣроятно и никогда составлять небудутъ; точно такъ же, какъ стихотворныя импровизаціи, бывшія одно время въ Италіи въ такой модѣ, не составляли поэзіи, литературы. Что касается бо́льшей или меньшей скорости исполненія, то никогда ни одинъ талантливый художникъ не удивлялся, когда ему говорили, что то или другое сдѣлано во столько-то времени. Между художниками это—заурядное явленіе, и многіе наши пейзажисты, если не всѣ, могли бы давать представленія, еслибы... еслибы они немножечко поменьше уважали и себя, и публику! Чтобы не быть въ долгу, я рѣшусь на нескромность: К. Е. Маковскій (да проститъ онъ мнѣ, что я упоминаю здѣсь его имя) написалъ однажды чрезвычайно жизненную голову въ ... 27 минутъ! не по задачѣ, правда, а потому что наступали сумерки, а ему хотѣлось схватить одно впечатлѣніе; и никто объ этомъ никогда не говоритъ, потому что это составляетъ, такъ сказать, кухню художниковъ, и показывать ее публикѣ, какъ нѣчто особенное, можетъ рѣшиться только тотъ, кто не напишетъ дѣйствительной картины, сколько бы времени ему ни дали. Несмотря на это, я все-таки полагаю, что клубъ художниковъ отнесся нѣсколько сурово къ г. Карло, отказавъ ему въ помѣщеніи, потому что теперь г. Карло похожъ на гонимаго и непризнаннаго генія.

Совсѣмъ иного порядка художникъ Габріэль Максъ. Между его произведеніями есть высокопоэтическія; его имя упоминается на ряду съ самыми уважаемыми именами заграницей; его теперешняя картина объѣхала значительную часть Европы; а потому возбужденіе любопытства къ его картинѣ очень естественно, и послушать, какое впечатлѣніе она производитъ на зрителя, сто́итъ во всякомъ случаѣ. Мнѣ приходилось встрѣчать людей, даже высокообразованныхъ, которые много говорили о сильномъ впечатлѣніи, сдѣланномъ на нихъ этою картиною. Я не сомнѣваюсь ни на минуту, что это могло быть дѣйствительно; только, къ сожалѣнію, нельзя было извлечь изъ этихъ отзывовъ точныхъ указаній, къ какому порядку слѣдовало отнести эти впечатлѣнія: къ умственному ли и духовному, или только къ категоріи нервныхъ раздраженій. Правда, были и понятныя толкованія; говорилось, напримѣръ, что въ этомъ изображеніи есть какое-то чудо: глаза его то смотрятъ на васъ, то кажутся закрытыми; нѣкоторые шли еще дальше и говорили: «для вѣрующихъ—онъ смотритъ, онъ живъ, для невѣрующихъ — взоръ его потухъ, онъ мертвъ». По-

добную причину восторговъ можно было бы вовсе игнорировать, еслибы не было такъ много людей, для которыхъ она достаточна, а потому объ этомъ я скажу впослѣдствіи. Но публика, положимъ, и не обязана давать разъясненія, интересующія кого-либо: въ большинствѣ случаевъ, она и сдѣлать этого не можетъ: иное дѣло печать. Тутъ, казалось бы, слѣдовало ожидать интересныхъ разъясненій, однакожъ и печатные отзывы оставили главный вопросъ нетронутымъ. Такъ что можно подумать, что наконецъ-то явился художникъ, который, въ предѣлахъ своей спеціальности, вполнѣ удовлетворилъ эстетической потребности образованнаго общества въ самомъ возвышенномъ смыслѣ.

Чтобы признать за какимъ-нибудь художественнымъ произведеніемъ, и въ данномъ случаѣ за головой, право на наше особое вниманіе, мы должны предположить, что картина сама въ себѣ носитъ печать высшаго творчества, т. е. что въ ней находится на лицо выраженіе какого-либо глубокаго волненія, доступнаго человѣческому пониманію, и что сила выраженія достигнута простыми и естественными средствами, и я бы сказалъ: безъ нарушенія законовъ природы (это изъ азбуки искусства). Признавая прежде всего необходимыми именно эти условія, я и попробую подойдти къ картинѣ Макса съ этой стороны. Пусть антрепренеръ не смущается моимъ пріемомъ: какое бы мнѣніе ни составилось о картинѣ, его дѣло во всякомъ случаѣ уже сдѣлано. Итакъ, попробуемъ на время удалить то чудесное въ глазахъ, передъ которымъ всѣ останавливаются и приходятъ въ изумленіе, а взглянемъ на остальныя части лица отдѣльно, и вмѣстѣ на всю голову (подобнаго рода операцію выдерживаютъ, обыкновенно, всѣ великія произведенія; а судя по молвѣ, это произведеніе должно быть великое), и спросимъ: что̀ это такое?

Прежде всего, вниманіе наше непріятно поражаетъ тонкій, придавленный, золотушный носъ, выпуклыя губы, нѣсколько припухшія, и такія же щеки, такъ что общее впечатлѣніе нижней половины лица по выраженію напоминаетъ немножко утопленника. Вѣрно ли это? Если вѣрно, то я говорю: подобная конструкція лица никогда не можетъ быть принадлежностію головы, выражающей величіе и умъ. Послѣ тѣхъ попытокъ, которыя Европа уже имѣетъ въ этомъ родѣ, напр.: головы Христа съ динаріемъ Тиціана въ Дрезденѣ, или Христа въ картинѣ Иванова, «Моленіе о чашѣ» Бруни, въ Эрмитажѣ, — о головѣ Макса, какъ головѣ, смѣшно и говорить; по-моему, Нерукотворенный образъ, находящійся въ домикѣ Петра Великаго — великій царь, говорятъ, очень любилъ этотъ образъ — неизмѣримо превосходитъ эту голову. Но, устраняя сравненіе, а говоря безотносительно, придется признать голову «Христа» Макса самою ординарною и даже слабою головою.

Теперь обратимся къ глазамъ, и посмотримъ, что въ нихъ заключается такое особенное. Если смотрѣть на картину издали, откуда нельзя видѣть деталей, голова остается такой же ординарной, по мѣрѣ же приближенія вы открываете дѣйствительно что-то: глаза то смотрятъ изъ своихъ впадинъ, то кажутся закрытыми, и я убѣдился, что, не смотря на увѣреніе экзальтированныхъ и вѣрующихъ, даже скептику, при извѣстной ловкости глазъ, доступно увидать по произволу то смотрящіе глаза, то закрытые. Но при этомъ происходитъ слѣдующій непріятный эффектъ: при открытыхъ глазахъ вамъ мѣшаютъ закрытыя вѣки съ сильными рѣсницами, очень дурно нарисованными, а при закрытыхъ—въ свою очередь мѣшаютъ зрачки, нарисованные на паружной сторонѣ верхнихъ вѣкъ. Неужели при такомъ условіи можно говорить о выраженіи? И какъ вы это сдѣлаете, когда и отыскать его дѣлается невозможно?

Мнѣ остается только удивляться, какъ могли называть выраженіемъ чередующееся перемѣщеніе различныхъ свѣтовыхъ впечатлѣній въ глазу зрителя! Вотъ почему я желалъ бы встрѣтить человѣка, который бы мнѣ объяснилъ точно, къ какому порядку надобно отнести впечатлѣнія, получаемыя отъ этой картины: къ числу ли внутреннихъ, душевныхъ или же къ числу нервныхъ раздраженій, непроникающихъ въ глубину, или, лучше сказать, проникающихъ въ той же двойственности, и тамъ, внутри, производящихъ чувство простого удивленія? По-моему, къ числу послѣднихъ. Теперь, если мы къ этому прибавимъ, что всякій человѣкъ кое-что знаетъ о тѣхъ атрибутахъ, которые находятся въ картинѣ, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, что вамъ будто бы показываютъ драму человѣческаго сердца, то не сдѣлается ли тогда яснымъ, въ какомъ положеніи находился зритель до той поры? При всемъ моемъ уваженіи къ таланту Макса, я долженъ выразить свое удивленіе, какъ подобный художникъ спустился до такого — говорю прямо — недостойнаго фокуса! Правда, внимательно наблюдая все, что онъ сдѣлалъ до сихъ поръ, можно было подмѣтить у него нѣкоторыя странности, въ родѣ: «Воскрешенія дочери Іаира», «Іуды» и нѣкоторыхъ другихъ, но все же эта картина—неожиданность даже для внимательныхъ. Нужно сказать (мимоходомъ впрочемъ), что уже давно въ европейскомъ искусствѣ замѣчается стремленіе замѣнить настоящее и глубокое убѣжденіе чѣмъ-то черствымъ, какъ камень, въ предметахъ особаго человѣческаго почитанія, но это къ дѣлу не относится, а потому продолжаю.

Нѣкоторые ставятъ въ особую заслугу художнику именно то, что онъ съумѣлъ найдтись столь остроумно тамъ, гдѣ, казалось бы, рѣшительно ужъ не было возможности поразить зрителя чѣмъ-либо новымъ. Но позвольте мнѣ сослаться на всѣхъ художниковъ, нашихъ и иностранныхъ,

прошедшихъ и настоящихъ, которые много и внимательно рисовали, не случалось ли имъ устремлять все свое вниманіе и искусство на то, чтобы изгнать впечатлѣніе четырехъ глазъ въ томъ случаѣ, когда они рисовали закрытые глаза, а тѣнь падала на всю глазную впадину? При этомъ всегда наблюдалось одно и то же явленіе, именно, что наиболѣе сильная тѣнь ложится на мѣстѣ закрытаго зрачка? Въ этомъ случаѣ нужна особая тонкость исполненія, чтобы глаза казались дѣйствительно закрытыми глазами. Не берусь рѣшать, какимъ путемъ Максъ остановился на этомъ: было ли это только слѣдствіемъ невозможности сначала отдѣлаться отъ недостатка, или же онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ, конечно извѣстнымъ ему, закономъ, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ—не знаю. Въ обоихъ случаяхъ, кромѣ странности, нѣтъ другого выраженія, которое можно было бы отнести къ заслугѣ художника. Дальше я скажу, что̀ такое выраженіе въ картинѣ; но до сихъ поръ оказывается пока самымъ удивительнымъ именно это кажущееся закрытіе и открытіе глазъ: изобрѣтеніе въ искусствѣ дѣйствительно характерное для нашего времени, не менѣе характерное, какъ и явленія спиритическія съ ихъ туманными четырьмя измѣреніями. Чтобы быть справедливымъ, слѣдуетъ сказать, что еслибы даже наше общество двинулось въ критической оцѣнкѣ искусства и дальше того, гдѣ оно находится, то и тогда эта картина могла бы быть предметомъ увлеченія, потому что это не есть грубая продѣлка, а, напротивъ, тутъ пущенъ въ ходъ весь арсеналъ живописныхъ мистическихъ вооруженій.

Теперь я долженъ перейдти къ опредѣленію того, что̀ такое, по-моему, выраженіе. Для облегченія себѣ этой задачи, а главное, чтобы быть правильно понятымъ, я позволю себѣ обратиться къ различнымъ образцамъ, всѣмъ хорошо извѣстнымъ. Нужды нѣтъ, что отсюда, быть можетъ, произойдетъ коренное различіе въ пониманіи основныхъ положеній искусства между мною и тѣми, кто считаетъ, что въ картинѣ Макса есть выраженіе.

Вездѣ, куда бы мы ни обратились, какія бы художественныя произведенія, разумѣется значительныя, ни стали мы разбирать, вездѣ мы находимъ здоровое отношеніе къ искусству. То есть великіе художники всѣхъ временъ и странъ, изображая человѣческое лицо, добивались его выраженія, схватывали его и усвоивали, при помощи глубокаго, пристальнаго изученія того, что̀ даетъ дѣйствительность. Только на этомъ единственно прочномъ фундаментѣ были достигнуты замѣчательные результаты. Переберемъ мысленно нѣкоторыя извѣстныя, какъ самыя высокія, до сихъ поръ, человѣческія головы, созданныя талантомъ художниковъ. Отъ грековъ осталось не особенно много, но и это немногое намъ будетъ очень пригодно потому, что никогда еще не были такъ многочисленны, какъ въ то время, попытки олицетворенія абстрактовъ. Первая голова—Аполлона Бельведер-

скаго въ Ватиканѣ, одна изъ самыхъ, если можно такъ выразиться, божественныхъ головъ. Въ этой головѣ такая ниспровергающая сила выраженія, что становятся понятными разсказы о томъ, что когда статуя была найдена, то передъ нею служили мессы!? Куда идти дальше? Какъ велика, стало быть, сила выраженія!? И чѣмъ же это достигнуто? Только близостію къ дѣйствительности: очевидно, художникъ много наблюдалъ, замѣтилъ, какія формы наиболѣе выражаютъ возвышенность мысли, силу, благородство, энергію, словомъ, тѣ высшія человѣческія свойства, которыми мы безъ святотатства надѣляемъ божественное: мало того, онъ долженъ былъ еще понять, какія измѣненія происходятъ съ формами въ моменты одушевленія; послѣ того ему оставалось только передать образъ, самъ собою сложившійся въ его душѣ, изъ этихъ данныхъ; и для разрѣшенія своей задачи онъ не взялъ ничего, чѣмъ было такъ богато воображеніе жителей Востока: за то же этотъ образъ и чрезъ 2,000 лѣтъ такъ же дорогъ намъ, какъ былъ онъ дорогъ и грекамъ. А голова Юпитера Олимпійскаго? Изученія ея не миновать и теперь никому изъ художниковъ, кому нужно будетъ рѣшать подобную же задачу, потому что державное выраженіе тутъ въ самомъ дѣлѣ находится на лицо, и совершенно становятся понятными слова Иліады, что отъ одного движенія бровей этого Зевса «потрясся Олимпъ многохолмный»! Опять ни одной неестественной черты! Венера Милосская въ Луврѣ: чѣмъ достигъ художникъ новаго выраженія величія, спокойствія, свободы, которыми обладаютъ боги, могущіе себѣ позволить все, но по существу своей натуры непозволяющіе себѣ ничего унижающаго?.. Но это было давно! Однако, есть примѣры поближе къ намъ и попонятнѣе: Кто не знаетъ Сикстинской Мадонны Рафаэля? Голова Мадонны выражаетъ такую тонкую черту глубочайшей скорби, доходящей до ужаса, за судьбу своего маленькаго сына, что зритель какъ бы чувствуетъ гдѣ-то, тамъ, куда она смотритъ, скотоподобную толпу людей, между которыми придется совершать свое дѣло Ему... и я васъ спрашиваю, чѣмъ же это достигнуто? Чѣмъ, какъ не поразительно вѣрнымъ расположеніемъ частей лица, сообразно состоянію души. Нужно было видѣть въ дѣйствительности, нѣсколько разъ, благороднѣйшія головы человѣческой породы, и притомъ въ моменты, когда онѣ бываютъ охвачены состояніемъ, аналогичнымъ, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ, о которомъ думаетъ художникъ. А Моисей Микель-Анджело! Но, чтобы кончить, наконецъ, скажу два слова о Тиціановскомъ Христѣ съ динаріемъ. Изъ всѣхъ изображеній Христа прошлаго времени, это наиболѣе удачное и возвышенное; и хотя Христосъ изображенъ тутъ скорѣе тонкимъ аристократомъ временъ венеціанской республики, нежели Христомъ нашего времени, но все же это превосходная голова. Чѣмъ же, я васъ спрашиваю еще разъ, всѣ эти разнообразныя выраженія достигнуты?

Ни въ одномъ изъ указанныхъ произведеній нѣтъ ни одной невѣрной, или мистической черты, все просто, ясно и отвѣчаетъ дѣйствительности, скажу больше: за исключеніемъ древней Индіи, Китая и прочихъ азіатскихъ странъ — ни одно настоящее искусство не представляетъ отступленія отъ этого общаго правила. И всѣ эти образцы мы съумѣли позабыть при первомъ появленіи такого... патентованнаго иностраннаго произведенія.

Мнѣ могутъ возразить, что я наговорилъ много неидущихъ къ дѣлу вещей, что Максъ вовсе и не думалъ писать такую голову, которая бы заключала въ себѣ характеръ и выраженіе Христа, какъ мы его теперь понимаемъ; а что онъ просто захотѣлъ изобразить чудесную легенду объ убрусѣ и оставшемся на немъ изображеніи, и только. Прекрасно, если это дѣйствительно такъ. Тогда зачѣмъ же онъ не пошелъ вполнѣ по этому пути и, написавши такъ холстъ, сдѣлалъ изображеніе матеріально? Вѣдь то, что осталось на холстѣ послѣ чуда, было такъ тонко, такъ легко, вѣроятно, что нитки и подъ изображеніемъ должны быть видны... Или живопись не можетъ передать этого? Едва ли. И еще: зачѣмъ тутъ, въ такомъ случаѣ, терновый вѣнецъ? Вѣдь это было раньше страданія? Въ послѣдній разъ: зачѣмъ нужны были эти четыре глаза? Вѣдь и безъ нихъ, съ сохраненіемъ всѣхъ предъидущихъ условій, картина была бы оригинальна? Въ томъ же видѣ, какъ она теперь, картина эта лежитъ за предѣлами искусства, и я бы сказалъ, что самое подходящее ей мѣсто—между чудотворными иконами, еслибы меня не смущала ординарность головы и ея дурное устройство въ цѣломъ и въ частяхъ. По-моему, вотъ какъ можно понять мысль автора изъ того, что находится въ картинѣ. Остроумная деталь съ закрытыми глазами, для невѣрующихъ, и смотрящіе мистическіе глаза—для вѣрующихъ, вмѣстѣ съ кровью и терновымъ вѣнцомъ, должна подѣйствовать извѣстнымъ образомъ на... нервы, не глубже. Если мы прибавимъ къ этому изумительно написанный холстъ, которому точно въ самомъ дѣлѣ болѣе 1,000 лѣтъ, который притомъ такъ умно прибитъ гвоздями, въ немъ такъ натурально растянулись нитки, повинуясь неравномѣрному натягиванію, то мы исчерпаемъ все, чѣмъ объясняется успѣхъ этой картины. Къ сожалѣнію, я не могу отдаться полному удовольствію даже въ этой чисто внѣшней сторонѣ дѣла, такъ какъ вижу, что Максъ не воспользовался остроумною мыслью наложенія натуральнаго холста съ краскою на свою живопись и не провелъ обманъ глаза до конца: нитокъ подъ изображеніемъ головы не усматривается, и даже около головы кое-гдѣ по контурамъ холстъ отсутствуетъ. Очевидно, операція сдѣлана послѣ окончанія головы и... неподумавши. Говоря такъ, я не желаю ставить художнику въ упрекъ такой пріемъ въ живописи, и хочу сказать только, что, помогая себѣ всѣми остроумными способами, для достиженія извѣстнаго эффекта, художникъ не дол-

женъ былъ бы забывать кое-какія мелочи, чтобы не видно было тѣхъ бѣлыхъ нитокъ, которыми само произведеніе сшито. А еще—всегда, за отсутствіемъ главнаго, говорятъ о мелочахъ!

Итакъ, я отказываюсь признать за этимъ произведеніемъ то значеніе, которое ему желаютъ приписать, и сожалѣю, что антрепренеръ, приводя отзывы объ этой картинѣ заграничныхъ газетъ (и тѣмъ поставивъ насъ сразу на почтительное разстояніе), ограничился сообщеніемъ только того, что европейская критика усматриваетъ въ этой картинѣ сильную и чрезвычайно удачную попытку соединенія двухъ естествъ: божескаго и человѣческаго (какъ будто кому-нибудь досконально извѣстны оба?), а не привелъ другихъ отзывовъ, чѣмъ и лишилъ насъ возможности сразу правильно понять (хотя бы съ помощію иностранцевъ, ка̀къ мы привыкли до сихъ поръ) представшее передъ нами явленіе, и заставилъ насъ самихъ разбираться въ такомъ трудномъ дѣлѣ.

1879.

VIII. Объ Ивановѣ *).

Для сужденія о художникѣ Ивановѣ прибавились новые матеріалы: вышла его переписка, изданная М. П. Боткинымъ, и издаются выпусками его композиціи на сюжеты изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Сколько можно судить, ни то ни другое изданіе не получаютъ очень широкаго распространенія не только въ публикѣ, но, къ сожалѣнію, и между художниками, а между тѣмъ послѣдніе матеріалы самые «вразумительные».

О значеніи Иванова въ исторіи русской живописи было говорено хотя и очень много, но нельзя сказать, чтобы довольно. Человѣку этому очевидно суждено обращать на себя вниманіе. Въ свое время, казалось, что дѣло его было проиграно безповоротно, а между тѣмъ теперь приходится заниматься чуть не на-ново разборомъ: что́ такое Ивановъ, и какое его значеніе въ искусствѣ?

На этотъ вопросъ, въ разное время, большинство писавшихъ отвѣчало въ томъ смыслѣ, что значеніе Иванова въ искусствѣ большое, хотя и не всегда можно было понять, какое же именно; а одинъ вопросъ первостепенной важности: относительное равнодушіе массы публики къ его картинѣ «Явленіе Христа народу», съ момента ея появленія до сего дня, или

*) Эта статья была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1880 года, т. V, стр. 806—820, но съ нѣкоторыми измѣненіями. Здѣсь она печатается съ оригинальной рукописи Крамского. *Ред.*

обходился вовсе, или объяснялся неубѣдительно. Сказать что-либо новое объ Ивановѣ очень трудно, и я не это имѣю въ виду. Мнѣ хотѣлось бы попытаться объяснить, почему успѣхъ картины Иванова не отвѣчалъ ея достоинствамъ, опредѣлить эти достоинства со спеціально художественной точки зрѣнія, и указать, что именно внесено имъ новаго въ искусство.

Въ русскомъ искусствѣ можно указать нѣсколько громкихъ именъ. Правильно это, или нѣтъ, это вопросъ другой, но несомнѣнно, что исторія русской живописи не можетъ обходить именъ: Бруни, Брюллова, Ѳедотова, Иванова... Въ какой мѣрѣ каждое изъ этихъ именъ принадлежитъ національному искусству? За отсутствіемъ самой исторіи русской живописи, мы положительнаго отвѣта на это не имѣемъ; однакожъ, слѣдуетъ признать за фактъ, что въ настоящую минуту не осталось никакихъ слѣдовъ вліянія на наше искусство, не только чуждаго намъ по духу Бруни, но даже и Брюллова. Вліяніе Ѳедотова приходится считать также оконченнымъ, тогда какъ значеніе Иванова возростаетъ, и можно съ увѣренностью пророчить еще бо̀льшее возростаніе въ будущемъ. Ка̀къ скоро наступитъ время, когда результаты этого вліянія должны сказаться съ очевидностью, опредѣлить, разумѣется, нельзя, но тѣ, кто могъ близко наблюдать дѣло нашего художественнаго развитія, свидѣтельствуютъ, что глухая внутренняя работа, возбужденная Ивановымъ въ умахъ русскихъ художниковъ, ни на минуту не прекращалась.

По отношенію къ Иванову, начнемъ съ того факта, что даже теперь, то есть когда, кажется, улеглись страсти, есть еще много людей, которые несогласны не только съ тѣмъ, чтобы работы Иванова превосходили все, что̀ имѣетъ Россія, но даже и съ тѣмъ, чтобы дѣятельность этого человѣка было плодотворна и знаменательна. Мало того, можно слышать, что Ивановъ и его картина — нѣчто неудавшееся, а масса наивно и искренно свидѣтельствуетъ о своемъ равнодушіи къ произведеніямъ этого художника.

При встрѣчѣ же картины, масса эта такъ была велика, что ея равнодушіе заслуживало серьезнаго вниманія, и разъясненіе этого факта небезполезно, особенно въ виду того высокаго значенія, которое нѣкоторые придаютъ картинѣ Иванова.

До сихъ поръ, цѣлыхъ 22 года, русское общество должно было составлять себѣ понятіе объ Ивановѣ только на основаніи его картинъ. Положимъ, что для сужденія о живописцѣ, строго говоря, другихъ данныхъ и не требуется, или точнѣе:—при рѣшеніи вопроса, эти другія данныя не имѣютъ первенствующаго значенія; но въ томъ-то и дѣло, что значеніе Иванова въ русскомъ искусствѣ, по особымъ къ тому причинамъ, не можетъ быть уяснено одними нѣмыми свидѣтелями. Природа его произведеній, уровень художественнаго развитія, а также и художестuенные вкусы

руководящей части нашего общества, въ моментъ появленія его картины, находились такъ далеко одно отъ другого, что недоумѣніе должно было произойти неизбѣжно. Казалось бы, съ тѣхъ поръ прошло достаточно времени для того, чтобы объяснить ошибки обѣихъ сторонъ (если таковыя были), но къ сожалѣнію этого не сдѣлано и по самое послѣднее время, и лежитъ очевидно на отвѣтственности будущаго.

Нельзя сказать, чтобы такой крупный фактъ, какъ равнодушіе публики, не останавливалъ на себѣ ничьего вниманія раньше. Многіе объ этомъ писали, но, какъ я сказалъ уже, объясняли неубѣдительно, потому что свалить отвѣтственность на неразвитіе публики, напримѣръ, по-моему, значитъ констатировать только фактъ, не больше. Даже Стасовъ, въ обстоятельной своей статьѣ объ Ивановѣ («Вѣстникъ Европы»—1880 г.), говоритъ по этому поводу немного: «Большинство публики было довольно само по себѣ, собственными средствами и вкусами»! Очевидно, и здѣсь признается только фактъ; дальнѣйшая его прибавка: «что его замучило и уложило въ гробъ общественное мнѣніе, не иначе, какъ во имя Брюллова», только отчасти поясняетъ дѣло. Положимъ вѣрно, что вкусъ, развитый Брюлловымъ, при опредѣленіи достоинствъ Иванова, могъ значительно вліять на ту часть публики, которая почему-либо интересовалась искусствомъ, или считалась къ нему прикосновенной. Но таковыхъ, сравнительно, было немного между десятками тысячъ, видѣвшихъ картину. А почему эти тысячи остались равнодушными и недоумѣвающими, и даже, какъ говоритъ Стасовъ, «охотно перевалившими на сторону смѣльчаковъ, порицавшихъ картину»—все-таки остается неразъясненнымъ. Вѣдь въ этой толпѣ всегда было и будетъ многое множество людей, остающихся въ сторонѣ отъ смѣны направленій художественнаго вкуса, и носящихъ въ себѣ, въ натуральномъ видѣ, ту долю художественнаго чутья, которая присуща человѣку на всѣхъ ступеняхъ развитія, и которая художнику наиболѣе драгоцѣнна! Купить увлеченія нельзя, и съ фактомъ равнодушія зрителя считаться нужно, особенно когда просто и наивно говорятъ: «не понимаю»! Между произведеніями живописи, одни не требуютъ отъ зрителя никакой мозговой работы, а просто ласкаютъ глазъ и нравятся, не шевеля ни ума, ни сердца, и, стало быть, не давая болѣе глубокаго наслажденія; другія требуютъ отъ зрителя серьезной мозговой работы, прежде чѣмъ дать художественное наслажденіе; третьи, наконецъ, для своей оцѣнки и пониманія требуютъ отъ зрителя большой исторической подготовки. И, однакожъ, всѣ эти свойства художественныхъ произведеній не помѣшаютъ обыкновенному, наивному зрителю простоять съ истиннымъ удовольствіемъ даже передъ картиной послѣдней категоріи, если въ ней будетъ сказываться исполнительный талантъ художника.

Господствующій предразсудокъ въ сужденіяхъ объ искусствѣ, по-моему, заключается въ томъ именно, что для правоспособности, такъ сказать, голосованія, по поводу какого-либо художественнаго произведенія, спеціальная подготовка считается необходимою, но это плохо согласуется съ тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что высшею судебною инстанціею для художника всегда было и будетъ то впечатлѣніе, которое выносятъ тысячи зрителей отъ картины.

Несомнѣнно, что талантливые художники, какъ, напримѣръ, Брюлловъ, воспитываютъ цѣлое общество въ извѣстномъ направленіи; несомнѣнно, что художественные вкусы и привычки, вслѣдствіе этого, образуются въ массѣ; но несомнѣнно также и то, что всякій разъ, для образованія новыхъ вкусовъ и привычекъ, въ дѣлѣ живописи, необходимо, чтобы новое произведеніе понравилось, притянуло глазъ и остановило на себѣ такимъ образомъ вниманіе зрителя. Если этого не случается, начинаются разныя уклончивыя восклицанія, въ родѣ того, что «я ничего не понимаю въ живописи!»

Задолго до своего появленія, картина Иванова возбуждала весьма большія ожиданія, а когда она появилась, то огромное большинство просто сказало: «не понимаю». И дѣйствительно, картину его надобно прежде всего понимать. Въ этомъ и лежитъ все рѣшеніе вопроса.

Если это положеніе правильно, то не менѣе правильно и другое еще азбучное положеніе, что дѣло не совсѣмъ, стало быть, въ порядкѣ, если для современниковъ необходимы комментаріи къ художественнымъ произведеніямъ, потому что то, что́ во многихъ другихъ сферахъ умственнаго труда естественно, въ дѣлѣ искусства должно быть признано излишнимъ, если эти произведенія вдохновенныя, творческія. Современники могутъ не понять всю глубину и значеніе художественнаго произведенія, по отношенію къ будущему, къ школѣ, но всегда поймутъ и оцѣнятъ жизненность и талантъ, то есть именно тѣ качества, безъ которыхъ художественныхъ произведеній вовсе не существуетъ для публики и къ которымъ зритель оставаться равнодушнымъ не можетъ.

Все, что̀ я сказалъ до сихъ поръ, до такой степени извѣстно и переизвѣстно, что оно выходило бы банально въ другихъ областяхъ: только въ дѣлѣ живописи, къ сожалѣнію, я вижу необходимость у насъ, въ Россіи, о многомъ начинать съ азовъ, и потому извиняюсь за повтореніе.

Человѣкъ получаетъ впечатлѣніе отъ художественнаго произведенія живописи только черезъ глазъ. Для того, чтобы остановить глазъ зрителя и приковать его вниманіе, необходима обворожительная внѣшность, и затѣмъ уже, если есть что́ вѣское въ картинѣ, оно, только благодаря внѣшности, проникаетъ до человѣческаго сердца; иначе живопись никогда не

сдѣлается общедоступнымъ искусствомъ, и всегда останется на степени пенсіонера немногихъ любителей и знатоковъ, и разговоръ о какой-либо общественной роли искусства сдѣлается празднымъ.

Успѣхъ спекуляціи основанъ именно на тонкомъ изученіи человѣческихъ свойствъ, или, если хотите, слабостей; но это-то и обязываетъ бороться съ злоупотребленіемъ равнымъ оружіемъ.

Если, вообще, немного людей, понимающихъ вполнѣ все значеніе искусства, то развитіе, путемъ наслажденія, можетъ и должно быть доступно всѣмъ; и привлекательность художественныхъ произведеній требуется правильной гигіеной нашей духовной природы.

Будь произведеніе глубокимъ, новымъ, имѣй оно первоклассныя достоинства ума, и не имѣй оно этого популярнаго качества, оно не будетъ принято съ распростертыми объятіями. Одна свобода исполненія и, такъ сказать, легкость труда, не говоря уже о богатствѣ колорита, есть и составная часть обворожительности, и необходимое качество для приковыванія глаза. Присутствіе свободы исполненія моментально сказывается каждому зрителю, и нельзя даже сказать—чѣмъ. Стало быть, художникъ обязанъ скрыть отъ публики тѣ усилія, которыхъ ему сто́итъ произведеніе. Грустно въ этомъ сознаться, но это такъ. Къ несчастію для художниковъ, живопись, кромѣ того, еще тѣмъ опасна, что равновѣсіе между содержаніемъ, если таковое есть у художника, и исполненіемъ, какъ слѣдствіемъ таланта, не всегда совпадаютъ, и даже не всегда зависятъ отъ личныхъ усилій художника. (Ниже я намѣчу тѣ положенія, при которыхъ этотъ разладъ можетъ случиться).

Художникъ, не совсѣмъ ограниченный, рѣдко бываетъ на розахъ при своей жизни. Если для немедленнаго, сегодняшняго успѣха, онъ пожертвуетъ содержаніемъ и чувствомъ, онъ очутится въ необходимости безъ отдыха развлекать публику, и ежеминутно ей о себѣ докладывать, чтобы его не забыли. Состояніе каторжное для умнаго человѣка, потому что, несмотря на лавровые вѣнки, рукоплесканія, медали, славу и деньги, его постоянно будетъ безпокоить то сдержанное, скептическое и равнодушное положеніе, которое къ такому человѣку сейчасъ же займетъ настоящая интеллигенція, и никакіе вѣнки не залечатъ ему этихъ ранъ. Попробуетъ художникъ уйдти весь въ содержаніе: онъ рискуетъ потерять единственный доступный путь къ человѣческому сердцу, и, быть можетъ, никогда не дождаться справедливой оцѣнки. Единственный компасъ въ этомъ лабиринтѣ, разумѣется—глубочайшая увѣренность, сидящая внутри каждаго серьезнаго дарованія, увѣренность въ себѣ и въ своемъ дѣлѣ, дающая ему силу перенести это нешуточное испытаніе, называемое творчествомъ. У Иванова эта увѣренность была. Умъ его отъ природы былъ глубокъ, талан-

томъ онъ одаренъ былъ первокласснымъ, а между тѣмъ обворожительной внѣшности на лицо нѣтъ, и даже, что̀ самое опасное, трудъ не скрытъ, а извѣстно, какое мучительное чувство мы испытываемъ передъ пѣвцомъ, которому трудно управлять своимъ голосомъ, лекторомъ, едва разбирающимъ рукопись, передъ акробатомъ и гимнастомъ, которые употребляютъ очевидное напряженіе. Словомъ, наслажденіе подорвано, и искусство не достигаетъ цѣли, если отсутствуетъ виртуозность и высокая техника, играющая чуть не первенствующую роль въ искусствѣ. Точнѣе сказать, для того, чтобы искусство произвело свою долю вліянія, внутреннее его содержаніе должно быть выражено просто, легко и свободно; мало того, обворожительно. Новый вопросъ: отъ чего такъ случилось съ Ивановымъ, если не подвергать сомнѣнію самое существованіе его таланта? Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я долженъ сдѣлать еще разъ маленькое отступленіе въ область азбуки.

Привлекательная внѣшность въ картинѣ выходитъ только въ то время, когда художникъ сразу охватываетъ свою задачу, когда внутренній его міръ находится въ полномъ и совершенномъ равновѣсіи, когда въ его міросозерцаніе не прокрадывается ни одна капля сомнѣнія въ достоинствѣ его идеаловъ, во все время работы; словомъ, когда онъ человѣкъ вполнѣ цѣльный, и, кромѣ того, когда онъ почему бы то ни было не расходится съ обществомъ, а слыша со всѣхъ сторонъ поддержку, поощреніе и пониманіе, пріобрѣтаетъ, вслѣдствіе этого, непоколебимую увѣренность, что дѣлаетъ именно то, что нужно; однимъ словомъ, когда есть извѣстная однородность умственной атмосферы между художникомъ и обществомъ, для котораго онъ работаетъ. Стало быть, появленіе талантливыхъ произведеній, не выходящихъ изъ сферы общественной умственной однородности, возможно, такъ сказать, всегда. Но въ исторической жизни обществъ бываютъ моменты извѣстной умственной анархіи, когда, съ одной стороны, наиболѣе проницательные умы чувствуютъ, что руководящія основы ветшаютъ и что необходимо замѣнить ихъ новыми. Наступаетъ неотложная надобность, именно такимъ умамъ, приняться за сознательную, черновую, историческую работу; съ другой стороны, законы психической дѣятельности (какъ доказываетъ наука рядомъ наблюденій надъ этой темной областью и вѣроятными теоріями, выведенными изъ этихъ наблюденій) состоятъ въ томъ, что многіе душевные процессы, происходящіе въ насъ безсознательно, такъ сказать механически, сто̀или когда-то огромныхъ усилій сознанія и воли. Творчество художественное безсознательно; но подъ пріемами его проявленія лежитъ огромный пластъ упорнаго научнаго и сознательнаго труда. Ивановъ жилъ на зарѣ нашей умственной анархіи, но и теперь да-

леко еще то время для русскаго искусства, когда долженъ наступить высшій моментъ его развитія.

Изъ исторіи сошедшихъ со сцены народовъ намъ знакомы такія счастливыя кульминаціонныя эпохи, когда нарождающіеся таланты находятъ готовыми, разработанными и доказанными многія главныя основы для творчества въ своей спеціальности. Никто о нихъ уже не споритъ, идеалы понимаются всѣми одинаково, и коллективныя усилія умовъ и талантовъ эпохи направляются согласно въ одну сторону. Въ такіе счастливые историческіе моменты, художникъ работаетъ быстро, съ огнемъ и талантомъ, проявленіе котораго уже ничѣмъ не задерживается. Въ такіе моменты позволительно предсказывать появленіе высокихъ художественныхъ произведеній, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Иванову такого лотерейнаго билета на долю не выпало. Но талантъ, какъ талантъ, остается всегда разъ онъ есть. Имѣлъ ли Ивановъ этотъ талантъ, то есть этотъ, въ смыслѣ высокой виртуозности, придающей обворожительную внѣшность произведенію? Я говорю — имѣлъ. Для меня это ясно, хотя сомнительно, чтобы мнѣ удалось доказать это съ очевидностью другимъ. Но я надѣюсь, что на предстоящей всероссійской выставкѣ въ Москвѣ (1882) работы самого Иванова докажутъ это, и краснорѣчивѣе, и убѣдительнѣе меня.

Я не знаю, впрочемъ, прилично ли, говоря объ Ивановѣ, ставить этотъ вопросъ серьезно? Вѣдь по отношенію къ нему всѣ согласны, что картины его необыкновенно основательны, и казалось бы, не зачѣмъ безпокоиться вопросомъ почти роскоши, если и безъ яркаго таланта мы имѣемъ художественное произведеніе высокой пробы? Но, во 1-хъ, мы занимаемся здѣсь разъясненіемъ равнодушія публики и опредѣленіемъ того, кто и насколько ошибался, а во 2-хъ, человѣку свойственно стремиться къ ясности и опредѣленности пониманія того, что уважаешь и чему поклоняешься. Чтобы понимать другъ друга, въ спорахъ важно установить терминологію, и потому я оговорюсь здѣсь же, что я разумѣю подъ словомъ «талантъ».

Подъ словомъ «талантъ» въ живописи я разумѣю прирожденную подражательную способность, то есть умѣнье сразу понять и вѣрно передать живую форму природы, и только. Эта способность можетъ сказаться весьма рано. Это у Иванова было въ высокой степени. Но отсюда далеко еще, какъ видите, до художника. Чтобы стать имъ, мало одного таланта, мало ума, мало общаго образованія и развитія, мало, наконецъ, счастливыхъ матеріальныхъ условій: необходимъ еще и темпераментъ, то есть, чтобы человѣкъ по натурѣ своей ничего бы не любилъ больше искусства, чтобы ни одна страсть не перетянула человѣка въ сторону. Только совокупность всѣхъ этихъ условій и создаетъ художника.

У Иванова условія эти были на лицо, особенно въ началѣ его карьеры,

за исключеніемъ условій историческихъ; но за то эти обстоятельства и суть единственныя, которыя могутъ дѣйствовать роковымъ образомъ, какъ не подчиняющіяся личной волѣ и находящіяся внѣ сферы этого вліянія.

Талантъ Иванова, въ связи съ его общимъ развитіемъ, давалъ нѣкоторымъ приготовительнымъ его работамъ ту особую окраску привлекательности и легкости исполненія, даже колоритности, и такой неподражаемой талантливости, какую встрѣчаешь только у самыхъ большихъ художниковъ и виртуозовъ въ одно и то же время.

Есть нѣсколько этюдовъ головъ и пейзажей, исполненныхъ съ дѣйствительнымъ огнемъ, такъ что очевидно, что талантъ его былъ первокласснымъ, но его умъ былъ еще болѣе таланта. Этотъ умъ, созрѣвая, и былъ причиною выхода изъ узкой умственной атмосферы, его окружавшей. Благодаря ему, онъ и разошелся съ господствовавшими воззрѣніями въ живописи того времени, его умъ натолкнулъ его на необходимость черновой исторической работы. Заниматься здѣсь изслѣдованіемъ, почему умъ и талантъ Иванова приняли совершенно новое направленіе въ искусствѣ, неизвѣстное до тѣхъ поръ — безполезно. На лицо тотъ фактъ, что въ его мозгу появилось оригинальное представленіе о картинѣ, въ которой бы все было основано, такъ сказать, на законахъ. По условіямъ времени, подобныхъ образцовъ въ то время еще нигдѣ не появлялось; стало быть, приходилось начинать сначала во всемъ. Ивановъ принимается за трудъ, который былъ подъ силу только такому уму и характеру. Историческая заслуга Иванова та, что онъ сдѣлалъ для всѣхъ насъ, русскихъ художниковъ, огромную просѣку въ непроходимыхъ до того дебряхъ, и именно въ томъ направленіи, въ которомъ была нужна большая столбовая дорога, и открылъ такимъ образомъ новые горизонты. Убрать срубленныя деревья и щепки, а тѣмъ болѣе укатать и шоссировать самую дорогу — ему не пришлось, потому что къ концу своей работы, когда для его радостнаго взора стали, наконецъ, открываться новые виды, талантъ его оказался раздавленнымъ его умомъ — и это ясно повѣствуетъ его картина. Словомъ, онъ оказался жертвой за русское искусство, онъ поступился внѣшностью противъ своей воли фатально и по необходимости. Вотъ почему его картина популярною быть не могла при своемъ появленіи, да едва ли будетъ и впослѣдствіи, но она останется надолго, если не на всегда, предметомъ удивленія и изученія для спеціалистовъ.

Вначалѣ я упомянулъ о природѣ его произведеній, или, какъ самъ Ивановъ характерно о ней выразился: «натура дѣла моего». Подойдемъ теперь къ ней поближе, и посмотримъ, въ чемъ она заключалась? Для этого лучше всего сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ его переписки. Я ограничусь только тѣми, которыя покажутъ его собственныя воззрѣнія на свое дѣло

и объяснятъ намъ, почему «натура» его дѣла держала талантъ его въ такой тѣсной отъ себя зависимости и лишила его свободы проявленія. Въ самомъ началѣ своей большой картины, онъ уже долженъ былъ оправдываться въ медленности работы, слѣдующимъ образомъ: «Напрасно думаютъ, что моя метода: силою сличенія и сравненія этюдовъ подвигать впередъ трудъ—доведетъ меня до отчаянія. Способъ сей согласенъ и съ выборомъ предмета, и съ именемъ русскаго, и съ любовью къ искусству. Я бы могъ очень скоро работать, еслибы имѣлъ цѣлью деньги. Дурное (?) все остается въ пробныхъ этюдахъ, изъ которыхъ одно лучшее (?) вносится въ настоящую картину».

Приведенная выписка была мало убѣдительна для тѣхъ, кому она предназначалась; упреки въ медленности не ослабѣвали, спорящія стороны продолжали думать по старому; но Иванову доставалось это не легко, особенно когда кругомъ не было ни одного голоса въ пользу его методы, и онъ долженъ былъ переживать мучительную работу ума въ одиночествѣ.

«Я грустенъ потому, что при всей моей ежедневной дѣятельности, люди приближаются ко мнѣ, видятъ во мнѣ бездѣйствіе, даже покушаются придумывать способы, чтобы возбудить меня къ дѣятельности—это обиднѣе насильства невѣжественнаго властелина—вытаскивать глубокія тайны изъ души моей въ оправданіе—значило бы истощать силы и только на короткое время заставлять ихъ, то есть людей, убѣждаться».

Очевидно, люди близкіе, сочувствующіе, доброжелательные, заходя въ студію, годъ, два спустя и видя картину на томъ же мѣстѣ, въ недоумѣніи спрашиваютъ: «Да что́ же онъ дѣлаетъ?» А онъ наивно показываетъ то нѣсколько этюдовъ головъ, то купающихся, то камни, деревья, то говоритъ, что нужно съѣздить куда-то, чтобы присмотрѣться къ выраженію и манерѣ держаться какихъ-то евреевъ, болѣе свободныхъ и обезпеченныхъ, чѣмъ тѣ, которые были въ Римѣ... Въ такихъ безплодныхъ объясненіяхъ прошли года; глубокая борозда недоразумѣній обозначилась; Ивановъ началъ уставать. 1847 годъ, годъ нравственныхъ бурь, былъ особенно тяжелъ для него: онъ запирается отъ людей, «но ни на волосъ не своротчиваетъ съ своей дороги», и если пишетъ, то пишетъ уже такимъ образомъ:

«При послѣднемъ свиданіи я выпросилъ у васъ годъ времени (для окончанія картины), и точно—дѣлаю что могу, но натура дѣла моего весьма медленна; всякая быстрота и торопливость помѣшали бы моему посильному совершенству», и потомъ, изнемогая въ неравной борьбѣ, не имѣя возможности вразумить окружающихъ, онъ говоритъ упавшимъ голосомъ:

«Мнѣ, какъ послѣднему, по времени, дѣятелю въ пути образованія, нужно самое нѣжное спокойствіе, чтобы вести вдаль дѣло. Былъ періодъ

въ моей жизни, когда, подъ защитою неизвѣстности, созидалось у меня все любовью къ искусству; теперь нужно ждать другого—милосердія и терпѣнія общества». Говорить такимъ образомъ можетъ только человѣкъ раненый весьма серьезно.

Мало-по-малу его оставили, наконецъ, въ покоѣ, и онъ года три, четыре просидѣлъ одинъ и отдохнулъ. Между прочимъ, въ это время миновали и политическія волненія 48-го года; и въ 1851-мъ году раздаются слова, показывающія, что Ивановъ начинаетъ выздоравливать и оправляться отъ ударовъ:

«Я уже начинаю чувствовать какія-то права на художническую самостоятельность—и можетъ ли быть что справедливѣе этого? Вѣдь мы уже подходимъ мало-по-малу къ послѣднему вопросу: быть ли живописи, или не быть?»

Въ это время портфели Иванова стали наполняться композиціями изъ Библіи и Новаго Завѣта. Картина же его была уже съ 1848-года почти такая же, какою мы ее теперь видимъ, и почему она простояла почти 10 лѣтъ не открытою—мудрено догадываться, и надобно отнести это обстоятельство къ области психологіи. Наконецъ, сцѣпленіе обстоятельствъ вырываетъ Иванова насильно опять къ людямъ; онъ и картина дѣлаются предметомъ пристальнаго любопытства толпы. А онъ, вышедшій наконецъ на большую дорогу, спокойно говоритъ о себѣ слѣдующее:

«Картина моя не есть послѣдняя станція, за которую надобно драться. Я за нее стоялъ крѣпко въ свое время и выдерживалъ всѣ бури, работалъ посреди ихъ, и сдѣлалъ все, что требовала школа, но школа — только основаніе дѣлу живописному, языкъ, которымъ мы выражаемся. Нужно учинить другую станцію искусства—его могущество приспособить къ требованіямъ времени и настоящаго положенія Россіи. Цѣль жизни искусства теперь другого уже требуетъ». И прибавляетъ, какъ власть имѣющій:

«Вѣдь надобно же, наконецъ, выяснить, что трафаретные академическіе иконостасы съ картинками составляютъ гниль нашего времени и служатъ къ истребленію способностей, въ особенности русскихъ! Еслибы мнѣ удалось только намекнуть на высокій и новый путь, стремленіе къ нему показало бы, что онъ существуетъ впереди».

На этомъ можно остановиться.

Сдѣланныя выписки достаточно, кажется, ознакомили насъ съ природою его произведеній, и изъ нихъ же видно, что онъ остался до конца увѣреннымъ, не смотря на неудачу. Въ послѣднюю минуту, онъ какъ будто все простилъ, потому что все понялъ. Онъ понялъ и уважилъ впечатлѣнія массы, когда писалъ изъ Петербурга брату въ Римъ: «Взыскательный взглядъ, по большей части полный здравыхъ разсужденій, ее, то есть пуб-

лику, отличаютъ». Его картина—дѣло прошлое. Онъ спокоенъ. Передъ нимъ лежали впереди новыя задачи, о сущности которыхъ мы можемъ теперь судить по изданію его альбомовъ. Онъ надѣялся на будущее, на возможность драться за слѣдующую станцію, но судьба рѣшила иначе—кто-то другіе будутъ призваны къ окончанію начатаго дѣла. Изъ того, что̀ сказано, можно вывести непреувеличенное заключеніе, что ни одинъ художникъ не сдѣлалъ для русскаго искусства больше его; мало того, наступитъ время, когда иностранцы пожелаютъ съ нимъ короче познакомиться—по моему, это не пророчество, а просто ариѳметическая истина. Опредѣлите идеалы искусства теперешняго времени, и вы увидите, что Ивановъ уже 50 лѣтъ тому назадъ понялъ ихъ, опредѣлилъ для себя, и стремился къ осуществленію. Чего бы вы ни коснулись: композиціи, рисунка, содержанія, вы найдете, что Ивановъ удовлетворялъ имъ въ своихъ работахъ сознательно. Но вотъ это-то сознаніе—великое въ художникѣ его времени, и было тѣмъ тормазомъ, который лишаетъ талантъ свободы исполненія, пока не усвоены пріемы до механической безсознательности. Это сознаніе было ядомъ, разложившимъ элементы художника на составныя его части. Всѣ изъ выдающихся людей его времени были на сторонѣ его труда и его почина; они только не могли понять необходимости избраннаго Ивановымъ пути. Ошибка весьма понятная: кому могъ быть понятенъ этотъ путь, въ то время, когда господствовало мнѣніе, что художнику, съ талантомъ Иванова, сто̀итъ только писать поскорѣе, чтобы потрясать зрителей, а онъ изнуряетъ себя на этюдахъ, когда выводы науки, въ то время уже обозначившіеся, лежали, казалось, такъ далеко отъ искусства. Но теперь ясно, что избранный имъ путь—былъ путь научный, который одинъ способенъ привести къ благотворнымъ результатамъ, если мы желаемъ изучить и вывести на сцену дѣйствительный, а не призрачный характеръ. Сто̀итъ присмотрѣться къ тому, напримѣръ, ка̀къ онъ доходилъ до изображенія какого-нибудь типа, знакомаго намъ въ картинѣ. Этюдовъ для каждой такой головы имѣется много; каждый этюдъ есть, очевидно, и портретъ дѣйствительно живаго человѣка; онъ похожъ и на того, который въ картинѣ, но, въ то же время, въ этюдѣ только части годятся къ выраженію задуманнаго характера. Вотъ другой портретъ—другого человѣка, опять похожаго̀. Все разные люди, и каждый чѣмъ-то напоминаетъ послѣднюю редакцію. Несомнѣнно, что каждая голова, въ картинѣ, по замыслу характера выше и глубже этюда, но въ то же время и слабѣе по живописи. Ивановъ былъ реалистъ самый послѣдовательный и добросовѣстный: такого человѣка, какого ему было нужно, онъ не нашелъ, да и не могъ бы найти никогда. Оставалось перенести въ картину, такъ сказать, суммированный этюдъ, что̀ никогда не замѣнитъ живую, дѣйствительную форму:

нужно кое-что измѣнять, а измѣнять, не имѣя живой формы передъ глазами, значитъ сдѣлать только намекъ, а не облечь въ плоть и кровь несомнѣнной дѣйствительности.

Такимъ образомъ, у Иванова, во всемъ, чему онъ давалъ значеніе подготовки къ самому дѣлу, оказалось гораздо болѣе настоящаго, художественнаго, живописнаго элемента, чѣмъ въ картинѣ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что искусство не овладѣетъ новыми пріемами. Новыя требованія отъ искусства, подымая уровень и осложняя задачу, задерживаютъ только на время. Съ новымъ поколѣніемъ, воспитаннымъ уже въ школѣ Иванова, съ первыхъ шаговъ, многое, стоившее ему такой цѣны, будетъ усвоено легко.

Посмотримъ теперь, что̀ внесено Ивановымъ въ русское искусство новаго. Сказать словами, выходитъ немного. Въ сочиненіе или композицію онъ внесъ идею не произвола, а внутренней необходимости. То есть, соображеніе о красотѣ линій отходило на послѣдній планъ, а на первомъ мѣстѣ стояло выраженіе мысли; красота же являлась сама собой, какъ слѣдствіе. Въ рисунокъ — чрезвычайное разнообразіе, то есть индивидуальность, не только лица, но и всей фигуры по анатомическому построенію, и исканіе — какое анатомическое строеніе должно отвѣчать задуманному характеру? Въ живопись—совершенно натуральное освѣщеніе всей картины, сообразно мѣсту и времени, а во внѣшній видъ картины—необходимость эпохи. Въ какой мѣрѣ мы обладали этими качествами прежде? Въ стройномъ и послѣдовательномъ порядкѣ—ни въ одномъ случаѣ. Нельзя сказать, разумѣется, чтобы указанныя стороны искусства не встрѣчались вовсе прежде, но не одно и то же, встрѣчается ли это, какъ счастливый придатокъ, или какъ принципъ. И потому, реформаторская смѣлость перваго почина Иванова, изобразить всю сцену дѣйствительно на воздухѣ и дѣйствительно въ пейзажѣ, должна быть подчеркнута. Я уже не говорю о самомъ главномъ: о характерахъ. Всѣ старые художники, даже великіе, изображая событіе на воздухѣ, преспокойно писали свои фигуры при комнатномъ освѣщеніи. Правда, въ то время, когда Ивановъ началъ писать свою картину, во Франціи были уже первые художники, вышедшіе на воздухъ; но они писали пейзажи, жанръ и т. д., вещи, которыя уже и простой здравый смыслъ запрещаетъ писать иначе; но кто знаетъ исторію живописи, тотъ согласится, что и такое простое удовлетвореніе здраваго смысла ставится въ заслугу французской критикой своимъ первымъ основателямъ этого не мудраго, въ сущности, начала. Во всякомъ случаѣ, починъ Иванова исходилъ изъ его личнаго инстинкта, и, чтобы понять, что̀ значитъ этотъ починъ, надобно только внимательно посмотрѣть все, что̀ дѣлается сегодня, когда сплошь и рядомъ, даже крупные художники, позволяютъ себѣ этотъ анахронизмъ — тогда только эта сторона въ работахъ Иванова приметъ

должные размѣры въ нашихъ глазахъ. Идею характеровъ не вымышленныхъ, а дѣйствительныхъ, если онъ и могъ заимствовать, то только у Леонардо-Винчи, у котораго, одного изъ всѣхъ художниковъ стараго и новаго времени, и есть эта черта. Его апостолы въ «Тайной вечери» дѣйствительно характерны и разнообразны, и только у него есть фигуры и головы, правильно построенныя, и кромѣ того одушевленныя дѣйствительнымъ чувствомъ. Недаромъ же Ивановъ такъ часто и указывалъ на него, какъ на образецъ, къ которому онъ хотѣлъ бы приблизиться. И онъ приблизился. Мало того — я думаю, пошелъ дальше. Попробуйте закрыть головы въ картинѣ Иванова, и посмотрите только на однѣ фигуры, и вы будете поражены глубиною изученія человѣка вообще. Здѣсь разнообразіе обусловливается не однимъ возрастомъ, а, какъ я сказалъ раньше, анатомическимъ построеніемъ и темпераментомъ. То есть, Ивановъ пошелъ дальше настолько, насколько передвинулся вѣкъ. Въ ихъ талантахъ было много общаго. Разница въ томъ, что итальянецъ былъ свободенъ въ школьный періодъ своего времени, принадлежалъ къ націи, имѣвшей уже богатое прошлое, блестящее настоящее, и среду, способную откликнуться и понять усилія художника. Ивановъ же... Но для русскаго общества нѣтъ надобности объ этомъ распространяться. Упомяну только о томъ, что обществу недостаточно извѣстно это: сила мертвыхъ академическихъ традицій, возникшихъ изъ почтеннаго желанія сохранить мысли погасавшаго искусства, совѣты и способы сходящихъ со сцены великихъ художниковъ — желаніе, къ сожалѣнію, неисполнимое. Отъ угасающихъ всегда остается только форма, которая отъ времени разлагается, и чѣмъ скорѣе она будетъ спрятана, тѣмъ лучше. Но академіи, съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, продолжаютъ учить скорлупѣ, за невозможностью учить содержанію, бывшему живымъ 300 лѣтъ тому назадъ; и, отшлифовавъ, къ 30 годамъ, человѣка такимъ образомъ, оставляютъ его самого приспособляться къ новому порядку вещей. Какъ сильно Ивановъ чувствовалъ, чтò съ нимъ сдѣлала Академія, показываетъ ранѣе приведенная выписка первая. Картины Иванова — первая и вторая, а затѣмъ этюды, и, наконецъ, эскизы, показываютъ, кàкъ шагъ за шагомъ онъ долженъ былъ до основанія сломать въ себѣ стараго художника съ академическимъ фундаментомъ, и вся его жизнь есть печальная повѣсть о томъ, какъ ни одно знаніе, вынесенное изъ Академіи, не принесло ему пользы, а все служило помѣхой. Человѣкъ въ 30 лѣтъ начинаетъ учиться, не говорю мыслить и сочинять, а рисунку и живописи, какъ будто ничего не знаетъ. Выходитъ очень любопытно, если сопоставить рядомъ его ученическую программу на большую золотую медаль, и послѣднія произведенія, а особенно этюды. Въ программѣ, онъ — готовый мастеръ и живописецъ, а въ этюдахъ — чрезвычайно наивный и

начинающій ученикъ, хотя и великій художникъ. Картину свою онъ началъ еще въ то время, когда былъ полонъ уваженія къ авторитетамъ, не только давно сошедшимъ уже со сцены, но и къ тѣмъ, на кого современники смотрѣли какъ на такихъ — къ Корнеліусу, Овербеку, Торвальдсену и даже (о ужасъ!) къ Камуччини. Не имѣя ни одной черты въ своей духовной натурѣ, сродной названнымъ господамъ, онъ вначалѣ слушается знаменитостей и портитъ свою вещь разными аллегорическими бездѣлицами, и только мучительно медленно освобождается отъ несроднаго и мертвящаго академизма. Однакожъ, слава Богу, онъ вышелъ побѣдителемъ.

Достоинство его ума и таланта именно тѣмъ и доказывается, что, не смотря на то, что онъ росъ въ четырехъ стѣнахъ Академіи, онъ напитывался уваженіями безъ разбора и безъ всякого вниманія къ жизни дѣйствительной: молодымъ человѣкомъ онъ ѣдетъ заграницу, прямо въ Римъ, и сидитъ почти безвыѣздно въ Италіи 28 лѣтъ, но ни къ одному достойному вниманія жизненному движенію и ни къ одной дѣйствительно оригинальной идеѣ онъ не остается глухъ. Напротивъ, всякую новую мысль онъ встрѣчаетъ съ самымъ искреннимъ и горячимъ сочувствіемъ, серьезно ею занимается, старается понять, мало того — ежеминутно готовъ перестроивать свой внутренній міръ, сообразно новому пріобрѣтенію. Это драгоцѣнное качество ни на одну іоту не убывало въ энергіи съ возрастомъ, и къ чему оказался готовъ человѣкъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, свидѣтельствуютъ его «Апостолы», составляющіе огромный шагъ впередъ отъ знаменитыхъ итальянцевъ XVI вѣка, его рѣшительно невиданный типъ Христа, его монументальный Креститель, и, наконецъ, его эскизы изъ Библіи и Евангелія. Эти композиціи такъ далеко захватили будущее, что и теперь, черезъ 20 слишкомъ лѣтъ послѣ его смерти, ни одинъ европейскій художникъ еще не смѣетъ трактовать Евангеліе такъ серьезно — просто, такъ реально, безъ профанаціи, въ уровень предмету. Теперь это можно сказать положительно: послѣдняя всемірная выставка *) съ поразительною очевидностью доказала бѣдность европейскихъ художниковъ въ этомъ отдѣлѣ. Пока дѣло касается изображеній современной намъ жизни, еще встрѣчаются художники, рисующіе людей, каждаго съ ихъ оригинальнымъ анатомическимъ складомъ лица, а иногда и фигуры. Дѣло уже значительно хуже при изображеніи сюжетовъ историческихъ: тутъ обыкновенно нарисованы однообразные люди. А въ сюжетахъ библейскихъ и евангельскихъ — сплошная пошлость, и рѣшить, отчего это зависитъ, болѣе отъ ипокризіи ли художниковъ, или отъ предразсудковъ, распространяемыхъ академіями,

*) Всемірная парижская выставка 1878 года. *Ред.*

довольно трудно. Будемъ думать, что нашлись бы смѣльчаки, подобные Иванову, еслибы внутри у нихъ горѣло настоящее чувство.

Рядомъ съ ломкой въ своемъ собственномъ дѣлѣ, у Иванова идетъ работа ума, мученія одиночества, тѣмъ болѣе тяжелыя, что выдающіеся люди, съ которыми онъ сближался, стояли передъ нимъ, какъ передъ загадкой. Многіе, если не всѣ, сострадали ему, видя его искреннее исканіе чего-то — но чего? Это было для нихъ недоступно, потому что чуждо. Изъ тѣхъ споровъ, которые происходили у Иванова съ Гоголемъ и другими, ясно, что смыслъ самаго дѣла былъ имъ положительно непонятенъ. Это сплошное непониманіе особенно и поражаетъ читателя книги объ Ивановѣ. Отсюда чрезвычайно трагическое впечатлѣніе отъ судьбы, сопровождавшей Иванова до его смерти. Цѣлая книга повѣствуетъ одно: кȧкъ Ивановъ, теплично вырощенный, ѣдетъ заграницу, кáкъ онъ долго работалъ внѣ времени и пространства, стараясь сравняться съ избранными образцами, кȧкъ, наконецъ, онъ просыпался по мѣрѣ своего развитія, и сталъ замѣчать, что въ возводимомъ имъ зданіи оказались никуда негодные матеріалы, и, такимъ образомъ—вплоть до 48 года, когда онъ, оказался выбитымъ изъ колеи. Новыя идеи толпой врываются къ нему за его монастырскую ограду, и онъ сначала фактически не можетъ работать, уѣзжаетъ изъ Рима, а возвращается другимъ человѣкомъ. Нужно время, чтобы собраться съ силами на-ново, и привести въ порядокъ багажъ. А время шло, и когда, наконецъ, онъ насильно воротился въ Россію — и онъ, и Россія были уже новые. У насъ цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ. Послѣ Пушкина возникъ и умеръ Лермонтовъ, русское общество познакомилось, черезъ Кольцова, съ народомъ, а съ частью самого себя черезъ Ѳедотова; давно уже кончилъ Гоголь, работали Гончаровъ и Тургеневъ, взошелъ Толстой, и проч. и проч., волна національнаго сознанія поднялась чрезвычайно высоко, назрѣли вопросы первостепенной важности, и Ивановъ, вырванный изъ міра тихой, художественной дѣятельности на шумное собраніе, давно и многое переварившій въ своей спеціальности, вышедшій, наконецъ, на большую художественную дорогу съ новыми горизонтами, смотрѣвшій разсудочно и холодно на прошлое въ своей дѣятельности, долженъ былъ предстать на судъ своихъ соотечественниковъ съ картиною, которую онъ и самъ называлъ «прошедшей станціей», взятой имъ когда-то съ боя, но все же съ картиной, въ которой заключалась дорогая часть его собственной жизни, и огромный художественный идейный переворотъ.

Понятно, что, несмотря на скромность и природную застѣнчивость, онъ сознавалъ, чтȯ сдѣлалъ, и какое мѣсто должно ему принадлежать въ средѣ русскихъ художниковъ! Но понималъ этого все-таки онъ одинъ, а онъ

былъ дитя, хотя глубокое и мудрое. Онъ ошибся, предполагая найти адвоката, который ему дѣйствительно былъ нуженъ. При столкновеніи съ дѣйствительными людьми, съ жизнью улицы и рынка, при заявленномъ имъ скромно правѣ на мѣсто, и при грубомъ отказѣ, его натура, дѣтски-чистая, не выдержала. Реальная жизнь требуетъ долговременной привычки сердца не истекать кровью отъ ежеминутныхъ уколовъ эгоизма. Гдѣ же ему было справиться съ практиками, закаленными въ борьбѣ за существованіе? Онъ только и могъ, онъ только и способенъ былъ уйти въ себя, замолчать, скрыть свои мысли и чувства, но отъ реальной жизни однимъ этимъ не отдѣлаешься. Другихъ средствъ для борьбы за свое достоинство, кромѣ документальныхъ свидѣтельствъ на свое величіе, у него не было. Но документы нѣмы, а тѣ люди, отъ которыхъ зависѣлъ приговоръ, прочитать ихъ не могли, а нѣкоторые (какъ говорятъ) и не хотѣли. Въ ту критическую минуту, когда общество должно было разсчитаться съ Ивановымъ, нуженъ былъ великій адвокатъ, который бы горячо и съ полнымъ знаніемъ дѣла изложилъ всѣ обстоятельства дѣла. Но и въ эту послѣднюю минуту (какъ и во всю, впрочемъ, жизнь) не нашлось ни одного такого человѣка—все было глухо и нѣмо кругомъ. А роковыя событія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что трагическая развязка была неизбѣжна—и дѣло прекратилось, такимъ образомъ, вмѣшательствомъ высшаго авторитета: судьбы, а не справедливости. Утѣшительно, по крайней мѣрѣ, что первые, у кого горе отозвалось особенно больно, были—молодыя сердца и горячія головы студентовъ.

1880.

IX. Картина Куинджи.

(Письмо къ А. С. Суворину *).

15-го ноября 1880 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Два слова по поводу картины Куинджи. Меня занимаетъ слѣдующая мысль: долговѣчна ли та комбинація красокъ, которую открылъ художникъ? Быть можетъ, Куинджи соединялъ вмѣстѣ (зная, или не зная—все равно) такія краски, которыя находятся въ природномъ антагонизмѣ между собою, и, по истеченіи извѣстнаго времени, или потухнутъ, или измѣнятся и разложатся до того, что потомки будутъ пожимать плечами въ недоумѣніи: отчего приходили въ

*) Статья эта не была напечатана. *Ред.*

восторгъ добродушные зрители? Вотъ, во избѣжаніе такого несправедливаго къ намъ отношенія въ будущемъ, я бы не прочь составить, такъ сказать, протоколъ, что его «Ночь на Днѣпрѣ» вся наполнена дѣйствительнымъ свѣтомъ и воздухомъ, его рѣка дѣйствительно совершаетъ величественно свое теченіе, и небо—настоящее бездонное и глубокое. Картина написана немного болѣе полугода назадъ, я ее знаю давно, и видѣлъ при всѣхъ моментахъ дня и во всѣхъ освѣщеніяхъ, и могу свидѣтельствовать, что, какъ при первомъ знакомствѣ съ нею я не могъ отдѣлаться отъ физіологическаго раздраженія въ глазу, какъ бы отъ дѣйствительнаго свѣта, такъ и во всѣ послѣдующіе разы, когда мнѣ случалось ее видѣть, всякій разъ одно и то же чувство возникало во мнѣ при взглядѣ на картину, и попутно наслажденіе, ночью, фантастическимъ свѣтомъ и воздухомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ стòитъ того. Пусть потомки знаютъ, что мы отдавали себѣ отчетъ, и что, въ виду невѣроятнаго и новаго явленія, мы оставили къ свѣдѣнію и эту оговорку.

Мнѣ лично очень жаль, что Куинджи показалъ свою картину именно тàкъ, и началъ съ такого освѣщенія, потому что картина эта днемъ, для видѣвшихъ ее при ламповомъ освѣщеніи, явитъ нѣкоторыя особенности, которыя, пожалуй, найдены будутъ несоотвѣтствующими эффекту, имъ уже знакомому. Это произойдетъ отъ двухъ причинъ. Во 1-хъ, видѣть днемъ ночь дѣйствительную, въ природѣ невозможно, и, стало быть, свѣтовое впечатлѣніе отъ картины (чрезвычайно вѣрной дѣйствительности) будетъ одинъ моментъ нѣсколько странное: такъ оно и есть съ картиной Куинджи; и 2-е, такъ какъ лунную ночь мы знаемъ или изъ комнаты, гдѣ есть огонь, или находясь сами въ ночной атмосферѣ, то ночная комбинація красокъ для насъ, въ этомъ случаѣ, не представляетъ ничего страннаго. Вотъ почему мнѣ жаль, или, лучше сказать, я боюсь, что раздастся много голосовъ разочарованныхъ. А между тѣмъ, она для меня лучше при дневномъ освѣщеніи, т. е. впечатлѣніе художественнѣе; моего сознанія не смущаетъ какой-то спиритическій духъ, помѣщенный за занавѣской.

Если, чего добраго, вздумаете предать тисненію, для общественной подписки, протоколъ, мною предлагаемый, то безъ моей подписи, и предварительно исправивъ невозможную русскую грамматику.

Уважающій васъ И. Крамской.

X. Изображенія изъ Свящ. Исторіи оставленныхъ эскизовъ (?) Александра Иванова. Выпускъ I и II. *).

Подъ такимъ названіемъ съ 1879 г. Германскій Археологическій Институтъ приступилъ къ изданію композицій нашего знаменитаго художника. О существованіи этихъ композицій было извѣстно давно, видѣли же ихъ весьма немногіе; но всѣ, кто видѣлъ, отзывались о нихъ съ особенною похвалою.

Первые два выпуска теперь передъ русской публикой, и каждый интересующійся можетъ судить самостоятельно, насколько слухи были справедливы. Къ изданію приложено маленькое предисловіе, въ которомъ отъ лица Института говорится слѣдующее:

«По глубинѣ содержанія, по силѣ выраженія, Иванова можно сравнить съ самыми замѣчательными мастерами нашего вѣка. Кромѣ всего этого, композиціи его, не смотря на ихъ художественную цѣнность, еще въ другомъ отношеніи способны возбудить самый живой интересъ, такъ какъ онѣ проникнуты духомъ совершенно самобытнымъ, не имѣющимъ ничего общаго съ произведеніями нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ художниковъ. Духъ этотъ, мы полагаемъ, можно назвать «чисто русскимъ».

И такъ, за композиціями Иванова Европа, въ лицѣ Германскаго Археологическаго Института, признаетъ, кромѣ общаго высокаго художественнаго значенія, въ частности—оригинальность чисто русскую.

Интересно, ка́къ самимъ намъ, русскимъ, нравится эта русская оригинальность? Чтобы дать хоть какое-нибудь понятіе о впечатлѣніи, производимомъ эскизами, мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее сравненіе. Что̀ сказалъ бы о своемъ портретѣ человѣкъ, никогда не имѣвшій зеркала? Какое впечатлѣніе сдѣлало бы на него его собственное изображеніе? Мы думаемъ, что онъ не узналъ бы себя и разсматривалъ бы портретъ съ недовѣрчивымъ любопытствомъ. Вопросъ о томъ — нравится ли ему изображенное лицо или нѣтъ, и что̀ оно выражаетъ, его занималъ бы вначалѣ весьма мало. Вниманіе было бы поглощено новизною впечатлѣнія: «такъ вотъ я какой! Да вѣдь я себя такимъ никогда не могъ бы представить! Ужасно странно!» И долго, долго такого человѣка надо было бы увѣрять постороннимъ, что это онъ. Ему все думалось бы: не смѣются ли? Повторяемъ, что вопросъ о выраженіи лица, его красотѣ и другихъ качествахъ

*) Эта статья была напечатана въ «Художественномъ Журналѣ» 1881, январь, безъ подписи автора. *Ред.*

вначалѣ не занималъ бы его, и это весьма естественно: никогда не видать себя, и вдругъ услышать, ка̀къ посторонніе въ одинъ голосъ говорятъ: смотрите, вонъ портретъ русскаго!?

Колебаться ли намъ? Повѣрить ли свидѣтельству иностранцевъ, что вотъ оно—настоящее русское творчество? Невольно спрашиваешь, неужели иностранцы больше насъ самихъ знаютъ нашу физіономію? А почему бы имъ и не знать ее? Вѣдь они насъ знаютъ уже не одно столѣтіе! Было время (до Петра), когда мы, появляясь въ Европѣ, вели себя посвоему. Хороши ли мы были, или дурны, это вопросъ другой, но мы были сами по себѣ. Вотъ уже два столѣтія, какъ въ Европѣ мы усиленно стараемся, чтобы насъ не отличили отъ иностранцевъ. Раса, однако, насъ всегда выдавала и выдаетъ. Европейцы, видя наши для нихъ комическія усилія: подправить свой носъ, упрятать скулы, съузить свое лицо и т. д., только съ сожалѣніемъ смотрѣли на насъ, а за собственное наше презрѣніе къ своей физіономіи презирали насъ вдвойнѣ. Но къ чести нашей надобно сказать: мы въ это же время учились у нихъ; и слава Богу, что природа оказалась прочнѣе. Благодаря ей, намъ теперь говорятъ: вотъ что̀ сдѣлалъ одинъ изъ вашихъ сыновей!

Надобно повѣрить въ этомъ нѣмцамъ, потому что какой же имъ интересъ скрывать правду? Не скажутъ они—скажутъ французы, скажутъ англичане, турки, наконецъ! Всѣ знаютъ насъ въ лицо, одни мы никогда себя не видали.

Посмотримъ же, что̀ заключается въ эскизахъ Иванова, столь полныхъ, какъ говорятъ, «чисто русскаго духа».

И для насъ, пока, какъ и для иностранцевъ, это столь же ново и исключительно оригинально. Мы все подражали, и до такой степени къ этому привыкли, что намъ странно видѣть что-либо хорошее и, въ то же время, ни на что европейское не похожее. Передъ нами, дѣйствительно, что-то невиданное; мы въ недоумѣніи—какому народу приписать созданіе этихъ эскизовъ? Съ своей стороны, мы готовы предположить, что эти рисунки современны Библіи и Евангелію; потому что въ каждомъ изъ нихъ до такой степени наивно, просто изображены сцены, фигуры до того типичны, бытовая обстановка при своей цѣлесообразности кажется до такой степени древнею, что это рѣшительно рисунки съ натуры того времени. Всего же больше насъ убѣждаетъ въ томъ, что передъ нами двухтысячелѣтняя древность, это—смѣсь изображеній сверхъестественныхъ съ дѣйствительными: ангелы и видѣнія такіе странные, какіе только и могли присниться и привидѣться такому простому старцу, какъ Іосифъ, или такому вѣрующему, какъ первосвященникъ Захарія. Эти ангелы, при реальности формъ, и прозрачны, и сіяютъ на манеръ изображеній солнца у египтянъ, или ассирій-

скихъ божествъ, знакомыхъ намъ по уцѣлѣвшимъ памятникамъ. Въ то же время, сверхъестественныя явленія до такой степени перемѣшаны съ дѣйствительными, что, глядя на рисунки, чувствуешь себя современникомъ далекаго дѣтства человѣчества—полнаго мистическаго ночнаго страха, и чудесъ, и реализма сверкающаго солнечнаго дня. Современный взрослый человѣкъ рѣшительно не можетъ вообразить себѣ ничего подобнаго. Только хорошій рисунокъ, сдѣланный опытной рукой, и заставляетъ насъ предполагать, что это дѣйствительно современная поддѣлка; но, въ такомъ случаѣ — это геніально.

1881.

XI. Фотографіи съ картинъ В. В. Верещагина. (Турецкая война 1877 — 1878 года*).

Объ этихъ картинахъ въ свое время было много и писано, и говорено, и потому мы ограничимся нѣсколькими словами общаго характера. Какъ крупный талантъ, какъ оригинальный умъ, Верещагинъ возбуждаетъ ожесточенные споры. Его характерная черта та, что всякій разъ, во время его выставокъ, общество и даже художники волнуются, не столько по поводу художественныхъ качествъ его картинъ, сколько по поводу ихъ смысла.

Онъ, очевидно, слишкомъ живой человѣкъ, чтобы разсуждать о немъ хладнокровно. Въ немъ есть нѣчто, кромѣ художника; его произведенія, помимо живописныхъ достоинствъ, заключаютъ въ себѣ мысли, съ которыми мы не привыкли встрѣчаться въ картинахъ; и нѣтъ картинъ, которыя бы были самостоятельными творческими организмами.

Вѣрнѣе сказать такъ: каждое его произведеніе заключаетъ въ себѣ идею, достойную картины; каждая идея высказана твердо, коротко и ясно, но исполнена такъ, что хотя и виденъ великій мастеръ, но картина одна, безъ поддержки цѣлой серіи другихъ картинъ, не имѣетъ настоящаго самостоятельнаго значенія: только всѣ картины вмѣстѣ и поучительны, и интересны, и дороги. Это тоже черта новая—но утверждаетъ ли она въ искусствѣ что-либо прочное, до сихъ поръ не имѣвшееся въ обращеніи, это вопросъ будущаго.

Цѣлая же серія картинъ Верещагина, взятая вмѣстѣ, составляетъ живой организмъ, очень симпатичный, часто глубокій. Но въ то же время не-

*) Эта статья была напечатана въ «Художественномъ журналѣ» 1881 г., январь, безъ подписи автора. *Ред.*

вольно хочется сказать, что такъ какъ человѣчество никогда не будетъ въ состояніи вмѣсто картины довольствоваться философскими положеніями, то, по отношенію къ искусству, дѣло Верещагина стоитъ такъ: не смотря на интересъ его картинныхъ собраній, самъ авторъ во сто разъ интереснѣе и поучительнѣе; и мы полагаемъ, что для прочности того знамени, которое Верещагинъ поднялъ въ искусствѣ, необходимо дать одну ли картину, много ли картинъ, но картину, которая бы пережила не одно то поколѣніе, которое его теперь такъ сердечно привѣтствуетъ.

Объ этомъ человѣкѣ иностранцы отозвались тоже, какъ имѣющемъ какія-то особенности, незнакомыя имъ у себя дома. Какая-то русская оригинальность сказалась и тутъ.

1881.

XII. О портретахъ Государя Императора Александра II *).

Есть ли хорошій портретъ въ Бозѣ почившаго Императора? Вопросъ этотъ можетъ показаться страннымъ, въ виду огромнаго множества оставшихся намъ изображеній покойнаго Государя; но мы задаемъ вопросъ о портретѣ, какъ о художественномъ произведеніи. Пересмотрѣвъ все, что имѣемъ, приходится отвѣчать отрицательно. Лучшими изображеніями остаются фотографическія. Покойный Государь снимался часто, въ послѣднее десятилѣтіе, у фотографа Левицкаго, и между визитными карточками есть прекрасныя; нѣсколько хорошихъ портретовъ снято раньше фотографомъ Деньеромъ, но живописнаго портрета не было ни одного, не только высокаго художественнаго достоинства, но даже просто вполнѣ удовлетворительнаго, въ родѣ, напримѣръ, портрета Николая I-го, написаннаго Крюгеромъ, или Александра I-го — Дау; а между тѣмъ къ рѣшенію вопроса были призваны первыя художественныя силы Европы, или считающіяся таковыми, по крайней мѣрѣ. Портреты Государя Императора съ натуры писали: Крюгеръ, Винтергальтеръ, Рихтеръ и Анжели; изъ русскихъ же — Харламовъ, а въ самое послѣднее время—К. Маковскій. Крюгеръ написалъ недурной портретъ покойнаго Императора, когда онъ былъ еще мальчикомъ, въ костюмѣ атамана казачьихъ войскъ. Портретъ Винтергальтера весьма неважный, написанъ въ первые моменты зрѣлаго возраста (мы говоримъ по памяти). Остальные портреты написаны сравнительно въ близ-

---

*) Статья эта напечатана въ «Художественномъ журналѣ» 1881 г., мартъ, безъ подписи автора. *Ред.*

кое къ намъ время, и, наконецъ, К. Маковскій писалъ, въ прошломъ году, въ Крыму, лѣтомъ, и портретъ, кажется, остался не совсѣмъ оконченнымъ. Оставляя сужденіе о немъ до того времени, когда всѣ будутъ имѣть возможность его видѣть, скажемъ нѣсколько словъ о другихъ. Портретъ Харламова неудаченъ вообще, Рихтера тоже, но такъ какъ портреты эти небольшіе, и безъ особыхъ претензій, то и распространяться о нихъ не стоитъ, но объ Анжели стоитъ сказать побольше. Этотъ вѣнскій художникъ, приглашенный въ Ливадію написать спеціально портретъ Государя Императора, написалъ ихъ нѣсколько, а одинъ даже большой, въ ростъ, для парадныхъ покоевъ Зимняго дворца.

Ни одинъ изъ нихъ неудовлетворителенъ; мало того: портреты положительно дурны. Думаемъ, что будетъ справедливо сказать о нихъ, что они совершенно чужды нашему пониманію. Еслибы мы не знали оригинала, то цѣнили бы практику и мастерство, которыя очевидны, и, быть можетъ, нашли бы тамъ даже художественныя достоинства; но, зная хорошо оригиналъ, испытываешь то же самое чувство, которое такъ знакомо каждому русскому, когда онъ встрѣчаетъ русскія фигуры, нарисованныя французомъ, нѣмцемъ и вообще иностранцемъ. Не смотря на то, что все кажется вѣрно, изображеніе поражаетъ чѣмъ-то незнакомымъ, смѣшнымъ, точь-въ-точь французскія изображенія русскихъ пейзанъ, и потому-то приходится дорожить фотографіями гораздо больше, нежели изображеніями живописными. Мы думаемъ, впрочемъ, что неудача живописи въ задачахъ подобнаго рода фатальная. Коронованнымъ особамъ какъ будто суждено получать портреты низшаго качества, въ силу отсутствія условій, при которыхъ художественное произведеніе можетъ явиться. А именно: спокойствіе, необходимое художнику—отсутствуетъ, время—не въ его власти, предварительное, хотябы поверхностное изученіе человѣка—точно также; кромѣ того предполагается, что каждый художникъ, призванный для исполненія портрета, настолько талантливъ и наблюдателенъ, настолько владѣетъ средствами своего искусства, что долженъ справиться со всѣми трудностями, а между тѣмъ это не такъ; вдобавокъ, ему дается въ распоряженіе весьма мало времени. Понятно, слѣдовательно, что хорошее художественное произведеніе при этихъ условіяхъ невозможно. А очень жаль, потому что лицо покойнаго Императора въ нѣкоторые историческіе моменты было полно глубокаго интереса.

1881.

XIII. О портретѣ Ѳ. М. Достоевскаго *).

Послѣ Ѳ. М. Достоевскаго осталось два портрета, о которыхъ говорить стоитъ. Первый портретъ—живописный, написанный Перовымъ 10—12 лѣтъ назадъ, и находится въ галлереѣ П. М. Третьякова. Портретъ этотъ не только лучшій портретъ Перова, но и одинъ изъ лучшихъ портретовъ русской школы вообще. Въ немъ всѣ сильныя стороны художника на-лицо: характеръ, сила выраженія, огромный рельефъ и, что особенно рѣдко, и даже, можно сказать, единственный разъ встрѣтилось у Перова—это колоритъ. Его краски всегда были свѣжи и сильны, всѣ его произведенія этимъ отличаются, но сильныя краски не есть еще колоритъ. Рѣшительность тѣней и нѣкоторая какъ бы рѣзкость и энергія контуровъ, всегда присущія его картинамъ, въ этомъ портретѣ смягчены удивительнымъ колоритомъ и гармоніею тоновъ; смотря на него, положительно не знаешь, чему больше удивляться; но главнымъ достоинствомъ остается, разумѣется, выраженіе характера знаменитаго писателя и человѣка. Онъ такъ счастливо посаженъ, такъ смѣло взято положеніе головы, такъ много выраженія въ глазахъ и во рту, и такое полное сходство, что остается только радоваться. Одно, что можно сказать намъ, современникамъ, это то, что съ Достоевскаго одного портрета мало. Онъ прожилъ послѣ портрета еще много, не въ смыслѣ времени, а въ смыслѣ творческой жизни. Въ послѣдніе года, его лицо сдѣлалось еще знаменательнѣе, еще глубже и трагичнѣе, и очень жаль, что нѣтъ портрета послѣдняго времени, равнаго Перовскому по художественнымъ достоинствамъ. Недостатокъ этотъ, къ счастью, совершенно случайно, восполненъ фотографіею. Московскій фотографъ Пановъ сдѣлалъ именно эту фотографію. Портретъ, въ смыслѣ фотографической техники, быть можетъ неважный, у Панова есть портреты, въ этомъ отношеніи, гораздо лучше Достоевскаго, но что въ немъ примѣчательно—это выраженіе. По этой фотографіи можно судить, насколько прибавилось въ лицѣ Достоевскаго значенія и глубины мысли. Фотографіи рѣдко даютъ сумму всего, что̀ лицо человѣческое въ себѣ заключаетъ: въ фотографіи Панова явилось счастливое и рѣдкое исключеніе. Можно догадываться, что въ данномъ случаѣ въ помощь фотографіи явился такой моментъ въ жизни Достоевскаго, какъ Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ: портретъ этотъ снятъ послѣ его знаменитой рѣчи о значеніи Пушкина.

1881.

---

*) Статья эта напечатана въ «Художественномъ журналѣ» 1881 г., мартъ, безъ подписи автора. *Ред.*

XIV. Открытое письмо къ В. В. Стасову*).

Позвольте просить мѣста въ вашей уважаемой газетѣ моему открытому письму къ В. В. Стасову.

Мил. Гос. Владиміръ Васильевичъ. Прочитавъ въ «Голосѣ» (№ 85) вашу статью о портретѣ Мусоргскаго, написанномъ Рѣпинымъ, въ которой вы приводите мои слова, я считаю себя обязаннымъ сдѣлать нѣкоторыя поправки. Вы приписываете мнѣ слѣдующія слова по поводу портрета Писемскаго, что это «что-то такое, и Рембрандтъ и Веласкесъ вмѣстѣ», тогда какъ я выразилъ только мысль, что если поставить этотъ портретъ даже между такими большими художниками, то и тамъ онъ будетъ впору, и мѣсто ему какъ разъ между ними; и, наконецъ, я говорилъ не рѣчь, которую стоило-бы печатать, а принималъ лишь участіе въ общемъ разговорѣ, и хотя есть нѣкоторыя слова, которыхъ я вовсе не произносилъ, а между тѣмъ, они, къ сожалѣнію, стоятъ, по недосмотру, тоже въ ковычкахъ. Примите и проч. И. Крамской.

1881.

---

*) Это «Открытое письмо» было напечатано въ «Новомъ Времени» 1881 г., № 1827 (сравни выше: письмо Крамского № CCLIX).—Статья В. В. Стасова въ «Голосѣ» (1881, № 85), про которую говорится въ настоящемъ письмѣ, содержала слѣдующія строки про Крамского: «Когда я привезъ портретъ Мусоргскаго на Передвижную выставку, я былъ свидѣтелемъ восхищенія, радости многихъ лучшихъ нашихъ художниковъ, товарищей и друзей, но вмѣстѣ и почитателей Рѣпина. Я счастливъ, что видѣлъ эту сцену; одинъ изъ самыхъ крупныхъ между всѣми ими, а какъ портретистъ, безспорно наикрупнѣйшій, И. Н. Крамской, увидѣвъ этотъ портретъ, просто ахнулъ отъ удивленія. Послѣ первыхъ секунтъ общаго обзора, онъ взялъ стулъ, усѣлся передъ портретомъ, прямо въ упоръ къ лицу, и долго, долго не отходилъ. «Что этотъ Рѣпинъ нынче дѣлаетъ, сказалъ онъ—просто непостижимо! Вонъ посмотрите его портретъ Писемскаго—какой chef d'oeuvre! Что-то такое и Рембрандтъ и Веласкесъ вмѣстѣ! Но этотъ, этотъ портретъ—будетъ, пожалуй, еще изумительнѣе. Тутъ у него какіе-то неслыханные пріемы, отъ роду никѣмъ не пробованные—самъ онъ *я*, и никто больше. Этотъ портретъ писанъ Богъ знаетъ какъ быстро, огненно—всякій это видитъ. Но ка̀къ нарисовано все, ка̀кою рукою мастера, ка̀къ вылѣплено, ка̀къ написано! Посмотрите эти глаза: они глядятъ, какъ живые, они задумались, въ нихъ нарисовалась вся внутренняя, душевная работа той минуты—а много-ли на свѣтѣ портретовъ съ подобнымъ выраженіемъ! А тѣло, щеки, лобъ, носъ, ротъ—живое, совсѣмъ живое лицо, да еще все въ свѣту; отъ первой и до послѣдней черточки, все въ солнцѣ, безъ одной тѣни—какое созданіе!..» И. Н. Крамской много еще высказывалъ въ томъ же смыслѣ, радуясь и любуясь на большого художника, товарища. Но, чтобъ все это было возможно, и эта радость на товарища, и это художественное торжество отъ того, что собратъ по искусству идетъ въ гору—для этого много надо: надо самому носить внутри себя большой талантъ и большое сердце......» *Ред.*

XV. Портреты Государя Императора Александра III *).

(Необходимый отвѣтъ на запросы разныхъ земствъ).

Теперь идетъ горячка на царскіе портреты: земства, дворянства, присутственныя мѣста, учебныя заведенія и разныя общества — всѣ ищутъ пріобрѣсти портреты нынѣ царствующихъ Императора и Императрицы.

Но прежде, чѣмъ оказалась потребность, даже прежде, кажется, чѣмъ тѣло въ Бозѣ почившаго Императора предано было землѣ, явились объявленія, предлагающія изготовлять портреты масляными красками: поясные, въ овалѣ, безъ овала, во весь ростъ, въ натуральную величину, въ полроста, цѣною въ 25, 50, 100 и до 1,000 рублей.

Одни объявленія шли изъ Императорской Академіи Художествъ (и это кажется первыя), отъ хранителя музея христіанскихъ и русскихъ древностей въ Академіи, г. Прохорова, другіе — изъ Караванной улицы, съ какими-то рекомендаціями отъ какого-то г. Петò, третьи — отъ обойнаго магазина на Невскомъ, г. Виноградова, и т. д.

Портреты всѣхъ величинъ, размѣровъ и видовъ выставлены теперь на окнахъ въ разныхъ магазинахъ: эстампныхъ, писчебумажныхъ, обойныхъ, даже въ Обществѣ взаимнаго вспомоществованія русскихъ художниковъ, что на Пантелеймоновской улицѣ. Торговля идетъ на-лицо,— каждый видитъ, чтò покупаетъ. Единственное исключеніе составляетъ въ этомъ случаѣ г. Прохоровъ, который, служа и имѣя квартиру въ Академіи Художествъ, публичной выставки сдѣлать не можетъ. Онъ ограничился одними объявленіями, а объявленія эти слѣдующаго характера: «Портреты Государя Императора Александра III масляными красками изготовляются для присутственныхъ и другихъ мѣстъ въ редакціи «Христіанскихъ и Русскихъ Древностей», въ Императорской Академіи Художествъ. Желающіе (?!) и иногородные могутъ обращаться съ требованіями въ С.-Петербургъ, на имя редактора Василія Ал. Прохорова, кв. № 15. Цѣна портретамъ по достоинству ихъ работы: поясные 25, 50, 75 и 100 рублей; во весь ростъ, въ натуральную величину, 150, 200, 250 и 300 руб.

Г. Прохоровъ не художникъ; онъ редакторъ «Христіанскихъ Древностей» и хранитель академическаго музея. Какимъ же образомъ онъ изготовляетъ портреты масляными красками и разныхъ достоинствъ: на 25, на 50 р. и т. д.?.. Онъ, стало быть, заказываетъ портреты художникамъ, а самъ не больше, какъ торгуетъ ихъ произведеніями?.. Но кто же такіе эти

---

*) Эта статья была напечатана въ «Художественномъ Журналѣ» 1881, сентябрь, безъ подписи автора. *Ред.*

художники, и кого изъ нихъ г. Прохоровъ цѣнитъ въ 25 руб., и кого въ 300?.. Выставки произведеній нѣтъ, имена художниковъ неизвѣстны; чѣмъ же тутъ можетъ руководствоваться заказчикъ, особенно иногородный, какъ не однимъ объявленіемъ, гдѣ говорится, что портреты изготовляются «въ Императорской Академіи Художествъ», т. е. якобы это изготовленіе исходитъ изъ компетентныхъ рукъ Академіи?.. Но объявленіе это — не больше, конечно, какъ мистификація.

Еслибы портреты изготовлялись въ Академіи, то дѣломъ бы завѣдывали профессора Академіи, занимающіеся портретною живописью: гг. Келеръ, Верещагинъ и Якобій; еслибы также профессора принимали въ этомъ дѣлѣ какое либо участіе, то нѣтъ сомнѣнія, что г. Прохоровъ не преминулъ бы случая указать публикѣ на ихъ имена, и тогда бы не могли явиться цѣны въ 25 и даже 300 рублей. Нѣтъ,—изготовленіе г. Прохоровымъ портретовъ не имѣетъ ничего общаго съ Академіей; редакторъ «Христіанскихъ Древностей» только составилъ такое мистифирующее публику объявленіе; на дѣлѣ же не портреты изготовляются въ Академіи, а квартира г. Прохорова находится въ Академіи.

Нѣкоторыя изъ земствъ просили насъ разъяснить это обстоятельство, что мы охотно и дѣлаемъ; на другіе же запросы земствъ и частныхъ лицъ: «какіе портреты выписывать, къ кому обращаться съ заказами, и какіе изъ изданныхъ печатныхъ портретовъ лучше?» считаемъ необходимымъ отвѣтить цѣлымъ рядомъ свѣдѣній и указаній, добытыхъ нами какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ.

Мы пересмотрѣли всѣ существующія до сихъ поръ литографіи, олеографіи и фотографіи, перебывали во всѣхъ магазинахъ, были и въ академической квартирѣ г. Прохорова, а также и въ мастерскихъ нѣкоторыхъ художниковъ.

Въ обойной лавкѣ г. Виноградова, среди кусковъ обоевъ, карнизовъ, розетокъ и другихъ обойныхъ принадлежностей, стоялъ портретъ Государя Императора, написанный художникомъ, академикомъ Буровымъ. Вокругъ этого портрета, на прилавкахъ, на столахъ, стульяхъ, стѣнахъ и даже прямо на полу, лежали, стояли, висѣли, въ пол-роста, въ ростъ величиной, въ бюстъ, въ формѣ овала, въ формѣ четырехъ-угольной, въ рамахъ и безъ рамъ, портреты, писанные масляными красками, и олеографіи, рекомендованныя г. Петó. Какъ портреты, писанные масляными красками, за исключеніемъ произведенія г. Бурова, такъ и олеографіи, казались намъ невозможными: они не могли бы, на нашъ взглядъ, удовлетворить самаго невзыскательнаго покупателя; но торговля шла видимо бойко: за однимъ прилавкомъ портреты завертывали въ бумагу для отправки, за другимъ— вдѣлывали ихъ въ рамы, въ третьемъ мѣстѣ къ олеографіямъ, которыя

были изданы, когда Государь Императоръ былъ еще Государемъ Наслѣдникомъ, придѣлывались бороды и т. д.

Въ эстампномъ магазинѣ г. Фельтена выставлены портреты художника Шильдера—спеціалиста царскихъ портретовъ; въ магазинѣ г. Беггрова—акварельный портретъ художника Александровскаго и прекрасно раскрашенныя фотогравюры. Въ квартирѣ г. Прохорова, живущаго въ Академіи, мы встрѣтили то же, что и въ обойной лавкѣ г. Виноградова; тутъ также цѣлыми дюжинами, въ разныхъ углахъ комнаты, на стульяхъ, стѣнахъ, столахъ, стояли и висѣли портреты, писанные то одной красной краской, то синей, то зеленой, то радужные; то Государь Императоръ былъ изображенъ во весь ростъ, на голубомъ небѣ, то въ облакахъ; но кто или чья кисть изощрялась надъ этими произведеніями—неизвѣстно. Въ обойной лавкѣ мы встрѣтили, какъ ужъ и замѣчено выше, портретъ г. Бурова, у Фельтена — г. Шильдера, у Беггрова — г. Александровскаго; тутъ же всѣ произведенія были безъименныя и общій уровень достоинства работы былъ ниже, чѣмъ работы художниковъ обойной лавки. Но оно и понятно: какой же портретъ масляными красками можно сдѣлать за 25 рублей, или—во весь ростъ, въ натуральную величину—за 150 рублей?! Маленькій подрамникъ съ холстомъ стоитъ около 5 рублей, краски—столько же, гешефтъ г. Прохорова, за комиссію, долженъ равняться, по крайней мѣрѣ, 10 рублямъ, и того, на долю художника хорошо, если за поясной портретъ, надъ которымъ онъ долженъ просидѣть день, или два, придется 5 рублей, а за портретъ во весь ростъ, требующій работы мѣсяцъ—рублей 25.

Намъ странно, отчего сама Академія не организовала эти заказы для учениковъ, подъ надзоромъ профессоровъ?! Вѣдь понятно, что, живя въ въ Академіи, г. Прохоровъ пользуется именно этимъ источникомъ: ему работаютъ ученики, на долю которыхъ, при посредствѣ Академіи, шелъ бы, можетъ быть, и гешефтъ, принадлежащій теперь за торговлю г. Прохорову, и которые, нѣтъ сомнѣнія, при контролѣ профессоровъ, сдавали бы работы несравненно лучшія. Странно, какъ даже Академія дозволила г. Прохорову такое, мистифирующее публику, объявленіе, и какимъ образомъ она не подумаетъ до сихъ поръ о томъ, какъ рекомендуетъ ее по Россіи г. Прохоровъ?! Всѣ такія изготовленія, какъ г. Прохорова, мы должны причислить къ лубочнымъ издѣліямъ, и, вмѣсто такого рода масляныхъ изготовленій, можемъ рекомендовать публикѣ прекрасныя, какъ раскрашенныя, такъ въ особенности нераскрашенныя фотогравюры, сдѣланныя съ превосходныхъ фотографическихъ снимковъ г. Левицкаго. Это лучшее, что́ до сихъ поръ имѣется въ продажѣ и что, при стоимости въ 5 и 15 р., по качеству, въ художественномъ отношеніи, несравненно выше сотенныхъ

и даже двухсотенныхъ произведеній масляными красками. Приличнѣе и осмысленнѣе имѣть художественную фотогравюру, нежели лубочное произведеніе масляными красками.

За художественнымъ же произведеніемъ масляной живописи необходимо адресоваться къ художникамъ, имена которыхъ извѣстны. Ни одинъ изъ художниковъ съ именемъ не выпуститъ изъ своей мастерской не художественнаго произведенія. Правда, тутъ не можетъ быть цѣнъ—150 или 300 рублей; но лучше затратить 1,000 рублей на дѣло, чѣмъ 300 рублей сжечь.

Мы видѣли портреты, написанные В. Перовымъ для владимірскаго дворянства и земства; видѣли также портретъ К. Савицкаго, написанный для воронежскаго дворянства. Портреты В. Перова, по живописи, по колориту, по симпатичности общаго тона и общаго характера — это рѣдкія и весьма изящныя художественныя произведенія. Тутъ все покойно, красиво, написано свѣжо, сочно; обстановка незатѣйливая, простая, но величественная и привлекательная. Портретъ В. Перова вы не пройдете, какъ оффиціальное изображеніе Государя Императора. Нѣтъ, онъ васъ остановитъ, вы будете имъ любоваться, и, чѣмъ больше всматриваетесь, тѣмъ становится онъ для васъ привлекательнѣе и интереснѣе. Такихъ портретовъ не много. Портретъ К. Савицкаго обладаетъ своего рода достоинствами. Въ мастерской молодого художника Загорскаго мы встрѣтили цѣлый рядъ хорошихъ портретовъ, написанныхъ, по заказу, одной краской, подъ цвѣтъ фотографіи. Вообще, что́ касается работъ, которыя намъ приходилось встрѣчать въ мастерскихъ художниковъ, то только такого рода работы и мыслимы для публичныхъ мѣстъ, гдѣ должны висѣть царскіе портреты.

Дворянствамъ, земствамъ и большимъ присутственнымъ мѣстамъ, повторимъ еще разъ, мы предлагаемъ обращаться къ художникамъ; лучшими же портретами для волостей, камеръ мировыхъ судей и другихъ такого рода учрежденій мы считаемъ во всѣхъ отношеніяхъ незамѣнимой — фотогравюру, стоющую 5 рублей, и раскрашенную, стоющую 15. Фотогравюра эта, какъ по сходству, такъ и по изяществу работы, вполнѣ можетъ быть названа художественнымъ произведеніемъ. Пріобрѣсть ее можно въ эстампныхъ магазинахъ: Беггрова, Фельтена, Даціаро и другихъ.

1881.

XVI. Школа рисованія въ Соляномъ Городкѣ*).

Такъ называемое «Центральное училище техническаго рисованія барона Штиглица» помѣщено теперь, съ музеемъ, въ нарочито устроенномъ для него зданіи, на средства, пожертвованныя барономъ. Помѣщеніе просторное и свѣтлое: музею и школѣ отданы лучшія залы.

Говорить о зарождающемся музеѣ при школѣ мы предоставляемъ спеціалистамъ-археологамъ; сами же ограничимся однимъ замѣчаніемъ: какой бы ни былъ музей, но извлечь изъ него пользу можетъ только человѣкъ свѣдущій, и къ тому же обладающій большимъ педагогическимъ дарованіемъ.

Для школы съ музеемъ пожертвованъ милліонъ рублей. Такое крупное пожертвованіе вполнѣ обезпечиваетъ судьбу училища, а также и развитіе музея; но для насъ главный интересъ представляетъ сама школа и то, ка̀къ ведется въ ней преподаваніе.

Вести какое-нибудь дѣло, имѣющее общественный характеръ, вести его неослабно, изо дня въ день, и знать, куда слѣдуетъ направить главное усиліе, чтобы придти къ намѣченной цѣли—способность весьма рѣдкая. Говорить въ настоящее время о томъ, что Центральное училище исполнитъ навѣрное свою задачу—нѣсколько преждевременно, тѣмъ болѣе, что еще не открыты и всѣ классы; но что необходимые къ тому элементы на лицо—объ этомъ упомянуть обязательно.

Вопросъ: ка̀къ учить рисованію у насъ въ Россіи? Вопросъ этотъ на столько спорный, что трудно встрѣтить двухъ художниковъ, одинаково объ этомъ думающихъ; что̀ же касается какого-либо твердо установленнаго метода,—то, разумѣется, что о немъ не можетъ быть и рѣчи. Дѣло обученія рисованію приходится вручать людямъ случайно охочимъ, что̀ равняется достовѣрности главнаго выигрыша на имѣющійся у васъ единственный лотерейный билетъ. Вслѣдствіе этого, волей-неволей приходится брать готовые пріемы за моремъ. Въ «Центральной школѣ» методъ хотя и заимствованъ изъ Германіи, но представляетъ нѣкоторыя отступленія. Само собою разумѣется, что и при заимствованіи метода, результатъ можетъ быть все также сомнителенъ, если преподающій лишенъ педагогическаго такта и дарованія. Стало быть, все сводится, какъ и вездѣ, впрочемъ, въ дѣлѣ обученія, къ личнымъ способностямъ. Эта способность есть просто талантъ, а не методъ. Этимъ мы не хотимъ отрицать значенія (и даже, если хотите, большого) метода; но мы утверждаемъ, что не онъ

*) Эта статья была напечатана въ «Художественномъ Журналѣ» 1882 г., январь, безъ подписи автора. *Ред.*

играетъ главную роль въ преподаваніи. Въ «Центральной школѣ», сколько можно судить по выставкѣ, устроенной 29-го декабря, къ дню освященія училища, счастье, если можно такъ выразиться, рѣшительно на сторонѣ новой школы. Очевидно, что администрація училища пригласила настоящаго директора школы, вынула счастливый лотерейный билетъ. Люди, впрочемъ, свѣдущіе и раньше, при самомъ зарожденіи школы, года три назадъ, пророчили успѣхъ и одобряли выборъ директора.

Внимательно осматривая школьные рисунки, выставленные 29-го декабря, прежде всего слѣдуетъ признать, что въ преподаваніи есть очень послѣдовательный и раціональный общій планъ и порядокъ: видна твердая воля и ясно намѣченныя цѣли. Не смотря на то, что учителей много, или нѣсколько, но всѣ они идутъ въ ногу, а это послѣднее качество отсутствуетъ, не только въ такъ называемой Академіи, но даже и въ школѣ Общества поощренія художниковъ. Къ чему это отнести: къ постояннымъ ли періодическимъ конференціямъ преподавателей, или всецѣло къ распоряженіямъ директора—не знаемъ; но, при нашихъ русскихъ порядкахъ, мы склонны приписать это иниціативѣ одного директора. Кромѣ того, въ «Центральной школѣ» насъ поразила еще одна особенность, также указывающая на талантливость общаго характера преподаванія. Эта особенность заключается въ томъ, что всѣ ученики и ученицы кажутся одинаково способными, но, разумѣется, при первомъ, общемъ, такъ сказать, обзорѣ; въ дѣйствительности же, конечно, не можетъ этого быть. Это указываетъ только на то, что ученики «Центральной школы» знакомятся прежде всего съ первичными законами рисованія, какъ съ предметомъ общеобразовательнымъ. Что же касается того, что первичные законы присущи рисованію наравнѣ и съ точными науками—въ этомъ свѣдущіе художники не сомнѣваются. Главныхъ основныхъ законовъ немного; всѣ они входятъ въ самый первичный и несложный рисунокъ, и пониманіе ихъ доступно какъ среднему уму, такъ и среднимъ способностямъ.

Въ заключеніе нашей бѣглой замѣтки о выставкѣ «Центральнаго училища рисованія», выскажемъ наше мнѣніе до конца: скажемъ, что не только учащимся, но даже и многимъ изъ художниковъ не мѣшало бы вникнуть во все то, что мы видѣли на выставкѣ; нѣкоторые изъ выставленныхъ рисунковъ прямо наводятъ на мысль—кàкъ и чему слѣдуетъ учиться.

Школу рисованія барона Штиглица поздравляемъ съ блестящимъ началомъ.

1882.

XVII. Русскіе художественные критики.

(Письмо къ Н. А. Александрову*).

Вы желаете знать мое мнѣніе о художественныхъ критикахъ теперешняго времени, т. е. сегодняшняго дня? Но согласитесь, что это желаніе съ вашей стороны не только нескромное, но даже рискованное. Вообразите себѣ только, что мнѣ пришла бы въ голову охота исполнить ваше желаніе серьезно, вѣдь я написалъ бы чего добраго и о васъ, такъ какъ вы считаетесь въ числѣ художественныхъ критиковъ тоже.

Положимъ, вы имѣли осторожность не прислать мнѣ своихъ собственныхъ статей по искусству, а ограничились газетами, но вѣдь это плохая защита. Я ваши статьи знаю.

Такъ или иначе, а получивъ приглашеніе сотрудничать и на первый разъ высказать мнѣніе о художественныхъ критикахъ, я порѣшилъ оставить вашу просьбу безъ вниманія, какъ бы ни была нужна вамъ моя помощь. Я отъ этого уже отсталъ.

Но, какъ видите, случилось иначе. Однажды я пересматривалъ присланные вами №№ газетъ и искалъ одну знакомую мнѣ подпись: «П. П.», желая возобновить въ памяти своей испытываемое мною когда-то отъ чтенія его статей удовольствіе. Это было всегда нѣчто до того невмѣняемое, и, благодаря серьезности автора, истинно-комическое: періоды у него были построены всегда такъ забавно, что для меня читать статьи этого критика было настоящимъ наслажденіемъ. Конечно, много читать этого почтеннаго художественнаго критика было невозможно, потому что я всегда былъ наказываемъ головною болью, если воспринималъ его періоды въ слишкомъ большомъ количествѣ, напримѣръ въ объемѣ даже хотя бы одного фельетона. Но, къ сожалѣнію, любимаго моего критика статей не оказалось, да и другихъ изъ старыхъ знакомыхъ встрѣтилъ весьма немного: собственно говоря, одного—это Эмъ**). Этотъ прилично вылощенный и необыкновенно осторожный критикъ сталъ, если возможно, еще осторожнѣе, безцвѣтнѣе и приличнѣе. Нѣтъ также кислосладкаго Кистина***), котораго, положимъ, читать бы я не сталъ, но, для порядка, его статьи должны были, какъ мнѣ казалось, находиться, его замѣнилъ какой-то инкогнито въ «Новомъ Времени». Даже нѣтъ самаго шумнаго и нетерпѣливаго критика: Стасова. Вмѣсто этихъ старыхъ знакомцевъ, все какіе-то, должно быть, новые.

Одинъ молодецъ меня даже заинтересовалъ: это критикъ «Петербург-

---

*) Статья эта не была напечатана, но назначалась для «Художественнаго Журнала». *Ред.*

**) Здѣсь говорится о критикѣ Матушинскомъ, писавшемъ въ «Голосѣ». *Ред.*

***) Критикъ, писавшій въ «СПБ. Вѣдомостяхъ». *Ред.*

скихъ Вѣдом.», «г. Худ. А. Лед.». Признаюсь, я не понялъ, чтò значитъ появленіе такого господина въ литературѣ: я ли перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ изъ Петербурга, вы ли тамъ переродились, но только, по мѣрѣ моего знакомства съ статьями г. Худ. А. Лед., я приходилъ все въ большее и большее изумленіе. И долженъ сознаться, что фигура эта производитъ впечатлѣніе: какого сорта—это другой вопросъ! Но только появленіе его, по-моему, не къ добру. То обстоятельство, что онъ неприлично и грубо стучитъ каблуками въ обществѣ, и передъ каждымъ сильно жестикулируетъ, еще куда бы не шло, но вѣдь онъ изрекаетъ при этомъ невозможныя вещи. Kàкъ же, помилуйте, онъ говоритъ, что картина Кошелева «Погребеніе Христа» равна картинѣ Иванова!! Хорошо, что я видѣлъ самую картину Кошелева, въ Москвѣ, въ противномъ случаѣ я бы повѣрилъ и обрадовался появленію новаго великаго таланта, и такимъ образомъ былъ бы въ дуракахъ. А между тѣмъ, онъ поминутно говоритъ: мы то-то говорили, мы того-то не одобряемъ, искусство гибнетъ, художники русскіе—алтынники, а вотъ заграницей художники чудесные, нравственные, а еще лучше были Фидіасы и Праксители, никакихъ поборовъ съ народа не дѣлавшіе, а наши-то художники, ратующіе въ пользу меньшей братіи, захлопываютъ передъ мужикомъ плотно двери выставокъ. И, нагородивши чепухи съ три короба, наконецъ восклицаетъ съ паѳосомъ: «Спрашивается, какая цѣль писать картины обличительнаго свойства и отнять возможность ихъ видѣть у тѣхъ, ради кого ихъ пишутъ?!» Знаете, воля ваша, а когда встрѣтишь помѣщенными въ одной головѣ столь удивительныя логическія построенія, то съ неудержимымъ любопытствомъ захочется узнать подробнѣе механику головы подобнаго господина, потому что глупость въ огромномъ количествѣ такъ же рѣдка, какъ умъ и талантъ. И потомъ, бываютъ времена не особенно благопріятныя для развитія, или по крайней мѣрѣ, поощренія... Насмѣшка общественная ихъ убиваетъ въ зародышѣ, и... бываетъ трудно разростись до замѣчательной высоты. Прежніе.... оставались какъ бы приплюснутыми и служили только для увеселенія, теперешнимъ же, должно быть, есть ходъ, и вотъ является такой вершитель вопросовъ искусства, какъ г. Худ. А. Лед. Что онъ ограниченъ, это не порокъ ихъ личный, но что онъ галдитъ, это порокъ заправителей печати; отбирать то, чтò можно назвать правдой въ статьяхъ подобнаго господина, а она и у него есть ужасна! не стòитъ, потому что все это перемусолено, перепачкано и такъ загрязнено ложью, злобою, ограниченностью и какимъ-то допотопнымъ ханжествомъ давно исчезнувшихъ съ лица земли идолопоклонниковъ искусства, что даже вступаться за уважаемыя имена, которыя онъ волочитъ по грязи, не хватаетъ рѣшимости, потому что.... очевидно до того почувствовалъ свою силу, его такъ

долго оставляли вы на свободѣ, что я положительно чувствую, что всякій кто вздумаетъ заступиться — получитъ только потокъ ругательствъ, и въ результатѣ произойдетъ уличный скандалъ. На это у меня нѣтъ храбрости, сознаюсь.

Отыскивать, разъяснять и указывать противорѣчія въ статьяхъ, которыя всѣ сплошь вдоль, и поперекъ—противорѣчія, я тоже не буду, потому что для этого надо перепечатывать всѣ его статьи цѣликомъ, и къ каждой строкѣ дѣлать привѣски. Слишкомъ много чести: онъ подумаетъ, что и въ самомъ дѣлѣ имъ можно заниматься въ серьезъ. Лучшее, что̀ можно было бы сдѣлать — это извлечь элементы комическіе: есть и такіе въ его статьяхъ! Это, по крайней мѣрѣ, утѣшительно, потому что не дѣлай онъ смѣшныхъ рожъ, не обнаруживай... панибратства съ техникой искусства, явленіе такого критика было бы отвратительнымъ, но я и на это не чувствую себя расположеннымъ. И ко всему-то этому онъ еще и либералъ! Господи Боже—часъ отъ часу не легче! Онъ даже громитъ Академію художествъ! Ну, и вообразите же себѣ, если случится такой позоръ, что Академія проснется отъ шума... погремушекъ г. Худ. А. Лед.? Каково это? Вѣдь Академію будятъ чуть не 20 лѣтъ, и не могли разбудить отъ летаргическаго сна не только логическія и громкія рѣчи свѣдущихъ людей, а даже колокола̀ Стасова, а тутъ пробужденіе отъ возни, съ позволенія сказать, Худ. А. Лед?!! «Есть отъ чего въ отчаянье придти!»

Ка́къ я ни желалъ бы очищенія воздуха въ области искусства, но буду молить боговъ, чтобы мнѣ не дожить до торжества и ликованія глупости надъ здравымъ смысломъ. И такъ, констатирую фактъ—онъ ко всему прочему еще и либералъ и храбрый человѣкъ! Сначала мнѣ попалась статья, гдѣ онъ напустился на Академію: я было зааплодировалъ даже, когда онъ началъ отдѣлывать ея чиновниковъ, и хотя я самъ лично не знаю, какіе проступки по должности совершили чиновники, но былъ увѣренъ, что ихъ предадутъ суду навѣрное, послѣ оглашенія критикомъ ихъ преступныхъ дѣйствій. Теперь только, послѣ болѣе близкаго знакомства съ характеромъ статей г. Худ. А. Лед. (и когда мнѣ стало ясно, какая онъ важная особа, и почему онъ позволяетъ себѣ покрикивать на всю художественную братію одинаково, я догадываюсь, что это вѣроятно не болѣе, какъ маневръ съ его стороны. Навѣрное), я начинаю думать, что если Академія и проснется, то не для чего другого, какъ только, чтобы поманить художественнаго критика къ себѣ. Ахъ, это было бы прекрасно! Потому что во 1-хъ, Академіи нужны рѣшительные люди, а этотъ господинъ очевидно рѣшительный. Во 2-хъ, получивъ по горло дѣла въ Академіи, Худ. А. Лед. пересталъ бы писать столь пространные фельетоны, а если и не утерпѣлъ бы, то, я думаю, ограничивался бы только короткими угрозами: за-

чѣмъ художники берутъ за входъ на выставки четвертаки и тридцатикопѣечники, а не дѣлаютъ пользу народу втунѣ—такъ какъ это ихъ прямая обязанность, ибо Екатерина Великая возложила это дѣло на Академію, но какъ всѣ художники были ея питомцами, то и должны объ этомъ стараться. Это не логично, но въ духѣ критика. И наконецъ, 3-е (ахъ, это самое желательное!): онъ, Худ. А. Лед. такъ, повидимому, искренно ненавидитъ гг. Якоби, Орловскаго, Клевера, что еслибы его приставить къ тамошнему дѣлу, то онъ бы съ ними по... помирился!! (Но нѣтъ, это было бы слишкомъ!) Хорошо! Боюсь, что Академія не догадается! А что онъ тогда помирился бы навѣрное—это я даже знаю. (Слышалъ разсказы легендарные объ удивительной способности тамъ живущихъ укрощать строптивыхъ). Конечно—я отъ васъ не скрою, что побудительная причина желать этого, это боязнь, чтобы честь дѣйствительнаго пробужденія Академіи не выпала на долю паяцу, но если велѣнія Аллаха таковы, то... пусть это и случится. Только бы поскорѣй, потому что, воля ваша, а читать еще фельетоны Худ. А. Лед.—это будетъ наказаніе свыше мѣры нашей грѣховности.

Разскажу, въ заключеніе, курьозъ, который со мной случился, благодаря чтенію статей Худ. А. Лед. Перечитавъ ихъ нѣсколько и наткнувшись на какія-то непонятныя мнѣ техническія слова, я догадывался, что критикъ, должно быть, знатокъ малярнаго дѣла: онъ, какъ свой человѣкъ, такъ и сыплетъ словами: блики, тѣни, полутоны, лѣпка и проч. и проч., что хотя и очень рѣдко, но все-таки встрѣчалось, сколько помнится, въ статьяхъ прежнихъ критиковъ, и потому я еще держался на уровнѣ послѣдняго просвѣщенія, но въ послѣднемъ его фельетонѣ, по поводу 10-й передвижной выставки, я наткнулся на одно такое выраженіе, которое понять, собственными усиліями, къ сожалѣнію, не могъ, и долженъ былъ отправиться въ Москву къ знакомому художнику*).

Говоря о какой-то картинѣ Бодаревскаго (кстати, чтó это за Бодаревскій?), который написалъ пейзажъ лучше Куинджи, и тотъ же самый, который изображенъ извѣстнымъ художникомъ, критикъ говоритъ, что Куинджи свою картину «залесировалъ бѣлилами съ брамротомъ». Я просто, признаюсь, ротъ разинулъ отъ удивленія: чтó это за штука такая?!! Положимъ, бѣлила—краска, но чтó такое за брамротъ? Неужели тоже краска? Ну, а залесировалъ? Признаюсь, я подумалъ прежде всего, что это какое-нибудь новое слово въ литературѣ, и, значитъ, кàкъ же я отсталъ! Я чувствовалъ, что въ этомъ узлѣ разгадка паденія Куинджи, и что не сдѣлай онъ этого непростительнаго проступка, его картина была бы хороша. Дѣлать нечего,

*) Настоящая статья должна была печататься безъ подписи Крамскаго, и имѣть видъ, какъ будто писана во все не имъ. *Ред.*

поѣхалъ въ Москву. Когда я художнику задалъ вопросъ: хорошо ли или худо залесировать бѣлилами съ брамротомъ картину, то онъ до такой степени посмотрѣлъ на меня удивленно, что я подумалъ, что ну, кончено, и онъ не знаетъ: очевидно, въ Москвѣ всѣ отстали отъ искусства. Понемногу, однакожъ, мы столковались, и я кое-что узналъ, хотя не вполнѣ (ради Бога, вѣдь это интересная вещь,—узнайте тамъ, у себя, поподробнѣе эту интересную штуку), потому что—я узналъ только, что слово «залесировать» означаетъ какую-то манипуляцію, а «брамротъ» дѣйствительно краска, но почему отъ смѣшенія этихъ двухъ злосчастныхъ красокъ портятся картины художниками, даже спеціалистъ не могъ съ достаточною убѣдительностію мнѣ объяснить. Узнайте тамъ, въ Петербургѣ, пожалуйства, объ этомъ досконально, и сообщите мнѣ. Это штука, должно быть, интересная! Да-съ, это не то, что прежде. Прежде, бывало, критики взывали къ общимъ законамъ изящнаго и старались дѣйствовать на убѣжденія: теперь эти церемоніи бросили, теперь выступилъ свой человѣкъ, и знаетъ, о чемъ онъ говоритъ, а съ публикой, и вообще съ людьми несогласными, не разговариваетъ, какъ съ людьми образованными, а прямо изрекаетъ, что всѣ пишущіе и писавшіе объ искусствѣ иначе чѣмъ онъ, Худ. А. Лед., суть глубокіе невѣжды! Храбро! Вы знаете, что у меня была слабость всегда къ храбрецамъ всякаго рода, но храбрецъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» особый. Онъ, очевидно, считаетъ себя настоящимъ художественнымъ критикомъ. Сколько онъ раздаетъ совѣтовъ художникамъ, въ родѣ бликовъ и тѣней! Онъ полагаетъ себя тѣмъ смѣлѣе, что его до сихъ поръ не поймалъ еще никто за шиворотъ и не выбросилъ изъ литературы.

Настоящая причина моего письма только та и есть, чтобы выразить передъ вами мое изумленіе по этому поводу. Я знаю, что художественнымъ критикомъ быть не легко, тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ нуженъ своего рода Бѣлинскій, но все-таки писали же когда-то люди кое-что понимающіе: Ковалевскій, Стасовъ, Праховъ наконецъ, и куда же они дѣвались, чтобы уступить мѣсто г. Худ. А. Лед.? Положимъ, время такое—но все же...?

1882.

XVIII. Выставка Айвазовскаго *).

Нѣсколько времени тому назадъ, въ Академіи художествъ была выставка Айвазовскаго. Не то чтобы мы были въ долгу передъ читателями по поводу этой выставки, но мы въ долгу передъ Айвазовскимъ

*) Статья эта не была напечатана, а назначалась для «Худож. Журнала». *Ред.*

вообще. Сорокъ лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ имя Айвазовскаго сдѣлалось извѣстно. Талантъ его слишкомъ давно оцѣненъ по достоинству, и печатью, и обществомъ, и потому пускаться вновь въ критическіе разговоры дѣло излишнее. Чтó могъ бы позволить себѣ критикъ — это подводить итоги, но въ виду новыхъ подвиговъ оказывается и это не совсѣмъ удобно. Никто не можетъ сказать, чѣмъ можетъ разрѣшиться въ будущемъ И. К. Айвазовскій. Одно время, лѣтъ 10 назадъ, казалось, что талантъ его исписался, изсякъ, и что онъ только повторяетъ себя, и чѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе, но въ послѣднее время онъ далъ опять доказательства своей огромной живучести. Въ прошломъ году было 4—5 картинъ замѣчательныхъ, а въ этомъ году одна, называемая «Передъ Бурей», была такого высокаго художественнаго содержанія, что величіе океана и небесъ, этихъ двухъ стихій, подавляющихъ человѣка, было передано съ небывалою у самого Айвазовскаго силою. Много на своемъ вѣку онъ написалъ хорошихъ морей, бурь и проч., но такого, намъ кажется, еще не было. Картина его была на выставкѣ не одна, ее сопровождали нѣсколько другихъ, всѣхъ около 10-ти. Между ними были, какъ всегда, три—четыре вещи обыкновеннаго уровня. Говоря—обыкновеннаго уровня, надо разумѣть уровень такого высокаго художника, какъ И. К. Айвазовскій. Кромѣ этихъ, какъ всегда, впрочемъ, были и увлеченія, напримѣръ «Переправа черезъ Босфоръ древняго персидскаго войска на греческую сторону», гдѣ эффектъ персидскихъ золотыхъ кораблей на солнцѣ долженъ былъ играть важную роль, но какъ Айвазовскій—художникъ личныхъ впечатлѣній по преимуществу, притомъ такой школы, которая не углубляла свое дѣло этюдами, а потому онъ можетъ передать, и даже съ поразительною вѣрностью, тѣ предметы, которые онъ когда-либо видѣлъ и наблюдалъ, а кораблей, сплошь залитыхъ золотомъ, онъ въ своей жизни навѣрное никогда не видѣлъ, да еще въ такой массѣ, потому-то и эффектъ вышелъ блѣдный, и, скажемъ прямо—претенціозный. То же можно сказать и о его страсти писать фигуры, да еще въ большомъ размѣрѣ. Кромѣ того, есть еще сторона уязвимая въ пейзажахъ Айвазовскаго: это закаты. Желто-красные тоны заходящаго солнца рѣшительно никогда не находились въ гармоніи съ синими тонами неба и тѣней. Что-нибудь одно изъ двухъ—если признать вѣрными желто-красные, то синіе тоны невѣрны, если же признать вѣрными синіе, то, обратно, не годятся красноватые. Тоны же солнечныхъ тумановъ полуденнаго солнца и всѣхъ оттѣнковъ сѣраго дня всегда и безусловно вѣрны и правдивы, и почти всѣ картины, написанныя въ послѣднихъ тонахъ—безподобны.

1882.

XIX. Замѣтки объ Артели художниковъ и Товариществѣ Передвижныхъ выставокъ*).

...Художественная Артель возникла сама собою. Обстоятельства такъ сложились, что форма взаимной помощи сама собою навязывалась. Кто первый сказалъ слово? Кому принадлежитъ починъ—право не знаю. Въ нашихъ собраніяхъ, послѣ выхода изъ Академіи въ 1863 году, забота другъ о другѣ была самою выдающеюся заботою. Это былъ чудесный моментъ въ жизни насъ всѣхъ... Для нашего искусства пришелъ чудесный моментъ... Конечно, составъ Артели былъ случайный. Конкурренты, отказавшіеся отъ права поѣздки на казенный счетъ заграницу и очутившіеся въ необходимости держаться другъ за друга, не всѣ были люди убѣжденій. Малая стойкость, недостаточная сила нравственная обнаружилась у нѣкоторыхъ между ними. И оттого Артель просуществовала недолго, всего только лѣтъ 5—6... Перестала существовать Артель, но на ея мѣсто вступило новое сообщество художниковъ. Зимою 1868 — 1869 года, Мясоѣдовъ, возвратившись изъ Италіи, бросилъ въ Артель мысль объ устройствѣ выставки какимъ-либо кружкомъ самихъ художниковъ. Артель съ большимъ сочувствіемъ приняла новую мысль. Это былъ не только настоящій выходъ изъ тогдашняго отчаяннаго положенія Артели, но еще громадный шагъ впередъ.

До 1859 года, выставки въ Академіи художествъ были безплатныя. Въ 1858 году, въ первый разъ пустили публику на выставку за деньги. Это было и нехорошо, и несправедливо. Академія—учрежденіе государственное. Своими выставками она отдаетъ отчетъ и государству, и обществу, въ веденіи ввѣреннаго ей дѣла. На выставки она ничего не затрачиваетъ. Противъ впуска на выставку въ Академію, за деньги, раздались голоса отовсюду. Какъ въ самомъ обществѣ, такъ и въ средѣ художниковъ, сильно заговорили о томъ: куда дѣваются деньги, собранныя съ выставки...

Однако же предложеніе Мясоѣдова**) не тотчасъ же осуществилось. Но, проживая въ 1869 году въ Москвѣ, Мясоѣдовъ возобновилъ тамъ свою пропаганду. Московскіе художники: Перовъ, В. Маковскій, Прянищ-

---

*) Эти замѣтки написаны Крамскимъ по просьбѣ В. В. Стасова, какъ матерьялъ для его статьи: «25 лѣтъ русскаго искусства» и вошли въ составъ ея («Вѣстникъ Европы», 1882, декабрь, стран. 635—637). *Ред.*

**) Предложеніе образовать Товарищество, которое само завѣдывало бы своими художественными дѣлами и возило бы свои выставки по Россіи. *Ред.*

никовъ, Саврасовъ, съ жаромъ приняли мысль его, и въ концѣ 1869 года предложили петербургской Артели соединиться всѣмъ вмѣстѣ и образовать новое общество. Когда на одномъ изъ тогдашнихъ четверговыхъ собраній Артели, гдѣ много бывало и постороннихъ, предложили на обсужденіе эту идею, какихъ комплиментовъ наслушались мы, какія восторженныя рѣчи были произнесены, и, наконецъ, какія подписи были даны тутъ же, и какими личностями! Тутъ уже дѣло загорѣлось и пошло быстрыми шагами впередъ. Я призывалъ товарищей разстаться съ душной курной избой, и построить новый домъ, свѣтлый и просторный. Всѣ росли, всѣмъ становилось уже тѣсно. Около того же времени, возвратился изъ Италіи Гè, и заговорилъ о Товариществѣ, какъ о дѣлѣ, ему уже извѣстномъ... Черезъ годъ «Товарищество», уже утвержденное правительствомъ, начинало свою дѣятельность...

1882.

XX. Выставка Верещагина въ Вѣнѣ.

(Письмо къ А. С. Суворину *).

20-го ноября 1885 года, С.-Петербургъ.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Только что получилъ письмо изъ Вѣны отъ очевидца выставки Верещагина. При письмѣ приложены нѣкоторыя фотографіи и каталогъ. Фотографіи именно съ тѣхъ картинъ, которыя производятъ наибольшую сенсацію и потревожили даже вѣнскаго архіепископа. Честь во всякомъ случаѣ исключительная для художника! Теперь уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что̀ такое Верещагинъ. Къ сожалѣнію, человѣкъ этотъ выпустилъ изъ рукъ самую завидную роль, которая когда-либо доставалась или напрашивалась художнику. Въ немъ соединялись почти всѣ условія для такой роли: большой талантъ, огромный умъ, весьма разностороннее образованіе, наслѣдственныя денежныя средства (для художника довольно солидныя) и непреклонный характеръ. Чего-жъ ему не доставало, чтобы выполнить задачу? А что задача художественная имъ не выполнена, это теперь уже внѣ спора и сомнѣній. Нѣмецкій критикъ (Пехтъ?), отзывъ котораго былъ приведенъ въ «Новомъ Времени», въ общемъ недоволенъ Верещагинымъ, и за многое его осуждаетъ, къ сожалѣнію, только, нисколько не убѣдительно, потому что съ той средневѣковой точки зрѣнія, на которой стоитъ нѣмецкій критикъ, позиція

*) Эта статья не была напечатана, и даже осталась непосланною, потому что самъ авторъ нашелъ, что она «вышла и спеціальна, и для многихъ неубѣдительна» (См. выше, письмо къ А. С. Суворину, отъ 12 декабря 1885, № CCCXXXVI). *Ред.*

Верещагина неуязвима, и Верещагинъ можетъ отвѣчать на обвиненія съ олимпійскимъ спокойствіемъ: «Покорно благодарю! Вы полагаете, что пріемы Рафаэля или Рубенса обязательны и теперь? Ну и прекрасно, продолжайте себѣ полагать на здоровье!» (Уже одно соединеніе такихъ двухъ именъ крайне неудачно). Одно замѣчаніе тамъ есть вѣрное: это несоотвѣтствіе размѣровъ холста съ содержаніемъ картины, чтó очень часто встрѣчается у художниковъ вообще, но чего у Верещагина быть не должно. Между тѣмъ, ничтожнѣйшее содержаніе помѣщено на огромномъ полотнѣ и, наоборотъ, серьезный и глубокій мотивъ на маленькомъ, да вдобавокъ и исполненъ кое-какъ, эскизно и на-скоро. Кромѣ этого, все остальное въ статьѣ нѣмецкаго критика—профессорская болтовня, не больше. Нѣтъ, Верещагина необходимо судить на иныхъ основаніяхъ: во-1-хъ, на основаніи тѣхъ цѣлей и задачъ, которыя художникъ самъ себѣ поставилъ, и которыя онъ столь громко пропагандируетъ своими каталогами, и которыя я готовъ принять въ серьезъ; во-2-хъ, на основаніи того простого здраваго смысла, которымъ надѣлено, къ счастью, большинство людей, и въ 3-хъ, на основаніи теоріи, нигдѣ еще не записанной систематически, но такой, которая, однакожъ, проходитъ красной ниткой по всѣмъ художественнымъ произведеніямъ второй половины XIX столѣтія. Въ чемъ эта послѣдняя теорія состоитъ—я формулировать не берусь, но путемъ вопросовъ по существу надѣюсь хотя нѣсколько ее обнаружить и намѣтить общее расположеніе.

Вопросъ первый: чтò такое картина? Такое изображеніе дѣйствительнаго факта или вымысла художника, въ которомъ въ одномъ заключается все для того, чтобы зритель понялъ въ чемъ дѣло; чтобы было начало и конецъ, и чтобы для объясненія одного холста не надобно было бы другого, во чтò бы то ни стало. Верещагинъ сплошь и рядомъ нарушаетъ это основное положеніе, напр. солдатъ на часахъ на высотахъ Шипки, засыпаемый снѣгомъ, расположенный по-дѣтски на 3-хъ холстахъ: на одномъ онъ еще виденъ, на другомъ до половины засыпанъ снѣгомъ, а на третьемъ что-то уже безформенное; всѣ три подъ однимъ названіемъ: «На Шипкѣ все спокойно!», и въ примѣчаніи сказано: «донесеніе генерала Радецкаго тогда-то». Положимъ, что у Верещагина есть и кромѣ этихъ кое-что поважнѣе, есть коллекція картинъ (ташкентскихъ), которыя, будучи взяты всѣ вмѣстѣ, производятъ извѣстное впечатлѣніе, но и въ ней двѣ половины, правда, независимыя одна отъ другой, изъ которыхъ одна этнографическая (лучшая), другая же, носившая названіе «Поэмы въ 9-ти картинахъ» (2-хъ картинъ не доставало, и онѣ такъ и не были написаны). Вотъ эта-то половина и состоитъ не изъ картинъ въ тѣсномъ смыслѣ, а, такъ сказать, изъ главъ какой-то книги, въ которой, между прочимъ, есть пирамида череповъ, посвященная всѣмъ великимъ завоевателямъ прошед-

шаго, настоящаго и будущаго времени, такъ что каждая картина должна быть разсматриваема въ связи съ другими: тогда только можно понять, что̀, собственно, хочетъ сказать авторъ. И такъ какъ поэма осталась неоконченною, то и понять вполнѣ, къ сожалѣнію, невозможно, а потому невозможно и критиковать его идею. Между тѣмъ картины, сами по себѣ взятыя отдѣльно, не настолько разработаны, чтобы сдѣлаться драгоцѣнными для зрителя, не смотря на свой часто блестящій колоритъ. О картинахъ изъ послѣдней турецкой войны приходится сказать тоже самое, что и о поэмѣ въ 9-ти картинахъ. Будучи собранными вмѣстѣ, онѣ наводятъ зрителя на извѣстныя мысли. Здѣсь и художникъ достигаетъ намѣченной имъ цѣли, только, къ сожалѣнію, въ ущербъ своей художественной репутаціи. Такъ какъ ни одна картина не кончена, какъ картина, то у зрителя возникаетъ неудовольствіе: зачѣмъ эта книга написана на такихъ громоздкихъ листахъ? Было бы и цѣлесообразнѣе, и лучше, если бы мысли художника были распространены посредствомъ литературы въ одной маленькой книжечкѣ.

Рядомъ съ картинами войны были выставлены этюды и нѣсколько картинъ изъ путешествія въ Индію. Этюды — большинство, превосходные, и нѣкоторые выше всякой похвалы. Скажутъ: все-таки, стало быть, средства живописи ярче сло̀ва въ извѣстномъ случаѣ и въ извѣстномъ настроеніи, и что живопись сильнѣе литературы въ своей сферѣ. Это правда, но въ такомъ случаѣ пусть кто-нибудь докажетъ, что такіе холсты Верещагина, какъ «Въѣздъ принца Уэльскаго въ Джейпуръ», или «Бѣлая мечеть», или еще бѣлая стѣна съ бѣлыми фигурами индусовъ (послѣдняя выставка въ Петербургѣ), или видъ Кремля — суть картины.

Вопросъ второй. При какихъ условіяхъ картина становится художественнымъ произведеніемъ? Художественное произведеніе, возникая въ душѣ художника органически, возбуждаетъ (и должно возбуждать) къ себѣ такую любовь художника, что онъ не можетъ оторваться отъ картины до тѣхъ поръ, пока не употребитъ всѣхъ своихъ силъ для ея исполненія; онъ не можетъ успокоиться на однихъ намекахъ, онъ считаетъ себя обязаннымъ все обработать до той ясности, съ какою предметъ возникъ въ его душѣ. И когда его дѣло сдѣлано, то зритель, привлекаемый къ картинѣ сначала чисто-притягательною внѣшностью, чѣмъ больше смотритъ на эту внѣшность, тѣмъ болѣе наслаждается, тѣмъ болѣе замѣчаетъ деталей, а если художественное произведеніе живописи имѣетъ еще идею, содержаніе, то удовольствіе возрастаетъ и переходитъ наконецъ въ убѣжденіе, что та сторона жизни, какую показываетъ художникъ, никакими иными средствами, кромѣ живописи, и не могла быть передана съ большею убѣдительностію. Такого рода картину вы можете вынуть изъ общей кол-

лекціи, поставить ее отдѣльно, и въ этомъ случаѣ она не только не проиграетъ, а, напротивъ, выиграетъ. Въ ней, какъ въ драмѣ, есть начало и конецъ, а исполненіе характеровъ, отдѣлка предметовъ всякій разъ будутъ давать новую пищу человѣческому вниманію. Поэтому-то нѣтъ достаточнаго предѣла въ исполненіи, и художникъ всегда будетъ желать еще болѣе выпукло реализировать людей и природу. Намеки же годятся только для иллюстрацій, на что никто и не тратитъ вниманія болѣе 5 минутъ, совершенно достаточныхъ для уразумѣнія изображенія. Если у художника нѣтъ стремленія оканчивать картину, то, или художникъ самъ не любитъ свое произведеніе, или оно есть плодъ одной холодной мысли и предвзятыхъ намѣреній. Въ обоихъ случаяхъ цѣль живописца—не картина сама по себѣ, а что-то другое. Люди, знакомые хорошо съ произведеніями живописи практически и теоретически, знаютъ также, что слишкомъ долгое и кропотливое оканчиваніе часто есть смерть картинѣ; но большой талантъ тѣмъ и отличается отъ малаго, что очень скоро научается и постигаетъ равновѣсіе. Могутъ быть случаи, заставляющіе и великій талантъ торопиться окончаніемъ своихъ произведеній, но это не мѣшаетъ ему производить все-таки свое дѣйствіе. Достоевскій въ литературѣ очень пригодный здѣсь примѣръ; Тургеневъ, не имѣвшій нужды торопиться, можетъ быть обратнымъ примѣромъ. Верещагинъ между художниками поставленъ почти такъ же, какъ Тургеневъ между литераторами. Эта оговорка необходима для устраненія недоразумѣнія относительно причины извѣстной неоконченности исполненія Верещагинымъ картинъ. Возникаетъ вопросъ: есть ли у Верещагина картины въ вышеуказаннымъ смыслѣ? Есть, и довольно порядочное количество. Въ 1868 году, въ зданіи министерства государственныхъ имуществъ, была этнографическая ташкентская выставка, послѣ покоренія этой страны, на которой и были выставлены тогда первыя 22 картины Верещагина. Выставку эту я помню слишкомъ хорошо, былъ на ней много разъ, и все съ бо̀льшимъ удивленіемъ и удовольствіемъ любовался его картинами, сознавая, какая великая сила заключена въ неизвѣстномъ тогда имени. Недостатки его и тогда были для меня очевидны: рыжевато-черный колоритъ и нѣкоторая деревянность черты и формы. Оба недостатка можно было отнести къ неопытности и, такъ сказать, молодости; и, дѣйствительно, отъ рыжевато-чернаго колорита онъ очень скоро и блистательно освободился. Второй же недостатокъ: не достаточно тонкое и недостаточно гибкое чутье формы, заставлялъ тревожно и съ сомнѣніемъ смотрѣть на будущее, потому что этотъ недостатокъ очень серьезный. Но какъ бы то ни было, а только на той выставкѣ была картина «Опіумоѣды», самая великая и замѣчательная вещь, когда-либо написанная Верещагинымъ. Выставка 1874 г. (ташкентская)

была несомнѣннымъ шагомъ впередъ во многихъ отношеніяхъ и особенно въ смыслѣ колорита, свободы и умѣнья распоряжаться массами, но рисунокъ обнаружилъ непоправимый и органическій недостатокъ художника. (Это и было мною въ свое время высказано въ письмѣ, по обязанности). Говоря о рисункѣ, я долженъ сдѣлать тщательное его опредѣленіе и указать, почему онъ имѣетъ такую роковую связь съ внутреннимъ міромъ художника.

Рисунокъ—это не есть только внѣшняя черта, или очертаніе предмета. Въ смыслѣ грамматики, Верещагинъ рисуетъ вѣрно и даже прекрасно, но черта его пряма и угловата, не повинуется движенію и не передаетъ всѣхъ изгибовъ тѣла или матеріи. Тушевка и свѣтотѣнь не подражаютъ природѣ въ переходахъ и едва уловимыхъ поворотахъ плоскостей. Все тонкое отброшено, но не потому, что этого не нужно, а потому, что художникъ этого не можетъ сдѣлать, а не можетъ онъ сдѣлать потому, что онъ этого не чувствуетъ, а такъ какъ онъ этого не чувствуетъ, то его прямой разсчетъ это игнорировать. Пока онъ былъ молодъ, учился, мучился, наблюдалъ, онъ старался и хотѣлъ сдѣлать, и, не смотря на хотѣніе, не могъ. Это и было ясно въ первый же моментъ его появленія. И хотя былъ тутъ же рядомъ другой недочетъ колорита, но недостатокъ колорита поддается болѣе культурѣ, а если и не поддается, то и безъ него главныя свойства живописи могутъ дать все, что̀ нужно. Недостатокъ колорита, собственно говоря — внѣшній недостатокъ, недостатокъ наряда перьевъ для привлеченія на себя вниманія; тогда какъ недостаточное чутье формы лишаетъ человѣка владѣть выраженіемъ лица. У тѣхъ, кто призванъ къ живописи, какъ искусству передавать внутренній міръ человѣка внѣшними формами — чувство волнующейся и движущейся линіи и формы ужасно развито. Человѣкъ, такъ сказать, съ этимъ рождается, и этому не учатся. Учатся общимъ размѣрамъ, отношеніямъ, пропорціямъ человѣческаго тѣла, до нѣкоторой степены учатся взаимнодѣйствію формъ, т. е. механикѣ движеній, но никто не можетъ научить другого почувствовать, на сколько минимальныхъ линій одна плоскость выше или ниже другой, или подъ какимъ угломъ (до извѣстной степени) одна плоскость наклонна къ другой. Начинающему (если онъ самъ не увидитъ и не почувствуетъ) можно указать, объяснить, и онъ восприметъ умомъ, до извѣстной степени; но всѣ его усилія практически приложить къ дѣлу не увѣнчаются успѣхомъ, и никогда этимъ онъ не овладѣетъ, если чувство къ тому въ немъ отсутствуетъ. Повторяю, съ этимъ родятся. И если этимъ качествомъ кто обладаетъ, онъ, стало быть, обладаетъ самымъ могущественнымъ средствомъ живописи, и только тому можетъ быть доступно рѣшеніе высшихъ живописныхъ задачъ. Верещагинъ никогда, за

исключеніемъ первыхъ его вещей, не ставилъ себѣ задачей выраженіе человѣческаго лица самого по себѣ, — онъ всегда предпочиталъ перенести выраженіе на всю фигуру, или, еще лучше, на много людей, на фонъ, на пейзажъ и т. п., уклониться отъ рѣшенія настоящей художественной задачи и замѣнить все это живописью, блескомъ, сюжетомъ... «Позвольте, останавливаютъ меня, вы обмолвились словомъ «сюжетъ»; развѣ это не важно? И не обличаетъ сюжетъ богатства воображенія и наблюдательности художника?..» — Еще бы, конечно, обличаетъ, и у Верещагина есть сюжеты, напримѣръ «Переодѣваніе», или, какъ она была названа: «Побѣдители», гдѣ турецкіе солдаты примѣряютъ русскіе мундиры и смѣются. Эта картина одна изъ лучшихъ послѣ первыхъ картинъ. Но не угодно ли теперь взять эту картину изъ коллекціи и поставить ее поближе къ интимной жизни человѣка, выдержитъ ли она пробу продолжительнаго разсматриванія: чтò въ ней остается, за исключеніемъ сюжета, такого, чтò дало бы пищу уму и чувству надолго? Не надобно, впрочемъ, унижать достоинства дѣйствительныя, гдѣ они есть, и надобно оговориться, что картина эта, кромѣ сюжета, интересна со стороны живописи. Въ ней необыкновенно вѣрно трактованы массы: люди къ пригорку и общему фону; отношеніе всего этого къ небу, и кàкъ вѣрно на всемъ этомъ лежитъ свѣтъ! Но человѣческія лица отсутствуютъ: выраженіе на нихъ намѣчено слишкомъ общими массами; понять выраженіе можно, но увидать живую душу человѣка нельзя. Все слишкомъ — эскизъ и намекъ. Достаточно ли этого всего для торжества новаго искусства передъ прежнимъ—не знаю, но что оно не удовлетворяетъ присущаго всѣмъ чувства зрѣнія—это вѣрно. Человѣчество всегда дорожило тѣми художественными произведеніями, гдѣ съ возможной полнотой выражена драма человѣческаго сердца, или, просто, внутренній характеръ человѣка. Часто изображенія одного только характера бываетъ достаточно, чтобы имя художника осталось въ исторіи искусства. Однакожъ, дѣло это, говорятъ, минувшее; подобныя задачи набили оскомину, — пора вывести хоры, заставить говорить исторію (т. е. ту среднюю, которая слагается изъ взаимодѣйствія милліоновъ единицъ?)*). Нечего копаться въ малостяхъ съ микроскопомъ. — Прекрасно, примемъ это провозглашеніе всерьезъ, и посмотримъ, насколько Верещагинъ выше своихъ современниковъ, бравшихся за подобныя же задачи.

Онъ, какъ художникъ самой послѣдней формаціи, дѣйствительно, послѣ 22-хъ картинъ и этюдовъ, круто повернулъ на новую дорогу. Выше я ска-

*) Намекъ на слова В. В. Стасова («25 лѣтъ русскаго искусства»): Верещагинъ есть, по преимуществу, живописецъ массъ, *хоровъ*, точно также, какъ и Рѣпинъ»... Они и не думаютъ о прежнихъ эпохахъ и временахъ; у нихъ передъ глазами—нынѣшній «народъ»... и т. д. *Ред.*

залъ причину этого поворота, и теперь прибавлю, что пройденный Верещагинымъ путь сдѣлалъ его уже неспособнымъ возвратиться къ началу: попробовать написать голову приблизительно такъ, кàкъ пишутъ и теперь лучшіе художники. Положимъ, не порокъ, когда человѣкъ чего-нибудь сдѣлать не можетъ; но Верещагинъ, исполненіемъ своихъ картинъ даетъ понять, что этого и не нужно. И вотъ, это-то положеніе, выдвигаемое впередъ для отвода, и не состоятельно. Новое искусство, насколько оно успѣло высказаться, не отвергаетъ индивидуальности, — напротивъ, затрогивая и занимаясь по преимуществу массами, оно старается о томъ, чтобы толпа состояла изъ живыхъ людей, съ ихъ разнообразными анатомическими и характерными особенностями. Верещагинъ же придерживается того мнѣнія, что живопись, и покинувъ этотъ путь, въ состояніи исполнить свое назначеніе; но вотъ, въ опредѣленіи-то этого конечнаго назначенія живописи онъ и ошибается. Онъ, очевидно, полагаетъ, что живопись можетъ быть публицистическою, не переставая быть творческимъ искусствомъ, и что будто при этомъ не произойдетъ перерожденія: изъ самостоятельнаго дѣятеля оно не выродится въ служителя проповѣдниковъ политическихъ, соціальныхъ и историческихъ доктринъ, т. е. искусство не станетъ дѣломъ просто разсудочнымъ. Чтò будетъ результатомъ такой дѣятельности—не знаю, но очевидно одно, что картинъ, какъ самостоятельныхъ художественныхъ произведеній, не останется, т. е. останется, да немного, да и то не тѣ, на которыя художникъ разсчитывалъ. Потому что всѣ картины Верещагина страдаютъ, какъ я сказалъ уже, такою спѣшностью, что при вторичномъ обзорѣ теряютъ и ту долю интереса, которую имѣли вслѣдствіе своей новизны. Если же вынуть изъ коллекціи картину и лишить ее той обстановки, при которой публика смотрѣла ее, и помѣстить между произведеніями другихъ художниковъ, то эскизность уже станетъ просто обидною. А между тѣмъ, есть тутъ же рядомъ всегда превосходно написанная какая-нибудь стѣна, или внутренности дворцовъ и мечетей; но такъ какъ Верещагинъ занимается живописью очевидно не для этого, а простираетъ свои претензіи гораздо дальше,—а именно онъ философствуетъ, опредѣляетъ и истолковываетъ значеніе историческихъ фактовъ и, такъ сказать, подводитъ итоги, изображаетъ людей,—то чрезвычайно важно, наконецъ, и подвести итоги его усиліямъ въ этомъ направленіи.

Первая его выставка 22-хъ картинъ, въ 1868 г., по своему внутреннему достоинству самая серьезная. Вторая, 1874 г., ташкентская, съ прибавленіемъ живописной поэмы, самая блестящая и поразительная. Эта выставка завоевала ему самыя горячія симпатіи русскихъ художниковъ и общества, хотя въ то же время оставила вопросъ живописи, какъ творческаго искусства по существу, открытымъ. Тогда же можно было слышать, что пока это

только этнографія; что даже бытовая сторона покореннаго народа отсутствуетъ; что тѣ нѣсколько сценъ, которыя происходятъ на базарѣ и площадяхъ, суть только парады, а самый духъ народа и нравы его не показаны и художникомъ не наблюдались, — почему? неизвѣстно, но можно было въ оправданіе сказать, что проникнуть въ интимную жизнь жителя Средней Азіи есть вещь невозможная для европейца, и что подвигъ художника и безъ того слишкомъ обширенъ и т. д. Я привожу все это къ тому, чтобы указать, какой высокій запросъ былъ предъявленъ къ художнику и на что его тогда считали способнымъ. Выставка 1878 года: война Болгарская и этюды Индіи, а также и нѣкоторыя картины изъ исторіи Индіи (которыя, такъ тогда говорили, были начаты съ цѣлью показать нѣкоторую духовную связь во всеобщей исторіи народовъ и т. д.), не уронивъ художника, какъ живописца, открывала огромное поле для возраженій и не столько съ патріотической точки зрѣнія, сколько по существу, и со стороны идеи, и со стороны исполненія. Почему, напримѣръ, самый значительный сюжетъ у него: «Осада Плевны 30-го августа» (гдѣ Государь Императоръ со свитой) трактованъ такъ небрежно и въ такихъ мизерныхъ размѣрахъ, а «Дорога въ Плевну», чистый пейзажъ, занимаетъ огромное полотно? Почему опять «Панихида» до того небрежно исполнена, что и солдатъ (за псаломщика), и священникъ — оба написаны съ одной и той же натуры, а поле, усѣянное трупами, до того безформенно, что рѣшительно невозможно понять, что̀ это на землѣ: разсыпанная ли капуста, или человѣческія головы и тѣла? И чѣмъ ничтожнѣе задача, тѣмъ лучше исполненіе? Въ этюдахъ Индіи всѣ неодушевленные предметы рѣшительные шедевры живописи; чуть же только дѣло касается фигуры и головы, то или онѣ исполнены кое-какъ («Переодѣванье», о которомъ выше было говорено), или же повернуты затылкомъ. Нельзя не указать также на одинъ сюжетъ, который по разсчету художника долженъ бы производить потрясающее впечатлѣніе: это, найденный, послѣ взятія Плевны, турецкій госпиталь; въ каталогѣ было даже описано, что̀ это такое за ужасъ. И вотъ ужъ тутъ-то, казалось (разъ художникъ ничѣмъ не стѣсняется), мастеръ и большой живописецъ прямо на мѣстѣ, потому что ни этихъ ужасныхъ лицъ, ни фигуръ, ни этихъ мрачныхъ красокъ, ни всего хаоса живыхъ и мертвыхъ, никакія слова не перескажутъ. Казалось, одна живопись своими средствами могла убѣдить въ дѣйствительности, и произвести, хотя ужасное, но за то вовѣки незабываемое впечатлѣніе. И что же? Всѣ помнятъ только одно, что ровно ничего нельзя было понять въ картинѣ, да и просто не было въ ней ни одного ни мертваго, ни живого лица. Нельзя не вспомнить и не пожалѣть также еще объ одномъ сюжетѣ, который художникъ видѣлъ: это геройскій народный подвигъ, простое исполненіе

долга: въ горахъ, во льду, траншеи и часовые. Для такой картины необходимо было употребить столько времени, сколько только возможно. Содержаніе во всякомъ случаѣ искупило бы всю затрату, и сберегло бы эту картину на вѣки вѣчные, а теперь сама по себѣ она рѣшительно ни для кого не нужна. Довольно, что на нее взглянули и могли понять, что̀ солдату приходилось переносить. Но художнику-то? Неужели ему этого достаточно? А ковры и ажурный мраморъ, росписные купола и оружіе съ дорогими насѣчками—неужели это значительнѣе? Къ чему же тогда весь этотъ шумъ? Къ чему эта игра въ идейность, когда она только на языкѣ человѣка, а не выходитъ изъ сострадающаго человѣческаго сердца? Зачѣмъ этотъ холодный и голый умъ, такъ развязно и слегка разыгрывающій трагическія и ужасныя вещи для человѣка? И почему это, такое событіе, какъ «Въѣздъ принца Уэльскаго», потребовало такихъ размѣровъ, какъ будто дѣло идетъ по меньшей мѣрѣ о всемірномъ потопѣ, тогда какъ самому даже наивному человѣку очевидно виденъ былъ разсчетъ художника.

Послѣдняя выставка Верещагина въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1882 г. уже вовсе не имѣла успѣха, и художникъ, кажется, обидѣлся... на Россію! Да, удивительный городъ Петербургъ и удивительное россійское общество. Совершенные невѣжи: приняли въ серьезъ когда-то данныя обѣщанія художника и стали настойчиво требовать выполненія высокой миссіи отъ него, когда онъ вовсе и не былъ намѣренъ ее исполнять.

Вольно же ему (т. е. обществу) было быть столь наивнымъ и несвѣдущимъ, что оно не могло отличить настоящій драгоцѣнный металлъ отъ композиціи.

Послѣдняя сенсація, которую производитъ нашъ художникъ въ Вѣнѣ, къ сожалѣнію, такого сорта, что если этотъ гордый духъ не поврежденъ психически, то его должно мучить глубокое раскаяніе. До сихъ поръ художникъ нашъ проповѣдывалъ, что писать можно только то, что̀ видѣлъ собственными глазами, и вдругъ откуда-то у него возникла потребность изобразить... евангельскіе разсказы! Можете себѣ представить! Вѣдь это Верещагинъ,—наиболѣе оригинальный и правдивый живописецъ! Вѣдь это не можетъ быть спроста. Еще бы, конечно, не спроста! Жаль, что этихъ картинъ не увидитъ русская публика (какъ говорятъ), искренно жаль! Потому что онѣ, вѣроятно, нигдѣ не будутъ оцѣнены по своему настоящему достоинству,и я рѣшительно и серьезно утверждаю, что если гдѣ ихъ слѣдовало бы выставить, для того, чтобы художникъ узналъ о себѣ правду, то это именно въ Россіи; потому что очистительная обѣдня вѣнскаго архіепископа и его окружное посланіе—суть только пущій туманъ и убѣжденіе только самого Верещагина, что онъ есть альфа и омега искусства.

Вотъ что сообщаютъ мнѣ очевидцы выставки: «Казнь англичанами сипаевъ» и «Казнь нашихъ цареубійцъ» — картины большого размѣра; первопланныя фигуры въ натуральную величину. Обѣ картины живо передаютъ событія, но написаны какъ бы для панорамы; послѣдней вредитъ неудачно написанный падающій снѣгъ. Къ этому не лишнее прибавить, что, судя по фотографіи съ картины, на послѣдней толпа, да и жандармы конные—не совсѣмъ русскіе, точно писалъ иностранецъ.

«Картины религіознаго содержанія трактованы эскизно, а чтобы дать о нихъ полное понятіе, необходимо прибавить, что, напримѣръ, «Іисусъ въ пустынѣ»—фигура 4 вершка, «Пророчество»—голова Христа (затылокъ) 1 вершокъ, «Іисусъ у Іоанна въ пустынѣ»—размѣры тѣ же самые; и такъ всѣ. «Христосъ на озерѣ Тиверіадскомъ» — совершенно пейзажная картина, и вся фигура Христа—2 вершка; тоже самое и его «Св. Семейство», «Воскресеніе» и прочее. Послѣднія двѣ несомнѣнно замѣчательны, только не въ художественномъ смыслѣ. Послѣдняя написана при дневномъ свѣтѣ, такъ что совершенно непонятно, какъ могли днемъ испугаться и бѣжать вполнѣ вооруженные воины.

«Потомъ, на всѣхъ прочихъ заграничныхъ выставкахъ Верещагинъ объявляетъ, что не продаетъ; на этой все продается, каждой вещи назначена цѣна. Большая часть этюдовъ маленькіе, въ отличныхъ рамахъ, назначены въ 100—150—200—400—600 гульденовъ, или, на рубли, 80—120—160 и т. д. До сего времени (13-го ноября) не продано ничего»...

Судя по фотографіямъ, точка зрѣнія у Верещагина на евангельскія событія дѣйствительно оригинальна: до сихъ поръ никто еще не писалъ Христа со спины и съ затылка...

XXI. Нужна ли русская Академія художествъ въ Римѣ *).

А. *Первый набросокъ.*

Нѣсколько времени тому назадъ, въ газетѣ «Новое Время» **) проскользнуло извѣстіе, что идея учрежденія въ Римѣ Академіи художествъ для русскихъ пенсіонеровъ близка къ осуществленію, и что на рекомендованный для того старый домъ есть покупатель, а на вырученную сумму

---

*) Эта статья не была напечатана и заключается въ двухъ черновыхъ набраскахъ, печатаемыхъ здѣсь цѣликомъ. *Ред.*

**) «Новое Время» 1886, № 3717. *Ред.*

можно построить новый, на хорошемъ мѣстѣ. «Художественныя Новости (оффиціальный журналъ нашей Императорской Академіи Художествъ)*),» сказали объ этомъ сообщеніи, что оно не точно; при этомъ замѣтили, что раньше всѣхъ пустила слухъ этотъ — французская газета «Temps», которая даже назвала будущаго директора. «Новое Время» не оставило замѣтки оффиціальнаго журнала безъ вниманія, а очень ревниво и авторитетно сообщило слѣдующее **):

«Мы можемъ смѣло сказать почтенной редакціи «Художественныхъ Новостей», что Академія художествъ стала серьезно думать объ открытіи отдѣленія въ Римѣ только послѣ того, какъ этотъ вопросъ серьезно и впервые обсуждался на столбцахъ нашей газеты (въ письмахъ изъ Италіи г. М-е), гдѣ и были между прочимъ указаны первоначальныя средства для устройства Академіи—именно, продажа дома, принадлежащаго Россіи въ Via dei Polacchi, дома, гдѣ такъ широко и безъ всякаго основанія размѣстились мелкіе служащіе при посольствѣ. Прежде же объ Академіи въ Римѣ у насъ только кое-когда заговаривали, но серьезно о ней не думали. Лучшаго доказательства, что именно дѣло было начато на основаніи нашихъ соображеній, нечего и представлять какъ обращеніе къ средствамъ, указаннымъ нашимъ корреспондентомъ, именно продажи дома, о существованіи котораго никто не зналъ. Затѣмъ наше сообщеніе безусловно точно во всѣхъ подробностяхъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ, говорятъ «Художественныя Новости», еще не дало оффиціальнаго согласія на уступку дома: это не мѣняетъ дѣла, какъ напримѣръ не измѣняетъ его и имя будущаго директора Римской Академіи. Во всякомъ случаѣ желающихъ этого мѣста есть не мало, даже и помимо лицъ, имена которыхъ появились въ газетахъ. Въ дополненіе къ сообщеннымъ свѣдѣніямъ, можемъ добавить, что теперь есть другой покупщикъ, предлагающій за уступаемый въ Римѣ домъ уже 700 тысячъ франковъ».

И такъ, стало быть, дѣло рѣшеное: корреспондентъ «Новаго Времени» знаетъ гораздо больше редакціи оффиціальнаго Академическаго журнала. Что за туманъ такой? Въ Римѣ учреждается Академія Художествъ для пенсіонеровъ Петербургской Академіи, а лица, интересующіяся дѣломъ искусства, весьма мало объ этомъ знаютъ; дѣло такой важности проходитъ подъ сурдинкой, безъ обсужденія вопроса не только обществомъ, или печатью, но даже и Совѣтомъ Императорской Академіи художествъ, иначе оффиціальная редакція знала бы больше корреспондента газеты. Удивительное время! Вещи подобнаго рода возможны и осуществляются съ та-

Ред.
Ред.

*) «Худож. Новости» 1886, № 64.

**) «Новое Время» 1886, № 3729.

тою простотою и легкостью. Но какія же причины побуждаютъ учредить въ Римѣ русскую Академію художествъ? Нельзя же серьезно думать, чтобы для этого было достаточно одного желанія кого-либо жить въ Италіи за хорошее жалованье; точно также мало резона и въ томъ, что у нашего министерства иностранныхъ дѣлъ есть домъ въ Римѣ, посольству почти не нужный! Въ послѣдней замѣткѣ «Новаго Времени» говорится еще о статьѣ г. М-е, въ которой этотъ вопросъ серьезно обсуждался—я не знаю, кто это г-нъ М-е и какія его заслуги передъ русскимъ искусствомъ, чтобы Академія могла обратить столь серьезное вниманіе на его статью: остается предположить, что въ самой статьѣ и въ доводахъ г. М-е въ пользу его идеи было такъ много убѣдительности, что его совѣты рѣшились осуществить.

Я очень хорошо помню, что болѣе года тому назадъ въ «Новомъ Времени» былъ напечатанъ одинъ фельетонъ, гдѣ говорилось, что хорошо бы намъ устроить Академію; объ этомъ вопросъ обсуждался дѣйствительно, но я подумалъ, что, какъ мнѣ тогда показалось, доводы были вовсе не убѣдительны, то есть доводы именно по существу предмета. Указанія на средства нельзя считать доводами. Необходимо доказать, что Академія нужна, а какія средства—все равно. Очень сожалѣю, что не имѣю самой статьи подъ руками, и потому буду передавать ея суть своими словами, но я очень хорошо помню все содержаніе статьи, все, что говорилось тамъ, и думаю, что и самъ авторъ не найдетъ искаженій, а ошибки, если нужно, поправитъ и возстановитъ.

Статья начиналась съ сѣтованія на исключительное пристрастіе русскихъ художниковъ, особенно молодежи, къ Парижу; что пристрастіе это ошибочно, даже пагубно, и что считать Парижъ серьезнымъ художественнымъ центромъ—есть непростительное увлеченіе, и что, напротивъ, забытые теперь Италія и Римъ (бывшіе когда-то обѣтованною землею для всѣхъ художниковъ), должны быть снова главнымъ предметомъ вниманія, и должны возвратить себѣ прежнее первенствующее положеніе по части искусствъ,—эта мысль, какъ мысль, можетъ имѣть въ свою пользу много голосовъ. Но чтобы она была исключительно справедливой, съ этимъ согласиться нельзя, потому что послѣ смерти двухъ великихъ школъ живописи—итальянской и голландской, во Франціи сдѣлано больше всего для живописи. Тамъ зародилось новое современное намъ и живое искусство, не подражательное, а оригинальное. Изучать необходимо и то и другое. Еще менѣе можно считать эту мысль достаточной для того вывода, который дѣлается, то есть необходимости учрежденія Академіи...

Б. *Второй набросокъ.*

(Этотъ набросокъ начинается краткимъ изложеніемъ, въ немногихъ строкахъ, содержанія перваго отрывка, а далѣе идетъ слѣдующій текстъ):

...Но достаточна ли эта мысль, сама по себѣ, для того, чтобы отсюда можно было придти къ необходимости учрежденія Академіи? Въ одномъ сопоставленіи только ужасно много страннаго. Чтожъ слѣдуетъ изъ того, что молодые пенсіонеры увлекаются Парижемъ? И какъ ихъ отъ этого увлеченія отрезвить? Недостаточно ли простой рекомендаціи Совѣта Академіи каждому пенсіонеру? Вѣдь пенсіонерамъ дается отъ Академіи инструкція, какъ заниматься заграницей, на что обращать наибольшее вниманіе и т. д. Прежде бывали и указанія: гдѣ жить. Если все дѣло въ увлеченіи, то, мнѣ кажется, достаточно выбора; а непослушныхъ вѣдь можно и лишить пенсіона, если ужъ считать пребываніе въ Римѣ необходимымъ для правильнаго развитія молодого таланта. Неправда ли, что это рѣшеніе самое раціональное?

Но въ статьѣ, кромѣ этого главнаго довода, есть и другіе. Напримѣръ: тамъ говорится, что тѣ молодые люди, которые попадаютъ въ Римъ, не имѣя оффиціальнаго пристанища, долго не могутъ устроиться ни въ мастерской, ни съ другими жизненными задачами, ни разобраться въ художественныхъ памятникахъ, и безъ руководителя долго не могутъ уяснить себѣ, какія сокровища художественныя заслуживаютъ наиболѣе пристальнаго изученія, и какія нѣтъ, словомъ, теряютъ много дорогого времени, которое пропадаетъ, такъ сказать, непроизводительно. Разберемъ это.

Первое безпомощное положеніе русскаго пенсіонера состоитъ въ томъ, что молодой человѣкъ, попадая въ незнакомый городъ, первыя недѣли находится въ лѣсу. Но неужели это серьезная причина заводить въ каждомъ такомъ городѣ отъ правительства пристанище съ наставниками и провожатыми? Второе же безпомощное положеніе русскихъ художниковъ—въ неумѣньѣ ихъ разобраться въ художественныхъ памятникахъ—серьезнѣе, конечно, но за то оно рѣшительно не заслуживаетъ такого исключительнаго вниманія, и поправлять это надо не въ Римѣ, а въ Петербургѣ. Что же это за невѣжественные молодые люди? И что же это за пенсіонеры, которые безъ руководства не могутъ ступить шагу? Замѣтьте, пенсіонеры (русскіе) моложе 30 лѣтъ теперь не бываютъ. Для таковыхъ, мнѣ кажется, достаточно было бы и книгъ: гидовъ, критическихъ изслѣдованій, описаній и прочаго, и опять-таки инструкцій. И наконецъ тѣ пенсіонеры, которые знаютъ, зачѣмъ они ѣдутъ заграницу, въ этомъ никогда не нуждались, съумѣли всегда разобраться. Потеря же времени, при этой умственной работѣ, скорѣе полезна, такъ какъ разборъ самостоятельный и шту-

дированіе мастеровъ и памятниковъ прочнѣе залегаетъ и въ памяти, и въ сознаніи.

Идейныхъ причинъ, кромѣ приведенныхъ мною, въ статьѣ больше не находится. Но тамъ есть много другихъ практическихъ причинъ, въ сущности весьма интересныхъ и любопытныхъ. Высказавъ мысли, изложенныя мною выше, г. М-е продолжаетъ: «Франція и Испанія имѣютъ свои академіи, а Россія нѣтъ! Какъ было бы хорошо, если бы и мы завели свою въ Римѣ: для этого правительству даже и расходовъ дѣлать не нужно. Тутъ въ Римѣ есть домъ, принадлежащій министерству иностранныхъ дѣлъ, и тамъ Богъ знаетъ кто живетъ, кто и права-то никакого не имѣетъ! Мало того, люди, съ фиктивными правами на казенную квартиру, отдаютъ ихъ за деньги какимъ-то итальяшкамъ! Какая жалость! а бѣднымъ пенсіонерамъ приходится брать мастерскія, и плохія, и маленькія—лишь бы подешевле. Что же касается директора Академіи, то вотъ здѣсь есть въ Римѣ два старожила, уважаемые художники такіе-то...» О жалованьѣ директору благоразумно умалчивается: это разумѣется само собою. Господи, что за туманъ такой! Если нужна Академія, ну и доказывай, что она именно нужна, во всякомъ случаѣ! Нужна сама по себѣ, и не изъ подражанія Франціи, а потому, что потребности русскаго искусства вызываютъ эту необходимость. А такъ, по дорогѣ, что вотъ, дескать домъ слѣдовало бы отнять отъ одного министерства и приспособить Академіи, тѣмъ болѣе, что есть кто-то, кому можетъ быть климатъ Петербурга нездоровъ, и жить ему пріятно было бы въ Италіи—это имѣетъ за себя весьма мало резоновъ. Если пенсіонерамъ мало содержаніе (а оно дѣйствительно недостаточно)—увеличьте его. Это не составитъ болѣе 3-хъ тысячъ въ годъ; во всякомъ случаѣ, расходъ этотъ, на цѣлыя 25 лѣтъ, будетъ меньше заведенія какой-то Академіи, гдѣ необходимъ директоръ, совѣтники, канцелярія и еще штатъ...... Впрочемъ, я думаю, что авторъ обмолвился нечаянно такимъ страшнымъ словомъ, какъ Академія. Вѣдь это значитъ: классы, мастерскія, регламентъ..... для 3—4-хъ пенсіонеровъ?!! И это-то послѣ десятилѣтняго ученья въ Петербургѣ? Повторяю, подумайте только серьезно, что ученикъ петербургской Академіи художествъ раньше 29 лѣтъ рѣдко когда можетъ кончить курсъ по живописи!! Шутите вы этимъ? Въ 30 лѣтъ онъ поѣдетъ еще ученикомъ въ Римъ...... на сколько лѣтъ?..... На шесть (пенсіонерскій срокъ для историческаго живописца). Да что же это такое въ самомъ дѣлѣ? Кто же это рѣшаетъ такимъ образомъ судьбу русскаго художника и русскаго искусства?

1886.

IV

ДОКУМЕНТЫ

I. Въ Совѣтъ Императорской Академіи художествъ конкуррентовъ на первую золотую медаль

Прошеніе*).

Узнавъ оффиціально предположеніе Совѣта Академіи художествъ задать намъ на будущемъ конкурсѣ одну тему всѣмъ безраздѣльно, изображающую какое-нибудь движеніе души человѣческой, какъ, напримѣръ, тоску по родинѣ, гнѣвъ и т. д., мы рѣшились обратиться въ Совѣтъ Академіи съ нижеизложенною просьбою и на слѣдующемъ основаніи:

Мы всѣ, постоянно слыша отъ нашихъ профессоровъ, о сущности экзаменовъ на золотыя медали — такого рода мнѣніе, что малая золотая медаль опредѣляетъ способности къ технической сторонѣ художества, то есть знаніе рисованія, толкъ въ живописи и нѣкоторое умѣнье связывать отдѣльныя части (этюды) въ цѣлое (картину), а большая золотая медаль опредѣляетъ способности къ моральной (если можно такъ выразиться) сторонѣ художества, то есть способности творчества, достоинство сочиненія и индивидуальнаго значенія художественныхъ силъ каждаго конкуррирующаго, мы, въ настоящемъ нашемъ положеніи, невольно принужденные, во-первыхъ, заглянуть поглубже въ самихъ себя отдѣльно, и потомъ сравнить насъ всѣхъ вмѣстѣ, увидали всю громадную между всѣми нами разницу нашихъ художественныхъ наклонностей. Для примѣра мы приведемъ хотя двѣ разности наклонностей: напр. одни изъ насъ люди спокойные, сочувствующіе всему тихому, грустному, другіе изъ насъ люди живые, страстные, художественное творчество которыхъ можетъ достойно проявляться только въ выраженіи сильныхъ, крутыхъ движеній души человѣческой. При темѣ «грусть по родинѣ», способности первыхъ людей, тихаго харак-

*) Съ черноваго, писаннаго рукою Крамского. *Ред.*

тера, еще могутъ высказаться въ своей силѣ; за то вторые положительно пропадаютъ. При темѣ «гнѣвъ», наоборотъ, первые пропадаютъ, не будучи въ силахъ представить то, къ чему они неспособны, вторые (натуры живыя и страстныя) выигрываютъ, попавъ на тему въ ихъ родѣ. Скажемъ болѣе: люди, одаренные сильною фантазіею, пропадаютъ при темѣ реальной; реалисты—при темѣ фантастической; люди веселые, съ способностями саркастическими и комическими, гибнутъ при темѣ грустной, люди съ меланхолическими способностями оказываются бездарными при темѣ веселой. Поэтому, одна какая бы то ни была тема, заданная всѣмъ безраздѣльно, вывозя людей, способности которыхъ соотвѣтствуютъ этой темѣ, губитъ другихъ, которые могли бы высказаться при свободномъ выборѣ сюжетовъ. И такъ, экзаменъ теряетъ свой равно для всѣхъ оцѣночный характеръ и принимаетъ характеръ лотерейный. Счастье тому, чьи художественныя наклонности соотвѣтствуютъ заданной темѣ—и несчастье остальнымъ! Дойдя до такого убѣжденія, мы рѣшились обратиться съ покорнѣйшей просьбой въ Совѣтъ Академіи: дозволить намъ свободный выборъ сюжетовъ, каждому по своимъ наклонностямъ, давъ двухнедѣльный срокъ.

P. S. Намъ могутъ возразить, что, при уничтоженіи запиранія, уничтожается возможность повѣрки конкуррирующихъ, то есть самъ ли конкуррентъ сочинялъ и рисовалъ, но на это мы просимъ позволенія напомнить Совѣту, что каждый изъ насъ около 10 лѣтъ знакомъ нашимъ профессорамъ. Мы думаемъ, что и конкурсъ остается во всей своей силѣ, ибо, по истеченіи двухнедѣльнаго срока, конкуррируютъ эскизы, а потомъ на экзаменѣ конкуррируютъ произведенія, обдуманныя и прочувствованныя въ продолженіе цѣлаго года. Возможность же экзамена при разносюжетности мы видимъ, на таковыхъ экзаменахъ, на всѣ званія, именно: профессоровъ Академій, вольныхъ общниковъ, классныхъ и неклассныхъ художниковъ, и на полученіе серебряныхъ медалей, раздаваемыхъ на выставкахъ.

Октябрь 1863 г.

II. Письмо Артели художниковъ къ А. Е. Бейдеману *).

Милостивый Государь Александръ Егоровичъ, единодушно выражаемъ вамъ нашу глубокую благодарность за участіе къ усопшему любимому и

*) Печатается съ черноваго отпуска, писаннаго рукою Крамского. Песковъ (Мих. Ив.), родомъ изъ Якутска, молодой живописецъ, умершій отъ чахотки въ Ялтѣ. 1 августа 1864 г. Онъ былъ одинъ изъ членовъ Художественной Артели, и обратилъ на себя вниманіе слѣдующими талантливыми картинами: «Воззваніе Минина къ нижегородцамъ» (2-я зол. медаль въ 1861 г.), «Кулачный бой при Іоаннѣ Грозномъ» (золотая медаль за экспрессію въ 1862 г.), «Ссыльно-поселенецъ» (1863). *Ред.*

уважаемому нашему товарищу М. И. Пескову. Нерадостное начало нашего поприща, но завѣщаніе его намъ—будетъ нами выполнено. Просьба наша общая къ вамъ: будьте до конца терпѣливы. На присланныя деньги распорядитесь поставить, на его дорогой намъ могилѣ, каменный крестъ, съ приложенною надписью *). Извиняемся въ томъ, что безпокоимъ васъ, но вѣдь намъ больше ничего не остается, а вы были такъ добры, что оставили дѣло, требовавшее вашего присутствія, и все для того, чтобы проводить его въ вѣчность. Это ничѣмъ съ нашей стороны не можетъ быть вознаграждено, кромѣ благодарности. Кстати просимъ васъ еще, будьте до конца терпѣливы, сообщите намъ подробности о его кончинѣ, что̀ онъ говорилъ, и не выразилъ ли какой-нибудь воли своей, не было ли, что̀ мы должны сдѣлать, или распорядиться его оставшимися вещами. А также сообщите, какимъ образомъ мы могли бы, еслибы кому изъ насъ случилось быть въ Ялтѣ, отыскать его могилку и поклониться ему? Жаль его крѣпко, но все-таки лучше передъ прощаніемъ съ жизнью видѣть знакомое лицо, и не умереть такъ сиротливо, ка̀къ это могло бы случиться.

1864 (августъ).

III. Условіе **).

1865 года октября дня, мы нижеподписавшіеся, профессоръ Императорской Академіи Художествъ по исторической живописи, Алексѣй Тарасовичъ Марковъ, и классный художникъ Иванъ Николаевичъ Крамской, заключили между собою сіе условіе въ томъ, что я, Крамской, обязуюсь ему, профессору Маркову, продолжать и вполнѣ окончить живописное изображеніе Тріипостаснаго Господа Саваоѳа со всѣми аксессуарами, находящагося въ куполѣ храма Христа Спасителя въ Москвѣ, по эскизу, рисункамъ, картонамъ, а также и указаніямъ самого проф. Маркова. Всѣ эти матеріалы и руководство со стороны проф. Маркова я признаю совершенно дастаточными для дальнѣйшаго производства работы, а по мѣрѣ надобности долженъ приготовить новые рисунки, этюды и картины, вспомоществующіе успѣху дѣла. Означенную работу я, Крамской, обязуюсь кончить къ апрѣлю мѣсяцу будущаго 1866 года, за 10,000 рублей серебромъ. Означенныя деньги, мнѣ, Крамскому, получать съ проф. Маркова

---

*) Надпись эта была: «Одинъ изъ 13-ти». *Ред.*

**) Съ черноваго, писаннаго рукой Крамского. *Ред.*

по мѣрѣ исполненія работы, распредѣляя слѣдующимъ образомъ: при началѣ труда, мнѣ, Крамскому, получить впередъ 2,000 рублей серебромъ, каковыми средствами я обязуюсь исполнить, къ 15-му числу декабря текущаго года, фигуру Господа Саваоѳа съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, окончательно, а прилегающія по сторонамъ группы ангеловъ привести въ надлежащій, хотя и неокончательный порядокъ; послѣ чего мнѣ, Крамскому, съ него проф. Маркова, по одобреніи моей работы имъ, проф. Марковымъ и комиссіею по художественной части, получить еще 3,000 рублей серебромъ. За тѣмъ, во время дальнѣйшаго производства работъ, въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ успѣха работы, мнѣ, Крамскому, получить съ него, проф. Маркова, не свыше 2,000 рублей серебромъ. Остальныя же 3,000 рублей, проф. Марковъ уплатитъ мнѣ, Крамскому, по окончаніи мною работы, совершенно удовлетворяющей его, проф. Маркова, и по принятіи оной, какъ совершенно оконченной комиссіею, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ будущаго 1866 года. Если же затѣмъ будутъ признаны означенною комиссіею нужными вмѣстѣ съ проф. Марковымъ, какія-либо поправки, то я, Крамской, обязуюсь сдѣлать ихъ уже безплатно, если поправки эти не будутъ превышать двухъ-мѣсячнаго моего труда. Сіе наше условіе мы обязуемся хранить свято и ненарушимо, которое и хранить ему, проф. Маркову у себя, а мнѣ, Крамскому, имѣть съ него точную копію.

IV. Записка по поводу пересмотра Устава Академіи художествъ*).

Чтобы основательно судить о какомъ-нибудь предметѣ, нужно его знать, а чтобы знать—надобно изучать его, а изученіе будетъ неполнымъ безъ исторіи этого предмета. Когда же требуется чему-нибудь помочь, что-нибудь переправить или передѣлать, то знакомство съ первоначальнымъ устройствомъ разсматриваемаго предмета дѣлается до того необходимымъ, что отъ этого зависитъ не только правильное его пониманіе, но и возможность разумной поправки, а также, если состояніе предмета того потребуетъ, и успѣхъ совершенной передѣлки. Особенной осторожности требуется отъ людей уполномоченныхъ измѣнять и передѣлывать какія-нибудь общественныя учрежденія, съ которыми всегда бываютъ связаны многіе

*) Записка эта была подана Крамскимъ, въ 1865 году, графу С. Г. Строганову, предсѣдателю комиссіи, назначенной для пересмотра устава Академіи художествъ. Печатается съ черновой. *Ред.*

серьезные нравственные интересы. Къ числу такихъ сложныхъ вопросовъ надобно отнести и вопросъ объ Академіи художествъ.

Къ сожалѣнію, литература, обстоятельно обсуждавшая многіе вопросы, ни къ чему, кажется, такъ легко не относилась, какъ къ вопросу объ Академіи. По нашему мнѣнію, эта легкость сужденій объясняется съ одной стороны тѣмъ, что на очереди стояли болѣе насущные вопросы, но съ другой—свидѣтельствуетъ и о непониманіи предмета.

Всѣ замѣчаютъ печальное положеніе искусства и неспособность Академіи помочь дѣлу, а между тѣмъ считаютъ достаточнымъ бросить два-три поверхностныхъ совѣта, да нѣсколько громкихъ фразъ о невѣжествѣ художниковъ, о необходимости, для нихъ, гуманнаго развитія, и дѣло, по ихъ мнѣнію, считается поконченнымъ.

Мы убѣждены, вмѣстѣ съ другими, въ настоятельной надобности принять мѣры къ тому, чтобы искусство заняло принадлежащее ему мѣсто; мы убѣждены, что искусство, въ своемъ истинномъ смыслѣ, должно быть истолкователемъ скрытаго смысла въ реальныхъ предметахъ, съ которыми оно имѣетъ дѣло; мы убѣждены вообще, наконецъ, въ развивающей способности искусства, но не убѣждены въ пользѣ и практичности мѣръ предпринимаемыхъ для того, чтобы дать искусству силу, интересъ и значеніе. Содѣйствіе принятымъ къ этому академическимъ мѣрамъ будетъ напраснымъ трудомъ: черезъ перестройку Академіи и передѣлку устава, въ родѣ бывшихъ уже, невозможно дойти до искомыхъ результатовъ. Сколько намъ извѣстно, всѣ истинно сочувствующіе успѣхамъ искусства и близко прикосновенные къ дѣлу предлагаютъ какія-нибудь мѣры къ улучшенію, стремятся искоренить недостатки и, особенно, пополнить пробѣлъ въ образованіи художниковъ, хлопочутъ, чтобы общее образованіе шло параллельно со спеціальнымъ. Безспорно, художникъ не долженъ быть ниже того уровня образованія, который существуетъ въ обществѣ въ данный моментъ, но, повторяемъ, что мѣры, въ родѣ уже приведенныхъ въ исполненіе, не могутъ способствовать прочному развитію искусства. Болѣзнь лежитъ гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, и средства для исцѣленія прописываются не тѣ. Переносившіе на собственныхъ плечахъ всѣ противорѣчія академической системы, мы рѣшаемся сдѣлать попытку пред ложить мѣру, которая, по нашему мнѣнію, подвинетъ дѣло въ томъ именн направленіи, которое желательно.

Для ясности доказательствъ въ пользу нашего мнѣнія, мы считаемъ нужнымъ коснуться, хотя въ главныхъ чертахъ, историческаго хода Академіи, и тѣхъ перемѣнъ въ ея постановленіяхъ, которыя вліяли на него, чтобы такимъ образомъ напасть на слѣдъ, оставленный самой жизнью, и, идя по немъ, такъ сказать, самимъ догадаться, какими мѣрами можно

удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя поставили обстоятельства и время. Этотъ путь менѣе рискованъ, заблудиться на немъ труднѣе, чѣмъ на другомъ какомъ-нибудь, да, наконецъ, если мы гдѣ-нибудь и заблуждаемся, то всякому, даже совершенно незнакомому съ академическимъ вопросомъ, будетъ легко вывести заключеніе, и опредѣлить, гдѣ мы говоримъ дѣло, а гдѣ находимся въ области фантазіи.

Такъ какъ въ Россіи до 1764 г. были исключительно только иностранные художники, то, для развитія у насъ искусства, требовалось завести первоначально учрежденіе, въ которомъ бы совмѣщалось спеціальное образованіе, съ самыхъ даже низшихъ своихъ ступеней, съ образованіемъ общимъ. И вотъ, по мысли Великой Екатерины, возникла Академія художествъ, которой и данъ былъ уставъ, поражающій всякаго внимательнаго читателя величіемъ плана и замѣчательною логикой. Если вникнуть въ духъ его и понять обстоятельства, при которыхъ онъ составлялся, то станетъ понятно, что стоило только исполнить его почти буквально, чтобы результаты были удовлетворительны для своего времени. Академія посвящалась свободнымъ художествамъ, что̀ и доказываетъ надпись на главномъ подъѣздѣ академическаго зданія. Внутри круглаго двора, надъ четырьмя воротами также находятся надписи: живопись, скульптура, архитектура, воспитаніе. Что̀ изъ этого уцѣлѣло въ Академіи, извѣстно всѣмъ, а на сколько уцѣлѣвшее соотвѣтствуетъ своей сущности—предоставляется каждому судить по годичнымъ выставкамъ. Въ это вновь открытое учрежденіе принимались мальчики всѣхъ сословій, отъ 8 до 14 лѣтъ, на казенный счетъ. Помѣщались они, какъ въ корпусахъ, пансіонахъ и другихъ заведеніяхъ, въ общихъ большихъ комнатахъ, раздѣлялись по лѣтамъ и успѣхамъ на три возраста. Самые маленькіе начинали въ наукахъ и искусствѣ почти съ азбуки. Всѣ они въ одно время вставали по утру, молились Богу и завтракали, учились и слушали лекціи, рисовали и занимались музыкой, пѣли и разыгрывали театральныя пьесы, потомъ обѣдали и опять учились и т. д. При нихъ всегда находились инспекторъ, гувернеры и учителя, и если кто не оказывалъ къ изящнымъ искусствамъ наклонностей и способности, того даже учили ремесламъ, напр. ювелирному, орнаментному, литейному дѣлу и часовому мастерству. Порядокъ въ занятіяхъ рисованіемъ, живописью и другими искусствами, и порядокъ въ раздачѣ медалей оказавшимъ особые успѣхи въ искусствахъ, былъ тотъ же, что и теперь. Окончившіе курсъ наукъ и получившіе большую золотую медаль по какой-нибудь отрасли художества, точно такъ же, какъ и теперь, посылались заграницу на 6 лѣтъ, для усовершенствованія, съ казеннымъ содержаніемъ по 300 золотыхъ въ годъ. Отличившихся своими дальнѣйшими успѣхами, по возвращеніи ихъ изъ-заграницы, Ака-

демія награждала степенями академиковъ и профессоровъ: они, такимъ образомъ, становились во главѣ движенія, вели искусство дальше, стремились къ славѣ личной, а черезъ то—и Академіи. Профессора составляли Совѣтъ, совершенно полномочный во всѣхъ художественныхъ вопросахъ, руководили преподаваніемъ, не стѣсняясь параграфами устава, такъ какъ, по смыслу того же устава, они имѣли полное право добавить, что сочтутъ необходимымъ, или сократить признанное уже несвоевременнымъ. И такимъ образомъ, когда пересаженное дерево не засохло, а принялось, Россія стала считать десятками художественныя дарованія изъ среды своего народа, а изъ послѣднихъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ вышли люди, которые своею дѣятельностью придали такой блескъ учрежденію въ 30-хъ и 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, что все лучшее въ нашемъ обществѣ, наукѣ и литературѣ было близко знакомо ему и интересовалось имъ.

Первый чувствительный ударъ Екатерининскому уставу былъ нанесенъ уничтоженіемъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ 31-мъ году; одновременно съ этимъ уничтожено и преподаваніе изъ наукъ, а оставлено только чтеніе лекцій изъ вспомогательныхъ предметовъ, какъ-то: анатоміи, перспективы и строительнаго искусства. Пріемъ въ ученики Академіи не сопровождался никакимъ экзаменомъ, кромѣ начальнаго рисованія съ оригиналовъ, да взноса, за посѣщеніе классовъ рисованія по 9 рублей въ годъ. Слѣдствіемъ этого было то, что прежнихъ воспитанниковъ замѣнила толпа малограмотная, бѣдная, но все-таки даровитая. Произведенія этихъ новыхъ учениковъ Академіи были уже блѣднѣе предъидущихъ, поражали большею частію глазъ, и рѣдко сердце, а еще рѣже—умъ. Вниманіе публики, ничѣмъ не поддерживаемое со стороны художниковъ, стало ослабѣвать; къ тому же, проснувшіяся новыя потребности и вопросы, непосредственно касающіеся существенныхъ сторонъ жизни, отвлекли совершенно общественное вниманіе отъ Академіи, и она была легко забыта.

Изъ этого краткаго очерка исторіи Академіи художествъ какъ нельзя болѣе логично слѣдуетъ, что вначалѣ правительство приняло на себя заботу дать русскому обществу понятіе объ искусствѣ. Когда же общество поняло, что искусства полезны и необходимы для него, то матеріальная поддержка со стороны правительства сдѣлалась излишнею, и прежняя обязанность его должна была перейти уже къ обществу (именно около этого времени), а оно, какъ мы сказали раньше, сдѣлалось равнодушнымъ къ искусству по причинамъ, изложеннымъ уже нами. Академія же лишилась казеннокоштныхъ воспитанниковъ и преподаванія наукъ, стала только заведеніемъ спеціально техническимъ, наполненнымъ массою учащихся, лишенныхъ всякаго образованія. Лучшіе изъ этой массы стояли все-таки

ниже уровня общественнаго развитія и, стало быть, были неспособны произвести что-нибудь настолько замѣчательное, чтобы снова заинтересовать вниманіе. Упадокъ Академіи сдѣлался явнымъ; отъ времени нельзя было ничего ожидать, и вотъ, въ 1859 году, были приняты мѣры къ улучшенію положенія Академіи. Начали, конечно, съ устава. И такъ какъ недостатокъ образованія былъ слишкомъ явный, чтобы его не замѣтить, то, чтобы поднять образованіе художниковъ, положенъ былъ вступительный экзаменъ, равный гимназическому курсу 4-го класса, и обязательное слушаніе лекцій изъ введенныхъ въ преподаваніе наукъ. Весь курсъ научнаго образованія имѣлъ быть пройденъ въ 6 лѣтъ. Свыше 20 лѣтъ въ ученики не принимали, за немногими исключеніями. Принятый такимъ образомъ ученикъ ничего не платилъ за посѣщеніе Академіи, а вольнослушающіе, на которыхъ права учениковъ не простирались, должны были платить по 25 р. въ годъ. Затѣмъ послѣдовали перемѣны и въ спеціальныхъ занятіяхъ: уничтожено два класса рисованія съ оригиналовъ, такъ какъ въ это время въ Петербургѣ существовала уже на Биржѣ школа рисованія для вольноприходящихъ, да, кромѣ того, училище живописи и ваянія въ Москвѣ. По рисованію экзаменъ также былъ возвышенъ: требовалось отъ поступающаго ученика умѣнье рисовать съ гипсовой головы. Порядокъ наградъ медалями остался во всей силѣ. Въ концѣ того же года, уставъ, передѣланный такимъ образомъ, введенъ былъ въ дѣйствіе только для вновь поступающихъ, прежніе же ученики Академіи оставлены на старыхъ правахъ. Ближайшія послѣдствія этого были слѣдующія. Такъ какъ пріобрѣтеніе техники беретъ отъ учениковъ пять часовъ въ сутки, обязательное слушаніе лекцій тоже много времени, а масса учащихся попрежнему бѣдна и неимуща, занята постоянною заботою о ежедневномъ пропитаніи, казеннокоштныхъ воспитанниковъ не полагается, — то учащимся скоро сдѣлалась ясна невозможность обѣ стороны вести рядомъ съ успѣхомъ. Появилось много незнающихъ ни того, ни другого. Академія же, въ силу устава, должна была строго требовать и то и другое, а потому, получившимъ медали задерживала выдачу аттестатовъ на званія и степени, если они не сдавали словеснаго экзамена. Цифра учениковъ быстро стала понижаться, и, въ теченіе 5—6 лѣтъ послѣ введенія въ дѣйствіе новаго устава, почти изъ 700 учащихся упала въ настоящее время до 300. Это указываетъ прежде всего на то, что если и есть возможность продолжать дѣло такимъ образомъ, то Академія скоро будетъ мѣстомъ, гдѣ могутъ учиться только дѣти достаточныхъ родителей и, по преимуществу, постоянныхъ петербургскихъ жителей.

Итакъ, вотъ въ какомъ печальномъ положеніи Академія и зависящее отъ нея будущее нашего искусства. При всѣхъ усиліяхъ и мѣрахъ

строгости, практика жизни все громче и громче заявляетъ о необходимости совершенно новаго пути для искусства, — пути, на которомъ бы могли быть соглашены всѣ противорѣчія, и чтобы при соглашеніи ни одно необходимое качество искусства не было утрачено. Печальнѣе всего, въ этомъ положеніи, признаніе самой Академіи въ своей неспособности найти исходъ. Отчетъ, читанный конференцъ-секретаремъ Академіи, на актѣ нынѣшняго года, доказываетъ это. Здѣсь упоминается, что составленіе новаго устава и придумываніе иныхъ, отличныхъ отъ нынѣ дѣйствующихъ, мѣръ возложено на особый комитетъ, составленный внѣ Академіи и безъ ея участія. Впрочемъ, вопросъ объ Академіяхъ художествъ нигдѣ въ Европѣ, сколько намъ извѣстно, не рѣшенъ еще удовлетворительнымъ образомъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы дожидались, какъ это часто у насъ дѣлается, пока тамъ придутъ къ какому-нибудь рѣшенію. Вѣрнѣе всего, что мы и не дождемся, потому что тамъ, помимо академіи, образовались кружки около какого-нибудь художественнаго свѣтила, которые учатся и совершенствуются, не заглянувъ даже ни разу въ академію. Гдѣ же есть у насъ что-нибудь подобное, и, наконецъ, когда мы дождемся этого? Наши лучшіе художники дѣйствуютъ поодиночкѣ, умираютъ рано, или живо свихнутъ съ пути задолго до смерти, потому что въ нравственномъ и умственномъ мірѣ у насъ царствуютъ хаосъ и отсутствіе прочной и просвѣщенной критики.

Прежде всего, для поправленія дѣла, по нашему мнѣнію, надобно начать со спеціальныхъ школъ рисованія въ провинціяхъ людныхъ и въ то же время наиболѣе удаленныхъ отъ художественныхъ центровъ Петербурга и Москвы. Здѣшняя рисовальная школа есть хорошее приготовительное заведеніе для Академіи, и ученики, основательно прошедшіе школу, поступая изъ нея въ Академію, рисуютъ лучше и идутъ успѣшнѣе въ спеціальныхъ классахъ. Чѣмъ больше будетъ устроено такихъ школъ, тѣмъ лучше. Техническій курсъ рисованія въ Петербургской школѣ настолько обширенъ, что на первый разъ можетъ удовлетворить совершенно и, стало быть, ее можно взять за образецъ. Относительно экономической стороны этого вопроса мы считаемъ умѣстнымъ здѣсь обратить вниманіе читателя на слѣдующее.

Въ настоящее время по всей Россіи находится не мало гимназій, кадетскихъ корпусовъ, уѣздныхъ училищъ, при которыхъ находятся учителя рисованія, съ окладомъ жалованья изъ государственныхъ суммъ, простирающихся до порядочной цифры. До какой степени предметъ этотъ заброшенъ при упомянутыхъ заведеніяхъ, извѣстно всѣмъ. Учителя рисованія пребываютъ рѣшительно въ невѣдѣніи относительно своего предмета. При экзаменахъ, баллы изъ рисованія не имѣютъ никакого значенія, да и сами

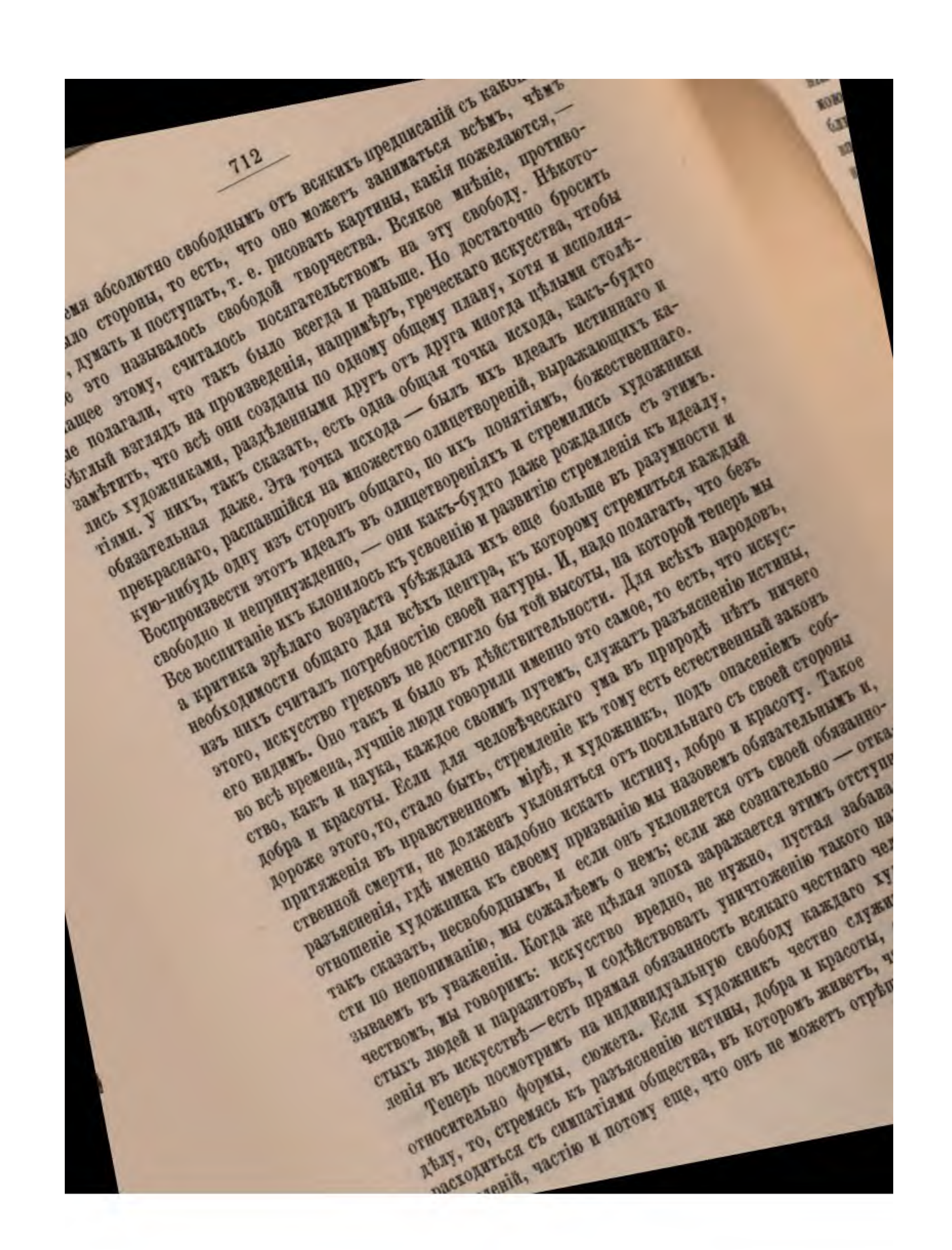
воспитанники никогда имъ не занимаются, за немногими исключеніями, а если и занимаются, то изъ этого ничего не выходитъ. Очевидно, предметъ этотъ тамъ совершенно лишній. А между тѣмъ, знаніе рисованія, правильное пониманіе живописи и развитіе художественнаго чувства — не лишнее въ жизни.

Правда, что учитель рисованія—въ то же время и учитель чистописанія и черченія, но черченіе можетъ быть пріобрѣтено совершенно основательно при изученіи геометріи, а о чистописаніи, какъ объ особой наукѣ, и говорить какъ-то странно даже: оно пріобрѣтается всѣми, кому это особенно нужно, практикой. Стало быть, мѣсто учителя рисованія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ таковое находится, можетъ быть, безъ ущерба для общаго образованія, уничтожено, и это свободное время послужитъ воспитанникамъ къ чему-нибудь другому. И вотъ, уже открывается возможность устроить спеціальныя школы, чтобы дать возможность любящимъ рисованіе свободно и необязательно заниматься этимъ. Тѣ же самые гимназисты, рядомъ съ общимъ образованіемъ, будутъ посѣщать рисовальные классы, которые обыкновенно устраиваются вечеромъ при ламповомъ освѣщеніи. Выгода при этомъ въ томъ еще, что пріобрѣтеніе техники и развитіе правильнаго взгляда на искусство будутъ усвоены въ раннемъ возрастѣ. Когда же придетъ время и охота повернуть кому-нибудь изъ рисующихъ на художественную дорогу, то, во-1-хъ, тотъ будетъ уже обладать достаточными для того свѣдѣніями, во-2-хъ, будетъ меньше ошибокъ въ опредѣленіи своего призванія, а потому въ Академіи будутъ люди скорѣе даровитые, чѣмъ бездарные. Потомъ, при устройствѣ школъ, безъ всякихъ попытокъ сдѣлать художниковъ образованными, мы получимъ въ результатѣ — молодыхъ людей, пріобрѣтающихъ техническія свѣдѣнія въ рисованіи и живописи, и въ то же время прошедшихъ курсъ наукъ въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ. Не получившіе же никакого образованія перестанутъ тянуться въ Петербургъ въ такомъ количествѣ, какъ то было до сихъ поръ, переполняя Академію для того только, чтобы, ничего не сдѣлавши, погибнуть съ голоду. Хорошая школа рисовальная, тамъ на мѣстѣ, опять-таки безъ всякихъ усилій съ своей стороны, будетъ оказывать именно на это свое вліяніе, не говоря уже о томъ, что устройствомъ годичныхъ выставокъ она повліяетъ и на развитіе вкуса въ обществѣ; наконецъ, лучшія вещи такихъ школъ будутъ имѣть мѣсто на академическихъ выставкахъ. И если, съ теченіемъ времени, такія школы, при счастливыхъ условіяхъ, потребуютъ бо́льшаго курса техники, то, стало быть, будетъ нужда въ этомъ, и, быть можетъ, возникнетъ сама собой такая школа, какъ Московская, которая и теперь почти ничѣмъ не разнится отъ Академіи. Учителя рисованія, понимающіе свой предметъ, могутъ быть

помѣщены преподавателями въ низшихъ классахъ школы, а многое множество бывшихъ учениковъ Академіи, хорошихъ техниковъ, погибающихъ здѣсь въ Петербургѣ, найдутъ исходъ изъ своего положенія и будутъ полезны своими знаніями. Несомнѣнно, что ученики русской Академіи художествъ, по общему отзыву людей авторитетныхъ въ этомъ отношеніи, рисуютъ, сравнительно, строже и лучше многихъ художниковъ заграничныхъ академій. Много найдется людей, не отличающихся большимъ талантомъ, но совершенно владѣющихъ технической стороною искусства. Въ настоящее время они предпочитаютъ голодать, но лишь бы находиться вблизи художественной дѣятельности другихъ, лучшихъ художниковъ. Для нихъ, попасть въ провинцію — значитъ быть одному, потерять всѣ связи съ искусствомъ, стать современемъ глухимъ и слѣпымъ и, перезабывъ все, пройти безъ слѣда и пользы для себя и другихъ. При устройствѣ школъ, живая связь съ искусствомъ для него не прекращается: онъ не одинъ находится при дѣлѣ и, поддерживаемый небольшимъ жалованьемъ, будетъ имѣть возможность даже совершенствоваться. Устройство такой школы обойдется, на первый разъ, не болѣе 5,000 рублей. Вознагражденіе учителямъ въ таковой школѣ можетъ быть устроено точно такъ же, какъ и въ здѣшней рисовальной школѣ; расходы по хозяйственной части могутъ быть покрыты взносами учениковъ за билеты на право посѣщенія классовъ, и, само собою разумѣется, что годичная цѣна такому билету должна быть доступна возможно большему числу желающихъ. Впрочемъ, намъ нѣтъ нужды пускаться здѣсь въ подробное и обстоятельное разсмотрѣніе этой стороны,—намъ прежде всего важно доказать только возможность и полезность такихъ заведеній. Приведенныя нами соображенія мы считаемъ пока достаточными. Другія доказательства пользы этой мѣры будутъ ниже.

Переходя отсюда къ опредѣленію, чѣмъ должна быть Академія художествъ при существованіи упомянутыхъ школъ, мы должны сдѣлать отступленіе, чтобы коснуться нѣкоторыхъ общихъ разсужденій объ искусствѣ, не имѣющихъ прямого отношенія къ занимающему насъ вопросу. Но изъ убѣжденій и взглядовъ нашихъ на этотъ предметъ вытекаетъ и развитіе дальнѣйшаго плана тѣхъ преобразованій, которыя, по нашему мнѣнію, принесутъ пользу, а потому мы не сдѣлаемъ вопросъ темнѣе, если ближе познакомимся съ существующими теперь взглядами на искусство и его творчество, потомъ резсмотримъ время и обстоятельства, въ которыя оно поставлено, и по возможности обстоятельнѣе и полнѣе (на сколько позволяютъ намъ размѣры статьи) уяснимъ себѣ отношеніе искусства къ обществу.

Художественное творчество, со времени Возрожденія, признавалось

емя абсолютно свободнымъ отъ всякихъ предписаній съ како... ало стороны, то есть, что оно можетъ заниматься всѣмъ, чѣмъ ..., думать и поступать, т. е. рисовать картины, какія пожелаются,— ...е это называлось свободой творчества. Всякое мнѣніе, противо-...ащее этому, считалось посягательствомъ на эту свободу. Нѣкото-...ые полагали, что такъ было всегда и раньше. Но достаточно бросить ...бѣглый взглядъ на произведенія, напримѣръ, греческаго искусства, чтобы замѣтить, что всѣ они созданы по одному общему плану, хотя и исполнялись художниками, раздѣленными другъ отъ друга иногда цѣлыми столѣтіями. У нихъ, такъ сказать, есть одна общая точка исхода, какъ-будто обязательная даже. Эта точка исхода — былъ ихъ идеалъ истиннаго и прекраснаго, распавшійся на множество олицетвореній, выражающихъ какую-нибудь одну изъ сторонъ общаго, по ихъ понятіямъ, божественнаго. Воспроизвести этотъ идеалъ въ олицетвореніяхъ и стремились художники свободно и непринужденно, — они какъ-будто даже рождались съ этимъ. Все воспитаніе ихъ клонилось къ усвоенію и развитію стремленія къ идеалу, а критика зрѣлаго возраста убѣждала ихъ еще больше въ разумности и необходимости общаго для всѣхъ центра, къ которому стремиться каждый изъ нихъ считалъ потребностію своей натуры. И, надо полагать, что безъ этого, искусство грековъ не достигло бы той высоты, на которой теперь мы его видимъ. Оно такъ и было въ дѣйствительности. Для всѣхъ народовъ, во всѣ времена, лучшіе люди говорили именно это самое, то есть, что искусство, какъ и наука, каждое своимъ путемъ, служатъ разъясненію истины, добра и красоты. Если для человѣческаго ума въ природѣ нѣтъ ничего дороже этого, то, стало быть, стремленіе къ тому есть естественный законъ притяженія въ нравственномъ мірѣ, и художникъ, подъ опасеніемъ собственной смерти, не долженъ уклоняться отъ посильнаго съ своей стороны разъясненія, гдѣ именно надобно искать истину, добро и красоту. Такое отношеніе художника къ своему призванію мы назовемъ обязательнымъ и, такъ сказать, несвободнымъ, и если онъ уклоняется отъ своей обязанности по непониманію, мы сожалѣемъ о немъ; если же сознательно — отка... зываемъ въ уваженіи. Когда же цѣлая эпоха заражается этимъ отступ... чествомъ, мы говоримъ: искусство вредно, не нужно, пустая забава... стыхъ людей и паразитовъ, и содѣйствовать уничтоженію такого на... ленія въ искусствѣ—есть прямая обязанность всякаго честнаго чел...

Теперь посмотримъ на индивидуальную свободу каждаго ху... относительно формы, сюжета. Если художникъ честно служи... дѣлу, то, стремясь къ разъясненію истины, добра и красоты, ... расходиться съ симпатіями общества, въ которомъ живетъ, ч... ...еній, частію и потому еще, что онъ не можетъ отрѣш...

его, такъ сказать, физіологическаго состава, темперамента, и отъ суммы впечатлѣній, сдѣланныхъ жизнію на него. Отсюда взглядъ спокойный и возвышенный, или желчный и раздражительный, легкій юморъ, или откровенность, доходящая до послѣдней степени реализма. Разумѣется, у кого шире способности и наблюденіе, кто постоянно стремится только къ уясненію мысли, безъ желанія затронуть личности, и передаетъ ее такою формою, которая самымъ точнымъ образомъ выражаетъ сущность мысли, тотъ ближе всѣхъ подойдетъ къ идеалу, и черезъ то произведетъ на зрителя впечатлѣніе чарующее, т. е. вполнѣ художественное, заставитъ задуматься надъ изображеннымъ предметомъ, и въ концѣ даже согласиться съ художникомъ относительно взгляда на ту или другую сторону человѣческой жизни. Разсужденію о формѣ и сюжетѣ здѣсь, разумѣется, нѣтъ мѣста. Къ этому надо прибавить еще, что бываютъ времена въ жизни человѣческихъ обществъ, когда преобладаетъ или усиливается которая нибудь изъ сторонъ ея: утѣшительная, или темная. Въ такое время истинные поэты и художники, за немногими исключеніями, по особой впечатлительности своей натуры, невольно начинаютъ смотрѣть на окружающее ихъ, сообразно производимому впечатлѣнію, и становятся, смотря по времени, пророками грядущихъ бѣдствій, или же рисуютъ величественныя и симпатичныя личности. Стало быть, каждый художникъ смотритъ на жизнь, нѣкоторымъ образомъ, черезъ окрашенное стекло; отнять его—значитъ отнять личность художника. Попробуйте отнять у Байрона, Гейне, Гогарта и Гоголя ихъ стекла—и вы потеряете художественныя произведенія, изъ которыхъ вы поучаетесь. Самыя чистыя стекла имѣли Гомеръ и Шекспиръ, потому-то они и объективны. Въ области живописи мы не имѣетъ ни одного таланта до такой степени объективнаго, какъ Шекспиръ въ поэзіи, но все же, по нашему мнѣнію, можно указать на нѣкоторыхъ. Именно: на англійскаго жанриста Вильки, портретиста Ванъ-Дейка (которому, впрочемъ, помогалъ въ этомъ—родъ его живописи) и Рафаэля въ одномъ изъ его произведеній—въ Сикстинской Мадоннѣ. Всѣ же остальные великіе художники Италіи и другихъ странъ совершенно субъективны, что̀ однакожъ не мѣшаетъ имъ быть иногда образцовыми. Впрочемъ, объективность въ живописи, какъ желаемое качество, только въ послѣднее время составляетъ предметъ стремленія лучшихъ художниковъ, какъ и вообще людей, подвизающихся во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности нашего времени.

Перейдемте теперь отъ этихъ отвлеченныхъ разсужденій, и посмотримъ, насколько въ силахъ какая бы то ни было академія очищать стекла, не говорю создавать таланты—это нелѣпость. Если мы допустимъ, что академія, въ своемъ составѣ, есть собраніе геніальныхъ людей въ преподавательномъ родѣ, то мы согласимся, конечно, что измѣнять, до нѣкоторой

степени, окраску стеколъ для талантовъ—дѣло хотя и мудреное, но возможное; совершенно же очищать—не въ нашей власти, а во власти всемогущества жизни и ея исторіи. Притомъ дѣло это мы считаемъ совершенно излишнимъ даже, потому что мы не должны и не можемъ на себя брать нравственной отвѣтственности, изъ опасенія сдѣлать стекло не прозрачнымъ, матовымъ. Гораздо поучительнѣе, намъ кажется, знать всѣ натурально-человѣческія точки зрѣнія на истину, чтобы, при помощи ихъ, развить въ самихъ себѣ возможно полный и доступный намъ взглядъ на нее. Поэтому, намъ кажется, академіи надобно отказаться отъ которой нибудь изъ своихъ претензій. Для достиженія цѣлей, несравненно важнѣе не задаваться этими общими задачами, а преслѣдовать болѣе частныя. Дойдя до этого заключенія, ближайшая наша задача будетъ состоять въ разсмотрѣніи обстоятельствъ и времени, въ которыя теперь искусство поставлено, чтобы сказать потомъ, какая мѣра будетъ больше всего способствовать нормальному развитію искусства и вѣрной оцѣнкѣ всякаго таланта. Дѣло въ томъ, что такъ какъ ни одинъ художникъ не освобожденъ отъ природы вещей и, если, окончивъ школьную подготовку, онъ хочетъ честно служить своему призванію, то со стороны школъ и академій не должно быть посягательства на то, чтобы отвлекать его отъ его точки зрѣнія: это есть его право, то есть, иначе сказать, намъ надо научиться понимать это право каждаго, и сознать свою собственную выгоду, которая заключается въ томъ, чтобы художникъ былъ правдивъ и откровененъ передъ нами какъ можно больше.

Выше, разсматривая историческій ходъ нашей Академіи, мы остановились на томъ, что она сама чувствуетъ невозможность дальше идти по избранной дорогѣ, и что забота о составленіи новаго устава перешла въ другія руки. Какую дорогу она приметъ въ будущемъ, мы предсказать, конечно, не можемъ, но предсказаніе возможно относительно будущаго для искусства вообще. Обстоятельства теперь слѣдующія. Мнѣнія и взгляды общества начинаютъ склоняться къ тому, что задаваніе сюжетовъ и программъ для опредѣленія таланта ведетъ совсѣмъ не къ тому, для чего оно употребляется, а иногда даже къ заблужденію относительно опредѣленія большей или меньшей степени таланта. Что взгляды дѣлаются дѣйствительно таковыми, доказываетъ Общество поощренія художниковъ, принявшее за правило не стѣснять выборомъ сюжета художниковъ, желающихъ принять участіе въ конкурсѣ, и назначать только родъ живописи. Быть можетъ, близко уже время, когда задаваніе сюжетовъ историческимъ живописцамъ будетъ такое же смѣшное дѣло, какъ и задаваніе программъ живописцамъ пейзажей; а между тѣмъ обычай этотъ существовалъ не далѣе 25 лѣтъ тому назадъ. Любопытно: задавалось, напримѣръ, изобразить

озеро, на первомъ планѣ стадо коровъ, вдали группу деревьевъ и облака, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ. Мы не говоримъ, чтобы пейзажъ такого содержанія не могъ имѣть интереса, но подобное задаваніе не знаешь къ чему ведетъ. Будто, если пейзажистъ изобразитъ не то, что̀ ему рекомендуютъ, то невозможно уже и судить о его пониманіи природы и умѣньи передавать ее? Задача программы сопровождалась, къ сожалѣнію, совѣтомъ: обратиться къ пейзажамъ Клодъ-Лорреня — художника, конечно, замѣчательнаго, но для насъ интереснаго развѣ въ томъ отношеніи, что какъ это великіе люди не могли совершенно отрѣшиться отъ понятій своего времени!

Когда мы хотимъ кого-нибудь понять и оцѣнить, то, по здравому смыслу, мы только слѣдимъ за нимъ, что̀ онъ дѣлаетъ и ка̀къ онъ это дѣлаетъ; изъ этого мы безошибочно можемъ отличить болѣе способнаго, болѣе умнаго и болѣе развитого, наконецъ. Пріемъ этотъ съ успѣхомъ можетъ быть примѣненъ къ опредѣленію степени таланта въ искусствѣ, и намъ кажется, что этимъ путемъ всего менѣе можно ошибаться. Предоставьте каждому самому выбрать сюжетъ для картины,—передъ вами сейчасъ скажется весь человѣкъ: что̀ онъ знаетъ, ка̀къ думаетъ, къ чему лежатъ его симпатіи, и, наконецъ, чего можно ждать отъ него въ будущемъ. Если въ литературѣ и случается ошибаться въ надеждахъ, возлагаемыхъ на какой-нибудь молодой талантъ, за то тамъ всѣ совершенно спокойны и увѣрены, что бездарность передъ лицомъ общества не получитъ одобренія и сочувствія, и ей невозможно маскироваться общепринятыми пріемами: стало быть, она, послѣ перваго опыта, волею-неволею сама сходитъ со сцены.

Академія должна быть школой—и ничего больше, со всѣми пособіями современнаго состоянія науки: библіотекой, совершенно доступной нуждающимся, музеумомъ, лекціями, необязательными, изъ вспомогательныхъ наукъ: исторіи искусствъ, исторіи народовъ, по преимуществу съ археологической ея стороны, особенно частной ихъ жизни, нравовъ, обычаевъ, однимъ словомъ, въ приспособленіи къ искусству; всѣ эти лекціи не должны быть обязательны. Потребовать экзамена отъ претендующаго на какую-нибудь художественную степень, при выходѣ изъ школы, совершенно законно, такъ какъ это требуется отъ всѣхъ вообще, получающихъ привилегіи, присвоенныя чину, а затѣмъ — ежегодные конкурсы для такихъ учениковъ, съ свободнымъ выборомъ сюжета на золотыя медали. Стало быть, общій итогъ нашъ таковъ: спеціальныя школы рисованія и живописи, безъ попытокъ вводить лекціи—и высшая школа, Академія, — но только какъ школа, со всѣми пособіями современнаго состоянія науки, библіотекой, музеумомъ, лекціями изъ предметовъ необязательныхъ, и по-

томъ избираемые жюри для рѣшенія вопросовъ искусства и для приговоровъ надъ картинами и художественными произведеніями вообще.

Послѣ всего сказаннаго, возьмемте нашу Академію художествъ, ка̀къ она есть, и посмотримъ, какимъ образомъ она поступаетъ, когда ей приходится рѣшать какой-нибудь изъ разбираемыхъ нами вопросовъ. Пока Академія—школа для учащихся относительно рисунка и живописи, она дѣлаетъ свое дѣло удовлетворительно, и то потому, что въ ней находятся многія пособія для этого, т. е. гипсы, натура и освѣщеніе; совѣты же профессоровъ, по правдѣ сказать, почти не вліяютъ на успѣхи учащихся: все, что̀ знаютъ художники въ этомъ отношеніи, надобно отнести къ ихъ энергіи, любви, прилежанію и конкурренціи всѣхъ между собою, т. е. что они учатся одинъ у другого. Это не голословно, спросите перваго попавшагося объ этомъ—онъ скажетъ то̀ же самое.

Двери мастерскихъ нашихъ корифеевъ искусства для нихъ закрыты, и едва ли найдется десятокъ изъ всего числа учащихся, который бы хоть одинъ разъ увидалъ, ка̀къ пишетъ мастеръ; и это по той простой причинѣ, что эти мастера сами ничего не пишутъ. Но эта часть все-таки сравнительно идетъ удовлетворительно.

Гораздо хуже относительно высшихъ задачъ искусства: эстетическаго развитія художника и сочиненій. Какъ извѣстно, Академія до сихъ поръ еще имѣетъ претензію на изготовленіе, если можно такъ выразиться, художниковъ, и признанные лучшими—посылаются заграницу для усовершенствованія. Чтобы достигнуть этой высшей задачи въ искусствѣ, Академія, задолго до конкурса, подготовляетъ учениковъ въ этомъ, задавая ежемѣсячно сюжеты для эскизовъ и, въ послѣднее время, заботливость свою простираетъ до того, что не экзаменуетъ ни рисунка, ни этюда, если не будетъ кѣмъ представлено заданнаго эскиза. Худъ онъ или хорошъ, это въ разсчетъ не принимается, — эскизъ долженъ быть: это для того, чтобы пріучить ученика къ сочиненію, композиціи, однимъ словомъ, развить голову. Затѣмъ, когда учащійся достигнетъ извѣстной степени совершенства въ техникѣ, которая опредѣляется полученіемъ за рисованіе и живопись четырехъ серебряныхъ медалей, тогда приступаютъ къ высшему испытанію и задаютъ на золотую медаль второго достоинства сюжетъ для картины уже. Картина должна быть исполнена въ теченіе года. Представленныя произведенія конкуррентовъ обсуждаются общимъ собраніемъ профессоровъ и за лучшія присуждаются малыя золотыя медали. Тѣмъ же порядкомъ задаютъ получившимъ таковыя—еще сюжеты, тоже на годъ; за исполненныя программы по этой послѣдней задачѣ удостоиваютъ одержавшаго верхъ—послѣдней и самой высшей награды для ученика: золотой

медали 1-го достоинства, или большой, которая и даетъ уже право поѣздки заграницу, на шесть лѣтъ, съ казеннымъ содержаніемъ.

Высказанный выше взглядъ нашъ расходится со взглядомъ Академіи объ этомъ предметѣ. Мы признаемъ, что система экзаменовъ, принятая академіями художествъ вообще, не удовлетворительна, и не можетъ служить гарантіею для человѣка талантливаго. Это легко доказывается тѣмъ, что Россія, расходуя значительныя суммы для содержанія посылаемыхъ заграницу, все-таки не имѣетъ художниковъ. Имена яркія въ нашемъ искусствѣ образовались, за немногими исключеніями, помимо Академіи и въ свое время не были признаны Академіей: напримѣръ, Брюлловъ*) и Бруни не получили большой золотой медали; изъ болѣе современныхъ намъ художниковъ — Худяковъ и Келлеръ тоже. Остаются Гѐ, Флавицкій и Бронниковъ, бывшіе пенсіонеры; но изъ нихъ надобно считать Флавицкаго и Бронникова, потому что Гѐ удостоенъ былъ уже послѣ экзамена, благодаря только настояніямъ одного изъ членовъ Совѣта; общее же мнѣніе было противъ его программы. Одновременно же съ этими упомянутыми художниками, и раньше и позже, посылались цѣлые десятки молодыхъ людей, признанныхъ Академіей достойными, которые не только не оправдали надеждъ ея, но еще убѣдили самымъ краснорѣчивымъ образомъ, что именно ихъ-то посылать и не слѣдовало. Перечислять имена ихъ и неудобно, да и не нужно,—всѣмъ и безъ того извѣстно, что посылаютъ очень много, а искусство все-таки остается безъ притока свѣжихъ силъ, которыя бы подняли его и оживили. Исключеніе составляетъ одинъ жанристъ Перовъ, талантъ хотя и очень сильный, но односторонній.

Чтобы понять всю важность послѣдствій ошибокъ академической системы, надо имѣть въ виду, что посылаемые заграницу суть самые избранные изъ нѣсколькихъ сотенъ молодежи, стремящейся сдѣлаться художниками. Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, русское племя такъ бѣдно дарованіями къ живописи? Чтобы отвѣчать на это, прошу каждаго, видѣвшаго выставки, вспомнить, чтò онъ видѣлъ интереснаго и достойнаго вниманія на нихъ: по большей части, это будутъ вещи, принадлежащія именамъ совершенно неизвѣстнымъ, начинающимъ, которыя такъ и сходятъ безъ слѣда со сцены, благодаря принятой Академіей системѣ въ развитіи таланта, и потомъ въ опредѣленіи большей или меньшей степени его, и стало быть, въ его поощреніи. Если ужъ разъ необходимо еще, чтобы Академія была не только школой рисованія и живописи, но высшимъ образовательнымъ заведеніемъ для художниковъ, то рѣшительно нужно, чтобы

*) Брюлловъ получилъ медаль на счетъ Общества поощренія художниковъ. *Ред.*

Академія стала во главѣ движенія, т. е. чтобы все, что̀ можетъ составлять сущность искусства современнаго, могло быть усвоено учащимися задолго до ихъ выхода изъ заведенія, а не узнавали бы они объ этомъ внѣ стѣнъ Академіи. А потому, мы не только отрицаемъ пользу задаванія сюжетовъ на золотыя медали, а отрицаемъ пользу таковыхъ даже для ежемѣсячныхъ эскизовъ, задаваемыхъ какъ упражненіе грамматическое. По нашему мнѣнію, необходимо не только хорошо рисовать и писать, но ясно и выразительно въ образахъ провести мысль, безъ малѣйшаго слѣда тенденцій и нравоученія, чтобъ выводъ представлялся самъ собой уму зрителя, и чтобы это было не только умно, но и симпатично, не только поучительно, но и прекрасно.

Это же не достигается по желанію, моментально; стало быть, надо заботиться, чтобы учащіеся развивались и въ этомъ направленіи, раньше, даже по преимуществу въ этомъ. И потому, требовать эскизовъ отъ каждаго, желающаго быть художникомъ, позволительно и необходимо, но только не задавать ему сюжета, а пусть онъ самъ сочиняетъ, что̀ хочетъ. Академія же съ своей стороны должна только ограничиться критикой этихъ эскизовъ, для чего и имѣть спеціальнаго профессора, положимъ даже и не художника, но человѣка просвѣщеннаго и художника въ другомъ смыслѣ,— въ родѣ, напримѣръ, Гервинуса, или хотя Бѣлинскаго, т. е. художественнаго критика, который бы разбиралъ данный эскизъ, какъ сочиненіе, не касаясь, технической стороны и не заботясь о линіяхъ и устарѣлыхъ понятіяхъ о композиціи, а указалъ бы, напримѣръ, на ту особенность хорошаго художественнаго произведенія, что внѣшность въ картинѣ не имѣетъ сама по себѣ никакой цѣны и должна всецѣло зависѣть отъ идеи, и что картина будетъ только тогда хорошо сочинена, когда совершенно выражаетъ мысль безъ комментаріевъ, а что композиція тѣмъ лучше, чѣмъ меньше ее замѣчаешь; мало того—нужно еще указать на достоинство идеи, или совершенную ея негодность. Такого рода спеціальный профессоръ будетъ для ученическихъ опытовъ то, что̀ критика для художниковъ, уже дѣйствующихъ на поприщѣ искусства. Затѣмъ уже, когда техническое образованіе будетъ пройдено, пусть каждый избираетъ по желанію самъ по себѣ сюжетъ: отъ этого не пострадаетъ ни одна сторона, и опредѣленіе болѣе даровитаго не представитъ затрудненій и будетъ болѣе безошибочно.

Отправленіе же заграницу мы признаемъ совершенно излишнимъ, особенно на теперешнихъ условіяхъ. Какъ можно давать 6-тилѣтнее обезпеченіе за одну, хотя бы даже и хорошую, вещь? Это, быть можетъ, было полезно когда-то, въ настоящее же время можно обходиться и безъ этого: при свободныхъ конкурсахъ, устраиваемыхъ Академіею, положимъ ежегодно, произносящими приговоръ надъ представленными произве-

деніями должны быть не учителя техники въ Академіи, а художники, литераторы и ученые, дѣйствительно работающіе, признанные лучшими и избираемые на годъ, на два, или не болѣе, какъ на три года (спеціально только для разсмотрѣнія вещей, представленныхъ на конкурсъ, или на какую-нибудь художественную степень), и не имѣющихъ никакого штатнаго мѣста. Художникамъ, особенно отличившимся, пусть такое выбранное жюри назначитъ преміи, и пусть вдобавокъ купятъ такія картины, составятъ изъ нихъ или отдѣленіе Эрмитажа, или музеумъ въ Академіи, или просто особую галлерею, ка̀къ собираются библіотеки—это все равно; но только пусть не потакаютъ человѣческой лѣни, потому что на дѣятельность художника надобно смотрѣть, какъ на служеніе серьезному дѣлу: стало быть, здѣсь нѣтъ мѣста поощренію непроизводительности, а еще менѣе — бездарности. При такомъ порядкѣ, въ барышахъ будутъ, прежде всего, правительство и общество, а потомъ и художники; поддержка же и поощреніе навѣрное будутъ доставлены тому, кто этого больше всего заслуживаетъ. Мы можемъ въ будущемъ встрѣтиться съ такими отрадными явленіями въ художественномъ мірѣ, о которыхъ въ настоящее время не можетъ быть еще и рѣчи, а именно: художники, поставленные въ лучшія условія для своего развитія, непремѣнно станутъ въ ближайшее сношеніе съ окружающею ихъ жизнью; значеніе явленій этой жизни будетъ имъ понятнѣе и, стало быть, въ твореніяхъ своихъ они дѣйствительно выскажутъ взгляды и идеи, для всѣхъ интересные и живые, сдѣлаются людьми нужными и полезными, и не будутъ лежать бременемъ очень тяжелымъ для благотворителей, поощряющихъ теперь ихъ занятіе, и всякая искусственная поддержка станетъ не нужна.

Всякій согласится, конечно, что будущее, только что нарисованное нами, желательно и что оно лучше порядка, существующаго теперь. Нельзя, однакожъ, не вспомнить истину словъ, сказанныхъ Прудономъ со свойственной ему рѣзкою откровенностью, относительно художниковъ, и не сочувствовать имъ,—до такой степени они отзываются истинною симпатіей не къ художникамъ дѣйствующимъ, а къ искусству. Позволимъ себѣ напомнить ихъ. Вотъ они: «Что̀ за дѣло до этого (т.е. искусства) нашей наукѣ общественнаго и экономическаго устройства, нашему правительству? Какая связь всего этого съ нашими нравами? Что̀ прибавляетъ все это къ нашему благосостоянію, къ нашему совершенствованію? Прилично ли мыслящимъ людямъ заниматься этими драгоцѣнными бездѣлушками? Есть ли, наконецъ, у насъ для этого довольно времени и денегъ?» —а въ другомъ мѣстѣ: «Отчего не предоставить артистовъ своимъ средствамъ и не перестать объ нихъ заботиться, какъ не заботятся объ акробатахъ и ка-

натныхъ плясунахъ? Можетъ быть, это было бы лучшимъ средствомъ, для узнанія какъ того, что̀ они такое, такъ и того, чего они сто̀ятъ?»

Въ этихъ словахъ до такой степени рельефно высказано ненормальное положеніе искусства среди общества, что становится страшно и больно за униженіе великой силы художественнаго творчества въ человѣкѣ, которая, въ сущности, назначена играть не послѣднюю роль въ нашемъ нравственномъ совершенствованіи. Въ самомъ дѣлѣ, заставляя ее служить прихоти и фантазіи празднаго богатства, мы ничего не получаемъ отъ искусства, кромѣ вреда и развращенія.

Если образованное и развитое общество не въ состояніи дать другія, лучшія условія для развитія искусства, то пусть лучше погибнетъ оно, чѣмъ играть роль, профанирующую достоинство человѣческаго духа въ его самомъ важномъ и возвышенномъ стремленіи къ совершенствованію и прогрессу.

1865.

V. Условіе*).

1868 г. февраля дня мы, нижеподписавшіеся, профессоръ Императорской Академіи, Петръ Васильевичъ Басинъ и классный художникъ Иванъ Николаевичъ Крамской, заключили между собою сіе домашнее условіе въ нижеслѣдующемъ: Я, Крамской, обязуюсь исполнить для проф. П. В. Басина живописную работу на стѣнахъ, къ сентябрю мѣсяцу будущаго 1869 г., въ храмѣ Христа Спасителя, въ Москвѣ, состоящую въ изображеніи: Христа Спасителя на тронѣ, и престоящихъ: Богоматери, Іоанна Крестителя, праотцевъ, патріарховъ, пророковъ и апостоловъ, всего въ числѣ 31 фигуры, къ сроку, сентябрю мѣсяцу будущаго 1869 года, въ теченіе 2-хъ лѣтъ, за 12,000 рублей серебромъ, строго придерживаясь Высочайше утвержденныхъ эскизовъ его проф. П. В. Басина, и картоновъ, одобренныхъ комиссіею; краски и другіе матеріалы должны быть отнесены на мой, Крамскаго, счетъ, а также и помощники, если я, Крамской, найду это для себя необходимымъ. Получать деньги за свою работу, мнѣ, Крамскому, слѣдующимъ образомъ: 3.000 руб. сер. получить мнѣ отъ П. В. Басина передъ выѣздомъ моимъ изъ Петербурга на мѣсто производства работъ, съ которыми деньгами мнѣ и начать живопись на стѣнѣ, на которой предварительно должны быть возстановлены перпендикуляры; по

*) Работа, предполагавшаяся по этому условію, писанному рукой Крамского, не осуществилась на дѣлѣ для Крамского. *Ред.*

окончаніи подмалевокъ и по осмотрѣ оныхъ комиссіею, получить мнѣ, Крамскому, еще 2,000 руб. сер. При дальнѣйшемъ же производствѣ работъ, по мѣрѣ окончанія изображеній и по одобреніи всего написаннаго профессоромъ П. В. Басинымъ, получить мнѣ, Крамскому, въ разные сроки, еще 3,000 рублей серебромъ, и затѣмъ, по совершенномъ окончаніи всѣхъ изображеній и по одобреніи написаннаго имъ, П. В. Басинымъ, получить мнѣ, Крамскому, 1,000 рублей. Остальные же 3,000 рублей серебромъ П. В. Басинъ долженъ уплатить мнѣ, Крамскому, когда комиссія осмотритъ работы, одобритъ ихъ и признаетъ конченными. Условіе сіе должно находиться у проф. П. В. Басина, а мнѣ, Крамскому, имѣть съ него копію, въ чемъ и подписуемся.

VI. Въ Общее Собраніе членовъ Спб. Артели художниковъ члена ея Ивана Крамскаго

Заявленіе *).

Артели извѣстно, что я нѣсколько разъ настаивалъ, чтобы Артель, въ важныхъ случаяхъ, если она себя уважаетъ, выражала свое мнѣніе опредѣленно и рѣшительно. Мое мнѣніе, еслибы это было, то многое, чтò уже случилось вреднаго для Артели, не могло бы случиться, развитіе ея было бы правильнѣе и положеніе прочнѣе. Въ настоящее время есть такой важности вопросъ, на которомъ я желаю остановить вниманіе Артели, съ цѣлью добиться прямого и яснаго отвѣта.

Въ прошлое Общее Собраніе, Х., рядомъ послѣдовательныхъ вопросовъ съ моей стороны, доведенъ былъ до необходимости сознаться, что онъ хлопочетъ въ Академіи о томъ, чтобы его послали заграницу на казенный счетъ. Я спрашиваю у Артели: чтó она думаетъ объ этомъ? Х. протестовалъ противъ разсмотрѣнія этого вопроса Общимъ Собраніемъ, полагая, что это его личное дѣло, но я попробую доказать, что онъ ошибается, и что поступокъ его серьезно затрогиваетъ нравственное значеніе Артели (если она желаетъ его имѣть). Требовать, чтобы Артель признала мою точку зрѣнія для себя обязательною, я конечно не буду и не могу, но въ отвѣтахъ, я полагаю, она мнѣ не откажетъ. Прежде всего разсмотрю самый фактъ отправленія заграницу на казенный счетъ. Признаюсь, мнѣ

*) Съ черновою, писаннаго рукой Крамского. *Ред.*

немножко странно нать о упомистаромъ, но въ виду той путаницы понятій, которая очевидно существуетъ на этотъ счетъ, я это сдѣлаю.

Почти 7 лѣтъ тому назадъ, мы отказались отъ этой поѣздки, имѣя всѣ одинаковые шансы на успѣхъ, и отказались безповоротно; когда же одинъ оказался, не желавшій отказываться, то его поступокъ показался намъ тогда дурнымъ поступкомъ. Въ какихъ бы благопріятныхъ формахъ для X. ни предстало это дѣло, то есть самъ ли онъ просилъ, или ему предложили, во всякомъ случаѣ, и прежде всего, самъ собою встаетъ въ умѣ вопросъ: въ правѣ ли я принять представляющуюся возможность? Вѣдь и мои товарищи имѣли ее когда-то, но мы всѣ тогда отказались и рѣшились принять равную долю, такъ какъ академическая система не обезпечивала успѣха достойнѣйшему изъ насъ. Словомъ, въ совѣсти есть сомнѣніе, которое могло быть разсѣяно только товарищами. Поступая по самой простой справедливости, никто изъ насъ не можетъ рѣшать этого самолично, пока мы не разошлись въ разныя стороны, пока мы формально одно цѣлое. Почему X. утаилъ объ этомъ—дѣло его совѣсти, но тѣмъ, что онъ утаилъ, и самъ рѣшаетъ, что ѣхать слѣдуетъ ему, онъ наноситъ товарищамъ оскорбленіе самое глубокое и незаслуженное, и если вы захотите быть послѣдовательными, то согласитесь, что все, что я говорю, можетъ сказать и каждый изъ насъ, такъ какъ мы всѣ до сихъ поръ сохраняемъ право на поѣздку въ полной неприкосновенности, или иначе мы всѣ одинаково должны бытъ лишены этого права. Въ противномъ случаѣ мы принесены въ жертву одному, и тогда выходъ нашъ изъ Академіи становится предметомъ сожалѣній. Оскорбленіе остается въ той же силѣ, еслибы X. и не поѣхалъ заграницу, потому что фактъ его просьбы и есть то оскорбленіе, о которомъ я такъ долго распространяюсь.

Семь лѣтъ тому назадъ мы гнушались поступкомъ Заболоцкаго *); какая же разница между этими двумя поступками, кромѣ того, что одинъ былъ раньше, другой позже? Допускаю на минуту самое счастливое стеченіе обстоятельствъ для X., то есть, что ему была поѣздка предложена, онъ самъ объ ней не думалъ, не искалъ, словомъ, искушеніе предстало ему со стороны и подкупило своею кажущеюся безобидностью: я не видалъ бы ничего геройскаго, еслибы онъ изложилъ все это передъ товарищами. Вѣдь онъ знаетъ, что ему Артель повѣрила бы, и я полагаю, съумѣла бы распутать это дѣло безъ ущерба для него. Къ сожалѣнію, X.

*) Ученикъ Академіи, одинъ изъ 14, въ послѣднюю минуту измѣнившій товарищамъ и согласившійся принять заданную тему для конкурса. Онъ уже давно умеръ. *Ред.*

скрылъ, и тѣмъ только усилилъ въ невыгодную сторон   й поступокъ. Чтобы онъ передо мной особенно скрывался, я пожаловаться не могу, потому что онъ и вамъ сказалъ недоброволько, потому что прошеніе было уже подано имъ, и слухъ объ этомъ сталъ проникать въ Артель уже съ улицы. Причина скрытности до такой степени ясна, что я могу пропустить ее, и не дѣлать предположеній, обидныхъ для X. Продолжаю доказывать, что его поступокъ имѣетъ связь съ внутреннею жизнью Артели и что, слѣдовательно, имѣю право касаться его и просить Артель выслушать мои соображенія до конца. Я не сталъ бы этого дѣлать, еслибы наши имена не были тѣсно связаны и еслибы связь эта не давала права постороннимъ людямъ третировать въ глазахъ моихъ Артель, по поводу его поступка, крайне неуважительно и обидно. А я не могу остановить ихъ даже и сказать, что это до меня не касается, потому что если это не касается, другое не касается, третье, и т. д., то я и другіе могутъ спросить: чтò же до насъ касается и чтò же остается въ Артели прочнаго, если все ничего, и никому ни до чего нѣтъ дѣла? Тогда, я полагаю, и Артели не существуетъ.

Мнѣ могутъ, пожалуй, сказать, что та Артель, къ которой я взываю и постоянно обращаюсь, давно умерла, или, еще хуже, все это есть только плодъ моего воображенія, что я создаю дѣтскія и несуществующія въ дѣйствительности обязанности, прячусь и навязываю такіе взгляды, которые всѣ осуждаютъ. Но, господа, я еще разъ обращаюсь къ нашему прошлому и на этотъ разъ, въ послѣдній. Не смотря на многія наши ошибки и внутреннія потрясенія, оставалась еще область неприкосновенная, составлявшая для насъ источникъ гордости: это пора молодого и честнаго поступка—выхода изъ Академіи. Это давало намъ право на сочувствіе и уваженіе къ нашему характеру, и когда намъ это говорили, мы принимали не возражая. Но вотъ и это послѣднее уничтожено однимъ ударомъ, тихо и незамѣтно. Значеніе наше, какъ кружка, подрывается въ самомъ чувствительномъ его мѣстѣ, въ его корнѣ, и наше лучшее преданіе не существуетъ. Никто еще не оскорблялъ такъ Артели и никто не наносилъ ей болѣе чувствительнаго удара. Неужели же и это не существовало, неужели и это создано моимъ воображеніемъ? Въ такомъ случаѣ, господа, прошу васъ, заставьте меня одуматься, убѣдите меня, и заставьте замолчать передъ вами; объявите мнѣ, что вы совершенно отказываетесь отъ своего прошлаго, что вы сожалѣете о немъ, что все прошлое не болѣе какъ ошибка, будьте искренни. Вы видите, что для меня все это не шутка.

Я вдавался въ подробный разборъ этого обстоятельства для того, чтобы ярче обрисовать ту точку зрѣнія, на которую я сейчасъ стану, и отъ вопроса личнаго перейду къ общему. Въ прошлый понедѣльникъ X. ска-

залъ при всѣхъ, что «два года тому назадъ онъ бы пожалуй и поступилъ такъ, какъ, я думаю, ему слѣдовало бы поступить теперь». И такъ, Артель уже 2 года есть нѣчто такое, съ чѣмъ и церемониться уже перестали окончательно, а она и не замѣчаетъ этого! Чувствуетъ ли Артель въ этомъ наивномъ признаніи, до какой степени положеніе ея шатко, гнило и кàкъ легко въ самомъ дѣлѣ сдѣлать съ нею все, чтò только пожелается? Если я такъ горячо вступился теперь, то потому только, что я желалъ бы, чтобы мы хотя настолько сохранили нравственнаго чутья, чтобы, когда кто-либо захочетъ приготовить Артели сюрпризъ, то по возможности сдѣлали бы его безъ непріятностей другимъ. Если Артель устранитъ отъ себя выраженіе своего мнѣнія въ данномъ случаѣ, то каждый изъ насъ ежеминутно будетъ думать: «А чортъ его знаетъ, чтò мой сочленъ и сотоварищъ думаетъ, не лучше ли мнѣ предупредить его?» И вотъ, съ принципомъ нашего невмѣшательства намъ предстоитъ перспектива въ ближайшемъ будущемъ представлять изъ себя горсть людей, отчаянно другъ друга надувающихъ, другъ съ другомъ лицемѣрящихъ и позорно толкущихся, неизвѣстно для чего, на одномъ и томъ же мѣстѣ. Не сердитесь, пожалуйста, мы не далеки отъ этого: то, чтò уже случилось, даетъ постороннимъ лицамъ право думать о насъ такъ, кàкъ я сказалъ сейчасъ. Я думаю, вы не станете мнѣ возражать, если я скажу, что невозможно сохранять спокойствіе и оставаться членомъ какого-нибудь общества въ томъ случаѣ, когда личныя убѣжденія и правила становятся въ противорѣчіе съ правилами этого общества. До тѣхъ поръ, пока не уничтожены наши старыя преданія, не пересмотрѣны основанія, на которыхъ мы держимся, я считаю себя правымъ до послѣдняго слова. Мое настоящее мнѣніе, быть можетъ, таково, что я рискую остаться съ нимъ одинъ—ну пусть Артель мнѣ это и объявитъ.

Я кончилъ, и прошу Артель въ общемъ своемъ составѣ отвѣтить мнѣ на слѣдующіе вопросы:

1-й. Одобряетъ ли Артель фактъ поѣздки X. заграницу на казенный счетъ?

2-й. Одобряетъ ли Артель поведеніе X. въ данномъ случаѣ?

3-й. Признаетъ ли Артель, въ принципѣ, необходимость высказываться коллективно по всѣмъ возникающимъ щекотливымъ случаямъ?

4-й. Имѣлъ ли я уважительныя причины касаться обсужденія поступковъ X. въ данномъ случаѣ?

И такъ какъ въ прошлый разъ X. сказалъ, что я веду себя до такой степени заносчиво, рисуюсь, играю роль и дѣйствую назойливо, что становится невозможнымъ быть членомъ Артели (обращаю ваше вниманіе на

совпаденіе показаній: Венигъ *) обо мнѣ говорилъ тò же самое), то прошу отвѣтить еще на послѣдній:

5-й вопросъ. Кàкъ смотритъ Артель на мою дѣятельность въ ней, въ качествѣ члена?

Въ заключеніе повторю, что на таковой вызовъ къ Артели я рѣшился въ виду тѣхъ противорѣчій, о которыхъ я упоминалъ уже и которыя тревожатъ меня ежеминутно. Прошу это заявленіе пріобщить къ журналу.

19-го октября 1870.

VII. Письмо къ X. *).

Въ послѣднемъ нашемъ разговорѣ вы сказали что-то о примиреніи. Полагаю, что вы, какъ и я, много думали о томъ, что̀ случилось въ послѣднее время. Я здѣсь не стану повторять, что̀ я думаю о вашей поѣздкѣ: я вамъ сказалъ уже лично и высказалъ товарищамъ. Вы истолковали мой поступокъ завистью: утѣшеніемъ мнѣ можетъ служить только то, что никто изъ товарищей не истолковывалъ въ принятомъ вами смыслѣ. Но все равно, такъ или иначе, а о нашихъ съ вами поступкахъ будутъ вѣроятно составлены понятія въ умахъ людей не заинтересованныхъ лично, а слѣдовательно и безпристрастныхъ. И ихъ мнѣніе вѣроятно когда-нибудь дойдетъ и до насъ, только тогда можно будетъ и намъ съ вами обсуждать наши теперешнія отношенія спокойно, и слѣдовательно придти къ соглашенію, и можетъ быть даже примиренію. Въ настоящее же время вы считаете себя слишкомъ мною оскорбленнымъ, чтобы вы могли забыть: по крайней мѣрѣ я сомнѣваюсь въ этомъ, а потому какъ мнѣ ни жаль, но дѣлать нечего, пусть развяжется какъ началось. Я не могу, въ силу убѣжденій, поступить иначе. Здѣсь, конечно, я говорю не о формѣ, о ней можно, пожалуй, сожалѣть, а объ общемъ смыслѣ моего протеста; я не могу уступить шагу изъ того, что́ я сказалъ. Говорятъ: зачѣмъ же мы вышли изъ Академіи, если потомъ опять прибѣгаемъ къ ней? Къ чему было огородъ городить? И такъ какъ я именно такъ понялъ свои отношенія къ Академіи и товарищамъ, то понятно, что я и дѣйствую въ этомъ духѣ. Три мѣсяца

---

*) Б. Б. Венигъ, одинъ изъ членовъ Артели (нынѣ давно умершій), имѣлъ непріятности съ Крамскимъ по дѣламъ кассы Артели, когда Кр. былъ «старостой». *Ред.*

**) Это письмо адресовано къ тому члену Артели, котораго Крамской выставлялъ на судъ товарищей, по поводу предполагаемой его поѣздки заграницу, на иждивеніе Академіи художествъ. *Ред.*

тому назадъ, какъ у меня мелькнуло подозрѣніе по поводу ласкъ, которыми осыпаетъ насъ NN., затѣмъ все больше и больше, и теперь нѣтъ уже для меня сомнѣнія въ этомъ, и если мы не остережемся, онъ насъ утопитъ окончательно въ мнѣніи общества. Можетъ быть, что онъ и не такъ думаетъ, какъ я говорю, но для насъ-то это все равно. Мы теряемъ одинаково, желаетъ ли онъ насъ утопить, или сдѣлать намъ добро.

Мы въ мнѣніи людей честныхъ все равно погибнемъ. Я больше другихъ сожалѣю объ ошибкахъ, которыя я самъ надѣлалъ лично (напримѣръ взялъ мастерскую), но это еще не даетъ права NN. сказать про меня, что я ему чѣмъ-нибудь обязанъ. Слѣдовательно, я могу еще уйти. Ваша же ошибка заключается въ томъ, что вы увидали какое-то личное съ моей стороны вамъ противодѣйствіе. Это самое крупное недоразумѣніе. Я вижу, вы отъ него не можете отдѣлаться; слѣдовательно, какъ я ни увѣряй, я для васъ человѣкъ завидующій—личный вашъ недоброжелатель и врагъ. Это-то, конечно, и даетъ вамъ силы не видать въ своемъ поступкѣ ничего достойнаго порицанія. Но вѣдь наступитъ время и для васъ убѣдиться, что я дѣйствовалъ, забывая даже, что я обвиняю васъ, а не другого. Съ кѣмъ бы такая вещь ни случилась, я точно также былъ бы возмущенъ: тутъ не я одинъ говорю, а говорятъ чувства остальныхъ товарищей, нѣсколько впрочемъ трусливыхъ для того, чтобы послѣдовательно до конца сказать то, что думается. Я считаю наши отношенія (въ силу особыхъ обстоятельствъ—выхода изъ Академіи) такими, которыя прямо ведутъ къ такого рода дѣйствіямъ, какъ мои: то-есть, если связались жизнь и карьера, то этимъ уже дается право рыться въ душѣ другого такъ, какъ не принято въ обыкновенныхъ житейскихъ сношеніяхъ. Оскорбительнаго здѣсь ничего нѣтъ. Я, напримѣръ, скажу про себя, что во всѣ семь лѣтъ чувствовалъ ежеминутно, что если я поступлю въ ущербъ товарищу, то ужъ и долженъ ждать, что мнѣ скажутъ горькое слово. Это есть особенность нашихъ отношеній. Чтобы не упрекать, мы бы должны были со своими преданіями покончить при выѣздѣ изъ дома Штейнбокъ, т. е. тогда, когда кончилось общее сердечное согласіе между нами, раскрыть двери и устроить Артель на основаніи устава. Мы предпочли лицемѣріе.

Меня нечего увѣрять, что уставъ для насъ что-нибудь значитъ, потому что не онъ насъ связалъ. Когда намъ предстала опасность быть разогнанными, такъ какъ полиція насъ безпокоила, то мы втихомолку старались объ уставѣ (черезъ Второва), и притомъ о такомъ уставѣ, который бы былъ растяжимъ и не мѣшалъ бы намъ дѣйствовать по правиламъ неписаннымъ. Этого обстоятельства никогда не нужно забывать при обсужденіи моихъ поступковъ. Я, конечно, могу явиться въ настоящее время однимъ въ своемъ мнѣніи, но вѣдь это уже не моя вина, что я способенъ дольше другихъ къ вѣрности; притомъ же я и не одинъ. Вы это узнаете когда-нибудь. Я только

самый крайній въ своихъ выводахъ. Если вы признаете хотя въ слабой степени за мной право видѣть въ вашей поѣздкѣ, такой, какая есть теперь, поводъ, съ моей стороны, къ сожалѣнію, что мы вообще когда-то повѣрили другъ другу, то этимъ значительно облегчается возможность примиренія. Но вѣдь это-то и есть самое трудное. Съ этой частью я кончилъ. Я не думаю, чтобы мы здѣсь были близки къ рѣшенію спора.

Другая же часть нашихъ недоразумѣній—менѣе опасная, хотя и болѣе острая, и, по моему мнѣнію, ближе стоящая къ соглашенію — это квартира. Тутъ не можетъ быть такого глубокаго несогласія и разницы, какъ въ 1-й, хотя одно и зависитъ отъ другого. Мнѣ, напримѣръ, было больно, когда вы рѣшили, чтобы квартира никому изъ насъ не досталась: это ненужная жестокость. Вѣдь не можете же вы думать серьезно, чтобы я дѣйствительно способенъ былъ говорить о васъ, что вы мнѣ навязали квартиру, въ томъ случаѣ, когда я прошу васъ лично мнѣ ее уступить. Если же вы дѣйствительно такъ обо мнѣ думаете, то это меня удивляетъ несказанно, потому что я, напримѣръ, несмотря на наши разногласія, ни на минуту не могу думать о васъ, чтобы вы были способны къ такимъ низкимъ продѣлкамъ. Въ противномъ случаѣ, семь лѣтъ тѣснаго знакомства не привели насъ ни къ какому знакомству между собою. И если мы дѣйствительно такъ думаемъ, какъ говоримъ, то едва ли возможно теперь какое-либо соглашеніе. Если вы найдете нужнымъ продолжать объясненія — я готовъ.

Октябрь 1870 г.

VIII. Въ Общее Собраніе членовъ Спб. Артели художниковъ члена ея Ивана Крамского

Прошеніе *).

Считая себя неудовлетвореннымъ отвѣтомъ Общаго Собранія на мое заявленіе отъ 19 октября, въ томъ смыслѣ, что постановленіе членовъ Артели не дало отвѣта на мои вопросы, и относя это къ тому, что вѣроятно я недостаточно ясно выразился, я прошу покорнѣйше Артель еще разъ выслушать меня и дать отвѣты на мои вопросы. Въ концѣ моего заявленія я указалъ причину вызова къ Артели. Прочитавъ постановленіе Общаго собранія, я остался въ томъ же положеніи недоумѣнія и тревоги.

Во 1-хъ, я не требовалъ отъ Артели подтвержденія моего заявленія,

*) Съ черноваго, писаннаго рукой Крамского. *Ред.*

а выражалъ свое мнѣніе и точку зрѣнія, на которой я нахожусь, стараясь только доказать свое право (какъ члена Артели) касаться обсужденія даннаго случая. Я совершенно понимаю, что отвѣты Артели могутъ не совпадать съ моими желаніями, но вѣдь мнѣ только нужно было знать отвѣты Артели на вопросы.

Во 2-хъ, заявленіе мое, какъ оказывается, привело въ недоумѣніе Артель, какимъ образомъ я рѣшился написать его? до того оно не логично. Чтó же это такое? Обидѣлъ ли я Артель, написавши его? Не имѣлъ ли я права дѣлать заявленія, или Артель увидала въ моемъ поступкѣ признакъ умственнаго разстройства? Все это одинаково, какъ мнѣ кажется, можетъ быть выведено изъ приведеннаго мною мѣста журнальнаго постановленія, и есть самое сильное запутывающее меня выраженіе.

3) Артель считаетъ просьбу X. о посылкѣ его заграницу и занятіе мною мастерской въ Академіи равнозначущими. Здѣсь существуетъ недоразумѣніе, и, мнѣ кажется, Артель приравниваетъ двѣ неравныя величины. Чтó такое просьба X., я уже говорилъ въ заявленіи, и доказывалъ, что онъ не имѣетъ права рѣшить, не оскорбляя другихъ, что ѣхать на казенный счетъ заграницу слѣдуетъ ему. А занятіе мастерской мною основано на правѣ, точно такомъ же, какъ и право Артели занять мастерскую въ Академіи. Печатныя правила Академіи, которыя я прочелъ, находясь безъ пристанища въ мастерской Маркова (въ то время и Артель еще не имѣла своего устроеннаго помѣщенія, а я былъ и вовсе безъ квартиры), даютъ право на мастерскую всякому художнику, имѣющему заказъ казенный или общественный, а я имѣлъ заказъ для Московскаго музея. Слѣдовательно, я пошелъ и взялъ, чтó мнѣ принадлежитъ уже, такъ сказать. Пусть X. укажетъ равное право, и я буду молчать. Я, напримѣръ, полагаю, что Артели было бы приличнѣе, еслибы она не взяла мастерской въ Академіи: то же самое и мнѣ, но Артели больше; но я не дѣлаю изъ этого вопроса, по крайней мѣрѣ теперь. Съ своей стороны я 9-го октября заявилъ конференцъ-секретарю, что мнѣ мастерская болѣе не нужна. Мы отказывались въ Академіи не отъ мастерской, и не это былъ жизненный вопросъ, а взаимная помощь, въ замѣнъ той потери, которой мы лишались, отказываясь отъ конкурса. Вѣдь я повѣрилъ X., и расположилъ свою жизнь такимъ образомъ, что вся карьера художественная и совершенствованіе въ искусствѣ стали отъ того въ зависимости. Я думаю, что разница существуетъ.

4) Артель рѣшила не дѣлать никакихъ запросовъ X., «такъ какъ онъ не отступилъ отъ устава ни въ чемъ»; но я не желалъ, чтобы X. былъ сдѣланъ запросъ, а что касается до устава, то въ моемъ заявленіи я ни разу на него и не сослался, понимая, что уставъ тутъ не причемъ. Уставъ по-

явился на свѣтъ болѣе $1^1/_2$ года спустя послѣ нашего выхода. Я только ссылался на тѣ главныя начала, которыя легли въ основаніе нашей связи и довѣрія, а эти основанія для меня и до сихъ поръ такъ же дороги, какъ и въ первую минуту выхода. А такъ какъ мы гласно отъ нихъ ни разу не отрекались еще, то я и считалъ себя въ правѣ обсуждать поступокъ X.

Наконецъ, послѣднее: скрытность X. «заслуживаетъ полнаго неуваженія», стоитъ въ постановленіи. Что-нибудь одно: или Артель въ поступкѣ X. не видитъ и тѣни какого-либо нарушенія договора, а дѣйствіе такое же законное, какъ занятіе мною и Артелью мастерской—тогда какъ же онъ можетъ заслуживать полнаго неуваженія? и при томъ онъ одинъ? если онъ, то и я заслуживаю неуваженія, а потомъ и Артель? Очевидно тутъ непослѣдовательность, и я ей-Богу не могу понять. Если же это есть отвѣтъ на мой вопросъ: «кàкъ смотритъ Артель на поведеніе X.?»—то, стало быть, просьба X. не одобряется? Дальнѣйшее выраженіе постановленія какъ будто это и говоритъ, но такъ, что понять мнѣ, ждущему отвѣтовъ ясныхъ, невозможно, тѣмъ болѣе, что это мѣсто стоитъ въ формѣ отвлеченнаго разсужденія, и никакъ не можетъ быть отнесено ни къ осужденію, ни къ оправданію. Я былъ радъ встрѣтить въ концѣ постановленія выраженіе желанія Артели сохранить уваженіе ко мнѣ, равно какъ и къ X., если мы не будемъ стараться своимъ поведеніемъ разъединять. Вотъ только это послѣднее добавленіе заставляетъ меня опасаться, чтобы мое заявленіе и настоящая просьба не были приняты за разъединяющій поступокъ. Но послушайте же, наконецъ, справедливо ли вы меня обвините, если я вынужденъ честью это сдѣлать? Я говорю вамъ, что я тàкъ понимаю, а вы мнѣ отвѣчаете: не оскорбляй насъ! Я прошу сказать васъ, кàкъ вы думаете, а вынуждаюсь къ тому внутренней тревогой и сожалѣніями, а вы, вмѣсто того, чтобы сказать мнѣ, что я ошибаюсь, что вы тàкъ, какъ я, не думаете и не думали—грозите.

Неужели же не существуетъ у насъ права выражать свое мнѣніе?

И такъ, воля ваша, но я еще разъ прошу васъ отвѣчать мнѣ на 4 вопроса, поставленные въ заявленіи. Послѣдній, пятый, я опускаю, потому что отвѣтъ на него будетъ заключаться въ отвѣтѣ на четвертый. Въ виду же словесныхъ возраженій на 5-й вопросъ, я позволю себѣ только прибавить: что я вполнѣ сознаю неумѣстность формы его, потому что я хотѣлъ сказать не то, чтò вы поняли, а только то, что мнѣ было тяжело во второй разъ въ Общемъ Собраніи услышать отъ членовъ Артели (поступки которыхъ я обсуждалъ), что тàкъ вести себя нельзя, что если я буду тàкъ себя вести, то станетъ невозможно быть членомъ Артели, а вѣдь я считалъ себя въ правѣ такъ поступать. Вотъ и въ постановленіи вашемъ дается мнѣ предостереженіе, о которомъ я говорилъ выше: согласитесь, что я, ду-

мая, что поступаю хорошо, и получая въ отвѣтъ эдакое заявленіе, могу же задаться вопросомъ: если я честный человѣкъ, нѣтъ ли и тутъ недоразумѣнія, которое мнѣ важно разъяснить? Я выразился неудачно, ну я и опускаю его совсѣмъ, тѣмъ болѣе, что онъ по смыслу примыкаетъ отчасти къ 4-му вопросу.

Имѣю также заявить, что въ Общихъ Собраніяхъ я не могу быть до тѣхъ поръ, пока не получу отъ васъ отвѣтовъ. Мнѣ очень тяжело, я и такъ долго жду. Такое состояніе парализуетъ мои занятія.

Ноябрь 1870.

IX. Въ Общее Собраніе членовъ Спб. Артели художниковъ Ивана Крамского

Заявленіе*).

Такъ какъ Общее Собраніе уклонилось отвѣчать на мои вопросы, а товарищи въ личныхъ разговорахъ выразили, большинствомъ, осужденіе моего поступка вообще, а нѣкоторые даже сами себя сочли оскорбленными въ лицѣ X., я же считаю себя совершенно правымъ, и по совѣсти та̀къ долженъ былъ поступить, въ виду такихъ обстоятельствъ—то, послѣ этого, находя свое положеніе между членами измѣнившимся до того, что, оставаясь между вами, я долженъ буду лицемѣрить, я вынужденъ нахожусь выйти изъ Артели. О чемъ и довожу до вашего свѣдѣнія и прошу меня не считать членомъ Артели съ сего числа 24. И. Крамской.

24-го ноября 1870.

X. Заявленіе Товарищества Передвижныхъ выставокъ**).

Въ № 252 газеты «Русскій Міръ», г. Тютрюмовъ съ изумительнѣйшею смѣлостью обвиняетъ художника В. В. Верещагина въ томъ, что картины изъ туркестанскаго края, имѣющія извѣстность заграницею и у насъ, пи-

*) Съ черноваго, писаннаго рукой Крамского. *Ред.*

**) Съ черноваго, писаннаго рукой Крамского. Эта форма «Заявленія» не была одобрена Товариществомъ, а напечатано въ «Голосѣ» (1874 № 275) «Заявленіе» въ нѣсколько измѣненной формѣ, предложенной Г. Г. Мясоѣдовымъ. См. выше, письмо къ В. В. Стасову отъ 5 октября 1874, № CXV. *Ред.*

саны не имъ, и тутъ же, отъ лица русскихъ художниковъ, позволяетъ себѣ отстранить Верещагина отъ ихъ семьи.

Болѣе тяжелаго и возмутительнаго обвиненія никому еще изъ русскихъ художниковъ не было сдѣлано въ печатномъ словѣ.

Вполнѣ убѣжденные, что дѣло обвиненія въ подлогѣ Верещагина не можетъ кончиться нигдѣ кромѣ суда, мы оставляемъ эту часть его статьи на его личной отвѣтственности и касаться не будемъ; все, что мы имѣемъ сказать теперь, заключается пока въ слѣдующемъ: кто далъ полномочіе г-ну Тютрюмову говорить отъ лица русскихъ художниковъ? Критическія замѣчанія его о картинахъ Верещагина настолько безграмотны, въ смыслѣ искусства, что нижеподписавшіеся не могутъ признать за ними никакого значенія и отказываются считать ихъ принадлежащими какому-нибудь серьезному и уважающему себя, не только художнику, но даже просто развитому диллетанту. Исключать же г. Верещагина изъ семьи русскихъ художниковъ г. Тютрюмовъ, или его довѣрители, если таковые есть на самомъ дѣлѣ, имѣютъ еще меньше основаній.

Что касается В. В. Верещагина, какъ художника, то мы заявляемъ, что значеніе его въ искусствѣ настолько серьезно, что не только семья русскихъ художниковъ, но и художники иностранные сочли бы за особое удовольствіе и гордость считать его въ числѣ своихъ представителей.

Октябрь 1874.

XI. Памятная записка*).

Уставъ Академіи художествъ, дарованный ей императрицею Екатериною II, съ небольшими измѣненіями дѣйствовалъ до 1841 г., когда были уничтожены казеннокоштные воспитанники. По измѣненіи устава, съ 1841 г. вступленіе въ Академію сдѣлалось открытымъ для людей всякаго званія и безъ всякаго научнаго экзамена.

Въ 1859 г. уставъ Академіи былъ измѣненъ опять, и на этотъ разъ въ немъ были расширены права и власть конференцъ-секретаря.

Въ 1864 г. было слѣдствіе надъ конференцъ-секретаремъ Академіи, который и признанъ виновнымъ въ превышеніи власти.

---

*) Эта записка предназначалась для подачи министру двора, въ 1882 году, въ виду предполагавшагося «Художественнаго съѣзда» во время Всероссійской выставки того года, въ Москвѣ. Печатается съ черновой рукописи. *Ред.*

Въ 1865 и 1866 г. по Высочайшему повелѣнію была образована комиссія для пересмотра устава Академіи художествъ, подъ предсѣдательствомъ графа Сергѣя Григорьевича Строганова. Въ числѣ ея членовъ былъ также и тогдашній вице-президентъ Академіи, князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ, авторъ устава Академіи художествъ 1859 г. Къ сожалѣнію, результаты засѣданій Высочайше утвержденной комиссіи неизвѣстны, не смотря на то, что введенныя измѣненія въ уставъ 59 г. не были оправданы жизнію, въ чемъ сама Академія, въ 1867 году, на годичномъ актѣ четвертаго ноября въ рѣчи, читанной конференцъ-секретаремъ, сознавалась торжественно, что съ уставомъ Академіи 1859 г. она приносить пользы искусству не можетъ.

(Чтобы провѣрить достовѣрность здѣсь сообщаемаго, надобно обратиться къ подлинной тетради рѣчи, читанной на актѣ, а не къ печатному отчету).

Въ 1868 году должность вице-президента упраздняется, и Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, при вступленіи своемъ въ должность товарища президента Академіи художествъ, поручилъ сочиненіе проэкта новаго устава Академіи конференцъ-секретарю, который и былъ имъ изготовленъ къ 1874 г. Въ этомъ году, по волѣ Его Высочества была назначена новая комиссія изъ художниковъ, для разсмотрѣнія сочиненнаго конференцъ-секретаремъ устава Академіи художествъ. Предсѣдателемъ комиссіи назначенъ былъ самъ авторъ проэкта, сложившій, впрочемъ, очень скоро съ себя предсѣдательство за болѣзнію, и комиссія окончила возложенное на нее порученіе при новомъ предсѣдателѣ — ректорѣ Академіи.

Результаты ея занятій не получили практическаго примѣненія. Около того же времени, Его Императорское Высочество соизволилъ на то, чтобы возникшее уже въ это время Товарищество передвижныхъ художественныхъ выставокъ занялось обсужденіемъ вопроса о сліяніи двухъ художественныхъ центровъ: офиціальнаго и частнаго, «безъ нарушенія правъ и интересовъ Товарищества». Члены Товарищества, представлявшіе письменное заключеніе Общаго Собранія Товарищества, имѣли счастіе слышать одобреніе Его Императорскаго Высочества, съ присовокупленіемъ словъ: «на будущее время мы такъ и попробуемъ»; а чрезъ нѣсколько времени правленіемъ Товарищества было получено офиціальное извѣщеніе чрезъ конференцъ-секретаря, чтобы Товарищество впредь не разсчитывало на помѣщеніе своихъ выставокъ въ Академіи.

Въ 1876—77 годахъ возникаетъ при Академіи общество, которому дается покровительство, поддержка, и даже болѣе того—монополія распоряжаться залами Академіи художествъ, по личному усмотрѣнію комитета

общества. Къ счастію, такая привиллегія, дискредитирующая государственное учрежденіе, была уничтожена въ 80смъ году, какъ возбуждавшая справедливыя жалобы со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе, вопросы о сліяніи остаются нетронутыми, а еще болѣе серьезный—вопросъ о пересмотрѣ устава Академіи художествъ, Высочайше признанный необходимымъ еще въ 1866—1867 годахъ, до сихъ поръ не поступаетъ на очередь.

Вотъ причины, по которымъ художественный съѣздъ можетъ быть признанъ необходимымъ и полезнымъ, тѣмъ болѣе, что путемъ печати объ уставѣ Академіи касаться воспрещено.

1882.

ДОПОЛНЕНІЕ.

XIX а. Письмо въ редакцію „Новаго Времени" *).

М. г. Позвольте просить васъ дать мѣсто въ вашей газетѣ нижеслѣдующимъ строкамъ:

Г. Аверкіевъ въ III-мъ № своего «Дневника Писателя» помѣстилъ статью: «Нѣчто о головѣ» нашихъ живописцевъ. Развивая въ ней свои мнѣнія о русской живописи, онъ касается, между прочимъ, нѣкоторыхъ обстоятельствъ и событій въ художественномъ мірѣ, не обладая знакомствомъ съ фактами, и говоритъ о московскихъ любителяхъ живописи, не зная ихъ. Въ предисловіи къ читателю, г. Аверкіевъ вотъ какъ объясняетъ причину появленія своей статьи (обстоятельство это только, впрочемъ, усугубляетъ отвѣтственность опытнаго писателя): «Есть вещи, о которыхъ думаешь много и долго, но для выраженія надуманнаго либо не представляется достаточнаго повода, либо не находится подходящаго журнала. Къ числу такихъ наболѣвшихъ у меня на душѣ вопросовъ принадлежитъ и вопросъ о русской живописи. Думаю, что теперь самое время высказать свои соображенія. Есть заблужденія, которыя требуется опровергать, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, особенно когда за защиту ихъ берутся люди даровитые, умѣющіе заставить читать себя. А статья по поводу Тургеневскихъ писемъ пусть ее вылежится. Она отъ того ничего не потеряетъ».

Казалось бы, статья Аверкіева, въ силу того, что онъ «много и долго» думалъ о предметѣ статьи, не должна быть плодомъ вспышки и раздраженія, а между тѣмъ она именно носитъ на себѣ всѣ признаки вспышки и

---

*) Эта статья была напечатана въ «Новомъ Времени» 1885 года, № 3254.
Ред.

раздраженія, и потому очень жаль, что авторъ и эту статью не оставилъ полежать въ портфелѣ. Она оттого, несомнѣнно, только бы выиграла. Въ настоящемъ же своемъ видѣ она представляетъ невозможную смѣсь вѣрныхъ положеній, извѣстныхъ всѣмъ изъ книгъ; разбросанныхъ и не ясно формулированныхъ собственныхъ мыслей автора, почти сплошь спорныхъ; совершенныхъ вымысловъ, навязываемыхъ кому-то и потомъ побѣдоносно разбиваемыхъ, и, наконецъ, невѣрныхъ сужденій о людяхъ, о которыхъ онъ не имѣетъ и понятія.

Личныя мнѣнія г. Аверкіева о русской живописи я оставляю безъ всякаго возраженія, потому что онъ судитъ по мѣрѣ силъ и способностей, какими надѣлила его природа. Тутъ ничего нельзя поставить въ вину человѣку. Иное дѣло факты. Знаніе ихъ обязательно для того, кто ихъ излагаетъ. Аверкіевъ же считаетъ возможнымъ замѣнять вымысломъ то, чего онъ не знаетъ. Такъ, напримѣръ, причины возникновенія Товарищества ему неизвѣстны, и онъ сочиняетъ свое. Спрашивая: откуда взялись «эти передвижники», самъ же и отвѣчаетъ:

«Нѣсколько лѣтъ назадъ, юные художники, даже ученики, повздоривъ съ академическимъ начальствомъ, оставили Академію и образовали свое общество для выставокъ. Они думали, что учинили родъ революціи, хотя просто сдѣлали скандалъ».

Ни одного слова правды. Образованію Товарищества не предшествовало ничего шумнаго. Его образовали вовсе не юные художники, а тѣмъ менѣе ученики Академіи. Г. Аверкіевъ, очевидно, что-то перепуталъ.

Въ ноябрѣ 1863 года въ Академіи художествъ произошелъ отказъ 14 человѣкъ конкуррентовъ на большую золотую медаль. Еслибы г. Аверкіеву было извѣстно, ка̀къ и что̀ именно произошло, то онъ, при желаніи быть справедливымъ, не употребилъ бы въ примѣненіи къ этому случаю слова: «повздорили» и «сдѣлали скандалъ». Выходъ изъ Академіи 14 человѣкъ ничего общаго съ образованіемъ Товарищества не имѣетъ, и рѣшительно ничѣмъ съ нимъ не связанъ. Товарищество возникло въ 1870 г. Идея его родилась внѣ кружка молодыхъ людей, и даже примкнули къ Товариществу, изъ числа 14, только пять, и то номинально. Теперь изъ нихъ въ Товариществѣ — трое.

Такимъ образомъ, г. Аверкіевъ разсказалъ возникновеніе не Товарищества, а какого-то фантастическаго общества, членовъ котораго онъ, вслѣдъ затѣмъ, аттестуетъ уже вотъ какъ:

«Учинивъ скандалъ, «передвижники» вздумали разорвать не только съ Академіей, но и съ искусствомъ вообще. Они бросились въ Италію единственно для того, кажется, чтобы имѣть право бранить, въ качествѣ очевидца, великихъ мастеровъ. И то были не единичныя исключенія (?) —

нѣтъ, таково было общее стремленіе. Мы своими глазами видѣли «передвижниковъ» (?) въ Ватиканѣ предъ «Преображеніемъ» Рафаэля, и своими ушами слышали, какъ они съ тупоумнымъ высокомѣріемъ восклицали: «Можетъ быть это и искусство, но я не видалъ летающихъ мужиковъ». Они думали поразить насъ, полагая, что невѣжество ужъ Богъ знаетъ какая невидаль».

Къ сожалѣнію, г. Аверкіевъ, сочиняя клевету на передвижниковъ, что они были охвачены общимъ стремленіемъ ругать великихъ мастеровъ, просмотрѣлъ обстоятельство ничтожное, но предательское для него. Онъ своими ушами слышалъ, какъ передвижники восклицали (множественное число), а цитата обличаетъ *я* — число единственное. Что-нибудь одно, г. Аверкіевъ, или вы утверждаете завѣдомо ложь, или же... должны быть осмотрительнѣе, и точно обозначить, сколько ихъ было, и всѣ ли восклицали, и, наконецъ, кто же это были: пенсіонеры ли Академіи, ученики, опытные художники?.. Да и когда г. Аверкіевъ былъ въ Италіи?..

Оканчиваетъ г. Аверкіевъ свои приговоры «передвижникамъ» тоже довольно самонадѣянно:

«Указанія на то, что въ русской живописи завелось что-то неладное, дѣлались и раньше насъ; мы выразились только съ бо́льшей откровенностью, и, надѣемся, съ бо́льшею доказательностью».

Надежда совершенно напрасная.

Еслибы дѣло только этимъ и ограничивалось, то художникъ, вѣроятно, смолчалъ бы: одинъ разъ больше или меньше его обработаютъ—не все ли равно? Но человѣкъ смолчать не можетъ, когда г. Аверкіевъ расточаетъ грубыя ругательства лицамъ, которыхъ онъ не знаетъ, а считаетъ достаточнымъ основаніемъ для отзыва сплетню, распускаемую, какъ онъ говоритъ: «наиболѣе скромными и талантливыми художниками».

Я рѣшительно не понимаю, какъ могъ «много и долго» думавшій литераторъ написать нижеслѣдующія строки (стр. 92): «Наконецъ, наиболѣе скромные и талантливые художники, непритворно любящіе свое искусство, утверждаютъ, что вся гибель въ непомѣрной жаждѣ извѣстности и денегъ».

«Чтобы сбыть картину, разсказывали они намъ, надо, чтобы она какъ можно болѣе нашумѣла. А чѣмъ нашумѣть? Либо сюжетомъ позабористѣе, который понравился бы самымъ глупымъ газетамъ, либо кухней того гоголевскаго повара, который въ перцѣ видѣлъ всю суть. Наши московскіе меценаты ни уха, ни рыла не понимаютъ въ искусствѣ; они покупаютъ картины изъ тщеславія, чтобы о нихъ писали въ газетахъ. На картину, которая не нашумитъ, они и глазомъ не взглянутъ». «Мы весьма вѣримъ, что наши меценаты именно таковы, какими ихъ описываютъ художники».

Послѣдними словами г. Аверкіевъ, такимъ образомъ, расписался въ томъ, что онъ беретъ всю отвѣтственность чужихъ словъ на себя. Удивительно, до чего въ настоящее время легкомысленно и мало-осторожно бросаютъ клеветой и бранью направо и налѣво. Г. Аверкіевъ долженъ бы, кажется, понимать, какую обиду онъ наноситъ людямъ, ему неизвѣстнымъ. Вынужденное молчаніе и невозможность отвѣта со стороны оскорбляемыхъ не должно, да и не можетъ, дать ему надежду считать себя правымъ. Г. Аверкіевъ долженъ понять, что послѣ его выходки, съ нимъ если еще и могутъ говорить, то именно третьи лица, и притомъ такія, которыя бы знали что-нибудь достовѣрно. Въ вашей газетѣ уже и было возраженіе г. Аверкіеву одного возмущеннаго третьяго лица, совершенно посторонняго, но такъ какъ лицу этому дѣло тоже не близко знакомо, судя по возраженію, то я считаю своимъ личнымъ долгомъ печатно сказать нѣсколько словъ. Пойметъ-ли г. Аверкіевъ правильно мотивы, которые мною въ этомъ руководятъ, или онъ будетъ объяснять ихъ по-своему—все равно: оскорбленіе вчужѣ такъ глубоко чувствуется, что молчаніе знающихъ третьихъ лицъ будетъ сообщничествомъ съ оскорбителемъ. Въ вашей газетѣ былъ названъ П. М. Третьяковъ, московскій собиратель картинъ. Разъ онъ уже былъ названъ, я буду говорить о немъ же.

Сообщать я буду только факты, извѣстные всѣмъ художникамъ, кому приходилось имѣть съ нимъ достаточное знакомство. Третьяковъ собираетъ картины русскихъ художниковъ чуть ли уже не 30 лѣтъ. Я знаю его давно, и давно убѣдился, что на Третьякова никто не имѣетъ вліянія, какъ въ выборѣ картинъ, такъ и въ его личныхъ мнѣніяхъ. То же самое говорилъ мнѣ и Перовъ, знавшій его гораздо больше и ближе моего. Если и были художники, полагавшіе, что на него можно было влiять, они должны были потомъ отказаться отъ своего заблужденія. Третьяковъ никогда не посѣщаетъ мастерскія художниковъ въ сопровожденіи лицъ, которыхъ можно было бы принять за суфлеровъ: онъ всегда одинъ. Манера его держаться въ мастерской и на выставкахъ — величайшая скромность и молчаливость. Никто никогда не можетъ сказать впередъ, какая картина имѣетъ вѣроятіе быть имъ купленной. Картину онъ никогда не покупаетъ по началу, а тѣмъ болѣе по эскизу. Только когда картина кончена совсѣмъ, она можетъ стать предметомъ переговоровъ.

У каждаго художника, что-нибудь работающаго, Третьяковъ бываетъ нѣсколько разъ въ году, и всегда знаетъ, что̀ у кого двигается, и ка̀къ. Когда еще никто не зналъ о томъ, что В. В. Верещагинъ готовитъ коллекцію картинъ изъ времени покоренія Ташкента, за $1^1/_2$ года до выставки 1874 г., Третьяковъ былъ у него въ мастерской въ Мюнхенѣ и тогда же указалъ, какія картины онъ желалъ бы пріобрѣсти. Картины

Третьяковъ пріобрѣталъ прежде въ мастерской, когда еще никакого шума и отзыва не существовало; но лѣтъ семь тому назадъ онъ измѣнилъ свой обычай, и теперь пріобрѣтаетъ на выставкахъ, а въ мастерской только у очень хорошо извѣстныхъ ему художниковъ. Измѣнилъ онъ свой обычай потому, что однажды не знавшій его хорошо пейзажистъ, полагавшій, что у Третьякова есть суфлеры, позволилъ себѣ сдѣлать ему такое замѣчаніе, что не хорошо покупать въ мастерской, что художникъ при этомъ рискуетъ ошибиться, и что слѣдуетъ покупать на выставкѣ. Съ тѣхъ поръ Третьяковъ всегда и на всѣ выставки долженъ являться первымъ, чтобы имѣть возможность не упустить намѣченнаго. Во время аукціона верещагинскихъ картинъ изъ Индіи, Третьякова укоряли, что онъ надбавлялъ свои цѣны, не глядя даже на картину. Между тѣмъ, у него по каталогу раньше было отмѣчено 54 номера, которые онъ «долженъ былъ пріобрѣсти» (кàкъ онъ выражался), и упустилъ изъ нихъ только 3 или 4, да и тѣ въ настоящее время уже въ его галлереѣ.

И такъ, послѣ фактовъ, которые обязательно должны быть поправлены, остается мнѣніе Аверкіева, что любители все-таки ничего не понимаютъ, а въ одномъ мѣстѣ статьи онъ говоритъ, что желалъ бы встрѣтить нѣмца, вѣрующаго въ существованіе русской школы живописи, для того, чтобы его просвѣтить. Онъ можетъ найти многихъ нѣмцевъ, писавшихъ о картинахъ Верещагина и о русской живописи на всемірной выставкѣ 1878 года. Я могъ-бы ему назвать французовъ и англичанъ, которые отзываются о русской живописи съ уваженіемъ (наприм. Вогюэ въ «Revue des deux Mondes» 1882 г.), но такъ какъ г. Аверкіевъ непремѣнно хочетъ нѣмцевъ, то я укажу ему на Берлинское Археологическое Общество въ Римѣ, издающее «Альбомъ рисунковъ Иванова». Въ предисловіи къ этому изданію говорится объ особенностяхъ русскаго генія въ живописи.

Примите и проч. И. Крамской.

1885.

АЛФАВИТЪ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

В.

Г.

Р.

